148
593

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РОССІЯ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ИЗДАНІЕ

П. Н. ПОЛЕВОГО.

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ

волено Цензурою, С. Петербургъ,
16го Мая 1885 г.

С-ПЕТЕРБУРГЪ.

Хромолит. Штадлеръ и Патт
С.П.Б. Невскій пр. № 8

4° Art. 937 b (1

148
593.
БИБЛIОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВН. АКАДЕМIИ

5/22041
1183

Polevoj

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РОССІЯ

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ.

Fg^T/76/6588

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ

РОССІЯ

ОБЩЕДОСТУПНОЕ

ОПИСАНІЕ НАШЕГО ОТЕЧЕСТВА

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ИЗДАНІЕ

П. Н. ПОЛЕВОГО

148/593

1

БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

N 19773.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
MDCCCLXXXIV

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13-го іюля 1884 г.

Bayerische
Staatsbibliothek
MÜNCHEN

Типографія С. Добродѣева, Троицкій пер., д. № 32.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

МНОГО лѣтъ тому назадъ зародилась въ душѣ моей мысль о художественномъ описаніи Россіи. Представленіе о подобномъ трудѣ долгое время оставалось туманнымъ, расплывчатымъ — не складывалось въ опредѣленный и ясный образъ... Но частые переѣзды по Россіи и продолжительное пребываніе въ различныхъ углахъ ея, близкое знакомство съ русскою жизнью въ большихъ русскихъ городахъ и въ глухихъ захолустьяхъ, возможность наблюдать нашу народную жизнь то на Югѣ, то на Сѣверѣ — все это поддерживало во мнѣ давнюю, дорогую мечту... Я внимательно присматривался къ домашнему быту русскаго человѣка, къ его торгу и промыслу, прислушивался къ его пѣснѣ и сказкѣ, знакомился съ стародавнимъ обычаемъ и повѣрьемъ, и жадно ловилъ то „крылатое слово", въ которомъ болѣе всего сказывается живой, на все способный русскій человѣкъ... Мало-по-малу, мои личныя наблюденія, впечатлѣнія дорожныхъ встрѣчъ, записанные мною разсказы очевидцевъ и старожиловъ, изученіе на мѣстѣ русскихъ святынь и древностей — доставили мнѣ такой живой, такой обширный и богатый матерьялъ, который могъ уже составить прочную основу моего будущаго труда. Рядомъ съ этимъ запасомъ литературнымъ накоплялся драгоцѣнный матерьялъ художественный. Благодаря тѣмъ быстрымъ успѣхамъ, которыя были въ послѣдніе годы сдѣланы фотографіей, явилась возможность получить такіе снимки одеждъ, типовъ, древностей, мѣстностей, о которыхъ нельзя было и помыслить лѣтъ десять назадъ. Не только въ большихъ центрахъ, но даже въ уѣздныхъ городахъ, за фотографію взялись люди знающіе и талантливые, взялись толково, дѣльно, съ художественнымъ тактомъ и умѣньемъ. Благодаря ихъ трудамъ (большею частью совершенно безкорыстнымъ) изученіе русской старины и русскаго быта быстро двинулось впередъ; на свѣтъ Божій явились такія диковинки, которымъ, безъ фотографіи, вѣроятно, было-бы суждено погибнуть во мракѣ невѣжества и забвенія. Лѣтъ восемъ тому назадъ, я сталъ собирать фотографіи по Россіи и въ самое короткое время моя коллекція разрослась до огромныхъ размѣровъ *); послѣднія годы были особенно богаты цѣнными пополненіями, которыя, наконецъ увѣнчались пріобрѣтеніемъ единственнаго въ своемъ родѣ собранія фотографій покойнаго Шевякова **).

*) Годъ тому назадъ число фотографій въ моихъ портфеляхъ простиралось до 2000 снимковъ.

**) Шевяковъ, молодой и талантливый фотографъ-художникъ, большую часть своей жизни посвятилъ фотографированію видовъ, типовъ и бытовыхъ подробностей Поволжья.

И вотъ, наконецъ, подъ общимъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій, объемъ и планъ и цѣль того будущаго труда, для котораго я работалъ много лѣтъ сряду,—стали мнѣ уясняться болѣе и болѣе; туманное представленіе мало-по-малу обратилось въ опредѣленный образъ.

Я рѣшился издать въ свѣтъ такое описаніе Россіи по отдѣльнымъ городамъ и областямъ, которое, по возможности, охватывало-бы всѣ стороны русской жизни, не подчиняя ее никакой искусственной системѣ, не стѣсняя никакими рамками административныхъ дѣленій. Задуманное мною описаніе не должно походить ни на ученый трактатъ, ни на учебное руководство:—оно должно быть общедоступнымъ во всѣхъ смыслахъ, должно быть живымъ и занимательнымъ для каждаго, а главное: должно говорить сердцу каждаго русскаго человѣка, ибо въ этомъ новомъ трудѣ я рѣшился вступить въ борьбу съ тѣмъ удивительнымъ равнодушіемъ ко всему своему, родному, русскому, которое можно встрѣтить только въ русскомъ человѣкѣ... Равнодушіе, приводящее къ унынію, къ небреженію, къ обезличенію—къ неумѣнію цѣнить даже и такими сторонами русской жизни, русскаго народа и русской земли, которыя были-бы способны наполнить благородною гордостью сердце любаго иноземца! Равнодушіе, въ значительной степени развиваемое въ насъ и школой, которая не пробуждаетъ, а притупляетъ любовь ко всему родному, внося въ запасъ нашей памяти массу ненужнаго, непригоднаго для русской жизни матерьяла, не знакомя насъ основательно ни съ русской исторіей, ни съ русской природой, ни даже съ красотами и совершенствами русскаго языка! Равнодушіе преступное, приводящее насъ къ тому, что мы начинаемъ цѣнить только все иностранное и убаюкиваемъ себя убѣжденіемъ, будто въ Россіи нѣтъ ничего замѣчательнаго, ничего заслуживающаго вниманія...

Глубоко вѣруя въ будущность нашего дорогого отечества, я хотѣлъ-бы возбудить въ читателяхъ „ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РОССІИ“ только одно:—горячее желаніе з н а т ь Россію. Каждою странницею моей книги мнѣ хотѣлось-бы сказать имъ:—изучайте страну и народъ, вникайте съ участіемъ и любовію въ его прошлое и настоящее, если хотите плодотворно трудиться для будущаго... И я твердо увѣренъ, что только такое изученіе Россіи можетъ исцѣлить насъ отъ болѣзненнаго пристрастія къ утопіямъ и кабинетнымъ теоріямъ, отъ вѣчнаго стремленія къ недостижимымъ идеаламъ и къ борьбѣ съ призраками...

Въ заключеніе предисловія считаю долгомъ принести мою искреннюю признательность тому русскому человѣку, который далъ мнѣ возможность издать въ свѣтъ первый томъ „ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РОССІИ“. Употреблю всѣ усилія мои на то, чтобы мой трудъ и по внѣшности, и по внутреннему содержанію оправдалъ его довѣріе и надежды.

П Полевой.

С.-Петербургъ,
18-го іюля, 1884 года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

НОВГОРОДЪ И ЕГО ПРИГОРОДЫ.

I.

Ильмень и Волховъ, въ связи съ Невою и Ладожскимъ озеромъ, какъ древнѣйшіе торговые пути внутрь Русской земли.—Важнѣйшія пристани на Волховѣ.—Старая и Новая Ладога. Современное значеніе ихъ по отношенію къ воднымъ путямъ.—Судоходство по Волхову и занятія прибрежныхъ жителей.—Державинская «Званка» и Аракчеевское «Грузино».

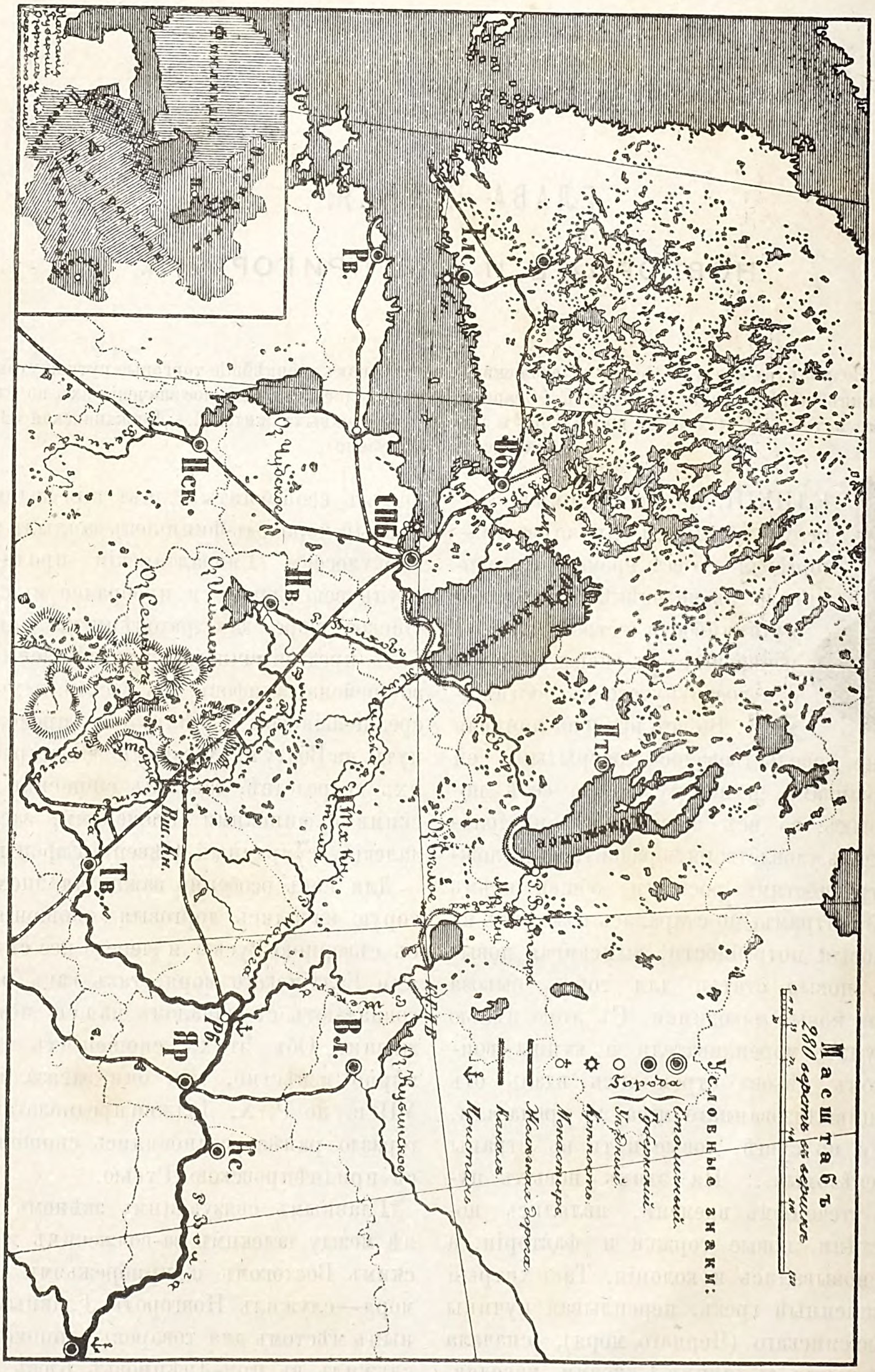
Великій, могущественный двигатель всемірной цивилизаціи—торговля во всѣ времена поддерживала въ человѣкѣ духъ предпріимчивости и стремленія отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ достигнутаго къ достижимому. Во всѣ времена торговля не довольствовалось открытыми ей рынками, и потому искала себѣ новыхъ; во всѣ времена она не только стремилась удовлетворять развитымъ и сложнымъ потребностямъ роскоши, общей всѣмъ большимъ центрамъ, но старалась возбудить въ людяхъ новыя потребности, выискивая новые предметы, новыя статьи для торга, вывозя изъ-за-моря новыя диковинки. Съ этою цѣлью смѣлые купцы-мореплаватели и купцы-воины испоконъ вѣковъ стремились вдаль отъ границъ цивилизованнаго міра и пролагали, по морю и по сушѣ, новые пути въ страны дикія, невѣдомыя... На этихъ новыхъ путяхъ, съ теченіемъ времени, являлись новыя пристани, новые торжки и факторіи, а затѣмъ основывались и колоніи. Такъ хитрый и промышленный грекъ, переплывая пучины Понта Евксинскаго (Чернаго моря), сначала завелъ сношенія съ дикими Скиѳами, населявшими Крымскій полуостровъ и сѣверныя прибрежья Понта, ознакомился съ бытомъ и нравами ихъ, а потомъ близъ устьевъ Днѣпра и по берегамъ Азовскаго моря раскинулъ свои богатыя, цвѣтущія колоніи. Такъ смѣлый мореходъ-финикіецъ заплылъ за столпы Геркулесовы (Гибралтарскій проливъ), обогнулъ всю Европу и пробрался въ самое Балтійское море за драгоцѣннымъ янтаремъ... Такъ предпріимчивый и просвѣщенный арабъ, во времена калифовъ, изъ роскошныхъ центровъ средне-азійской цивилизаціи проложилъ себѣ путь на Волгу къ Хазарамъ и Болгарамъ, и, при ихъ посредствѣ, завязалъ сношенія съ славянскими и финскими племенами, заселявшими далекій, сумрачный Сѣверъ Европы...

Для насъ особенно важна та эпоха, въ которую начались торговыя сношенія арабовъ съ сѣверною Русью и черезъ нее съ прибрежьями Балтійскаго моря, такъ какъ они почти совпадаютъ съ началомъ нашей исторической жизни. Объ этихъ сношеніяхъ намъ достовѣрно извѣстно, что они завязались уже въ VII в. по Р. X. Должно предполагать, что еще гораздо ранѣе установились сношенія грековъ съ приднѣпровскою Русью.

Главнымъ связующимъ звѣномъ въ торговлѣ между далекимъ за-волжскимъ и за-каспійскимъ Востокомъ и прибрежьями Балтійскаго моря—служилъ Новгородъ. Главнымъ складочнымъ мѣстомъ для товаровъ черноморскаго Юга служилъ въ при-Днѣпровьѣ Кіевъ.

Кіевъ и Новгородъ издревле сносились между собою по тому прямому, водному пути, который назывался „путемъ изъ Варягъ въ Греки“ и пролегалъ черезъ эти города съ черномор-

скаго Юга на балтійскій Сѣверъ и Сѣверо-Западъ; Кіевъ и Новгородъ — одинаково служили ключами къ этому пути и его торговому значенію обязаны были своимъ возвышеніемъ, могуществомъ и богатствомъ.

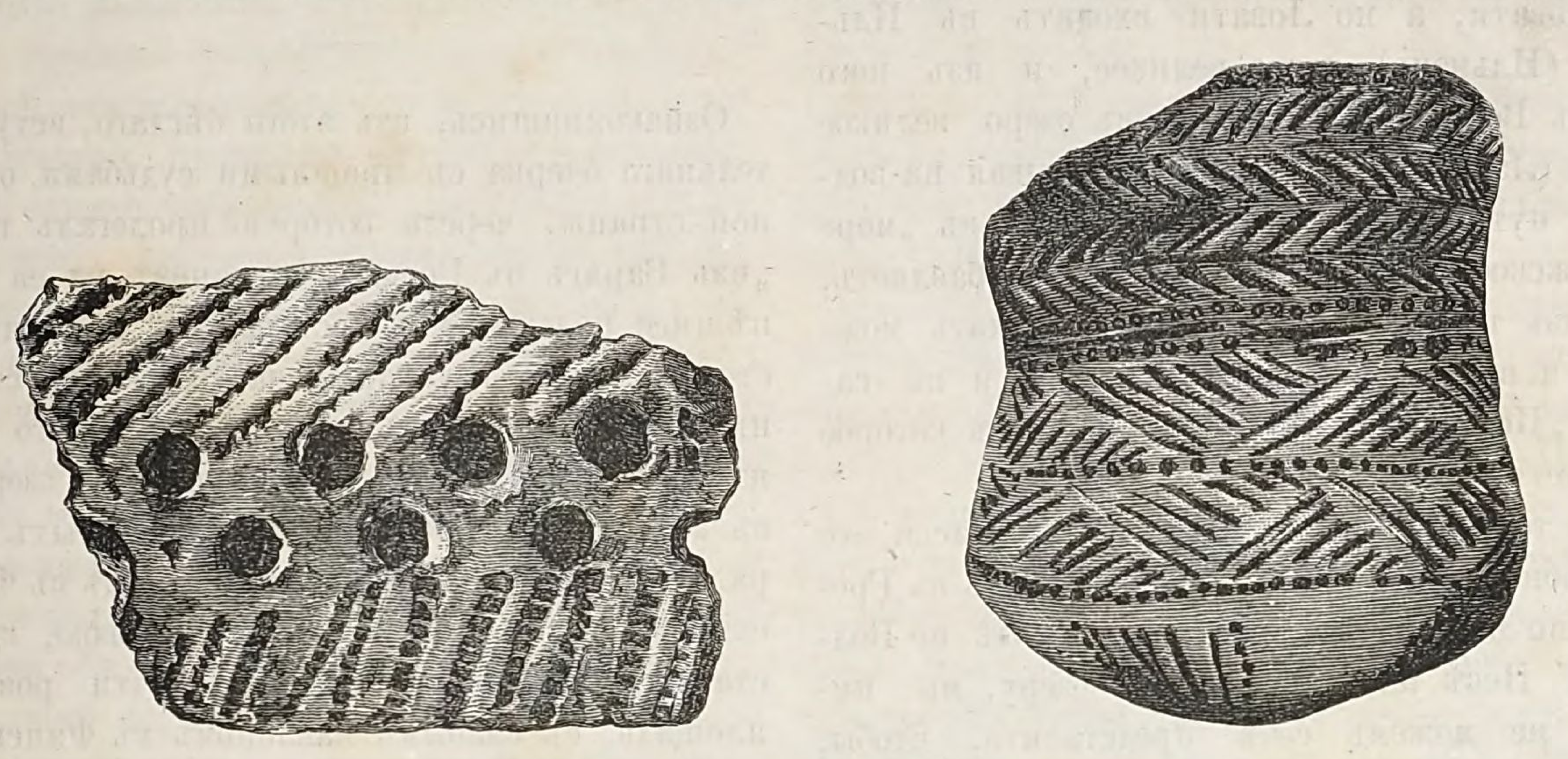

Чертежъ Озерной страны, иначе называемой Страною Великихъ Озеръ.

Объясненіе сокращеній: Спб.—С.-Петербургъ; Глс.—Гельсингфорсъ; Вб.—Выборгъ; Рв.—Ревель; Пт.—Петрозаводскъ; Пск.—Псковъ; Нв.—Новгородъ; Тв.—Тверь; Вл.—Владиміръ; Рб.—Рыбинскъ; Яр.—Ярославль; Кс.—Кострома.

Этотъ торговый путь подробно описывается уже нашимъ первоначальнымъ лѣтописцемъ, который говоритъ о немъ, какъ мы теперь говорили-бы о Маріинской водной системѣ или о желѣзнодорожномъ пути изъ Москвы

Остатки каменнаго вѣка, находимые въ Озерной странѣ.

Черепки глиняной посуды съ первоначальными попытками простѣйшихъ украшеній и узоровъ.

Каменные топоры, рубила и долота.

Каменныя бусы и грузила для сѣтей.

Каменные наконечники стрѣлъ и копій.

до Одессы. „Путь изъ грекъ (въ Варяги)“— говоритъ преподобный Несторъ (идетъ) по Днѣпру, и въ верховьяхъ Днѣпра вȏлокомъ *) до Ловати, а по Ловати входитъ въ Ильмерь (Ильмень), озеро великое, и изъ него течетъ Волховъ и впадаетъ въ озеро великое Нево (Ладожское)“. Затѣмъ, указывая на водный путь изъ Ладожскаго озера въ „море Варяжское“ (Балтійское), Несторъ прибавляетъ, что изъ того моря ужь всюду проѣхать можно — и въ Римъ, и въ Царьградъ, и въ самый „Понтъ-море (т. е. Черное), въ которое впадаетъ Днѣпръ рѣка“.

Не только читая у древняго лѣтописца это подробное описаніе „пути изъ Варягъ въ Греки“, но даже и проѣзжая на пароходѣ по Волхову, Невѣ или Ладожскому озеру, мы никакъ не можемъ себѣ представить, чтобы, 12 — 13 вѣковъ тому назадъ, этотъ водный путь могъ имѣть для всемірной торговли и цивилизаціи такое-же громадное значеніе, какое теперь имѣетъ Суэзскій каналъ. Этотъ водный путь былъ не только единственнымъ путемъ съ Сѣверо-Запада Европы внутрь древней Руси, но единственнымъ и для торговаго обмѣна прибрежій Балтійскаго моря съ азіятскимъ Востокомъ и византійскимъ Югомъ. Поэтому неудивительно, что за обладаніе такимъ важнымъ торговымъ путемъ воевали и боролись осѣвшія на немъ племена и что, благодаря важному значенію этого пути, населилось русскимъ племенемъ то скудное по природѣ и негостепріимное по климату пространство сѣверной Руси, обыкновенно называемое страною Великихъ Озеръ, которое искони было кореннымъ сельбищемъ однихъ финскихъ племенъ. И эта страна, по географическому своему положенію, оказалась не только чрезвычайно важною, но и почти необходимою для нормальнаго историческаго роста Россіи. Начиная отъ первыхъ вѣковъ своей исторической жизни, Русь постоянно стремилась къ преобладанію въ этой полосѣ земель, примыкающей къ Финскому заливу, и, послѣ долгой, упорной борьбы, нашла себя даже вынужденною основать здѣсь свою столицу, на дальней окраинѣ русскаго царства, среди племенъ чуждыхъ, почти враждебныхъ, на самомъ рубежѣ своего исконнаго врага — Швеціи.

*) Вȏлоками назывались тѣ водораздѣлы между верховьями двухъ рѣкъ, черезъ которыя лодки приходилось перетаскивать (волочить) на каткахъ.

Ознакомившись, изъ этого бѣглаго, вступительнаго очерка съ прошлыми судьбами озерной страны, черезъ которую пролегалъ путь „изъ Варягъ въ Греки“, взглянемъ на ея нынѣшнее положеніе и постараемся, съ разныхъ сторонъ, ближе изучить тѣ части озерной страны, которыя входятъ въ составъ нашего нынѣшняго очерка. „Область великихъ озеръ“, въ которой расположены три громадныхъ озера, изливающія избытокъ своихъ водъ въ Финскій заливъ рѣками Наровою и Невою, представляетъ собою громадную, почти ровную площадь, съ слабымъ наклономъ къ Финскому заливу. На сѣверѣ эта площадь ограничивается невысокими скалистыми кряжами финляндскихъ горъ; на югѣ и на востокѣ она также ограждена весьма незначительными возвышенностями, а на всемъ своемъ пространствѣ покрыта множествомъ мелкихъ озеръ, изрѣзана сѣтью большихъ и малыхъ рѣкъ и рѣчекъ. Значительная часть этой озерной страны и до настоящаго времени занята обширными лѣсами и болотами. Обиліе влаги въ озерной полосѣ настолько велико, что мы видимъ въ ней топи не только на низменностяхъ, но и на тѣхъ возвышенностяхъ, которыя составляютъ водораздѣлы рѣчныхъ бассейновъ. И вся эта масса воды стекаетъ въ тѣ громадныя озера, которыя на поверхности озерной страны занимаютъ площадь болѣе чѣмъ въ 40.000 квадратныхъ верстъ! Одно Ладожское озеро, взятое отдѣльно отъ трехъ другихъ—Чудскаго, Онежскаго и Ильменя — представляетъ собою водную поверхность, которая почти въ 20 разъ превышаетъ поверхность Женевскаго озера! Это цѣлое море прѣсной воды, грозное своими бурями и туманами, непривѣтное и опасное для плаванія.

Обширное и бурное, какъ море, Ладожское озеро и по глубинѣ своей скорѣе походитъ на море, нежели на озеро: въ среднихъ его частяхъ глубина въ 30—40 саженъ довольно обыкновенна, а въ сѣверной части, преимущественно около острововъ Валаамскихъ, глубина озера достигаетъ почти 100 саженъ!

И это сходство въ общемъ характерѣ Ладожскаго озера съ моремъ—не случайное явленіе. Подробныя наблюденія и изслѣдованія природы Ладожскаго, Чудскаго и Онежскаго озеръ привели ученыхъ къ тому заключенію, что всѣ эти озера были когда-то, во времена, недоступныя никакимъ точнымъ исчисленіямъ, однимъ обширнымъ заливомъ Сѣвернаго моря. Въ послѣдующія эпохи, путемъ невѣдомыхъ для насъ переворотовъ, этотъ заливъ былъ отдѣленъ отъ моря, и мало-по-малу, въ теченіе тысячелѣтій, обратился въ нѣсколько отдѣльныхъ водоемовъ прѣсной воды. Однакоже, въ водахъ Чудскаго, Ладожскаго и Онежскаго озера, и до сихъ поръ еще сохранились такія породы крупныхъ и мелкихъ животныхъ, которыя обычно свойственны только большимъ, открытымъ морямъ *).

Ладожское озеро, громадною площадью своихъ водъ оказываетъ весьма значительное вліяніе на климатъ всей озерной полосы, которому придаетъ еще болѣе суровости, еще болѣе непостоянства въ его быстрыхъ переходахъ отъ тепла къ холоду.

Чрезвычайно - чистыя воды Ладожскаго озера, прозрачныя даже на глубинѣ 4 — 5 саженъ, замѣчательно холодны. Въ концѣ мая, когда ледъ только что сойдетъ, вода на поверхности озера бываетъ всего на два градуса выше точки замерзанія, и даже въ самое жаркое лѣтнее время рѣдко достигаетъ температуры 12 градусовъ. Хотя озеро покрывается льдомъ не ранѣе конца Ноября или начала Декабря, однако-же ледъ держится на немъ не менѣе четырехъ мѣсяцевъ и лишь весьма незначительная часть его уносится единственнымъ истокомъ — Невою, изъ озера въ Финскій заливъ. Весь остальной ледъ таетъ на озерѣ или на тѣхъ побережьяхъ его, куда буйные вѣтры разметываютъ ледяныя глыбы. Въ иные, менѣе благопріятные годы, это таянье происходитъ чрезвычайно медленно, тѣмъ болѣе, что въ сѣверныхъ, наиболѣе глубокихъ частяхъ озера, вѣтрами наноситъ къ островамъ громадныя массы льдовъ, которыя громоздятся одна на другую и, около скалистыхъ береговъ, образуютъ ледяныя груды самой причудливой формы, саженъ въ десять и болѣе вышиною.

Въ этотъ-то громадный водоемъ и вливается съ Юга мутный Волховъ, несущій въ прозрачное лоно Ладожскаго озера грязныя, илистыя воды Ильменя.

Ильмень, занимающій своею водною поверхностью площадь, равную почти 1000 квадр. верстъ, по общему характеру своему совершенно отличается отъ Ладожскаго озера. Представьте себѣ обширную, но весьма не глубокую и по формѣ почти треугольную впадину, съ совершенно - ровнымъ дномъ и невысокими, тоже плоскими берегами, наполняемую водами множества притоковъ—и вы получите вѣрное понятіе объ озерѣ Ильменѣ. Кромѣ трехъ весьма значительныхъ рѣкъ—Шелони, впадающей съ юго-запада, Ловати, впадающей съ юга, и Мсты, впадающей съ сѣверо-востока, — въ Ильмень изливаются еще не менѣе восемнадцати рѣкъ и рѣчекъ, которыя наносятъ на каменистое дно озера толстый слой ила. Вслѣдствіе этого, Ильмень, вообще очень неглубокій (наибольшая глубина отъ 3-хъ до 4-хъ саженъ), бы аетъ болѣе обиленъ водами только весною, во время таянія снѣговъ, а лѣтомъ мелѣетъ, обнаруживая въ устьяхъ своихъ притоковъ такіе наносы, которые дѣлаютъ эти притоки недоступными для судоходства. Наносы эти настолько значительны, что всѣ важнѣйшіе притоки Ильменя, такіе напр., какъ Ловать или Шелонь, ежегодно измѣняютъ въ устьяхъ направленіе своего русла и, во время разливовъ пролагаютъ себѣ новые пути къ озеру.

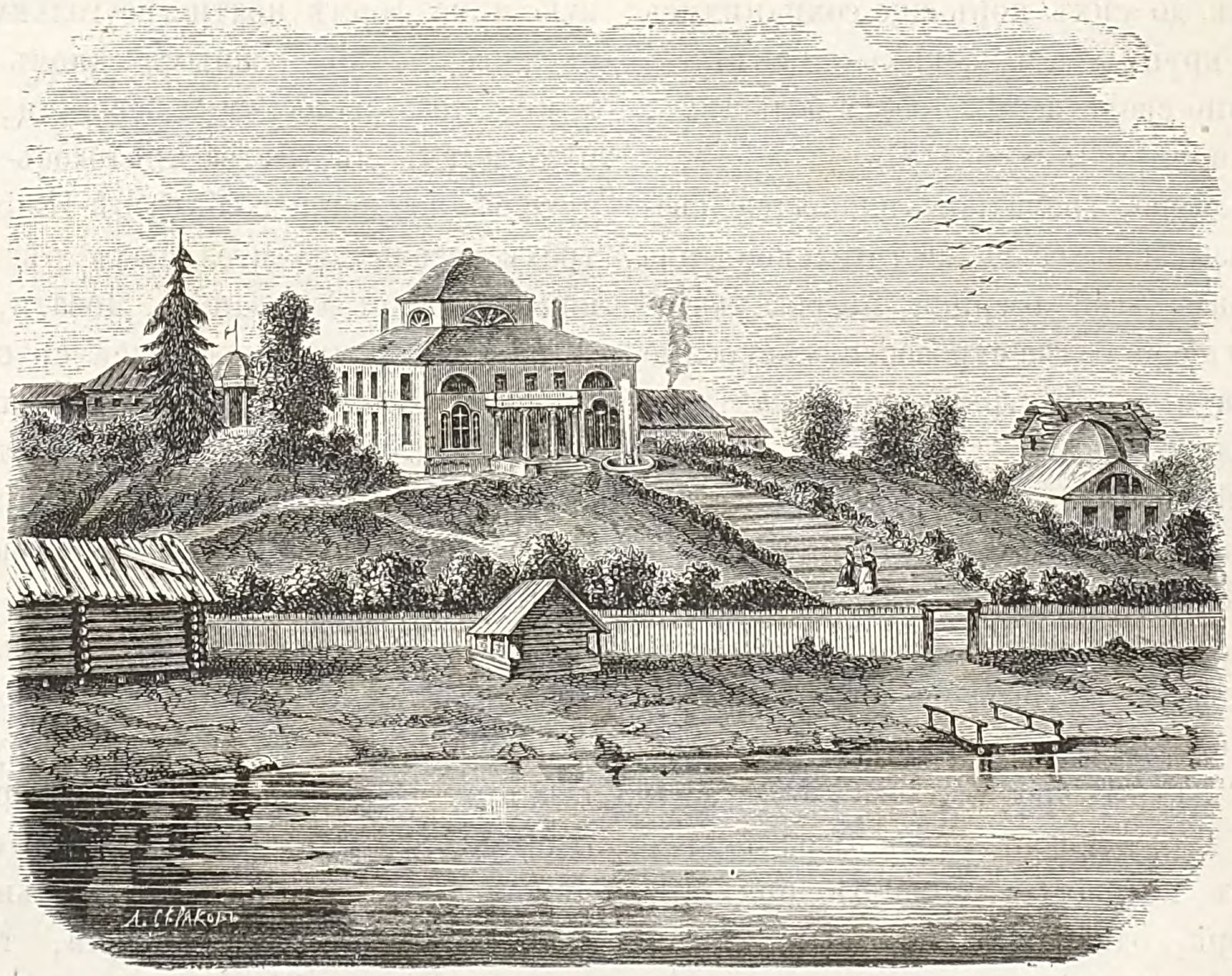
Единственнымъ истокомъ Ильменю служитъ Волховъ, который на всемъ протяженіи своемъ течетъ среди береговъ низменныхъ, покрытыхъ обширными лугами. Только въ порогахъ, на пространствѣ между Гостинопольскою пристанью и Старой Ладогой, — берега Волхова возвышаются и представляютъ собою крутые обрывы, въ 10—15 саженъ вышины. Такъ какъ Ильмень лежитъ всего на семь саженъ выше уровня Ладожскаго озера, то истокъ его, Волховъ, протекая между этими двумя озерами на пространствѣ слишкомъ

*) Изъ числа крупныхъ морскихъ животныхъ укажемъ на тюленя, который зимою очень часто показывается на пловучихъ льдахъ Ладожскаго озера; изъ мелкихъ животныхъ упомянемъ о молюскѣ «Compylodiscus radiosus», который до сихъ поръ былъ наблюдаемъ только въ Ладожскомъ озерѣ и въ Мексиканскомъ заливѣ.

200 верстъ, течетъ до самыхъ пороговъ по мѣстности замѣчательно-ровной и отличается необыкновенною медленностью теченія *); а во время весенняго половодья, рѣка, на всемъ своемъ протяженіи, очень быстро пополняется, понимаетъ берега на далекое пространство въ обѣ стороны и долго остается въ разливѣ, неубывая, среди широкаго простора заливныхъ луговъ, обильно утучняемыхъ ильменскимъ иломъ.

Въ историческомъ отношеніи Ильмень замѣчателенъ тѣмъ, что изстари былъ однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ славянской осѣдлости. Отсюда, построивъ Новгородъ у самаго истока Волхова изъ озера, Славяне двинулись далѣе, въ страну Великихъ Озеръ и усѣяли ее своими колоніями, разбросанными среди давнихъ финскихъ поселій Чуди, Веси, Наровы, Мери, Води и Муромы.

Должно, однакоже, предполагать, что и гораздо ранѣе, во времена недоступныя никакой исторической памяти, страна Великихъ озеръ была уже обитаема:—курганы, на югозападъ отъ Онежскаго озера, по берегамъ Свири, полны останками давно-исчезнувшихъ племенъ, которыя, по складу черепа, совершенно отличаются и отъ Славянъ, и отъ финновъ; а на берегахъ Ладожскаго озера въ недавнее время открыты во множествѣ слѣды поселеній человѣка, жившаго здѣсь въ отдаленную эпоху такъ называемаго каменнаго вѣка **).

Званка, усадьба Державина на Волховѣ.

(Снимокъ со старинной гравюры).

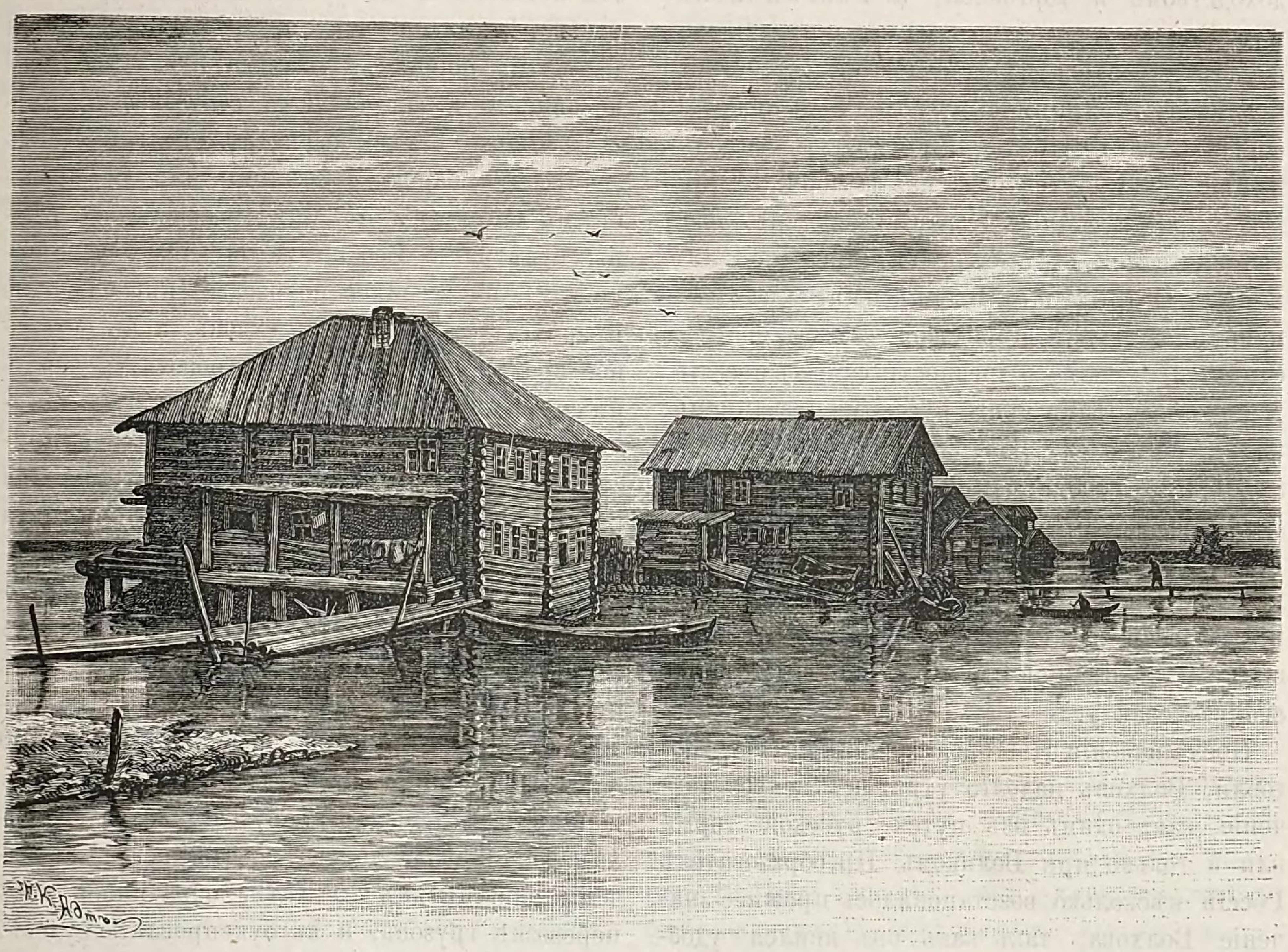
Вѣроятно, то обиліе лѣсовъ и водъ, которое издавна доставляло богатую и легкую добычу

*) Медленность эта въ такой степени значительна, что суда на Волховѣ даже внизъ по теченію тянутся бичевою; кромѣ того, при сильныхъ и продолжителяныхъ вѣтрахъ съ озера, теченіе Волхова иногда принимаетъ и обратное направленіе: такъ въ лѣтописяхъ новгородскихъ мы находимъ указанія на то, что Волховъ въ 1176 г. пять дней сряду шелъ вверхъ; тоже повторялось въ 1336, 1373, 1374, 1375, 1425, 1521 гг. Въ эти годы прибыль воды отъ обратнаго теченія была такъ велика, что угрожала Новгороду потопленіемъ.

**) Подъ названіемъ каменнаго вѣка разумѣютъ такую эпоху въ прогрессивномъ развитіи человѣчества, когда первобытный человѣкъ, не зная еще употребленія металловъ, всѣ необходимыя для домашняго обихода орудія и оружіе изготовлялъ себѣ изъ камня.

и рыболову, и звѣролову, привлекало къ поселенію въ озерной странѣ уже задолго до того времени, когда потребности торговыхъ сношеній Юга и Востока съ Сѣверомъ проложили по рѣкамъ и озерамъ широкій и прямой путь „изъ Варягъ въ Греки“.

Этимъ путемъ, по Волхову, Ильменю и его притокамъ, шли черезъ Новгородъ съ при-Балтійскихъ прибрежій товары на Волгу и въ при-Днѣпровье. Исторія умалчиваетъ объ этихъ давнихъ торговыхъ сношеніяхъ, въ которыхъ Новгородъ несомнѣнно игралъ видную роль; но памятникомъ ихъ остались тѣ клады, которые находили и до сихъ поръ находятъ на берегахъ Ильменя, Ловати, Мсты и Волхова. Эти клады состоятъ исключительно изъ мелкой серебряной арабской монеты VII, VIII, IX и X вѣковъ, которая проникала сюда черезъ Поволжье съ далекаго мусульманскаго Востока. Чеканенное серебро ввозилась въ сѣверную Русь, какъ одинъ изъ предметовъ мѣны за вывозимые съ Сѣвера мѣха, кожи, рыбій зубъ (мамонтовую кость) и въ особенности за янтарь, добываемый на Балтійскихъ прибрежьяхъ и цѣнившійся нѣкогда на арабскомъ Востокѣ и въ Византіи на вѣсъ золота. Другой монеты, кромѣ арабской серебряной, въ то отдаленное время новгородская торговля не знала, да и ту принимала на вѣсъ, какъ металлъ, а не по цѣнѣ, какъ монетную единицу. Позднѣе, когда сношенія Новгорода съ при-Днѣпровьемъ ослабѣли, а на Поволжьѣ — Тверь и Москва явились соперниками Новгорода, Новгородская торговля приняла иное направленіе и, главнымъ образомъ сосредоточились на сношеніяхъ съ торговыми городами Ганзейскаго союза, разбросанными по прибрежьямъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей. И для этой торговли Волховъ,

ДОМА ПРИБРЕЖНЫХЪ СЕЛЕНІЙ НА ВОЛХОВѢ ВО ВРЕМЯ РАЗЛИВА.
(Рисовалъ съ натуры М. Зиновьевъ; гравировалъ К. Адтъ).

до конца XV вѣка, продолжалъ имѣть важное, первенствующее значеніе.

Не лишены интереса самыя названіе селъ и деревень, расположенныхъ по берегамъ Волхова или въ непосредственной близости къ рѣкѣ; многія изъ нихъ сохранили намъ память о весьма далекой старинѣ. Такъ напримѣръ: Грузино, Усадище, Нàволокъ, Стругдево, Изсадъ — стоятъ, очевидно, въ тѣсной связи съ древнимъ новгородскимъ судоходствомъ и торговлей, а Гостинополье или Гостиное поле прямо напоминаетъ намъ о томъ, что здѣсь нѣкогда новгородскія власти встрѣчали и принимали подъ свое покровительство гостей (т. е. иноземныхъ купцовъ), пришедшихъ съ товаромъ изъ-за моря. Съ другой стороны, такія названія деревень, какъ Посадниковъ Островъ, Княжщина, Славкова *), Городище, Быльщина, Холомъ— напоминаютъ о новгородской самобытности и свидѣтельствуютъ о древности самыхъ поселій. А рядомъ съ этими чисто-русскими названьями, видимъ на томъ-же Волховѣ массу населенныхъ мѣстъ, съ чисто-финскими названіями, въ родѣ Пертешно, Водосьи, Меневша, Ирса, Прусыня, Чажешно, Перевешъ и др. — напоминающія намъ о той упорной борьбѣ съ инородческими племенами, которую пришлось вынести въ озерной странѣ пришлому славянскому элементу.

Послѣ паденія Новгорода и новгородской торговли, Волховъ надолго утратилъ всякое значеніе, какъ одинъ изъ путей русской торговли и только при Великомъ Преобразователѣ Россіи нѣсколько возстановилось прежнее значеніе Волхова, такъ какъ онъ явился удобнѣйшимъ сплавнымъ путемъ для всего, что извнутри Россіи шло въ новую столицу, возникшую среди невскихъ болотъ и дебрей. Впослѣдствіи, Волховъ вошелъ въ составъ той Вышневолоцкой системы водныхъ сообщеній, которая одно время, въ особенности до проведенія желѣзныхъ дорогъ, играла нѣкоторую роль во внутренномъ торговомъ движеніи Россіи. Въ настоящее же время, Вышневолоцкая система почти заброшена, такъ какъ бòльшая часть судовъ съ Волги направляется къ Петербургу Маріинскою системою, а потому и движеніе судовъ по Волхову весьма незначительно.

Входя въ составъ Вышневолоцкой системы, Волховъ, въ верховьяхъ своихъ, соединяется съ низовьями Мсты — для обхода Ильменя— двумя каналами: Вишерскимъ и Сиверсовымъ. Съ другой стороны, въ устьѣ, Волховъ непосредственно соединяется Ладожскимъ каналомъ съ Невою—для обхода Ладожскаго озера.

Судоходный на всемъ своемъ протяженіи, отъ истоковъ и до устья, Волховъ представляетъ нѣкоторыя затрудненія для судоходства только въ порогахъ, которые однакоже вовсе не опасны и составляютъ серьезное препятствіе только для высоконагруженныхъ судовъ (напр. для барокъ съ сѣномъ или съ древеснымъ углемъ) и то при сильныхъ встрѣчныхъ вѣтрахъ. Вообще же всѣ Волховскіе пороги *), въ весеннее половодье, нисколько не препятствуютъ проходу судовъ, а въ остальное время навигаціи, суда проводятся черезъ нихъ при помощи лоцмановъ, которыхъ нанимаютъ обыкновенно въ Гостинопольской пристани. Вверхъ по теченію (отъ Гостинополья къ Новгороду) суда поднимаются пàромъ или бичевою, которую тянутъ то лошади, то бурлаки; внизъ по теченію суда спускаются на парусахъ и на большихъ потесныхъ веслахъ (или потесяхъ). Вообще же суда на Волховѣ принадлежатъ къ числу мелкихъ; здѣсь ходятъ барки, поднимающія не болѣе 6000—7000 пудъ груза, полубарки, тихвинки, соминки и такъ-называемыя старорусскія лодки. Пароходство, сначала только пассажирское, въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ, обратилось и къ перевозкѣ грузовъ, и къ буксированію судовъ; но пароходство, поддерживающее пассажирское движеніе между Новгородомъ и Гостинопольскою пристанью, точно также, какъ и пароходство грузовое и буксирное,—весьма незначительны. Пароходы содержатся одной компаніей, которая долгое время конкуррировала съ новгородской узкоколейной желѣзной дорогой, но въ послѣдніе годы вошла съ нею въ соглашеніе. Пароходство незначительно потому, что незначительно и самое движеніе су-

*) Въ Новгородѣ Великомъ была Славкова улица; она и теперь еще сохранилась подъ тѣмъ-же названіемъ на Торговой сторонѣ Новгорода.

*) Волховъ пересѣкается порогами въ двухъ мѣстахъ: пониже Гостинопольской пристани верстъ на 8 тянутся такъ-называемые Волховскіе пороги. Далѣе идутъ Пчевскіе пороги, на протяженіи 9 верстъ слишкомъ.

довъ, и количество грузовъ, перевозимыхъ по Волхову. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, всего на Волховѣ грузится около 1500 судовъ, поднимающихъ въ общей сложности не болѣе 12.000,000 пудовъ груза, стоимостью на 9.000,000 рублей.

Качество и наименованіе груза судовъ, спускаемыхъ по Волхову, указываютъ совершенно опредѣленно на важнѣйшія занятія и промыслы прибрежныхъ жителей. Главную долю груза судовъ на Волховѣ составляютъ: сѣно и солома, рыба, овощи (преимущественно огурцы), известь, плитнякъ, дрова*), стеклянная посуда, кожи, хлѣбъ и уголь.

Чаще всего на Волховѣ попадаются неуклюжіе барки съ сѣномъ и соломой, нагруженными въ построенныя на баркахъ большія четырехугольныя клѣтки изъ жердей и прутьевъ, крытыя соломенной крышей. И дѣйствительно, сѣно составляетъ самую важную отрасль промышленности для прибрежныхъ волховскихъ жителей. Обширныя заливныя луга тянутся по обоимъ берегамъ рѣки на всемъ ея протяженіи и сѣно, доставляемое ими, славится своимъ превосходнымъ качествомъ. Количество луговъ по Волхову и въ окрестностяхъ Новгорода настолько велико и ростъ травы настолько силенъ, что во многихъ мѣстахъ крестьяне косятъ луга по нѣскольку разъ въ лѣто и сѣнокосъ оканчивается уже только съ первыми заморозками.

Другую важную отрасль промышленности на Волховѣ составляетъ рыболовство, такъ какъ Волховъ рыбою богатъ. Особенно славятся Волховскіе сиги, которые ловятся во множествѣ въ порогахъ**), и еще сыртъ—рыба, тоже въ родѣ сига, только поменьше его и еще нѣжнѣе на вкусъ. Большая часть волховской рыбы сплавляется прямо въ столицу въ такъ-называемыхъ живорыбныхъ лодкахъ.

Третью, немаловажную отрасль мѣстной промышленности (въ особенности около Новгорода) составляетъ огородничество — главнымъ образомъ: разведеніе огурцовъ, которые отсюда, также цѣлыми барками, везутся прямо въ С.-Петербургъ.

Что же касается той извести и плитняка, которые составляютъ также часть груза волховскихъ судовъ, то известь на Волховѣ добывается во многихъ мѣстахъ и притомъ превосходнаго качества (она имѣетъ гидравлическое свойство); а главныя ломки плиты расположены по правому берегу, около деревни Дубовика.

Важнѣйшихъ пристаней для волховскаго судоходства на Волховѣ четыре: Новгородская (въ самомъ Новгородѣ), Соснинская (у станціи Волхово, Николаевской желѣзной дороги), Гостинопольская (у начала пороговъ) и Ново-Ладожская (въ Новой Ладогѣ, уѣздномъ городѣ С.-Петербургской губерніи).

Соснинская пристань—большая деревня, расположенная на лѣвомъ берегу Волхова, въ 79 верстахъ отъ Новгорода, по обѣ стороны великолѣпнаго моста Николаевской желѣзной дороги, которая здѣсь переходитъ черезъ Волховъ. Эта деревня давно уже слилась съ сосѣдней Соснинскою слободою, лежащею на рѣкѣ Полисти, и составила одно обширное поселеніе, съ 1,500—2,000 жителей, исключительно занятыми нагрузкою и выгрузкою судовъ, подвозящихъ грузы для Николаевской дороги, а также судостроеніемъ, продажею сѣна, хлѣба и дровъ. Любопытное зрѣлище представляетъ Соснинская пристань весною, во время разлива, когда выступившій изъ береговъ Волховъ заливаетъ всѣ улицы поселка и сообщеніе между отдѣльными домами становится возможно только на лодкахъ или при помощи животрепящихъ плотовъ и мостковъ, наскоро-настланныхъ между смежными избами. Явленіе это до такой степени обычно для соснинскихъ жителей, что они даже заранѣе приспособляютъ къ нему свои дома, строя

*) Продуктъ самой варварской и безсмысленной экспуатаціи лѣсовъ, которая вскорѣ должна будетъ привести къ полному обезлѣсенью края.

**) Въ порогахъ, кромѣ другихъ способовъ ловли, среди мѣстныхъ жителей, весьма обыкновеннымъ является слѣдующій: рыбакъ одѣваетъ непроницаемые для воды кожаные штаны, къ которымъ плотно пришиты сапоги на толстыхъ подошвахъ, съ прибитыми къ нимъ подковами. Въ этой одеждѣ рыбакъ по поясъ входитъ въ воду, бродитъ по каменистому дну пороговъ и на ходу бьетъ рыбу острогóю. Такой способъ ловли особенно бываетъ прибыленъ во время хода лососей. Любопытно, что лососи, взбираясь вверхъ по порогамъ, нерѣдко, выскакивая изъ воды, дѣлаютъ надъ ея поверхностью прыжки въ 2—3 сажени.

ихъ въ два этажа или два этажа съ мезониномъ и опирая нижній этажъ на высокія, прочныя сваи (см. рис. на стр. 13).

Гостинопольская пристань, расположенная близъ начала Волховскихъ пороговъ, на правомъ берегу рѣки, играла важную роль еще въ былыхъ торговыхъ сношеніяхъ Новгорода съ Ганзейскими городами. Тогда, за порогами, устроено было обширное складочное мѣсто при селѣ Михаила Архангела, а передъ порогами, близъ упраздненнаго монастыря св. Николая Чудотворца, было другое складочное мѣсто, на открытомъ полѣ, которое и называлось „Гостинымъ Полемъ“. Нынѣшняя пристань была учреждена на мѣстѣ прежней въ началѣ XVIII вѣка. Поселокъ при Гостинопольской пристани очень не великъ и населеніе его состоитъ почти исключительно изъ лоцмановъ и судорабочихъ, которыхъ нанимаютъ на суда для провода черезъ пороги *). Число жителей въ поселкѣ увеличивается только во время навигаціи, тѣмъ болѣе, что въ Гостинопольской пристани ежегодно грузится около 100 судовъ, на сумму около 300,000 р.

Гавріилъ Романовичъ Державинъ.

Самою важною изо всѣхъ Волховскихъ пристаней слѣдуетъ считать Ново-Ладожскую. Новая Ладога, одинъ изъ лучшихъ уѣздныхъ городовъ С.-Петербургской губерніи, расположенъ на лѣвомъ берегу Волхова, при устьѣ и при Ладожскомъ каналѣ. На мѣстѣ нынѣшняго города, въ XV в., находился бѣдный Никольскій-Медвѣдскій монастырь, неоднократно подвергавшійся разореніямъ отъ шведовъ. Собственно - древняя новгородская, первая отъ озера, пристань на Волховѣ, находилась въ двѣнадцати верстахъ выше—въ Старой Ладогѣ.

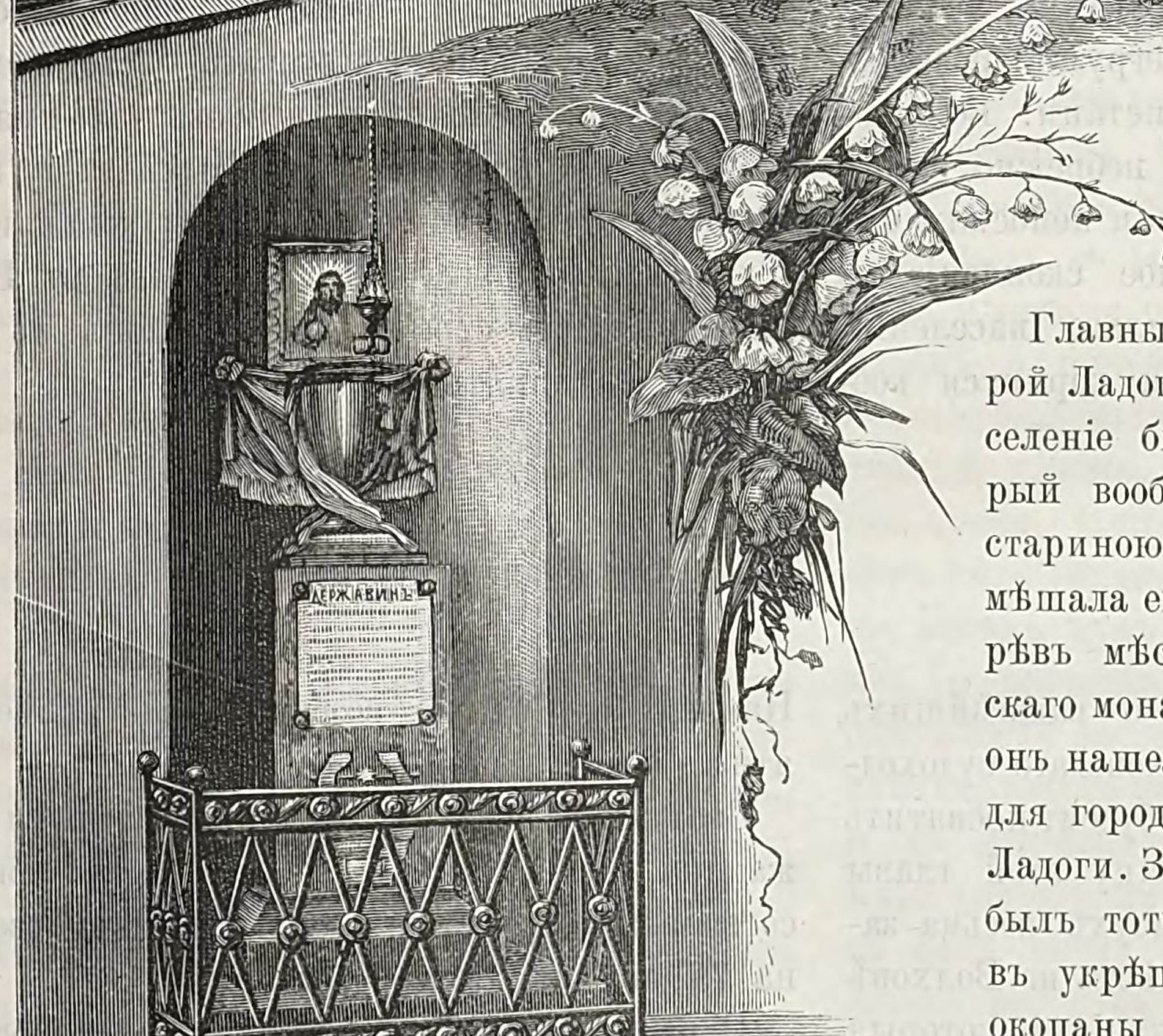
Старая Ладога—нынѣ бѣдное рыбачье селеніе—принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ въ Россіи населенныхъ мѣстъ. Лѣтопись упоминаетъ о Старой Ладогѣ уже во времена Рюрика. Новгородцы, впослѣдствіи (именно: въ XII в.) обратили Старую Ладогу въ сильный укрѣпленный пунктъ: — посадникъ Павелъ обнесъ Ладогу каменною стѣною съ башнями (развалины ея сохранились еще и теперь) и построилъ въ Ладогѣ церковь, въ которой какимъ-то чудомъ уцѣлѣли до нашего времени фрески XII вѣка. Для осады Старой Ладоги въ 1164 году приходили съ озера Шведы въ 60 шнекахъ (мелкихъ судахъ), но на выручку города во-время подоспѣлъ новгородскій князь Святославъ Ростиславичъ, съ посадникомъ Азаріей и съ новгородскою дружиною, и на берегу рѣчки Вороная шведская рать понесла страшное пораженіе. Памятни-

*) Тридцать лѣтъ тому назадъ была назначена такса за проводъ судовъ черезъ пороги. Въ недавнее время Гостинопольскіе лоцмана входили въ министерство путей сообщенія съ просьбою объ измѣненіи этой таксы, которая, въ настоящее время, оказывается слишкомъ низкою. На просьбу ихъ послѣдовалъ отказъ.

ками прежняго значенія Старой Ладоги остаются и до сихъ поръ 4 церкви и 2 монастыря

Монастырь преподобнаго Варлаамія Хутынскаго, близъ Новгорода.

Могила Державина въ Хутынскомъ монастырѣ.
(Рисовалъ М. Зиновьевъ; гравировалъ К. Адтъ).

(Никольскій и Успенскій), которые рѣзко бросаются въ глаза среди бѣднаго поселка, состоящаго „изъ 43 дворовъ съ 350 душами жителей обоего пола“ (какъ значится въ офиціальныхъ свѣдѣніяхъ).

Главнымъ виновникомъ паденія Старой Ладоги и превращенія городка въ селеніе былъ Петръ Великій, который вообще склоненъ былъ дорожить стариною только тогда, когда она не мѣшала его ломкѣ и реформамъ. Осмотрѣвъ мѣстность Никольскаго-Медвѣдскаго монастыря, близъ устья Волхова, онъ нашелъ ее гораздо болѣе удобною для города, нежели мѣстность Старой Ладоги. Задумано—сдѣлано; монастырь былъ тотчасъ упразднѣнъ и обращенъ въ укрѣпленіе; каменныя стѣны его окопаны рвами и окружены земляными валами, а внутри вала распланированъ новый городъ, которому дано имя Новой Ладоги; около него впослѣдствіи и начались работы по проведенію Ладожскаго канала. Для заселенія новаго города сюда переведены жители изъ Старой Ладоги; здѣсь-же поселена и часть крестьянъ, которые изъ внутреннихъ губерній

были согнаны на работы по устройству канала. Съ тѣхъ поръ Старая Ладога запустѣла и не поднималась болѣе; но и Новая Ладога долгое время влачила очень жалкое существованіе, пока, въ царствованіе Александра I, не были дарованы городу многія льготы, способствовавшія его развитію. Болѣе-же всего поднялся городъ съ тѣхъ поръ, какъ усилилось движеніе по воднымъ путямъ къ Ладожскому каналу, такъ какъ Новая Ладога служитъ пристанью не только для судовъ, спускающихся по Волхову, но и для всѣхъ, вступающихъ въ Ладожскій каналъ по другимъ системамъ.

Число жителей въ Новой Ладогѣ не превышаетъ 4,000 душъ, но во время навигаціи городъ наполняется толпами всякаго рабочаго люда, который сходится сюда для нагрузки и выгрузки судовъ. Бываютъ годы, когда число пришлыхъ рабочихъ достигаетъ 70,000 человѣкъ и даже болѣе. Преобладающій и наиболѣе важный изъ мѣстныхъ промысловъ состоитъ въ содержаніи лошадей для тяги судовъ по Ладожскому каналу, въ содержаніи мелкихъ судовъ для перевозки и перегрузки разныхъ кладей и въ работахъ на пристани. Большое скопленіе лошадей, дурно и небрежно содержимыхъ, при самомъ тяжеломъ и непосильномъ трудѣ, а также и временное скопленіе въ городѣ большой массы пришлаго населенія, которое помѣщается дурно и кормится коекакъ—все это способствуетъ тому, что-бы Новая Ладога нерѣдко дѣлалась центромъ повальныхъ болѣзней, какъ на людяхъ, такъ и на животныхъ. Дурныя мѣстныя гигіеническія условія и постоянное, усиленное движеніе большой массы людей и лошадей по каналамъ, въ самое жаркое время года, способствуютъ быстрому распространенію заразы въ близь-лежащія мѣстности... Особенно часто, чуть не каждый годъ, появляется здѣсь сибирская язва, которая иногда (какъ и въ нынѣшнемъ году) производитъ въ сѣверныхъ губерніяхъ страшныя опустошенія.

Новая Ладога, какъ городъ новый, недавній, поглощенный интересами суетливой мелкой промышленности, неимѣющій исторіи, неимѣетъ и памятниковъ, достойныхъ вниманія туриста. Упоминаніе заслуживаетъ только городской соборъ во имя св. Николая, нѣкогда бывшій главною монастырскою церковью въ упраздненномъ Никольскомъ-Медвѣдскомъ монастырѣ. Въ соборномъ подвалѣ до сихъ поръ еще видны слѣды бывшихъ монастырскихъ келлій. Нелишена нѣкотораго историческаго значенія и деревянная церковь, во имя св. Георгія, построенная Суворовымъ въ ту пору, когда онъ былъ еще простымъ командиромъ Суздальскаго полка и квартировалъ въ Новой Ладогѣ; бюстъ строителя поставленъ въ этой церкви на память о немъ.

ВСПОМЯНУВЪ о важнѣйшихъ пристаняхъ волховскаго судоходства, мы должны будемъ посвятить бо́льшую половину этой главы описанію еще двухъ весьма замѣчательныхъ мѣстъ на Волховѣ и тѣмъ воспоминаніямъ, которыя неразрывно съ этими мѣстами связаны. Одно изъ нихъ — село и мыза Грузино (пониже Соснинки, на правомъ берегу Волхова), нѣкогда принадлежавшее знаменитому временщику Александровскихъ временъ, графу Аракчееву. Другое — повыше Соснинки, на лѣвомъ берегу Волхова, знаменитая Званка, усадьба Державина, воспѣтая имъ и прославленная его лирой. Начнемъ со Званки, возбуждающей болѣе пріятныя воспоминанія.

Званка, родовое имѣніе второй супруги Державина, расположена верстъ на 6 повыше соснинской пристани, слѣдовательно, верстъ на 70 пониже Новгорода.

Первоначально, только самое сельцо Званка и деревня За́лозье составляли родовое помѣстье Дарьи Алексѣевны Державиной; но затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ средства, доставляемыя Державину его высокимъ служебнымъ положеніемъ, увеличивались и возрастали, домовитая супруга поэта-министра постепенно прикупала къ родовому сельцу деревеньку за деревенькой. Такъ куплены были деревни: Домна, Антуше-

во, Авадны, Подшивалово, такъ что занимаемое имѣніями Державиной протяженіе, начиная отъ большаго московскаго шоссе до Волхова и вдоль его берега, составило весьма почтенный участокъ земли верстъ въ 9, а число душъ, поселенныхъ на этомъ пространствѣ, доходило до 400.

До 1803 года, пока Державинъ еще находился на службѣ и потому могъ бывать въ Званкѣ только урывками и на короткое время, Дарья Алексѣевна, постепенно, успѣла привести свое имѣніе въ порядокъ и такъ обстроить, что усадьба Державина, впослѣдствіи, могла служить удобнымъ и пріятнымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ для Гаврилы Романовича и той массы родныхъ, пріятелей и сосѣдей, которою онъ бывалъ постоянно окруженъ, когда наѣзжалъ въ Званку.

Пріятное мѣстоположеніе Званки много способствовало тому, чтобы званская усадьба, красиво и прочно обстроенная, казалась въ началѣ нынѣшняго столѣтія одною изъ самыхъ красивыхъ помѣщичьихъ усадебъ на Волховѣ. Берега Волхова, между Новгородомъ и Гостинополемъ, какъ мы уже упоминали выше, вездѣ очень ровны и плоски, и, на всемъ этомъ пространствѣ, только въ Званкѣ видимъ мы на берегу довольно значительной холмъ, покато-опускающійся къ Волхову. На этомъ то холмѣ Дарья Алексѣевна Державина построила 2-хъ этажный деревянный домъ съ мезониномъ, крытымъ куполообразною кровлею, съ высокимъ крыльцомъ и балкономъ съ колоннами *). Отъ рѣки къ этому балкону велъ покойный всходъ, обсаженный кустами розъ и сирени. Передъ крыльцомъ, среди цвѣтника, билъ фонтанъ. Около балкона поставлено было шесть чугунныхъ пушечекъ, изъ которыхъ хозяинъ приказывалъ палить, во время празднествъ, потѣшая своихъ гостей замѣчательнымъ званскимъ эхомъ, много разъ повторявшимъ раскаты выстрѣловъ.

Около дома построены были, на томъ же холмѣ, службы, людскія и баня, въ которой иногда помѣщали пріѣзжихъ гостей, когда съѣздъ въ Званкѣ былъ слишкомъ великъ. Для снабженія сельца водою и для приведенія въ дѣйствіе тѣхъ небольшихъ ковровой и суконной фабрикъ, которыя Державина завела при имѣньи—подъ горою, близь рѣки, устроена была паровая водоподъемная машина, которая питала и фонтанъ на горѣ передъ домомъ. Кругомъ дома былъ распланированъ и отчасти разведенъ тотъ садъ, который въ настоящее время разросся такъ густо и широко, что со стороны Волхова закрываетъ своею мрачною зеленью самый холмъ, на которомъ нѣкогда стояла усадьба Державина.

Подъ горою, у самаго берега, устроенъ былъ на водѣ плотъ, и около него постоянно покачивалась на волнахъ званская флотилія: простая и весьма просторная лодка, съ построеннымъ на ней домикомъ, и маленькій ботикъ, который всюду ходилъ за ней слѣдомъ. Большая лодка прозвана была Гавріиломъ, въ честь хозяина, а ботику дано было названіе Тайка, по имени любимой собачки поэта, которая никогда съ нимъ не разлучалась.

Прямо съ балкона входили въ гостиную, гдѣ обыкновенное мѣсто поэта было на большомъ диванѣ, передъ нимъ на столѣ онъ раскладывалъ свои пасіансы: „блокаду" и „пирамиду". Вечеромъ, когда становилось темно, всѣ садились тутъ кругомъ стола, говорили о полученныхъ въ теченіи дня письмахъ и газетахъ, о томъ и о семъ, что поэтъ въ шутку называлъ тара-бара про комара. Въ кабинетѣ поэта мебель была простая и между прочимъ массивный диванъ, на которомъ онъ, въ послѣднее время, часто отдыхалъ. Стѣна надъ диваномъ была убрана охотничьими ружьями; тутъ же висѣлъ лукъ и колчанъ, вывезенные имъ изъ Оренбургскаго края. Сидя на балконѣ, онъ иногда заставлялъ слугу своего метать изъ лука стрѣлы съ горы на рѣку, на что есть намекъ и въ его стихотвореніи, приведенномъ нами ниже (на стр. 22). Въ углу кабинета находился, въ видѣ печи, шкапъ съ потаенною дверью, черезъ которую, по первому зову Державина, являлся къ его услугамъ домашній секретарь, нѣкто Е. М. Абрамовъ—человѣкъ на всѣ руки: грамотѣй и рисовальщикъ, устроитель всякихъ деревенскихъ празднествъ, техникъ и архитекторъ.

Въ этой-то просторной, спокойной и благоустроенной усадьбѣ, поэтъ, вынужденный покинуть службу въ 1803 году, проводилъ

*) „Мой храмовидный домъ", какъ называетъ его Державинъ въ своихъ стихахъ.

большую часть года, переселяясь на житье въ Петербургъ только позднею осенью. Здѣсь отдыхалъ онъ отъ невзгодъ и тревогъ своей далеко не безполезной служебной дѣятельности, отъ которой пришлось ему отказаться потому, что онъ не умѣлъ льстить и слишкомъ запальчиво рѣзалъ всѣмъ „правду-матку“. Сознавая это, онъ не безъ горечи восклицаетъ въ началѣ одного изъ своихъ стихотвореній, написанныхъ по выходѣ въ отставку:

«Блаженъ, кто менѣе зависитъ отъ людей,
«Свободенъ отъ долговъ и отъ суетъ приказныхъ,
«Не ищетъ при Дворѣ ни злата, ни честей,
«И чуждъ суетъ разнообразныхъ!

И въ противоположность шумной свѣтской жизни приводитъ свой любимый идеалъ сельскаго уединенія:

Возможно-ли сравнить что съ вольностью златой,
Съ уединеніемъ и тишиной на Званкѣ?
Довольство, здравіе согласіе съ женой,
Покой мнѣ нуженъ—дней въ останкѣ.

И этого идеала онъ вполнѣ достигалъ, вполнѣ успѣвалъ имъ насладиться, пріѣзжая въ Званку. Хозяйствомъ и управленіемъ имѣнья Державинъ вовсе не занимался, предоставляя всѣ матеріальныя заботы своей рачительной и строгой супругѣ. Онъ велъ здѣсь гостепріимную, широкую, нѣсколько безтолковую жизнь настоящаго русскаго барина и большую часть времени проводилъ въ кругу своихъ пріятелей и сосѣдей, которые очень любили пріѣзжать въ Званку, гдѣ хозяинъ встрѣчалъ ихъ радушно и хлѣбосольно, и, не смотря на свои преклонные годы, всегда готовъ былъ какъ ребенокъ пошутить и посмѣяться съ молодежью. А молодежи, въ безсемейномъ домѣ Державиныхъ всегда бывало много, и жилось ей весело, такъ какъ шуткамъ и смѣху былъ полный просторъ. Отношенія старца-поэта къ крестьянамъ были тоже самыя патріархальныя: не наблюдая ни за работами, ни за оброками, не вступаясь ни въ какія хозяйственные распорядки, Державинъ собиралъ около себя крестьянъ только по праздникамъ, чтобъ ихъ угостить и потѣшить себя русскимъ пѣніемъ и пляской, до которыхъ, какъ истинно-русскій человѣкъ, онъ всегда былъ великимъ охотникомъ. Другою любимою забавою Гаврилы Романовича былъ тотъ „мальчишекъ радостный народъ“, которыхъ онъ каждый день собиралъ вокругъ себя, одѣлялъ кренделями и баранками, мирилъ и ссорилъ, входя во всѣ ихъ игры, во всѣ интересы ихъ будничной жизни.

Превосходную картину своей сельской жизни оставилъ намъ поэтъ въ своемъ обширномъ элегическомъ стихотвореніи „Жизнь Званская“, посвященномъ Евгенію Болховитинову, извѣстному своею ученостью архіепископу новгородскому, который, проводя лѣто на Волховѣ, въ Хутынскомъ монастырѣ, былъ частымъ и желаннымъ гостемъ въ Званкѣ. Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь изъ вышепомянутаго стихотворенія тѣ мѣста, въ которыхъ Державинъ послѣдовательно и весьма подробно описываетъ, какъ проводилъ онъ день въ своемъ „Званскомъ уединеніи“.

Возставъ отъ сна, взвожу на небо скромный взоръ;
Мой утренюетъ духъ Правителю вселенной;
Благодарю, что вновь чудесъ, красотъ позоръ
Открылъ мнѣ въ жизни толь блаженной.

Дыша невинностью, пью воздухъ, влагу рось,
Зрю на богрянецъ зарь, на солнце восходяще;
Ищу красивыхъ мѣстъ между лилей и розъ,
Средь сада храмъ жезломъ чертяще.

Иль накормя моихъ пшеницей голубей,
Смотрю надъ чашей воды, какъ вьютъ подъ небомъ круги,
На разноперыхъ птицъ, поющихъ средь сѣтей,
На кроющихъ, какъ снѣгомъ, луги;

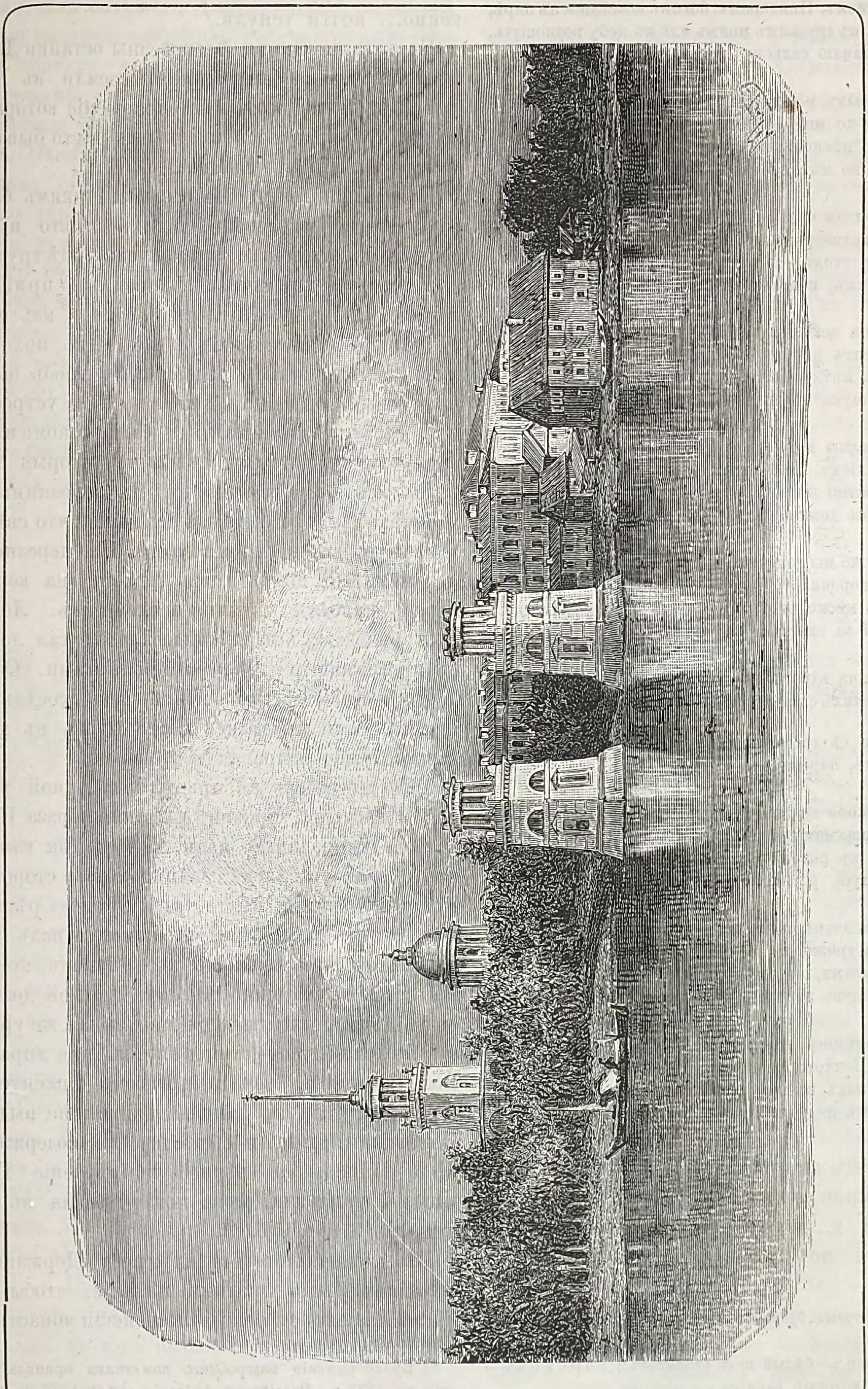
На кровлѣ-жъ зазвенитъ какъ ласточка, и паръ
Повѣетъ съ дома мнѣ манжурской иль левантской,
Иду за круглый столъ; и тутъ-то растабаръ
О снахъ, молвѣ градской, крестьянской,

О славныхъ подвигахъ великихъ тѣхъ мужей,
Чьи въ рамахъ по стѣнамъ златыхъ блистаютъ лицы,
Для вспоминанья ихъ дѣяній, славныхъ дней
И для прикрасы той свѣтлицы,—

Въ которой, къ госпожѣ, для похвалы гостей,
Приносятъ разныя полотна, сукна, ткани,
Узорны образцы салфетокъ, скатертей,
Ковровъ, и кружевъ, и вязани;

Гдѣ съ скотенъ, пчельниковъ и съ птичниковъ, прудовъ,
То въ маслѣ, то въ сотахъ зрю злато подъ вѣтвями,
То пурпуръ въ ягодахъ, то бархатъ-пухъ грибовъ,
Сребро, трепещуще лещами...

И гдѣ, до ужина, чтобы прогнать какъ сонъ,
Въ задорѣ иногда въ игры зѣло горячи
Играемъ мы,—въ ерошки, въ фараонъ,
По грошу, въ долгъ и безъ отдачи.

Общій видъ села Грузино, съ Волхова.
(Рисовалъ съ натуры М. Зиновьевъ; гравировалъ В. Маттэ).

Оттуда прихожу къ святилище я Музъ,
И съ Флаккомъ, Пиндаромъ, боговъ возсѣдши въ пирѣ,
Къ царямъ, къ друзьямъ моимъ иль къ небу возношусь,
Иль славлю сельску жизнь на лирѣ.

Дворовыхъ, между тѣмъ, крестьянскихъ рой дѣтей
Сбираются ко мнѣ,—не для какой науки,—
А взять по нѣскольку баранокъ, кренделей,
Чтобы во мнѣ не зрѣли буки.

...Бьетъ полдня часъ, рабы служить къ столу бѣгутъ;
Идетъ за трапезу гостей хозяйка съ хоромъ,
Я озрѣваю столъ,—и вижу разныхъ блюдъ
Цвѣтникъ, поставленный узоромъ.

Багряна ветчина, зелены щи съ желткомъ,
Румяно-желтъ пирогъ, сыръ бѣлый, раки красны,
Что смоль, янтарь-икра, и съ голубымъ перомъ
Тамъ щука пестрая—прекрасны!

Прекрасны потому, что взоръ манятъ мой, вкусъ,
Но не обиліемъ иль чуждыхъ странъ приправой,
А что опрятно все и представляетъ Русь:
Припасъ домашній, свѣжій, здравый.

Когда же мы донскихъ и крымскихъ кубковъ винъ,
И липца, воронка *) и чернопѣнна пива
Запустимъ нѣсколько въ румяный лобъ хмѣлинъ,
Бесѣда за сластьми шутлива.

Но молча вдругъ встаемъ:—бьетъ, искрами горя,
Древъ русскихъ сладкій сокъ **) до подвѣнечныхъ ***) бревенъ:
За здравье съ громомъ пьемъ любезнаго царя,
Царицъ, царевичей, царевенъ.

Тутъ кофе два глотка; схрапну минутъ пятокъ;
Тамъ въ шахматы, въ шары, иль изъ лука стрѣлами,
Пернатый къ потолку лаптой мечу летокъ
И тѣшусь разными играми.

Иль въ лодкѣ вдоль рѣки, по брегу пѣшь, верхомъ
Качусь на дрожкахъ я сосѣдей съ вереницей,
То рыбу удами, то дичь громимъ свинцомъ,
То зайцевъ ловимъ псовъ станицей;

Иль, утомясь, идемъ скирдовъ, дубовъ подъ сѣнь;
На брегѣ Волхова разводимъ огнь дымистый,
Глядимъ, какъ па воду ложится красный день,
И пьемъ подъ небомъ чай душистый.

Здѣсь, подъ мирною сѣнью „Званскаго уединенія", мирно почилъ маститый поэтъ, 8-го іюля 1816 г., послѣ краткой болѣзни, которую почти не примѣтили окружавшіе его домашніе. Державинъ скончался очень спокойно... почти уснулъ.

По желанію Дарьи Алексѣевны останки Державина рѣшено было предать земли въ Хутынскомъ монастырѣ, мѣстоположеніе котораго всегда ему нравилось и гдѣ онъ часто бывалъ у преосвященнаго Евгенія.

Погребенія совершено было съ такимъ благолѣпіемъ и порядкомъ, какихъ никто и не ожидалъ въ деревенскомъ захолустьѣ, гдѣ трудно было достать приличныя похоронныя принадлежности. По свидѣтельству одного изъ очевидцевъ, принимавшихъ участіе въ похоронахъ Державина, мы узнаёмъ, что гробъ былъ малиновый; онъ былъ поставленъ на устроенный въ лодкѣ катафалкъ съ балдахиномъ и съ четырьмя массивными свѣчами, которыя возвышались по обѣ стороны на деревянныхъ подсвѣчникахъ. Ночь была такъ тиха, что свѣчи горѣли во все время плаванія. На переднемъ концѣ лодки помѣстились пѣвчія; на кормѣ передъ налоемъ читалъ псаломщикъ. Лодка шла бичевою; позади слѣдовала другая лодка съ провожавшими тѣло родственниками. Офицеры конно-егерскаго полка (изъ сосѣдняго штаба) сами вызвались нести гробъ въ церковь; службу отправлялъ архіерей.

Тѣло погребено въ придѣлѣ соборной церкви монастыря, противъ мѣстнаго образа Пресвятой Богородицы; надъ гробомъ, на каменномъ полу изсѣчена надпись. Въ сторонѣ, противъ стѣнной ниши, за чугунною рѣшеткой, стоитъ мраморный памятникъ: надъ высокимъ четвероугольнымъ пьедесталомъ, передняя сторона котораго покрыта мѣдной доской съ надписью, возвышается мраморная же урна, а у подошвы, надъ ступенями, мѣдная лира *). Вверху ниши, передъ образомъ Спасителя, горитъ неугасимая лампада (зимой не выдерживающая холода и сырости). На содержаніе этой лампады и вѣчное поминовеніе Гаврилы Романовича, вдова пожертвовала въ монастырь 3.000 рублей.

Въ завѣщаніи своемъ, супруга Державина выразила между прочимъ желаніе, чтобы на мѣстѣ Званки устроенъ былъ женскій монастырь

*) Подвѣнечныя бревна тѣ, которыя поддерживаютъ потолокъ.

**) Липецъ—бѣлый медъ (напитокъ); воронóкъ—черный медъ, который варился съ воскомъ.

***) Древъ русскихъ сладкій сокъ — шипучка, сдѣланная изъ березоваго сока.

*) Въ сооруженіи надгробнаго памятника приняла участіе, въ 1833 г., Россійская Академія, удѣливъ на него изъ своихъ суммъ 5.000 р. Вдова поэта, умершая въ 1842 г., положена вмѣстѣ съ нимъ, въ тотъ же склепъ.

во имя Знаменія Божьей Матери. Для этой цѣли, изъ большого Державинскаго состоянія, вдова назначила 50,000 р. собственно на устроеніе обители и капиталъ въ 100,000 руб. на содержаніе ея изъ процентовъ. Той-же обители завѣщала она всѣ земли своего званскаго имѣнія. Наслѣдники ходатайствовали передъ Синодомъ о томъ, чтобы на Званкѣ дозволено было учредить не только женскій монастырь, но и духовное при немъ училище для бѣдныхъ дѣвицъ духовнаго званія.

Дѣло о приведеніи въ исполненіе этого завѣщанія тянулось очень долго. Восемьнадцать лѣтъ спустя послѣ смерти завѣщательницы, т. е. въ 1860 г., духовное начальство еще представляло всевозможные доводы противъ исполненія воли покойной Державиной и предлагало распорядиться завѣщанными капиталами и землями по своему, особому плану. Однакоже наслѣдники Дарьи Алексѣевны, свято чтя ея волю, воспротивились самовольному толкованію ея завѣщанія и настояли на томъ, что, наконецъ, въ 1865 г., Синодомъ было разрѣшено новгородскому епархіальному начальству приступить къ устройству въ Званкѣ каменнаго зданія для женскаго монастыря съ училищемъ. Черезъ четыре года послѣ того, въ Званкѣ былъ открытъ женскій монастырь подъ названіемъ „Знаменскаго“, съ 10-ью монахинями, и при немъ учреждено „Державинское“ трехклассное училище для 30 бѣдныхъ дѣвицъ духовнаго званія.

Такимъ образомъ воля завѣщательницы, благодаря похвальной настойчивости ея наслѣдниковъ, была приведена въ исполненіе ровно черезъ 27 лѣтъ по ея смерти и славное имя Державина на вѣки связано съ его „Званскимъ уединеніемъ“.

МЕЖДУ сосѣдями Державина былъ и знаменитый владѣлецъ села Грузина, графъ Аракчеевъ. Грузино лежитъ въ 18 верстахъ ниже Званки, и Грузинскій баринъ былъ, кажется, единственнымъ сосѣдомъ, съ которымъ добродушный старецъ-поэтъ не состоялъ въ близкихъ и частыхъ сношеніяхъ. Къ тому-же, по смежности земель и угодій, между обоими помѣщиками возникла какая-то тяжба, которая длилась много лѣтъ сряду и была рѣшена уже послѣ смерти Гаврилы Романовича *).

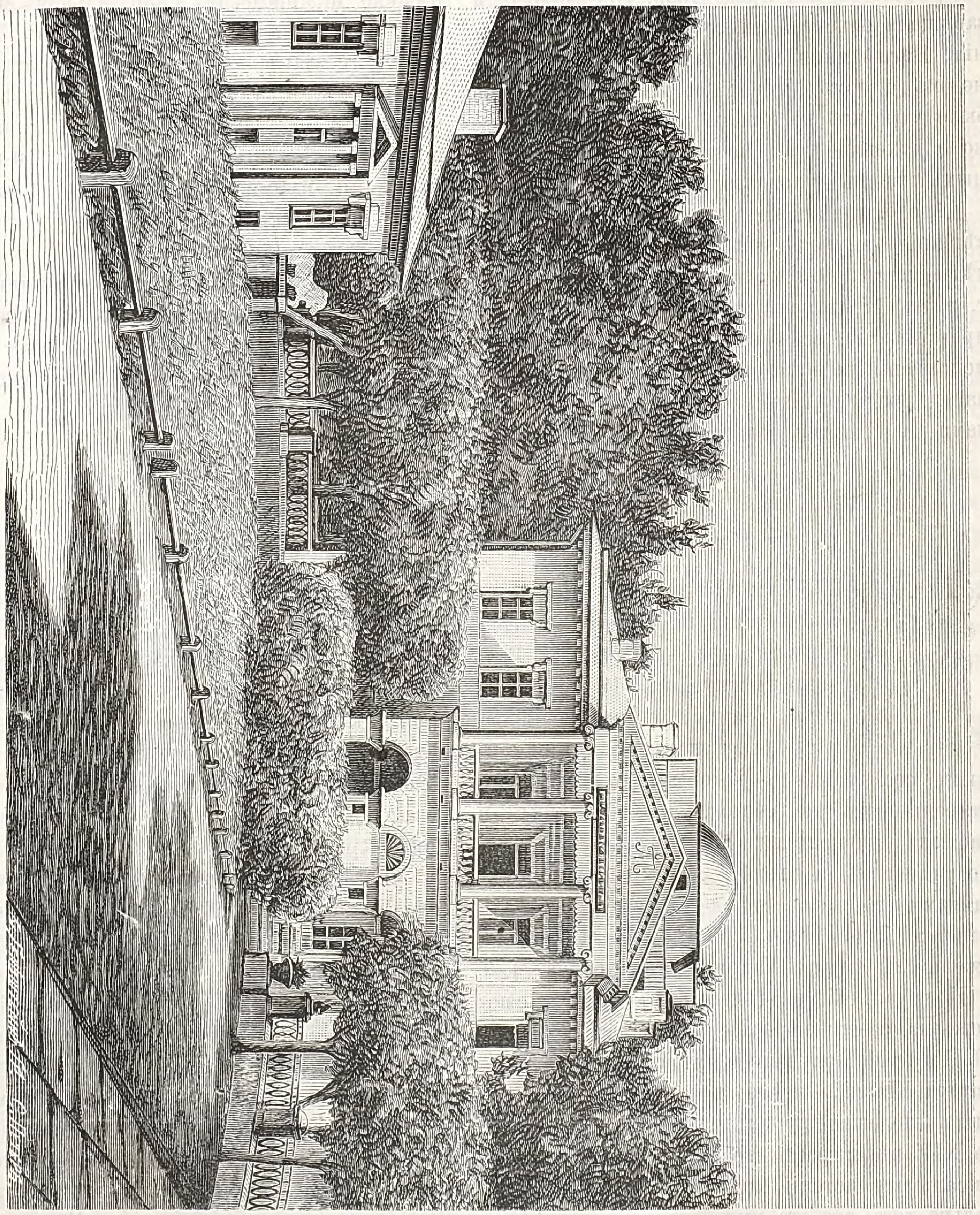
Но грузинскій владѣлецъ былъ совсѣмъ не похожъ на своего добродушнаго сосѣда по Званкѣ. Грузино, полученное имъ въ даръ отъ императора Павла, имѣло свою исторію, по самымъ положительнымъ даннымъ восходящую до XIV вѣка; графъ Аракчеевъ дополнилъ, дописалъ эту исторію по-своему и добился нетолько того, что его имя осталось понынѣ связано съ Грузинымъ — этимъ печальнымъ памятникомъ падшаго величія — но и того, что каждый уголокъ бывшей усадьбы грознаго временщика до сихъ поръ остается живымъ напоминаніемъ объ Александровской эпохѣ.

Село Грузино съ ближайшими къ нему деревнями и угодьями входило нѣкогда въ составъ громадныхъ владѣній новгородскаго владычняго дома, и, по желанію столь извѣстнаго въ новгородской исторіи архіепископа Моисея, пожертвовано было имъ новгородскому Деревяницкому монастырю. Отобранное отъ обители Петромъ, въ числѣ другихъ монастырскихъ вотчинъ, село Грузино, въ 1705 году, передано было во владѣніе его любимцу, князю Александру Даниловичу Меншикову, которому и принадлежало до конца царствованія Петра II, т. е. паденія этого „полудержавнаго властелина“. Неизвѣстно, удалось-ли Меншикову побывать въ пожалованномъ ему имѣніи (у него ихъ было такъ много!), но память о немъ сохранилась въ видѣ тѣхъ полуторасталѣтнихъ липъ, которыя и теперь еще украшаютъ прекрасный грузинскій садъ. Подъ этими липами, графъ Аракчеевъ — страстный охотникъ до всякихъ памятниковъ — поставилъ небольшой мавзолей съ замѣчательною надписью: „Въ память ста-двадцатипяти лѣтнему старику Исаку Константинову, коимъ, въ молодости его, сажены сіи

*) Аракчеевъ познакомился съ вдовой поэта уже послѣ 1825 года; онъ самъ пріѣхалъ къ ней съ визитомъ.

деревья родился 1681 года, а умеръ 1806“.

Послѣ паденія и ссылки Меншикова, Гру-

Дворецъ графа Аракчеева, въ селѣ Грузинѣ.

зино, до конца XVIII вѣка, числилось въ экономическомъ (казенномъ) вѣдомствѣ и благодаря небрежному отношенію управителей чиновниковъ къ казенному добру, пришло въ великое запущеніе. Аракчееву—досталось Грузино въ 1796 году и притомъ совершенно случайно. Самая исторія пожалованія Грузина Аракчееву тѣсно связана съ его предшествующею служебною карьерою, которой мы должны будемъ здѣсь коснуться мимоходомъ, тѣмъ болѣе, что судьба Аракчеева, мелкопомѣстнаго и бѣд-

наго дворянчика, въ нѣсколько лѣтъ вознесеннаго слѣпымъ счастіемъ на верхъ могущества и славы,—представляетъ собою одну изъ весьма поучительныхъ страницъ въ новѣйшей исторіи Россіи конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка.

Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ, сынъ отставнаго маіора Андрея Андреевича Аракчеева, родился въ небольшой усадьбѣ отца своего (сельцо Курганы) въ Бѣжецкомъ уѣздѣ Тверской губерніи, 23 сентября 1769 года. Наставникомъ и учителемъ его былъ сельскій дьячекъ, который могъ его обучить только россійской грамотѣ и первымъ четыремъ правиламъ ариѳметики. Однимъ изъ любимыхъ разсказовъ Аракчеева впослѣдствіи, было воспоминаніе о томъ, какъ отецъ привезъ его въ Петербургъ для опредѣленія въ Артиллерійскій кадетскій корпусъ, и какъ помѣхою къ поступленію оказалось неимѣніе лишнихъ семи рублей... Но и поступивъ въ корпусъ, и успѣшно окончивъ въ немъ курсъ, молодой офицеръ опять очутился лицомъ-къ-лицу съ горькою нуждою. Пришлось, въ дополненіе къ скудному жалованью, давать уроки сыновьямъ графа Н. И. Салтыкова, и будущій „властитель судебъ" былъ чрезвычайно счастливъ, когда за успѣхи дѣтей Салтыковъ получилъ отъ графини въ награду золотые часы. Въ эту пору старикъ отецъ, гордясь своимъ сыномъ офицеромъ, говаривалъ ему не разъ: „хорошо, если-бы ты Алексѣй, дослужился до маіора; потомъ женился-бы и взялъ въ приданое сто душъ крестьянъ: — зажилъ-бы бариномъ!" Но судьба рѣшила иначе...

Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ.

По рекомендаціи графа Салтыкова, юный Аракчеевъ приблизился къ Наслѣднику престола, Великому Князю Павлу Петровичу, который нуждался въ расторопномъ артиллерійскомъ офицерѣ. Неутомимою дѣятельностью и точностью въ исполненіи порученій, Алексѣй Андреевичъ въ короткое время съумѣлъ пріобрѣсти довѣріе Великаго Князя, былъ назначенъ комендантомъ Гатчины, а впослѣдствіи и начальникомъ всѣхъ сухопутныхъ войскъ Наслѣдника. Въ самое это время — 6 ноября 1796 г.—скончалась Екатерина... Императоръ Павелъ I вступилъ на престолъ, и для Аракчеева началась какая-то бѣшеная скачка счастія! 7 ноября (на другой день по вступленіи на престолъ) Императоръ пожало-

валъ его въ коменданты С.-Петербурга; 8-го ноября—въ Генералъ-Маіоры, 9-го—перевелъ въ Гвардію, 12-го—пожаловалъ кавалеромъ Ордена Св. Анны первой степени; четыре мѣсяца спустя, на двадцать-восьмомъ году отъ рожденія, онъ возведенъ въ „Баронское достоинство Всероссійской Имперіи" и награжденъ Орденомъ Св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго. Но этого мало: Императоръ, зная, что Аракчеевъ никакого состоянія не имѣетъ, пожаловалъ ему двѣ тысячи душъ, предоставивъ право выбрать себѣ имѣніе въ любой губерніи... Чья голова не закружилась бы, не затуманилась-бы отъ этого упорнаго, постоянно-возрастающаго счастья!

Выборъ имѣнья затруднилъ Аракчеева; но, узнавъ, что Архаровъ*) намѣревается просить себѣ у Государя село Грузино въ Новгородской губерніи, Аракчеевъ предупредилъ его своею просьбою.

— „Не ошибся-ли ты въ выборѣ?" спросилъ его Государь.

— „Нѣтъ, отвѣчалъ Аракчеевъ,—я слышалъ, Архаровъ желаетъ просить у Вашего Величества это самое село".

— „Ну, такъ ты не будешь въ накладѣ!" произнесъ Императоръ, улыбаясь.

И послѣ всѣхъ этихъ щедротъ, года полтора спустя, Аракчеевъ былъ вдругъ отставленъ—въ 24 часа! Затѣмъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вновь принятъ на службу, вновь осыпанъ высокими наградами, возведенъ въ Графы Всероссійской Имперіи „за отличное усердіе и труды, на пользу службы подъемлемые"—и также внезапно, еще разъ отставленъ отъ службы.

На этотъ разъ ему пришлось пробыть въ отставкѣ почти три года, и когда, въ 1803 г., юному Императору Александру Павловичу угодно было приблизить къ себѣ графа Аракчеева,—тотъ пошелъ уже вѣрнымъ путемъ къ своему будущему могуществу. Но и годы, проведенные Аракчеевымъ въ отставкѣ, не прошли для него безслѣдно, не пропали даромъ:—въ эти-то годы онъ и занялся устройствомъ Грузина.

Уже въ 1800 году выстроенъ былъ небольшой деревянный домъ и около него 6 флигелей для прислуги. На домѣ съ восточной стороны помѣщена была надпись: малъ, но покоенъ. Затѣмъ начались серьезныя, коренныя реформы и внѣшнихъ, и внутреннихъ сторонъ крестьянскаго быта. Сначала крестьяне были переселены на болѣе удобныя мѣста и строиться имъ велѣно по опредѣленному плану, въ опредѣленномъ порядкѣ. Аракчеевъ самъ слѣдилъ за постройкою избъ и не только приказывалъ обшивать и покрывать ихъ тесомъ, но и красить. Затѣмъ онъ принялся за осушеніе болотъ и топкихъ мѣстъ, за постройку прочныхъ мостовъ и проведеніе шоссейныхъ дорогъ. При этомъ Грузинскій помѣщикъ не останавливался ни передъ какими препятствіями: не щадилъ ни труда, ни денегъ. Прорывались пруды и каналы, сносились пригорки, насыпались острова и горы, строились плотины, сажались аллеи,—и все это дѣлалось по строго-обдуманному, оригинальному плану. При полезномъ не забывалось и пріятное: садъ около дома украшался гротами и бесѣдками, косогоры приравнивались террассами, прудамъ придавалась извилистая форма, острова, разбросанные по нимъ, соединялись съ берегомъ причудливыми мостиками. Во всемъ соблюдалась строжайшая симметрія.

Рядомъ съ этими заботами о благоустройствѣ внѣшнемъ, шли заботы и о благоустройствѣ внутреннемъ. Построена была больница и при больницѣ помѣщенъ былъ врачъ, обязанный безплатно пользовать крестьянъ. На хозяйство крестьянъ обращено было серьезное и строгое вниманіе. Особенно преслѣдовалась наклонность къ праздничанью и бражничанью, такъ страшно отзывающаяся на полевыхъ работахъ нашего крестьянина. Одинъ изъ современниковъ Аракчеева, постоянно слѣдившій за его хозяйственною дѣятельностью, замѣчаетъ совершенно справедливо: „искусство поправить вотчину во всѣхъ ея частяхъ состояло въ томъ, что съ пресѣченіемъ продолжительныхъ, наипаче лѣтнихъ празднованій, больше обращено было вниманія на домашнія занятія и на усовершенствованіе состоянія бѣдныхъ".

Уравненіе бѣдныхъ съ богатыми поселянами и улучшеніе нравственности населенія,

*) Н. П. Архаровъ—извѣстный Петербургскій полиціймейстеръ Екатерининскихъ временъ.

дѣйствительно, составляли одну изъ главныхъ заботъ Аракчеева, и любопытнымъ памятникомъ этой заботы остались тѣ „правила о свадьбахъ", которыя недавно были напечатаны въ одномъ изъ мѣстныхъ новгородскихъ изданій.

На основаніи этихъ правилъ, приступать къ свадьбамъ могли только тѣ изъ крестьянъ, которые предварительно докажутъ, на особомъ экзаменѣ, „знаніе молитвъ и заповѣдей Господнихъ". Въ спискахъ жениховъ и невѣстъ, представляемыхъ графу, должны быть такіе „знающіе" отъ „незнающихъ" строго отдѣлены, точно также какъ противъ каждаго жениха должны быть обозначены самыя точныя свѣдѣнія о его матерьяльномъ положеніи, а противъ каждой невѣсты—какое приданое могутъ за нею дать родители. Въ § 9 этихъ правилъ даже прямо указано, что:

„Есть-ли въ числѣ жениховъ будутъ находиться оные изъ бѣдныхъ семействъ, за которыхъ изъ домовъ богатыхъ родителей невѣсты обыкновенно не согласны выходить, то объ ономъ голова обязанъ докладывать графу, дабы таковыя свадьбы стараться согласить... а соглашать съ тѣмъ, чтобы богатыя невѣсты выходили замужъ въ бѣдныя семейства, а женихи богатыхъ семействъ брали бы дочерей изъ бѣдныхъ семействъ".

„§ 13. При составленіи-же списковъ, голова и помощникъ его должны строго наблюдать и докладывать графу о глупыхъ дѣвкахъ и дѣвкахъ дурнаго поведенія, дабы оныхъ невыдавать замужъ, въ особенности въ бѣдныя семьи, или въ одинокія, гдѣ ей приходится занимать мѣсто хозяйки; а развѣ изъ богатыхъ и большихъ семействъ сами родные пожелаютъ таковую взять, то позволять взять, но и то съ докладомъ къ графу".

При этомъ строжайше запрещалось на свадьбахъ „имѣть вино" и пьянствовать, и за это отвѣчали старшины деревень и хозяева тѣхъ домовъ, въ которыхъ свадьбы происходили.

„Есть-ли окажется на слѣдствіи"—сказано въ § 17,—„что вино къ свадьбѣ было куплено безъ позволенія графскаго въ домъ жениха (или невѣсты) и были во время свадьбы пьяные люди, то съ сего семейства записывается хозяинъ дома и молодой женившійся—въ барщенники наступившаго лѣта, каждый по три дня въ недѣлю"...

Такому-же наказанію подвергается и старшина, у котораго это могло случиться безъ его вѣдома; а если онъ зналъ, да не донесъ о нарушеніи „правилъ", то, сверхъ положеннаго взысканія, съ него еще берется и крупный денежный штрафъ, поступающій „въ сиротскую сумму", предназначаемую въ помощь свадьбамъ бѣднымъ.

По отношенію къ бракамъ все было графомъ такъ предусмотрѣно, что въ правила о свадьбахъ внесенъ былъ даже слѣдующій, замѣчательный параграфъ (§ 24).

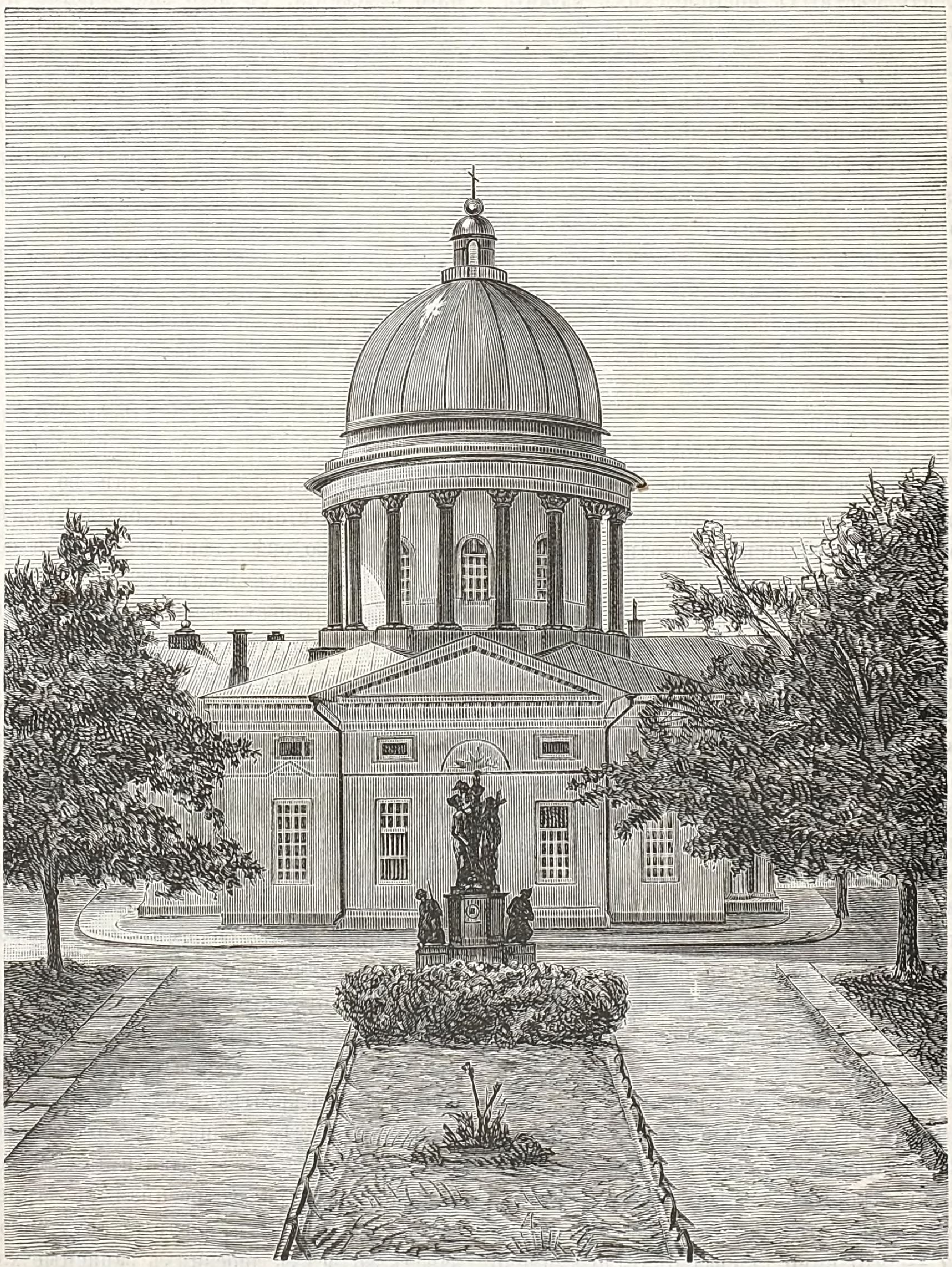
„Есть-ли, по власти Божьей, овдовѣетъ кто изъ тѣхъ крестьянъ, которые уже обучались молитвамъ и заповѣдямъ, то таковой и во второй разъ не иначе можетъ жениться, какъ тогда, когда онъ докажетъ, что знаетъ всѣ молитвы и заповѣди Господни хорошо-твердо. Ибо всякій христіанинъ обязанъ знать молитвы и заповѣди Господни во всю свою жизнь, а въ старости еще оныя нужнѣе для человѣка, ибо онѣ утѣшаютъ насъ и облегчаютъ въ болѣзняхъ нашихъ".

Тяжелыя общественныя бѣдствія,—въ родѣ падежей, неурожаевъ, пожаровъ и наводненій, постигавшія крестьянъ графа и вносившія раззореніе въ ихъ хозяйство, всегда находили себѣ отголосокъ въ административной дѣятельности грузинскаго хозяина. Онъ не довольствовался тѣмъ, что оказывалъ временную (и очень щедрую) помощь пострадавшимъ:—по избавленіи отъ бѣдствія, онъ тотчасъ придумывалъ такія мѣры, которыя могли-бы предупредить или, по крайней мѣрѣ, облегчить подобныя-же несчастныя случайности, въ случаѣ ихъ повторенія на будущее время. Пожары вызвали распоряженія Аракчеева о порядкѣ въ постройкѣ деревень и обязательное постановленіе о перестройкѣ крестьянскихъ домовъ по особому плану, наиболѣе безопасному отъ огня; сверхъ того въ Грузинѣ была воздвигнута каланча и заведена правильно-устроенная пожарная команда. Неурожаи привели къ тому, что графъ завелъ во всѣхъ деревняхъ запасные хлѣбные магазины, для основанія которыхъ пожертвовалъ капиталъ, а для пополненія учредилъ обязательную общественную запашку.

Впослѣдствіи, въ 1820 г., въ Грузинѣ было устроено нѣчто въ родѣ крестьянскаго банка, изъ котораго всѣ крестьяне графа мог-

ли, съ его разрѣшенія, заимообразно получать ссуды и вспомоществованія на извѣстные сроки.

крестьянъ, ихъ обращеніе съ животными, ихъ промыслы и торговля, ихъ семейный бытъ. Заботливость графа простиралась до того, что

Соборная церковь въ селѣ Грузинѣ.

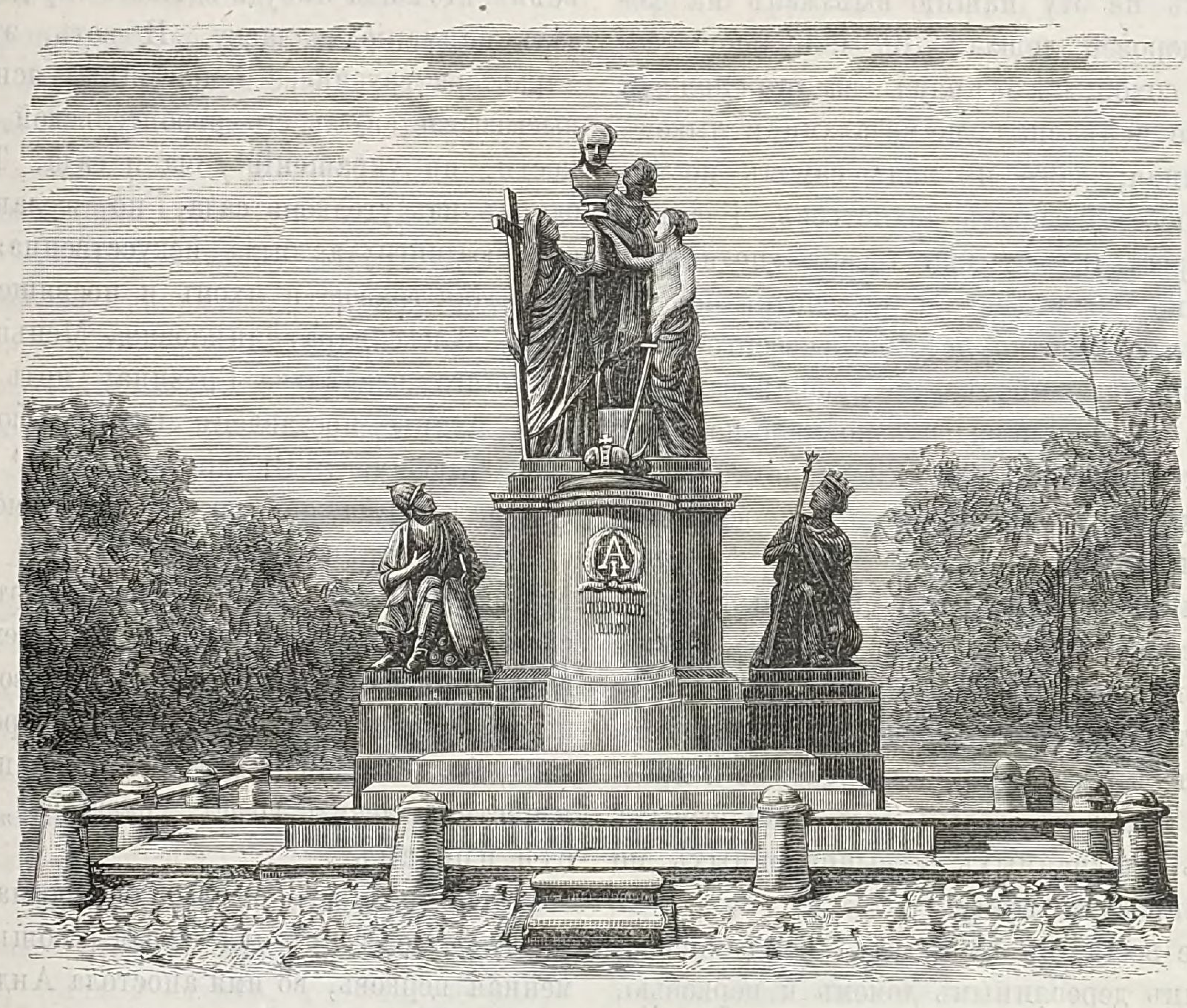
Строгому контролю, дисциплинѣ и отвѣтственности были подчинены не только полевыя и общественныя, но и домашнія работы

онъ обратилъ вниманіе даже на уходъ за новорожденными дѣтьми и по этому поводу издалъ печатныя „Краткія правила для матерей-

крестьянокъ Грузинской вотчины". Эти правила, заключавшія въ себѣ просто и понятно-изложенныя гигіеническія наставленія о содержаніи младенцевъ, по приказу графа, каждый мѣсяцъ читались въ каждой деревнѣ всѣмъ матерямъ въ сборной избѣ, и каждой матери, особо, послѣ крещенія ея младенца. Старшина и головы обязаны были слѣдить за исполненіемъ этихъ правилъ, и, посѣщая избы, осматривать колыбели. Самыя „правила сіи" должно было хранить въ каждомъ семействѣ дѣтей музыкѣ и пѣнію. Въ Грузинѣ былъ свой хоръ музыкантовъ и пѣвчихъ. Впослѣдствіи (въ 1816 г.) обращено было вниманіе и на устройство сельскихъ домашнихъ школъ *).

За всякое нарушеніе установленныхъ, выработанныхъ графомъ, правилъ полагались суровыя взысканія, штрафы и тѣлесныя наказанія; но за то и ни одинъ успѣхъ, ни одинъ утѣшительный фактъ не пропускался безъ вниманія, безъ поощренія или награды.

Неимовѣрно-суровъ и тяжелъ былъ этотъ по-

Памятникъ Императору Александру I, поставленный въ селѣ Грузинѣ, передъ соборомъ.

„у образной кіотѣ, дабы ихъ всегда можно было видѣть". Но этого мало: за всѣми дѣтьми въ Грузинѣ назначенъ былъ строгій надзоръ; имъ воспрещалось ѣсть сырые фрукты и овощи и, начиная съ извѣстнаго возраста, каждый мальчикъ опредѣлялся на извѣстную работу, сначала легкую, а потомъ потруднѣе. Болѣе способные отдавались въ обученіе мастерствамъ, даже искусствамъ. Скупой до чрезвычайности въ своемъ домашнемъ быту, графъ непожалѣлъ денегъ на обученіе крестьянскихъ мѣщикъ-учитель, неутомимо-дѣятельный, раньше всѣхъ подымавшійся, все знавшій и видѣвшій, во все входившій лично, никого не удостоивавшій своего довѣрія. Но за то и результаты, достигнутые имъ въ теченіе десяти лѣтняго владѣнія Грузинымъ, были изумительны. Грузино и вся мѣстность, входившая въ составъ графскаго имѣнія, со всѣми

*) До этого времени 1 грамотный приходился на 225 человѣкъ въ грузинской волости.

приселками — положительно преобразились. Деревни, съ правильно построенными домами, вытянутыми въ струнку, съ садиками въ промежуткахъ между избами, стали скорѣе походить на нѣмецкія колоніи, нежели на русскія селенія. Вязкіе и колеистые проселки замѣнились превосходными дорогами, гладкими, какъ полъ, обсаженными по бокамъ деревьями. Гдѣ прежде было болото, тамъ теперь разстилались роскошные луга; гдѣ прежде были пустыри съ каменьями и кочками, тамъ простирались пашни, отлично-разработанныя. И мужикъ на эту пашню выѣзжалъ на хорошей здоровой лошади, съ исправной бороной и сохой; даже упряжь на его лошади была тоже исправная, не мочалами и лыкомъ перевязанная; даже на немъ самомъ не видать было безобразныхъ лохмотьевъ. Благосостояніе крестьянъ—вообще говоря—поднялось несомнѣнно и замѣтно; и не смотря на то, что крестьяне, конечно, не любили своего строгаго помѣщика и еще болѣе не любили заведенныхъ имъ строгихъ порядковъ, но, мало-по-малу, начинали сознавать, что эти порядки измѣняютъ ихъ бытъ къ лучшему и приносятъ имъ существенную пользу.

Покончивъ съ заботами о внесеніи порядка и благоустройства въ свое Грузинское имѣніе и убѣдившись въ томъ, что его распоряженія не остаются мертвою буквою, Графъ Аракчеевъ обратился къ украшенію своей усадьбы и предпринялъ для этого цѣлый рядъ грандіозныхъ построекъ, задуманныхъ и выполненныхъ по весьма широкому плану.

Прежде всего, въ 1806 году, между первоначальнымъ деревяннымъ домомъ и церковью, построенъ былъ обширный каменный домъ (можно почти сказать: дворецъ), весьма изящной и строгой архитектуры. На внутреннюю его отдѣлку графъ нещадилъ издержекъ и для этой цѣли приглашалъ лучшихъ современныхъ мастеровъ и художниковъ. Въ главной залѣ дома помѣщенъ былъ портретъ Императора Павла I во весь ростъ и около него роскошная витрина, въ которой, подъ стекломъ, собраны всѣ собственноручныя записки и рескрипты Императора Павла Аракчееву. Противъ портрета поставленъ весьма изящный памятникъ Павлу I, работы извѣстнаго въ то время скульптора Мартоса. Затѣмъ, садъ около дома былъ расширенъ, и въ немъ проведены новыя аллеи, вырыты новые пруды. Любопытно, что и въ эту цвѣтущую пору жизни, какъ и позднѣе, въ старости—въ періодъ наибольшаго развитія своего могущества, какъ и въ періодъ наибольшей немилости и забвенія,—Аракчеевъ оставался удивительно вѣренъ себѣ, и выказывалъ это въ каждомъ шагѣ своей жизни, до мелочей. Одною изъ выдающихся чертъ его характера отъ самой ранней юности было глубокое, искреннее почтеніе къ старшимъ и неизмѣнная признательность ко всѣмъ, кто когда-нибудь сдѣлалъ ему добро, оказалъ вниманіе и ласку. И вотъ, эта черта характера грузинскаго помѣщика яснѣе всего высказывается въ его строительской дѣятельности, въ украшеніи дома и сада. Такъ, въ одномъ изъ уголковъ сада, по желанію графа, воздвигнута была искусственная руина, покрытая травою и мхомъ и посвященная памяти Александра Даниловича Меньшикова—прежняго владѣльца Грузина; подъ сводомъ этой руины поставленъ былъ и бюстъ Петрова любимца. Въ другомъ углу сада, на островкѣ пруда, построена была каменная бесѣдка съ пристанью, въ память генерала Мелиссина, бывшаго директоромъ артиллерійскаго кадетскаго корпуса, въ то время, когда графъ въ немъ воспитывался. Въ воспоминаніе объ Императорѣ Павлѣ, надъ фронтономъ дома, былъ выставленъ его вензель и подъ нимъ извѣстный девизъ графа Аракчеева „без лести преданъ".

Около того же времени достроена и освящена въ селѣ Грузинѣ новая и обширная каменная церковь, во имя апостола Андрея Первозваннаго, который, по мѣстному преданію, посѣтилъ и новгородскую окраину и на холмахъ грузинскихъ также водрузилъ крестъ, какъ и на горахъ кіевскихъ.

Какъ разъ около того времени, когда Грузинская вотчина приняла окончательно тотъ видъ, какой графъ хотѣлъ ей придать, когда всѣ его домашніе планы и реформы были доведены до желаннаго конца — служебная его карьера достигла высшей степени значенія и могущества. Вліяніе его на дѣла государственныя было настолько сильно, что борьба съ нимъ была невозможна: — онъ былъ не только первымъ изъ первыхъ вельможъ въ го-

сударствѣ, но и ближайшимъ совѣтникомъ, даже другомъ Императора Александра I, который удостоивалъ его величайшаго довѣрія. Довѣріе и дружба Императора выразились прежде всего въ томъ, что, начиная съ 1810 года, онъ сталъ посѣщать грузинскаго помѣщика сначала изрѣдка, черезъ два-три года, а потомъ — ежегодно, и, наконецъ, даже по два раза въ годъ. Пріѣзжая въ Грузино, онъ проводилъ въ домѣ Аракчеева по два и по три дня, входилъ во всѣ подробности управленія Грузинскимъ имѣніемъ, присматривался къ народной жизни и восхищался удивительною чистотою и порядкомъ, которые всюду находилъ въ Грузинѣ. Въ особомъ рескриптѣ, присланномъ графу Аракчееву, Императоръ Александръ такъ выражаетъ впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ перваго посѣщенія Грузина въ іюнѣ 1810 года:

„Графъ Алексѣй Андреевичъ!

„Устройство и порядокъ, который лично видѣлъ я въ деревняхъ вашихъ, при посѣщеніи васъ на возвратномъ пути Моемъ изъ Твери, доставили Мнѣ истинное удовольствіе. Доброе сельское хозяйство есть первое основаніе хозяйства государственнаго. Бывъ личнымъ свидѣтелемъ того обилія и устройства, которое въ краткое время, безъ принужденія, однимъ умѣреннымъ и правильнымъ распредѣленіемъ крестьянскихъ повинностей и тщательнымъ ко всѣмъ нуждамъ ихъ вниманіемъ успѣли вы ввести въ вашихъ селеніяхъ, Я поспѣшаю изъявить вамъ истинную мою признательность за удовольствіе, которое вы Мнѣ симъ доставили. Когда съ дѣятельною государственною службою соприкасается примѣръ частнаго добраго хозяйства, тогда и служба, и хозяйство получютъ новую цѣну и уваженіе“...

Мы ни мало не удивляемся тому, что графъ Аракчеевъ, такъ тѣсно сблизившись съ Императоромъ Александромъ, выше всего цѣнилъ его довѣріе и дружбу и нѣсколько разъ отказывался отъ разныхъ высокихъ наградъ и почестей, которыми Государь готовъ былъ его осыпать. За то Государь вознаграждалъ „своего друга“ такими нѣжными заботами, какихъ едва-ли бывалъ удостоенъ другой подданный *), и сохранилъ свою привязанность и дружбу къ Аракчееву до послѣдней минуты. Можно даже сказать, что эта дружба и довѣріе къ Аракчееву съ годами возрастали въ Александрѣ и естественно привели къ тому періоду его царствованія, который современники привыкли разумѣть подъ общимъ, ненавистнымъ именемъ Аракчеевщины.

Здѣсь было бы, однако же, неумѣстно входить въ обсужденіе вопроса о томъ, въ какой степени графъ Аракчеевъ заслуживалъ довѣрія и дружбы Государя. Значенія его, какъ государственнаго дѣятеля мы еще должны будемъ коснуться въ той главѣ, гдѣ намъ придется говорить объ исторіи военныхъ поселеній. Эта несчастная исторія и, въ особенности — непріятный, желчный, придирчивый и мелочный характеръ Аракчеева много способствовали тому, чтобы въ ближайшемъ потомствѣ о немъ сложились совершенно невѣроятныя легенды, въ которыхъ о его дѣятельности и общественной, и домашней передаются ужасы, менѣе всего похожіе на исторію. Недостатки графа Аракчеева, для всѣхъ очевидные и несомнѣнные, на которые такъ пріятно было указывать въ всемогущемъ временщикѣ — побуждали всѣхъ закрывать глаза на его достоинства, и матерьялъ, до сихъ поръ собранный для біографіи Аракчеева, кажется намъ слишкомъ одностороннимъ, для того, чтобы, на основаніи его, можно было произнести окончательный приговоръ объ этомъ историческомъ дѣятелѣ.

Уѣзжая на Югъ Россіи, въ 1825 году, Александръ еще разъ посѣтилъ Грузино, и провелъ тамъ 25 и 27 іюня. 19 ноября 1825 г. Императоръ скончался — и вмѣстѣ съ кончиною его окончилась историческая роль Аракчеева. Послѣ кратковременнаго отпуска заграницу, графъ удалился отъ всѣхъ дѣлъ и до самой смерти не выѣзжалъ изъ Грузина, посвятивъ себя исключительно заботамъ по этому образцовому имѣнію и воспоминаніямъ объ Александрѣ. И надо отдать ему полную справедли-

*) Такъ напр. въ 1816 году, весною, Государю вздумалось сдѣлать пріятный сюрпризъ Аракчееву, и онъ приказалъ, чтобы его собственная яхта Р о ч е с а л ь м ъ, вмѣстѣ со всею своею командою, была с у х о п у т ь е м ъ доставлена изъ Петербурга въ Грузино, спущена тамъ на воду въ ночь на 24-е число апрѣля, такъ, чтобы утромъ, при пробужденіи графа Аракчеева, яхта могла салютовать ему изъ пушекъ. Командѣ приказано было оставаться въ Грузинѣ, въ полномъ распоряженіи графа.

вость въ томъ, что онъ съ большимъ достоинствомъ и твердостью перенесъ тѣ удары судьбы, которые, конечно, не пощадили бывшаго временщика въ его Грузинскомъ уединеніи.

По отношенiи къ Грузину этотъ періодъ жизни графа (отъ конца 1825 г. и до самой его смерти) былъ особенно важенъ въ томъ смыслѣ, что въ это время Грузино и было обращено въ тотъ грандіозный памятникъ Александру и его эпохѣ, какимъ оно остается и понынѣ. Нельзя при этомъ упустить изъ виду того, что этотъ памятникъ Императору Александру Благословенному былъ созданъ усиліями одного человѣка, одного подданнаго— примѣръ, чуть-ли не единственный во всей нашей исторіи.

Всѣ комнаты Грузинскаго дома и весь садъ полны скорбныхъ воспоминаній объ Александрѣ Благословенномъ. Мы вовсе и не думаемъ перечислять ихъ здѣсь въ подробности, потому что не можемъ отвести въ нашей книгѣ описанію Грузина того мѣста, котораго бы оно вполнѣ заслуживало; ограничимся только упоминаніемъ о важнѣйшихъ памятникахъ, художественные снимки которыхъ мы здѣсь помѣщаемъ.

Прежде всего, во время своего путешествія заграницу, графъ Аракчеевъ заказалъ первѣйшимъ парижскимъ скульпторамъ и литейщикамъ превосходные бронзовые часы, съ весьма изящной группой наверху, изображающей самаго Аракчеева, печально склонившагося надъ бюстомъ Императора Александра. Часы устроены такъ, что бьютъ только одинъ разъ въ день, именно въ часъ кончины Александра (10 час. и 50 минутъ утра). Во время боя часовъ, на лицевой сторонѣ открываются дверцы, за которыми помѣщены два медальона: одинъ съ рельефнымъ изображеніемъ Александра, другой съ обозначеніемъ года, мѣсяца и дня его кончины. По окончаніи боя, органъ, помѣщенный въ нижней части часовъ, играетъ трижды трогательную мелодію молитвы: „Со святыми упокой".

Затѣмъ, на балконѣ лѣтняго дома поставлена была слѣдующая надпись: „Любимое мѣсто блаженной памяти Императора Александра Благословеннаго, на которомъ изволилъ во время Высочайшаго своего въ Грузинѣ пребыванія часто кушать чай. Сія надпись поставлена въ 1827 году.

Немного позднѣе заказанъ былъ графомъ другой великолѣпный памятникъ Александру, помѣщенный на самомъ видномъ мѣстѣ въ главномъ Грузинскомъ домѣ:—то былъ бюстъ Александра I, отлитый изъ серебра и поставленный на серебрянной колоннѣ. Все подножіе бюста испещрено надписями, помѣщенными тамъ по волѣ графа. Приводимъ ихъ дословно, потому что онѣ, во всякомъ случаѣ, принадлежатъ исторіи.

На лицевой сторонѣ подножія:

„Прощай, любезный Алексѣй Андреевичъ, не покидай друга — и вѣрнаго тебѣ друга. Таганрогъ. Сентября 22, 1825 года" *).

„Прилипни языкъ мой гортани моему, аще не помяну тебя на всякъ день живота моего".

На одной боковой сторонѣ:

„Въ безконечное время незабвенныя эпохи во всеобщей исторіи всего міра, Императоръ Александръ Благославенный:

1) Родился 1777 года 12 декабря.

2) Объявленъ наслѣдникомъ Всероссійскаго престола 1796 г. 6 ноября.

3) Вступилъ на Россійскій престолъ 1801 г. 12 марта.

4) Короновался 1801 г. 15 сентября.

5) Присоединилъ къ Россіи всю Финляндію 1809 года 5 сентября.

6) Освободилъ Европу отъ Наполеонова владычества 1814 года 29 марта.

7) Присоединилъ къ Россіи Царство Польское 1815 года 9 мая.

8) Скончался въ Таганрогѣ 1825 года ноября 19-го.

9) Тѣло погребено въ С.-Петербургѣ 1826 г. 13 марта.

10) День его ангела 30 августа.

На другой боковой сторонѣ:

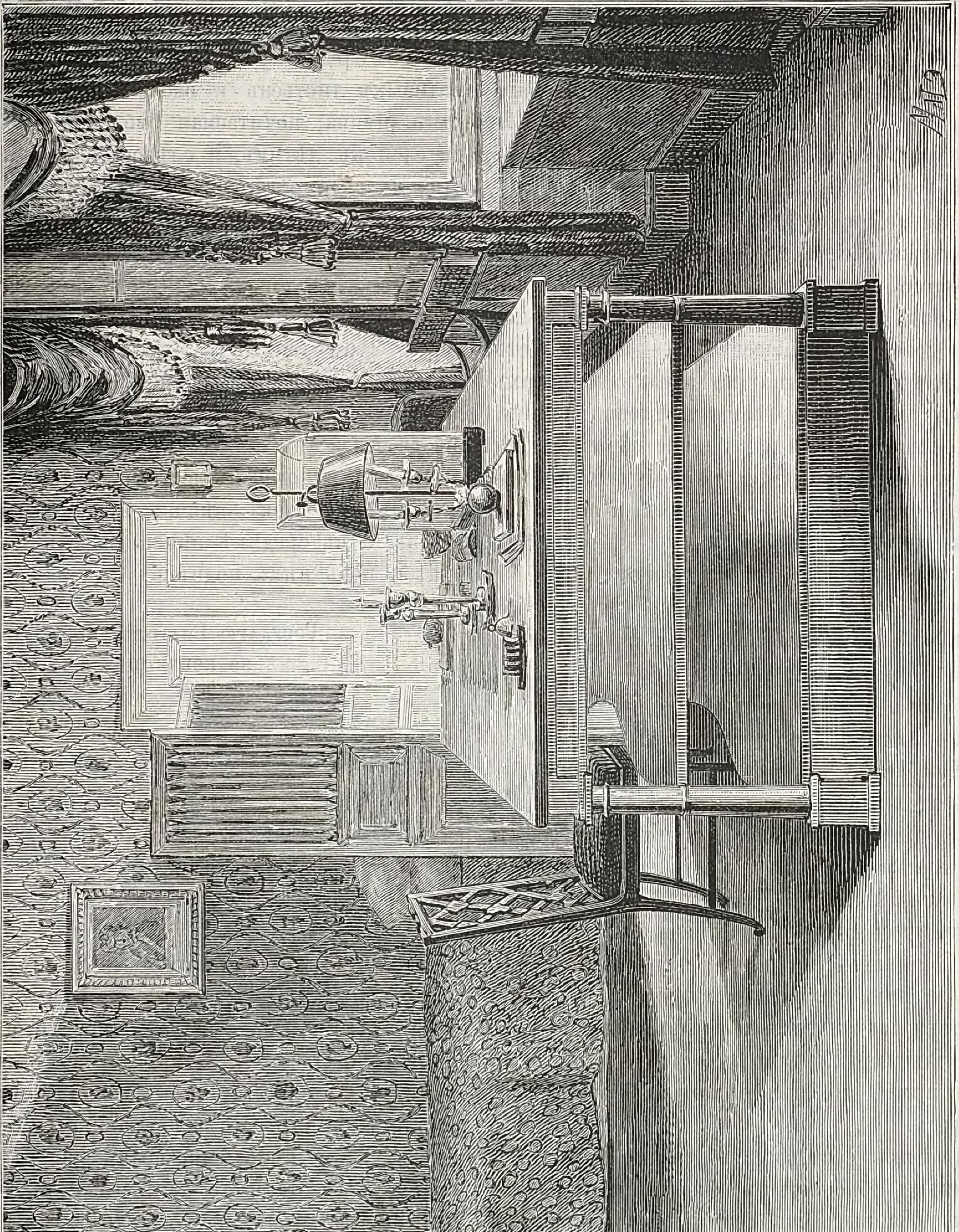
„Драгоцѣннѣйшіе дни въ жизни графа Аракчеева пребываніемъ въ Грузинѣ, въ сихъ самыхъ комнатахъ, Императора Александра Благословеннаго:

1810 года 7-го іюня.

1816 года 8-го іюля.

1819 года, 27-го іюня.

*) Заключительныя слова послѣдняго предсмертнаго письма Александра къ графу Аракчееву.

Кабинетъ Аракчеева, въ которомъ Императоръ Александръ помѣщался во время пріѣздовъ въ Грузино.

1820 года, 4-го марта и 26-го іюня.

1821 года, 22, 23 и 24-го іюня.

1822 года, 15-го іюня.

1823 года, 15, 16, 17-го марта и 3, 4-го іюля.

1824 года 24 и 25-го іюня.

1825 года, 26 и 27-го іюня.

На задней сторонѣ:

„Подножіе сіе къ изображенію незабвеннаго Императора Александра Благословеннаго сдѣлано послѣ его кончины вѣрноподданнымъ слугою графомъ Аракчеевымъ: — да пребудетъ оно въ семъ домѣ и въ сихъ самыхъ комнатахъ для сего назначенія во вѣки вѣковъ. Аминь.

„А если кто осмѣлится оное обратить на другое какое употребленіе, то да будетъ ему наказаніе Божіе какъ въ сей, такъ и въ будущей жизни".

На верхней сторонѣ пьедестала:

„Въ С.-Петербургѣ 1829 года. Вѣсъ серебра 3 пуда 4½ фунта. Мастеръ И. А. Берель".

Но этимъ графъ Аракчеевъ не ограничился. Ему хотѣлось увѣковѣчить память Александра Благословеннаго другимъ, болѣе виднымъ, болѣе выдающимся памятникомъ, для котораго онъ избралъ мѣсто передъ грузинскимъ соборнымъ храмомъ. По мысли Аракчеева, памятникъ заказанъ былъ Гальбергу, лучшему изъ современныхъ русскихъ молодыхъ скульпторовъ. Исполненіе памятника длилось довольно долго, затѣмъ, самая постановка его въ Грузинѣ также затянулась нѣкоторыми побочными обстоятельствами, такъ что памятникъ могъ быть открытъ не ранѣе какъ 19-го ноября 1833 года.

Памятникъ состоитъ собственно изъ пяти массивныхъ бронзовыхъ фигуръ прекрасной работы. На высокомъ гранитномъ пьедесталѣ одну общую группу составляютъ три фигуры: Вѣра и Надежда поднимаютъ бюстъ Императора Александра, а Милосердіе, поддерживая бюстъ одною рукою, другою—увѣнчиваетъ его небеснымъ вѣнкомъ съ сіяніемъ.

Около каждой изъ этихъ фигуръ видимъ тѣ аттрибуты, которыя характеризуютъ ее въ искусствѣ. Вѣра, съ таинственнымъ покрываломъ на головѣ и священнымъ именемъ Іеговы на персяхъ, одною рукою поддерживаетъ бюстъ Александра, а другою обнимаетъ крестъ. Надежда съ открытой грудью, твердая и сильная, стоитъ, опершись на свой якорь. Милосердіе увѣнчано вѣнкомъ изъ гранатовыхъ листьевъ и около его ногъ — пеликанъ, птица, почитаемая эмблемой любви родителей къ дѣтямъ, а слѣдовательно, и царя-отца къ своимъ дѣтямъ-подданнымъ.

У ногъ этихъ фигуръ, на верхней части пьедестала, положены на подушкѣ императорскія регаліи—корона, скипетръ и держава.

У подножія пьедестала видимъ еще двѣ фигуры: Россійскаго воина и освобожденную Европу (въ видѣ женщины), опечаленную, обратившую взоры на возносимый бюстъ Александра.

На гранитномъ пьедесталѣ — съ передней стороны—изсѣченъ вѣнокъ изъ дубовыхъ листьевъ, а въ срединѣ вѣнка вензель Александра, и подъ нимъ подпись:

**Государю Благодѣтелю
по кончинѣ
Его**

На другой сторонѣ гранитнаго пьедестала:

**Отъ подданнаго
въ 1833 году.
Царствовалъ
25 лѣтъ.**

По открытіи памятника, на фигуру Русскаго воина возложенъ былъ на цѣпочкѣ бронзовый крестъ, изъ числа тѣхъ, которые на память объ открытіи памятника во множествѣ были розданы народу. Вѣсъ гранитной глыбы, составляющій пьедесталъ, равняется 700 пудамъ. Общій вѣсъ бронзовыхъ фигуръ — 350 пудамъ. Высота всего памятника, съ фигурами, пьедесталомъ и тремя нижними ступенями—3 сажени.

Обративъ весь свой домъ и садъ въ одинъ общій памятникъ Александру и его эпохѣ, графъ Аракчеевъ не ограничился только вещественными памятниками своему „обожаемому Монарху"; онъ рѣшился поставить ему памятникъ и въ потомствѣ. Еще при жизни своей сдѣлавъ такъ-называемое „завѣщательное распоряженіе", онъ взнесъ въ 1833 году 50,000 рублей въ Государственный Заемный Банкъ „съ тѣмъ, чтобы сія сум-

ма оставалась въ немъ 93 года неприкосновенною со всѣми приращаемыми на оную въ продолженіе сего времени процентами, безъ малѣйшаго ущерба и изъятія". Вся эта колоссальная сумма, которая къ 1925 году составитъ 1.918,960 руб. предназначается „въ награду тому изъ россійскихъ писателей, который черезъ сто лѣтъ отъ кончины въ Бозѣ почивающаго Вѣнценосца, т. е. въ 1925 году, напишетъ на россійскомъ языкѣ исторію царствованія Императора Всероссійскаго Александра I лучше всѣхъ, т. е. полнѣе, достовѣрнѣе и краснорѣчивѣе". Присужденіе награды предоставляется „первой въ Россіи Академіи словесныхъ наукъ".

Въ дополненіе того, что мы сообщили о графѣ Аракчеевѣ, нельзя не вспомнить здѣсь о тѣхъ крупныхъ пожертвованіяхъ, которыя были имъ сдѣланы въ послѣдніе годы жизни на общую пользу. Вскорѣ послѣ смерти Александра, графъ пожертвовалъ 50,000 рублей на „человѣколюбивыя заведенія, находившіяся подъ покровительствомъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны". Затѣмъ въ 1833 году графъ пожертвовалъ 300,000 рублей „на воспитаніе изъ процентовъ сего капитала въ Новгородскомъ кадетскомъ корпусѣ бѣдныхъ дворянъ Новгородской и Тверской губерніи". Вскорѣ послѣ того онъ и скончался въ Грузинѣ (21-го апрѣля 1834 г.), всѣми забытый, всѣми покинутый.

Въ духовномъ завѣщаніи графа Аракчеева (написанномъ и внесенномъ на храненіе въ Сенатъ еще при жизни Александра I), вскрытомъ послѣ смерти графа въ присутствіи Правительствующаго Сената, вслѣдъ за распоряженіями покойнаго „о нераздѣльномъ владѣніи и наслѣдованіи всемилостивѣйше пожалованною ему за службу Грузинскою волостью", оказался слѣдующій пунктъ: „что ежели бы дни графа прекратились прежде избранія имъ достойнаго наслѣдника, то сіе избраніе предоставляетъ онъ Государю Императору". На этомъ основаніи всѣ родственники покойнаго были устранены отъ наслѣдованія и Императоръ Николай (6 мая 1834 года) „желая съ одной стороны упрочить нераздѣльное владѣніе имѣніемъ покойнаго и благосостояніе крестьянъ его, бывшія цѣлію его распоряженій, а съ другой — сохранить имя графа Аракчеева такимъ образомъ, который бы соотвѣтствовалъ всегдашнему его стремленію къ пользѣ общественной, за лучшее призналъ: отдать навсегда Грузинскую волость и всю принадлежащую къ ней движимость въ полное и нераздѣльное владѣніе Новгородскому кадетскому корпусу, съ тѣмъ, чтобы оный обращалъ доходы, получаемые съ имѣнія, благопріобрѣтеннаго покойнымъ, на воспитаніе благороднаго юношества и принялъ имя и гербъ завѣщателя".

Капиталъ графа Аракчеева, въ количествѣ 1.800,000 рублей (кромѣ недвижимаго имѣнія и движимаго имущества), взятъ былъ въ казну. Мы не знаемъ, на какое назначеніе онъ былъ обращенъ впослѣдствіи...

Между бывшими крестьянами графа Аракчеева много сохранилось о немъ разсказовъ и преданій, и надо сказать правду: — простой русскій народъ относится къ его памяти гораздо мягче и человѣчнѣе, нежели большинство тѣхъ представителей интеллигенціи, которые до сихъ поръ принимались у насъ въ печати говорить объ Аракчеевѣ. Народъ, вспоминая о суровыхъ взысканіяхъ Аракчеева „за всякую провинность", отзывается о немъ, что „строгъ былъ немилосердно", но отдаетъ полную справедливость ему въ томъ, что онъ „многому доброму научилъ". И дѣйствительно, бытъ Грузинскихъ крестьянъ даже и теперь еще носитъ на себѣ слѣды той школы, которую пришлось пройти крестьянамъ графа, и во многомъ отличается отъ быта сосѣднихъ волостей.

Что-же касается до личности и характера графа Аракчеева, какъ историческаго дѣятеля, то они, по нашему глубокому убѣжденію, до сихъ поръ еще остаются далеко не вполнѣ разгаданными. Любопытное подтвержденіе нашего взгляда мы находимъ въ тѣхъ краткихъ автобіографическихъ замѣткахъ, которыя случайно проникли въ печать. Такъ напр. на прокладныхъ бѣлыхъ листахъ принадлежавшей графу книги Св. Евангелія мы находимъ, подъ 1-мъ числомъ января 1810 года, слѣдующую запись:

„Въ сей день сдалъ званіе военнаго министра. Совѣтую всѣмъ, кто будетъ имѣть сію книгу послѣ меня, помнить, что честному

человѣку всегда трудно занимать важныя мѣста государства".

А вотъ и другая, собственноручная замѣтка графа Аракчеева на рапортѣ провіантскаго коммиссіонера о томъ, что барки съ хлѣбомъ благополучно прошли мимо Боровицкихъ пороговъ:

„Это мнѣ одному только извѣстно, сколько у меня обѣщано молебновъ, сколько обѣщаній пѣшкомъ по монастырямъ ходить, дабы Вышній сохранилъ провіантскихъ коммиссіонеровъ отъ искушеній, наводимыхъ, по Св. Писанію, самими діаволами, и вѣрно мои молитвы уже доходятъ до Бога."

Любимое мѣсто Императора Александра I, въ Грузинѣ.

Да, сердце человѣческое — великая загадка, и для того, чтобы проникнуть въ тайный смыслъ ея, къ рѣшенію этой загадки слѣдуетъ приступать открыто и просто, безъ всякихъ тенденцій, безъ всякихъ предвзятыхъ умствованій.

II.

Современный намъ Новгородъ.—Нынѣшній видъ и значеніе города.—Краткій очеркъ исторіи города за послѣднія двѣсти лѣтъ.—Важнѣйшія событія и лица.—Памятникъ тысячелѣтія.—Новгородское земство и князь Васильчиковъ.

СОВРЕМЕННЫЙ намъ Новгородъ и по числу жителей, и по значенію своему въ русской торговлѣ и промышленности, и по самому положенію своему въ сторонѣ отъ главныхъ, наиболѣе оживленныхъ путей, пролегающихъ по Россіи, занимаетъ между русскими губернскими городами третьестепенное мѣсто.

Пространство, на которомъ расположенъ нынѣшній городъ, довольно значительно (1373 десятины), въ особенности по отношенію къ числу жителей (не много болѣе 20,000 человѣкъ), разселенныхъ въ городѣ очень рѣдко и просторно. Изъ былой исторіи Новгорода мы знаемъ, что таже самая площадь могла свободно помѣщать на себѣ городское населеніе по крайней мѣрѣ втрое бо́льшее противъ нынѣшняго, и малолюдство, отсутствіе оживленія и движенія—составляютъ одну изъ весьма замѣтныхъ отличительныхъ чертъ нынѣшняго Новгорода, въ которомъ нѣкоторыя окраины (напр. юго-восточный уголъ Торговой стороны и крайняя западная часть Софійской стороны) представляются какъ-бы вымершими. Разрозненности населенія много способствуетъ и существующее издревле раздѣленіе города на Софійскую (на лѣвомъ берегу Волхова) и Торговую (на правомъ берегу) стороны, давно уже утратившее всякій смыслъ и значеніе. Можетъ быть, именно потому, что населеніе Новгорода живетъ такъ просторно, не скучившись особенно ни въ одномъ изъ пунктовъ занимаемой имъ площади, городъ, по сравненію съ нашими губернскими городами средней руки, принадлежитъ къ числу довольно опрятныхъ. Не смотря на то, что занимаемая городомъ мѣстность очень плоска и ровна, видъ города очень привлекателенъ, особенно если пріѣзжаешь въ Новгородъ по Волхову, на пароходѣ. Подгородніе монастыри съ ихъ прекрасными, тѣнистыми рощами, берега Волхова, застроенные каменными домами, множество церквей, возносящихъ свои цвѣтные купола изъ-за крышъ сосѣднихъ домовъ или изъ зелени оградъ — съ одной стороны; а съ другой зубчатая линія стѣнъ древняго Дѣтинца, съ причудливой звонницей и позлащенной главой Св. Софіи, густая темная зелень городскаго сада, покрывающая довольно высокій склонъ берега и далѣе, за Дѣтинцемъ, опять церкви, монастыри и домики, окруженные садиками. Порядочное количество судовъ около праваго берега, гдѣ, недоѣзжая моста, пристаютъ пароходы и масса лодокъ, которыя то и дѣло снуютъ между берегами—все это нѣсколько оживляетъ картину и способствуетъ тому, что впечатлѣніе, производимое Новгородомъ на туриста, довольно пріятно.

Когда-же вы осмотритесь, освоитесь съ городомъ, когда вы посѣтите его святыни и древности, на васъ невольно повѣетъ чѣмъ-то прекраснымъ, глубоко-проникающимъ въ душу, и Новгородъ пріобрѣтетъ въ вашихъ глазахъ совершенно особое значеніе. Если вы сколько-нибудь свѣдущи въ былой исторіи Новгорода, если васъ не обуяла въ конецъ наша нынѣшняя лихорадочная суетливость и поспѣшность, наше, всѣмъ нынѣ общее, равнодушіе къ прошлому, къ минувшему—вы съ удовольствіемъ проживете въ Новгородѣ недѣли двѣ, чтобы ознакомиться съ уцѣлѣвшими въ немъ замѣчательными памятниками новгородской старины, которая какъ-то особенно близка сердцу каждаго русскаго

человѣка. Изученіе этой старины теперь, можетъ быть, болѣе, чѣмъ когда-либо, могло-бы быть намъ полезно для отрезвленія отъ обуявшаго насъ чада теорій и воздушныхъ замковъ, неимѣющихъ ничего общаго ни съ русской почвой, ни съ русской дѣйствительностью.

Но объ исторіи Новгорода, его древностяхъ и его преданіяхъ мы еще будемъ говорить въ одной изъ послѣдующихъ главъ; а потому, не забѣгая впередъ, скажемъ здѣсь все, что намъ извѣстно о современномъ Новгородѣ.

Незначительный ни въ какомъ смыслѣ, Новгородъ и въ качествѣ центра административнаго представляетъ неудобства весьма важныя. Вообразите себѣ губернію, раскинутую полосою слишкомъ въ 800 верстъ длины, и центромъ ея изберите городъ, который удаленъ отъ одной окраины этой полосы на 90 верстъ, а отъ другой на 650 *),—и вы получите нѣкоторое понятіе объ удобствахъ управленія Новгородскою губерніею изъ такого центра, какъ Новгородъ. Но, собственно говоря, только значеніе Новгорода, какъ центра административнаго, и служитъ ему главною поддержкою, такъ какъ, кромѣ этого значенія, Новгородъ въ данное время, очевидно, не можетъ имѣть никакого:—его пѣсенка спѣта... Можно подумать, что для него иссякли источники исторической жизни, которыя били здѣсь когда-то такимъ живымъ и сильнымъ ключемъ, и всякія временныя, искусственныя попытки возвысить значеніе Новгорода, усилить біеніе его пульса—ни къ чему не приводили. Болѣе выдающуюся роль игралъ Новгородъ въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, когда въ непосредственной близости къ нему расположено было нѣсколько округовъ военныхъ поселеній, а въ послѣдствіи такъ-называемыхъ пахатныхъ солдатъ. Затѣмъ, Новгородъ, какъ первая большая станція на вновь проложенномъ превосходномъ шоссе изъ Петербурга въ Москву, тоже какъ будто ожилъ на-время. Въ городѣ явилась роскошная станція, и, что гораздо важнѣе — выстроенъ былъ прекрасный каменный мостъ, нѣсколько тяжелой, но весьма прочной николаевской конструкціи. Движеніе по шоссе было очень сильное, и Новгородъ дѣйствительно много отъ него выигрывалъ... Но, въ началѣ 50-хъ годовъ, проложенъ былъ другой, болѣе прямой путь между обѣими столицами, при которомъ Новгородъ былъ безжалостно обойденъ. Движеніе по шоссе прекратилось *), и Новгородъ былъ окончательно устраненъ отъ главныхъ путей, по которымъ совершается вся внутренняя жизнь Россіи.

Въ періодъ наибольшей спекулятивной горячки, правда, сдѣлана была попытка еще разъ ввести Новгородъ въ общую сѣть важныхъ торговыхъ путей:—древній городъ былъ соединенъ со станціею Чудово (Николаевской желѣзной дороги) узкоколейною вѣтвію, которая, если вѣрить строителямъ, сулила чуть не золотыя горы для Новгорода. Золотыхъ горъ она, конечно, не принесла, но все-же доставила городу удобный способъ зимняго сообщенія со столицами; притомъ, она не повліяла дурно на условія городской жизни, оставшейся, по прежнему, довольно простою, довольно дешевою жизнью губернскаго городка, въ которомъ люди живутъ мирно и довольно-ладно, вдали отъ сильно-шумящихъ волнъ моря житейскаго, веселятся посредствамъ, умѣренно играютъ въ карты и не сокращаютъ себѣ жизнь ни безплодной суетой, ни лихорадочною жаждой наживы, общей всѣмъ нашимъ большимъ центрамъ. Оживленію зимнихъ вечеровъ въ общественныхъ собраніяхъ и частныхъ кружкахъ много способствуетъ то, что около Новгорода постоянно расположено много войска: по Волхову, въ трехъ штабахъ, стоятъ три кавалерійскіе полка; въ самомъ Новгородѣ постоянно пребываетъ артиллерійская бригада, а далѣе—въ Старой Руссѣ и около нея расположены нѣкоторыя пѣхотныя части.

Говоря о современномъ Новгородѣ, нельзя, конечно, не оглянуться на то, что было пережито городомъ за послѣдніе 200 лѣтъ, отъ конца XVII вѣка и до нашего времени.

Не мѣшаетъ замѣтить при этомъ, что исторія нашихъ городовъ, за весьма немногими исключеніями, составляетъ до настоящаго времени одну изъ такихъ сторонъ русской жизни, которой до сихъ поръ менѣе всего касалась наша русская наука, и намъ случалось неоднократно встрѣчать въ провинціи людей, весьма

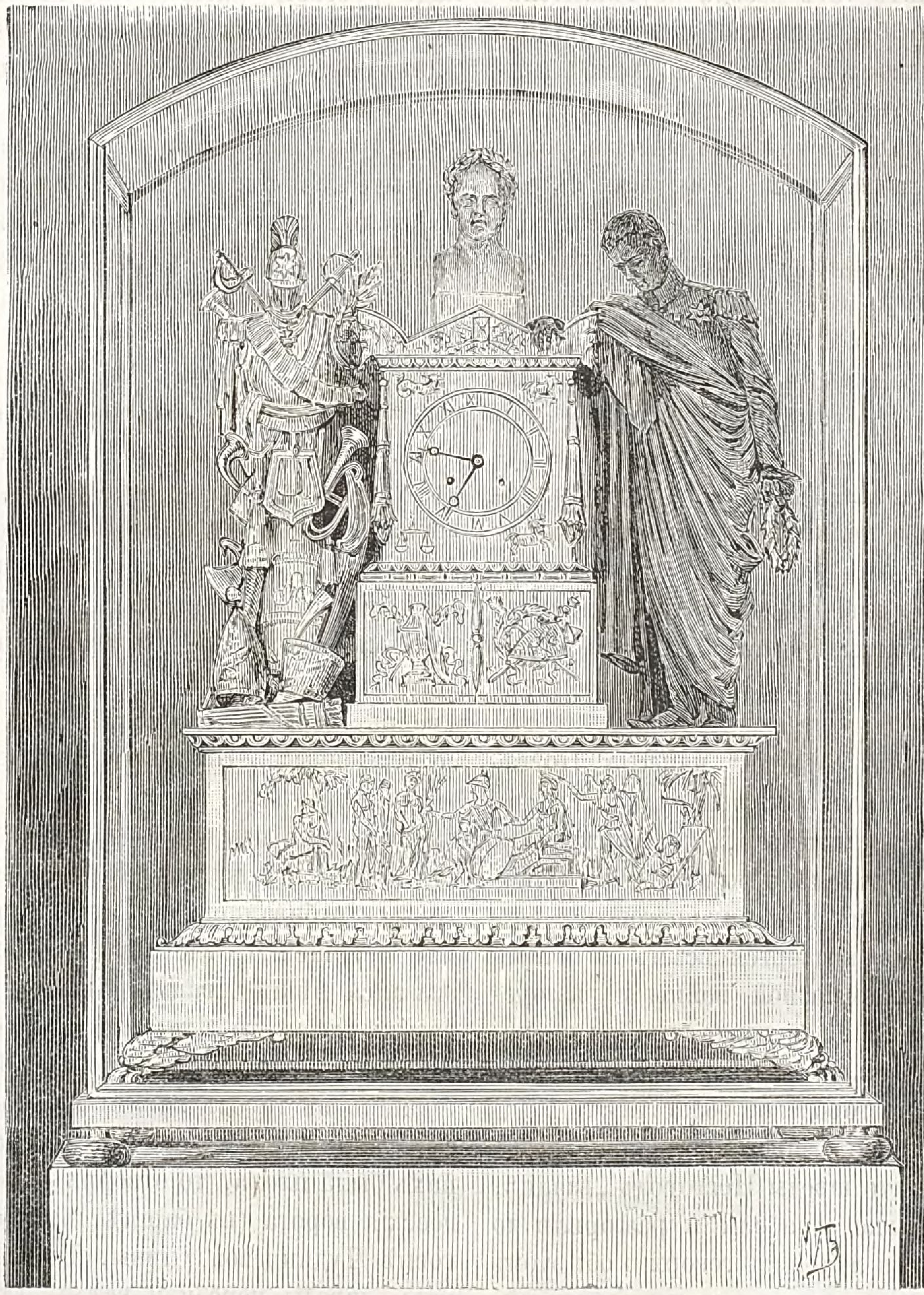
*) Старая Русса отстоитъ отъ Новгорода на 91 версту, Кириловъ на 602 и Бѣлозерскъ на 641.

*) Самое шоссе было, къ сожалѣнію, заброшено; роскошныя станціи развалились и тамъ, гдѣ не были проданы въ частныя руки, представляютъ теперь груды кирпичей.

почтенныхъ, заслуживающихъ полнаго уваженія, безвыѣздно жившихъ всю свою жизнь въ томъ или другомъ городѣ и, тѣмъ не менѣе, вовсе не знакомыхъ не только съ отдаленнымъ прошлымъ, но даже и съ новѣйшею эпохою исторіи своего родного города. Этимъ равнодушіемъ къ тому, что насъ окружаетъ, только и можно объяснить тотъ весьма неутѣшительный фактъ, что большинство и нынѣшнихъ новгородскихъ жителей, смутно и по наслышкѣ знакомое съ новгородскою стариною, едва ли что-нибудь знаетъ о той исторической роли, которая выпадала на долю Новгорода съ послѣдніе полтора-два вѣка, начиная съ петровскаго времени. Разработка новгородскихъ архивовъ, до сихъ поръ еще нетронутыхъ никѣмъ (насколько намъ извѣстно), заставила бы, конечно, прійти къ тому заключенію, что и въ новѣйшемъ періодѣ исторіи Новгорода было много замѣчательнаго, поучительнаго, заслуживающаго вниманія. Но и не касаясь архивнаго матеріяла, а только припоминая важнѣйшія лица и событія новгородской жизни въ послѣднія 200 лѣтъ, можно уже намѣтить, набросать въ общихъ чертахъ то, что другіе послѣ насъ раскажутъ, вѣроятно, подробнѣе и обстоятельнѣе.

Эпоха „Смутнаго времени“ нанесла Новгороду страшный, окончательный ударъ. Едва оправившись отъ тяжелаго, незаслуженнаго урока, даннаго Иваномъ Грознымъ, выводившимъ съ опричниками „измѣну новгородскую“, несчастный городъ подвергся всѣмъ тягостямъ и бѣдствіямъ междоусобной войны и раззоренію отъ шведской рати, которая, прійдя на помощь русской землѣ, грубо и самовольно хозяйничала въ новгородской области. Это хищническое хозяйничанье шведовъ закончилось въ 1611 году тѣмъ, что шведы Новгородъ „взяли“, весьма основательно ограбили и раззорили до тла. Новгородская лѣтопись говоритъ объ этомъ „шведскомъ взятіи“ кратко, но приводитъ нѣсколько характерныхъ чертъ, по которымъ мы видимъ, что въ новгородцахъ того времени еще не вымеръ духъ ихъ предковъ. Полководецъ шведскій—Де-Лагарди, котораго лѣтопись величаетъ „нѣмецкимъ княземъ“ и называетъ „Яковъ Пунтусовъ Делегарди“ подступилъ къ Новгороду со стороны Хутынскаго монастыря; но, 8 іюня, вдругъ переправился на лѣвый берегъ Волхова, овладѣлъ Успенскимъ монастыремъ на Колмовѣ и сталъ жечь окрестныя села, а затѣмъ осадилъ Новгородъ съ Софійской стороны. Въ Новгородѣ войска было въ то время очень немного, городъ не былъ приготовленъ къ возможности вынести долгую и правильную осаду, да и главное начальство надъ русскою ратью было не въ надежныхъ рукахъ. Главными лицами въ городѣ были: бояринъ князь Иванъ Никитичъ Одоевскій и воевода Василій Бутурлинъ. Они не посмѣли подумать объ сопротивленіи шведской рати въ открытомъ полѣ, и до того растерялись, что не знали, за что прежде приняться: за оборону, или за переговоры? Такой способъ дѣйствій со стороны начальствующихъ лицъ, конечно, убійственно подѣйствовалъ на общій духъ войска и горожанъ. Началось „великое шатаніе“—несогласія, пьянство, буйство на торгу и на улицахъ. Напрасно митрополитъ Исидоръ прибѣгъ къ традиціонному новгородскому пріему, нѣкогда избавившему Новгородъ отъ суздальцевъ: напрасно онъ поднялъ икону Знаменія и обнесъ ее торжественнымъ крестнымъ ходомъ по стѣнамъ города, въ сопровожденіи толпы, въ которой участвовали и власти городскія, и „всякъ возрастъ, мужескій полъ и женскій и со младенцы“. Враги не устрашились чудотворной иконы, да и защитникамъ города крестный ходъ не придалъ ни мужества, ни бодрости. Начались приступы къ стѣнамъ, отъ которыхъ отбивались кое-какъ и довольно вяло. Къ довершенію бѣдствія въ плѣну у шведовъ оказался нѣкій Ивашко Шваль (дворовый человѣкъ какого-то Лутохина), который взялся провести шведовъ въ городъ. Вѣроятно, онъ проникъ въ городъ какимъ-нибудь извѣстнымъ ему тайникомъ, и такъ какъ стража на стѣнахъ была плоха, то отворилъ шведамъ Чудинцевскія ворота (въ башнѣ того же имени), на концѣ Чудинцевой улицы. Тайно войдя въ городъ, шведы перебили всѣхъ, кто не успѣлъ, среди общаго вопля и смятенія, бѣжать на Торговую сторону. Воевода же Василій Бутурлинъ, какъ только заслышалъ о взятіи шведами Софійской стороны, такъ, вмѣсто того, чтобы подать помощь Одоевскому, ограбилъ весь товаръ, какой попалъ ему подъ руку въ лавкахъ, и вышелъ изъ города по московской дорогѣ, къ селу Бронницы. Но нашлись, среди

общаго бѣдствія и смятенія, свои герои, которые поддержали честь русскаго имени и славу предковъ. „Стрѣлецкій голова, Василій Голютинъ, да дьякъ Афиногенъ Голенищевъ, да Василій Орловъ, да атаманъ козачій Тимофей Шаровъ да съ ними же 40 человѣкъ казаковъ"—заперлись въ одной изъ башенъ и отбивались до тѣхъ поръ, пока не были перебиты всѣ до единаго. Сильный отпоръ шведамъ далъ и протопопъ Софійскаго собора Амосъ. Онъ заперся съ причтомъ въ своемъ дворѣ, бился съ врагами не на животъ, а на смерть, и много побилъ шведовъ. Напрасно шведы, желая избѣжать напраснаго кровопролитія, нѣсколько разъ предлагали ему сдаться, обѣщая ему помилованіе. Наконецъ зажгли дворъ храбраго протопопа и живьемъ сожгли его со всѣмъ причтомъ.

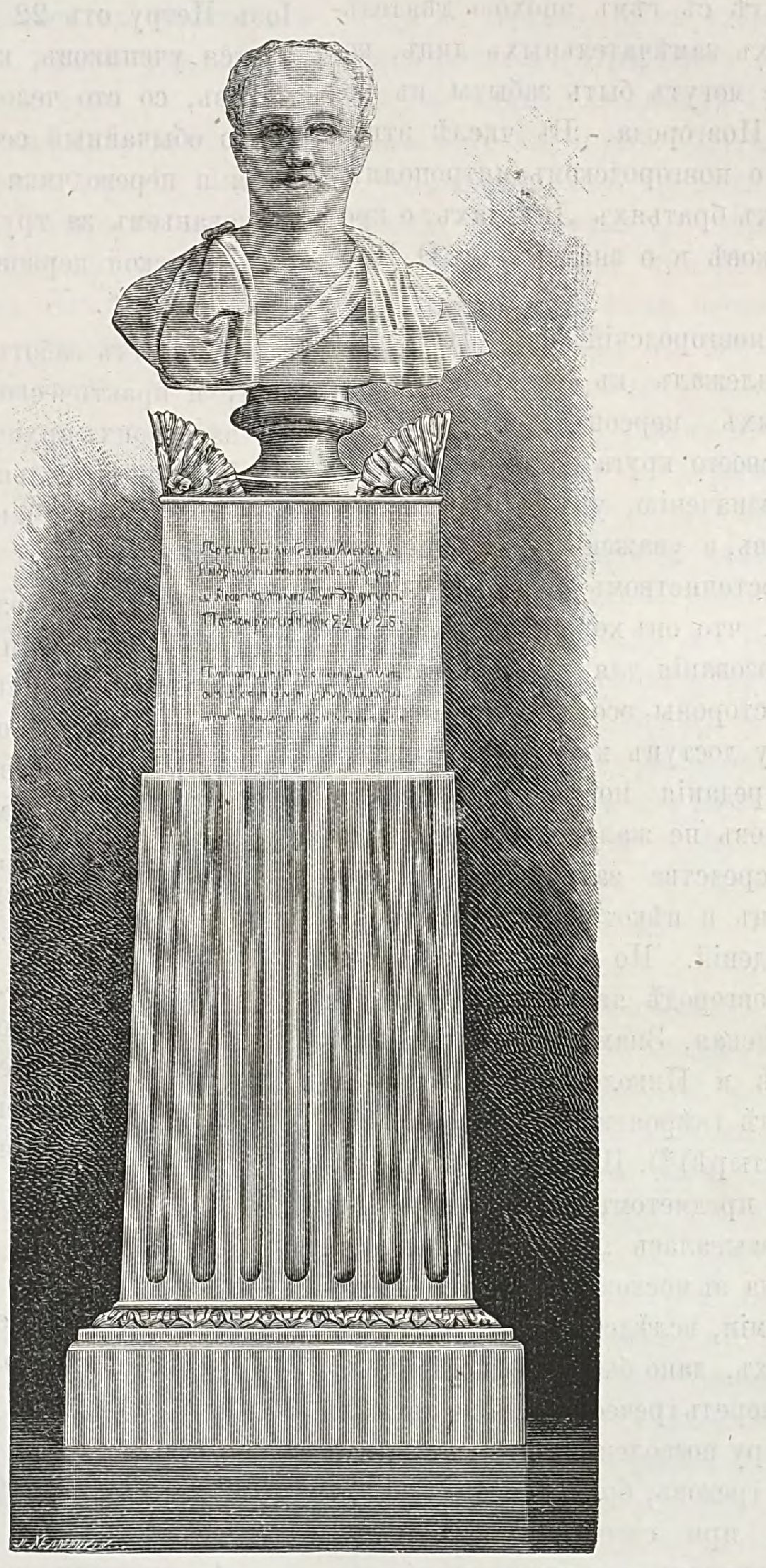

Грузинскіе часы въ память кончины Императора Александра Благословеннаго.

Лѣтопись добавляетъ къ описанію этого подвига одну чрезвычайно трогательную черту.

Протопопъ Аммосъ былъ въ это время у митрополита Исидора въ запрещеніи, и митрополитъ (во время взятія) стоявшій на городской стѣнѣ и пѣвшій молебны, видя, какъ крѣпко борется протопопъ противъ нѣмцевъ, „простилъ его за крѣпкое стоятельство и заочно благословилъ его, зря на дворъ его".

Въ 1627 году, по переписи, произведенной послѣ всевозможныхъ бѣдствій и раззореній, видимъ Новгородъ въ самомъ жалкомъ положеніи: въ немъ оказывается всего 729 жилыхъ дворовъ и 105 опустѣлыхъ. Жителей въ немъ всего около 1000, т. е. въ рѣдкомъ дворѣ можно встрѣтить двухъ жильцовъ. Перепись упоминаетъ и о томъ, что городъ полонъ могилъ, пожарищъ и развалинъ. Какъ туго оправлялся городъ отъ перенесенныхъ имъ погромовъ и опустошеній, видно изъ того, что въ 1719 году число жителей было въ немъ все еще весьма невелико—не болѣе 2,300 человѣкъ, и только къ концу XVIII столѣтія доходитъ до 6,000, причемъ количество домовъ возрасло весьма незначительно —до 1,500.

Памятникъ Императору Александру I, въ Грузинѣ, отлитый изъ серебра.

Надо полагать, что не легко было изгладить слѣды бѣдствій пережитыхъ Новгородомъ въ XVII ст., такъ, какъ даже въ путеводителѣ, изданномъ для путешествія Екатерины II по Россіи въ 1786 году, при краткомъ описаніи Новгорода, еще упоминается о неизглаженныхъ временемъ слѣдахъ „Шведскаго взятія и раззоренія Новгорода въ 1611 году".

Шведамъ отмстилъ за Новгородъ Петръ Великій, отвоевавшій у нихъ всю Ингрію и Карелію и оградившій Новгородъ отъ враждебныхъ вторженій широкою полосою новыхъ русскихъ земельныхъ пріобрѣтеній. Благодаря войнѣ, въ которой Петръ лично принималъ горячее участіе, а затѣмъ, благодаря работамъ сна-

чала по постройкѣ Петербурга, а потомъ по прорытію Ладожскаго канала, Петръ очень часто бывалъ въ Новгородѣ проѣздомъ изъ Москвы и изъ Архангельска и вѣроятно даже жилъ въ немъ нѣкоторое время. Время царствованія Петра I было вмѣстѣ съ тѣмъ эпохою дѣятельности нѣсколькихъ замѣчательныхъ лицъ, которыхъ имена не могутъ быть забыты въ новѣйшей исторіи Новгорода. Въ числѣ этихъ лицъ упомянемъ о новгородскомъ митрополитѣ Іовѣ, объ ученыхъ братьяхъ Лихудахъ, о крестьянинѣ Посошковѣ и о знаменитомъ Ѳ. Прокоповичѣ.

Митрополитъ новгородскій Іовъ (1697 г. по 1716 г.) принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ духовныхъ „персонъ", которыя, не отвлекаясь отъ своего круга дѣйствій и не измѣняя своему назначенію, умѣли однакоже заслужить и любовь, и уваженіе Петра Великаго. Главнымъ достоинствомъ Іова, въ глазахъ Петра, было то, что онъ хорошо понималъ необходимость образованія для духовенства и дѣлалъ съ своей стороны все, что могло облегчить духовенству доступъ къ наукѣ. Поддерживая старыя преданія новгородскаго архіерейскаго дома, Іовъ не жалѣлъ денегъ на школы и всѣ свои средства затрачивалъ на поддержаніе училищъ и нѣкоторыхъ благотворительныхъ учрежденій. По его почину уже съ 1706 года въ Новгородѣ явились три школы: домовая архіерейская, Знаменская — при Знаменскомъ соборѣ и Николо-Розважская — на Розважской улицѣ (вѣроятно, въ бывшемъ Никольскомъ монастырѣ) *). Школа при архіерейскомъ домѣ была предметомъ особенно нѣжныхъ заботъ Іова и называлась „греко-славянскою". Въ то время, когда въ московской славяно-греколатинской академіи, вслѣдствіе наплыва южнорусскихъ ученыхъ, дано было предпочтеніе латинскому языку передъ греческимъ, Іовъ съумѣлъ выпросить у Петру позволеніе взять къ себѣ изъ ссылки ученыхъ грековъ, братьевъ Лихудовъ, и помѣстилъ ихъ при своей домовой школѣ. Пользуясь ихъ трудами для преподаванія греческаго языка, митрополитъ Іовъ успѣлъ собрать около нихъ молодежь, которая, подъ ихъ руководствомъ, упражнялась въ переводахъ съ древнихъ и съ новѣйшихъ иностранныхъ языковъ, что, конечно, должно было нравиться Петру.

…„Въ домовыхъ моихъ школахъ"—пишетъ Іовъ Петру отъ 22 августа 1714 г. — обрѣтается учениковъ, кромѣ учителей и переводчиковъ, со сто человѣкъ, которые отъ дому жъ моего обычайный себѣ кормъ берутъ, да и учителя и переводчики кормомъ и одеждами, и жалованьемъ за труды ихъ, пользы ради св. христіанской церкви, изъ дому жъ моего награждаются".

Но однихъ заботъ о школахъ было мало умному и практическому пастырю. Онъ ухитрился изъ своихъ архіерейскихъ доходовъ устроить въ Новгородѣ больницы, богадѣльни, странноприимные дома *) и даже „домъ для подкидышей".

„У меня, богомольца твоего"—пишетъ Іовъ Петру—„сначала нынѣшнія войны обрѣтается 10 странноприимницъ, 15 нище-питалищъ или больницъ, домикъ подкидышковъ. И тѣмъ всѣмъ хлѣбъ и соль, и всякая повседневная пища, и дрова изъ дому моего со всякимъ удовольствомъ отпущается, о чемъ и вашему царскому величеству не неизвѣстно есть".

Не мѣшаетъ замѣтить, что, до того времени, никто не осмѣливался и подумать о такомъ необыкновенномъ въ тѣ времена учрежденіи, какъ воспитательный домъ для незаконнорожденныхъ младенцевъ; а митрополитъ Іовъ не только рѣшился основать его, но даже назначилъ помѣщеніе ему за городомъ, на Колмовѣ, отведя для этой цѣли приписной къ архіерейскому дому монастырь.

Не лишены интереса и тѣ цифры, которыя приводитъ митрополитъ Іовъ въ томъ-же самомъ письмѣ; онѣ ясно указываютъ на то, что его благотворительныя учрежденія вызваны были суровою необходимостью, а не досужею прихотью:

„А прекормлено въ странноприимницахъ больныхъ и отпущено оздравившихся драгуновъ солдатъ и всякъ чиновъ людей 166,058".

*) Съ 1706 г. по 1726 г. въ первой изъ этихъ школъ окончили ученіе 284 ученика (т. е. около 14 учен. въ годъ), въ 2-й—82 ученика; въ 3-й—50 учениковъ.

*) Эти учрежденія митрополита Іова должны были явиться особенно благодѣтельными въ Новгородѣ, который въ петровское время былъ одною изъ важнѣйшихъ станцій на пути между Москвою и Петербургомъ.

Великимъ достоинствомъ митрополита Новгородскаго и несомнѣнною заслугою его передъ потомствомъ было въ особенности то, что онъ умѣлъ заводить все это при тогдашнихъ трудныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ, когда государство крайне нуждалось въ деньгахъ и не могло изъ своей казны ничего удѣлить на дѣятельность благотворительную.

Ревностными помощниками митрополита Іова были тѣ два ученыхъ грека, братья Іоанникій и Софроній Лихуды, которыхъ онъ избавилъ отъ незаслуженной ссылки. Эти ученые, получившіе образованіе въ Италіи, въ Падуанскомъ университетѣ, присланы были въ Москву восточными патріархами, по просьбѣ царя Ѳеодора Алексѣевича, и принесли большую пользу учрежденной при немъ Московской Славяно-Греко-Латинской академіи. Но, отстаивая чистоту догматовъ православной церкви, они вооружили противъ себя всѣхъ латинщиковъ, были ими оклеветаны передъ патріархомъ Адріаномъ и заточены въ костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ. Продолжая и здѣсь въ теченіи 15 лѣтъ неутомимо трудиться, оба брата съ восторгомъ приняли предложеніе митрополита Іова—вновь заняться преподавательскою дѣятельностью при его домашнихъ школахъ. Въ помощь имъ и для перевода книгъ призваны также въ Новгородъ изъ Москвы (въ 1706 г.) нѣкоторые изъ старыхъ учениковъ ихъ по московской академіи. Стараніями и тщаніемъ Лихудовъ были выстроены для школъ при архіерейскомъ домѣ обширныя „двуярусныя палаты", которыя и понынѣ называются „греческими". Въ кругъ преподаванія введены были славянская, греческая и латинская грамматика, піитика, реторика и логика; курсъ назначенъ былъ шестилѣтній и поведенъ весьма успѣшно. Отъ новгородскихъ школъ стали мало-по-малу распространяться школы и по уѣзднымъ городамъ и заведены были въ Торжкѣ, Каргополѣ, Устюжнѣ, Бѣжецкѣ и Старой Руссѣ. Вѣроятно, вслѣдствіе настояній Іоакима и Софронія Лихудовъ, митрополитъ Іовъ задумалъ было даже завесть въ Новѣгородѣ типографію. Съ разрѣшенія Петра Іовъ отправилъ въ Москву Софронія Лихуда, чтобы перевести въ Новгородъ такъ называемую „Верхнюю" типографію, заведенную нѣкогда въ Кремлевскомъ дворцѣ Симеономъ Полоцкимъ и лежавшую тамъ безъ всякаго употребленія. Но успѣхи новгородской архіерейской школы тогда уже возбудили нѣкоторую зависть и вызвали соревнованіе въ средѣ московскаго высшаго духовенства. Софроній Лихудъ не только былъ удержанъ въ Москвѣ митрополитомъ Стефаномъ Яворскимъ, но, по его настоянію, въ январѣ 1703 года состоялся даже боярскій приговоръ, гласившій такъ:

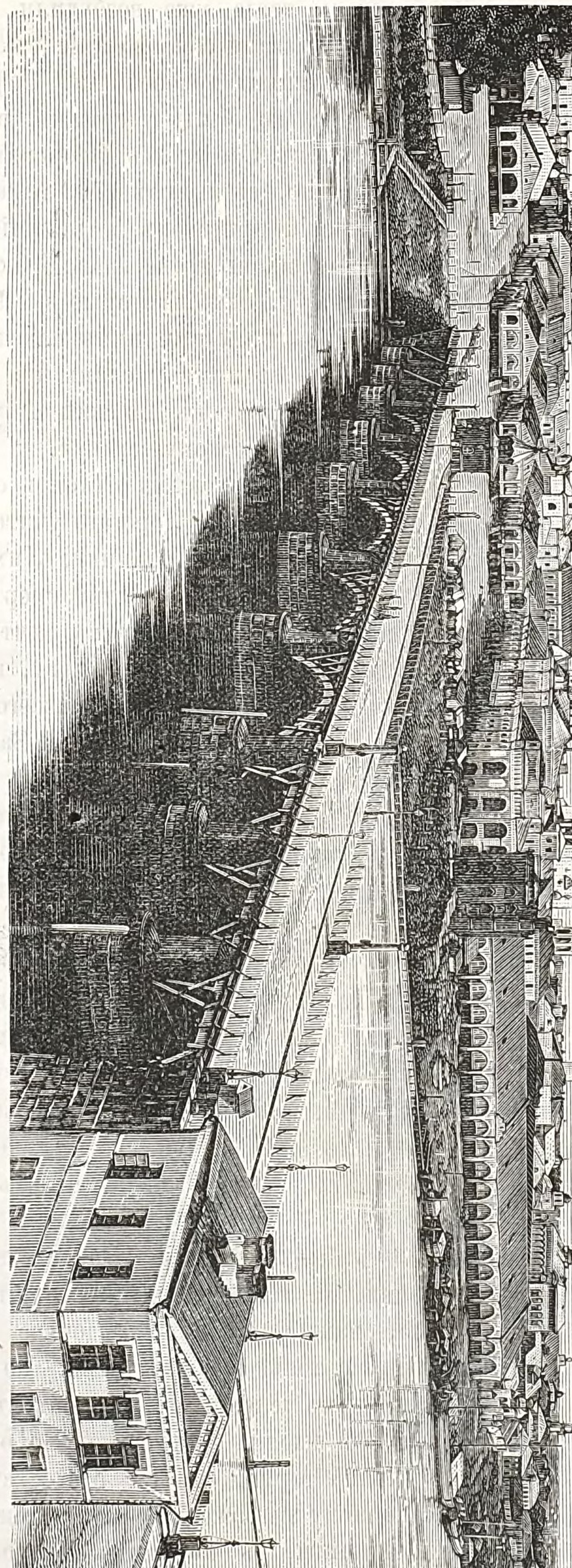
..."іеромонаховъ греческихъ, Іоакимія и Софронія Лихудьевыхъ, которые нынѣ въ Великомъ Новгородѣ, и при нихъ находящихъ людей, которые съ ними посланы съ Москвы,—взять по прежнему къ Москвѣ и учить имъ въ школахъ греческому языку".

Однако-же Іовъ успѣлъ отстоять свою школу и сохранить при ней дорогаго учителя. Достовѣрно извѣстно, что Іоанникій Лихуда оставался въ Новгородѣ до самой смерти Іова и, совершенно одряхлѣвъ, впавъ почти въ дѣтство, перевезенъ былъ въ Москву, гдѣ вскорѣ и скончался на рукахъ брата своего Софронія. Онъ погребенъ въ нижней церкви Заиконоспасскаго монастыря, при бывшей тамъ Академіи, которая очень многимъ была ему обязана. Надъ могилою Іоанникія переживщій его Софроній начерталъ длинную и глубоко-прочувствованную греческую эпитафію.

Въ тотъ-же самый періодъ времени въ Новгородѣ жилъ и дѣйствовалъ еще одинъ человѣкъ, котораго имя однако-же только сто лѣтъ спустя стало извѣстно въ русской наукѣ и литературѣ. Этотъ дѣятель Петровскихъ временъ былъ никто иной, какъ новгородскій крестьянинъ Иванъ Тихоновичъ Посошковъ (род. 1665 или 1670 г., ум. 1726). Родомъ онъ былъ изъ села Покровскаго (близъ Устрики, на Ильменѣ) и, пустившись въ торговлю, нажилъ себѣ порядочное состояніе. Будучи не только грамотнымъ, но и весьма начитаннымъ человѣкомъ, Посошковъ, страстно преданный идеямъ Петровской реформы, „изъ презѣльной горячности къ отечеству" (по его собственному выраженію) сталъ писать проэкты и книги, въ которыхъ старался обратить вниманіе правительства на многіе недостатки русской народной жизни и даже указывалъ средства къ ихъ исправленію.

Сочувствіе свое реформамъ Петръ Посошковъ выражалъ не только словомъ, но и дѣ-

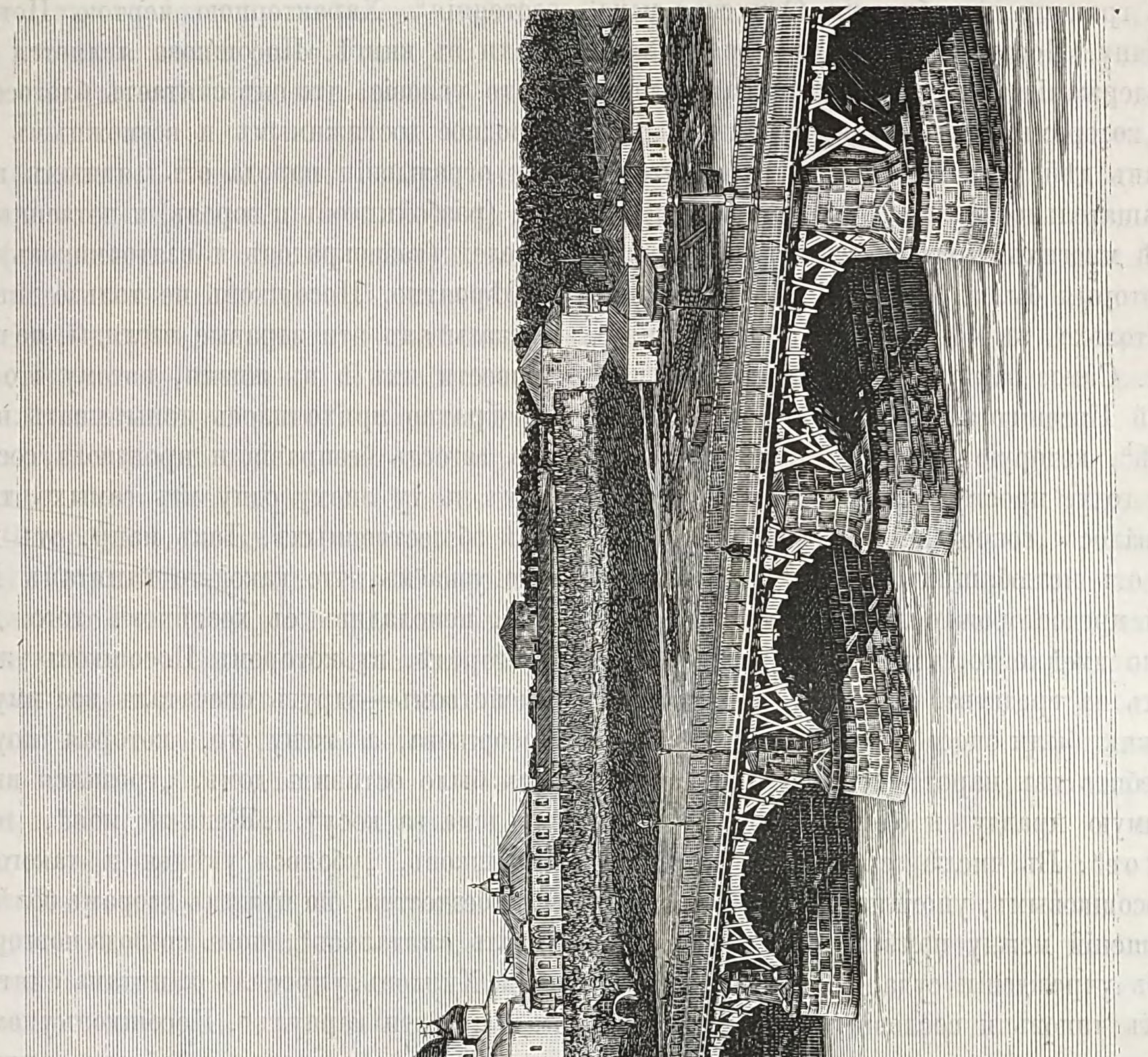
ОБЩІЙ ВИДЪ НОВГОРОДА.

Торговая сторона Великаго Новгорода на правомъ берегу Волхова.

По фотографіи гравировалъ Ѳ. Гельштейнъ.

ОБЩІЙ ВИДЪ НОВГОРОДА

Софійская сторона Великаго Новгорода. Видъ Новгородскаго Дѣтинца на лѣвомъ берегу Волхова.

По фотографіи гравировалъ Ѳ. Гельштейнъ.

ломъ:—сынъ Посошкова находился въ числѣ первыхъ русскихъ молодыхъ людей, отправленныхъ за границу для обученія. Отпуская сына на чужбину, Посошковъ снабдилъ его приличнымъ содержаніемъ и писанымъ наставленіемъ, въ которомъ былъ ему начертанъ подробный планъ дѣйствій. Это любопытное „Отеческое завѣщательное поученіе" сохранилось намъ въ числѣ многихъ другихъ сочиненій Посошкова, которыя были отысканы и стали извѣстны только въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Самое замѣчательное въ числѣ этихъ сочиненій Посошкова—„Книга о скудости и богатствѣ", которую онъ представилъ Петру въ 1724 году, прося при этомъ, чтобы имя его оставалось „сокровенно отъ сильныхъ лицъ, паче-же отъ нелюбящихъ правды". Поводомъ къ такой предосторожности со стороны Посошкова было именно то, что онъ въ книгѣ своей указывалъ на средства, которыя, по его мнѣнію, должны были способствовать тому, „какъбы истребить изъ народа неправду и водрузить прямую правду и безпечное житіе народное". Въ числѣ средствъ, указываемыхъ Посошковымъ, упоминается и объ уравненіи отношеній между помѣщиками и крестьянами, объ учрежденіи суда, общаго и равнаго для всѣхъ чиновъ и сословій, объ улучшеніи быта сельскаго духовенства, которое, по бѣдности своей, не отличалось въ быту отъ крестьянства, а по малограмотности способствовало развитію въ народѣ раскола и распространенію суевѣрій. Съ другой стороны, близко знакомый съ народною жизнью, Посошковъ въ своей книгѣ очень толково разбираетъ и разсматриваетъ вопросы чисто-экономическія, давая „изъясненія, отчего содѣлывается напрасная скудость, и отчего умножаться можетъ изобильное богатство". При этомъ Посошковъ выказываетъ замѣчательную остроту взгляда на политико-экономическую сторону государственнаго строя и въ этомъ смыслѣ далеко опережаетъ первые шаги новѣйшей политико-экономической науки не только у насъ, но и на Западѣ *). „Не въ томъ дѣло", говоритъ Посошковъ, „чтобы въ казнѣ денегъ много лежало, а въ томъ, чтобы самый народъ былъ богатъ и пользовался извѣстной степенью благосостоянія". Характерною чертою Петровской эпохи въ книгѣ Посошкова является однакоже то условіе, что онъ считаетъ благосостояніе народное достижимымъ и возможнымъ только при огражденіи народа отъ „явныхъ грабителей (разбойниковъ и воровъ) и потаенныхъ грабителей (казнокрадовъ и взяточниковъ)".

Вѣроятно, Посошковъ не только въ книгѣ высказывалъ эти здравые взгляды, но пытался провести ихъ и въ жизни, потому что ему неоднократно приходилось испытывать на себѣ всю тягость безправія и произвола, составлявшихъ въ ту эпоху одну изъ самыхъ тяжкихъ язвъ общественныхъ. Такъ напр. отъ него самого узнаёмъ, что какой-то капитанъ Невельской, неполадивъ съ хозяиномъ того дома въ Новгородѣ, въ которомъ Посошковъ жилъ съ семействомъ—вдругъ опечаталъ все имущество Посошкова, а жену его, которая поупрямилась было оставить домъ, „грозился выволочь изъ дома за косу". „Жена-же моя", говоритъ Посошковъ, „убояся увѣчья и такого великаго безчества, по чужимъ дворамъ болѣе двухъ недѣль скиталась", пока воевода новгородскій, князь Хилковъ, упросилъ капитана снять печати и „свести караулъ". Посошковъ упоминаетъ мимоходомъ о другомъ подобномъ эпизодѣ съ какимъ-то полковникомъ Порѣцкимъ, который „будучи въ Новгородѣ въ канцеляріи провинціальнаго суда, бранилъ его скверною бранью и воромъ называлъ, и похвалялся посадить его на шпагу. И за что посадить хотѣлъ, вины своея ни малыя не знаю". Посошковъ жаловался судьямъ, которые хотѣли привлечь полковника къ отвѣтственности, но тотъ въ допросъ не пошелъ. „Я де судимъ въ военной коллегіи, а у васъ де въ Новгородѣ отвѣчать не буду". Но всѣ эти мелкія непріятности и дрязги, конечно, были ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, чему могъ подвергнуться въ то время смѣлый и правдивый Посошковъ. Лично извѣстный Петру, этотъ замѣчательный русскій человѣкъ только ему и могъ свободно высказывать свои мысли и мнѣнія о недостаткахъ современнаго общественнаго строя. По смерти Петра, многимъ высокопоставленнымъ особамъ не понравились рѣзкіе и прямые взгляды Посошкова; неизвѣстно, за какую вину, Иванъ

*) Адамъ Смитъ, котораго считаютъ отцомъ новаго и правильнаго направленія въ политической экономіи, еще не родился тогда, когда «книга о Скудости и богатствѣ» уже была написана.

Тихоновичъ былъ арестованъ по распоряженію тайной канцеляріи и, безъ всякаго суда, посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ и скончался вскорѣ послѣ того, въ февралѣ 1726 года. Мѣсто его погребенія осталось неизвѣстно.

Въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, рядомъ съ могилою митрополита Іова, есть другая, менѣе скромная могила, въ которой покоится прахъ знаменитѣйшаго изъ сподвижниковъ Петра Великаго, мощнаго проповѣдника и ученаго богослова—Ѳеофана Прокоповича. Возведенный въ санъ епископа Новгородскаго, онъ бывалъ въ Новгородѣ только временно, проводя большую часть своей шумной и тревожной жизни въ Петербургѣ, въ самомъ водоворотѣ политическихъ страстей и ожесточенной борьбы партій. Однакоже Новгородъ много разъ служилъ ему спасительнымъ убѣжищемъ отъ ожесточенныхъ враговъ, много разъ былъ и открытымъ поприщемъ для той тяжелой политической игры, которую съ такимъ искусствомъ, въ теченіи всей своей жизни, велъ этотъ удивительный и своеобразный пастырь.

Чрезвычайно умный и ловкій отъ природы, неутомимо дѣятельный и неистощимый въ изобрѣтательности, воспитанный и обученный подъ руководствомъ искуснѣйшихъ отцовъ-іезуитовъ, Ѳеофанъ чуть было не попалъ въ кардиналы, но отказался отъ блестящей карьеры на Западѣ и вернулся въ отечество, гдѣ и достигъ высшихъ степеней славы, могущества и значенія, помогая Петру въ проведеніи его реформъ, работая непрестанно и неутомимо, то выполняя его предначертанія, то истолковывая значеніе и сущность его мѣропріятій. Черезъ руки Ѳеофана прошли послѣдовательно всѣ тѣ важныя преобразованія, которыя Петръ произвелъ въ устройствѣ Русской Церкви. И Петръ вполнѣ понималъ Ѳеофана, вполнѣ оцѣнивалъ его дѣятельность, умѣя превосходно пользоваться великимъ трудолюбіемъ и неистощимымъ запасомъ свѣдѣній этого высоко-талантливаго человѣка, который, подъ рясою и клобукомъ, являлся замѣчательнымъ государственнымъ дѣятелемъ, тонкимъ политикомъ и хитрѣйшимъ дипломатомъ.

Любимый и ласкаемый Петромъ, Ѳеофанъ, даже и будучи уже новгородскимъ епископомъ, продолжалъ очень пышно и открыто жить въ своемъ загородномъ архіерейскомъ домѣ, подъ Петербургомъ (на Аптекарскомъ островѣ, на берегу рѣчки Карповки). Раздѣляя съ Петромъ многія изъ его привычекъ и вкусовъ, Ѳеофанъ очень любилъ и прогулки по водѣ, а потому на рѣчкѣ, передъ его палатами, стояла постоянно цѣлая флотилія крупныхъ и мелкихъ, гребныхъ и парусныхъ рѣчныхъ судовъ; на нихъ онъ часто совершалъ далекія поѣздки по взморью, въ другія свои загородные дома, объ устройствѣ которыхъ онъ очень заботился, такъ какъ до конца жизни его не оставляла страсть къ постройкамъ. Въ роскошныхъ палатахъ своихъ, Ѳеофанъ, окруженный сокровищами книжными и сокровищами искусства, которыя собиралъ въ теченіи всей своей жизни, — посвящалъ дневные часы дѣламъ и разнообразнымъ занятіямъ науками, а вечеромъ—собиралъ около себя и пышно угощалъ избранный кружокъ друзей и близкихъ знакомыхъ. Къ этому кружку примыкали образованнѣйшіе представители современнаго Ѳеофану общества (между прочимъ и молодой поэтъ Кантемиръ, и ученый историкъ Татищевъ), и всѣ иностранцы, не только поселившіеся въ Россіи, но и временно пріѣзжавшіе въ Петербургъ. Являясь въ кругу гостей радушнымъ хозяиномъ, Ѳеофанъ былъ неоцѣненнымъ собесѣдникомъ въ спорахъ и разсужденіяхъ о предметахъ серьезныхъ; а когда приходилось мѣшать шутку съ дѣломъ, то проявлялъ замѣчательную находчивость и такое остроуміе, что собесѣдники съ жадностью ловили и старались запоминать его изреченія, его латинскія и русскія эпиграммы и шутливыя стихотворенія, которыхъ много сохранилось и до настоящаго времени.

Роскошный, полу-свѣтскій образъ жизни Ѳеофана крѣпко не нравился многимъ представителямъ современнаго духовенства. Иные пытались даже жаловаться Петру на веселаго іерарха. Но у Петра были на это свои особыя воззрѣнія, которыя очень характерно выразились въ извѣстномъ анекдотѣ о томъ, какъ Петръ внезапно пожаловалъ однажды вечеромъ къ Ѳеофану, вмѣстѣ съ Стефаномъ Яворскимъ*), Стефанъ донесъ Государю, что Ѳеофанъ жи-

*) Митрополитъ Рязанскій и мѣстоблюститель патріаршаго престола.

ветъ соблазнительно, проводитъ время съ иновѣрцами въ гульбѣ и пьянствѣ. Государь взялъ доносителя съ собою и въ полночь, въ то время, когда пиршество у Ѳеофана было въ полномъ разгарѣ, вошелъ въ столовую своего любимца. Музыка гремѣла, и хозяинъ, съ кубкомъ въ рукахъ, готовился пить за здоровье гостей. Увидавъ Государя, входящаго со Стефаномъ, Ѳеофанъ понялъ въ чемъ дѣло, и все-же нисколько не оробѣлъ. Давъ знакъ музыкантамъ, чтобы они умолкли, Ѳеофанъ высоко поднялъ кубокъ и громогласно произнесъ: „Се женихъ грядетъ во полунощи, и блаженъ рабъ, его же обрящетъ бдяща, недостоинъ же, его обрящетъ унывающа! Здравствуй, Всемилостивѣйшій Государь!“—и осушилъ кубокъ. Всѣ присутствовавшіе немедленно провозгласили тостъ за здравіе Царя, а Ѳеофанъ съ низкимъ поклономъ предложилъ кубокъ и Петру Великому. Государь принялъ кубокъ, благодарилъ гостей при звукѣ трубъ; потомъ, обратясь къ Стефану, произнесъ: „Ваше Преосвященство можете остаться здѣсь, ежели хотите, а буде не изволите, то имѣете волю ѣхать домой; а я останусь въ столь пріятной бесѣдѣ“.

Но когда Петръ скончался, враги Ѳеофана—приверженцы стараго порядка вещей—употребили всѣ усилія на то, чтобы повредить Ѳеофану въ мнѣніи наслѣдниковъ Петровыхъ. Они заваливали Тайную Канцелярію доносами на Ѳеофана, какъ на еретика, какъ на вреднаго въ нравственномъ отношеніи человѣка. И вотъ Ѳеофанъ вступаетъ въ борьбу съ ними тѣмъ же оружіемъ доносовъ, и расправляется ужасно, неумолимо. Многіе изъ враговъ Ѳеофана, по его доносамъ, привлекаются въ Тайную Канцелярію и подвергаются той участи, которой такъ неудержимо и страстно желали предать своего лютаго врага. Если борьба Ѳеофана съ его противниками и приняла такой мрачный и отталкивающій характеръ подпольныхъ интригъ, навѣтовъ и процессовъ, кончавшихся часто застѣнкомъ Тайной Канцеляріи или ссылкою въ Сибирь, то виною этому въ значительной степени было то хаотическое, переходное состояніе тогдашняго общества, въ которомъ бродили самые разнородные элементы и въ средѣ котораго открывался полный просторъ для игры ничѣмъ не сдерживаемыхъ страстей и необузданнаго честолюбія. Ѳеофанъ, конечно, выказалъ въ борьбѣ со своими врагами очень много темныхъ сторонъ въ его характерѣ; но не слѣдуетъ забывать и того, что уклониться отъ борьбы съ противниками онъ не могъ, а естественное чувство самосохраненія напоминало ему постоянно о томъ, что онъ долженъ или побѣдить, или погибнуть. При такой борьбѣ, конечно, всѣ средства оказывались пригодными, въ особенности, когда обстоятельства, партіи и центры тяготѣнія власти такъ часто и быстро мѣнялись по волѣ прихотливой фортуны.

Въ качествѣ архіепископа Новгородскаго Ѳеофанъ устроилъ торжественную встрѣчу юному императору Петру II, проѣзжавшему изъ Петербурга въ Москву, на коронацію. У въѣзда въ Новгородъ, по петербургской дорогѣ, выстроены были тріумфальныя ворота, украшенныя девизами и эмблемами. 11-го января 1728 г., Ѳеофанъ выслалъ за версту отъ этихъ тріумфальныхъ воротъ нѣсколько каретъ и богатоубранныхъ саней, запряженныхъ цугами лошадей въ богатѣйшей сбруѣ. Конные гвардейцы составляли почетную свиту этого поѣзда. Въ ближайшей къ городу слободѣ Высокаго Путешественника встрѣтили 400 отроковъ, въ бѣлой одеждѣ, съ красными перевязями. Императорскій поѣздъ остановился и двое изъ „отрочатъ“ привѣтствовали его рѣчами на латинскомъ и русскомъ языкахъ. У тріумфальныхъ воротъ монарха ожидалъ самъ Ѳеофанъ, въ полномъ облаченіи, съ крестомъ, окруженный многочисленнымъ духовенствомъ; онъ также произнесъ рѣчь и потомъ, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ во всѣхъ новгородскихъ церквахъ, продолжалъ шествіе съ пѣніемъ, до самаго собора. На всемъ этомъ пути были шпалерами раставлены войска. Петръ отслушалъ въ соборѣ обѣдню, и, приложась къ св. мощамъ, направился изъ собора въ архіерейскій домъ. Полкъ, стоявшій въ строю во дворѣ собора, во время перехода императора черезъ дворъ, салютовалъ бѣглымъ огнемъ. Въ продолженіе обѣда пѣвчіе пѣли на хорахъ псалмы, а въ смежныхъ комнатахъ гремѣла музыка. По окончаніи стола Ѳеофанъ роздалъ всѣмъ присутствующимъ печатные экземпляры латинскихъ стиховъ, сочиненныхъ имъ по поводу торжества. Вечеромъ, въ саду около его дома сожженъ былъ ве-

ликолѣпный фейерверкъ, а потомъ зажжена блистательная иллюминація, состоявшая изъ 150 пирамидъ.

Восемь лѣтъ спустя послѣ этого празднества, которымъ Ѳеофанъ чествовалъ не только императора Петра II, но и близкихъ къ нему его любимцевъ — Долгорукихъ—знаменитый сподвижникъ Петра Великаго скончался на 55 году жизни. Все свое имѣніе Ѳеофанъ завѣщалъ дѣтямъ, воспитывавшимся въ его домовой школѣ, прося „дать имъ способы продолжать образованіе и поручить ихъ людямъ, достойнымъ довѣрія, пока они сами придутъ въ совершенный возрастъ и разумъ".

Ѳеофану Прокоповичу еще при жизни пришлось быть свидѣтелемъ паденія Долгорукихъ, сосланныхъ при Аннѣ Іоанновнѣ въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири. Но архіепископъ новгородскій, по счастью, не дожилъ до той страшной, кровавой драмы, которою закончилось земное поприще нѣкогда гордыхъ и сильныхъ временщиковъ, низвергнувшихъ всемогущаго Меньшикова. Этой драмѣ суждено было разыграться въ Новгородѣ, на торговой площади. Сюда, по приказанію злобнаго и мстительнаго Бирона, въ 1738 году были привезены изъ Сибири несчастные князья Долгорукіе, уже девять лѣтъ томившіеся въ ссылкѣ; здѣсь они были подвергнуты вторичному допросу и пыткѣ, и потомъ казнены. Двое изъ нихъ—князь Иванъ Алексѣевичъ и князь Василій Лукичъ были сначала колесованы, а потомъ обезглавлены; двоимъ другимъ, князьямъ: Сергію Григорьевичу и Ивану Григорьевичу отрублены головы. Тѣла ихъ были свезены на Красное поле, гдѣ прежде былъ Рождественскій скудельничій монастырь, а нынѣ расположено городское кладбище. Вдова князя Ивана Алексѣевича, Наталья Борисовна Долгорукая (дочь фельдмаршала Шереметева), воздвигла

Ѳеофанъ Прокоповичъ, архіепископъ новгородскій.

надъ могилами несчастныхъ князей двѣ часовни, а въ 1768 году, сынъ Ивана Алексѣевича — князь Михаилъ Ивановичъ построилъ надъ этими могилами храмъ во имя Николая Чудотворца. До 1827 года на этихъ могилахъ лежали двѣ каменныя плиты; теперь, на тѣхъ же мѣстахъ, поставлены два саркофага, сложенныхъ изъ кирпича и огражденныхъ легкою деревянною рѣшеткою. Въ ризницѣ церкви, воздвигнутой надъ прахомъ князей Долгорукихъ, хранятся цѣнные вклады, внесенные въ церковную казну на поминовеніе души усопшихъ. Вклады эти состоятъ изъ массивнаго серебряннаго подсвѣчника, серебряннаго кадила и серебряннаго блюда съ миѳологической сценой посрединѣ и съ обронной цвѣточной каймой по краямъ *). Надпись на задней сторонѣ блюда гласитъ: „сіе блюдо вновгородскую церковь Николая Чудотворца дано вкладу, по князе Иване Алексѣевиче Долгорукове“.

Несчастная супруга Ивана Алексѣевича, долго томившаяся неизвѣстностью объ участи, постигнувшей ея мужа, узнала о его мучительной смерти только уже годъ спустя. Возвращенная изъ ссылки, она посвятила себя на воспитаніе дѣтей; но какъ только подняла ихъ и устроила ихъ судьбу, такъ удалилась въ монастырь и умерла монахиней. До насъ дошли отъ нея весьма любопытныя записки, въ которыхъ она просто, но сильно описываетъ намъ свои страданія; а поэтъ Козловъ избралъ этотъ прекрасный женскій типъ въ основу своей извѣстной поэмы: „Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая“. Прекрасно передаетъ онъ въ этой поэмѣ тѣ чувства, которыя несчастная испытывала, узнавъ о мучительной смерти мужа не смѣя и въ отчаяніи своемъ позабыть о младенцѣ-сынѣ:

Творецъ судилъ: на вѣкъ страданье
Ея удѣломъ, розно съ нимъ;
Ея земное upованье —
Навѣкъ подъ камнемъ гробовымъ.
Съ несчастнымъ страшною разлукой
Печальной жизни цвѣтъ убитъ;
Одинъ ударъ ихъ двухъ мертвитъ:
И слезъ Натальи Долгорукой
Никто ничѣмъ не утолитъ.

*) Блюдо 10½ вершковъ длины и 9 ширины; вѣсу въ немъ 1 фунтъ 80 золотниковъ. Высота подсвѣчника 9 вершковъ; вѣсъ 2 фунта. Высота кадила 8 вершковъ; вѣсъ 3 фунта; вслѣдствіе тяжести, оно не бываетъ въ употребленіи.

Одна ужасная подруга
И въ темну ночь, и въ ясный день —
Его страдальческая тѣнь,
Тѣнь мрачная младаго друга,
Неотразимая въ очахъ!
Въ ней—жизнь и смерть, любовь и страхъ;
И слухъ ея тровожатъ звуки
Прощальныхъ стоновъ, вопли муки..
И ужасаютъ томный взоръ
Оковы, плаха и топоръ!
Его кровавая могила
Страша, къ себѣ ее манила;
А долгъ святой велитъ терпѣть:
Нельзя ни жить, ни умереть...
Она окована судьбою
Межъ мертвецомъ и сиротою...

Но страшная эпоха миновала... Быльемъ поросли могилы и тяжкія воспоминанія о страшныхъ пыткахъ и казняхъ сдѣлались достояніемъ исторіи. Непосредственно за этими мрачными воспоминаніями въ новѣйшей исторіи Новгорода стоятъ весьма дорогія для новгородцевъ воспоминанія о двукратномъ посѣщеніи Новгорода Екатериною II, которая въ 1785 году совершила свою поѣздку „для обрзрѣнія водяныхъ комуникацій, которую она такъ живо и весело описываютъ въ своихъ письмахъ къ Гримму. При этомъ, направившись изъ Петербурга въ Тверь и Москву, Екатерина, на обратномъ пути изъ Москвы прослѣдовала до Твери, а отъ Твери, по вышневолоцкой системѣ, воднымъ путемъ, спустилась до Новгорода. Памятью объ этомъ проѣздѣ Екатерины черезъ Новгородъ осталась та барка (большое сплавное судно съ выстроенными на немъ крытыми каютами и обширнымъ балкономъ), въ которой Екатерина спустилась отъ Боровичъ до Новгорода. Эта барка была подарена Екатериною новгородскому дворянству, которое и поставило ее на храненіе въ особо-устроенное для нея зданіе, существующее и доселѣ на берегу Волхова, повыше моста, подъ стѣнами новгородскаго кремля. Внутри зданія на особой доскѣ помѣщена слѣдующая весьма многословная, хотя невполнѣ грамотная надпись, въ которой знаки препинанія разставлены по какой-то особой системѣ:

„Въ трудахъ неутомимая, о благѣ своихъ народовъ неусыпно пекущаяся въ мирѣ и войнѣ Великая Екатерина во время высочайшаго путешествія для обозрѣнія водяныхъ коммуникацій предпринятаго двукратно маія 25-го Іюня 14, 1785 года высокимъ своимъ присутствіемъ

древній сей градъ осчастливила, сію нарочито для сего сооруженную и на возвратномъ пути къ столицѣ отъ города Боровичъ для шествія употребленную барку, по совершеніи онаго, въ знакъ высочайшаго, благоволенія всемилостивѣйше пожаловать изволила Новгородскому дворянству, съ сердечною признательностію и благодарностію сіе пріявшему, и яко незабвенный памятникъ трудовъ и попеченій Безсмертныя Екатерины въ сей сделанной для того галлерѣе поставившему Маія 23-го 1787 года“.

Эпоха краткаго царствованія Павла не ознаменовалась ничѣмъ по отношенію къ Новгороду собственно, и печальныя воспоминанія о ссылкѣ знаменитаго народнаго героя, князя Суворова-Рымникскаго, касаются Новгорода только отчасти, такъ какъ Суворовъ, находясь въ опалѣ, былъ сосланъ въ свое небольшое новгородское помѣстье близъ Боровичъ. Вотъ почему о подробностяхъ этого эпизода новгородской новѣйшей исторіи мы считаемъ болѣе умѣстнымъ упомянуть въ той главѣ, въ которой дадимъ описаніе города Боровичей и Мстинскихъ пороговъ.

Отъ эпохи Александра Благословеннаго въ самомъ Новгородѣ сохранился памятникъ 1812 года, скромный обелискъ на квадратномъ фундаментѣ, поставленный въ память того участія, которое новгородское дворянство принимало, вмѣстѣ съ новгородскимъ ополченіемъ, въ Отечественной войнѣ.

По поводу этого памятника припоминается намъ живая страничка изъ переписки Державина, описывающаго то, что происходило лѣтомъ 1812 года въ Новгородѣ, куда мѣстные дворяне были созваны вслѣдствіе извѣстнаго манифеста объ ополченіи. Туда прибылъ въ то время и принцъ Ольденбургскій Георгій, чтобы, по порученію Государя, склонять дворянство къ пожертвозаніямъ. „Съ 13 іюля“—писалъ Державинъ одному изъ своихъ пріятелей—„живу тутъ. Принцъ, великая княгиня были здѣсь, вчерась отправились въ Тверь, гдѣ ихъ Государь ожидаетъ, и слухъ носится, что будто онъ самъ будетъ сюда... Мы въ Дворянскомъ Собраніи, по случаю экстреннаго требованія хлѣба, муки, овса и крупъ въ Торопецъ, положили оной купить и доставить болѣе 150,000 четвертей, да войска представить 10,000 человѣкъ одѣтаго и на нашемъ содержаніи. Принцъ симъ былъ очень доволенъ. Только мы просимъ оружія и артиллеріи“. Тогда же Державинъ подалъ принцу, для представленія Государю, свою записку объ оборонѣ Россіи отъ Наполеона. Между тѣмъ въ Новгородѣ, къ общему соблазну, дѣло съ ополченіемъ затормозилось; происходили по этому поводу ссоры и неприличныя сцены между губернаторомъ и прокуроромъ. Въ негодованіи Державинъ собирался уже уѣхать, не дождавшись окончательнаго опредѣленія. „Надобно-бы“ — писалъ онъ — „единодушное и скорое исполненіе, на самомъ дѣлѣ полагаемаго ополченія; вмѣсто того у нихъ распри и вздоры, чѣмъ они единственно занимаются. Вотъ вамъ сказки. Боже избави: ежели по всему государству таковое несогласіе и медленность произойдетъ въ защитѣ отечества, то мы неминуемо погибли!“

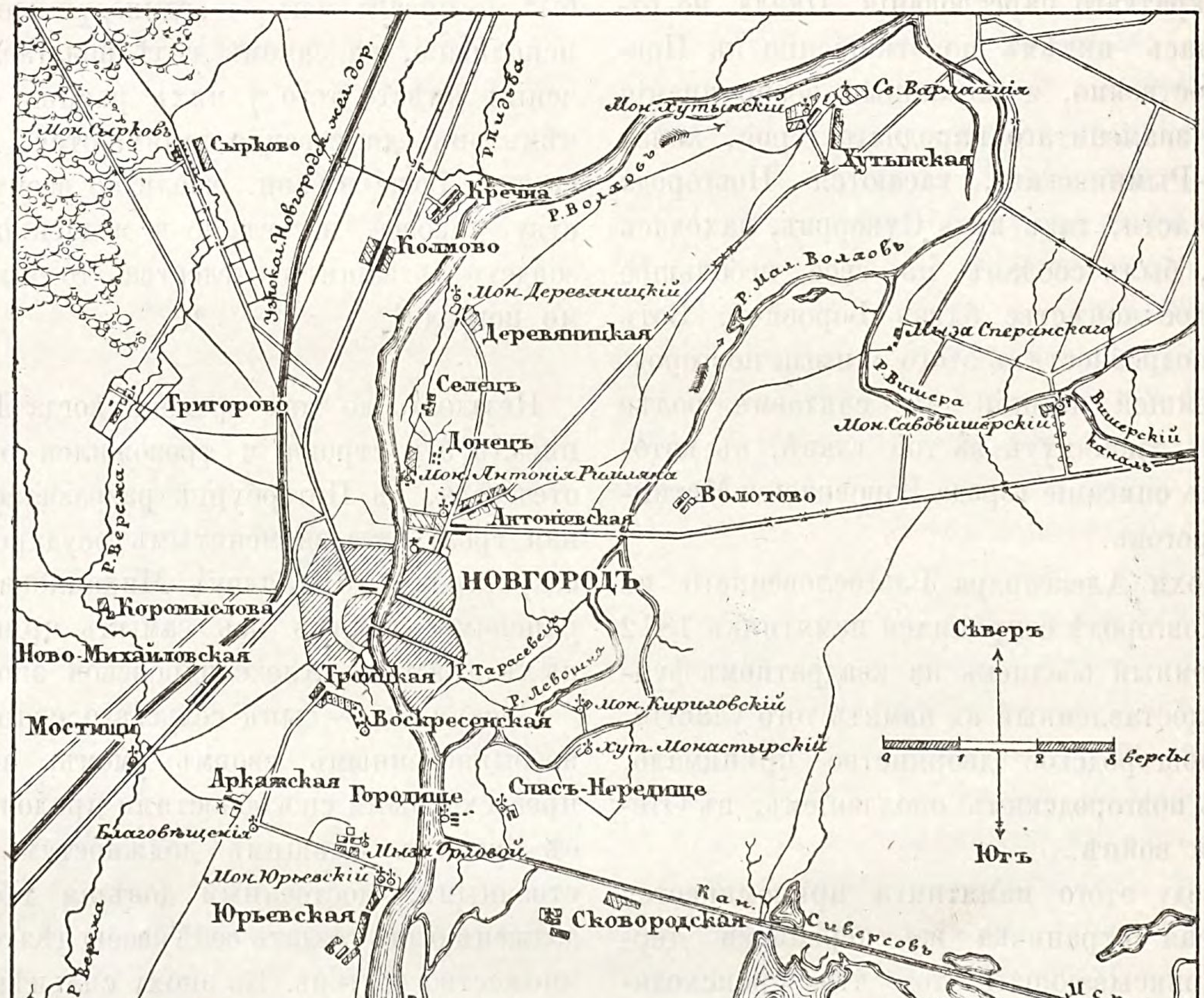
Незадолго до того времени, когда Державинъ писалъ эти строки и тревожился объ участи отечества, въ Петербургѣ разразилась страшная гроза надъ знаменитымъ государственнымъ секретаремъ, Михаиломъ Михайловичемъ Сперанскимъ—однимъ изъ самыхъ привлекательныхъ дѣятелей Александровской эпохи.

Сперанскій — сынъ сельскаго священника— необыкновеннымъ своимъ умомъ, знаніями и превосходными способностями проложившій себѣ путь къ высшимъ должностямъ государственнымъ, удостоенный довѣрія Государя,— долженъ былъ создать себѣ своею дѣятельностью множество враговъ. Въ эпоху сильнѣйшаго возбужденія всего русскаго общества противъ Наполеона и французовъ, нѣсколько неосторожныхъ словъ и опрометчивыхъ поступковъ Сперанскаго подали поводъ его врагамъ къ оклеветанію этого замѣчательнаго человѣка предъ Императоромъ въ государственной измѣнѣ. Александръ не повѣрилъ клеветѣ, но не могъ бороться противъ партіи, которая стремилась во что-бы то ни стало погубить Сперанскаго... Въ нѣсколько часовъ плоды долгой трудовой дѣятельности были уничтожены безвозвратно:—Сперанскій отправленъ въ ссылку, сначала въ Нижній, потомъ еще далѣе, въ Пермь, подъ строгій надзоръ мѣстныхъ властей. Только уже два года спустя, въ видѣ особой милости, по усиленной прось-

бы Сперанскаго, ему дозволено было поселиться около Новгорода. 31-го Августа 1814 года, управлявшій министерствомъ полиціи, графъ Вязмитиновъ увѣдомилъ его, что Государь „всемилостивѣйше изволяетъ на желаніе его жить въ новгородской его деревнѣ Великопольѣ, въ полной будучи удостовѣренности, что скромное въ оной житье его не подастъ повода къ какимъ-либо въ отмѣну сего мѣрамъ“. 19 Сентября Сперанскій выѣхалъ изъ Перми, а между тѣмъ, уже 1-го сентября, графъ Вязмятиновъ послалъ секретное предписаніе начальнику Новгородской губерніи—„тотчасъ донести, когда Сперанскій въ Великополье прибудетъ“. Въ томъ-же самомъ предписаніи было добавлено: „распорядитесь, чтобы безъ всякой огласки извѣстно вамъ было о его образѣ жизни и знакомствахъ, о чемъ и мнѣ отъ времени до времени давайте знать“.

Въ Великопольѣ Сперанскій прожилъ два года, и мы думаемъ, что это пребываніе знаменитаго изгнанника въ небольшой усадебкѣ подъ стѣнами Новгорода навѣки связываетъ его имя съ исторіею этого города и должно составить въ ней одну изъ поучительнѣйшихъ страницъ.

ОБЩІЙ ПЛАНЪ ОКРЕСТНОСТЕЙ НОВГОРОДА.

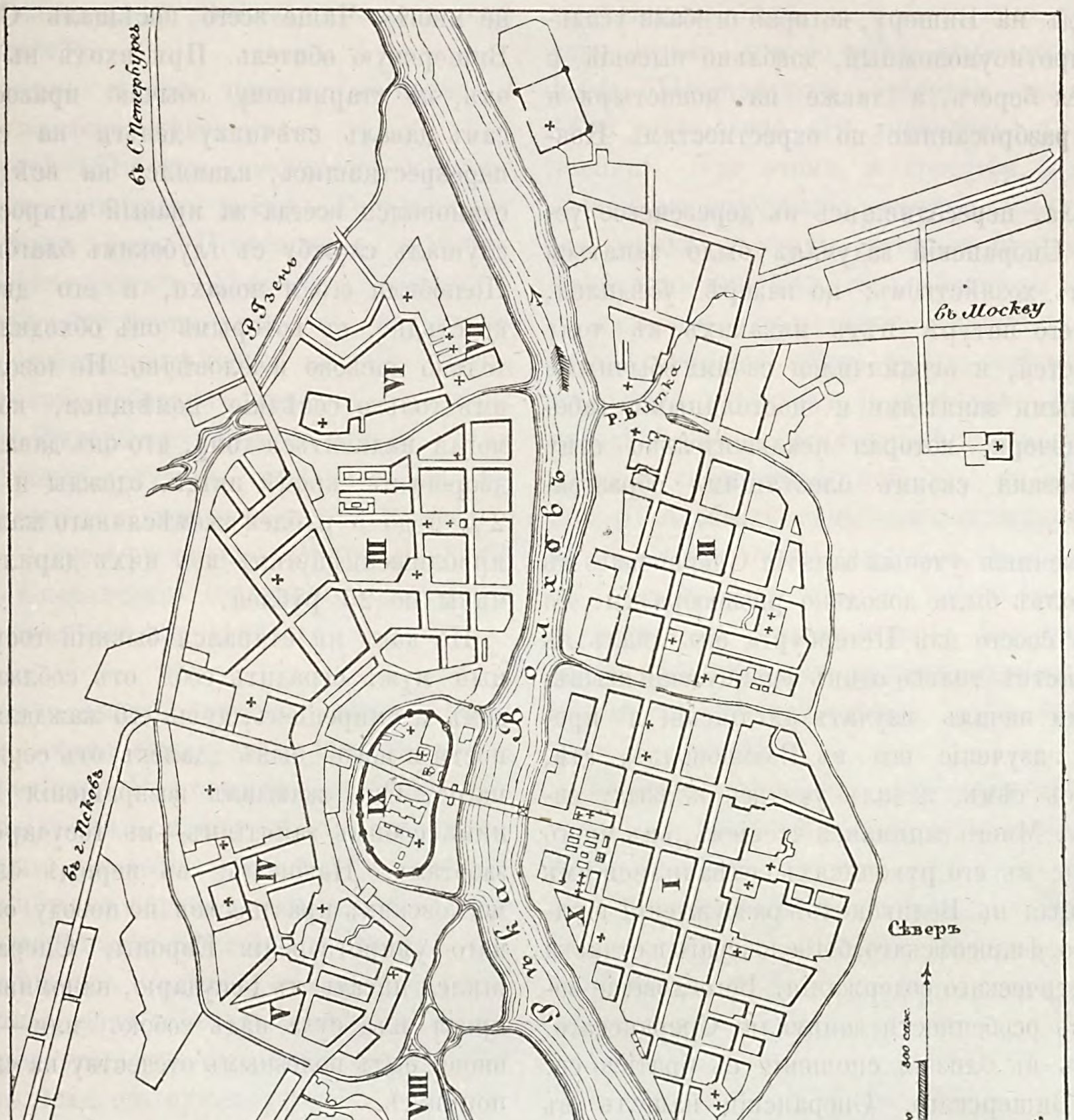

На этомъ планѣ нанесены всѣ тѣ мѣстности, о которыхъ упоминается въ настоящемъ очеркѣ.

Сельцо Великополье, съ принадлежавшими къ нему деревнями Жадовою и Родіоновою, всего 84 души съ 1,420 десятинами земли, составляло собственность дочери Сперанскаго, которой досталось отъ ея тетки, Маріанны Злобиной. Это небольшое, но прекрасное имѣніе нѣкогда было вотчиною славнаго фельдмаршала графа Миниха; оно лежитъ въ 9-ти верстахъ къ юго-востоку отъ Новгорода, близъ

На этомъ планѣ показано не только расположеніе улицъ и обозначены важнѣйшія церкви нынѣшняго, современнаго намъ, Новгорода; но, римскими цифрами, указано и древнее раздѣленіе города на концы.

ОБЩІЙ ПЛАНЪ НОВГОРОДА

Планъ Новгорода, исполненный по плану 1850 года

Рѣкою Волховомъ городъ раздѣляется на двѣ главныя части или стороны: Софійскую (на лѣвомъ берегу Волхова) и Торговую (на правомъ берегу).

Римскія цифры обозначаютъ: I) Славенскій конецъ. II) Плотенскій конецъ. III) и IV) Неревскій конецъ. V) Загородскій конецъ. VI. Гончарскій конецъ. VII) Людинъ конецъ. VIII) Дѣтинецъ (или Кремль) съ соборомъ св. Софіи — мѣсто жительства владыки новгородскаго. IX) Ярославово дворище — главное мѣсто собраній вѣча.

устья рѣки Большой Вишеры и въ сосѣдствѣ съ древнею обителью Саввы Вишерскаго *).

Господскій домъ стоялъ посреди обширнаго тѣнистаго сада, отдѣлявшагося отъ рѣки небольшою лужайкою. Изъ оконъ дома открывался видъ на Вишеру, которая огибала усадьбу, на противуположный, довольно высокій и крутой ея берегъ, а также на монастыри и церкви, разбросанные по окрестностямъ Новгорода.

Сначала, переселившись въ деревенское уединеніе, Сперанскій задумалъ было заняться сельскимъ хозяйствомъ; но вскорѣ убѣдился, что въ его натурѣ нѣтъ никакихъ къ тому способностей, и ограничился своими обычными кабинетными занятіями и постоянными заботами о дочери, которая исключительно отцу была обязана своимъ блестящимъ образованіемъ **).

Собственныя ученыя занятія Сперанскаго въ Великопольѣ были довольно разнообразны. До удаленія своего изъ Петербурга онъ зналъ въ совершенствѣ только одинъ французскій языкъ; въ Перми началъ изучать англійскій и продолжалъ изученіе его въ Великопольѣ, гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, началъ учиться и языку еврейскому. Много занимаясь чтеніемъ, онъ много и писалъ: въ его рукописяхъ сохранились имъ написанныя въ Великопольѣ разсужденій юридическаго, философскаго, богословскаго и отчасти даже мистическаго содержанія. Богословскіе вопросы въ особенности занимали Сперанскаго. Вступивъ въ близкія сношенія съ братіею св. Саввы Вишерскаго, Сперанскій нашелъ въ библіотекѣ монастыря довольно полное собраніе твореній отцовъ церкви и, углубляясь въ чтеніе ихъ, по собственному его выраженію—„отъ гоненій человѣческихъ уходилъ на небо". Въ январѣ 1817 года Сперанскій писалъ одному изъ своихъ друзей:

„Я рѣшился, въ деревенскомъ уединеніи, пройти всѣ творенія Св. отцовъ, начиная отъ перваго вѣка, выписывая и замѣчая то, чтò казалось мнѣ наиболѣе свойственнымъ нашему вѣку и потребностямъ нашего времени"...

Развлеченій въ Великопольѣ не было никакихъ. Сперанскій, изъ осторожности и зная за собою надзоръ, велъ образъ жизни самый уединенный и скромный. Никого къ себѣ онъ не принималъ и самъ ни къ кому не ѣздилъ; само собою разумѣется, что и къ нему ѣздили не многіе. Чаще всего посѣщалъ Сперанскій Вишерскую обитель. При входѣ въ церковь, онъ, по старинному обычаю православныхъ, самъ давалъ свѣчнику деньги на свѣчи, и, перекрестившись, кланялся на всѣ стороны; становился всегда за правый клиросъ и тамъ слушалъ службу съ глубокимъ благоговѣніемъ. Полюбили его и монахи, и его дворовые, и крестьяне, съ которыми онъ обходился удивительно ласково и человѣчно. Не довольны были имъ только сосѣдніе помѣщики, которые не могли надивиться тому, что онъ давалъ своимъ дворовымъ, кромѣ пищи, одежды и обуви, отъ $2^1/_2$ и до 5 рублей ежемѣсячнаго жалованья, а приближеннѣйшимъ изъ нихъ дарилъ въ именины по 25 рублей.

Но какъ ни старался бывшій государственный мужъ оградить себя отъ соблазновъ трудомъ и смиреніемъ, душа его жаждала дѣятельности и покой былъ „далекъ отъ сердца опальнаго". Онъ жаждалъ возвращенія къ прежнимъ своимъ занятіямъ—къ государственнымъ заботамъ. Наконецъ, въ періодъ блестящихъ московскихъ празднествъ по поводу окончательнаго умиротворенія Европы, Сперанскій рѣшился писать къ Государю, напоминая о себѣ, прося или суда надъ собою, или—дозволенія вновь быть полезнымъ отечеству на служебномъ поприщѣ.

Одновременно съ письмомъ къ Государю, Сперанскій писалъ и къ графу Аракчееву, между прочимъ, слѣдующее:

„...Я не утруждалъ Его Величество никакими жалобами, ожидая все отъ Его собственнаго великодушія... Неужели же для меня одного великодушіе Его навсегда закрыто, для меня, который и теперь еще никому не уступитъ въ чистотѣ намѣреній и въ душевной къ нему преданности? Умалчиваю здѣсь, что разстроено и почти разрушено маленькое мое состояніе; умалчиваю, что у меня дочь невѣста—и кто же захочетъ или посмѣетъ войти въ родство съ человѣкомъ, подозрѣваемымъ въ столь ужасныхъ преступленіяхъ? Умалчиваю о множествѣ горестныхъ для меня подробностей; не

*) Позже это имѣніе было куплено подъ военныя поселенія и переименовано мызою Сперанкою или Сперанскаго.

**) Сперанскій былъ вдовъ.

желаю возбуждать состраданія тамъ, гдѣ дѣло идетъ о справедливости. Есть два средства исторгнуть меня изъ сихъ бѣдствій. Или дать мнѣ судъ съ моими обвинителями, или же доставить мнѣ способъ оправдать себя, противъ словъ, не словами а дѣломъ, отворивъ мнѣ двери службы?"

Энергическое письмо пришло во-время и произвело желаемое дѣйствіе.

Въ августѣ 1816 года окончилось изгнаніе Сперанскаго: имяннымъ указомъ Государя ему повелѣно было „быть Пензенскимъ гражданскимъ губернаторомъ". Аракчеевъ, переславшій Сперанскому этотъ указъ съ фельдъегеремъ, въ собственноручномъ письмѣ своемъ къ Сперанскому добавлялъ (конечно, отъ себя): „Государю Императору пріятно будетъ, если вы, милостивый государь, отправитесь изъ деревни прямо въ назначенную Вамъ губернію". Аракчееву видимо не хотѣлось еще допустить Сперанскаго до личнаго свиданія съ Александромъ: онъ еще опасался его вліянія...

Съ эпохою Александровскаго царствованья совпадаетъ весьма важное для Новгорода событіе: учрежденіе Новгородской гимназіи. Исторія первыхъ лѣтъ существованія этого средняго учебнаго заведенія рисуетъ намъ въ такой степени живо картину новгородскихъ нравовъ и новгородскаго общества въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, что мы считаемъ своею прямою обязанностью сообщить скорбную исторію этого учебнаго заведенія въ первыя десятилѣтія его существованія, тѣмъ болѣе, что эта исторія была, конечно, не единичнымъ явленіемъ и рисуетъ намъ только уголокъ общей картины русскаго просвѣщенія въ началѣ нынѣшняго вѣка.

До открытія гимназіи, въ Новгородѣ уже существовало 4-хъ классное главное народное училище, основанное 22 сентября 1786 года. Позже основаны были малыя народныя училища и въ уѣздныхъ городахъ: Старой Руссѣ, Валдаѣ, Боровичахъ, Бѣлозерскѣ, Тихвинѣ, Устюжнѣ, Кириловѣ и Череповцѣ *).

Новгородская гимназія открыта 9-го іюня 1808 года, и единственнымъ побужденіемъ къ открытію этого заведенія было лишь то, что въ § 3 устава учебныхъ заведеній, изданнаго въ 1804 году, было сказано: „въ каждомъ губернскомъ городѣ должна быть одна гимназія". Потребности въ среднемъ учебномъ заведеніи не было, да и быть еще не могло, судя потому, что во всѣхъ народныхъ училищахъ Новгородской губерніи значится въ 1808 году около 470 учениковъ и только 9 ученицъ. При этомъ и средства, удѣляемыя казною на содержаніе гимназіи, были ничтожны, жалки; а курсы, которые предполагалось пройти въ гимназіи, не соображены ни мало съ нуждами и подготовкою учащихся. О средствахъ гимназіи можно судить потому, что на жалованія директору и учителямъ предназначалось 5,000 р. ассигнаціями; на содержаніе дома и служителей 900 р.; на библіотеку 250 р. А между тѣмъ гимназическая программа задавалась очень широкою, даже двойною цѣлью: 1) приготовлять юношество къ поступленію въ университеты; 2) преподавать науки начальныя, но полныя, въ томъ составѣ, въ какомъ онѣ необходимы „для благовоспитаннаго человѣка".

На этомъ основаніи, первоначальный планъ курса, предположеннаго къ прохожденію въ гимназіяхъ, былъ значительно обширнѣе курса нынѣшнихъ высшихъ учебныхъ заведеній—лицеевъ и академій. Кромѣ полныхъ курсовъ латинскаго, нѣмецкаго, французскаго языка, курса географіи и исторіи (включая „миѳологію или баснословіе и древности"), въ кругъ гимназическаго обученія входила статистика общая и частная Россійскаго государства, начальный курсъ философіи и изящныхъ наукъ, начальныя основанія политической экономіи, чистая и прикладная математика, опытная физика и естественная исторія,—„наконецъ": начальныя основанія наукъ, относящихся до торговли, основанія технологіи и рисованія".

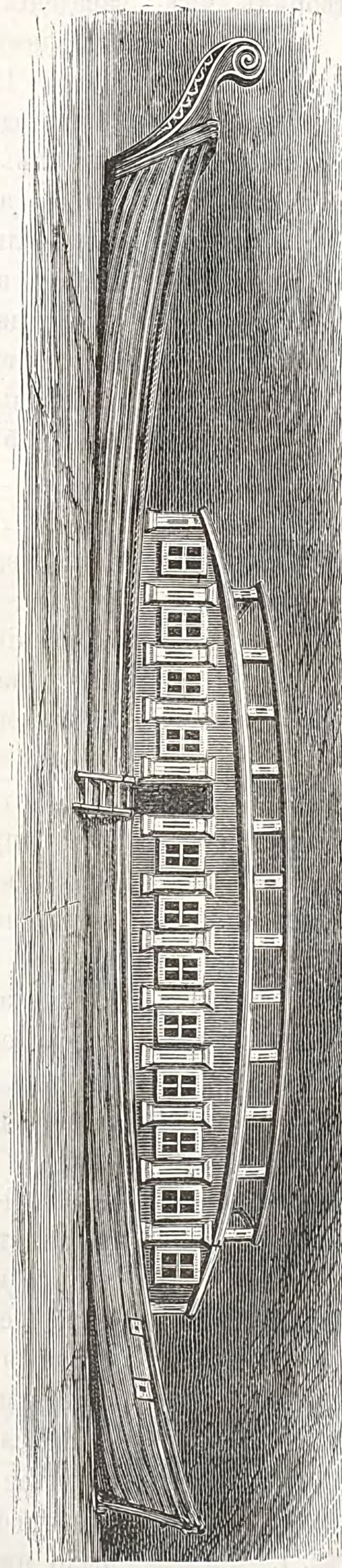
Не слѣдуетъ забывать, что по предметамъ обученія указаннымъ программою не было ни учебниковъ, ни пособій, а при гимназіяхъ не было ни кабинетовъ, ни коллекцій.

Помѣщеніе для новооткрываемой гимназіи отведено было въ ветхомъ каменномъ двухъ-этажномъ зданіи, въ которомъ помѣщалось уже главное народное училище. Зданіе было тѣсно, темно и пропитано страшною сыростью, такъ какъ

*) Во всѣхъ городахъ, кромѣ двухъ послѣднихъ, училища учреждены въ концѣ прошлаго вѣка; въ Кириловѣ и Череповцѣ—въ 1805 и 1806 гг.

оно ежегодно затоплялось разливами Волхова и вода, въ иные годы, заливала весь нижній этажъ.

Несмотря на всѣ эти неудобства и печальныя условія, въ которыя приходилось становиться вновь-учреждаемому учебному заведенію, открытіе гимназіи произведено было весьма торжественно, въ такъ называемомъ путевомъ дворцѣ, въ присутствіи попечителя округа Н. Н. Новосильцева и большаго стеченія новгородскихъ гражданъ всѣхъ сословій. Назначенный первымъ директоромъ новгородской гимназіи князь А. Я. Макуловъ и опредѣленные въ гимназію четыре преподавателя — сказали приличныя случаю, витіеватыя рѣчи. Актъ открытія закончился, какъ слѣдуетъ, по русскому обычаю, великолѣпнымъ обѣдомъ, который былъ данъ попечителемъ на свой счетъ. Къ этому обѣду приглашено было болѣе 100 лицъ духовнаго, гражданскаго и военнаго вѣдомства и богатѣйшіе изъ купцовъ. Обѣдъ вызвалъ пожертвованія: новгородскій гражданскій губернаторъ, Васильчиковъ, пожертвовалъ на гимназію 300 р.; графъ Головкинъ—тоже 300 р. и новгородскій помѣщикъ и откупщикъ, Семевскій,—3,000 р.

Барка, на которой Екатерина II спускалась по Мстѣ отъ Боровичъ до Новгорода.

Первыми учителями (или, правильнѣе сказать: первыми мучениками педагогическаго дѣла) были назначены воспитанники духовныхъ учебныхъ заведеній, окончившіе курсъ наукъ въ педагогическомъ институтѣ:—Никольскій, Еленевъ, Троицкій и Любимовъ. Между ними не только было распредѣлено преподаваніе всей премудрости, заключавшейся въ программѣ: — на нихъ же возложены и другія, весьма нелегкія обязанности: Любимову поручено вести историческія и статистическія записки о Новгородской губерніи; Еленеву—записки о времени посѣвовъ и жатвы, о свойствахъ почвъ и т. д.; а Троицкому — веденіе метеорологическихъ работъ.

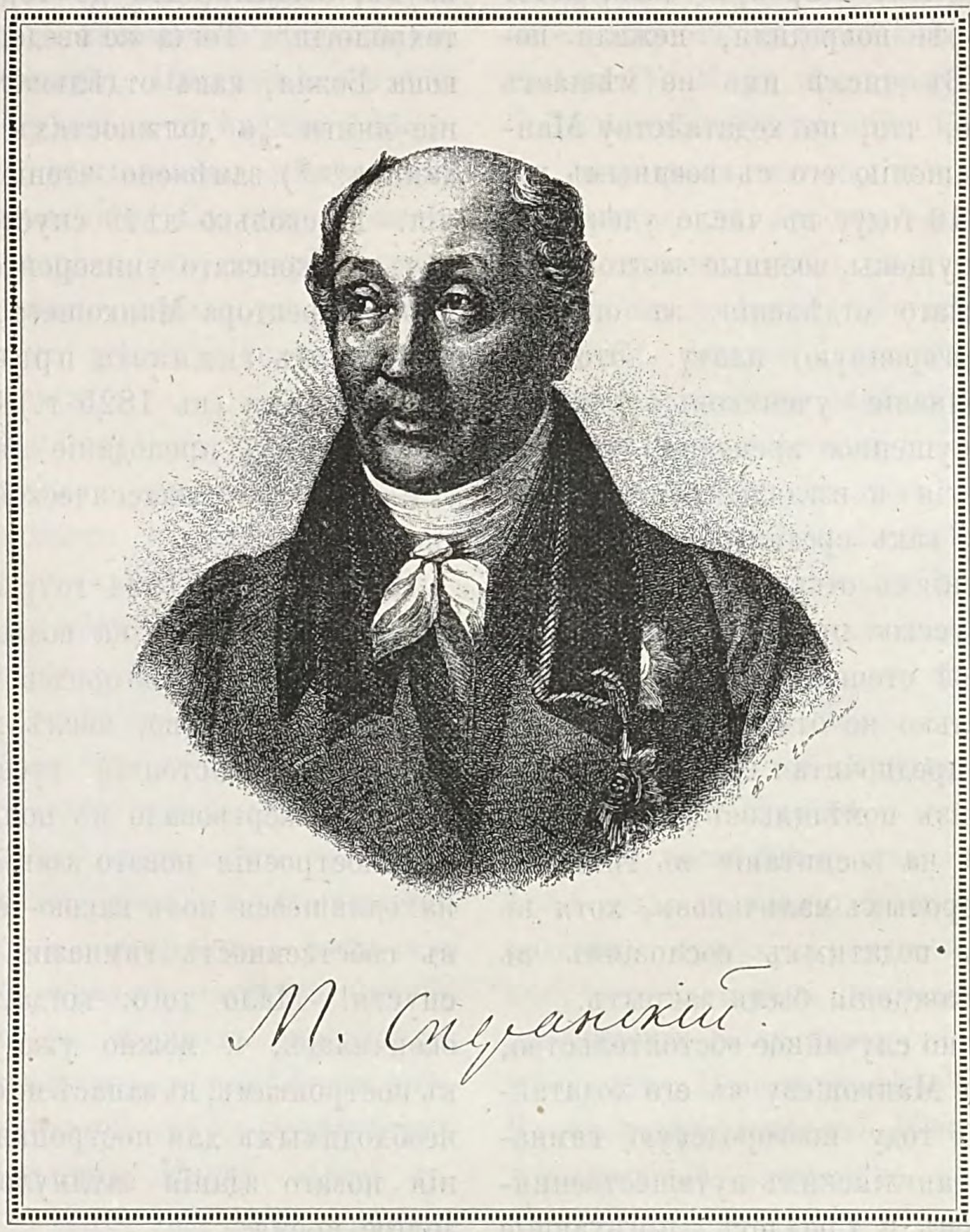
При открытіи курса въ гимназіи не оказалось ни учебныхъ книгъ, ни классныхъ принадлежностей, хотя ученики и учителя были на лицо. Къ довершенію бѣдствія, директоръ гимназіи оказался человѣкомъ совершенно неподготовленнымъ къ своему назначенію и крайне безпечнымъ. Онъ началъ съ того, что запуталъ дѣла гимназіи и произвелъ значительныя растраты изъ скуднаго запаса денежныхъ средствъ заведенія. Годъ спустя, въ августѣ 1809 г., онъ умеръ. Имущество его приказано было продать для покрытія растратъ, но при этомъ оказалось, что все имущество бывшаго директора гимназіи состояло изъ туфлей, халатовъ, фраковъ и туалетныхъ принадлежностей, которыя были оцѣнены въ 252 р. 95½ коп. ассигнаціи. Замѣчательно, что, по описи, въ

имуществѣ директора учебнаго заведенія не оказалось ни одной книги!

Вторымъ директоромъ гимназіи назначенъ былъ Н. И. Манкошевъ, и надо отдать ему полную справедливость, что онъ, вмѣстѣ съ учителями Еленевымъ и Троицкимъ, вынесъ и поддержалъ на плечахъ своихъ гимназію въ теченіи двадцатилѣтняго и самаго печальнаго періода ея существованія.

Съ самаго вступленія въ должность Манкошева начинается тотъ нескончаемый рядъ его доношеній по начальству о невозможности учебному заведенію помѣщаться въ сырой и ветхой развалинѣ, о бѣдственномъ положеніи учителей, о недостаткѣ книгъ и учебныхъ пособій, о несоотвѣтствіи гимназическаго курса потребностямъ учащихся...

И дѣйствительно, оказывается, что всѣ эти невзгоды, вмѣстѣ взятыя, пагубно вліяли на гимназію. Всѣхъ пугало и ея бѣдственное положеніе, подвергавшее опасности здоровье дѣтей, и крайняя непрактичность гимназическаго курса:—дѣтей отдавали въ гимназію на полгода, на годъ, и спѣшили поскорѣе взять ихъ оттуда. Да и не возможно было рѣшиться оставить ихъ въ зданіи, въ которомъ при зимнихъ холодахъ ни одна дверь, ни одно окно не запирались плотно, стѣны были въ трещинахъ, а потолокъ угрожалъ обрушеніемъ... И вотъ, восемь лѣтъ спустя послѣ основанія и торжественнаго открытія гимназіи, число учениковъ въ ней не возрасло, а уменьшилось, и къ 1816 году въ ней видимъ всего 6 учениковъ! И тщетно взывалъ къ начальству о помощи директоръ Манкошевъ въ своихъ „доношеніяхъ“... Ему отвѣчали категорически, что „недостатокъ въ приращеніи способовъ къ просвѣщенію“ лишаетъ министерство возможности войти въ положеніе гимназій.

Графъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій.

И дѣйствительно, финансы были до такой степени разстроены продолжительною войною за освобожденіе Европы, что Министерству Народнаго Просвѣщенія приходилось самому изыскивать самыя экстренныя мѣры для пополненія недостатка въ денежныхъ средствахъ. Министръ народнаго просвѣщенія, графъ Ра-

зумовскій, братился даже къ благотворительности частныхъ лицъ, предлагая жертвователямъ награды: за пожертвованіе 3,000 р. — право поставить въ залѣ гимназіи портретъ; 5,000 р.—рескриптъ и медаль; за 20,000 р.— знакъ отличія и т. д.

Недостатокъ денежныхъ средствъ, постоянное уменьшеніе числа учениковъ въ гимназіи и простая борьба за существованіе вынудили Манкошева къ разнымъ мѣропріятіямъ, которыя однакоже скорѣе повредили, нежели помогли заведенія. Въ числѣ ихъ не мѣшаетъ отмѣтить напр. то, что, по ходатайству Манкошева и по соглашенію его съ военнымъ начальствомъ, въ 1819 году, въ число учениковъ гимназіи были допущены военные кантонисты изъ военно-сиротскаго отдѣленія, за опредѣленную (весьма умѣренную) плату. Это искусственное пополненіе учениковъ гимназіи кантонистами, допущенное временно, еще болѣе спутало понятія и взгляды общества на значеніе гимназіи, какъ средняго учебнаго заведенія. Къ заведеніямъ открытымъ и притомъ всесословнымъ, русское провинціальное общество было до такой степени непривычно, что дворяне положительно не отдавали своихъ дѣтей въ гимназію, предпочитая ей частныя пансіоны, а одинъ изъ помѣщиковъ предлагалъ принять отъ него на воспитаніе въ гимназію крестьянскихъ дворовыхъ мальчиковъ, хотя въ то время доступъ податнымъ сословіямъ въ среднія учебныя заведенія былъ закрытъ.

Одно, совершенно случайное обстоятельство, нѣсколько помогло Манкошеву въ его ходатайствахъ. Въ 1819 году новгородскую гимназію посѣтили два англійскихъ путешественника—квакеры Алленъ и Греллетъ, пріѣхавшіе въ Россію спеціально для того, чтобы ознакомиться съ устройствомъ ея училищъ. Надо полагать, что они остались несовсѣмъ довольны положеніемъ многострадальной гимназіи и своимъ отчетомъ вынудили высшее начальство обратить на нее вниманіе.

Около того-же времени новгородская гимназія была отчислена отъ петербургскаго учебнаго округа къ московскому и это, въ значительной степени, послужило ей на пользу. Въ программѣ гимназическаго преподаванія сдѣланы были нѣкоторыя существенныя измѣненія. Въ настоящую минуту намъ, избалованнымъ современными богатыми способами къ просвѣщенію, какъ-то даже не вѣрится, чтобы напр. гимназистовъ могли обучать въ младшихъ классахъ философіи, не преподавая имъ ни русской грамматики, ни закона Божія. Но дѣйствительно, только въ 1819 г., особымъ циркуляромъ министерства изъ программы гимназіи исключены: „философія и начальныя основанія политической экономіи, также начальныя основанія наукъ, относящихся до торговли и основанія технологіи“. Тогда же введено преподаваніе Закона Божія, какъ отдѣльнаго предмета и чтеніе книги „о должностяхъ человѣка и гражданина“ *) замѣнено чтеніемъ изъ св. Писанія. Нѣсколько лѣтъ спустя, училищный совѣтъ московскаго университета, вслѣдствіе рапорта директора Манкошева, дозволилъ объяснять въ гимназіи правила россійской грамматики (въ 1825 г.), а нѣсколько позже допустилъ преподаніе „языка славянскаго, т. е. высокаго и классической россійской словесности“.

Наконецъ, въ 1824 году явились нѣкоторые проблески надежды на возможность лучшаго будущаго для новгородской гимназіи: новгородское дворянство, послѣ многократныхъ ходатайствъ и настояній губернатора и предводителя пожертвовало въ пользу гимназіи мѣсто для построенія новаго зданія. Но и это мѣсто, находившееся подъ какою-то тяжбою, перешло въ собственность гимназіи только пять лѣтъ спустя! Мало того: когда, наконецъ, тяжба окончилась, и можно уже было приступить къ постройкамъ, въ запасѣ не оказалось средствъ, необходимыхъ для постройки, и дѣло построенія новаго зданія затянулось еще на очень долгое время.

Всего удивительнѣе то, что ужасное положеніе гимназіи и горькая нужда, съ которою постоянно приходилось бороться учителямъ, нимало не ослабляли ихъ энергіи. Добросовѣстно и усердно вели они дѣло преподаванія и даже достигали хорошихъ результатовъ. Всѣ ревизоры оставались успѣхами учениковъ довольны, а присутствовавшій на публичномъ экзаменѣ 23-го августа 1827 года губернаторъ былъ даже пораженъ блестящимъ успѣхомъ

*) Извѣстное сочиненіе Пуффендорфа, переведенное еще при Петрѣ Великомъ и съ тѣхъ поръ много разъ переизданное.

гимназистовъ въ наукахъ, хотя и съ великой тревогой посматривалъ на потолокъ, который, повидимому, „ежеминутно готовъ былъ обрушиться на голову экзаменаторовъ и экзаменующихся“.

Наконецъ, кое-какъ, при помощи министерства и властей, съ одной стороны, при помощи болѣе или менѣе добровольныхъ пожертвованій частныхъ лицъ съ другой стороны, зданіе гимназіи было, наконецъ, воздвигнуто въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ и до настоящаго времени. Постройка его обошлась въ 80,000 рублей и съ начала 1838 г. явилась, наконецъ, вожделенная возможность покинуть старое пепелище. Съ этого момента начинается новый періодъ въ исторіи гимназіи: она пошла наконецъ своимъ нынѣшнимъ, естественнымъ путемъ развитія всякаго средняго учебнаго заведенія.

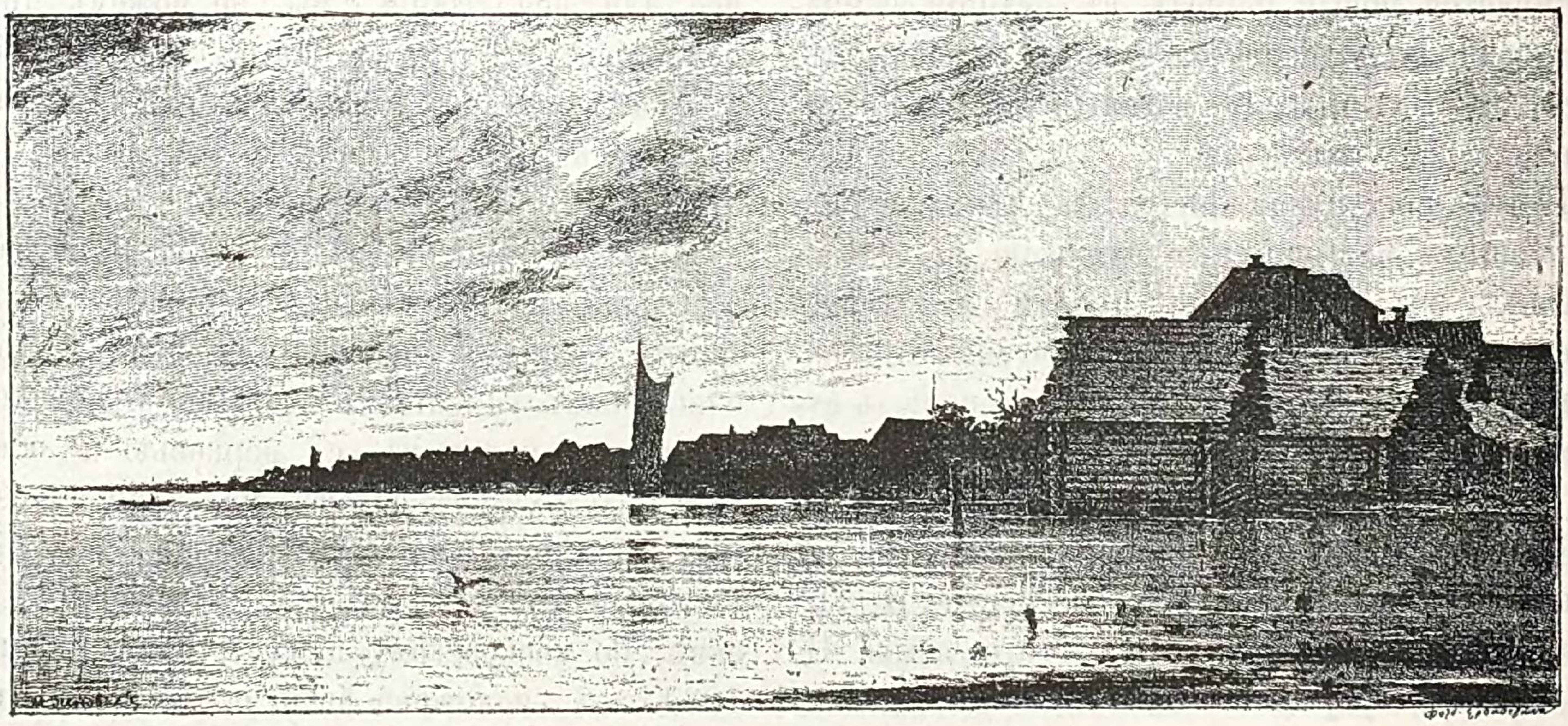
Вспоминая имена первыхъ тружениковъ, вынесшихъ новгородскую гимназію на своихъ плечахъ, мы не можемъ пройти молчаніемъ имена тѣхъ талантливыхъ и почтенныхъ дѣятелей, которые и въ послѣдующій періодъ существованія гимназіи своею энергіею и трудами приносили величайшую честь заведенію. Упомянемъ изъ числа ихъ въ особенности два имени: учителя русской словесности И. К. Купріянова и учителя латинскаго языка Н. К. Отто. Купріяновъ много и съ пользою занимался новгородскою стариною, составилъ описаніе рукописей, хранившихся въ библіотекѣ Софійскаго собора, издавалъ малоизвѣстные рукописные памятники и помѣстилъ рядъ весьма хорошихъ статей въ „Извѣстіяхъ“ Императорской Академіи Наукъ. Отто собиралъ народныя пѣсни, изучалъ новгородскія древности и по архивнымъ матеріаламъ написалъ тотъ историческій очеркъ, изъ котораго мы заимствовали любопытныя свѣдѣнія о первыхъ десятилѣтіяхъ новгородской гимназіи. И Купріяновъ, и Отто—подобно своимъ предшественникамъ, Еленеву и Троицкому—трудились безкорыстно, безъ малѣйшаго расчета на какія-либо выгоды и повышенія, главнымъ образомъ имѣя въ виду пользу и честь заведенія, въ которомъ они преподавали. Къ извѣстному празднеству 1000-тія Россіи Купріяновъ и Отто составили, между прочимъ, прекрасный путеводитель по новгородскимъ святынямъ и древностямъ, который, даже въ настоящее время, заслуживалъ бы перепечатки. Не смотря на всѣ эти заслуги, Н. К. Отто, долго служившій въ гимназіи, кончилъ очень печально *). Миръ его праху...

Упоминая объ исторіи новгородской гимназіи, передавая все то, что было ею пережито до перехода въ новое, спеціально-выстроенное для нея зданіе, мы не можемъ пройти молчаніемъ исторію другаго, военно-учебнаго заведенія, которое близь самаго Новгорода (въ 28 верстахъ) было основано на капиталы, завѣщанныя Аракчеевымъ.

Подъ помѣщеніе этого заведенія отведенъ былъ такъ называемый штабъ 4-го округа бывшихъ военныхъ поселеній—цѣлый городокъ обширныхъ каменныхъ зданій, съ громаднымъ плацемъ и манежемъ, съ церковью и обширнымъ заглохшимъ садомъ, на правомъ берегу Мсты, верстъ на пять повыше села Бронницы (первой станціи отъ Новгорода къ Москвѣ, по московскому шоссе). Здѣсь, 15 марта 1834 года, положено было основаніе „Новгородскому графа Аракчеева кадетскому корпусу“, въ которомъ особыя преимущества при поступленіи были предоставлены дворянскому юношеству Новгородской и Тверской губерніи. Въ противуположность Новгородской гимназіи, Аракчеевскій корпусъ съ первой минуты зажилъ широкою, полною жизнью учебнаго заведенія, обезпеченнаго во всѣхъ своихъ нуждахъ, ни въ чемъ не нуждавшагося. Директору, воспитателямъ и учителямъ отведены были прекрасныя квартиры и назначено было хорошее содержаніе. Ученикамъ доставлены были всѣ средства къ тому, чтобы они могли по-

*) Въ 60-хъ годахъ, въ самый разгаръ россійскаго либерализма, въ новгородскую гимназію поступилъ на время учителемъ нѣкто Х., молодой человѣкъ съ большими связями и большими претензіями. Н. К. Отто, какъ одинъ изъ старѣйшихъ столповъ гимназіи, не оказывалъ ему желаемаго почтенія. Х., узнавъ отъ учениковъ, что Отто, по привычкѣ многихъ учителей старой школы, иногда прибѣгаетъ въ классѣ къ ручной расправѣ, поднялъ изъ этого шумъ. Директоръ, опасавшійся связей Х. въ столицѣ, завелъ дѣло, и въ результатѣ — Н. К. Отто былъ удаленъ изъ гимназіи, для которой онъ трудился цѣлую жизнь, разлученъ съ Новгородомъ, съ которымъ успѣлъ сродниться, и отправленъ учителемъ куда-то далеко на сѣверъ. Вскорѣ послѣ того, онъ тамъ спился съ горя и наложилъ на себя руки, въ припадкѣ бѣлой горячки — а можетъ быть и отчаянія?—Куда дѣвался его сборникъ пѣсенъ? Неизвѣстно.

лучить хорошее воспитаніе и солидное реальное образованіе. Строго выработанныя программы приспособлены такъ, чтобы курсы доставляли ученикамъ только необходимый для каждаго образовательный матерьялъ и не загромождали сознанія ихъ никакимъ лишнимъ учебнымъ балластомъ. Мало-того: даже и для развлеченія учениковъ доставлены были всѣ средства, выработана была цѣлая система гимнастическихъ и педагогическихъ игръ, прогулокъ, домашнихъ спектаклей и танцовальныхъ вечеровъ. Въ довершеніе всего,—корпусу была передана значительная часть движимости покойнаго городской гимназіи, и постоянно былъ переполненъ учащимися. Цѣлыя поколѣнія воспитались въ немъ и образовали весьма тѣсную семью такъ-называемыхъ аракчеевцевъ, которые, воспитавшись въ уединеніи Аракчеевки всю жизнь свою сохраняли между собою самыя тѣсныя товарищескія связи. Большинство выносило изъ Аракчеевки самыя теплыя воспоминанія объ этомъ родномъ гнѣздѣ, какъ вдругъ, въ концѣ 60-хъ годовъ, когда началась общая ломка нашихъ военно-учебныхъ заведеній, высшему начальству показалось почему-то необходимымъ и существенно-важнымъ—

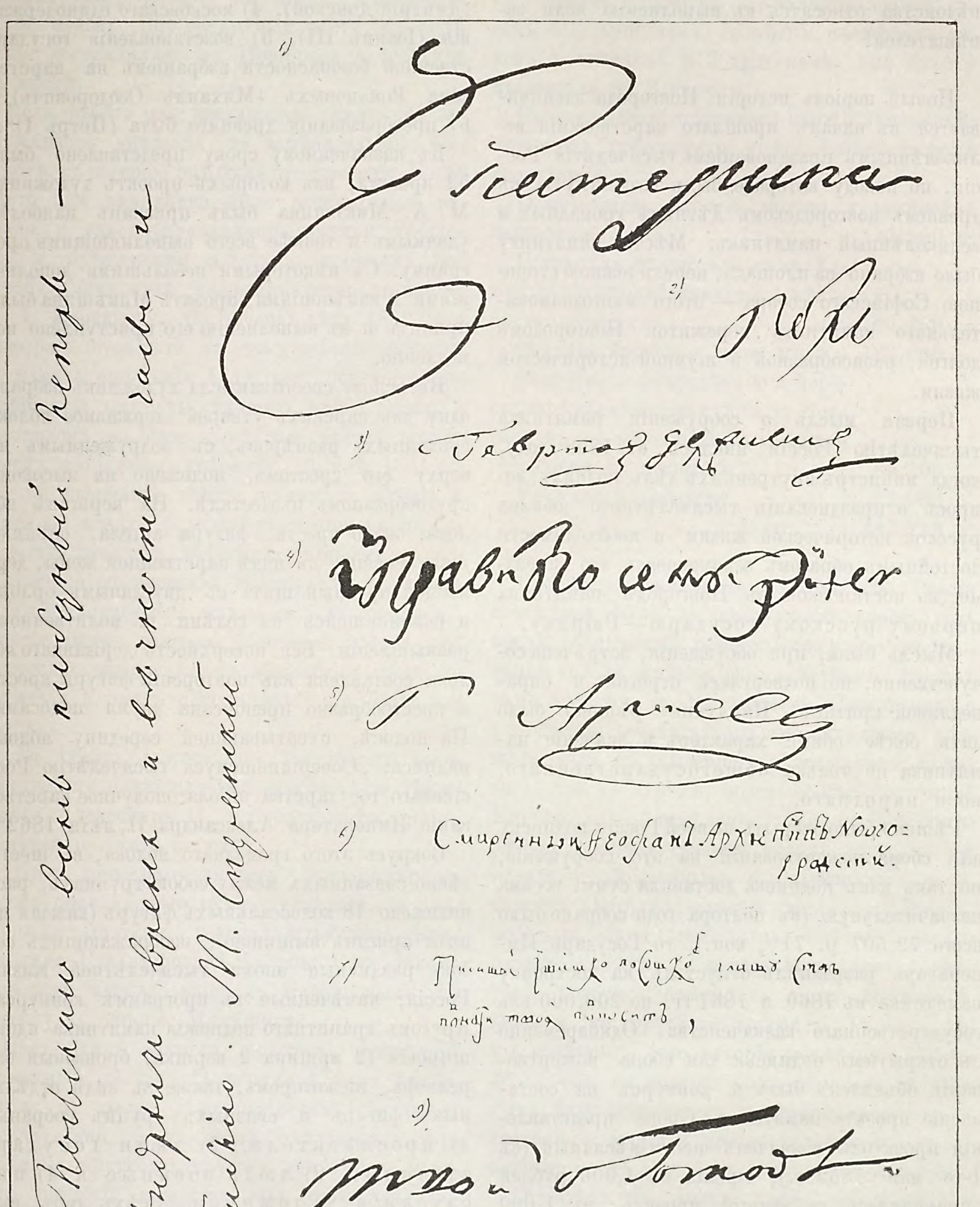

Соснинская пристань на Волховѣ.

графа Аракчеева: вся его богатѣйшая библіотека, всѣ планы, карты, рисунки и инструменты, бывшіе въ Грузинскомъ дворцѣ и въ петербургскомъ домѣ графа. Въ собственность корпуса поступили и нѣкоторыя историческія драгоцѣнности *), которыми графъ особенно цѣнилъ при жизни, и нѣкоторая часть его архива.

Само собою разумѣется, что при такихъ обширныхъ средствахъ и при такой обстановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла, Аракчеевскій корпусъ былъ весьма сильнымъ соперникомъ новперевести корпусъ изъ подъ Новгорода и помѣстить въ Нижнемъ-Новгородѣ. Немного спустя корпусъ переименованъ въ Аракчеевскую гимназію; а въ послѣднее время, когда новая волна поглотила военныя гимназіи и вынесла на хребтѣ своемъ прежніе корпуса, корпусъ графа Аракчеева былъ, какимъ-то чудомъ, переименованъ просто въ „Нижегородскій кадетскій корпусъ", вопреки желанію, опредѣленно выраженному Императоромъ Николаемъ. Есть основаніе думать, что нынѣшніе воспитанники Нижегородскаго корпуса будутъ имѣть полное право позабыть о томъ, на чьи капиталы они воспитываются и получаютъ образованіе? Поразительна та легкость, съ которою у насъ въ Россіи, не только частныя лица, но и казенныя

*) Намъ помнятся хранившіяся въ корпусѣ вещи Императора Александра I и драгоцѣнныя золотые бокалы, изъ которыхъ Александръ и Наполеонъ пили во время Тильзитскаго свиданія.

Здѣсь помѣщены слѣдующіе автографы: 1) Екатерины II; 2) Петра Великаго (Петръ) и 4) его-же (управить по сему Piter); 3) Державина; 5) Аракчеева; 6) Ѳеофана Прокоповича; 7) Ивана Посошкова; 8) М. Сперанскаго и 9) Архимандрита Ѳотія.

вѣдомства относятся къ выполненію воли завѣщателей!

Новый періодъ исторіи Новгорода заканчивается въ началѣ прошлаго царствованія великолѣпнымъ празднованіемъ тысячелѣтія Россіи, по поводу котораго былъ воздвигнутъ въ древнемъ новгородскомъ Дѣтинцѣ громадный и великолѣпный памятникъ. Мѣсто памятнику было избрано на площади, передъ южною стороною Софійскаго собора — этого многознаменательнаго памятника пережитой Новгородомъ долгой, разнообразной и шумной исторической жизни.

Первая мысль о сооруженіи памятника тысячелѣтію Россіи явилась въ 1858 году, когда министръ внутреннихъ дѣлъ поднялъ вопросъ о празднованіи тысячелѣтняго юбилея русской исторической жизни и необходимости достойнымъ образомъ ознаменовать это празднество постановкою въ Новгородѣ памятника первому русскому государю—Рюрику.

Мысль была, при обсужденіи, встрѣчена сочувственно, но подверглась строгой и справедливой критикѣ. Памятнику рѣшено было дать болѣе общій характеръ и значеніе памятника не только общегосударственнаго, но и народнаго.

Рѣшено было открыть по всей Россіи подписку для сбора пожертвованій на это сооруженіе; но такъ какъ подписка доставила сумму весьма незначительную (въ полтора года собрано было всего 72,507 р. $71\frac{1}{2}$ коп.), то Государь Императоръ разрѣшилъ отпустить на постройку памятника въ 1860 и 1861 гг. по 200,000 изъ государственнаго казначейства. Одновременно съ открытіемъ подписки для сбора пожертвованій объявленъ былъ и конкурсъ на составленіе проэкта памятника. Срокъ представленія проэктовъ назначенъ шести-мѣсячный (съ 1-го мая 1859 г.); премія въ 4,000 рублей опредѣлялась за лучшій проэктъ, въ 1,000 рублей за второй по достоинству. Важнѣйшимъ условіемъ конкурса было то, что художникамъ предлагалось выразить въ памятникѣ „идею православія русскаго народа, какъ вѣнецъ его государственной жизни, главные фазы которой опредѣлялись эпохами: 1) основанія государства (Рюрикъ), 2) принятія вѣры христіанской (Владиміръ), 3) сверженія татарскаго ига (Дмитрій Донской), 4) московскаго единодержавія (Іоаннъ III), 5) возстановленія государственной безопасности избраніемъ на царство дома Романовыхъ (Михаилъ Ѳеодоровичъ) и 6) преобразованія древняго быта (Петръ I)“.

Къ назначенному сроку представлено было 52 проэкта, изъ которыхъ проэктъ художника М. А. Микѣшина былъ признанъ наиболѣе удачнымъ и точнѣе всего выполняющимъ программу. Съ нѣкоторыми небольшими дополненіями и измѣненіями, проэктъ Микѣшина былъ принятъ и къ выполненію его приступлено немедленно.

Въ основу своего замысла художникъ избралъ одну изъ царскихъ утварей: державное яблоко громадныхъ размѣровъ, съ водруженнымъ наверху его крестомъ, положено на высокомъ кругообразномъ пьедесталѣ. На вершинѣ яблока, около креста, фигура ангела, осѣняющаго Россію, въ видѣ царственной жены, держащей круглый щитъ съ двуглавымъ орломъ и склонившейся на колѣни въ молитвенномъ размышленіи. Вся поверхность державнаго яблока составлена изъ повтореній фигуры креста и крестообразно препоясана двумя полосами. На полосѣ, охватывающей середину яблока надпись: „Совершившемуся тысячелѣтію Россійскаго государства въ благополучное царствованіе Императора Александра II, лѣта 1862“.

Вокругъ этого громаднаго яблока, въ шести тѣсно-связанныхъ между собою группахъ, расположено 18 колоссальныхъ фигуръ (каждая по пяти аршинъ вышиною), изображающихъ собою различныя эпохи тысячелѣтней жизни Россіи, намѣченные въ программѣ конкурса. Кругомъ гранитнаго подножія памятника идетъ широкій (2 аршина 2 вершка) бронзовый барельефъ, въ которомъ, также въ видѣ отдѣльныхъ фигуръ и связныхъ группъ собраны: 1) просвѣтители, 2) люди государственные, 2) люди военные и 4) писатели и художники. Всѣхъ лицъ, выставленныхъ въ этомъ барельефѣ—109. Надъ исполненіемъ моделей для группъ и барельефовъ, кромѣ самаго Микѣшина, по его порученію, трудились художники: Шредеръ, Лаверецкій, Чижевъ, Любимовъ, Румянцевъ и другіе. Всѣ бронзовыя части памятника отливались въ С.-Петербургѣ, г. Когуномъ на фабрикѣ Никольса и Плинке, и общій вѣсъ всей

бронзы, употребленной на отливку, равнялся 5,700 пудовъ. Всѣ гранитныя части, въ видѣ глыбъ доставлялись въ Новгородъ и тесались на мѣстѣ.

Ходъ работъ для постановки памятника заслуживаетъ вниманія по замѣчательной быстротѣ, съ которою онѣ были произведены. Когда мѣсто для памятника было окончательно избрано, г. главноуправляющій путями сообщенія и публичными зданіями поручилъ постройку памятника инженеръ генералъ-маіору В. Д. Евреинову. Въ теченіе лѣта 1860 года разобранъ стоявшій на томъ мѣстѣ обелискъ въ память ополченія 1812 года, перенесенъ на Софійскую торговую площадь внѣ Кремля, и поставленъ на свое нынѣшнее мѣсто, передъ домомъ дворянскаго собранія. Въ маѣ 1861 года, по окончаніи всѣхъ земляныхъ работъ и каменной кладки фундамента совершена торжественная закладка памятника, причемъ въ оставляемую обыкновенно выемку въ фундаментѣ заложенъ бронзовый ящикъ съ медалями, а отверстіе камня закрыто бронзовою доскою, съ надписью, заключающею обозначеніе цѣли сооруженія и именъ исполнителей его. Вотъ эта надпись:

„Въ память тысячелѣтія Россійскаго государства, въ благополучное царствованіе Императора Александра II, добровольными приношеніями русскаго народа“.

„Подъ непосредственнымъ распоряженіемъ главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями, генералъ-адъютанта Константина Владиміровича Чевкина. Строителемъ инженеръ генералъ-маіоромъ Евреиновымъ, по проекту художника Микѣшина“.

Надъ этимъ камнемъ положенъ послѣдній гранитный квадеръ *) верхняго ряда фундамента; въ то-же лѣто пьедесталъ достроенъ окончательно, а къ веснѣ слѣдующаго года отдѣлана мѣстность кругомъ памятника, настланъ широкій и прекрасный троттуаръ, поставлена бронзовая рѣшетка и шесть громадныхъ фонарей на пьедесталахъ вокругъ памятника.

Въ окончательномъ видѣ памятникъ, открытый 8 сентября 1862 года, представляетъ величавую массу гранита и бронзы, вышиною въ $7^1/_2$ саженъ. Діаметръ державнаго яблока равенъ $6^1/_3$ аршинамъ, діаметръ пьедестала равенъ 4 саженямъ и 2 аршинамъ, при высотѣ пьедестала въ 3 сажени.

*) Правильно отесанный кусокъ гранитной глыбы.

Въ заключеніе сказаннаго нами о памятникѣ, приведемъ любопытныя цифры стоимости всего сооруженія.

Оказывается, что за модели художникамъ заплачено	147,500 р.
Постройка пьедестала съ отдѣлкою окружающей памятникъ мѣстности обошлось	100,250 „
Отливка бронзы и цѣна мѣди .	188,000 „
Расходы по исправленію и перестройкѣ кремлевской стѣны въ Новгородѣ, перенесеніе обелиска и приготовленія къ открытію	35,500 „
Управленіе работами	22,000 „
Всего . .	493,250 р.

Постановка памятника тысячелѣтію Россіи совершена была съ небольшимъ черезъ годъ послѣ величайшей реформы прошлаго царствованія—послѣ освобожденія крестьянъ. Русскій царь, молясь за благоденствіе Своего народа у подножія воздвигнутаго имъ памятника, долженъ былъ съ умиленіемъ и восторгомъ сознавать, что въ странѣ, волею Божіею врученной Его заботамъ и правленію, не оставалось болѣе рабовъ. Высокое сознаніе своихъ обязанностей передъ освобожденнымъ отъ крѣпостной зависимости многомилліоннымъ населеніемъ Россіи, побудило Царя-Освободителя слѣдовать далѣе путемъ новыхъ и важныхъ реформъ, которыя, конечно, отозвались и на Новгородѣ, какъ и на другихъ городахъ Россіи. Но мы полагаемъ, что исторія послѣдняго 25-ти лѣтія еще не можетъ быть написана съ полнымъ безпристрастіемъ и справедливостью въ настоящее время и предоставляемъ это тѣмъ, которые послѣ насъ будутъ писать о Новгородѣ.

Отмѣтимъ еще только одинъ любопытный и знаменательный фактъ, связанный, косвеннымъ образомъ, съ празднованіемъ тысячелѣтія.

Въ числѣ множества статей и брошюръ, напечатанныхъ по поводу тысячелѣтія и ожидаемаго празднованія этой замѣчательной эпохи, явилась небольшая газетная статейка, давно забытая теперь, но въ свое время надѣлавшая много шума и вызвавшая много несправедли-

выхъ нареканій противъ автора статьи, нашего извѣстнаго историка Н. И. Костомарова. Подъ заглавіемъ „Тысячелѣтіе“ (въ № 5 „Спб. Вѣд.“ за 1882 годъ), почтенный ученый попытался свести итоги нашего тысячелѣтняго существованія и въ краткихъ чертахъ опредѣлить нравственный обликъ современнаго русскаго общества. Итоги были не слишкомъ лестны для народной гордости и даже способны охладить пылъ слишкомъ рьяныхъ либераловъ. Приведемъ изъ этой забытой статьи небольшіе отрывки, которые теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, могутъ поразить насъ мѣткостью сужденій, высказанныхъ двадцать-два года тому назадъ:

...„Неясный гулъ кругомъ насъ. Мы слышимъ завѣтныя слова: впередъ, прогрессъ, развитіе, свобода, гласность — цѣлый словарь волшебныхъ реченій... Но мы не уяснили себѣ значенія этихъ словъ, потому что не нашли еще непосредственнаго, тѣснаго приложенія ихъ къ условіямъ своей жизни... Еслибы мы стали собирать голоса, чтобъ узнать, въ чемъ состоитъ ихъ сущность въ сферѣ потребностей нашей жизни, то вышла бы тотчасъ разноголосица, не отъ многосторонности убѣжденій, пріобрѣтенныхъ думою и опытомъ, а отъ недостатка мысли и опыта, оттого, что каждый изъ насъ былъ-бы, такъ сказать, захваченъ въ расплохъ этимъ вопросомъ и долженъ былъ бы импровизировать на тэму, которую до сихъ поръ повторялъ машинально“.

Пугаясь этой разноголосицы, приводившей къ слишкомъ обширнымъ планамъ и къ путаницѣ въ понятіяхъ, Н. И. Костомаровъ приходитъ къ слѣдующему чрезвычайно оригинальному выводу:

„Мы похожи на силача, у котораго такіе крѣпкіе мускулы, что онъ можетъ сразу поднять четыре пуда, но хочетъ поднять 20, и не поднимаетъ ни одного. Намъ нужны не идеалы, а ближайшія практическія цѣли. Намъ слѣдуетъ собрать всѣ свои требованія, всѣ свои современные вопросы и отдѣлить изъ нихъ тѣ немногіе, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ успѣхъ рѣшенія другихъ... Намъ нужно цѣлей, цѣлей, цѣлей и крѣпкаго неодолимаго терпѣнія къ ихъ достиженію.

„Въ такомъ положеніи, вмѣсто того, чтобы повторять избитую модную фразу: впередъ! — не умѣстнѣе ли будетъ сказать: назадъ! Даже назадъ къ половинѣ IX вѣка, за 1000 лѣтъ! Разумѣется не въ томъ смыслѣ назадъ, чтобы намъ терять плоды всего нашего тысячелѣтняго развитія, возвращаться къ патріархальной простотѣ разумѣнія предковъ и къ тѣсному горизонту ихъ знаній и опыта, а въ смыслѣ простоты дѣйствій и рѣшимости, съ какою, по расказу нашего лѣтописца, поступили они въ важномъ дѣлѣ закладки русскаго политическаго общества“.

Нельзя не сознаться въ томъ, что эти слова историка, неутратившія значенія и до настоящаго времени, были роковымъ пророчествомъ для первыхъ двухъ десятилѣтій, послѣ открытія памятника нашей тысячелѣтней зрѣлости!

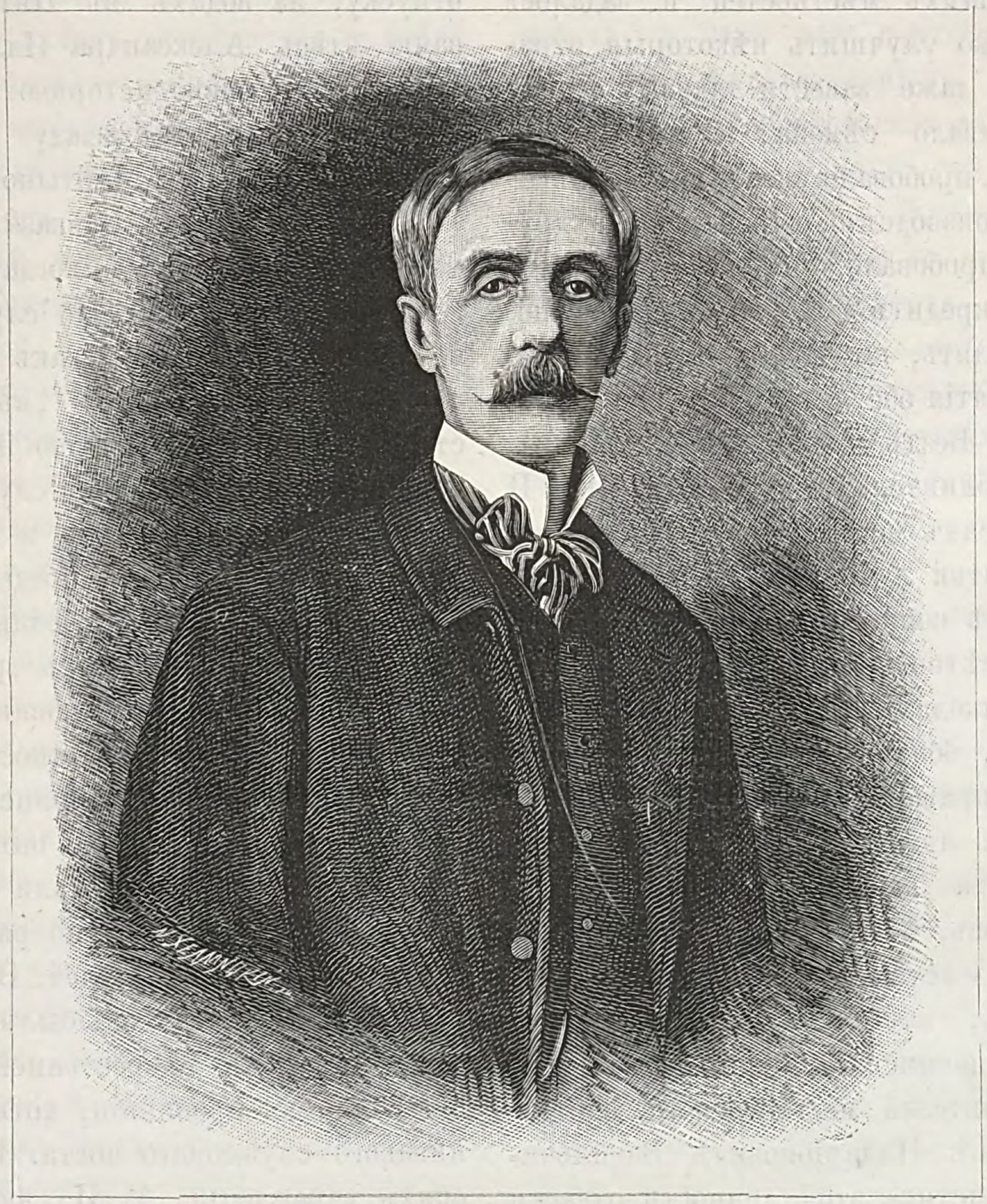
Въ заключеніе настоящей главы, скажемъ нѣсколько словъ о дѣятельности новгородскаго земства и объ одномъ изъ наиболѣе выдающихся его представителей.

Съ конца XVII столѣтія въ новгородской области начало развиваться помѣстное крѣпостное право и въ эпоху Александра I въ Новгородской губерніи помѣщичій элементъ былъ весьма значителенъ не только по количеству, но и по своему вліянію на государственныя дѣла. Значительная часть новгородскихъ помѣщиковъ состояла на государственной службѣ, занимая видное въ ней положеніе и этимъ-то объясняется тотъ фактъ, что въ эпоху Александра II, когда отъ помѣстнаго класса потребовалось дѣятельное участіе въ реформахъ, новгородскіе землевладѣльцы оказались готовыми къ исполненію царской воли.

Исторія новгородскаго земства составляетъ видную страницу въ нашей исторіи. Начиная съ 1865 г., когда состоялось первое губернское земское собраніе, и до конца 70-хъ годовъ, въ числѣ гласныхъ, принимавшихъ самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ „самоуправленія“, мы видимъ лучшія мѣстныя силы.

Работа, предстоявшая земскимъ дѣятелямъ, была не только обширная, но и трудно выполнимая. „Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ“ налагало на новый институтъ столь разнообразныя обязанности, что невольно приходилось разбрасываться земскимъ дѣятелямъ и недостигать желанной цѣли.

Но при всемъ томъ новгородское земство, справившись съ техническими трудностями по организаціи управъ и собраній, по раскладкамъ сборовъ и т. п., уже на первыхъ порахъ заявило себя серьезными заботами о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, и въ этомъ отношеніи дѣятельность земства по народному образованію, народному призрѣнію и мѣрамъ къ возвышенію экономическаго уровня населенія была выдающеюся.

Князь А. И. Васильчиковъ.

По народному образованію земство устроило массу не только начальныхъ школъ, — двухклассныя и второразрядныя училища; но и учительскія семинаріи, которыхъ было три: Александровская, Череповецкая и женская учительская школа. Кромѣ того, земство давало пособія на устройство и содержаніе реальныхъ училищъ, женскихъ гимназій и другихъ учебныхъ заведеній; оно образовывало мѣстныхъ женскихъ повитухъ. Какъ велики были расходы земства на сельскую школу, видно изъ того, что въ періодъ времени между 1865 и 1877 гг. расходы земства на начальную школу возросли почти въ пятнадцать разъ. На ряду съ устройствомъ школъ земство учреждало читальни и книжные склады. Если народное образованіе въ губерніи не достигло тѣхъ результатовъ, къ какимъ стремилось земство, то въ этомъ отношеніи его усилія встрѣтились съ трудно-преодолимыми препятствіями, съ которыми нельзя бороться земскими средствами.

Въ отношеніи народнаго призрѣнія и здравія, новгородское земство также сдѣлало немало и труды его въ этомъ направленіи весьма серьезны. Здѣсь, конечно, немыслимо было бы останавливаться на мѣропріятіяхъ земства. Достаточно указать на тотъ фактъ, что земство раскрыло печальную картину безпомощности сельскаго населенія въ борьбѣ съ разнообразными недугами и выяснило, что заботы о народномъ здравіи одному земству не по силамъ; что тутъ необходимы обширныя государственныя заботы. Оцѣнивать заботы земства о народномъ здравіи лишь по количеству нанятыхъ имъ врачей и купленныхъ медикаментовъ было бы большою ошибкою... Дѣятельность земства замѣчательна по выясненію причинъ и харак-

тера болѣзней въ населеніи. Выяснивъ на первыхъ же порахъ объемъ своихъ заботъ о нуждахъ сельскаго населенія, земство постоянно останавливалось на фактахъ экономическаго положенія населенія, и въ этомъ отношеніи усилія и попытки земства улучшить „экономическій уровень“ — представляютъ особый интересъ. Новгородское земство занялось изслѣдованіями бѣднѣйшихъ мѣстностей и задалось цѣлью не только улучшить нѣкоторыя отрасли труда, но даже завести таковыя вновь: земство выписывало сѣмена, сельско-хозяйственныя орудія, пробовало ввести картофельно-крахмальное производство, сыровареніе и другіе промыслы; пробовало организовать доступный народный кредитъ. Не трудно, конечно, все это перечислять, но не такъ-то было легко всѣ эти мѣропріятія обсудить, направить и внести въ жизнь. Вездѣ нужны были опытные и толковые исполнители и руководители. И вотъ въ лѣтописяхъ новгородскаго земства мы встрѣчаемъ десятки лучшихъ, извѣстныхъ въ свое время, нынѣ сошедшихъ со сцены людей. Эти люди беззавѣтно и страстно служили земскому дѣлу въ школахъ, ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, больницахъ и проч., не говоря уже объ управахъ, гдѣ работала масса интеллигентныхъ людей. Оживленіе въ дѣятельности земства начало ослабѣвать въ началѣ 70-хъ годовъ, подъ вліяніемъ общихъ для всего русскаго земства причинъ. Не будемъ говорить о нихъ, такъ какъ онѣ хорошо всѣмъ извѣстны, а остановимся на одномъ изъ выдающихся представителей новгородскаго земства, князѣ Александрѣ Илларіоновичѣ Васильчиковѣ. Характеристика этой личности отчасти послужитъ и характеристикой значенія дѣятельности новгородскаго земства.

„Князь А. И. Васильчиковъ, сынъ предсѣдателя государственнаго совѣта, князя Илларіона Васильчикова, родился въ 1818 году, 27-го октября. У Васильчиковыхъ въ Новгородской губерніи, въ Старорусскомъ уѣздѣ находится родовое имѣніе Выбити. Это то имѣніе и составило связь князь съ земствомъ. На 17-мъ году отъ роду онъ поступилъ въ число студентовъ петербургскаго университета, гдѣ въ 1839 году и окончилъ курсъ со степенью кандидата.

„По выходѣ изъ университета, князь не имѣлъ желанія служить, хотя въ то время для людей высшаго круга это представлялось „неудобнымъ“. Надо было непремѣнно служить, и вотъ въ началѣ 1840 года князь рѣшилъ примкнуть къ группѣ молодежи, приглашенной барономъ Ганомъ въ сотрудники, по введенію на Кавказѣ новаго административнаго устройства. Миссія барона Гана не удалась и въ 1842 г. сотрудники его были еще въ отпуску, на водахъ въ Пятигорскѣ. Пребываніе здѣсь Александра Илларіоновича связано съ печальною исторіею: онъ былъ секундантомъ при дуэли между поэтомъ Лермонтовымъ и маіоромъ Мартыновымъ.

„Возвратившись съ Кавказа, А. И. оставался не у дѣлъ до 1845 г., когда и поступилъ въ гражданскую службу. Но служба въ столицѣ не удовлетворяла его, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ князя: „въ ранней молодости я почувствовалъ всю ничтожность канцелярской и придворной службы и необходимость узнать бытъ народа и порядокъ службы внѣ Петербурга, гдѣ все представляется въ ложномъ свѣтѣ,—узнать въ провинціи и въ деревнѣ, гдѣ уныло и мирно течетъ трудовая жизнь“. Жить и служить въ провинціи князю представилась полная возможность; онъ избранъ былъ въ предводители дворянства. Здѣсь-то, въ провинціи и пріобрѣлъ онъ себѣ тѣ знанія, которыя впослѣдствіи дали ему возможность убѣдительно и авторитетно разъяснять потребности сельскихъ обитателей. Въ Крымскую кампанію кн. Васильчиковъ былъ въ рядахъ ополченія, а затѣмъ, до крестьянской реформы, онъ, оставался въ провинціи, хотя и не занималъ, никакого служебнаго поста. При введеніи земскихъ учрежденій А. И. является земскимъ гласнымъ, въ роли котораго онъ былъ два трехлѣтія, съ 1865 по 1872 годъ. Въ теченіи шестилѣтняго своего служенія земству князь былъ независимымъ общественнымъ представителемъ, гласнымъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Главная его заслуга въ томъ, что онъ старался большинство земскихъ вопросовъ ставить и выяснять принципіально; онъ не былъ тѣмъ практикомъ, который въ заботахъ о мелкихъ общественныхъ дѣлахъ теряетъ обыкновенно широкій взглядъ на дѣло и нисходитъ до обыденной роли завѣдывающаго какою-либо отдѣльною частью. Какъ онъ смотрѣлъ на земское дѣло свидѣтельствуютъ намъ не только

его собственные труды, но и слѣдующій, замѣчательный отрывокъ изъ вполнѣ безпристрастной біографіи князя, написанной однимъ изъ близкихъ къ нему людей и постояннымъ сотрудникомъ всѣхъ его литературныхъ работъ:

„Выработавъ въ себѣ нравственный принципъ—„общественной пользы“ и идя въ земство только во имя этого принципа, онъ съ первыхъ же шаговъ началъ встрѣчаться съ неблагопріятными обстоятельствами, которыя не только парализовали его дѣятельность, но, въ концѣ концовъ, заставили его продолжать жить замкнутою жизнью; онъ не пріобрѣлъ себѣ въ общественной средѣ, по скольку онъ сталкивался съ нею въ земствѣ, ни близкихъ знакомствъ, ни новыхъ друзей. Кругъ людей близкихъ къ князю былъ ограниченъ, да и тотъ постоянно уменьшался вымираніемъ этихъ лицъ.

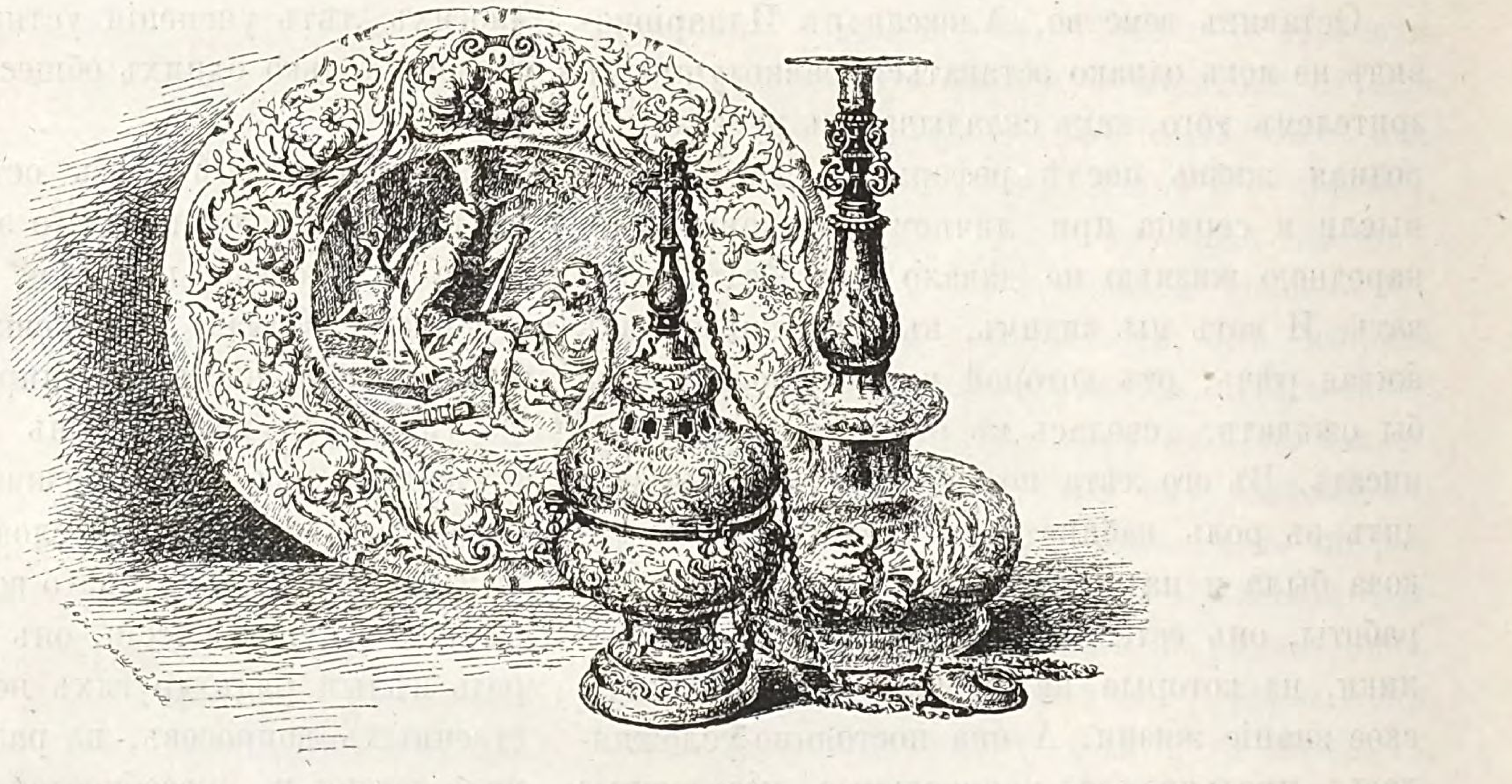
„Оставивъ земство, Александръ Илларіоновичъ не могъ однако оставаться равнодушнымъ зрителемъ того, какъ складывалась русская народная жизнь послѣ реформъ. Благородство мысли и сердца при личномъ знакомствѣ съ народною жизнью не давало ему бездѣйствовать. И вотъ мы видимъ, въ лицѣ князя, какъ живая рѣчь, отъ которой многаго можно было бы ожидать, „свелась къ бумагѣ:“ онъ началъ писать. Въ его лѣта поздно, конечно, было входить въ роль кабинетнаго ученаго, да не такова была и натура. Начиная литературныя работы, онъ естественно брался за тѣ источники, на которые наталкивало его практическое знаніе жизни. А она постоянно усложнялась, предъявляла мучительные неотложные вопросы, для рѣшенія которыхъ нужны были убѣжденные дѣятели. Александръ Илларіоновичъ вѣрилъ, что они есть и что они могутъ многое сдѣлать. Увѣренность въ этомъ, основанная болѣе на личныхъ своихъ качествахъ, была такъ сильна, что онъ одно время построилъ на ней даже какъ бы особую нравственную теорію общественныхъ обязанностей, не придавая особаго значенія, для даннаго времени, общественнымъ правамъ. Его „Самоуправленіе“ и „Землевладѣніе и земледѣліе“—являются выразителями не научнаго, а нравственнаго образа мыслей ихъ автора. Этимъ же нравственнымъ убѣжденіемъ, на ряду съ отсутствіемъ для князя иного поля дѣятельности, объясняется и его участіе въ осуществленіи народнаго кредита. Размѣры этого участія, говоря относительно, конечно скромны, но что же оставалось ему болѣе дѣлать, когда выбирать было нельзя да и не изъ чего. Мы видѣли, какъ онъ пытался расширить свою дѣятельность, какъ онъ желалъ выйти изъ своего уединенія, образовать даже свой органъ печати, чтобъ говорить въ немъ о народныхъ интересахъ, и какъ эти попытки такъ и остались не удовлетворенными. И вотъ, послѣ того, какъ обстоятельства свели въ немъ живую рѣчь къ бумагѣ, тѣ же обстоятельства—направили его публицистическій талантъ на мемуары, на частную переписку... Почти наканунѣ своей смерти Александръ Илларіоновичъ, тѣмъ-же личнымъ опытомъ и въ силу нравственныхъ принциповъ, не могъ обойти и вопроса объ общественныхъ правахъ, послѣ многихъ лѣтъ уясненія устнымъ и печатнымъ словомъ только однихъ общественныхъ обязанностей.

„Въ литературѣ князь оставилъ замѣтный слѣдъ разработкою главнаго экономическаго вопроса въ русской народной жизни — вопроса аграрнаго. Самая постановка этого вопроса была сдѣлана настолько широко, что его можно упрекнуть развѣ лишь въ преувеличеніи значенія, какое онъ придавалъ поземельному устройству народа. Обусловливая справедливымъ рѣшеніемъ аграрнаго вопроса и все дальнѣйшее будущее Россіи, онъ поставилъ на очередь цѣлый рядъ другихъ неотложныхъ общественныхъ вопросовъ, на разработку которыхъ мало жизни и способностей не только одного лица, но и цѣлаго поколѣнія. Дѣятельной и богато одаренной натурѣ Александра Илларіоновича трудно было развиваться, еще труднѣе было дѣйствовать на общую пользу, о чемъ и самъ онъ публично заявилъ въ 1876 году, въ рѣчи своей, по поводу кончины Ю. Ф. Самарина. Рѣчь эта заканчивается слѣдующими словами: „нельзя не пожалѣть, не о покойномъ Самаринѣ—онъ исполнилъ честно передъ русской землей свой христіанскій и человѣческій долгъ,—но надо пожалѣть о томъ обществѣ, гдѣ не находитъ себѣ мѣста и голоса такой человѣкъ, какъ Юрій Самаринъ *).

*) Рѣчи, произнесенныя по поводу кончины Ю. Ф. Самарина. Спб. 1876, стр. 14.

Эти слова вполнѣ примѣнимы и къ сказавшему ихъ. И мы прибавимъ къ нимъ только одно — чтобъ поскорѣе улучшилось положеніе русской общественной жизни, чтобъ эта жизнь заключала въ себѣ всѣ необходимыя условія для развитія въ ней все болѣе и болѣе выдающихся общественныхъ дѣятелей, людей мысли, чтобы постоянный страхъ за личную безопасность и узкое самолюбіе—уступили мѣсто широкимъ общественнымъ идеаламъ, чтобы въ русской литературѣ исчезли противорѣчивые взгляды, такъ долго жившіе и въ Александрѣ Илларіоновичѣ,—взгляды, будто „государство можетъ провести что-либо существенное въ области экономическихъ реформъ, не сдѣлавъ соотвѣтствующихъ улучшеній въ другихъ сферахъ".

Торжество противуположнаго взгляда надъ господствующею нынѣ смутою въ понятіяхъ большинства современныхъ общественныхъ дѣятелей и будетъ вѣрною гарантіею, что на смѣну одного дѣятеля, вырваннаго смертію изъ среды общества ввыступятъ новые, болѣе сильные и многочисленные дѣятели. И русскому обществу не придется грустно качать головами надъ гробомъ умершаго и говорить, что мы „только и дѣлаемъ, что хоронимъ", какъ говорилъ князь Васильчиковъ на панихидѣ Самарина".

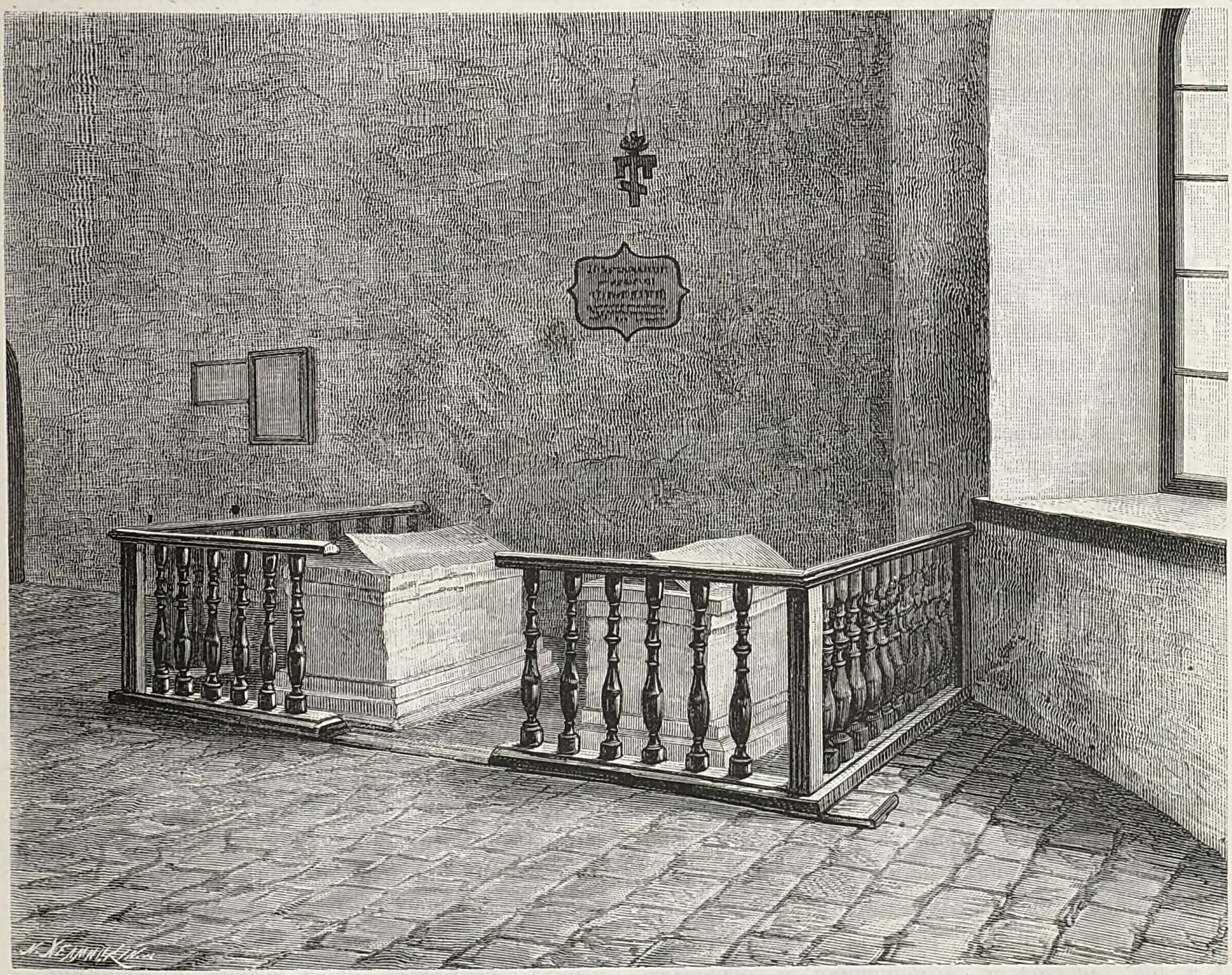
Вклады за упокой души князей Долгоруковыхъ въ ц. Николая Чудотворца въ Новгородѣ.

Съ натуры рисовалъ М. И. Зиновьевъ.

III.

Пароходство по Ильменю. — Озеро Ильмень и зимніе рыбные промыслы. — Ближайшіе къ Новгороду монастыри.—Юрьевъ монастырь.—Фотій и графиня Анна Орлова.—Старая Русса и ея соленыя варницы.—Воспоминанія о военныхъ поселеніяхъ.—Значеніе города, какъ центра лѣчебнаго.

Пароходство по Ильменю никогда не могло развиться значительно не только потому, что въ немъ не ощущалось сильной потребности, но еще и потому, что мелководное и бурное озеро Ильмень оказывается рѣшительно неудобнымъ ни для какого судоходства. Небольшой, плоскодонный пароходикъ явился на Ильменѣ въ 50-хъ годахъ, ради удобства перевозки больныхъ изъ Новгорода въ Старую Русу; но теперь, когда Старая Руса соединена съ Новгородомъ желѣзною дорогою—болѣе удобнымъ и болѣе постояннымъ путемъ сообщенія — пароходъ, совершающій рейсы въ Старую Русу, оказывается почти излишнею прихотью и едва-ли окупается со-

Гробницы князей Долгоруковыхъ, казненныхъ въ Новгородѣ въ 1738 году.

Съ натуры рисовалъ М. И. Зиновьевъ.

держащей его кампаніи, тѣмъ болѣе, что можетъ ходить по озеру только въ ясную и совершенно спокойную погоду. Должно, однакоже, сознаться, что переѣздъ изъ Новгорода въ Старую Русу на пароходѣ несравненно пріятнѣе переѣзда по желѣзной дорогѣ, въ маленькихъ, тѣсныхъ и душныхъ ея вагонахъ.

Въ особенности, если выѣзжать изъ Новгорода приходится весною, когда обильное половодье захватываетъ всѣ ближайшія окрестности Новгорода широкою гладью водъ на десятки верстъ, когда прибрежья Волхова сливаются въ одно широкое озеро съ Ильменемъ — такая поѣздка на пароходѣ въ Русу можетъ доставить истинное удовольствіе туристу. Едва пароходъ минуетъ городскія прибрежныя зданія, передъ глазами пассажировъ, сидящихъ на палубѣ— всѣ окрестности Новгорода такъ и всплываютъ, словно зеркаломъ отражаемыя стекловидною поверхностью водъ разлива, охватившаго небольшія взгорья и холмики. На этихъ временныхъ островкахъ красуются деревни, выступаютъ изъ зелени садовъ монастыри, бѣлѣютъ одинокія церкви. И куда ни оглянешься, вездѣ слѣды минувшей жизни, остатки старины—вездѣ исторія... Вотъ на-лѣво отъ васъ, на прибрежномъ холмѣ, Городище *), въ которомъ прежде живали новгородскіе князья со своею дружиною; вонъ, немного лѣвѣе и дальше, Спасъ въ Нередицахъ — древняя, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшая церковь XII вѣка; вонъ Сковородскій монастырь, отовсюду окруженный водами разлива, стоитъ, какъ на блюдцѣ, на своей сковородкѣ **). А вотъ, какъ разъ противъ него, на болѣе возвышенномъ лѣвомъ берегу Волхова, красуется знаменитый Юрьевъ монастырь. Изъ-за густой зелени роскошныхъ монастырскихъ садовъ, гордо высятся его бѣлыя стѣны, а изъ-за нихъ возносятся и ярко горятъ на солнцѣ своими густо-позлащенными главами многочисленные монастырскіе храмы. Тѣнистая и прекрасная аллея, тщательно вымощенная и огражденная отъ бурливыхъ весеннихъ разливовъ, соединяетъ Юрьевъ монастырь съ городомъ...

*) Объ этой мѣстности подробнѣе скажемъ въ слѣдующемъ выпускѣ, гдѣ придется говорить о древнѣйшемъ періодѣ исторіи Великаго Новгорода.

**) Монастырь получилъ это названіе отъ своего положенія на ровной мѣстности, окруженной высокимъ землянымъ валомъ.

Переѣздъ по озеру продолжается всего $1^1/_2$ часа, рѣдко $1^3/_4$ часа, и этотъ переѣздъ не лишенъ интереса, такъ какъ берега Ильменя густо заселены и въ большей своей части покрыты зелеными лугами. Значительная часть прибрежныхъ селеній занимается рыболовствомъ, какъ главнымъ промысломъ, которому земледѣліе и огородничество служатъ только подспорьемъ въ домашнемъ обиходѣ. И не мудрено: мелководный, илистый Ильмень принадлежитъ къ числу самыхъ богатыхъ рыбою озеръ на сѣверѣ Россіи. Здѣсь водятся въ великомъ изобиліи всѣ породы нашей рѣчной и озерной рыбы, начиная отъ лещей, сыртей, окуней, головлей и сиговъ, до шерешперовъ и сомовъ. Но лѣтніе ловы ничтожны въ сравненіи съ зимними, которые, собственно говоря, и обогащаютъ мѣстное населеніе. Зимою, изъ-подо-льда, ловятъ громадными неводами, раздѣляясь на ватаги (особаго рода артели); во главѣ каждой изъ нихъ является старый, опытный рыбакъ, ватаманъ, владѣлецъ наибольшей части невода, который заправляетъ ловомъ и наблюдаетъ за правильностью дѣлежки улова между ватажниками.

Обогнувъ часть западнаго берега Ильменя, пароходъ вступаетъ въ совершенно спокойную струю—въ одинъ изъ рукавовъ рѣки Ловати, а затѣмъ въ рѣку Полисть, на которой собственно и стоитъ Старая Руса. Но прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ описанію этого древняго новгородскаго пригорода, мы должны будемъ нѣсколько вернуться назадъ и подробнѣе остановиться на описаніи одного изъ ближайшемъ къ Новгороду, Юрьева монастыря, который играетъ весьма видную роль въ новѣйшемъ періодѣ новгородской исторіи.

Мы не даромъ назвали монастырь знаменитымъ. Знаменитъ онъ не только древностью, не только длиннымъ рядомъ лѣтъ пережитой имъ исторіи: въ этой исторіи есть новѣйшій періодъ, которому, собственно говоря, Юрьевская обитель обязана не только сохраненіемъ своихъ древностей, но и своимъ нынѣшнимъ величіемъ, и своими несмѣтными богатствами.

Если вы, знакомясь съ новгородскими святынями и древностями, и всюду (даже въ самомъ Софійскомъ соборѣ) встрѣчая тѣсноту помѣщенія и не только простоту, но даже скудость внутренней обстановки, направитесь потомъ въ Юрьевъ монастырь—васъ поразитъ не-

обычайное великолѣпіе этой обители, которая по сокровищамъ своимъ можетъ тягаться даже съ нашими лаврами, и въ значительной степени превосходитъ ихъ замѣчательною стройностью и гармоніей всего, что вы въ этой обители увидите. Почти съ перваго взгляда можно прійти къ убѣжденію, что все въ Юрьевомъ монастырѣ — отъ креста на колокольнѣ и до послѣдняго камня въ оградѣ — создано одною рукою, по одному замыслу и плану, на средства одной какой-то обильной сокровищницы. И это первое впечатлѣніе оказывается совершенно вѣрнымъ: все это воздвигнуто волею одного человѣка...

Когда вы входите въ ворота обители, надъ которыми возвышается громадная и прекрасная колокольня, въ 25 саженъ вышиною, съ верхнихъ ярусовъ ея уже разносится по всей окрестности торжественный благовѣстъ прекрасныхъ тысяче-пудовыхъ колоколовъ. Внутри монастырской ограды, съ неизбѣжными нищими и кучками богомольцевъ, васъ поражаетъ чистота, опрятность и педантическій порядокъ, которому могутъ позавидовать всѣ наши монастыри. Вы входите въ храмъ — и тутъ опять такое благолѣпіе, какого и въ столицѣ не встрѣтишь! Широкая арка отдѣляетъ часть храма, ближайшую къ алтарю и скрываетъ отъ васъ хоры иноковъ, поющихъ удивительно стройно и согласно; а въ широкій пролетъ арки льются потоки свѣта на иконостасъ, который такъ и горитъ серебромъ и золотомъ и драгоцѣнными каменьями, украшающими мѣстныя иконы. Другіе, болѣе мягкіе лучи свѣта, льются на престолъ изъ невидимыхъ молящемуся оконъ купола, освѣщаютъ алтарь и играютъ въ той радугѣ легкихъ граненыхъ лампадъ, на прорѣзныхъ золотыхъ цѣпяхъ, которыя цвѣтнымъ полукружьемъ горятъ надъ престоломъ. Вы оглядываетесь кругомъ себя и видите, что около васъ, въ богатѣйшихъ, массивнѣйшихъ подсвѣчникахъ, которымъ приданы изящныя формы растеній со многими развѣтвленіями—также горятъ не свѣчи, а лампады цвѣтнаго стекла, вставленныя внутрь серебряныхъ, вызолоченныхъ цвѣтковъ. И ни шуму, ни бряцанья грошей за свѣчнымъ прилавкомъ, ни говору... Все стройно и чинно, все настраиваетъ душу къ молитвенному созерцанію: и служба, и чтеніе, и пѣніе,—все согласуется, все возноситъ васъ... Во всемъ опять-таки слышится разъ навсегда установленный, строго выработанный чинъ, истово и строго соблюдаемый въ обители.

Настроенные прекраснымъ служеніемъ, вы потомъ идете осматривать монастырскія зданія, кельи, гостинницу, храмы — отъ древнѣйшаго Юрьевскаго собора и до новѣйшихъ—и всюду читаете на стѣнахъ, всюду слышите одно имя Фотія, „настоятеля и возобновителя этой обители". И только позже, знакомясь съ сокровищами монастырской ризницы, вы начинаете замѣчать на многихъ драгоцѣнныхъ пожертвованіяхъ и вкладахъ, другое, часто упоминаемое имя дѣвицы Анны или дѣвицы графини Анны Орловой, или даже просто Анны. Имя это является то въ числѣ другихъ, скромно скрываясь за ними, то вмѣстѣ съ именемъ Фотія, но позади его, на второмъ планѣ...

— Кто это дѣвица Анна? — спрашиваете вы у сопровождающаго васъ монаха.

— Духовная дщерь священно-архимандрита Фотія, благотворительница обители,—отвѣчаетъ онъ вамъ, не разъясняя вашего недоумѣнія.

И только тогда, когда вы спуститесь въ подземную церковь Похвалы Пресв. Богородицы и прійдете къ той усыпальницѣ, въ которой покоится прахъ Фотія — вы получите прямой отвѣтъ. Въ этой усыпальницѣ, за сплошною рѣшеткою изъ массивныхъ серебряныхъ лучей съ золотыми облаками—въ тиши и мракѣ стоятъ два мраморныхъ гроба съ мраморными запаянными крышками. На одномъ, ближайшемъ ко входу, наброшенъ богатѣйшій сребротканный покровъ съ надписью:

„Здѣсь покоится прахъ въ Бозѣ почившаго 1838 года, февраля 26 дня, въ часъ пополунощи, и погребеннаго въ девятый день—6 марта — настоятеля, благодѣтеля и возобновителя святыя обители сея, преподобнаго Отца Священно-Архимандрита Фотія".

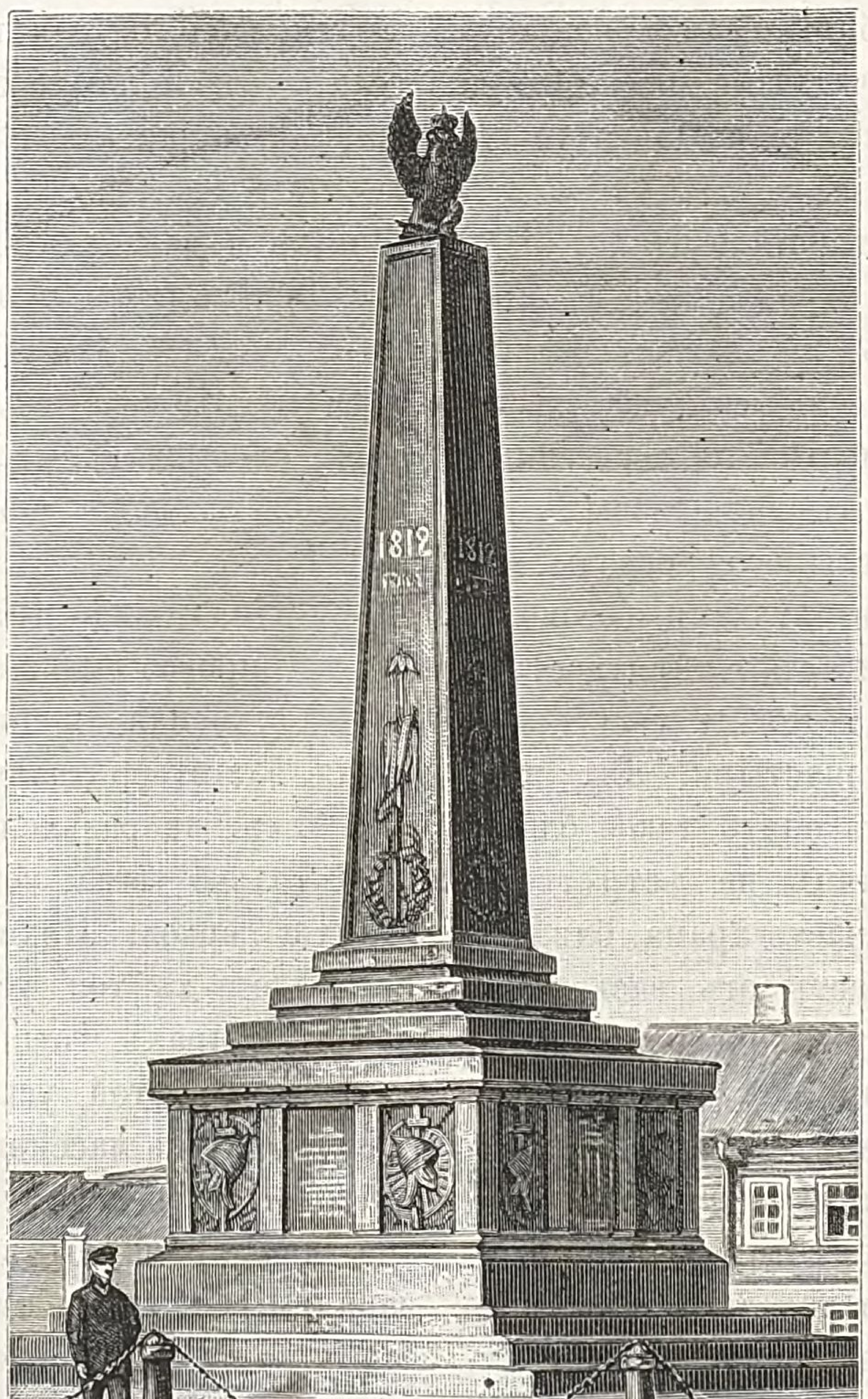
На другомъ, темноватомъ гробѣ, стоящемъ ближе къ стѣнѣ прибита простая бронзовая дощечка съ надписью:

„Здѣсь покоится прахъ Графини Анны Алексѣевны Орловой - Чесменской, Камеръ-Фрейлины Двора Его Императорскаго Величества и Кавалерственной Дамы ордена Св. Екатерины

меньшаго креста. Родилась 2 Мая, 1785 года, скончалась 5 Октября 1848 года“.

Такъ вотъ кто эта духовная дщерь Фотія, благотворительница обители! И вотъ гдѣ скромно пріютилась она — все отдавшая, все принесшая въ жертву только для того, чтобы пріобрѣсти спокойствіе духа при жизни и „тихое пристанище“ послѣ смерти!

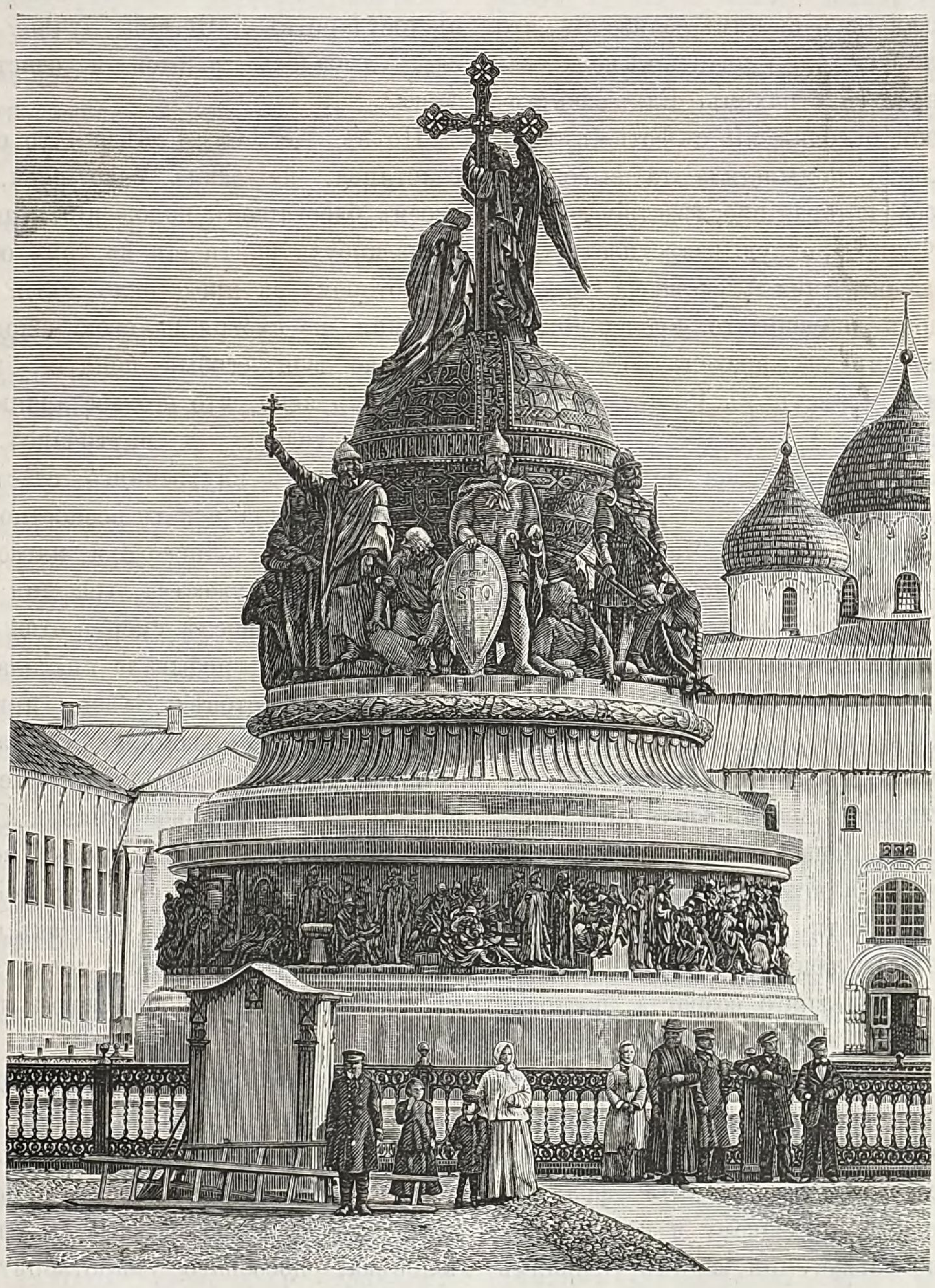
„Но кто же этотъ Фотій?“ спрашиваете вы себя. „Кто этотъ мужъ совѣта и разума, покорявшій сердца и вынуждавшій сильныхъ міра идти по указанному имъ пути“? И еще новая, психологическая загадка, которую мы постараемся разъяснить читателю на основаніи всего, что было не только писано, но и разсказано о Фотіи и его отношеніяхъ къ графинѣ Аннѣ Орловой.

Памятникъ 1812 года въ Новгородѣ.

Въ новгородскомъ уѣздѣ, близъ Новгорода, есть небольшой и небогатый погостъ Спасскій. Въ концѣ прошлаго вѣка при этомъ погостѣ состоялъ дьячкомъ нѣкій Никита Ѳеодоровичъ, получившій отъ погоста фамилію Спасскаго. У дьячка Никиты въ 1792 году, іюня 7-го, родился сынъ Петръ, хворый, слабый и хилый. Дѣтство его прошло, конечно, въ великой скудости, даже въ бѣдности; но, такъ какъ отъ природы онъ не лишенъ былъ способностей и прилежанія, то, едва попавъ въ духовное училище, быстро освоился съ наукой, перешелъ въ новгородскую семинарію и даже за отличіе былъ переведенъ въ с.-петербургскую духовную семинарію. Окончивъ курсъ семинаріи и перейдя въ Академію, онъ, однакоже, обратилъ на себя вниманіе духовнаго начальства не блескомъ ума и не быстротою способностей, а совсѣмъ иными наклонностями: въ болѣзненномъ юношѣ сказывалось ясно-выраженное стремленіе къ монашеству, къ суровому аскетизму. Продолжать занятія науками при такомъ настроеніи было трудно, да и сильно разстроенное здоровье мѣшало... Филаретъ (впослѣдствіи знаменитый митрополитъ московскій) обратилъ на Петра Спасскаго особое вниманіе, дважды посылалъ его на родину отдыхать и собираться съ силами; но наконецъ уступилъ просьбамъ юноши, уволилъ его отъ наукъ академическихъ и 16-го февраля 1817 года, на 25 году отъ роду постригъ его въ монахи. При постриженіи онъ былъ нареченъ Фотіемъ. Должно предполагать, что велико было расположеніе духовнаго начальства къ юному иноку и велики надежды, которыя на него возлагались, потому что на другой день, послѣ постриженія, Фотій былъ рукоположенъ въ іеродіаконы, а на третій—въ іеромонахи. Одновременно съ этимъ, Фотій былъ опредѣленъ законоучителемъ и настоятелемъ во 2-й кадетскій корпусъ и Дворян-

скій полкъ. На этомъ мѣстѣ Фотій уже явно выказалъ себя неудобнымъ въ житейскомъ и педагогическомъ отношеніяхъ, ибо все свое преподаваніе обратилъ въ горячую проповѣдь стро-

Памятникъ тысячелѣтію Россіи въ Новгородѣ.

жайшаго самоотреченія, требовалъ отъ учениковъ, чтобы они истощали себя постомъ и молитвою, отреклись отъ всего мірскаго и т. д. Директоръ корпуса, простой и прямодушный генералъ, попытался было нѣсколько иначе направить дѣятельность Фотія, но это оказалось невозможно — и онъ сталъ хлопотать о томъ, чтобы его избавили отъ суроваго монаха-законоучителя; въ своемъ рапортѣ по начальству онъ даже весьма откровенно высказывалъ мнѣніе, что Фотія слѣдуетъ „отрѣшить, яко неспособнаго къ должности и малоумнаго“.

Фотія отрѣшили, и нѣкоторое время онъ жилъ въ Александро-Невскомъ монастырѣ, обращая на себя общее вниманіе строгою жизнью, воздержаніемъ и лишеніями, направленными къ истязанію плоти. О молодомъ монахѣ заговорили въ обществѣ; многимъ захотѣлось его видѣть, сблизиться съ нимъ, сойтись, побесѣдовать; но онъ такъ неловко, такъ грубо отталкивалъ отъ себя всѣхъ, искавшихъ съ нимъ сближенія, что его почти стали бояться и питать къ нему уваженіе, смѣшанное со страхомъ. Какъ разъ около этого времени о сближеніи съ Фотіемъ, какъ о великомъ благѣ, помышляла та высокопоставленная особа, которая впослѣдствіи должна была создать Фотію громкую извѣстность. Эта особа была графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, дочь знаменитаго временщика и любимца Екатерининскихъ временъ, богатѣйшая изъ богатѣйшихъ невѣстъ въ Россіи, въ царствованіе Александра I.

Графиня Анна Алексѣевна родилась 2-го мая 1785 года въ Москвѣ, отъ брака Алексѣя Григорьевича Орлова Чесменскаго и Евдокіи Ивановны, урожденной Лопухиной. Екатерина II, какъ разъ въ это время бывшая въ Москвѣ, узнавъ, что у Алексѣя Григорьевича родилась дочь, а не сынъ,—выражала своимъ приближеннымъ сожалѣніе по этому поводу, такъ какъ, по ея мнѣнію, графъ едва-ли могъ дать своей дочери воспитаніе, приличное дѣвушкѣ. Опасенія Екатерины, къ сожалѣнію, оправдались весьма печально въ томъ смыслѣ, что мать Анны Алексѣевны—кроткая и набожная женщина—вскорѣ умерла, и дѣвочка, съ 2-хъ-лѣтняго возраста, постоянно росла на рукахъ чужихъ людей. О ея дѣтствѣ и воспитаніи мы знаемъ только то, что на 8-мъ году отъ рожденія она была пожалована фрейлиной и что въ домѣ отца обучалась четыремъ иностраннымъ языкамъ: французскому, англійскому, нѣмецкому и италъянскому. Неизвѣстно также, при какихъ условіяхъ и подъ какими вліяніями развивалась эта молодая натура и какіе задатки хранила она въ себѣ для будущаго, когда на 22-мъ году Анна Алексѣевна осиротѣла окончательно (Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій умеръ въ декабрѣ 1807 г.) и въ тоже время осталась единственною наслѣдницею колоссальнаго состоянія отца. Ежегодные доходы графа Орлова-Чесменскаго равнялись 1.000,000 р. ассигнаціями; недвижимая собственность его оцѣнивалась въ 45.000,000 р., а движимость и драгоцѣнности — въ 20.000,000! Само собою разумѣется, что у такой богатѣйшей невѣсты, притомъ молодой и миловидной, явились женихами лучшіе представители современной знати; за жениховъ выступили сватами первыя особы въ государствѣ... Чего-бы лучше? Все, кажется, улыбалось молодой и счастливой графинѣ?

Но въ томъ-то и бѣда, что она не была счастлива, не знала счастія, и, при всемъ своемъ блестящемъ положеніи, едва-ли могла когда-нибудь найти его на томъ общемъ пути, по которому ей предстояло идти? О счастіи графиня, не смотря на свою молодость, имѣла очевидно свои, особыя понятія, и сознавала слишкомъ ясно, что его доставляютъ намъ не внѣшнія условія, а внутреннее спокойствіе духа. Этого-то внутренняго счастія молодая графиня и стала искать ревностно, самоотверженно, упорно... Ласково и мягко отклонивъ предложенія замужества, графиня Анна Алексѣевна вскорѣ послѣ смерти отца отправилась по богомольямъ; побывала сначала въ Кіевѣ, потомъ въ Ростовѣ. Здѣсь, при гробѣ св. Дмитрія, она познакомилась со старцемъ Яковлевскаго монастыря, о. Амфилохіемъ, который оказалъ на нее сильное вліяніе. Она избрала его духовникомъ своимъ—но онъ вскорѣ умеръ, и она опять увидѣла себя безъ той нравственной опоры, въ которой она такъ сильно нуждалась. Вскорѣ послѣ того, встрѣтясь въ Москвѣ съ Иннокентіемъ, епископомъ пензенскимъ, Орлова обратилась къ нему за совѣтомъ и просила указать ей человѣка, которому-бы она могла довѣрить тайники своей наболѣвшей души... Иннокентій, хорошо знавшій Фотія по семинаріи (какъ бывшій его ректоръ), указалъ графинѣ на него, какъ на единственнаго человѣка, способнаго умиротворить ея душу и указать ей путь спасенія.

Обнадеженная такою великою радостью графиня Анна Алексѣевна тотчасъ покинула родную Москву и переселилась въ С.-Петербургъ. Здѣсь она стала искать сближенія съ Фотіемъ; но тотъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ; и только два года спустя, при содѣйствіи и по уговорамъ митрополита Серафима, графиня до-

билась того, что Фотій дозволилъ ей быть своею „духовною дщерью“.

Лѣтъ двадцать спустя послѣ описываемаго событія, когда Фотія уже не было въ живыхъ, одинъ близкій къ графинѣ человѣкъ спросилъ ее: „скажите, что васъ привлекло къ Фотію?“ Графиня отвѣчала: „Онъ возбудилъ мое вниманіе тою смѣлостью, тою неустрашимостью, съ какою онъ, будучи законоучителемъ кадетскаго корпуса, молодымъ монахомъ, сталъ обличать господствовавшія заблужденія въ вѣрѣ. Я пожелала узнать его и вступила съ нимъ въ переписку. Письма его казались мнѣ какими-то апостольскими посланіями. Въ нихъ былъ особый языкъ, особый тонъ, особый духъ“...

Письма Фотія къ графинѣ Орловой сохранились и дошли до насъ, и ихъ содержаніе, въ связи съ вышеприведеннымъ мнѣніемъ ея о Фотіи—даетъ намъ полную разгадку ея дальнѣйшаго, безусловнаго, рабскаго подчиненія этому человѣку.

Представьте себѣ нѣжное женское существо, сильно расположенное къ религіозному экстазу, жаждущее духовныхъ подвиговъ, самопожертвованія, даже страданій для спасенія души, и притомъ не своей только, а и души отца—того богатыря, который принималъ участіе во всѣхъ переворотахъ прошлаго вѣка и взялъ на свою совѣсть не одно тяжкое преступленіе! Но какъ спастись, живя въ мірѣ, окруженной соблазнами, богатствомъ, лестью, низкопоклонствомъ? Кто возьмется—кто дерзнетъ указать ей путь истины?.. Кто-бы онъ ни былъ, лишь-бы съумѣлъ подчинить себѣ, подавить своей волей—даже принизить это женское существо: тотъ и будетъ избранникомъ, ради котораго все будетъ принесено въ жертву!

Такимъ-то избранникомъ и явился Фотій—неученый, неспособный ни къ какой догматической казуистикѣ, ни къ какому умствованію, грубый и по природѣ своей, и по странному убѣжденію, что искренность можетъ быть только грубою... И онъ не ошибается: эта грубость привлекаетъ къ нему душу, измозженную ласкательствомъ, пресыщенную свѣтскими любезностями и приличными формами выраженія. Невкусившій отъ земныхъ благъ, а потому и непривязанный къ нимъ, Фотій относился къ нимъ презрительно — и это ставилось ему въ великую заслугу. При этомъ, мораль, которую онъ проповѣдывалъ своей духовной дочери, была незамысловата и немногосложна: „смири гордыню, повинуйся мнѣ, отцу духовному, отрекись отъ земныхъ благъ, забудь о себѣ, коли хочешь спастись“—и только! Но эти-то простыя слова и принимались, какъ манна небесная. А когда эта проповѣдь спасенія облекалась въ форму писемъ, писанныхъ плохимъ подобіемъ церковно-славянскаго языка и притомъ еще какими-то отрывочными, безсвязными фразами — то эти грубыя, неотесанныя произведенія Фотіева пера должны были казаться графинѣ Орловой вдохновенными, свыше внушенными посланіями...

Около того времени, когда Фотій согласился быть духовникомъ графини Анны Алексѣевны, въ судьбѣ его произошла нѣкоторая, немаловажная перемѣна. 20-го Іюля 1820 г., Фотій посвященъ въ игумны новгородскаго 3-ъеклассныго Деревяницкаго монастыря, и этимъ былъ выведенъ на свою настоящую дорогу. Приходилось игуменствовать въ монастырѣ бѣдномъ, бездоходномъ, и мы вѣримъ тому, что, на первыхъ порахъ управленія этою небольшою обителью, Фотій, молодой, энергическій, строгій по жизни, могъ быть полезенъ для устройства ея и поддержки добрыхъ старыхъ преданій. Но затѣмъ, по мѣрѣ сближенія съ духовной дочерью своею, Фотій вступаетъ въ новый періодъ жизни, который очевидно начинаетъ нѣсколько туманить его голову, и наконецъ побуждаетъ его пойти чрезвычайно запутаннымъ и страннымъ путемъ.

Благодаря связямъ Орловой, которая главнымъ образомъ создаетъ Фотію его репутацію подвижничества, въ жизни Фотія вдругъ наступаетъ такой-же сказочно - счастливый періодъ, какъ и въ жизни Аракчеева (см. стр. 25—26) при вступленіи на престолъ Императора Павла I. Не успѣлъ Фотій и полтора года пробыть игумномъ Деревяницкаго монастыря, какъ онъ уже былъ нареченъ архимандритомъ новгородскаго 3-ъекласснаго Сковородскаго монастыря. Но этого мало: вспомнились, два года спустя, прежнія заслуги Фотія, по должности законоучителя во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ (о которыхъ такъ откровенно и непочтительно выражался директоръ въ своемъ рапортѣ), и Фотій представленъ за свою преподавательскую дѣя-

тельность къ золотому наперсному кресту. Эти неожиданные успѣхи молодаго монаха, ничего общаго не имѣвшіе съ его скромною дѣятельностью въ Деревяницкомъ и Сковородскомъ монастыряхъ, удивляли самого Фотія и заставляли его нѣсколько задумываться надъ путемъ, который ему приходилось избрать. Это очевидно изъ его письма къ Орловой, писаннаго какъ разъ около этого времени:

..."Еще тебѣ помыселъ открою; не знаю почему-то крайне не хочется быть архимандритомъ, хотя и указъ посланъ; я мню, едва-ли спасуся, ежели меня будутъ честить крестами да титлами. Какая мнѣ польза на землѣ? Царствіе Божіе внутри насъ".

Для характеристики Фотія мы считаемъ этотъ отрывокъ письма очень важнымъ, и думаемъ, что онъ былъ вполнѣ искреннимъ; но дальнѣйшій, быстрый ходъ постоянныхъ повышеній и то значеніе, которое онъ получилъ вскорѣ послѣ того совершенно случайно, вскружили ему голову... Успѣхи Фотія объясняются очень просто, если мы припомнимъ, что Аракчеевъ, какъ разъ въ это время, встревоженный тѣмъ вліяніемъ, которое пьетисты оказывали на Императора Александра, старался всѣми силами противодѣйствовать ихъ затѣямъ, и, выставивъ себя ревнителемъ православія въ самомъ строгомъ смыслѣ словъ, вступилъ въ борьбу противъ Голицына (министра просвѣщенія и исповѣданій) и покровительствуемой имъ дѣятельности библейскаго общества. Борьба была сильная и неравная:—на сторонѣ пьетистовъ и библейскаго общества было много людей образованныхъ и талантливыхъ, а представители православія никого не могли выставить со своей стороны, кто-бы способенъ былъ произвести на Императора сильное впечатлѣніе и повліять на него въ извѣстномъ смыслѣ. Къ кружку Аракчеева и ревнителей православія принадлежали многія знатнѣйшія особы, и въ томъ числѣ, конечно, графиня Анна Алексѣевна. Она-то и указала на него Аракчееву, твердо вѣря въ то, что ея духовный отецъ можетъ быть въ высшей степени полезенъ въ борьбѣ противъ пьетистовъ. Умный Аракчеевъ познакомился съ Фотіемъ, сразу угадалъ въ немъ сильный характеръ, желѣзную волю и громадный запасъ самолюбія: онъ понялъ, что, при извѣстной подготовкѣ и настроеніи, Фотій способенъ быть превосходнымъ орудіемъ въ его рукахъ. И вотъ, до свѣдѣнія Императора, различными путями, доведено было много самыхъ лестныхъ отзывовъ о Фотіѣ, какъ о мужѣ глубочайшаго благочестія, какъ о замѣчательномъ подвижникѣ и т. п. Императоръ, переживавшій въ это время очень тяжелую нравственную борьбу, колебавшійся въ рѣшеніи различныхъ вопросовъ по устройству Церкви, выразилъ желаніе видѣть Фотія и бесѣдовать съ нимъ... Полетѣли фельдъегери отъ Аракчеева къ архимандриту Сковородскаго монастыря съ предписаніемъ немедленно явиться въ столицу. Фотій пріѣхалъ, и, послѣ различныхъ совѣщаній и сношеній съ партіею, которая его выставляла своимъ орудіемъ, призванъ былъ къ Государю. Свиданіе Александра съ Фотіемъ состоялось 5-го іюня 1822 года, и, если вѣрить нѣсколько хвастливому отчету объ этомъ свиданіи, помѣщенному въ запискахъ Фотія,—онъ произвелъ на Государя желаемое Аракчеевымъ и даже весьма сильное впечатлѣніе. Грубая простота, рѣзкость и отрывочность рѣчи, немногосложная и прямолинейная мораль Фотія—подѣйствовали и на Александра также обаятельно, какъ дѣйствовали на Орлову. При этомъ свиданіи Фотій, конечно, не упустилъ случая помянуть недобрымъ словомъ пьетистовъ и ихъ дѣятельность по библейскому обществу. Свиданіе длилось полтора часа и, можно сказать, имѣло на Фотія громадное вліяніе. Встрѣченный съ восторгомъ своими сторонниками, превозносимый Орловою и Аракчеевымъ, сковородскій архимандритъ вдругъ очутился, по волѣ судебъ, чуть-ли не первымъ лицомъ въ столицѣ, и, въ запискахъ своихъ, даже о митрополитѣ говоритъ съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ. Фотію дозволено было остаться на нѣкоторое время въ Петербургѣ, при чемъ его нѣсколько разъ приглашали къ сослуженію съ митрополитомъ то въ томъ, то въ другомъ изъ столичныхъ соборовъ. Благоволеніе Государя къ Фотію выразилось тѣмъ, что вмѣсто золотого наперснаго креста, къ которому онъ былъ представленъ за службу въ корпусѣ, ему былъ Высочайше пожалованъ „за примѣрно-хорошее поведеніе и прохожденіе должности настоятеля" золотой крестъ алмазами украшенный, который и возложили на Фотія во время служенія 1 августа въ С.-Петер-

бургскомъ Петропавловскомъ соборѣ. Торжество Аракчева было до такой степени полное, что партія людей, дерзавшихъ бороться съ нимъ, повѣсила голову... Самъ министръ исповѣданій, Голицынъ, пожелалъ познакомиться съ Фотіемъ, не безъ труда добился этого знакомства черезъ Орлову и, какъ особой милости, просилъ, чтобы Фотій вступилъ съ нимъ, министромъ, въ переписку о духовныхъ вопросахъ. Фотій соблаговолилъ на это согласиться... и едва успѣлъ вернуться въ свой монастырь какъ, 21 августа того-же года, послѣдовалъ указъ о томъ что архимандритъ Фотій „за примѣрное поведеніе и за исправленіе двухъ монастырей, Деревяницкаго и Сковородскаго“ *), переводится настоятелемъ первокласснаго Юрьева монастыря и опредѣляется присутствующимъ въ новгородскую духовную консисторію.

Если мы припомнимъ, что два года тому назадъ Фотій былъ простымъ и весьма бѣднымъ іеромонахомъ Александро-Невской лавры, а теперь являлся настоятелемъ первокласснаго монастыря, осыпаннымъ похвалами и почестями, лично извѣстнымъ Государю, близкимъ къ довѣреннѣйшему его сановнику, Аракчееву, важнымъ дѣятелемъ по защитѣ православія противъ „злокозненныхъ происковъ дьявола“; если представимъ себѣ, что въ это время онъ уже былъ окруженъ роемъ поклонницъ и поклонниковъ, которыя жаждали напитаться отъ „крупицъ“ его благочестивой бесѣды, считали за счастіе получить отъ него письмо въ двѣ строки или какой-нибудь крестикъ — то мы поймемъ, что подобный оборотъ судьбы долженъ былъ вскружить голову самолюбивому 30-ти лѣтнему монаху. Передъ нимъ разомъ явилось все: — и власть, и значеніе, и слава; и далѣе открывалась блестящая, широкая дорога, которая легко могла закончиться митрополитствомъ или мѣстомъ духовника Государева. Непривязанный къ благамъ матерьяльнымъ, которыми и по натурѣ своей онъ не способенъ былъ воспользоваться, Фотій оказался крайне воспріимчивымъ, чуткимъ по отноше-

Фотій, архимандритъ Новгородскаго Юрьева монастыря.

*) Въ Сковородскомъ монастырѣ Фотій настоятельствовалъ не долѣе 5 мѣсяцевъ, а потому едва-ли могъ оказать какое-нибудь вліяніе на эту обитель?

нію къ благамъ невещественнымъ, питавшимъ его самолюбіе — одну изъ преобладающихъ сторонъ его сухой, деспотической натуры. А такъ какъ блестящая его карьера очень мало соотвѣтствовало тому идеалу смиренія, которому прежде онъ искренно сочувствовалъ, то Фотій совершенно измѣнилъ своему прежнему идеалу и задался иными, высшими, по его мнѣнію, дѣлами: онъ вообразилъ себя важнымъ столпомъ православія, борцомъ за правду, избранникомъ, призваннымъ для дѣятельности просвѣтительной въ церковномъ смыслѣ слова. Слѣпое счастье и съ этой стороны продолжало служить ему долго и постоянно...

Потребность въ новой, болѣе широкой дѣятельности проявилась совершенно ясно въ Фотіи, какъ только онъ былъ возведенъ въ настоятели Юрьева монастыря.

Едва состоялось это назначеніе, духовная дщерь Фотія, графиня Орлова купила себѣ около Юрьевской обители усадьбу помѣщика В. И. Семевскаго (за 75,000 р.) и построила себѣ домъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ монастырь Пантелеймоновскій. Здѣсь, каждый день бывая въ обители на всѣхъ службахъ, каждый день видаясь съ духовнымъ отцомъ своимъ, Орлова достигла величайшаго блаженства,—возможности смиренно, съ рабскою преданностью служить Фотію и выполнять всѣ его велѣнія, въ которыхъ ей слышались „глаголы свыше“ и видѣлся единственный возможный путь ко спасенію.

Обитель, въ которую Фотій, въ видѣ особаго отличія, переведенъ былъ настоятелемъ, хотя и считалась первоклассною, но была очень бѣдна и незначительна. Монастырскія зданія, весьма ветхія, и притомъ, большею частью деревянныя, клонились къ упадку, которому въ значительной степени способствовали два-три пожара въ началѣ нынѣшняго вѣка. Не только возобновлять, но даже и поддерживать разрушающіяся зданія монастырь никакъ не могъ на свои средства, а та скудная помощь, которую оказывала казна, была едва достаточна для поправки и починки главнѣйшаго изъ храмовъ Юрьева монастыря—того Юрьевскаго собора, который былъ основанъ еще въ XI вѣкѣ. Братія изъ Юрьева монастыря, расходилась по другимъ сосѣднимъ и уменьшалась въ числѣ годъ отъ году. И вотъ Фотій, въ качествѣ настоятеля Юрьева монастыря, задумалъ возстановить обитель по самому широкому, самому грандіозному плану... Онъ зналъ, что милліоны духовной дщери его всегда готовы къ его услугамъ и повелъ дѣло быстро, рѣшительно, твердо. Полились негласныя, но нескончаемыя щедроты Анны Алексѣевны на Юрьевъ монастырь. Она жертвовала по первому указанію Фотія громадныя денежныя суммы на перестройку монастыря, на обезпеченіе братіи его, на украшеніе его храмовъ, и за величайшее для себя счастіе почитала, когда Фотій разрѣшалъ ей жертвовать въ монастырь утварью, ризницею, драгоцѣнностями и всѣмъ, потребнымъ для благолѣпія и блеска служенія. Въ два года обитель стала неузнаваема, зажила широкою, новою жизнью, и новый настоятель ея озарился новою славою:—обитель Юрьева, пополнившаяся братіею, разбогатѣвшая, стала входить въ славу, привлекать богомольцевъ и явилась достойнымъ поприщемъ для такого крупнаго дѣятеля, какъ Фотій.

Само собою разумѣется, что заботы о возобновленіи обители ни мало не мѣшали Фотію, въ союзѣ съ Орловой и Аракчеевымъ, дѣятельно продолжать борьбу противъ пьетистовъ и библейскаго общества (не прекращая при этомъ переписки и съ Голицынымъ). Аракчеевъ устроилъ дѣло такъ, что присутствіе Фотія еще разъ оказалось нужнымъ въ Петербургѣ, и 6-го августа 1824 года Фотій былъ вторично призванъ Императоромъ Александромъ. Эта аудіенція, происходившая въ Каменноостровскомъ дворцѣ, была весьма продолжительна (болѣе двухъ часовъ), а результатомъ ея было паденіе Голицына и послѣдовавшія за тѣмъ важныя перемѣны въ управленіи церковью, закрытіе библейскаго общества и преслѣдованія, открытыя противъ вліятельнѣйшихъ его членовъ.

Фотій, въ конфиденціальномъ письмѣ къ своему благопріятелю Симоновскому архимандриту Герасиму, такъ извѣщаетъ его о результатахъ аудіенціи (отъ 30-го авг. 1824 г.):

„Возрадуйся, о брате любезный, въ Дусѣ Святѣ! Православіе торжествуетъ!

... Порадуйся, старче преподобный! Нечестіе пресѣклось, армія богохульная діаволя паде, ересей и росколовъ языкъ онѣмѣлъ; об-

щества всѣ богопротивныя, якоже адъ, сокрушились. Министръ нашъ одинъ Господь І. Христосъ въ славу Бога Отца. Аминь. Нынѣ, я чаю, велія радость на небесахъ! (sic!)

P. S. Молися о А. А. Аракчеевѣ; онъ явился рабъ Божій за св. церковь и вѣру, яко Георгій Побѣдоносецъ. Спаси его, Господи!—Все сіе про себя знай".

Изъ этого письма видно, что поворотъ въ характерѣ Фотія произошелъ уже окончательный:—гордыня уже обуяла его, и онъ самъ видитъ въ себѣ избранный сосудъ Божій. Ему даже и въ голову не приходитъ, что онъ, въ данномъ случаѣ, явился только орудіемъ другого ловкаго дѣльца—Аракчеева; онъ воображаетъ себѣ, что никто иной, какъ онъ, Фотій, поразилъ „армію дьяволю" и оказалъ великую услугу церкви и государству. Такое высокое его мнѣніе о себѣ яснѣе всего высказывается въ томъ нехорошемъ и высокомѣрномъ посланіи, которымъ онъ отвѣчалъ князю Голицыну, упрекавшему его за навѣты противъ его дѣятельности по церковному управленію.

„Знай",—пишетъ почтенному князю Голицыну 32-хъ-лѣтній Фотій—„что я, по власти мнѣ данной, твой наставникъ и отецъ, а ты мнѣ—сынъ; я Божій слуга: подыми-же ты руки на меня и узришь, что или земля васъ пожретъ вскорѣ (sic!), или гнѣвъ Божій вѣчно постигнетъ васъ всѣхъ. Не моги рукъ поднять на меня и устъ отворить на клевету, а словомъ и дѣломъ блюди, да Христосъ посреди насъ будетъ. Мнѣ не тяжело, а удивительно показалось видѣть нечаянное твое нетерпѣніе и негодованіе въ письмѣ; но я тебѣ прощаю и Богъ проститъ тебя во всемъ, ибо мира моего ты не нарушишь, да и не можешь. Почто ты меня въ хитрости уличаешь? Какіе духи тебѣ шепнули? Не всякому духу вѣруй, а искушай духа—отъ Бога-ли?" и т. д.

Въ этомъ письмѣ, самомнѣніе, какъ видимъ, доходитъ до полной экзальтаціи. Мѣшая назиданія съ насмѣшкой, то угрожая гнѣвомъ Божіимъ, то издѣваясь—Фотій здѣсь, очевидно, испытываетъ величайшее наслажденіе въ сознаніи своей силы и значенія. Страннымъ образомъ, это письмо напоминаетъ намъ подобные-же выходки графа Аракчеева, когда тотъ, тоже упиваясь своимъ могуществомъ, говаривалъ, бывало, одному изъ своихъ подчиненныхъ, генералу Маевскому*): „Знаешь ты, что я съ тобою сдѣлаю? Разотру, какъ пыль! Я не такихъ училъ, какъ ты: гогъ-магоги **), да и тѣ не смѣютъ идти противъ меня! Меня Европа, вся Европа трепещетъ! Ко мнѣ Богъ милостивъ!"

И дѣйствительно, въ этотъ періодъ жизни, Фотій ближе всего подходилъ къ Аракчееву, тѣснѣе всего съ нимъ сблизился и, еслибы добился со временемъ первенствующаго положенія въ церковной іерархіи, то, вѣроятно, не уступилъ-бы знаменитому временщику въ своеобразности пониманія своихъ обязанностей.

Любопытнымъ доказательствомъ той тѣсной дружбы, которая, въ это время, связывала юрьевскаго архимандрита съ графомъ Аракчеевымъ, былъ извѣстный эпизодъ съ похоронами приснопамятной любовницы Аракчеева, страшной Настасьи *).

Въ этотъ-же самый періодъ, наверху торжества и славы, Фотій настолько проникся самомнѣніемъ, что уже не довольствовался своею обширною дѣятельностью по Юрьевской обители. Онъ вступался въ различные вопросы церковные, охотно принималъ на себя обра-

*) Этотъ весьма почтенный человѣкъ, долго служившій помощникомъ Аракчеева по военнымъ поселеніямъ и близко его знавшій, оставилъ интересныя воспоминанія, подъ заглавіемъ: «Мой вѣкъ или исторія генерала Маевскаго» (напечатаны въ «Русск. Старинѣ» 1880 г.).

**) Подъ общимъ названіемъ гогъ-магоговъ Аракчеевъ вообще разумѣлъ всю знать, всѣхъ тѣхъ, кто былъ выше его по роду и состоянію и имѣлъ какое-нибудь значеніе въ государственной службѣ.

***) Настасья была убита дворовыми людьми графа, которые не могли выносить ея изобрѣтательной жестокости. Графъ, узнавъ объ этомъ, рѣшительно потерялъ голову и нѣкоторое время былъ словно помѣшаннымъ: плакалъ, рвалъ на себѣ волосы, бросался съ громкими рыданіями на землю и т. д. Зарѣзанную Нистасью онъ приказалъ похоронить въ соборѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ. Грузинскій священникъ осмѣлился не исполнить графскаго приказа, который прямо противорѣчитъ церковнымъ уставамъ и обратился съ запросомъ къ архіерею... Между тѣмъ, Фотій, прослышавъ о несчастіи, постигшемъ его друга, графа Аракчеева, пріѣхалъ немедленно въ Грузино и не только безъ всякаго на то права разрѣшилъ похоронить Настасью въ соборѣ, но даже самъ отпѣвалъ ее и на могилѣ ея говорилъ рѣчь. Впрочемъ, въ этомъ фактѣ нѣтъ ничего удивительнаго: самъ Императоръ Александръ писалъ къ Аракчееву, по поводу убійства Настасьи, длинное письмо, въ которомъ старался утѣшить своего друга.

щеніе закоренѣлыхъ расколоучителей, брался даже за изцѣленіе одержимыхъ бѣсами и т. д. Но періодъ торжества и великихъ надеждъ, возлагаемыхъ на будущее — былъ увы! непродолжителенъ. Со вступленіемъ на престолъ Императора Николая,—Аракчеевъ тотчасъ утратилъ всякое значеніе. Фотій, который, при первой встрѣчѣ съ Императоромъ Николаемъ, вздумалъ-было поразить его своимъ значеніемъ, былъ немедленно осаженъ очень мѣткимъ замѣчаніемъ и получилъ выговоръ. Впечатлѣніе, произведенное юрьевскимъ архимандритомъ на Императора Николая было весьма неблагопріятное, и всѣ поклонники Фотія, съ Орловою во главѣ, должны были сразу убѣдиться, что духовная карьера Фотія окончена; можно было даже опасаться того, что онъ не долго останется юрьевскимъ архимандритомъ... Пришлось опять много и долго хлопотать духовной дщери за своего духовнаго отца, пока она обезпечила за нимъ хотя-бы и то положеніе, которое было ею для него создано. Въ 1827 году, 28-го мая, Государь Императоръ Николай Павловичъ Высочайше повелѣть соизволилъ, „дабы архимандритъ Фотій оставался по смерть настоятелемъ Юрьева монастыря, согласно собственному его желанію“.

Ограниченный тѣснымъ кругомъ дѣятельности и даже въ этомъ кругѣ не имѣя уже болѣе возможности распоряжаться такъ самовольно и полновластно, какъ прежде, Фотій притихъ, и, подобно Аракчееву, весьма недовольнымъ окомъ взиралъ изъ своей обители на новыхъ людей и новые порядки, которымъ, волею-неволею, приходилось подчиняться. Въ обществѣ очень скоро забыли о Фотіи и вспоминали только по поводу его различныхъ желчныхъ выходокъ и курьезныхъ проявленій того юродства, которое въ послѣдніе годы жизни своей онъ очень любилъ на себя накидывать. Неизмѣнно-преданною Фотію осталась только графиня Анна Алексѣевна, которая продолжала преклоняться передъ духовною мощію и подвижничествомъ Фотія, хотя онъ, своимъ крутымъ, деспотическимъ характеромъ и нѣкоторыми проявленіями своего самодурства, не разъ глубоко долженъ былъ огорчать ее. Припомнимъ здѣсь, напр., извѣстный эпизодъ съ Фотиніей, чтобы охарактеризовать Фотія въ этотъ послѣдній періодъ его жизни.

Фотій, какъ мы уже упоминали выше, читалъ иногда заклинательныя молитвы надъ бѣсноватыми. Въ одинъ прекрасный день явилась въ Юрьевъ монастырь красивая молодая дѣвица, нѣкая Фотинія Павловна, которая заявила, что она одержима бѣсомъ, и что ей было откровеніе свыше, будто лишь Фотій можетъ ее отъ бѣса освободить. Фотій повѣрилъ ей, сталъ читать надъ нею заклинательныя молитвы; дѣвицу стало корчить, потомъ она стала кричать зычнымъ голосомъ: „выйду, выйду!“ — и упала въ обморокъ. Очнувшись отъ обморока, Фотинія заявила, что она отъ бѣса избавлена. Фотій приказалъ ей отвести помѣщеніе вблизи монастыря, заботился о ней и принималъ въ ней самое нелицемѣрное участіе. Фотинія это замѣтила и продолжала свою комедію. Она стала говорить Фотію о своихъ видѣніяхъ, объ озареніяхъ свыше среди ночной молитвы. Фотій сталъ испытывать ее; подсылалъ по ночамъ къ ея дому преданнаго келейника и тотъ, стакнувшись съ Фотиніей, разсказывалъ Фотію, что видитъ ее по цѣлымъ ночамъ на молитвѣ. Фотій убѣдился въ томъ, что Фотинія есть избранница свыше и еще болѣе приблизилъ ее къ себѣ, бесѣдовалъ съ нею, дозволилъ ей надѣть какой-то хитонъ, въ родѣ монашеской рясы, и собирать въ монастырскую церковь, для совмѣстной молитвы, всѣхъ дѣвицъ изъ окрестныхъ поселеній. Подъ конецъ и тѣ тоже стали являться на эти моленія въ какихъ-то хитонахъ... Наконецъ, графиня Анна Алексѣевна, сразу угадавшая въ Фотиньѣ обманщицу, стала говорить Фотію:

— Она тебя обманываетъ, батюшка! Ей вѣрно денегъ хочется? Такъ отдай ей хоть половину моего состоянія, только не безчесть ты себя. Твоя честь мнѣ дороже моего состоянія...

— Молчи, отвѣчалъ ей Фотій, ты знать изъ женской ревности это говоришь?

— Ну, хоть-бы изъ ревности? Неужели за мою преданность тебѣ не могу я иногда высказать тебѣ и капризное желаніе, и надѣяться, что ты его исполнишь?

— Не смѣй и говорить!

Графиня должна была отложить свои уговоры до болѣе удобнаго случая, который представился вскорѣ. Епархіальное начальство, провѣдавъ о чудачествахъ бывшей бѣсноватой,

обратило на это вниманіе и приказало Фотію прекратить молитвенныя собранія дѣвицъ, а Фотинію удалить изъ обители. Фотій удалилъ Фотинію въ Ѳеодоровскій Переяславскій монастырь, щедро наградивъ ее; тамъ она еще нѣкоторое время куралесила и — вдругъ вышла замужъ за какого-то кучера, который вскорѣ послѣ того побоями и грубымъ обращеніемъ свелъ ее въ могилу...

Очень важнымъ для характеристики внутренняго состоянія Фотія въ послѣдніе годы жизни считаемъ мы одно изъ его писемъ къ родной теткѣ, находившейся при смерти:

„Любезнѣйшая моя тетушка родная Татіана! Пріобщися Св. Тайнъ Христовыхъ, тѣла и крови и съ Богомъ совсѣмъ готовая иди къ своимъ роднымъ на вѣчный покой. Господь съ тобой и буди. Ангелъ хранитель да будетъ съ тобою въ пути до царствія небеснаго. Ты много мнѣ послужила въ дѣтствѣ, Бога ради, при моемъ бѣдномъ сирочествѣ (sic). Иди, прими награду на небесахъ. Ты была добра, добро тебѣ

Графиня Анна Алексѣевна Орлова Чесменская.

и будетъ отъ Бога. Благословляю тебя въ путь Божій… не замедлю и я отити къ Господу, ибо весьма желаю поскорѣе съ Господомъ видѣться (sic!) и поклониться престолу величествія Небесной Царицы и Владычицы Преславныя Богородицы Маріи—моей крѣпкой Защитницѣ (1833 года, 19-го мая, 3-й часъ пополудни).

Пять лѣтъ спустя (26-го февраля, 1838 г.) Фотій скончался на 47 году отъ рожденія, горько оплакиваемый графинею Анною Алексѣевною, которая пережила его на десять лѣтъ, но и послѣ смерти его не покидала Юрьевской обители своими благодѣяніями, не переставала заботиться о ея процвѣтаніи.

Она скончалась скоропостижно (5-го окт. 1848 г.) въ стѣнахъ возвеличенной ею обители и, согласно ея завѣщанію, похоронена рядомъ съ Фотіемъ. Графиню положили въ гробъ въ монашескомъ одѣяніи, такъ какъ она незадолго до смерти, въ одинъ изъ проѣздовъ своихъ черезъ Кіевъ, приняла тайное пострижение.

Нужно-ли говорить, послѣ всего, изложеннаго выше, что та эпиграмма, которою Пушкинъ заклеймилъ отношенія Фотія и Орловой—была не болѣе, какъ повтореніемъ свѣтской сплетни, ни на чемъ не основанной…

Общая цифра всѣхъ суммъ, затраченныхъ графинею Анною Алексѣевною на возобновленіе и обезпеченіе Юрьевской обители—никому не извѣстна; но о громадности ея можно легко заключить изъ немногаго, что извѣстно.

Въ 1830 г. положенъ графинею билетъ Сохранной Казны въ 375,000 р. ассигнаціями; проценты съ этой суммы опредѣлено употреблять на содержаніе монастырскихъ и церковныхъ зданій, трапезы монастырской и братіи и на вѣчное поминовеніе Императора Александра I, графа Алексѣя (Орлова, отца графини), графини Евдокіи (его супруги,—матери Анны Алексѣевны) и „дщери ихъ графини дѣвицы Анны". Въ томъ-же году внесенъ другой билетъ въ 280,000 р. на поминъ лицъ, близкихъ къ Фотію и всѣхъ благотворителей Юрьева монастыря. Въ 1838 г. на ежедневное служеніе заупокойной литургіи надъ прахомъ Фотія внесено еще 26,300 р. сер. Въ 1843 г. препровождены были еще два билета на сумму 85,720 руб., дабы проценты съ одного были употребляемы на елей для 17 неугасаемыхъ лампадъ, а проценты съ другого — на продовольствованіе Юрьева монастыря хлѣбомъ, крупою и мукою (?!). Въ томъ-же 1843-мъ году положенъ капиталъ въ 7,150 р. сер., дабы на проценты съ него заготовляемъ былъ ладонъ для церковныхъ богослуженій и восковыя свѣчи для панихидъ, отправляемыхъ въ извѣстные дни соборнѣ по архимандритѣ Фотіѣ. Въ 1844 году внесено 10,800, для поддержанія и поправленія на проценты съ этого капитала монастырской ризницы, и еще 10,800 р. с. для содержанія „приличной трапезы въ странницѣ монастыря для приходящихъ богомольцевъ". Въ томъ-же 1844-мъ внесенъ капиталъ въ 43,000 р. с. для ежегоднаго поддержанія и поновленія монастырскихъ церквей и зданій, какъ внутри, такъ и внѣ монастыря. Въ 1848 году, по предсмертному распоряженію графини, внесенъ въ Государственный заемный банкъ еще билетъ въ 300,000 р. с.*). Итого, въ общей сложности, болѣе милліона рублей, кромѣ всѣхъ тѣхъ милліоновъ, которые были пожертвованы на возобновленіе и перестройку монастыря, на постройку громадной колокольни съ 15-ью колоколами, вѣсомъ отъ 2,100 и 1,140 пудовъ и до 150, на украшеніе восьми храмовъ монастырскихъ, не благолѣпное только, а можно сказать ослѣпительное по своему богатству, и наконецъ, на пополненіе ризницы тѣми сокровищами, которыя, кажется, не были еще оцѣнены до настоящаго времени, но, во всякомъ случаѣ, стоютъ милліоновъ. Вѣнцы иконъ, украшенные бриллиантами и громадными бразильскими топазами, лучи сіяній и звѣзды, составленныя изъ алмазовъ, аметистовъ, крупнѣйшихъ яхонтовъ, рубиновъ и сапфировъ, митры, залитыя бриллиантами и унизанныя жемчугомъ **), знаменитая Орловская семейная жемчужина въ 1 вершокъ ширины и 3/4 вершка въ вышину—и золото, серебро во всѣхъ видахъ, въ десяткахъ и десяткахъ пудовъ — все это можете вы видѣть въ ризницѣ Юрьева монастыря, и непремѣнно вынесете одно общее впечатлѣніе… Ничтожны,

*) Проценты съ этихъ денегъ, по указу Св. Синода, въ 1850 году, положено раздѣлять на двѣ ровныя части: одну обращать въ пользу монастыря, а другую, въ пользу монашествующей братьи (?).

**) Одна изъ этихъ митръ оцѣниваатся въ 30.000 р.

суетны, презрѣнны должны были казаться земныя блага той, которая такъ щедро, и съ такою готовностью принесла ихъ въ жертву обители за свой душевный покой и за скромную могилу около обожаемаго духовнаго отца...

Упоминая здѣсь о безчисленныхъ пожертвованіяхъ графини Орловой въ Юрьевскую обитель, мы невольно должны припомнить и тотъ фактъ, что въ тотъ-же самый періодъ времени, т. е. между 1824 и 1838 годами, высшее изъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній, новгородская гимназія—переживала самыя тяжелыя времена. Несчастнымъ учителямъ и ученикамъ приходилось работать въ сырой и холодной развалинѣ, нуждаться въ необходимѣйшихъ пособіяхъ... Самое зданіе гимназіи строилось чуть не десять лѣтъ сряду, по неимѣнію средствъ казенныхъ и по недостаточности тѣхъ приношеній, которыя все же, по мѣрѣ силъ, несли на пользу общую новгородскіе купцы и дворяне. Графиня Анна Алексѣевна жила только въ трехъ верстахъ отъ злополучной гимназіи и едва-ли могла не знать о бѣдственномъ положеніи этого учебнаго заведенія. Но въ то время, когда, послѣ пожертвованныхъ милліоновъ, она безпрерывно дѣлала новые вклады въ казну богатой обители, не забывая ни о монашеской трапезѣ, ни о поминовеніи души родственниковъ Фотія—ей даже и въ голову не пришло удѣлить хотя-бы ничтожную крупицу своихъ щедрыхъ пожертвованій на пользу учебнаго заведенія... Чрезвычайно любопытная черта времени!

Въ заключеніе всего, что сказано нами о графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ, сообщимъ еще одинъ небезъинтересный фактъ. Домъ, въ которомъ жила графиня около Юрьева монастыря, извѣстный подъ названіемъ мызы Графининой, просто, но удобно устроенный, меблированный во вкусѣ 20-хъ годовъ, долгое время послѣ ея смерти сохранялся въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ былъ при ней. Въ такомъ видѣ помнимъ его мы еще въ началѣ 60-хъ годовъ. Въ послѣднее наше посѣщеніе Юрьевской обители (нынѣшнимъ лѣтомъ) мы хотѣли еще разъ заглянуть въ домъ графини, но узнали, къ крайнему нашему удивленію, что не только вся мебель изъ дома Анны Алексѣевны вынесена, но и самый домъ отданъ въ наймы какому-то инженеру... Неужели духъ утилитаризма до такой степени глубоко проникъ во всѣ слои русскаго общества, что даже и богатая обитель, облагодѣтельствованная покойной графиней, не могла сохранить въ полной неприкосновенности домъ, въ которомъ жила эта благотворительница? Неужели непремѣнно нужно было и этотъ домъ обратить въ статью дохода?.. Сознаемся откровенно, что считаемъ этотъ фактъ величайшимъ оскорбленіемъ памяти той женщины, которой Юрьевъ монастырь обязанъ всѣмъ, что онъ имѣетъ.

Отвлеченные необходимостью подробно изложить новѣйшій періодъ исторіи древней Юрьевской обители и очертить двѣ чрезвычайно типическія личности, которымъ въ исторіи обители принадлежитъ самое видное мѣсто, мы перейдемъ теперь къ описанію Старой-Русы—одного изъ древнѣйшихъ и важнѣйшихъ пригородовъ Великаго Новгорода.

Самый городъ Старая Руса расположенъ на равнинѣ при сліяніи трехъ рѣкъ—Порусья, Полисти и Перерытицы—раздѣляющихъ его на 3 части; изъ нихъ, лучшая часть города расположена по берегамъ Полисти. На правомъ берегу Полисти находится и водолѣчебное заведеніе (въ юго-западной части города). Въ длину городъ простирается на 5, въ ширину на 2 версты. Жителей въ немъ насчитывается около 10,000 человѣкъ. Внѣшность города довольна опрятна: главныя улицы вымощены и, по бокамъ, даже выложены троттуарами. Большимъ украшеніемъ города служитъ обиліе зелени: почти у каждаго дома есть свой садикъ. Но главными гульбищами для городскихъ жителей служитъ все-же—такъ называемый царскій садъ, около дворца (или дома, выстроеннаго на случай пріѣзда особъ царской фамиліи), и паркъ около самаго заведенія минеральныхъ водъ.

Прежде всего обратимъ вниманіе на то, что и названіе этого города свидѣтельствуетъ уже о древности его основанія и указываетъ на то, что Старая Руса была когда-то однимъ изъ первыхъ славянскихъ поселеній на Ильменѣ и по прибрежьямъ впадающихъ въ него рѣкъ. Изъ этого, конечно, вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы Старая Руса была основана „Русомъ, правнукомъ Іафета, сына Ноева“—какъ разказываютъ позднѣйшіе наши хроно-

графы и съ ихъ словъ повторяетъ такой историкъ, какъ Тимоѳей Мальгинъ, въ своемъ „Зерцалѣ россійскихъ государей“. Едва-ли, однакожъ, можетъ подлежать сомнѣнію то, что Старая Руса, точно также, какъ и Старая Ладога, принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ населенныхъ мѣстъ въ Россіи, что Старая Руса могла быть основана даже ранѣе самаго Новгорода и должна была изстари имѣть важное значеніе торговое, такъ какъ лежала на одномъ изъ важныхъ пунктовъ великаго торговаго пути „изъ Варягъ въ Греки“.

Не смотря на давность существованія Старой Русы, городъ, древностями и достопримѣчательностями не богатъ; старѣйшія изъ церквей, въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, принадлежатъ концу XVII вѣка и очень не богаты утварью и ризницею. Любителямъ старины укажемъ только въ Воскресенскомъ соборѣ на образъ „Цареградской Божьей матери“, вырѣзанный на аспидной доскѣ *), и на икону Покрова Божіей Матери (на столбѣ, что за лѣвымъ клиросомъ съ задней его стороны), которая была перенесена въ соборъ изъ старой деревянной покровской церкви и древнимъ пошибомъ своего письма обратила на себя вниманіе Петра Великаго (въ 1724 г.). Не лишена интереса по своей исторіи, въ томъ-же соборѣ. „Икона Страшнаго Суда“. Изъ подписи подъ нею видно, что она, при раззореніи города нѣмцами и литовцами въ 1614 году, была унесена ими изъ церкви, и очутилась въ шведскомъ городѣ Або; здѣсь почти сто лѣтъ спустя (въ 1723 г.) ее обрѣлъ старорусскій купецъ Иванъ Пономаревъ, пріобрѣлъ ее покупкою и возвратилъ собору по принадлежности.

На одной изъ старорусскихъ колоколенъ (при Вознесенской церкви) сохранилась память и о русскихъ походахъ въ Швецію или Ливонію въ видѣ большаго колокола съ латинскою надписью: Albert Benninck me fecit Lubeck anno 1672“ *).

С. Городище, на правомъ берегу Волхова, близь Новгорода.

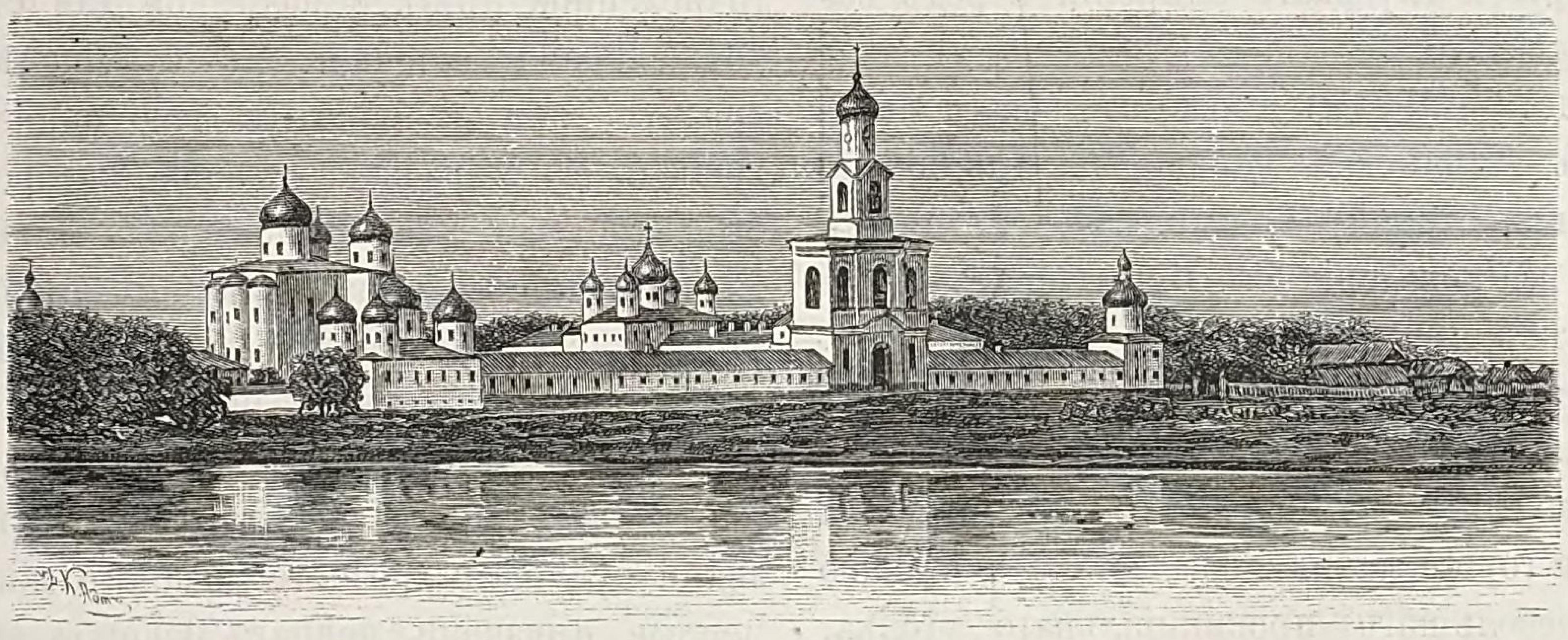
Достовѣрныя историческія свѣдѣнія о Старой Русѣ не восходятъ, однакоже, далѣе XII вѣка. Въ исходѣ этого вѣка городъ упоминается уже въ числѣ важныхъ новгородскихъ пригородовъ. Выварка соли, повидимому, уже издревле составляла весьма прибыточный промыселъ для старорусцевъ. Городъ былъ, вѣроятно, богатъ и значителенъ, потому что, въ теченіи нѣкотораго времени пытался даже отдѣлиться отъ своей метрополіи. Однакоже, самостоятельно существовать Старая Руса не могла уже и потому, что только Новгородъ въ состояніи былъ ее защитить отъ литовскихъ на-

*) Архимандритъ Макарій въ своемъ, «Церковно-Историческомъ описаніи города Старой Русы» говоритъ: «вѣрующіе, во множествѣ притекаютъ къ сему образу, и берутъ воду, погруженіемъ ея освященную, съ надеждою исцѣленія больныхъ младенцевъ».

*) Альбертъ Беппикъ меня сдѣлалъ въ 1672 году.

бѣговъ, которые постоянно обрушались именно съ этой стороны на новгородскія владѣнія. Раззоряли и опустошали городъ впрочемъ не одни только Литовцы:—1471-й годъ остался памятнымъ въ староруских лѣтописяхъ по тѣмъ пожарамъ и раззореніямъ, которыми сопровождалось нашествіе на Новгородъ московской рати великаго князя Ивана Ш. Не менѣе памятнымъ былъ и 1533 г. по страшному моровому повѣтрію, истребившему значительную часть населенія Ст. Русы. Но всѣ эти бѣдствія, въ разное время пережитыя городомъ, были ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, что пришлось вытерпѣть Старой Русѣ въ началѣ XVII

разъ посѣтила моровая язва и неудержимо свирѣпствовала въ ней цѣлыхъ пять мѣсяцевъ. Мрачныя картины этого страшнаго бѣдствія до сихъ поръ еще живы въ народной памяти; разсказываютъ, что цѣлыя улицы стояли пустыми—ни въ одномъ домѣ живой души не оставалось. Даже и хоронить мертвыхъ было некому: —въ иныхъ церквахъ изъ всего причта въ оставался одинъ священникъ, который, прежде чѣмъ начать обѣдню, долженъ былъ сперва самъ слазать на колокольню и позвонить въ колоколъ... Только съ наступленіемъ зимы моръ окончился... Тогда оставшіеся въ живыхъ, въ память вынесенныхъ ими тяж-

Юрьевъ монастырь, близъ Новгорода.

вѣка, когда она переходила изъ рукъ шведовъ въ руки литовцевъ и послѣдовательно была выжжена пять разъ сряду. Воевода Чоглоковъ, посланный для осмотра города царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, живыми и яркими чертами описываетъ въ своемъ донесеніи великому государю ужасную, почти невообразимую картину опустошенія города огнемъ и мечемъ. Достаточно, впрочемъ, будетъ, если мы упомянемъ здѣсь, что изъ 7,000 жителей, числившихся въ Старой Русѣ, уцѣлѣло послѣ погромовъ и пожаровъ только 38 человѣкъ.

Не много спустя, городъ, по распоряженію правительства, былъ вновь заселенъ переселенцами изъ другихъ, ближайшихъ городовъ новгородской области и, мало-по-малу, отстроился за-ново. Но бѣдствія города еще не были исчерпаны... Въ 1656 году Старую-Русу еще

кихъ бѣдствій, порѣшили общими силами соорудить и воздвигнуть крестъ въ церкви св. Иліи Пророка. Этотъ крестъ, впослѣдствіи получившій названіе Чуднаго креста, имѣетъ въ длину 4 аршина 5 вершковъ, въ ширину верхней части $2^1/_4$ аршина, въ толщину $^1/_4$ арш., сооруженъ изъ сосны, потемнѣвшей отъ времени, и закругленъ въ основаніи. На самомъ крестѣ вырѣзаны: распятый Спаситель, подъ Спасителемъ херувымъ, солнце и луна, и цѣлый рядъ неразобранныхъ монограммъ изъ церковно-славянскихъ буквъ и подъ титлами. На задней сторонѣ полууставомъ вырѣзана слѣдующая надпись:

„Лѣта отъ сотворенія міра 7163 (1655) года, въ Старой Русѣ бысть посланіе Божіе грѣхъ ради нашихъ: созданію Божію многимъ человѣкамъ смертоносная язва бысть; того же году

декабря 6 дня поставили сей крестъ на семъ мѣстѣ, въ ильинской улицѣ со жители, чтобъ всемилостивый Господь Богъ нашъ утолилъ тотъ свой праведный гнѣвъ смертоносія, и возложили праздновать въ предъидущія лѣта сему образу честному и животворящему кресту Господню, на немъ-же распятъ бысть Господь нашъ Іисусъ Христосъ—сегожъ декабря въ 22 день на память св. великомученицы Анастасіи узоразрѣшительницы, а второе празднество въ третью недѣлю св. великаго поста отъ нынѣ въ предъидущія лѣта, въ честь и благодареніе и въ славу въ Троицѣ славимому Богу и въ поклоненіе и въ велелѣпіе Отцу и Сыну и Св. Духу. Аминь".

Трогательный, истинно-русскій памятникъ теплой вѣры и глубокаго смиренія передъ волею Всевышняго.

Впослѣдствіи Чудный крестъ былъ перенесенъ изъ Ильинской церкви въ Ильинскую часовню, къ которой въ вышеозначенные дни стекается все населеніе Ст. Русы, свято чтя и храня завѣтъ предковъ.

Памятникъ этотъ былъ памятникомъ послѣдняго тяжкаго общественнаго бѣдствія, вынесеннаго жителями Старой Русы и, съ конца XVII вѣка городъ зажилъ обыденною скромною жизнью небольшаго провинціальнаго уголка. Только въ концѣ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ жизнь Старой Русы внѣшнимъ образомъ нѣсколько измѣнилась въ томъ смыслѣ, что при развитіи и распространеніи Аракчеевымъ системы военныхъ поселеній Новгородской губерніи по Волхову до Старой Русы и далѣе — Старая Русса была сдѣлана окружнымъ городомъ и въ ней сосредоточено главное управленіе всѣми поселеніями Новгородской губерніи. Упоминая объ этомъ фактѣ, полагаемъ, что здѣсь будетъ всего умѣстнѣе ознакомить читателей съ сущностью того злосчастнаго учрежденія, которое оставило по себѣ такую печальную память и обрушило столько заслуженныхъ проклятій на голову Аракчеева.

Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ основу учрежденія положены были самыя благія начинанія и самыя высокія побужденія. Наполеоновскія войны вынудили всю Европу къ усиленнымъ вооруженіямъ, которыя стоили громадныхъ затратъ и привели къ общему разстройству финансовъ. Пруссія — въ то время небольшая и слабая — ранѣе всѣхъ пришла къ тому убѣжденію, что содержаніе большой арміи ей не по средствамъ и не по силамъ. Однакоже, тѣ погромы, которые пришлось ей понести отъ Наполеона, въ сильнѣйшей степени возбудили въ ней національное чувство и лучшіе государственные умы Пруссіи занялись серьезною выработкою плана общенародной самозащиты. Послѣ долгихъ обдумываній и обсужденій, порѣшили остановиться на системѣ ландвера, предложенной Шарнгорстомъ, такъ какъ въ ней представлялся для страны единственный исходъ изъ тяжелаго, беззащитнаго положенія. И дѣйствительно, система ландвера, нетребовавшая большихъ, ежегодныхъ затратъ на содержаніе многочисленной арміи, безполезной для страны, въ то же время обѣщала въ будущемъ создать грозную силу — обратить всю націю въ одно громадное и образцовое войско, которое должно было состоять уже не изъ солдатъ, а изъ гражданъ-воиновъ, сознательно выступающихъ на защиту своего отечества. Всѣмъ извѣстно, къ какимъ колоссальнымъ результатамъ привела система Шарнгорста, въ постоянномъ, строго-послѣдовательномъ развитіи! Но первые признаки будущаго грознаго военнаго могущества, первые признаки полнаго перерожденія прусской арміи подъ вліяніемъ новой системы ландвера, сказались уже въ войнахъ за независимость Европы въ 1813, 1814 и 1815 гг.

Идея ландвера, какъ войска, недорого стоющаго, нераззоряющаго финансы страны и въ тоже время не отвлекающаго гражданъ на долгое время отъ ихъ обычныхъ занятій — пришлась очень по-сердцу Императору Александру I. Но примѣненіе подобной системы, приравнивающей всѣ сословія, было, конечно, немыслимо въ Россіи при существованіи крѣпостнаго состоянія. Тогда-то и родилась идея военныхъ поселеній, которыя, мало-по-малу распространяясь по всей Россіи, могли бы также (по предположенію защитниковъ этой идеи) значительно удешевить содержаніе россійской арміи. Въ сознаніи же благодушнаго Императора идея военныхъ поселеній соединилась еще съ другою, завѣтною, давно лелѣянною имъ мечтою о возможности обезпечить спокойнымъ угломъ и вѣрнымъ кускомъ хлѣба старость воиновъ, всю жизнь свою находившихся на службѣ отечества.

Первые опыты военныхъ поселеній (и кажется весьма неудачные) были произведены, если не ошибаемся, еще въ 1809 году надъ Елецкимъ полкомъ, который былъ поселенъ въ Могилевской губерніи (въ Климовецкомъ повѣтѣ, Бобринецкаго староства). Но Отечественная война и заграничные походы помѣшали Императору серьезно заняться развитіемъ своей любимой идеи; за то, по возвращеніи изъ Парижа, Государь повелѣлъ Аракчееву не только возобновить поселеніе Елецкаго полка, но въ 1816 году приступить и къ новымъ опытамъ военныхъ поселеній.

Мѣстность для опытовъ, на этотъ разъ, была выбрана болѣе удобная для наблюденія за ходомъ развитія новаго дѣла, болѣе близкая къ столицѣ и, сверхъ того, находившаяся почти въ непосредственномъ соприкосновеніи съ грузинскими владѣніями графа — а именно: село Высокое и вся Высоцкая волость на рѣкѣ Волховѣ. Такъ какъ это новое поселеніе должно было служить образцовымъ для всѣхъ остальныхъ, то для поселенія въ Высоцкой волости назначенъ былъ батальонъ гренадерскаго графа Аракчеева полка. Судя по выбору мѣстности и полка, должно предполагать, что идея военныхъ поселеній приходилась очень по душѣ графу Аракчееву, хотя онъ и старался показать видъ, что вовсе не желаетъ принять участія въ устройствѣ военныхъ поселеній, даже отказывался отъ главнаго начальства надъ ними, а подъ конецъ забралъ и это дѣло въ свои руки, показывая видъ, что не смѣетъ отказаться отъ выполненія воли Государевой. Можетъ быть, если бы дѣло устройства военныхъ поселеній было поручено не Аракчееву, а другому лицу, еслибы въ самую основу новаго учрежденія внесено было болѣе свободы и менѣе мелочнаго педантизма — военныя поселенія и привились бы къ русской почвѣ, и принесли бы ей нѣкоторую пользу. Для этого было бы необходимо, чтобы за разработку подробностей этого сложнаго и мудренаго дѣла взялись люди государственные, близко знакомые съ нашею народною жизнью, съ народнымъ хозяйствомъ, съ нуждами и кругомъ понятія русскаго крестьянина и русскаго солдата... Но чего же можно было ожидать въ будущемъ отъ военныхъ поселеній, когда за разработку проекта этого учрежденія взялся одинъ графъ Аракчеевъ со своей канцеляріей, а за выполненіе— вѣрные его слуги?...

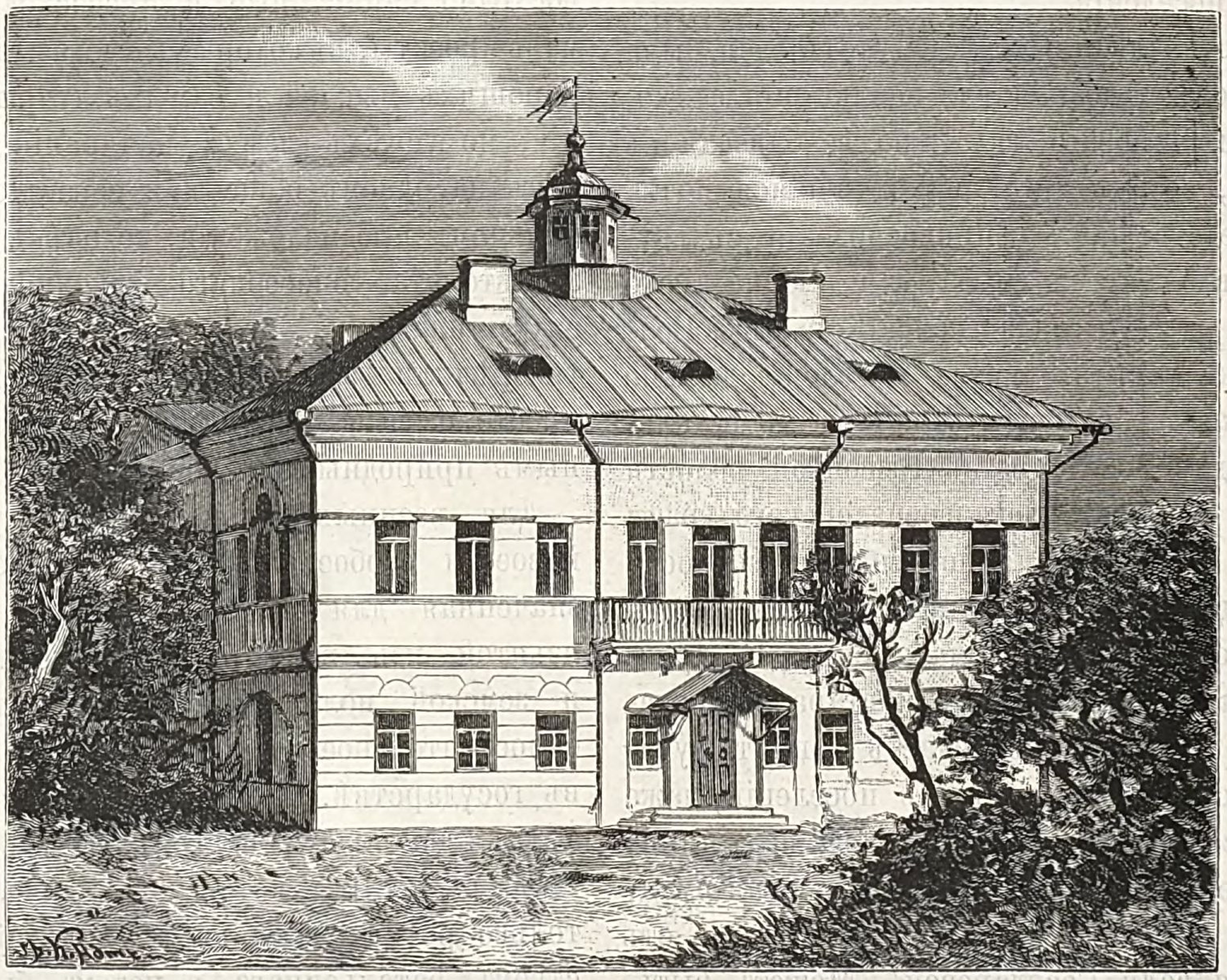
Графъ началъ съ того, что представилъ себѣ Россію въ видѣ Грузина, на земляхъ и угодьяхъ котораго, какъ на шахматной доскѣ, онъ рѣшался дѣлать самые мудреные, самые запутанные ходы—и достигалъ извѣстныхъ результатовъ. Что удавалось въ Грузинѣ—должно было, по мнѣнію Аракчеева, найти себѣ удачное примѣненіе во всѣхъ концахъ Россіи. И вотъ заскрипѣли перья въ графской канцеляріи, создались въ самое короткое время превосходно написанные и превосходные на бумагѣ проекты, въ которыхъ высказывалась бездна хорошихъ мыслей и самыхъ лучшихъ намѣреній, но успѣхъ всѣхъ начинаній былъ основанъ на одномъ общемъ и совершенно неправильномъ предположеніи: человѣкъ принимался за автомата, способнаго выполнять все, что ему прикажутъ, хотя бы даже приказанія противорѣчили законамъ здраваго смысла или просто оказывались неосуществимыми по мѣстнымъ природнымъ условіямъ.

Для военныхъ поселеній придумано было новое и особое устройство; волость, предназначенная для нихъ, считалась совершенно изъятой изъ вѣдѣнія гражданскихъ властей и земской полиціи — она составляла вполнѣ самостоятельное цѣлое: маленькое государство въ государствѣ. Волостью заправлять и всѣми дѣлами ея вѣдать долженъ былъ особый комитетъ, въ составъ котораго, въ началѣ, входили только ротные командиры, подъ предсѣдательствомъ батальоннаго, а потомъ были допущены: священникъ, голова, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже деревенскіе старшины и другія лица.

Все населеніе волости, обращенной въ военное поселеніе, избавлялось отъ рекрутчины, отъ подводной и всякой другой повинности, но считалось уже принадлежащимъ къ военному сословію, такъ что дѣти всѣхъ крестьянъ, жившихъ въ военныхъ поселеніяхъ, хотя бы и не служившихъ въ военной службѣ, обязательно зачислялись въ кантонисты. Правда, что этотъ переходъ изъ крестьянства въ военную поселенную службу обставленъ былъ съ внѣшней стороны, повидимому, весьма значительными выгодами. Такъ, напр., всѣмъ хозяевамъ волости подарено было по одной крѣп-

кой и здоровой (артиллерійской) лошади; всѣмъ крестьянскимъ вдовамъ и дѣвушкамъ, изъявлявшимъ желаніе выйти замужъ за поселенныхъ солдатъ, рѣшено было выдавать по 25 р. на приданое; въ предупрежденіе отъ пожаровъ выписана и устроена пожарная команда; учреждена больница, въ которой лѣченіе и раздача лѣкарствъ производились безплатно, а въ помощь роженицамъ находились безотлучно двѣ выписанныя изъ Петербурга повивальныя бабки.

рокъ къ ихъ пайку. Затѣмъ, вмѣсто податей и оброковъ и всякихъ денежныхъ повинностей, поселенные крестьяне обязаны были принимать участіе въ казенныхъ работахъ, какія имъ укажутъ производить, какъ-то: въ поставкѣ дровъ, обжиганіи кирпича, возкѣ камня и плиты и т. д. Вскорѣ послѣ того постой солдатъ въ мужицкихъ избахъ былъ отмѣненъ, и поселеннымъ солдатамъ вмѣнено въ обязанность, чтобы они сами себѣ выстроили помѣщеніе

Дача графини А. А. Орловой около Юрьева монастыря

Но всѣ эти пресловутыя льготы и выгоды все-же не искупали очень тяжелыхъ обязанностей, которыя ложились бременемъ на крестьянъ, переведенныхъ въ вѣдомство военныхъ поселеній. Обязанности эти заключались, прежде всего, въ томъ, что каждый домохозяинъ долженъ былъ дать помѣщеніе 3—4 поселеннымъ солдатамъ *) и доставить имъ прива-

при крестьянскихъ дворахъ по строго опредѣленному плану.

Годъ спустя послѣ основанія перваго поселенія въ Высоцкой волости опытъ военныхъ поселеній былъ признанъ настолько удавшимся, что въ 1817 и 1818 гг. приказано расширить область военныхъ поселеній не только въ Новгородской и Могилевской губерніяхъ, но даже

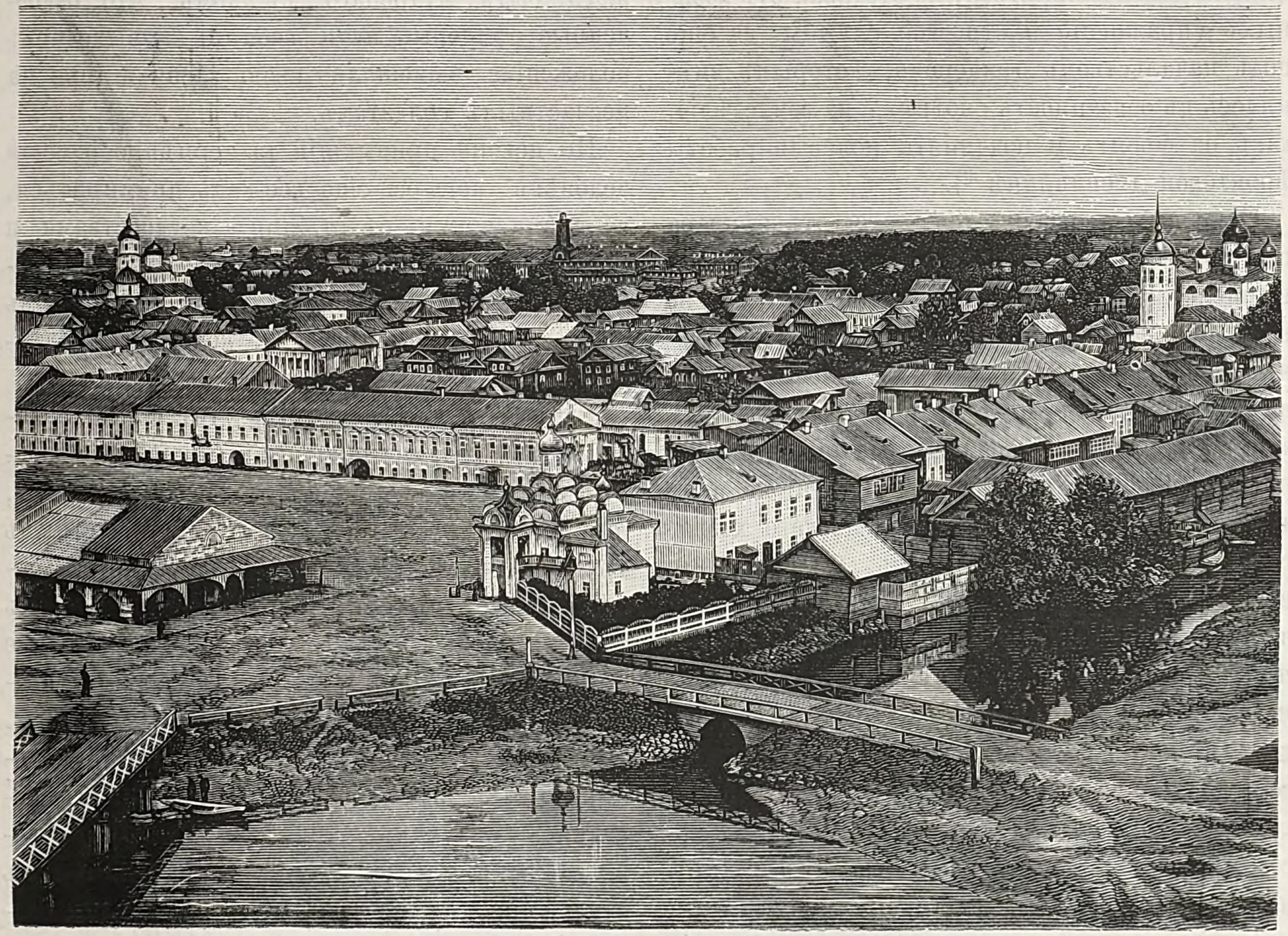
*) Эти солдаты обязаны были, по положенію, помогать домохозяевамъ въ ихъ домашнихъ работахъ. Но помогать они никакъ не могли, потому что сами едва успѣвали справляться со своимъ дѣломъ; а между тѣмъ присутствіе холостыхъ въ семейномъ домѣ влекло за собою большія неудобства.

основать новыя поселенія въ Слободскихъ Украинскихъ губерніяхъ.

Уставъ военныхъ поселеній, какъ на цѣль ихъ учрежденія, указывалъ на необходимость „улучшенія состоянія воиновъ, для чего собственно имъ и даруется осѣдлость“.

Право на полученіе осѣдлости могли имѣть „только лучшіе солдаты дѣйствующихъ войскъ, тирамъ у своихъ бывшихъ товарищей, „обезпеченная жизнь коихъ должна была побуждать ихъ хорошимъ поведеніемъ на службѣ пріобрѣсти право на такую-же жизнь со временемъ“.

Правда, воинскіе чины изъ поселенныхъ войскъ, получившіе осѣдлость въ даръ, надѣлялись отъ казны землею, домомъ, земледѣль-

Общій видъ Старой Русы.

прослужившіе въ строю не менѣе 6 лѣтъ, преимущественно женатые и до поступленія на службу занимавшіеся земледѣліемъ“.

Для каждаго дѣйствующаго полка предполагалось, со временемъ, имѣть свой поселенный военный округъ, изъ котораго онъ долженъ быть комплектоваться и въ которомъ онъ квартировалъ-бы въ мирное время. Лучшая часть полка, какъ сказано было выше, получала осѣдлость въ даръ, а остальная часть полка располагалась по квар-ческими орудіями, домашнимъ скотомъ и даже упряжью; имъ оставлялось и жалованье, и обмундированье, получаемыя ими на службѣ, а въ первые годы даже и провіантъ для нихъ, для ихъ женъ и дѣтей, на которыхъ, сверхъ того, отпускалось особое пособіе. Мало того:— поселяне-домохозяева избавлялись отъ походовъ, слѣдовательно не разлучались съ семействами и должны были „пользоваться постоянно здоровою пищею и другими житейскими

удобствами". Притомъ „все пріобрѣтаемое честнымъ трудомъ было ихъ неотъемлемою собственностью".

Идеалъ—какъ видите—былъ превосходный; но достиженіе его было невозможно, даже и при самой энергической правительственной поддержкѣ, потому что къ земледѣлію должны были приступать люди или совершенно отъ него отвыкнувшіе, или никогда за него не принимавшіеся. Притомъ, полевыми работами они должны были заниматься, не отставая отъ военныхъ упражненій и строевой службы, да еще подъ начальствомъ офицеровъ, которымъ вмѣнялось въ обязанность смотрѣть на земледѣліе, какъ на фронтъ и подчинять полевыя работы фронтовой дисциплинѣ *).

Само собою разумѣется, что отъ офицера при этомъ требовались также идеальныя совершенства. Кромѣ знанія военной службы во всѣхъ ея подробностяхъ и нѣкоторыхъ свѣдѣній въ наукахъ, офицерамъ поселенныхъ войскъ вмѣнялось въ обязанность знаніе сельскаго хозяйства и строжайшее наблюденіе за опрятностью солдатъ не только на службѣ, но и въ домашнемъ ихъ быту. Знаніе сельскаго хозяйства, требуемое отъ офицеровъ, было чѣмъ-то весьма обширнымъ и неопредѣленнымъ, потому что подъ этимъ названіемъ разумѣлось и лѣсничество, и умѣнье осушать болота, и опытность въ строительномъ искусствѣ. При неисполнимости этихъ требованій, уставъ, въ довершеніе всего, указываетъ еще офицеру, „чтобы онъ былъ кротокъ, терпѣливъ, справедливъ и человѣколюбивъ, дабы излишнею иногда торопливостью въ приказаніяхъ не затруднить исполненіе ихъ". А между тѣмъ самъ графъ Аракчеевъ принадлежалъ къ числу тѣхъ начальниковъ, которые требуютъ невозможно-быстраго, немедленнаго исполненія и отъ только-что начатаго дѣла ожидаютъ уже успѣшныхъ результатовъ.

Офицеры, назначаемые по волѣ начальства въ поселенныя войска, получали, правда, въ видѣ награды, полугодовой окладъ жалованья, но за то попадали въ совершенную крѣпостную зависимость отъ графа, который не допускалъ никакихъ уклоненій отъ службы, не принималъ рапортовъ о болѣзни, а иногда, на нѣсколько лѣтъ впередъ, лишалъ офицеровъ права не только проситься въ отпускъ, но даже и подавать прошенія объ отставкѣ. При этомъ, обращеніе высшаго поселеннаго начальства съ младшими офицерами было такое-же грубое, какъ и обращеніе самого Аракчеева съ поселеннымъ начальствомъ, и ничего не можетъ быть мудренаго въ томъ, что озлобленные офицеры, видя себя въ безвыходномъ положеніи, вымещали свою злобу и горе на несчастныхъ солдатахъ.

Но искони привыкшій къ терпѣнію русскій человѣкъ могъ-бы еще кое-какъ примириться, со всѣми этими бѣдствіями, неудобствами и несообразностями, если-бы Аракчеевъ, все любившій систематически доводить до конца въ своихъ предположеніяхъ, не коснулся послѣдняго, завѣтнаго уголка его души...

Выше мы уже замѣтили, что уставъ, набрасывая идиллическую картину быта военныхъ поселеній, упоминалъ, между прочимъ, и о томъ, что „все пріобрѣтенное честнымъ трудомъ составляетъ неотъемлемую собственность поселянъ". Это можно было понять только такимъ образомъ, что военные поселяне могли въ свободное отъ своихъ обычныхъ занятій время наниматься на частныя работы. Но графъ Аракчеевъ понималъ это по-своему, и для свободнаго времени военныхъ поселянъ придумалъ такъ называемыя экономическія работы, къ разряду которыхъ относились всякія необязательныя для военныхъ поселянъ, какъ общественныя, такъ и казенныя. За эти работы платились поселянамъ деньги; но какъ платились?.. Въ то время, какъ сосѣдніе помѣщики охотно выдавали наемнымъ рабочимъ поденную плату въ 50 к., въ 60 к. и даже въ 1 руб. ассигнаціями—начальство выдавало поселянамъ 25 коп. асс., изъ которыхъ нѣкоторая часть еще отбиралась у нихъ въ артельныя суммы, будто-бы на улучшеніе пищи. Даже въ томъ случаѣ, если постороннее вѣдомство (напр., министерство путей сообщенія, по постройкѣ шоссейныхъ дорогъ) платило поселянамъ по 1 р. въ день—начальство выдавало на руки поселянъ только 25 коп. асс., а остальныя деньги отбирало въ

*) Въ уставѣ о военныхъ поселеніяхъ именно было указано, что «земледѣльческія и всѣ прочія по хозяйству занятія, по важности и отвѣтственности, равны какъ-бы службѣ во фронтѣ.

общій капиталъ военныхъ поселеній *), на томъ основаніи, какъ разсуждалъ графъ Аракчеевъ, „что не справедливо было-бы людямъ однихъ баталіоновъ предоставлять выгоду бо́льшую, нежели людямъ другихъ, когда и тѣми, и другими отправляются работы въ равной мѣрѣ“. Такимъ образомъ, самые тяжелые виды военной службы и самая тяжкая крѣпостная зависимость, въ сравненіи съ бытомъ военныхъ поселянъ, оказывались чуть не завиднымъ общественнымъ положеніемъ, и жители военныхъ поселеній видѣли себя осужденными на какую-то безсрочную му́ку, изъ которой не было ни спасенія, ни выхода. За насущный хлѣбъ они вынуждены были отдавать все свое время и весь свой трудъ!

Всего-же любопытнѣе и поучительнѣе, по отношенію къ самому учрежденію, было, конечно, то, что, внѣшнимъ образомъ, военныя поселенія процвѣтали и такъ сказать „текли млекомъ и медомъ“. Громадныя, замѣчательныя общественныя работы выполнялись руками поселянъ за ничтожную плату, принося выгоду государству и въ тоже время безпрерывно увеличивая солидный запасный фондъ военныхъ поселеній. Вездѣ царилъ образцовый порядокъ и чистота изумительная; а сами военные поселяне оказывались не только въ выправкѣ военной превосходными, но и земледѣліемъ занимались успѣшно, и нравственности были примѣрной, и церковь Божію посѣщали неустанно... Безпрестанные смотры, ревизіи и ученья, которыми Аракчеевъ любилъ хвастать, приводили въ восторгъ и Государя, и тѣхъ высокихъ иноземныхъ гостей, которымъ онъ неоднократно показывалъ военныя поселенія, какъ осуществленіе возможнаго на землѣ счастія. Можно было, пожалуй, повѣрить тому, что сбывается на дѣлѣ указаніе устава военныхъ поселеній, въ которомъ упоминалось, между прочимъ, что „добронравное обхожденіе въ кругу своего семейства служитъ порукою по себѣ начальству въ хорошихъ качествахъ“, а посему и предписывалось каждому поселянину, что „онъ долженъ быть попечительнымъ отцомъ, добрымъ мужемъ, надежнымъ другомъ и сотоварищемъ“.

Къ сожалѣнію, закулисная сторона военныхъ поселеній была никому неизвѣстна, даже и самому графу Аракчееву, который былъ слишкомъ ослѣпленъ своимъ величіемъ и слишкомъ занятъ мелочами, чтобы уразумѣть сущность того, что творилось у него на глазахъ. А сущность заключалась въ томъ, что совершенно невыносимый бытъ военныхъ поселянъ, вынуждавшій ихъ постоянно быть на выправкѣ или на непосильной работѣ, страшно озлоблялъ народъ и вызывалъ ропотъ. Суровая дисциплина жестокими наказаніями подавляла этотъ ропотъ и недовольство, но не долго... Къ довершенію всего, среди начальства военныхъ поселеній развилось воровство, казнокрадство и взяточничество во всѣхъ видахъ: поселянъ обсчитывали, обдѣляли, заставляли работать даромъ на начальниковъ. Аракчеевъ слышалъ объ этомъ, зналъ — но не хотѣлъ знать, не хотѣлъ вѣрить тому, чтобы „у него, въ его поселеніяхъ“, могли быть безпорядки и воровство! Мало того, онъ даже любилъ иногда брать на себя роль отца-командира и, во время смотровъ, нарочно обрывалъ и распекалъ поселенное начальство при поселянахъ, и потомъ, обращаясь къ поселянамъ, говорилъ:

„Видите, какъ я съ ними поступаю? Ежелибы не я, у васъ давно-бы гнили спины отъ палокъ! Не слушайтесь ихъ и пишите обо всемъ ко мнѣ—я вамъ покровитель! Когда меня не станетъ, вспомните меня—кулакомъ станете слезы утирать“! и т. д. *).

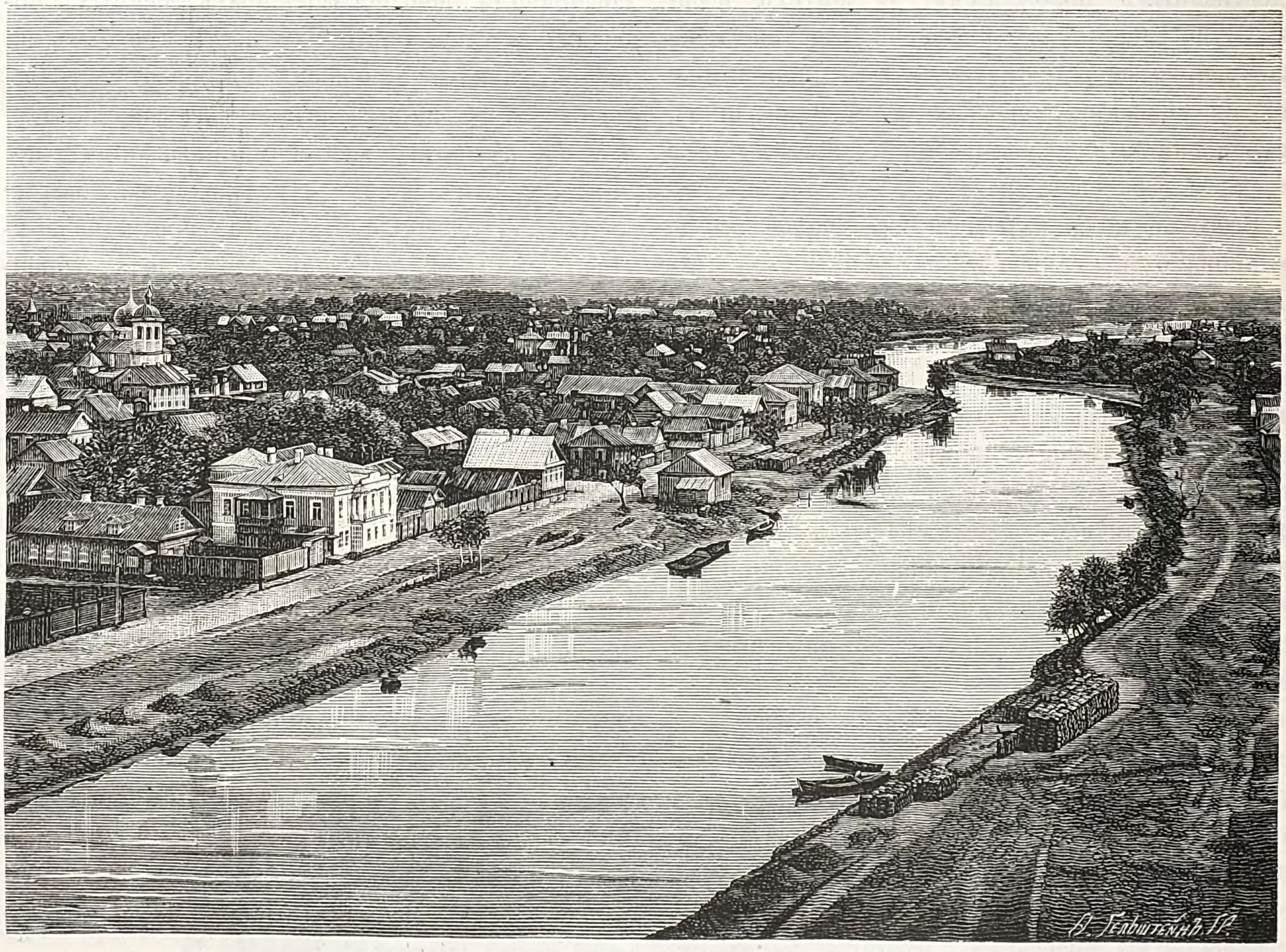
По какому-то особенному счастью, графъ Аракчеевъ, по вступленіи на престолъ Императора Николая удалившійся на покой, могъ сложить съ себя тяжкую отвѣтственность за устроенныя имъ военныя поселенія, въ которыхъ, по одной Новгородской губерніи, числилось тогда уже отъ 35—40,000 человѣкъ. Онъ съ особенною гордостью и торжественностью сложилъ съ себя начальство надъ поселеніями, указывая на образцовый порядокъ своего из-

*) Точно также разсчитывалась и задѣльная плата. Въ то время, какъ вольному кирпичнику платилось 8 р. за выдѣлку 1,000 кирпичей—военнымъ поселянамъ платилось 2 р. съ 1,000; за теску камня каменьщикамъ платилось 50—80 р. въ мѣс., а военнымъ поселянамъ—5 р. 90 к.!

*) По свидѣтельству генерала Маевскаго такую рѣчь держалъ Аракчеевъ къ поселянамъ въ малороссійскомъ баталіонѣ при одномъ изъ смотровъ.

любленнаго учрежденія и на громадный экономическій капиталъ, накопившійся у поселеній. Съ него, такимъ образомъ, снималась всякая отвѣтственность за дальнѣйшее, тѣмъ болѣе, что на бумагѣ военныя поселенія выходили чѣмъ-то образцовымъ, изумительнымъ, несомнѣнно имѣющимъ для будущности Россіи огромную важность.

лѣпаго слуха, будто доктора отравляютъ больныхъ какими-то порошками, ближайшія къ Старой Русѣ поселенія вдругъ поднялись какъ одинъ человѣкъ, и начался поселенный бунтъ, до сихъ поръ еще памятный старорусцамъ своими ужасными сценами кровавыхъ расправъ массы, остервенившейся противъ начальства и докторовъ. Избіеніе было все-

Другой общій видъ Старой Русы.

Но даже и суровѣйшая дисциплина недолго могла сохранить эту прекрасную внѣшность у такого учрежденія, которое было построено на совершенно ложныхъ основаніяхъ и стремилось къ достиженію невозможныхъ результатовъ. Что-то страшное тлѣло и таилось въ этой массѣ людей, неповинно-обреченныхъ на страданіе... Одной искры было достаточно, чтобы вспыхнулъ пожаръ. И вотъ въ 1833 году, во время холеры, по поводу не-

общее и поголовное, безпощадное; убивали не оружіемъ, а дубьемъ, или заколачивали палками на смерть; не давали покоя и трупамъ— волочили ихъ, терзали, всячески издѣвались надъ ними... Въ томъ районѣ, въ которомъ бунтъ вспыхнулъ такъ неожиданно, лишь очень немногіе офицеры успѣли избѣгнуть смерти, и вообще количество жертвъ было очень велико, такъ какъ вѣсть о возмущеніи дошла не скоро до Новгорода (телеграфовъ не было), не скоро

успѣли стянуть войска къ Старой Русѣ, да и дѣйствовали очень нерѣшительно, вяло... Императоръ Николай, строго наказавъ виновныхъ въ возмущеніи, повелѣлъ съ величайшею справедливостью изслѣдовать причины несчастнаго событія и, со свойственною ему ясностью взгляда, понялъ, что причины эти лежатъ въ самомъ учрежденіи. На этомъ основаніи онъ приказалъ военныя поселенія вовсе отмѣнить, облегчилъ участь поселянъ и положилъ конецъ опасной затѣѣ, которою графъ Аракчеевъ думалъ обезсмертить свое имя.

Соленое озеро и зданіе солено-минеральныхъ ваннъ.

Нынѣшнимъ своимъ благосостояніемъ Старая Руса обязана тѣмъ солянымъ источникомъ, которые уже изстари составляли главное богатство города. Солевареніе было здѣсь главнымъ промысломъ уже нѣсколько вѣковъ назадъ. Это подтверждается множествомъ открываемыхъ въ Старой Руссѣ подземныхъ каналовъ и чановъ, служившихъ нѣкогда вмѣстилищемъ для соляренъ. Солевареніе, сначала составлявшее промыселъ частныхъ лицъ, впослѣдствіи (вѣроятно съ XVII в.) перешло въ собственность царей, и въ настоящее время тоже принадлежитъ казнѣ. Но теперь, когда во многихъ (въ особенности южныхъ) частяхъ Россіи открыты богатѣйшіе залежи соли, старо-русское солевареніе не можетъ уже имѣть прежняго значенія; за то промыселъ видоизмѣнился и, благодаря тѣмъ-же своимъ солянымъ источникамъ, Старая Руса, начиная съ 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія сдѣлалась довольно оживленнымъ центромъ лѣчебнымъ.

Если вѣрить мѣстнымъ разсказамъ, то старорусцы давно уже пользовались цѣлебною силою мѣстныхъ водъ. Собственно-научному изслѣдованію старо-русскія воды были впервые подвергнуты въ 1815 г. докторомъ Газомъ, который опредѣлилъ ихъ свойства и указалъ на сродство ихъ съ водами крейцнахскими. Правильная организація старо-русскихъ соленоминеральныхъ купаній началась, по распоряженію правительства, еще въ 20-хъ

годахъ нынѣшняго столѣтія, но только 26 августа 1830 года окончательно утвержденъ проэктъ изслѣдованія водъ и устройства при нихъ ваннъ; а самыя ванны окончены устройствомъ только уже въ 1837 году. Отмѣтимъ при этомъ немаловажный фактъ: — небывалымъ нигдѣ и совершенно новымъ явленіемъ было то, что при старо-русскихъ водахъ на казенный счетъ устроены были два большихъ бассейна для пользованія солдатъ. Два года спустя построены кадетскія ванны, для лѣченія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній (теперь отданныя въ общее пользованіе); тогда-же открыто заведеніе для пароваго солено-минеральнаго лѣченія, съ отдѣломъ для грязныхъ ваннъ. Въ 1854 году устроены новыя минерально-грязныя ванны, бальзамическія ванны изъ перегона сосновыхъ иглъ, увеличено зданіе для грязныхъ ваннъ, достроенъ каменный домъ для помѣщенія лѣтнихъ посѣтителей (начатый еще въ 1839 г.), украшены окрестности, ближайшія къ водолѣчебному заведенію, паркъ значительно расширенъ, выстроена оранжерея. Въ 1860 г. открыто при водахъ сыворотко-лѣчебное заведеніе; въ прудѣ, образующемся отъ стока воды изъ директорскаго колодца въ ручей Воіе, устроенъ открытый, несогрѣваемый искусственно, бассейнъ, съ самымъ сильнымъ теченіемъ, и, наконецъ, по распоряженію министерства государственныхъ имуществъ, вырытъ новый артезіанскій колодецъ, доставляющій воду съ болѣе нѣжнымъ дѣйствіемъ и болѣе пріятнымъ вкусомъ. Этотъ новый колодецъ, въ честь министра государственныхъ имуществъ и названъ М у р а в ь е в с к и м ъ. Съ тѣхъ поръ, въ теченіи 20 лѣтъ, для устройства водъ и удобства пріѣзжающихъ на воды больныхъ, сдѣлано еще очень много, такъ что въ настоящее время можно провести время на старорусскихъ водахъ съ дѣйствительною пользою, прожить на нихъ довольно дешево, удобно и весело.

Присутствіе соляныхъ источниковъ въ Старой Русѣ объясняется самымъ строеніемъ земныхъ пластовъ въ этой мѣстности, насколько это строеніе и расположеніе могло быть обнаружено буреніемъ артезіанскихъ колодцевъ. Подъ слоями известняковъ разнаго цвѣта и пестрыхъ мергелей, перемѣшанныхъ со слоями рыхлаго известняка и слюдистаго песчаника, прослоеннаго большими залежами раковинъ, буреніе открыло послѣдній членъ этой формаціи—древній, красный песчаникъ, въ различной степени окрашенный окисью желѣза. Извѣстный геологъ Леопольдъ фонъ-Бухъ и академикъ Эйхвальдъ, указывая на то, что возвышенныя части этой мѣстности*) составляли когда-то южный берегъ великаго сѣвернаго Океана, приходятъ къ тому выводу, что между слоями горныхъ породъ подобныхъ мѣстностей должны залегать пласты каменной соли или же заключаться, пещеры, служащія вмѣстилищемъ остатковъ первобытнаго океана.

Этими научными предположеніями, собственно, и объясняется фактъ существованія въ Старой Русѣ солено-минеральныхъ источниковъ естественныхъ и искусственныхъ. Естественныхъ источниковъ три: Старый источникъ, Бауерова шахта и Царицынская труба, доставляющіе солено-минеральную воду только для солевареннаго завода. Для минеральныхъ водъ вода доставляется двумя артезіанскими колодцами: Директорскимъ и Муравьевскимъ.

Буреніе Директорскаго колодца начато 1819 г. и окончено только въ 1830. Глубина буровой скважины весьма значительна (97 саж. слишкомъ). Количество минеральной воды, доставляемой колодцемъ, доходитъ до 210 кубич. футовъ въ минуту. Вода прозрачна, безцвѣтна и не имѣетъ запаха. При нагрѣваніи отдѣляетъ запахъ хлора. Вкусъ воды острый, горькосоленый. Температура и лѣтомъ, и зимою одинаковая, отъ 9 до 10° Р.

Муравьевскій колодецъ лежитъ къ Востоку отъ вокзала минеральныхъ водъ. Буреніе его начато въ 1857 году и окончено уже два года спустя. Вода на вкусъ менѣе остра, заключаетъ въ себѣ болѣе свободной угольной кислоты и при нагрѣваніи отдѣляетъ сѣроводородный газъ. Температура—10,8° Ц.

Для купанья на свѣжемъ воздухѣ устроены два бассейна—открытый, нагрѣваемый парами и открытый, ненагрѣваемый искусственно, и въ которомъ вода даже и въ жаркіе лѣтніе дни не бываетъ теплѣе 16° Р.

*) Въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ холмистыхъ возвышеній, которыя тянутся отъ прусскихъ береговъ Балтики черезъ Августовскую, Ковенскую, Виленскую, отчасти Витебскую, Псковскую и Новгородскую губ. и на сѣверо-востокъ до Онежскаго озера.

Избытокъ воды изъ Директорскаго колодца прежде стеченія въ рѣку Полисть, собирается въ особые пруды, гдѣ подъ вліяніемъ атмосфернаго воздуха и солнечныхъ лучей, а также и вслѣдствіе воспринимаемыхъ изъ ила органическихъ частей, образуетъ минеральную грязь, изобилующую желѣзистыми частицами. Она имѣетъ видъ жидкой и вязкой кашицы чернильнаго цвѣта и отсюда берется въ заведеніе для грязныхъ ваннъ.

Главный интересъ городской жизни составляютъ, конечно, воды и пріѣздъ больныхъ, доставляющихъ жителямъ Старой Руссы и ея окрестностей довольно значительный доходъ. Вся городская жизнь вообще складывается сообразно тому, какъ располагается день больныхъ во время лѣчебнаго сезона. Съ 7 часа утра вокзалъ уже оживляется: начинаютъ пить воды, какъ здѣшнія, такъ и привозныя, и сыворотку мѣстнаго приготовленія. Отъ 7—10 часовъ утра, играетъ музыка, въ хорошую погоду на особой открытой эстрадѣ, въ дурную—въ залѣ. Послѣ того, до полудня, вокзалъ пустѣетъ; всѣ расходятся по домамъ—отдыхать и завтракать. Затѣмъ музыка играетъ еще отъ 1 часа до 2-хъ и отъ 6 до 8 вечера.

Купанье продолжается все утро, отъ 7 часовъ утра и до 3-хъ по полудни. Между 3—4 часами почти весь городъ обѣдаетъ (врачи указываютъ на это время, какъ на лучшее для обѣда). Съ 6 часовъ начинаются, собственно говоря, прогулки, катанье на лодкахъ по Соляному озеру и загородныя поѣздки по окрестностямъ.

Любимыми мѣстами прогулокъ служатъ или большая роща, такъ называемая Сумрова, въ 3-хъ верстахъ отъ города, по новгородской дорогѣ, или живописная мыза Кречево (тоже въ 3-хъ верстахъ отъ города, на берегу р. Порусья), принадлежащая Спасопреображенскому монастырю; или, наконецъ, часовня съ чудотворною иконою Спаса (въ 7 верстахъ отъ города по осташковской дорогѣ), знаменитою по связанному съ нею преданію. Разсказываютъ, что куполъ этой часовни былъ когда-то, очень давно, сорванъ бурею со старинной церкви въ с. Вознесенскомъ и приплылъ сюда по рѣкѣ Порусью. Куполъ здѣсь подняли и отправили обратно въ с. Вознесенское. Но его вторично сорвало и принесло на то-же мѣсто. Тогда порѣшили оставить куполъ на этомъ мѣстѣ, подвели подъ него бревенчатый срубъ и соорудили часовню, которая тщательно поддерживается и понынѣ. Берегъ рѣки около часовни очень красивъ и густо поросъ кустарникомъ; тутъ-же рядомъ чистенькая рощица съ прекраснымъ родникомъ.

Цѣлью прогулокъ служатъ также и два мѣстныхъ старорусскихъ завода: солеваренный (вододѣйствующій) *), и пильный (паровой). На солеваренномъ заводѣ особенно интересно устройство градировъ, растянутыхъ на довольно большое пространство. Отъ такъ называемой машины, проведены особые, деревянные приводы, двигающіе насосами, которые поднимаютъ разсолъ на градиры; если-бы эти приводы были вытянуты въ одну прямую линію, то она равнялась-бы 8 верстамъ. Заводъ доставляетъ въ годъ около 150,000 пудовъ соли, которая не можетъ похвалиться своимъ качествомъ. Пильный заводъ, приводимый въ движеніе паромъ, распиливаетъ въ годъ до 40,000 бревенъ.

Въ дополненіе къ тому, что сказано нами о Старой Руссѣ, намъ остается еще добавить, что крестьяне ближайшихъ къ городу деревень очень богаты, потому что въ теченіе лѣта находятъ постоянно весьма выгодный сбытъ всѣмъ произведеніямъ своего хозяйства и ничто въ немъ не пропадаетъ даромъ. Любопытно, что между ними еще очень много сохранилось старинныхъ русскихъ обычаевъ, и между женщинами даже уцѣлѣлъ отчасти древній костюмъ. Такъ напр. во время весеннихъ и лѣтнихъ праздниковъ по окрестнымъ деревнямъ водятъ хороводы, а женщины и дѣвушки, при нарядѣ, считаютъ долгомъ бѣлиться и румяниться. Между праздничными нарядами встрѣчаются старинные штофные сарафаны, да и вообще шелковые сарафаны не составляютъ рѣдкости и диковины здѣсь, точно также, какъ и головныя повязки, низанныя жемчугомъ. Нѣкоторыя между ними попадаются и весьма цѣнныя, рублей по 200 и дороже; но по формѣ онѣ некрасивы. Такія-же точно повязки встрѣчаются и у старорусскихъ купчихъ.

*) Рѣка Полисть запружена повыше города; и, силою воды, на заводѣ приводятъ въ движеніе 6 вододѣйствующихъ колесъ.

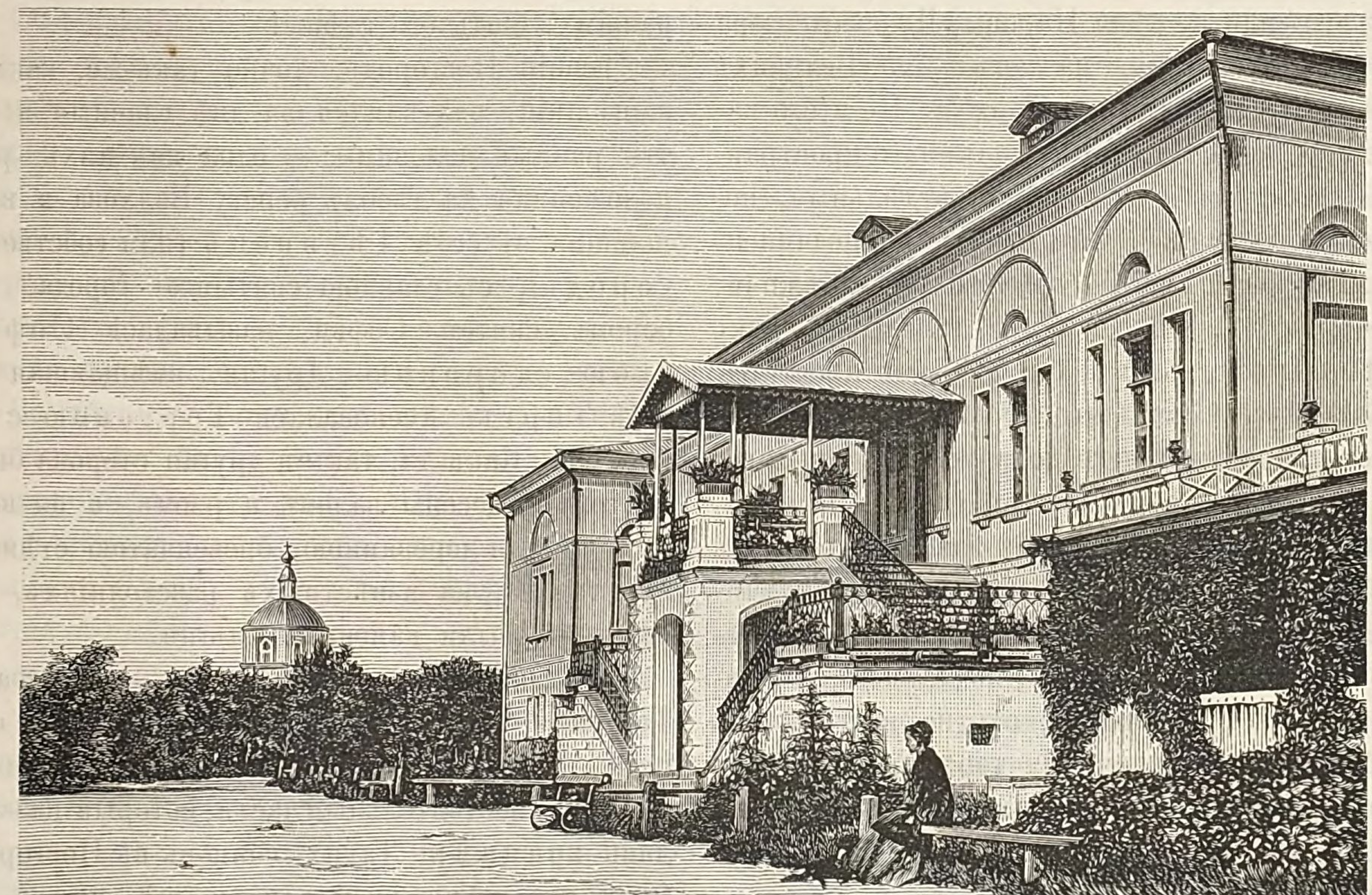
Покойный П. Якушкинъ, извѣстный собиратель пѣсенъ и страстный этнографъ-путешественникъ, въ своихъ письмахъ изъ Новгородской губ. сообщаетъ о Старой Русѣ, что въ ней каждый годъ бываютъ слѣдующія народныя гулянья, называемыя праздницкими: праздницкое Женъ Мѵроносицъ у церкви Успенія, Троицкое—у церкви Троицы, Духовское—у церкви св. Духа, Преображенское—противъ церкви Спаса Преображенія за рѣкой, Кузьмо-Демьянское—противъ бывшаго монастыря, уничтоженнаго Аракчеевымъ при постройкѣ провіантскаго магазина для поселеній. Сверхъ того Егорьевское праздницкое гулянье — весной, Никольщина — весной и зимой, Дмитріевщина и Веденьщина въ соотвѣтствующіе дни—у приходскихъ церквей. Нѣкоторыя празднества, по замѣчанію П. Якушкина, празднуются теперь вовсе не по-прежнему. Такъ напр., въ былое, давнее время (по расказамъ старорускихъ старожиловъ), наканунѣ Ивана-Купала, за воротами ставили выкопанный кустъ дѣдовника (репейника) и этотъ кустъ долженъ былъ на томъ мѣстѣ оставаться, пока не завянетъ; а вечеромъ, въ тотъ же день, „на улицахъ раскладывали кучи жгучей крапивы, черезъ которыя прыгали парни и дѣвушки“. Почтенный наблюдатель, сообщая объ этомъ любопытномъ обычаѣ, не обращаетъ вниманія на то, что и онъ уже является подновленіемъ болѣе древней и болѣе распространенной формы того же обычая: кучи жгучей крапивы здѣсь, очевидно, являются замѣною тѣхъ купальскихъ костровъ, которые неудобно и опасно было раскладывать въ городѣ...

Такъ вымираетъ всюду старина, то замѣняемая новизною, то вытѣсняемая иными, болѣе тѣсными рамками городской жизни.

IV.

Древній Новгородъ и его внутреннее устройство. — Очеркъ исторіи Новгорода отъ древнихъ временъ и до XVII вѣка. — «Господинъ Великій Новгородъ»; его значеніе въ древне-русской жизни, его могущество и богатство. — Новгородскія древности. — Новгородскій музей.

Исторія Великаго Новгорода принадлежитъ къ любопытнѣйшимъ отдѣламъ древне-русской исторіи, и жизнь этого дѣятельнаго, могущественнаго и богатаго торговаго центра представляетъ собою одно изъ наиболѣе замѣчательныхъ проявленій древне-русской жизни. Когда былъ основанъ на берегахъ Волхова Великій Новгородъ, когда возникъ онъ „изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ“—этого невозможно опредѣлить на основаніи точныхъ историческихъ данныхъ. Несомнѣнно, однакоже, то, что городъ основался и пріобрѣлъ себѣ значеніе гораздо ранѣе той эпохи, съ которой мы обыкновенно начинаемъ нашу исторію: — имя Новгорода, богатаго и многолюднаго, прославлялось уже древнѣйшими скандинавскими сагами...

Старо-русскія минеральныя воды. Вокзалъ и садъ.

Находясь въ самомъ средоточіи двухъ важнѣйшихъ торговыхъ путей, искони пролегавшихъ здѣсь, Новгородъ, сверхъ того, представлялъ собою такой пунктъ, изъ котораго путь былъ открытъ во всѣ стороны „свѣта бѣлаго“: по Волхову — къ Балтійскому прибрежью, по

Bayerische Staatsbibliothek München

Ильменю и Ловати — на югъ, къ верховьямъ Днѣпра, по Мстѣ и рѣкамъ озерной полосы— къ Бѣлому морю, по рѣкѣ Полѣ („Селигерскимъ путемъ)—къ верховьямъ Волги и далекому за-Камскому краю.

Такое выгодное положеніе Великаго Новгорода должно было рано развить въ его жителяхъ духъ смѣлой предпріимчивости и стремленія къ колонизаціи. И мы, дѣйствительно, видимъ, что уже очень рано новгородская земля начинаетъ быстро расширяться во всѣ стороны, всюду разсылая ватаги своихъ неустрашимыхъ купцовъ-воиновъ. Уже въ XI вѣкѣ эти ватаги проникаютъ въ отдаленную Югру, а въ XII—новгородскія земли уже захватываютъ все пространство на сѣверъ до Ладожскаго и частію до Онежскаго озеръ, на западъ — до Финскаго залива, рѣки Наровы, Чудскаго озера и границъ Ливоніи, на югъ — до Великихъ Лукъ, и на востокъ—до Торжка. Но этого мало: и за предѣлами этого обширнаго пространства земель, разбросаны были отдѣльныя, нетѣсно слитыя съ Новгородомъ, но подчиненныя ему волости: Егна на Мологѣ, Бѣжичи, Волокъ и Вологда. И далѣе къ сѣверу и къ сѣверо-востоку, на тысячи верстъ, простиралось обширное Заволочье—громадный край отъ верховьевъ рѣки Онеги до рѣки Мезени, заселенный множествомъ новгородскихъ колоній. Но духъ предпріимчивости и беззавѣтная удаль новгородцевъ влекли ихъ еще далѣе, въ туманную Печору и Югру—и обитавшія тамъ племена инородцевъ, хотя не подчинялись Новгороду вполнѣ, однакоже, охотно вступали съ Новгородомъ въ сношенія торговыя, платили даже ему дани, и признавали далекій прославленный городъ своимъ „господиномъ и владыкой“.

Топографическое и географическое положеніе древняго Новгорода, дѣйствительно, можно назвать исключительнымъ въ смыслѣ тѣхъ благопріятныхъ условій, которыми Новгородъ обладалъ не только для развитія торговли, но и для обезпеченія безопасности самого города. Совершенно неприступный съ суши во время разлива, Новгородъ и въ остальное время года былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ водами четырехъ небольшихъ притоковъ Волхова, которые составляли какъ-бы естественный ровъ для укрѣпленій города. Къ тому-же, на западѣ, почти у самого города, начинались дремучіе, непроходимые лѣса и топи. Только принявъ въ соображеніе всѣ эти условія, мы получаемъ возможность понять, почему именно Новгородъ не подвергался тѣмъ страшнымъ грабежамъ и разгромамъ, которые такъ часто обрушались на всѣ остальные города древней Руси. Поставленный въ сторонѣ отъ княжескихъ усобицъ, Новгородъ счастливо избѣгнулъ и другихъ грозныхъ хищниковъ, терзавшихъ древнюю Русь... Литовскіе набѣги никогда не простирались далѣе Русы и прибрежій Ильменя, и даже татарскія полчища подходили къ Новгороду не ближе, какъ на сто верстъ. Св. Софья такъ крѣпко хранила свой городъ, что до конца XV вѣка городъ ни разу не былъ взятъ „на щитъ“ ни одною изъ многочисленныхъ ратей, подступавшихъ подъ его стѣны!

Древній Новгородъ, точно такъ-же, какъ и нынѣшній, раздѣлялся на двѣ главныя и почти равныя половины: —одна изъ нихъ, расположенная на лѣвомъ берегу Волхова и вмѣщавшая въ себѣ Дѣтинецъ (или собственно городъ), съ главною святынею города, соборомъ святой Софьи, называлась Софійскою стороною. Другая, вмѣщавшая въ себѣ Торгъ, именовалась Торговою стороною. Какъ та, такъ и другая сторона были кругомъ обнесены валомъ и рвомъ, а по валу тыномъ или деревянною, бревенчатою стѣною; среди вала, на извѣстныхъ разстояніяхъ, поставлены были каменныя башни.

Двѣ главныя половины города—Софійская и Торговая стороны — дѣлились, въ свою очередь, на меньшія и далеко неравномѣрныя, но вполнѣ самостоятельныя части, которыя назывались концами. Такихъ концовъ въ Новгородѣ (какъ это можно видѣть на планѣ, на стр. 53) было пять: два на Торговой сторонѣ (Славенскій и Плотенскій или Плотницкій) и три на Софійской (Людинъ, Неревскій и Загородскій *). Наиболѣе возвышенная, восточная часть Софійской стороны, лежавшая ближе къ берегу Волхову, между этими тремя концами—занята была Дѣтинцемъ, который былъ сильно укрѣпленъ, обнесенъ каменною стѣною съ многими высокими башнями и крѣпкими воротами.

*) Людинъ иногда назывался иначе Гончарскимъ.

Нынѣшній Дѣтинецъ, конечно, не можетъ дать намъ никакого понятія о томъ, что представлялъ собою древній новгородскій Дѣтинецъ даже до конца XVII вѣка. Въ настоящее время мы видимъ въ Дѣтинцѣ, кромѣ собора св. Софьи, всего пять церквей, да три-четыре большихъ казенныхъ зданія. Не таковъ былъ Дѣтинецъ въ цвѣтущую эпоху Новгорода! Тогда въ немъ помѣщалось 26 церквей, 152 жилыхъ двора и 36 лавокъ, изъ чего можно заключить, что весь Дѣтинецъ былъ въ это время густо заселенъ и тѣсно застроенъ. Въ Дѣтинецъ, съ разныхъ сторонъ, вели изъ города пятеры ворота. Надъ всѣми этими воротами, по благочестивому обычаю того времени, были построены церкви, отъ которыхъ ворота собственно и получали названіе.

Сѣверная и сѣверо-восточная части Дѣтинца были совершенно отдѣлены отъ остального пространства внутри его. Въ этой части помѣщались: дворъ св. Софьи и дворъ владычень. Какъ тотъ, такъ и другой были обнесены тыномъ и стѣнами, внутрь которыхъ вели трои ворота: Златоустовскія, Петровскія и Исповѣдницкія. Надъ этими воротами также упоминаются построенныя надъ ними церкви.

Во владычнѣ дворѣ, который, вѣроятно, былъ значительно болѣе нынѣшняго архіерейскаго двора, помѣщалось много великолѣпныхъ, по тому времени, и всячески изукрашенныхъ каменныхъ зданій. Тутъ стояла и гридница владычня съ сѣнями, на которые торжественно возводимы были владыки въ день ихъ избранія; и теремъ великій, окруженный всякими пристройками, въ видѣ палатокъ и „комнатъ“; и знаменитая Евфиміевская палата съ 30-ю дверьми, для постройки которой изъ-за-моря были выписаны иноземные мастера. Надъ этою палатою гордо высилась „духовница каменная“, нынѣшняя Евфиміевская башня—самое высокое изъ всѣхъ новгородскихъ зданій, а на той духовницѣ устроены были первые въ Россіи „часы звонящіе“. Около этихъ зданій тѣснились каменныя „пекельницы, ключницы, поварни“ и другія службы, въ которыхъ помѣщалась обширная свита и дворня владыки. Не смотря на эту массу каменныхъ построекъ, которыя лѣтопись и другія памятники упоминаютъ на владычнемъ дворѣ, онъ былъ, однако-же, настолько обширенъ, что на немъ оказывалось возможно иногда созывать вѣче по вопросамъ, близко касавшимся управленія новгородскою церковью, а также и дѣлать нѣкоторыя важныя приготовленія къ войнѣ, которыя требовалось выполнить быстро и тайно.

Рядомъ съ владычнимъ дворомъ, въ тѣсной связи съ нимъ, но все-же отдѣльно отъ него, расположенъ былъ дворъ св. Софьи, помѣщавшійся около собора и, вѣроятно, ничѣмъ незастроенный и довольно обширный, такъ какъ на немъ весьма часто созывались на вѣче граждане, жившіе на Софійской сторонѣ (во время несогласій, возникавшихъ между Софійской и Торговой сторонами), но иногда сходились граждане и обѣихъ сторонъ. Остальная часть Дѣтинца, прилегавшая къ дворамъ владычнему и св. Софьи, носила названіе Околотка. По всѣмъ вѣроятіямъ, въ Околоткѣ жили только причты тѣхъ церквей, которыя въ немъ находились, а также и многочисленный клиръ и служилый чинъ св. Софьи, который былъ извѣстенъ въ Новѣгородѣ подъ общимъ именемъ Софьянъ. Должно предполагать, что Дѣтинецъ не могъ вмѣстить въ себѣ всѣхъ служившихъ владыкѣ, потому что часть ихъ помѣщалась на Островкѣ. Подъ этимъ именемъ и теперь извѣстно небольшое пространство волховскаго берега, съ сѣверо-восточной стороны прилегающее къ стѣнамъ Дѣтинца.

Въ Островокъ вели изъ Дѣтинца и понынѣ еще уцѣлѣвшія водяныя ворота, получившія свое названіе отъ того, что черезъ нихъ совершались нѣкогда ежемѣсячные крестные ходы на рѣку для водосвятія.

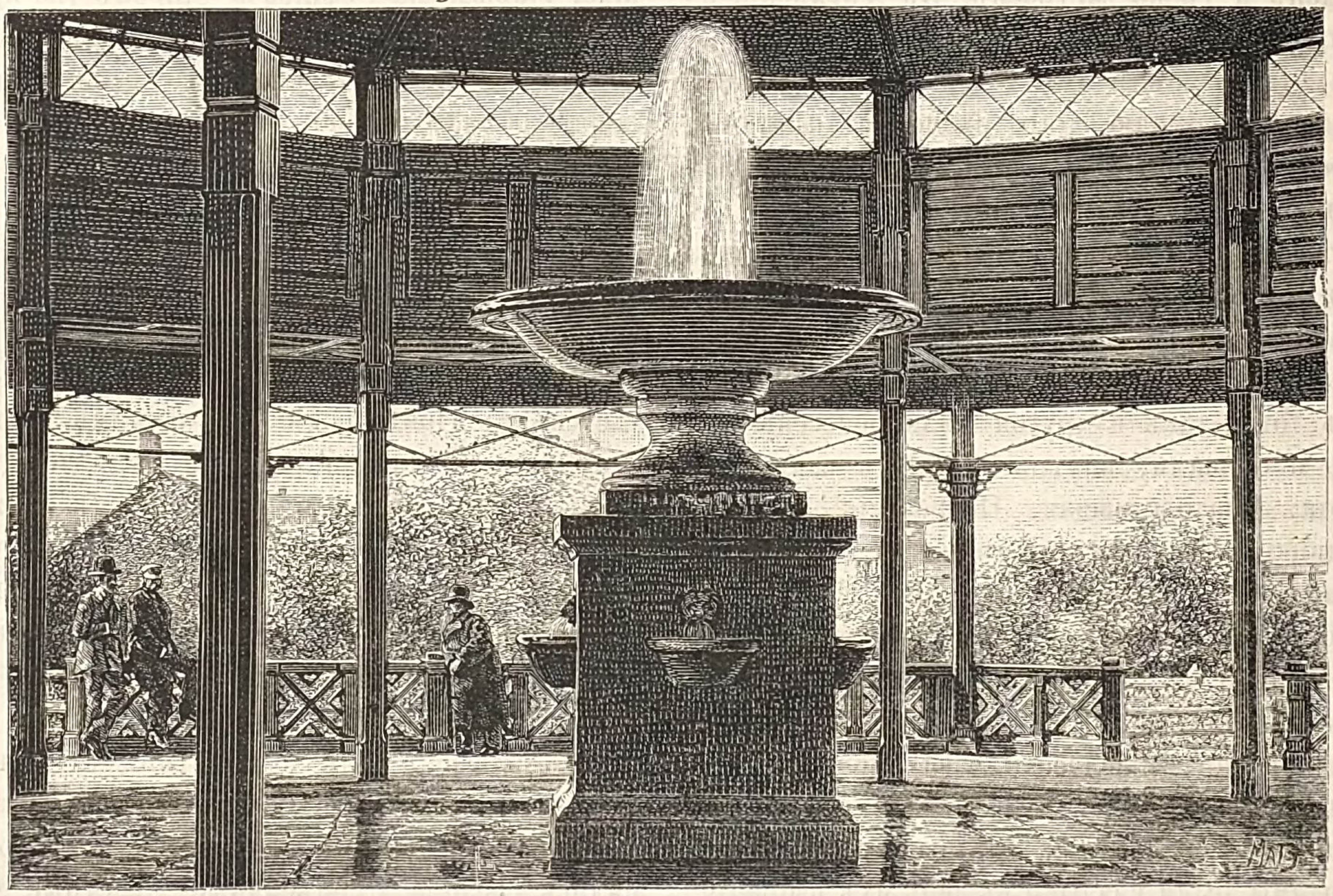
Дѣтинецъ вообще, а въ особенности владычній дворъ и дворъ св. Софьи, представляли собою такіе крѣпкіе пункты, внутрь которыхъ не легко было проникнуть безъ соизволенія на то владыки, полнаго хозяина всего Околотка. Ворота Дѣтинца, по крайней мѣрѣ, тѣ, которыя выходили на Волховъ къ мосту, оберегались постоянною стражею, и, вѣроятно, всѣ входы и выходы Дѣтинца на-крѣпко запирались, какъ только въ городѣ проявлялись первые признаки какой-нибудь распри или мятежа. Дворъ св. Софьи, какъ и дворъ владычень, охраняемый общимъ уваженіемъ народа къ мѣстной святынѣ и къ высокому сану владыки, очевидно, оберегался весьма зорко и самымъ населеніемъ Дѣтинца, и тою небольшою, но

избранною стражею, которую мы видимъ около Новгородскаго владыки подъ названіемъ „владычняго стяга" (т. е. полка). Сюда, какъ въ самое вѣрное и безопасное мѣсто, стекались со всѣхъ концовъ Новгородской земли великія сокровища церковныя и здѣсь сохранялись они подъ общимъ названіемъ „Софійской казны".

Здѣсь-то, въ этомъ тихомъ пристанищѣ, подъ защитою владыки и подъ кровомъ св. воинствомъ", и живою преградою становился между сошедшимися на битву безумцами.

На сѣверъ и сѣверо-западъ отъ Дѣтинца простирался самый обширный изо всѣхъ концовъ Софійской стороны—Неревскій. Въ немъ, по лѣтописи, насчитываютъ болѣе 20 церквей.

Ближе къ Дѣтинцу, въ томъ мѣстѣ городскаго сада (посаженнаго не очень давно), гдѣ стоитъ на бугрѣ бесѣдка, стоялъ нѣкогда „чуд-

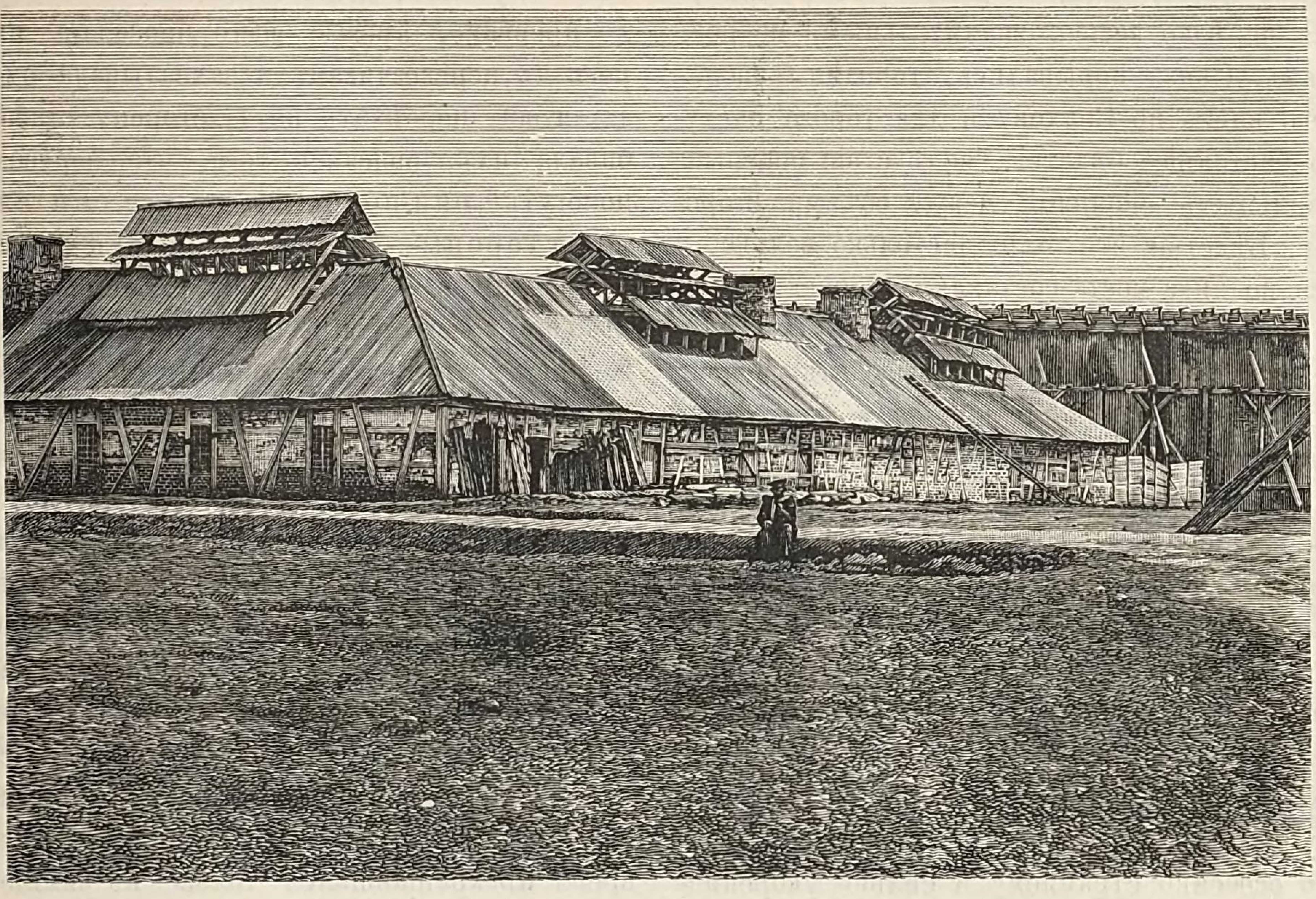
Старо-русскія минеральныя воды. Артезіанскій фонтанъ.

Софіи, искали себѣ спасенія люди, которымъ не оставалось болѣе никакой надежды укрыться отъ разъяренной толпы, жаждавшей убійствъ и раззоренія. Сюда-то прибѣгали съ вѣча посадники и тысяцкіе и вячшіе мужи новгородскіе въ тѣ минуты, когда междоусобіе грозило гибелью Новгороду и кровавая распря принимала такіе размѣры, съ которыми имъ совладать было уже не подъ силу. Тогда, внемля ихъ мольбамъ и горячо радѣя о благѣ дорогихъ согражданъ, владыка отъ себя посылалъ приближенныхъ людей унимать разъяренныя толпы, а въ крайнемъ случаѣ и самъ выходилъ изъ Дѣтинца, окруженный „Христовымъ ный дворъ Мароы Посадницы", о пожарѣ котораго упоминаетъ лѣтопись подъ 1477 г.

Между Неревскимъ и Людинымъ помѣщался наименьшій изъ концовъ Софійской стороны—Загородскій. Онъ состоялъ только изъ двухъ улицъ—Прусской и Чудинцевой и, такъ-называемаго, Митрополича-Острова, небольшой части города, прозванной по тому, что митрополитъ получалъ тамъ помѣщеніе во время своихъ пріѣздовъ въ Новгородъ.

Главнымъ центромъ Софійской стороны была Прусская улица, на которой находились дома знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ гражданъ—бояръ и посадниковъ. Здѣсь сосредоточивались всѣ

общіе интересы Софійской, преимущественно аристократической стороны Новгорода, здѣсь поднимались всѣ движенія чисто-политическаго характера, здѣсь вырабатывались тѣ идеи, которыя волновали бурное вѣчевое море... Такъ какъ Софійская сторона служила постояннымъ мѣстомъ жительства посаднику, то и всѣ концы ея дружно стояли на вѣчѣ за посадника, и хотя не всегда всѣ концы Софійской стороны

Старо-русскія минеральныя воды. Солеваренный заводъ.

участвовали въ вѣчевой борьбѣ за посадника, но за то мы не видимъ примѣровъ, чтобы концы Софійской стороны выступали противъ посадника.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда городъ раздѣлялся на партіи и одна сторона рѣшалась выступить противъ другой, отстаивая свои интересы, Софійская сторона избирала для своихъ сборищъ опредѣленные пункты. Однимъ изъ такихъ пунктовъ для Неревскаго конца была церковь Сорокà святыхъ, нынѣ не существующая, но находившаяся нѣкогда, во время вѣчевыхъ порядковъ, недалеко отъ церкви Козьмы и Даміана, т. е. того мѣста, на которомъ въ настоящее время видимъ церковь Тихвинской Божіей Матери. Другимъ пунктомъ сборищъ была церковь Бориса и Глѣба въ Околоткѣ, представлявшая, вѣроятно, и то удобство, что съ ея колокольни можно было наблюдать за всѣмъ, происходившимъ на сторонѣ Торговой.

Этотъ послѣдній пунктъ сборищъ въ особенности важенъ для характеристики значенія владыки и его отношеній къ вѣчевымъ движеніямъ и борьбѣ городскихъ партій. Церковь Бориса и Глѣба находилась въ двухъ шагахъ отъ владычня двора и двора св. Софіи. Есть даже основаніе думать, что, когда эти сборища происходили около Бориса и Глѣба, владыка очевидно не только не могъ, но и не хотѣлъ имъ воспрепятствовать, находясь въ тѣсныхъ связяхъ съ большинствомъ знатнѣйшихъ гражданъ Софійской стороны.

Важнымъ связующимъ звѣномъ между обѣими сторонами — Софійской и Торговой — служилъ деревянный Волховской мостъ, соединявшій обѣ стороны. Онъ состоялъ изъ плавучихъ бревенчатыхъ срубовъ или городень, ко-

торые, вѣроятно, были прикрѣплены якорями къ рѣчному дну и между собою скрѣплены продольными деревянными связями и путами. Старый новгородскій мостъ находился нѣсколько выше нынѣшняго и, при такой глубинѣ, при такой ширинѣ рѣки, долженъ былъ представлять сооруженіе довольно мудреное по тому времени. А такъ какъ Волховъ вообще очень прихотливъ и буренъ, и съ Ильменя, особенно во время ледохода, на мостъ иногда внезапно должны были наваливаться большія массы льда, то мостъ этотъ подвергался нерѣдко весьма значительнымъ поврежденіямъ. Связи порывались, городни уносило далеко внизъ по Волхову и для города наступало настоящее бѣдствіе, вслѣдствіе перерыва правильныхъ сношеній между обѣими сторонами. Бѣдствіе это было настолько велико, и самая починка моста составляла такую тягостную повинность для горожанъ, что были случаи, когда владыко, желая пособить общему горю и ускорить поправку моста, вступался въ постройку новаго моста, ставилъ его „на свои деньги и своими людьми". Нерѣдко случалось, однако-же, что мостъ разрушали и не ильменскія, не волховскія бури, а гораздо болѣе страшныя бури народныя. Предвидя „гѣлку" (мятежъ) и желая предотвратить кровопролитіе, благоразумные граждане той или другой стороны разрушали мостъ по срединѣ Волхова и тѣмъ самымъ давали время уняться разбушевавшимся народнымъ страстямъ.

По особенно странному и сильно укоренившемуся въ народѣ обычаю, волховской мостъ игралъ въ обыденной жизни Новгорода еще одну роль: онъ служилъ мѣстомъ казни, опредѣленной народнымъ самосудомъ для тѣхъ, кто возбуждалъ противъ себя ярость толпы. Виновнаго сталкивали съ середины моста въ Волховъ...

Если ко всему сказанному о волховскомъ мостѣ добавить еще, что какъ со стороны Софійской онъ упирался въ ворота Дѣтинца, такъ и со стороны Торговой въ ворота ограды, окружавшей Торговую сторону, то мы этимъ можемъ закончить описаніе Софійской стороны и перейти на Торговую.

Не мѣшаетъ замѣтить, что и помимо моста, постоянное сообщеніе между Софійской и Торговой стороной поддерживалось массою лодокъ и челновъ, которые безпрестанно сновали по рѣкѣ взадъ и впередъ. Перевозчиками были „рыбники", которые въ XIV—XV вѣкѣ точно также занимали мѣсто берега Торговой стороны, пониже моста, какъ они занимаютъ его и теперь. При частыхъ починкахъ и перестройкахъ моста, при частыхъ перерывахъ сообщенія между сторонами (естественныхъ и насильственныхъ) эти перевозчики и ихъ суда играли не малую роль въ народныхъ движеніяхъ новгородскихъ. Разъяренная толпа, стремившаяся съ Торговой стороны на Софійскую, въ тѣхъ случаяхъ, когда сообщеніе по мосту было прервано, прежде всего бросалась на берегъ къ перевозчикамъ и захватывала ихъ суда, чтобы переѣхать на ту сторону, либо разбивала ихъ, опасаясь того, что перевозчики помогутъ „óни-половцамъ", т. е. жителямъ той стороны—перевезтись на ихъ сторону.

Весь правый берегъ Волхова, прилегавшій къ Торговой сторонѣ, какъ выше, такъ и ниже моста, былъ заставленъ судами, которыя приходили къ Новгороду изъ-за моря, по Волхову, или по рѣкамъ и вóлокамъ изъ отдаленнаго днѣпровскаго и волжскаго низовья. Нагрузка и выгрузка этихъ судовъ производилась тутъ-же, прямо на берегу, который былъ незастроенъ у воды и вдоль котораго шли буяны или склады товаровъ, принадлежавшіе различнымъ торговымъ общинамъ, а можетъ быть, и частнымъ лицамъ, отчего и самая улица, проходившая вдоль берега, называлась Буянью. Тутъ кипѣла постоянная работа, на время прекращавшаяся только въ зимніе мѣсяцы, когда заморскій товаръ и русскій шли въ Новгородъ не водянымъ путемъ, а „горою".

Славенскій конецъ имѣлъ весьма важное значеніе въ древнемъ Новгородѣ потому, что около нѣкоторыхъ пунктовъ его сосредоточивались важнѣйшія отправленія внутренней жизни и обширной торговой дѣятельности Новгорода. Главнымъ средоточіемъ Славенскаго конца былъ Торгъ и смежное съ нимъ Ярославово Дворище. Ярославовъ Дворъ, или правильнѣе Ярославово Дворище (т. е. мѣсто бывшаго Ярославова двора), вовсе не былъ дворомъ княжескимъ и никогда не служилъ мѣстопребываніемъ новгородскимъ князьямъ. Точно такъ-же, какъ и въ Кіевѣ, „Ярославль дворъ" новгородскій былъ главнымъ центромъ городского управленія и вѣчевыхъ собраній, на которыхъ рѣшались

гражданами важнѣйшіе вопросы, касавшіеся какъ внутренняго управленія, такъ и внѣшней политики Новгорода. Намъ положительно неизвѣстно устройство Ярославля-Двора въ ту пору, когда онъ служилъ вѣчевою площадью. Знаемъ только, что церквей на Дворищѣ было болѣе, чѣмъ теперь — не четыре, а семь; что кромѣ церквей, окружавшихъ площадь Дворища, на немъ была гридница каменная, въ которой, по предположенію нѣкоторыхъ ученыхъ, помѣщались дьяки, записывавшіе рѣшенія вѣча, и архивъ, въ которомъ хранились вѣчевыя грамоты. Около этой гридницы, можетъ быть, помѣщалась и та степень или возвышенный помостъ, на которомъ возсѣдали вѣчевыя власти и съ котораго говорили посадники, обращаясь къ народу. Здѣсь-же, на Дворищѣ, висѣлъ и вѣчевой колоколъ, по звону котораго собирались горожане на вѣче; но былъ-ли онъ повѣшенъ на отдѣльной башнѣ, или на колокольнѣ Никольскаго собора—этого въ настоящее время рѣшить невозможно, да и лѣтописныя извѣстія не даютъ намъ на этотъ вопросъ никакого опредѣленнаго отвѣта.

Южнѣе Ярославова Дворища и ближе къ берегу Волхова расположены были дворы иноземныхъ купцовъ, торговавшихъ съ Новгородомъ,—Нѣмецкій (Ганзейскій) и Готьскій. Одною стороною своею дворы эти, вѣроятно, примыкали къ Варецкой (Варяжской) улицѣ, быть можетъ, получившей свое названіе отъ Варяжской божницы. Вблизи обоихъ иноземныхъ дворовъ стояла церковь Іоанна Крестителя, и въ ея оградѣ, въ извѣстные часы дня, производились между русскими и иностранными купцами торговыя сдѣлки, рѣшались тяжбы, чинился судъ и расправа. На каждомъ изъ обоихъ иноземныхъ дворовъ была своя церковь: на нѣмецкомъ церковь св. Петра, на готьскомъ — св. Олафа; о первой знаемъ, что она была каменная.

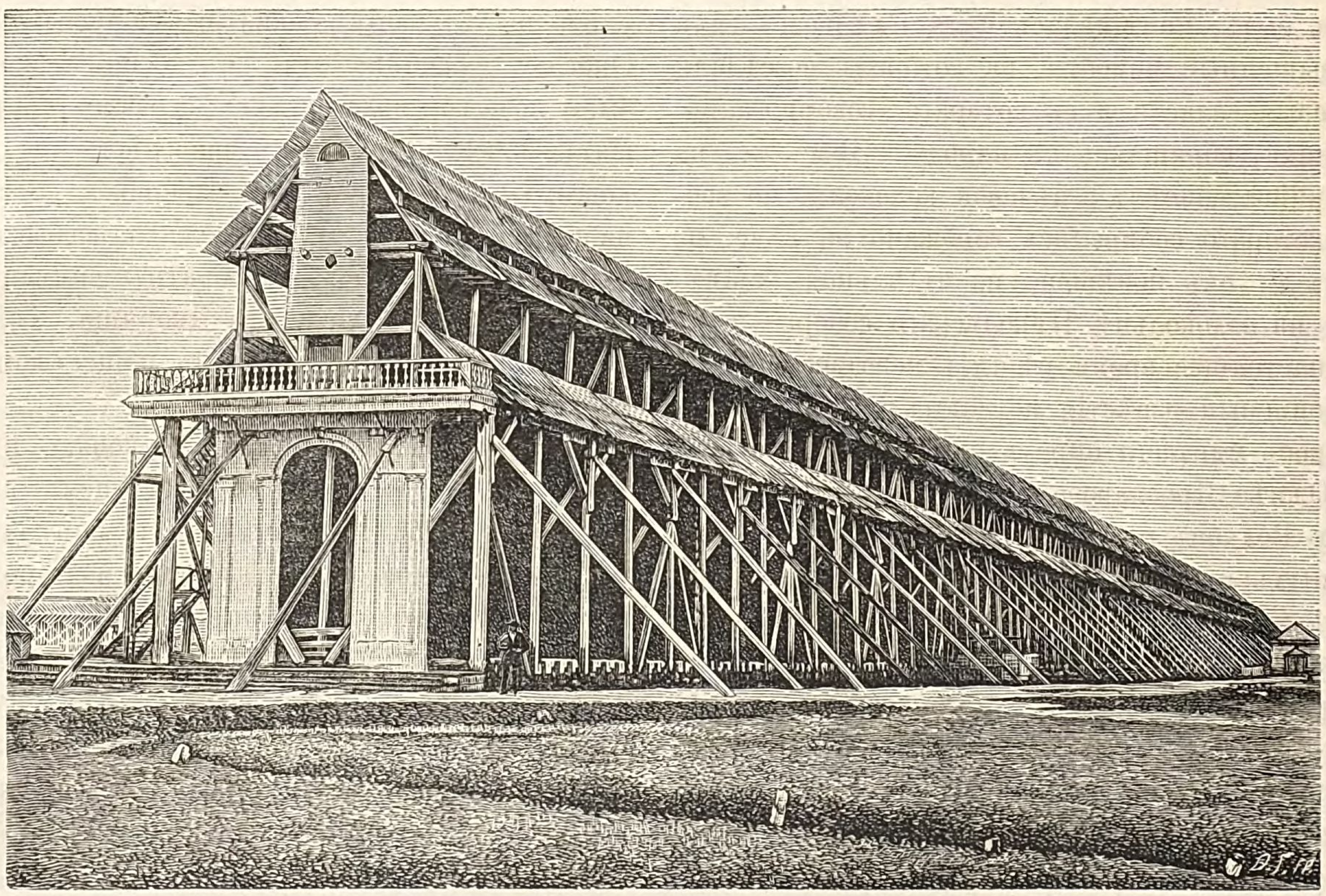
Вблизи Ярославова Дворища, по ту сторону торговой площади, стоялъ также цѣлый рядъ церквей, изъ которыхъ доселѣ уцѣлѣли: приходская св. Георгія (XII в.) и нынѣ еще богатая и, ближе къ берегу, церковь Іоанна Предтечи, прежде называвшаяся „на опокахъ„ или „на Петрятинѣ Дворищѣ". Эта церковь, въ настоящее время одна изъ бѣднѣйшихъ заштатныхъ церквей новгородскихъ, была въ цвѣтущую эпоху Новгорода весьма важнымъ торговымъ центромъ. Построенная въ 1127 г. княземъ Всеволодомъ (Гавріиломъ) Мстиславичемъ, она получила отъ него особыя весьма важныя права и преимущества, которыя быстро способствовали ея возвышенію и обогащенію. При этой церкви хранились вѣсы, которые должны были служить образцомъ для всѣхъ остальныхъ вѣсовъ на Торгу, и за правильностью которыхъ должна была наблюдать особая корпорація торговыхъ старостъ, избиравшихся изъ кружка „Иванскихъ купцовъ", т. е. приписанныхъ къ купеческой общинѣ, собиравшейся во дворѣ церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ. Община эта, въ которую попасть было нелегко, пользовались особыми привилегіями и вообще важнымъ значеніемъ въ средѣ новгородскаго купечества. Иванской церкви и на берегу Волхова принадлежало особое складочное мѣсто. Нельзя не обратить вниманія на то, что, послѣ Ярославова Дворища, Іоаннь дворъ былъ самымъ важнымъ общественнымъ мѣстомъ на Торговой сторонѣ.

На пространствѣ между церковью Іоанна Предтечи и Ярославовымъ Дворищемъ на обширной площади, круглый годъ кипѣлъ своею неумолкаемою дѣятельностью новгородскій Торгъ, особенно оживлявшійся по пятницамъ, въ базарные дни, когда въ Новгородъ съѣзжались поселяне изъ окрестностей; тутъ тянулись къ берегу и отъ берега длинные обозы товаровъ, которые грузились въ суда или выгружались на берегъ и развозились въ отдаленные концы города, по церковнымъ кладовымъ и подваламъ, подъ охрану мѣстныхъ святынь. Тутъ постоянно, съ моста и на мостъ, шли и ѣхали люди, спѣшившіе съ Торговой на Софійскую, съ Софійской на Торговую сторону... Среди тѣсно нагроможденной и постоянно-оживленной массы деревянныхъ и лубяныхъ балагановъ и лавчонокъ, среди пестрой груды наваленныхъ всюду разнородныхъ заморскихъ и русскихъ товаровъ, суетилась и двигалась толпа народа, въ которой можно было встрѣтить и тверича, и суздальца, и псковича, и смольнянина, и заморскаго гостя нѣмецкаго, представителя закаленныхъ ганзейскихъ торговыхъ дружинъ.

На торгъ выходили подвойскіе и биричи сзывать народъ „на свѣтлый пиръ княжескій"; на

Торгъ являлись и тѣ сынки боярскіе, которымъ тѣсенъ казался Новгородъ: — здѣсь вербовали они себѣ дружины „удалыхъ добрыхъ молодцевъ“, набирая ихъ изъ той безличной массы бездомныхъ бѣдняковъ и бродягъ, которыми такъ богатъ былъ Новгородъ.

И что-бы ни происходило въ Новгородѣ важнаго, замѣтнаго, составляющаго явленіе въ ежедневной городской жизни, все непремѣнно должно было коснуться Торга. Татарскіе-ли численники пріѣзжали въ Новгородъ: князь прежде всего выѣзжалъ съ ними на Торгъ; волхвовъ-ли везли жечь на Ярославово Дворище: ихъ нельзя было провести мимо Торга; на крестный-ли ходъ, или на встрѣчу митрополиту выходило духовенство торжественною процессіей изъ Дѣтинца, путь ему лежалъ непремѣнно черезъ Торгъ. На Торгу, между Иванскимъ подворьемъ и Ярославовымъ дворомъ, былъ главный центръ, въ который отовсюду, изъ всѣхъ концовъ Новгорода и обширной новгородской земли, сходились первыя, самыя свѣжія вѣсти и здѣсь находили онѣ себѣ постоянно живые отголоски. Сюда приходилъ инокъ разсказывать о томъ, что вчера въ ихъ обители случилось небывалое чудо: „звукъ дивный въ маковицѣ церкви слышался двѣ ночи сряду“, или о томъ, что вся братія видѣла „змѣй огненный летящъ“; сюда приходилъ холопъ съ горькими жалобами на своего господина; сюда приносилъ лихой ушкуйникъ первыя вѣсти о гибели товарищей на далекой чужбинѣ, среди лѣсовъ Печоры и снѣжныхъ пустынь Югры.

Старо-русскія минеральныя воды. Градирни (общій видъ).

За то здѣсь-же, на Торгу, и поднимались всѣ тѣ страшныя народныя бури, которыя наводили невольный ужасъ на непривычныхъ къ нимъ заѣзжихъ людей, а для кореннаго новгородца составляли весьма обычное зло, неразлучное съ обыденномъ теченіемъ вѣчевой жизни.

Едва только на вѣчѣ высказывались первые признаки смуты, какъ они уже находили себѣ отголоски въ толпѣ, постоянно наполнявшей торговище. „Нашихъ бояръ къ отвѣту требуютъ“, передавалъ мимоходомъ кто-нибудь, спѣшившій съ вѣча на Софійскую сторону. „Посадникъ съ боярами насъ ограбить хочетъ“,

кричалъ другой, являясь въ толпу съ вѣча. „Посадникъ нашего Иванка князю головой выдалъ!“ кричалъ третій. Толпа начинала волноваться и приливать къ вѣчу. Громче всѣхъ кричали въ ней тѣ, кому терять было нечего, та голытьба, которая готова была идти за кого угодно, лишь-бы ей доставили возможность размять плечи и поживиться на чужой счетъ... Почуявъ голку, благоразумные спѣшили по домамъ, купцы запирали лавки, заморскіе гости-нѣмцы замыкались на своихъ крѣпкихъ дворахъ, гонцы бѣжали съ вѣча во всѣ стороны требовать поддержки отъ концовъ... И вдругъ мѣнялась физіономія города: со всѣхъ концовъ спѣшили къ вѣчу люди, и старый, и малый, въ броняхъ и оружіи, всюду раздавался по церквамъ призывный перезвонъ, и концы, собираясь подъ свои стяги, шли къ торговищу рѣшать борьбу, завязавшуюся тамъ между партіями. И счастливы были тѣ, кому удавалось убраться съ вѣча до этого общаго сбора всѣхъ гражданъ, до той минуты, когда къ главному поводу несогласій, которыя возникли на вѣчѣ, успѣвалъ

Старо-русскія минеральныя воды. Добыча соленой грязи.

примѣшаться никогда неумолкавшій въ Новгородѣ голосъ меньшихъ людей, угнетаемыхъ и обираемыхъ бо́льшими, голосъ безправной, бездомной нужды и недовольства властью... Расправа народная бывала ужасна! Напрасно старался укрыться отъ нея намѣченный народомъ посадникъ или бояринъ; напрасно искалъ онъ убѣжища въ одной изъ церквей, стоявшихъ на дворищѣ... И его, и его сторонниковъ толпа хватала, убивала тутъ-же на вѣчѣ, либо влекла на волховскій мостъ и бросала въ мутныя волны Волхова. Но и этимъ актомъ жестокости не удовлетворялось иногда народное мщеніе: „пойдемъ на онъ-полъ (т. е. на ту сторону), разграбимъ дворы боярскіе, возьмемъ ихъ на щитъ, раздѣлимъ по зубу!“ кричали зачинщики движенія и коноводы толпы. И толпа устремлялась на Софійскую сторону, или въ тотъ уголъ Торговой, гдѣ находился дворъ ненавистнаго боярина,—все разрушала, жгла и грабила, а когда грабить было больше нечего—разбивали кстати и находившіеся вблизи монастырскіе и церковные подвалы, подъ тѣмъ

предлогомъ, будто тамъ скрываются „житницы боярскія“.

Вообще говоря, Словенскій конецъ былъ самымъ богатымъ и самымъ населеннымъ изъ всѣхъ концовъ древняго Новгорода, вліятельнымъ уже по самому составу населенія, преимущественно принадлежавшаго къ торговому сословію. Значеніе Словенскаго конца особенно ясно выказывается въ томъ, что бывали случаи, когда Славенцы одни рѣшались выступать противъ всей Софійской стороны; а когда они соединялись съ Плотенскимъ концомъ, то борьба Софійской стороны съ Торговою становилась совершенно неравною.

Гораздо менѣе важнымъ по отношенію къ внутренней жизни Новгорода былъ конецъ Плотенскій или Плотницкій, преимущественно заселенный ремесленниками.

Лѣтопись не упоминаетъ намъ ни объ одномъ несогласіи между Славенскимъ и Плотенскимъ концами и почти постоянно ставитъ Плотенскій конецъ рядомъ со Славенскимъ въ извѣстіяхъ обо всѣхъ общихъ движеніяхъ Торговой стороны противъ Софійской или противъ князя. Очевидно, что связи между обоими этими концами были очень тѣсныя.

Изъ Славенскаго конца шелъ прямой путь на Городище, которое, какъ постоянное мѣстопребываніе князя, было тѣсно связано съ городомъ, не смотря на отдѣлявшее его двухъверстное разстояніе.

На Городищѣ прежде находился тотъ загородный „дворъ княжой“, на которомъ постоянно жили новгородскіе князья, окруженные своей дружиной и многочисленной свитой. Здѣсь стояли ихъ богатыя палаты; здѣсь среди густой зелени садовъ и окрестныхъ полей, въ оградѣ богатаго поселенія, блестѣли нѣкогда кресты многихъ церквей, изъ которыхъ въ настоящее время уцѣлѣла только одна — Благовѣщенія Богородицы, основанная въ 1103 г. Мстиславомъ Владиміровичемъ, сыномъ Мономаха. Этотъ нѣкогда богатый придворный храмъ князей новгородскихъ, для украшенія котораго князья не жалѣли богатыхъ вкладовъ, нынѣ одиноко возвышается среди небольшого и небогатаго селенія. Жители его занимаются исключительно огородничествомъ и съ особеннымъ успѣхомъ выращиваютъ огурцы, которые цѣлыми лодками отправляютъ въ Петербургъ.

Не то было въ цвѣтущую пору Новгорода. Городище служило такимъ-же крѣпкимъ гнѣздомъ князю, какимъ Дѣтинецъ служилъ владыкѣ. Окруженный своею дружиною и дворомъ, князь былъ здѣсь полнымъ хозяиномъ, и доступъ въ Городище былъ открытъ только тѣмъ, кто тянулъ въ его руку, потому что населеніе Городища было, конечно, всегда на сторонѣ князя. Это видно изъ того, что Городищанамъ приходилось иногда дорого платиться за свое пристрастіе къ княжескимъ интересамъ...

Въ заключеніе того, что сказано нами выше о древнемъ Новгородѣ, замѣтимъ, что онъ не могъ занимать пространства болѣе обширнаго, нежели занимаетъ Новгородъ нынѣшній. Разница вся только въ томъ, что нынѣшній Новгородъ плохо заселенъ и рѣдко застроенъ, а древній Новгородъ былъ очень тѣсно застроенъ и густо заселенъ *): — на томъ пространствѣ, которое теперь вмѣщаетъ не болѣе 20,000 жителей, помѣщалось населеніе почти втрое большее. Сверхъ того, есть основаніе предполагать, что и окрестности Новгорода были въ старину болѣе населены, чѣмъ теперь, такъ какъ всѣ суходолы, холмы и сколько-нибудь значительныя возвышенія въ окрестностяхъ Новгорода были заняты болѣе или менѣе значительными поселками, монастырями и монастырскими слободами. Какъ велико было количество такихъ слободъ и поселковъ, можно заключить по сохранившимся остаткамъ прежнихъ зданій и по названіямъ урочищъ, но, еще болѣе, по тому лѣтописному извѣстію, которое сообщаетъ, что во время нашествія великаго князя Дмитрія Ивановича на Новгородъ въ 1386 г., въ окрестностяхъ города, съ разрѣшенія владыки, сожжено 24 монастыря. Такъ какъ эти монастыри были сожжены только съ той стороны, съ которой подступала московская рать, то можно думать, что всѣхъ монастырей около Новгорода было до 40.

Естественно предположить, что центръ, привлекавшій къ себѣ богатство изъ всѣхъ этихъ отдаленнѣйшихъ странъ и всюду распростра-

*) Эти два условія, между прочимъ, въ значительной степени способствовали тому, чтобы такія бѣдствія, какъ пожары или повальныя болѣзни приводили въ древнемъ Новгородѣ къ неслыханнымъ, ужасающимъ опустошеніямъ.

нявшій страхъ и уваженіе къ Великому Новгороду — былъ центромъ важнымъ и весьма значительнымъ. Такимъ, дѣйствительно, представляется онъ намъ въ тѣхъ краткихъ, но сильныхъ чертахъ, которыми характеризуетъ внѣшность Великаго Новгорода и внутреннюю его жизнь Жильберъ де-Ланноа, одинъ изъ путешественниковъ - европейцевъ посѣтившихъ этотъ городъ въ первой четверти XV вѣка, — человѣкъ бывалый, видѣвшій и Св. Землю, и всѣ важнѣйшіе города средневѣковой Европы:

„Великій Новгородъ—замѣчательно большой городъ; онъ лежитъ среди обширной равнины, окруженной громадными лѣсами, въ мѣстности низменной, пересѣченной водами и болотами. Посрединѣ города протекаетъ большая рѣка Волховъ... На берегу, надъ рѣкою Волховомъ, возвышается замокъ, а въ замкѣ томъ церковь св. Софіи, которую горожане высоко чтутъ... Въ самомъ городѣ живетъ много большихъ синьоровъ, которыхъ горожане называютъ боярами и которые удивительно богаты и могущественны. Самый городъ независимъ и не имѣетъ другихъ властителей кромѣ этихъ-же бояръ, выбираемыхъ по очереди городскою общиною“.

Изъ этого краткаго отзыва, какъ и изъ всего разсказа де-Ланноа о Новгородѣ, въ которомъ онъ провелъ девять дней, состоя въ сношеніяхъ съ епископомъ, съ посадниками и боярами,—видно совершенно ясно, что русскій городъ поразилъ его и своею оригинальною физіономіею, и всѣмъ складомъ своей шумной, богатой и привольной внутренней жизни.

Складъ этой внутренней жизни былъ, дѣйствительно, очень своеобразенъ, и не походилъ на складъ жизни другихъ древне-русскихъ городовъ. Городъ, какъ мы видѣли выше, былъ раздѣленъ на концы, а концы подраздѣлены на улицы. Каждый конецъ, каждая улица — составляли отдѣльную, самостоятельно-устроенную общину, въ составъ которой входили и бояре, и купцы, и черные люди. Каждая улица выбирала изъ своихъ бояръ своего старосту уличанскаго, а всѣ улицы одного конца выбирали общаго старосту кончанскаго и эти старосты заправляли всѣми дѣлами своего конца и служили представителями его интересовъ на вѣчѣ—т. е. на обще-народномъ собраніи всѣхъ городскихъ сословій и жителей города.

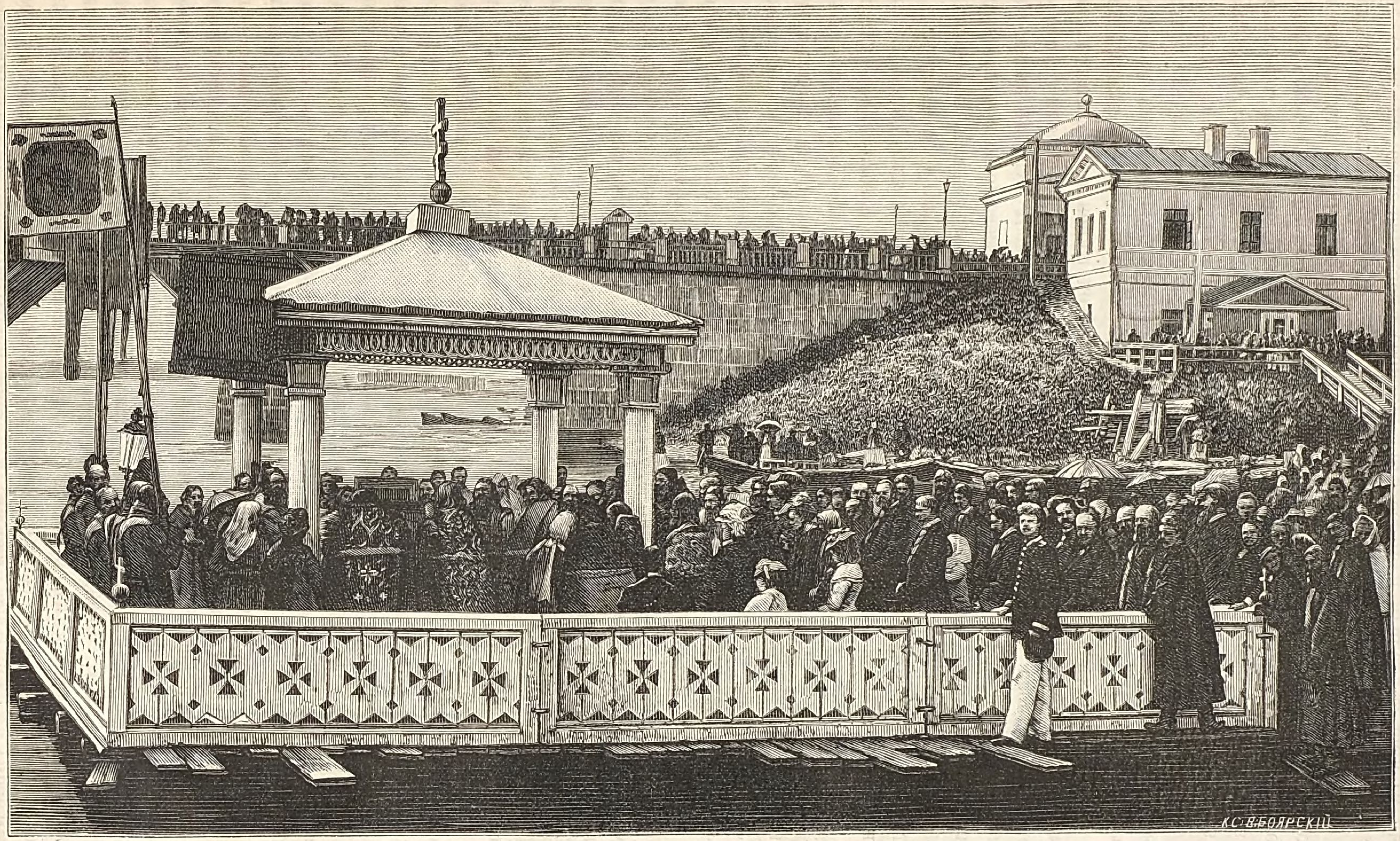
Главнымъ, выдающимся сословіемъ въ Новгородѣ были бояре, обладавшіе огромными земельными владѣніями, большими богатствами и важнымъ значеніемъ въ управленіи новгородскою землею. Изъ боярскаго сословія выбирались посадники—главные представители „Господина Великого Новгорода“, и тысяцкіе,—вѣдавшіе дѣлами черныхъ людей. То значеніе, которымъ пользовалось боярское сословіе въ Новгородѣ, вполнѣ объясняетъ намъ, почему бояре назывались иначе вячшими или лучшими людьми.

Послѣ бояръ въ Новгородѣ слѣдовали купцы, составлявшіе отдѣльный и самостоятельный классъ общества, со своимъ особымъ устройствомъ и управленіемъ. Каждый купецъ, по мѣсту жительства, принадлежалъ къ какой-либо улицѣ или концу, а по своему занятію долженъ былъ непремѣнно входить въ составъ какой - нибудь купеческой общины, которая представляла собою отдѣльное цѣлое, имѣла свой капиталъ, свое управленіе, свой судъ и свою печать. Богатѣйшіе изъ купцовъ назывались иначе житьими людьми и могли, пожалуй, по достатку своему, соперничать съ боярами; но занятіе торговлею не давали имъ возможности принимать въ общественныхъ дѣлахъ одинаковое съ боярами участіе, и потому во всѣхъ дѣлахъ внутренняго управленія и внѣшней политики купцы стояли на второмъ планѣ.

Третьимъ, наиболѣе многочисленнымъ сословіемъ въ Новгородѣ были черные люди, иначе называемые меньшими или молодшими. Къ этому сословію могли принадлежать мелкіе торговцы, ремесленники и чернорабочіе, жившіе трудами рукъ своихъ. Черные люди непремѣнно должны были имѣть какую-нибудь осѣдлость, т. е. домъ и извѣстную долю городской земли (дворъ), и только въ этомъ случаѣ пользовались правами гражданства въ Новгородѣ и въ его пригородахъ. Они несли, наравнѣ съ другими сословіями, всѣ общественныя обязанности, но разумѣется въ меньшемъ размѣрѣ; имѣли своихъ представителей на вѣчѣ и подчинялись тысяцкому, выбираемому на весь городъ изъ бояръ. Въ качествѣ меньшихъ людей, черные люди состояли въ зависимости отъ бояръ и купцовъ и шли за ними.

За черными людьми стояли пестрая и безразличная масса вольныхъ людей, не при-

НОВГОРОДСКІЕ МѢСТНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

Крестный ходъ а Волховъ изъ Софійскаго собора, ежегодно совершаемый 1-го августа для освященія воды.
По фотографіи Лядова, гравировалъ Боярскій.

надлежавшихъ ни къ какой общинѣ, не имѣвшихъ никакой собственности и никакого опредѣленнаго занятія. Это была самая буйная и безпокойная часть новгородскаго населенія, самый горючій и самый удобный матеріалъ для всевозможныхъ смутъ и безпорядковъ.

чалами и дѣйствовало на основаніи извѣстныхъ прочно-установившихся обычаевъ.

Вѣче въ Новгородѣ вѣдало всѣмъ тѣмъ, что подлежало вѣдѣнію князя въ другихъ древнерусскихъ княжествахъ. Оно избирало и приглашало князей на столъ Новгородскій или

Соборъ св. Софіи въ Новгородѣ; видъ съ западной стороны.

Выборные отъ сословій, въ качествѣ представителей конца или улицы, должны были присутствовать на вѣчѣ, во власти котораго находилось все управленіе не только городомъ, но и всею новгородскою землею.

Въ половинѣ XII вѣка вѣче новгородское уже представляло собою такое собраніе гражданъ, которое руководилось опредѣленными на-

„указывало имъ путь“ изъ Новгорода, въ случаѣ недовольства ими; оно избирало посадниковъ и тысячскихъ, а съ половины XII в. и епископовъ; судило посадниковъ и даже казнило ихъ по суду; рѣшало вопросы о войнѣ и мирѣ, о заключеніи и расторженіи союзовъ; руководило торговыми сношеніями Новгорода съ другими землями, разрѣшая одни сношенія и воспрещая другія.

На вѣчѣ новгородскомъ могли присутствовать всѣ мужи или люди, т. е. все свободное населеніе Новгорода, отъ большихъ и до меньшихъ. Это не было обязанностью гражданъ, но составляло ихъ право. Присутствованіе на вѣчѣ было обязательно для посадника и тысячскаго, для сотскихъ и старостъ пяти концовъ, и только то вѣче могло имѣть значеніе, на которомъ сходились представители всѣхъ концовъ и всѣ власти.

Такія правильныя вѣчевыя собранія могли происходить только въ двухъ мѣстахъ во всемъ Новгородѣ: на Ярославовомъ дворѣ и во дворѣ св. Софьи (для совѣщаній по вопросамъ церковнымъ или для избранія владыкъ). Въ тѣхъ вѣчахъ, которыя собирались для избранія владыкъ, участвовали также и попы, и игумены, и клирошане св. Софьи.

Для рѣшенія вопросовъ на вѣчѣ требовалось не простое большинство, а одиначество — т. е. подавляющее множество, принимающее сторону того или другого рѣшенія, исключающее самую возможность противорѣчій со стороны меньшинства. Такому рѣшенію предшествовали иногда долгіе споры, иногда упорная, даже кровавая борьба, но все-же вопросъ считался рѣшеннымъ только тогда, когда всѣ люди и мужи, имѣвшіе право голоса на вѣчѣ, приходили къ тому выводу, что имъ слѣдуетъ всѣмъ одинаковымъ быти, отвѣщати едиными усты—и это рѣшеніе закрѣпляли цѣлованіемъ креста или образа Св. Богородицы. Такое единодушное рѣшеніе вопроса приводило къ вѣчевому приговору, или постановленію, которое, въ важныхъ случаяхъ заносилось въ вѣчную (или вѣчевую) грамоту и эта грамота, вмѣсто подписей, скрѣплялась печатями важнѣйшихъ новгородскихъ властей: владыки, посадника, тысяцкаго и сотскаго.

Несмотря на то, что вѣче стояло во главѣ всего управленія и внутренними, и внѣшними дѣлами, князь былъ необходимъ Новгороду и чаще всего являлся здѣсь въ значеніи болѣе или менѣе безпристрастнаго третейскаго судьи, который-бы способенъ былъ разрѣшать безпрестанно возникавшія распри и усобицы, и примирять постоянно враждующія между собою партіи вѣча. Въ этомъ именно смыслѣ князь былъ незамѣнимъ, и новгородцы до такой степени нуждались въ его власти, что ихъ нерѣдко пугала возможность остаться на нѣкоторое время „безъ князя“.

Когда на вѣчѣ рѣшенъ былъ вопросъ о выборѣ князя, — за княземъ отправлялись выбранныя вѣчемъ лица, представители высшихъ сословій Новдорода: владыко, посадникъ и сотскіе или „вячшіе мужи“. Являясь ко двору того князя, у котораго Господинъ Великій Новгородъ просилъ себѣ сына или ближайшаго родственника на княженіе, послы новгородскіе тутъ-же и заключали съ нимъ предварительный рядъ (условіе). Если посольству удавалось промыслить себѣ князя для Новгорода, то оно спѣшило въ Новгородъ возвратиться, посылая впередъ гонцовъ къ вѣчу съ извѣщеніемъ о томъ, что князь идетъ „сѣсть на столъ новгородскій“.

Въ Новгородѣ готовились къ торжественной встрѣчѣ князя. Важнѣйшія лица города выѣзжали на встрѣчу князю за два и за три днища пути отъ Новгорода. Встрѣчу старались пригнать къ воскресному или праздничному дню. Духовенство и монашество, съ крестами и пѣснями, встрѣчало князя у въѣзда въ городъ, во главѣ привѣтствовавшей его массы народа. Князь ѣхалъ прямо къ св. Софіи, гдѣ его сажали „на столъ“—особое княжеское мѣсто (противъ южныхъ дверей иконостаса). Тамъ слушалъ онъ обѣдню и цѣловалъ крестъ Новгороду, а затѣмъ ѣхалъ къ себѣ на Городище,—постоянное мѣстопребываніе новгородскихъ князей. Въ тотъ-же день князь угощалъ у себя на Городищѣ новгородскія власти и народъ свѣтлымъ пиршествомъ; а въ послѣдующіе дни Новгородъ угощалъ пиромъ князя и дворъ его.

Главная обязанность князя—судъ, вовсе не требовала присутствія князя въ Новгородѣ. Судиться къ князю шли на Городище; тудаже, для присутствованія на судѣ, прибывалъ и посадникъ. На вѣчѣ князь являлся лишь изрѣдка, въ особенно важныхъ случаяхъ, и, большею частью, сносился съ вѣчемъ черезъ своего тысячскаго; но, тѣмъ не менѣе, вліяніе, оказываемое княземъ на ходъ вѣчевыхъ дѣлъ, было чрезвычайно сильно. Еще болѣе было сильно значеніе князя какъ военачальника, какъ предводителя новгородской рати, въ томъ случаѣ, когда Новгороду приходилось воевать съ сосѣдними землями. Въ такія трудныя минуты князь разомъ вступалъ во всѣ

права вѣча и распоряжался полновластно: останавливалъ торговыя сношенія, смѣнялъ и назначалъ по своей волѣ важнѣйшія лица, которыхъ назначеніе или смѣна въ другое время могли зависѣть только отъ вѣча.

Иногда случалось князьямъ вступать и въ открытую борьбу съ враждебными имъ партіями и являться на вѣчѣ съ оружіемъ въ рукахъ, для рѣшенія спора мечемъ... Но это не роняло ихъ значенія и не всегда приводило къ открытому разрыву вѣча съ княземъ. Съ князьями энергическими, воинственными и дѣятельными нерѣдко случалось и то, что имъ прискучало сидѣть въ Новгородѣ и тогда они являлись на вѣчѣ и говорили прямо: „не хочу у васъ княжить, иду къ себѣ домой“. И, поклонившись святынямъ новгородскимъ, уходили въ свой удѣлъ. Не то бывало съ князьями слабыми, не умѣвшими поддержать равновѣсіе между партіями вѣча и отрѣшиться отъ мелкихъ личныхъ интересовъ. Такія князья обыкновенно кончали ссорою съ вѣчемъ и властями новгородскими, и вѣче „указывало князю путь изъ Новгорода“, либо просило его остаться только до пріисканія новаго князя.

Насколько, съ одной стороны, для уравновѣшенія власти вѣча Новгороду былъ необходимъ князь; на столько-же, съ другой стороны—для уравненія и примиренія всѣхъ несогласій и всѣхъ разнородныхъ элементовъ новгородской жизни необходимъ былъ владыка—главный ходатай за Новгородъ передъ св. Софіей, заступницею и предстательницею новгородцевъ. Тяжело было Новгороду переживать тѣ періоды, когда городъ и земли оставались безъ князя; еще того тяжелѣе было Новгороду—„быть безъ владыки“.

Съ половины XII вѣка вѣче начинаетъ само избирать себѣ владыкъ, и мы думаемъ, что это явленіе должно служить однимъ изъ важныхъ доказательствъ зрѣлости новгородскаго вѣчевого быта. Избирали владыкъ всѣмъ городомъ: въ выборахъ участвовали всѣ люди, начиная отъ князя и посадника, и кончая клирошанами св. Софіи, городскими попами, игумнами и чернецами. Къ выборамъ прибѣгали только въ томъ случаѣ, когда покойный владыка не рѣшался или не успѣвалъ назначить себѣ преемника.

Обыкновенно, вѣче избирало трехъ кандидатовъ на мѣсто владыки, писало имена ихъ на одинаковыхъ жребіяхъ, запечатанныхъ печатью посадника; жребіи эти, рано утромъ, до начала службы, полагались на престолъ св. Софіи, и въ то время, когда вѣче съ Ярославля двора переходило на дворъ св. Софьи и размѣщалось въ соборѣ и у входа въ него, духовенство софійское всѣмъ соборомъ начинало служить обѣдню. Все вѣче, преклонивъ главы, молилось о дарованіи новаго владыки Господину Великому Новгороду. По окончаніи торжественнаго богослуженія протопопъ св. Софіи выносилъ одинъ за другимъ жребіи, распечатывалъ ихъ и вслухъ произносилъ имена, написанныя въ жребіи:—по прочтеніи двухъ жребіевъ, всѣмъ становилось уже извѣстно, кого именно пожелала св. Софія „оставить на престолѣ своемъ“.

Избранника возводили на сѣни владычней гридницы и показывали всему народу, и съ той минуты онъ вступалъ во всѣ права своего сана. Права эти были весьма обширны, но за то и обязанности владыки—чрезвычайно многосложны.

Кромѣ управленія своею обширною паствою, кромѣ того, что владыка являлся верховнымъ судьею во всѣхъ дѣлахъ, подлежавшихъ церковному суду, — владыкѣ, какъ первому гражданину новгородскому приходилось принимать участіе во всѣхъ дѣлахъ внутренняго управленія и внѣшней политики Новгорода. Участіе это носило на себѣ тотъ особый характеръ, который новгородскіе владыки, къ великой ихъ чести, съумѣли до конца удержать за всею своею гражданскою дѣятельностью. Не вступаясь въ борьбу партій, не показываясь на вѣчѣ, владыка постоянно являлся защитникомъ оскорбленнаго и униженнаго, постоянно дѣйствовалъ только мѣрами кротости и среди бурь земныхъ напоминалъ о небесномъ. Въ основѣ всѣхъ отношеній, установлявшихся между владыкою и гражданами новгородскими, лежало глубокое, искреннее довѣріе къ владыкѣ, въ которомъ всѣ видѣли кроткаго миротворца, мудраго правителя и совѣтника, защитника всѣхъ правъ и старины новгородской, избавителя отъ всѣхъ напастей и ходатая „за дѣтей своихъ новгородцевъ“ не только передъ земными владыками, но и передъ Царемъ Небеснымъ. Даже нѣмцы, торговавшіе съ Новгородомъ, постоянно относились къ владыкѣ съ

величайшимъ уваженіемъ, нерѣдко обращались къ нему за рѣшеніемъ своихъ споровъ съ новгородцами, а когда, во время разрыва сношеній съ Новгородомъ, имъ приходилось покидать свои новгородскіе торговые дворы, они только владыкѣ и довѣряли на храненіе ключи отъ своихъ церквей, которыя служили складомъ для ихъ товаровъ.

Высокому положенію владыки въ древнемъ Новгородѣ, вполнѣ соотвѣтствовалъ и окружавшій его блескъ, и тѣ громадныя богатства, которыя скоплялись въ рукахъ владыки, подъ названіемъ Софійской казны. Эта казна скоплялась изъ доходовъ, получаемыхъ владыкой съ его обширныхъ земельныхъ владѣній (такъ называемой владычины) и изъ добровольныхъ приношеній частныхъ лицъ. Въ теченіе столѣтій въ Софійской казнѣ накоплялись, кромѣ денегъ, и другія несмѣтныя сокровища. Тамъ хранились, во множествѣ, образа и панагіи, окованныя золотомъ и усыпанныя каменьями, золотыя чары и кубки съ жемчугомъ и финифтью, серебряные ковши и братины, цѣпи и пояса, золотые и серебряные; тамъ ворохами лежали сорока соболей, дорогіе мѣха, ипскія сукна, червчатые атласы, камки и бархаты... Четвериками стояли угорскіе червонцы, голландскіе корабленники и закамское серебро.

Изъ этой-то неистощимо-богатой Софійской казны владыка и могъ оказывать щедрое пособіе „дѣтямъ своимъ“ - Новгородцамъ, каждый разъ, когда войны или другія общественныя бѣдствія въ конецъ истощали средства Господина Великаго Новгорода.

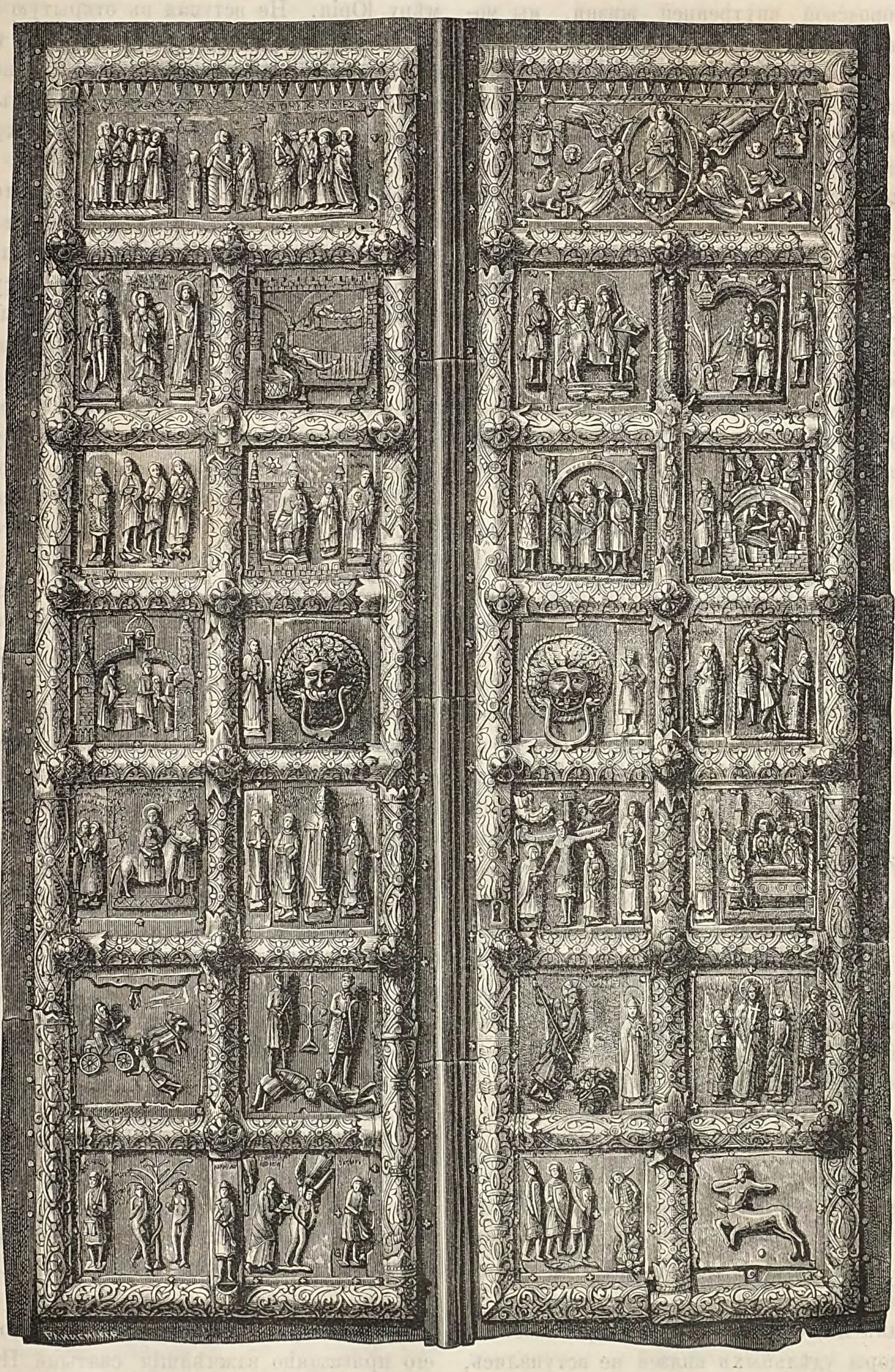
Но владыка новгородскій являлся не только въ бѣдахъ помощникомъ и покровителемъ новгородцевъ:—его дворъ былъ постояннымъ центромъ, изъ которыхъ „вся благая“ исходили. Отсюда, въ числѣ прочихъ благъ, по всей новгородской области, разливалось и просвѣщеніе. На полатяхъ св. Софьи, вмѣстѣ съ прочими сокровищами, хранились и книги; а владычніе паробки славились во всей древней Руси, какъ отличные писцы и большіе искусники въ украшеніи текста книгъ фигурными заставками и цвѣтными заглавными буквами. Ко двору владыки присылали и княжичей изъ сосѣднихъ княжествъ учиться грамотѣ.

Теперь, ознакомивъ читателей съ общимъ

Соборъ св. Софіи въ Новгородѣ; общій видъ, съ площади.

НОВГОРОДСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

Корсунскія врата въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, съ западной его стороны.

строемъ древней новгородской жизни, съ важнѣйшими сословіями Новгорода, съ устройствомъ вѣча, съ значеніемъ князя и владыки въ новгородской внутренней жизни, мы можемъ перейти къ тому краткому историческому очерку, въ которомъ укажемъ на важнѣйшіе моменты, пережитые Новгородомъ отъ древнѣйшихъ его временъ и до начала XVII вѣка.

Услуги, оказанныя новгородцами своему князю, Ярославу (прозванному Мудрымъ), въ борьбѣ его противъ Святополка Окаяннаго и то участіе, которое „мужи новгородскіе“ принимали въ возведеніи Ярослава на столъ кіевскій — были первыми важными шагами новгородцевъ на историческомъ поприщѣ. Въ благодарность за услуги и вѣрную службу Ярославъ избавилъ новгородцевъ отъ тяжкой зависимости, въ которой они стояли по отношенію къ Кіеву, и даровалъ имъ особыя льготы, которыя и закрѣпилъ грамотами. Эти „грамоты Ярославовы“, на которыя новгородцы постоянно ссылались въ своихъ отношеніяхъ къ князьямъ, какъ на свою самую дорогую старину, послужили важнѣйшею основою новгородской свободы. Льготы, Ярославомъ дарованныя Новгороду, выдѣляли и устраняли его окончательно изъ области княжескихъ родовыхъ отношеній и усобицъ; мало того, новгородцы черезъ нихъ получали право избирать своихъ князей изъ того или другого княжескаго рода, смотря по тому, который изъ нихъ былъ имъ любъ и дорогъ. Такое обособленное положеніе привело Новгородъ къ быстрому развитію внутренней вѣчевой жизни и къ быстрому возростанію матерьяльной силы и богатства.

Но богатства Новгорода возбуждали зависть могущественныхъ сосѣдей, а распространеніе владѣній на сѣверъ и сѣверо-востокъ ставило Новгородъ въ неизбѣжныя столкновенія сначала съ Суздалемъ, потомъ съ Тверью и, наконецъ, съ Москвою.

Борьба съ княжествомъ Суздальскимъ началась еще при Юріи Долгорукомъ, который непремѣнно хотѣлъ вовлечь новгородцевъ въ свою борьбу съ Кіевомъ и создалъ себѣ въ самомъ Новгородѣ сильную партію сторонниковъ. Но такъ какъ новгородцы остались при своемъ и въ раздоры удѣльныхъ князей не вступались, да и навязанные Юріемъ Новгороду князья не очень долго умѣли усидѣть въ Новгородѣ, то Юрій избралъ такой способъ дѣйствій противъ Новгорода, который, впослѣдствіи, избирали и тверскіе, и московскіе князья, по примѣру Юрія. Не вступая въ открытую борьбу съ Новгородомъ, Юрій препятствовалъ торговлѣ Новгорода съ приволжскими мѣстностями и не давалъ возможности новгородскимъ даньщикамъ собирать дань съ подвластныхъ Новгороду земель. Такія отношенія между Новгородомъ и Суздалемъ длились очень долго — почти двадцать лѣтъ сряду... Даже и самая смерть Юрія Долгорукаго не освободила новгородцевъ отъ внутренней борьбы съ суздальскою партіею и отъ необходимости борьбы внѣшней съ сильнымъ сосѣдомъ, княземъ Андреемъ Боголюбскимъ, сыномъ Юрія.

Андрей Боголюбскій продолжалъ политику отца своего по отношенію къ Новгороду — задерживалъ въ суздальской землѣ новгородскихъ купцовъ и препятствовалъ сбору новгородскихъ даней въ Заволочьѣ; но, къ великой его досадѣ, въ Новгородѣ сидѣлъ въ ту пору князь молодой и храбрый — Романъ Мстиславичъ, избранный новгородцами, а не навязанный имъ изъ Суздаля, и потому не склонный мирволить суздальскимъ проискамъ. Посланный Романомъ въ Заволочье смѣлый Даньславъ Лазутиничъ съ четырьмя стами новгородской дружины разбилъ нѣсколько тысячъ суздальцевъ, высланныхъ противъ него Андреемъ и не только собралъ дань въ новгородскихъ владѣніяхъ, но пограбилъ и суздальскія области. Андрей не вытерпѣлъ оскорбленія и двинулъ противъ Новгорода половину всей Русской земли: суздальская рать соединилась съ смольнянами, торопчанами, муромцами, рязанцами и полочанами. Новгородцы съ молодымъ княземъ своимъ Романомъ и посадникомъ Якуномъ рѣшились на отчаянную защиту. Сынъ Андрея, князь Мстиславъ, три дня сряду приступалъ къ городу безуспѣшно, и затѣмъ, собравъ всѣ свои силы, рѣшился на четвертый и самый страшный приступъ. Сознавая опасность, грозившую городу, самъ архіепископъ новгородскій, Илія, явился на стѣнахъ съ клиромъ св. Софьи, чтобы поддержать мужество защитниковъ; по его приказанію важнѣйшія святыни Новгорода—иконы Спаса и Божьей Матери вынесены были на стѣну съ церковнымъ пѣніемъ и слез-

ными мольбами „о заступленіи града". Битва продолжалась цѣлый день съ величайшимъ ожесточеніемъ, но граждане, ободряемые присутствіемъ своего владыки и мѣстныхъ святынь—дрались, какъ львы, стояли неколебимой стѣной, и отстояли городъ. Суздальцы нетолько потерпѣли пораженіе, но и должны были отступить съ великимъ урономъ. Количество плѣнныхъ, захваченныхъ новгородцами, было такъ велико, что суздальца на торгу продавали по двѣ ногаты (около двухъ рублей на наши деньги). Новгородцы приписывали пораженіе суздальцевъ особой благодати, дарованной свыше: мѣстное преданіе гласитъ, что во время приступа, когда стрѣлы сыпались дождемъ на городскія стѣны, икона св. Богородицы обратилась ликомъ къ городу, и съ того мгновенія на противниковъ нашелъ мракъ: они, какъ слѣпые, метались изъ стороны въ сторону и побивали другъ друга. Въ память этого чуда, новгородское духовенство установило даже особый праздникъ (27 ноября), извѣстный подъ именемъ праздника Знаменія Пресвятой Богородицы, и сложили особую молебную службу, въ которой такъ пѣли о своей побѣдѣ надъ врагами:

„мнящеся непокоривіи отъ основанія разорити градъ твой, Пречистая, неразумѣвши помощь твою, Владычице; но силою твоею низложена быша, на бѣжаніе устремляхуся, и якоже узами желѣзными слѣпотою связани бывше, и мракомъ, якоже древле Египетъ, обьяти неразумѣвше, дондежѣ конечнѣ побѣждени быша" *).

Но этимъ знаменитымъ эпизодомъ борьба Новгорода съ Суздалемъ не окончилась; хотя Андрей и не возобновлялъ открытыхъ враждебныхъ дѣйствій противъ Новгорода, но до самой смерти своей не примирялся съ вольнымъ городомъ. При его наслѣдникѣ, знаменитомъ суздальскомъ князѣ Всеволодѣ — могущественнѣйшемъ изъ князей сѣверной Руси—новгородцы и не пытались тягаться съ Суздалемъ, кое-какъ поддерживая съ нимъ отношенія; но за то, когда, при наслѣдникахъ Всеволода, возобновились прежнія попытки суздальскихъ князей—мѣшаться въ дѣла Новгорода, дѣло опять дошло до открытой борьбы.

Поводомъ къ борьбѣ послужили несправедливости и притѣсненія со стороны князя Ярослава, сына Всеволодова, посаженнаго на столъ Новгородскій. Не уважая правъ вѣча, Ярославъ задумалъ распоряжаться въ Новгородѣ самовластно и долженъ былъ наконецъ удалиться въ Торжокъ, вмѣстѣ съ важнѣйшими своими сторонниками.

Какъ на бѣду, въ это время, по случаю неурожая, начался въ Новгородѣ голодъ, и этимъ бѣдствіемъ Ярославъ Всеволодовичъ воспользовался самымъ жестокимъ образомъ: онъ сталъ перехватывать всѣ обозы съ хлѣбомъ, шедшіе въ Новгородъ, и не пустилъ въ городъ ни воза. Дороговизна на хлѣбные припасы такъ страшно усилилась въ Новгородѣ, что люди стали ѣсть липовыя листья, мохъ и сосновую кору... И тѣхъ не хватало: — отцы и матери продавали дѣтей своихъ, чтобы не дать имъ умереть съ голоду. За голодомъ послѣдовалъ страшный моръ: смерть косила людей — трупы валялись на торгу и на улицахъ... собаки не успѣвали поѣдать ихъ.

Напрасно молили Новгородцы Ярослава о пощадѣ — онъ оставался глухъ къ ихъ мольбамъ. Но объ этомъ бѣдствіи прослышалъ тесть Ярослава, знаменитый торопецкій князь, Мстиславъ Удалый, нѣкогда княжившій въ Новгородѣ и постоянно сохранявшій къ Новгороду самыя теплыя отношенія. Прискакавъ въ Новгородъ, 11-го февраля 1216 г., Мстиславъ Удалый прямо явился на вѣче и всѣхъ ободрилъ своею мужественною рѣчью. „Не бывать Торжку Новгородомъ"—сказалъ онъ—„ни Новугороду Торжкомъ! А гдѣ св. Софья — тамъ Новгородъ!" И тотчасъ велѣлъ заковать въ цѣпи всѣхъ бывшихъ въ Новгородѣ сторонниковъ князя Ярослава Всеволодовича.

Мстиславъ сначала попытался было уладить дѣло миромъ; но когда увидалъ, что эти попытки ни къ чему не приводятъ, соединился съ княземъ Смоленскимъ и псковичами и двинулъ рать въ Суздальскую землю. Къ рати Мстислава присоединился и Константинъ, князь Ростовскій, враждовавшій съ Ярославомъ Всеволодовичемъ и другими братьями.

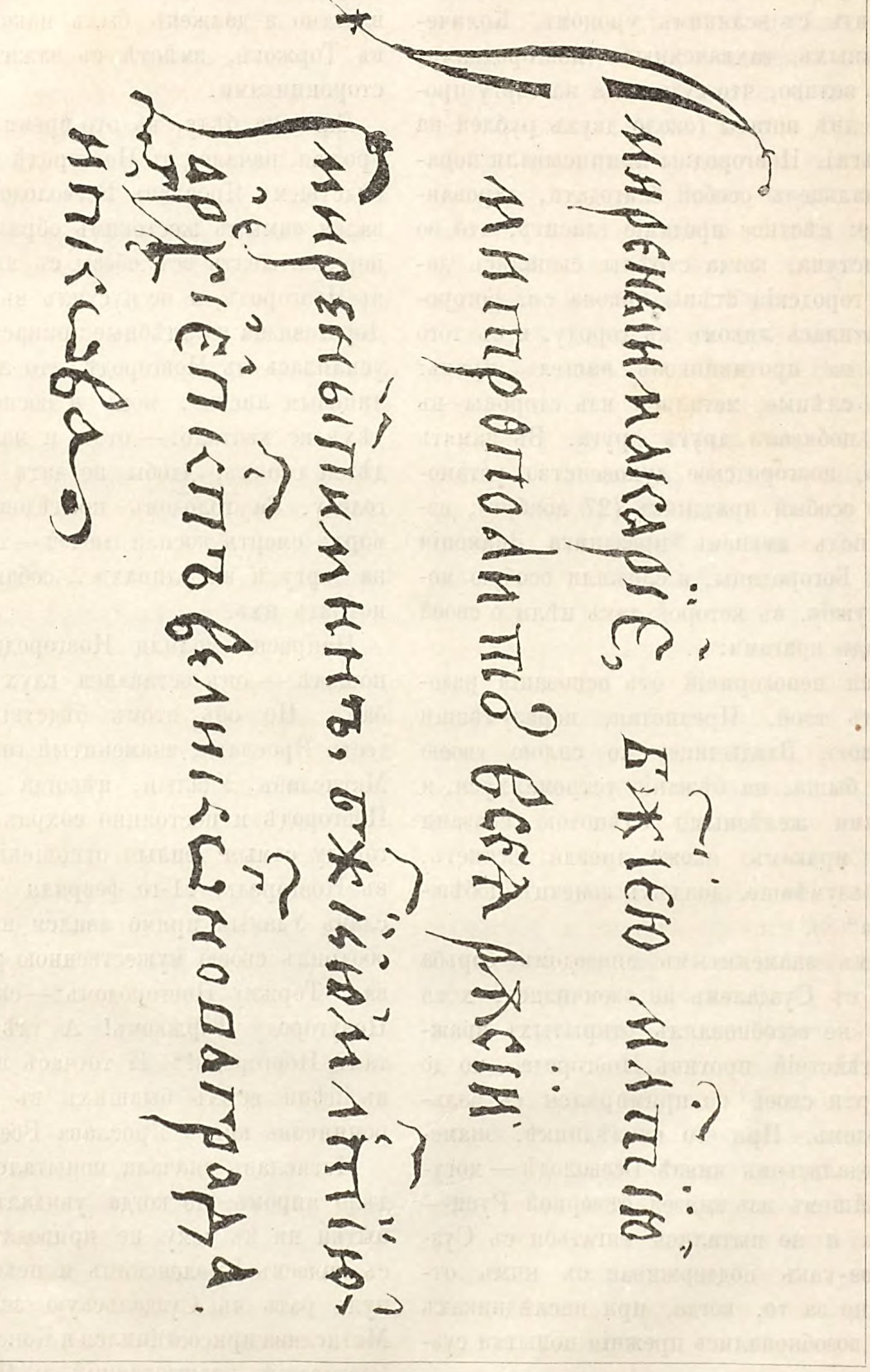
Войско суздальское, гораздо болѣе многочисленное, нежели рать Мстислава Удалаго и его

*) Чрезвычайно любопытно то, что эта служба, какъ дорогой отголосокъ давней новгородской старины, пережила всѣ невзгоды Новгорода и доселѣ совершается нашею церковью.

союзниковъ, выжидало враговъ, укрѣпившись на высотахъ, на рѣчкѣ Хзѣ; новгородцы съ своимъ княземъ стали станомъ на рѣкѣ Липицѣ. Здѣсь и произошла славная въ новгородскихъ лѣтописяхъ Липицкая битва.

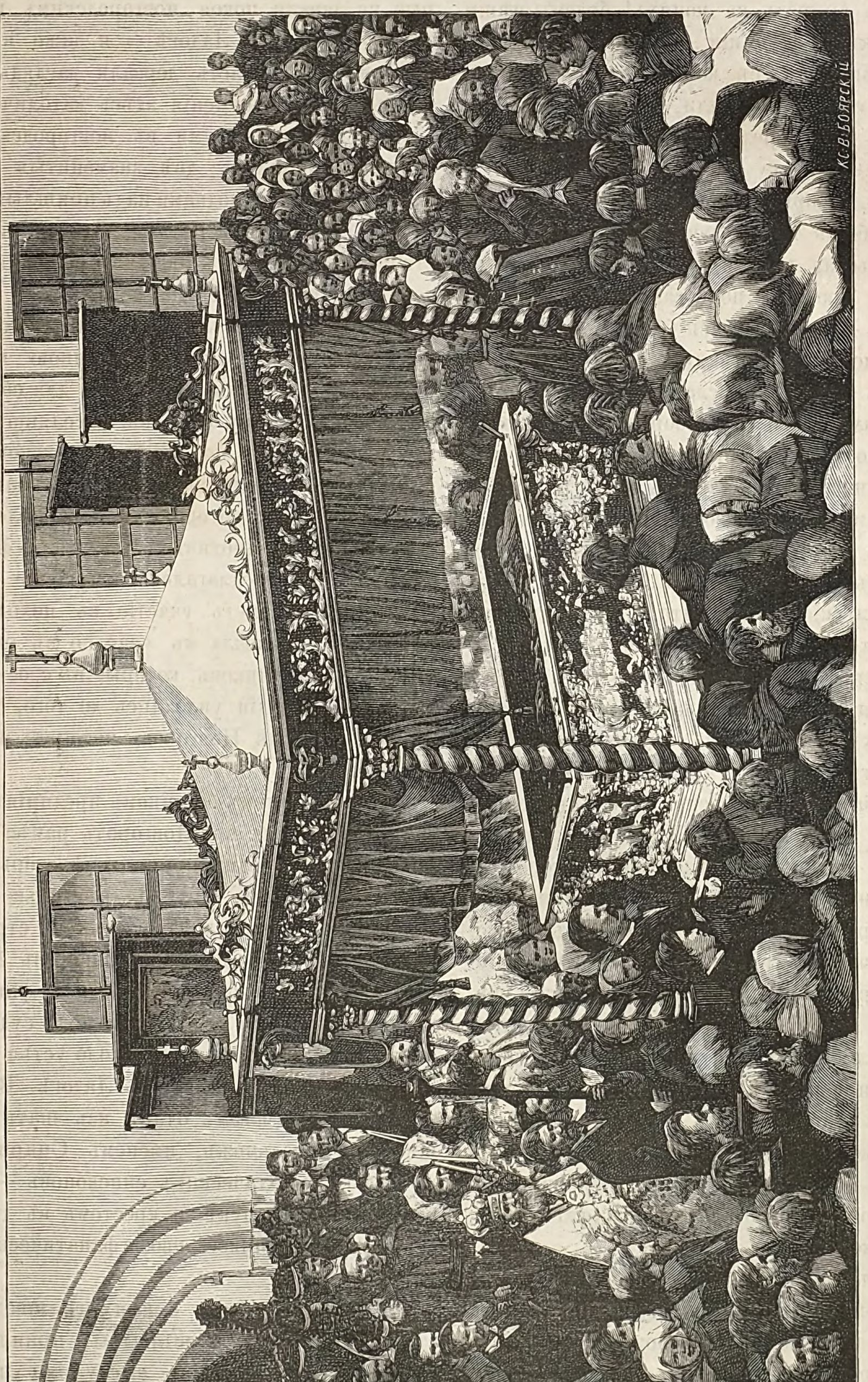
По обычаю того времени, Мстиславъ Удалый, передъ битвою, обратился къ воинамъ съ рѣчью: „Братья!“ говорилъ онъ—„вошли мы въ землю сильную; станемъ крѣпко, не будемъ назадъ озираться:—бѣгствомъ мы не спасемся. Забудемъ дома наши, женъ и дѣтей! Кому смерть на роду не писана? Говорите-жь: кто

Автографы новгородскихъ владыкъ:

Вверху: Подпись митрополита Макарія, первоначально бывшаго новгородскимъ архіепископомъ (до 1542 г.).
Внизу: Подпись архіепископа Пимена, несправедливо обвиненнаго въ измѣнѣ Іоанномъ (въ 1570 г.), и умершаго въ заточеніи.

НОВГОРОДСКІЕ МѢСТНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

Обнесеніе мощей св. Антонія около Антоніева монастыря въ Новгородѣ, совершаемое ежегодно 3-го августа.

По фотографіи Лядова, гравировалъ Боярскій.

хочетъ сражаться пѣшій, кто на конѣ?" — Отвѣчали князю новгородцы въ одинъ голосъ: „не хотимъ умирать на коняхъ! будемъ пѣши биться, какъ отцы наши бились!" И они не только спѣшились съ коней, но и верхнюю одежду съ себя посбросали, а такъ какъ имъ предстояло идти черезъ вязкую лощину, то всѣ они пошли въ битву босикомъ.

Натискъ отборной новгородской и смоленской рати былъ такъ стремителенъ, что сбродная суздальская рать не могла его выдержать: всѣ воины Ярослава побросали — кто дубину, кто топоръ — и бросились бѣжать. Новгородцы же и смольняне погнались за ними, подрубили стягъ (знамя) Ярославовъ, а тутъ подоспѣли и сами князья съ отборною дружиною— и пошла потѣха!... Мстиславъ, сквозь ряды своихъ воиновъ, пробрался въ самую гущу боя и трижды проѣхалъ сквозь ряды враговъ, посѣкая ихъ своимъ тяжелымъ боевымъ топоромъ. Тутъ, по выраженію лѣтописца, увидѣли суздальскіе князья, что Мстиславъ и его рать „рубятся, какъ колосья на нивѣ жнутъ"— и ударились бѣжать въ разсыпную...

Липицкая побѣда смирила на время гордость суздальскихъ князей, но не вынудила ихъ окончательно отказаться отъ пагубнаго вліянія, оказываемаго ими на внутреннія дѣла новгородскія. Отъ этого вліянія Новгородъ спасенъ былъ тѣмъ страшнымъ бѣдствіемъ, которое обрушилось на древнюю Русь въ половинѣ XIII вѣка. Татарское нашествіе, заполонивъ всѣ сосѣднія княжества, почти не коснулось Новгорода. Татары до него не дошли и волостей новгородскихъ не опустошили, потому что нигдѣ не встрѣтили въ нихъ отпора, а мудрая политика княжившаго въ Новгородѣ Александра Ярославича (впослѣдствіи прозваннаго Невскимъ) избавила новгородцевъ отъ бѣдствій нашествія, облегчивъ татарамъ перепись города и обложенія Новгородскаго княжества довольно легкою данью.

Еще разъ очутившись въ сторонѣ отъ остальной Руси, новгородцы воспользовались своимъ выгоднымъ и спокойнымъ положеніемъ отчасти для расширенія и упроченія своихъ владѣній на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Руси, отчасти для усмиренія своихъ безпокойныхъ сосѣдей—шведовъ, чуди, литвы и тевтонскихъ рыцарей. Своими смѣлыми походами внутрь Финляндіи и Ливоніи, новгородцы дали нѣсколько тяжелыхъ уроковъ и шведамъ, и рыцарямъ, которые не давали покоя новгородскимъ пригородамъ — Пскову и Ладогѣ — и даже въ самую новгородскую область дерзали заглядывать съ цѣлью распространенія здѣсь католичества.

Особенно памятными въ новгородскихъ лѣтописяхъ остались двѣ знаменитыя побѣды, одержанныя новгородцами надъ пришлыми шведскими и нѣмецкими ратями подъ предводительствомъ знаменитаго и любимаго ихъ князя Александра Ярославича Невскаго.

Первая побѣда была одержана новгородцами надъ шведскою ратью, посланною королемъ шведскимъ Эрихомъ Картавымъ для обращенія въ латинскую вѣру финновъ, населявшихъ новгородскія волости по Невѣ, Ладожскому озеру и Волхову. Король выхлопоталъ у папы Григорія IX буллу, которою былъ объявленъ крестовый походъ противъ язычниковъ-финновъ; буллою этою предлагалось отпущеніе грѣховъ всѣмъ, кто приметъ участіе въ походѣ. Эта приманка привлекла къ участію въ предпріятіи массу охотниковъ, которые въ своемъ фанатическомъ усердіи увлеклись до того, что хвалились и самый Новгородъ покорить папскому владычеству.

Вѣсть объ этомъ безумномъ предпріятіи, безъ сомнѣнія, дошла въ Новгородъ ранѣе начала похода и новгородцы приняли нѣкоторыя мѣры предосторожности. Срубили нѣсколько новыхъ городковъ и учредили бдительную стражу на морскомъ берегу. Дѣйствительно, въ 1240 г., шведы съ норвежцами и сбродною финско-нѣмецкою ратью, въ огромномъ числѣ судовъ, появились на Невѣ и стали около устья Ижоры; они направлялись прямо къ Ладогѣ. Войскомъ предводительствовалъ одинъ изъ знатнѣйшихъ шведскихъ вельможъ, именемъ Спиридонъ, а нѣсколько католическихъ епископовъ — съ мечемъ въ одной рукѣ и крестомъ въ другой— одушевляли ратниковъ своею фанатическою проповѣдью.

Какъ только вѣсть о приходѣ шведовъ достигла Новгорода, новгородцы, принявъ благословеніе отъ владыки, выступили подъ начальствомъ своего молодого князя Александра Ярославича и такъ быстро, такъ неожиданно напали на шведскій станъ, что битва почти одновременно закипѣла и на берегу, и на су-

дахъ, причаленныхъ къ берегу. Самъ Александръ и его дружина показали чудеса храбрости въ самый разгаръ сѣчи. Одинъ изъ княжаго полку, Гаврило Олексичъ, такъ увлекся преслѣдованіемъ враговъ, что верхомъ на конѣ, по сходнѣ, вскочилъ съ берега на шведскую шнеку; другой, Сбыславъ Якуновичъ, одинъ, съ топоромъ въ рукахъ, врубился въ самую середину непріятельскихъ рядовъ; третій — Миша, съ небольшою дружиною, потопилъ три шведскихъ корабля; четвертый—Сава, пробилъ себѣ дорогу къ златоверхому шатру шведскаго королевича и подрубилъ шатерный столбъ. Паденье гордаго шатра привѣтствовалось радостными криками всей побѣдоносной рати Александра и окончательно смутило враговъ. Пораженіе было страшное, невиданное; трупами однихъ „начальныхъ людей“ наполнены были три корабля, а прочихъ простыхъ воиновъ пало безъ числа. Высокіе курганы насыпаны были надъ ихъ тѣлами. Эта побѣда доставила юному князю славное прозваніе „Невскаго“ и честь великую.

Не прошло, однако-же, и года, какъ гроза поднялась на Новгородъ съ другой стороны. Воспользовавшись внутренними раздорами Новгорода, вынудившими князя Александра удалиться въ Переяславль, къ отцу своему—ливонскіе нѣмцы напали на Псковъ, захватили его въ свои руки, а затѣмъ стали производить опустошенія и въ новгородской землѣ, и даже укрѣпились въ Копорьѣ.

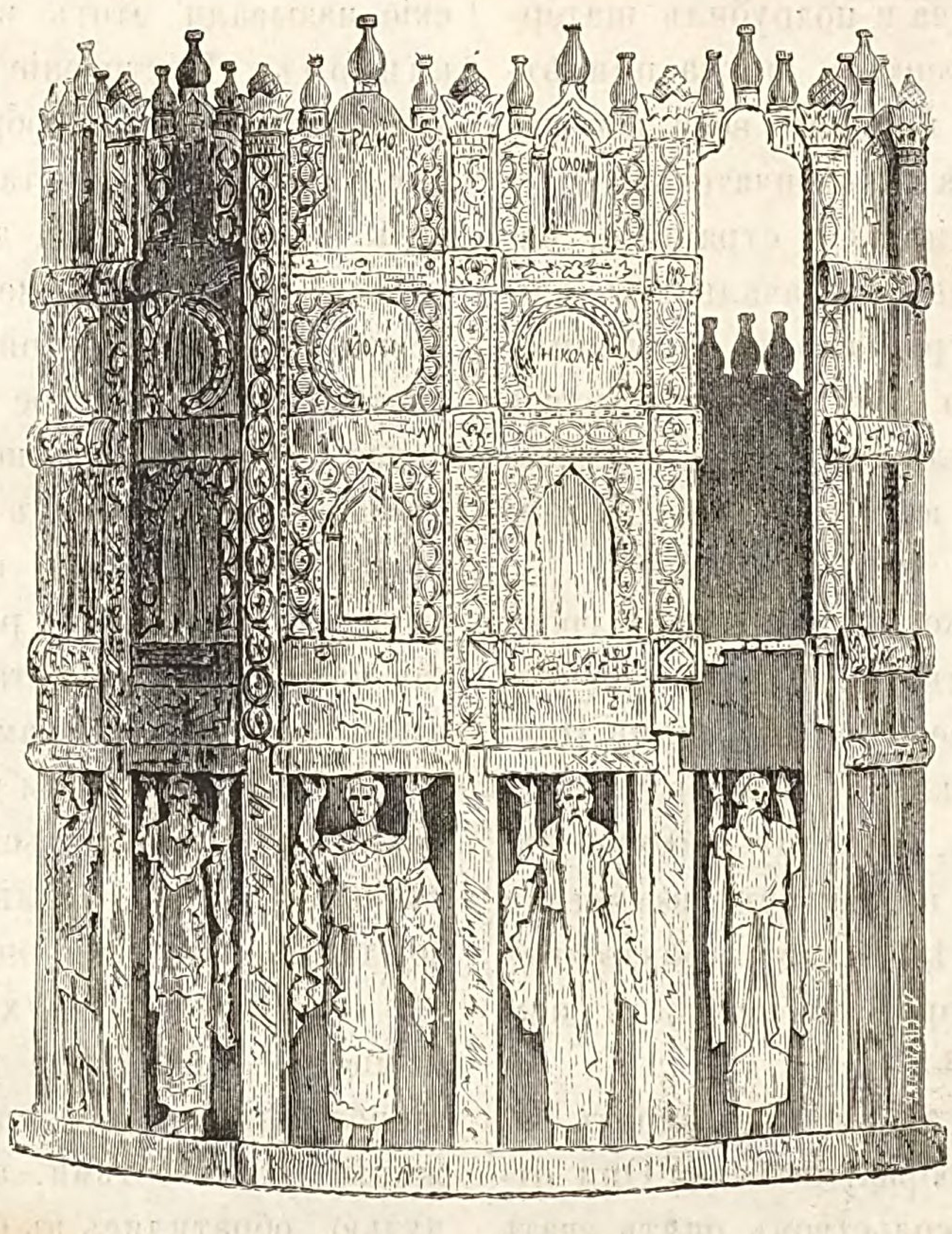
Это опустошительное нашествіе нѣмцевъ заставило новгородцевъ образумиться. Они отправили владыку съ посольствомъ опять звать къ себѣ на столъ князя Александра Ярославича, въ котораго твердо вѣрили, какъ въ мужественнаго и надежнаго вождя.

Князь Александръ Ярославичъ, явившись въ Новгородъ со своею низовою дружиною, немедленно потребовалъ, чтобы вѣче собрало рать со всѣхъ пригородовъ и съ этою ратью взялъ нѣмецкое Копорье, а измѣнившихъ Новгороду даньщиковъ, вожанъ и чудь, засѣвшихъ съ нѣмцами —приказалъ повѣсить. Тотчасъ послѣ того онъ освободилъ отъ нѣмцевъ Псковъ, перековалъ всѣхъ бывшихъ тамъ нѣмцевъ и чудь, и отправилъ плѣнниками въ Новгородъ. Не останавливаясь на этомъ и не помышляя объ отдыхѣ, Александръ со своею дружиною и съ новгородцами вступилъ въ чудскую землю и и близь Чудскаго озера встрѣтился съ нѣмецкою многочисленною ратью. Завлекая нѣмцевъ къ рѣшительной битвѣ, Александръ отступилъ на озеро и построилъ свои полки на Узмени, у Воронья Камени. Нѣмецкимъ рыцарямъ представилось, что русская рать отступаетъ, оробѣвъ передъ ихъ численнымъ превосходствомъ, и они тотчасъ-же рѣшились вступить въ битву. Пользуясь своею опытностью въ ратномъ дѣлѣ, нѣмцы построились въ особый боевой порядокъ, напоминавшій македонскую фаланту; русскіе называли этотъ порядокъ свиньею или клиномъ. Построеніе нѣмецкой рати было дѣйствительно клинообразное, причемъ передняя часть клина составлялась изъ отборнѣйшей части войска, а далѣе, концы клина состояли изъ частей менѣе надежныхъ и изъ всякаго сброда. Стройно двигаясь по льду и впереди имѣя главное ядро своей рати — рыцарей, съ головы до ногъ закованныхъ въ желѣзо и вооруженныхъ длинными копьями и двоеручными мечами, грозною тучею подошла нѣмецкая свинья къ русскимъ полкамъ, сверкая на солнцѣ своею стальною щетиной и коваными боевыми доспѣхами. Цѣль натиска заключалась въ томъ, чтобы пробить центръ и, разорвавъ ряды, справиться съ каждою изъ разорванныхъ частей отдѣльно. Но русская рать не дождалась натиска; она сама раздѣлилась на двѣ части и съ двухъ сторонъ ударила на нѣмцевъ. Произошла ужасная сѣча, окончившаяся тѣмъ, что большая часть нѣмецкой дружины легла костьми, а остальные, вмѣстѣ съ чудью, обратились въ бѣгство. Новгородцы пустились ихъ преслѣдовать и въ жару погони гнались за ними по Чудскому озеру верстъ на семь, до Суболичьскаго берега. На этой погонѣ чуди перебито безъ числа, а нѣмцевъ до 500 человѣкъ, да въ плѣнъ взято 50 знатнѣйшихъ нѣмецкихъ рыцарей. Самая битва, происходившая 1 апрѣля 1242 года на льду Чудскаго озера, получила у новгородскихъ и псковскихъ лѣтописцевъ названіе Ледоваго побоища, и долго спустя, даже еще въ XVI вѣкѣ, вспоминалась на эктеніяхъ по всѣмъ новгородскимъ церквамъ, вмѣстѣ съ Невскою побѣдою подъ Шведами. На другой день послѣ побоища Александръ Ярославичъ со своею дружиною и новгородцами торжественно вступилъ

во Псковъ, ведя за собою плѣнныхъ нѣмецкихъ рыцарей... Въ изодранныхъ одеждахъ, понуривъ голову, босикомъ шли по снѣгу гордые бароны...

Въ теченіе 200 лѣтъ, послѣдовавшихъ за этими громкими побѣдами, Новгородъ продолжалъ жить своею обычною жизнью, продолжалъ богатѣть и расширять свои владѣнія. Но эти богатства и этотъ внѣшній ростъ шли не въ прокъ Господину Великому Новгороду:— внутренняя жизнь его не развивалась и не улучшалась ни въ какомъ смыслѣ, а борьба партій препятствовала упроченію политической самостоятельности Новгорода. Къ тому же, въ теченіе этихъ двухъ сотъ лѣтъ и политическія условія древнерусской жизни измѣнились совершенно, вслѣдствіе того, что въ сѣверной Руси возникли новые, могущественные центры, съ которыми Новгороду приходилось то бороться, то мириться и дружить... Сначала Тверь утѣсняла Новгородъ, поддерживая въ немъ партію своихъ сторонниковъ, и въ борьбѣ съ Тверью Новгородъ нуждался постоянно въ поддержкѣ Москвы; затѣмъ, когда Москва одолѣла свою соперницу—Тверь, Новгороду привелось отстаивать свою самостоятельность отъ Москвы. Въ самомъ Новгородѣ, вслѣдствіе этой частой перемѣны преобладающаго направленія внѣшней политики, развилось шатаніе и сталъ проявляться слишкомъ легкій взглядъ на договоры и условія, заключаемыя съ князьями. Мало-по-малу стало ослабѣвать въ новгородцахъ даже сознаніе необходимости поддерживать исконную, тѣсную связь между Новгородомъ и его пригородами, между Новгородомъ и остальною Русью. Ослабленіе этой связи съ Русью отчасти высказалось въ томъ великомъ равнодушіи, съ которымъ новгородцы отнеслись къ тяжкимъ жертвамъ Москвы, вступившей въ открытую борьбу съ Ордою... Еще болѣе зловѣщимъ признакомъ быстраго разложенія Новгорода было сближеніе Новгорода съ Литвою и Польшею и попытки отпаденія отъ Русской земли, бывшія причиною гибели новгородской вольности при Іоаннѣ III и отчасти причиною тѣхъ страшныхъ бѣдствій, которыя постигли Новгородъ при Іоаннѣ Грозномъ. Паденіе Новгорода, по справедливому замѣчанію одного изъ нашихъ историковъ *), въ значительной степени подготовлялось и тѣмъ, что „всѣ занялись только своими частными прибытками и охладѣли къ общественнымъ дѣламъ, предоставляя ихъ общему теченію, по казенному, подъ руководствомъ людей или неспособныхъ, или продажныхъ“; притомъ-же въ XIV и XV столѣтіяхъ, стали быстро измѣняться отношенія между большими и меньшими людьми, между

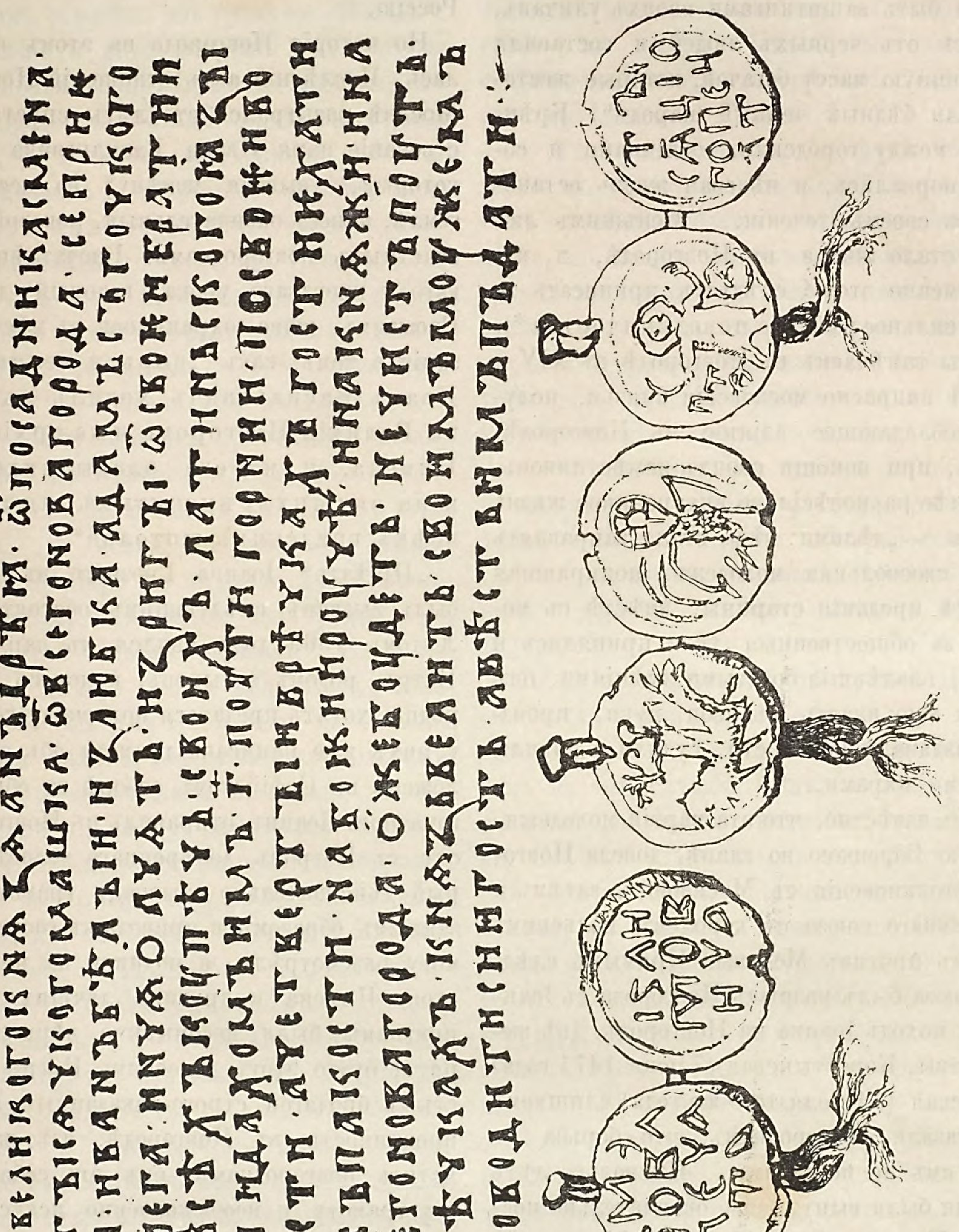
НОВГОРОДСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

Вавилонская пещь для представленія «пещнаго дѣйства».

*) Исторія Новгорода Великаго отъ древнѣйшихъ временъ до паденія. Соч. Ивана Бѣляева, стр. 517.

НОВГОРОДСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

Грамота великаго князя Андрея Александровича, данная имъ въ Новгородѣ Ганзейскому союзу — объ опредѣлении торговыхъ путей (около 1301 г.).

(Для облегченія нашимъ читателямъ чтенія этой грамоты, къ рукописному снимку присоединяемъ здѣсь печатный текстъ ея:

„Отъ великого князя Андърѣя, отъ посадника Смена, отъ тысячкого Машка, отъ всего Новагорода. Се приіеха Иванъ Бѣлый из Любка, Адамъ съ Гочкого берега, Инчя Олчять из Ригы, отъ своіеи братии отъ всѣхъ коупѣчь своихъ Латиньского языка. И дахомъ имъ 3 поути горини по своіеи волости, а четвертыи в рѣчкахъ; гости іехати бес пакости, на Божии роучѣ и на княжи и на всего Новагорода. Оже боудетъ нечистъ поуть въ рѣчкахъ, князь велитъ своимъ моужемъ проводити сии гость, а вѣсть имъ пъдати").

богачами и бѣдняками. „Мало-по-малу бояре перестали быть защитниками своихъ уличанъ, отдѣлились отъ черныхъ людей и составили одну сплошную массу богачей, которые жестоко угнетали бѣдный черный народъ“. Крѣпкія связи между городскими общинами и сословіями порвались, и вѣчевая жизнь остановилась въ своемъ теченіи... Меньшимъ людямъ не стало житья въ Новгородѣ, и, кажется, именно этому слѣдуетъ приписать то быстрое и сильное развитіе повольничества*), которое мы замѣчаемъ въ Новгородѣ въ XIV и XV вв. И напрасно московскіе князья, получивъ преобладающее вліяніе въ Новгородѣ, старались, при помощи своихъ намѣстниковъ, внести болѣе равновѣсія во внутреннюю жизнь Новгорода: — „дѣлами вѣча стала заправлять буйная и своевольная молодежь, попиравшая ногами всѣ преданія старины; вмѣстѣ съ молодежью за общественныя дѣла принялись и женщины, владѣвшія богатыми имѣніями: онѣ захватили всю власть въ свои руки, произвольно раздавали должности, судили и рядили за веселыми пирами...“

Кому не извѣстно, что эта партія молодежи, съ Марѳою Борецкою во главѣ, довела Новгородъ до столкновенія съ Москвою, а затѣмъ и до формальнаго союза съ королемъ польскимъ Казиміромъ противъ Москвы? Прямымъ слѣдствіемъ союза былъ разрывъ Новгорода съ Іоанномъ III и походъ Іоанна на Новгородъ. Двѣ жестокія битвы, Коростынская (7 іюня 1471 года) и Шелонская (14 іюля того-же года) слишкомъ ясно показали новгородцамъ, что борьба съ Москвою имъ не по силамъ... Нѣсколько лѣтъ спустя они были вынуждены окончательно подчиниться Москвѣ. Великій князь Московскій взялъ съ Новгорода тяжкій окупъ, переселилъ многія новгородскія боярскія семьи внутрь своихъ владѣній, отнялъ у Новгорода его богатыя владѣнія въ Заволочьѣ и навсегда лишилъ его всякой самостоятольности. Великій Новгородъ вошелъ въ общій составъ обширнаго государства Московскаго, въ которомъ и тогда уже не трудно было провидѣть будущую громадную Россію.

Но исторія Новгорода на этомъ не окончилась. Послѣдній актъ отношеній Новгорода къ Москвѣ разыгрался сто лѣтъ спустя въ царствованіе царя Ивана Васильевича Грознаго, который, „выводя измѣну“ во всей русской землѣ, нанесъ окончательный, роковой ударъ несчастнымъ новгородцамъ. Впечатлѣніе жестокаго и кроваваго урока, который данъ былъ Грознымъ, живо сохранилось въ мѣстномъ сказаніи о томъ, какъ „царь и великій князь Иванъ Васильевичъ ходилъ съ гнѣвомъ на Великій Новгородъ и на архіепископа Пимена, и на его владычнихъ бояръ, и на вячшихъ именитыхъ людей и на всѣхъ градскихъ жителей“.

„Пріѣздъ“ Іоанна Грознаго въ Новгородъ былъ вызванъ слѣдующимъ обстоятельствомъ. Лѣтомъ 1569 года явился къ царю какой-то Петръ, родомъ волынецъ, и донесъ, что новгородцы хотятъ предаться польскому королю, что у нихъ уже написана грамота объ этомъ и положена въ Софійскомъ соборѣ за образомъ Богоматери. Іоаннъ отправилъ въ Новгородъ вмѣстѣ съ Петромъ довѣреннаго человѣка, который дѣйствительно отыскалъ грамоту за указаннымъ образомъ и привезъ къ государю. Грамоту разсмотрѣли, и подписи на ней архіепископа Пимена и другихъ лучшихъ гражданъ признаны были несомнѣнно вѣрными. Говорятъ, будто этотъ доносчикъ Петръ былъ простымъ бродягой, строго-наказаннымъ за какія-то провинности въ Новгородѣ; изъ желанія отмстить новгородцамъ, онъ отъ себя сочинилъ эту грамоту и необыкновенно искусно подписался подъ руку архіепископа и другихъ гражданъ. Іоаннъ, — въ это время съ особенною яростью устремлявшійся на казни, искавшій каждаго случая, чтобы удовлетворить тому страшному пламени, который сожигалъ его душу — повѣрилъ доносу: онъ рѣшился разгромить Новгородъ. Въ декабрѣ 1569 года царь двинулся туда изъ Александровской слободы, черезъ Клинъ и Тверь, всюду обозначая свой путь казнями и опустошеніями.

2-го января 1570 года нежданно-негаданно явился въ Новгородъ передовой полкъ царской дружины, которому повелѣно было устроить крѣпкія заставы вокругъ всего города, а стра-

*) Повольниками или ушкуйниками назывались тѣ вольныя дружины, которыя подъ предводительствомъ разныхъ удальцовъ собирались и вербовались въ Новгородѣ, водными путями спускались на Волгу и наводили ужасъ на волжскія прибрежья, грабя и опустошая волжскія города «внизъ по матушкѣ», до самой Астрахани.

жамъ на тѣхъ заставахъ „блюсти накрѣпко, кабы ни единъ человѣкъ изъ града не убѣжалъ“. Затѣмъ, князья и дѣти боярскія изъ того-же передового полка разъѣхались по монастырямъ около Новгорода, опечатали въ нихъ церковныя казны, а игумновъ и „черныхъ священниковъ и діаконовъ и соборныхъ старостъ“ изо всѣхъ монастырей новгородскихъ, числомъ около пятисотъ, привезли съ собою въ Новгородъ, и поставили ихъ „на правежъ“ до государева пріѣзда. Точно также собрали поповъ и дьяконовъ бѣлаго духовенства со всѣхъ новгородскихъ церквей и, оковавъ ихъ въ желѣза, отдали подъ стражу особымъ приставамъ, по десяти человѣкъ на каждаго; а тѣмъ приставамъ велѣли бить ихъ на правежѣ крѣпко, съ утра и до вечера, „до искупа, безщадно, а доправити повелѣ государь на нихъ по 20 рублевъ, по новгородскому ихъ числу, какъ у нихъ въ Новгородѣ число деньгамъ держатъ“. Въ то-же самое время другая часть передоваго полка разъѣзжала по улицамъ Новгорода, опечатывая подцерковныя палаты во всѣхъ приходскихъ церквахъ и домовыя палаты въ домахъ именитыхъ гражданъ и, всюду разставляя стражу, приказывала хранить все имущество неприкосновеннымъ до пріѣзда государева. Всѣ именитые граждане, ихъ жены и дѣти также взяты подъ стражу, а ихъ имѣніе и дома опечатаны. Когда эти предварительныя приготовленія были окончены, 6-го января 1570 года, въ самое Крещеніе, пріѣхалъ въ Новгородъ царь Иванъ Васильевичъ, съ сыномъ царевичемъ Иваномъ и „съ нимъ государемъ многое безчисленное множество полковъ, князей и бояръ и дѣтей боярскихъ и прочихъ воинскихъ людей, да полторы тысячи стрѣльцовъ“. И сталъ царь со всею силою своею на Городищѣ.

На другой день, въ субботу, царь повелѣлъ всѣхъ монаховъ, поставленныхъ на правежъ, „избивати палицами на смерть; и убивъ ихъ всѣхъ, повелѣ каждаго изъ нихъ въ свой монастырь развозити и погребати“.

Въ воскресенье, государь, со всѣми своими полками, поѣхалъ въ городъ слушать обѣдню у св. Софіи. Архіепископъ Пименъ, „по закону царскому“, встрѣтилъ царя на Волховскомъ мосту у Чернаго креста съ чудотворными иконами и крестами, со всѣмъ священнымъ соборомъ. Но когда владыка приблизился къ царю и царевичу, чтобы благословить ихъ честнымъ крестомъ—ни царь, ни царевичъ къ кресту не пошли. Иванъ Васильевичъ, съ свойственнымъ ему велерѣчіемъ, гнѣвно сказалъ архіепископу Пимену:

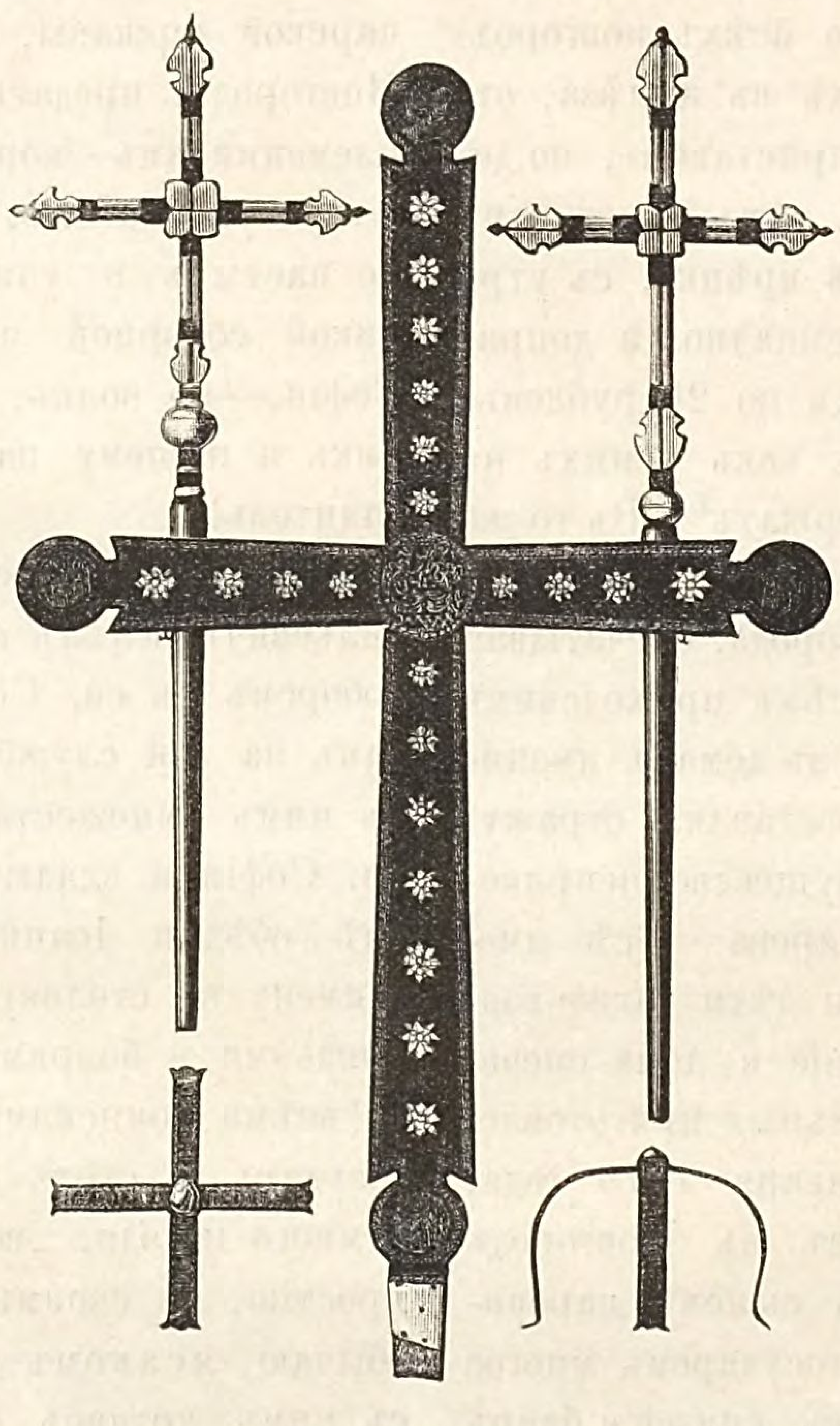
— Ты, злочестивецъ, въ рукѣ своей держишъ не крестъ животворящій, но оружіе, и симъ оружіемъ хочешь уязвить царское сердце наше, по своему неистовому зломысленію! Со своими злотворцами и единомысленниками, жителями сего града, ты хочешь вотчину нашей царской державы, сей великій богоспасаемый Новгородъ, предать супостатамъ нашимъ, иноплеменникамъ—королю литовскому Жигимонту Августу! Знай-же, что отнынѣ ты назовешься не пастырь и учитель и сопрестольникъ великой соборной церкви премудрости Божіей Софіи,—но волкъ, хищникъ, губитель, измѣнникъ и нашему царскому багру и вѣнцу досадитель!“

Послѣ этой яростной рѣчи, царь Иванъ Васильевичъ велѣлъ архіепископу идти со всѣмъ соборомъ къ св. Софіи и служить обѣдню, и самъ на той службѣ былъ, а все пришедшее съ нимъ „множество воинское“ заняло дворъ св. Софіи и владычень, и весь Дѣтинецъ. Послѣ обѣдни Іоаннъ пошелъ къ архіепископу Пимену въ столовую палату „со всѣми своими князьями и боярами, и дѣтьми боярскими и со всѣми воинскими людьми“. И какъ сѣлъ государь за столъ и принялся за ѣду, такъ, немного погодя, „возопилъ гласомъ веліимъ, съ яростію, къ своимъ князьямъ и боярамъ, по обычаю, ясакомъ царскимъ“. И всѣ сидѣвшіе съ нимъ тотчасъ бросились грабить казну и дворъ владычень, и домъ, и всѣ палаты и келіи; а бояръ владычныхъ и слугъ, и самого владыку, ограбивъ, взяли подъ стражу. Тутъ-же, по приказу государя, захвачена была и изъ св. Софіи ризная казна и всѣ дорогія церковныя вещи, и св. иконы чудотворныя Корсунскія, письма греческихъ живописцевъ. Одновременно бояре и дѣти боярскіе разосланы были по всему Новгороду—захватить вездѣ по приходамъ церковную казну, драгоцѣнныя иконы, ризы и церковныя вещи. У иныхъ церквей даже колокола сняли. Точно также были ограблены и всѣ монастыри въ окрестностяхъ Новгорода. На слѣдующій день, въ понедѣльникъ, на Городищѣ, началось грозное судбище. Го-

сударь повелѣлъ пригонять туда толпами изъ Великаго Новгорода „владычнихъ бояръ, служилыхъ людей и дѣтей боярскихъ, и гостей, и всякихъ градскихъ и приказныхъ людей, и женъ ихъ и дѣтей“, числомъ до 1,000 и до 1,500 заразъ. Этихъ несчастныхъ подвергали страшнымъ пыткамъ, стараясь ихъ поголовному избіенію придать видъ заслуженной казни; по сообщенію лѣтописца, тѣло ихъ жгли „нѣкою составною мудростью огненною, которая именуется поджаръ“. Затѣмъ, истерзанныхъ, измученныхъ, еле-живыхъ, ихъ влекли топить въ Волховѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ и зимою не замерзаетъ... Мужей и женъ, отцовъ и дѣтей — губили безъ различія пола и возраста; грудныхъ младенцевъ привязывали къ матерямъ и бросали въ мутныя волны Волхова. Кто всплывалъ, того государевы люди приканчивали копьями и рогатинами. „И такое кровопролитіе“— замѣчаетъ лѣтописецъ — „грѣхъ ради нашихъ, продолжалось ежедневно, недѣль съ пять или болѣе... и тотъ день облегченъ и благодаренъ, въ который въ воду ввергнутъ до 500 или до 600 человѣкъ“.

По окончаніи суда и расправы, Іоаннъ сталъ ѣздить около Новгорода по монастырямъ, и тамъ приказывалъ грабить кельи и житницы, а хлѣбъ, стоявшій въ скирдахъ — сожигать и скотъ избивать. Возвратясь изъ этого объѣзда, царь приказалъ по всему Новгороду, по торговымъ рядамъ и улицамъ, товары грабить, а анбары и лавки разрушать до основанія. Затѣмъ, по посадамъ и далѣе, по станамъ и волостямъ, разосланы были верстъ за 200 и 250 вооруженныя толпы, которымъ приказано было жителей раззорять и грабить, скотъ убивать безъ разбора, дворы и хоромы ломать — даже окна и ворота высѣкать изъ стѣнъ и косяковъ! И этотъ разгромъ продолжался, одновременно съ казнями, около шести недѣль...

НОВГОРОДСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

Корсунскіе кресты.

Наконецъ, 13 февраля, въ понедѣльникъ на второй недѣлѣ великаго поста, государь повелѣлъ изъ оставшихся новгородскихъ людей выбрать съ каждой улицы по лучшему человѣку и представить предъ свои царскія очи. „И стали они передъ царемъ трепетны, дряхлы и унылы, отчаявшись въ животѣ своемъ, и были какъ бы мертвы“. Но царь, къ удивленію ихъ, милостиво взглянулъ на нихъ, и сказалъ: „Жители Великаго Новгорода, оставшіеся въ живыхъ! Молите Господа Бога, Пречистую его Матерь и всѣхъ святыхъ о нашемъ благочестивомъ царскомъ державствѣ, о дѣтяхъ моихъ, благовѣрныхъ царевичахъ, Иванѣ и Ѳеодорѣ, о всемъ нашемъ христолюбивомъ воинствѣ, чтобы Господь Богъ даровалъ намъ побѣду и одолѣніе на всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ; а судитъ Богъ общему измѣннику моему и вашему, владыкѣ Пимену, его злымъ совѣтникамъ и единомышленникамъ: вся эта кровь взыщется на нихъ измѣнникахъ; вы же объ этомъ не скорбите, живите въ Новгородѣ благодарно, а я вамъ вмѣсто себя ставлю правителемъ князя Петра Даниловича Пронскаго“.

И въ тотъ-же день царь Иванъ Васильевичъ, со всею силою своею, выѣхалъ изъ Новгорода по дорогѣ въ Псковъ, а всѣхъ священниковъ и дьяконовъ, которые не откупились отъ правежа, — отослалъ за приставами въ Александровскую слободу.

Самаго владыку посадили на бѣлую кобылу, въ худой и рваной одёженкѣ, дали ему въ руки волынку и бубенъ, какъ шуту или скомороху, возили на посмѣяніе по всѣмъ улицамъ города, и потомъ отправили вслѣдъ за другими опальными...

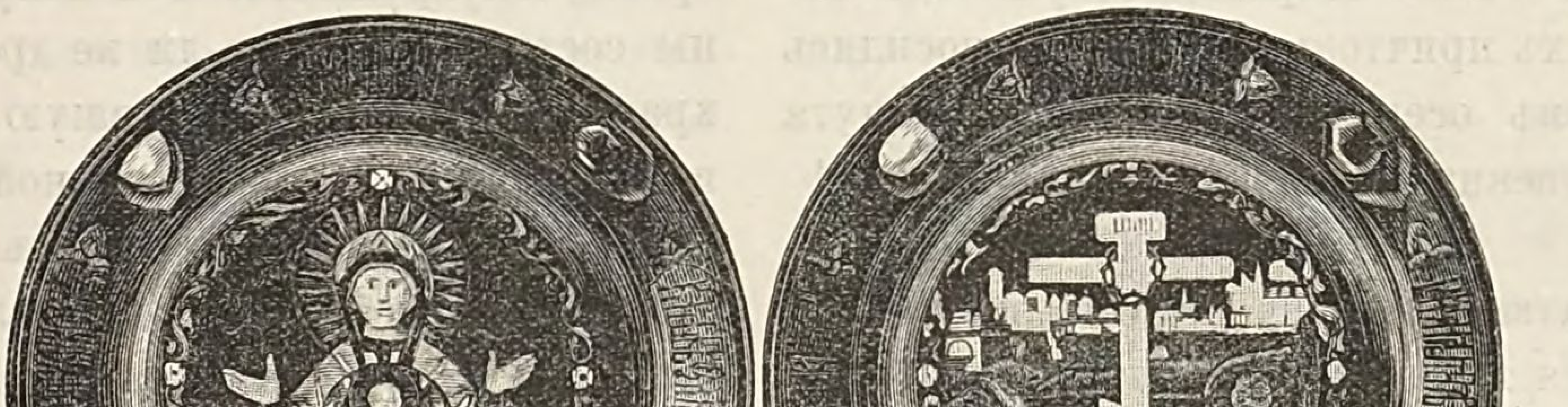
„Се же бысть все“ — замѣчаетъ повѣствователь — „неизреченными судьбами и наказаніемъ Вседержителя Господа Бога нашего, въ великомъ семъ богоспасаемомъ Новѣградѣ, — и всѣмъ живущимъ въ немъ за грѣхи наши, и прочему роду человѣческому въ назиданіе“.

Какое страшное впечатлѣніе произвелъ на новгородцевъ погромъ — не трудно видѣть изъ

НОВГОРОДСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

Древняя серебряная братина, хранимая въ ризницѣ Софійскаго собора.

Древнія финифтью украшенныя блюдца, хранимыя въ ризницѣ Софійскаго собора.

слѣдующаго извѣстія: слишкомъ три мѣсяца спустя послѣ всѣхъ пережитыхъ городомъ ужасовъ, въ церкви св. Параскевы на Торговой сторонѣ собралось у обѣдни (25 мая 1871 г.) довольно много народа. Когда послѣ службы стали звонить въ колокола, вдругъ на всѣхъ напалъ какой-то необъяснимый, таинственный ужасъ... Всѣ бросились бѣжать въ разныя стороны—мужчины, женщины, дѣти—толкая и давя другъ-друга, и сами не зная, куда и зачѣмъ бѣгутъ. Увидѣвъ около церкви смятеніе, купцы переполошились въ лавкахъ и также бросились изъ нихъ бѣжать, разбрасывая товары свои или собственными руками отдавая ихъ первому встрѣчному...

Только уже черезъ полгода, Новгородъ сталъ понемногу оживать и пробуждаться отъ мертваго оцѣпенѣнія. 8 сентября, всѣ еще живые, духовенство и міряне, собрались на полѣ, у церкви Рождества Христова,—служить общую панихиду по усопшимъ, надъ тамошнею скудельницею, въ которой свалены были тысячи неотпѣтыхъ тѣлъ христіанскихъ... Впереди всѣхъ стоялъ нищій, полуюродивый старецъ, Иванъ Жгальце, одинъ дерзавшій предавать землѣ тѣла убіенныхъ во время погрома. Вопли и стенанія толпы покрывали заунывное пѣніе церковныхъ причтовъ и далеко разносились въ прозрачномъ осеннемъ воздухѣ... Минута была торжественная и глубоко-потрясающая!

Нашего краткаго историческаго очерка вполнѣ достаточно для того, чтобы понять, какъ безпощадно была много разъ уничтожаема новгородская старина — и какъ незначительны, какъ ничтожны могли быть остатки, случайно уцѣлѣвшіе отъ пожаровъ, нашествій и погромовъ всякого рода. Тѣмъ болѣе должно быть драгоцѣнно для каждаго изъ насъ то, что уцѣлѣло и сохранилось, и мы полагаемъ, что наши читатели не посѣтуютъ на насъ, если мы обратимъ ихъ вниманіе на важнѣйшія изъ новгородскихъ древностей.

Первое мѣсто въ ряду новгородскихъ древностей принадлежитъ, конечно, Софійскому собору, о которомъ мы и поговоримъ нѣсколько подробнѣе.

Первоначальная церковь во имя „св. Софіи“ была построена въ 989 году, изъ дубоваго лѣса, о тринадцати верхахъ, которые должны были знаменовать Спасителя съ двѣнадцатью апостолами. Эта Софійская церковь сгорѣла въ 1045 году.

Нынѣшній же Софійскій соборъ,—одна изъ древнѣйшихъ русскихъ святынь—основанъ въ 1045 году св. княземъ Владиміромъ Ярославичемъ, внукомъ Владиміра Равноапостольнаго, и освященъ въ 1052 году вторымъ новгородскимъ епископомъ, Лукою Жидятою.

Софійскій соборъ построенъ изъ простого и частью изъ обтесаннаго камня, плитняка, булыжника и кирпича. На немъ шесть главъ, изъ которыхъ пять на срединѣ, а шестая на юго-западной сторонѣ, надъ лѣстницею, ведущею на хоры и въ верхнюю часть храма. Средняя глава еще съ начала XV столѣтія обложена мѣдными, вызолоченными листами, а прочія прежде крыты были свинцомъ, а теперь англійскою жестью. Кресты на главахъ мѣдные, вызолоченные черезъ огонь. На верху креста средней главы находится металлическій голубь, который, согласно древнему церковному преданію, долженъ служить „сѵмволомъ пріосѣненія Духа Святаго надъ храмомъ и надъ всѣми молящимися въ немъ“.

Алтарь главнаго храма выдается къ востоку тремя полукружіями. Эти полукруглые выступы составляютъ едва-ли не древнѣйшую часть храма, менѣе всего терпѣвшую отъ перестроекъ и поновленій. Съ юго-западной стороны къ собору, въ 1411 году, пристроенъ, кромѣ другихъ придѣловъ, небольшой придѣльный храмъ во имя исповѣдниковъ Христовыхъ—Гурія, Самона и Авива. Поводомъ къ постройкѣ этого храма, по преданію, послужило знаменіе, бывшее отъ иконы исповѣдниковъ.

Входовъ въ соборъ три: съ западной стороны, съ сѣверной и съ южной. Всѣ входы обложены разными лѣпными украшеніями, въ родѣ каймы. Особенно замѣчателенъ западный входъ, надъ которымъ помѣщены писанныя на стѣнѣ красками—бесѣда Авраама съ тремя Ангелами, пониже—Софія Премудрость Божія и нерукотворенный образъ Спаса, а по сторонамъ два Архангела. Всѣ эти изображенія написаны въ 1528 г., по повелѣнію новгородскаго архіепископа Макарія (впослѣдствіи митрополита московскаго); прежде, на этомъ мѣстѣ, почти во всю высоту нынѣшнихъ изображеній, написанъ былъ только одинъ поясной образъ Бога-Все-

держителя. Западный входъ въ соборъ замыкается древними металлическими вратами, которыя извѣстны подъ названіемъ Корсунскихъ *).

Направо отъ Корсунскихъ вратъ, если стать къ нимъ лицомъ, вдѣланъ въ стѣну, по древнерусскому обычаю, большой каменный четвероконечный крестъ, съ различными изсѣченными на немъ священными изображеніями и надписями. Одна изъ надписей гласитъ, между прочимъ, что крестъ сей „поставленъ на поклоненіе правовѣрнымъ людямъ, по повелѣнію боголюбиваго архіепископа Алексія". Изъ этой надписи узнаемъ, что крестъ относится къ XIV вѣку, такъ какъ святитель Алексій поставленъ былъ архіепископомъ въ Новгородѣ въ 1360 году.

Внутреннее пространство собора отъ восточной до западной стѣны — 15 саженъ съ полуаршиномъ; отъ южной до сѣверной — 17 саженъ съ аршиномъ. Высота, внутри храма, считая вмѣстѣ съ куполомъ—23$^1/_2$ сажени **). Внутри собора видимъ десять каменныхъ четырегранныхъ столповъ; четыре изъ числа ихъ поддерживаютъ своды съ главнымъ куполомъ; на прочихъ держится верхній ярусъ собора или такъ-называемыя полати. Столбы соединены между собою арками. Освѣщенъ соборъ довольно слабо, небольшими окнами; полати освѣщены особыми, узенькими окошечками, расположенными подъ крышей.

Главный храмъ собора въ честь Успенія Пресвятой Богородицы; по правую сторону главнаго храма первый придѣлъ во имя Богоотецъ Іоакима и Анны; второй, рядомъ съ нимъ, въ честь Рождества Пресвятыя Богородицы; а по лѣвую сторону отъ главнаго входа придѣлъ во имя Іоанна Богослова. Всѣ эти придѣлы устроены въ одну линію съ иконостасомъ главнаго храма. Къ западу, противъ Богословскаго придѣла есть еще одинъ—въ память усѣкновенія главы Іоанна Предтечи.

Соотвѣтственно придѣлу Предтеченскому, на южной сторонѣ собора, устроены два отдѣленія для ризницы, изъ которыхъ въ одномъ погребены князья и святители новгородскіе, а въ другомъ хранятся ризничныя вещи. Отъ нижней ризницы вверхъ къ полатямъ и далѣе, къ юго-западному куполу, идетъ кругообразная, огибающаяся около столпа, лѣстница.

На полатяхъ устроены хоры съ трехъ сторонъ главнаго храма: западной, южной и сѣверной. Подъ поломъ хоръ изстари были устроены тайники или тайныя кладовыя (вышиною около 1$^1/_2$ сажени), для храненія церковной утвари отъ вражескихъ нападеній. По сторонамъ хоръ, къ внѣшнимъ стѣнамъ, примыкаютъ небольшія комнаты; въ обращенныхъ на югъ хранятся рѣдкости и древности собора; въ обращенныхъ на сѣверъ — помѣщена соборная библіотека, нѣкогда очень богатая рукописями, а въ настоящее время не имѣющая особеннаго значенія, послѣ того, какъ всѣ древнія рукописи были перенесены изъ нея на храненіе въ библіотеку с.-петербургской духовной академіи.

Переходя отъ общаго описанія собора къ частному описанію составляющихъ его частей и придѣловъ, прежде всего обратимъ вниманіе на то, что главный алтарь Софійскаго собора, по древнему церковному обычаю, раздѣленъ двумя боковыми стѣнами на три части: по срединѣ алтаря св. престолъ, въ правомъ предалтаріи — діаконникъ, въ лѣвомъ—жертвенникъ.

Любопытно устройство въ алтарѣ горняго мѣста, съ шестью ступенями и по сторонамъ его поставленными каменными сѣдалищами для священниковъ. На горнемъ мѣстѣ, въ небольшой впадинѣ стѣны, стоитъ кресло, служившее въ теченіе многихъ вѣковъ, сѣдалищемъ для многихъ святителей новгородскихъ. Кресло это деревянное, весьма прочной, массивной работы; съ трехъ сторонъ оно ограждено деревянными стѣнками, которыя снаружи украшены золоченою рѣзьбою. Ножки состоятъ изъ рѣзныхъ вызолоченныхъ чешуйчатыхъ рыбъ съ отверстыми пастями и загнутыми кверху хвостами. По обѣ стороны горняго мѣста, повыше сѣдалищъ, стѣны собора украшены полосою мозаики, аршина въ два шириною. Мозаика эта, весьма грубой работы, состоитъ изъ небольшихъ кусочковъ стекла, квадратныхъ, треугольныхъ и продолговатыхъ—зеленаго, кофейнаго и желтаго цвѣта. Украшенія расположены въ видѣ полукруговъ, крестовъ и круговъ, и по времени происхожденія своего современны пер-

*) Объ этой замѣчательной древности мы скажемъ подробнѣе при описаніи святынь и древностей Софійскаго собора.

**) Теперь эта высота нѣсколько менѣе, такъ какъ полъ собора былъ въ недавнее время поднятъ.

воначальному построенія каменнаго храма, т. е. относятся къ XI вѣку.

Надъ горнимъ мѣстомъ, на золотомъ полѣ свода, изображенъ красками Господь Саваоѳъ, а ниже его—Софія Премудрость Божія, списанная съ древней иконы, находящейся въ иконостасѣ.

Иконостасъ новгородскаго Софійскаго собора — старинный по устройству, прямой, безъ всякой рѣзьбы и украшеній; устройство этого иконостаса относится къ половинѣ XIV вѣка, когда соборъ подвергся пожару и былъ поновленъ при архіепископѣ Василіѣ. Изъ надписи надъ царскими вратами видно, что они устроены въ 1653 году, а серебромъ обложены въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія.

По правую сторону царскихъ вратъ помѣщены въ иконостасѣ три иконы, драгоцѣнныя по своей древности — икона Спасителя, сидящаго на престолѣ, икона св. Софіи Премудрости Божіей *) и икона св. апостоловъ Петра и Павла. Всѣ три принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ святынь русскихъ и уже изстари были извѣстны въ Новгородѣ подъ названіемъ корсунскихъ иконъ—будто-бы принесенныхъ Владиміромъ Равноапостольнымъ изъ Корсуня, послѣ того, какъ имъ было принято крещеніе. Хотя этому преданію противорѣчитъ очень многое, и подтвердить его фактически едва-ли возможно, однакоже не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что всѣ эти три икони писаны греческими иконописцами и по самому пошибу письма должны быть отнесены къ XI вѣку. Есть основаніе думать, что иконы были писаны греческими иконописцами не въ Византіи, а у насъ на Руси, и что онѣ современны первоначальной постройкѣ каменнаго собора св. Софіи въ Новгородѣ, хотя и были, конечно, нѣсколько разъ поновляемы. Съ новгородскаго образа св. Софіи писаны были уже въ старину иконы св. Софіи для соборовъ въ Вологдѣ, въ Троице-Сергіевой Лаврѣ, въ Тобольскѣ и для многихъ церквей въ Архангельской и Вятской епархіяхъ, съ нѣкоторыми весьма незначительными прикрасами и отмѣнами.

Рядомъ съ нею поставленныя иконы—Спасителя и апостоловъ Петра и Павла находились въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ до 1570 г., когда, при разгромѣ и ограбленіи софійской казны и ризницы, взяты были царемъ Іоанномъ Васильевичемъ въ Москву. Два года спустя, обѣ иконы возвращены въ Новгородъ и поставлены въ соборѣ, на старомъ мѣстѣ, „противъ мѣста владычня“; но икона апостоловъ Петра и Павла возвращена изъ Москвы въ подлинникѣ, а съ иконы Спасителя присланъ только совершенно точный списокъ **).

По лѣвую сторону царскихъ вратъ въ иконостасѣ находятся также замѣчательныя иконы, о которыхъ достовѣрно извѣстно, что онѣ писаны не позже XIV вѣка; что-же касается остальныхъ иконъ, входящихъ въ составъ иконостаса, то нѣкоторыя изъ нихъ писаны въ XIV в., другія въ XVI и XVII вѣкѣ; но, благодаря поновленіямъ, которымъ онѣ подвергались въ разное время, вѣкъ многихъ изъ числа ихъ не можетъ быть опредѣленъ съ полною достовѣрностью.

По древнему пошибу письма на иконахъ и по старинному своему устройству замѣчательны царскія врата въ придѣлѣ Рождества Пресвятой Богородицы; врата эти — гладкія, дву-

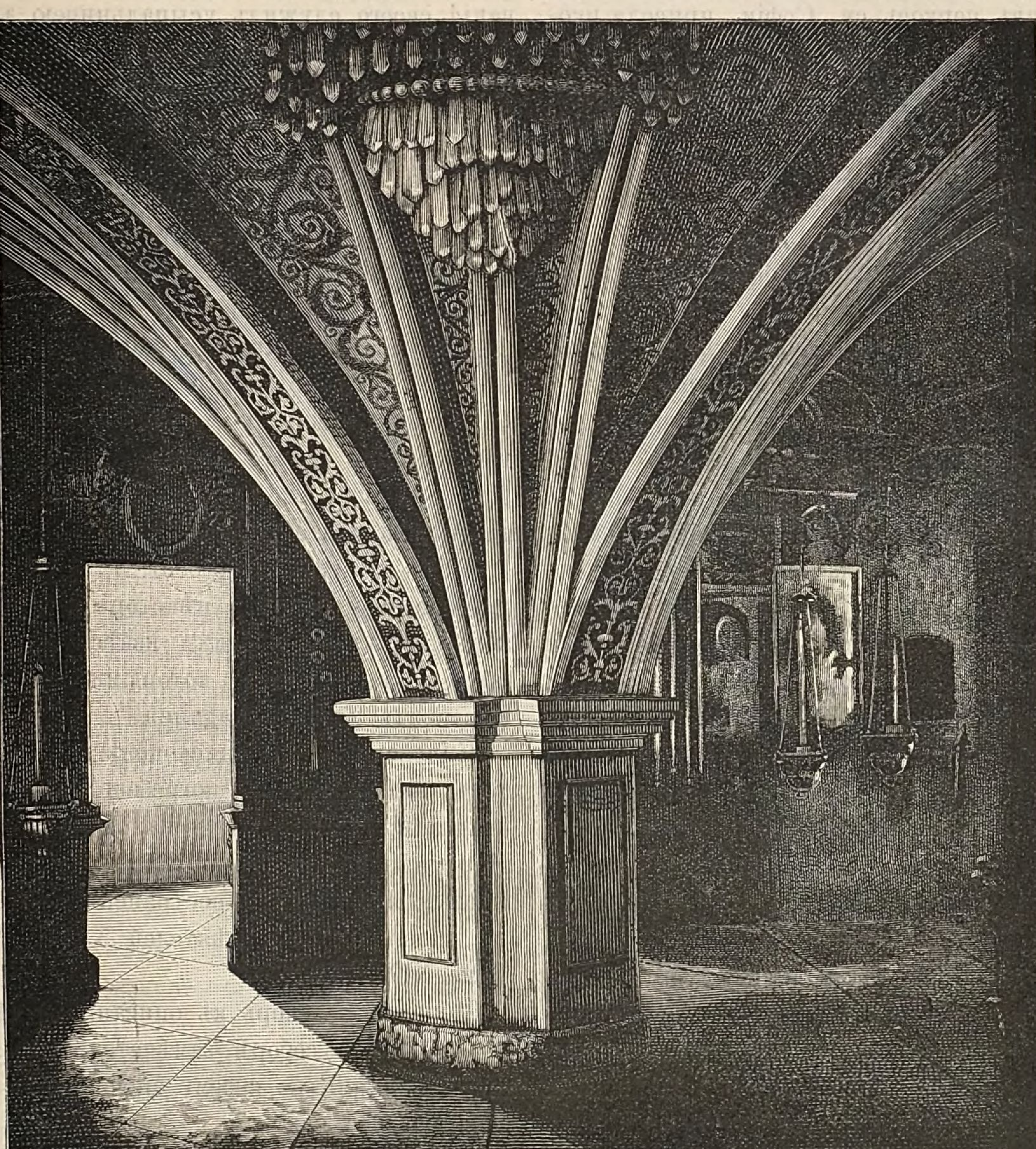
*) Для большинства нашихъ читателей, не знакомыхъ съ тонкостями нашего древняго иконописанія, помѣщаемъ здѣсь подробное описаніе этой замѣчательной иконы. Прежде всего замѣтимъ, что она никакого отношенія не имѣетъ къ св. Софіи-великомученицѣ, а напротивъ, представляетъ собою только символическое изображеніе «Премудрости Божіей, олицетворенной въ Словѣ». На иконѣ Софіи Премудрости Божіей изображенъ Ангелъ огненнаго вида, съ огненными крылами, въ царской одеждѣ (въ далматикѣ) дикаго цвѣта; на главѣ Ангела царскій вѣнецъ съ крестомъ на верху; сидитъ онъ на четыреножномъ престолѣ, поддерживаемомъ семью столпами, и держитъ въ правой рукѣ скипетръ, а въ лѣвой — свитокъ, подъ ногами изображено подножіе въ родѣ подушки; надъ главою написано: Премудрость Божія; выше сего звѣздное небо, на подобіе радуги, на немъ четвероножный престолъ, на коемъ лежитъ закрытая книга, а по сторонамъ престола по три крылатыхъ Ангела, припадающихъ къ нему; нижніе изъ нихъ держатъ — одинъ солнце, а другой — мѣсяцъ. На право отъ сидящаго на престолѣ Ангела въ предстояніи Божія Матерь, держащая при персяхъ обѣими руками круглую икону Спасителя, который десницею благословляетъ, а въ шуйцѣ держитъ свитокъ; на лѣвой сторонѣ Іоаннъ Предтеча во власяницѣ; правая рука его приложена къ персямъ, а въ лѣвой свитокъ, на которомъ написано: «се агнецъ Божій, вземляй грѣхи всего міра».

«Посему изображенію Софіи Премудрости Божіей (самое слово Софія, по гречески значитъ: премудрость) на иконѣ представляется намъ Іисусъ Христосъ — Божія сила и Божія премудрость, воспріявшая для спасенія міра плоть отъ Пречистыя Дѣвы Маріи».

**) Подлинникъ оставленъ былъ въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ находится и понынѣ.

створчатыя, вверху полукруглыя, обложены кругомъ и поперегъ полосками тонкаго басменнаго серебра и украшены хрусталями и простыми камешками. Эти врата были устроены при архіепископѣ Макаріи (въ 1528 г.) для мени хрусталя, вельми чудный по устроенію“...

Въ половинѣ XVII вѣка для главнаго храма устроены новыя врата, а эти перенесены въ придѣлъ Рождества Пресвятой Богородицы.

Грановитая палата Новгородскаго владычнаго дома.

главнаго храма Софійскаго собора и тогда возбудили удивленіе современниковъ, судя по сохранившемуся отзыву современнаго лѣтописца:

...„иконописцы-же и хитрецы устроили по велѣнію Макарія царскія двери вельми чудно видѣти и всякой лѣпоты исполнены; и крестъ честной на верху дверей поставили отъ ка-

Не останавливаясь на другихъ подробностяхъ описанія иконъ собора и стѣнной его живописи, мы упомянемъ здѣсь только о двухъ иконныхъ изображеніяхъ, тѣсно связанныхъ преданіемъ съ исторіею Новгорода и Софійской святыни.

Прежде всего обратимъ вниманіе на громад-

ное изображеніе Спасителя, во главѣ, на сводѣ главнаго корпуса, писанное со сжатою рукою. Ниже его изображены, также въ большихъ размѣрахъ—архангелы, херувимы и пророки. О написаніи этого замѣчательнаго образа Спасителя лѣтопись новгородская сохранила намъ слѣдующее весьма любопытное преданіе:

„Устроивъ церковь св. Софіи, привели иконописцевъ изъ Царьграда, и начали подписывать во главѣ и написали образъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа съ благословляющею рукою. Въ одно утро епископъ Лука, осматривая письмо иконописцевъ, увидѣлъ, къ крайнему своему удивленію, что образъ Господень написанъ не съ благословляющею рукою, и приказалъ иконописцамъ руку Спасителя переписать. Но иконописцы напрасно трудились цѣлыхъ три утра надъ написаніемъ руки... Наконецъ, на четвертое утро иконописцы услышали голосъ, исходящій отъ образа Господня и сказавшій имъ: „пи̇сари, пи̇сари, о пи̇сари! не пишите меня съ благословляющей рукой а напишите меня со сжатою рукою, ибо въ сей рукѣ моей я весь Великій Новгородъ держу; а когда сія рука моя разожмется—тогда наступитъ и городу этому скончаніе“.

На правой сторонѣ собора, на четвертомъ столбѣ (съ западной стороны) находится икона Зосимы и Савватія—Соловецкихъ чудотворцевъ. Преподобные изображены на той иконѣ во весь ростъ, стоящими:—между ними церкви Соловецкой обители; надъ ними матерь Божія съ предвѣчнымъ младенцемъ. По широкой каймѣ, вокругъ иконы, написаны въ особыхъ медальонахъ (или клеймахъ) различныя чудеса преподобныхъ: одно изъ этихъ чудесъ напоминаетъ послѣднія времена новгородской вольности—эпоху Марѳы Борецкой. Зосима представленъ на пиру у Марѳы посадницы, а бояре новгородскіе, сидящіе около него за столомъ, изображены безъ головъ.

Преданіе, дѣйствительно, гласитъ, что преподобный Зосима, приглашенный на пиръ къ Марѳѣ, прослезился и такъ опечалился, что не могъ вкушать предлагаемую ему пищу. На вопросъ ученика своего Даніила о причинѣ скорби, преподобный отвѣчалъ, что ему было видѣніе:—сидѣвшіе за столомъ представились ему обезглавленными, и онъ, судя по этому видѣнію, предузналъ ихъ горестный конецъ. Предсказаніе Зосимы сбылось впослѣдствіи; при Іоаннѣ III Марѳа была сослана на далекій сѣверъ Россіи, а многіе изъ новгородскихъ бояръ обезглавлены.

Въ заключеніе того, что сообщено было нами о внутреннемъ устройствѣ Софійскаго собора, замѣтимъ, что этотъ храмъ съ самаго основанія своего служилъ усыпальницею для многихъ новгородскихъ владыкъ и особенно-любимыхъ мѣстныхъ новгородскихъ князей. Многіе изъ владыкъ и князей новгородскихъ праведностью жизни и подвигами духовными достигли того, что были причтены къ лику святыхъ, и мощи ихъ доселѣ почіютъ въ соборѣ Софійскомъ. Такъ видимъ здѣсь мощи святителя Никиты († 1107 г.) и святителя Іоанна, мощи св. князя Мстислава († 1180 г.) и св. благовѣрнаго князя Владиміра (строителя церкви св. Софіи) и матери его св. благовѣрной княгини Анны. Далѣе: мощи св. князя Ѳеодора Ярославича († 1233 г.), родного брата св. князя Александра Невскаго.

Здѣсь-же были погребены и другіе князья новгородскіе, бояре и нѣкоторые изъ посадниковъ; но, кромѣ многихъ извѣстныхъ, оказались и такіе, надъ которыми нельзя было выставить никакой надписи.

Епископовъ, архіепископовъ и митрополитовъ новгородскихъ погребено здѣсь болѣе двадцати; въ числѣ ихъ находимъ и Іоакима Корсунянина и Луку Жидяту—видѣвшихъ первыя времена распространенія христіанства въ Новгородѣ, и дѣятелей XVII, XVIII и даже XIX вѣка.

Перейдемъ теперь къ описанію отдѣльныхъ предметовъ въ соборѣ, замѣчательныхъ по своей древности или по своему значенію въ исторіи новгородской святыни.

Въ соборѣ висятъ на желѣзныхъ цѣпяхъ четыре мѣдныя литыя паникадила (хоросы): три близь иконостаса, а четвертое близь облачальнаго амвона среди церкви. Первое изъ нихъ, самое большое, въ вышину, безъ яблока $5^1/_2$ аршинъ, о четырехъ ярусахъ свѣчей, съ литыми херувимами, апостолами и разными украшеніями; на верху его—двуглавый орелъ, а внизу серебряное яблоко и кисть изъ серебряныхъ и золотыхъ сканныхъ нитей съ жемчужными украшеніями. Изъ надписи на этомъ паникадилѣ видно, что оно устроено въ 1600 году,

въ царствованіе Бориса Θеодоровича Годунова. Неизвѣстно, когда устроены прочія три меньшія трехъ-ярныя паникадила, съ крестами на верху и съ привѣшенными внизу кистями и строѳокамиловыми яйцами.

Между лампадами и подсвѣчниками собора есть также замѣчательныя по старинѣ и по искусству издѣлія; болѣе же всего замѣчательно паникадило такъ называемое Корсунское (по преданію тоже относимое къ временамъ Владиміра Равноапостольнаго). Эта лампада желтой мѣди, состоящая изъ круглаго обручика и сквозного поддона, съ выпуклымъ также сквознымъ колпакомъ; обручикъ украшенъ литыми иконами; поддонъ — шестью изображеніями херувимовъ (и при каждомъ надпись „Херовимъ“); на колпакѣ шесть центавровъ, изображенныхъ съ крыльями на шеѣ, съ вѣнцами на главахъ и съ оружіемъ въ лапахъ, похожимъ на булаву. Эта лампада — несомнѣнно византійской работы. На южной сторонѣ собора, около ближайшихъ къ иконостасу двухъ каменныхъ столповъ поставлены два деревянныя мѣста: одно царское, а другое святительское, съ остроконечными, шпилеобразными верхами, которые заканчиваются вызолоченною главою съ крестомъ. Дверцы и стѣнки того и другого мѣста украшены съ наружной стороны рѣзьбою, золотомъ и писанными изображеніями и выпуклыми рѣзными надписями. При первоначальномъ устройствѣ царскаго мѣста на крестѣ его былъ золотой голубь, котораго теперь нѣтъ. Какъ то, такъ и другое мѣсто, въ настоящемъ своемъ видѣ, были по видимому устроены въ XVI вѣкѣ, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ.

Въ Софійскомъ соборѣ находятся двои врата, замѣчательныя и по устройству своему, и по древности. Одни, какъ мы уже видѣли выше, извѣстны подъ названіемъ Корсунскихъ и повѣшены у западнаго входа въ соборъ; другія, называемыя Шведскими или Сигтунскими, находятся внутри собора, у входа въ придѣлъ Рождества Пресвятой Богородицы.

Корсунскія врата — памятникъ въ высшей степени любопытный, хотя и весьма загадочный. Внимательно вглядѣвшись въ это замѣчательное произведеніе искусства, видимъ, что оно пережило много вѣковъ, много поколѣній и много переворотовъ—и что всѣ эти перевороты должны были оставить свой замѣтный слѣдъ на Корсунскихъ вратахъ.

Врата Корсунскія—вышиною въ 5 аршинъ, двустворчатыя, при чемъ каждая изъ двухъ половинокъ шириною въ $1^3/_4$ аршина. Половинки вратъ деревянныя, обложенныя съ лицевой стороны мѣдными дощечками; по краямъ половинокъ и между дощечками проходитъ выпуклая, богато-украшенная, хотя и не вездѣ одинаковая кайма. На дощечкахъ вычеканены выпуклыя изображенія. Предметы изображеній на дощечкахъ заимствованы, большею частью, изъ Св. Писанія; но рядомъ съ этими сюжетами, на нѣкоторыхъ доскахъ, помѣщены и аллегорическія изображенія, и сцены житейскія, и миѳологическія животныя, и даже историческія личности. На лѣвой половинкѣ Корсунскихъ вратъ изображено Рождество Іисуса Христа и первый возрастъ Его; на правой — входъ Его въ Іерусалимъ, страданія, смерть и сошествіе въ адъ. На обѣихъ половинкахъ, на равной высотѣ, около створа, помѣщаются два выпуклыхъ изображенія, представляющихъ львиныя головы съ отверстою пастью, въ которой примѣтны человѣческія головы; къ пасти львиной прикрѣплены рукояти, въ видѣ змѣй; а внизу, подъ одною изъ головъ, подпись: „адъ пожирае грѣшныхъ“. Львиныя головы со змѣями замѣняютъ дверныя ручки.

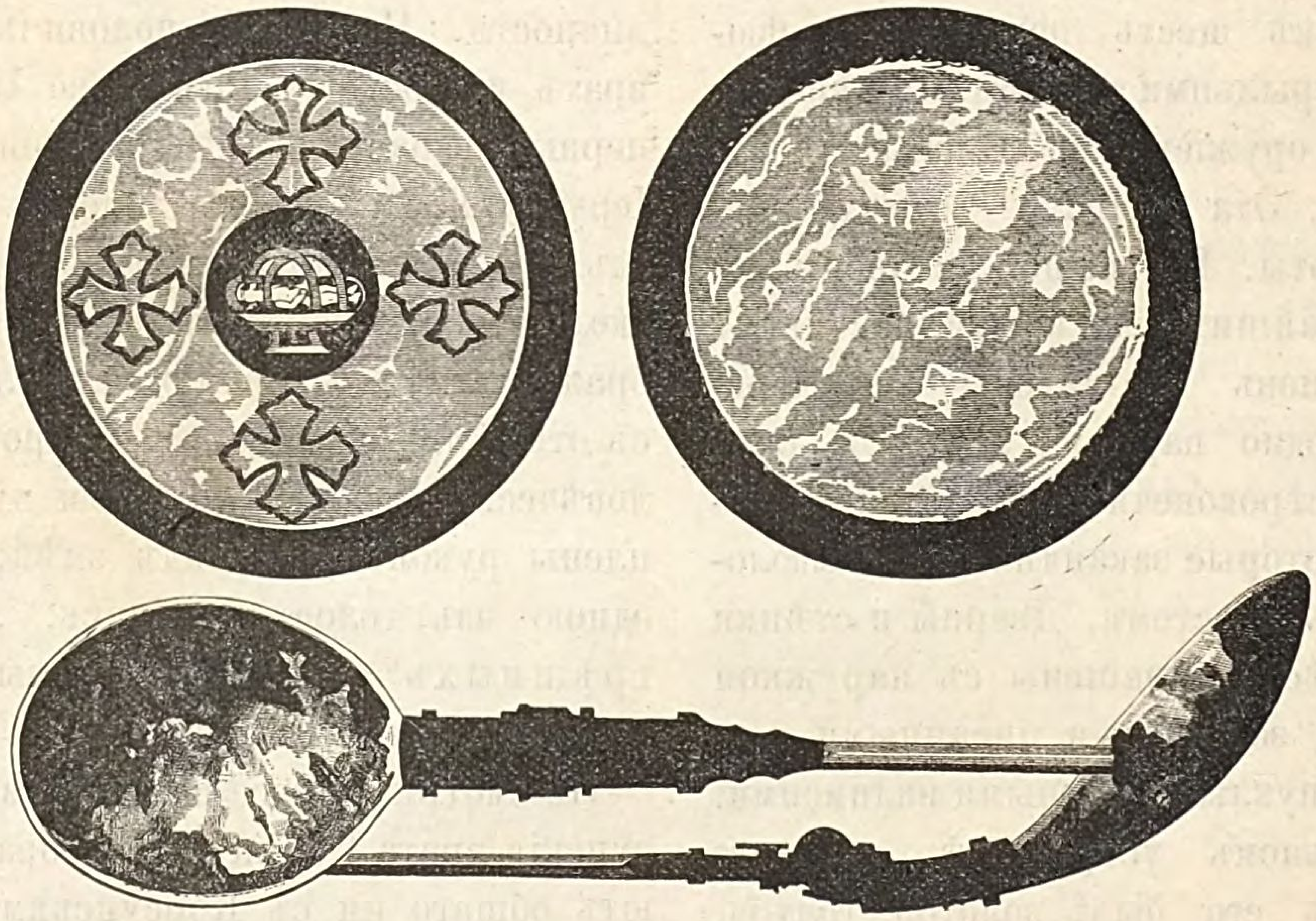
Не смотря на свое названіе, знаменитыя Корсунскія врата Софійскаго собора ничего не имѣютъ общаго ни съ Корсунскимъ, ни съ Византіей, и, по стилю работы и украшеній, принадлежатъ къ древнѣйшимъ произведеніямъ нѣмецкаго литейнаго искусства (по всѣмъ вѣроятіямъ не позже конца XII в.). Нѣмецкое происхожденіе вратъ подтверждается въ особенности тѣмъ, что на нихъ изображены нѣмецкіе художники — Риквинъ, Аврамъ и Вайзмутъ, работавшіе надъ издѣліемъ этого художественнаго произведенія, а также и тѣмъ, что всѣ духовныя лица, помѣщенныя въ изображеніяхъ, напр. епископы и дьяконы, представлены въ нѣмецкой одеждѣ среднихъ вѣковъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о вооруженіи воиновъ, которые помѣщены на многихъ дощечкахъ вратъ. Подъ отдѣльными изображеніями видимъ подписи на латинскомъ языкѣ, поясняющія смыслъ изображеній, а рядомъ съ ними вырѣзаны русскія надписи, выставленныя, очевидно, для той же

цѣли, по отношенію къ русской новгородской паствѣ. По этимъ подписямъ не трудно замѣтить, что изображенія, находящіяся на Корсунскихъ вратахъ, не всегда были размѣщены въ томъ порядкѣ, въ которомъ видимъ ихъ въ настоящее время, или что теперь они размѣщены на половинкахъ дверей не въ томъ видѣ, какъ размѣщены были первоначально. Погромы и раззоренія должны были, конечно, коснуться и этой драгоцѣнной древности и мы можемъ только удивляться тому, съ какимъ тщаніемъ владыки новгородскіе и причетъ Софійскаго со-

прекрасныя церковныя врата были произведеніемъ магдебургскихъ художниковъ конца XII вѣка. Многія изъ символическихъ и аллегорическихъ изображеній, помѣщенныхъ на правой и на лѣвой половинкахъ Корсунскихъ вратъ, до сихъ поръ не объяснены нашими учеными археологами.

Другія, вышепомянутыя нами, Шведскія или Сигтунскія врата*), значительно меньше Корсунскихъ (каждая половинка $3^3/_4$ аршина вышины, и $1^3/_4$ аршина ширины) по размѣрамъ, и значительно проще по украшеніямъ,

НОВГОРОДСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

Блюдца и лжицы изъ агата, принадлежавшія Антонію Римлянину.

бора постоянно оберегали эти западныя врата, въ теченіи семи вѣковъ неутратившія ни одной изъ своихъ дощечекъ, ни кусочка своей сложной и богатой орнаментаціи.

Когда именно Корсунскія врата были привезены изъ Германіи въ Новгородъ — объ этомъ лѣтописи новгородскія не говорятъ намъ ни слова; неизвѣстно также и то — были-ли эти врата пріобрѣтены путемъ торговыхъ сношеній, или путемъ завоеванія во время одного изъ смѣлыхъ морскихъ набѣговъ на города балтійскаго побережья. Судя, однако-же, по тому, что на одной изъ металлическихъ дощечекъ изображенъ Магдебургскій епископъ Вихманъ, который умеръ въ 1192 году, можно догадываться, что эти

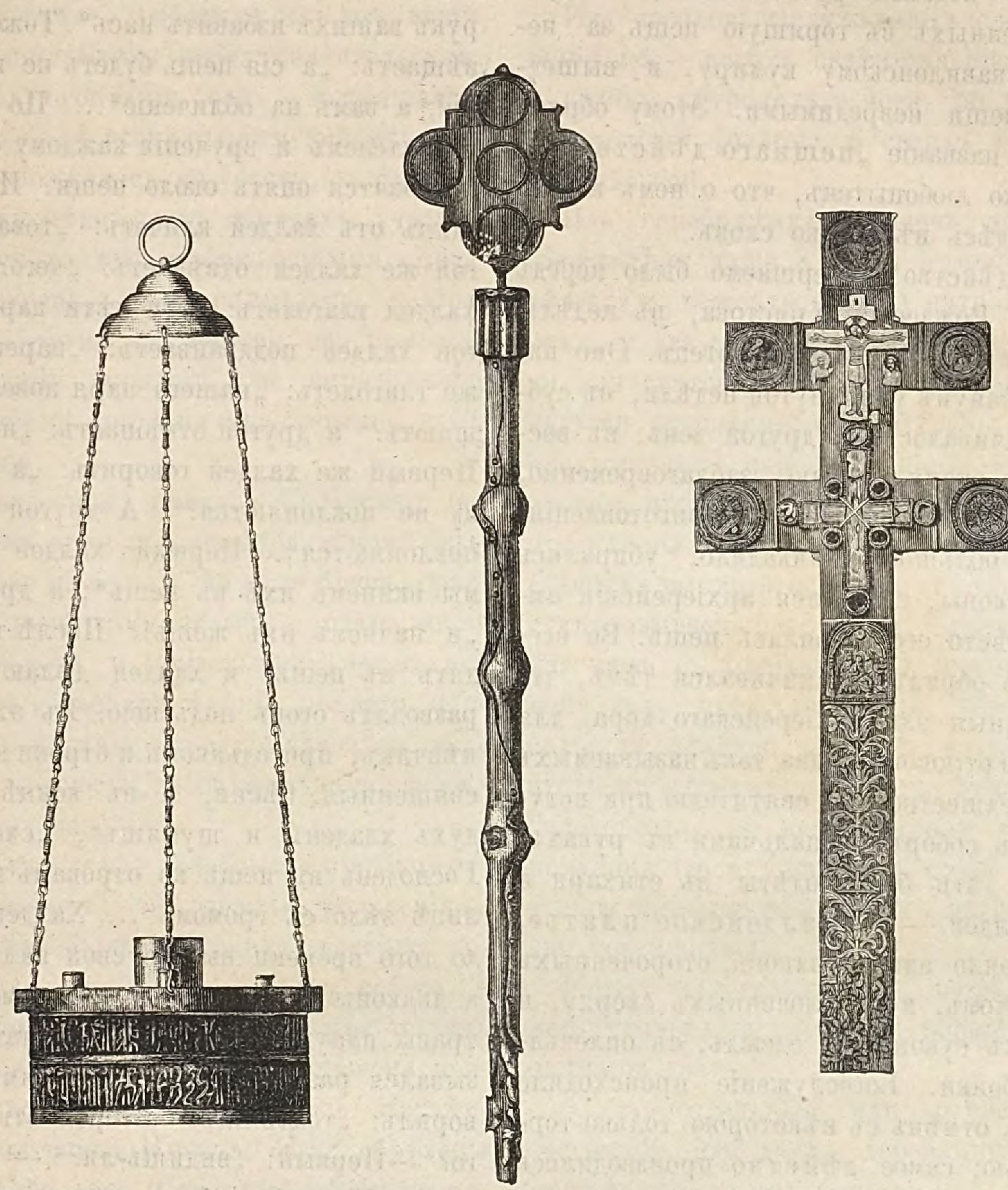
хотя, повидимому, также принадлежатъ къ весьма отдаленной эпохѣ. На каждой половинкѣ этихъ вратъ видимъ три отдѣленія, образуемыя продольною и поперечными каймами; въ каждомъ изъ трехъ отдѣленій видимъ по кресту особаго вида. Кресты состоятъ изъ одной продольной длинной полоски и двухъ поперечныхъ — покороче; продольная полоска книзу раздвигается, и концы ея поднимаются по обѣ стороны креста вверхъ, въ видѣ буквы S, до нижней поперечной полоски. Кайма, огибающая каждую половинку, украшена выпуклыми

*) Эти врата—также деревянныя обложенныя металлическими (мѣдными или бронзовыми) досками.

рѣзными розетками, цвѣтами и звѣздами; вмѣсто ручекъ, на каждой половинкѣ львиныя головы съ кольцомъ во рту.

По мѣстному преданію, эти врата называютъ Сигтунскими будто-бы потому, что, во второй половинѣ XII вѣка, они были увезены новгородцами изъ раззоренной ими древней шведской столицы Сигтуны.

Первое мѣсто между древностями собора, по интересу и значенію, послѣ описанныхъ нами вратъ, принадлежитъ, конечно, такъ называемой „Халдейской или Вавилонской пещи *), напоминающей одинъ изъ обрядовъ, въ настоящее время уже не существующихъ болѣе въ нашемъ церковномъ богослуженіи. „Пещь“ эта деревянная, круглая, въ вышину $3^1/_2$ арш., а въ діаметрѣ $2^3/_4$ аршина; она состоитъ изъ 12-ти столбиковъ, утвержденныхъ въ кругломъ основаніи пещи. Между столбиками, внизу, поставлено по одной фигурѣ рѣзного человѣка, въ одеждѣ, съ поднятыми кверху руками; на рукахъ и головахъ этихъ рѣзныхъ фигуръ утвержденъ кругъ изъ брусьевъ, а на брусьяхъ поставлены продольныя доски, украшенныя продолговатыми рѣзными рамками, въ которыхъ прежде помѣщались изображенія святыхъ. Столбики и доски обложены мелкою вызолоченною рѣзьбою; фигуры рѣзныхъ человѣчковъ

Древнія рипиды, крестъ св. Антонія и желѣзная прорѣзная лампада, хранимыя въ ризницѣ Софійскаго собора.

*) Рисунокъ нашъ на стр. 120 представляетъ ту пещь, которая нѣкогда хранилась въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, а нынѣ находится въ музеѣ христіанскихъ древностей, при с.-петербургской академіи художествъ.

также были нѣкогда раскрашены и раззолочены. „Пещь“, по указанію лѣтописи, устроена для Софійскаго собора въ половинѣ XVI вѣка и до конца XVIII вѣка служила мѣстомъ дѣйствія для того обряда, который установленъ былъ въ воспоминаніе о подвигѣ трехъ библейскихъ отроковъ, вверженныхъ въ горящую пещь за непоклоненіе вавилонскому кумиру, и вышедшихъ изъ пещи невредимыми. Этому обряду придавалось названіе „пещнаго дѣйства“, и онъ настолько любопытенъ, что о немъ нельзя не сказать здѣсь нѣсколько словъ.

„Пещное дѣйство“ совершаемо было передъ праздникомъ Рождества Христова, въ недѣлю св. Отецъ или въ недѣлю Праотецъ. Оно начиналось наканунѣ упомянутой недѣли, въ субботу, и оканчивалось на другой день, въ воскресенье. По этому случаю, заблаговременно, дѣлались въ соборѣ нѣкоторыя приготовленія: разбиралось большое паникадило, убирались нѣкоторыя иконы, сдвигался архіерейскій амвонъ и на мѣсто его ставилась пещь. Во всенощную весь обрядъ ограничивался тѣмъ, что дѣти, избранныя изъ архіерейскаго хора, для представленія отроковъ, и два такъ называемыхъ халдея—предшествовали святителю при вступленіи его въ соборъ, съ пальмами въ рукахъ. При этомъ дѣти были одѣты въ стихари и вѣнцы, а халдеи — въ халдейское платье, которое состояло изъ колпаковъ, отороченныхъ заячьимъ мѣхомъ, и вызолоченныхъ сверху, и изъ широкихъ суконныхъ одеждъ, съ оплечьями изъ выбойки. Богослуженіе происходило безъ всякихъ отмѣнъ съ нѣкоторою только торжественностью; самое дѣйство производилось во время заутрени. Тогда, какъ и во всенощную, отроки и халдеи (притомъ первые съ зажженными свѣчами) предшествуютъ святителю. По окончаніи пролога, протопопъ и священники поютъ приличныя обстоятельствамъ священныя пѣсни. Въ это время, руки отроковъ обвязывались полотенцемъ и они подводились халдеями къ святительскому мѣсту. „Егда же дойдетъ первый халдей до церкви близъ пещи, и станутъ отроки и халдеи, и указуютъ оба халдея отрокамъ на пещь пальцами, и глаголетъ первый халдей ко отрокамъ: „дѣти царевы?“ Другій же халдей поддваиваетъ тое-же рѣчь: „царевы!“ И первый глаголетъ халдей: „видите-ли сію пещь огнемъ горящую и вельми распаляему?“ И паки второй глаголетъ халдей: „а сія пещь уготована вамъ на мученіе“. И потомъ Ананія отвѣщаетъ: „видимъ мы пещь сію, не ужасаемся ея; есть бо Богъ нашъ на небеси, ему же мы служимъ: той силенъ изъяти насъ отъ пещи сея“. И по семъ Азарія глаголетъ: „и отъ рукъ вашихъ избавитъ насъ“. Тоже Мисаилъ отвѣщаетъ: „а сія пещь будетъ не намъ на мученіе, а вамъ на обличеніе“... По благословеніи святителемъ и врученіи каждому свѣчи, отроки становятся опять около пещи. И въ то время единъ отъ халдей кличетъ: „товарищъ!“ Другой же халдей отвѣчаетъ: „чего?“ И первый халдей глаголетъ: „эти дѣти царевы?“ А другой халдей поддваиваетъ: „царевы“. Первый же глаголетъ: „нашего царя повелѣнія не слушаютъ?“ а другой отвѣщаетъ: „не слушаютъ“. Первый же халдей говоритъ: „а златому тельцу не поклоняются?“ А другой халдей: „не поклоняются“. Первый халдей говоритъ: „и мы вкинемъ ихъ въ пещь“; а другого отвѣтъ: „и начнемъ ихъ жещь!“ Послѣ того дѣтей вводятъ въ пещь, и халдеи дѣлаютъ видъ, что разводятъ огонь подъ нею. Въ это время хоръ пѣвчихъ, протодьяконъ и отроки въ пещи поютъ священныя пѣсни, и въ концѣ стиха: „яко духъ хладенъ и шумящъ“, „сходилъ ангелъ Господень въ пещь ко отрокамъ при трубѣ велицѣ зѣло съ громомъ“... Халдеи, державшіе до того времени высоко свои пальмы, падали, а дьяконы опаляли ихъ при помощи свѣчей и травы плауна. При этомъ случаѣ опять завязывался разговоръ между халдеями; первый говорилъ: „товарищъ!“ Второй откликался: „чего?“—Первый: „видишь-ли?“ — Второй: „вижу“.—Первый: „было три, а стало четыре; а четвертый грозенъ и страшенъ зѣло, образомъ уподобился сыну Божію“.—Второй: „какъ онъ прилетѣлъ, и насъ побѣдилъ“, и, замолчавъ, стояли съ поникшими головами.—Послѣ того отроки, воззрѣвъ вверхъ на ангела Господня, знаменовались крестнымъ знаменіемъ трижды, и столько же разъ ему поклонялись, и, придерживаясь его, обходили съ нимъ пещь кругомъ три раза. Сіе дѣйствіе, въ сообразность пѣнія стиховъ, повторялось, и ангелъ, то повышался нѣсколько надъ пещію, то опускался внутрь пещи. Когда же ангелъ въ назначенное время поднимался изъ пещи вверхъ, то халдеи, открывъ пещь, говорили:—Первый:

„Ананія! гряди вонъ изъ пещи". Второй: „Поворачивайся! чево сталъ? Нейметъ васъ ни огнь, ни пламя, ни сталь, ни сѣра! Мы чаяли, васъ сожгли, а мы сами сгорѣли". Ананія выходилъ, и халдеи, взявъ его подъ руки, говорили: „гряди, сыне царевъ!" Тоже сказавъ и другимъ отрокамъ, выводили ихъ изъ пещи, по одному и поставляли передъ святительскимъ мѣстомъ. По окончаніи сего, возглашалось многолѣтіе царю и всему царствующему дому, и служба продолжалась по уставу, съ тою разницею, что въ нѣкоторыхъ обрядахъ участвовали отроки и халдеи съ зажженными свѣчами. Послѣ утрени, пещь снималась, изображеніе ангела—также; въ церкви все приводилось въ прежній порядокъ, но впродолженіе обѣдни и вечерни того дня участвовали и отроки, и халдеи.

Собственно говоря, ризница Софійскаго собора (оцѣнивая ее въ чисто-матерьяльномъ смыслѣ), не только не богата, но даже бѣдна, сравнительно съ ризницами нашихъ гораздо менѣе древнихъ соборовъ и монастырей; но въ ней есть предметы, заслуживающіе полнаго вниманія каждаго истинно-русскаго человѣка, есть святыни и „древности, неоцѣнимыя по своему достоинству и значенію".

Первое мѣсто между подобными предметами, конечно, занимаютъ тѣ одежды, облаченія и вериги святителей новгородскихъ, которыя сохраняются въ ризницѣ Софійскаго собора, а именно: фелонь, омофоръ, епитрахиль, пòручъ и шапочка святителя Никиты, епископа новгородскаго, скончавшагося въ 1108 г. Нетлѣнныя мощи святителя Никиты были обрѣтены 30 апрѣля 1558 года и съ ними обрѣтено неистлѣвшимъ все его облаченіе, пролежавшее въ землѣ около 450 лѣтъ. Облаченіе поражаетъ свѣжестью сохранившихся красокъ и простотою матеріи.

Кромѣ этихъ облаченій сохранились еще — мантія святителя Іоанна, архіепископа новгородскаго (поставленнаго въ 1165 г.) и крестчатая риза, присланная Моѵсею, архіепископу новгородскому, отъ цареградскаго патріарха Филоѳея, въ 1354 году.

Между шапочками (XII вѣка), шапками, митрами и клобуками обращаетъ на себя вниманіе бѣлый клобукъ или каптырь, вязанный изъ бѣлыхъ крученыхъ шелковыхъ нитей, съ жемчужнымъ четвероконечнымъ крестомъ съ передней стороны. Этотъ клобукъ присланъ Василію, архіепископу новгородскому, отъ патріарха іерусалимскаго въ 1339 или 1352 году, и послужилъ для нашихъ раскольниковъ поводомъ къ сложенію о немъ различныхъ легендъ.

Изъ посоховъ заслуживаютъ особеннаго вниманія два — посохъ святителя Никиты (XII в.) и посохъ митрополита Іова, по тонкой палкѣ обложенный фольгою, а сверхъ фольги костяной рѣзьбой.

Изъ серебряныхъ сосудовъ замѣчательны: водосвятная чаша XVI в., рукомойникъ въ видѣ пѣтуха, пожертвованный патріархомъ Никономъ, и два кратира, т. е. двѣ круглыя кружки для святой воды, съ выпуклыми краями и литыми рукоятями; оба устроены въ XV вѣкѣ. Заслуживаютъ еще упоминанія — лампада желѣзная, прорѣзная, съ желѣзнымъ обручикомъ, принесенная новгородцами въ даръ святителю Никитѣ, по обрѣтеніи его мощей, и одинъ сосудъ, называемый кандіей. Слитый (въ XVI в.) изъ мѣди съ прибавленіемъ серебра, по внѣшнему виду представляющій собою подобіе небольшой круглой чаши съ поддономъ, сосудъ этотъ въ старину замѣнялъ собою въ церкви колоколецъ; въ него ударяли напр. передъ началомъ чтенія Евангелія, чтобы обратить особенное вниманіе вѣрующихъ на то, что въ церкви совершалось.

Между запрестольными, воздвизальными и напрестольными крестами, обращаютъ на себя вниманіе два:

1) запрестольный или выносный крестъ, состоящій изъ двухъ деревянныхъ брусковъ, продольнаго въ два аршина и 3 вершка, и поперечнаго въ 13 вершковъ (см. рис. на стр. 124). Онъ обложенъ серебромъ басменнымъ, золоченымъ. Хотя неизвѣстно, когда именно устроенъ этотъ крестъ, но, судя по древней формѣ, его должно отнести къ первымъ временамъ христіанства въ Новгородѣ;

2) крестъ воздвизальный святителя Антонія, архіепископа новгородскаго, шестиконечный, деревянный, въ прежнее время обложенный тонкимъ листкомъ золоченнаго серебра, а теперь богато-украшенный. По устройству относится къ началу XIII вѣка, точно также, какъ и другіе два также воздвизальныхъ и шестиконечныхъ креста.

Между священнослужебными сосудами есть деревянные, окрашенные, очевидно древніе, неизвѣстной эпохи, есть одинъ потиръ, весь золотой, на невысокомъ подножіи, достовѣрно принадлежащій XV вѣку. Всѣ остальные не древнѣе XVI столѣтія.

Между рипидами есть однѣ мѣдныя, вызолоченныя, четвероугольныя (см. рис. на стр. 133), съ четырьмя полукружіями по сторонамъ, относимыя по преданію къ XII вѣку.

части Софійскаго собора стоятъ тѣ три корпуса архіерейскаго дома, которые представляютъ собою остатокъ прежнихъ, обширныхъ построекъ, занимавшихъ дворъ владыки и дворъ св. Софіи. Древнѣйшій изъ трехъ корпусовъ— Никитинскій, двухъ-этажный, служилъ нѣкогда зимнимъ мѣстопребываніемъ новгородскихъ владыкъ. Отъ него когда-то шла деревянная крытая галлерея черезъ садъ съ подъемомъ на стѣну Дѣтинца. Рядомъ, въ Евфиміевскомъ корпу-

Покровская церковь въ Новгородскомъ Дѣтинцѣ.

Сверхъ всего вышеизложеннаго, въ ризницѣ Софійскаго собора хранятся и предметы, неимѣющіе никакого отношенія къ богослуженію, но почему-либо достойные вниманія: серебряныя блюда съ миѳологическими изображеніями, шведское мѣдное блюдо, называемое Сигтунскимъ и будто бы также вывезенное изъ Сигтуны въ половинѣ XII вѣка, новгородскія знамена XVII и XVIII вѣка, петровскія вещи и, наконецъ, деревянная шапка, по преданію, именуемая княжескою, обложенная алымъ атласомъ, расшитымъ шелками и золотомъ, и опушенная бѣлымъ мѣхомъ.

Въ непосредственной близости къ западной

сѣ, который былъ построенъ св. Евфиміемъ въ XV вѣкѣ, сохранилась древняя крестовая церковь во имя преподобнаго Сергія, а надъ тою церковью возвышается Евфиміевская башня, осьмигранная, съ знаменитыми, древнѣйшими въ Россіи, башенными часами, которые помѣщаются въ 8 пролетахъ верхняго яруса башни. Въ концѣ XVII вѣка часы эти были возобновлены, но теперь, давно уже испорченные, стоятъ безъ употребленія. Вышина башни довольно значительна (около 23 саженъ) и потому съ нея виденъ весь Новгородъ и окрестности, на много верстъ кругомъ.

Въ третьемъ, Іоанновскомъ корпусѣ, находит-

ся Грановитая владычная палата, съ недавно-устроенною въ ней церковью. Эта палата представляетъ собою одно изъ весьма замѣчательныхъ древне-русскихъ сооруженій, очевидно явившееся въ Новгородѣ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Запада. По формѣ своей палата почти квадратная, и верхъ ея состоитъ изъ 4-хъ отдѣльныхъ сводовъ, которые по срединѣ опираются на массивный каменный столбъ. Вѣроятно по образцу этой палаты были по-

Чрезвычайно-оригинальна по архитектурѣ Покровская церковь—одна изъ немногихъ, уцѣлѣвшихъ въ Дѣтинцѣ. Она стоитъ на югозападъ отъ Софійскаго собора, около самой стѣны Дѣтинца. Около этой Покровской церкви жили нѣкогда княжіе намѣстники, а потомъ и воеводы царскіе; надъ притворомъ доселѣ еще уцѣлѣли, вмѣсто хоръ, тѣ комнаты, въ которыхъ они присутствовали при богослуженіи. Построена Покровская церковь въ началѣ XIV в.

Церковь св. Θеодора Стратилата въ Новгородѣ.

строены впослѣдствіи позднѣйшія Грановитыя палаты въ Москвѣ и въ Ростовѣ (такъ-называемая Бѣлая палата въ архіерейскомъ домѣ).

Позади церкви, нынѣ помѣщающейся въ палатѣ, находится келлія св. Іоанна, состоящая изъ двухъ небольшихъ комнатъ. Здѣсь замѣчательна небольшая моленная, въ которую святитель уединялся для молитвы. Тутъ-же показываютъ весьма обыкновенный рукомойникъ изъ желтой мѣди, будто-бы принадлежавшій св. Іоанну, и тотъ самый, въ которомъ онъ, по преданію, запечаталъ искушавшаго его бѣса *).

и перестроена въ концѣ его; она имѣетъ видъ столпообразный, съ двумя придѣлами по сторонамъ и съ выходящими на востокъ тремя полукруглыми выступами. При церкви не колокольня, а каменная звонница, на подобіе псковскихъ, выведенная надъ воротами. Въ западной стѣнѣ, отдѣляющей церковь отъ притвора, сохранились голосники — глиняныя, кувшинообразныя углубленія и пролеты, которые въ тѣсныхъ и низкихъ старинныхъ церквахъ вдѣлывались въ своды для того, чтобы чтеніе и пѣніе громче раздавалось въ церкви.

*) Объ этомъ умывальникѣ извѣстный знатокъ новгородскихъ древностей, архимандритъ Макарій, замѣчаетъ въ своемъ сочиненіи, «что семи-вѣковая древность его весьма сомнительна».

У самаго выѣзда изъ Дѣтинца на Волховской мостъ находится часовня Чуднаго креста, тяжелое и некрасивое зданіе николаевскихъ временъ, построенное, на мѣстѣ прежнихъ часовень, при сооруженіи каменнаго моста черезъ Волховъ. Чудный крестъ, хранимый въ этой часовнѣ, издревле составляетъ одну изъ наиболѣе чтимыхъ мѣстныхъ святынь новгородскихъ. Лѣтописи упоминаютъ объ этомъ крестѣ уже въ XI столѣтіи, какъ о чудотворномъ и прославленномъ какими-то особенными знаменьями. Крестъ осьмиконечный и вырѣзанъ изъ липоваго дерева; длина его — 3 аршина и 6 вершковъ, средняя поперечина — 2 аршина и 3 вершка, верхняя 1 аршинъ и 3 вершка, нижняя, косвенная, 1 аршинъ $5^3/_4$ вершка. Ширина доски, изъ которой крестъ вырѣзанъ, равна $7^3/_4$ вершка. На древѣ изображено выпукло вырѣзанное Распятіе Господне, а кругомъ его по концамъ помѣщены другія священныя рѣзныя изображенія. Поля между изображеніями обложены басменнымъ серебромъ. Крестъ видимо нѣсколько разъ былъ поновляемъ; послѣднее поновленіе произведено въ половинѣ XVI вѣка. Самое мѣсто часовни Чуднаго креста было обычнымъ мѣстомъ встрѣчъ, устраиваемыхъ великимъ князьямъ и царямъ, при посѣщеніи ими Новгорода.

Перейдя, при нашемъ обзорѣ древностей новгородскихъ, съ Софійской стороны на Торговую, прежде всего остановимся на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда находилось Ярославово дворище. Въ цвѣтущія времена Новгорода все это мѣсто было обстроено церквами; здѣсь насчитывали восемь храмовъ, девятымъ былъ монастырь св. Арсенія. До настоящаго времени на этомъ мѣстѣ существуютъ слѣдующія церкви: соборъ во имя св. Николая Чудотворца, церковь Параскевы Пятницы, церковь св. Прокопія и церковь св. женъ Мνроносицъ. Скажемъ нѣсколько словъ о двухъ важнѣйшихъ изъ числа этихъ храмовъ.

Никольскій соборъ заложенъ былъ въ 1113 г. княземъ Мстиславомъ Владиміровичемъ, сыномъ Мономаха. Храмъ былъ обѣтный и, по преданію, поводомъ къ построенію его послужили слѣдующія обстоятельства. Князь Мстиславъ, въ бытность свою новгородскимъ княземъ, сильно заболѣлъ. Всѣ средства къ исцѣленію были истощены и окружающіе князя потеряли всякую надежду на то, что онъ устоитъ противъ своего жестокаго недуга. Въ это самое время св. Николай явился страждущему князю въ сновидѣніи и приказалъ ему привезти свой образъ изъ Кіева въ Новгородъ, указавъ, гдѣ его взять, обозначивъ съ точностію и мѣру, и видъ иконы, отъ коей онъ долженъ былъ получить исцѣленіе. Немедленно было отправлено въ Кіевъ посольство за иконою. Посланнымъ приходилось ѣхать въ Кіевъ водою, обычнымъ путемъ „изъ Варягъ въ Греки“. Но едва вступили они на ладьѣ въ Ильмень, какъ ихъ застигла буря, и они должны были, выйдя на берегъ, пережидать непогоду. Буря длилась ровно три дня, и едва только успѣла утихнуть — посланные тотчасъ направились въ дальнѣйшій путь. Но тутъ случилось чудо: — поваръ боярина, посланнаго за иконою, наклонился изъ ладьи, чтобы зачерпнуть воды, и вдругъ увидѣлъ плавающую по водѣ круглую доску съ изображеніемъ лика св. Николая. Добывъ икону изъ воды, посланные разсмотрѣли ее, и убѣдились, что это—та самая икона св. Николая, за которою они отправлены были въ Кіевъ. И самъ князь Мстиславъ, увидавъ икону, призналъ ее именно тою, о которой говорилъ ему въ сновидѣніи св. Николай и отъ которой онъ самъ ожидалъ исцѣленія. Вотъ, въ память этого-то чуда, князь и далъ обѣтъ построить Никольскій соборъ.

Судя потому, что стройка и внутренняя отдѣлка храма продолжались 23 года, слѣдуетъ предположить, что соборъ былъ построенъ и отдѣланъ на славу. Но, въ настоящее время, храмъ много разъ обновлявшійся, не сохранилъ никакихъ слѣдовъ своей прежней внутренней отдѣлки. Несомнѣнно-древнею (гораздо болѣе древнею, нежели самъ семивѣковой храмъ) оказывается главная его святыня—чудотворный образъ св. Николая, находящійся по правую сторону царскихъ дверей, подлѣ иконы Спасителя. По формѣ своей икона представляется кругообразною (13 вершковъ въ діаметрѣ по всѣмъ направленіямъ); древняя византійская живопись иконы покрыта теперь слюдою, а самая икона богатѣйшею золотою ризою, усыпанною драгоцѣнными каменьями. Древни также, въ большей своей части, и стѣны собора, въ которыхъ, еще въ 1854 г., при какой-то

перестройкѣ, открыты были подъ престоломъ пять древнихъ антиминсовъ съ надписями; древнѣйшій изъ нихъ относится къ половинѣ XII вѣка.

Изъ другихъ церквей, уцѣлѣвшихъ на Дворищѣ, упомянемъ еще о церкви св. Параскевы Пятницы, построенной въ началѣ XIII вѣка заморскими купцами, т. е. новгородцами, которые вели торговлю за-моремъ. Вскорѣ послѣ построенія, по договору Новгорода съ Готландомъ, „купцы готьскіе" обязались, при выѣздѣ изъ Новгорода за границу, каждый разъ вносить по серебряной маркѣ въ церковь св. Параскевы Пятницы.

Любопытно, что въ началѣ XVII в., при поправкѣ Пятницкой церкви, разобравъ каменный голубецъ, нашли подъ нимъ, въ полу, значительный денежный кладъ, состоявшій изъ старинныхъ новгородскихъ рублей и полтинъ.

Въ подвалахъ Пятницкой церкви, какъ и въ другихъ подцерковьяхъ Дворищенскихъ храмовъ, хранилось, во время разгрома Новгорода Иваномъ Грознымъ громадная казна, награбленная отъ частныхъ лицъ, церквей и монастырей. Эта казна, для охраны которой было поставлено 500 человѣкъ постоянной стражи, была настолько велика, что ею при выѣздѣ Іоанна Грознаго изъ Новгорода было нагружено 450 возовъ.

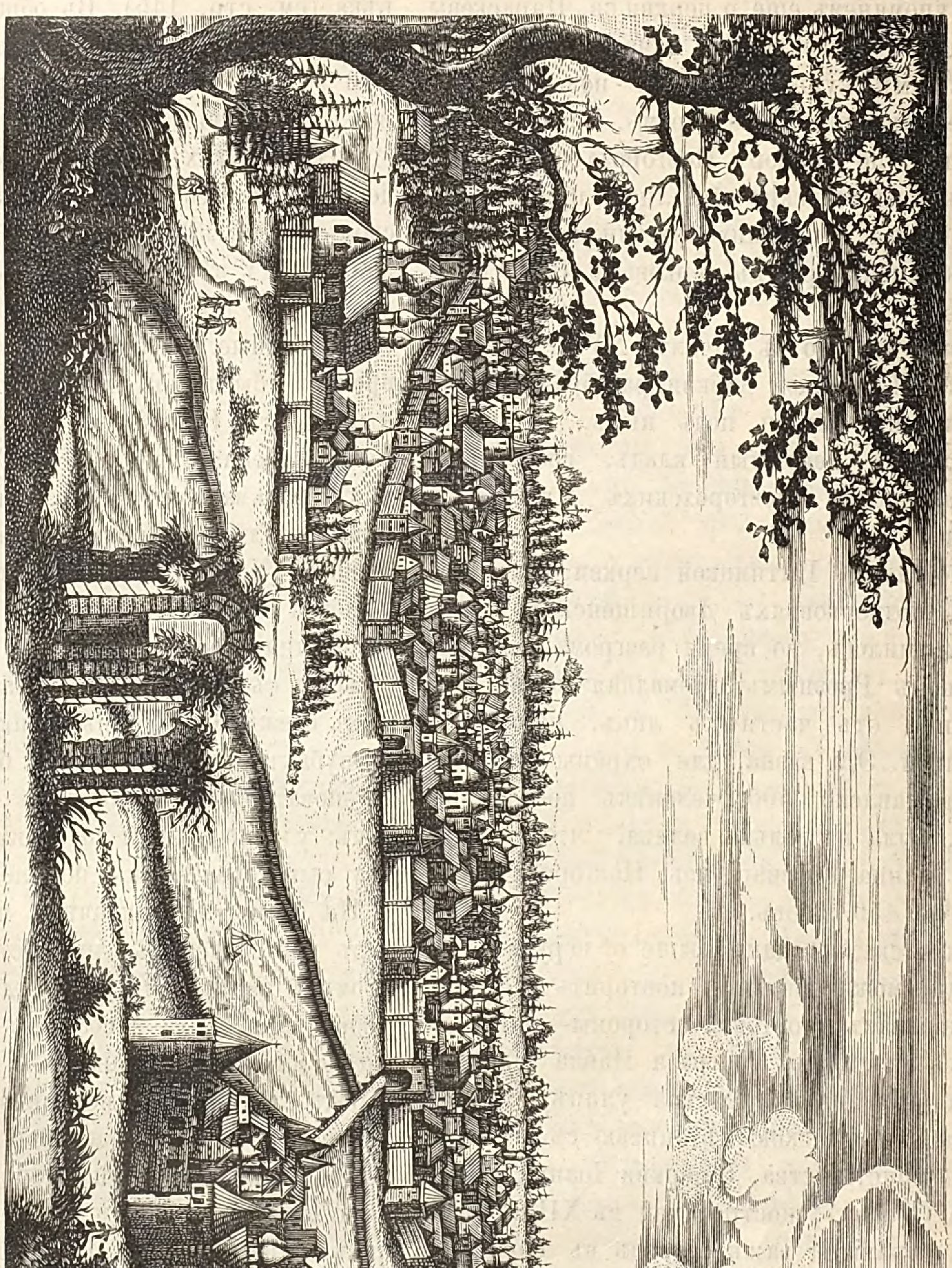
То, что сказано нами выше о церквахъ на Дворищѣ, можно было-бы повторить и о другихъ церквахъ Торговой стороны—напр. о церквахъ апостоловъ Петра и Павла или св. пророка Иліи на Славенской улицѣ, упоминаемыхъ новгородскою лѣтописью съ первыхъ временъ христіанства, о церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ, построенной въ XII вѣкѣ и нѣкогда игравшей важную роль въ новгородской торговлѣ. Во всѣхъ этихъ церквахъ отъ древности уцѣлѣли только основаніе и части стѣнъ: внутри все передѣлано, подновлено, перемазано, затерто. Тоже самое слѣдуетъ сказать о Знаменскомъ соборѣ—одномъ изъ богатѣйшихъ новгородскихъ храмовъ. Основанный въ XIV в., онъ нѣсколько разъ былъ перестроенъ и нынѣшній свой видъ, какъ наружный, такъ и внутренній, получилъ въ началѣ прошлаго вѣка. Лучшимъ украшеніемъ собора служитъ чудотворная икона Знаменія, прославленная избавленіемъ Новгорода отъ Суздальцевъ, въ концѣ XII в. Подъ этою-то чудотворною иконою изображенъ видъ Новгорода съ птичьяго полета, написанный по всѣмъ вѣроятіямъ въ концѣ XVII или началѣ XVIII вѣка (см. стр. 145). Въ общихъ чертахъ онъ очень сходенъ съ помѣщеннымъ нами на стр. 140 видомъ Новгорода, который заимствованъ изъ путешествія Олеарія.

Болѣе другихъ сохранила свой древній видъ церковь св. Θеодора Стратилата на Θеодоровскомъ ручьѣ (въ Плотенскомъ концѣ), построенная въ XIV вѣкѣ. На хорахъ ея существуютъ доселѣ два придѣла, по ветхости, давно уже упраздненные. Полъ въ церкви (до послѣдняго времени) былъ сложенъ изъ старинныхъ кирпичныхъ плитъ. На стѣнахъ главной церкви сохранилась древняя иконопись. Такъ напр. на хорахъ, надъ западнымъ столбомъ, по правую сторону, уцѣлѣли изображенія князей: отца и двухъ сыновей *). Видны только отецъ и одинъ изъ сыновей по лѣвую сторону; изображеніе другого сына отчасти забѣлено. Оба князя изображены съ крестами въ рукахъ и въ княжескихъ одеждахъ, т. е. въ шапкахъ, однорядкахъ и шубахъ; на отцѣ одежда бѣлая, а на сынѣ зеленоватая; отецъ держитъ книгу, а сынъ—мечъ; у отца волосы подстрижены въ кружокъ, а у сына распущены по плечамъ.

На этомъ мы закончимъ нашъ краткій обзоръ новгородскихъ древностей, изъ опасенія утомить нашихъ читателей дальнѣйшими подробностями, хотя и сознаемъ, что еще очень и очень многое заслуживало-бы упоминанія. Новгородъ такъ богатъ историческими воспоминаніями, что каждая церковь его имѣетъ свою легенду, каждый монастырь свои преданія, свою длинную лѣтопись событій, свой синодикъ страдальцевъ. И не странно-ли, что до сихъ поръ ни мѣстные жители, ни новгородское земство не обратили должнаго вниманія на новгородскую старину? Въ Новгородѣ нѣтъ ни музея мѣстныхъ древностей, какъ въ Твери, ни археологическаго общества, какъ во Псковѣ, ни такого мѣстнаго органа, который бы удѣлялъ на своихъ страницахъ мѣсто для разработки новгородскихъ древностей. Мало того:—

*) Предполагаютъ, что здѣсь изображенъ св. князь Θеодоръ Ярославскій съ сыновьями: Давидомъ и Константиномъ.

новгородскому земству можно сдѣлать даже и тотъ вполнѣ заслуженный упрекъ, что оно не оказало никакой поддержки тѣмъ благимъ начинаніямъ, которыя были нѣкогда сдѣланы одналъ, въ которомъ онъ печаталъ весьма любопытный архивный матерьялъ, касающійся новгородской исторіи; его тщаніемъ собранъ былъ довольно изрядный археолого-этнографическій

Видъ древняго Новгорода, заимствованный изъ описанія путешествія голштинца Олеарія, посѣтившаго Россію въ 1633 и 1635 гг.

нимъ изъ весьма дѣятельныхъ разыскателей и страстныхъ поклонниковъ новгородской старины, священникомъ Богословскимъ. Его единичными усиліями поддерживался нѣкоторое время журмузей и даже издана въ свѣтъ печатная опись.

*) Подъ заглавіемъ: «Опись музея новгородскаго земства». Новгородъ. 1868 г. 8 д. 116 стр. Эта брошюрка теперь сдѣлалась библіографической рѣдкостью.

(Это въ высшей степени важная икона, на которой изображены «молящіеся новгородцы», въ своихъ древнихъ одеждахъ, находится въ Новгородѣ, въ часовнѣ Варлаама Хутынскаго, приписанной къ Николо-Кочановской церкви. Размѣры иконы довольно значительны: 1 аршинъ 9 верш. длины и 1 арш. 3 верш. ширины. Изображеніе раздѣлено поперечною полосою (съ надписью по срединѣ) на двѣ части: въ верхней части, составляющей собственно икону, по золотому полю написанъ полный Деисусъ, т. е. сидящій на престолѣ Спаситель, по лѣвую руку отъ него — Богоматерь, за нею Архангелъ и апостолъ Петръ; а по правую — Предтеча, Архангелъ и апостолъ Павелъ. Въ нижней части иконы, подъ чертою и надписью находимъ изображеніе семи фигуръ (шести мужскихъ и одной женской) и двухъ небольшихъ фугурокъ, изображающихъ дѣтей.

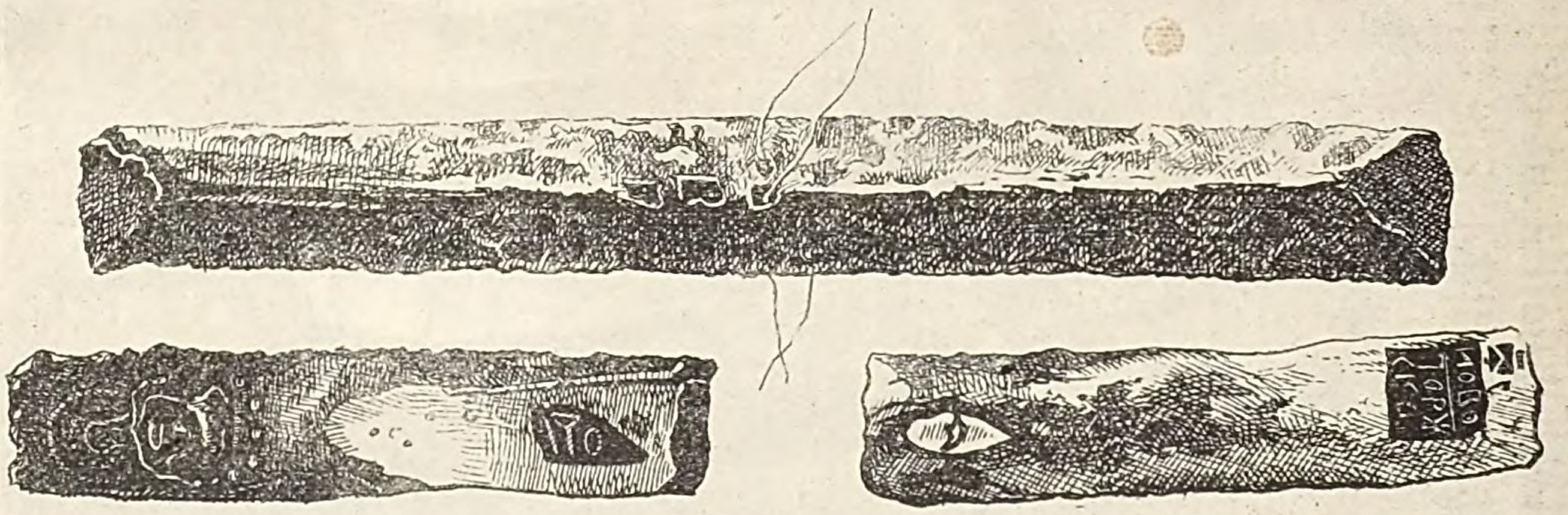

Икона новгородскаго семейства, писанная въ концѣ XV вѣка.

Семь фигуръ расположены въ двухъ группахъ, и представлены молящимися. Въ надписи читаемъ:

«Молятся рабы Божіи: Григорій, Марья, Яковъ, Стефанъ, Евсей, Тимоѳей, Олѳимъ и чады Спасу и пречистой Богородицѣ о грѣхахъ своихъ. Въ лѣто 6695 (т. е. 1487 г.), индикта єі, повелѣніемъ раба Божія Антипа Кузмина, на поклоненіе православнымъ»).

вещамъ музея. Но въ земствѣ вдругъ поднялись какія-то перекоры, а потомъ произошли и перемѣны; вѣтеръ подулъ въ противоположную сторону... Изученіе старины показалось чѣмъ-то страннымъ, излишнимъ, никому ненужнымъ.. Комнаты, отведенныя для музея въ нижнемъ этажѣ дворянскаго собранія, понадобились для какого-то иного употребленія—и всѣ собранныя священникомъ Богословскимъ древности и диковинки были сначала свалены въ ящики и поставлены въ какой-то сарай, а затѣмъ даже и распроданы... Будемъ надѣяться, что Новгородъ Великій когда-нибудь доживетъ до иного, болѣе правильнаго взгляда на свою старину и пойдетъ по стопамъ Пскова и Твери, которые своими мѣстными средствами давно уже принялись за правильную, научную разработку своего историческаго прошлаго.

Новгородскіе серебряные рубли и гривны.

V.

Древнія Новгородскія преданія и сказанія. — Садко-купецъ богатый гость. — Васька Буслаевъ. — Сказаніе архіеп. Василія о раѣ.—Повѣсть о путешествіи Іоанна новгородскаго въ Іерусалимъ.—Повѣсть о пришествіи въ Новгородъ Антонія Римлянина. — Повѣсть о новгородскомъ бѣломъ клобукѣ. — Повѣсть о пришествіи въ Новгородскую область Тихвинской Иконы.—Видѣніе пономаря Прохора.

Памятниками вещественными, древними храмами и древними зданіями, а также и другими, менѣе замѣтными остатками сѣдой старины, въ каждой мѣстности, служившей нѣкогда поприщемъ исторической жизни, еще неисчерпывается все, уцѣлѣвшее отъ далекаго прошлаго:— остаются еще памятники невещественные, живо рисующіе нашу минувшую жизнь со всѣми ея особенностями, странностями, тревогами, волненіями и заботами.

Такими невещественными памятниками являются тѣ мѣстныя сказанія и преданія, которыя доносятся къ намъ изъ мрачной глуби вѣковъ менѣе измѣненными, менѣе искаженными, нежели всякій другой памятникъ старины. Цѣлость и неприкосновенность древняго сказанія болѣе тщательно охраняется передающими его поколѣніями, нежели памятники вещественные, да притомъ-же сокровища слова не возбуждаютъ людской корысти, подобно инымъ, суетнымъ сокровищамъ міра...

Само собою разумѣется, что мѣстныя преданія и сказанія, къ какимъ-бы областямъ или городамъ они ни относились, всегда сохраняютъ на себѣ отпечатокъ той мѣстности, въ которой они произошли и отражаютъ характеръ той жизни, которая ихъ произвела. И въ какую-бы форму ни облекалось это древнее сказаніе:—въ былевую-ли пѣсню, въ сказку-ли, въ легенду, связанную съ мѣстной святыней, или въ житіе мѣстнаго угодника — во всѣхъ этихъ произведеніяхъ всегда ясно слышится отголосокъ того, что они произошли въ Кіевѣ, Новгородѣ, Муромѣ, Ростовѣ, Владимірѣ или Москвѣ.

На сказаніяхъ новгородскихъ и кіевскихъ лежитъ отпечатокъ гораздо болѣе яркій, нежели на всѣхъ остальныхъ, дошедшихъ до насъ сказаніяхъ русскихъ. Видно, что въ ту эпоху, когда складывались эти сказанія, русская народная жизнь текла широкимъ потокомъ въ этихъ двухъ центрахъ, что она была богата движеніемъ, шумомъ, блескомъ и яркими красками разнообразныхъ впечатлѣній. И насколько сказанія кіевскія сохранили намъ созданный Кіевомъ типъ богатыря-дружинника, всю жизнь свою ратующаго за Русь православную съ кочевниками, расточающаго могучія свои силы въ борьбѣ съ грознымъ „духомъ степи“; настолько-же сказанія новгородскія живо воспроизвели передъ нами типъ Садки богатаго гостя, отправляющаго корабли за море, и типъ Васьки Буслаева — удалаго ушкуйника. Въ кіевскихъ былинахъ главнымъ мѣстомъ дѣйствій и подвиговъ богатырскихъ является степь раздольная и широкая или свѣтлая гридница въ княжескомъ теремѣ; въ новгородскихъ былинахъ — мѣстомъ дѣйствія является широкій просторъ морской пучины или новгородская улица и новгородская торговая площадь. Кіевскіе богатыри, кромѣ всякихъ враговъ-кочевниковъ мѣряются силами и съ существами сверхъестественными, олицетворяющими то язычество и всякую нехристь, въ видѣ Идолища Поганаго, то просто враждебную силу кочевыхъ ордъ степи, въ видѣ Змѣя Горынича и Тугарина Змѣевича. Новгородскіе богатыри борются съ избыткомъ собственной мощи, съ неугомонной стихійною

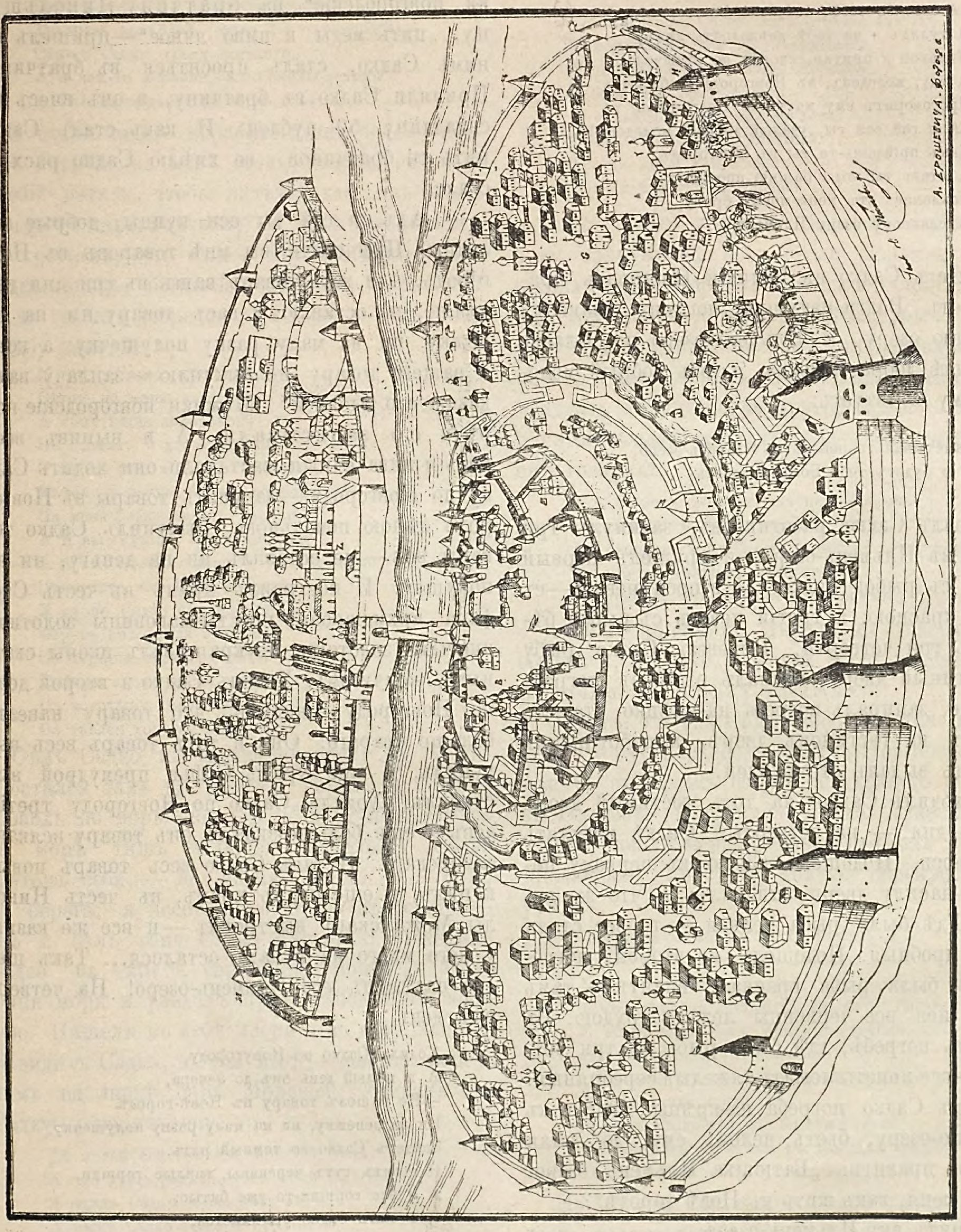
силой, которой тѣсны стѣны Великаго Новгорода, которая рвется изъ-за нихъ на просторъ Поволжья, и въ далекія дебри Заволочья; борются они и съ морскою пучиною, когда расплящется, разыграется въ ней царь-морской... И не только въ былинахъ, но и въ сказаніяхъ о мѣстныхъ святыхъ новгородскихъ долгія странствованія, плаванія по морямъ, испытанія мужества или святости водою—составляютъ одну изъ наиболѣе характерныхъ, выдающихся особенностей, любимую тэму сказанія. Древняя лѣтопись новгородская уже въ XI столѣтіи, приводитъ намъ отрывокъ сказанія о томъ, какъ отрокъ богатаго новгородскаго купца Юрія Тороговича, ходилъ въ далекую Югру, и какое видѣлъ онъ тамъ дивное диво:

„За лукоморьемъ высятся горы, высятся до самаго неба, а въ горахъ тѣхъ великій кличъ и говоръ, и слышно, какъ съ той стороны сѣкутъ гору, пытаясь сквозь нея просѣчь себѣ путь. И въ горѣ той просѣчено малое оконцо, а оттуда говорятъ какіе-то люди, да не понять ихъ языка. И тѣ люди показываютъ на желѣзо, и помаваютъ рукою, прося желѣза; и сжели кто дастъ имъ желѣзо, или ножъ, или сѣкиру, то они за желѣзо отплачиваютъ тому мѣхами. И путь къ тѣмъ горамъ лежитъ черезъ непроходимыя пропасти, снѣга̀ и лѣса̀, такъ что до нихъ не всегда и доѣхать можно". Ясно, что здѣсь, въ баснословную форму облечено простое извѣстіе о первыхъ попыткахъ установленія того нѣмого, мѣноваго торга, который происходилъ между новгородскими промышленниками и сибирскими инородцами въ одномъ изъ тѣсныхъ и дикихъ ущелій сѣвернаго Урала. Но точно такой же разсказъ о высокихъ горахъ гдѣ-то далеко, на самомъ краю свѣта бѣлаго, тотъ же разсказъ о странствованіи новгородцевъ по невѣдомымъ стра̀намъ и пучинамъ, находимъ и гораздо позже, въ сочиненіи одного изъ видныхъ представителей Великаго Новгорода—въ посланіи архіепископа Василія къ тверскому епископу Ѳеодору „о раѣ, насажденномъ на землѣ". Архіепископъ Василій, въ числѣ другихъ доводовъ въ пользу того, что рай, насажденный Богомъ для Адама, еще существуетъ на землѣ, приводитъ между прочимъ, и разсказъ Моислова Новгородца, который доплывалъ на своихъ корабляхъ „до того святаго мѣста".

„А то мѣсто св. рая" —говоритъ архіепископъ Василій —„находилъ и Моиславъ Новгородецъ съ сыномъ своимъ Яковомъ; всѣхъ ихъ было три ладьи, и одна изъ нихъ погибла послѣ долгихъ блужданій; а двѣ другія потомъ долго носило вѣтромъ и принесло къ высокимъ горамъ. И видѣли они, что на той горѣ чудной лазурью написанъ Деисусъ удивительно громадный по размѣру, какъ-бы не человѣческими руками сотворенный, но Божьею благодатью и свѣтъ въ томъ мѣстѣ былъ самосіянный, такой, что человѣку и не пересказать; и долго оставались они на томъ мѣстѣ, а солнца не видѣли, хотя свѣтъ былъ и сильный, болѣе сильный, нежели свѣтъ солнца; а на тѣхъ горахъ слышны были многія ликованія и веселые голоса. И повелѣли они одному изъ людей своихъ взойти по шеглѣ (бревно съ зарубами) на ту гору, дабы посмотрѣть, что это за свѣтъ, и откуда несутся эти ликующіе голоса; и когда онъ взошелъ на ту гору, то всплеснулъ руками и засмѣялся, и побѣжалъ отъ друзей своихъ по направленію къ голосамъ. Они же очень тому дивились, и послали другаго, наказавъ ему, чтобы онъ къ нимъ возвратился и сказалъ, что тамъ такое на горѣ; но и тотъ сдѣлалъ то-же самое: и не думалъ возвратиться къ нимъ, а съ великою радостью побѣжалъ отъ нихъ прочь. Тогда они перепугались и начали раздумывать про-себя, говоря: „если бы даже и смерть приключилась, а все же намъ слѣдовало-бы видѣть свѣтлость этого мѣста"—и послали третьяго на гору, привязавъ его за ногу веревкой, и тотъ также хотѣлъ сдѣлать (какъ первые два), радостно всплеснулъ руками и побѣжалъ, забывъ въ радости о веревкѣ на ногѣ своей; а они сдернули его веревкой, и онъ оказался мертвымъ. Тогда они побѣжали (на лодьяхъ своихъ) обратно; не дано имъ было болѣе видѣть ту̀ неизреченную свѣтлость, ни слышать тамошняго веселія и ликованія; а тѣхъ мужей, братъ мой, еще и понынѣ дѣти и внучата живутъ въ добромъ здоровьѣ".

Типъ новгородскаго купца-морехода превосходно рисуется намъ въ былинахъ о Садкѣ-купцѣ богатомъ гостѣ и о томъ, какъ Садковъ корабль сталъ на морѣ. Здѣсь видимъ мы цѣльный, ярко-очерченный и вполнѣ опредѣленный поэтическій образъ, очевидно, заим-

ствованный прямо изъ жизни, изъ живой современной дѣйствительности. Онъ стоитъ передъ нами, этотъ безстрашный богатырь-купецъ, знакомый со всякими морскими бурями, гордый своими богатствами, еще болѣе гордый своей родиной — Великимъ Новгородомъ. Отъ великихъ барышей торговыхъ онъ строитъ церкви въ честь святыхъ угодниковъ, но и о дѣдушкѣ водяномъ не забываетъ; въ Бога вѣруетъ, но и въ то вѣритъ, что отъ судьбы своей никуда не уйдешь и нигдѣ не скроешься.

Планъ древняго Новгорода на Знаменской иконѣ.
Фотогравюра Ерошевича.

Пѣсня о Садкѣ начинается такъ:

По славной матушкѣ Волгѣ рѣкѣ
А гулялъ Садко-молодецъ тутъ двѣнадцать лѣтъ,
Никакой надъ собой скорби не вѣдывалъ,
А все молодецъ въ здоровьѣ пребывалъ.
Захотѣлось молодцу побывать въ Новѣгородѣ.
Отрѣзалъ отъ хлѣба великій сукрой.
А и солью насолилъ, его въ Волгу опустилъ:
«А спасибо тебѣ, матушка Волга-рѣка!
А гулялъ я на тебѣ двѣнадцать лѣтъ,
Никакой я притки, скорби не вѣдывалъ;
А иду, молодецъ, въ Новгородъ побывать».
Проговоритъ ему матушка Волга-рѣка:
«А и гой еси ты, удалый добрый молодецъ!
Какъ прійдешь-то ты въ Новгородъ,
А стань ты подъ башню проѣзжую,
Поклонись отъ меня моему брату,
А славному озеру Ильменю».

И идетъ Садко въ Великій Новгородъ, правитъ отъ Волги-матушки поклонъ славному Ильменю озеру, и Ильмень-озеро подсылаетъ къ Садкѣ добра молодца, а тотъ добрый молодецъ ему совѣтуетъ:

Заметывай ты неводъ въ Ильмень-озеро,
А и будетъ тебѣ Божья милость.

Собралъ Садко работниковъ, закинулъ три невода въ Ильмень-озеро, и пришелъ первый неводъ съ рыбой мелкою; а второй неводъ—съ рыбой красною; а третій неводъ съ рыбой бѣлою въ три четверти. Перевезъ Садко рыбу въ гостиный дворъ, поклалъ рыбу въ погреба глубокіе, запиралъ погреба на-крѣпко, ставилъ караулъ на гостиномъ дворѣ, а работникамъ за трудъ выдалъ сто рублей.

Не ходилъ Садко на тотъ гостиный дворъ по три дня, — на четвертый Садкѣ погулять захотѣлось. Подошелъ Садко къ первому погребу—насилу двери отворилъ; и что же видитъ? Гдѣ была рыба мелкая — то все стали деньги дробныя. Подошелъ ко второму погребу, гдѣ была рыба красная; видитъ — тамъ вмѣсто нея все червонцы лежатъ грудою. Въ третьемъ погребѣ, гдѣ была рыба въ три четверти—все монеты лежатъ тяжелыя серебряныя.

Заперъ Садко погреба на-крѣпко, идетъ къ Ильменю-озеру, бьетъ челомъ ему, до земли поклонъ правитъ: „Батюшка Ильмень-озеро! Научи меня, какъ жить въ Новѣ городѣ"?

Говоритъ ему Ильмень-озеро:

«Поводись ты съ людьми, со таможенными.
А про нихъ и обѣдъ ты доспѣй,
На обѣдъ позови и посадскихъ людей,
Станутъ люди тебя знать и вѣдати».

Послушалъ Садко добраго совѣта, и стали его точно люди „знать и вѣдати". Научили его добрые люди, что слѣдуетъ ему вписаться въ братчину (т. е. въ одну изъ купеческихъ общинъ), и въ то время, какъ собрались „мужики новгородскіе" на братчину-Никольщину, „пить меды и пиво ячное"—пришелъ къ нимъ Садко, сталъ проситься въ братчину. Приняли Садко въ братчину, а онъ внесъ въ складчину 50 рублей. И какъ сталъ Садко пить со братчиной, во хмѣлю Садко расхвастался:

— Ахъ, и гой вы еси купцы, добрые молодцы! Приносите вы мнѣ товаровъ въ Новгородъ, а я весь товаръ вашъ въ три дня выкуплю, не оставлю у васъ товару ни на денежку, ни на малу разну полушечку; а коли я вашего товару не выкуплю — заплачу̀ вамъ казны сто тысячей". Мужики новгородскіе всѣ рѣчи его записывали. А и выпивъ весь медъ и пива ячныя, заставили они ходить Садку по Новгороду — закупать товары въ Новгородѣ цѣною повольною. Выкупилъ Садко товары всѣ — не оставилъ ни на деньгу, ни на полушку. И построилъ храмъ въ честь Стефана архидіакона: кресты-маковицы золотилъ чистымъ золотомъ, изукрашивалъ иконы скатнымъ жемчугомъ. Ходилъ Садко и второй день по Новгороду — видитъ, что товару навезли больше стараго! Онъ и тотъ товаръ весь выкупилъ, и еще храмъ Софьи премудрой выстроилъ. Ходилъ Садко по Новгороду третій день — еще больше видѣлъ онъ товару всякаго заморскаго. И такъ Садко весь товаръ повыкупилъ, и еще одинъ храмъ, въ честь Николы Можайскаго выстроилъ — и все же казны у него много на рукахъ осталося... Такъ щедро надѣлилъ его Ильмень-озеро! На четвертый день

Ходилъ Садко по Новугороду,
А и цѣлый день онъ до вечера,
— Не нашелъ товару въ Новѣ-городѣ.
Ни на денежку, ни на малу разну полушечку.
Зайдетъ Садко во темный рядъ,
И стоятъ тутъ черепаны, гнилые горшки,
А и все горшки-то уже битые;
Онъ самъ Садко усмѣхается,
Даетъ деньги и за тѣ горшки.
Говоритъ самъ Садко таково слово:
«Пригодятся ребятамъ черепки играть!»
Помнитъ Садко, гость богатый,
Что не Садко богатъ—богатъ Новгородъ,
Все товарами заморскими.

Но не все балуетъ судьба Садку, гостя богатаго. Чуть зазнался онъ, загордился, чуть забылъ обычай праотеческій, какъ сейчасъ ему за гордость и поплатиться пришлось:

Какъ по морю, морю синему,
Бѣгутъ-побѣгутъ тридцать кораблей—
Тридцать кораблей—единъ Соколъ-корабль,
Самого Садки, гостя богатаго.
А и всѣ-то корабли, что соколы летятъ,
А Соколъ-корабль на морѣ стоитъ.

И стали гадать корабельщики, почему Садковъ корабль на морѣ сталъ, стали на воду жребій метать, чтобы видѣть, кто изъ нихъ неугоденъ царю морскому? И всѣмъ стало ясно, по жребіямъ, что одинъ неугоденъ ему, самъ Садко-купецъ, богатый гость, что одинъ онъ и на гибель обреченъ. Садко и самъ свою судьбу знаетъ:

Я самъ, Садко, знаю-вѣдаю,
Бѣгаю по морю двѣнадцать лѣтъ —
А тому царю заморскому
Не платилъ я дани-пошлины,
И въ то сине-море Хвалынское
Хлѣба съ солью не опускивалъ.
На меня Садку смерть пришла.
А и вы, купцы, гости богатые!
А и вы, цѣловальники *) мои любимые
Принесите мнѣ шубу соболиную.
И скоро Садко наряжается,
Беретъ онъ гусли звончаты,
Со хороши струны золоты,
И беретъ онъ доску шахматну
Съ золотыми тавлеями,
Со тавлеи дороги, вальящаты.

Сѣлъ Садко на шахматну доску на морѣ, и остался тамъ на синемъ морѣ. А Соколъ корабль по морю пошелъ. И наступила вдругъ на морѣ тишь великая. Смотритъ Садко кругомъ себя, — не видать нигдѣ ни горы, ни берега; а несетъ его будто къ берегу:— онъ и самъ тому Садко дивуется! Выходилъ Садко на крутъ-бережокъ, пошелъ вдоль Синя моря и увидалъ предъ собою избу великую. Нашелъ въ избѣ двери и въ избу вошелъ. И видитъ Садко, въ той избѣ — лежитъ передъ нимъ на лавкѣ царь Морской. Увидалъ онъ Садку, говоритъ ему:

„А и гой еси купецъ, богатый гость!
А что душа радѣла, того Богъ мнѣ далъ.
Я ждалъ Садку двѣнадцать лѣтъ,
А нынѣ Садко головой пришелъ!
Поиграй-же, Садко, въ гусли звончаты"...

И сталъ Садко на гусляхъ играть, сталъ царя Морскаго игрой своей тѣшить. А царь Морской сталъ скакать и плясать, сталъ поить Садку питьями разными. Напился Садко допьяна и заснулъ крѣпкимъ сномъ, а во снѣ явился ему Николай угодникъ, говоритъ:

„А и рви ты, Садко, свои струны золоты,
И бросай ты свои гусли звончаты:
Расплясался у тебя царь Морской,
А сине-море всколебалося,
А и быстры рѣки разливалися,
Топятъ много бусы-кораблей,
Топятъ души напрасныя
Того народу православнаго".

Внялъ Садко угоднику, порвалъ струны золоты, грянулъ объ полъ гусли звончаты... Пересталъ царь Морской скакать и плясать. Утихло море синее, утихли рѣки быстрыя. А поутру сталъ царь Морской Садку уговаривать: хочетъ Садку женить, и выводитъ предъ нимъ тридцать дѣвицъ, одна другой краше. И припомнилъ Садко, какъ Никола-угодникъ ему во снѣ говорилъ:

А и станетъ тебя женить царь Морской,
Приведетъ къ тебѣ тридцать дѣвицъ,
Не бери-же ты изъ нихъ хорошую, бѣлую, румяную
Возьми ты дѣвушку поваренну,
Поваренну, что которая хуже всѣхъ.

Да и ту не велѣлъ Никола ни цѣловать, ни обнимать, и Садко угодника послушался: свои рученки къ сердцу прижалъ...

И вотъ, отъ сна Садко пробуждается: видитъ онъ, что очутился подъ самымъ Новгородомъ,— лежитъ на самомъ берегу, а лѣвая-то нога его въ Волховѣ. Испугался Садко, вскочилъ на ноги — узналъ церковь свою, приходъ Николы Можайскаго, и чуть только перекреститься успѣлъ,

Смотритъ Садко, по Волхъ рѣкѣ,
Отъ того-ли синя моря Хвалынскаго,
Бѣгутъ, побѣгутъ тридцать кораблей
Единъ корабль самого Садки, гостя богатаго.
И встрѣчаетъ Садко купецъ, богатый гость,
Цѣловальниковъ любимыихъ:
„Здравствуйте, мои цѣловальники любимые
И прикащики хорошіе".
И тутъ Садко-купецъ, богатый гость,
Съ кораблей со всѣхъ въ таможню внесъ,
Внесъ казны своей, сорокъ тысячей.

На сколько былины о Садкѣ рисуютъ намъ бытъ новгородскаго „гостя богатаго", выставляя на видъ подробности новгородской торговли и поясняя по-своему опасности странствованій по пучинѣ морской, настолько-же ярко и рельефно былины о Васькѣ Бусла-

*) Цѣловальники, т. е. прикащики, которые при поступленіи въ службу хозяина, обязались служить ему вѣрно и въ томъ крестъ цѣловали.

евѣ выставляютъ на видъ подробности быта, воспитаніе и развитіе и первые подвиги новгородскаго „сынка боярскаго", котораго сначала видимъ только главою буйной шайки уличныхъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ, а потомъ и неустрашимымъ вождемъ дружины новгородскихъ „повольниковъ".

Въ славномъ Великомъ Новгородѣ жилъ Буслай до 90 лѣтъ; съ Новымъ городомъ жилъ, не перечился, съ мужиками новгородскими „поперегъ словечка не говаривалъ". Живучи Буслай состарѣлся, а потомъ и скончался. Осталось все его „житье-бытье и все имѣніе дворянское" матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ; осталось у нея, послѣ Буслая, и чадо милое, молодой сынъ Василій Буслаевичъ.

Семи лѣтъ отдала его матушка родимая учиться грамотѣ — и грамота ему въ наукъ пошла; присадила перомъ его писать—письмо Василью въ наукъ пошло; отдавала его пѣтью учить церковному,—пѣтье Василью въ наукъ пошло.

А и нѣтъ у насъ такова пѣвца,
Въ славномъ Новѣгородѣ,
Супротивъ Василья Буслаева.

Да только въ томъ бѣда, что повадился Васинька „со пьяницы, со безумницы, съ веселыми удалыми добрыми молодцы", и сталъ съ ними гулять да пьянствовать, да по улицамъ сталъ надъ прохожими силу пробовать:

Кого возьметъ онъ за руку,
Изъ плеча тому руку выдернетъ;
Котораго хватитъ поперегъ хребта,
Тотъ кричитъ, реветъ, окарачь ползетъ ..

Пошли на него съ жалобой къ матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ, и стала мать свое дитятко журить-бранить, уму-разуму учить...

Не взлюбилась журьба Васенькѣ; задумалъ онъ еще и не такъ себя показать. Писалъ Васенька „ярлыки скорописчаты"; — разсылалъ тѣ ярлыки со слугой своимъ на улицы широкія и въ частые переулочки. А въ тѣхъ ярлыкахъ было написано:

«Кто хощетъ пить-ѣсть изъ готоваго,
Валися къ Васькѣ на широкій дворъ—
Тамъ пей и ѣшь готовое
И носи платье разноцвѣтное.

А самъ Васька поставилъ чанъ середи двора, наливалъ тотъ чанъ полонъ зелена вина, опускалъ въ него чару въ полтора ведра, и гостей къ себѣ поджидалъ.

Шли по улицамъ люди грамотные, прочитали ярлыки скорописчатые. Пошли къ Васькѣ на широкій дворъ. Прежде всѣхъ пошелъ Костя Новоторженинъ, и

Василій тутъ его опробовалъ.
Сталъ его бити червленымъ вязомъ...
А бьетъ онъ Костю по буйной головѣ,
Стоитъ тутъ Костя не шевельнется,
На буйной головушкѣ кудерышки не тряхнутся.
Говорилъ ему Василій, сынъ Буслаевичъ;
«Гой еси ты, Костя Новоторженикъ!
А и будь ты мнѣ названый братъ,
И паче мнѣ брата родимаго».

Вслѣдъ за Костею пришли два боярченка, Лука да Моисей, а затѣмъ пришли мужики Залёшана—такіе молодцы, что Васька ихъ и пробовать не посмѣлъ, — а потомъ пришли семь братьевъ Сбродовичей... Собралась ватага молодцовъ на подборъ:

Тридцать молодцевъ безъ единаго,
Онъ самъ Василій тридцатый сталъ.

Подобравъ по себѣ дружину, сталъ Васенька съ нею по городу ходить, сталъ искать случая, гдѣ-бы ему плечи размять да свою удаль показать. Пришелъ онъ на братчину-Никольщину, да когда всѣ ужь изрядно подвыпили, вздумалось Васенькѣ объ великъ закладъ биться:

«Гой еси вы, мужики новгородскіе!
Бьюсь я съ вами о великъ закладъ,
Напущаюсь я на весь Новгородъ,
Битися будемъ и дратися
Съ моею дружинушкой храброю.
Вы меня съ дружиною побьете Новымъ-городомъ,
Буду вамъ платить дани-выходы, по смерть свою,
На всякой годъ по три тысячи;
А буде-же я васъ побью,
И вы мнѣ покоритеся:—
То вамъ платить мнѣ такову-же дань.

Согласились биться о великъ закладъ мужики новгородскіе и всѣ купцы богатые: — поднялась драка неслыханная. Увидѣли однакоже мужики новгородскіе, что дѣло ихъ плохо, подослали съ дорогими подарочками къ Васькиной матушкѣ, просятъ ее „унять свое чадо милое".

Матера вдова Амелѳа Тимофеевна
Принимала у нихъ дороги подарочки,
Посылала дѣвушку чернавушку
По того Василья Буслаева.

Прибѣжала дѣвушка чернавушка,
Сохватила Ваську за бѣлыя руки,
Потащила къ матушкѣ родимой.

И этотъ грозный богатырь, по приказу матери, какъ кроткій агнецъ, пришелъ къ ней на широкій дворъ и далъ запереть себя въ погреба глубокіе, подъ замки булатные

Безъ вождя дружина Васенькина ослабѣла, бьется нехотя, безъ прежней бодрости... И взмолились молодцы къ той-же дѣвушкѣ чернавушкѣ: просятъ выпустить на волю Васеньку Буслаева. Послушала ихъ мольбы дѣвушка чернавушка, выпустила ясна-сокола изъ погреба глубокаго.

НОВГОРОДСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

Изображеніе побѣды Новгородцевъ надъ Суздальцами (на Знаменской иконѣ въ Новгородѣ).

Ото-сна Василій пробуждается,
Онъ выскочилъ на широкій дворъ,—
Не попала ему палица желѣзная,
Что попала ему ось телѣжная,
Побѣжалъ Василій къ Новугороду.

И напрасно унималъ удалаго молодца старецъ-богатырь Пилигримище, напрасно увѣщевалъ Васеньку, говоря ему, что „изъ Волхова воды не выпити, а въ Новгородѣ людей не выбити", — Василій и старца того угостилъ осью телѣжною и пришелъ къ своимъ молодцамъ на выручку. И выигралъ Васенька свой великъ закладъ —„мужики покорилися, покорилися и помирилися", обязалися платить матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ на всякой годъ по три тысячи, да сверхъ того:

«Съ хлѣбниковъ по хлѣбику,
Съ калачниковъ по калачику,
Съ молодицъ повѣнечное,
Со дѣвицъ повалешное,
Со всѣхъ людей съ ремесленныхъ
Опричь поповъ и дьяконовъ».

И опять собрались молодцы къ Васенькѣ на широкій дворъ, опять сѣли кругомъ завѣтнаго чана, стали пить, веселиться и пѣсни пѣть.

Такъ заканчивается первая былина о Васькѣ Буслаевѣ, дающая намъ широкую (и притомъ довольно полную) картину изъ быта тѣхъ боярскихъ сынковъ, которымъ „тѣсенъ былъ Новгородъ" и которые набравъ въ немъ дружины удалыхъ добрыхъ молодцовъ, отправлялись потомъ съ ними, на свой собственный счетъ — добывать землицы для Господина Великаго Новгорода, собирать „дани-выходы" и съ тѣхъ, кто тянулъ къ Новугороду, и съ тѣхъ, кто ничѣмъ не былъ связанъ съ Великимъ Новгородомъ.

Новгородскія лѣтописи полны описаніями далекихъ походовъ, предпринимаемыхъ изъ Новгорода молодежью или молодыми людьми (т. е. тѣми же удалыми добрыми молодцами) на Балтійскія прибрежья, на Мурманъ, въ Швецію или Финляндію. Гораздо охотнѣе, чѣмъ на сѣверъ, шли ватаги ушкуйниковъ или повольниковъ — на Волгу и по Волгѣ внизъ до Казани и Астрахани, до Вятки и Камскихъ городковъ. Случалось, что дружины ушкуйниковъ бывали и очень многочисленны — доходили до 2,000 и болѣе,— и дружины эти плыли на 200 или 250 судахъ. Цѣлью походовъ были удалые набѣги на своихъ и на чужихъ, грабежъ и нажива, разгулъ и разгромъ! Ватаги повольниковъ обрушались на русскіе приволжскіе города — Кострому, Ярославль, Нижній — грабили, захватывали въ плѣнъ мирныхъ жителей, продавали своихъ плѣнниковъ въ Казани или въ Болгарахъ, и тотчасъ послѣ того жгли и грабили татарское низовье Волги — Сарай и Астрахань. Дружины эти состояли изъ отчаянныхъ смѣльчаковъ, притомъ весьма опытныхъ въ военномъ дѣлѣ. По странному противорѣчію, свойственному человѣческой природѣ, очень многіе изъ новгородскихъ повольниковъ, какъ и позднѣйшіе запорожцы, кончали жизнь свою въ монастыряхъ или коротали ее дальними странствованіями по святымъ мѣстамъ.

На это ясно указываетъ намъ другая былина о Васькѣ Буслаевѣ, въ которой разсказывается, какъ онъ отправился замаливать грѣхи свои на богомолье, сознавая, что

Съ молоду было много бито, граблено,
Подъ старость надо душу спасти.

Былина начинается съ того, что этотъ, вполнѣ уже зрѣлый, богатырь приходитъ къ матери своей—просить ея благословенія. Прекрасны отвѣтныя слова его матери:

«Гой еси ты, чадо мое милое,
Молодой Василій Буслаевичъ!
Ты коли поѣдешь на добрыя дѣла,
Тебѣ дамъ благословеніе великое;
А коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
И не дамъ благословенія великаго —
А и не носи Василія сыра-земля»!

Но у Василія не разбой на умѣ, а вполнѣ искреннее желаніе покаяться, поклониться святымъ мѣстамъ, „искупатися въ Іорданѣ рѣкѣ", чтобы смыть съ себя свои прегрѣшенія... Онъ идетъ туда „прямымъ путемъ", мужественно и смѣло, минуя всѣ препятствія, которыми стращали его встрѣчные гости-корабельщики. Но на обратномъ пути домой — онъ находитъ судьбу свою и гибнетъ жертвою своей безумной отваги.

Выше замѣтили мы, что предпріимчивый и смѣлый духъ новгородцевъ, воспитавшійся среди борьбы и нужды, среди удалыхъ походовъ и дальнихъ странствованій, отражался и въ пѣсняхъ, и въ сказаніяхъ новгородскихъ тѣмъ,

что и здѣсь, главною основою являлись тѣ-же странствованія по сушѣ и морямъ, и здѣсь очень важную роль играли Волховъ-рѣка да Ильмень-озеро. Замѣчательно, что и духовныя сказанія, создавшіяся въ средѣ новгородской церкви, сохраняютъ тѣ же отличительныя черты сказаній мірскихъ:— угодники новгородскіе тоже являются великими странствователями, и въ ихъ подвигахъ духовныхъ немаловажное значеніе имѣютъ Ильмень и Волховъ... Мало того, даже о пришествіи въ Новгородскую область мѣстныхъ чудотворныхъ иконъ повѣствуется, какъ о дальнемъ странствованіи по морямъ и рѣкамъ. Въ этомъ именно смыслѣ особенно важны для насъ: „Повѣсть объ Іоаннѣ Новгородскомъ“, „Повѣсть объ Антоніи Римлянинѣ“ и „Сказаніе о прибытіи въ Новгородскую область Тихвинской иконы“. Приводимъ эти сказанія здѣсь въ болѣе или менѣе обширныхъ извлеченіяхъ.

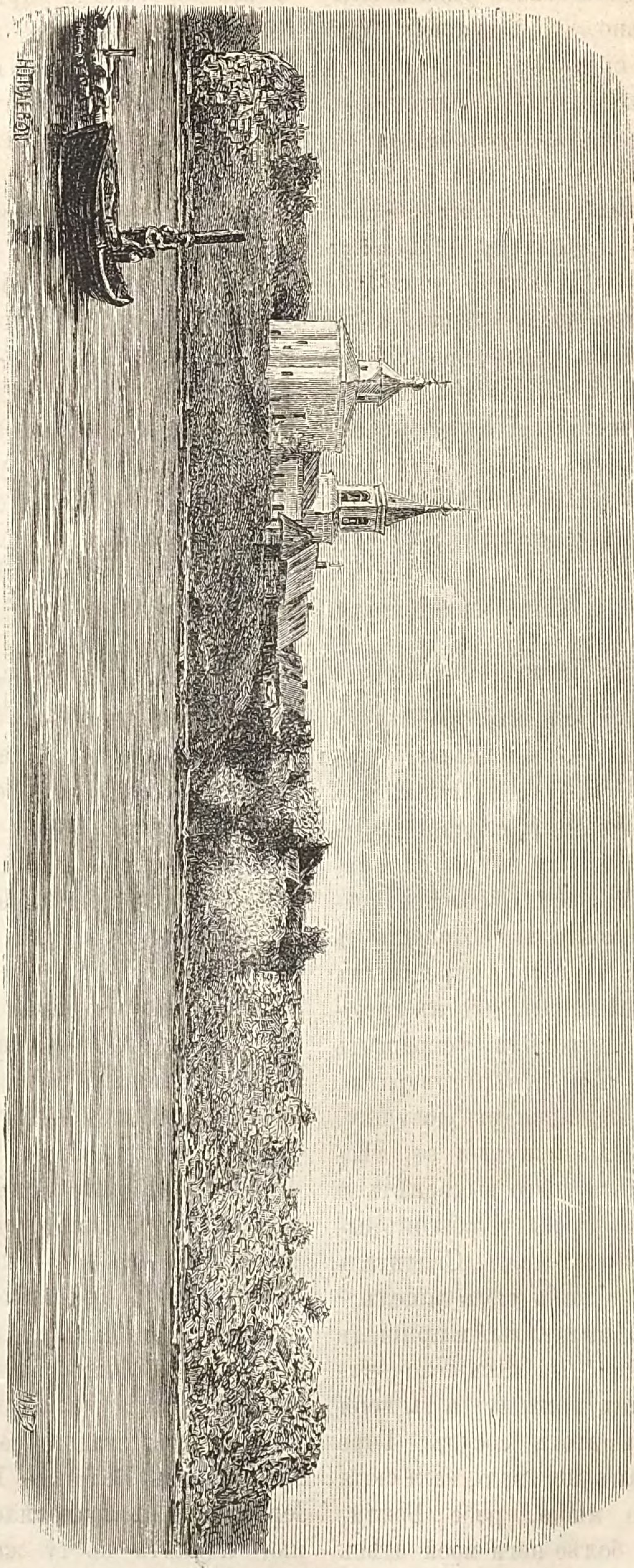
Повѣсть объ Іоаннѣ Новгородскомъ.

Однажды, когда святой Іоаннъ, уже будучи архіепископомъ, совершалъ, по обычаю своему, ночныя молитвы въ своей келіи, онъ услыхалъ, что въ рукомойникѣ, стоявшемъ на окнѣ, что-то стало плескаться и бурлить. Святитель понялъ, что его смущаетъ бѣсовское мечтаніе и, не прекращая молитвы, подошелъ къ рукомойнику и оградилъ сосудъ крестнымъ знаменіемъ. И точно, оказалось, что въ рукомойникъ забрался бѣсъ и хотѣлъ устрашить святаго, но встрѣтилъ въ немъ вѣру, твердую, какъ адамантъ—и самъ попался въ ловушку. Силою крестнаго знамени замкнутый въ тѣсномъ сосудѣ, бѣсъ не могъ долго вытерпѣть и взмолился къ святителю, прося, чтобы онъ выпустилъ его изъ нежданнаго заточенія. Святитель сказалъ бѣсу: „кто ты, и какъ сюда зашелъ“? Бѣсъ отвѣчалъ ему: „я бѣсъ лукавый и пришелъ тебя смутить; думалъ, что ты, какъ человѣкъ, устрашишься и покинешь молитву; а ты меня же самаго заключилъ въ этотъ сосудъ. Горе мнѣ окаянному! Я и самъ не знаю, какъ сюда попалъ? Смилуйся надо мною, рабе Божій, отпусти меня: никогда болѣе ноги моей здѣсь не будетъ“!

И долго вопилъ непріязненный духъ; наконецъ святитель сказалъ ему: „за дерзость твою повелѣваю тебѣ: нынѣшнею-же ночью донеси меня изъ Новгорода въ Іерусалимъ градъ, и поставь меня у церкви, гдѣ гробъ Господень; а изъ Іерусалима принеси меня обратно, въ теченіи той-же ночи, къ моей келіи, въ которую ты дерзнулъ войти. Если обѣщаешь все это исполнить—я отпущу тебя“. Бѣсъ всячески обѣщалъ исполнить волю Іоанна и святитель выпустилъ его изъ сосуда, приказавъ: „стань у дверей кельи моей, въ образѣ осѣдланнаго коня, чтобы я могъ сѣсть на тебя и выполнить мое желаніе“. И вышелъ бѣсъ изъ сосуда, въ видѣ черной тьмы, и сталъ передъ кельею, обернувшись борзымъ конемъ. Іоаннъже вышелъ изъ кельи своей и оградилъ себя крестомъ и благословеніемъ, и въ ту-же ночь очутился въ Іерусалимѣ, близь храма, въ которомъ находится гробъ Господень и животворящій крестъ. И бѣсъ стоялъ, какъ вкопанный, у преддверія храма, и не смѣлъ никуда двинуться, пока Іоаннъ молился въ храмѣ и прикладывался къ его святынямъ. И когда Іоаннъ вышелъ изъ храма, то нашелъ бѣса стоящимъ на томъ-же мѣстѣ, въ образѣ осѣдланнаго коня, и сѣлъ на него и въ туже ночь снова очутился въ Великомъ Новгородѣ, въ своей келіи. Но бѣсъ, отходя отъ святителя, сказалъ ему: „Іоанне! ты меня заставилъ въ одну ночь свозить тебя въ Іерусалимъ изъ Новгорода, и опять принести сюда обратно. Твоимъ запрещеніемъ я былъ связанъ, какъ крѣпкими узами, и много изъ-за тебя бѣдъ претерпѣлъ. Однако, берегись—никому не сказывай о томъ, что ты заставилъ меня сдѣлать. Если же скажешь, я на тебя наведу такое искушеніе, что ты людьми и осужденъ будешь, и поруганъ, и на плоту на рѣку Волховъ спущенъ“. Святой, выслушавъ лукаваго, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ—и бѣсъ исчезъ.

Случилось, нѣсколько времени спустя, что святитель, въ духовной бесѣдѣ съ честными игумнами и богобоязливыми мужами, упомянулъ о томъ, что съ нимъ было. „Знаю я“, сказалъ онъ, „такого человѣка, который въ одну ночь изъ Великаго Новгорода побывалъ въ Іерусалимѣ и поклонился тамъ Гробу Господню, и опять въ ту же ночь возвратился въ Великій Новгородъ“. Игумны и всѣ слышавшіе святители удивились его словамъ и отнеслись къ нимъ нѣсколько недовѣрчиво. И съ того самаго дня попущеніемъ Божіимъ бѣсъ на-

чалъ наводить на святителя всякую ложь и различныя искушенія. То бѣсъ, на виду у всѣхъ, въ образѣ женщины, выходилъ изъ дверей кельи Іоанна, то, при посѣщеніи святителя вѣрующими, въ его же келіи, бросался всѣмъ въ глаза въ видѣ женскаго мониста, забытаго на столѣ, или принималъ видъ женскихъ башмаковъ и женскаго платья, покинутаго гдѣ-нибудь въ углу... Святителю эти продѣлки бѣса оставались невидимы; но во всѣхъ приходящихъ возбуждали сомнѣніе и недовѣріе къ Іоанну. Бѣсъ же соблазнялъ всѣхъ приходившихъ къ Іоанну, съ тою цѣлью, чтобы они противъ него возстали и смѣстили его изъ владыкъ. И дѣйствительно, народъ и начальствующія въ городѣ лица, посовѣтовавшись между собою, пришли къ тому убѣжденію, что не слѣдуетъ Іоанну быть владыкою; подстрекаемые бѣсомъ граждане кричали: „пойдемъ и изгонимъ его“. И въ то время, когда народъ подходилъ къ келіи Іоанна, бѣсъ и еще разъ, при всѣхъ, вышелъ отъ владыки въ образѣ юной отроковицы. Народъ было погнался за бѣсомъ, но догнать не могъ. Когда же святитель вышелъ къ толпѣ и спросилъ: „чего вамъ нужно, дѣти мои?“— никто не захотѣлъ его слушать и, при общемъ кликѣ и воплѣ осудили его на изгнаніе. Придумали же это изгнаніе устроить такъ: посадить святителя съ моста на плотъ: —пусть плыветъ вонъ изъ города внизъ по Волхову. Какъ задумали, такъ и сдѣлали, и діаволъ уже начиналъ радоваться; но превозмогла Божія благодать и вѣра святителя. Чуть только онъ былъ посаженъ на плотъ и спущенъ на Вол-

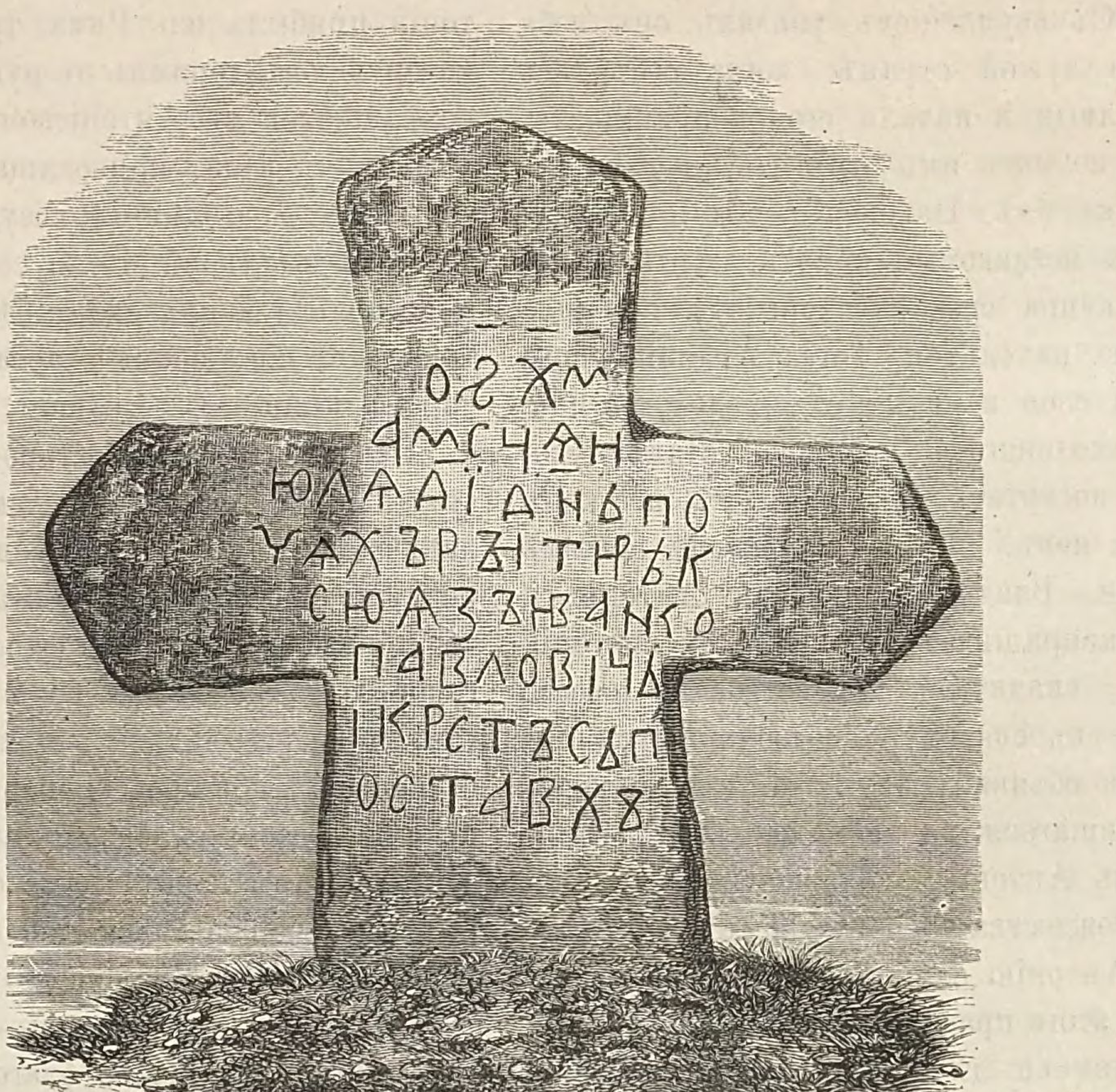

Видъ древней крѣпости въ Старой Ладогѣ съ Волхова.

ховъ, какъ плотъ,—къ великому изумленію народнаго множества—поплылъ не внизъ, а вверхъ по рѣкѣ, противъ быстрѣйшаго ея теченія, и направился прямо къ Юрьеву монастырю. И святитель сидѣлъ на плоту недвижимо и все молился о своихъ гонителяхъ, повторяя: „Господи! не поставь имъ этого во грѣхъ,—ибо не знаютъ, что творятъ“. Діаволъ же, видя себя побѣжденнымъ, устыдился. Народъ, убѣжденный великимъ чудомъ въ невинности святителя, толпами побѣжалъ за нимъ, вдоль берега, умоляя его воротиться къ своей паствѣ, а потомъ, съ духовенствомъ во главѣ, со крестами и иконами, встрѣтилъ его у того мѣста Волховскаго берега куда присталъ плотъ святителя. И святитель, по благодушію своему, ихъ простилъ, и вновь вернулся на свой святительскій престолъ.

Чрезвычайно любопытно въ томъ же смыслѣ сказаніе объ основаніи новгородскаго Антоніева монастыря. Сказаніе приписываетъ основателю монастыря иноземное происхожденіе и повѣствуетъ объ Антоніи, что онъ былъ родомъ Римлянинъ, пришедшій въ Новгородъ въ 1106 г. *).

НОВГОРОДСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

Каменный крестъ Иванка Павловича (XII в).

Сказаніе рисуетъ намъ Антонія Римлянина богатымъ юношею, который, на восемнадцатомъ году отъ роду, „изучивъ писаніе греческаго языка и прочитавъ со вниманіемъ священныя книги, проникся мыслію о ничтожествѣ земныхъ богатствъ и рѣшился отъ нихъ отказаться. Онъ сложилъ отцовскіе драгоцѣнные сосуды, много злата и сребра въ бочку и пустилъ ее по морю на волю Божію, а самъ обрекъ себя на отшельническое житіе. Двадцать лѣтъ пробылъ въ пустыни, въ уединеніи, между старцами-отшельниками, терпѣвшими гоненія за свою приверженность къ благочестивой и праведной старинѣ. Когда „папа и сильные Рима“ вновь воздвигли гоненія на отшельниковъ, имъ пришлось скрываться въ непроходимыхъ мѣстахъ. Антоній нашелъ себѣ пріютъ на скалѣ у моря и стоялъ тамъ день и ночь, углубясь въ молитву, вкушая пищу только однажды въ недѣлю. Такъ пробылъ онъ на томъ камени одинъ годъ и три мѣсяца. Но Божія воля назначила ему иной жребій. Поднялся однажды сильный вѣтеръ, разбушевались морскія волны, отторгли отъ берега тотъ камень,

*) По лѣтописи, церковь въ Антоніевой обители, во имя Рождества Христова, была заложена въ 1117 г., окончена 1119 г. и расписана въ 1125 г.

на которомъ стоялъ подвижникъ и понесли его съ неизреченною быстротою. Святой мужъ, углубленный въ молитву, ничего не слыхалъ и не замѣтилъ, какъ силою вѣтра и волнъ камень принесло въ Балтійское море, а Невою въ Ладожское озеро и потомъ, вверхъ по Волхову, противъ теченія, пока самъ камень не остановился у села Волховскаго, подъ самымъ Новгородомъ. Антоній очнулся отъ своего молитвеннаго созерцанія только тогда, когда услышалъ, какъ въ новгородскихъ церквахъ раздался первый ударъ колокола, призывавшій къ заутрени. Съ изумленіемъ увидалъ онъ себя въ какой-то чужой странѣ: когда собрались около него люди и начали его распрашивать, онъ ничего не могъ имъ отвѣтить, ибо не понималъ языка ихъ. Наконецъ, сойдя съ камня, и войдя въ незнакомый городъ, Антоній повстрѣчалъ купца грека, который разъяснилъ ему, гдѣ онъ находится. Тогда Антоній снова удалился на свой камень и отъ людей, во множествѣ приходившихъ къ нему, сталъ чудодѣйственно постигать русскій языкъ, и вскорѣ говорить на немъ. Донесли епископу Никитѣ объ Антоніи. Владыка призвалъ Антонія и сталъ его распрашивать. Узнавъ отъ Антонія всю правду, святитель почувствовалъ особое благоговѣніе къ святому, сподобившемуся такого чуда, и объявилъ ему, что, въ ознаменованіе случившагося, на томъ мѣстѣ, куда присталъ камень Антонія, должно построить монастырь Рождества Пресвятой Богородицы, такъ какъ Антонію случилось прибыть въ самый канунъ этого праздества. По просьбѣ владыки, посадничьи дѣти, которымъ принадлежало село Волховское, отвели подъ монастырь 50 саженъ. На этомъ участкѣ земли былъ заложенъ монастырь, построена деревянная церковь и близъ нея кельи. Но и послѣ построенія обители, какъ и до того, Антоній продолжалъ становиться на молитву на своемъ камнѣ. Однажды, годъ спустя послѣ основанія обители, рыбаки ловили около этого камня рыбу въ Волховѣ и, протрудившись цѣлую ночь, ничего не поймали. „Дѣти мои!“ сказалъ имъ преподобный—„вотъ вамъ гривна серебра: закиньте сѣть... Что изловите, то пусть идетъ въ домъ Пресвятой Богородицы“. Рыболовы согласились и вытащили множество рыбы и, вмѣстѣ съ рыбою, деревянную бочку, окованную желѣзными обручами. Антоній сразу узналъ въ этой бочкѣ ту, которая была когда-то имъ самимъ брошена въ море. Преподобный отдалъ рыбакамъ всю рыбу, а бочку хотѣлъ взять, по условію, въ домъ Пресвятой Богородицы. Но рыболовы не хотѣли отдавать Антонію бочку, и съ ними пришлось идти въ судъ. Антоній доказалъ въ судѣ, что бочка ему принадлежитъ, и всѣ сокровища, находившіяся въ бочкѣ, употребилъ на устройство монастыря и на покупку около него земли, а сосуды и иконы— на украшеніе храма. Камень, на которомъ Антоній прибылъ изъ Рима, тростниковая вѣтвь, которую онъ держалъ въ рукахъ, до сихъ поръ сохраняются въ Антоніевомъ монастырѣ, какъ памятникъ чуда, приводящаго вѣрующихъ въ умиленіе. Драгоцѣнные сосуды обители Іоаннъ Грозный взялъ въ Москву; въ монастырѣ уцѣлело только паникадила, нѣсколько иконъ да колоколъ, повѣшенный предъ камнемъ, на которомъ приплылъ Антоній.

Тэмою многихъ новгородскихъ духовныхъ сказаній является и то весьма естественное желаніе возвеличить и прославить Великій Новгородъ, которое было прямымъ слѣдствіемъ горячей привязанности новгородцевъ къ ихъ родному городу, особенно когда Тверь и Москва уже простирали на него виды. Къ этому разряду сказаній, ставившихъ новгородскія церковныя преданія въ тѣсную и прямую связь съ византійскими, слѣдуетъ отнести новгородское сказаніе о явленіи Тихвинской иконы въ „области богоспасаемаго великаго и славнаго Новгорода“ *). „Повѣствуется“ —говоритъ авторъ сказанія—„будто эта икона Богородицы, по Божію благоволенію, прибыла изъ царствующаго Константина града, предварившы его злое отъ поганыхъ одержаніе. Всечестная икона не восхотѣла предать свой пречистый образъ въ обдержаніе поганымъ, но благоволила просвѣтить имъ, Всемилостивая, Россійское царство. И черезъ 70 лѣтъ отъ ея пришествія въ Русскую землю, попущеніемъ Божіимъ взяли безбожные Цареградъ, въ лѣто 6961-е (въ 1453 г.), о чемъ всѣмъ намъ правовѣрнымъ подобаетъ проливать теплыя слезы, а Господа Бога и Пренепорочную Богоматерь прилежно молить, да вновь процвѣтетъ благочестіемъ тотъ преславный градъ, какъ изсох-

*) Приводимъ извлеченія изъ сказанія въ пересказѣ профессора Ѳ. И. Буслаева.

шій жезлъ Аароновъ, и принесетъ плоды боголюбезныхъ добродѣтелей“.

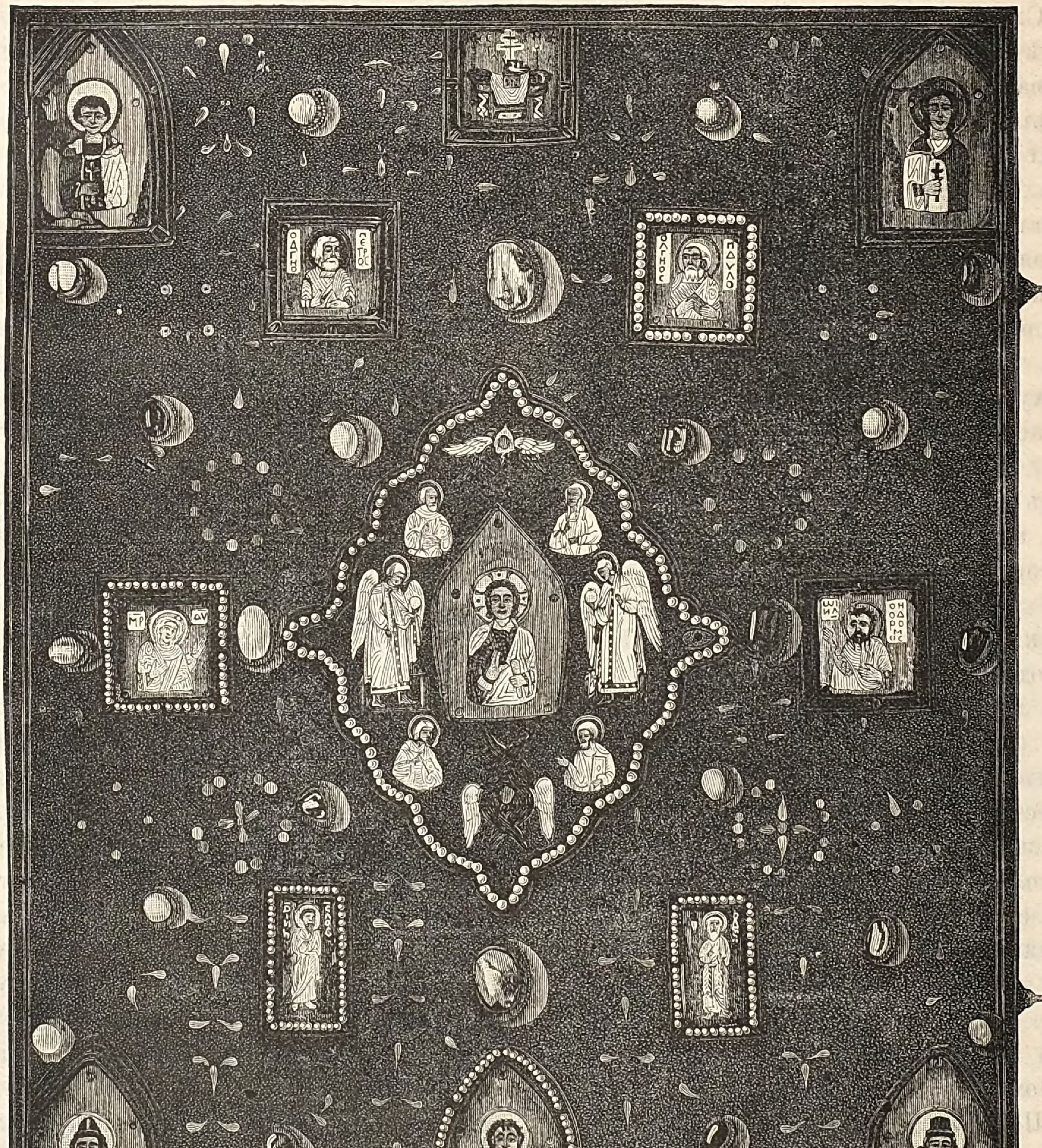
О самомъ пришествіи иконы на Русь повѣствуется въ сказаніи слѣдующее: „Въ лѣто отъ созданія міра 6891-ое, отъ воплощенія-же Бога-Слова въ 1383 г., при царѣ греческомъ Іоаннѣ Палеологѣ, въ лѣта державы благочестиваго и достохвальнаго великаго князя Дмитрія Іоанновича, явилась въ Россійской странѣ преславно на воздухѣ эта честная икона Богородицы, въ области богоспасаемаго славнаго великаго Новагорода, не въ дальнемъ разстояніи отъ Варяжскаго моря, на великомъ Ладожскомъ озерѣ, называемомъ Нево. Рыбаки, ловившіе на этомъ озерѣ рыбу, увидѣли, какъ икона Богоматери преславно шествовала по воздуху надъ пучиною многихъ водъ, и потомъ унеслась вдаль, давъ имъ только надежду радости, но не совершенное дарованіе. Вскорѣ потомъ явилась она на воздухѣ-жъ, на рѣкѣ Ояти, въ 102 поприщахъ отъ Тихвины, въ нѣкоторомъ мѣстѣ, называемомъ Смолково, и опять унеслась; а благочестивые люди поставили на томъ мѣстѣ часовню, во имя Успенія Богородицы. Потомъ явилась она на той-же рѣкѣ, въ деревнѣ Моченицы, въ 100 поприщахъ отъ Тихвины, и тоже понеслась дальше, а жители поставили тамъ часовню во имя Рождества Богородицы. Вскорѣ послѣ того явилась близь рѣки Паши, на горѣ Куковѣ, уже только за 21 поприще отъ Тихвины, и снова скрылась, а на томъ мѣстѣ постановили жители часовню. Перелетѣвъ одно поприще, икона еще разъ остановилась, держима на воздухѣ, надъ Пашею рѣкою, на нѣкоторомъ мѣстѣ Кожелѣ, и еще разъ понеслась дальше. На томъ мѣстѣ была построена церковь во имя Покрова Богородицы. Наконецъ, икона остановилась на Тихвинѣ, гдѣ и была торжественно встрѣчена духовенствомъ съ крестами и народомъ; тогда-же было тамъ положено основаніе церкви во имя Успенія, сначала на сѣверной сторонѣ рѣки,—потомъ на южной; а архіепископъ новгородскій благословилъ устроить при ней церковный причетъ. Послѣ того, мѣстное духовенство пожелало по окрестнымъ жителямъ оповѣстить Божію милость, ниспосланную явленіемъ иконы, а также—извѣстить о днѣ освѣщенія новопостроенной церкви, увѣщевая христіанъ, чтобы они приходили къ тому торжеству, приготовляя себя постомъ и молитвою“.

Къ этому въ сказаніи добавленъ еще слѣдующій характерный эпизодъ:

„Однажды благочестивымъ мужамъ Великаго Новогорода случилось быть въ царствующемъ Константинѣ градѣ. И говорилъ съ ними вселенскій патріархъ объ иконѣ Богородицы, Честнаго Ея Одигитрія, что она отошла отъ царствующаго града. И спрашивалъ онъ новгородцевъ, не слыхали-ли они чего о той иконѣ, или—не видѣли-ли? Они же ему на это повѣдали, что одна чудотворная икона Одигитрія, Богъ вѣсть откуда, въ великую Россію преславно по воздуху прибыла и въ различныхъ мѣстахъ являлась, переходя съ мѣста на мѣсто, въ предѣлахъ Великаго Новогорода, и потомъ на рѣкѣ Тихвинѣ преславно явилась, творя дивныя и преславныя чудеса и подавая безчисленныя исцѣленія, гдѣ и нынѣ въ церкви пребываетъ. Послѣ того, патріархъ, со воздыханіемъ изъ глубины сердца, повѣдалъ новгородцамъ, какъ чудотворная икона Богоматери отъ царствующаго Константина града преславно по морю отошла, навсегда тотъ городъ оставивъ, ради того, что умножились въ немъ гордость, братоненавидѣніе и неправды, и послѣ того никогда уже не возвращалась. Сказавъ это съ великимъ умиленіемъ, патріархъ показалъ новгородцамъ и мѣсто, и кіотъ, гдѣ стояла та чудотворная икона; и было то мѣсто, входя въ церковь отъ западной страны, у праваго столпа. На этомъ мѣстѣ была поставлена другая икона Богоматери, но мѣрою меньше; предъ нею горѣлъ свѣтильникъ неугасимый. Русскіе мужи много удивлялись великому чуду и долго бесѣдовали съ патріархомъ, разсказывая другъ другу о чудесахъ той иконы. Потомъ, возвратясь въ русскую землю, они повѣдали въ Новѣ-городѣ о томъ, что слышали отъ патріарха. Икона же на Тихвинѣ поставлена была точно такъ, какъ стояла она и въ Цареградѣ, т. е., входящимъ въ церковь отъ западной страны—у перваго праваго столпа.

Предлагаемъ въ извлеченіи и другую весьма любопытную повѣсть о Бѣломъ клобукѣ, которая, хотя и косвенно, но тоже довольно ясно направлена къ возвышенію Новгорода въ ущербъ Москвѣ.

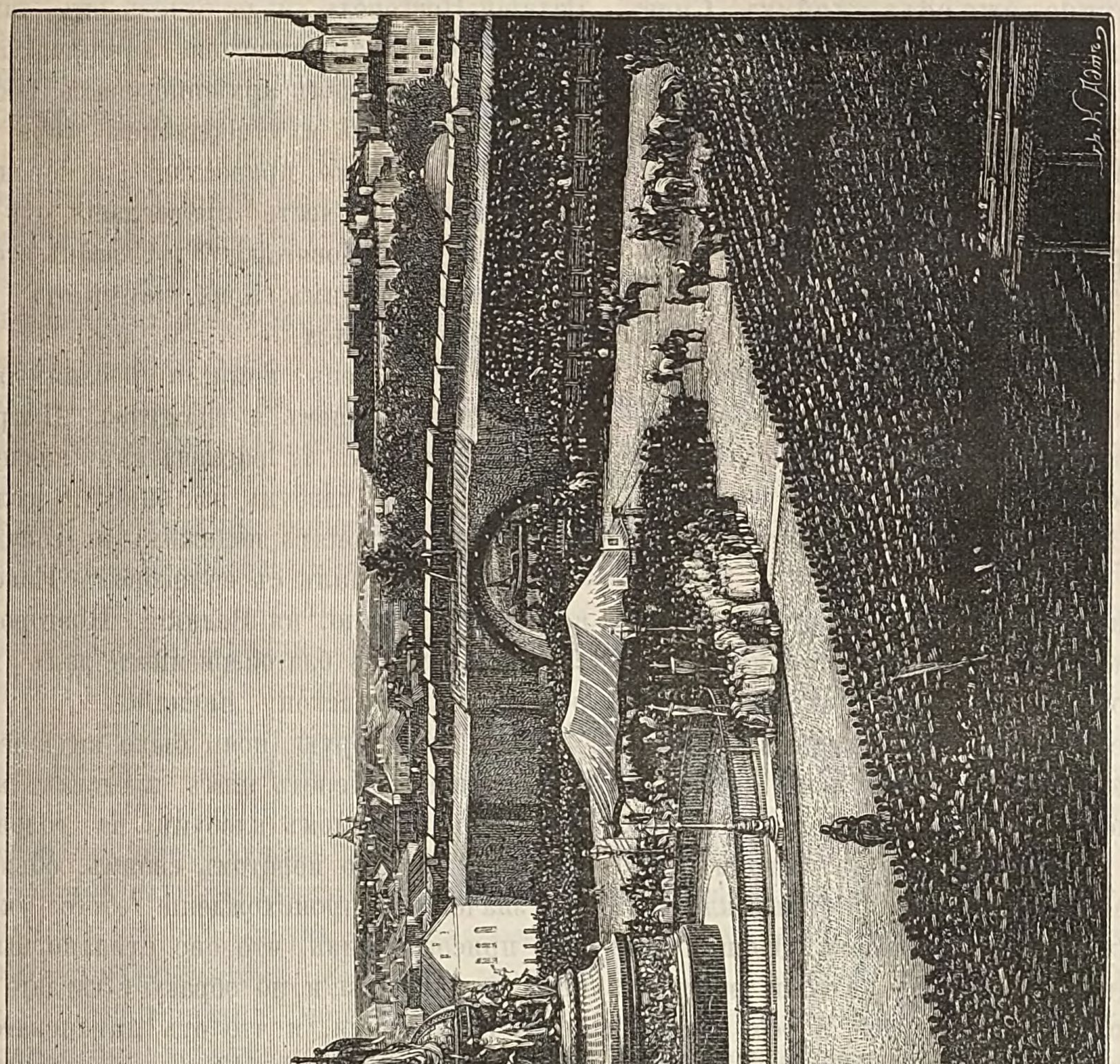
Мстиславово Евангеліе, писанное въ XII вѣкѣ для князя Новгородскаго Мстислава Владиміровича (около 1117 г.), принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ русскихъ рукописей. Эта древняя рукопись еще болѣе драгоцѣнна потому, что листомъ съ двѣнадцатью украшеніями, на коихъ писаны различные святые, а на среднемъ—ликъ Спасителя, окруженнаго Евангелистами, Архангелами и Серафимами. Окладъ украшенъ драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. Самое Еван-

Древній окладъ къ Мстиславову Евангелію (XII в.).

она дошла до насъ въ прекрасномъ древнемъ окладѣ, можетъ быть, современномъ написанію рукописи. Окладъ, судя по стилю работы, былъ изготовленъ въ Византіи. Обѣ доски оклада покрыты съ лица тонкимъ золотымъ

геліе находилось нѣкогда въ церкви Благовѣщенія на Городищѣ (близь Новгорода), а теперь хранится въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ.

Празднованіе тысячелѣтія Россіи.
По фотографіи гравировалъ К. Адтъ.

„Святѣйшій папа Сильвестръ, крестивъ Царя Константина, получилъ отъ него одѣяніе бѣлое, тричастное, еже есть клобукъ. Снявъ его съ головы, положилъ онъ его на золотое блюдо и поставилъ въ церкви св. Апостоловъ на престолѣ; надѣвалъ же на себя во время литургіи только на великіе праздники; также завѣщалъ поступать и по смерти своей. Спустя много времени послѣ того, возсталъ нѣкоторый царь Коруль и папа Формозъ, и обезчестили они православную вѣру и своими служеніями осквернили святую Апостольскую церковь, и святой тотъ клобукъ оставили безъ всякаго чествованія. Послѣ того, другой папа хотѣлъ его отослать даже въ чужую землю для поруганія. Но Господь Богъ хранилъ святыню эту...

Однажды ночью приходитъ ангелъ Господень въ палату къ папѣ съ пламеннымъ мечемъ въ рукахъ, и говоритъ: „о злой учитель! не довольно-ли тебѣ? Вотъ вы осквернили святую православную вѣру и много душъ погубили своимъ богомерзкимъ ученіемъ; а нынѣ въ конецъ хочешь Творцу Богу досадить своимъ буйствомъ, хочешь послать святой бѣлый клобукъ туда, гдѣ ему быть не подобаетъ. Пошли его въ Царьградъ къ патріарху, а если этого не сдѣлаешь, то пожгу домъ твой, а тебя безвременно предамъ вѣчной мукѣ“. Сказавъ это, ангелъ сталъ невидимъ. На утро папа отправился въ церковь и зритъ ужасное видѣніе: блюдо то съ клобукомъ само поднялось съ престола выше роста человѣческаго и опять опустилось на престолъ. И слышался при этомъ гласъ съ небеси: „съ миромъ изыдемъ“. Папа былъ въ великомъ ужасѣ и не смѣлъ ослушаться повелѣнія ангельскаго. Онъ вложилъ клобукъ съ блюдомъ въ сосудъ, и, запечатавъ своими печатями, отослалъ въ Цареградъ къ патріарху, вмѣстѣ съ грамотою, въ которой повѣдалъ о явленіи ангела и его угрозахъ. А въ Цареградѣ былъ тогда патріархомъ Ювеналій, мужъ добродѣтельный. И явился ему въ видѣніи свѣтлый юноша и сказалъ:

„Учителю святый! Въ древнія времена въ Римѣ царь Константинъ сотворилъ папѣ Сильвестру бѣлый клобукъ носить на головѣ, ради церковнаго благочинія, а латинскій папа нынѣ этотъ клобукъ хотѣлъ истребить. Но Господь повелѣлъ клобукъ послать къ тебѣ; и когда принесутъ его къ тебѣ посланные, прими его честно, отправь въ Русскую землю, въ Великій Новгородъ, и да будетъ онъ тамъ на главѣ Василія архіепископа новгородскаго, и на прочихъ по немъ архіепископахъ; ибо тамъ распространилась и утвердилась вѣра Христова, въ Римѣ-же православіе искоренилось отъ латинъ, и честь православія отъ Рима отнята и дана Новугороду“. Сказавъ это, ангелъ сталъ невидимъ, а патріархъ отъ видѣнія того ужаснулся.

На третій день пришли посланныя отъ папы, съ ковчежцемъ и грамотою. Патріархъ грамоту прочелъ, и, распечатавъ ковчежецъ, вынулъ оттуда клобукъ на блюдѣ; цѣловалъ его любезно, и опять положилъ въ сосудъ, и, запечатавъ, послалъ съ епископомъ Евменіемъ въ русскую землю, въ Великій Новгородъ, и свою грамоту съ благословеніемъ далъ новгородскому архіепископу Василію.

И въ нѣкоторую ночь было видѣніе тому архіепископу. Передъ нимъ предсталъ ангелъ Господень въ бѣломъ клобукѣ на головѣ, и, указывая на него перстомъ своимъ, объяснилъ ему значеніе и происхожденіе этого украшенія, присовокупивъ, что оно сдѣлано было по чину св. Троицы и по образу Свѣтлаго Христова Воскресенія, и что отъ латинскаго поруганія, по повелѣнію Божію, оно будетъ сохраняемо въ Новгородѣ.

На утро, архіепископъ Василій, въ святительскихъ ризахъ, со всѣмъ соборомъ вышелъ на встрѣчу цареградскому епископу, и, при звонѣ колоколовъ, ввелъ его въ церковь св. Софіи. Ковчежецъ поставилъ посреди церкви, и грамоту патріарха прочелъ во всеуслышаніе бывшему тогда въ церкви народу. Потомъ, вынувъ изъ ковчежца бѣлый клобукъ, надѣлъ его себѣ на главу такимъ образомъ, какъ видѣлъ на главѣ явившагося ему ангела; и тотчасъже отъ церковной главы, отъ Спасова образа снизошелъ великій гласъ: „Святая Святыхъ“; и немного спустя опять: „исполаети деспота“! Архіепископъ и всѣ присутствующіе исполнились страха и радости, и воскликнули: „Господи помилуй“?

И такъ устроился Бѣлый клобукъ на главахъ архіепископовъ новгородскихъ; а то блюдо Василій повелѣлъ положить въ ризницѣ св. Софіи для божественной службы; посланныхъ-

же отъ цареградскаго патріарха одарилъ дарами и съ великою честью отпустилъ во-свояси.

Но какъ ни великъ, какъ ни славенъ былъ Новгородъ, какъ ни горяча была привязанность новгородцевъ къ своей вольности, къ своей самостоятельности, къ своей старинѣ, преданіямъ и святынямъ—историческая жизнь слагавшейся Русской земли шла своимъ неуклоннымъ путемъ и „Господину Великому Новгороду" приходилось склонить главу предъ торжествующей Москвой, которая собирала въ рукѣ своей будущее громадное и могущественное Россійское государство. Новгородцы смутно сознавали, что пѣсня ихъ спѣта, предвидѣли будущія бѣды и паденіе „Господина Великаго Новгорода". Это тяжелое сознаніе также нашло себѣ отголосокъ въ новгородской литературѣ, и между сказаніями о чудесахъ Варлаамія Хутынскаго есть одно, яркими красками рисующее передъ нами то тягостное положеніе общественное, которое переживали новгородцы въ концѣ XV и началѣ XVII в. *).

„Было чудо—такъ повѣствуется въ сказаніи—преславное видѣніе и ужаса исполненное въ пречестной обители боголѣпнаго Преображенія Господа Бога нашего Іисуса Христа и преподобнаго отца Варлаама. Однажды ночью случилось быть пономарю, по имени Прохору, въ церкви Всемилостиваго Спаса нѣкоей ради церковной потребы. И видитъ онъ въ церкви страшное чудо: на паникадилахъ и на свѣщникахъ всѣ свѣчи зажжены, а вся церковь исполнена благоуханій ѳиміама и ливана. И входятъ въ церковь три мужа, сіящіе свѣтомъ, какъ солнце, и говорятъ пономарю Прохору:

— Отче святый! гдѣ пребываетъ вашъ настоятель и праотецъ честной и святой сей обители, игуменъ Варлаамъ?

— Господіе мои—отвѣчаетъ имъ пономарь:—честные и свѣтлые мужіи! вѣрно, вы не нашей страны жители, коли не знаете, что игуменъ Варлаамъ преставился отъ жизни сей болѣе трехъ сотъ лѣтъ тому назадъ?

Тогда обращавшіеся къ пономарю съ вопросами три свѣтлые мужа велѣли показать имъ, гдѣ положенъ во гробѣ игуменъ Варлаамъ, а пріидя на то мѣсто, сотворили молитву и воззвали:

„Преподобный великій чудотворче Варлааме! Господь нашъ Іисусъ Христосъ послалъ насъ къ тебѣ. Возстани, отче, отъ гроба твоего, да повѣдаемъ тебѣ Божіе повелѣніе". И видитъ пономарь Прохоръ — въ тоже мгновеніе возсталъ изъ гроба игуменъ Варлаамъ, и, поклонившись до земли тѣмъ тремъ свѣтлымъ мужамъ, сказалъ:

— Господіе мои! почто пришли вы къ смиренію нашему? Скажите, что повелѣваетъ мнѣ творить Владыко Христосъ?

— Владыко Христосъ Богъ нашъ повелѣваетъ тебѣ изыти отъ мѣста сего, понеже за умноженіе беззаконія, грѣховъ ради, хощетъ Господь Богъ погубити и потопити великій Новгородъ озеромъ Ильменемъ.

И услышавъ то отъ пресвѣтлыхъ мужей, говорилъ имъ игуменъ Варлаамъ со слезами и съ великимъ умиленіемъ:

— Господіе мои! скажите Владыкѣ Господу Богу и Спасу нашему Іисусу Христу: если ты, Владыко, великихъ ради прегрѣшеній, погубишь великій Новгородъ со множествомъ живущаго въ немъ народа, то погуби и меня; если же, Владыко человѣколюбче, ты помилуешь народное множество въ Великомъ Новгородѣ — мужей и женъ и дѣтей ихъ — то и меня съ ними спаси, Господи. Какъ-же, Господи, повелѣваешь Ты мнѣ оставить людей отечества моего въ такой великой бѣдѣ, и уйти изъ моего отечества? Да будетъ мнѣ святая твоя воля, о Господи!

Тогда тѣ свѣтлые мужи сказали Варлааму:

— Преподобный и преблаженный угодниче Христовъ, Варлааме! блюди, да не прогнѣваешь своего Владыку, Христа Бога!

— Вѣдаю, — отвѣчалъ Варлаамъ — вѣдаю Всемилостиваго Спаса! Не презритъ онъ насъ, своихъ рабъ, молящихся къ нему денно и нощно съ вѣрою и сокрушеннымъ сердцемъ.

Затѣмъ, три свѣтлые мужа стали невидимы, а Варлаамъ подошелъ къ пономарю Прохору и сказалъ:

— Брате Прохоре! взыди на самый верхъ церковный, и увидишь пагубу великому Новгороду, ибо хочетъ Господь Богъ погубить градъ сей за умноженіе грѣховъ!

Пономарь взошелъ на церковный верхъ и увидѣлъ во-очію страшное и грозное чудо: Ильмень - озеро выступило изъ своихъ бере-

*) Сказаніе, помѣщаемое нами здѣсь, приведено въ изложеніи проф. Ѳ. И. Буслаева.

говъ, на высоту воздвинулось и грозило, съ высоты обрушившись, потопить весь городъ...

Видя то, пономарь, въ ужасѣ, устремился съ церковнаго верха обратно въ храмъ Всемилостиваго Спаса и, пріидя туда, повѣдалъ Варлааму обо всемъ, что видѣлъ.

Варлаамъ сталъ молиться Господу со слезами и умиленіемъ, и, нѣсколько времени спустя, опять послалъ пономаря Прохора на церковный верхъ.

И увидѣлъ Прохоръ озеро Ильмень вновь вошедшимъ въ свои берега и вновь установившимся на своемъ мѣстѣ, какъ оно искони было сотворено Богомъ, и въ великой радости возвратился въ церковь къ св. Варлааму. Выслушавъ Прохора, Варлаамъ воздалъ Господу Богу благодарственную молитву за спасеніе Новгорода, и, по маломъ времени, опять послалъ пономаря на церковный верхъ.

И, взойдя туда, увидѣлъ пономарь надъ городомъ множество ангеловъ, пускающихъ съ небеси огненныя стрѣлы, какъ сильный дождь изъ тучи, — на множество народа, на мужей, на женъ и дѣтей.

И предъ всякимъ мужемъ и женою и ребенкомъ стояли ихъ ангелы-хранители и въ рукахъ держали книги и смотрѣли въ нихъ повелѣнія Божія. Который человѣкъ въ живыхъ написанъ, и того ангелъ Господень помазуетъ кистью изъ сосуда; и тотъ человѣкъ, во мгновеніе исцѣляется и здравъ становится отъ смертоносныхъ и немилостивыхъ язвъ. Когда-же ангелъ Божій видитъ человѣка, которому суждено умереть, того онъ пишетъ въ книгѣ судебъ Божіихъ, и уже не помазуетъ мѵромъ — и уныло отходитъ отъ того человѣка, боясь преслушать повелѣнія своего Владыки.

И увидѣвъ то видѣніе, въ ужасѣ спустился пономарь съ церковнаго верха и разсказалъ все видѣнное св. Варлааму. И сказалъ ему на то Варлаамъ:

— Брате Прохоре! По молитвѣ Пречистой Богородицы и всѣхъ святыхъ пощадилъ Господь людей своихъ и не потопилъ потопомъ Новгородъ, но послалъ на нихъ моровую казнь, съ милостью и съ покаяніемъ, по сказанному имъ самимъ: въ чемъ тя застану, въ томъ и сужу. И будетъ, брате Прохоръ, моръ на три года.

И еще сталъ молиться преподобный и опять послалъ пономаря на церковный верхъ. На этотъ разъ увидѣлъ пономарь надъ городомъ огненный столпъ, и въ ужасѣ сошелъ внизъ къ Варлааму, который ему объявилъ, что три года спустя, послѣ мора, будетъ великій пожаръ въ Новгородѣ.

За симъ, сотворивъ молитву, преподобный Варлаамъ сошелъ во гробъ свой, — свѣчи и паникадила сами погасли—и вся церковь вновь погрузилась во мракъ. Обо всемъ видѣнномъ пономарь Прохоръ немедленно повѣдалъ игумену Закхею и всей братіи; а игуменъ повѣдалъ архіепископу Серапіону; Серапіонъ-же— вельможамъ того города и всѣмъ людямъ, и заповѣдалъ всему городу, чтобы приходили всѣ люди на покаяніе къ своимъ духовнымъ отцамъ, да умилосердится Господь Богъ и преложитъ свой праведный гнѣвъ на милость и да пощадитъ людей своихъ".

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ТВЕРЬ И ВЕРХОВЬЯ ВОЛГИ.

Новгородскій и тверской край, какъ средоточіе важнѣйшихъ водныхъ системъ. — Общій видъ поверхности въ краѣ. — Истоки Волги. — Вазуза и Тверца. — Три системы каналовъ: Вышневолоцкая, Тихвинская и Маріинская.

ВЕСЬ новгородскій край, вмѣстѣ съ прилегающимъ къ нему тверскимъ, важенъ для насъ не только по тому значенію, какое онъ имѣлъ въ нашей исторіи, но и по тому вліянію, какое онъ и доселѣ обнаруживаетъ на экономическую жизнь Россіи. Здѣсь берутъ начало, сходясь своими истоками, самыя важныя рѣчныя системы, которыя разносятъ жизнь и дѣятельность по всей странѣ и служатъ естественными путями для обмѣна произведеній между востокомъ и западомъ. Всматриваясь въ физіономію края, нельзя не замѣтить чрезвычайно выгоднаго сочитанія въ немъ возвышенностей и водъ. Здѣсь нѣтъ высокихъ горъ, которыя бы обособляли, разъединяли мѣстности, однакожь, находящіяся здѣсь возвышенности даютъ начало рѣкамъ, съ которыми не могутъ выдержать сравненія самыя большія рѣки западной Европы, питаемыя снѣгами громадныхъ альпійскихъ вершинъ.

Но прежде, чѣмъ получить такую физіономію, эта область истоковъ пережила длинный рядъ геологическихъ переворотовъ. Въ ледниковый періодъ вся страна, носящая нынѣ названіе озерной, была скована льдами. Такъ изслѣдованія ученыхъ обнаружили, что основныя горныя породы, изъ которыхъ состоитъ Алаунская возвышенность, прикрыты мощными пластами ледниковыхъ образованій, и по нимъ, особенно около озеръ Селигера, Овселуга и Пено, часто разбросаны глыбы финляндскаго гранита, въ видѣ огромныхъ валуновъ. Тутъ же уцѣлѣли и остатки моренъ, въ видѣ удлиненныхъ хребтиковъ, сопровождаемыхъ съ двухъ сторонъ или озерами, или болотистыми низменностями. Какъ эти, такъ и другіе подобные факты свидѣтельствуютъ о томъ, что скандинавскій ледникъ, покрывая нынѣшнюю Финляндію и Олонецкую губернію, простирался далеко на югъ въ бассейнъ нынѣшней Волги. Послѣ ледниковаго періода, когда ледники должны были растаять, они дали громадный запасъ воды, послужившій источникомъ для образованія обширныхъ прѣсноводныхъ озеръ, занимавшихъ несравненно большія пространства, чѣмъ нынѣ существующія. При своемъ прежнемъ высокомъ уровнѣ, большая часть нынѣшнихъ озеръ должны были соединяться другъ съ другомъ, и между водами волжскаго, балтійскаго и бѣломорскаго бассейна существовала непосредственная связь.

Въ теченіи вѣковъ суша дѣлала все большія и большія завоеванія, а площадь водъ уменьшалась. Еще и теперь можно наблюдать процессъ постепеннаго превращенія озеръ въ болота, а послѣднихъ — въ сушу. Подобныя явленія, вѣроятно, происходили и въ прошлыя времена и, въ связи съ постепеннымъ поднятіемъ материка въ концѣ концовъ, придали странѣ ту физіономію, какую мы теперь видимъ.

Если взглянуть на орографическую карту европейской Россіи, на которой возвышенныя и низменныя части показаны сравнительно, т. е. въ ихъ отношеніи къ уровню моря, то въ глаза прежде всего бросится такъ называемая Валдайская или Алаунская возвышенность. Она лежитъ выше всѣхъ другихъ точекъ Россіи, за исключеніемъ, конечно, окраинныхъ горъ. Возвышенность эта наполняетъ собою смежные уѣзды Новгородской, Тверской и Псковской губерній. Она не имѣетъ рѣзко-опредѣленныхъ очертаній и полого поднимается надъ окружающими равнинами. Да и высота ея надъ уровнемъ моря незначительна.

На сколько извѣстно, самый возвышенный ея пунктъ, гора Полица, въ такъ называемыхъ Рвеницкихъ холмахъ, именуемыхъ громкимъ именемъ горъ, не превосходитъ 1,055 футовъ. Прочія точки еще ниже. Такъ Орѣховка имѣетъ 1,002 ф., Рамены — 969, Волгино Верховье—819. Наиболѣе высокія части возвышенности лежатъ въ Валдайскомъ и Демянскомъ уѣздахъ Новгородской губерніи и въ Осташковскомъ—Тверской. Отсюда мѣстность понижается, развѣтвляясь въ разныя стороны. Послѣднія чрезвычайно извилисты, такъ что долины рѣкъ заходятъ одна за другую. Притомъ онѣ идутъ террасами, уступами, почему рѣки имѣютъ то берега высокіе и крутые, дно каменистое, порожистое и теченіе быстрое, то медленно несутъ свои воды въ берегахъ отлогихъ, песчаныхъ. Во многихъ мѣстахъ разсѣяна масса валуновъ. Въ Осташковскомъ уѣздѣ валуны виднѣются на дорогахъ, на обрабатываемыхъ поляхъ. Иной разъ на полѣ камни покрываютъ чуть не всю видимую площадь.

— Какъ-же вы пашете здѣсь? спрашиваете вы крестьянъ.

— А ничего, получаете отвѣтъ, пашемъ... Извѣстно, иной камень, что покрупнѣе, обойдешь, или оброешь, да въ яму и засыплешь; иной снесешь... Эва, гляди, кучи-то разставлены... да всѣхъ не перетаскаешь.

Другую характерную черту края составляетъ, какъ уже замѣчено, обиліе озерныхъ водъ—это наслѣдіе давно минувшихъ временъ. Озеръ— многое множество, какъ въ Новгородской, такъ и въ Тверской губерніи. Въ первой ихъ больше и они обширны; во второй—меньше. Наиболѣе значительныя находятся въ Новгородской губерніи. Таковы: Ильмень, Бѣлоозеро, Вохле. Въ Тверской губерніи нѣтъ столь обширныхъ озерныхъ резервуаровъ; но за то находящіяся тутъ скопленія водъ питаютъ величайшую рѣку не только Европейской Россіи, но и всей Европы— Волгу. Самое обширное изъ озеръ—Селигеръ. Наибольшую длину его считаютъ въ 55 верстъ, а ширину—въ 19 *). Озеро это имѣетъ очень затѣйливыя очертанія береговъ, потому что состоитъ изъ большихъ и малыхъ водоемовъ, носящихъ названія плесъ, лукъ, озеръ, соединенныхъ проливами—межтоками. Всѣхъ главныхъ плесъ и лукъ въ Селигерѣ 23. На озерѣ разбросано множество островов: ихъ считается до 160. На самомъ значительномъ изъ нихъ, Хачинѣ, находится 6 селеній. Берега озера по большей части песчаны, только мѣстами глинисты, отлоги и вездѣ заселены. Вода въ озерѣ чиста, пріятна на вкусъ и служитъ мѣстомъ обитанія множества разныхъ рыбныхъ породъ (судаковъ, сомовъ, лещей, щукъ, налимовъ, язей, линей, карасей, окуней, ряпушки и т. д.). Селигеръ, при своихъ рыбныхъ богатствахъ, является какъ-бы питомникомъ для большей части волжскихъ рыбъ. Появляющіяся на свѣтъ новыя поколѣнія не находятъ въ озерѣ достаточно для себя питанія и идутъ р. Селижаровкою въ Волгу.

Къ западу отъ Селигера тянется рядъ озеръ: Большіе и Малые Верхиты, Стержъ, Овселугъ и Пено. Они замѣчательны тѣмъ, что служатъ водохранилищами истоковъ р. Волги. Расположены они среди долинъ, большею частію населенныхъ и воздѣланныхъ (лишь берега озера Пено, какъ болотистые, необитаемы).

Всѣ эти озера сосредоточиваются въ одномъ Осташковскомъ уѣздѣ. Въ другихъ уѣздахъ Тверской губерніи также разбросано не мало озеръ. Около нихъ обыкновенно лѣпятся поселки. Вообще въ губерніи около озеръ расположено свыше 600 селеній.

Озеръ въ краѣ, однако, становится съ теченіемъ времени менѣе. Одни озера давно заросли мхомъ, а другія и теперь покрываются различными водными растеніями, оттѣсняющими открытую поверхность водъ далѣе и далѣе къ серединѣ. Такъ постепенно образуются болотныя пространства. Болотъ, какъ въ Новгородской, такъ и въ Тверской губерніяхъ—множество. Площадь ихъ, правда, въ точности неопредѣлена, но о томъ, какъ они значительны, можно судить отчасти по размѣрамъ „неудобныхъ земель", состоящихъ преимущественно изъ болотистыхъ пространствъ: неудобныхъ земель считается въ одной Тверской губерніи болѣе 380,000 десятинъ (болѣе всего въ Бѣжецкомъ, Вышневолоцкомъ, Корчевскомъ и Тверскомъ уѣздахъ). Многія болота тянутся на нѣсколько десятковъ верстъ. Такъ напр., Петровское болото въ Тверскомъ уѣздѣ имѣетъ на протяженіи 35 верстъ длину и 25 въ ширину. Бо-

*) Въ „Волгѣ" г. Рагозина длина Селигера показана, впрочемъ, въ 80 верстъ, ширина около 30 (т. I, стр. 5).

лота здѣсь разныя: торфянистыя и моховыя. Моховыя болота сосредоточиваются около стоячихъ водъ. И теперь можно наблюдать процессъ ихъ образованія. На Бѣлочановскомъ озерѣ (въ Новоторжскомъ уѣздѣ) можно видѣть водную поверхность, окаймленную поясомъ высокой травы изъ породы злаковъ. Этотъ живой поясъ образуетъ границу между водою и мхомъ; позади его виднѣется другой поясъ—изъ сухихъ стеблей того же растенія, а далѣе, уже не такъ явственно—третій. Такое концентрическое расположеніе растительныхъ поясовъ вокругъ водной поверхности говоритъ о постепенномъ заростаніи озера. Все моховое пространство покрыто обыкновенно рѣдкимъ болотнымъ соснякомъ, который становится тѣмъ мельче, чѣмъ ближе растетъ къ центральному озеру. По болѣе сухимъ окраинамъ въ изобиліи произрастаютъ морошка, голубика, багульникъ, а на болѣе топкихъ мѣстахъ — росянка, клюква, или-же высятся тонкіе стебли пушицы.

Торфяныя болота образуются обыкновенно на низинахъ, близъ источниковъ, ручьевъ, вообще незначительныхъ проточныхъ водъ, постепенно засоряющихся. Торфяной слой отлагается изъ отжившей растительности. Разливы указанныхъ водъ, препятствуя совершенному разложенію этой растительности, образуютъ постепенно наростающую и распространяющуюся торфяную массу, которая, по причинѣ своей скважности, впитываетъ въ себя влагу, проводя ее все дальше и дальше вглубь. По прошествіи достаточнаго времени, постоянное теченіе воды прекращается, возобновляясь лишь въ періодъ таянія снѣговъ или продолжительныхъ осеннихъ дождей. Торфяная подушка, постепенно утолщаясь и распространяясь, захватываетъ даже и возвышенныя мѣста. Такимъ образомъ, мало-по-малу, является болѣе или менѣе обширное болото, окаймленное влажнымъ торфомъ, по серединѣ же представляющее топь, жидель, трясину, наполненную жидкою грязью со стоячею поверхъ ея водою. По окраинамъ такого болота развивается довольно разнообразная растительность; онѣ покрыты высокими касатиками, рагозой, ёжеголовникомъ, крупною осокою...

И такъ, описываемый край характеризуется значительными возвышенностями и обиліемъ водъ—озерныхъ и болотныхъ. При такомъ характерѣ мѣстности, естественно, что здѣсь берутъ начало рѣчныя системы, несущія свои воды въ разнообразныхъ направленіяхъ. Такъ, съ сѣверныхъ, западныхъ и южныхъ частяхъ Алаунской возвышенности берутъ начало воды Балтійскаго бассейна (Мста, часть заильменскихъ рѣкъ и З. Двина), а восточная—выпускаетъ „матушку Волгу". Какъ ни важна эта рѣка въ жизни нашего отечества, однако объ истокахъ ея у насъ знаютъ едва-ли не менѣе, чѣмъ объ истокахъ р. Нила. „Въ географіяхъ, по замѣчанію г. Полякова, часто смѣшивается Селижаровка, текущая изъ озера Селигера, съ верховьемъ Волги; въ другихъ случаяхъ Волгу выводятъ изъ озера Волго,—и такая сбивчивость свѣдѣній кажется намъ особенно странною именно по отношенію къ Волгѣ, этой главной водной артеріи Европейской Россіи.

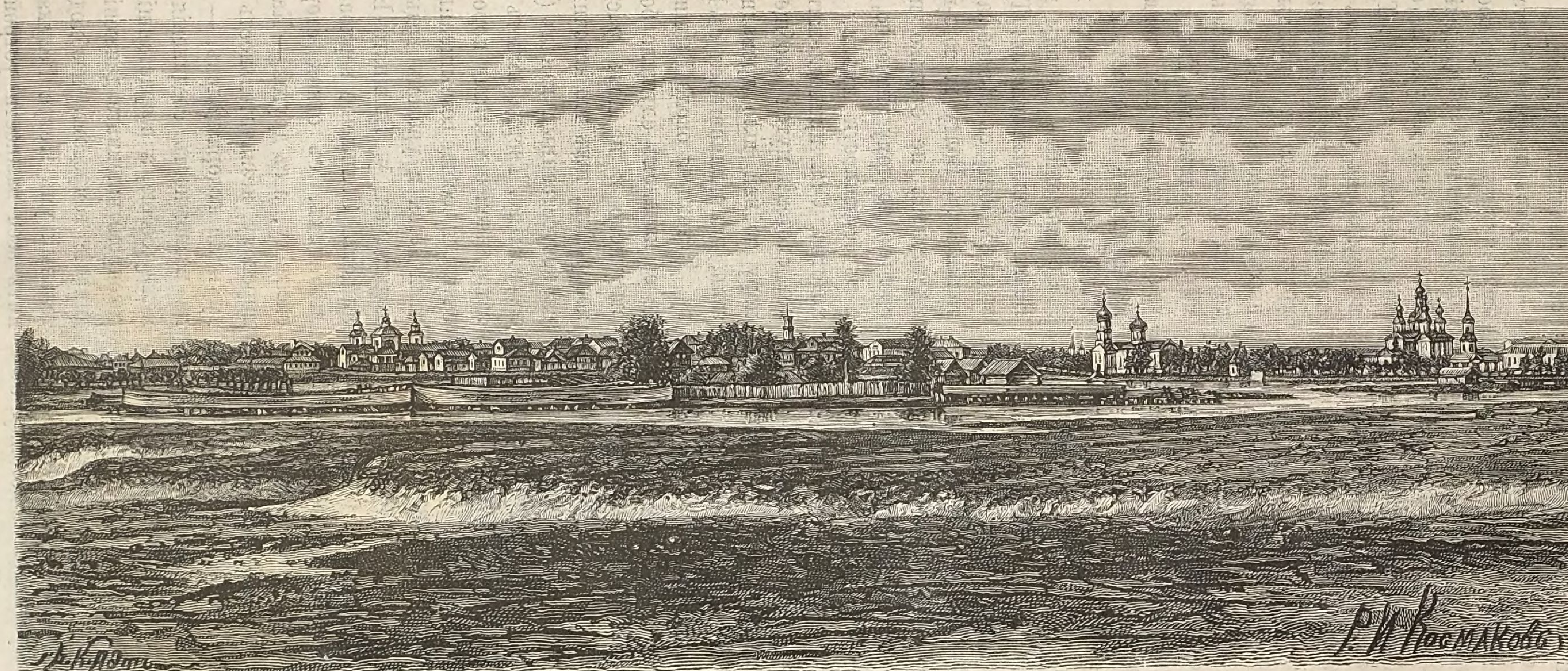
Отсюда, впрочемъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы истоки Волги не подвергались изслѣдованіямъ. Еще въ прошломъ столѣтіи ихъ посѣтилъ извѣстный путешественникъ Озерецковскій, который указалъ истоки Волги въ „кладязѣ". Кладязь этотъ,—писалъ онъ, пространствомъ сажени въ полторы. Сюда сбирается вода изъ обширнаго болота, ельникомъ поросшаго, и въ семъ водохранилищѣ, которое жители Іорданью называютъ, она кажется стоячею, однакожь тихо пробирается ручейкомъ въ обширный буеракъ и дномъ онаго продолжаетъ путь свой по наклонности буерака. Надъ Іорданью лежатъ старыя бревна вдоль и поперекъ, которыя остались отъ бывшей нѣкогда тамъ часовни, которой никто изъ жителей не помнитъ; но извѣстно по преданіямъ, что тамъ была часовня и вода въ кладязѣ хранилась чиста и такъ прозрачна, что опущенная въ нее булавка или полушка на нарочитой глубинѣ были видны. Но когда не стало часовни, источникъ оставленъ въ небреженіи и теперь воду содержитъ черную, тинистую, которую пить не можно. Сказываютъ, что въ старинные годы вода сія почиталась лѣкарственною въ глазныхъ болѣзняхъ и что изъ дальнихъ мѣстъ многіе люди, пріѣзжая сюда лѣчиться, обмывали ею свои струпья"... „Между деревнею (Волгино-Верховье) и ручьемъ Волги,—продолжаетъ Озерецковскій,—лежитъ гладкая безлѣсная и довольно высокая гора, на которой

стоитъ деревянная часовня. На горѣ сей примѣчаются старинныя могилы, а насупротивъ ея зеленѣетъ березовая рощица, состоящая изъ крупныхъ деревъ, рядомъ стоящихъ. Сказываютъ, что на горѣ сей былъ нѣкогда монастырь; полагаютъ, что и рощица оная осталась послѣ монастыря и часовня надъ источникомъ отъ обители была оставлена". „Отъ источника ручей течетъ извилисто, глубокимъ буеракомъ, въ которомъ окруженъ онъ лѣсомъ, и сверху буерака во многихъ мѣстахъ едва усмотрѣть его можно. Потомъ принимаютъ его въ себя два небольшія озерка, неподалеку другъ отъ друга лежащія и Верьхоты, называемыя, отъ которыхъ обогатясь водою, втекаетъ въ озеро Стержъ, или Стержи, гдѣ примѣтно уже его стремленіе, и вода его отъ озерной отличается".

Другой современный намъ ученый путешественникъ, г. Поляковъ, посѣтившій истоки Волги въ началѣ прошлаго десятилѣтія, описываетъ ихъ уже нѣсколько иначе. Слѣды великой рѣки г. Поляковъ замѣтилъ въ видѣ ручья, вытекающаго изъ лужи на окраинѣ болота или засореннаго пруда съ берегами, поросшими осокою. Тутъ находится часовня. Г. Полякову она представилась въ полуразрушенномъ видѣ: большая часть досокъ этой часовни лежала въ прудѣ... Вѣроятно, уже послѣ того часовня эта была возобновлена, потому что въ такомъ, обновленномъ видѣ описывается въ I томѣ „Волги" г. Рагозина. Вытекая изъ болотистаго пруда, Волга струится въ видѣ крохотнаго ручья, да и то лишь весною и осенью. Далѣе, по направленію къ озеру Малому Верхоту, тянется между холмами узкая долина, представляющая болото; доступъ въ эту долину затрудняется густымъ ельникомъ, березнякомъ, ольхою, у подножія которыхъ густо разросся папоротникъ, травянистая таволга, крапива; здѣсь всякіе слѣды рѣки исчезаютъ. Ближе къ Малому Верхоту появляется русло, весьма извилистое, не вездѣ ясно очерченное, шириною въ 2—3 аршина. При посѣщеніи г. Полякова, 26-го іюля, русло это во многихъ мѣстахъ представляло не болѣе, какъ ямы, наполненныя водою.

Такимъ образомъ, въ своихъ истокахъ Волга не имѣетъ постояннаго теченія. Постоянное теченіе она получаетъ уже по выходѣ изъ расположеннаго за Малымъ озера—Большимъ Верхотомъ. Далѣе она послѣдовательно проходитъ болѣе значительныя озера: Стержъ, Овселугъ, Пено, слѣдующія одно за другимъ и, наконецъ, встрѣчаетъ небольшое озерко Волго, близъ котораго устроенъ бейшлотъ или верхневолжская плотина. Почти на всемъ протяженіи отъ истока до бейшлота Волга течетъ въ низменныхъ берегахъ и только между озерами Пено и Волго она имѣетъ довольно углубленное русло, при ширинѣ саженъ въ 20. Характерная особенность рѣки между этими озерами — карчи, образуемыя стволами затонувшихъ деревьевъ: тутъ чуть не на каждой сажени торчатъ изъ воды темные, прогнившіе сучья и цѣлые стволы, дѣлающіе плаваніе небезопаснымъ даже днемъ, въ особенности въ непогоду. Бейшлотъ представляетъ очень грандіозное сооруженіе. Вода задерживается при помощи 98 щитовъ, открывающихся и закрывающихся посредствомъ канатовъ и колесъ. Открываемый по мѣрѣ надобности, бейшлотъ пропускаетъ необходимое для движенія судовъ количество воды, поддерживая судоходство на протяженіи цѣлыхъ 500 верстъ до впаденія въ Волгу р. Мологи. Безъ этого сооруженія невозможно было-бы движеніе чрезъ разбросанные тамъ и сямъ по верхнему теченію Волги пороги и мелкія мѣста. За бейшлотомъ, нѣсколько ниже по теченію, въ Волгу впадаетъ рѣчка Селижаровка, выходящая изъ озера Селигера. Отсюда Волга становится уже настоящею рѣкою: теченіе ея не прерывается озерами; она дѣлается шире (20 — 30 саж.); а берега, особенно правый, возвышенными. Отсюда же рѣка получаетъ рѣзко опредѣленное направленіе къ юго-востоку и въ общемъ сохраняетъ это направленіе до впаденія въ нее р. Вазузы у г. Зубцова. Теченіе ея здѣсь довольно порожисто: до Ржева считается 32 порога. Самый значительный порогъ Бенскій: на протяженіи 50—60 сажень рѣка мчится по замѣтному даже для глазъ наклону; воды ея, стѣсняемыя множествомъ угловатыхъ камней, часто крупныхъ размѣровъ, образуютъ постоянное волненіе. Если бы не бейшлотъ, устроенный около озера Волго, то движеніе чрезъ этотъ порогъ было-бы невозможно для судовъ. Но, кромѣ пороговъ, немалое затрудненіе причиняютъ судоходству и, такъ называемые, одинцы — громадные валуны, одиноко торчащіе

ВИДЫ ГОРОДОВЪ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Общій видъ Вышняго Волочка.

Рисовалъ съ натуры художникъ Космаковъ.

со дна, нерѣдко по самой серединѣ рѣчного фарватера. Хотя на протяженіи до г. Ржева Волга принимаетъ только незначительные протоки, тѣмъ не менѣе она становится все шире и шире, такъ что, подойдя къ самому Ржеву, она достигаетъ ширины саженъ 50. Берега ея дѣлаются вмѣстѣ съ тѣмъ круче: у этого города лѣвый берегъ, состоящій изъ известняка, поднимается на 105 фут. надъ ея уровнемъ.

Нѣсколько ниже Ржева, а именно у г. Зубцова, въ Волгу, съ правой стороны, впадаетъ значительный притокъ Вазуза. Рѣчка эта беретъ начало въ Смоленской губерніи; теченіе ея простирается на 140 верстъ; но изъ нихъ Тверской губерніи принадлежитъ всего 40. Судоходна она лишь отъ впаденія въ нее р. Гжатъ и то во время весенняго половодья, когда вода возвышается у Зубцова аршинъ на 6—9. Въ обыкновенное же время глубина ея не превышаетъ во многихъ мѣстахъ 1 аршина. Между тѣмъ этою рѣкою пользуются для сплава изъ Смоленской губерніи въ Тверскую пеньки, хлѣба и др. товаровъ. Какъ только наступитъ весеннее половодье, товарохозяева спѣшатъ сплавить барки къ Зубцову, чтобы не опустить дорогое время, такъ какъ вода спадаетъ очень быстро — чрезъ какую-нибудь недѣлю, много, дней чрезъ 10. Несомнѣнно, что судоходство по Вазузѣ могло-бы пріобрѣсти большую правильность и постоянство, если-бы дно ея было освобождено отъ камней, а теченіе не задерживалось водяными мельницами, тамъ и сямъ разбросанными по рѣкѣ. Во всякомъ случаѣ, Вазуза самый важный изъ первыхъ, верховыхъ притоковъ Волги. Она даже шириною немногимъ уступаетъ главной рѣкѣ и какъ-бы соперничаетъ съ нею; поэтому народное воображеніе создало сказаніе о спорѣ обѣихъ рѣкъ. Обѣ рѣки завели между собою споръ о томъ, которая изъ нихъ старше, и которой должно принадлежать первенство. Спорили, спорили и порѣшили лечь спать, съ условіемъ, что та, которая встанетъ раньше и скорѣе добѣжитъ до Хвалынскаго моря, — будетъ считаться старшею и заслуживающею почета. Вазуза встала ночью и пустилась бѣжать. Волга, проснувшись позже, пустилась въ догонку; бѣжала, бѣжала и догнала Вазузу у Зубцова, отъ котораго обѣ рѣки пустились далѣе уже вмѣстѣ. Вазуза должна была всетаки признать себя младшей сестрой.

Принявъ въ себя Вазузу, Волга круто поворачиваетъ къ сѣверо-востоку и сохраняетъ это направленіе до впаденія новаго значительнаго притока, но уже не съ правой, а съ лѣвой стороны, именно р. Тверцы. Еще довольно долго она удерживаетъ прежній характеръ своихъ береговъ: послѣдніе во многихъ мѣстахъ круты, а около г. Старицы состоятъ изъ мощныхъ пластовъ горнаго известняка, ломки котораго производятся здѣсь въ большихъ размѣрахъ. Ближе къ Твери характеръ береговъ уже мѣняется — они понижаются, обнаженія известняковъ исчезаютъ и берега являются въ видѣ песчано-глинистыхъ наносовъ.

Со впаденіемъ Тверцы направленіе теченія Волги вновь измѣняется. Тверца вливаетъ свои воды въ Волгу съ сѣверо-запада, и какъ-бы отталкиваетъ Волгу къ юго-востоку. Тверца замѣчательна не столько по своей величинѣ, сколько по тому значенію, какое она имѣетъ, а въ особенности имѣла, въ отношеніи судоходства. Она принадлежитъ къ Вышневолоцкой системѣ путей сообщенія и въ прежнюю пору по ней шло громадное количество грузовъ, направлявшихся съ Волги къ Петербургу. Истоки ея около Вышняго-Волочка. Прежде ея началомъ служило болото, но теперь оно высушено и на немъ раскинулись городскія постройки, такъ что источникомъ рѣки является искусственный каналъ (Тверецкій), идущій въ р. Цну. Тверца имѣетъ извилистое теченіе, затрудняемое мѣстами порогами, берега ея песчаны и вообще возвышенны. Глубиною она не отличается и уровень воды регулируется находящимся у Вышняго-Волочка водохранилищемъ. Сближеніе верховьевъ рѣкъ, принадлежащихъ, съ одной стороны, Балтійскому бассейну, а съ другой — Каспійскому и Бѣломорскому, незначительность находящихся между ними водораздѣловъ, — все это указывало на возможность соединенія этихъ бассейновъ между собою, а возраставшія потребности торговопромышленнаго движенія дѣлали это соединеніе вопросомъ необходимости. Проницательный умъ Петра Великаго не могъ не оцѣнить всей важности устройства непрерывнаго воднаго пути между Балтійскимъ и Каспійскимъ морями. Существующія теперь Маріин-

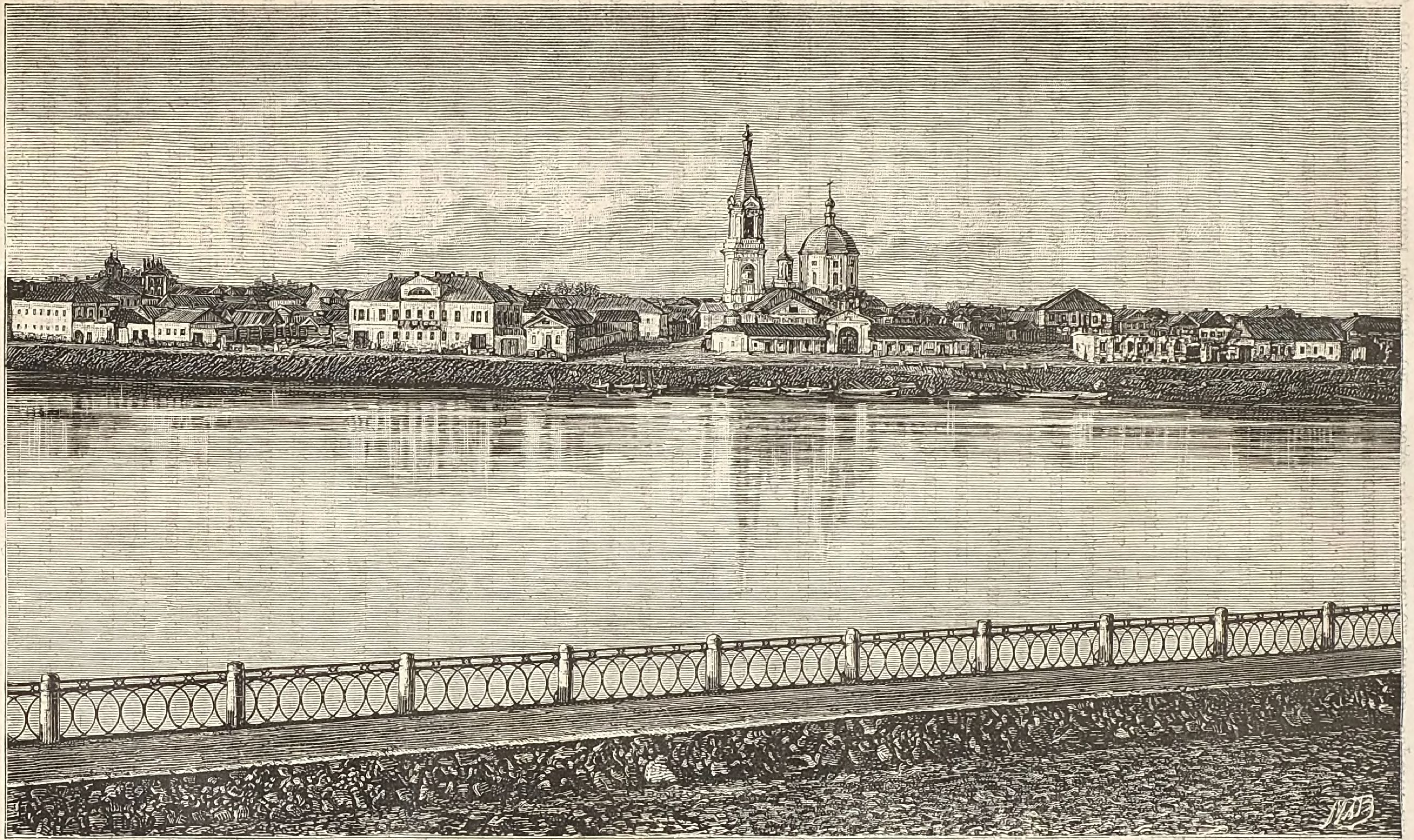
ская, Тихвинская и Вышневолоцкая системы намѣчены были уже этимъ великимъ государемъ. Съ цѣлью ихъ устройства онъ даже не разъ посѣщалъ Олонецкій и Новгородскій край и посылалъ опытныхъ людей и спеціалистовъ производить необходимыя изысканія. Но при его жизни былъ осуществленъ лишь одинъ планъ — соединеніе у Вышняго-Волочка каналомъ р. Цны, притока Мсты, съ р. Тверцою, притокомъ Волги. Съ этою цѣлью имъ были вызваны изъ-за границы 6 шлюзныхъ мастеровъ, которые вмѣстѣ съ 6,000 рабочихъ и были отправлены въ Вышній-Волочокъ. Вслѣдъ за ними пріѣхалъ сюда и самъ императоръ. Обозрѣвъ берега, онъ далъ приказаніе начать (въ 1704 г.) работы по прорытію Тверецкаго (Вышневолоцкаго) канала, длиною въ $2^1/_4$ версты. Когда былъ оконченъ и открытъ для движенія Вышневолоцкій каналъ — доподлинно неизвѣстно. Первыя же свѣдѣнія о судоходствѣ по новому пути относятся къ 1710 году. 17-го апрѣля этого года Петръ Великій писалъ нѣкоему капитану Маврину: „Пиши намъ — корабли, которые въ Вышнемъ-Волочкѣ были, прошли, или нѣтъ, пороги*)? Если для хода дальше нужны рабочіе, то собери крестьянъ изъ ближнихъ деревень“. Попытки провода по новой системѣ морскихъ каботажныхъ судовъ (тялки) были дѣлаемы Петромъ Великимъ неоднократно; но каждый разъ мелководье верхней Волги и Вышневолоцкой системы страшно затрудняло движеніе этихъ судовъ. По свидѣтельству Голикова, въ 1712 г. „тялки“, отправившись съ мѣста 5-го мая, лишь въ октябрѣ этого года достигли Боровичей, гдѣ и остановились на зимовку. Ихъ гнали при помощи запрудъ, плотинъ. Все это очень огорчало государя. Улучшить положеніе системы возможно было лишь при помощи сложныхъ гидротехническихъ сооруженій и устройства водохранилищъ, которыя давали бы возможность возвышать уровень воды въ мелкихъ мѣстахъ системы во время, по крайней мѣрѣ, провода судовъ. Но техники, устраивавшіе систему, не сдѣлали такихъ сооруженій. Видя, что новый водный путь не оправдалъ его ожиданій, Петръ Великій предалъ его забвенію. Новая водная система стала приходить въ нѣкоторый порядокъ, когда за нее взялся частный, предпріимчивый человѣкъ, нѣкто Сердюковъ, родомъ калмыкъ. Онъ предложилъ исправить систему, устроить, гдѣ нужно, шлюзы и плотины, выговоривъ себѣ за это извѣстныя привилегіи, что ему и было предоставлено. Сердюковъ заправлялъ раздѣльнымъ пунктомъ системы до самой своей смерти (въ 1759 г.), послѣ чего завѣдываніе ею перешло въ руки казны. Въ томъ видѣ, въ какомъ оставилъ систему Сердюковъ, она не могла вполнѣ служить цѣлямъ судоходства. Поэтому правительство постоянно принимало мѣры къ улучшенію судоходныхъ условій на Вышневолоцкой системѣ; но мѣры эти не всегда приносили желаемые результаты.

*) Здѣсь, вѣроятно, рѣчь идетъ о порогахъ боровицкихъ.

Въ исходѣ прошлаго вѣка, по проэкту графа Сиверса, приступлено было къ устройству Сиверсова канала, чтобы суда могли миновать Ильмень, слѣдуя изъ Мсты въ Волховъ. До того времени, суда, вступая изъ Мсты въ Ильмень, часто становились жертвою разгулявшейся на просторѣ озера непогоды: ихъ заливало волнами, или даже выкидывало на берегъ. Для устраненія этого и былъ устроенъ между низовьями Мсты и Волхова Сиверсовъ каналъ, длиною въ $8^1/_2$ верстъ. Но вскорѣ опытъ показалъ, что и этотъ новый каналъ не можетъ вполнѣ служить своему назначенію. Онъ былъ устроенъ въ низменныхъ, болотистыхъ мѣстахъ, затопляемыхъ во время половодья, да и выходъ изъ него барокъ въ Волховъ, при сильныхъ вѣтрахъ, былъ сопряженъ съ затрудненіями и опасностями. Поэтому, въ 1826 г., приступлено было къ сооруженію новаго — Вишерскаго канала, нѣсколько сѣвернѣе перваго (изъ Мсты въ Вишеру — судоходный притокъ Малаго Волховца, впадающаго въ Волховъ). Каналъ этотъ, длиною въ $14^1/_4$ верстъ, былъ оконченъ въ 1836 году. На сколько онъ удовлетворялъ своему назначенію, можно судить по отзыву Штукенберга, который замѣчаетъ, что невозможно отыскать мѣстность для прорытія канала болѣе неудобную, чѣмъ та, по которой проведенъ каналъ Вишерскій: глинистый грунтъ пропитанъ совершенно водою и пересѣкается безчисленнымъ множествомъ ключей; мѣстами вода просачивается сквозь берега. Между тѣмъ устройство двухъ названныхъ каналовъ стоило изрядной суммы—1.370,000 р.

Былъ составленъ еще при Петрѣ Великомъ

ВИДЫ ГОРОДОВЪ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Общій видъ Твери: Затверечье (часть города за рѣкою Тверцою).

ВИДЫ ГОРОДОВЪ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Общій видъ Твери: часть Милліонной улицы и видъ собора.

проэктъ обводнаго канала около Боровицкихъ пороговъ на Мстѣ, но онъ не получилъ осуществленія. Между тѣмъ боровицкіе пороги наносили огромный ущербъ торговому движенію по Вышневолоцкому пути. Въ порогахъ барки дѣлались какъ-бы игрушкою быстраго теченія. Извиваясь по теченію, онѣ стонали и трещали; швы расходились, конопать вываливалась вонъ и вода прорывалась внутрь барокъ. Мѣста, гдѣ баркамъ грозила наиболѣе серьезная опасность, были извѣстны, а потому ниже ихъ выходили и располагались по берегу цѣлыя толпы бабъ съ ведрами, въ ожиданіи знака, чтобы вспрыгнуть на барку, скользящую возлѣ самаго берега и приняться за откачиваніе набравшейся воды. Бывало, что барка, отъ неправильнаго маневра или налетѣвшаго шквала, садилась на самой серединѣ фарватера, не разбиваясь однако совершенно. Въ этихъ случаяхъ изъ Опеченскаго посада высылались на помощь лоцмана, и засѣвшая барка при помощи вòротовъ или другихъ приспособленій сдвигалась съ мѣста, подчаливалась къ берегу, разгружалась и, смотря по обстоятельствамъ, чинилась или замѣнялась новою.

Поломки, крушенія, перегрузки служили источникомъ немалыхъ доходовъ прибрежному населенію. Кромѣ того, что этому населенію доставляли доходы исправленіе пострадавшихъ судовъ или замѣна ихъ новыми, оно получало не мало выгодъ отъ покупки подмоченнаго или спасенія затонувшаго груза. Нѣкоторые увлекались наживою до того, что вступали какъ-бы въ союзъ съ Боровицкими порогами: они сами намѣренно портили фарватеръ рѣки, накатывая въ него камни, но такъ, чтобъ вода ихъ прикрывала, по самой-же серединѣ фарватера вбивали наискось колья. Завидя колья, лоцмана, чтобы избѣжать якобы опасное мѣсто измѣняли курсъ судовъ, сворачивали въ сторону отъ кольевъ и садили барки на приготовленные камни. Барка терпѣла крушеніе, товаръ подмачивался или совсѣмъ тонулъ, и мѣстные обыватели скупали его по дешевой цѣнѣ, а иногда получали и совсѣмъ даромъ, добывая со дна рѣки.

Въ жертву порогамъ приносилось въ теченіи одной навигаціи не менѣе 150 судовъ. Позже опасность плаванія по Мстѣ была уменьшена съ помощью срѣзки береговыхъ мысовъ, на которые натыкались барки, а также изобрѣтенныхъ инженеромъ, г. Корицкимъ, береговыхъ, упругихъ заплывей, устроенныхъ въ изгибахъ рѣки Мсты. Главное дѣйствіе этихъ заплывей заключалось въ томъ, что барка, набѣгавшая на заплывь въ косвенномъ направленіи отталкивалась ею на средину фарватера.

При всѣхъ неудобствахъ, представляемыхъ Вышневолоцкою системою,—неудобствахъ, которыя остались неустраненными даже въ цвѣтущую пору судоходства по Вышневолоцкой системѣ, товарное движеніе по ней было долгое время очень обширно. Этому, конечно, въ значительной степени способствовало то обстоятельство, что двѣ другія системы — Тихвинская и Маріинская — возникли и получили устройство гораздо позже. Движеніе судовъ по Вышневолоцкой системѣ было обширно до 50 годовъ. Самое меньшее число ихъ прошло въ 1840 г. (2,275); обыкновенно-же проходило отъ 3 до 5 тыс. Больше всего прошло судовъ въ 1810 г.—5,692. Выпадали годы, когда цѣнность слѣдовавшихъ Вышневолоцкою системою грузовъ достигала 34 милл. рубл. (напр., въ 1819 г.). Но въ 50-хъ, особенно-же въ 60 годахъ, грузовое движеніе по этой системѣ стало падать болѣе и болѣе, такъ что въ 1870 г. прошедшихъ системою судовъ было всего 1,269. Офиціальный отчетъ министерства путей сообщенія за 1869—72 гг. слѣдующимъ образомъ характеризуетъ положеніе Вышневолоцкой системы: „Вышневолоцкая система, наименѣе удобна изъ трехъ системъ, соединяющихъ С.-Петербургъ съ волжскимъ бассейномъ. Главныя неудобства оной суть: недостатокъ воды въ Тверцѣ и Мстѣ, мели въ Тверцѣ и Боровицкіе пороги на Мстѣ; срочная доставка грузовъ по ней невозможна, потому что суда должны выжидать накопленія воды въ резервуарахъ, для прохода по Тверцѣ и Мстѣ. Вслѣдствіе такихъ неудобствъ, значительная часть грузовъ переходитъ съ этой системы на Николаевскую желѣзную дорогу, на пристаняхъ Вышневолоцкой, Опеченской и другихъ, для доставки въ С.-Петербургъ. Количество проходящихъ по этой системѣ грузовъ ежегодно уменьшается, особенно со времени открытія Николаевской желѣзной дороги.

Для лучшаго уясненія современнаго значе-

нія Вышневолоцкой системы въ торговомъ движеніи должны были-бы служить данныя о грузовомъ движеніи по этой системѣ. Но путейская статистика обработывается у насъ далеко не въ такой формѣ, чтобъ по ней можно было составить болѣе или менѣе опредѣленное понятіе о судоходствѣ вообще и о движеніи судовъ и грузовъ по названной системѣ въ частности. Дѣло въ томъ, что въ „Статистическомъ Сборникѣ министерства путей сообщенія" за послѣдній (1881 г.) отчетный годъ показано только число судовъ и плотовъ и количество грузовъ, отправленныхъ съ разныхъ пристаней системы, а также прибывшихъ къ нимъ, но не означено количество судовъ и товаровъ, прошедшихъ системою изъ Волги. Кромѣ того, по свѣдѣніямъ „Сборника" нельзя судить о томъ, какого рода были грузы. О транзитномъ движеніи по Вышневолоцкой системѣ можно составить нѣкоторое понятіе только косвеннымъ образомъ, на основаніи данныхъ о движеніи грузовъ отъ Рыбинска, какъ раздѣльнаго пункта судоходства. Оказывается, что въ 1881 г. отъ этой пристани отправилось вверхъ по Волгѣ 1,341 судно съ грузомъ въ 5.561,933 п., да прошло мимо нея 210 суд. съ 658,380 п. груза: всего на все, значитъ, 1,551 судно съ грузомъ въ 6.220,313 п. Часть этого груза должна была поступить въ Вышневолоцкую систему, часть въ Тихвинскую, о которой рѣчь ниже, а часть выгрузиться на пристаняхъ верховьевъ Волги. Но если допустить даже, что все количество грузовъ направилось въ Вышневолоцкую систему, всетаки это количество окажется очень незначительнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, какое пришло въ томъ же году въ Маріинскую систему (свыше 32 м. пуд.).

Гораздо болѣе, чѣмъ сколько поступаетъ грузовъ съ Волги, отправляется ихъ съ различныхъ пристаней самой Вышневолоцкой системы. Такъ въ 1881 г. съ Тверцы, Мсты и ея притоковъ, М. Волховца, р. Вишеры, Сиверсова и Вишерскаго каналовъ отправилось 890 суд., 15,841 плотъ, а грузовъ на тѣхъ и другихъ было на 15.500,000 п. Особенно великъ былъ, какъ видно, отпускъ плотовъ: въ 1881 г. со всѣхъ пристаней европейской Россіи отправка плотовъ составляла 105.358. Столь значительный размѣръ отпуска плотовъ по Вышневолоцкой системѣ показываетъ, что пила и топоръ дѣлаютъ свое дѣло въ прилегающихъ къ системѣ лѣсахъ. Однако большая часть грузовъ приходится не на Новгородскую, а на Тверскую губернію: съ пристаней первой отошло грузовъ около $6^1/_2$ м. пуд., а съ пристаней второй свыше 9 м. пуд. Да и плотовъ изъ Тверской губ. отправлено было несравненно болѣе (14,000 противъ 1,785). Самыя значительныя изъ пристаней Вышневолоцкой системы въ Новгородской губерніи несомнѣнно Потерпилецкая и Бронницкая.

Съ сокращеніемъ судоходства по Вышневолоцкой системѣ торговля стала нести менѣе ущербовъ, потому что большая часть товаровъ, которая погибала-бы въ Мстинскихъ порогахъ, теперь благополучно доставляется по рельсовымъ путямъ. Тѣмъ не менѣе и теперь случаи крушеній на Мстѣ бываютъ. Вотъ какъ описываетъ путешествіе чрезъ Мстинскіе пороги одинъ очевидецъ, самъ проходившій ихъ на баркѣ *).

„Вотъ ужъ вдали виднѣется „Сёмкинъ островъ", а тамъ немного подальше — „Выпь", самый страшный изъ всѣхъ пороговъ; въ этомъ мѣстѣ Мста дѣлаетъ весьма крутой поворотъ и этимъ еще больше увеличиваетъ опасность: стòитъ взять влѣво на какихъ-нибудь поларшина больше, чѣмъ слѣдуетъ, и барка разобьется о каменную плиту. Приближеніе опасности отражалось на всѣхъ: лоцманъ зорко глядѣлъ впередъ, концевые не спускали съ него глазъ, рабочіе были на готовѣ.

— Тяни на ся! крикнулъ лоцманъ.

Концевые придали потезямъ **) указанное направленіе и рабочіе навалились на нихъ со всемъ усердіемъ.

— Разсердись, ребята! подзадоривалъ своихъ рабочихъ одинъ изъ заднихъ концевыхъ ***).

— Эхъ, вы! обратился къ нимъ сосѣдній концевой, куда вамъ до насъ; эво наши какъ! возбуждалъ онъ въ своихъ соревнованіе.

— Сейчасъ густо будетъ—размахни, ребята! кричалъ во всю глотку третій концевой.

Барка была у самаго порога. Тутъ поднялся

*) «На Мстинскихъ порогахъ» Н. Колчевскаго «Русская Рѣчь», 1880 г.

**) Потези—громадныя (въ 4 саж. длины) весла.

***) Концевые—опытные рабочіе, управляющіе потезями.

такой невообразимый гвалтъ, что ужъ ничего не было слышно, ничего нельзя было разобрать: лоцманъ командовалъ движеніемъ руки. Барка стонала и изгибалась во всѣ стороны; доски, которыми она была устлана сверху, то расходились на нѣсколько вершковъ, то опять не только сходились, но налѣзали одна на другую: — и я все время опасался, какъ-бы моя нога не застряла тамъ какъ-нибудь. Мнѣ казалось, что вотъ-вотъ барка распадется на двое. Наконецъ, раздался страшный, подобный раскатамъ грома, гулъ — это барка дномъ своимъ коснулась каменной плиты; но бѣшеныя волны быстро сорвали ее и понесли дальше.

— Размахнись во всю! выдѣлилось изъ общаго гула команда лоцмана; затѣмъ отчаянный натискъ полусотни силъ — и барка миновала порогъ.

— Спасибо, ребята! спасибо, молодчики! благодарилъ лоцманъ, а „молодчики“ только вытирали потъ, да поглядывали, скоро-ли слѣдующій порогъ, скоро-ли придется опять напрягать всѣ свои силы.

— Попляхивайте, братцы, попляхивайте! напоминалъ лоцманъ вздумавшимъ перевести духъ рабочимъ.

А барка, между тѣмъ, неслась съ необыкновенною быстротою; теченіе Мсты въ предѣлахъ пороговъ необычайно быстро, что видно изъ того, что барка, движимая силою одного только теченія, проходитъ въ 3 часа 30-ти верстное разстояніе отъ Опеченскаго посада до пристани Потерпилицы.

Вотъ уже виднѣются двѣ Ровенскія церкви и огромный господскій домъ.

— Что это тутъ въ одномъ мѣстѣ двѣ церкви? полюбопытствовалъ я.

— Да это одна господская, господа тутъ прежде жили,—указалъ мнѣ старикъ-крестьянинъ на господскій домъ, оказавшійся полуразрушеннымъ, — а теперь тутъ службы не бываетъ; имѣніе-то купилъ жидъ, или нѣмецъ, хлопоталъ, говорятъ, чтобы снести церковь; я, говоритъ, телятъ буду въ ограду загонять; и прошеніе подавалъ, да вышло, значитъ, отписаніе, что „не тобой, молъ, поставлено, не тебѣ и сносить!“ Ну, такъ и стоитъ.

Тѣмъ временемъ барка подходила ко второму опасному порогу „Бѣли“. Впрочемъ, чего либо новаго онъ не представлялъ: тотъ-же гвалтъ, судорожныя изгибанія барки, грохотъ и опять выходъ на безопасное мѣсто. Отсюда потянулись по обѣ стороны рѣки поселки, и „пассажиры“*) мало-по-малу начали выходить; выходили они самымъ незатѣйливымъ образомъ: снимали исподнее платье и обувь, и, выгадавъ время, когда барка подходила къ мелкому мѣсту, выпрыгивали въ воду, чѣмъ доставляли несказанное удовольствіе ребятишкамъ, которыми берега были буквально усѣяны, благодаря тому, что это былъ первый день открытія навигаціи.

— Ей, дядя, дядя, аль штаны потерялъ? кричали одни пассажиру, приготовившемуся спрыгнуть съ барки; другіе, поменьше, не будучи еще просвѣщены относительно неприкосновенности личности, просто на просто запускали камни на барку, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что могутъ попасть въ кого-нибудь вообще, а то пожалуй и въ своего-же тятьку или дядьку. Бывшіе на баркѣ въ этомъ случаѣ находились далеко не въ выгодномъ положеніи и только крикъ: „ей, Васька (или Ванька)! вотъ ужо какъ пріѣду домой, я тѣ вихры оборву!“— останавливалъ рьянаго „стрѣлка“, давъ ему понять, что на этой именно баркѣ и ѣдетъ грозный тятька, который, если не сейчасъ, то вечеромъ можетъ привезти свою угрозу въ исполненіе.

Я обратился опять къ оставшимся пассажирамъ и главнымъ образомъ къ старику, который ѣхалъ до самой пристани Потерпилицы.

— А что, прежде много судовъ проходило?

— Э, баринъ, прежде тутъ большое судоходствіе шло, отвѣчалъ тотъ, — тысячъ до двухъ проходило въ три каравана.

— Что до двухъ,—тысячъ до восьми! перебилъ другой: очевидно, онъ увлекся, и всѣ какъ-то недовѣрчиво посмотрѣли на него.

Сожалѣютъ крестьяне о славномъ прошломъ Мсты; да какъ и не жалѣть? Все Мстинское побережье имѣло въ судоходствѣ большое подспорье; а теперь осталось объ этомъ лишь одно воспоминаніе, и крестьяне принуждены отправляться на заработки въ болѣе отдаленныя мѣста, въ мѣста, „гдѣ лучше“, которыя, какъ извѣстно, имѣютъ чисто-миѳическое значеніе.

*) На баркѣ ѣхали крестьяне мѣстныхъ деревень.

И каждый сожалѣетъ объ этомъ прошломъ Мсты по-своему, со своей точки зрѣнія.

чаткой; ну, глядишь, за лѣто мѣшечекъ-другой и перепадетъ; а какъ стали возить однѣ

ДРЕВНІЯ РУССКІЯ ОДЕЖДЫ.

Старинный нарядъ тверитянокъ, еще сохранившійся въ тверскомъ купечествѣ.

— Прежде, бывало, говорила единственная бывшая на баркѣ бабенка: — разобьетъ барку — и поплывутъ по рѣкѣ мѣшки съ круп-

доски, такъ булокъ и пробовать не приходится.

— Ну, безъ булокъ-то еще можно обойтись, замѣтилъ я.

— Да, возразила баба;—тебѣ хорошо, ты, можетъ быть, ихъ каждый день ѣшь...

Еще послѣдній, очень опасный порогъ „Витцы“— и безопасность барки обезпечена. Вотъ ужъ изъ за крутого берега показались золотыя верхушки Боровичскаго монастыря...“

Возвращаясь назадъ пѣшкомъ, авторъ разговорился съ крестьянами, шедшими однимъ съ нимъ путемъ, и узналъ отъ нихъ о положеніи лоцманской артели, игравшей прежде важную роль въ судоходствѣ по Мстѣ. Артель лоцмановъ находится въ состояніи разложенія, такъ какъ спросъ на ихъ трудъ упалъ. Артель состоитъ изъ 200 человѣкъ, такъ что во всю навигацію каждому приходится провести по одной баркѣ. Поэтому заработки ихъ стали совершенно ничтожными.

Къ Вышневолоцкой системѣ обыкновенно причисляютъ еще заильменскія рѣки (Ловать, Полисть, Пōлу, Шелонь и др.), озера Ильмень и р. Волховъ съ притоками. Но ихъ лучше выдѣлять въ особую группу. Со всѣхъ водъ этой группы въ 1881 г. отправлено было 2,229 судовъ, 8,768 плотовъ и 31 м. пуд. груза. Большая часть плотовъ и значительная часть грузовъ была выдѣлена заильменскими рѣками (8,150 плотовъ и 8.500,000 пуд. груза). Съ Ильменя отправлено грузовъ всего 3,765 пуд. Что касается Волхова и его притоковъ, то, хотя съ ихъ пристаней отошло судовъ 1,393, а плотовъ 618, причемъ грузъ составляли болѣе 22 м. п. одноко-же львиная доля между этими судами и грузами принадлежала волховскимъ пристанямъ въ Петербургской губерніи. Съ новгородской пристани отправлено было всего 197 суд. и 718 т. п. клади. Съ притоковъ Волхова (Пчевжи, Оскуя, Керести и Полисти) изъ Новгородской губ. отошло 296 суд., 588 плотовъ съ 8 м. пуд. товара.

По самой срединѣ губерніи, раздѣляя ее на двѣ половины — сѣверо-восточную и юго-западную, идетъ другая водяная система — Тихвинская *). Система эта представляетъ кратчайшій путь изъ Волги въ Петербургъ *). Уже Петръ Великій задумалъ воспользоваться рѣками: Сясью, Тихвинкой, Валчиной, Чагодощей и Мологой, для устройства непрерывнаго воднаго пути изъ Волги къ Петербургу. Съ этою цѣлью имъ въ 1710 г. посланъ англійскій инженеръ Джонъ Перри для необходимыхъ изысканій. Перри нашелъ вполнѣ возможнымъ соединеніе бассейновъ Волжскаго и Ладожско-Невскаго, о чемъ и доставилъ государю подробное донесеніе. Вскорѣ послѣ этого, а именно 28-го мая 1712 года былъ объявленъ именной указъ сената капитанъ-поручику Корчмину и кн. Гагарину, гдѣ впервые было начертано подробнымъ образомъ направленіе Тихвинской системы. Затѣмъ и самъ Петръ Великій отправился на мѣсто предположеннаго воднаго пути и, обозрѣвая и разслѣдуя волокъ, раздѣлявшій рѣки Тихвину и Волчину, призналъ, что находящееся въ той мѣстности озеро Крупино составляетъ наиболѣе удобный водораздѣльный пунктъ. Въ полуверстѣ отъ этого озера, на сѣверной сторонѣ нынѣшняго Тихвинскаго канала, долго оставались слѣды пребыванія императора. Здѣсь для его временныхъ остановокъ сооруженъ былъ дворецъ на каменномъ фундаментѣ, сгорѣвшій въ 1802 г.

Но устройство Тихвинской системы затянулось. Работы начались лишь при Екатеринѣ II; но онѣ не были доведены до конца. Планамъ Петра Великаго суждено было исполниться только спустя 100 лѣтъ, въ началѣ текущаго столѣтія. Лишь въ 1811 г. устройство Тихвинской системы стало совершившимся фактомъ. Послѣ 30 лѣтняго существованія системы, въ 40-хъ годахъ произведена была ся ремонтировка, и сдѣланы необходимыя вызванныя требованіями времени, улучшенія. Благодаря всему этому, Тихвинская система, при сравнительной короткости ея, сдѣлалась, такъ сказать, срочной почтовой линіей, по которой стали идти грузы, нуждавшіеся въ болѣе скорой доставкѣ. Перевозились они на легкихъ судахъ небольшихъ размѣровъ, тихвинкахъ и соминкахъ, поднимавшихъ грузу 3 — 5,000 пудовъ. Движеніе было такъ оживленно, что

*) Вотъ перечень водъ, составляющихъ Тихвинскую систему: Молога, Чагодоща, Горюнь, озеро Вожанское, р. Сомина, озеро Сомино, р. Валчина, озеро Крупино, Тихвинскій каналъ, Лебедино, рр. Тихвинка и Сясь.

*) Отъ Рыбинска до Петербурга считается по Вышневолоцкой системѣ 1,309 верстъ, по Тихвинской — 647, по Маріинской — 1,054.

въ теченіи навигаціи по Тихвинской системѣ проходило до 5,000 судовъ. На главныхъ перегрузочныхъ пристаняхъ системы,—въ Колчиновѣ, Тихвинѣ и Соминѣ—скоплялись десятки и сотни тихвинокъ и соминокъ.

Въ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ грузовое движеніе по Тихвинской системѣ стало приходить въ упадокъ. Этотъ упадокъ многіе ставятъ въ зависимость отъ устройства Нижегородской, а еще болѣе Рыбинско-Бологовской дорогъ. Большинство грузовъ, требовавшихъ скорой доставки съ Волги въ Петербургъ и наоборотъ, перешло на эти дороги. Дѣйствительно, въ спеціальномъ очеркѣ водяныхъ путей Европейской Россіи г. Михайлова указывается, что съ 60-хъ годовъ грузовое движеніе водою выше Рыбинска стало сильно сокращаться. Тихвинская система не могла конкурировать съ желѣзными дорогами, во-первыхъ, потому, что желѣзныя дороги лучше выполняли задачу скорой доставки товаровъ; во-вторыхъ, потому, что движеніе грузовъ по Тихвинской системѣ обходилось не дешевле желѣзнодорожнаго, такъ какъ товары должны были перегружаться во время пути по ней 5 разъ, вслѣдствіе того, что рѣки Сясь, Чагодоща и Молога сдѣлались неудобопроходимыми. Такимъ образомъ, Тихвинская система стала падать, чему не мало способствовало и то обстоятельство, что главное вниманіе администраціи было поглощено системой Маріинской. По свидѣтельству спеціальныхъ изслѣдователей, Тихвинская система теперь до того запущена, что въ скоромъ времени прійдется или закрыть ее совсѣмъ, или принять мѣры для предохраненія отъ совершеннаго разстройства. Мѣстныя земства и мѣстные землевладѣльцы, заводчики, судохозяева и торговцы, еще въ 1871 г., какъ сообщается въ „Отчетѣ министерства путей сообщенія“ за 1869—72 гг., обращались въ это министерство съ ходатайствомъ объ улучшеніи этой системы, указывая на необходимость расчистки порожистыхъ мѣстъ на рѣкахъ Чагодощѣ и Сяси, углубленія р. Мологи и исправленія бичевниковъ. Но и теперь Молога и Чагодоща вовсе не шлюзованы, не расчищены отъ камней и пороговъ, косъ и отмелей, образовавшихся отъ долгаго отсутствія ремонта. Точно также не приведена въ состояніе вполнѣ удобное для судоходства и р. Сясь, впадающая въ Ладожское озеро*).

Тяга судовъ на Тихвинской системѣ производится лошадиными силами. Когда былъ поднятъ вопросъ о замѣнѣ конной тяги паровыми двигателями, мѣстное земство высказалось, что этой замѣнѣ препятствуетъ мелководье рѣки Тихвинки и Сяси.

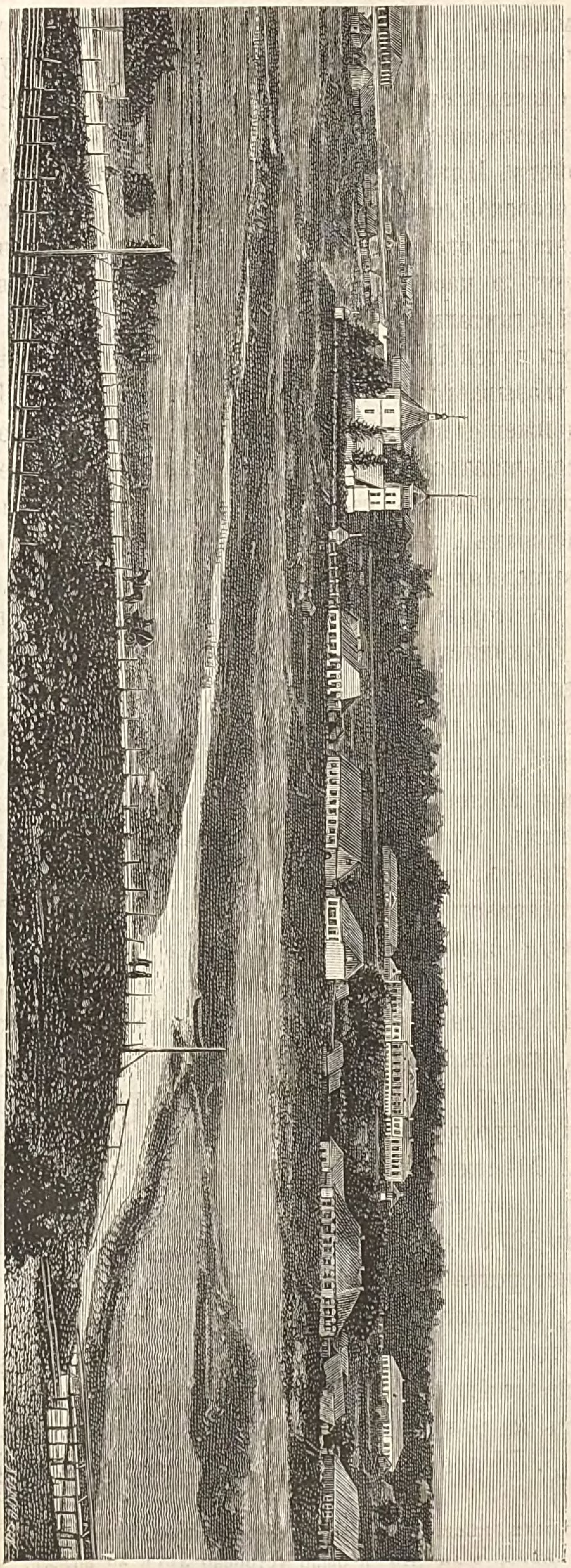
Относительно современнаго состоянія товарнаго движенія по Тихвинской системѣ приходится повторить то-же, что замѣчено было о движеніи по Вышневолоцкому пути. Путейская статистика не удовлетворяетъ вполнѣ естественнаго любопытства о томъ, сколько въ настоящее время проходитъ по этой системѣ товаровъ транзитомъ съ Волги. Судя по тому, что отъ Рыбинска вверхъ по Волгѣ и ея верхнимъ притокамъ отправляется грузовъ немногимъ болѣе 6 милліоновъ пудовъ, можно заключить, что если даже изъ этихъ грузовъ большая часть попадаетъ въ Тихвинскую систему, грузовое движеніе на послѣдней представляетъ только тѣнь того, что было прежде. Мѣстныхъ грузовъ съ пристаней Маріинской системы въ предѣлахъ Новгородской губерніи отпускается крайне мало. Такъ въ 1881 г. съ пристаней рѣкъ Мологи, Чагоды, Тихвинки и Сяси отправились 1,794 судна, 3,758 плотовъ и 25 милліоновъ пудовъ грузовъ; но изъ этого количества 980 судовъ, 1,306 плотовъ и 23 милліона пудовъ грузовъ отправлено было съ Рождественской пристани на р. Сяси, въ предѣлахъ Петербургской губерніи.

Находящаяся въ сѣверо-восточной части губерніи Маріинская система изъ всѣхъ трехъ въ настоящее время представляетъ наиболѣе важное значеніе, хотя она и длиннѣе двухъ другихъ **). Первоначальная мысль объ ея устройствѣ принадлежала также Петру Великому, который

*) По р. Сяси въ нѣкоторыхъ мѣстахъ могутъ проходить лишь суда съ грузомъ не свыше 150 пудовъ. Искусственнаго бичевника на Сяси нѣтъ; если что и было устроено лѣтъ 25 назадъ, то все это пришло въ разрушеніе, такъ что лошадямъ приходится то пробираться по крутымъ откосамъ, то идти въ бродъ по мелкому руслу рѣки.

**) Эту систему образуютъ: р. Шексна, каналъ Бѣлозерскій и р. Ковжа, принадлежащія къ Каспійскому бассейну, соединительный каналъ Маріинскій, р. Вытегра, обходный Онежскій каналъ, р. Свирь съ нѣсколькими мелкими рѣчками и, наконецъ, каналъ Свирскій. Общая длина системы 909 верстъ, изъ которыхъ Новгородской губерніи принадлежитъ 360. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ Новгородской губ. находятся самый водораздѣлъ и всѣ главныя сооруженія.

произвелъ личный осмотръ мѣстности по рѣкамъ Ковжѣ и Вытегрѣ съ цѣлью ихъ соединенія. Но планъ Петра былъ приведенъ въ исполненіе лишь при Павлѣ и Александрѣ I, устройствомъ Маріинскаго канала. Такъ какъ въ осуществленіи его принимала живое участіе императрица Марія Θеодоровна, то, въ честь ея, всей системѣ было присвоено ея имя. Законченный видъ Маріинская система приняла, однако, лишь въ 40-хъ годахъ. Дѣло въ томъ, что до этого времени суда, слѣдовавшія вверхъ по Шекснѣ, входили изъ этой рѣки прямо въ Бѣлое озеро. При истокѣ Шексны изъ послѣдняго развился значительный посадъ Крохино, населеніе котораго питалось отъ судоходства. Крохино пріобрѣло тогда значеніе, подобное значенію Рыбинска. Здѣсь происходила перегрузка проходившихъ по Шекснѣ товаровъ, изъ рѣчныхъ судовъ въ бѣлозерки, и

Виды городовъ Тверской губерніи.

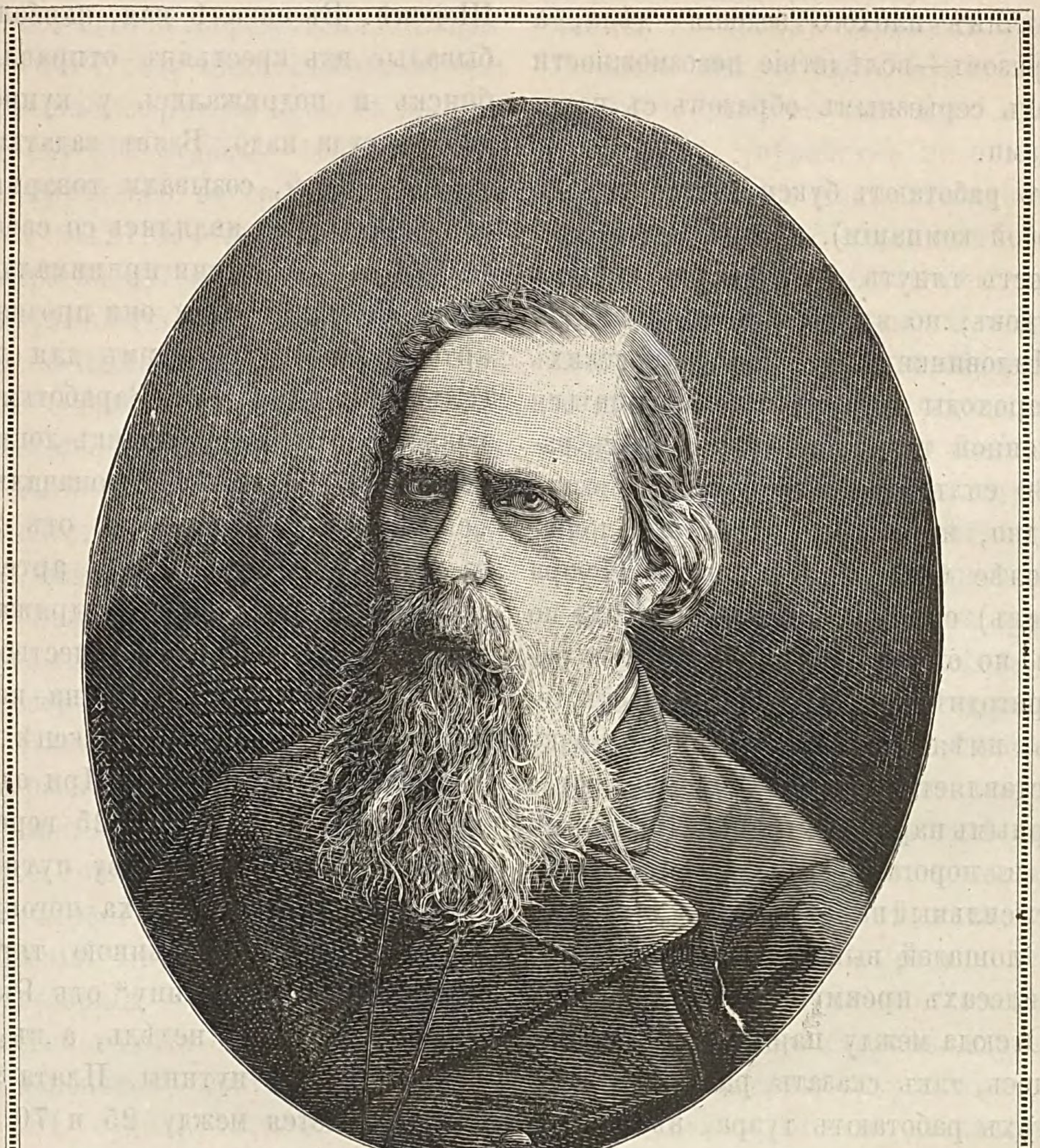
Общій видъ Твери: Затмачье (часть города за рѣкою Тьмакою).

свирскія лодки, которыя перевозили грузы озеромъ въ р. Ковжу подъ парусами. Въ 40-хъ годахъ для устраненія необходимости перевозки товаровъ озеромъ, гдѣ имъ грозила опасность отъ бурь, устроенъ былъ обводный бѣлозерскій каналъ отъ р. Шексны до Ковжи (вдоль западнаго берега озера) длиною въ 63 версты. Съ устройствомъ этого канала Крохино потеряло всякое значеніе, потому что исходный пунктъ канала начинался отъ Шексны, не доходя 10 верстъ до Крохина: суда стали, не доходя до послѣдняго, сворачивать въ каналъ. Теперь верхнія 10 верстъ теченія Шексны, отъ устья канала до Бѣлаго озера, почти не видятъ судовъ; по нимъ производится лишь сплавъ бревенъ, дровъ и досокъ, выпиливаемыхъ на заводѣ Кошкина (на рѣкѣ Пидьмѣ). Судоходство же по Бѣлому озеру сдѣлалось, такъ сказать, случайнымъ.

На грузовое движеніе устройство Бѣлозерскаго канала не имѣло вліяніе. Измѣнился лишь господствующій типъ судовъ. Техническія улучшенія системы дали возможность увеличить размѣры послѣднихъ и избрать, какъ болѣе удобный типъ—унжаки.

Въ настоящее время по Маріинской системѣ происходитъ наиболѣе значительное и оживленное движеніе. По этой системѣ проходитъ ежегодно 50—60 милліоновъ пудовъ грузовъ. Хотя грузовое движеніе по ней страдаетъ отъ пороговъ и извилистости фарватера Шексны и пороговъ на Свири; но за то оно не терпитъ такъ, какъ прежде, отъ конной тяги. При движеніи судовъ коноводнымъ способомъ (при помощи тяги лошадьми), существовавшимъ исключительно въ прежнюю пору, судоходство подвергалось нерѣдко истиннымъ бѣдствіямъ. Напримѣръ, въ 1864 г., когда на бичевникахъ Шексны появилась сибирская язва, коноводы побрасали суда на пути и ушли домой. Въ 1867 г. сильное половодье повредило бичевники, и вслѣдствіе этого на Шекснѣ, у Ниловицкихъ пороговъ, скопилась громадная масса судовъ (суда стояли, не трогаясь съ мѣста, по 6—8 недѣль). Благодаря развитію пароходства, такія явленія сдѣлались болѣе рѣдкими, если не положительно невозможными. Буксировка судовъ паровою силою введена была впервые московскимъ купцомъ А. В. Столбковымъ на Бѣломъ озерѣ, еще до открытія Бѣлозерскаго канала; но она уничтожилась съ устройствомъ канала.

ТВЕРСКІЕ УРОЖЕНЦЫ.

М. Е. Салтыковъ (Щедринъ).

Позже паровое движеніе утвердилось на Шекснѣ. Въ настоящее время паровою тягою взводится по этой рѣкѣ около $^3/_4$ всего количества судовъ, идущихъ по Шекснѣ. Паровая тяга судовъ была встрѣчена непріязненно рыбинскими купцами, такъ какъ иниціатива ея принадлежала не имъ. Они образовали особую компанію конной тяги и добились исключительнаго права содержанія по Шекснѣ коноводныхъ станцій. Но компанія эта скоро рушилась, отчасти по причинѣ плохого веденія дѣла, а главнымъ образомъ—вслѣдствіе невозможности конкуррировать серьезнымъ образомъ съ пароходовладѣльцами.

На Шекснѣ работаютъ буксирные пароходы и туэра̀ (особой компаніи). Одинъ буксирный пароходъ можетъ тянуть 6 судовъ съ грузомъ до 90,000 пудовъ; но въ верхней порожистой части (въ Ниловицкихъ и Бороивановскихъ порогахъ) пароходы принуждены обращаться къ помощи конной тяги, потому что здѣсь пароходъ въ 80 силъ едва въ состояніи выводить одно судно, и то при содѣйствіи лошадей въ наиболѣе быстрыхъ мѣстахъ. Туэра (въ 40—56 силъ) совершали прежде рейсы по всей Шекснѣ, но опытъ показалъ, что ихъ работа всего пригоднѣе въ порожистой части теченія. Туэръ, имѣя въ цѣпи постоянно точку опоры, представляетъ огромное преимущество передъ буксирнымъ пароходомъ: 56-ти сильный туэръ ведетъ въ порогахъ 3 унжака, въ то время, какъ 80-ти-сильный пароходъ не въ состояніи безъ помощи лошадей вывести и одного. За то въ низкихъ плесахъ преимущество остается за буксиромъ. Отсюда между пароходами и туэрами установилось, такъ сказать, раздѣленіе труда: въ порогахъ работаютъ туэра, въ плесахъ буксиры. Разстояніе между Рыбинскомъ и Бѣлозерскомъ суда, движимыя паровою тягою, проходятъ въ 6—12 дней, движимыя же конною — гораздо долѣе*). Нужно прибавить, что, съ увеличеніемъ скорости движенія, фрахты на Шекснѣ вдвое уменьшились. Отсюда видно, сколько выиграло судоходство по Маріинской системѣ отъ примѣненія къ движенію паровой силы.

Однако и коноводный промыселъ не успѣлъ еще исчезнуть. Выше было указано, что $^3/_4$ судовъ на Шекснѣ пользуются паровою тягою. Затѣмъ буксирные пароходы иной разъ обращаются къ помощи конной тяги. Но коноводный промыселъ теперь очень упалъ и организація его приняла совершенно иную форму. Прежде, до развитія пароходства, лѣтъ 30—40 тому назадъ, при-шекснинскія селенія Ярославской, а еще болѣе Новгородской губерніи, существовали почти исключительно работами на Шекснѣ. Въ началѣ мая, наиболѣе опытные и бывалые изъ крестьянъ отправлялись въ Рыбинскъ и подряжались у купцовъ доставить товаръ куда надо. Взявъ задатки, они возвращались домой, созывали товарищей и въ назначенное время являлись со своими конями въ Рыбинскъ. Здѣсь они принимались за тягу судовъ. Во время пути они продовольствовались артелью, и только кормъ для лошадей запасали каждый особо. Заработки дѣлились поровно, и лишь подрядчикъ-лоцманъ бралъ съ товарищей за свои первоначальныя хлопоты „свертонки" въ размѣрѣ отъ 25 к. до 1 р. съ пары лошадей. Теперь артельная организація смѣнилась иною: подряжаются хозяева, имѣющіе достаточное количество лошадей*), а работы возлагаются ими на наемныхъ рабочихъ. Тяга судовъ на Шекснѣ бываетъ односмѣнная и двусмѣнная. При односмѣнной тягѣ дѣлаются чрезъ 15—25 верстъ, смотря по тяжести груза и удобству пути, остановка на 4—6 часовъ, для отдыха погонщиковъ и корма лошадей. Односмѣнною тягою суда успѣваютъ сдѣлать „путину" отъ Рыбинска до Бѣлозерска въ 4—6 недѣль, а въ лѣто всего совершить 3—4 путины. Плата за пару лошадей колеблется между 25 и 70 рублями. При двусмѣнной тягѣ нужно вдвое бо̀льшее число лошадей. Движеніе судна продолжается почти безпрерывно, такъ какъ остановки дѣлаются лишь для смѣны лошадей; въ это время приготовляется пища для рабочихъ, которая потребляется во время движенія судна. Соотвѣтственно двойному количеству лошадей при двусмѣнной тягѣ и число лоцмановъ съ рабочими полагается двойное. Цѣны на двусмѣнную тягу бываютъ отъ 20 до 55 р. за пару. Скорость

*) При двусмѣнной тягѣ 2—4 недѣли, а при односмѣнной даже 4—6 недѣль.

*) У многихъ подрядчиковъ бываетъ лошадей отъ 30 до 300, съ лоцманами и коноводами-погонщиками, поряженными на все лѣто или одну «путину».

хода судовъ — 2—4 недѣли. Въ лѣто дѣлается 4—5 путинъ.

О движеніи судовъ и товаровъ съ Волги Маріинскимъ путемъ имѣются болѣе удовлетворительныя данныя, чѣмъ по двумъ другимъ системамъ. Исходнымъ пунктомъ взвознаго судоходства по этой системѣ является Рыбинскъ. Грузы, идущіе отъ Рыбинска, принадлежатъ къ тремъ категоріямъ: 1) проходящимъ мимо этого города, 2) перегружающимся въ немъ и 3) отправляемымъ изъ него непосредственно. Оказывается, что въ 1881 году мимо Рыбинска, безъ перегрузки, прошло вверхъ по Шекснѣ въ Маріинскую систему 312 судовъ — 3.285,379 пудовъ грузовъ. Грузилось въ самомъ Рыбинскѣ 3,771 судно съ 2.121,514 пудовъ товара, перегружено товара 36.437,494 пуда. Нагруженныхъ и перегруженныхъ въ Рыбинскѣ судовъ отошло вверхъ по Шекснѣ 1,754 съ 29.103,623 пудами. Такимъ образомъ, общее количество вошедшихъ Шексною въ Маріинскую систему грузовъ было 32.389,000 пудовъ на 2,066 судахъ. Это количество далеко превышаетъ количество, выдѣляемое Рыбинскомъ для отправки вверхъ по Волгѣ. Число судовъ, правда, немногимъ превышаетъ общую цифру судовъ, слѣдующихъ вверхъ по Волгѣ, но это объясняется тѣмъ, что по Шекснѣ ходятъ суда болѣе солидныхъ размѣровъ, вмѣщающія бо́льшее количество грузовъ.

Имѣя важное транзитное значеніе, Маріинская система играетъ не малую роль и въ мѣстномъ движеніи. Впрочемъ, въ предѣлахъ Новгородской губерніи послѣднее не велико. На Шекснѣ здѣсь находится одна видная пристань—въ г. Череповцѣ, откуда въ 1881 г. отправилось 181 судно, 13,080 плотовъ и почти 6 м. п. грузовъ. Съ Бѣлозерскаго канала отошло 100 суд., съ грузомъ въ 800 т. п. и съ р. Ковжи—270, съ грузомъ 3.500,000 п. Общее количество грузовъ, отправленныхъ съ пристаней Маріинской въ 1881 г., опредѣляется, между тѣмъ, въ 25,8 м. Отсюда видно, что новгородскія пристани принимаютъ въ отпускѣ довольно слабое участіе; заслуживаетъ вниманія только количество плотовъ.

Наконецъ, Маріинской системѣ принадлежитъ (въ этомъ случаѣ вѣрнѣе было-бы сказать принадлежало) значеніе пути, связывающаго воды Балтійскаго и Каспійскаго морей съ Бѣлымъ при помощи системы Александра Виртембергскаго. Всѣ главныя гидротехническія сооруженія послѣдней находятся въ Новгородской губерніи. Тутъ и самый каналъ Александра Виртембергскаго (носящій мѣстное названіе „Кириловскаго"). Система Александра Виртембергскаго пришла теперь въ очень печальное состояніе. Самое больное ея мѣсто—бичевники. Говорятъ, что по открытіи системы (въ 1828 г.) бичевники эти находились въ такомъ превосходномъ видѣ, что по нимъ можно было ѣхать въ экипажѣ; а теперь и пѣшкомъ дай Богъ пройти по нимъ: о прежнемъ устройствѣ не осталось и помину. Тогда бичевники существовали и по многочисленнымъ озерамъ, входящимъ въ составъ системы; теперь-же слѣды ихъ можно видѣть надъ поверхностью воды. Причина разрушенія бичевниковъ кроется въ свойствахъ почвы. Вся система проходитъ по чрезвычайно слабымъ торфянымъ грунтамъ; если поднимается сильное волненіе, то отъ береговъ отрываются такъ называемыя „кочки", — цѣлые пловучіе островки, съ травой, цвѣтами и кустарниками. Разъ оторвавшись отъ берега, „кочки" носятся по вѣтру и преграждаютъ ходъ судамъ. Тогда мѣстная команда канала вооружается кирками, баграми, топорами и принимается разсѣкать плавающій островъ на части, которыя вытаскиваютъ на берегъ. По системѣ мало мѣстъ, гдѣ полотно бичевника сухо, а не топко или вязко. За то мѣстами въ лѣтнее время бичевникъ превращается въ роскошный лугъ. О мостахъ и трубахъ нечего и толковать: они окружены со всѣхъ сторонъ водою. „Вообще отъ всей системы вѣетъ запустѣніемъ и, послѣ прохода по ней въ Шексну незначительнаго весенняго каравана, наступаетъ глубокая тишина на все лѣто, до осени, когда на системѣ снова появляются суда, именно подгруженныя суда, вступающія изъ Шексны въ систему и идущія изъ Рыбинска и Петербурга, да нѣсколько запоздалыхъ живорыбныхъ лодокъ, идущихъ изъ Сухоны въ Петербургъ". Въ лѣтнюю пору любитель природы можетъ наслаждаться только живописными картинами запустѣвшихъ водъ системы. „Красивы нѣкоторыя озера съ ихъ зеркальною поверхностью, съ зеленѣющими и цвѣтущими берегами, съ березовыми рощами у плотинъ и шлюзовъ и высокими холмами,

виднѣющимися вдалекѣ; очень красивы здѣсь даже болотныя цвѣты и водоросли, во множествѣ наростающія въ каналахъ и рѣчкахъ системы"...

Послѣ сдѣланнаго нами очерка водяныхъ системъ, читатель въ правѣ задать вопросъ:— гдѣ-же тѣ удобства, которыя представляетъ Новгородская губернія для устройства водяной коммуникаціи? Губернію пересѣкаютъ въ разныхъ направленіяхъ четыре искусственныхъ водныхъ пути, надъ сооруженіемъ которыхъ трудились десятки лѣтъ, расходуя милліоны рублей, а между тѣмъ пути эти, за исключеніемъ Маріинскаго, отказываются нести свою службу, да и Маріинскій путь оставляетъ желать многаго. Такое печальное положеніе искусственныхъ водныхъ путей зависитъ вовсе не отъ того, чтобъ естественныя условія препятствовали приведенію ихъ въ порядокъ, а отъ совсѣмъ иныхъ причинъ. Соединеніе между собою водъ, принадлежащихъ къ различнымъ бассейнамъ, всегда представляетъ трудности, потому что верховья рѣкъ не отличаются обиліемъ воды и глубиною. Приходится въ такихъ случаяхъ прибѣгать къ искусственнымъ повышеніямъ уровня, устройствомъ шлюзовъ, плотинъ, резервуаровъ. Новгородская губернія, обладая большимъ количествомъ озеръ, лежащихъ близъ судоходныхъ путей, представляетъ большое обиліе водъ, пригодныхъ для возвышенія уровня въ рѣкахъ, тамъ, гдѣ онѣ мелководны. Но на все это, требуются значительныя денежныя средства. Само вѣдомство путей сообщенія признаетъ необходимость многихъ капитальныхъ работъ по исправленію искусственныхъ водяныхъ сообщеній; но что-же оно можетъ сдѣлать, если на всѣ водяные пути европейской Россіи, протяженіемъ свыше 50,000 верстъ, ассигнуется съ небольшимъ какіе-нибудь 3 милліона рублей? Прежде, когда-то, водяные пути привлекали болѣе вниманія къ себѣ, потому, надо полагать, что они служили единственнымъ средствомъ для доставки большихъ партій грузовъ. Когда началось устройство желѣзнодорожной сѣти, про водяные пути забыли. Независимо отъ того, что устройство это поглотило массу капиталовъ, часть которыхъ, по справедливости, слѣдовало-бы употребить на водяные пути, желѣзныя дороги обнаружили не вполнѣ благопріятное вліяніе на грузовое движеніе по водянымъ путямъ, отвлекая съ нихъ массу грузовъ. Проведеніе Рыбинско-Бологовской дороги, напр., повело къ уменьшенію грузового движенія по Волгѣ на участкѣ выше Рыбинска, хотя на этомъ участкѣ произведены работы по улучшенію пути и проложена туэрная цѣпь.

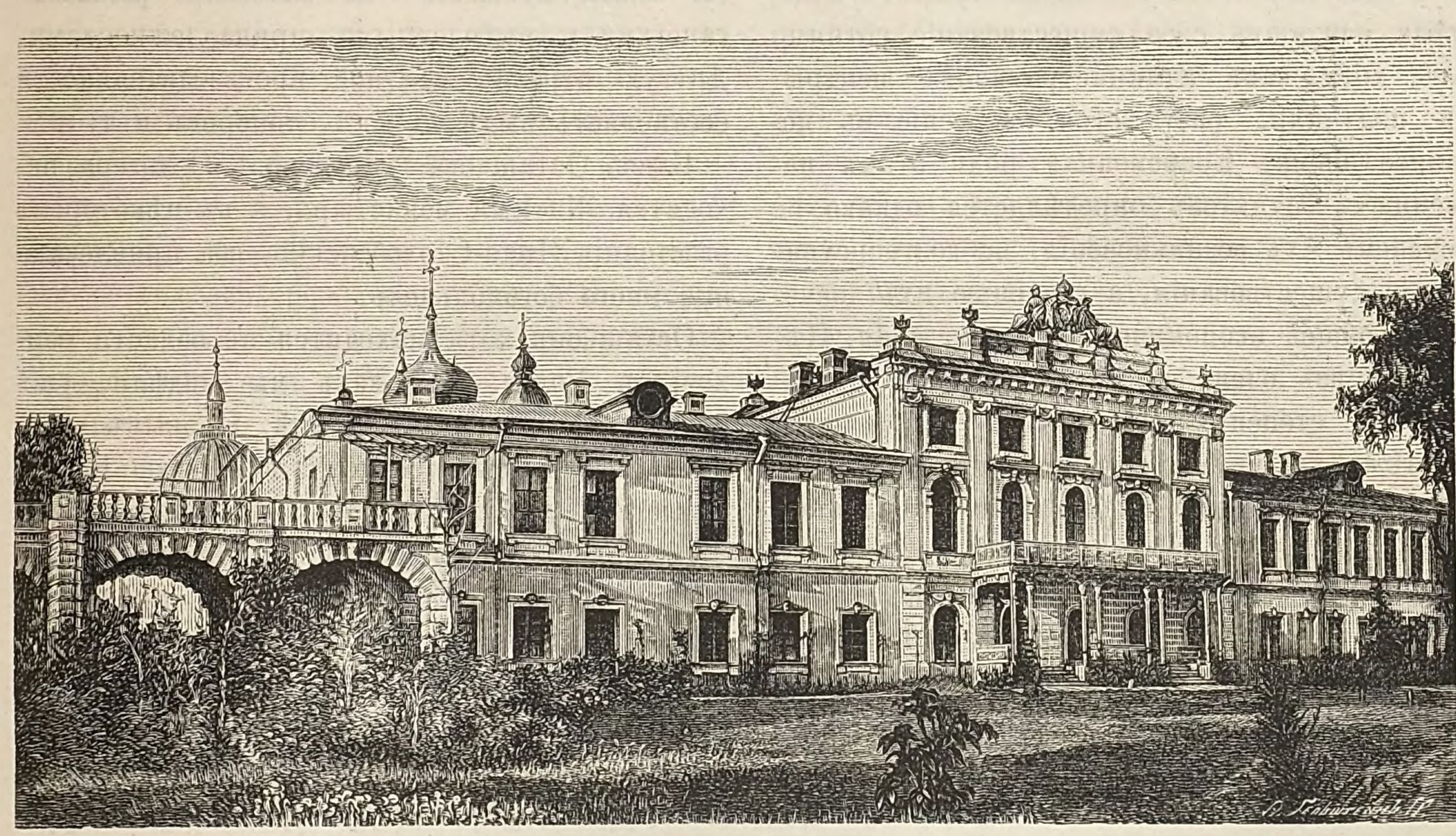
Не подлежитъ, однакоже, сомнѣнію, что наши водные пути вполнѣ заслуживаютъ поддержки, такъ какъ имъ, при развитіи внутренняго торгово-промышленнаго движенія, предстоитъ важная роль въ будущемъ.

II.

Города Тверской губерніи.—Городъ Тверь и новѣйшій періодъ его исторіи.—Выдающіяся историческія личности изъ тверскихъ уроженцевъ. — Мѣстная торговая, промышленная и заводская дѣятельность. — Заслуги тверскаго земства.

Въ 50 съ небольшимъ верстахъ отъ Тверцы въ Волгу впадаетъ новый, еще болѣе значительный по величинѣ притокъ — р. Шоша. Шоша равняется 190 верстамъ, тогда какъ Тверца—176. Но Шоша не можетъ выдержать никакого сравненія съ Тверцою въ отношеніи товарнаго движенія, потому что лежитъ въ сторонѣ отъ главныхъ торговыхъ путей, связывающихъ Каспійское море съ Балтійскимъ. Шоша впадаетъ, въ противоположность Тверцѣ, съ правой стороны и обнаруживаетъ вліяніе на измѣненіе теченія Волги въ новомъ направленіи: впадая въ нее съ запада, она уклоняетъ Волгу къ сѣверо-востоку. Такимъ образомъ всѣ главные притоки Волги оказываютъ на нее тоже дѣйствіе: съ принятіемъ ихъ, теченіе главной рѣки измѣняется. Зная, съ какой стороны впадаетъ тотъ или иной изъ этихъ притоковъ, можно опредѣлить и направленіе, какое затѣмъ получаетъ Волга. Отъ Шоши до вступленія въ Ярославскую губернію Волга проходитъ по низменной, но сухой долинѣ, достигая ширины 100 сажень.

ТВЕРСКІЯ ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТИ.

Дворецъ Его Императорскаго Величества въ Твери.

Въ сѣверной половинѣ губерніи, а именно изъ болотныхъ ключей Бѣжецкаго уѣзда выходятъ мутныя, окрашенныя красновато-темнымъ оттѣнкомъ, воды р. Мологи. Онѣ медленно струятся къ сѣверу, въ Новгородскую губернію, и, описавъ дугу, поворачиваютъ къ юго-востоку и проходятъ по крайней сѣверо-

восточной границѣ губерніи. На этой границѣ лежитъ г. Весьёгонскъ. Устье Мологи лежитъ уже въ Ярославской губерніи. Самая рѣка принадлежитъ къ Тихвинской системѣ путей сообщенія.

Около многочисленныхъ озеръ тверского края и Волги съ ея притоками живетъ и кормится масса населенія. Естественныя удобства, представляемыя этими водами какъ для промысла, такъ и для торга, еще во времена далекой старины вызвали сосредоточенія населенія въ нѣкоторыхъ центрахъ. Такъ возникло нѣсколько городовъ. Главный городъ, Тверь, упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1180 годомъ; о мѣстности, занимаемой Вышнимъ-Волочкомъ, первое указаніе встрѣчается подъ 1137 годомъ; о Зубцовѣ говорится подъ 1216 г. и т. д. Однимъ словомъ, почти всѣ нынѣ существующіе города считаютъ свое существованіе сотнями лѣтъ, хотя, какъ административные центры, они получили, разумѣется, значеніе въ новѣйшее время. Современная роль этихъ населенныхъ пунктовъ опредѣляется однако не временемъ ихъ возникновенія, не долговременностью существованія, а степенью ихъ значенія въ общей экономической жизни края. Нѣкоторыя изъ очень древнихъ поселеній снизошли на степень ничтожныхъ городишекъ, „медвѣжьихъ угловъ"; другія же пріобрѣли значительное вліяніе въ мѣстной промышленности и торговлѣ.

Въ области истоковъ Волги лежитъ городъ Осташковъ. Онъ расположенъ при озерѣ Селигерѣ. которое окружаетъ его съ трехъ сторонъ. Городъ издавна получилъ извѣстность по кожевенному производству, въ особенности выдѣлкою простыхъ сапоговъ — „осташей". Да и теперь онъ не утратилъ еще этого значенія. Въ немъ находится замѣчательный кожевенный заводъ Савина, занимающійся изготовленіемъ и окраскою кожъ для заграничнаго потребленія. Способъ составленія краски и другія манипуляціи заводъ этотъ держитъ въ секретѣ, не отпуская никуда мастеровъ изъ своего района, не давая даже доступа на заводъ любопытнымъ посѣтителямъ. Когда-то процвѣтало тутъ и кустарное производство кожъ, но оно теперь уже почти совсѣмъ вытѣснено крупнымъ заводскимъ. За то изготовленіе кустарями грубой мужской обуви, на потребу простого рабочаго люда, главнымъ образомъ рыбаковъ, и теперь еще процвѣтаетъ. „Осташи" находятъ сбытъ по всему балтійскому побережью: громадныя партіи ихъ идутъ въ Петербургъ, Дерптъ и Ригу.

Нельзя обойти молчаніемъ и существующаго, въ Осташковскомъ уѣздѣ, производства рыболовныхъ сѣтей. Занимающіеся этимъ дѣломъ кустари получаютъ необходимый для того матеріалъ — пеньку — отъ осташковскихъ торговцевъ, которые платятъ съ сажени вывязанной сѣти 20—30 коп., смотря по величинѣ ячеекъ. Невода сбываются главнымъ образомъ на побережья Балтійскаго моря, а также въ губерніи Петербургскую, Новгородскую, Тверскую, Псковскую, Витебскую, Смоленскую и Могилевскую. Такимъ образомъ осташковцы какъ-бы взяли монополію на снабженіе рыбаковъ сапогами и рыболовными принадлежностями. Другую отрасль мѣстной производительности составляетъ выдѣлка косъ, топоровъ и т. п.

Близь Осташкова, на островѣ Селигера, находится Житный монастырь, а въ нѣкоторомъ разстояніи Нило-Столобенскій—оба привлекающіе много богомольцевъ.

Осташковъ хотя находится въ области верховьевъ Волги, но, какъ мы видѣли, расположенъ не на самой рѣкѣ. Первымъ городомъ, лежащимъ по самому побережью Волги, является Ржевъ. Это весьма значительный въ промышленномъ и торговомъ отношеніи центръ всей губерніи. Фабрично-заводская производительность его, вмѣстѣ съ уѣздомъ, опредѣляется суммою въ 3$^1/_3$ милліона, но изъ этой суммы на самый городъ приходится болѣе 2$^1/_2$ милліоновъ, такъ что изъ всѣхъ городовъ губерніи послѣ Твери, Ржевъ является самымъ крупнымъ центромъ. Какъ промышленность, такъ и торговля Ржева опираются на ленъ и пеньку. Количество пеньки, поступающей въ Ржевъ, достигаетъ солидной цифры. Здѣсь она треплется (если куплена сырьемъ) и затѣмъ перерабатывается въ пряжу, производство которой составляетъ главный промыселъ города. Изготовленіемъ пряжи заняты всѣ, начиная отъ крупныхъ капиталистовъ и кончая мѣщанскими малолѣтками. Устройство прядильныхъ заведеній очень просто: въ глубинѣ двора, близь сарая, для трепки сдѣланъ навѣсъ, а надъ нимъ — колеса для навертки нитей; по двору

и даже по улицѣ—столбы съ перекладинами и вбитыми въ нихъ крюками, черезъ которые ведутъ нити прядильщики. Колеса вертятъ женщины, получающія въ половину менѣе прядильщиковъ. Кромѣ того, при изготовленіи пряжи есть мелкія побочныя работы, выполняемыя дѣтьми. Такимъ образомъ ржевичи участвуютъ въ работахъ цѣлыми семьями, неотрываясь отъ дома и заработывая порядочныя деньги. Физическаго напряженія работа не требуетъ, производится она на открытомъ воздухѣ и потому, не разстраиваетъ такъ, какъ работа на настоящихъ фабрикахъ. Благодаря постояннымъ занятіямъ, ржевичи пріобрѣли репутацію замѣчательныхъ спеціалистовъ своего дѣла, и потому, какъ искуссные мастера, принимаются съ удовольствіемъ на пенькопрядильняхъ и въ другихъ мѣстахъ — напр. на извѣстной фабрикѣ Журавлева въ Рыбинскѣ, на прядильняхъ въ Кронштадтѣ и Петербургѣ. Ржевскій уѣздъ замѣчателенъ также и тѣмъ, что въ немъ находятся значительныя писчебумажныя фабрики.

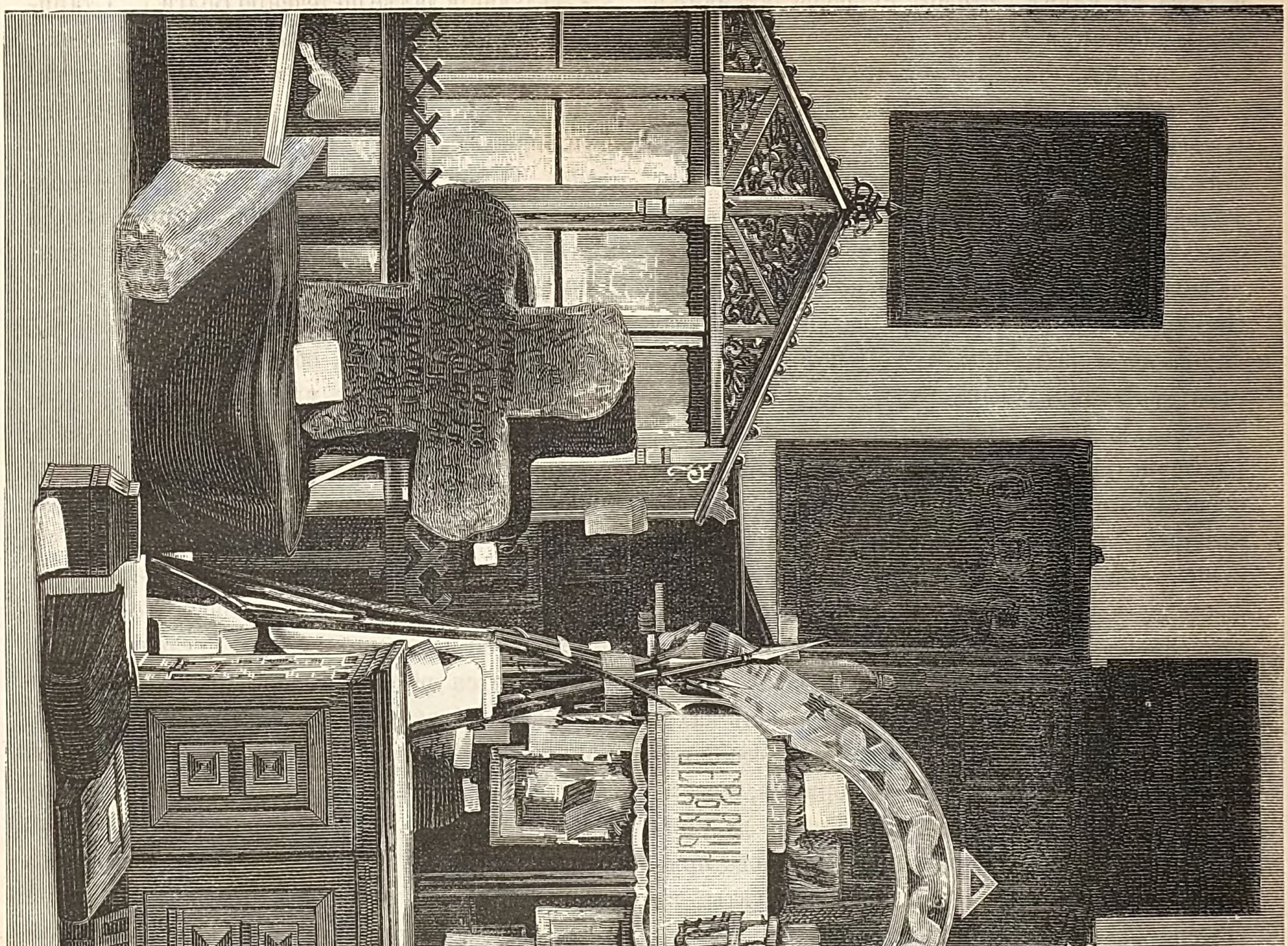
Ржевъ, черезъ Старицу и Торжокъ, связывается съ Николаевскою желѣзною дорогою особою желѣзнодорожною линіею — Новоторжскою, по которой шлетъ свои продукты въ Петербургъ, Тверь и Москву.

Верстахъ въ 50-ти отъ Ржева, внизъ по Волгѣ, при впаденіи въ послѣднюю Вазузы, расположенъ г. Зубцовъ. Городъ этотъ ничѣмъ не выдѣляется изъ числа самыхъ заурядныхъ уѣздныхъ. Его довольно жалкія постройки широко раскинулись по обѣимъ берегамъ Вазузы; отъ улицъ вѣетъ пустотой. Прежде городъ хоть нѣсколько оживалъ въ зимнюю пору съ приходомъ обозовъ изъ Сухотичъ (Калужской губерніи), но съ измѣненіемъ направленія товаровъ подъ вліяніемъ устройства желѣзныхъ дорогъ, Зубцовъ какъ-то опустился: жизнь въ немъ замерла и не заявляетъ о себѣ никакимъ видимымъ, осязательнымъ образомъ.

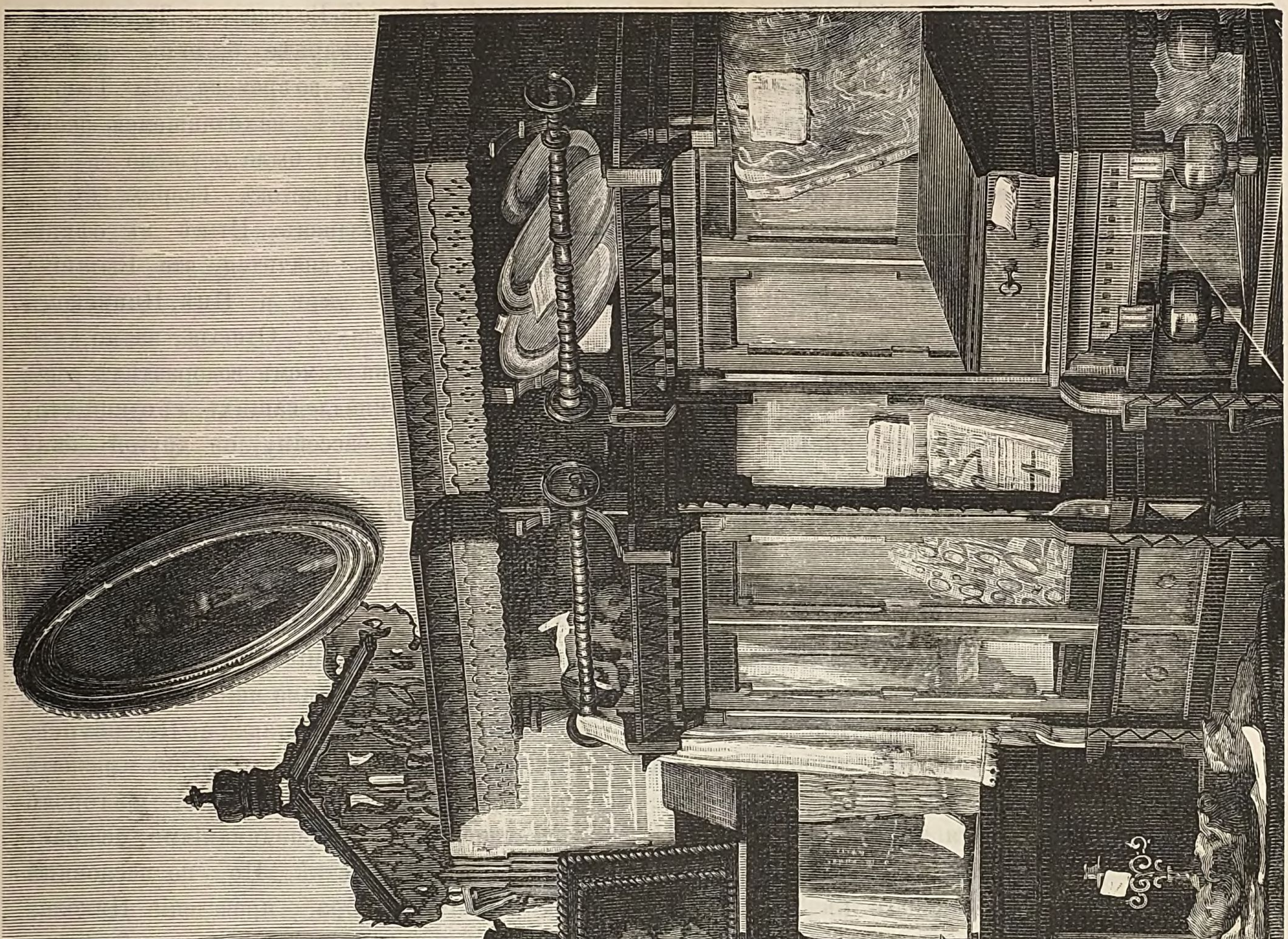
Это отсутствіе дѣятельности и значенія города и было поводомъ къ тому, что про зубчанъ сложилась поговорка, будто они „таракана на Волгу поить водили!“ Отмѣтилъ народъ также и особенность говора мѣстнаго населенія. Букву Ц зубчане выговариваютъ какъ Ч. Отсюда разговоръ такого содержанія: „Ты чей молодечъ? — Зубчевскій купечъ. А гдѣ былъ? Въ Москвѣ по міру ходилъ“.

Слѣдующій далѣе по теченію Волги г. Старица еще менѣе заслуживаетъ вниманія. Если вся производительность Зубцова исчерпывается какими-нибудь 60 т. рублей, то для Старицы она ограничивается всего 15 т. Отъ Старицы до самой Твери нѣтъ ни одного города. Тверь, какъ древній центръ всего края, заправлявшій долгое время его судьбами, да и теперь служащій средоточіемъ административной и экономической его жизни, заслуживаетъ спеціальнаго очерка. Поэтому, обойдя его въ настоящемъ бѣгломъ обзорѣ, мы остановимся на слѣдующемъ за нимъ внизъ по Волгѣ г. Корчевѣ.

Корчева имѣетъ нѣкоторое значеніе, какъ волжская пристань; но гораздо большею извѣстностью пользуется находящееся въ его уѣздѣ село Кимры. Кимры служатъ средоточіемъ цѣлаго района сапожнаго производства, обнимающаго множество селеній. Здѣсь изготовляется разнообразная, преимущественно городская обувь. Въ однѣхъ деревняхъ спеціально занимаются шитьемъ женской и дѣтской обуви, низшихъ сортовъ туфель (с. Талдомы, Калязинск. уѣзда), въ другихъ—ботинокъ и калошъ (въ д. Губиномъ-Углѣ, с. Богунинѣ и др. Корчевск. уѣзда), въ третьихъ—дѣтской обуви (въ Шутовѣ). Товаръ для изготовленія обуви получается отъ крупныхъ мастеровъ въ с. Кимрахъ. Работая, такимъ образомъ, безъ всякихъ затратъ на производство и прямо получая заработную плату, или же покупая товаръ на базарахъ и ярмаркахъ за свой счетъ, кимряки шьютъ изъ него обувь, и вывозятъ ее на базары, гдѣ и продаютъ. Шитьемъ сапоговъ изъ готоваго товара занимаются лучшіе кустари, а изъ своего—менѣе искуссные, неуспѣвшіе примоститься къ какому-нибудь крупному мастеру. Кимрская обувь красива, чисто отдѣлана, но не всегда прочна, по той причинѣ, что работа оплачивается очень дешево. Прежде, чѣмъ попасть на ноги потребителю, она проходитъ чрезъ руки разныхъ скупщиковъ, посредниковъ, изъ которыхъ каждый старается нажить извѣстный процентъ. Въ концѣ концовъ, обувь обходится покупателю вовсе не особенно дешево, но отъ этого самъ кимрякъ-сапожникъ выигрываетъ мало. Не имѣя достаточнаго вознагражденія за работу, онъ старается выѣхать только на внѣшней отдѣлкѣ, употребляя нерѣдко на подошву вмѣсто кожи

Внутренній видъ тверского музея.

Внутренній видъ тверского музея (другая сторона).

лубокъ, сдирку (склейку изъ кожевенныхъ стружекъ), даже плохой картонъ.

Вслѣдствіе этого, уже въ 70-хъ годахъ промыселъ шитья сапогъ въ Кимрскомъ уѣздѣ, сталъ приходить въ упадокъ. Кимрская обувь пріобрѣла такую плохую репутацію по своей непрочности, что ее стали покупать очень неохотно. Нѣкоторую поддержку кимрякамъ оказало изготовленіе обуви на армію въ послѣднюю турецкую войну. Они поставили на войска болѣе 1 милліона паръ. Но послѣ того кимрякамъ снова пришлось, какъ говорится, „положить зубы на полку“.

Нѣкоторые изъ кимряковъ, принявъ участіе въ послѣдней всероссійской выставкѣ въ Москвѣ (въ 1882 г.), показали, что могутъ производить издѣлія прекраснаго качества. Бѣда, значитъ, заключается не въ недостаткѣ умѣнья, а въ невыгодныхъ условіяхъ производства.

Послѣднимъ изъ поволжскихъ городовъ въ Тверской губерніи является Калязинъ. Въ старину это было монастырское село, принадлежавшее мѣстному Троицкому монастырю. Да и теперь городъ всего болѣе извѣстенъ потому, что въ немъ находится этотъ монастырь, гдѣ хранятся разныя древности. Жители Калязинскаго уѣзда, прилегающаго къ Ярославской губерніи, по складу характера, по бойкости, походятъ на ярославцевъ и раздѣляютъ съ послѣдними славу расторопныхъ половыхъ, бойкихъ трактирщиковъ. По словамъ одного писателя, каждое село и деревня имѣютъ свое особое занятіе. Жители д. Семендяева, съ сосѣдними деревнями, поголовно живутъ въ Москвѣ, служатъ въ трактирахъ или занимаются продажею въ разноску съѣстныхъ товаровъ. Изъ с. Васинина съ окрестностями идутъ тоже на торгъ и службу въ Москву, цѣлыми артелями; между ними есть погребщики. Изъ с. Краснаго—трактирщики вездѣ и всюду, въ въ городахъ и деревняхъ.

По другую сторону Волги, не въ дальнемъ разстояніи отъ Калязина, на р. Кашинкѣ, расположенъ г. Кашинъ. Городъ этотъ мало представляетъ замѣчательнаго, въ смыслѣ промышленномъ и торговомъ. Но по обилію зелени, Кашинъ можно назвать сплошнымъ садомъ. Едва-ли въ немъ найдется десятокъ домовъ, у которыхъ не было-бы садиковъ или огородовъ, есть цѣлыя рощи, два общественныхъ сада.

На главномъ притокѣ Волги, Тверцѣ, лежатъ города: Вышній-Волочекъ и Торжокъ. О первомъ, впрочемъ, вѣрнѣе было-бы сказать „лежалъ“, потому что „во времена оны“ Тверца брала начало въ болотѣ, находившемся около города, но когда болото было осушено и застроено, естественный истокъ Тверцы былъ, такъ сказать, упраздненъ. Нынѣ въ офиціальныхъ описаніяхъ значится, что Вышній-Волочекъ находится „при р. Цнѣ, Цнинскомъ и Тверецкомъ каналахъ“. Отсюда видно, что онъ расположенъ на самомъ водораздѣлѣ рѣчныхъ системъ, принадлежащихъ, съ одной стороны, каспійскому бассейну, съ другой—балтійскому, такъ какъ Цна впадаетъ въ Мсту, а Мста въ озеро Ильмень. Тутъ нѣкогда существовалъ волокъ, которымъ суда были переправляемы изъ рѣкъ одной системы — въ другую.

Періодомъ процвѣтанія Вышняго-Волочка было то время, когда мимо него проходили изъ Тверцы въ Мсту, для доставки въ Петербургъ, тысячи барокъ и милліоны пудовъ разнаго груза. Это время давно миновало, и городъ живетъ теперь болѣе воспоминаніями, по крайней мѣрѣ, о судоходствѣ. Но, по пословицѣ „нѣтъ худа безъ добра“, проведеніе Николаевской желѣзной дороги, подорвавшей судоходство, все-таки отозвалось на Вышнемъ-Волочкѣ не такъ невыгодно, какъ на нѣкоторыхъ другихъ городахъ, которые она миновала не обративъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Дѣло въ томъ, что Николаевская дорога захватила этотъ городъ, благодаря чему онъ получилъ возможность пользоваться ею для отправки грузовъ, какъ своихъ мѣстныхъ, такъ и прибывающихъ къ нему по Тверцѣ съ Волги. Вышній-Волочекъ не лишенъ значенія по размѣрамъ мануфактурной производительности. Въ этомъ отношеніи онъ занимаетъ въ губерніи третье мѣсто, слѣдуя за Тверью и Ржевомъ, а уѣздъ его стоитъ даже на первомъ мѣстѣ между всѣми прочими. Такъ городъ производитъ на 1.200,000 р., а уѣздъ его на 2.500,000 слишкомъ. Въ немъ и его уѣздѣ существуютъ обширныя бумагопрядильныя фабрики.

Извѣстность другого города — Торжка, основана на старинномъ вышиваньѣ золотомъ, серебромъ и шелками, по разнымъ матері-

ямъ—бархату, шелковымъ тканямъ и даже сафьяну. Промыселъ этотъ ведетъ свое начало отъ шитья мѣстными женщинами, которыя бывали очень богаты, и украшались золотомъ и жемчугомъ. Одежды давно исчезли, а искусство шить золотомъ и серебромъ еще сохранилось. Теперь имъ занимается въ городѣ 30 — 35 мѣщанскихъ семействъ (собственно женщины), да мѣстныя монахини. Въ относительно недавнее время въ Торжкѣ привилось еще другое производство — вязаніе кружевъ. Лѣтъ 30 тому назадъ оно почти не существовало. Для поднятія этого промысла предсѣдатель тверской губернской земской управы, г. Оленинъ, составилъ коллекцію старинныхъ кружевъ, чтобы по нимъ дѣлать заказы мѣстнымъ кружевницамъ для развитія вкуса послѣднихъ. Теперь плетеніемъ занято въ городѣ до 1,500 женщинъ—мѣщанокъ и монахинь. Въ фабричномъ отношеніи Новоторжскій уѣздъ гораздо производительнѣе самаго города: городъ вырабатываетъ издѣлій на 200,000 р., а уѣздъ его слишкомъ на 1.100,000.

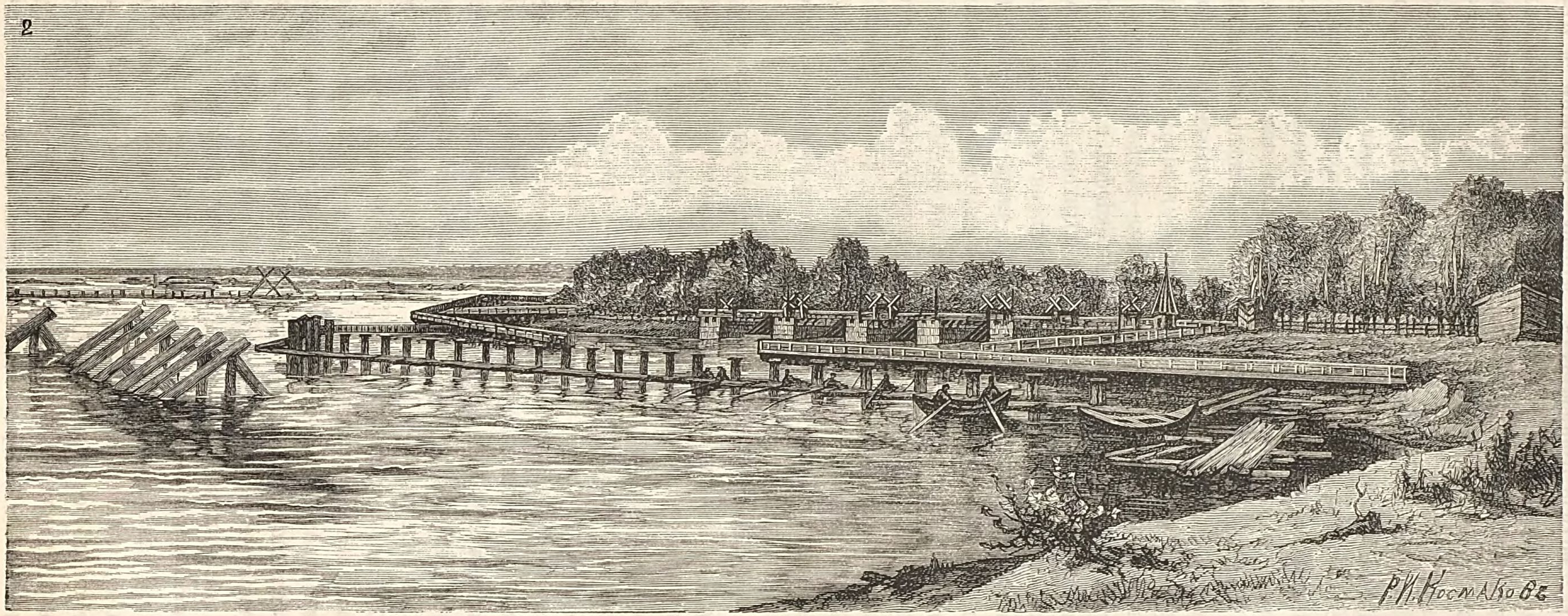
Два остальные города губерніи—Бѣжецкъ и Весьегонскъ—лежатъ при р. Мологѣ, первый еще притомъ на желѣзной дорогѣ, идущей изъ Рыбинска—въ Бологое. Молога у Бѣжецка довольна широка (30 саж.), но все-же мелка и неудобна для судоходства: по ней только весною пригоняется въ городъ лѣсъ. Какъ пристань, Бѣжецкъ, по этому, никогда не имѣлъ значенія. Роль его сводилась и сводится къ производству льняного волокна и переработкѣ его въ грубую ткань. Бѣжецкій уѣздъ—самый льноводный во всей Тверской губерніи. Торговля льномъ развилась въ Бѣжецкѣ особенно съ проведеніемъ Рыбинско-Бологовской дороги: сюда сталъ идти ленъ даже изъ сосѣднихъ уѣздовъ—Кашинскаго и Весьёгонскаго. Изъ Бѣжецка ленъ въ значительныхъ размѣрахъ вывозится за предѣлы губерніи (въ 1880 г. напр. его отправлено было отсюда по желѣзной дорогѣ 233,000 пуд.). Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, откуда идетъ ленъ на Бѣжецкій рынокъ, производится также выдѣлка холста. Главные сорта тверского холста: мѣшечный холстъ (8—10 к. аршинъ), холстъ однозубина, требуемый для различныхъ упаковокъ, — осьмуха, изъ котораго заготовляется бѣлье для войска. Холстъ сбывается скупщикамъ. На мѣшечный холстъ спросъ идетъ со стороны спеціальныхъ мѣшечныхъ торговцевъ, которые держатъ у себя особыхъ закройщицъ; а для шитья мѣшки отдаются ими на сторону. Шитьемъ этимъ въ Бѣжецкѣ занимается почти цѣлая слобода (дворовъ 300), называемая штабомъ. Работа производится женщинами, больше лѣтомъ, потому что тогда спросъ на мѣшки усиливается. Въ воскресные дни и прочіе праздники швеи работаютъ, какъ и въ будни. Плата полагается 35—40 к. за сотню, а такъ какъ самая ловкая швея можетъ сшить не болѣе 50 штукъ въ сутки, проработавъ притомъ часовъ 15—16, то наибольшій заработокъ не превышаетъ 20 к.

Мѣшковъ выдѣлывается въ Бѣжецкѣ среднимъ числомъ до 2.500,000 штукъ въ годъ. Главными мѣстами ихъ сбыта служитъ: Рыбинскъ, Нижегородская ярмарка, Москва, Козловъ (Тамбовской губ.) и Мценскъ (Орловской). Продаются мѣшки по 19 рубл. за сотню и по 190 р. за тысячу.

Въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, кромѣ льняного, распространены еще нѣкоторые лѣсные промыслы, а именно сидка дегтя, добываніе скипидара и канифоли. Матеріалъ для этого даютъ обширные лѣса уѣзда.

Весьёгонскъ, занимая болѣе выгодное положеніе при Мологѣ, а именно тамъ, гдѣ она уже принимаетъ активное участіе въ движеніи грузовъ по Тихвинской системѣ, остался, однакоже, внѣ рельсовыхъ путей, что, при упадкѣ судоходства по Тихвинской системѣ, отразилось на городѣ очень невыгодно. По замѣчанію академика Безобразова, Весьегонскъ производитъ теперь впечатлѣніе одного изъ ничтожнѣйшихъ, бѣднѣйшихъ и самыхъ захолустныхъ великорусскихъ уѣздныхъ городовъ. Торговая дѣятельность до того теперь здѣсь незначительна, что во всемъ городѣ лишь одинъ купеческій домъ, торгующій по свидѣтельству 1 гильдіи и закупающій товары оптомъ внѣ предѣловъ губерніи. Но какъ-бы въ подтвержденіе того, что наука и знаніе не должны жить въ мирѣ съ торгашествомъ и спекуляціей. Весьегонскъ производитъ впечатлѣніе нѣкотораго „умственнаго центра“. Г. Безобразовъ былъ пораженъ необыкновеннымъ для подобнаго города множествомъ дѣтей и юношей обоего пола,

ВЫШНЕВОЛОЦКІЯ ВОДЯНЫЯ СООРУЖЕНІЯ.

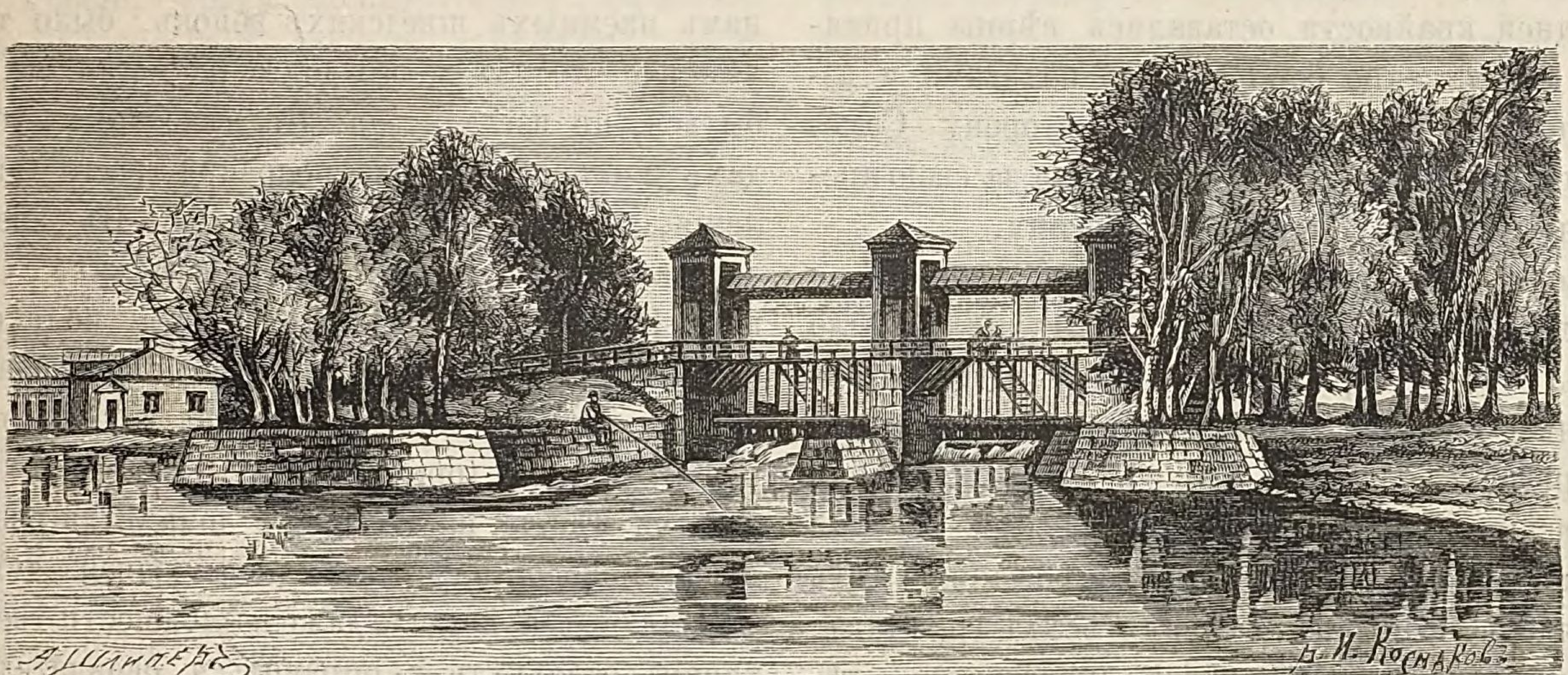

Каменный заводскій бейшлотъ, со стороны заводскаго водохранилища.
Рисовалъ съ натуры художникъ Космаковъ.

находящихся въ учебныхъ заведеніяхъ не только среднихъ, но и высшихъ, преимущественно техническихъ (въ Череповцѣ, Твери, Петербургѣ) и возвратившихся сюда на вакаціи (въ то время, какъ г. Безобразовъ былъ въ Весьёгонскѣ). Всѣ сословія, даже мѣщане, стремятся къ образованію. Эта просвѣтительная струя притекаетъ сюда изъ сосѣдняго Череповца (Новгородской губерніи), гдѣ находится нѣсколько учебныхъ заведеній, и въ послѣдніе 10—15 лѣтъ развилась усиленная дѣятельность не только торговая, промышленная, но и общеобразовательная, вполнѣ заслуживающая вниманія и подробнаго разбора въ особой главѣ, которую

полагаютъ, что именно это финское племя Веси и составляло первоначальное населеніе Тверской области, въ которую съ трехъ разныхъ сторонъ постепенно стала проникать славянская колонизація. Нѣкоторые изслѣдователи рѣшаются даже утверждать, что самое названіе города Весьёгонска произошло отъ мѣстнаго наименованія одной части племени Весь—Весью Егонскою. Могильныя насыпи, разрытыя доселѣ въ Весьёгонскомъ и Бѣжицкомъ уѣздахъ Тверской губерніи, дѣйствительно свидѣтельствуютъ о томъ, что въ періодъ распространенія здѣсь христіанства, въ данныхъ мѣстностяхъ жило какое-то племя, по

ВЫШНЕВОЛОЦКІЯ ВОДЯНЫЯ СООРУЖЕНІЯ.

Каменный бейшлотъ на рѣкѣ Цнѣ, построенный въ 1786 году.
Рисовалъ съ натуры художникъ Космаковъ.

мы, когда нибудь, посвятимъ этому любопытному уголку Новгородской губерніи.

Въ заключеніе же всего сказаннаго нами о городахъ Тверской губерніи, замѣтимъ кстати относительно Весьёгонска, что въ названіи этого уѣзднаго центра сохранилось намъ и доселѣ воспоминаніе объ одномъ изъ финскихъ племенъ, давно исчезнувшихъ въ наплывѣ славянскаго племени, но нѣкогда сильнаго, значительнаго и многочисленнаго, и заселявшаго бо̀льшую часть нынѣшней Тверской губерніи. Ученые предформѣ череповъ и по открытымъ въ могилѣ украшеніямъ и утвари напоминающее другое, финское племя Мери, жившее по сосѣдству во Владимірской и Суздальской области. Но славянская цивилизація все залила своей волной — все поглотила. Въ настоящее время въ Весьёгонскомъ уѣздѣ можно встрѣтить только одно финское племя — Корелу, да и то переселилось сюда, какъ достовѣрно извѣстно, уже въ концѣ XVII и начало XVIII вѣка.

ЕДВА избѣгнувъ грознаго погрома 1570 года, которымъ грозилъ городу и его окрестностямъ наѣздъ Іоанна Васильевича съ полчищемъ опричниковъ, едва успѣвъ оправиться отъ ужаса, наведеннаго на всю Сѣверную Русь страшною казнью, постигнувшею Новгородъ, — Тверь вступила въ бѣдственную эпоху Смутнаго времени, которая привела и городъ, и всю Тверскую область въ великое раззореніе. Къ чести тверитянъ слѣдуетъ сказать, что они до послѣдней крайности оставались вѣрны присягѣ, мужественно боролись съ поляками и измѣнниками, перешедшими на сторону Самозванца, и болѣе всего пострадали за свою преданность царю Василію Шуйскому.

Когда, въ 1606 году, польское войско и приверженцы Лжедмитрія подступили было подъ стѣны Твери, то встрѣтили здѣсь неожиданный и мужественный отпоръ. Архіепископъ Тверской Ѳеоктистъ, — мужъ сильный духомъ и разумомъ—поддерживалъ въ своей паствѣ вѣрность царю, и, въ виду угрожавшей отъ поляковъ опасности, собралъ всѣхъ гражданъ, способныхъ носить оружіе: духовенство, дѣтей боярскихъ, торговыхъ и посадскихъ людей. Воодушевленные Ѳеоктистомъ, граждане быстро приготовились къ защитѣ, встрѣтили врага съ оружіемъ въ рукахъ и заставили отступить отъ Твери. Примѣръ Твери благотворно подѣйствовалъ и на остальные города Тверской области, которые уже присягнули Самозванцу; всѣ они тотчасъ перешли на сторону царя Василія и поспѣшили выслать къ Москвѣ своихъ служилыхъ людей.

Однакоже, между 1606—1609 гг. Тверь неоднократно терпѣла новыя нападенія и раззоренія отъ поляковъ, и нѣсколько разъ переходила изъ рукъ вѣрныхъ царю воеводъ въ руки воровъ и поляковъ, которые не могли простить архіепископу Ѳеоктисту его преданность царю, и, взявъ его въ плѣнъ, умертвили мучительною смертью. Въ ближайшихъ окрестностяхъ города и въ самыхъ улицахъ его происходили неоднократно жестокія, упорныя и кровопролитныя битвы. Особенно памятнымъ въ лѣтописяхъ Твери остался тотъ день 10 мая, 1609 года, когда знаменитый русскій воевода, князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, подступилъ къ стѣнамъ Твери, въ которой засѣли поляки и воры, подъ начальствомъ Зборовскаго и Керносицкаго, и взялъ городъ, напавши на него въ расплохъ, ночью. Поляки и сторонники Тушинскаго вора были избиты поголовно и всѣ улицы города завалены грудами труповъ.

Раззореніе города Твери и всей Тверской области отъ поляковъ, литовцевъ и союзныхъ намъ наемныхъ шведскихъ войскъ, было такъ ужасно, что слѣды его долго не могли ни забыться, ни изгладиться. Въ нѣкоторыхъ городахъ и селахъ погибла половина всего населенія; въ другихъ—еще болѣе. Въ Твери, двадцать лѣтъ спустя, послѣ того какъ Скопинъ-Шуйскій изгналъ изъ нея поляковъ, слѣды раззоренія были еще настолько значительны, что 11 церквей и монастырей стояли пустыми, и въ городѣ насчитывали 1450 дворовыхъ мѣстъ, на которыхъ дома были разрушены и не осталось ни одной живой души.

Злая судьба не дала даже возможности тверитянамъ отдохнуть и оправиться окончательно отъ понесенныхъ ими погромовъ и раззореній, такъ какъ, въ теченіе одного десятилѣтія, городъ былъ дважды посѣщенъ жестокимъ моровымъ повѣтріемъ (въ 1644 и въ 1654 гг.). Послѣдній моръ былъ особенно силенъ и страшенъ: въ Твери и другихъ городахъ Тверской области вымерла половина наличнаго населенія... Мертвыхъ некому было хоронить, потому что всѣ остававшіеся въ живыхъ совершенно растерялись и не знали, что имъ предпринять, куда укрыться отъ грозившей имъ гибели. Чтобы сколько-нибудь поддержать бодрость духа въ согражданахъ, тверской архіепископъ Лаврентій привезъ изъ Москвы въ Тверь тотъ самый гробъ, въ которомъ мощи митрополита Филиппа были привезены Никономъ въ Москву, въ 1652 году. По желанію патріарха, въ этотъ гробъ переложены были мощи св. Арсенія, архіепископа Тверского.

Послѣ моровыхъ повѣтрій запустѣніе Тверской области было настолько велико, что московское правительство нашло себя даже вынужденнымъ—озаботиться о заселеніи Тверской земли новыми переселенцами, которыхъ старалось привлечь сюда обѣщаніемъ различныхъ льготъ и выгодъ. И дѣйствительно, изъ областей, отошедшихъ къ Швеціи по Столбовскому договору, въ Тверскую область стали весьма охотно переселяться корелы, которые и теперь въ Бѣжецкомъ, Весьегонскомъ, Вышневолоцкомъ и Новоторжскомъ уѣздахъ составляютъ весьма значительную долю населенія, такъ какъ ихъ насчитываютъ не менѣе 15,000 дворовъ, съ 105,000 душъ обоего пола. Въ теченіе своего двухъ-сотлѣтняго пребыванія въ Россіи, среди великорусскаго населенія, корелы до такой степени обрусѣли, что не только переняли вѣру, обычаи, одежду отъ русскихъ, но даже и языкъ свой позабыли, и во многихъ мѣстахъ по-корельски говорятъ еще только женщины, а мужчины—исключительно по-русски.

Рядомъ съ подобными, весьма естественными и вполнѣ своевременными заботами о заселеніи опустѣвшей и раззоренной Тверской области, шли и заботы другого рода—о заселеніи и поднятіи городовъ, также запустѣвшихъ, разрушенныхъ и раззоренныхъ. Судя по тому, какова была Тверь въ концѣ XVII вѣка, можемъ себѣ представить, каковы были другіе города Тверской области въ то-же время. О Твери-же и томъ общемъ впечатлѣніи, которое она оставляла на путешественника, мы легко можемъ судить по рисунку барона Мейербера, пріѣзжавшаго въ Россію при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Городъ, судя по этому рисунку—очень неказистъ; онъ весь деревянный и носитъ на себѣ видъ какого-то убожества—вѣроятно, печать перенесенныхъ имъ погромовъ. Городъ, однако-же, въ то время еще былъ укрѣпленъ, и мѣстный археологъ, разбирая рисунокъ Мейербера, замѣчаетъ: „по этому рисунку видно, что отъ сѣверо-восточнаго угла крѣпости, отъ берега Волги, около стѣнъ, проведенъ былъ глубокій ровъ, наполнявшійся водою; этотъ ровъ, надо полагать, шелъ до самой Тмаки, по переулку, около дома дворянскаго собранія, потому что лѣтъ сорокъ назадъ (писано въ 1865 г.) онъ еще существовалъ и черезъ него даже былъ устроенъ мостъ, близъ дворянскаго собранія; такимъ образомъ старинная тверская крѣпость со всѣхъ сторонъ окружалась водою“. Крѣпость эта обнесена была деревянною стѣною съ бойницами и башнями; одна изъ угловыхъ, Владимірская, была каменная. Но башни и стѣны, въ началѣ XVIII в., были уже ветхи, и потому разобраны. Петръ I укрѣпилъ Новгородъ, окруживъ дѣтинецъ его рвами и бастіонами; онъ же задумалъ возобновить и укрѣпленія Твери. По его указу крѣпость была окружена землянымъ валомъ и устроены три баттареи. Эти земляныя укрѣпленія уцѣлѣли до временъ Екатерины, какъ ясно можно видѣть на гравюрѣ города Твери, приложенной къ атласу при исторіи Ле-Клерка. Если вѣрить этой гравюрѣ, то, по сравненію ея съ рисункомъ Мейерберга, не трудно прійти къ заключенію, что Тверь значительно успѣла поправиться и обстроиться ко временамъ Екатерины, тѣмъ болѣе, что съ самаго начала XVIII вѣка значеніе Твери все продолжало возрастать болѣе и болѣе.

Первый толчокъ развитію различныхъ отраслей промышленности въ Тверской области дало построеніе Петербурга. Началось передвиженіе рабочаго населенія изъ Твери въ новую столицу, сначало подневольное, а потомъ уже и по собственной охотѣ. Затѣмъ, Тверская область стала снабжать Петербургъ продовольствіемъ, которое отчасти составляло избытокъ мѣстнаго сельскаго хозяйства, отчасти-же скупалось тверскими купцами въ Поволжьѣ. Въ концѣ царствованія Петра, торговое и промышленное значеніе Твери стало еще болѣе значительно, вслѣдствіе того, что окончено было сооруженіе вышневолоцкой системы, соединявшей Волгу съ Невою. Благодаря этому улучшенію путей для сбыта, мало-по-малу стали возникать въ Твери и тверскихъ городахъ фабрики и заводы, производства и промыслы: въ Твери, Старицѣ и Осташковѣ—кузнечество; въ Кашинѣ, Торжкѣ и Колязинѣ—кожевенное производство, въ Осташковѣ—сапожное дѣло... Ко временамъ Екатерины явилась даже возможность подумать объ удобствахъ жизни, о внѣшности города Твери, который во всѣхъ смыслахъ составлялъ такое важное перепутье между Мосовой и Петербур-

гомъ. И вотъ мы видимъ, что Екатерина приказываетъ уничтожить послѣдніе остатки крѣпостныхъ сооруженій, уцѣлѣвшихъ еще отъ временъ Петра: часть мѣста, бывшаго подъ крѣпостью, засаживаютъ деревьями, а ниже, по теченію рѣки, съ 1766 года, разводятъ городской садъ.

Вѣкъ Екатерины, впрочемъ, не съ одной только этой стороны внѣшняго благоустройства былъ временемъ благопріятнымъ для Твери, — многое тоже было сдѣлано и для благоустройства внутренняго. Въ этомъ именно смыслѣ, вторая половина XVIII вѣка рѣзко отличалось отъ первой, полной всякихъ неурядицъ и въ управленіи Тверью, и въ управленіи водными путями, при которыхъ Тверь лежала уже и въ то время. Особенно непривлекательны были отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, изобиловавшія случаями злоупотребленія властью и дикимъ самоуправствомъ. Эти случаи особенно тяжело поражаютъ насъ среди той великой бѣдности, въ которой безъисходно и постоянно жилъ народъ, ютившійся въ тѣсныхъ и темныхъ курныхъ избахъ (съ волоковыми окнами и землянымъ поломъ), а изъ нихъ состояла большая часть не только деревень, но и большихъ многолюдныхъ селъ. Достаточнымъ доказательствомъ той-же бѣдностью служатъ намъ и современныя описанія имущества тѣхъ старенькихъ, покривившихся на бокъ деревянныхъ церквей, которыя печально высились среди подобныхъ селъ. Даже въ имѣніяхъ богатыхъ помѣщиковъ утварь церковная, какъ оказывается, была оловянная, напрестольные кресты—деревянные, жертвенникъ покрытъ простою крашениною, а ризы священниковъ сшиты изъ крашенины съ выбойчатыми оплечьями.

Но, конечно, ни эта бѣдность, ни плохой порядокъ общественнаго устройства не мѣшали тому, чтобы въ средѣ тверитянъ, и въ это время, какъ и въ послѣдствіи, проявлялись люди въ высшей степени замѣчательные по своимъ нравственнымъ качествамъ и общественной дѣятельности. Такъ напр., во время памятнаго въ лѣтописяхъ Твери страшнаго голода 1733 гг., среди тверскаго купечества нашлись такіе добрые люди, какъ братья Матѳѣй и Алексѣй Арефьевы, которые безплатно кормили на свой счетъ бѣдныхъ хлѣбомъ и снабжали деньгами. И во главѣ тверской паствы въ это время оказался такой архіепископъ, какъ Ѳеофилактъ Лопатинскій, который, сокрушаясь о народномъ бѣдствіи, отпускалъ изъ казны хлѣбъ бѣднымъ въ долгъ, а по минованіи голода—сжегъ росписки своихъ должниковъ...

Не мѣшаетъ замѣтить, что Лопатинскій вообще принадлежалъ къ числу наиболѣе свѣтлыхъ и привлекательныхъ личностей въ мрачный періодъ страшной бироновщины. Не ограничиваясь своею духовною и благотворительною дѣятельностью, онъ заботился и о просвѣщеніи: ему принадлежитъ честь построенія и устройства перваго въ Твери училища для церковнослужительскихъ дѣтей. Будучи ревностнымъ поборникомъ православія, Ѳеофилактъ всю свою жизнь боролся съ расколомъ и очень сурово относился къ протестантскому вѣроученію, которое успѣло пріобрѣсти себѣ въ это время много сторонниковъ не только между русскими вельможами, но и въ средѣ высшаго русскаго духовенства.

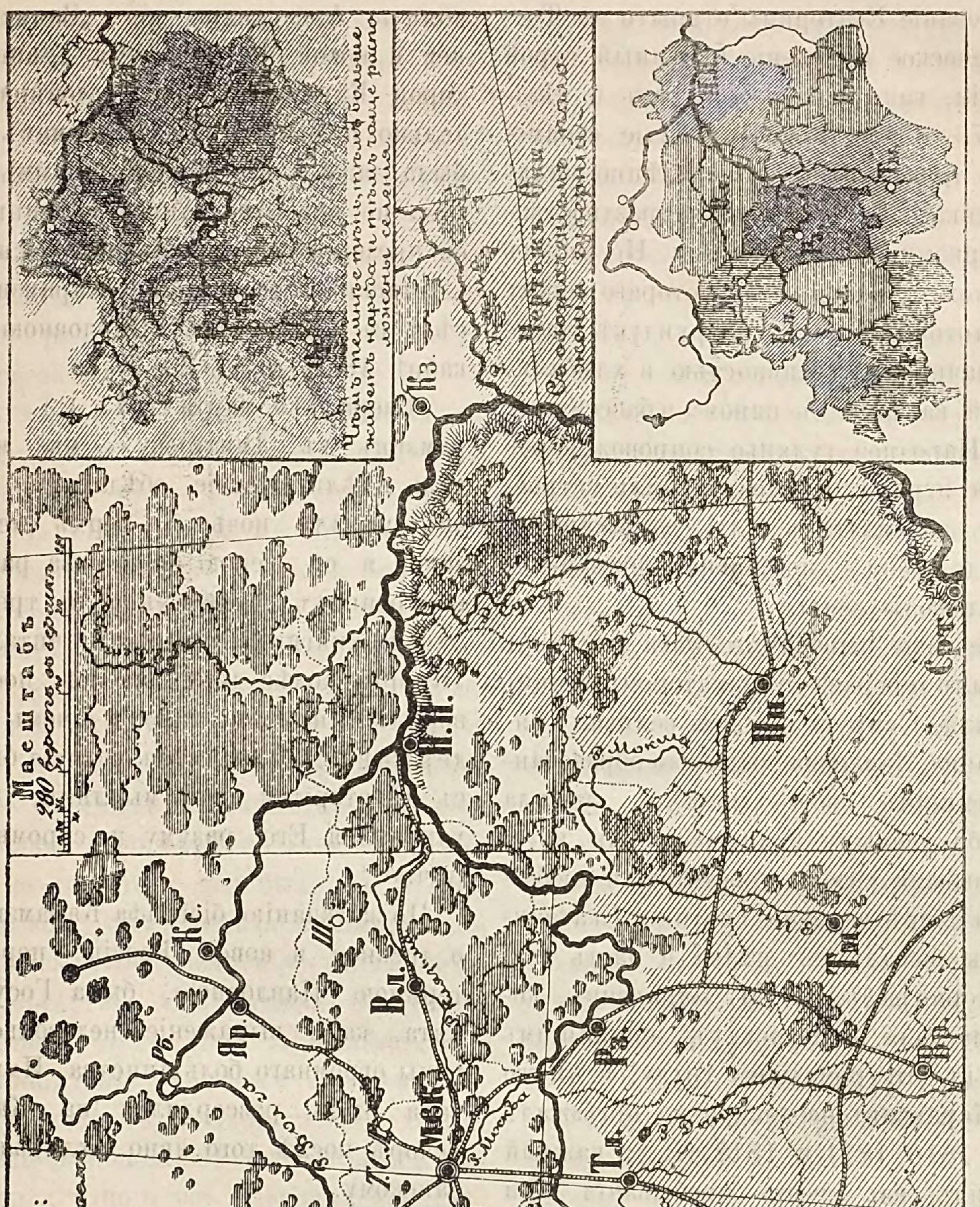
Благодаря именно этому горячему и вполнѣ искреннему отношенію къ интересамъ православія, Ѳеофилактъ Лопатинскій вошелъ въ непріязненныя отношенія къ знаменитому Ѳеофану Прокоповичу, и былъ запутанъ въ извѣстное Рѣшиловское дѣло, которое привело его сначала въ Тайную канцелярію, а потомъ и въ тѣсное заключеніе. Обвиненный въ „продерзостныхъ и злоумышленныхъ разсужденіяхъ, оскорбительныхъ для Ея Величества“, несчастный Лопатинскій былъ низложенъ съ архіепископской каѳедры, лишенъ священническаго и иноческаго чина; а все его имѣніе и даже библіотека—взяты въ Петербургъ. Со вступленіемъ на престолъ Елизаветы, Ѳеофилактъ былъ оправданъ, ему возвращена свобода и санъ архіерея; но долгія страданія и пятилѣтнія тревоги въ такой степени истощили несчастнаго, что онъ умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего освобожденія.

Императрица Екатерина II, повидимому, любила Тверь и каждый разъ, при своихъ проѣздахъ изъ Петербурга въ Москву, останавливалась здѣсь очень охотно и гостила по нѣскольку дней. Здѣсь, въ 1767, пожелавъ осмотрѣть провинціи, лежащія по Волгѣ, Императрица приказала построить нужное количество галеръ и другихъ судовъ; здѣсь же,

при другомъ своемъ проѣздѣ, Екатерина писала Гримму:

„Я возвращаюсь изъ поѣздки, во время которой проѣхала около 1,200 верстъ сухимъ путемъ и около 600 в. водою. Я нашла удивительную перемѣну во всей мѣстности, по которой мнѣ пришлось проѣзжать теперь и которую я видала прежде:—тамъ, гдѣ были жалкія деревушки, я нашла города, прекрасно построенныя и съ каменными зданіями; гдѣ не было прежде и деревушекъ, тамъ нынѣ увидѣла я большія села, и вообще замѣтила благо-

КАРТА ВЕРХОВЬЕВЪ ВОЛГИ ВЫЯСНЯЮЩАЯ ПОЛОЖЕНІЕ ТВЕРИ ПО ОТНОШЕНІЮ КЪ ВАЖНѢЙШИМЪ ПУТЯМЪ СООБЩЕНІЯ.

Поясненіе сокращеній: — Тв.—Тверь; Рб.—Рыбинскъ; Яр.—Ярославль; Кс.—Кострома; Т.С.Л.—Троице-Сергіевская Лавра; Мск.—Москва; Вл.—Владиміръ; Н.Н.—Нижній-Новгородъ; Кз.—Казань; Кл.—Калуга; Тл.—Тула; Рз.—Рязань; Ор.—Орелъ; Кр.—Курскъ; Тм.—Тамбовъ; Пн.—Пенза.

состояніе и торговое движеніе, какихъ я вовсе не ожидала и встрѣтить. Мнѣ говорятъ, что все это — послѣдствія распоряженій, много сдѣланныхъ и дословно выполняемыхъ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ; а я, глядя на все это говорю: и слава Богу!"

Въ царствованіе Екатерины открыто въ Твери намѣстническое правленіе и полный строй администраціи, какъ губернской, такъ и уѣздной, въ 1776 г. Это важное событіе ознаменовано было торжествомъ, великолѣпно-обставленнымъ всякаго рода пирами и празднествами, фейерверками и маскарадами. Не забытъ былъ при этомъ и народъ, для котораго передъ дворцомъ изготовленъ былъ на рундукѣ жареный быкъ, начиненный живностью и хлѣбами, обставленный кадками съ виномъ и бассейнами съ пивомъ. Народное гулянье сопровождалось и народными играми, а именно: были устроены мачты и на мачтахъ для взлѣзавшихъ на нихъ удальцовъ, повѣшено лоцманское платье и положены деньги.

Въ первые годы нынѣшняго вѣка, въ Тверь назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ принцъ Ольденбургскій. Супруга принца, великая княгиня Екатерина Павловна, одна изъ образованнѣйшихъ женщинъ своего времени, любила окружать себя учеными и литераторами, которыхъ очаровывала своею простотою и любезностью. При дворѣ великой княгини Екатерины Павловны бывалъ не рѣдко и нашъ знаменитый исторіографъ, Н. М. Карамзинъ, котораго она ласкала, относясь съ живѣйшимъ участіемъ и къ его громадному труду, и къ его семейству. Карамзинъ неоднократно пріѣзжалъ въ Тверь въ 1810, 1811 и 1812 гг., и каждый разъ выносилъ изъ своего пребыванія при дворѣ великой княгини самыя пріятныя впечатлѣнія. Такъ напр., отъ 19 февраля 1811 г. онъ пишетъ Дмитріеву:

„Только въ нынѣшнюю ночь возвратились мы изъ Твери, гдѣ жили двѣ недѣли, какъ въ очарованномъ замкѣ. Не могу изъяснить тебѣ, какъ великая княгиня и принцъ ко мнѣ милостивы. Я узналъ ихъ несравненно болѣе прежняго, имѣлъ случай ежедневно говорить съ ними по нѣскольку часовъ между нашихъ историческихъ чтеній. Великая княгиня во всякомъ состояніи была-бы одною изъ любезнѣйшихъ женщинъ въ свѣтѣ; а принцъ имѣетъ ангельскую доброту и знанія необыкновенныя въ нѣкоторыхъ частяхъ".

Во время одного изъ проѣздовъ Александра II черезъ Тверь великая княгиня доставила Карамзину случай прочесть Государю нѣкоторыя главы его историческаго труда и ознакомить Александра съ „Запиской о древней и новой Россіи". Эта „Записка", въ которой Карамзинъ очень недовѣрчиво и сомнительно относился къ реформамъ Александра, была даже и составлена нашимъ исторіографомъ по просьбѣ великой княгини, такъ какъ ей чрезвычайно понравилась основная мысль „Записки", изложенная Карамзинымъ въ бесѣдѣ съ Екатериною Павловною еще въ декабрѣ 1810 года.

„Вчера (19 марта 1811 г.) — пишетъ Карамзинъ къ Дмитріеву — мы въ послѣдній разъ имѣли счастіе обѣдать съ Государемъ: онъ уѣхалъ ночью. Сверхъ четырехъ обѣдовъ, я съ женою былъ два раза у него во внутреннихъ комнатахъ и въ третій—при великой княгинѣ и принцѣ читалъ ему свою Исторію долѣе двухъ часовъ; послѣ чего говорилъ съ нимъ не мало, и о чемъ же? О Самодержавіи!! Я не имѣлъ счастія быть согласенъ съ нѣкоторыми Его мыслями, но искренно удивлялся Его разуму и скромному краснорѣчію."

По замѣчанію біографа Карамзина, „Записка о древней и новой Россіи" переданная Екатериною Павловною, была Государемъ принята, какъ выраженіе недовольства со стороны огромнаго большинства. Императоръ сначала было разсердился на Карамзина, но вскорѣ послѣ того явно охладѣлъ и къ Сперанскому.

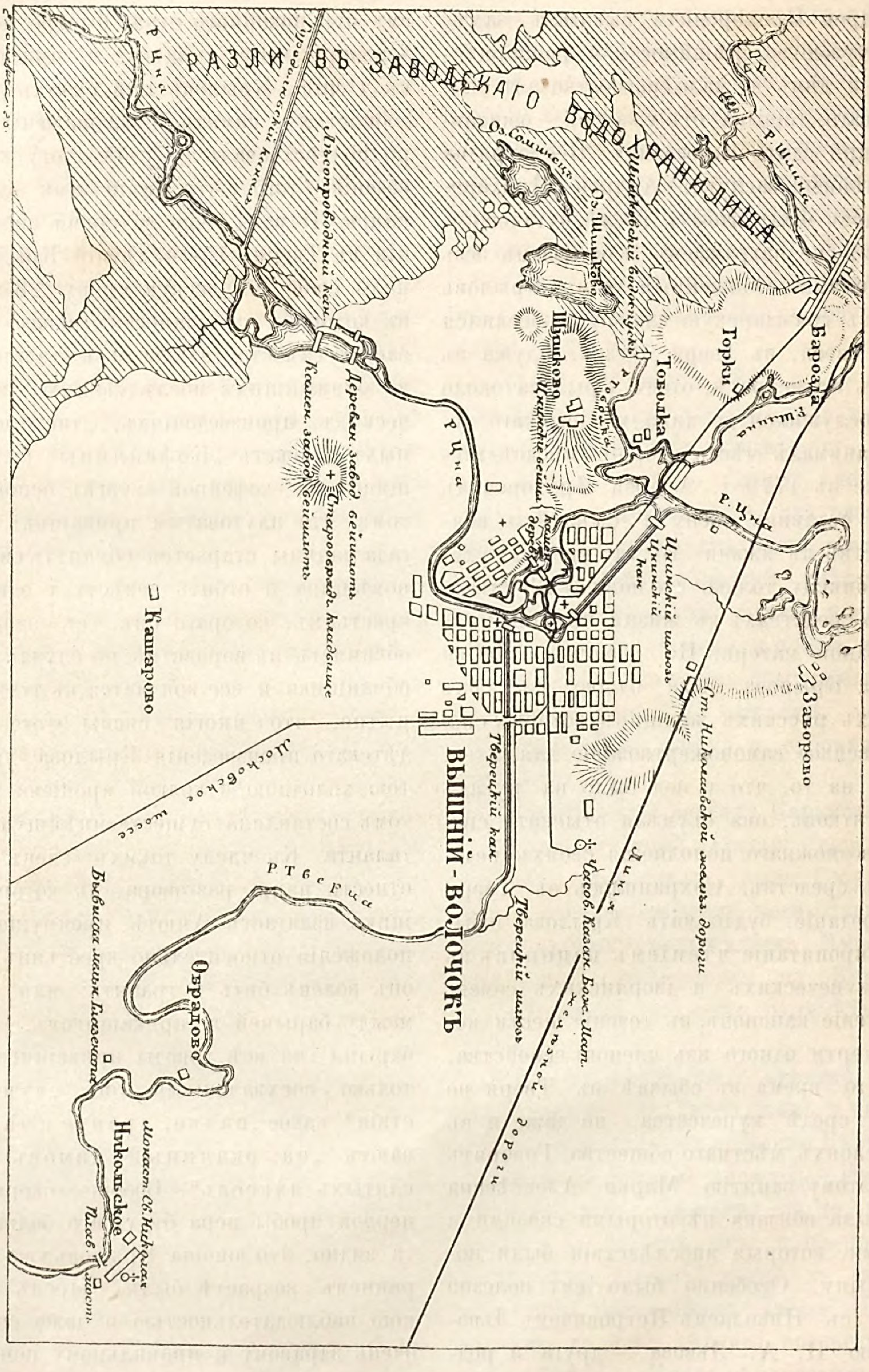
Немного ранѣе того времени, о которомъ мы говоримъ, въ Твери жилъ и даже служилъ другой, впослѣдствіи не менѣе Карамзина прославленный русскій писатель—Иванъ Андреевичъ Крыловъ. Несмотря на то, что Крыловъ родился въ Москвѣ, онъ, и по роду своему, и по первымъ шагамъ своимъ въ жизни, принадлежитъ несомнѣнно Твери. Первые годы дѣтства, до 8-ми лѣтняго возраста (Крыловъ род. 1768 г.), Иванъ Андреевичъ провелъ на крайнемъ востокѣ Россіи, въ Оренбургѣ, гдѣ отецъ его, простой армейскій офицеръ, находился на службѣ. Андрей Прохоровичъ Кры-

ловъ, на сколько можно судить по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, былъ человѣкъ съ сильнымъ характеромъ, и притомъ весьма способный и толковый. Во время Пугачевщины, когда всѣ растерялись и не знали, что дѣлать,—Андрей Прохоровичъ выказалъ замѣчательное мужество, рѣшимость и распорядительность, и тѣмъ не мало способствовалъ спасенію Яицкаго городка отъ ужасовъ, ожидавшихъ его при сдачѣ самозванцу. Несмотря на эти несомнѣнныя заслуги, Андрей Прохоровичъ Крыловъ былъ забытъ послѣ пугачевщины, ничѣмъ не награжденъ и оставленъ безъ всякаго вниманія. Обиженный этимъ, Крыловъ перешелъ въ гражданскую службу и поселился на родинѣ своей, въ Твери. Здѣсь, служа въ губернскомъ магистратѣ, отецъ Крылова (около 1778 г.) дослужился до чина коллежскаго ассесора и занималъ мѣсто второго предсѣдателя. Но уже въ 1779 г. Андрей Прохоровичъ скончался, оставивъ жену и сына безъ всякихъ средствъ къ жизни. Въ это время, будущему баснописцу только что пошелъ 11-й годъ, а потому о средствахъ къ жизни пришлось заботиться одной матери. По счастью, Марья Алексѣевна Крылова, была одною изъ тѣхъ прекрасныхъ русскихъ женщинъ, которыя способны на всякое самопожертвованіе для дѣтей. Не смотря на то, что у нея было на рукахъ двое малолѣтковъ, она съумѣла отыскать способы для возможнаго пополненія своихъ недостаточныхъ средствъ. Сохранилось въ Твери мѣстное преданіе, будто мать Крылова добывала себѣ пропитаніе чтеніемъ каноновъ въ богатыхъ купеческихъ и дворянскихъ семействахъ. Чтеніе каноновъ, въ теченіе шести недѣль по смерти одного изъ членовъ семейства, было въ то время въ обычаѣ въ Твери не только въ средѣ купечества, но даже и въ высшихъ слояхъ мѣстнаго общества. Говорятъ даже, что этому занятію Марья Алексѣевна Крылова была обязана нѣкоторыми связями и знакомствами, которыя впослѣдствіи были полезны ея сыну. Особенно было ему полезно знакомство съ Николаемъ Петровичемъ Львовымъ (дядею Н. А. Львова — друга и родственника Державина), служившимъ въ то время въ Твери. Этому Львову нашъ баснописецъ былъ въ значительной степени обязанъ своею образованностью: предполагаютъ, что именно благодаря ему Иванъ Андреевичъ рано ознакомился съ французскимъ языкомъ.

Но едва-ли не болѣе всего Иванъ Андреевичъ былъ обязанъ тому сундуку съ книгами, который остался ему единственнымъ наслѣдіемъ отъ покойнаго отца; быстро исчерпавъ содержаніе этого сундука, и пристрастившись къ чтенію, Крыловъ при своихъ рѣдкихъ способностяхъ, памяти и воображеніи, очень скоро почувствовалъ въ себѣ охоту къ воспроизведенію того, что было имъ вычитано изъ книгъ. И вотъ, еще во время своего пребыванія въ Твери, 15-ти лѣтній Крыловъ накропалъ свою комическую оперу „Кофейница“, въ которой, въ сущности, гораздо болѣе оказывается самостоятельности и таланта, нежели въ ближайшихъ послѣдующихъ его драматическихъ произведеніяхъ, чисто-подражательныхъ. Сюжетъ „Кофейницы“ (т. е. гадальщицы на кофейной гущѣ) основывается на томъ, что плутоватый прикащикъ при помощи гадальщицы старается обмануть свою госпожу-помѣщицу и отбить невѣсту у одного изъ ея крестьянъ, котораго онъ, съ этою цѣлью, и обвиняетъ въ воровствѣ; но случай изобличаетъ обманщика и все кончается къ лучшему. Любопытно, что многія сцены этого, почти еще дѣтскаго произведенія Крылова уже дышатъ тою холодною и колкой ироніею, которая потомъ составляла существеннѣйшую сторону его таланта. Къ числу такихъ сценъ нельзя не отнести напр. разговора, въ которомъ прикащикъ излагаетъ Анютѣ преимущество своего положенія относительно крестьянъ, которыхъ онъ воленъ бить и грабить; или еще сцену между барыней и прикащикомъ, въ которой барыня на всѣ доводы прикащика отвѣчаетъ только восхваленіями того „чудеснаго дѣйствія“, какое „палка, дранье и таска“ оказываютъ „на окаянный хамовъ родъ проклятыхъ лакеевъ“. Вообще говоря, изъ этой первой пробы пера будущаго большого таланта видно, что юноша Крыловъ уже и въ самомъ раннемъ возрастѣ былъ одаренъ замѣчательною наблюдательностью и даже способенъ къ очень здравому и правильному пониманію существовавшихъ около него общественныхъ отношеній. Впрочемъ, этому нельзя удивляться, потому что горькая нужда рано ознакомила Ивана Андреевича съ жизнью. На 14-томъ году онъ

поступилъ на службу писцомъ въ коммерческій уѣздный судъ, а оттуда перешелъ, также писцомъ, въ тверской магистратъ, въ которомъ его отецъ служилъ до смерти. Самъ Иванъ Андреевичъ, въ старости, разсказывалъ своимъ пріятелямъ, что въ эту пору „своей службы въ Твери“ онъ особенно любилъ, въ свободное отъ занятій время, уходить на берегъ Волги и здѣсь по цѣлымъ часамъ лежалъ на травѣ, при-

Вышневолоцкія водяныя сооруженія.

Общій планъ города Вышній Волочокъ и находящихся при немъ шлюзовъ и каналовъ.

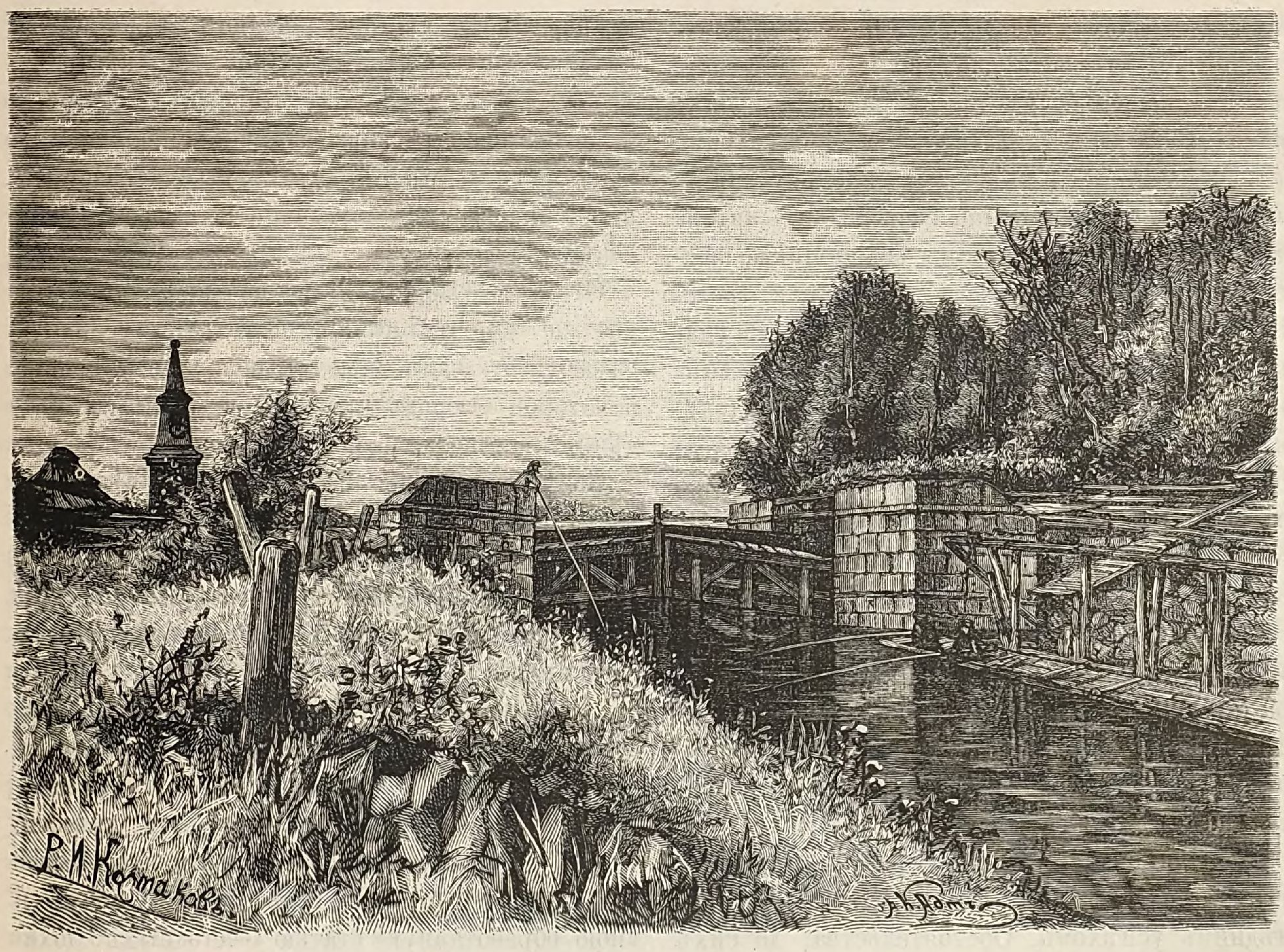
слушиваясь къ говору судорабочихъ и бабъ, полоскавшихъ бѣлье... Не отсюда-ли вынесъ онъ первыя впечатлѣнія того глубокаго знанія

и тонкаго пониманія особенностей русскаго говора, которыя такъ блистательно примѣнилъ впослѣдствіи къ стиху своихъ басенъ?.. Въ 1783 году крайняя бѣдность и надежды на возможность полученія пенсіи — побудили Марью Алексѣевну Крылову переселиться изъ Твери въ Петербургъ, вмѣстѣ съ обоими своими сыновьями; съ этого года, слѣдовательно, Крыловъ разстался съ Тверью и едва-ли когда-нибудь впослѣдствіи возвращался въ нее надолго.

Въ то самое время, когда Карамзинъ, какъ мы упоминали выше, наѣзжалъ въ Тверь, и по желанію великой княгини Екатерины Павловны читалъ ей здѣсь отрывки своей исторіи и знакомилъ ее съ современнымъ положеніемъ Россіи,—другой замѣчательный литературный дѣятель изъ тверскихъ уроженцевъ оканчивалъ весьма печально свою литературную и общественную карьеру. Этотъ дѣятель былъ Владиславъ Александровичъ Озеровъ, родившійся въ 1769 году въ Зубцовскомъ уѣздѣ Тверской губерніи, въ родовомъ помѣстьѣ отца своего—селѣ Казанскомъ.

Получивъ воспитаніе въ петербургскомъ сухопутномъ Шляхетномъ корпусѣ, который воспиталъ многихъ нашихъ писателей прошлаго вѣка, Озеровъ былъ выпущенъ изъ корпуса поручикомъ въ 1787 году, служилъ сначала въ военной службѣ (участвовалъ даже въ занятіи Бендеръ Потемкинымъ), а потомъ, по желанію князя Александра Борисовича Куракина, перешелъ на службу въ лѣсной департаментъ. Здѣсь, объѣзжая въ теченіи мно-

ВЫШНЕВОЛОЦКІЯ ВОДЯНЫЯ СООРУЖЕНІЯ.

Тверецкій шлюзъ (старое сооруженіе), въ запертомъ видѣ.
Рисовалъ съ натуры художникъ Космаковъ.

гихъ лѣтъ, по службѣ своей, лѣса Казанской и Симбирской губерній, Озеровъ успѣлъ доставить казнѣ весьма значительныя выгоды и дослужиться до чина генералъ-маіора.

Съ 1794 года Озеровъ сталъ участвовать въ литературѣ и началъ, подобно своимъ предшественникамъ, Сумарокову и Княжнину, съ исторической драмы въ ложно-классическомъ родѣ. Но, съ 1804 года, во второмъ своемъ произведеніи — трагедіи: Эдипъ въ Аѳинахъ—Озеровъ выступилъ на иную дорогу и обратилъ на себя общее вниманіе тѣмъ новымъ элементомъ чувства, которому онъ, подъ вліяніемъ сентиментальной школы, далъ первое по значенію мѣсто въ развитіи своихъ драматическихъ характеровъ. Впечатлѣніе, произведенное Эдипомъ на публику, было въ такой степени сильно, что слава автора разнеслась по всей Россіи. Точно также восторженно была принята и слѣдующая трагедія Озерова—Фингалъ. Но верха своей славы Озеровъ достигъ трагедіею Дмитрій-Донской, которая явилась на сценѣ въ 1807 году, въ самый разгаръ борьбы Россіи съ Наполеономъ, когда русскій патріотизмъ былъ сильно возбужденъ и настроенъ противъ Франціи. Въ лицѣ „Дмитрія“ всѣ видѣли Императора Александра; въ лицѣ „Мамая“ — Наполеона, и, всей душой желая побѣды нашему оружію, не замѣчали всѣхъ недостатковъ и несообразностей трагедіи, въ которой историческая основа была сильно изуродована сентиментальнымъ направленіемъ въ изображеніи характеровъ дѣйствующихъ лицъ *).

Блестящій успѣхъ Дмитрія Донского, отуманившій Озерова, былъ—увы! — его послѣднимъ успѣхомъ. Обстоятельства, до сихъ поръ никѣмъ еще достаточно невыясненныя, заставили Озерова покинуть службу и удалиться въ деревню. Удаленіе это, какъ кажется, было даже вынужденнымъ и вызвано какими-то сплетнями и клеветами на Озерова, которые однако-же произвели непріятное впечатлѣніе при Дворѣ. Само собою разумѣется, что эти обстоятельства болѣзненно отразились въ душѣ самолюбиваго и гордаго поэта, еще полной недавнею славой. Это видно изъ того письма, которое, въ декабрѣ 1808 года, Озеровъ писалъ къ одному изъ своихъ петербургскихъ друзей:

...„Мою обязанность передъ отечествомъ исполнилъ, находясь въ службѣ болѣе тридцати лѣтъ... но, вмѣсто поощреній и награжденій, я чувствовалъ одни огорченія, испыталъ несправедливости, и подвергнулся со всѣми мѣстными чиновниками подозрѣнію правительства... Ни моя скромная жизнь, ни отказываніе себѣ во многомъ—не могли меня исключить изъ-подъ ложнаго мнѣнія, по которому, можетъ быть, считаютъ, что сынъ не царскій и не боярскій, а просто дворянскій не можетъ быть честнымъ человѣкомъ по воспитанію, по собственному понятію своему и по совѣсти“...

Отставку Озерову дали, по прошенію его, но, не смотря на 30-ти лѣтнюю усердную службу, отказали даже въ половинной пенсіи, о которой Озеровъ просилъ, ссылаясь на свое дѣйствительно разстроенное здоровье.

Извѣщенный объ этой крайней несправедливости письмомъ Голубцова (тогда управлявшаго министерствомъ финансовъ), Озеровъ отвѣчалъ ему слѣдующими замѣчательными строками, полными глубокаго сознанія собственнаго достоинства:

„Узаконеніе о 35-ти лѣтней службѣ и пенсіонахъ мнѣ было извѣстно“—пишетъ Озеровъ Голубцову—„но я считалъ“ что, по разсмотрѣніи моихъ трудовъ, можетъ быть, принято будетъ во вниманіе, что я доставилъ казнѣ до 1.300,000 рублей сбора черезъ новую и мною обработанную статью ежегодныхъ доходовъ, и что, потому, при увольненіи отъ дѣлъ, не буду сравненъ съ такими чиновниками, которые, хотя и долѣе меня служили, но отправляли должности обыкновенныя и не принесли видныхъ и нѣсколько-значущихъ заслугъ; наконецъ, я уповалъ на правосудіе; не то, которое основывается на узаконеніяхъ, но то, на которомъ основываются и самые законы, когда они мудрые“ (апрѣль 1809 г.).

Выйдя въ отставку, Озеровъ поселился въ небольшомъ имѣньицѣ, доставшемся ему отъ матери (с. Красный-Ярь, Чистопольскаго уѣзда Казанской губ.). Здѣсь жилъ онъ въ боль-

*) Чрезвычайно любопытно то, что трагедія Дмитрій Донской, послѣ 1812 года, пользовалась еще большимъ успѣхомъ, нежели при появленіи своемъ, такъ какъ современники видѣли въ ней поэтическія предсказанія многихъ событій отечественной войны.

шой бѣдности; но тѣмъ не менѣе писалъ отсюда петербургскимъ друзьямъ, что „безпечную и свободную жизнь не промѣняетъ ни на сенаторское, ни на министерское мѣсто“, хотя и приходится ему жить въ „настоящей хижинѣ, потому что домъ, не отдѣланный, стоитъ безъ печей и безъ окончинъ“. Но у поэта была еще надежда на его дарованіе: онъ написалъ въ деревнѣ едва-ли не лучшую изъ своихъ трагедій—Поликсену и, послѣ долгихъ хлопотъ, добился постановки ея на сценѣ. Однакоже, недруги Озерова и тутъ не дали ему покоя: по интригамъ дирекціи, трагедія была снята съ репертуара послѣ двухъ-трехъ представленій, и ничего не принесла автору, кромѣ огорченій.

Всѣ эти неудачи и бѣдствія до такой степени потрясли и безъ того уже некрѣпкое здоровье поэта, что онъ (въ 1814 г.) впалъ въ болѣзненное разслабленіе, которое вскорѣ смѣнилось тихимъ умопомѣшательствомъ. Престарѣлый отецъ вынужденъ былъ перевезти несчастнаго сына изъ казанской его деревни въ свою тверскую, гдѣ онъ вскорѣ послѣ того и скончался (1816 г.). Земляки Озерова оказали-бы истинную услугу его памяти, если-бы въ с. Казанскомъ (Зубцовскаго уѣзда) отыскали и указали потомству забытую могилу талантливаго писателя, который въ свое время пользовался заслуженною извѣстностью и кончилъ жизнь такъ печально...

Современникомъ и почти ровесникомъ Озерова былъ другой замѣчательный тверской уроженецъ—знаменитый русскій граверъ Николай Ивановичъ Уткинъ, родившійся въ Твери въ 1785 г. Въ 1800 году онъ окончилъ на шестнадцатомъ году полный курсъ въ академіи художествъ, и вскорѣ послѣ того былъ отправленъ въ Парижъ для усовершенствованія въ гравированіи. Работая неутомимо надъ гравированіемъ на мѣди, Уткинъ вскорѣ успѣлъ представить несомнѣнныя доказательства своего блестящаго таланта: въ 1808 году, за гравюру съ картины Доминикино—„Эней, спасающій своего отца“—Уткинъ былъ удостоенъ Высочайшаго вниманія и награды. По особенно странному стеченію обстоятельствъ, Уткину пришлось и все время борьбы Россіи съ Наполеономъ провести за границею: — его взялъ къ себѣ на поруки знаменитый граверъ Бервикъ. Только уже въ 1814 году Уткинъ возвратился въ Россію, былъ оставленъ профессоромъ гравированія при академіи и здѣсь выполнилъ рядъ блистательныхъ работъ, не даромъ доставившихъ ему громкое имя. Изъ гравюръ его особенно замѣчательны: портретъ Екатерины II, по оригиналу Боровиковскаго; портретъ Суворова, съ картины Шмита; портретъ актрисы Семеновой; причащеніе Василія Великаго, съ картины Шебуева и весьма многія другія. Съ 1819 года, Уткинъ получилъ званіе гравера Его Императорскаго Величества, и 3,000 р. постояннаго жалованья, которое совершенно его обезпечивало, далеко превышая его скромныя потребности. Въ 1859 г. былъ торжественно отпразднованъ 50-ти лѣтній юбилей служенія Уткина русскому гравировальному искусству, а въ апрѣлѣ 1863 года Уткинъ умеръ, завѣщавъ академіи художествъ все свое имущество, эстампы и награвированныя имъ доски, а также пожертвовавъ капиталъ въ 25,000 р. „на пользу гравировальнаго художества“. Весьма интересныя свѣдѣнія объ Уткинѣ находимъ въ воспоминаніяхъ современнаго намъ гравера И. П. Пожалостина *), который въ нѣсколькихъ чертахъ обрисовываетъ передъ нами весьма привлекательный образъ маститаго старца гравёра, добродушнаго и ласковаго ко всѣмъ, готоваго на всякую услугу и дѣтски-наивнаго въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ:

„Въ 1862 году„—пишетъ Пожалостинъ—„по случаю отъѣзда Іордана (профессора гравюры при академіи), я пользовался совѣтами нашего маститаго, всей Россіи извѣстнаго, гравера Николая Ивановича Уткина. Весьма ласково обойдясь со мною, этотъ почтенный художникъ просилъ меня бывать у него по субботамъ. „Какъ во времена оны“—замѣтилъ онъ—„бывало всѣ хаживали къ графу Аракчееву, кто за наградою, а кто и за выговоромъ“. Николай Ивановичъ руководилъ мною въ теченіи цѣлаго года. Онъ показывалъ мнѣ свои произведенія, знакомилъ съ нѣкоторыми особенными, при гравированіи, ручными пріемами, съ употребленіемъ увеличительнаго стекла и т. п... Какъ характеристическую черту

*) Его воспоминанія были помѣщены въ „Русской Старинѣ“ за 1881 годъ.

добродушія Уткина приведу слѣдующій случай со мною. Я жилъ тогда на чердакѣ въ 10 линіи Васильевскаго острова, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ знакомства съ Николаемъ Ивановичемъ опасно заболѣлъ горячкою. Совершенно неожиданно явился ко мнѣ Уткинъ: не затруднился онъ пробраться ко мнѣ по крутой лѣстницѣ, подъ стропилами, въ полутьмѣ! Пришелъ и спрашиваетъ: не надобно-ли денегъ?

— Деньги у меня есть, отвѣчалъ я.

— Если доктора нѣтъ, сказалъ онъ — я пришлю.

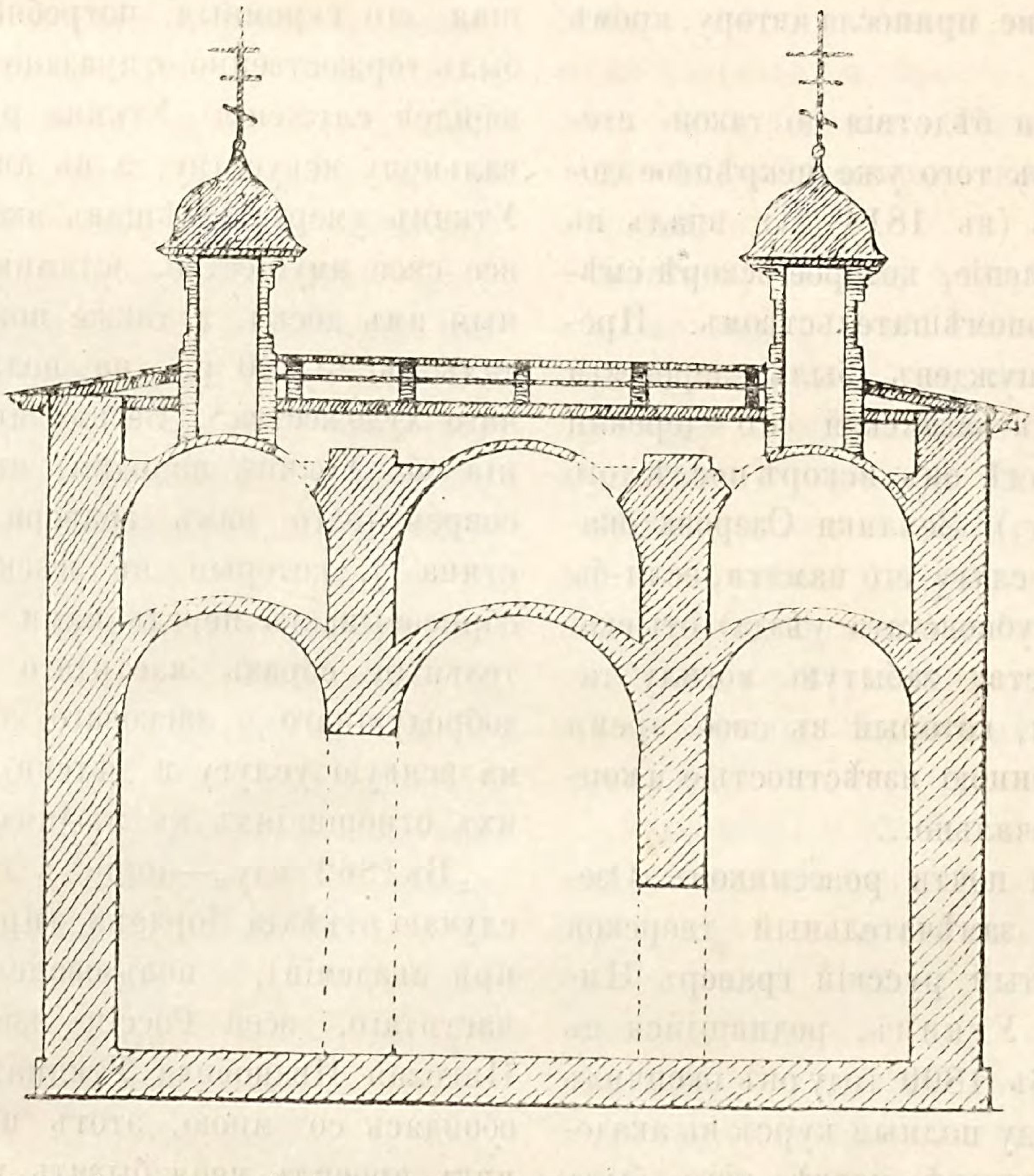
— И докторъ есть; благодарю васъ покорно.

— Если деньги будутъ нужны—пришлите мнѣ сказать...

Это свиданіе наше было послѣднее: мѣсяца черезъ два, уже въ отсутствіе мое изъ Петербурга, именно въ апрѣлѣ 1863 года, Николай Ивановичъ Уткинъ скончался“.

Въ нынѣшнемъ вѣкѣ, еще болѣе, чѣмъ въ прошломъ, древняя историческая почва тверской земли не оскудѣвала замѣчательными людьми, и, одного за другимъ, выдвигала талантливыхъ дѣятелей на различныя поприща. Изъ Твери и тверской области, въ числѣ многихъ другихъ іерарховъ земли русской, вышли—митрополитъ кіевскій Платонъ и экзархъ Грузіи Павелъ, севастопольскіе герои, адмиралы — Новосильскій и Корниловъ, ученый изслѣдователь русской старины Ѳ. Л. Морошкинъ *), извѣстный библіографъ Павелъ Строевъ, профессоръ и ректоръ с.-петербургскаго университета П. А. Плетневъ (другъ Пушкина и Гоголя), археологъ Забѣлинъ, математики Вышнеградскій и Тихомандрицкій, филологи-братья Лавровскіе, и наконецъ извѣстный всей Россіи сатирикъ М. Е. Салтыковъ (Щедринъ).

ТВЕРСКІЯ ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТИ.

Планъ тайниковъ (въ разрѣзъ), сохранившихся въ церкви Спаса, надъ церковными сводами.

*) Ѳедоръ Лукичъ Морошкинъ, профессоръ московскаго университета, авторъ «Историко-критическихъ изслѣдованій о Руссахъ и Славянахъ», не долженъ быть смѣшиваемъ съ священникомъ Михаиломъ Морошкинымъ, авторомъ прекрасной книги «О іезуитахъ въ Россіи».

Не имѣя возможности одинаково подробно сообщить біографію большей части вышепомянутыхъ нами тверскихъ уроженцевъ, не рѣшаясь говорить о дѣятеляхъ литературы и науки намъ современныхъ и еще не сошедшихъ со сцены, мы предпочитаемъ посвятить страничку нашей книги воспоминанію о В. А. Корниловѣ, одномъ изъ тверскихъ уроженцевъ, оказавшихъ

Въ 1821 г. онъ былъ опредѣленъ въ морской корпусъ кадетомъ, а въ 1823 году окончилъ въ немъ курсъ мичманомъ.

Отецъ Владиміра Алексѣевича, старый и опытный морякъ, хотѣлъ непремѣнно, чтобы сынъ его близко ознакомился со всѣми тягостями морской службы; по близкимъ своимъ отношеніямъ къ адмиралу Сенявину, онъ вы-

ТВЕРСКІЯ ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТИ.

Бѣлый Спасъ.

незабвенныя услуги Россіи въ тяжелую минуту первыхъ неудачъ, понесенныхъ русскимъ оружіемъ въ Крыму, послѣ высадки союзныхъ войскъ и несчастной альминской битвы.

Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ родился въ 1806 году, въ родовомъ имѣніи отца своего, Алексѣя Михайловича Корнилова, тверской губерніи и уѣзда, въ с. Ивановскомъ.

хлопоталъ сыну назначеніе на эскадру, уходившую въ Средиземное море. Здѣсь юный Корниловъ попалъ подъ командованіе знаменитаго адмирала Лазарева, который впослѣдствіи не даромъ былъ прозванъ „отцомъ черноморскаго флота“. Замѣтивъ въ юношѣ блестящія способности и страсть къ чтенію, при весьма недостаточномъ усердіи къ исполненію

служебныхъ обязанностей, Лазаревъ рѣшился озадачить его очень крутымъ и суровымъ отношеніемъ къ нему. „Если хотите служить“— сказалъ онъ однажды Корнилову—„такъ служите и учитесь, и образовывайте себя для службы“... И, пользуясь своими правами командира, онъ приказалъ немедленно молодому мичману—выбросить за бортъ всѣ книги, которыя были имъ захвачены въ походъ. „Вмѣсто всего этого ненужнаго хлама, предлагаю вамъ необходимыя русскія и англійскія книги изъ моей библіотеки, по которымъ вы ознакомитесь съ обязанностями морского офицера“. И ученикъ вышелъ въ своего учителя. Въ теченіи 20 слишкомъ лѣтъ Корниловъ почти не сходилъ съ корабля, а въ краткія пребыванія свои на сушѣ всегда бывалъ занятъ исполненіемъ труднѣйшихъ порученій, на которыя не скупился Лазаревъ. На глазахъ Корнилова выросъ нашъ безсмертный черноморскій флотъ и развилась та грозная морская сила, которая не даромъ возбудила наконецъ опасенія и зависть Запада. Уже въ 1839 году онъ былъ правою рукою Лазарева и всѣхъ поражалъ своею разносторонне ю дѣятельностью. Любопытную характеристику Владиміра Алексѣевича находимъ въ одномъ изъ писемъ его родственника, который какъ разъ около этого времени писалъ своимъ братьямъ:

„Владиміръ тотъ-же стоикъ по наружности, повидимому ко всему равнодушный; ...любитъ горячо свое семейство, и какъ истинный философъ, не смотря на то, что служба ему улыбается, онъ, еслибъ обстоятельства позволили, предпочелъ-бы всему мирную деревенскую дѣятельность; а между тѣмъ живетъ въ адмиралтействѣ, и безъ устали работаетъ за бумагами въ кабинетѣ... Въ послѣднее время онъ составилъ нѣсколько огромныхъ фоліантовъ, которые всѣ напечатаны по Высочайшему повелѣнію. Все это—китайская грамота, какія-то положенія и раскладки, касающіяся постройки и снащенія кораблей; да недавно еще напечаталъ два тома о морской службѣ въ Англіи *).

*) Заимствуемъ эти подробности изъ весьма рѣдкой книги: «Письма А. П. Корнилова (1834—1845 г.), для семьи». С.-Пб. 1884 г. Книга была отпечатана только въ количествѣ 50 экз., и обязательно сообщена намъ уважаемымъ И. П. Корниловымъ, которому приносимъ здѣсь глубокую благодарность.

Въ 1842 году Владиміръ Алексѣевичъ былъ назначенъ командиромъ 120 пушечнаго корабля „12 Апостоловъ“, который почитался во всѣхъ отношеніяхъ лучшимъ изъ судовъ черноморскаго флота. И, будучи камандиромъ этого громаднаго корабля, Корниловъ продолжалъ на себѣ нести чрезвычайно-сложныя обязанности. То ему поручалось устройство знаменитой библіотеки флота въ Севастополѣ, и онъ доводилъ это учрежденіе до удивительнаго порядка и полноты и дѣлалъ образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ; то онъ получалъ отъ Лазарева командировку въ Англіи для наблюденія за строющимися тамъ для Россіи судами; то опять вынужденъ былъ обращаться къ практикѣ морского дѣла. Въ 1848 году Корниловъ былъ произведенъ въ контръ-адмиралы, а въ слѣдующемъ году назначенъ исправляющимъ должность начальника штаба черноморскаго флота. Но въ 1851 году умеръ Лазаревъ и эта смерть чуть-чуть не остановила дальнѣйшей служебной карьеры Владиміра Алексѣевича. Поднялись отовсюду интриги, зашипѣла зависть—и Корниловъ уже задумывалъ бросить службу и выйти въ отставку, когда Императоръ Николай I утвердилъ его въ занимаемой имъ высокой должности и почти одновременно произвелъ его въ генералъ-адъютанты и въ вице-адмиралы.

Вскорѣ послѣ того, политическій горизонтъ Россіи сталъ заволакиваться грозными тучами, и уже съ начала 1853 года Корниловъ исключительно посвятилъ себя приготовленіямъ къ предстоящей борьбѣ. Здѣсь-то и пригодилась его долголѣтняя опытность; здѣсь-то и высказалась вполнѣ вся сила его духа.

Когда флотъ союзниковъ явился въ Черномъ морѣ, нашей флотиліи пришлось стянуться къ Севастополю и укрыться въ севастопольской бухтѣ. Затѣмъ произошла высадка союзниковъ и альмская битва. Сбитая съ Альмы, небольшая армія наша отступила 9-го сентября къ сѣверной сторонѣ Севастополя, а потомъ перешла на южную сторону, и оттуда, 12-го сентября, потянулась къ Бахчисараю, опасаясь быть отрѣзанной отъ Россіи. Въ тоже самое время, союзники, пріостановившись временно на Бельбекѣ, направились кружнымъ путемъ, къ южной сторонѣ города, и обѣ арміи— одна другой опасавшіяся и избѣгавшія—почти

столкнулись на пути. Ожидая, послѣ сраженія при Альмѣ, неизбѣжнаго нападенія непріятеля на сѣверную сторону Севастополя, главнокомандующій оставилъ тамъ Корнилова, и можно сказать смѣло, что если Севастополь былъ въ состояніи вынести осаду и поддержать славу русскаго имени, то этимъ мы обязаны исключительно рѣшимости и распорядительности Корнилова, который съумѣлъ всѣхъ ободрить и воодушевить, съумѣлъ и найти себѣ такого помощника, какъ Тотлебенъ, и довѣрить ему выполненіе труднаго, почти невозможнаго дѣла—возведенія севастопольскихъ укрѣпленій.

„Я началъ укрѣпляться на сѣверной сторонѣ", пишетъ Корниловъ отъ 12-го сентября. „Работали день и ночь. Всего у насъ до 10,000 свезенныхъ съ кораблей матросовъ и 2,000 резервныхъ, съ саперами вмѣстѣ".

На другой день, въ виду горсти севастопольскихъ защитниковъ, непріятель густыми колоннами потянулся на Инкерманъ. Къ вечеру передовые отряды его были уже на южной сторонѣ Черной рѣчки. О главнокомандующемъ и главныхъ русскихъ силахъ никто въ Севастополѣ не зналъ ничего опредѣленнаго. Полагая, что нападеніе будетъ произведено непріятелемъ немедленно, Корниловъ поспѣшилъ съ сѣверной стороны перебраться въ городъ, гдѣ присутствіе его оказалось необходимымъ.

И дѣйствительно, Севастополь былъ на краю гибели. Нападенія на Севастополь съ суши никто никогда не ожидалъ, и городъ оказывался совершенно беззащитнымъ съ той именно стороны, съ которой непріятель угрожалъ ему нападеніемъ. Притомъ, въ городѣ было нѣсколько независимыхъ другъ отъ друга начальствующихъ лицъ, которыхъ власть оказывалась, въ данномъ случаѣ, совершенно неопредѣленною; Корниловъ-же, по данному ему праву, могъ распоряжаться только обороною сѣверной стороны. По какому-то особенному внушенію, Владиміръ Алексѣевичъ, совершенно произвольно, рѣшился взять на себя дѣло защиты Севастополя тогда, какъ многія другія изъ начальствующихъ лицъ, болѣе его имѣвшія на то право, уклонились отъ тяжкой отвѣтственности, которую должны были понести въ случаѣ весьма вѣроятной неудачи. „И всѣ предались ему съ тою готовностью, съ какою, въ минуту гибели, прилѣпляются къ человѣку, способному отдалить или устранить ее". Тотчасъ приняты были самыя крайнія мѣры: затопленными кораблями прегражденъ былъ непріятелю входъ въ бухту. По южную сторону города начали съ лихорадочною поспѣшностью воздвигать укрѣпленія, свозить на нихъ тяжелыя орудія, снятыя съ судовъ, рыть рвы и готовиться къ отчаянной оборонѣ. Корниловъ былъ душою дѣла; онъ былъ вездѣ и ободрялъ всѣхъ къ работѣ, въ тоже время, ни мало не стараясь скрыть отъ защитниковъ Севастополя ихъ истинное положеніе. Въ его приказѣ по войскамъ находимъ слѣдующую знаменательную фразу: „Москва горѣла, а Русь отъ того не погибла: напротивъ, стала сильнѣе"...

Отъ 14-го сентября въ одномъ изъ своихъ писемъ Корниловъ пишетъ:

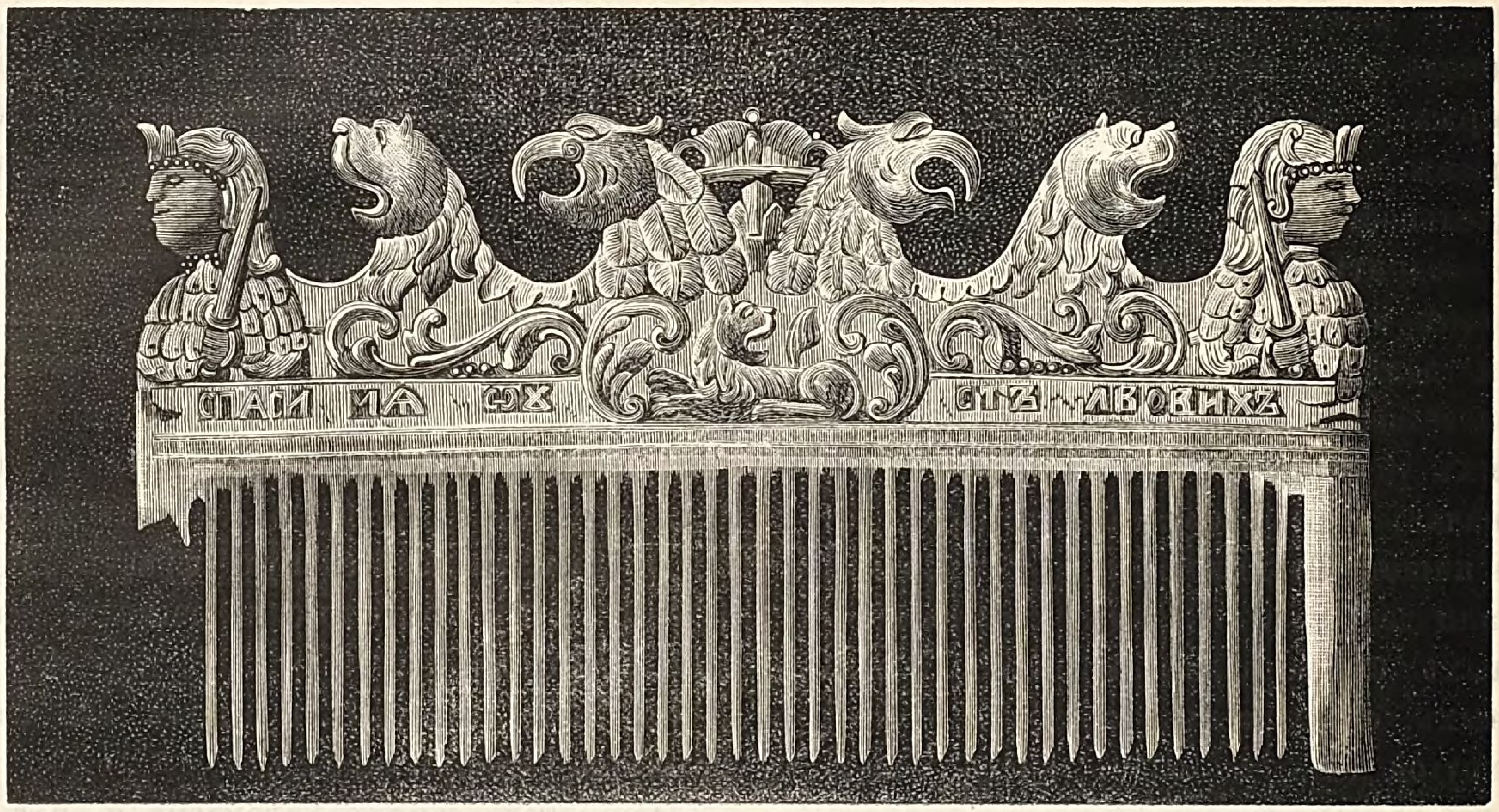
„Непріятель занялъ Балаклаву и всѣ херсонесскія бухты; а мы цѣлый день укрѣпляли городъ и распредѣлялись. Морскихъ у насъ до 10.000, резервныхъ набралось до 5,000, съ разнымъ оружіемъ, даже съ пиками (!!). Вотъ настоящая защита. По укрѣпленіямъ работа кипитъ; не знаемъ ни сна, ни усталости; даже арестанты усердствуютъ". На слѣдующій день, 15-го сентября, какъ узнаемъ мы изъ другого письма, положеніе города нѣсколько улучшилось:

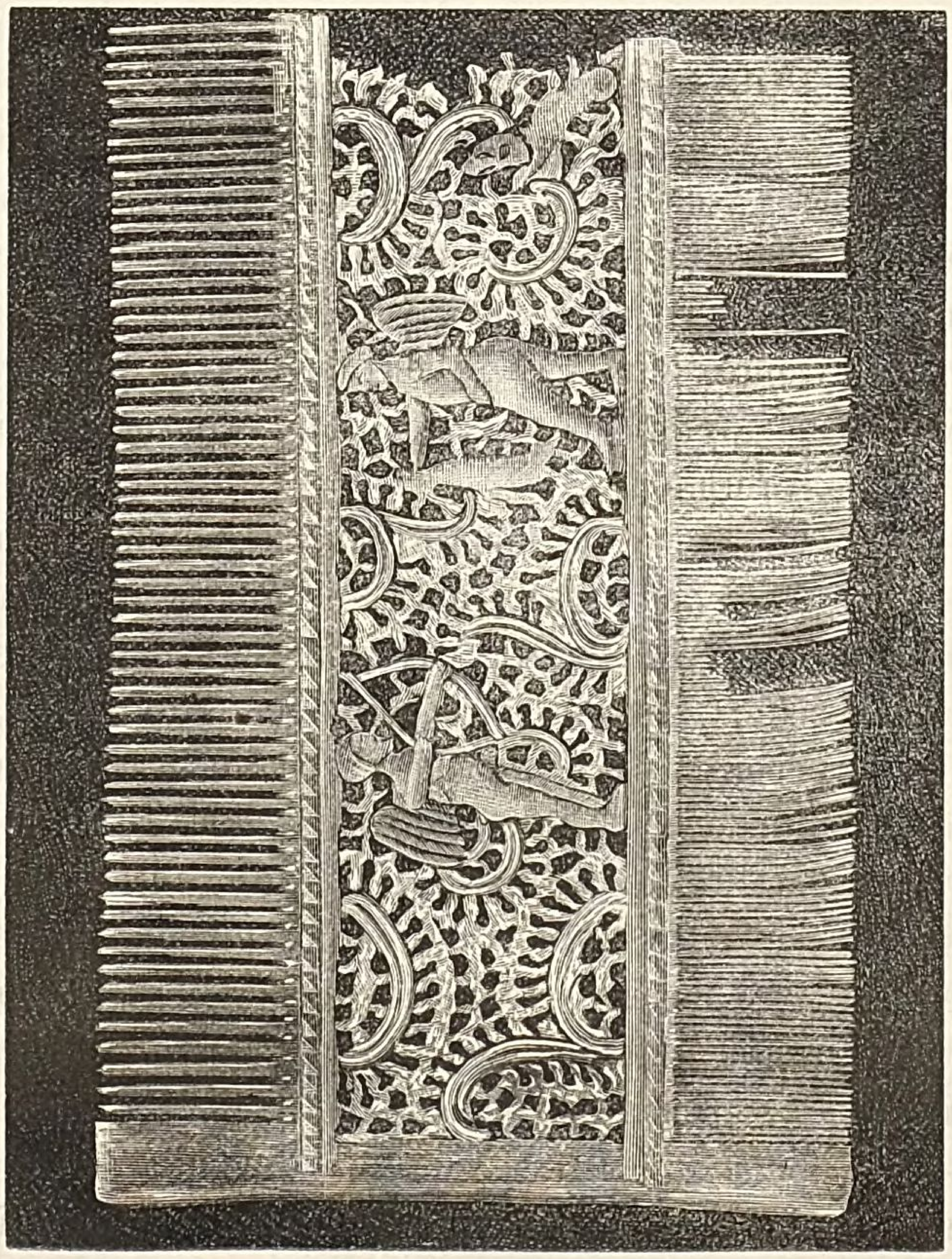
...„Къ вечеру непріятельскіе аванпосты утвердились на горахъ противъ города и на плоскости. Наши дѣла улучшаются. Укрѣпляемся, сколько можемъ. Собрали все, что могли, матросовъ, взяли людей отъ обозовъ; есть теперь слишкомъ 15,000, но почти всѣ плохо пріобучены и вооружены; 4,000 порядочныхъ (!!)".

До сихъ поръ остается совершенно неизвѣстнымъ, почему именно непріятель бездѣйствовалъ въ эти дни, и почему, дружнымъ натискомъ всѣхъ своихъ громадныхъ силъ, не раздавилъ горсти храбрыхъ, которые копошились за своими, едва начатыми земляными укрѣпленіями. Повидимому, никому изъ начальниковъ союзной арміи даже и въ голову не приходило, чтобы такой важный пунктъ, какъ Севастополь, могъ быть оставленъ въ такомъ совершенно беззащитномъ положеніи!

А между тѣмъ, словно по какому-то волшеб-

ДИКОВИНКИ ТВЕРСКОГО МУЗЕЯ.

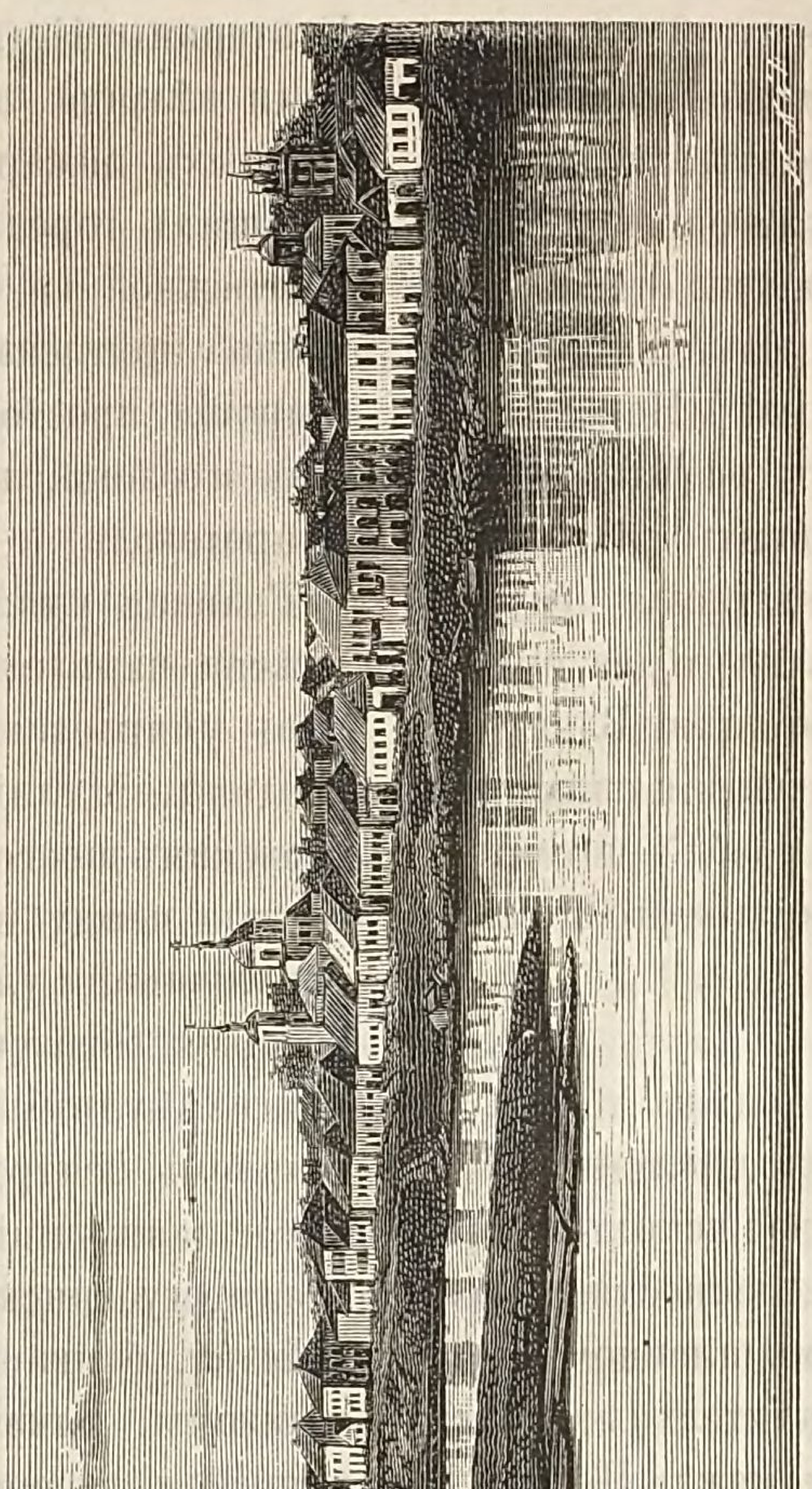

Старинные, рѣзные изъ кости гребни.—Коробочка (для румянъ) тверской щеголихи XVII вѣка.

ству, укрѣпленія Севастополя росли и росли, и вскорѣ представили собою непрерывную линію пушечнаго огня. 17 сентября раздались первые выстрѣлы ново-созданныхъ батарей... Между тѣмъ, и въ штабѣ главнокомандующаго успѣли одуматься — вспомнили о Севастополѣ. 17 сентября подошелъ къ сѣвернымъ укрѣпленіямъ передовой десятитысячный отрядъ подъ начальствомъ Жебокрицкаго и принесъ извѣстіе о томъ, что и вся армія двигается туда-же. 19 сентября главнокомандующій подошелъ со всѣми силами къ городу, — и Севастополь вздохнулъ свободнѣе! Можно себѣ представить, однакоже, что долженъ былъ пережить и перечувствовать Корниловъ за ту недѣлю (отъ 13 по 19 сентября), въ теченіе которой онъ являлся отвѣтственнымъ лицомъ не только за городъ и его храбрыхъ защитниковъ, но и за военную славу Россіи?

ГОРОДА ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Городъ Тверь. Затверечье (другая часть).

3 октября, въ своемъ приказѣ, Корниловъ, благодаря всѣхъ своихъ сподвижниковъ, отъ начальствующихъ офицеровъ и до послѣдняго солдата, за усердіе и самоотверженіе высказанное ими, заканчивалъ свой приказъ такъ:

„Да благословитъ насъ Русскій Богъ! Ура! Помни каждый, что для успѣха нужно думать не о себѣ, но о товарищахъ!“ Зналъ-ли онъ, когда писалъ эти строки, что онъ ранѣе всѣхъ другихъ, собственнымъ примѣромъ подтвердитъ высказанную имъ истину?

5 октября началась бомбардировка Севастополя и съ суши, и съ моря. Корниловъ объѣхалъ всѣ укрѣпленія и всюду, съ величайшимъ хладнокровіемъ дѣлалъ необходимыя указанія и наблюдалъ за дѣйствіемъ нашихъ батарей. На Малаховомъ курганѣ, въ то время, когда онъ уже собрался ѣхать домой, непріятельскимъ ядромъ ему раздробило лѣвую ногу у самаго живота. Бывшіе около него офицеры, обрызганные его кровью, подхватили его подъ

руки. „Отстаивайте-же Севастополь"—твердо сказалъ онъ имъ и, не испустивъ ни одного стона, лишился памяти.

Послѣ этой страшной минуты, Владиміръ Алексѣевичъ прожилъ еще около 3—4 часовъ. Умиралъ онъ удивительно твердо, съ полнымъ сознаніемъ исполненнаго долга, и на всѣ утѣшенія доктора и окружающихъ отвѣчалъ: „Неужели вы меня не знаете? Смерть для меня не страшна; я не изъ тѣхъ людей, отъ которыхъ надо скрывать ее!" Незадолго до послѣдней минуты, пришелъ освѣдомиться о положеніи Корнилова лейтенантъ Львовъ, и сообщилъ извѣстіе, что англійскія батареи сбиты, что на нихъ осталось всего два орудія. Когда объ этомъ успѣхѣ сообщили Владиміру Алексѣевичу, онъ, собравъ послѣднія силы, произнесъ едва слышно: „Ура! ура!"—потомъ забылся, и черезъ нѣсколько минутъ—его не стало.

Современная намъ Тверь должна быть, по внѣшности своей, отнесена къ числу наиболѣе опрятныхъ и красивыхъ приволжскихъ губернскихъ городовъ, а по населенности (около 40,000 жит.) и торгово-промышленному значенію—къ числу самыхъ значительныхъ складочныхъ мѣстъ для торговли между Петербургомъ и низовьями Волги. Городъ, важнѣйшею своею частью, расположенъ на правомъ, южномъ берегу Волги, напротивъ устья Тверцы, впадающей въ Волгу съ лѣвой стороны. Съ правой стороны, въ самомъ городѣ, впадаетъ въ Волгу рѣчка Тьмака. Тверца и Тьмака, впадая въ Волгу съ противоположныхъ сторонъ, дѣлятъ городъ на четыре части: собственно-городскую—отъ р. Тьмаки внизъ по теченію Волги; затьмацкую (или Затмачье)—отъ р. Тьмаки вверхъ по Волгѣ; заволжскую и затверецкую (или Затверечье)—расположенныя на лѣвомъ луговомъ берегу Волги и раздѣляемыя р. Тверцою.

Мѣстоположеніе города довольно разнообразно и живописно; въ особенности лѣтомъ, когда на Волгѣ происходитъ усиленное движеніе судовъ и пароходовъ, а берега ея оживлены народомъ—Тверь производитъ очень хорошее впечатлѣніе.

Нагорный берегъ, который здѣсь возвышается сажень на 25 надъ уровнемъ воды, застроенъ довольно красиво и обнесенъ откосомъ; по верху его тянется набережная. Нѣкоторые изъ каменныхъ домовъ, построенныхъ вдоль этой набережной, уцѣлѣли здѣсь еще отъ временъ Екатерины II, по повелѣнію которой эти дома были нѣкогда построены, послѣ одного изъ грозныхъ пожаровъ (12 мая 1763 г.), опустошавшихъ городъ въ прошломъ вѣкѣ. Видъ съ набережной на Заволжье и Затверечье чрезвычайно привлекателенъ: глазамъ открывается широкій просторъ, большія пространства луговъ и зелени, пересѣченныхъ извилинами рѣкъ и протоковъ.

Главная улица города—Милліонная, проложена паралельно берегу Волги и однимъ концомъ упирается въ берегъ Тьмаки. Почти на срединѣ, Милліонная улица пересѣкается московскимъ шоссе, когда-то служившимъ живою связью между нашими обѣими столицами. На Милліонной улицѣ, и на тѣхъ площадяхъ, которыя образуются отъ пересѣченія съ нею другихъ улицъ, сосредоточиваются, какъ въ главномъ центрѣ города, всѣ лучшія его зданія и важнѣйшія учрежденія: присутственныя мѣста, губернская почтовая контора, казначейство, банки, дворянское собраніе и лучшіе магазины. Близь Тьмаки, между Милліонной улицей и набережной Волги, расположенъ дворецъ, въ которомъ, въ началѣ нынѣшняго вѣка, жилъ принцъ Ольденбургскій *) съ супругою своею великою княгинею Екатериною Павловною. Близь дворца разведенъ прекрасный, тѣнистый садъ, часть котораго составляетъ одно изъ любимыхъ гульбищъ для мѣстныхъ жителей. Около дворца сгруппированы—мѣстный соборъ во имя Преображенія Господня, а на противоположной сторонѣ улицы очень красивое и большое зданіе гимназіи **) и губернаторскій домъ. Немного далѣе—гостиный дворъ, довольно обширный, вмѣщающій въ себѣ около двухъ-сотъ лавокъ и подаренный городу Екатериною II. Изъ остальныхъ улицъ, болѣе всего заслуживаетъ вниманія Мироносицкая, получившая это названіе отъ мѣстной приходской церкви.

*) Принцъ былъ въ то время генералъ-губернаторомъ тверскимъ, новгородскимъ и ярославскимъ, и главноуправляющимъ путями сообщенія.

**) Въ зданіи гимназіи, въ нижнемъ этажѣ, помѣщается тверской музей.

Одна изъ улицъ, пересѣкающихъ Миллiонную, ведетъ къ тому мѣсту набережной Волги, въ которомъ устроена пристань общества Самолетъ — старѣйшаго изъ пароходныхъ обществъ на Волгѣ, учрежденнаго въ 1854 г. Въ началѣ, общество „Самолетъ" поддерживало сношенiе только между Тверью и Рыбинскомъ, въ верховьяхъ Волги; въ настоящее же время пароходы общества „Самолетъ" плаваютъ по всей рѣкѣ и поддерживаютъ постоянные рейсы между Тверью и Астраханью и между Казанью и Пермью. Количество большихъ и малыхъ пароходовъ, принадлежащихъ обществу и плавающихъ по Волгѣ и Камѣ— громадно, и оживленная, быстро развивавшаяся дѣятельность общества вынудила его къ тому, чтобы въ Твери, какъ главномъ опорномъ пунктѣ, оно устроило обширный докъ, запасный бассейнъ для строющихся судовъ и цѣлый рядъ кузницъ, мастерскихъ и механическихъ заведенiй, исключительно предназначенныхъ для постройки и починки „Самолетскихъ" пароходовъ, баржъ и судовъ.

Главный домъ и мастерскiя, принадлежащiя товариществу „Самолетъ", устроены при устьѣ р. Тьмаки. Для починки и зимовки пароходы вводятся въ докъ устьемъ Тьмаки, такъ какъ и самый докъ вырытъ въ возвышенномъ лѣвомъ берегу этой рѣки. На Тьмакѣ, для потребностей дока, устроены три шлюза,—два при самомъ устьѣ, а третiй нѣсколько выше воротъ дока. Дно дока занято тѣми шпалами, на которыя становятся пароходы. По окраинамъ дока устроены: механическая мастерская съ необходимыми машинами, приводимыми въ движенiе паромъ, и кузница для выдѣлки различныхъ пароходныхъ принадлежностей; тутъ-же помѣщаются слесарня, котельныя, запасные магазины и кладовыя.

Нѣсколько выше, на той же р. Тьмакѣ, между нею и шоссе, соединяющимъ городъ съ тверскою станцiей николаевской желѣзной дороги, въ урочищѣ Лазурь, есть весьма обширный, природный оврагъ, которымъ общество Самолетъ воспользовалось, какъ запаснымъ бассейномъ для сборки новыхъ пароходныхъ корпусовъ. Здѣсь эти корпуса собираютъ изъ отдѣльныхъ частей при весеннемъ половодьѣ, — т. е. въ такую пору, когда и оврагъ Лазурь затопляется избыткомъ водъ Тьмаки. Отсюда, собранные за-ново пароходные корпуса выводятся для окончательной оснастки и отдѣлки въ докъ или на Волгу. Для облегченiя этихъ работъ и около оврага, какъ около дока — устроены склады запасныхъ матерьяловъ и мастерскiя.

Тверь служитъ весьма важнымъ по своему положенiю образовательнымъ центромъ, такъ какъ въ ней насчитываютъ до 30 различныхъ, среднихъ и низшихъ, учебныхъ заведенiй гражданскихъ, духовныхъ и военныхъ, мужскихъ и женскихъ. Учащихся въ нихъ мальчиковъ около 2,500, а дѣвочекъ около 700. Въ числѣ учебныхъ заведенiй заслуживаютъ вниманiя: гимназiи—мужская и женская, духовная семинарiя, юнкерское кавалерiйское училище и земская учительская школа для женщинъ.

Кромѣ обычныхъ въ каждомъ городѣ богоугодныхъ и благотворительныхъ заведенiй и учрежденiй, въ Твери заслуживаетъ вниманiе частное благотворительное общество „Доброхотной копейки", которое на свои, относительно небольшiя, средства содержитъ прiютъ для дѣвочекъ, ремесленное училище для мальчиковъ и оказываетъ весьма существенное пособiе болѣе чѣмъ ста бѣднымъ семействамъ. Важнымъ подспорьемъ для дѣятельности членовъ общества Доброхотной копейки служитъ правильная и прекрасная организацiя общества, которое распредѣлено на четыре попечительства, соотвѣтственно четыремъ участкамъ города: городскому, заволжскому, затьмацкому и затверецкому. Это равномѣрное распредѣленiе дѣятельности членовъ общества по участкамъ оказывается вполнѣ цѣлесообразнымъ въ томъ отношенiи, что „бѣдные привыкаютъ смотрѣть на своихъ участковыхъ попечителей, какъ на покровителей и ходатаевъ, къ которымъ обращаются во всѣхъ своихъ нуждахъ. Оказываемая попечительницами и ихъ помощниками помощь чрезвычайно разнообразна: они изыскиваютъ способы призрѣнiя, воспитанiя и обученiя бѣдныхъ дѣтей, хлопочутъ о назначенiи пособiй и пенсiй, отыскиваютъ для нуждающихся тружениковъ и трудницъ подходящую работу и т. д.". Главными дѣятельницами общества „Доброхотной копейки"—совершенно правильно и естественно—являются женщины.

Тверская губернія, занимающая пространство въ 1.174,69 квадр. миль, или 5.976,017 десят., представляетъ собою территорію, на которой населеніе проявляетъ довольно оживленную промышленную дѣятельность. Населеніе губерніи (1.644,600 душъ, въ 1880 г.), принадлежащее къ русскому и финскому племени (корелы), съ давнихъ поръ занималось на столько разнообразными отраслями промышленности, что немного найдется въ Россіи такихъ мѣстностей, трудъ населенія которыхъ былъ-бы такъ разнообразенъ, какъ трудъ тверяковъ. Предпріимчивость и оборотливость „тверитянъ" развилась благодаря обильному орошенію губерніи и удобствомъ сбыта водными путями. Хотя и въ Тверской губерніи трудъ населенія, главнымъ образомъ, пріуроченъ къ земледѣлію, но оно, благодаря почвѣ, по преимуществу глинистой и песчаной, перемежающейся болотистыми пространствами, не представляетъ особыхъ выгодъ. Изъ земледѣльческихъ продуктовъ, какъ избытки, только овесъ и ячмень—вывозятся за предѣлы губерніи, тогда какъ собственно хлѣба не хватаетъ тверичамъ, и онъ доставляется съ низовыхъ губерній.

„Низовые" хлѣба еще въ XII вѣкѣ направлялись черезъ Тверь и Торжокъ и въ этихъ древнихъ городахъ имѣли постоянное пребываніе новгородскіе купцы, точно также, какъ тверскіе купцы—въ Новгородѣ. Для Новгорода Торжокъ былъ ключемъ хлѣбной низовой торговли. Нынѣ, съ постройкою желѣзныхъ дорогъ—Николаевской, и особенно Рыбинско-Бологовской—движеніе „низового" хлѣба измѣнилось, и пошло въ обходъ обоихъ городовъ—и Твери, и Торжка. Мало-по-малу, и земледѣльческая промышленность видоизмѣняется въ губерніи. Такъ, въ послѣднее время, стали сѣять значительное количество картофеля и льна, дающихъ несравненно болѣе выгодъ, нежели посѣвы хлѣбовъ. Замѣтно также становится и качественное улучшеніе рогатаго скота, благодаря развитію въ губерніи сыроваренія (даже въ средѣ крестьянъ).

Молочное дѣло въ губерніи за послѣднее время сдѣлало большіе успѣхи; тверское сливочное масло отличается самыми высокими качествами. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ производство масла опредѣляется въ 49 тысячъ пуд. въ годъ, на сумму свыше 350 тыс. руб. Особою популярностью пользуется широбоковское масло, выдѣлываемое въ хозяйствѣ г. Широбокова (въ с. Городище). Произведенія этого маслодѣла сбываются въ лучшихъ гастрономическихъ магазинахъ Петербурга. Славится также масло г. Врасскаго (въ Козловѣ), извѣстное подъ названіемъ „парижскаго", т. е. приготовляемаго изъ подогрѣтыхъ сливокъ. Будущность молочнаго хозяйства здѣсь несомнѣнна, и на это обратило вниманіе правительство. Такъ министерство государственныхъ имуществъ устроило въ с. Едимоновѣ школу молочнаго хозяйства, гдѣ и выработывается до 400 пудъ масла въ годъ изъ сборнаго молока. Сыровареніе производится на 25 заводахъ, дающихъ до 12 тыс. пуд. сыра, на сумму до 100 тыс. руб. Въ сыроваренiи замѣтное участіе принимаютъ крестьяне, обязанные извѣстному насадителю этой новой отрасли въ крестьянскомъ трудѣ, г. Верещагину, который всю жизнь посвятилъ на устройство крестьянскаго артельнаго сыроваренія. Кромѣ обыкновенныхъ сортовъ сыра: швейцарскаго, голландскаго, честера и дерби, на одной изъ фермъ (Флери) выработываются и французскіе сыры. Молочное хозяйство губерніи можетъ давать хорошіе доходы сельскимъ хозяевамъ, которые нынѣ настолько понимаютъ „хозяйство", что не вздумаютъ болѣе заводить свеклосахарныхъ заводовъ, какъ это было при крѣпостномъ правѣ, въ 40-хъ годахъ, когда такіе заводы въ тверской губерніи устраивались.

Относительно современнаго состоянія земледѣльческой промышленности въ губерніи, (гдѣ количество пахатной земли составляетъ 26 проц. общаго количества всей земли), можно сказать одно,—что степень урожая на душу всѣхъ хлѣбовъ не превышаетъ 1,4 четверти, тогда какъ для годового продовольствія рабочаго потребно не менѣе $2^1/_2$ четв. въ годъ. Недостающее количество хлѣба, пріобрѣтаемаго покупкою, равно какъ и другія потребности свои сельское населеніе пополняетъ занятіями не земледѣльческими, къ обозрѣнію которыхъ и перейдемъ.

Прежде всего остановимся на разнообразныхъ кустарныхъ промыслахъ населенія. Въ числѣ ихъ, переработка сырыхъ матеріаловъ животнаго царства составляетъ весьма значи-

тельное занятіе тверяковъ: ими перерабатывается около 1 мил. кожъ. Кожевенное производство (имъ занимается около 3,000 чел.), уѣздѣ выработывается извѣстная наша юфть, изъ которой за границею приготовляются (главнымъ образомъ въ Вѣнѣ) изящныя кожаныя

ДИКОВИНКИ ТВЕРСКОГО МУЗЕЯ.

Старинный портретъ Ржевской красавицы въ полномъ нарядѣ.

существующее въ губерніи болѣе 100 лѣтъ, нынѣ принимаетъ все болѣе и болѣе заводскій характеръ. Въ г. Осташковѣ и корчевскомъ вещи (портъ-монэ, портъ-сигары, мѣшечки и т. п.) привозятся къ намъ, какъ предметы роскоши и необходимости, и сбываются по вы-

сокимъ цѣнамъ. Кромѣ цѣнной юфти выдѣлывается и такъ называемый „гамбургскій товаръ“, идущій на штиблеты, дамскую и дѣтскую обувь. Кожевенное производство, какъ кустарное, развито въ губерніи главнымъ образомъ въ весьегонскомъ уѣздѣ. Существуетъ два типа кустарныхъ кожевенныхъ заведеній: одни кустари скупаютъ кожи, выдѣлываютъ ихъ и продаютъ или переработываютъ на сапоги; другіе же берутъ у мѣстныхъ жителей кожи на выдѣлку, за извѣстную плату. Такіе кустари разбросаны по всей губерніи. Производство обуви является также весьма распространеннымъ и промыселъ этотъ сохраняетъ свой мелкій кустарный характеръ. Число сапожниковъ доходитъ до 19$^1/_2$ тысячъ душъ, не считая отходящихъ на сторону мастеровъ. Въ предѣлахъ губерніи приготовляется въ годъ болѣе 3 милліоновъ паръ, на сумму 7 мил. рубл. Главные районы сапожничества—кимрскій, осташковскій и краснохолмскій.

Село Кимры составляетъ главный центръ сапожнаго промысла и отсюда во всѣ стороны постоянно разсылаются самые проворные сапожники и, гдѣ-бы они ни были, ихъ иначе не называютъ, какъ „кимряками“. Это село представляетъ сплошную громадную сапожную мастерскую, замѣняющую столь желанныя профессіональныя школы. Пока объ учрежденіи такихъ школъ идутъ одни только разговоры—въ Кимрѣ сама жизнь обучаетъ ежегодно сотни дѣтей ремеслу, которое потомъ не приходится таскать за плечами, но которое кормитъ ремесленника...

Кромѣ легкой кимрской обуви и тяжелыхъ осташей, тверяки производятъ еще извѣстныя всей Россіи пестрые сафьянные сапоги и разныя издѣлія „которыми“—по выраженію Гоголя—„бойко торгуетъ городъ Торжокъ, благодаря халатнымъ побужденіямъ русской натуры“... Стиль этихъ издѣлій сохранился отъ временъ боярскихъ теремовъ и того стараго времени, когда пестрота и просторъ были главными требованіями въ костюмахъ и обуви. Теперь сафьянныя торжковскія издѣлія составляютъ болѣе предметъ курьеза, имѣющій ограниченный сбытъ.

Къ числу весьма распространенныхъ промысловъ въ губерніи принадлежитъ кузнечное производство. Всѣхъ кузницъ считается болѣе 3 тысячъ и въ нихъ работаетъ около 8 тыс. человѣкъ. Преобладаетъ промыселъ — гвоздарный. Гвоздарное производство было вызвано значительнымъ судоходствомъ и громаднымъ движеніемъ по московско-петербургскому шоссе, до проведенія Николаевской желѣзной дороги. Гвоздарный промыселъ—одинъ изъ трудныхъ и неблагодарныхъ, и занимающіеся этимъ промысломъ имѣютъ изнуренный, болѣзненный видъ. Промыселъ этотъ замѣтно падаетъ, не выдерживая соперничества съ машиннымъ гвоздемъ, и населеніе переходитъ къ другимъ занятіямъ.

Выдѣлка гвоздей сосредоточена въ тверскомъ уѣздѣ въ 4 селеніяхъ. Интересно преданіе о началѣ этого промысла: — говорятъ, будто искусство ковать гвозди занесено сюда „бѣглымъ пономаремъ“.

Кузнечное дѣло развито въ уѣздахъ: ржевскомъ, бѣжецкомъ, весьегонскомъ и корчевскомъ, гдѣ выработываются топоры, ножи, косы, серпы и части земледѣльческихъ орудій.

Видную роль въ народномъ хозяйствѣ тверской губерніи играютъ еще слѣдующіе кустарные промыслы: различныя производства изъ шерсти, которыми занято около 4 тыс. человѣкъ, не считая 6$^1/_2$ т. душъ сукноваловъ, шерстобитовъ и валяльщиковъ, ежегодно, по зимамъ, расходящихся по всей Россіи. Въ затверецкой части г. Твери женщины занимаются вязаньемъ шерстяныхъ чулокъ и варежекъ. Доходы отъ этого промысла такъ скромны, что дневной заработокъ достигаетъ только 8 к. въ день. Скудость заработка не даетъ возможности освѣщать помѣщенія для работъ и вязальщицы, по привычкѣ, работаютъ въ потьмахъ. Къ числу хотя и значительныхъ, но малодоходныхъ промысловъ, относится и изготовленіе въ Твери и Бѣжецкѣ мѣшковъ для волжскихъ хлѣбныхъ грузовъ. Это тѣ самые холщевые мѣшки, изъ за которыхъ еще недавно происходила такая оживленная полемика въ печати, по поводу вторженія въ предѣлы россіи „джутоваго мѣшка“. Хотя въ результатѣ полемики и оказалось обложеніе джутоваго мѣшка пошлиною, но отъ этого тверскія и бѣжецкія мѣшечницы не много выиграли. Изслѣдователь промысла, указывая на ничтожный ихъ заработокъ, сообщаетъ, что швеи мѣшковъ не могли-бы существовать, если-бы не принимали „гостей“... Такъ какъ во время шитья мѣшковъ,

холстъ придерживается желѣзнымъ крючкомъ, надѣтымъ на большой палецъ правой ноги, то нога у работницъ получаетъ уродливый видъ, послѣдствіемъ чего является особая, весьма некрасивая походка.

Отъ кузнечнаго молота и отъ этого некрасиваго промысла переходимъ къ золоту. Золотошвейное мастерство, хотя и уступаетъ нынѣ мѣсто кружевному, но все-же принадлежитъ къ значительнымъ производствамъ въ г. Торжкѣ. Тотъ, кто проѣзжаетъ по Николаевской желѣзной дорогѣ, видитъ въ вокзалахъ станцій Тверь и Осташково особые шкафы, гдѣ выставлены для продажи торжковскія издѣлія, въ видѣ обуви, подушекъ, поясовъ и т. п., шитыхъ золотомъ предметовъ. По этимъ постояннымъ выставкамъ можно составить себѣ полное понятіе о современномъ состояніи золотошвейнаго торжковскаго промысла. Рисунки этихъ издѣлій типичны и дѣйствительно древни, и производительницы не усвоиваютъ себѣ никакихъ „новшествъ". Такой консерватизмъ не только не вредитъ дѣлу, но, напротивъ, поддерживаетъ самое мастерство. Торжковскія золотошвейныя издѣлія, не составляя предмета необходимости и не блистая особеннымъ изяществомъ и изысканностью, раскупаются, какъ мѣстная оригинальность. Иностранцы, путешествующіе по Россіи, везутъ къ себѣ домой торжковскія туфли въ подарокъ, какъ образецъ спеціально - русскихъ издѣлій, хотя въ стилѣ и подробностяхъ ихъ узоровъ лежитъ несомнѣнно азіятская основа. — На сколько золотошвейный промыселъ выгоденъ, можно судить потому, что мастерица за вышивку пары туфель получаетъ не болѣе 5 к.; въ день мастерица заработываетъ не болѣе 18 копѣекъ.

Кромѣ промысловъ золотошвейнаго и кружевного, о которомъ будетъ рѣчь въ особой главѣ, въ г. Торжкѣ существуетъ, какъ остатокъ отъ весьма древняго рукодѣлья, когда-то довольно значительнаго, — ткачество шелковыхъ поясковъ и передковъ для туфель. Своеобразное ремесло это составляетъ исключительную принадлежность Торжка. Пояски ткутъ въ городѣ, гдѣ существуетъ нынѣ всего 4 представительницы этого промысла, а также въ женскомъ монастырѣ, расположенномъ здѣсь-же. Шелковые пояски ткутся съ узорами, при чемъ есть особый сортъ поясковъ узкихъ, въ длину которыхъ затканы слова молитвы. Такіе пояски закупаются большими монастырями, какъ-то Троице-Сергіевымъ, Митрофановымъ въ Воронежѣ и друг., и продаются богомольцамъ, на „память объ обители". Покупающіе въ такихъ монастыряхъ пояски, быть можетъ полагаютъ, что они купили мѣстное „келіи-подѣліе", не подозрѣвая въ нихъ издѣлій торжковскихъ. Общая производительность ткацкаго торжковскаго промысла весьма ограничена.

Болѣе значительный промыселъ торжковскихъ женщинъ кружевной, который замѣтно расширяется и обращаетъ на себя вниманіе не только русской, но и иностранной торговли.

Не останавливаясь на такихъ промыслахъ, какъ гончарный, какъ добыча бѣлаго и жерновrouteого камня (въ старицкомъ и бѣжецкомъ у.), а также на древообработывающей промышленности, перейдемъ къ видамъ и размѣрамъ заводской и фабричной промышленности въ тверской губерніи.

Главными центрами средоточія фабрикъ служатъ города: Тверь, Ржевъ и Вышній-Волочекъ. Въ 1880 году въ губерніи числилось 490 фабрикъ и заводовъ, съ суммою годового производства на 24 мил. руб. На этихъ фабрикахъ было занято болѣе 20 тыс. рабочихъ. На всѣхъ этихъ фабрикахъ и заводахъ числилось всего 120 паровыхъ котловъ, 1,709 паровыхъ машинъ, въ 96 лош. силъ, и 11 локомобилей въ 85 лош. силъ. Такимъ образомъ механическіе двигатели въ значительномъ числѣ замѣняются первобытными способами — ручною работою. Всѣхъ видовъ производствъ 44, но изъ нихъ наиболѣе значительны слѣдующія:

бумагопрядильное	4	фабр. на	8,326	рабоч.
кожевенное	85	»	3,340	»
мукомольное	70	»	3,549	»
винокуренное	34	»	1,785	»
водочное	16	»	1,220	»
пенькопрядильн. и канатное	15	»	1,088	»
льнотрепальное	3	»	759	»
крахмальное	11	»	384	»

Кромѣ этихъ производствъ въ губерніи существуютъ, хотя и съ незначительными оборотами, почти всѣ виды русскихъ заводско-фабричныхъ производствъ. Обиліе воды, сравнительная дешевизна топлива и удобства сбыта представляютъ всѣ благопріятныя условія для развитія здѣсь промышленности. Но ни

земледѣліе, ни кустарные промыслы, ни вся совокупность заводовъ и фабрикъ не даютъ мѣстному населенію достаточно средствъ для существованія и уплаты государственныхъ и земскихъ налоговъ, почему это населеніе, отправляется на всевозможные виды заработковъ. Тверяковъ можно встрѣтить особенно много въ столицахъ, артельщиками, дворниками, всякаго рода чернорабочими и извощиками; послѣдніе возвращаются домой съ пѣснею, гдѣ припѣвомъ служатъ слова:

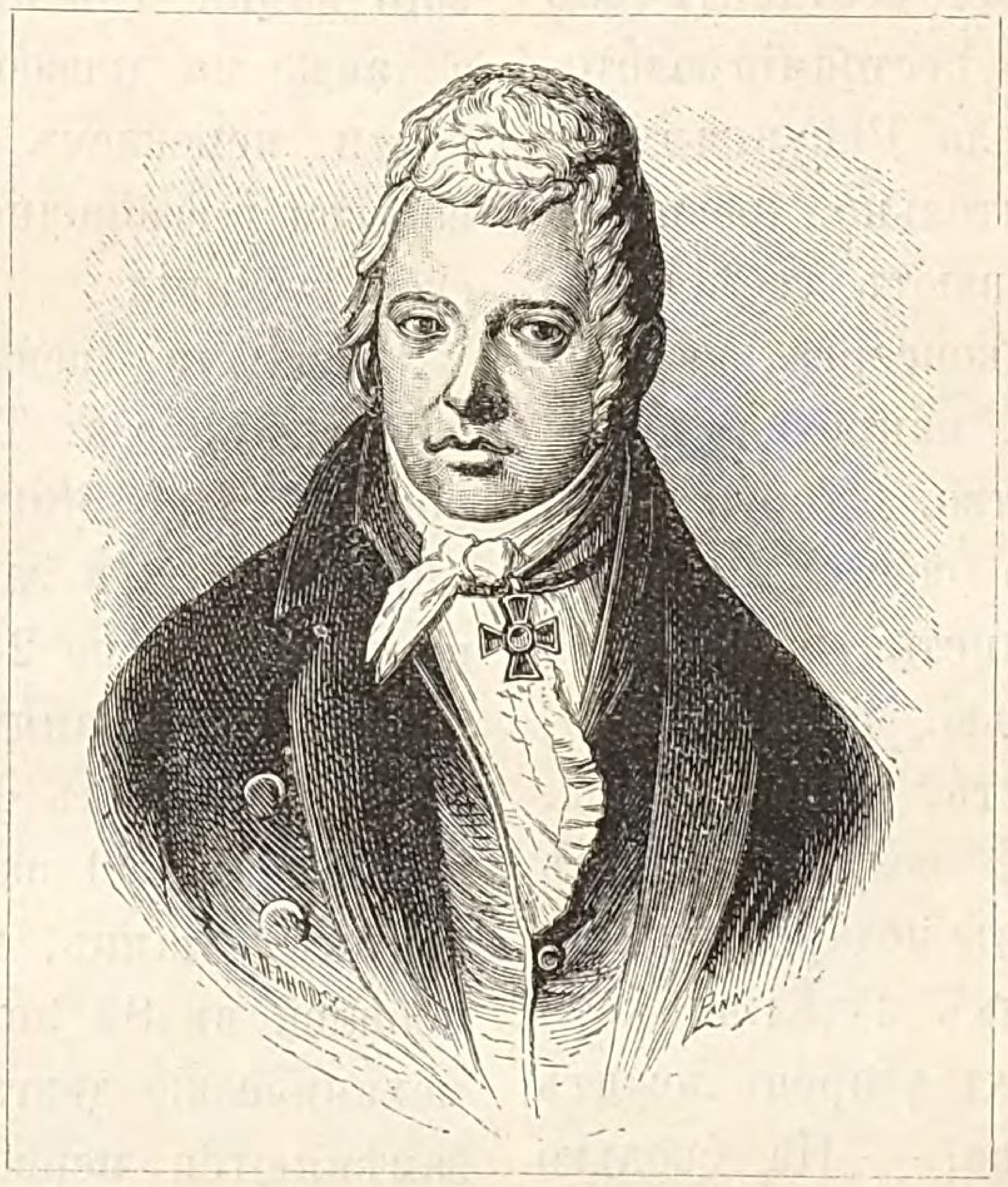
«Не дай Богъ намъ согрѣшить —
«Во извозщичкахъ пожить...»

Отходъ тверяковъ на промыслы увеличивается съ каждымъ годомъ; такъ въ 1867 г. по губерніи было выдано около 73 тыс. годовыхъ паспортовъ, а въ 1871 г. паспортовъ выдано было уже 90 тыс.

Чтобъ имѣть наглядное понятіе о томъ, на сколько населеніе тверской губерніи оборотисто и въ какихъ размѣрахъ оно участвуетъ въ государственныхъ доходахъ и расходахъ, приведемъ слѣдующія цифры. Въ 1882 году съ губерніи поступило въ казну доходовъ 8.236,207 р. а казною истрачено на губернію—3.222,296 р., такимъ образомъ государство взяло съ тверской губерніи болѣе того, что дало ей — на 5.013,911 р. Такъ какъ пропорція эта изъ году въ годъ одинакова, то мы вправѣ заключить нашъ очеркъ о промышленномъ состояніи губерніи признаніемъ факта, что населеніе губернія работаетъ много и удѣляетъ отъ себя многимъ...

Дѣятельность большинства русскихъ земствъ, а въ томъ числѣ и тверского, тѣсно связана съ исторіею послѣдняго, нынѣ истекающаго, 20-ти лѣтія, и почтенная тверская губернская

ТВЕРСКІЕ УРОЖЕНЦЫ.

В. А. Озеровъ.

управа имѣла полное право заявить собранію сессіи 1883 г. слѣдующее: „Если прослѣдить исторію возникновенія и развитія каждаго изъ вопросовъ общественныхъ и государственныхъ, рѣшенныхъ въ прошлое царствованіе, въ періодъ существованія земства, не трудно прослѣдить вліяніе земской мысли на ихъ разработку и рѣшеніе; не трудно увидѣть, что многіе, можно сказать, большинство изъ этихъ вопросовъ возникли, получили первоначальную разработку, а иногда и осуществленіе въ земской дѣятельности“.

Заслуги тверского земства, какъ въ сферѣ практической его дѣятельности, такъ и въ сферѣ выясненія всѣхъ существенныхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ земскими собраніями, представляются ничуть не заурядными. Хотя далеко не всѣ вопросы, возникавшіе въ земствѣ, получили практическое рѣшеніе; хотя многіе, даже важнѣйшіе изъ нихъ, и до сихъ поръ остаются вопросами,—но какъ ихъ постановка, такъ и рѣшенія, предложенныя земствомъ, имѣютъ, и долго еще будутъ имѣть важное значеніе, въ ожиданіи будущаго рѣшенія. „Вопросы жизни одинаково не могутъ рѣшаться ни путемъ кабинетныхъ мечтаній, ни путемъ канцелярскимъ или бюрократическимъ; для ихъ разработки, для ихъ дѣйствительнаго, а не кажущагося только рѣшенія нужно возбужденіе общественной мысли, нужна провѣрка практическая, провѣрка важности того или иного рѣшенія самою жизнью“. Эту простую истину, высказало о себѣ тверское земство, богатое въ своей дѣятельности опытомъ, важнымъ для „пользъ и нуждъ“ не одной только тверской губерніи. Подробное разсмотрѣніе дѣятельности тверского земства—не наше дѣло,

и мы остановимся только на выдающихся сторонахъ ея. Прежде всего замѣтимъ, что земство почти съ самаго начала своей дѣятельности прекрасно организовало статистическія изслѣдованія губерніи. Благодаря хорошей постановкѣ этого дѣла, въ 1881 г. земство приступило къ правильной оцѣнкѣ доходности главнѣйшихъ фабрикъ и заводовъ. Особенно выдаются труды земства по народному образованію: по приготовленію учителей, профессіональнымъ и общимъ школамъ, и содѣйствіе улучшенію народнаго труда путемъ организаціи кредита. Насколько велики земскія средства, можно судить послѣдующимъ даннымъ за 1880 годъ. Общая сумма смѣты составляла 905 т. руб., изъ коихъ земствомъ израсходовано: обязательно—370 т. р., и необязательно, т. е. по своей собственной иниціативѣ,—535 т. руб. Въ числѣ перваго рода расходовъ были: дорожная повинность 65 тыс. р., подводная и этапная—96 т. р., воинская—27 т. р., судъ и тюрьмы около 120 т. р. и присутствія по крестьянскимъ дѣламъ—26 т. р. Изъ расходовъ же необязательныхъ главнѣйшими были слѣдующіе: медицина—190 т., народное образованіе 134 т. р., земская администрація—95 т. р., призрѣніе бѣдныхъ—13 т. р. Такимъ образомъ главные расходы земства составляютъ: медицина, народное образованіе, судъ и тюрьмы и земская администрація.

ТВЕРСКІЕ УРОЖЕНЦЫ.

И. А. Крыловъ.

Въ отношеніи народнаго образованія тверское земство, въ теченіи 14 лѣтъ, съ 1867 по 1880 г., увеличило ассигновки свои съ 26 т. р. до 134 т. р., такъ что изъ общаго своего бюджета оно затрачиваетъ на образованіе около 12 проц., а собственно изъ суммъ необязательныхъ расходовъ до 30%. Увеличеніемъ ассигновокъ земство увеличило число народныхъ школъ и учащихся въ нихъ. Въ 1868 г. въ губерніи, кромѣ школъ грамотности, считалось 298 народныхъ училищъ съ 11 тыс. учащихся, а въ 1879 году, у земства собственно, на содержаніи и попеченіи, было 392 школы съ 20 т. учащихся. Рядомъ съ этимъ шла забота объ улучшеніи преподаванія и о расширеніи программы народной школы, для чего была основана земская учительская семинарія. Путемъ опыта и многоразличныхъ препятствій, съ ко-

торыми земству приходилось бороться, земство выработало цѣлый рядъ основаній, безъ исполненія которыхъ оно считало невозможнымъ правильное веденіе дѣла. Оно высказалось за предоставленіе земству права открывать училища высшаго разряда съ законченнымъ общеобразовательнымъ курсомъ, съ ремесленными или сельскохозяйственными классами, примѣнительно къ потребностямъ сельскаго населенія. Земство ратовало за предоставленіе права общественнымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ открывать воскресныя школы, вечерніе классы и библіотеки при школахъ, въ качествѣ необходимаго дополненія къ начальной школѣ. Земство высказывалось за предоставленіе ему бо́льшихъ правъ въ дѣлѣ народнаго образованія, какъ по устройству и открытію школъ, такъ и по представительству въ губернскихъ и уѣздныхъ училищныхъ совѣтахъ и педагогическихъ совѣтахъ среднихъ учебныхъ заведеній. — Всѣ эти „домогательства“ земства вызваны конечно не „властными“ побужденіями, а жизненными потребностями. Земство, съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности увидѣло, что надо развивать промышленность и открывать богатства умственныя и матеріальныя, находящіяся въ состояніи первобытномъ. Вотъ почему на ряду со школами грамотности, земство считало нужнымъ устроить техническую школу и учительскую семинарію. — Соображенія и программы земства относительно того и другого могутъ считаться вполнѣ заслуживающими вниманія. Задавшись цѣлью образовать особый контингентъ учителей изъ молодыхъ и способныхъ людей, преимущественно женщинъ, земство своею ежегодною субсидіею поддерживаетъ устроенную по иниціативѣ гласнаго Максимовича особую школу для подготовки учительницъ.

Съ 1872 г. въ этой школѣ окончило курсъ 129 ученицъ; изъ нихъ 102 состояли учительницами въ 1883 году. Въ 1882 году расходы школъ достигали всего 18,666 р., въ томъ числѣ на продовольствіе живущихъ при школѣ тратилось болѣе 5 т. руб. Отъ земства школа получаетъ 14 т. руб. субсидіи и платы за стипендіатокъ земства. Составъ учащихся по сословіямъ показываетъ, что въ школу поступаютъ дѣвицы изъ духовнаго званія, крестьянки и дочери чиновниковъ. Въ школѣ введено обученіе пѣнію, башмачному мастерству, кройкѣ и шитью. По простотѣ организаціи, дешевизнѣ содержанія (въ 1889 г. менѣе 4 р. на лицо) и раціональности программы, школа г. Максимовича представляется единственною въ своемъ родѣ земскою, „почвенною“, школою, приносящею несомнѣнную пользу населенію.

Устраивая народныя школы, земство заботилось и о поддержкѣ грамотности. Земство видѣло, что безъ чтенія народъ не только не будетъ развиваться, но станетъ забывать грамоту. Заботясь объ устройствѣ сельскихъ библіотекъ и читаленъ, земство высказывало въ 1868 г. опасенія за то, что на поприще народной литературы выступятъ бездарные спекулянты; ярмарки и базары наполнятся дешевыми изданіями безнравственныхъ, грубыхъ повѣстей, разсказовъ и романовъ. Опасенія земства были справедливо формулированы въ томъ смыслѣ, что „ни цензура, ни инспекція, ни другіе чиновники не въ силахъ будутъ остановить нравственнаго отравленія народа“. Исходя изъ того, что земство можетъ и должно дать „религіозно-нравственное направленіе народной литературѣ, вызывая на поприще ея способнѣйшихъ людей, давая имъ преміи, хорошо оплачивая ихъ трудъ“,— нѣкоторые гласные проэктировали устроить типографію, приспособленную къ печатанію большого количества книгъ дабы этимъ способствовать удешевленію книги. Но такъ какъ такое дѣло было не по силамъ для земства одной только губерніи, то тверское земство, какъ „одинъ въ полѣ не воинъ“, ограничилось распространеніемъ книгъ, по соглашенію съ комитетомъ грамотности, устроивъ книжные склады. Въ вопросѣ о народной литературѣ, который становится съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе насущнымъ, тверское земство заявило себя не столько практическимъ рѣшеніемъ вопроса, сколько здравымъ обсужденіемъ способовъ къ просвѣщенію народной массы. Не осталось земство чуждо и интересамъ средняго образованія въ отечествѣ; въ 1880 г. оно постановило просить правительство „объ отмѣнѣ всѣхъ циркуляровъ и административныхъ распоряженій бывшихъ министра народнаго просвѣщенія и попечителя московскаго округа“...

Заботясь о развитіи умственнаго и нрав-

ственнаго образованія въ народѣ, тверское земство напрягало усилія и къ поднятію матеріальнаго благосостоянія сельскаго населенія, и въ этомъ отношеніи его дѣятельность можетъ быть названа весьма плодотворною; она выразилась въ слѣдующемъ: 1) въ организаціи промышленныхъ артелей для развитія крестьянскихъ промысловъ, 2) въ содѣйствіи крестьянамъ по покупкѣ земель и 3) въ учрежденіи сельскихъ ссудо-сберегательныхъ кассъ.

Въ срединѣ 60-хъ годовъ земство обратило вниманіе на дѣятельность г. Верещагина, желавшаго развить крестьянское артельное сыровареніе, и оказало ему матеріальную поддержку. Дѣло пошло успѣшно, и г. Верещагину, заодно съ тверскимъ земствомъ, удалось привлечь на свою сторону вниманіе и поддержку правительства, въ лицѣ управляющаго министерствомъ государственныхъ имуществъ. Верещагинъ создалъ десятки вполнѣ знающихъ свое дѣло сыроваровъ; начиная съ 1871 г., когда явилась уже и казенная субсидія въ 15 т. руб. въ годъ, въ губерніи прочно основалась образцовая школа молочнаго хозяйства въ селѣ Едимоновѣ. Хотя устраивавшіеся въ столицахъ артельные склады для сбыта молочныхъ продуктовъ и закрылись, но они оказали ту услугу, что показали потребителямъ и качества новаго отечественнаго продукта, и дѣйствительныя существующія на него цѣны.

Въ 1868 г., земство, изслѣдуя положеніе нѣкоторыхъ уѣздовъ, пострадавшихъ отъ неурожая, и изыскивая средства помочь населенію, не ограничилось, какъ обыкновенно водится, одними подачками, а задумало содѣйствовать развитію промысловъ, нуждавшихся въ оборотномъ капиталѣ. Съ этою цѣлью земство выдѣлило изъ своихъ средствъ особый „ссудный капиталъ“, изъ котораго выдавало ссуды артелямъ: кузнечнымъ, кузнечно-слесарнымъ, сапожнымъ, канатно-веревочнымъ, молочнымъ, смолокуреннымъ, и способствовало развитію ссудныхъ кассъ; кромѣ того, ссуды выдавались крестьянамъ и не на одномъ только артельномъ началѣ. Общая сумма ссудъ, выданныхъ перечисленнымъ артелямъ, превышала 50 т. р. Хотя поддерживаемое земствомъ артельное производство и не пошло, но въ этомъ не виновато земство, а цѣлая совокупность явленій, неблагопріятно отражающихся на мелкой промышленности, подавляемой развитіемъ крупной.

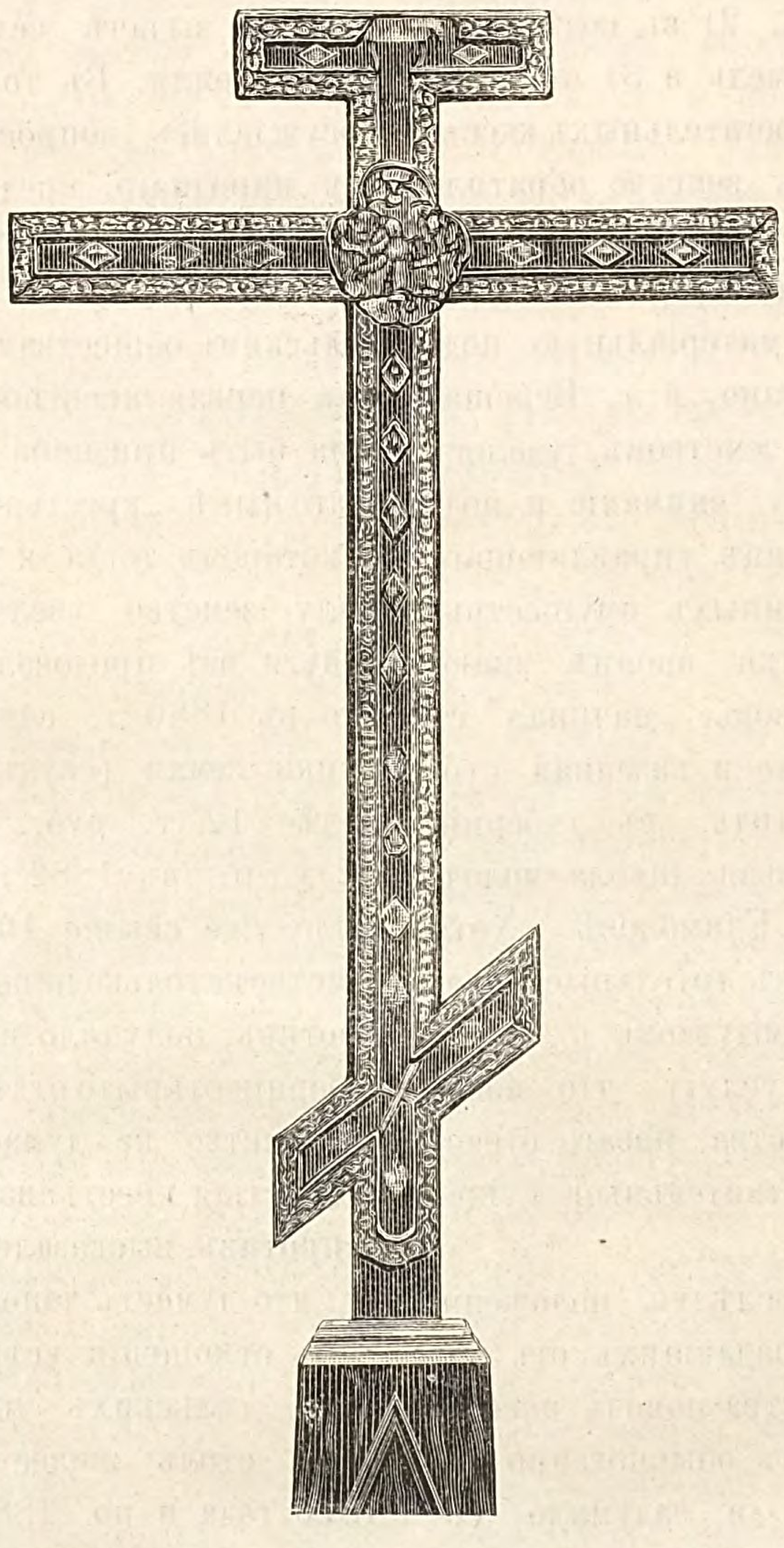
Кузнечный промыселъ былъ задавленъ машиннымъ гвоздемъ и земскія артели должны были ликвидировать свои дѣла Совсѣмъ въ иномъ видѣ представляется дѣятельность земства по выдачѣ ссудъ крестьянамъ для покупки земли. Въ то время, когда въ земствахъ обсуждались вопросы о формахъ организаціи народнаго кредита, тверское земство, въ 1875 г. „не мудрствуя лукаво“ опредѣлило ассигновать 10 т. руб. для выдачи ссудъ сельскимъ обществамъ, нуждающимся въ землѣ. Эта первая ассигновка тверского земства должна быть признана прототипомъ существующаго нынѣ „крестьянскаго поземельнаго банка“, о которомъ тогда и не помышляли. Мало-по малу земство увеличивало ссуды, заимствуя деньги изъ продовольственнаго капитала, такъ что въ 1880 г. считалось выданныхъ на покупки земли (ссудъ 13 сельскимъ обществамъ) болѣе 12 т. руб., а къ концу года — даже 42 т. р.; въ 1882 году, въ оборотѣ по ссудамъ было уже свыше 100 т. р. По этой операціи земство не только не понесло убытковъ, но еще, напротивъ, получило выгоды. Нынѣ въ тверской губерніи открыто отдѣленіе крестьянскаго банка, но земство не думаетъ прекращать и своего содѣйствія крестьянамъ по покупкѣ земель; оно, напротивъ, высказалось въ 1883 г. въ томъ смыслѣ, что думаетъ дополнять дѣятельность банка.

Въ отношеніи устройства ссудо-сберегательныхъ сельскихъ товариществъ, земство приняло столь живое участіе, что, начиная съ 1870 года и по 1880 г., т. е. въ теченіи 10 лѣтъ, тверская губернія по числу товариществъ заняла первое мѣсто среди остальныхъ губерній. Въ 1880 году въ ней дѣйствовали 50 товариществъ: изъ нихъ въ уѣздѣ новоторжскомъ 17, и въ тверскомъ 13. Устроенныя земствами первыя товарищества потерпѣли было крушеніе, при чемъ оказалось, что форма этого кредита не была усвоена населеніемъ. Земство изучило причины неудачныхъ опытовъ съ товариществами и выяснило, что дѣло не шло за отсутствіемъ на мѣстѣ опытныхъ руководителей. Нѣсколько членовъ земства лично взялись за дѣло, которое и пошло на ладъ, такъ что въ крестьянствѣ обнаружилось стремленіе учре-

ждать товарищества на капиталы волостныхъ кассъ.

Въ нашемъ бѣгломъ очеркѣ дѣятельности тверского земства по содѣйствію, оказанному имъ для развитія производительности сельскаго населенія мы никакъ не можемъ останавливаться на подробностяхъ, весьма интересныхъ для общей исторіи земства; но изъ предложеннаго бѣглаго очерка прямой выводъ тотъ, что эта дѣятельность отличалась выдающеюся жизненностью и разумною практичностью. Занимаясь массою мелкихъ заботъ, тверскіе земцы не оставались чуждыми и общимъ вопросамъ; они не считали свою губернію такого рода „собиной“, гдѣ можно жить и дѣйствовать безъ общихъ соображеній, безъ критическаго отношенія къ остальнымъ общимъ явленіямъ. Въ сферѣ общихъ вопросовъ тверское земство заявило себя въ слѣдующихъ случаяхъ. Въ 1870 году, когда правительство передало на обсужденіе земствъ проэктъ о преобразованіи системы подушныхъ сборовъ, тверское земство высказалось за разрядный и подоходно-разрядный налоги. Въ 1880 г. земство ходатайствовало о скорѣйшей отмѣнѣ подушной подати, съ тѣмъ чтобы проэкты налоговъ, предназначенные къ замѣнѣ новыми, переданы были на предварительное заключеніе земскихъ собраній. Въ томъ же году земство высказалось за упраздненіе института урядниковъ и за изъятіе волостныхъ старшинъ изъ непосредственнаго подчиненія исправникамъ, взамѣнъ котораго предлагало подчинить ихъ только коллегіальному присутствію по крестьянскимъ дѣламъ. Земство высказалось также за необходимость пересмотра положенія о крестьянахъ, (указываемую ненормальнымъ ходомъ жизни) съ привлеченіемъ выборныхъ изъ крестьянскаго сословія къ обсужденію вопросовъ наибольшей важности.

ТВЕРСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

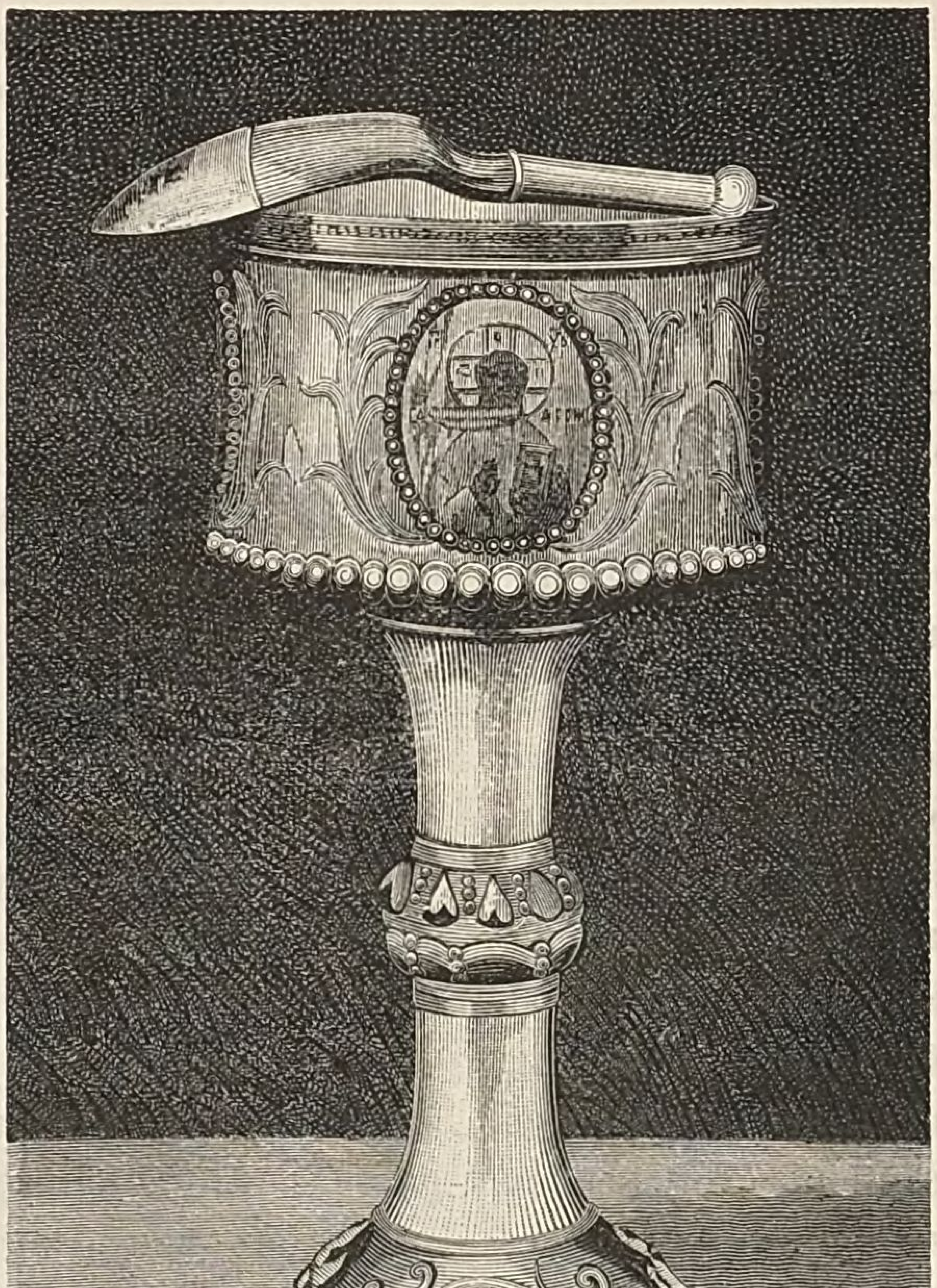
Древній деревянный воздвигальный крестъ изъ Троицкой церкви въ Твери.

III.

Краткій очеркъ древней исторіи Твери и тверского княжества.—Тверь и Новгородъ.—Тверь и Москва.—Тверской музей и его древности.

Мѣстность нынѣшней тверской губерніи, восемь вѣковъ тому назадъ, не представляла собою ничего цѣльнаго и самостоятельнаго; одна часть ея принадлежала къ владѣніямъ Новгорода; другая тянула—къ Смоленску; третья—входила въ составъ Суздальской земли. Къ новгородскимъ владѣніямъ принадлежала часть Осташковскаго уѣзда, Торжокъ, Бѣжецкъ, Городецъ, Егна (на Мологѣ, близъ Весьегонска). Смоленское княжество заявляло свои притязанія на Ржевъ. Зубцовъ, Тверь, Скнятинъ (или Кснятинъ) и Кашинъ—тянули къ Суздалю. Тверское - же княжество, въ первоначальномъ своемъ составѣ, стало выдѣляться изъ суздальскихъ волостей почти одновременно съ московскимъ; но когда именно оно образовалось и окончательно приняло опредѣленную форму,—этого намъ не указываютъ историческіе памятники. О самомъ основаніи города Твери мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ свидѣтельствъ, и древнѣйшее упоминаніе о Твери, относящееся къ 1182 году—ко времени княженія Всеволода Юрьевича Суздальскаго—не можетъ служить доказательствомъ того, что Тверь не существовала до этого времени. Такой важный пунктъ, какъ впаденіе Тверцы въ Волгу, лежавшій на самомъ видномъ мѣстѣ пути, пролегавшаго изъ Новгорода въ Низовыя земли, изстари долженъ былъ имѣть значеніе важной пристани, и умный, дальновидный Всеволодъ Суздальскій, конечно, не построилъ Тверь, какъ новый городъ, а только укрѣпилъ его и утвердилъ за собою, какъ опорный пунктъ противъ могущественнаго Новгорода, съ которымъ суздальское княжество постоянно находилось въ очень натянутыхъ отношеніяхъ.

ТВЕРСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

Старинный деревянный потиръ и деревянная лжица, оправленный въ серебро, въ ризницѣ Новоторжскаго монастыря.

Первымъ тверскимъ княземъ былъ одинъ изъ младшихъ братьевъ Александра Невскаго, Ярославъ Ярославичъ. Болѣе извѣстный по своимъ отношеніямъ къ Новгороду, Ярославъ Ярославичъ былъ, повидимому, княземъ твердымъ и рѣшительнымъ и успѣлъ въ значительной степени округлить свои владѣнія, которыя и передалъ наслѣдникамъ уже въ видѣ цѣльнаго и самостоятельнаго Тверского княжества.

Воспоминаніе о княженіи этого перваго тверского князя тѣсно связано съ основаніемъ одного изъ древнѣйшихъ тверскихъ монастырей, о которомъ сложилось слѣдующее поэтическое сказаніе.

Князь Ярославъ Ярославичъ, страстный охотникъ, выѣхалъ однажды на ловы въ Поволжье и такъ какъ ловы эти должны были продолжаться нѣсколько дней сряду, то князю, въ одинъ изъ этихъ дней, пришлось ночевать близь села Едимонова (въ корчевскомъ уѣздѣ, въ 40 верстахъ отъ Твери, на лѣвомъ берегу Волги). Въ Едимоновѣ въ то время готовились къ свадьбѣ: церковный причетникъ Аѳанасій выдавалъ свою дочь, красавицу Ксенію, за любимаго княжаго отрока — Григорія. И привидѣлся князю вѣщій сонъ: онъ увидѣлъ себя въ церкви, а рядомъ съ собою, подъ вѣнцомъ, увидѣлъ невѣсту своего отрока, Ксенію. Въ тоже самое время и тотъ же сонъ приснился и Ксеніи. Князь не обратилъ на сновидѣніе никакого вниманія и на другой день, по прежнему, продолжалъ свои ловы. Но вотъ любимый соколъ князя отбивается отъ охоты, и князь, гоняясь за нимъ, отдѣляется отъ своей свиты и приходитъ къ едимоновской церкви какъ разъ въ то время, когда Григорій и Ксенія вошли въ нее со всѣмъ своимъ свадебнымъ поѣздомъ. Входитъ и князь—и видитъ Ксенію... Тогда, вспомнивъ вѣщій сонъ, онъ повелѣваетъ своему отроку искать себѣ другой невѣсты, а самъ становится рядомъ съ Ксеніей подъ вѣнецъ, и беретъ ее за себя замужъ. Вѣнчаніе кончилось. Князь задалъ пиръ жителямъ села Едимонова, и на томъ пиру не было только дного гостя—его любимаго отрока Григорія. Несчастный едва не умеръ съ тоски; потомъ возненавидѣлъ міръ, постригся въ монахи, и близь Твери основалъ и нынѣ существующій Отрочь монастырь.

При Михаилѣ Ярославичѣ, ближайшемъ наслѣдникѣ Ярослава Ярославича (скончавшагося въ 1271 году) началась долгая и упорная борьба тверскихъ князей съ московскими за преобладаніе въ Русской землѣ — борьба, въ которой московскіе князья выказали блестящія политическія способности, а тверскіе—показали чудеса храбрости не смотря на удары тяготѣвшаго надъ ними рока. Первымъ поводомъ къ борьбѣ послужили отношенія Твери и Москвы къ Великому Новгороду, въ которомъ прежде всего стали искать преобладанія эти оба княжества. Въ этихъ отношеніяхъ Михаилъ Ярославичъ, человѣкъ нрава нѣсколько крутого, но прямого и открытаго, опирался главнымъ образомъ на свою матерьяльную силу, подавлялъ Новгородъ превосходствомъ своего ратнаго устройства, своею боевою готовностью, тогда какъ московскій князь Юрій, главнымъ образомъ, опирался на свои связи съ Ордою. Пробывъ почти два года въ Ордѣ, женившись на ханской сестрѣ Кончакѣ, Юрій задарилъ всѣхъ приближенныхъ хана Узбека и добился того, что получилъ ярлыкъ на великокняжеское достоинство. По возвращеніи въ Москву, Юрій собралъ большое войско и затѣялъ войну съ Тверью. Съ войскомъ, въ которомъ находился и татарскій отрядъ подъ начальствомъ Кавгадыя, приближеннаго къ хану—Юрій вошелъ въ тверскую землю и сталъ ее раззорять. Михаилъ долго колебался, опасаясь вступить въ борьбу съ Юріемъ и раздражить хана Узбека; но наконецъ не вытерпѣлъ, ударилъ на московское войско и, при селѣ Бортеневѣ (въ 40 верстахъ отъ Твери), послѣ упорной битвы, разбилъ Юрія на голову. Въ плѣнъ попались ри этомъ многіе московскіе бояре, знатнѣйшіе изъ татарской рати и сама супруга московскаго князя, Кончака.

Побѣда, одержанная Михаиломъ Ярославичемъ, была ему не на радость. Стараясь оправить себя и свой вынужденный способъ дѣйствій передъ ханомъ Узбекомъ, Михаилъ освободилъ татарскихъ плѣнниковъ, одарилъ ихъ, обласкалъ Кавгадыя и отпустилъ его въ Орду съ подарками. Но туда же, вмѣстѣ съ Кавгадыемъ, поѣхалъ и Юрій Московскій и оклеветалъ Михаила передъ ханомъ. Въ довершеніе несчастія, Кончака, супруга Юрія, умерла въ это время въ Твери, и враги Миха-

ила распустили слухъ, будто она была имъ отравлена...

Узбекъ потребовалъ Михаила на судъ. Михаилъ Ярославичъ, зная, что онъ ѣдетъ въ Орду не на радость, сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія, раздѣлилъ свои волости между дѣтьми и отправился въ путь съ немногими боярами, духовникомъ своимъ, двумя священниками и дьякономъ. Судъ надъ Михаиломъ тянулся долго. Никакія оправданія его не привели ни къ чему, потому что Кавгадый и Юрій добивались непремѣнно его гибели. Узбекъ медлилъ согласіемъ своимъ на смертный приговоръ, произнесенный въ ордынскомъ судѣ надъ княземъ Михаиломъ. Михаила только подвергли сначала истязаніямъ: надѣли ему на шею деревянную колодку, такъ что онъ не могъ лечь и проводилъ безсонныя ночи, утѣшая себя чтеніемъ псалтыря. Такъ какъ и руки его были прикованы къ колодкѣ, то отрокъ сидѣлъ передъ нимъ и перевертывалъ листы рукописи... И такъ, нѣсколько недѣль сряду, несчастнаго князя перевозили съ кочевья на кочевье, вслѣдъ за Ордою, которая перекочевала за Терекъ, къ самымъ предгорьямъ кавказскихъ горъ. Наконецъ, 22-го ноября 1318 года, Кавгадый и Юрій Даниловичъ московскій подъѣхали къ шатру Михаила съ толпою убійцъ, которые долго били его и попирали пятами, пока, одинъ, какой-то извергъ, по имени Романецъ, не вонзилъ ему ножъ въ ребра и не вырѣзалъ сердце... Тѣло Михаила, привязанное къ доскѣ, обнаженное отъ княжескихъ одеждъ, на простой телѣгѣ, повезли въ Русь и схоронили въ Москвѣ. Супруга и сыновья замученнаго князя едва умолили жестокосердаго Юрія, чтобы онъ возвратилъ въ Тверь тѣло Михаила. Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, тверскіе бояре, игумны и священники отправились въ Москву и, съ великою честью привезя останки своего князя въ Тверь, похоронили его въ Спасскомъ соборѣ. Подобно черниговскому князю Михаилу, также замученному въ Ордѣ, Михаилъ тверской былъ въ послѣдствіи причисленъ къ лику святыхъ. Несчастная вдова Михаила постриглась въ монахини.

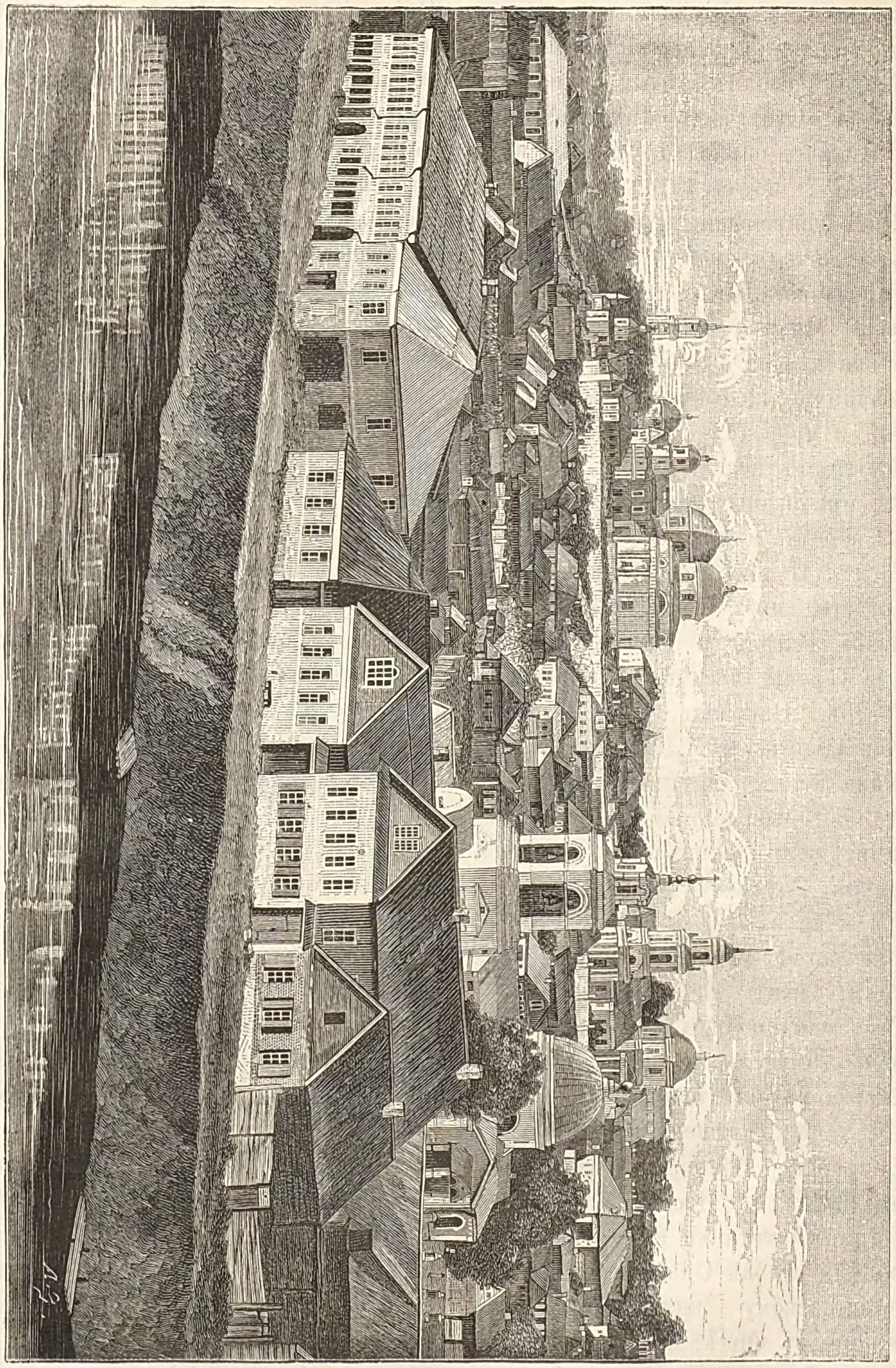
Но смерть Михаила была только поводомъ къ началу долгой, нескончаемой распри между Москвою и Тверью. Дѣти Михаила съ ненавистью смотрѣли на Юрія Даниловича и только выжидали первой возможности отплатить кровью за кровь отца. Сынъ Михаила, тверской князь Дмитрій, прозванный „Грозныя очи“, очень ловко повелъ противъ Юрія интригу въ Ордѣ, вооружилъ противъ него хана, и всѣхъ вельможъ хана привлекъ на свою сторону; но когда Юрій явился въ Орду, чтобы оправдаться отъ взведенныхъ на него обвиненій, то Дмитрій Михайловичъ не вытерпѣлъ — при первой встрѣчѣ съ ненавистнымъ убійцей отца своего, онъ убилъ его на глазахъ хана и всѣхъ татарскихъ вельможъ. Узбекъ, разгнѣванный такимъ самоуправствомъ, приказалъ казнить молодого и пылкаго князя; но, по чувству справедливости, выдалъ ярлыкъ на великокняжеское достоинство не брату Юрія, Ивану Даниловичу московскому, а брату Дмитрія Михайловича, — Александру Михайловичу тверскому.

Три года сряду князья московскій и тверской прожили въ мирѣ и спокойствіи, зорко присматривая другъ за другомъ и выискивая поводы къ борьбѣ. На бѣду Александру Михайловичу поводъ къ войнѣ съ Тверью вскорѣ представился Москвѣ помимо воли тверского князя, и притомъ—вполнѣ законный. Въ 1327 году, къ великому князю Александру прибылъ въ Тверь съ большой свитою знатный ордынскій посолъ Чолханъ, сынъ того татарскаго воеводы Дюденя, который жестоко раззорилъ сѣверную Русь при сыновьяхъ Александра Невскаго. Въ нашихъ старинныхъ пѣсняхъ память о немъ сохранилась подъ именемъ Щелкана Дуденьтьевича.

Чолханъ держалъ себя чрезвычайно гордо, а многочисленная свита его, состоявшая изъ дикихъ кочевниковъ, творила разныя насилія надъ мирными тверичами. Въ народѣ проявилось недовольство, поднялся глухой ропотъ— пошли даже преувеличенные толки о значеніи присланнаго ханомъ посольства. Недоставало только искры, чтобы произвести пожаръ... Маловажнаго событія оказалось достаточно, чтобы вызвать кровавое столкновеніе. Въ самый праздникъ Успенья, черезъ базарную площадь, полную народа, какой-то дьяконъ Дюдко велъ свою молодую, красивую и выхоленную кобылу—поить на Волгу. Татарамъ Чолхана, которые тутъ же толкались на площади, по-

нравилась дьяконская кобыла, и они вздумали было отнять ее. Дьяконъ завопилъ на всю площадь: „Мужи тверскіе! не выдавайте!“ Ну, спѣли на помощь остальные улусники. Кто-то вздумалъ ударить въ набатъ. Поднялся на татаръ весь городъ — всѣхъ ихъ перебили, не

ГОРОДА ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНІИ.

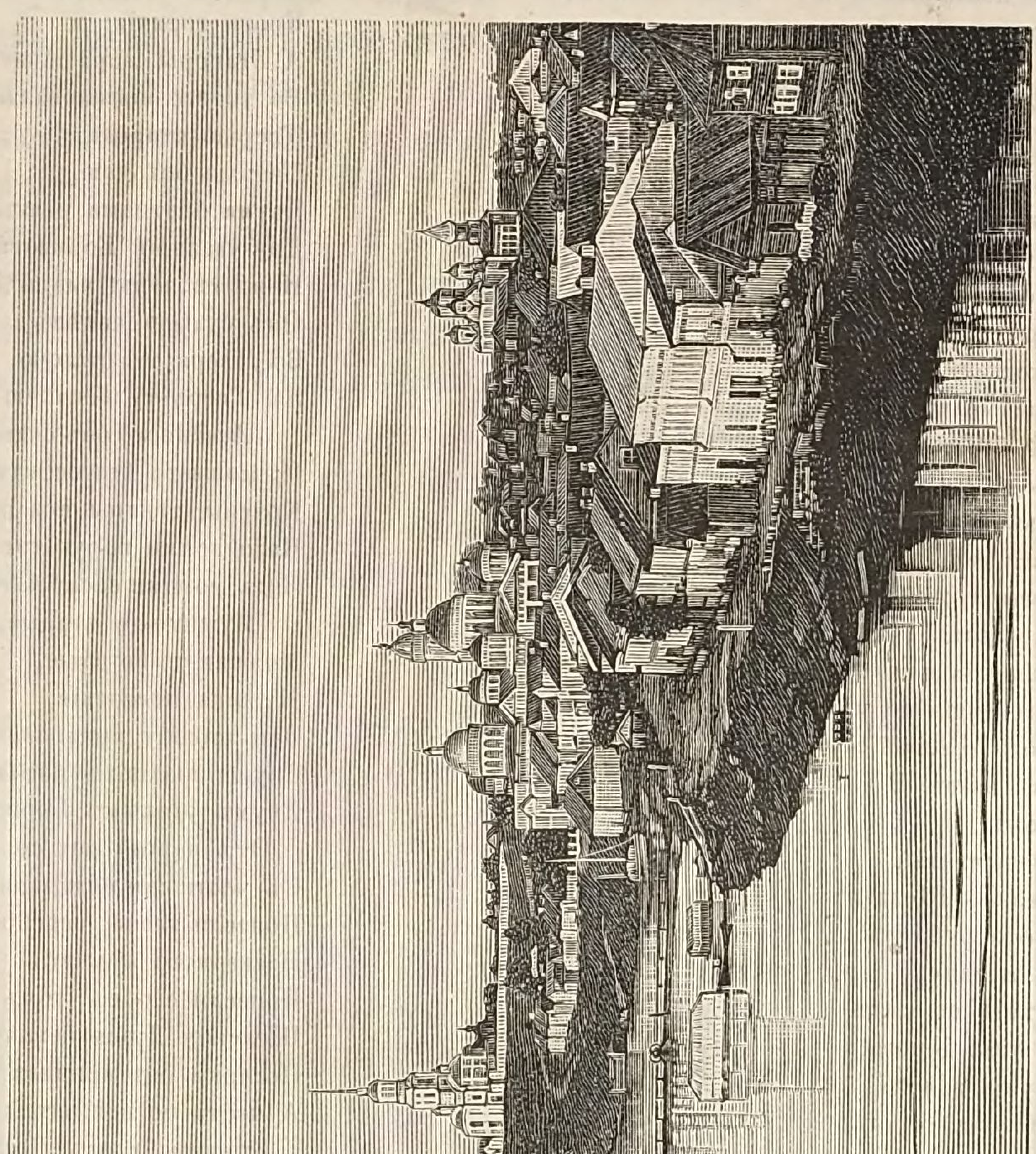
Городъ Торжокъ (съ южной стороны).

и не выдали земляки—бросились на татаръ... Но тѣ схватились за оружіе—полилась кровь. Толпа разсвирѣпѣла и вступила въ ожесточенную битву съ татарами, къ которымъ подопощадили и посла ханскаго, котораго, вмѣстѣ съ его приближенными, сожгли живьемъ въ старомъ княжомъ дворѣ.

Старинная былина о „Щелканѣ Дудентье-

вичѣ" сохранила намъ память объ этомъ событіи съ замѣчательною подробностью:

ГОРОДА ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Городъ Торжокъ (съ сѣверной стороны)

А и дѣялося въ Ордѣ,
Передѣялось во Большой, —
На стулѣ золотѣ,
На рытомъ бархатѣ,
На червчатой камкѣ
Сидитъ тутъ царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ; —
Суды разсуживаетъ
И ряды разряживаетъ,
Костылемъ размахиваетъ,
По бритымъ тѣмъ усамъ,

По татарскимъ башкамъ,
По синимъ плѣшамъ.
Шурьевъ Царь дарилъ
Городами стольными.
Одного не пожаловалъ
Любимаго шурина
Щелкана Дуденьтьевича.
За что не пожаловалъ?
А за то не пожаловалъ,
Что дома его не случилося,—
Уѣзжалъ-то младъ Щелканъ
Въ дальную землю Литовскую,
За моря синія,
Бралъ онъ, младъ Щелканъ
Дани-выходы,
Царски невыплаты;
Съ князей бралъ по сту рублевъ,
Съ бояръ по пятидесятъ,
Съ крестьянъ по пяти рублевъ,
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возьметъ;
У котораго дитя нѣтъ,
У того жену возьметъ;
У котораго жены-то нѣтъ,
Того самого головой возьметъ.
Вывезъ младъ Щелканъ
Дани-выходы,
Царски невыплаты;
Вывелъ младъ Щелканъ
Коня во сто рублевъ,
Сѣдло во тысячу, —
Уздѣ и цѣны ей нѣтъ.
Не тѣмъ узда дорога,
Что вся узда золота,
Она тѣмъ узда дорога,
Царское жалованье —
Государева Величества;
А не льзи дескать,
Тое узды ни продать, ни смѣнять,
Ни друга дарить.
Проговоритъ младъ Щелканъ,
Младъ Дуденьтьевичъ:
«Гой еси, Царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ!
Пожаловалъ ты молодцовъ,
Любимыхъ шурьевъ,
Пожалуй ты меня
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родными,
Дву удалыми Борисовичами!
Проговоритъ Царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ;
«Гой еси, шуринъ мой,
Щелканъ Дуденьтьевичъ!
Заколи-т-ко ты сына сво̀во,
Сына любимаго
Крови чашу нацѣда,
Выпей крови тоя,
Крови горячія;
И тогда я тебя пожалую
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родными,
Дву удалыми Борисовичи».

Втапоры младъ Щелканъ
Сына сво̀во закололъ,
Чашу крови нацѣдилъ,
Крови горячія;
Выпилъ чашу тоя
Крови горячія;
А втапоры царь Азвякъ
За то его пожаловалъ
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родными,
Дву-удалыми Борисовичами.
И въ тѣ поры младъ Щелканъ
Онъ судьею насѣлъ
Въ Тверь ту старую,
Въ Тверь ту богатую;
А немного онъ судьею сидѣлъ:
И вдовы-то безчестити,
Красны дѣвицы позорити,
Надо всѣми наругатися,
Надъ домами насмѣхатися...
Мужики-то старые,
Мужики-то богатые,
Мужики посадскіе,
Они жалобу приносили
Двумъ братцамъ родимымъ,
Двумъ удалымъ Борисовичамъ;
Отъ народа они со поклономъ пошли,
Съ честными подарками—
Понесли злата, серебра
И скатного жемчуга.
Понесли его въ домъ къ нему
Щелкану Дудентьевичу;
Подарки онъ принялъ отъ нихъ,
А чести не воздалъ имъ.
Втопоры младъ Щелканъ
Зачванился онъ, загордился,
И они съ нимъ повздорили—
Ухватилъ одинъ за волосы,
А другой ухватилъ за ноги,
И тутъ его раздернули.
Тутъ и смерть ему случилася.
Ни на комъ не сыскалася.

Это несчастное столкновеніе тотчасъ дало поводъ князю Ивану Даниловичу Калитѣ выказать свою приверженность хану Узбеку, который, прогнѣвавшись на Александра Тверского, послалъ московскую рать и 50,000 татаръ—раззорить Тверь и тверское княжество. Огромное войско вступило въ тверскую землю, и произвело въ ней страшное опустошеніе: города и деревни были разрушены и выжжены—все населеніе, несмотря на жестокую зиму, должно было спасаться бѣгствомъ по лѣснымъ трущобамъ и дебрямъ. Самъ князь Александръ Михайловичъ съ семействомъ своимъ бѣжалъ сначала въ Новгородъ, потомъ удалился въ Псковъ, а когда у псковичей стали требовать его выдачи, то ушелъ еще дальше—въ Литву.

Ханъ наградилъ Ивана Даниловича Калиту

за вѣрную службу и выдалъ ему ярлыкъ на великое княженіе; а тверское княжество отдалъ Константину Михайловичу, брату Александра, скромному и тихому князю, который старался кое-какъ уврачевать раны своей несчастной земли: вызвалъ жителей изъ лѣсовъ и пустынь, помогалъ имъ возстановлять города и села, обновлялъ разрушенные храмы... Но Александръ Михайловичъ встосковался по своей родинѣ, загоревалъ о томъ, что его отчина и дѣдина не достанется его дѣтямъ, и рѣшился просить помилованія у хана. Мало-по-малу, ходатайствомъ сына его Θеодора и щедрыми подарками ханскимъ вельможамъ, дѣло было улажено и Узбекъ дозволилъ Александру вновь княжить въ Твери. Но этого не могъ стерпѣть Иванъ Даниловичъ, и борьба между Москвою и Тверью казалась всѣмъ до такой степени неминуемою, что многіе изъ тверскихъ бояръ, опасаясь грядущихъ бѣдствій, поспѣшили заблаговременно покинуть Тверь и перейти на службу къ болѣе сильному князю московскому.

Вскорѣ Калитѣ удалось оклеветать своего соперника въ Ордѣ и увеличить еще двумя мучениками несчастный родъ тверскихъ князей. Узбекъ потребовалъ къ себѣ Александра, который, чуя грозившую бѣду, послалъ сначала въ Орду своего сына Θеодора, а потомъ поѣхалъ и самъ. Напрасно отговаривали его приближенные:—князь зналъ, что ослушаніемъ хану навлечетъ новую бѣду на свою семью и раззореніе на тверскую землю, и рѣшился лучше ужь самъ погибнуть. Современный лѣтописецъ, описывая намъ, какъ княжеское семейство, епископъ и духовенство, бояре и граждане со слезами провожали своего князя, добавляетъ и слѣдующую подробность: когда князь сѣлъ въ ладью, поднялся такой сильный вѣтеръ, что гребцы долго не могли справиться съ судномъ, которое все прибивало къ берегу. Въ этомъ видѣли недоброе предзнаменованіе.

И точно — сбылось недоброе: 29 октября 1339 года князь Александръ и сынъ его Θеодоръ были замучены въ Ордѣ; немногіе изъ вѣрныхъ ему людей, не разбѣжавшіеся отъ ужаса и не покинувшіе своего князя до послѣдней минуты, привезли тѣла Александра и сына его въ Тверь, гдѣ они были погребены въ Спасскомъ соборѣ, рядомъ съ несчастными своими предшественниками—Михаиломъ Ярославичемъ и Дмитріемъ Михайловичемъ.

Наступилъ періодъ долгаго преобладанія Москвы надъ Тверью, въ который сталъ снова править скромный Константинъ Михайловичъ, постоянный союзникъ Калиты и сына его Симеона. Но внѣшній миръ былъ некстати нарушенъ внутренними распрями между старшими и младшими тверскими князьями, и эти распри продолжались весьма долго, почти до конца тверской самостоятельности. Но, Твери суждено было еще разъ видѣть на своемъ княжескомъ столѣ князя сильнаго и замѣчательнаго. Этотъ князь былъ Михаилъ Александровичъ—одинъ изъ сыновей замученнаго въ Ордѣ Александра.

Рожденный въ ту пору, когда отецъ его былъ въ изгнаніи и скитался то въ Псковѣ, то въ Литвѣ, Михаилъ Александровичъ воспитался въ Новгородѣ, у крестнаго отца своего, архіепископа Василія, подъ руководствомъ котораго еще ребенкомъ воспринялъ и божественную, и книжную премудрость. Уродившись богатыремъ въ отца и въ дядю, Михаилъ Александровичъ рано научился умѣнью ладить съ людьми и развилъ въ себѣ тотъ политическій смыслъ, который столь необходимъ въ каждомъ правителѣ.

На тверское княженье Михаилъ сѣлъ послѣ довольно долгой и упорной борьбы съ княземъ Кашинскимъ, вокняжившимся въ Твери послѣ смерти кроткаго Константина Михайловича. Въ эту борьбу вступился московскій князь Дмитрій Ивановичъ (впослѣдствіи прозванный Донскимъ) и выказалъ себя чрезвычайно несправедливымъ по отношенію къ Михаилу, котораго вызвалъ на церковный судъ въ Москву, а вмѣсто того заключилъ подъ стражу и держалъ нѣкоторое время въ заточеніи.

Между двумя молодыми и талантливыми князьями-соперниками вновь завязалась борьба, долгая и упорная, сопровождавшаяся взаимными раззореніями, опустошеніями и кровопролитіями. Москва, успѣвшая значительно окрѣпнуть, округлить свои владѣнія и разбогатѣть при Иванѣ Калитѣ, была уже для Твери такою противницею, съ которой Тверь не могла болѣе справиться своими собственными силами. Михаилъ вовлекъ въ союзъ съ собою и въ борьбу съ Дмитріемъ Ивановичемъ

могущественнаго князя литовскаго Ольгерда, который былъ женатъ на сестрѣ Михаила, Юліаніи. Во время этой борьбы, въ которой на сторонѣ Дмитрія были и новгородцы, и кашинскій князь,—то Михаилъ подступалъ съ

московскою ратью въ 1375 году, закончившаяся долгимъ и прочнымъ миромъ и полнымъ торжествомъ Москвы надъ Тверью. Любопытны подробности этой осады, сохраненныя намъ современнымъ лѣтописцемъ.

ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТИ ГОРОДА ТОРЖКА.

Древняя деревянная церковь Вознесенія въ г. Торжкѣ (до возобновленія).

Рисовалъ съ натуры В. И. Маренинъ.

литовцами подъ стѣны Москвы, то московская рать являлась подъ стѣнами Твери. Особенно памятными эпизодами этой борьбы было взятіе города Торжка тверскою ратью (31 мая 1372 г.), которая сожгла до тла этотъ богатый новгородскій пригородъ, и затѣмъ — осада Твери

5 августа 1375 года Дмитрій Ивановичъ, въ союзѣ съ двадцатью другими подручными ему князьями, подступилъ къ самой Твери и принялся жечь ея посады. Августа 8-го, князь московскій чуть-чуть не взялъ городъ приступомъ: рать его пододвинулась къ самымъ стѣ-

намь, приметала изъ земли и фашинника приметъ къ тверскимъ деревяннымъ стѣнамъ и зажгла стрѣльницу на мосту черезъ Тмаку. Всѣ въ городѣ пришли въ смятеніе: кто не бился на стѣнахъ, тотъ бросился въ церковь, со слезами молить Бога о помощи. И Богъ смиловался надъ молящимися:—Михаилъ сдѣлалъ вылазку черезъ Волжскія ворота, отбилъ Ненадѣясь на свои силы, князь московскій призвалъ и Новгородъ себѣ на помощь. Новгородцы, помня жестокое раззореніе Торжка, въ три дня собрались въ походъ противъ Твери и пришли, по выраженію лѣтописца, „рыкаючи съ яростію, скрежеща зубами на тверичей“. Михаилъ бился храбро, дѣлалъ вылазки, поджидая помощи то отъ Лит-

ТВЕРСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

Старинная икона преподобнаго Нила Столбенскаго, хранящаяся въ Ниловой пустыни.

москвичей, пожегъ и порубилъ ихъ осадныя работы и вынудилъ къ отступленію. Тогда Дмитрій Ивановичъ рѣшился одолѣть городъ истомой и голодомъ; окружилъ его со всѣхъ сторонъ, прервалъ сообщенія съ окрестностями, поставилъ войска на обоихъ берегахъ Волги, соединивъ ихъ плавучимъ мостомъ. вы, то отъ Орды; но помощь ни откуда не являлась, и гордый князь долженъ былъ наконецъ покориться силѣ и необходимости. Онъ послалъ къ великому князю тверского владыку Евфимія и „старѣйшихъ нарочитыхъ бояръ, прося мира и во всю волю даяся“. Дмитрій помирился съ Михаиломъ, но на условіяхъ, тяжкихъ

для Твери. Михаилъ Александровичъ, по договорной грамотѣ, заключенной съ Дмитріемъ Ивановичемъ, призналъ себя младшимъ братомъ князя московскаго, обязался давать въ случаѣ надобности военную помощь Дмитрію и отказался на всегда отъ всякихъ притязаній на Новгородъ Великій и на великокняжеское достоинство. Сверхъ того, Михаилъ отказывался отъ союза съ Литвою, и обязывался не вступаться въ дѣла кашинскаго князя.

Но подписать договоръ оказалось гораздо легче, чѣмъ дѣйствительно отказаться отъ всякихъ попытокъ на возвращеніе себѣ самостоятельности и удовольствоваться второстепеннымъ значеніемъ въ Русской землѣ. И послѣ договора 1375 года Михаилъ Александровичъ все еще пытался возстановить свое прежнее значеніе—жилъ по-долгу въ Ордѣ, и хотя не вступалъ въ открытый союзъ съ литовскимъ княземъ, однако-же не пренебрегалъ возможностью поддерживать и новыми родственными узами скрѣплять свои дружественныя отношенія къ могущественному сосѣду, и къ другимъ сосѣднимъ русскимъ князьямъ. Такъ, сына своего, Ивана, Михаилъ Александровичъ женилъ на сестрѣ Витовта, Маріи; другого сына, Василія, онъ женилъ на дочери смоленскаго князя Святослава Ивановича.

Затѣмъ, наступаетъ, повидимому, періодъ окончательнаго примиренія съ Москвой или, вѣрнѣе сказать,—сознанія безполезности борьбы противъ московскаго княжества, которое все болѣе и болѣе начинаетъ олицетворять собою всю Русскую землю. Съ 1386 г. прекращаются всѣ искательства Михаила въ Ордѣ; онъ не враждуетъ болѣе ни съ Дмитріемъ Ивановичемъ, ни съ сыномъ и наслѣдникомъ его, Василіемъ Дмитріевичемъ; не пользуется даже выгодами своего положенія во время поступившихъ временно въ Москвѣ смутъ и неустройствъ и довольствуется только тѣмъ, что съ Василіемъ Дмитріевичемъ заключаетъ договоръ, въ которомъ онъ себя называетъ равнымъ московскому князю.

Послѣдніе годы своего долгаго царствованія Михаилъ исключительно посвятилъ внутреннему устроенію своего княжества, раззореннаго войнами и нашествіями внѣшнихъ враговъ. Твердый и суровый по отношенію къ своимъ врагамъ, князь Михаилъ выказывалъ себя въ своей землѣ княземъ строгимъ, но правосуднымъ и милостивымъ. Однакоже, дѣла управленія видимо не удовлетворяли Михаила; онъ скучалъ и томился бездѣйствіемъ; онъ тяготился своею скромною долею и вѣроятно переживалъ какую-то очень нелегкую внутреннюю борьбу, которая наконецъ и разрѣшилась совершенно-неожиданнымъ эпизодомъ.

Лѣтомъ 1399 г. Михаилъ занемогъ и болѣзнь его была настолько серьезною, что были уже написаны имъ и грамоты духовныя. Но въ концѣ лѣта, князю опять стало полегче. Какъ разъ около этого времени возвратились изъ Царьграда посланные отъ князя къ патріарху царьградскому съ милостынею для храма св. Софіи. Эти посланные принесли князю благословеніе отъ патріарха и дары многоцѣнные: икону страшнаго суда, частицы мощей святыхъ и драгое муро. Вѣроятно, эти дары патріарха пришли къ князю въ то время, когда онъ, подъ вліяніемъ недуга и тяжкихъ, пережитыхъ имъ, испытаній, окончательно отрѣшился отъ всего земного, отъ всякой мірской суеты. Дары патріарха были еще однимъ, послѣднимъ напоминаніемъ о томъ, что пора успокоиться, пора удалиться отъ міра и его соблазновъ. Князь, принявъ дары патріарха, провелъ всю ночь въ слезахъ и молитвѣ и рѣшился немедленно постричься. Рѣшеніе это было настолько твердо, что когда, на другой день, сыновья Михаила, бояре и другіе близкіе люди пришли къ князю для обычнаго совѣщанія по дѣламъ управленія—князь никого не принялъ, и приказалъ позвать къ себѣ владыку — тверского епископа Арсенія. Ему князь объявилъ о своемъ рѣшеніи, но просилъ никому о немъ до поры-до-времени не говорить. Почтивъ торжественною встрѣчею дары, присланные отъ патріарха, князь велѣлъ въ тотъ же день устроить пиръ и пригласилъ къ столу своему все мѣстное духовенство — черное и бѣлое—и всѣхъ нищихъ, убогихъ и увѣчныхъ, какихъ могли собрать въ Твери. Щедро надѣливъ всѣхъ изъ своего имѣнія, князь самъ служилъ своимъ гостямъ за столомъ и, подавая каждому чашу вина, говорилъ только: „простите меня и благословите“. По окончаніи пира, князь простился со своими дѣтьми, боярами и слугами, увѣщевалъ дѣтей—жить въ мирѣ между собою и по-

виноваться волѣ старшаго брата; молилъ бояръ, чтобы они дѣтей его не ссорили и вѣрно имъ служили; затѣмъ удалился въ соборную церковь, указалъ мѣсто для своей будущей могилы, еще разъ явился на паперти всенародному множеству, и, всѣмъ поклонившись однимъ общимъ поклономъ, еще разъ повторилъ: „Братья! простите меня и благословите всѣ“. Послѣ того, не возвращаясь въ свой теремъ, Михаилъ, прямо изъ собора, прошелъ въ монастырь св. Аѳанасія, и тамъ, нѣсколько дней спустя, постригся подъ именемъ Матѳея.

На другой день, по волѣ новопостриженнаго князя, епископъ Арсеній колокольнымъ звономъ собралъ тверитянъ и объявилъ имъ, что отнынѣ ими будетъ править великій князь Иванъ Михайловичъ, котораго отецъ благословилъ на столъ города Твери. Нѣсколько дней спустя, князь-инокъ, чувствуя приближеніе смерти, принялъ схиму и скончался на 66-мъ году отъ рожденія, раздѣливъ еще при жизни всѣ свои владѣнія между троими сыновьями.

При сынѣ Михаила опять возобновились въ тверскомъ княжествѣ внутренніе раздоры—борьба старшей линіи тверскихъ князей съ князьями кашинскими, окончившаяся при внукѣ Михаила, князѣ Борисѣ Александровичѣ, присоединеніемъ Кашина къ Твери.

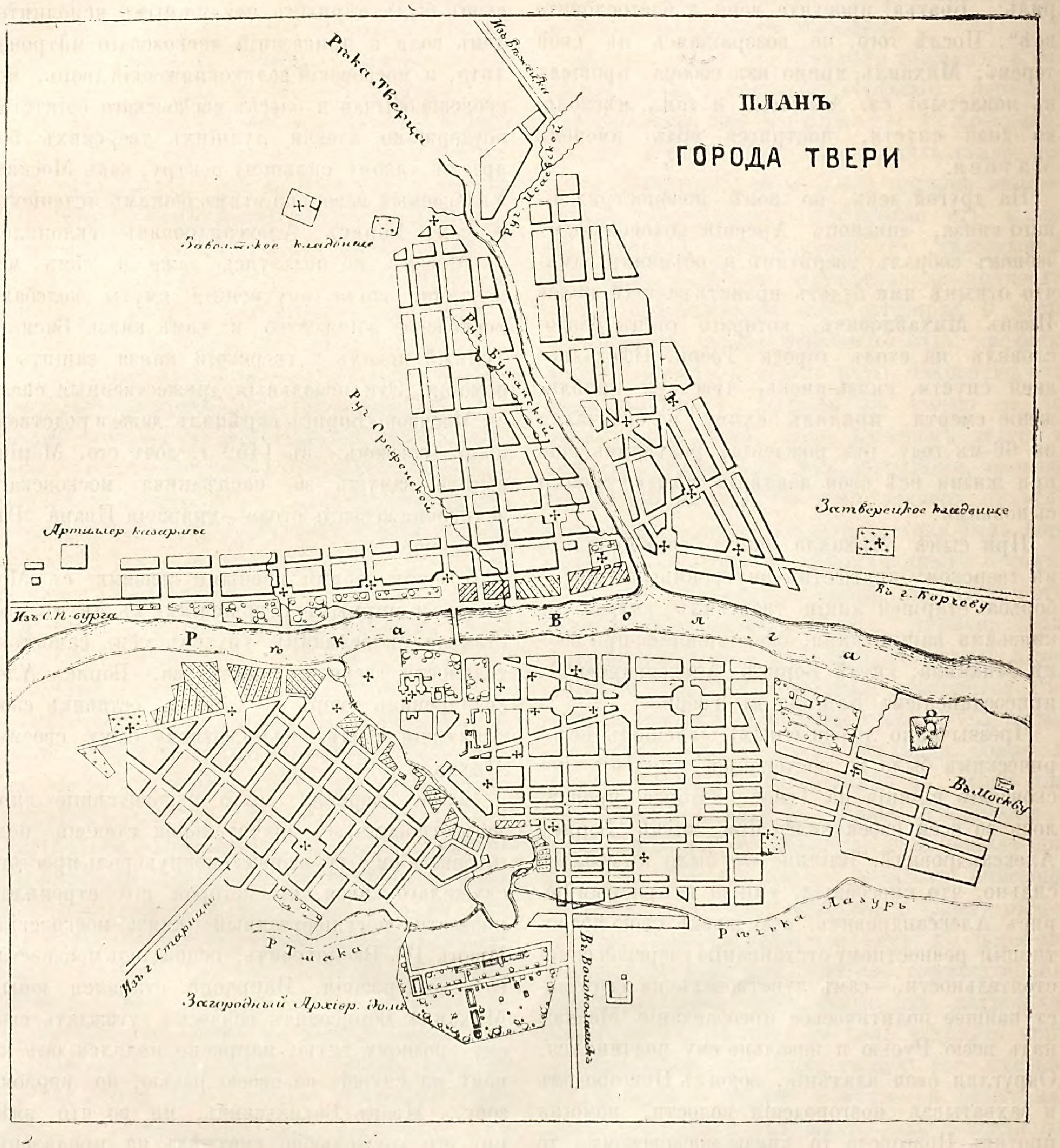
Чрезвычайно любопытнымъ явленіемъ историческимъ было то постепенное усиленіе московскаго вліянія на Тверь, которое проявилось во всей своей силѣ при князѣ Борисѣ Александровичѣ. Вліяніе это было на столько сильно, что способный, умный и храбрый Борисъ Александровичъ, всю жизнь свою посвятившій ревностному отстаиванію тверской самостоятельности,—самъ чувствовалъ на себѣ наступавшее политическое преобладаніе Москвы надъ всею Русью и невольно ему подчинялся. Округляя свои владѣнія, воюя съ Новгородомъ и захватывая новгородскія волости, помогая противъ Новгорода то князю московскому, то Витовту литовскому, князь Борисъ все-же не могъ извлечь надлежащей пользы изъ своего выгоднаго политическаго положенія, потому что не чувствовалъ уже подъ собою никакой твердой почвы. Заключая твердые, нерушимые союзные договоры съ Витовтомъ, которыми тотъ обязывался „думою и помощью оборонять Бориса Александровича отъ всякаго его врага“—Борисъ не вѣрилъ въ силу этихъ договоровъ и понималъ, что никакая внѣшняя помощь не можетъ его спасти отъ всепроницающаго вліянія Москвы, которое вносилось въ Тверь постепенно и неуклонно. Тверской епископъ былъ вѣрнымъ, послушнымъ исполнителемъ воли и приказаній московскаго митрополита, а московскій великокняжескій дворъ, московскіе обычаи и блескъ московскаго богатства неудержимо влекли лучшихъ тверскихъ бояръ къ такому сильному центру, какъ Москва. Увлекаемый невольно этимъ общимъ теченіемъ, и самъ Борисъ Александровичъ склонялся къ Москвѣ, не пользуясь даже и тѣми моментами, когда внутреннія смуты колебали московское княжество и самъ князь Василій Темный искалъ у тверского князя защиты и помощи. Эти невольныя дружественныя связи съ Москвою Борисъ скрѣпилъ даже и родственнымъ союзомъ: въ 1452 г. дочь его, Марія, вышла замужъ за наслѣдника московскаго великокняжескаго стола—княжича Ивана Васильевича.

Крѣпкій своими тѣсными связями съ Москвою и мирными отношеніями къ Литвѣ, отстаивая съ великимъ трудомъ тѣнь самостоятельности тверского княжества, Борисъ Александровичъ умеръ въ 1461 г., оставивъ свой княжескій столъ восьмилѣтнему сыну своему, Михаилу.

Бояре тверскіе, долго руководившіе княземъ-отрокомъ, въ значительной степени подготовили ему ту второстепенную роль простого служилаго князя, къ которой его стремился низвести могущественный князь московскій, Иванъ III Васильевичъ, основатель московскаго самодержавія. Напрасно старался юный Михаилъ Борисовичъ всячески угождать своему грозному зятю; напрасно являлся онъ къ нему на службу со своею ратью, по первому зову... Иванъ Васильевичъ, ни во что вмѣняя его дружелюбіе, смотрѣлъ на проявленія его, какъ на обязательныя отношенія младшаго къ старшему и неуклонно держался по отношенію къ Твери той-же самой политики, которая привела подъ его державу Псковъ и Новгородъ. Усиливая и поддерживая въ Твери свою партію, переманивая въ Москву лучшіе

изъ тверскихъ боярскихъ родовъ и возбуждая постоянные порубежные споры, въ которыхъ на москвичей нельзя было найти ни суда, ни Твери сильную московскую и новгородскую рать, при которой находился и знаменитый иноземецъ, Аристотель Фіоравенти, во главѣ

ГОРОДА ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Планъ нынѣшней Твери.

расправы—Иванъ Васильевичъ привелъ къ неизбѣжному разрыву; а когда Борисъ Михайловичъ задумалъ искать поддержки въ союзѣ съ Литвою, московскій князь двинулъ противъ довольно сильной артиллеріи, состоявшей изъ пушекъ и тюфяковъ *); нѣкоторая часть московской рати была даже вооружена пищалями.

*) Большихъ крѣпостныхъ ружей.

Городъ Тверь въ половинѣ XVIII вѣка (по современной гравюрѣ).

8 сентября 1485 года Иванъ III подступилъ къ Твери, зажегъ тверскіе посады и даже не потрудился окружить города и начать правильную его осаду: онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что до этого дѣло не дойдетъ.

Ожиданія князя московскаго оправдались вполнѣ: — всѣ тверскіе бояре покинули несчастнаго Михаила Борисовича и перешли на службу къ Ивану Васильевичу. Одинокій, оставленный всѣми, Михаилъ Борисовичъ едва успѣлъ захватить свою казну и съ малою дружиною бѣжать въ Литву. 12 сентября Тверь отворила ворота великому князю московскому, и тверитяне были приведены къ присягѣ на вѣрную службу Ивану Васильевичу.

15 сентября, самъ Иванъ Васильевичъ торжественно въѣхалъ въ Тверь и слушалъ обѣдню у Спаса.

Затѣмъ въ Твери былъ посаженъ княземъ сынъ Ивана III — Иванъ Ивановичъ (отъ первой жены, Марьи Борисовны); но онъ правилъ Тверью всего четыре года, и скончался. Послѣ его смерти, видимъ въ Твери правителями простыхъ намѣстниковъ великаго князя московскаго и воеводъ, которые мало-по-малу стираютъ всякіе слѣды тверской самостоятельности и вводятъ въ тверской землѣ московскій законъ и обычай.

Послѣдній князь тверской, Михаилъ Борисовичъ, провелъ всю остальную часть жизни въ Литвѣ, гдѣ и получилъ отъ короля нѣсколько селъ, „на кормленіе". Мать Михаила Борисовича была захвачена въ плѣнъ Иваномъ Васильевичемъ и послана въ заточеніе въ Переяславль-Залѣсскій за то, что пыталась утаить часть сыновней казны, т. е. золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней, и тайкомъ переправить все это въ Литву, къ сыну.

Не прошло и полувѣка послѣ этихъ событій, какъ о прежней самостоятельности Твери не сохранилось уже и воспоминанія. Тверь не только утратила всякое значеніе, но даже явилась, по отношенію къ Москвѣ, забытымъ, заброшеннымъ, глухимъ уголкомъ Русской земли, — мѣстомъ ссылки для опальныхъ людей. Здѣсь, въ Отрочѣ монастырѣ, цѣлые двадцать два года (отъ 1531 — 1553) томился въ заточеніи знаменитый ученый инокъ, Максимъ Грекъ — жертва невѣжества и дворскихъ интригъ — несправедливо обвиняемый въ ереси.

Въ тотъ же Отрочь-монастырь, въ 1568 г. сосланъ былъ Иваномъ Грознымъ и митрополитъ Филиппъ, впослѣдствіи причисленный къ лику святыхъ. Два года спустя, здѣсь же принялъ онъ и мученическую кончину, во время извѣстнаго похода Грознаго съ опричниками на Новгородъ и Псковъ. Вмѣстѣ съ этими городами и Тверь была осуждена на раззореніе, но погромъ коснулся ея только отчасти...

Подступивъ къ Твери со стороны Клина, вырѣзаннаго и ограбленнаго, царь обложилъ городъ, и самъ съ ближайшею дружиною расположился въ одномъ изъ подгородныхъ монастырей. Первымъ подвигомъ опричины было то, что Малюта Скуратовъ поѣхалъ въ Отрочь монастырь и тамъ, по царскому приказу, задушилъ митрополита Филиппа въ его кельѣ, а монахамъ сказалъ, будто святитель умеръ отъ угара...

Затѣмъ, опричники стали грабить духовенство, начиная съ епископа; а два дня спустя — бросились и на горожанъ: грабили, раззоряли, опустошали жилища, расхищали товары. Послѣ этихъ дѣяній, грабители удаляются изъ города, и граждане уже начинаютъ думать, что отъ нихъ избавились, когда опричники вновь появляются въ городѣ и возобновляютъ тѣ же страшныя сцены безцѣльнаго грабежа, безпричинныхъ убійствъ. Бьютъ кого попало: мужчинъ, женщинъ, дѣтей. Въ заключеніе царь приказываетъ свести на берегъ Волги содержавшихся въ Твери плѣнныхъ нѣмцевъ и полочанъ: ихъ, въ присутствіи царя, разсѣкаютъ на части и спускаютъ въ проруби, подъ ледъ. Наконецъ, и царь, и вся его страшная свита — удаляются изъ Твери и, грозною тучею, черезъ Торжокъ, подвигаются къ Новгороду...

Заканчивая древнѣйшій періодъ исторіи Твери, долгомъ считаемъ упомянуть здѣсь еще о двухъ замѣчательныхъ уроженцахъ тверской земли. Одинъ изъ нихъ — Іовъ, митрополитъ московскій; возведенный въ патріархи всероссійскіе въ 1589 году, онъ былъ другомъ Бориса Годунова, а потомъ, при самозванцахъ, жилъ изгнанникомъ на родинѣ своей, въ г. Старицѣ, гдѣ и умеръ, въ Старицкомъ монастырѣ, въ 1607 г. Другой — тверской купецъ, Афонасій Никитинъ, жилъ при послѣднемъ

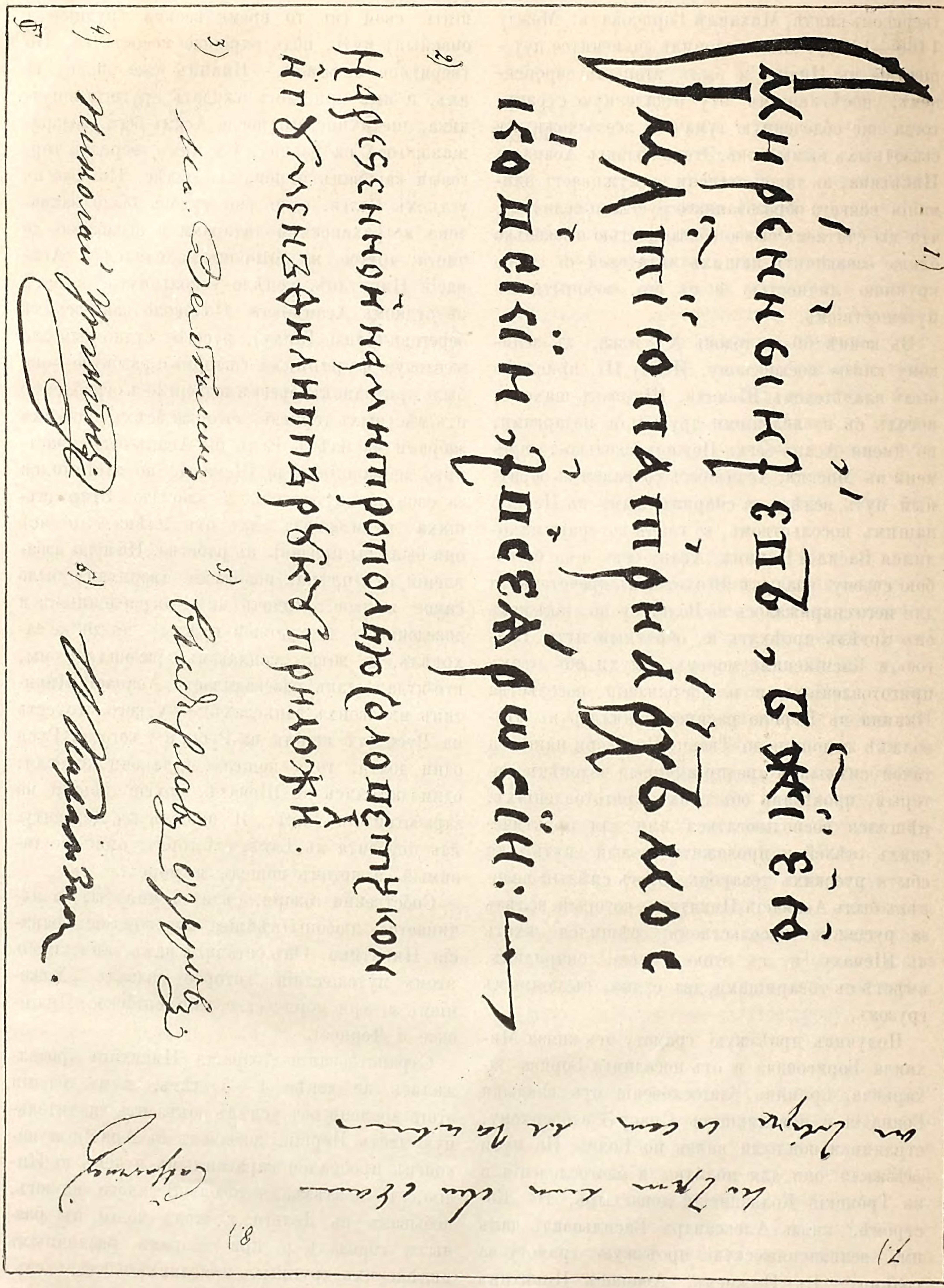
тверскомъ князѣ, Михаилѣ Борисовичѣ. Между 1466—1472 г. онъ совершилъ знаменитое путешествіе въ Индію, и былъ вторымъ европейцемъ, посѣтившимъ эту отдаленную страну, тогда еще облеченную туманомъ всевозможныхъ сказочныхъ вымысловъ. Этотъ подвигъ Аѳанасія Никитина, въ такой степени заслуживаетъ вниманія всякаго образованнаго русскаго человѣка, что мы считаемъ своею обязанностью нѣсколько ближе ознакомить нашихъ читателей съ этою крупною личностью и съ его любопытнымъ путешествіемъ.

Въ концѣ 60-хъ годовъ XV вѣка, къ великому князю московскому, Ивану III, присланъ былъ владѣтелемъ Шемахи, Ширванъ-шахомъ, посолъ съ изъявленіями дружбы и подарками, по имени Асанъ-бегъ. Поживъ сколько-то времени въ Москвѣ, Асанъ-бегъ собрался въ обратный путь, вслѣдъ за снаряженнымъ въ Персію нашимъ посольствомъ, во главѣ котораго находился Василій Папинъ. Асанъ-бегъ везъ съ собою своему владыкѣ 90 охотныхъ кречетовъ, и для него снаряжалось на Волгѣ судно, такъ какъ онъ хотѣлъ проѣхать въ обратный путь Волгою и Каспійскимъ моремъ. Слухи объ этихъ приготовленіяхъ и о снаряженіи посольства Папина въ Персію распространились въ Поволжьѣ и дошли до Твери. Въ Твери нашелся такой смѣлый и предпріимчивый человѣкъ, который, провѣдавъ объ этихъ приготовленіяхъ, рѣшился воспользоваться ими для практическихъ цѣлей и проложить новый путь для сбыта русскихъ товаровъ. Этотъ смѣлый человѣкъ былъ Аѳанасій Никитинъ, который, вслѣдъ за русскимъ посольствомъ, рѣшился ѣхать въ Шемаху, и, съ этою цѣлью, снарядилъ, вмѣстѣ съ товарищами, два судна, съ полнымъ грузомъ.

Получивъ проѣзжую грамоту отъ князя Михаила Борисовича и отъ посадника Бориса Захарьича, принявъ благословеніе отъ владыки Геннадія и помолившись Спасу Златоверхому, странники поплыли внизъ по Волгѣ. На пути заѣзжали они для молитвы и благословенія и въ Троицкій Колязинскій монастырь. Въ Костромѣ, князь Александръ Васильевичъ далъ имъ великокняжескую проѣзжую грамоту за границу. Въ Нижнемъ, Аѳанасій Никитинъ разсчитывалъ съѣхаться съ Василіемъ Папинымъ и примкнуть къ его свитѣ, чтобы совершить свой (въ то время весьма трудный и опасный) путь, подъ охраною посольства. Но тверитяне опоздали,—Папинъ уже опередилъ ихъ, и имъ пришлось ожидать другого попутчика, шемахинскаго посла Асанъ-бега, возвращавшагося на родину. Съ нимъ тверской торговый караванъ и поплылъ далѣе. Но уже въ устьяхъ Волги, одно изъ судовъ было захвачено астраханскими татарами и ограблено до чиста; другое, на которомъ находился и Аѳанасій Никитинъ, успѣло ускользнуть, вмѣстѣ съ судномъ Асанъ-бега. Но около кавказскихъ береговъ (близъ Тарху), русское судно вынесло жестокую фуртовину (штормъ); разбитое—оно было пригнано къ берегу и подверглось ограбленію отъ мѣстныхъ горцевъ, которые всѣхъ русскихъ забрали въ плѣнъ. Если бы Асанъ-бегъ, счастливо добравшійся до Шемахи, не заступился за своихъ спутниковъ и властью Ширванъ-шаха не избавилъ ихъ отъ плѣна, то всѣ они были бы проданы въ рабство. Но и по избавленіи отъ плѣна, положеніе тверитянъ было самое жалкое. Помочь имъ—ограбленнымъ и доведеннымъ до крайней нужды—никто не захотѣлъ, и вотъ, „заплакавъ, разошлись мы, кто-куда“ (такъ разсказываетъ Аѳанасій Никитинъ въ своихъ запискахъ):—у кого что есть на Руси, тѣ пошли на Русь; а у кого на Руси одни долги, тотъ пошелъ, куда очи понесли; одни остались въ Шемахѣ, другіе пошли на заработки къ Бакѣ. Я пошелъ къ Дербенту, изъ Дербента къ Бакѣ, гдѣ горитъ огонь неугасимый, а потомъ пошелъ за море“.

Собственно говоря, съ этой минуты, и начинается любопытнѣйшее путешествіе Аѳанасія Никитина. Онъ оставилъ намъ записки объ этомъ путешествіи, которое назвалъ „Хоженіемъ за три моря“ (т. е. за Каспійское, Индійское и Черное).

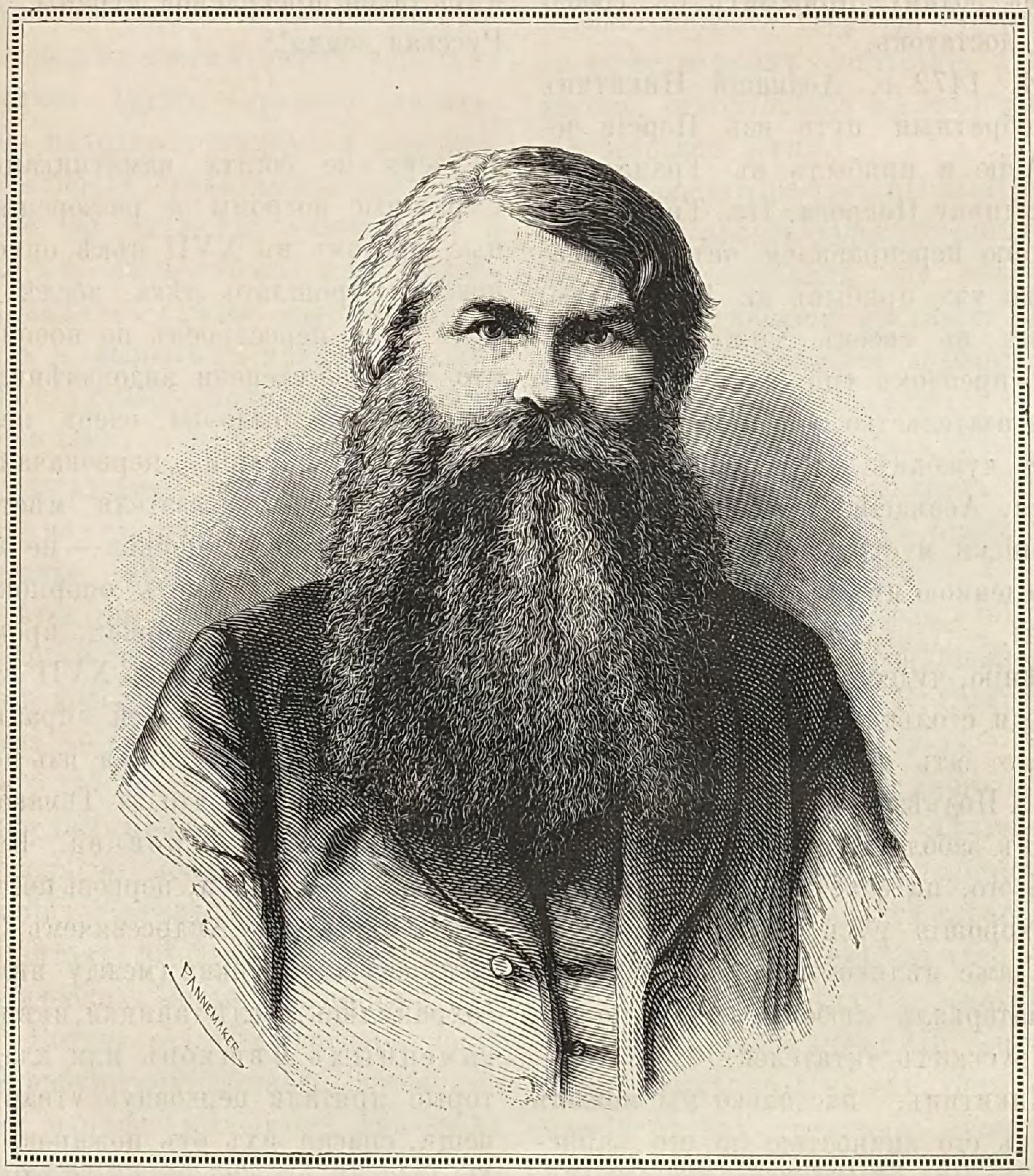
Странствованія Аѳанасія Никитина продолжались не менѣе 4—5 лѣтъ, и въ теченіи этого времени онъ успѣлъ объѣздить значительную часть Персіи, побывалъ въ Аравіи и наконецъ пробрался караваннымъ путемъ въ Индію, гдѣ и заѣзжалъ довольно далеко на югъ, побывалъ въ Дельги и жилъ долго въ разныхъ городахъ и при дворахъ различныхъ индѣйскихъ крупныхъ и мелкихъ владѣльцевъ. „Вотъ уже четыре великихъ поста и четыре свѣтлыхъ праздника прошло“—пишетъ нашъ

1) Подпись патріарха Іова.—2) Подпись митрополита Филиппа. — 3) Подпись И. Е. Забѣлина. — 4) Подпись гравера Н. Уткина.— 5) Подпись В. Озерова.—6) Подпись Н. М. Карамзина.—7) Почеркъ Н. А. Крылова.—8) Подпись Великой княгини Екатерины Павловны.

странствователь въ своемъ Хоженіи — „а я не знаю, ни что Свѣтлый праздникъ, ни что постъ, ни праздникъ Рождества Христова, ни другой праздникъ, ни среды, ни пятницы, потому, когда меня ограбили, то отняли у меня и книги мои“. Не смотря на это, умный и глубоко-религіозный Никитинъ старался вести даетъ природу тѣхъ странъ, слѣдитъ, какъ любознательный человѣкъ, и за небесными явленіями, и за мѣстными нравами и обычаями чуждыхъ ему племенъ, и объ этомъ сообщаетъ намъ кратко, но толково и осмысленно. Тамъ, гдѣ нравственное чувство Аѳанасія Никитина возмущалось „мерзостью поганскихъ обычаевъ“,

ТВЕРСКІЕ УРОЖЕНЦЫ.

И. Е. Забѣлинъ.

кое-какое счисленіе по праздникамъ мусульманскимъ, не переставалъ молиться Богу и соблюдать по возможности обряды православной вѣры, и счастливо избѣгъ всякихъ попытокъ къ обращенію его въ магометанство. Записывая вкратцѣ, больше по памяти, Никитинъ, однакоже, сообщаетъ чрезвычайно много интереснаго о видѣнномъ въ Персіи и Индіи, наблюонъ не рѣшался дѣлать свои помѣтки по-русски и заносилъ въ Хоженіе по-персидски, выражая слова восточнаго языка русскими буквами.

Болѣе всего поражаетъ насъ талантливый и находчивый тверичъ своею удивительною энергіею и тою замѣчательною смѣтливостью, которую онъ выказываетъ во время всего сво-

его путешествія по чуждымъ ему странамъ, безъ знанія восточныхъ языковъ, безъ малѣйшаго понятія о маршрутѣ, которому онъ долженъ былъ слѣдовать. Ограбленный до-чиста, онъ, по прибытіи въ Персію, изыскиваетъ средства обзавестись кое-какой торговлишкой, промышляетъ всякой-всячиной, покупаетъ, перепродаетъ, мѣняетъ. Научившись персидскому языку, онъ находитъ возможность существовать нѣсколько лѣтъ сряду вдали отъ родины, и возвращаясь на родину, привозитъ съ собою даже какой-то достатокъ.

Въ сентябрѣ 1472 г. Аѳанасій Никитинъ двинулся въ обратный путь изъ Персіи черезъ Малую Азію и прибылъ въ Трапезундъ къ самому празднику Покрова. Изъ Трапезунда по Черному морю переправился онъ въ Балаклаву, и только уже прибывъ въ Кафу (Ѳеодосію) записалъ въ своемъ Хоженіи: „Милостію Божіею прейдохъ три моря". Затѣмъ, какъ бы въ доказательство того, что онъ не даромъ былъ на чужбинѣ, и многому успѣлъ тамъ научиться, Аѳанасій Никитинъ заканчиваетъ свои записки мусульманскою молитвою, дословно приведенною имъ въ подлинникѣ (русскими буквами).

Но Провидѣнію, чудесно-хранившему нашего странника среди столькихъ бѣдъ и опасностей, не угодно было дать ему еще разъ увидѣть родной городъ... Подъѣзжая къ Смоленску, Аѳанасій Никитинъ заболѣлъ и умеръ. Драгоцѣнное Хоженіе его, по счастью, не пропало, а досталось въ хорошія руки, было доставлено въ Москву и даже цѣликомъ занесено въ лѣтопись, какъ матерьялъ любопытный и поучительный для русскихъ читателей.

Аѳанасій Никитинъ, насколько мы можемъ ознакомиться съ его личностью по его запискамъ, представляется намъ замѣчательнымъ русскимъ человѣкомъ XV вѣка. Въ Хоженіи онъ отчетливо и ярко рисуется намъ, какъ истинный христіанинъ, какъ горячій патріотъ, какъ человѣкъ не только бывалый, но и начитанный; а по наблюдательности и ясности своего взгляда, по живости изложенія, какъ путешественникъ - писатель, Аѳанасій Никитинъ нимало не уступаетъ ни венеціанцу Ди-Конти, посѣтившему Индію лѣтъ на двадцать ранѣе его, ни Васко-де-Гамѣ, совершившему плаваніе въ Индію нѣсколько позже Никитина.

Глубокимъ, неподдѣльнымъ, искреннимъ чувствомъ звучатъ тѣ строки Хоженія, въ которыхъ Никитинъ вспоминаетъ о своей родинѣ, сравнивая ее съ благодатнѣйшими и роскошнѣйшими странами Юга:

„Обильны всѣмъ побережья губы Севастопольскія, и Грузія, и турецкая земля; обилье во всемъ и все дешево въ волошской землѣ и въ подольской. А Русская земля—да сохранитъ ее Богъ. Боже, сохрани ее! Въ этомъ мірѣ нѣтъ такой прекрасной страны. Да устроится Русская земля!"

Тверь не богата памятниками древности. Страшные погромы и раззоренія, перенесенные городомъ въ XVII вѣкѣ, опустошительные пожары прошлаго вѣка, послѣ которыхъ городъ былъ перестроенъ по новому плану—все это до такой степени видоизмѣнило внѣшность города, что было-бы очень нелегко возстановить его древній, первоначальный планъ. Даже и главные указатели мѣстной топографіи—монастыри и церкви—не могутъ въ настоящее время служить опорною точкою для изслѣдователя: всѣ церкви, кромѣ одной, не восходятъ далѣе конца XVII вѣка, а значительная доля монастырей упразднена въ прошломъ вѣкѣ. Древнѣйшая изъ церквей г. Твери—Троицкая *), что за Тьмакою, иначе называемая Бѣлой Троицей. Какъ видно изъ уцѣлѣвшей надписи, церковь построена въ 1564 году, Гавріиломъ Андреевичемъ Толшинскимъ; надъ сводами церкви (между ними и крышею) сохранились доселѣ тайники, въ видѣ обширныхъ каменныхъ мѣшковъ или кладовыхъ, въ которые прятали церковную утварь и ризничныя вещи, спасая ихъ отъ пожаровъ и нашествій. Изъ остальныхъ церквей болѣе замѣчателенъ соборъ Преображенія, начатый постройкою въ 1687 г., при архіепископѣ Сергіѣ, и сложенный изъ бѣлаго камня. Колокольня, находящаяся при соборѣ, построена еще позже, въ половинѣ XVIII вѣка. Большинство остальныхъ церквей, по времени постройки, не восходятъ далѣе конца прошлаго вѣка.

Устныя преданія и названія урочищъ, всегда

*) Въ VII вып., на стр. 201, гдѣ помѣщенъ видъ этой церкви, въ подпись къ рисунку вкралась грубая ошибка: церковь названа не Троицкою, а Спасскою.

долѣе всякихъ вещественныхъ памятниковъ сохраняющія намъ память объ отдаленной старинѣ—напоминаютъ намъ и въ Твери о злыхъ временахъ татарщины. Такъ, напримѣръ, и до настоящаго времени называется Татарскими горами небольшое возвышеніе, занимаемое теперь кладбищенскою церковью во имя Смоленской Божіей Матери. Здѣсь, говорятъ, живали въ былые годы ханскіе баскаки со своими отрядами, которые, по непривычкѣ жить въ комнатномъ воздухѣ, раскидывали шатры на просторѣ. Близь этой мѣстности и доселѣ еще есть Татарская улица. Далѣе,—преданіе гласитъ, что за Тьмакою находился нѣкогда и княжой теремъ, въ мѣстности около нынѣшней семинаріи; здѣсь-же, по близости, указываютъ и княжій звѣринецъ, лѣтъ сорокъ тому назадъ тамъ еще сохранялись слѣды толстыхъ старыхъ деревьевъ и вырытыхъ прудовъ — слѣды, исчезнувшіе теперь подъ сооруженіями пароходной пристани.

Кое-какимъ догадкамъ, относительно плана древней Твери, помогаютъ и случайныя находки археологическія. Такъ, въ 50-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, на Дворцовой площади, во время рытья какой-то канавы, вырыто было много дубовыхъ колодъ (гробовъ) съ остатками костей и одеждъ — ясное указаніе на то, что здѣсь когда-то было кладбище или, по крайней мѣрѣ, скудельница, въ которой хоронили покойниковъ по поводу одного изъ моровыхъ повѣтрій. Затѣмъ, большинство случайныхъ (и притомъ довольно частыхъ) находокъ нумизматическихъ было сдѣлано на обоихъ берегахъ Волги, отъ плашкотнаго моста вверхъ до петербургской заставы: весенними потоками здѣсь нерѣдко вымываетъ изъ земли тверскія, кашинскія и московскія древнія монеты и древнія металлическія мелкія вещи. Есть, слѣдовательно, нѣкоторое основаніе думать, что въ предѣлахъ этой „мѣстности частыхъ находокъ“ и должно искать наиболѣе населенныя части древней Твери.

Но, по особенно странной случайности, городъ Тверь, небогатый остатками мѣстной старины, обладаетъ богатымъ и образцовымъ музеемъ — лучшимъ изо всѣхъ нашихъ провинціальныхъ музеевъ, которымъ по справедливости городъ можетъ гордиться.

Начало тверскому музею было положено въ 1866 г., и починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ князю П. Р. Багратіону, который былъ въ это время тверскимъ губернаторомъ. Музею было отведено довольно обширное помѣщеніе при губернскомъ статистическомъ комитетѣ, въ нижнемъ этажѣ зданія губернской гимназіи. Въ основу музея была положена весьма опредѣленная и практическая цѣль: — собираніе и храненіе образцовъ произведеній земледѣльческой, фабричной, заводской и ремесленной производительности тверской губерніи, образцовъ ея естественныхъ богатствъ, а также и предметовъ, относящихся къ этнографіи и археологіи тверской земли.

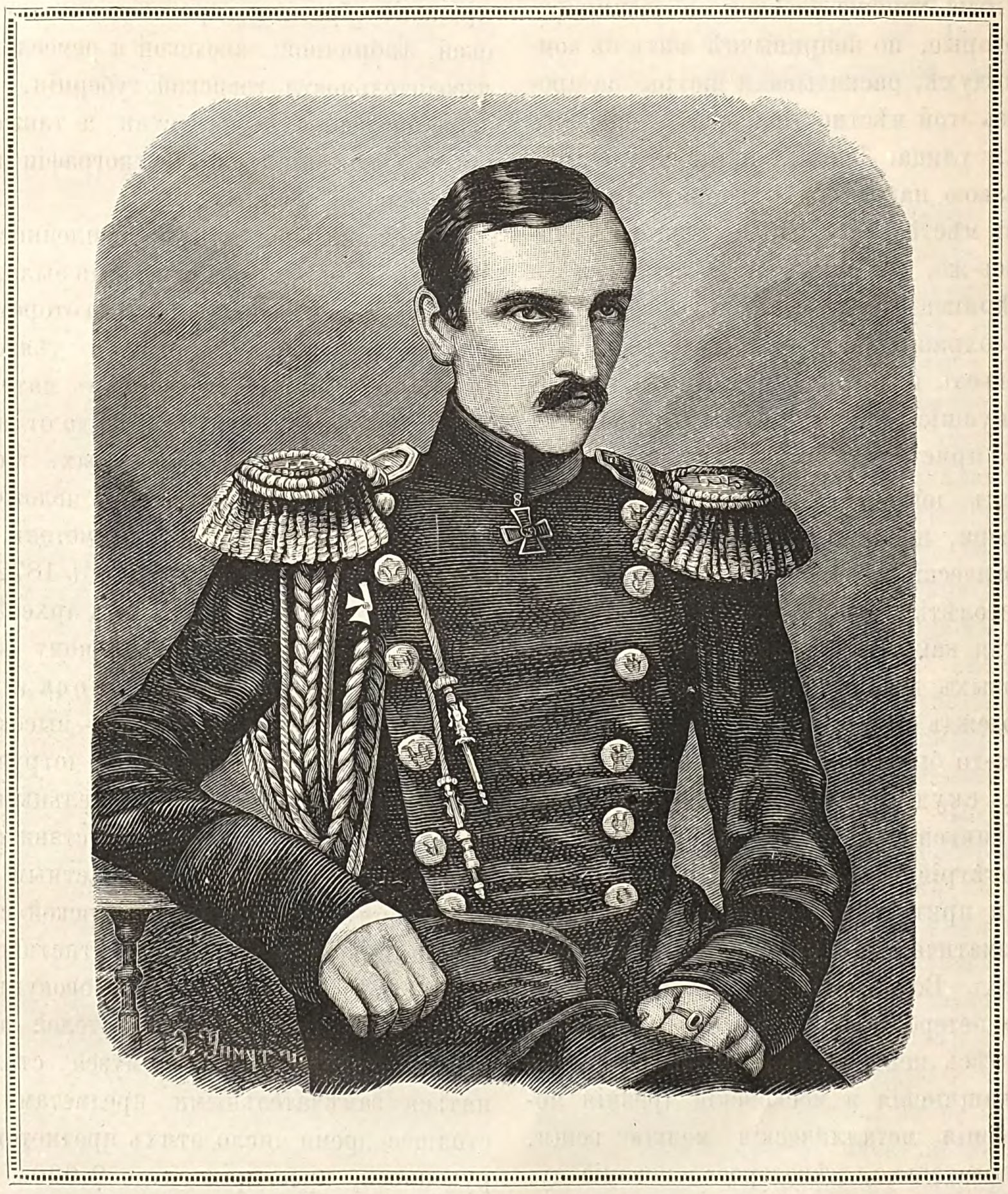
Коллекцію образцовъ промышленности и естественныхъ произведеній губерніи было, конечно, не трудно составить при нѣкоторомъ сочувствіи и содѣйствіи мѣстныхъ дѣятелей. Гораздо труднѣе оказался подборъ матерьяла этнографическаго; а что касается до отдѣла археологическаго, то въ теченіе цѣлыхъ шести лѣтъ онъ былъ въ самомъ жалкомъ положеніи и состоялъ изъ полудюжины предметовъ, не имѣвшихъ почти никакой цѣны. Съ 1872 года при музеѣ сталъ быстро возрастать археологическій отдѣлъ, благодаря просвѣщенному содѣйствію начальника губерніи А. Н. Сомова и мѣстныхъ владыкъ, въ особенности-же — высокопреосвященнаго Саввы, столь много потрудившагося для русской археологіи. Дѣятельнымъ помощникомъ вышеупомянутыхъ представителей мѣстной интеллигенціи явился страстный археологъ и неутомимый изыскатель тверской старины— помощникъ предсѣдателя статистическаго комитета А. К. Жизневскій. Совокупными усиліями этихъ почтенныхъ дѣятелей археологическій отдѣлъ тверского музея сталъ пополняться замѣчательными предметами и въ настоящее время число этихъ предметовъ, кромѣ рукописей, простирается до 2,000.

Древности, собранныя въ тверскомъ музеѣ, не принадлежатъ какой-нибудь одной отрасли археологическихъ знаній, а напротивъ того, по всѣмъ отраслямъ представляютъ предметы первостепенной важности. Многіе изъ нихъ оказываются даже единственными въ своемъ родѣ и, можно сказать смѣло, имѣютъ важное значеніе для обще-русской археологіи.

Въ отдѣлѣ древностей каменнаго вѣка видимъ доломитовый топоръ и другія оригинальной

формы орудія неолитическаго періода *); въ отдѣлѣ курганныхъ древностей—интересныя бронзовыя и серебряныя вещи и хорошо сохранившіеся горшки, съ клеймами на днѣ. Между каменными древними крестами и надгробными памятниковъ XII вѣка **). Любопытенъ и такъ называемый камень „Степанъ", —одинъ изъ древнихъ межевыхъ камней—и каменныя надгробія, съ изсѣченными на нихъ изображеніями трехконечныхъ крестовъ.

ТВЕРСКІЕ УРОЖЕНЦЫ.

Адмиралъ В. А. Корниловъ.

плитами особенное вниманіе привлекаетъ громадный Стерженскій крестъ (памятный, а не надгробный)—одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ

Въ отдѣлѣ церковныхъ древностей есть замѣчательныя иконы, писанныя знаменитымъ иконописцемъ Симономъ Ушаковымъ (1677 года),

*) Неолитическимъ называется періодъ болѣе близкій къ нашему историческому времени.

**) Изображеніе Стерженскаго креста, хотя онъ хранится въ тверскомъ музеѣ, было помѣщено нами въ числѣ древностей новгородскихъ; см. стр. 153.

рѣдкія—можно почти сказать, единственныя въ своемъ родѣ—иконы: „Теченіе жизни человѣческой" и „Распятіе Господне", и богатѣйшая коллекція крестовъ-тѣльниковъ и

ТИПЫ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Женщины города Осташкова, въ праздничномъ нарядѣ.

образковъ, изъ коихъ нѣкоторые должны быть отнесены къ періоду времени отъ IX—XI в.

Въ этой коллекціи особаго вниманія заслуживаютъ каменные наперсные кресты съ изобра-

женіемъ святыхъ, оправленные въ серебро съ черню и любопытные змѣевики (образки-талисманы) по формѣ отличные отъ змѣевиковъ кіевскихъ.

Любопытны и важны въ томъ-же церковномъ отдѣлѣ древнія восковыя и тощія свѣчи съ красивыми узорами и надписями, деревянные и рѣзные изъ кости подсвѣчники, желѣзныя и бронзовыя паникадила съ причудливой орнаментаціей, деревянныя рѣзныя царскія двери XIV и XVI вв., шитые покровы XV и XVI вв. и весьма богатое собраніе образцовъ старинныхъ тканей, избѣгнувшихъ выжиги.

Въ отдѣлѣ свѣтскихъ древностей и домашней утвари обращаютъ на себя вниманіе эмалевая коробочка для румянъ (см. рис. на стр. 204), рѣзные костяные гребни съ изображеніемъ грифоновъ, сфинксовъ и стрѣляющихъ амуровъ, серьги, кольца, перстни и печати.

Въ собраніи оружія и доспѣховъ важенъ хорошо сохранившійся юмшанъ (досчатый доспѣхъ), съ арабскими надписями XIII в.

Нумизматическій отдѣлъ музея богатъ рѣдкими экземплярами тверскихъ, кашинскихъ и городенскихъ монетъ, отчасти еще неопредѣленныхъ учеными.

Между старинными портретами видное мѣсто занимаетъ портретъ великой государыни, Мароы Ивановны (матери царя Михаила Өеодоровича) писанный, повидимому, съ натуры.

Не входя въ подробности относительно рукописнаго отдѣла, замѣтимъ, что онъ весьма богатъ и богатѣетъ съ каждымъ годомъ. Въ послѣднее время въ этотъ отдѣлъ стали поступать важныя бумаги XVIII в., до сихъ поръ еще неразобранныя; а недавно въ даръ музею принесены А. Н. Карамзинымъ, писанныя къ его отцу, исторіографу Н. М. Карамзину, письма великой княгини Екатерины Павловны.

Къ чести лицъ, завѣдывающихъ музеемъ, слѣдуетъ замѣтить, что всѣ предметы его сохраняются въ величайшемъ порядкѣ, каталогизація предметовъ не оставляетъ желать ничего лучшаго, и вообще, изъ осмотра музея выносится одно изъ тѣхъ пріятныхъ впечатлѣній, которыя постоянно оставляютъ въ насъ учрежденія, вызванныя къ жизни дѣйствительными потребностями, поддерживаемое съ участіемъ и любовью.

Ежегодные отчеты о новыхъ пріобрѣтеніяхъ и пожертвованіяхъ, поступающихъ въ музей, печатаются въ мѣстныхъ и даже въ столичныхъ органахъ печати и возбуждаютъ живой интересъ къ музею, который притомъ-же, благодаря А. К. Жизневскому, стоитъ въ постоянныхъ и тѣсныхъ связяхъ со всѣми нашими археологическими обществами и важнѣйшими представителями нашей археологической науки.

Въ какой степени интересъ, возбуждаемый въ мѣстномъ населеніи музеемъ, возрасталъ по мѣрѣ обогащенія его — объ этомъ не трудно судить по возрастанію числа посѣтителей музея, въ періодъ времени отъ 1874 по 1882 г. Въ 1874 году посѣтили музей только 12 человѣкъ; въ 1875—374; въ 1876—677; въ 1877—854; въ 1878 — 1051; въ 1879 — 2121; въ 1880 — 4051; въ 1881 — 6631, и въ 1882—8668 человѣкъ! Эти цифры такъ краснорѣчиво говорятъ за себя, что къ нимъ не приходится добавлять никакого комментарія.

IV.

Городъ Торжокъ.—Его былое историческое значеніе.—Мѣстныя сказанія.—Остатки старины.—Сельцо Маленники и воспоминаніе о Пушкинѣ.

Весьма древнимъ въ числѣ городовъ тверской губерніи является городъ Торжокъ или, правильнѣе сказать, Новый Торгъ. Древностью звучитъ и самое названіе это, ясно указывающее на то, что здѣсь городъ выросъ на мѣстѣ одного изъ тѣхъ торжковъ, которые всюду разбросаны были въ древнее время по воднымъ путямъ,—этимъ единственнымъ путямъ первобытной торговли. И надо предполагать, что мѣстность нынѣшняго Торжка была нѣкогда очень важнымъ передаточнымъ пунктомъ въ сношеніяхъ Великаго Новгорода съ Поволжьемъ, потому что никакія раззоренія и погромы не могли умалить значенія Торжка, и городъ много разъ возникалъ изъ пепла и развалинъ, и быстро возрасталъ до прежняго значенія и богатства.

Мѣстное преданіе утверждаетъ, что городъ не безъ основанія получилъ названіе Новаго-Торжка, такъ какъ прежній, первоначальный Торжокъ, лежалъ ниже нынѣшняго, по теченію Тверцы, версты на 3 или на 4.

Мѣстоположеніе нынѣшняго Торжка очень красиво, даже живописно. Городъ раскинутъ по обоимъ берегамъ Тверцы, довольно высокимъ въ этомъ мѣстѣ и круто-спускающимся къ излучистой рѣкѣ, которая раздѣляетъ Торжокъ на двѣ части: Борисоглѣбскую (на правомъ берегу Тверцы) и Затверецкую (на лѣвомъ). Правый берегъ застроенъ тѣсно, улицы въ этой части города довольно узки и кривы, и всѣ сходятся къ небольшой площади, на которой стоитъ старый и довольно-обширный гостиный дворъ; часть города, построенная на этой сторонѣ, получила названіе Борисоглѣбской отъ весьма древняго монастыря, изстари занимающаго самое видное мѣсто въ этой части города. Лѣвый берегъ застроенъ не такъ тѣсно и болѣе правильно; улицы здѣсь широки и прямы, а вдоль набережной тянется городской бульваръ — единственное мѣсто гульбища для горожанъ. Обѣ стороны соединены въ недавнее время постояннымъ желѣзнымъ мостомъ очень легкой и прочной конструкціи. Главнымъ украшеніемъ Торжка, какъ и большей части старинныхъ русскихъ городовъ, служатъ церкви. Купола и колокольни ихъ, придающіе разнообразіе и пестроту сплошной и скученной массѣ жилыхъ городскихъ построекъ, оживляютъ общій видъ города. Церквей же въ городѣ Торжкѣ и въ настоящее время болѣе 30, и это количество ихъ ясно указываетъ на то, что городъ когда-то былъ очень богатъ и не жалѣлъ своего достатка на постройку храмовъ Божіихъ и монастырей, которыхъ въ городѣ и около города было не менѣе десяти.

Не смотря на то, что Торжокъ былъ сильно укрѣпленъ и окруженъ когда-то каменною стѣною, а потомъ высокимъ землянымъ валомъ съ деревянною стѣною и одиннадцатью каменными кострами или башнями—городу приходилось часто и много страдать отъ вражескихъ нападеній и раззореній. Главною причиною этихъ бѣдствій было то порубежное положеніе Торжка, которое дѣлало его ключемъ всѣхъ торговыхъ сношеній Новгорода съ Поволжьемъ и Низовыми землями; побочною, второстепенною причиною было завѣдомое богатство города, въ которомъ почти все населеніе сплошь составляли купцы, съѣзжавшіеся сюда изъ всѣхъ окрестныхъ областей Русской земли, и весьма охотно селившіеся въ этомъ бойкомъ торговомъ пунктѣ. Не диво, если каждый изъ случайныхъ враговъ и изъ сильныхъ сосѣдей Великаго Новгорода старался, при любомъ удобномъ случаѣ, или пограбить городъ, или, по крайней мѣрѣ, взять съ него крупный, тяжелый окупъ.

Не вдаваясь въ подробное изложеніе исторіи Торжка, которая — мимоходомъ будь сказано— могло-бы занять очень любопытную страницу

въ общей исторіи нашей сѣверной Руси, мы припомнимъ здѣсь только, что хотя первое достовѣрное упоминаніе о Торжкѣ, какъ важномъ, торговомъ городѣ, встрѣчаемъ не ранѣе половины XII вѣка, однако-же, знаемъ, что уже въ самомъ началѣ XI вѣка преподобный Ефремъ новоторжскій положилъ здѣсь основаніе важнѣйшей изъ мѣстныхъ обителей (Борисоглѣбскому монастырю), около котораго вѣроятно и образовалось первоначальное поселеніе. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что городъ Торжокъ уже существовалъ и велъ обширную торговлю, когда о Твери не было еще и помину. Съ самаго основанія своего, городъ Торжокъ былъ однимъ изъ наиболѣе значительныхъ новгородскихъ пригородовъ, и постоянно служилъ самымъ вѣрнымъ регуляторомъ отношеній Новгорода къ сосѣдямъ. Съ сосѣдями былъ у Новгорода миръ — и на Торжкѣ была тишина и спокойствіе; съ сосѣдями заводились раздоры да смуты — и это тотчасъ-же отзывалось на Торжкѣ. Борьба Новгорода съ суздальскими князьями и съ Тверью, главнымъ образомъ происходила здѣсь, и почти всегда начиналась съ того, что врагъ старался овладѣть въ расплохъ крѣпкимъ новгородскимъ пригородомъ, и, если ему это не удавалось, облегалъ Торжокъ со всѣхъ сторонъ и начиналъ вести правильную осаду. Въ этомъ случаѣ, новгородцы спѣшили поскорѣе стянуть къ Торжку свои главныя силы и отстоять городъ отъ врага. Но если Торжокъ попадалъ въ руки непріятеля — это всегда отражалось страшными бѣдствіями на всей новгородской области. Торговля Торжка, искони, была главнымъ образомъ торговлею хлѣбною, и если низовые хлѣбные запасы, скопившіеся въ Торжкѣ, бывали остановлены непріятелемъ, — голодъ и моръ грозили Новгороду и всей его области. И если мы припомнимъ, какъ часты были непріязненныя отношенія Новгорода къ Суздалю и Твери, то мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, поймемъ, сколько бѣдъ долженъ былъ вынести многострадальный городъ въ теченіи XII, XIII и XIV вѣковъ. Не слѣдуетъ забывать и о погромахъ, понесенныхъ отъ Татаръ, и о Литовскихъ набѣгахъ, и о позднѣйшихъ раззореніяхъ смутнаго времени... Лѣтопись города очень пестрая: она богата слезами, кровью и пожарами. Въ этой лѣтописи неизгладимыми чертами останется навсегда записаннымъ погромъ 1372 года, вынесенный Торжкомъ отъ князя Михаила Александровича Тверского, который взялъ городъ приступомъ и совершенно истребилъ его — сравнялъ съ землею, такъ что уцѣлѣлъ только одинъ Борисоглѣбскій монастырь, а Торжку пришлось за̀-ново разростаться изъ маленькой слободки. Только уже въ 1477 г., когда московскія войска заняли Торжокъ и городъ навсегда присоединился къ московскому государству — бѣдствія и страданія города прекратились, и онъ зажилъ спокойно.

Если мы примемъ въ соображеніе все вышесказанное, то само собою разумѣется, что въ городѣ Торжкѣ мы не станемъ искать остатковъ старины стародавней. Всѣ находящіеся въ городѣ храмы, приходскіе и монастырскіе, не восходятъ далѣе начала XVII вѣка, и очень немногіе изъ вещественныхъ памятниковъ, хранящихся въ храмахъ, напоминаютъ намъ о предшествующей новгородской эпохѣ исторіи города Торжка. Къ числу таковыхъ несомнѣнно принадлежитъ хранящійся въ ризницѣ Борисоглѣбскаго монастыря деревянный потиръ, котораго рисунокъ приведенъ нами на стр. 217, и еще одинъ скромный каменный гробъ въ склепѣ Преображенскаго собора (начатаго постройкою въ 1364 г., но перестроеннаго въ началѣ XVIII в.). Въ этомъ гробѣ покоятся останки благовѣрной княгини Юліяніи Вяземской, — этой русской Лукреціи, которая приняла мученическую смерть отъ руки человѣка, ослѣпленнаго звѣрскою страстью къ ней и тщетно склонявшаго ее къ незаконной связи. Скромная гробница этой замѣчательной русской женщины приводитъ на память грустную повѣсть ея тяжкихъ, незаслуженныхъ страданій, послужившую основой для извѣстной драмы... Сообщимъ ее въ нѣсколькихъ словахъ.

Въ 1401 году послѣдній изъ князей смоленскихъ, Юрій Святославичъ, изгнанный изъ своей отчины и дѣдины, явился въ Новгородъ съ сыномъ своимъ Ѳеодоромъ, братомъ Владиміромъ и другомъ своимъ, служилымъ княземъ Симеономъ Мстиславичемъ Вяземскимъ. Изгнанный князь предложилъ себя на службу Господину Великому Новгороду. Его предложеніе было принято и въ управленіе ему и его пріятелю, князю Вяземскому, дано 13 городовъ,

и въ томъ числѣ Торжокъ, въ которомъ оба князя и поселились. Скучая бездѣйствіемъ и изъ подобныхъ отлучекъ, его другъ, князь Симеонъ Вяземскій, женился по любви на кра-

ТИПЫ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Крестьяне Новгородской и Тверской губерніи.
По фотографіи рисовалъ художникъ М Зиновьевъ.

тяготясь подчиненіемъ новгородскому вѣчу, князь Юрій смоленскій часто отлучался изъ Торжка то въ Тверь, то въ Москву. Въ одну савицѣ Юліаніи. Какъ только увидѣлъ ее князь Юрій, такъ и влюбился въ нее и до такой степени поддался своей пагубной страсти, что для

удовлетворенія ея рѣшился на величайшія крайности. Но всѣ искательства и ухаживанія его были отвергнуты Юліаніей и не могли поколебать ея вѣрности мужу. Тогда князь Юрій задумалъ избавиться отъ своего друга, думая, что тотъ служитъ ему помѣхою къ достиженію его цѣли:—онъ измѣнически убилъ своего друга у себя на пиру... Но когда, послѣ этого, онъ рѣшился вновь заговорить Юліаніи о своей страсти, то встрѣтилъ отъ нея только презрѣніе и ненависть къ подлому убійцѣ ея мужа. Взбѣшенный Юрій поклялся одолѣть ея упорство! Онъ окружилъ несчастную женщину предательствомъ и измѣной, и хотѣлъ силою добиться того, чего не могъ получить вольной волею. Но Юліанія, съ ножомъ въ рукахъ, до послѣдней крайности защищала свое цѣломудріе, пока остервенѣлый извергъ не обнажилъ противъ нея меча и не изрубилъ несчастную въ куски... Затѣмъ, мучимый совѣстью, пристыженный низостью своего поступка, Юрій бѣжалъ въ Орду, долго тамъ скрывался, и наконецъ кончилъ жизнь въ одномъ изъ глухихъ рязанскихъ монастырей.

Въ томъ-же Преображенскомъ соборѣ и въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ сохранились утварь и ризничныя вещи, пожертвованныя въ эти храмы царемъ Симеономъ казанскимъ, управлявшимъ въ Торжкѣ въ царствованіе Грознаго и получившимъ чудесное исцѣленіе отъ мощей Ефрема, новоторжскаго чудотворца. Если мы къ этому добавимъ старинную утварь XVII вѣка, сохраняемую въ ризницѣ Троицкой кладбищенской церкви (болѣе извѣстной подъ именемъ „дальней Троицы“), то мы исчерпаемъ весь запасъ новоторжскихъ вещественныхъ памятниковъ, напоминающихъ о далекой старинѣ.

Но есть въ городѣ Торжкѣ такой драгоцѣнный обломокъ старины, который вполнѣ заслуживаетъ вниманія каждаго русскаго человѣка, даже и весьма далекаго отъ всякихъ археологическихъ пристрастій. Мы говоримъ о Старо-Вознесенской деревянной церкви или о такъ-называемомъ Старомъ-Вознесеньѣ,—храмѣ, занимающемъ такое видное мѣсто на высокомъ правомъ берегу Тверцы, что онъ виденъ издалека и отовсюду, съ какой бы стороны ни пришлось подъѣзжать къ городу. Этотъ храмъ составляетъ дѣйствительно одну изъ рѣдкихъ диковинокъ сѣверной Руси и мы съ величайшею благодарностью должны относиться къ тѣмъ благочестивымъ почитателямъ мѣстной святыни, которые не рѣшились допустить Старое Вознесенье до окончательнаго паденія и продажи на сломъ.

Деревянная церковь Вознесенія построена около 300 лѣтъ тому назадъ, почти на выѣздѣ изъ города, по дорогѣ въ Старицу. Архитектура церкви чрезвычайно оригинальная — столпообразная, и середина ея возвышается 4-хъ-ярусною башнею надъ продолговатымъ кораблемъ храма, изъ котораго на востокъ выдвигается выступомъ алтарь, а на западъ — небольшая паперть съ крылечкомъ. Столпообразная башня, составляющая средину храма, вышиною въ 16 саженъ, заканчивается съуженною шейкою съ грушевидной главой и крестомъ. Глава эта, въ прежнее время, была обложена деревянной чешуей, которая, на памяти старожиловъ, была замѣнена желѣзомъ, въ 1828 году. Каждый ярусъ столпообразнаго возвышенія отдѣляется отъ другого, по бокамъ, небольшою крышею; нижній ярусъ, въ которомъ собственно и помѣщается храмъ,—представляетъ четырехстѣнный четыреугольникъ (почти квадратъ); прочіе три яруса осьмистѣнные. Въ нѣкоторыхъ рамахъ третьяго и четвертаго ярусовъ была прежде, вмѣсто стеколъ, чистая слюда, оловомъ укрѣпленная въ искусныхъ и тонкихъ переплетахъ. Размѣры церкви, внутри, очень скромные: трапеза—длиною 9 арш. 4 вершка, шириною 9 аршинъ, вышиною отъ полу до загиба сводообразнаго верха—3 арш. 11 вершковъ; полукруглый алтарь—шириною 6 арш. 12 вершковъ, длиною отъ иконостаса до горняго мѣста 7 арш. 1 верш.; вышиною — отъ полу до закругленія свода—4 арш. 4 вершка. Вся церковь срублена „въ клѣтку„ или „въ лапу“ изъ толстѣйшаго, такъ-называемаго красныго или рудового лѣса, обтесанныя деревья котораго доходятъ до 8, до 10 и болѣе вершк. толщины. Бревна эти до сихъ поръ такъ прочны, что переживутъ еще не одно столѣтіе. Такою-же несокрушимою прочностью отличаются и входныя двустворчатыя двери изъ трапезы въ храмъ: онѣ вытесаны изъ двухъ широкихъ и толстыхъ деревянныхъ плахъ — каждая въ 16 вершковъ ширины! Такой строевой лѣсъ теперь не существуетъ болѣе ни въ тверской, ни въ смежныхъ съ нею губерніяхъ:—о немъ

сохранились только отдаленныя преданія и нынѣшніе лѣса являются лишь жалкой насмѣшкой надъ минувшимъ лѣснымъ богатствомъ тверской земли.

Тщательно - поддерживаемая прихожанами Старо-Вознесенская церковь, какъ видно изъ сохранившихся записей, была нѣсколько разъ поновляема въ нѣкоторыхъ частяхъ; но эти поновленія ни мало не касались ни ея внутренняго устройства, ни убранства. Нѣкоторыя передѣлки, по солидности выполненія и прочности употребленнаго на нихъ матерьяла, были вполнѣ достойны самого храма: такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что въ церкви полы перестилались въ 1807 году—и остались и теперь тѣ-же, и на видъ, какъ новые. Но послѣ того, какъ рядомъ съ Старымъ Вознесеньемъ сооружена была на пожертвованія прихожанъ болѣе обширная каменная церковь во имя Вознесенія Господня, съ теплыми придѣлами Зосимы и Савватія,—древняя деревянная церковь стала мало-помалу приходить въ упадокъ и запустѣніе. Во время постройки новаго храма, продолжавшейся до 1854 г., неоднократно высказываемы были предположенія, что деревянную Вознесенскую церковь слѣдуетъ разобрать, а матерьялы ея употребить на потребности новой каменной церкви. Иные предлагали даже просто продать ее на сносъ... и только благодаря твердому и настоятельному запрещенію преосвященнаго Ѳилоѳея, эти предположенія не приведены были въ исполненіе и древній, прекрасно-сохранившійся памятникъ дожилъ до нынѣшняго обновленія.

Обновленіе древняго храма, съ надлежащею осторожностью и полнымъ уваженіемъ къ старинѣ, было произведено въ 1883 году на капиталъ, пожертвованный новоторжскимъ купцомъ Алексѣемъ Александровичемъ Кузьминыхъ, которому „одинъ ревностный любитель старины“ объяснилъ высокое значеніе древней Вознесенской церкви, какъ памятника нашего стариннаго церковнаго зодчества. 5-го октября 1883 г., по окончаніи всѣхъ работъ, Старо-Вознесенскій храмъ былъ торжественно освященъ высокопреосвященнымъ Саввою, въ присутствіи начальника губерніи, извѣстнаго тверского археолога Жизневскаго и многихъ пріѣзжихъ гостей.

При поновленіи, все внутри храма оставлено въ прежнемъ видѣ и только почищено или подведено тѣми-же колерами. Многія изъ иконъ замѣчательны по своему древнему письму; въ ризницѣ хранятся старинныя облаченія священническія, шерстяныя тканыя, съ отливомъ изъ кумача, и діаконскій стихарь изъ простой крашенины; въ алтарѣ—оловянный ковчежецъ и того же металла чаша и сосудъ для храненія даровъ. Чрезвычайно любопытна рѣзная деревянная обшивка стѣнъ и кіотовъ въ церкви, размалеванная яркими красками, серебромъ и золотомъ.

5-го числа октября освященъ былъ древній Вознесенскій храмъ, а 10-го возобновитель его, купецъ А. А. Кузьминыхъ, скончался и похороненъ близь возобновленнаго имъ храма. Миръ его праху.

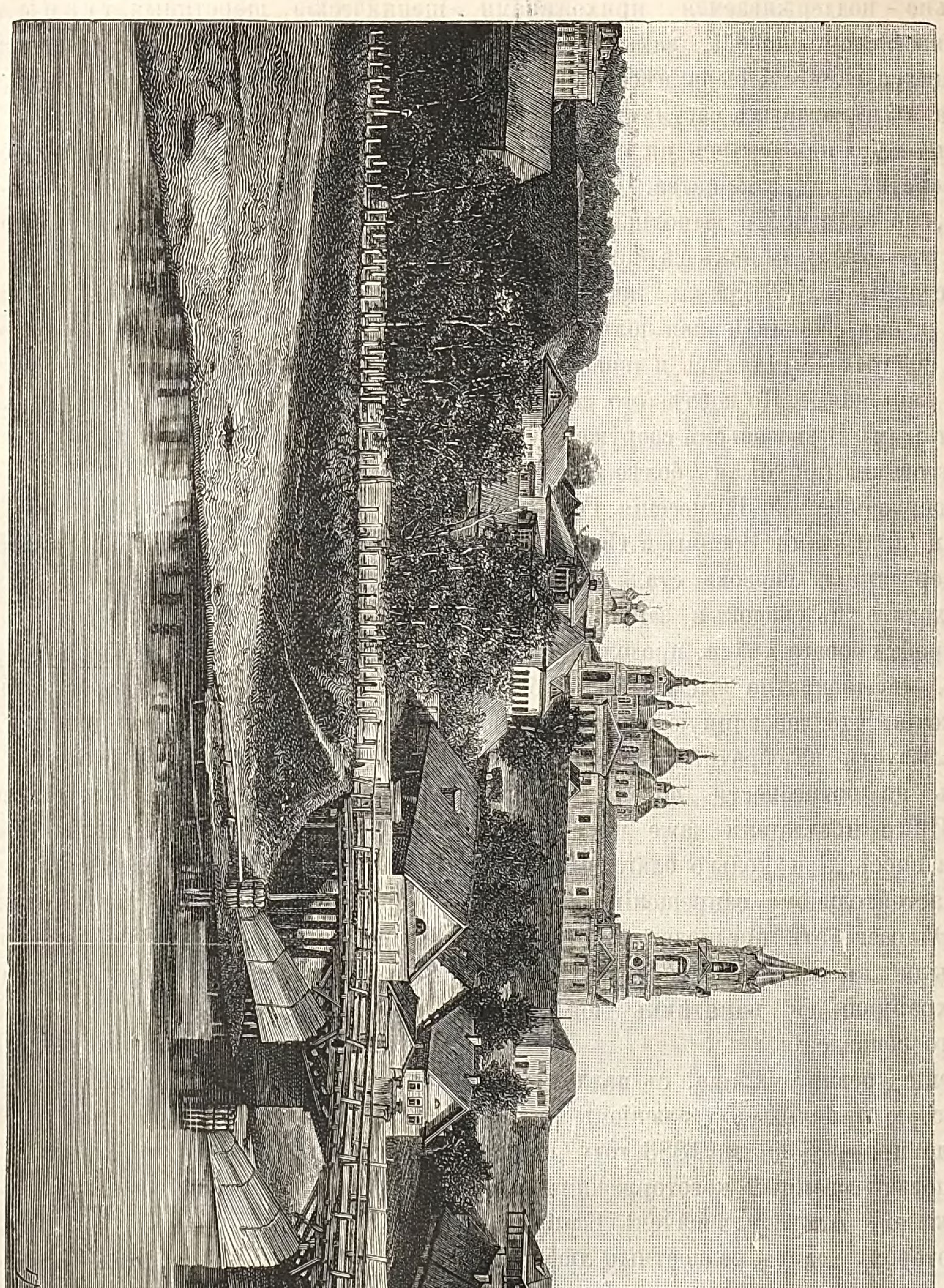
Съ ближайшими окрестностями Торжка тѣсно связано воспоминаніе объ одной почти-забытой, небольшой страничкѣ изъ біографіи Пушкина.

Осенью, 1828 года, особенно дурно и мрачно настроенный, тревожимый какими-то давними и скорбными воспоминаніями, недовольный собою до послѣдней степени, поэтъ, едва закончившій въ это время свою поэму Полтаву, вдругъ бурнымъ вихремъ сорвался съ мѣста и уѣхалъ изъ Петербурга въ тверскую губернію, въ деревню Маленники (близь Торжка), принадлежавшую друзьямъ Пушкина Вульфамъ—сосѣдямъ поэта по его псковской деревнѣ.

27-го октября мы уже застаемъ Пушкина въ Маленникахъ, гдѣ онъ и пишетъ извѣстное посвященіе къ Полтавѣ, не явившееся при первомъ изданіи этой поэмы:

Тебѣ—но голосъ Музы темной
Коснется-ль уха твоего?
Поймешь-ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего?
Иль посвященіе поэта,
Какъ нѣкогда его любовь,
Передъ тобою безъ отвѣта
Пройдетъ, непризнанное вновь?
Узнай, по крайней мѣрѣ, звуки,
Бывало, милые тебѣ—
И думай, что во дни разлуки,
Въ моей измѣнчивой судьбѣ,
Твоя печальная пустыня,
Послѣдній звукъ твоихъ рѣчей—
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.

И самое содержаніе этого произведенія и эпиграфъ, добавленный къ нему въ черновыхъ тетрадяхъ поэта, свидѣтельствуютъ ясно въ пользу того, что въ душѣ его еще звучали какія-то непорванныя струны, которыя онъ еще не въ силахъ былъ вынудить къ молчанію. Это подтверждается отчасти и другимъ небольшимъ стихотвореніемъ, которое было написано Пуш-

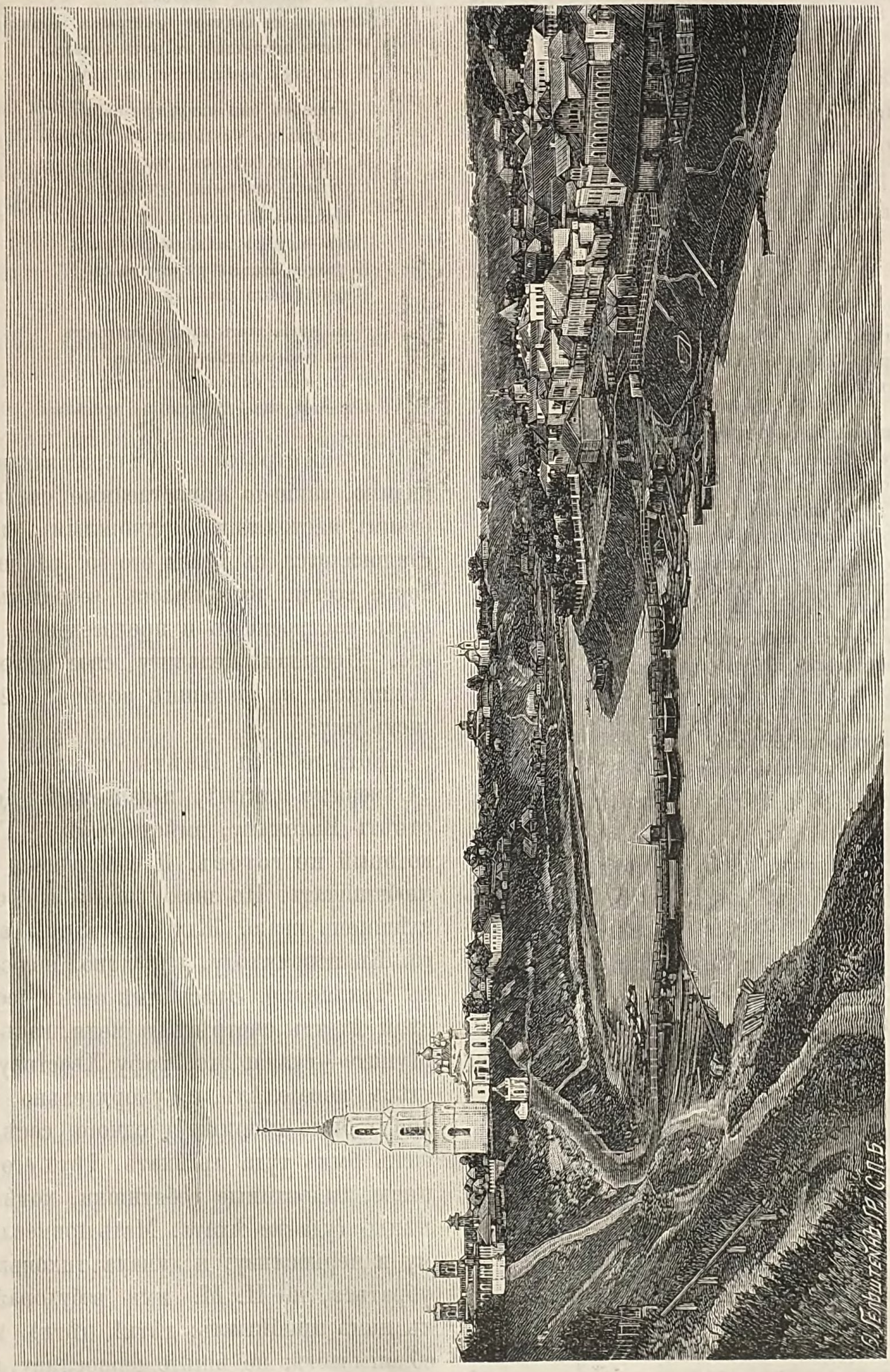
ГОРОДА ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Городъ Кашинъ.

кинымъ въ томъ же тверскомъ уединеніи, въ этотъ его пріѣздъ къ друзьямъ, которыхъ онъ цѣнилъ до конца жизни:

Прошли любовныя печали,
Смирились легкія мечты..
Но вотъ опять затрепетали
Подъ мощной властью красоты!..

Города Тверской губерніи.

Городъ Ржевъ.

Я думалъ, сердце позабыло
Способность легкую страдать.
Я говорилъ, «тому, что было,
Ужь не бывать, ужь не бывать!»

Затѣмъ, подъ вліяніемъ сельской тишины и осенней природы, которую такъ любилъ Пушкинъ, настроеніе духа его измѣняется къ лучше-

му—становится даже оживленнымъ и веселымъ. Онъ пишетъ „Отвѣтъ Катенину“ и „Отвѣтъ Готовцевой“, въ весьма милыхъ стихахъ упрекавшей Пушкина въ непониманіи женщинъ; а вслѣдъ за этими стихотвореніями появляется шутливое посланіе къ В**, сочинителю сатиры на игроковъ, въ которомъ Пушкинъ не совѣтуетъ автору увлекаться ни своею личною непогрѣшимостью, ни примѣромъ слишкомъ рьяныхъ проповѣдниковъ нравственности, и, какъ бы въ нравоученіе ему, добавляетъ:

А то, уча безумный свѣтъ,
Порой грѣшитъ и проповѣдникъ.
Послушай, Персіевъ наслѣдникъ,
Разсказъ мой:
Нѣкто, мой сосѣдъ,
Въ томленьи благородной жажды,
Хлебнувъ Кастальскихъ водъ бокалъ,
На игроковъ, какъ ты, однажды
Сатиру злую написалъ,
И другу съ жаромъ прочиталъ.
Ему въ отвѣтъ, его пріятель
Взялъ карты, молча стасовалъ,
Далъ снять, и нравственный писатель
Всю ночь, увы, понтировалъ!
Тебѣ знакомъ-ли сей проказникъ?
Но встрѣча съ нимъ была-бъ мнѣ праздникъ:
Я съ нимъ готовъ всю ночь не спать,
И до полдневнаго сіянья
Читать моральныя посланья
И проигрышъ его писать.

Послѣднимъ отголоскомъ мрачнаго городского настроенія, отъ котораго Пушкинъ не могъ нѣкоторое время избавиться и въ Малинникахъ, явилась его превосходная пьеса „Анчаръ“, которую мы признаемъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ и самыхъ глубокихъ его лирическихъ произведеній. Приводимъ его здѣсь цѣликомъ:

Въ пустынѣ чахлой и скупой
На почвѣ, зноемъ раскаленной,
Анчаръ, какъ грозный часовой,
Стоитъ,—одинъ во всей вселенной.
Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва породила,
И зелень мертвую вѣтвей,
И корни—ядомъ напоила.
Ядъ каплетъ сквозь его кору,
Къ полудню растопясь отъ зною,
И застываетъ къ вечеру
Густой, прозрачною смолою.
Къ нему и птица не летитъ,
И тигръ нейдетъ, лишь вихорь черный
На древо смерти набѣжитъ—
И мчится прочь уже тлетворный.

И если туча ороситъ,
Блуждая, листъ его дремучій—
Съ его вѣтвей, ужь ядовитъ,
Стекаетъ дождь въ песокъ горючій.

Но человѣка человѣкъ
Послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ:
И тотъ послушно въ путь потекъ,
И къ утру возвратился съ ядомъ.

Принесъ онъ смертную смолу
Да вѣтвь съ увядшими листами—
И потъ, по блѣдному челу,
Струился хладными ручьями;

Принесъ—и ослабѣлъ, и легъ
Подъ сводомъ шалаша, на лыки.
И умеръ бѣдный рабъ у насъ
Непобѣдимаго владыки.

А князь тѣмъ ядомъ напиталъ
Свои послушливыя стрѣлы,
И съ ними гибель разослалъ
Къ сосѣдямъ, въ чуждые предѣлы.

И этими строфами „Анчара“ заканчиваются, видимо, какіе-то нравственные счеты поэта со своимъ настоящимъ и прошлымъ, и вновь возстановляется въ душѣ его то равновѣсіе, которое всегда выражалось веселымъ, шутливымъ настроеніемъ и произведеній, и писемъ его. Посылая Дельвигу свое стихотвореніе, Пушкинъ, въ половинѣ ноября 1828 г., пишетъ ему:

„Вотъ тебѣ въ Цвѣты (т. е. въ альманахъ „Сѣверные цвѣты“, издаваемый Дельвигомъ) отвѣтъ Катенину, вмѣсто отвѣта Готовцевой, который не готовъ. Я совершенно разучился любезничать. Не знаю, долго-ли останусь въ здѣшнемъ краю? Жду отвѣта отъ Баратынскаго. Къ новому году, вѣроятно, явлюсь къ Вамъ въ Чухляндію. Здѣсь мнѣ очень весело... Сосѣди ѣздятъ смотрѣть на меня, какъ на собаку Мунито—скажи это графу Хвостову. П. М. здѣсь повеселѣлъ, и уморительно милъ. На дняхъ было сборище у одного сосѣда: я долженъ былъ туда пріѣхать. Дѣти его родственницы, балованные ребятишки, хотѣли непремѣнно туда-же ѣхать. Мать принесла имъ изюму и черносливу, и думала тихонько отъ нихъ убраться, но П. М. ихъ взбудоражилъ. Онъ къ нимъ прибѣжалъ: дѣти! дѣти! мать васъ обманываетъ; не ѣшьте черносливу, поѣзжайте съ нею. Тамъ будетъ Пушкинъ—онъ весь сахарный... его разрѣжутъ и всѣмъ вамъ будетъ по кусочку. Дѣти разревѣлись: не хотимъ чернослива, хотимъ Пушкина. Нечего дѣлать, ихъ повезли и они сбѣжались ко мнѣ, облизы-

ваясь; но увидѣвъ, что я не сахарный, а кожаный—совсѣмъ опѣшили...

Вскорѣ послѣ этого, Пушкинъ снова пишетъ изъ Малинниковъ Дельвигу:

..."Вотъ тебѣ отвѣтъ Готовцевой... Какъ ты находишь ces petits vers froids et coulants... (эти гладкіе и холодные стишки)?.. Правда-ли, что ты ѣдешь зарыться въ смоленской крупѣ? Видишь, какую ты кашу наварилъ. Посылаешь меня за Баратынскимъ, а самъ и драла! Что мнѣ съ тобой дѣлать?.. Здѣсь мнѣ очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю. Здѣсь думаютъ, что я пріѣхалъ набирать строфы въ „Онѣгина“, и стращаютъ мною ребятъ, какъ букою. А я ѣзжу на паромѣ и играю въ вистъ по 8 гривенъ роберъ... Скажи это нашимъ: я пріѣду къ нимъ. Полно. Я что-то сегодня съ тобою разоврался. 26-го ноября 1828 года. Что „Иліада“ и „Гнѣдичъ?“

Пробывъ въ деревнѣ почти до новаго года, Пушкинъ уѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь опять впалъ въ то тревожное состояніе, которое выражалось у него жаждою дѣятельности физической,—вѣрнымъ признакомъ усыпленія или оскудѣнія дѣятельности духовной. Это настроеніе, какъ извѣстно, въ концѣ 1829 года привело его сначала на Кавказъ, на театръ нашей войны съ турками, а годъ спустя и къ мысли о женитьбѣ.

Въ заключеніе того, что мы сказали о городахъ тверской губерніи и о дѣятельности тверского земства, упомянемъ еще объ одномъ замѣчательномъ мѣстномъ явленіи, вызванномъ къ жизни не казенными вѣдомствами, не посильною помощью земства, а частными усиліями и самоотверженіемъ одного изъ тверскихъ землевладѣльцевъ.

Въ 80 верстахъ отъ Ржева, въ лѣсной глуши Бѣжецкаго уѣзда, вдали отъ желѣзныхъ дорогъ и большихъ торговыхъ путей, лежитъ село Татево, принадлежащее Сергѣю Александровичу Рачинскому. Владѣлецъ этого села, одинъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей нашего времени, въ ранней молодости избралъ ученую карьеру. Въ 1861 году мы уже видимъ его экстраординарнымъ профессоромъ ботаники при московскомъ университетѣ, ревностно занимающимся наукою и популяризацiею знаній путемъ журнальныхъ статей и переводами популярно-научныхъ сочиненій. Но къ концу 60-хъ годовъ, С. А. Рачинскій оставляетъ университетъ, удаляется въ свою тверскую деревню и навсегда поселяется въ ней. Хотя говорятъ, что поводомъ къ выходу изъ университета послужила для С. А. Рачинскаго одна изъ тѣхъ университетскихъ „исторій“, которыми—увы!—такъ богато послѣднее двадцатилѣтіе, однако-же мы склонны думать, что эта исторія была только внѣшнимъ толчкомъ, побудившимъ московскаго профессора къ переходу отъ одной дѣятельности къ другой, болѣе для него привлекательной... Какъ-бы то ни было, но тотчасъ по переселеніи въ деревню, бывшій профессоръ основалъ у себя въ селѣ народную школу и горячо принялся за народное образованіе. Говорятъ, будто мѣстное учебное начальство взглянуло не особенно дружелюбно на дѣятельность С. А. Рачинскаго; будто даже со стороны этого начальства были сдѣланы кое-какія затрудненія и пущены въ ходъ формальныя придирки. Бывшему профессору московскаго университета было даже поставлено на видъ, что въ народной школѣ имѣетъ право преподавать „только народный учитель“... Но упорнаго профессора оказалось нелегко запугать или отвадить отъ избраннаго имъ пути: — онъ пріѣхалъ въ Тверь, выдержалъ экзаменъ учителя народнаго училища и свидѣтельство на это званіе прибавилъ къ полученнымъ уже дипломамъ на ученыя степени. И съ тѣхъ поръ, онъ всецѣло предался своему дѣлу, посвятилъ ему всю свою жизнь, всѣ силы, всю энергію, все свое умѣнье и знаніе. Дѣломъ народнаго образованія С. А. Рачинскій занялся не какъ баринъ, рѣшившійся жертвовать на пользу народнаго образованія избыткомъ своего достатка, а какъ самый послѣдній чернорабочій педагогіи, вынужденный заниматься своимъ дѣломъ изъ-за куска насущнаго хлѣба... Онъ самъ, собственнымъ опытомъ, прошелъ и преодолѣлъ всѣ трудности своего дѣла, преподавая поочередно всѣ предметы, входившіе въ курсъ начальной народной школы, изучая все, что по этому преподаванію сдѣлано было другими, пользуясь чужимъ опытомъ, если онъ оказывался примѣнимъ на практикѣ, отвергая непримѣнимое и

замѣняя его своимъ, новымъ и нигдѣ еще не испытаннымъ. Усердный, разумный и толковый трудъ принесъ свои плоды. Мало-по-малу, С. А. Рачинскому удалось выработать свою систему, удалось возбудить въ своихъ ученикахъ такое соревнованіе и любовь къ образованію, что его школа обратилась въ обильный разсадникъ учителей для народныхъ училищъ, и эти учителя, подготовленныя къ своей многотрудной дѣятельности въ Татевской школѣ, оказались гораздо болѣе пригодными къ своему дѣлу, нежели учителя, подготовленныя въ казенныхъ учительскихъ семинаріяхъ. Года три тому назадъ, С. А. Рачинскій, въ своихъ „Письмахъ о народной школѣ“, напечатанныхъ въ „Руси“ Аксакова, рѣшился ознакомить педагогическій міръ со своими многолѣтними опытами, и всѣхъ поразилъ простотою и вѣрностью взгляда на задачи народнаго образованія. Болѣе всего поучительно было то, что, будучи, по спеціальности своей, натуралистомъ, С. А. Рачинскій, въ программѣ, выработанной имъ для русской народной школы, не далъ естественнымъ наукамъ никакого предпочтенія передъ остальными предметами преподаванія, и главною основою воспитанія русскаго человѣка призналъ религію и народность. Исходя изъ этихъ началъ, новый учитель съумѣлъ въ своей школѣ обойти всѣ тѣ подводные камни тенденцій, предвзятыхъ идей, искусственныхъ цѣлей, которыми задавались до него другіе народные учители, даже и страстно, и безкорыстно преданные дѣлу. С. А. Рачинскій понялъ, что Россію нельзя „сдѣлать грамотной“ въ какой-нибудь десятокъ лѣтъ — понялъ, что для этого сначала необходимо пріучить народъ къ школѣ, научить его грамоту любить и уважать, и что для достиженія подобной цѣли необходимы долгіе годы упорнаго труда въ тишинѣ, въ непосредственной близости къ темной для насъ народной массѣ. И этой цѣли С. А. Рачинскій достигъ вполнѣ своею самоотверженною и скромною преданностью дѣлу народнаго образованія. Весь околотокъ, на сотню верстъ кругомъ, полюбилъ своего почтеннаго учителя, и, одна за другою, въ этомъ околоткѣ стали возникать школы, въ которыхъ грамотность насаждалась учениками С. А. Рачинскаго, причемъ всѣ эти школы являлись не болѣе, какъ филіальными отдѣленіями одной главной, центральной школы, въ селѣ Татевѣ. Туда обращаются молодые наставники за совѣтомъ, оттуда почерпаютъ они свое вдохновеніе и поддержку энергіи, и дѣло ростетъ, ростетъ незамѣтно, но неуклонно и твердо ведетъ къ опредѣленной и возвышенной цѣли. Примѣръ, поданный однимъ честнымъ дѣятелемъ, не остался одинокимъ: нашлись искренніе послѣдователи и горячіе поклонники его идеи, которые, покинувъ свѣтъ и его развлеченія, покинувъ богатый домъ отца, промѣняли свое сытое, обезпеченное положеніе на скромную роль народнаго учителя въ далекой, безвѣстной глуши. Новый Антоній привлекаетъ къ себѣ новыхъ Варлаамовъ. Честь и слава начавшему и указавшему истинный путь къ просвѣщенію народа!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ПСКОВЪ И ДРЕВНІЙ РУБЕЖЪ РУССКОЙ ЗЕМЛИ.

I.

Старый и новый Псковъ.—Общее впечатлѣніе, производимое городомъ и его окрестностями.—Мѣстныя святыни.—Остатки старины.—Старые монастыри.—Запсковье и Завеличье.

Болѣе трехъ-сотъ лѣтъ тому назадъ, секретарь королевской канцеляріи Станиславъ Піотровскій, глядя на Псковъ съ того мѣста, гдѣ рѣка Череха впадаетъ въ р. Великую, такъ писалъ о Псковѣ въ своемъ дневникѣ:

„Мы уже въ милѣ отъ Пскова, у какихъ то двухъ рѣкъ, которыя здѣсь сливаются и потомъ подъ городомъ впадаютъ въ рѣку Пскову. Любуемся Псковомъ. Господи, какой большой городъ! точно Парижъ! Помоги намъ Боже съ нимъ справиться!“ Первое впечатлѣніе Піотровскаго не было случайнымъ; на другой день, 25 августа 1551 г., онъ снова записалъ въ свой дневникъ, уже послѣ того, когда былъ сдѣланъ объѣздъ города: „Городъ чрезвычайно большой,—пишетъ онъ,—какого нѣтъ во всей Польшѣ; весь обнесенъ стѣною; за нею красуются церкви, какъ густой лѣсъ, все каменныя; домовъ за стѣнами не видно. Мѣстность превосходная: городъ расположенъ на красивой равнинѣ. Въ милѣ отъ города сливаются двѣ рѣки, Великая и Череха, и подобно тому, какъ Висла подъ Варшавою, текутъ съ одной стороны города“.

Слишкомъ 300 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ были написаны эти слова. Смѣшно было бы сравнивать современный Псковъ съ Варшавой или Парижемъ; но нѣтъ основанія не вѣрить Піотровскому, тѣмъ болѣе, что его свидѣтельство не единственное. Польскій лѣтописецъ, Матвѣй Маховскій, называетъ Псковъ замѣчательнымъ городомъ, а о крѣпостяхъ псковской области, пограничныхъ Ливоніи, отзывается, какъ о такихъ, „какихъ нѣтъ ни въ Московіи, ни въ Литвѣ“.

На одной изъ иконъ, извѣстной подъ именемъ Покровской Божіей Матери, находящейся нынѣ въ Покровской церкви, изображены эпизоды изъ Баторіевой осады; кромѣ того, въ часовнѣ „Владычняго Креста“, находящейся близъ Пскова, на старинной иконѣ, представленъ видъ Пскова во время осады города Стефаномъ Баторіемъ. Судя по этимъ рисункамъ, стѣны, башни, множество церквей,—все это должно было представлять въ общемъ величественную картину. Осаждавшіе Псковъ въ 1581 году насчитывали до 70 башенъ; но, судя по рисункамъ того времени, ихъ было до сорока. И въ настоящее время, съ тѣхъ мѣстъ, откуда менѣе видны слѣды разрушенія и шире общій видъ на Псковъ—онъ представляется красивымъ городомъ; остатки стѣнъ и башенъ и теперь еще говорятъ объ его могуществѣ, а лѣтописи могутъ добавить въ подтвержденіе, что псковскія стѣны вынесли до 30 нападеній и почти всѣ нападенія были изъ-за нихъ отражены.

Блистательная въ исторіи Пскова страница борьбы съ Стефаномъ Баторіемъ,—была едва-ли не послѣднимъ эпизодомъ исторической жизни Пскова. Послѣ того, до присоединенія Лифляндіи, Псковъ, правда, имѣлъ еще значеніе крѣпости; затѣмъ стѣны его стали ненужны, и мало-по-малу, начали разрушаться; плитнякъ

разбирался на постройку домовъ, башни обвѣтривались и обсыпались, для удобства жителей въ стѣнахъ; проламывались новые проѣзды... Новый Псковъ вытѣснялъ и вытѣсняетъ старый, неумолимо уничтожая памятники минувшей жизни самостоятельнаго Пскова. Но памятниковъ еще все-же много: Псковъ еще полонъ ими, и представляетъ музей древностей, понемногу расхищаемый и уничтожаемый.

Если стать на томъ берегу рѣки Великой, который называется Завеличьемъ, около мѣста, гдѣ стоитъ Ольгина часовня, то оттуда можно видѣть всю береговую линію Псковскихъ стѣнъ; въ XVI столѣтіи стѣны тутъ были сплошныя и непрерывною линіею огибали городъ.

Она начиналась за Псковой, перебрасывалась черезъ Пскову двумя пролетами и оканчивалась круглой угловой громадной башней; въ углу, при сліяніи Псковы съ Великой, высоко поднимался мѣстный соборъ св. Троицы, господствуя надъ всею мѣстностью Пскова; по всей линіи были расположены 8 воротъ. Теперь за Псковой стѣны на половину разрушены, въ устьѣ рѣки Псковы лежатъ обломки; остались угловыя разрушившіяся башни, да по срединѣ какой-то случайно сохранившійся обломокъ; для улицъ, выходящихъ къ берегу, прорублены широкіе пролеты; весь берегъ заваленъ дровами; надъ стѣнами выросли зданія разнаго рода; изъ за стѣнъ выглядываютъ длинный корпусъ присутственныхъ мѣстъ и красивый архіерейскій домъ; далѣе скучено нѣсколько деревянныхъ построекъ. Если снять стѣны, то видъ выйдетъ печальный и некрасивый: стѣны, и въ развалинахъ, все еще хранятъ на себѣ слѣды красоты и могущества и древній соборъ все также величественно возносится надъ Псковомъ.

Отсюда, съ мѣста, гдѣ стоитъ Ольгина часовня, по преданію, смотрѣла на Псковъ св. Ольга. Тогда былъ здѣсь „лѣсъ великъ и многія дубравы"; надъ крутымъ возвышеніемъ, гдѣ нынѣ соборъ, св. Ольга увидала три свѣтоносныхъ луча, озарившихъ это возвышеніе. „Разумно да будетъ вамъ", сказала св. Ольга, „яко волею Божіею на семъ мѣстѣ имать быти храмъ во имя Пресвятыя, Единосущныя, Животворящія и Нераздѣльныя Троицы, Отца и Сына и Св. Духа, еще же и городъ здѣ великъ будетъ, и славенъ, и изобиленъ". Иначе говоря, св. Ольга заложила здѣсь городъ.

Имя св. Ольги тѣсно связано съ именемъ Пскова: первый разъ имя Пскова упоминается въ лѣтописяхъ рядомъ съ ея именемъ; преданіе о ея видѣніи — есть преданіе о началѣ Пскова, какъ историческаго пункта. Съ этого времени Псковъ становится извѣстнымъ исторіи, но вѣроятно и до того времени Псковъ былъ поселеніемъ значительнымъ. „Игореви приведоша ему жену отъ Плескова, именемъ Ольгу" — такъ гласитъ лѣтопись. Если князь взялъ жену изъ Пскова, то Псковъ не могъ быть какимъ-нибудь неизвѣстнымъ, незначительнымъ поселеніемъ. Онъ не могъ быть незначительнымъ уже по самому своему географическому положенію, находясь на рубежѣ новгородскихъ колоній, при выгодныхъ водныхъ путяхъ.

Память объ Ольгѣ, устроительницѣ Пскова, осталась въ преданіи и въ вещественныхъ памятникахъ; въ 12 верстахъ отъ Пскова, вверхъ по р. Великой, на лѣвомъ ея берегу, находится погостъ Выбута или Лыбута, — мѣсто родины св. Ольги.

Церковь погоста во имя пророка Иліи каменная, неизвѣстно когда построенная, но по предположеніямъ не позже XV или XVI столѣтія. Нѣсколько ниже погоста, рѣка Великая раздѣляется на два рукава; одинъ изъ нихъ называется „Ольгиными слудами", а другой — „Ольгиными воротами". Недалеко отъ погоста находится большой камень, носящій названіе „Ольгина камня". Теперь мѣстность погоста Выбуты не представляетъ изъ себя ничего красиваго и достойнаго вниманія; но кругомъ—множество кургановъ, въ которые открывали при изслѣдованіи кострища, старыя вооруженія и предметы доисторическаго времени. Курганы эти еще почти не изслѣдованы и, по всей вѣроятности, окажутся важными для нашей древнѣйшей исторіи. Если же къ этому припомнимъ длинные валы по берегамъ Великой, языческіе могильники, древнія урочища, какъ наприм. Яриловка, — то придемъ къ заключенію, что поселенія здѣсь очень древни и относятся къ эпохѣ до-исторической.

Недалеко отъ Выбуты, при впаденіи рѣки Кеби въ Череху, находится селеніе Будникъ— преданіе называетъ это мѣсто—родиной князя Владиміра. Преданіе, конечно, не случайно

сгруппировало въ одно мѣсто столько воспоминаній, почитая его колыбелью христіанства на Руси; быть можетъ христіанство проникло сюда и ранѣе того времени, когда оно было введено св. Владиміромъ?

Въ Псковскомъ каѳедральномъ соборѣ, который стоитъ на мѣстѣ храма, построеннаго по замыслу св. Ольги, хранится такъ называемый Ольгинъ крестъ, и изъ надписи на немъ мы узнаемъ, что онъ сооруженъ въ память другого, болѣе древняго креста: Божіимъ изволеніемъ грѣхъ ради нашихъ въ лѣто отъ сотворенія міра 7017 (1509 отъ рождества Спасителя міра) бысть пожаръ; весь градъ выгорѣлъ, и святыя церкви, и соборная церковь Пресвятыя Троицы вся выгорѣла и поставленіе св. княгини Ольги—дубовый крестъ, и Домонтова стѣна. Лѣта же отъ сотворенія міру 7131 г. отъ Рождества Спасителя 1623 г. при благовѣрномъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ всея Россіи, и при отцѣ его святѣйшемъ патріархѣ Филаретѣ написанъ сей крестъ Христовъ повелѣніемъ архіепископа Іоанна на поклоненіе православнымъ христіанамъ".

Со времени св. Ольги, основательницы Пскова, до нашествія Стефана Баторія много прошло времени, многое пережито Псковомъ; на томъ мѣстѣ, съ котораго мы смотрѣли на Псковъ, скромная часовня въ память св. Ольги напоминаетъ о первыхъ дняхъ Пскова, тамъ, на южной сторонѣ, на грудѣ старыхъ каменныхъ ядеръ, сложенныхъ пирамидально, водруженъ крестъ въ память 3-хъ столѣтія обороны Пскова. Въ промежутокъ времени между этими событіями Псковъ построился, началъ свою жизнь подъ опекой Новгорода, вышелъ изъ подъ этой опеки, потерялъ свое вѣче, защищалъ Россію отъ притязаній Польши и затѣмъ мирно сошелъ съ историческаго поприща, чтобы начать тихую и скромную жизнь одной изъ малыхъ частей великаго россійскаго государства.

Какъ возникалъ постепенно городъ изъ дебрей и лѣсовъ — мы этого не знаемъ, а потому и не беремся прослѣдить шагъ за шагомъ, какъ росъ и укрѣплялся Псковъ; но, для первоначальнаго знакомства съ городомъ набросимъ картину современнаго Пскова.

Главную и самую возвышенную часть города составляетъ Дѣтинецъ, а въ немъ, мѣстная святыня — соборъ св. Троицы. Нынѣшній каѳедральный соборъ, потомокъ древняго храма, заложеннаго св. Ольгой, много потерпѣлъ отъ времени и перестроекъ; но несомнѣнно, что при перестройкахъ старались не отходить отъ прежняго вида этого храма и нѣкоторыя черты его сохранились; настоящій его видъ не имѣетъ ничего ни изящнаго, ни художественнаго; но массивность постройки, значительная вышина и удобное мѣстоположеніе — придаютъ ему красоту и величіе. Внутри онъ также величавъ; семиярусный иконостасъ его составленъ изъ перевитыхъ рельефныхъ вѣтвей и листьевъ, покрытыхъ золотомъ, весьма красивой работы; четыре массивные столба поддерживаютъ куполъ, не скрывая иконостаса и не препятствуя освѣщенію, какъ въ другихъ церквахъ Пскова. Въ соборѣ хранятся памятники и святыни, наиболѣе важныя для исторіи Пскова—Ольгинъ крестъ, о которомъ говорилось выше, и мощи св. благовѣрнаго князя Всеволода Гавріила, св. благовѣрнаго князя Довмонта и благовѣрнаго Николая юродиваго.

При церкви св. Троицы въ былое время хранилась печать города Пскова, государственные законы, частные договоры и т. п. документы; — этимъ церковь св. Троицы отличалась отъ новгородской церкви св. Софіи; для документовъ имѣлся особый притворъ, и самая церковь находилась въ вѣдѣніи мірскихъ людей — выборныхъ старостъ.

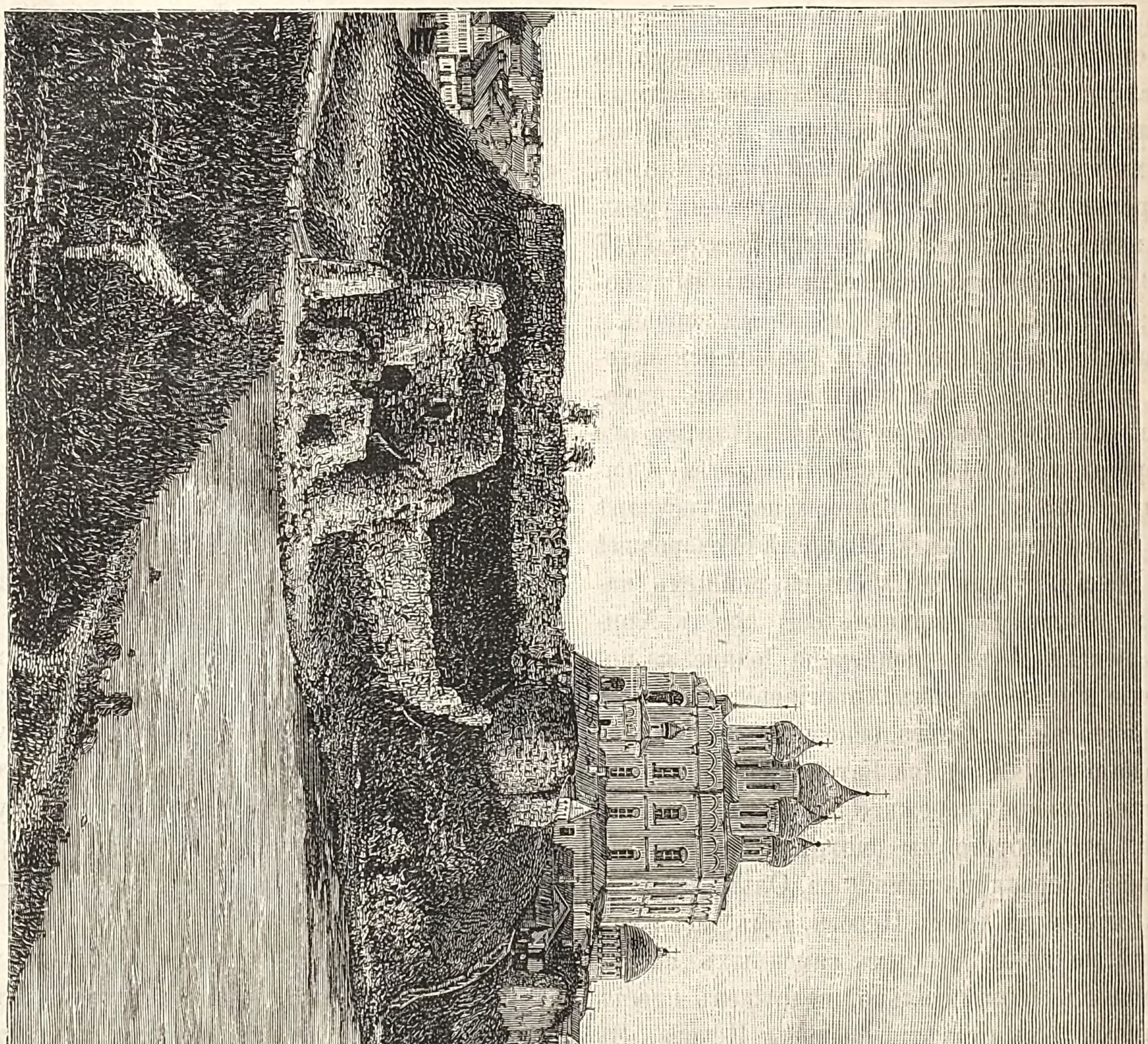
Храмъ св. Троицы, окруженный стѣною, составляетъ ядро Пскова,—его Дѣтинецъ; толстая плитяная стѣна, частію еще сохранившаяся, построена княземъ Довмонтомъ въ XIII столѣтіи; за Дѣтинцемъ слѣдуетъ Кремль (по мѣстному Кромъ), отдѣленный средней стѣной отъ города, обнесеннаго третьей, общей городской стѣной.

Средняя стѣна въ настоящее время почти совсѣмъ исчезла; есть только небольшой обломокъ этой стѣны, на небольшомъ пространствѣ; внѣшняя стѣна также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совсѣмъ разрушена; даже Довмонтова стѣна не вся сохранилась. Линія ея, выходившая къ Крому—къ торговой площади—занята частью духовной консисторіей, частью трактирами и лавками.

Войдя въ ворота, которыя ведутъ въ Кремль, и поднимаясь къ собору, нужно пройти сперва однѣ ворота, потомъ другія; ворота эти, пробитыя въ стѣнѣ, обнаруживаютъ ея толщину

которая здѣсь достигаетъ двухъ саженъ. Дорога выводитъ къ высокой площадкѣ, на которой расположенъ каѳедральный соборъ св. Троицы; здѣсь висѣлъ вѣчевой колоколъ и на этой площадкѣ собиралось вѣче.

Береговая линія площадки, на которой стоитъ соборъ св. Троицы, огорожена простой деревянной рѣшеткой; здѣсь давно уже нѣтъ стѣнъ; за этой рѣшеткой крутой обрывъ спускается въ рѣку Великую; съ этого обрыва открывается чудесный видъ вдаль на западъ и югъ. Внизу рѣка Великая широко раскинулась въ берегахъ и катитъ волны свои на сѣверъ въ Псковское озеро; съ правой сто-

ГОРОДА ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Городъ Псковъ. Видъ на Дѣтинецъ и соборъ св. Троицы (съ Запсковья).

роны, на противуположномъ берегу, къ самому берегу, подошла бѣлая каменная ограда монастыря; низенькій куполъ церкви выглядываетъ изъ-за деревьевъ: это Ивановскій монастырь. Онъ стоитъ у самой рамки пейзажа, представляющаго тотъ берегъ рѣки Великой.

Другой край картины общаго вида (лѣваго берега) Великой граничитъ Спасо-Мирожскимъ монастыремъ; его ограда подошла вплоть къ берегу р. Великой; въ тихую погоду весь монастырь отражается въ водахъ ея. Онъ еще старше Ивановскаго монастыря и прожилъ уже болѣе 7-ми столѣтій.

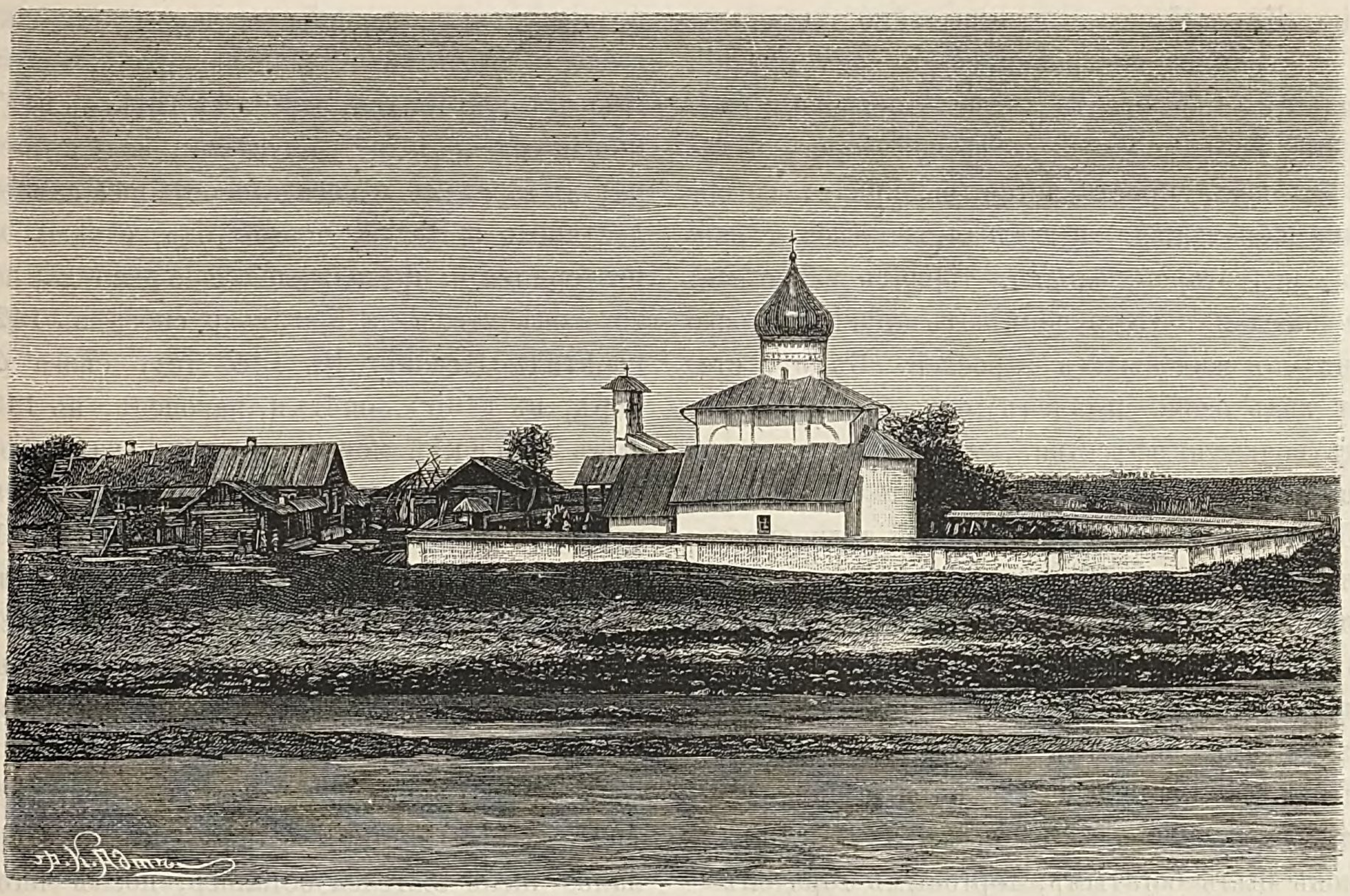
Еще далѣе виднѣется Пантелеймоновскій монастырь; взгромоздившись на высокое мѣсто на томъ берегу, за р. Великой, онъ смотритъ своими черными впадинами оконъ на Мирожскій монастырь и хранитъ въ своихъ морщинахъ историческіе слѣды XIII-го столѣтія.

Между этими двумя монастырями, памятниками XII и XIII-го вѣка, раскинулось такъ называемое Завеличье; тутъ уже нѣтъ стѣнъ, и никогда ихъ не было. Нѣсколько старыхъ церквей, бывшихъ монастырскихъ, сгруппировались на этой сторонѣ; изъ нихъ одна Успенская Пароменская почему-то пользовалась милостью Ивана Грознаго.

Завеличье имѣетъ загородный видъ; въ немъ мало домовъ и много садовъ, недалеко отъ береговой линіи тянутся поля, улицы—не мощены, фонарей мало—словомъ это уже не городъ. Завеличье и въ лучшія времена Пскова было загороднымъ мѣстомъ; здѣсь стоялъ нѣмецкій дворъ, здѣсь сосредоточивалась иноземная торговля. Современный псковичъ съ трудомъ повѣритъ, что на Завеличьѣ когда-то кипѣла торговая жизнь, слышались разные языки, складывались иноземные товары.

Теперь на Завеличьѣ тихо; на высокомъ мѣстѣ стоитъ большой корпусъ губернской земской больницы; по той же береговой линіи подымается труба лѣсопильнаго завода; низенькія

ИСТОРИЧЕСКІЯ МѢСТНОСТИ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Посадъ Выбута — родина св. Ольги.

строенія, разбросанныя по берегу, прячутся въ зелени своихъ садовъ.

Въ свѣтлый день, съ утеса, гдѣ стоитъ каѳедральный соборъ, можно видѣть вдали свѣтлую полоску рѣки Великой у берега Снѣтогорскаго монастыря, главы котораго также видны.

Если вы, налюбовавшись видомъ Завеличья, съ той-же самой площадки Дѣтинца, обернетесь на право, то передъ вами откроется прекрасный видъ на часть города, отдѣленную отъ Дѣтинца и Крома рѣкою Псковою. Эта—такъ называемое Запсковье, часть города и прежде входившая въ ограду общихъ городскихъ стѣнъ, и нынѣ весьма населенная и важная по значенію. Крытый мостъ, чрезвычайно оригинальной и странной постройки, соединяетъ средній городъ съ Запсковьемъ. Далѣе Запсковья и правѣе отъ него, до самой желѣзной дороги и далѣе за нею, простирается обширная, совершенно обнаженная и гладкая, безлѣсная равнина, на которой, однако, торчатъ разрозненные поселки и убого чернѣютъ тонкія полоски какихъ-то жиденькихъ зарослей. Въ эту сторону видъ очень печаленъ, однообразенъ и лишенъ всякихъ эффектовъ, ласкающихъ взоръ туриста.

Переводя взоры изъ синѣющей дали окрестностей на самый Псковъ, мы видимъ передъ собою городъ небогатый, не выдающійся ни внѣшностью, ни красотою зданій, ни многолюдствомъ и движеніемъ. Нынѣшній Псковъ и древній — два разныхъ города. Древній былъ обширенъ и многолюденъ:—въ нынѣшнемъ едва-ли наберется и 20,000 жителей. Древній Псковъ былъ богатымъ, торговымъ городомъ—нынѣшній бѣденъ и красуется только своими развалинами,—этою живою лѣтописью минувшей и славной исторіи.

Но если мы, по лѣтописи и другимъ памятникамъ, прослѣдимъ только длинный рядъ пожаровъ и моровыхъ повѣтрій, посѣтившихъ Псковъ „по Божьему попущенію", то мы въ состояніи будемъ лишь удивляться живучести нашихъ древнихъ городовъ! Земляныя работы, производившіяся на улицахъ Пскова за послѣдніе годы для прокладки трубъ и для другихъ городскихъ потребностей, обнаружили нѣсколько наслоеній каменныхъ и деревянныхъ мостовыхъ,—но всюду, подъ этими мостовыми, вскрывались остатки гробовъ и груды костей... Псковъ весь стоитъ на костяхъ—весь представляетъ собою живой памятникъ моровъ, раззореній и пожаровъ. Припомнимъ важнѣйшія изъ этихъ бѣдствій.

Страшный моръ постигъ Псковъ въ 1230 году; жители отъ страха шли въ монастыри, отъ весны до осени каждый день покойниковъ зарывали прямо въ ямы, по 30 у каждой церкви, какъ разсказываетъ лѣтопись. Черезъ столѣтіе, въ 1360 г., снова моръ, черезъ 6 лѣтъ онъ повторился и лѣтопись называетъ его великимъ моромъ; вскорѣ послѣ того, 3 года подъ рядъ, (1388, 1389, 1390) опять свирѣпствуетъ моръ. Въ одномъ столѣтіи 5 лѣтъ сряду населеніе Пскова подвергалось громадной смертности и все-таки не изсякло. XV столѣтіе началось моромъ; черезъ два года онъ повторился; черезъ 11 лѣтъ, въ 1417 г., многія селенія и домы опустѣли, вслѣдствіе мора; въ городахъ и посадахъ осталось самое малое число жителей, черезъ годъ, однако, моръ повторился и продолжался еще два года; послѣ того онъ утихъ на 5 лѣтъ и снова въ 1425 г. посѣтилъ Псковъ. Въ 1442 году снова былъ моръ, въ 1465 г. опять и, наконецъ, въ 1487 г. былъ великій моръ, во время котораго поставлены двѣ церкви. Въ XVI столѣтіи моръ повторялся 6 разъ; изъ нихъ 1552 и 1595 года были изъ ряда вонъ выходившими; лѣтописецъ записалъ о 1552 г., что „во Псковѣ желѣзою толь великій былъ моръ, что въ однихъ скудельницахъ счетомъ положено мертвыхъ 25,000 человѣкъ, кромѣ тѣхъ, кои во весь годъ погребались постоянно при церквахъ". Въ 1595 году былъ такъ великъ моръ, „что едва малое число жителей осталось, послѣ чего изъ другихъ городовъ приведены были жители, коими Псковъ былъ паки наполненъ".

Признаки мора заключались въ томъ, что „прежде сдѣлается колотье (по словамъ лѣтописца), потомъ кашель и вдругъ жаръ и ознобъ", такъ было въ 1417 г., или „на тѣлѣ надувались пузырьки, и когда они синѣли, то человѣкъ на третій день умиралъ. А если они покраснѣютъ, то человѣкъ выздаравливалъ, хотя и былъ долго боленъ".

Пожары были также весьма значительны; въ 1386 г. выгорѣлъ почти весь Псковъ, остался только „Дѣтинца градъ", т. е. Кромъ; въ 1406 г. снова почти весь Псковъ выгорѣлъ; кромѣ того, въ XV столѣтіи было 10 большихъ

пожаровъ, во время которыхъ выгорали большія части Пскова, и, между прочимъ, сгорѣлъ Снѣтогорскій монастырь. XVI столѣтіе началось тѣмъ, что сгорѣло все Запсковье. Изъ 10 послѣдующихъ пожаровъ, въ 1509 г., Псковъ снова почти весь выгорѣлъ; въ этомъ пожарѣ сгорѣла соборная церковь Св. Троицы и Ольгинъ крестъ, а въ 1562 г. былъ еще болѣе сильный пожаръ; сгорѣлъ снова соборъ, изъ 52-хъ церквей осталось всего 8; сгорѣли не только магазины, но взорвало и пороховые погреба. Если прибавить къ этому неурожайные голодные годы, бури и грозы, о которыхъ разсказываетъ лѣтописецъ, то окажется, что бѣдствія слѣдовали почти сплошь, одно за другимъ безсмѣнно, а Псковъ все строился, кипѣлъ жизнью и никакія бѣдствія не могли сразить энергіи его жителей.

Если мы все вышеизложенное примемъ въ соображеніе, то не трудно будетъ понять, почему въ самомъ Псковѣ не могло уцѣлѣть много остатковъ старины сѣдой, отдаленной.

Почти всѣ псковскія церкви принадлежатъ XIV и XV столѣтіямъ. Авторъ изслѣдованія „о времени основанія г. Пскова“, Н. Иваницкій, замѣчаетъ очень справедливо, что XV-е столѣтіе псковичи считаютъ недавнимъ временемъ:

„Спросите: сколько лѣтъ церкви св. Георгія со взвоза? Вамъ отвѣтятъ: „эта изъ новыхъ“, а она построена въ 1494 году! Спросите, когда построена первая церковь св. Анастасіи? Вамъ отвѣтятъ: „не такъ давно,—въ годъ черной смерти (1487)“. Старыми постройками назовутъ развѣ монастырь Іоанна Предтечи, которому 700 лѣтъ, да монастырь Спасо-Мирожскій, которому 800 лѣтъ“.

Это совершенно естественно; пространство времени понимается только при сравненіи; если-бы въ Псковѣ было больше новыхъ церквей, то древнія церкви обращали-бы на себя болѣе вниманія и постоянно напоминали-бы о своей древности; но во Псковѣ, что ни церковь, то все XIV или XV столѣтія; этихъ старыхъ церквей такъ много, и онѣ такъ прочно выстроены, что память о нихъ минуетъ не скоро...

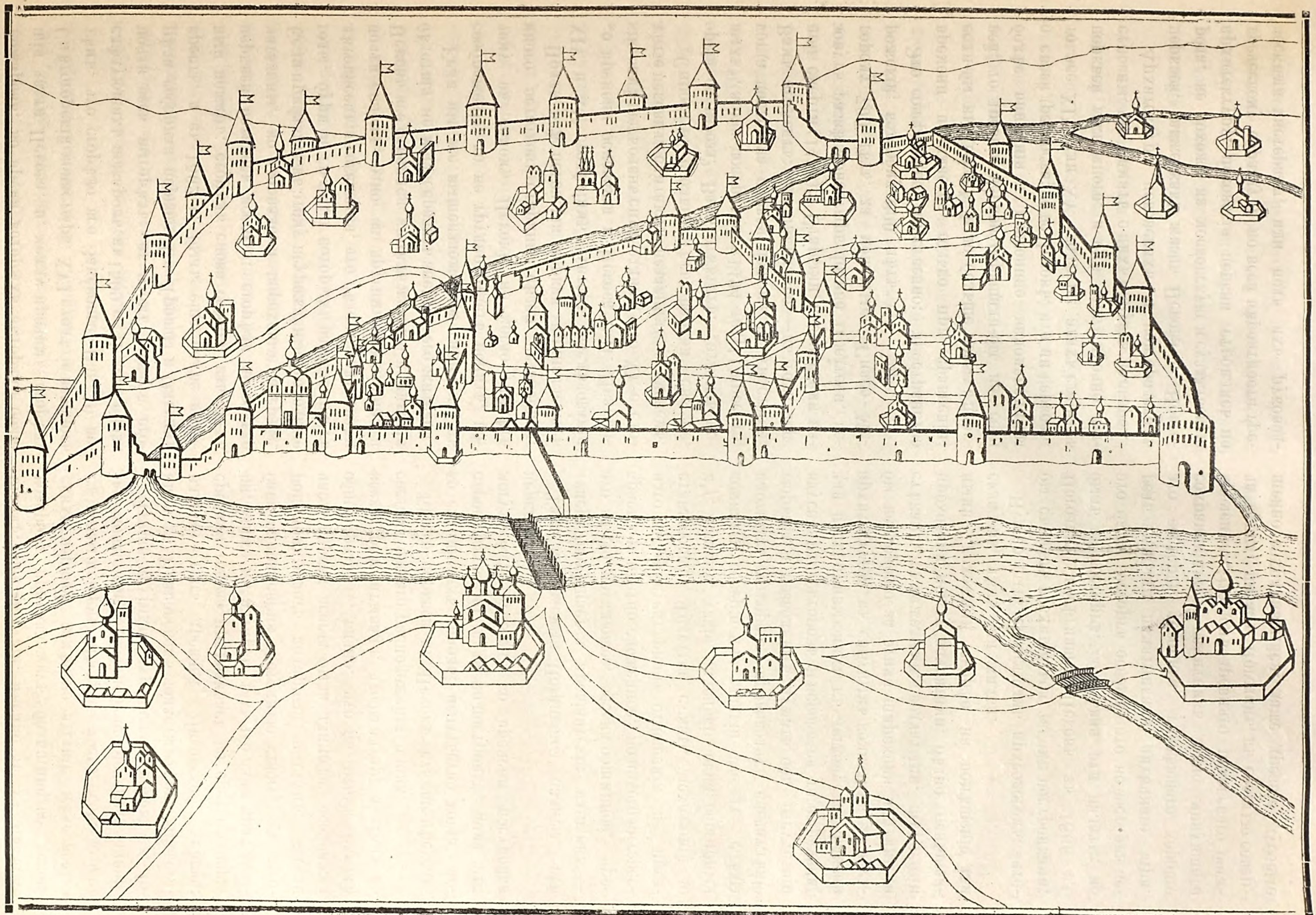
Архитектура псковскихъ и новгородскихъ церквей, также какъ жизнь Пскова и Новгорода, не похожи на московскую и суздальскую архитектуру; псковскія церкви строились по греческому образцу и по всей вѣроятности греческими мастерами, или подъ ихъ руководствомъ; впослѣдствіи, именно въ XV вѣкѣ, къ которому принадлежитъ большинство псковскихъ церквей, замѣчено вліяніе нѣмецкое, а съ возвышеніемъ Москвы—московское; до насъ не дошло ни одной церкви непередѣланной.

Лучше другихъ сохранилась церковь св. Іоанна въ Ивановскомъ монастырѣ; она представляетъ типъ древней Псковской церкви: средняя голова приходилась по срединѣ церкви, ближе къ алтарю, такъ что даже край барабана опирался на восточную стѣну, къ которой примыкаетъ алтарный выступъ; задняя часть церкви всегда была длиннѣе; соображая общій разрѣзъ, видно, что въ этомъ случаѣ всегда разсчитывали, чтобы алтарь входилъ въ составъ общаго расположенія плана.

Кромѣ церквей въ Псковѣ есть еще нѣсколько старинныхъ домовъ, неизвѣстно когда построенныхъ, но, судя по постройкѣ, дома эти могутъ быть отнесены ко времени постройки церквей.

Такъ называемыя Поганкины палаты, гдѣ теперь помѣщается провіантскій магазинъ,— это нѣчто неуклюжее, весьма обширное, прекрасно и плотно сложенное, но ничего интереснаго въ архитектурномъ отношеніи не представляющее. Толстыя стѣны, доходящія до $2^1/_2$ аршинъ, узкія маленькія окна, обширныя комнаты, совершенно гладкій фасадъ, слѣды плотныхъ затворовъ, производятъ впечатлѣніе тюрьмы и позволяютъ думать объ отсутствіи вкуса архитекторовъ и псковичей того времени; для насъ, привыкшихъ къ легкой, затѣйливой архитектурѣ, къ свѣтлымъ комнатамъ, жилось-бы не хорошо за этими широкими плитяными стѣнами, съ тяжелыми, сводчатыми, широкими проходами между комнатами, бѣдно освѣщенными, похожими скорѣе на помѣщеніе для складовъ, чѣмъ для жилья.

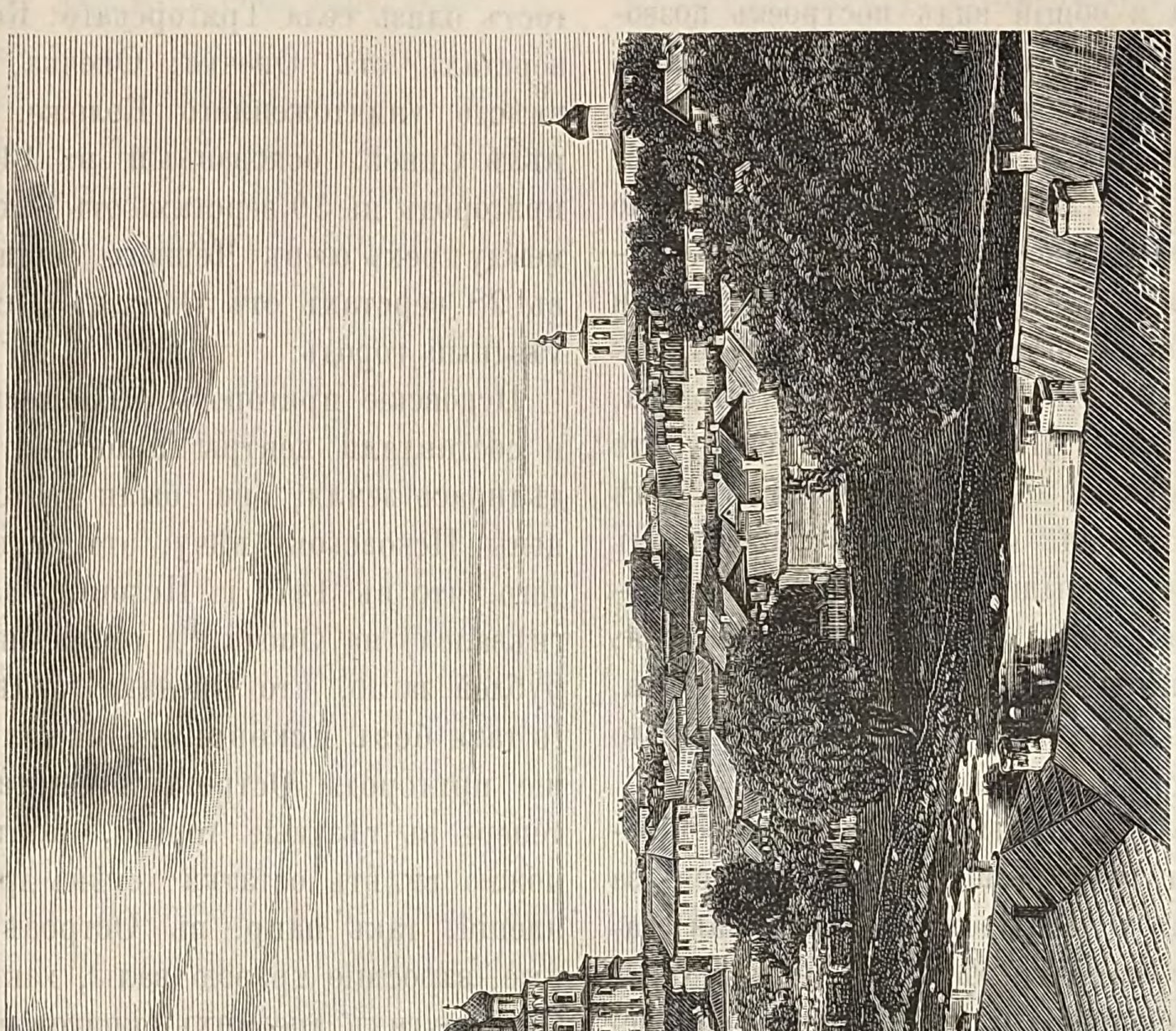
Нужно быть страстнымъ археологомъ, чтобы съумѣть восхищаться такими постройками; Погодинъ, посѣтившій Псковъ въ 1866 г., былъ въ восторгѣ, обозрѣвая эти палаты; но это былъ восторгъ особый, это не восторгъ передъ чудными памятниками античнаго міра, это восторгъ историка, увидѣвшаго хорошо сохранившійся памятникъ давно минувшаго времени. „Это домъ древняго псковскаго богача купца, писалъ Погодинъ, къ счастью совершенно сохранившійся, даже древніе дубовые

Планъ города Пскова.

полы, что нынѣ называются штучными. Домъ въ 2 этажа, оба со сводами, выстроенъ глаголемъ. Стѣны толщины необъятной и лѣстницы, окна, двери, все—цѣло. Въ сводахъ, въ каж-

ГОРОДА ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Городъ Псковъ. Видъ на Запсковье.

дой комнатѣ, по угламъ, или около угловъ, вколочены кольца. Что это значитъ? Нижній этажъ предназначался вѣроятно для товаровъ. Я былъ внѣ себя отъ удивленія, ходя по этимъ горницамъ, и благословлялъ случай, сохранившій намъ эту драгоцѣнность".

Въ Псковѣ можно отыскать нѣсколько домовъ того-же типа, только въ меньшихъ размѣрахъ и менѣе сохранившихся. Въ Псковѣ встрѣчаются развалины такихъ строеній, которыя должно быть имѣли другой видъ; такія развалины можно видѣть въ двухъ мѣстахъ;

въ одномъ мѣстѣ развалины ничего изъ себя не представляютъ, въ другомъ—строеніе частью сохранилось; это было большое зданіе, сложенное также изъ плитняка, но оставшаяся внутренняя комната имѣетъ видъ полукруглаго высокаго зала и общій видъ построекъ позволяетъ думать, что тутъ находился какой-либо замокъ съ башнями, и съ болѣе затѣйливымъ планомъ, чѣмъ другія псковскія строенія. Говорятъ, что здѣсь жила Марина Мнишекъ; но это преданіе голословно, каждому предоставляется вѣрить и не вѣрить этому. Постройки Пскова вообще не были красивы, и если Піотровскій любовался общимъ видомъ Пскова, и сравнивалъ его съ Парижемъ, то потому, что общій видъ долженъ былъ быть въ самомъ дѣлѣ красивъ; его красили стѣны съ множествомъ башень, церкви, крыши которыхъ были покрыты разноцвѣтной, блестѣвшей черепицей; самое положеніе Пскова на высокомъ мѣстѣ, при двухъ рѣкахъ, при обиліи садовъ, давало красивый видъ.

Снѣтогорскій монастырь въ настоящее время служитъ лѣтнею резиденціею архіерея; за Снѣтогорскимъ монастыремъ рѣка Великая становится шире; чаще встрѣчаются мели, потомъ эти мели выступаютъ въ видѣ островковъ, берега спускаются и рѣка вливается въ озеро. Это озеро лежитъ на границѣ древней Псковской земли. Отъ озера граница шла на востокъ, по р. Плюссѣ, на р. Череху и подходила къ Опочкѣ—древнему пригороду Пскова; отсюда, гранича съ Полотскою и Литовскою землями, она шла къ западному берегу озера. Псковская земля начиналась отъ озера, вдавалась узкой полосой между землями Новгородскими и Литовскими и представляла изъ себя сплошную оборонительную линію. Рѣка Великая составляла главную жизненную артерію Псковской земли; по ней группировались лучшіе Псковскіе пригороды. По прямой линіи отъ озера до Опочки, крайняго пригорода Псковской земли—не болѣе 130 верстъ,—и это пространство составляетъ всю Псковскую землю. Но есть однакожъ основаніе думать, что важно было значеніе этой линіи, если на одной р. Великой, кромѣ Пскова, расположено было еще 8 пригородовъ. Всѣхъ пригородовъ у Пскова было 12: Изборскъ, на западъ отъ Пскова въ 25 верстахъ; Кобылій городокъ у озера; Гдовъ; Владимирецъ, заложенный въ 1462 г. на рѣкѣ Листвицѣ; Котельно, а вмѣсто нея Выборъ, заложенный въ 1431 году въ Котелинскомъ обрубѣ; Вревъ; Вороничъ, въ 16 верстахъ отъ Врева, на лѣвомъ берегу р. Сороти, нынѣ погостъ близь села Тригорскаго; Коложе, въ 12 верстахъ отъ Опочки; Опочка, построенная вмѣсто уничтоженнаго Коложе; Красный, на рѣкѣ Синей, основанный въ 1464 г., нынѣ пригородъ въ 30 верстахъ отъ Опочки; Велье—между трехъ озеръ: Чернаго, Чади и Большаго, въ 28 верстахъ отъ Опочки; Островъ—нынѣ уѣздный городъ.

Псковскіе пригороды были весьма невелики, и составляли центры волостей, на которыя дѣлилась земля; они были безусловно подчинены Псковскому вѣчу; это видно напр. изъ того, что въ 1477 г. Псковъ „опалился“ (разгнѣвался) на Опочку и взялъ штрафъ въ 100 рублей за то, что Опочане повѣсили коневаго татя безъ псковскаго повелѣнія. Древніе пригороды Островъ и Опочка обратились теперь въ уѣздные города, но въ нихъ еще можно видѣть остатки стѣнъ древнихъ укрѣпленій, такъ напр. въ Островѣ есть земляные, заросшіе травою валы, какъ въ Опочкѣ. Отъ другихъ древнихъ пригородовъ остались только заглохшія, осыпающіяся развалины съ храмами, въ настоящее время приходскими, и конечно обновленными и перестроенными; въ городищахъ нерѣдко находятъ монеты, образки и другіе предметы; въ нѣкоторыхъ городищахъ сохранились слѣды подземныхъ ходовъ. Въ лѣсной чащѣ, гдѣ расположенъ пригородъ Коложе, указываютъ яму, которая, по преданію, была также входомъ въ подземелье. Съ городищемъ Вороничъ преданіе связываетъ легенду о кладахъ, оберегаемыхъ привидѣніями; мѣстные жители разсказываютъ, что изъ подъ земли во время пасхальной заутрени слышатся вопли и стукъ оружія; народная молва сохранила въ этой легендѣ память объ ужасахъ, сопровождавшихъ нашествіе Витовта, окончательно уничтожившаго пригородъ Коложе въ 1414 г. Преданіе также разсказываетъ о пригородѣ Красномъ, что кто разберетъ надпись на камнѣ за укрѣпленіемъ, тотъ получитъ, будто бы, кладъ, зарытый на городищѣ; въ Вельскомъ городищѣ множество человѣческихъ костей; кости-ли это сраженныхъ на полѣ

битвы, или умершихъ отъ морозой язвы, въ память которой здѣсь бываетъ крестный ходъ? Велье—это одно изъ красивыхъ мѣстъ, оно расположено между трехъ озеръ на высокомъ холмѣ; въ посадской церкви показываютъ желѣзныя двери, найденныя на городищѣ.

Кромѣ извѣстныхъ пригородовъ Пскова, которые возникали въ разныхъ мѣстахъ древней Псковской земли, въ настоящее время, не рѣдко можно встрѣтить въ Псковской губерніи признаки городищъ, память о которыхъ совершенно изгладилась. Наибольшее число укрѣпленій видимъ на югѣ отъ Пскова. Если бы мы вздумали нарисовать положеніе Пскова съ его городищами, то оказалось бы, что Псковъ былъ окруженъ кольцомъ укрѣпленій.

Наиболѣе замѣчательный и древнѣйшій изъ всѣхъ пригородовъ, сохранившійся до сего времени — это Изборскъ. Изборскъ — древнѣе Пскова; уже во время призванія варяжскихъ князей встрѣчаемъ упоминаніе объ Изборскѣ, который былъ вѣроятно мѣстомъ значительнымъ: должно быть, на этомъ основаніи, Труворъ выбралъ своею резиденціей это селеніе Кривичей, а не какое либо иное. Встаньте на холмъ, на которомъ расположенъ Изборскъ, взгляните внизъ, туда, гдѣ растилается озеро, въ низину, въ которой расположено селеніе; взгляните впередъ, на волнистую почву, и не надо большого воображенія, чтобы догадаться, что здѣсь были когда-то большія озера, и что протекавшая здѣсь рѣка была значительно шире и обильнѣе водою, чѣмъ нынѣшняя маловажная рѣчка. Весь холмъ, на которомъ высоко поднялся Изборскъ, сложенъ изъ известняка, и въ этомъ холмѣ находится обильный запасъ воды, постоянно питаемый подземными ключами; мы видимъ даже что въ Городищенское озеро, расположенное подъ Изборскомъ, каскадомъ вливаются такъ называемые Славянскіе ручьи.

Въ XIV столѣтіи Изборскъ, уже стоявшій на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находится теперь, т. е. на горѣ Жеравей, былъ укрѣпленъ каменною стѣной и рвомъ въ 1330 г., иждивеніемъ псковскаго посадника Селога. До сего времени уцѣлѣли остатки каменныхъ стѣнъ и башенъ съ узкими окнами, возобновленныя по повелѣнію Государя Императора Николая Павловича въ 1837 г.

Проѣзжая мимо Изборска на западъ къ прежней Литовской границѣ, приходится подниматься выше и выше. Изборскъ, опускаясь, скрывается изъ вида, въ далекѣ, а на краю горизонта еще видны главы Собора св. Троицы. Въ ясную погоду, этотъ Псковскій кафедральный соборъ бываетъ видѣнъ верстъ за 30. Въ 25—30 верстахъ на сѣверъ, къ границѣ нынѣшней Лифляндской губерніи, стоятъ почти рядомъ двѣ замѣчательныя въ свое время крѣпости: одна по сю сторону русской границы, другая по ту сторону. Одна принадлежала Ливоніи и зовется въ настоящее время замкомъ Нейгаузенъ; другая принадлежала Пскову: это знаменитый Печерскій монастырь. Нейгаузенъ былъ нѣкогда сильною крѣпостью и защищалъ Тевтонскихъ рыцарей отъ нападеній Псковичей и Новгородцевъ; въ XIV ст. его называли: Castrum fortissimum in tota patria—сильнѣйшею крѣпостью во всемъ отечествѣ; теперь Нейгаузенъ представляетъ только красивую развалину, состоящую изъ части окружной стѣны и нѣсколькихъ полуразрушенныхъ башенъ.

Основаніе городка относятъ къ XIII ст.; въ XIV столѣтіи онъ былъ укрѣпленъ и подвергался во время Ливонской войны смѣлому нападенію Псковичей; какъ исторія обороны нашихъ крѣпостей связана съ различными легендами и чудесными происшествіями, такъ и оборона Нейгаузена во время 3-ей Ливонской войны украшена сказочными добавленіями.

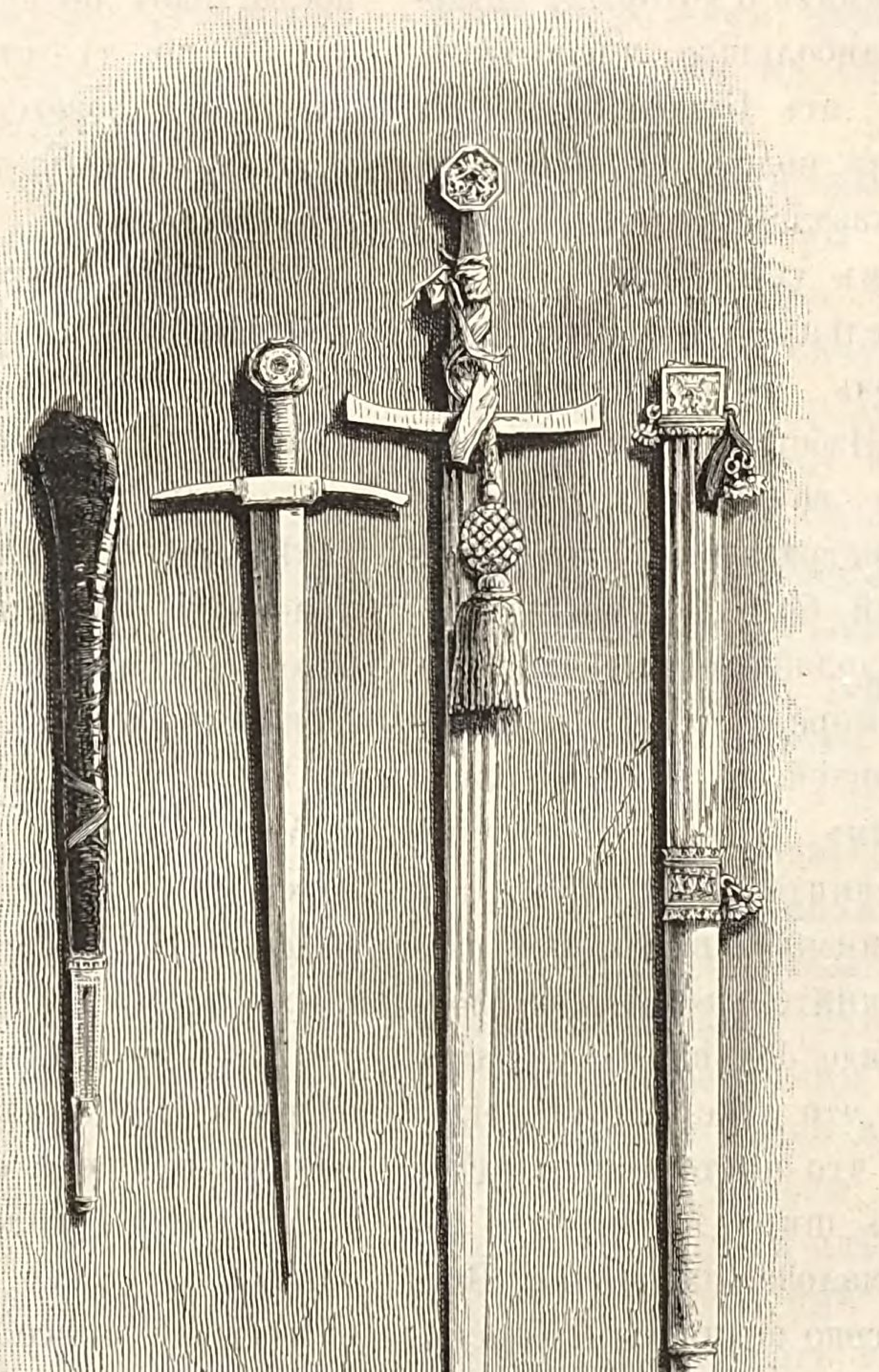
Мѣстность около Нейгаузена изобилуетъ курганами; недалеко отъ него протекаетъ рѣчка „Рубежка“ и все это, вмѣстѣ взятое, напоминаетъ о борьбѣ, которая почти не прекращалась на рубежѣ Русской земли. Нейгаузенъ, какъ пограничная крѣпость, стоявшая на спорной землѣ, имѣла и въ послѣдствіи нѣкоторое значеніе въ борьбѣ съ Поляками и Шведами, и упоминается въ 1700 г., во время борьбы Петра Великаго съ Карломъ XII.

Печерскій монастырь — пограничная крѣпость, находится въ 4-хъ верстахъ отъ нынѣшней границы Лифляндской губерніи; онъ расположенъ на крутыхъ берегахъ ручья, въ настоящее время весьма незначительнаго, но, судя по берегамъ, бурнаго и обильнаго водами въ былое время. Стѣны окружаютъ его неправильнымъ многоугольникомъ; задняя сторона его опусти-

лась въ ложбину на дно стараго ручья; каменныя твердыми, обросшія деревьями, до сего времени сохранились и придаютъ обители видъ грозной крѣпости.

Такою и дѣйствительно были Печеры въ то время, когда борьба кипѣла постоянно на этомъ рубежѣ земли русской, и по обѣ стороны его стояли закованныя въ желѣзо рати, всегда готовыя на отпоръ и нападеніе. Построеніе каменныхъ стѣнъ и обнесеніе города (какъ прежде назывались Печеры), валомъ относится къ различнымъ эпохамъ. Каменной стѣной монастырь былъ обнесенъ въ XVI ст.; а валомъ онъ былъ окруженъ во время сѣверной войны, по приказанію Петра Великаго, который лично посѣтилъ Печеры. Обитель, при этихъ укрѣпленіяхъ, постоянно была и весьма важнымъ арсеналомъ; въ 1682 году въ Печерскомъ монастырѣ-крѣпости насчитывалось пищалей и стѣнныхъ огнестрѣльныхъ орудій 428 штукъ, пороху болѣе 196 пудовъ, ядеръ 2,256. У самаго входа въ обитель, надъ такъ-называемыми Святыми воротами, находится Никольская церковь, тяжелая, некрасивая постройка, возведенная въ 1565 г. и привлекающая къ себѣ массу богомольцевъ. Главную святыню этого храма составляетъ древній, грубо вырѣзанный изъ дерева образъ Св. Николая Чудотворца. Къ подножію его народъ отъ усердія своего

ПСКОВСКІЯ СВЯТЫНИ.

Мечи св. князей Довмонта и Всеволода.

несетъ посильные дары: яйца, масло, концы холста и шитыя полотенца.

Собственно пещерная церковь расположена внизу, въ лощинѣ; туда приходится сходить съ обрыва по чугунной лѣстницѣ. Остановившись на этой лѣстницѣ, взгляните внизъ и полюбуйтесь оригинальнымъ и красивымъ видомъ. Черезъ листву деревъ, окаймляющихъ обрывъ, на площадкѣ расположены въ рядъ церкви съ затѣйливыми куполами и корпусъ монастырскихъ келій. Подъ вечеръ, когда косые лучи солнца бросаютъ широкія тѣни, когда въ одной изъ церквей совершается всенощная и звуки пѣнія разносятся тихимъ аккордомъ по этому ущелью,—общая картина обители представляется чѣмъ-то весьма художественнымъ. Впечатлѣніе картины вызываетъ именно то настроеніе духа, которое нельзя назвать иначе какъ „молитвеннымъ“. Тишина и стройные звуки молитвеннаго пѣснопѣнія навѣваютъ на душу цѣлый рой воспоминаній о прошломъ и возстановляютъ въ памяти преданія объ открытіи этихъ „богозданныхъ пещеръ“.

„Однажды изборскіе охотники—такъ гласитъ преданіе, — отецъ съ сыномъ, гонялись за звѣрьми въ лѣсистой пущѣ и, достигнувъ того мѣста, гдѣ потомъ возникъ монастырь, услышали церковное пѣніе. Они приняли это за пѣніе ангеловъ, и заключили изъ такого явленія,

что самое мѣсто, на которомъ было услышано пѣніе — свято. Охотники разсказали товарищамъ, и всѣ, по общему совѣту, выпросили себѣ у псковскаго вѣча на поселеніе то мѣсто, на которое указывали охотники. Получивъ землю во владѣніе, они подѣлили ее между собою. Одному изъ нихъ досталось по раздѣлу мѣсто недалеко отъ нынѣшней пещерной церкви; звали его Иванъ Дементьевъ. Однажды онъ пошелъ рубить дрова на ту гору, гдѣ охотники слышали пѣніе. Срубленное на краю горы дерево повалилось внизъ, поломало по пути другія деревья и тяжестью своею оторвало часть земли. Тогда и открылась очамъ всѣхъ „Богомъ зданная пещера“, и оказалось, что охотники слышали не ангельскіе гласы, а пѣніе отшельниковъ, издавна жившихъ въ той пещерѣ. Но ихъ тамъ уже не было.“

ПСКОВСКІЯ СВЯТЫНИ.

Икона св. князя Всеволода-Гавріила Псковскаго.

Соборная церковь во имя Успенія Божіей Матери, находящаяся рядомъ съ пещерами, основана въ XV ст.; она была вырыта въ песчаной горѣ псковскимъ священникомъ Іоанномъ (во иночествѣ Іоною). Рядомъ съ соборною церковью находятся древнія „богозданныя“ пещеры. Опускаясь въ темное подземелье, приходится испытывать странное ощущеніе: свѣчи едва мерцаютъ во мракѣ, голосъ дѣлается глухимъ; какая-то особенная тишина, которую неловко нарушить, царитъ въ подземельѣ. Пещеры имѣютъ видъ корридоровъ, различной длины и ширины; въ одномъ изъ корридоровъ проходъ заложенъ, такъ какъ тамъ сталъ обваливаться сводъ; куда вели эти корридоры? Прерывались-ли они гдѣ-нибудь недалеко, или выводили къ какому нибудь опредѣленному мѣсту? Трудно дать на эти вопросы опредѣленный отвѣтъ. Народъ разрѣшаетъ эти вопросы по своему: объ этихъ богозданныхъ пещерахъ, какъ и о пещерахъ святогорскихъ на Донцѣ, народъ съ полною увѣренностью говоритъ, будто они стоятъ въ непосредственной связи съ пещерами кіевскими.

Бѣлый, песчаный грунтъ пещеръ съ прослойкою краснаго песчаника твердо держится въ стѣнахъ и сводахъ безъ всякой искуственной подпоры и обдѣлки.

Теперь эти пещеры обращены въ усыпальницу; по бокамъ вкопаны гробы; гробы-же стоятъ въ нишахъ заложенные кирпичомъ, и ничѣмъ незаложенные; свойство грунта пещеръ

способствуетъ тому, что трупы въ этихъ пещерахъ не разлагаются и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ раздался кирпичъ и истлѣло дерево гроба, можно видѣть воочію, просунувъ свѣчи въ расщелину, нетлѣнность здѣсь погребенныхъ. Но дышать здѣсь не легко; вѣяніе смерти чуется въ этомъ мрачномъ подземельѣ, и по выходѣ оттуда міръ представляется каждому лучше и красивѣе, чувство жизни сильнѣе и осязательнѣе проницаетъ все существо наше.

На верху, надъ пещерами, разведенъ густой, прекрасный садъ; послѣ мрака пещеръ онъ кажется еще прекраснѣе, а шелестъ листьевъ и пѣніе птицъ особенно пріятно поражаютъ нашъ слухъ.

Въ соборѣ, кромѣ нѣсколькихъ иконъ XVI столѣтія, обращаютъ на себя вниманіе мощи игумена Корнилія, который построилъ каменныя стѣны кругомъ монастыря. Можно догадываться, что стѣны были воздвигнуты въ виду Ливонскаго похода, который предпринималъ Царь Иванъ Васильевичъ. Въ синодикѣ монастыря о смерти Корнилія просто и кратко сказано, что онъ „отъ тлѣннаго сего житія земнымъ царемъ предпосланъ къ небесному царю въ вѣчное жилище“—другими словами это означаетъ, что игуменъ Корнилій былъ убитъ Иваномъ Грознымъ. Какъ, и при какихъ обстоятельствахъ это случилось—неизвѣстно. — Преданіе разсказываетъ, что когда Корнилій вышелъ на встрѣчу Грознаго Царя и сталъ у воротъ обители, Царь отрубилъ ему голову, и случилось великое чудо: Корнилій поднялъ руками отрубленную голову, и понесъ ее въ монастырь, а Царь, объятый ужасомъ, бѣжалъ безъ оглядки отъ вратъ обители.

Преданіе это тѣмъ болѣе странно, что Печерскій монастырь почему-то пользовался благоволеніемъ Грознаго; онъ жаловалъ обители села, золото, серебро и разныя церковныя книги; далъ вкладомъ чудотворную икону Успенія Божіей Матери, въ золотомъ окладѣ, и устроилъ къ ней серебряный кіотъ. Изъ вещей Грознаго въ ризницѣ хранятся кошелекъ съ деньгами, расшитый по алому бархату, съ серебрянной цѣпочкой, золотая цѣпь, вѣсомъ болѣе двухъ фунтовъ, вилка, ножъ и костяная ложка въ серебряной оправѣ, пороховница, серебряная чаша, сѣдло, серебряный ковшъ съ изображеніемъ драконовъ и съ надписью полнаго титула Грознаго (безъ наименованія его царемъ Казанскимъ), и жестяная охотничья труба. Печерскому монастырю пришлось принять участіе въ борьбѣ со Стефаномъ Баторіемъ; поляки и венгерцы, осаждавшіе обитель, встрѣтили сильный отпоръ; но гораздо важнѣе было то нравственное вліяніе, которое было оказано монастыремъ на самый Псковъ.

Въ оградѣ того-же монастыря, на возвышенномъ мѣстѣ, при крутомъ скатѣ горы у крѣпостной стѣны построенъ въ нынѣшномъ вѣкѣ соборъ во имя Михаила Архангела. Соборъ этотъ воздвигнутъ на пожертвованія, собранныя графомъ Витгенштейномъ въ память воиновъ, павшихъ въ 1812 году; имена ихъ начертаны на мраморныхъ доскахъ, находящихся въ со-
Нашествіе Наполеона не коснулось Пскова: подъ Полоцкомъ французы были разбиты гр. Витгенштейномъ, и два года спустя была ему устроена торжественная встрѣча во Псковѣ, гдѣ дворянство дало балъ и поднесло ему икону, а псковское купечество и мѣщанское общество собрало 2500 руб. на раненыхъ солдатъ.

Въ Михайловскомъ соборѣ предполагалось поставить обелискъ въ честь графа, но скромный полководецъ отписалъ псковскому губернатору, „чтобы внутри предполагаемаго храма, кромѣ двухъ мраморныхъ досокъ съ сохраненіемъ именъ павшихъ на полѣ брани сыновъ отечества, не было никакихъ изображеній въ честь подвиговъ войскъ 1 корпуса, а еще менѣе и ни подъ какимъ видомъ чего-либо относящагося до слабыхъ заслугъ, кои несправедливо мнѣ приписывать могутъ“.

II.

Очеркъ исторіи Пскова.—Псковъ и Новгородъ.—Псковъ и Москва.—Паденіе псковской независимости.—Осада Пскова и подвиги псковичей.—Очеркъ внутренней жизни Пскова.

Удаленное, окраинное положеніе Пскова, несмотря на то, что онъ получилъ историческое значеніе почти одновременно съ Новгородомъ, долгое время препятствовало самостоятельному развитію этого центра и вынуждало его довольствоваться скромнымъ положеніемъ пригорода Великаго Новгорода. Близость рубежа, за которымъ уже очень рано появились такіе сильные враги, какъ Литва и нѣмецкіе рыцари, вынуждала Псковъ къ постоянной борьбѣ и заставляла непрестанно быть на-сторожѣ и на-готовѣ. Тяжка была эта служба передового бойца, грудью встрѣчавшаго и на плечахъ выносившаго всѣ тѣ бури и грозы, которыя налетали на новгородскую землю съ запада—эта служба неусыпнаго и неустаннаго стража, оберегавшаго землю русскую отъ Чуди и нѣмцевъ, отъ Литвы и шведовъ! Но за то эта служба закалила Псковъ и въ жизни псковскаго общества выработала такія положительныя стороны, какихъ мы не видимъ въ жизни общества новгородскаго. Боярство никогда не достигало здѣсь той степени исключительнаго могущества и преобладанія, которыя такъ гибельно отзывались въ жизни Новгорода безустанной, ожесточенной борьбою партій и полнымъ приниженіемъ низшихъ сословій.

Свободы во Псковѣ было не меньше, чѣмъ въ Новгородѣ, но въ отношеніяхъ между сословіями проявлялось болѣе опредѣленности, болѣе равенства и уваженія къ закону. Псковское общество—если можно такъ выразиться—было болѣе воспитано, нежели общество новгородское, и между отдѣльными его частями было несравненно болѣе единенія и такое глубокое уваженіе къ псковской старинѣ и обычаю, которое могла сломить только Москва, и то послѣ долгой и упорной борьбы.

Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, ни псковскій посадникъ, ни псковскій князь, ни самый владыка новгородскій никогда не достигали въ Псковѣ преобладающаго значенія и не могли играть такой роли, которая-бы ихъ избавляла отъ общественнаго контроля и отъ необходимости подчиниться псковской старинѣ и обычаю. Значеніе посадника или князя опредѣлялось, въ большинствѣ случаевъ, количествомъ и значеніемъ его заслугъ передъ Псковомъ; а постоянно грозившая Пскову опасность, постоянная необходимость давать ей общій, единодушный отпоръ, такъ тѣсно связывали „старшихъ“ и „меньшихъ“ людей, что почти не оставалось мѣста для развитія личнаго произвола и для своекорыстныхъ видовъ. Князь псковскій—большею частью заѣзжій чужанинъ, приглашенный Псковомъ, или неудачникъ, искавшій себѣ въ Псковѣ убѣжища отъ преслѣдованій въ Русской землѣ,—былъ исключительно военачальникомъ мѣстной псковской рати; а посадникъ — исполнителемъ воли псковскаго вѣча, которое ничуть не склонно было шутить съ ослушниками воли народа. Въ противоположность аристократическому строю новгородской внутренней жизни, — Псковъ былъ несравненно болѣе демократиченъ, и купеческое сословіе, вслѣдствіе большого значенія, какое имѣло торговое дѣло, было въ сущности первенствующимъ сословіемъ въ Псковѣ и на вѣчѣ.

Политическая исторія и исторія торговли въ Псковѣ шли такъ близко рука-объ-руку, и находились въ такой обоюдной зависимости, что многія войны могутъ быть объяснены только торговыми обстоятельствами; съ другой стороны торговыми сношеніями Новгорода съ Псковомъ обусловливались также и ихъ политическія отношенія.

Какъ въ политическомъ отношеніи, такъ и въ торговомъ, Псковъ зависѣлъ первоначально отъ Новгорода; однако-же Новгородъ, принад-

лежа къ Ганзейскому союзу, невольно долженъ былъ имѣть тѣсныя торговыя сношенія съ Псковомъ, такъ какъ по Великой лежалъ одинъ изъ важныхъ торговыхъ путей. На долю Пскова въ торговыхъ сношеніяхъ съ Ганзою, выпадали по преимуществу маклерскія обязанности.

До половины XIV столѣтія, будучи пригородомъ Новгорода, Псковъ иногда имѣлъ своихъ князей, иногда держалъ сторону враговъ Новгорода, иногда укрывалъ новгородскихъ бѣглыхъ; лодъ-Гавріилъ былъ первымъ княземъ псковскимъ, но онъ принадлежалъ къ той первой категоріи псковскихъ князей, которые въ пригородѣ новгородскомъ—Псковѣ—„добывали себѣ Новгородъ", какъ выражается историкъ Бѣляевъ; св. Всеволодъ-Гавріилъ на мѣстѣ прежняго деревяннаго храма св. Троицы заложилъ каменный, изображеніе котораго сохранилось на иконѣ св. Гавріила, находящейся въ самомъ соборѣ.

ГОРОДА ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Городъ Псковъ. Видъ на Завеличье.

такія отношенія не были вполнѣ зависимыми, а скорѣе—естественными отношеніями сильнаго къ слабому, и по мѣрѣ того, какъ усиливался Псковъ, онъ становился менѣе и менѣе зависимымъ отъ Новгорода, пока наконецъ получилъ полную самостоятельность.

Псковъ до половины XIII столѣтія жилъ большую часть времени безъ князя, и только начиная съ Ярослава Ярославовича Псковъ, имѣетъ самостоятельныхъ князей, искавшихъ по преимуществу защиты во Псковѣ; князь Всеволодъ-Гавріилъ ...

Князь Довмонтъ принадлежалъ къ другой категоріи князей:—Псковъ времени Довмонта не признавалъ уже Новгорода за господина, но еще не окончательно отдѣлился отъ него. Прибывъ во Псковъ изъ Литвы, князь Довмонтъ съ дружиною и родомъ своимъ искалъ здѣсь убѣжища, а получилъ княжество, и всю душу свою положилъ на борьбу съ иноплеменниками, простиравшими на Псковъ свои хищные замыслы. Онъ княжилъ во Псковѣ 33 года. При немъ обнесенъ Дѣтинецъ толстою пли-

тяною стѣной, которая до сего времени носитъ его имя; можно предполагать, что имъ былъ значительно укрѣпленъ Псковъ, который во время его княженія не разъ боролся съ врагами Руси. А по смерти Довмонта, благодарные псковичи, въ память его заслугъ, причли его къ лику святыхъ защитниковъ и вѣчныхъ ходатаевъ за Псковъ передъ престоломъ Всевышняго.

Въ половинѣ XIV вѣка Псковъ окончательно освободился отъ верховенства Новгорода. Въ 1347-мъ году вѣчевой колоколъ созвалъ псковичей. На вѣчѣ было объявлено, что король Магнусъ напалъ на новгородскія владѣнія, и новгородцы просятъ помощи у псковичей! Ясно, что Псковъ былъ уже достаточно силенъ и богатъ въ то время, чтобы помочь старшему брату! Псковское вѣче согласилось помочь Господину Великому Новгороду, но съ тѣмъ, чтобы Новгородъ не считалъ съ этихъ поръ Пскова подвластнымъ пригородомъ, а именовалъ бы его меньшимъ своимъ братомъ; старшій братъ поступился передъ выросшей силой Пскова и долженъ былъ признать его права; съ этого времени началась самостоятельная жизнь Пскова.

Съ половины XIV столѣтія и до половины XV столѣтія Псковъ проводитъ лучшее свое время; онъ отражалъ Литву и нѣмцевъ, укрѣплялся, строился, создавалъ внутреннее управленіе; въ это время имъ сдѣланы многочисленныя и лучшія постройки; въ это же время оконченъ замѣчательный юридическій памятникъ: „Псковская судная грамота".

Но небольшое государство псковское не могло обойтись безъ союзниковъ: оно и нашло надежнаго и вѣрнаго пособника въ московскомъ княжествѣ. Союзъ Пскова съ Москвой дѣлался все тѣснѣе, по мѣрѣ того, какъ охлаждались и слабѣли связи съ Новгородомъ, а сила Москвы непримѣтно возрастала... Москва собирала русскую землю подъ свое знамя. Союзъ

ПСКОВСКІЯ ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТИ.

Старо-Мирожскій монастырь.

Москвы съ Псковомъ становился похожимъ на покровительство сильнаго княжества слабому и постепенно Псковъ, не замѣчая того самъ, становился въ подчиненное положеніе къ Москвѣ.

Въ половинѣ XV столѣтія псковскій князь сталъ называться намѣстникомъ великаго князя московскаго, и присягалъ, при вступленіи на престолъ, какъ Пскову, такъ и московскому князю. Это было первое покушеніе на самостоятельность Пскова. Москва, поглотившая Суздаль, Тверь, Рязань и Смоленскъ, подбиралась къ Пскову и въ началѣ XVI столѣтія, при московскомъ великомъ князѣ Василіи Ивановичѣ, вѣчевой колоколъ былъ снятъ съ вѣчевой башни.

Сдѣлалось это не вдругъ, но свершилось безъ кровопролитій, безъ ужасовъ, безъ войны: Псковичи только плакали и скорбѣли о потерѣ своей независимости, какъ будто смерть вѣчевого порядка была естественною смертью города.

Въ 1499-мъ году собралось вѣче по зову посла московскаго; словами своего государя, посолъ сказалъ вѣчу: „я, де, князь великій Иванъ, сына своего пожаловалъ великаго князя Василія, далъ ему Новгородъ и Псковъ". Псковское вѣче до сего времени ничего подобнаго не слыхивало! Раньше оно и съумѣло бы наказать дерзкаго посла, который-бы такъ неосторожно пошутилъ съ вѣчемъ; но теперь вѣче было удивлено и смущено: сила Москвы, какъ Дамокловъ мечъ, угрожала псковскому вѣчу; начались просьбы и переговоры съ московскимъ княземъ, но великій князь былъ не преклоненъ и Псковъ призналъ Василія Ивановича своимъ княземъ.

Странное время настало: вѣчевой колоколъ еще гудѣлъ и собиралъ псковичей, но голосъ московскаго князя былъ слышнѣе голоса вѣча, и это народное собраніе, мало-по-малу уклоняясь отъ рѣшенія важныхъ вопросовъ общественныхъ и государственныхъ, переходило къ мелкимъ тяжбамъ и перекорамъ, мельчало среди домашнихъ дрязгъ и ссоръ. Началась ливонско-нѣмецкая война, псковичи поставили войско Москвѣ, какъ вотчина великаго князя московскаго; кончилась война; Москва заключила миръ безъ участія Пскова, и псковичи, какъ служилые люди князя московскаго были удостоены отъ него наградою.

Псковскій лѣтописецъ такъ записываетъ объ этомъ смутномъ времени: „мы на большой грѣхъ превратились, на злые поклепы и лихія дѣла и кричаніе на вѣчѣ; у насъ глава не вѣдаетъ, что говоритъ языкъ, не умѣемъ своего дѣла строить, а хотимъ управлять городомъ; и это-то самоволіе и непокореніе другъ другу было виною всѣхъ золъ насъ постигшихъ".

Наступали послѣдніе дни псковскаго вѣча. Въ 1510 году послѣдній разъ гудѣлъ вѣчевой колоколъ. Въ сущности вѣче давно уже не существовало: это уже былъ бездыханный трупъ; но и трупъ нужно было убрать, чтобы замести слѣды старыхъ вѣчевыхъ порядковъ, неугодныхъ Москвѣ. Дѣло началось съ того, что великій князь Василій Ивановичъ, прибывъ въ Новгородъ, приказалъ забрать всѣхъ псковскихъ жалобщиковъ, недовольныхъ княжимъ намѣстникомъ во Псковѣ и заключилъ ихъ подъ стражу, неудостаивая ихъ жалобы ни вниманія, ни разбора. 12-го января дьякъ Третьякъ Долматовъ, пріѣхавъ во Псковъ, привезъ поклонъ отъ великаго князя и объявилъ волю государя въ такихъ выраженіяхъ: „если отчина моя, псковичи, хотятъ только въ старинѣ прожити, то выполнили-бы двѣ воли мои: первая, что-бы вѣча не было, да и колоколъ-бы вѣчевой сняли. А здѣсь быти двумъ намѣстникамъ, а по пригородамъ по намѣстнику, и вы еще въ старинѣ проживете. А только тѣхъ двухъ воль не сотворите государю и не изволите, ино какъ Богъ сердцу положитъ; ино у него много силы готовой, а то кровопролитіе на тѣхъ будетъ, кто государевы воли не сотворитъ. Да государь нашъ хочетъ побывати на поклонъ въ Троицѣ во Псковѣ". Сказалъ и сѣлъ на степени на вѣчѣ.

„Посолъ государевъ! дастъ Богъ заутра и мы себѣ подумаемъ, да тебѣ о всемъ скажемъ" — отвѣчалъ со слезами и горемъ вѣче и безмолвно разошлось.

Настала ночь сомнѣній, горя и слезъ; „како зѣницы не упали со слезами въ купѣ, како-ли не урвалось сердце отъ корени?" говоритъ лѣтописецъ. Псковичи рѣшили собственными руками похоронить свою самостоятельность. Да что же имъ и оставалось дѣлать? Сопротивляться было-бы безцѣльно и безумно, „а то кровопролитіе на тѣхъ будетъ, кто государевой воли не сотворитъ"; нужно было помириться, и на другой день (это было воскресенье), по удару

вѣчевого колокола, собралось послѣднее вѣче, чтобы подчиниться волѣ государя московскаго. Псковичи сказали на вѣчѣ слѣдующія многознаменательныя слова: „Намъ, псковичамъ, отъ государя своего великаго князя, кто ни будетъ на Москвѣ, не отойти ни въ Литву, ни въ нѣмцы; „а ныньче Богъ воленъ, да государь въ своей отчинѣ и дѣдинѣ, во градѣ Псковѣ и въ насъ и въ колоколѣ нашемъ, а мы прежняго цѣлованія своего не хотимъ измѣнить и на себя кровопролитіе принять". Слова, изобличающія глубокую любовь къ родинѣ и покорность судьбѣ, которой видимо нельзя было избѣжать, подъ тяжкимъ гнетомъ исторической необходимости. Вѣчевой колоколъ былъ снятъ и увезенъ въ Снѣтогорскій монастырь, а оттуда отправленъ государю, который въ то время былъ въ Новгородѣ и ждалъ рѣшенія.

Государь великій князь сдержалъ свое слово и пріѣхалъ во Псковъ, чтобы завести новые порядки; 300 семействъ богатыхъ гражданъ были высланы въ Москву, а вмѣсто нихъ поселены изъ низовыхъ городовъ; изъ Крома было приказано вывезти запасы и отвести мѣсто княжему двору; оставлена стража изъ 500 человѣкъ новгородскихъ пищальниковъ и увезенъ другой корсунскій колоколъ.

Выселенія продолжались и впослѣдствіи; въ XVI столѣтіи было всего выселено 1100 семействъ; въ XVII в.—300 семействъ. Псковскій лѣтописецъ, описывая событія послѣднихъ дней Пскова, съ грустью говоритъ: „такъ исчезла слава Пскова, плѣненнаго не иновѣрными, но своими братьями, христіанами. О градъ, нѣкогда великій! Ты сѣтуешь въ опустѣніи. Прилетѣлъ на тебя орелъ многокрылый съ когтями львиными, вырвалъ изъ нѣдръ твоихъ три кедра ливанскіе; похитилъ красоту, богатство и гражданъ, раскопалъ торжища или заметалъ дрязгомъ; увлекъ нашихъ братьевъ и сестеръ въ мѣста дальнія, гдѣ не бывали ни отцы ихъ, ни дѣды, ни прадѣды".

И. Бѣляевъ, въ своей исторіи Пскова, заканчивая разсказъ о псковскомъ вѣче, говоритъ совершенно справедливо: „свѣтелъ образъ Пскова въ продолженіе всей его исторической дѣятельности, но онъ является еще свѣтлѣе въ послѣдніе годы, когда Псковъ дослуживалъ свою историческую службу, когда обыкновенно самые свѣтлые образы городовъ и народовъ темнѣютъ и тускнутъ. Псковъ сошелъ съ исторической сцены не какъ дряхлый, искалеченный старецъ, а какъ бодрый еще воинъ, отслужившій свою срочную службу".

Въ лѣтописяхъ города Пскова на вѣки записана неизгладимыми чертами геройская оборона Пскова отъ полчищъ Баторія—одного изъ славнѣйшихъ полководцевъ своего времени. Эта оборона тѣмъ болѣе является памятною въ нашей исторіи, что выказала во всемъ блескѣ русское мужество и твердость въ такую эпоху, когда торжествующій врагъ уже не зналъ предѣловъ своей наглости, а перепуганный громкими побѣдами Поляковъ царь Иванъ Васильевичъ—Грозный для своихъ подданныхъ, но не для Баторія—потерялъ не только всю бодрость духа, но и все самообладаніе, столь необходимое въ правителѣ обширнаго государства. Въ то самое время, когда Іоаннъ, забывая чувство собственнаго достоинства и унижаясь передъ Баторіемъ, посылалъ къ нему пословъ и въ наказѣ имъ повелѣвалъ, что „если ихъ станутъ укорять, или безчестить, или бранить, или бить, то на укоризну, безчестье и брань отвѣчать, смотря по дѣлу, что̀ будетъ пригоже и какъ ихъ Богъ вразумитъ, слегка, а не браниться, противъ побоевъ терпѣть и стоять накрѣпко..." Въ то время, когда Баторій, отвергая мирныя предложенія, посылалъ Іоанну грамоту, наполненную ругательствами и, глумясь надъ нимъ, говорилъ: „для чего ты подданныхъ своихъ не обороняешь? И бѣдная курица передъ ястребомъ и орломъ птенцовъ своихъ крыльями покрываетъ, а ты орелъ двухглавый (ибо такова твоя печать) прячешься!.." Въ это тяжелое время приниженія, унынія и общаго упадка силъ—геройство Псковичей, остановившее побѣдоносное войско Баторіево, вдругъ заставило всѣхъ воспрянуть духомъ. Подвигъ Псковичей заслуживаетъ болѣе подробнаго, болѣе обстоятельнаго изложенія этого эпизода.

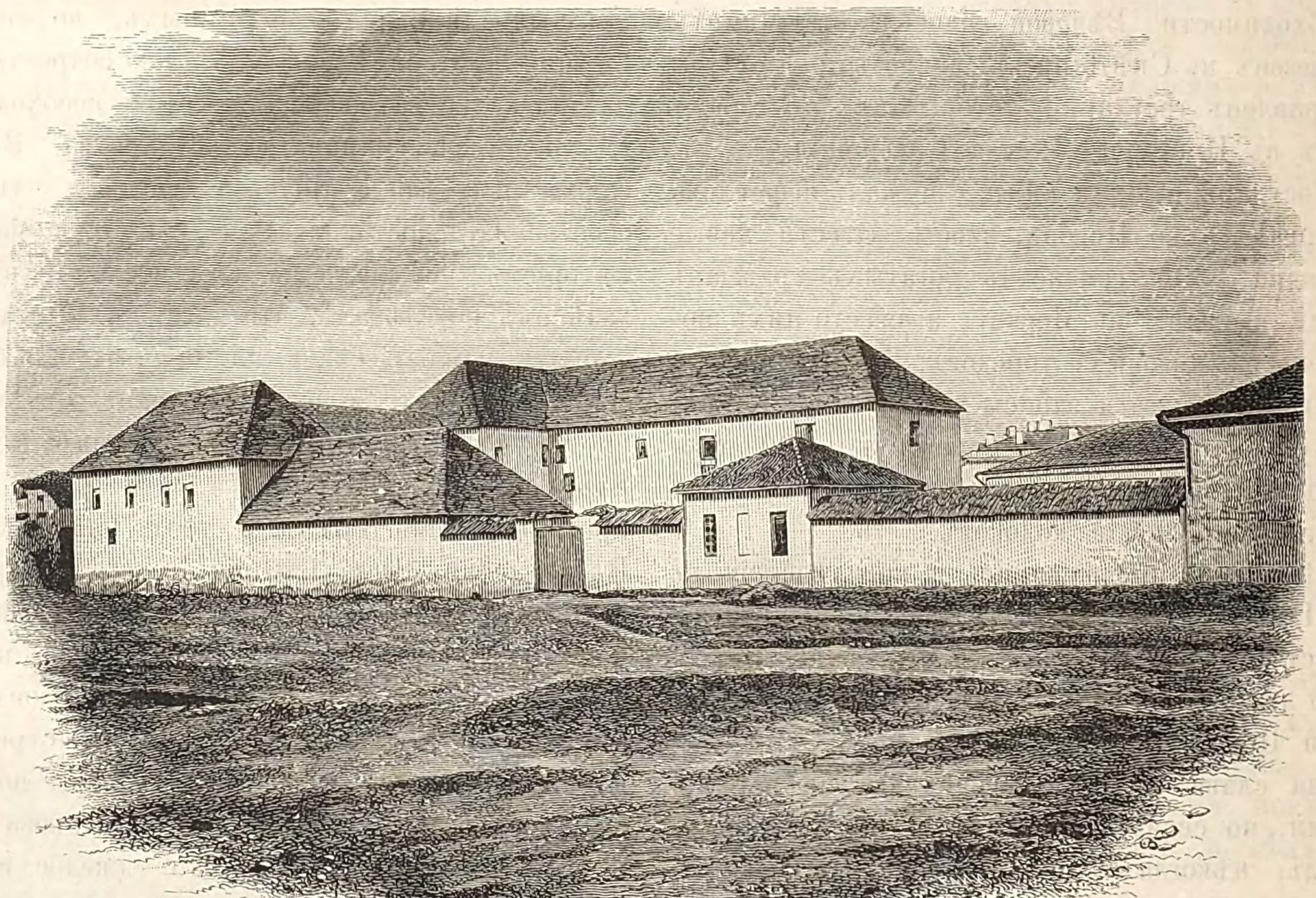
Въ половинѣ августа 1581 года, Псковичи прослышали о прекращеніи переговоровъ съ Баторіемъ и о наступленіи Баторіевой рати. Во Псковѣ въ то время начальствовали двое бояръ князей Шуйскихъ:—Василій Ѳедоровичъ Скопинъ-Шуйскій и Иванъ Петровичъ Шуйскій, достойный сынъ извѣстнаго воеводы Петра Шуйскаго. Свѣдавъ, что Стефанъ идетъ прямо на Псковъ, воеводы и граждане изготовились къ

долгой и упорной оборонѣ. Начальствовавшіе бояре и духовенство заботились не только о запасахъ и вооруженіи, но, главнымъ образомъ, и о подъемѣ духа народнаго, и торжественнымъ шествіемъ обошли вокругъ всѣхъ укрѣпленій съ крестами, чудотворными иконами и мощами св. князя Всеволода-Гавріила. Твердыни города были сильны и грозны: Псковъ слылъ первою крѣпостью въ Московскомъ государствѣ. При этомъ городъ былъ снабженъ многочисленнымъ нарядомъ (артиллеріей) и войска въ Псковѣ было не мало—около 7,000 конницы и до 50,000 пѣхоты, считая въ томъ числѣ и жителей, способныхъ носить оружіе. 18 августа, слыша о приближеніи непріятеля, воеводы приказали звонить въ осадный колоколъ, какъ бы извѣщая тѣмъ жителей о началѣ предстоящей осады, затѣмъ сѣли на коней и, выѣхавъ изъ города съ частью войска, выжгли предмѣстья.

Вскорѣ, густыя облака пыли, поднимавшіяся вдали, возвѣстили Псковичамъ о подступленіи Баторіева войска. Войско шло не спѣша—спокойно и смѣло, какъ на праздникъ, и, для наблюдавшихъ издали горожанъ, казалось громаднымъ. И дѣйствительно, то была сто-тысячная армія, превосходно обученная и дисциплинированная, щеголевато-принаряженная и вооруженная. Въ войскѣ Стефана, кромѣ Поляковъ и Литовцевъ, были и Нѣмцы, и Венгры, и Датчане, и Шотландцы. Подходя къ Пскову, войско непріятельское заняло Порховскую дорогу и расположилось вдоль берега рѣки Великой. 26-го августа непріятель обложилъ городъ со всѣхъ сторонъ и цѣлые пять дней укрѣплялъ свой станъ по берегу Великой и внимательно наблюдалъ городъ издали, не смѣя подступить къ его стѣнамъ: Псковичи поддерживали со стѣнъ очень сильный и мѣткій огонь.

Наконецъ, высмотрѣвъ въ городскихъ укрѣ-

ПСКОВСКІЯ ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТИ.

Поганкины палаты.

пленіяхъ болѣе слабое мѣсто, непріятель сталъ 1-го сентября копать борозды (траншеи) и направилъ ихъ къ воротамъ Покровскимъ, вдоль рѣки. Воины Баторія, подъ руководствомъ иноземныхъ инженеровъ, неутомимо работали день и ночь. Не дремали и защитники города. Воеводы Псковскіе, угадывая намѣренія непріятеля, въ этомъ опасномъ мѣстѣ воздвигли новую, вторую линію внутреннихъ укрѣпленій и здѣсь собрали лучшія, надежнѣйшія силы.

7-го сентября Поляки поставили противъ этого мѣста баттарею изъ двадцати тяжелыхъ орудій и стали громить ими стѣну между Покровскою и Свиною башнями. Вскорѣ зіяющіе проломы стѣны открыли Полякамъ путь въ городъ. На слѣдующій день непріятель густы-

ПСКОВСКІЯ СВЯТЫНИ.

Икона Псково-Печерской Божіей Матери.

ми толпами устремился къ проломамъ, предводимый своими воеводами, которые хвастливо говорили королю: „мы будемъ съ тобою ныньче ужинать въ псковскомъ замкѣ!“ И въ то же время сулили воинамъ своимъ богатства города,—обильную военную добычу… Но всѣ эти посулы остались напрасными, и буйная отвага разбилась о каменную стѣну русскаго спокойнаго, увѣреннаго мужества.

Несмотря на жестокій огонь съ городской стѣны и башенъ, толпы непріятеля бѣгомъ достигли стѣнъ, стремительно ударили на проломы, занятые псковичами и ворвались внутрь ограды. Натискъ былъ произведенъ такъ быстро, такъ неудержимо, что псковичи не устояли въ проломахъ и ожесточенная сѣча закипѣла на тѣсномъ пространствѣ между разрушенной стѣной и второй линіей внутреннихъ укрѣпленій. Новыя толпы непріятеля, нахлынувшія вслѣдъ за передовымъ отрядомъ, быстро овладѣли двумя башнями—Покровскою и Свиною—и оттуда стали осыпать пулями одолѣваемыхъ численностью и ошеломленныхъ натискомъ защитниковъ города. Тогда опытный глазъ воеводы угадалъ опасность положенія. Князь Шуйскій сошелъ съ коня, и несмотря на раны, полученныя въ битвѣ, окровавленный, бросился удерживать отступавшихъ стрѣльцовъ и дѣтей боярскихъ… Тѣмъ временемъ гордые своимъ минутнымъ успѣхомъ поляки водрузили на башняхъ королевское знамя. Тогда весь городъ, какъ одинъ человѣкъ, поднялся противъ врага: никому и въ голову не приходило, что онъ, овладѣвъ двумя башнями, можетъ овладѣть и всѣмъ городомъ. Духовенство, соборне, съ крестами и иконами, съ мощами св. князя Всеволода-Гавріила двинулось къ проломамъ, чтобы ободрить защитниковъ; отовсюду поспѣшили туда же новыя, свѣжія дружины, готовыя умереть, но не уступить врагу русскую твердыню. И вдругъ, словно по мановенію свыше, дрогнула земля отъ страшнаго взрыва и Свиная башня, съ оглушительнымъ трескомъ и грохотомъ, рухнула въ ровъ, наполняя его изувѣченными, обезображенными трупами засѣвшихъ въ ней поляковъ, нѣмцевъ и венгровъ. Королевскія знамена исчезли въ густомъ облакѣ дыма и пыли, среди стоновъ и воплей ужаса, нагнавшихъ невольную робость на всю массу наступавшихъ враговъ. А защитники, подкрѣпляемые свѣжими силами, сомкнулись твердыми, неколебимыми рядами и, завидѣвъ приближавшійся крестный ходъ, двинулись впередъ съ крикомъ: „не предадимъ Богоматери и св. Всеволода!“ Дрогнувшіе враги были смяты дружнымъ натискомъ и разомъ оттѣснены за проломы. Долѣе другихъ держались венгры, засѣвшіе въ Покровской башнѣ; но, истощивъ боевые запасы и видя, что ихъ хотятъ выкурить изъ башни огнемъ,—должны были сдаться. Царскія знамена вновь торжественно стали развиваться на башнѣ Покровской:—ни одного вооруженнаго врага не сталось внутри псковскихъ стѣнъ. И напрасно пытался Стефанъ возобновить приступы къ городу—осажденные не давали полякамъ даже и приблизиться къ городу… Битва кипѣла еще до вечера, но уже внѣ стѣнъ города. А между тѣмъ, горожане и горожанки псковскіе, прослышавъ, что проломы очищены отъ непріятеля, явились на мѣсто битвы съ верезками, чтобы тащить въ городъ нѣсколько покинутыхъ врагами легкихъ орудій и съ свѣжею водою для измученныхъ жаждою воиновъ. Говорятъ даже, будто многія изъ мужественныхъ псковитянокъ явились на мѣсто дѣйствія съ мечами и копьями, чтобы помогать своимъ мужьямъ и братьямъ. Къ вечеру врагъ былъ опрокинутъ къ воздвигнутымъ имъ окопамъ и побѣда была полная.

Побѣдители возвратились въ городъ съ трофеями—трубами, знаменами и оружіемъ непріятеля, и, ночью собравшись къ собору св. Троицы, служили торжественно благодарственный молебенъ. Когда воеводы обратились къ воинамъ, благодаря ихъ за мужественный отпоръ, данный непріятелю, въ толпѣ послышались единодушные клики: „Умремъ за вѣру Христову! какъ начали, такъ и совершимъ съ Богомъ, безъ всякой хитрости!“

Послѣ того занялись облегченіемъ участи раненыхъ: ихъ насчитали слишкомъ 1,600 человѣкъ, да и убитыхъ оказалось около 900. Уронъ, непріятелемъ понесенный, былъ громадный! Кромѣ нѣсколькихъ сотъ плѣнныхъ убитыми выбыло у Баторія изъ строя около 5,000 человѣкъ. Въ числѣ убитыхъ оказалось болѣе 80 знатныхъ сановниковъ—тѣхъ самыхъ, что такъ легкомысленно собирались ужинать въ Псковскомъ замкѣ—и между убитыми найденъ былъ храбрый венгерскій полководецъ Бекези,—другъ и

сподвижникъ Стефана Баторія въ его подвигахъ воинскихъ.

8-ое сентября осталось днемъ на вѣки памятнымъ, неизгладимыми чертами записаннымъ въ исторіи Пскова.

Народная фантазія создала по поводу этого геройскаго отраженія перваго приступа цѣлую легенду, поставивъ успѣхъ псковичей въ тѣсную связь съ помощью, свыше оказанной городу.

Дѣло будто-бы происходило такъ: когда Баторій осаждалъ Псковъ и Псковичи съ трудомъ выносили осаду, нѣкто Дорофей—кузнецъ, увидѣлъ во снѣ, что „свѣтъ великъ шествіемъ досягаетъ яко столпъ до небеси отъ Печерскія обители чрезъ Великую рѣку во градѣ Псковѣ,“ — и подъ онымъ свѣтомъ узрѣлъ онъ идущую на воздухѣ Святую Богородицу, и съ нею преподобнаго отца Антонія Кіевскія пещеры начальника подъ руку лѣвую, а подъ десную руку Игумена Корнилія Печерскаго Псковскія области; и взошла Владычица чрезъ градную стѣну въ церковь Покрова Пресвятыя Богородицы; и потомъ изъ церкви выйдя, стала, сіяющая на стѣнѣ града.

Псковскіе угодники, св. князья Всеволодъ и Довмонтъ и Блаженный Никола Юродивый, и другіе праведники пришли ей поклониться и стали просить ее о спасеніи града.

Тогда Она обратилась къ кузнецу Дорофею и сказала: „Старче, иди вскорѣ къ боголюбивымъ воеводамъ и къ Печерскому игумену, и возвѣсти имъ, чтобы молили прилежно Господа Бога безпрестанно за градъ, и принесли-бы образъ мой Печерскій старый и хоругвь на стѣну града, гдѣ я стою, и поставили-бы на семъ мѣстѣ пушку, а другую внизу стѣны, и били-бы изъ нихъ непрестанно по королевскимъ шатрамъ. Тогда король приведенъ будетъ къ недомыслію и смятенію ума, ни въ чемъ не успѣетъ и будетъ псковичами посрамленъ.“

Этотъ разсказъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Псковичей; изъ Печерскаго монастыря была принесена икона Успенія Божіей Матери и находилась среди воиновъ во время самаго сильнаго приступа; когда Псковская стѣна была проломлена и поляки уже готовы были вторгнуться въ городъ, они вдругъ увидали тамъ, гдѣ стояла принесенная икона, „нѣкую жену, пресвѣтлую отъ божественныя благодати“, а около нея „нѣкоего сановитаго воеводу, днемъ и нощію разъѣзжавшаго по стѣнѣ града и устрояющаго ополченіе на битву“.

Неудача перваго приступа, хотя и охладила пылъ рьяныхъ Баторіевыхъ воиновъ и сподвижниковъ, однакоже не заставила Баторія отказаться отъ намѣренія взять Псковъ и отнять эту твердыню отъ Россіи. Продолжая громить стѣны псковскія изъ своихъ тяжелыхъ осадныхъ орудій, направляя къ нимъ подкопы, Баторій въ то-же время пытался вступить и въ переговоры съ псковичами. Но воеводы, засѣвшіе во Псковѣ, не хотѣли и слышать ни о какихъ переговорахъ. Тогда, по одному современному сказанію, Баторій приказалъ написать къ псковскимъ гражданамъ грамоту, въ которой увѣщевалъ ихъ, „сдаться безъ борьбы“, и сулилъ всевозможныя льготы и выгоды—не только свободу торговли, но даже и свободу вѣроисповѣданія!.. Въ случаѣ же, если бы они стали упорствовать въ своей преданности „Московскому тирану“—Баторій грозилъ имъ гибелью. Эта грамота была пущена въ городъ привязанная къ стрѣлѣ. Изъ города Баторію отвѣчали тѣмъ же путемъ: „Мы не жиды: не предаемъ ни Христа, ни Царя своего. Лести не слушаемъ, а угрозъ не боимся.“ И дѣйствительно—осажденные не падали духомъ и не теряли времени. Они преградили проломы деревянною стѣною, выкопали за нею ровъ, а во рву утвердили дубовый острый частоколъ, и сдѣлали это нѣкогда слабое мѣсто совершенно неприступнымъ. Шесть недѣль прошли между тѣмъ въ перестрѣлкѣ и взаимныхъ незначительныхъ схваткахъ и нападеніяхъ. Наступило осеннее ненастье и холодъ. Осаждающіе стали терпѣть недостатки во всемъ; въ войскѣ стали роптать противъ Баторія; однако тотъ не унывалъ, все еще надѣясь взять городъ, если не силою, то хитростью. Но Шуйскій, узнавъ отъ перебѣжчиковъ о подкопахъ, перекопалъ ихъ и разрушилъ. Точно также отражены были и другія попытки завладѣть городомъ въ расплохъ. Такъ, въ концѣ октября, послѣ сильнѣйшей канонады, отборная дружина, состоявшая изъ королевскихъ гайдуковъ, устремилась отъ рѣки Великой къ городу, и, прикрываясь широкими щитами, стали ломать стѣну между угольною башнею и Покровскими воротами. Съ

безумною отвагою лѣзли они въ отверстія стѣны и пытались зажечь внутреннія деревянныя укрѣпленія. Но осаждающіе встрѣтили ихъ сурово: со стѣнъ обливали ихъ горячею смолою, бросали въ толпу ихъ „кувшины съ зельемъ" (родъ гранатъ, начиненныхъ порохомъ), а въ отверстіяхъ стѣнъ кололи ихъ длинными копьями, били изъ ручницъ и самопаловъ. Ряды враговъ быстро рѣдѣли—немногіе вернулись къ своимъ, въ польскій станъ. Послѣдняя попытка штурмовать городъ (2 ноября 1581 г.) оказалась еще болѣе неудачною, и обнаружила въ Баторіевомъ войскѣ сильнѣйшую деморализацію. Нѣсколько времени спустя, осада была снята, потому что Баторій опасался продолжать ее, въ виду пришедшихъ изъ Москвы свѣжихъ силъ на подкрѣпленіе осаждаемыхъ.

Псковъ вздохнулъ свободно, сознавая, что честно исполнилъ свою обязанность передъ отечествомъ. Въ извѣстной драмѣ покойнаго графа А. К. Толстаго весь этотъ кровавый эпизодъ борьбы съ Баторіемъ переданъ превосходно и подробности его сохранены съ замѣчательною точностью въ прекрасномъ поэтическомъ изложеніи. Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь ту сцену изъ трагедіи „Смерть Іоанна Грознаго", въ которой выводится на сцену псковскій гонецъ, повѣствующій царю объ осадѣ Пскова Баторіемъ.

Нагой.

Великій государь! Сейчасъ отъ Пскова
Прибылъ гонецъ!..
Онъ говоритъ, что съ радостною вѣстью
Его прислалъ князь Шуйскій!

Іоаннъ.

Пусть войдетъ!
(Нагой впускаетъ гонца).

Гонецъ.

Великій царь! Тебѣ твой воевода
Бояринъ князь Иванъ Петровичъ Шуйскій
Съ сидѣльцами псковскими бьетъ челомъ.
Усердными молитвами твоими,
Предстательствомъ угодниковъ святыхъ
И силой честнаго креста—отбили
Мы приступъ ихъ. Несмѣтное число
Легло враговъ. За помощью въ Варшаву
Бѣжалъ король, а продолжать осаду
Онъ ближнимъ воеводамъ указалъ!

Іоаннъ.

Благословенъ Господь! Какъ было дѣло?

Гонецъ.

Ужь пять недѣль они вели подкопы,
Копали борозды и неумолчно
Изъ пушекъ били по стѣнамъ! Князь Шуйскій
Навстрѣчу имъ подкопы рыть велѣлъ.
Сошлися подъ землею. Бой великій
Тамъ закипѣлъ; въ котлы пороховые
Успѣли наши бросить огнь—и разомъ
Взлетѣли съ ляхами на воздухъ... Много
Погибло нашихъ; но, хвала Творцу,
Всѣ вражьи взорваны работы.

Іоаннъ.

Дальше!

Гонецъ.

Подземныхъ ходовъ видя неудачу,
Они тогда свезли на ближній холмъ
Всѣ стѣнобойные снаряды вмѣстѣ
И къ вечеру проломъ пробили. Тотчасъ
Къ нему мы подкатили пушки: Барсу
И Трескотуху, и когда они
Ужь устремились съ криками къ пролому,
Мы встрѣтили ихъ крупнымъ чугуномъ
И натискъ ихъ отбили.

Іоаннъ.

Дальше!

Гонецъ.

Къ утру
Великій приступъ приказалъ король,
Мы-жь въ колоколъ ударили осадный,
Соборомъ всѣмъ, хоругви распустя,
Святыя мощи Всеволода князя
Вкругъ древнихъ стѣнъ съ молитвой обнесли
И ляховъ ждали. Гулъ такой раздался,
Какъ будто налетѣла непогода...
Мы встрѣтили напоръ: со всѣхъ раскатовъ,
Съ костровъ, со стѣнъ, съ быковъ, съ обломовъ,
съ башенъ
Посыпались на нихъ кувшины зелья,
Каменья, бревна и горящій лепъ...
Уже они слабѣли—вдругъ король
Межь нихъ явился, самъ повелъ дружины—
И, какъ вода шумящая, на стѣны
Ихъ сила снова полилась. Напрасно
Мы отбивались бердышами—башню
Свинарскую обсыпали литовцы—
Какъ муравьи полѣзли—на зубцахъ
Схватились съ нами—новыя ватаги
За ними лѣзли—долго мы держались—
Но наконецъ...

Іоаннъ.

Ну?

Гонецъ.

Наконецъ они
Сломили насъ и овладѣли башней!

Іоаннъ.

Такъ вотъ вы какъ сдержали цѣлованье?
Клятвопреступники! Христопродавцы!
Что-жъ дѣлалъ Шуйскій?

Гонецъ.

Князь Иванъ Петровичъ,
Увидя башню, полную враговъ,
Своей рукой схватилъ зажженный свѣточь
И въ подземелье бросилъ. Съ громомъ башня
Взлетѣла вверхъ—и каменнымъ дождемъ
Далеко станъ засыпала литовскій.

Іоаннъ.

На силу-то! Что дальше.

Гонецъ.

Этотъ приступъ
Послѣдній былъ. Король ушелъ отъ Пскова,
Замойскому осаду передалъ.

Бодливый лобъ свой расшибешь? А сколько
Литовцевъ полегло?

Гонецъ.

Примѣрнымъ счетомъ,

ТИПЫ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Полувѣрки (изъ окрестностей Изборска).

Іоаннъ.

Хвала Творцу! Я вижу надо мною
Всесильный промыслъ Божій. Ну, король?
Посмотримъ, какъ ты о псковскія стѣны

Убитыхъ будетъ тысячъ до пяти,
А раненыхъ и вдвое.

Іоаннъ.

Что, король?

Доволенъ ты уплатою моею
За Полоцкъ и Велижъ? а сколько ихнихъ
Съ начала обложенія убито?

Гонецъ,

Въ пять приступовъ убито тысячъ съ двадцать,
Да нашихъ тысячъ до семи.

Іоаннъ.

Довольно
Осталось васъ. Еще разъ на пять хватитъ!

Внутренняя жизнь Пскова, благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ, стала въ настоящее время мало-по-малу уясняться намъ не только сама по себѣ, но и въ тѣхъ особенностяхъ, которыя она проявила по сравненію съ внутреннею жизнью Великаго Новгорода. Псковское общество сложилось по образцу новгородскаго, но въ развитіи своемъ опередило Новгородъ; псковскіе бояре были тѣ-же, что и новгородскіе, но сила боярства псковскаго далеко не была такъ значительна, какъ въ Новгородѣ; бояре—богатые люди, землевладѣльцы, были первенствующимъ сословіемъ; но ихъ гражданскія права были одинаковы съ другими гражданами, ихъ значеніе на вѣчѣ было умалено тѣмъ, что смерды не допускались къ общественнымъ дѣламъ и слѣдовательно боярамъ нельзя было составлять партій, какъ это бывало въ Новгородѣ. Наиболѣе сильнымъ классомъ, имѣвшимъ преобладаніе на вѣчѣ, было купечество, что зависѣло отъ торговаго значенія Пскова; псковское купечество по своей организаціи рѣзко отличалось отъ новгородскаго тѣмъ, что оно имѣло свое собраніе или вѣче, рѣшавшее всѣ дѣла, касавшіеся до всего купечества, а другія сословія не имѣли такихъ собраній. Черные люди, гражданскія права которыхъ были сравнены съ правами другихъ сословій, являлись бѣднымъ, но значительнымъ и самостоятельнымъ классомъ, и конечно, благодаря ихъ численному преобладанію на вѣчѣ, законодательство того времени, выразившееся въ псковской „Судной грамотѣ“, имѣло покровительственный характеръ по отношенію къ бѣдному классу.

Черные люди—это были мелкіе землевладѣльцы, общинники и тѣ, что мы въ настоящее время называемъ мѣщанами; они составляли третье сословіе.

Кромѣ этихъ трехъ классовъ были земцы, жившіе на земляхъ данныхъ Псковомъ и составлявшіе постоянное войско Пскова,—они не имѣли права участія на вѣчѣ, но пользовались всѣми правами свободныхъ гражданъ, какъ и смерды, жившіе на земляхъ частныхъ землевладѣльцевъ. Наконецъ вольные люди—это были люди, не имѣвшіе опредѣленнаго положенія, это были или пришельцы, или люди, жившіе трудомъ по найму; вольница была очень значительна и, пользуясь гражданскими правами на равнѣ съ другими, не имѣла общественныхъ и политическихъ правъ. Новгородская вольница извѣстна своимъ буйствомъ, а псковскіе вольные люди были народомъ смирнымъ, пока вѣче имѣло силу; новгородская вольница хвалилась своею удалью; псковскій вольный человѣкъ стремился сдѣлаться членомъ какой-либо сословной общины, такъ-какъ оставаться всегда вольнымъ человѣкомъ было невыгодно.

Путешественникъ Кихель, посѣтившій Псковъ въ концѣ XVI ст., называетъ псковичей угрюмыми и грубыми; но легко можетъ быть, что такимъ псковичъ сталъ послѣ потери вѣча, когда московскій духъ сдѣлался преобладающимъ.—Объ одеждѣ и пищѣ псковичей Кихель писалъ: „одежду носятъ опрятную, изъ хорошаго сукна, покроемъ длинную, на подобіе армянской, и между мущинами и женщинами съ малою разницею; обувь у мущинъ и женщинъ подбивается желѣзомъ. Женщины, когда выходятъ на улицу, то лице закрываютъ и одни только глаза ихъ видны; а тѣ считаются безстыдными, кои сего не наблюдаютъ. Въ самыхъ домахъ своихъ женскій полъ имѣетъ отдѣльное отъ мущинъ жилье. Всѣ вообще трудолюбивы, довольствуются малымъ, ѣдятъ и пьютъ просто, безъ приправъ; яблокъ и грушъ у нихъ нѣтъ, но зато всякая зелень и овощи, а особливо много огурцевъ, коихъ за столомъ они могутъ съѣсть отъ 6 до 8; пьютъ много вина и безъ онаго лучшій пиръ ничего не значитъ. Но также переносятъ алчбу и жажду болѣе, нежели какой другой народъ можетъ.“

Результатомъ и прямымъ выводомъ изъ внутренней жизни Пскова была извѣстная „Псковская судная грамота“ одинъ изъ важнѣйшихъ юридическихъ памятниковъ, созданныхъ древнею Русью. Эта грамота создана была народомъ; она составилась изъ грамотъ о псковскихъ пошлинахъ, а псковское вѣче ее исправляло, пополняло и редактировало; всякое новое постановленіе, которое оказывалось нуж-

нымъ для внесенія въ грамоту, сообщалось вѣчу и вносилось въ грамоту съ его разрѣшенія: „а которая строка въ сей грамотѣ не люба будетъ Господину Пскову, ино та строка вольно выписать вонъ изъ грамотъ“.

Псковская судная грамота первая ясно опредѣлила отношенія крестьянъ къ землѣ и наймитовъ къ нанимателямъ.—Псковскій крестьянинъ былъ человѣкомъ самостоятельнымъ и свободнымъ, и его положеніе по псковской судной грамотѣ точно характеризуется слѣдующимъ:

1) Крестьянинъ могъ отойти отъ господина, и оставить его землю, если находилъ это выгоднымъ; господинъ также могъ сослать крестьянина съ своей земли, если не хотѣлъ держать его: для этого былъ однако опредѣленъ срокъ, именно „о филипповѣ заговеньѣ“, когда не было земледѣльческихъ работъ. Въ спорныхъ случаяхъ право иска было одинаково предоставлено той и другой сторонѣ.

2) Крестьянинъ могъ жить на землѣ господина съ пособіемъ отъ послѣдняго или безъ пособія, т. е. съ господскими земледѣльческими орудіями и скотомъ или со своими.

3) Псковскій законъ признавалъ собственность за крестьяниномъ, живущимъ на господской землѣ; продажа имущества бѣжавшаго крестьянина, не уплатившаго, что слѣдовало господину, производилась въ присутствіи пристава, губскихъ старость и стороннихъ людей.

4) Псковскій законъ, признавая за крестьяниномъ право собственности, допускалъ судебные иски крестьянина не только на постороннихъ лицъ, но и на господина, у котораго онъ жилъ.

5) Собственность крестьянина переходила по наслѣдству и господинъ не имѣлъ права взять крестьянское имущество.

6) Долгъ крестьянина господину переходилъ вмѣстѣ съ имуществомъ наслѣдникамъ. Гражданскія отношенія, право и порядокъ иска ясно опредѣлялись судной грамотой; промышленная и торговая жизнь Пскова очевидно была значительно развита, такъ какъ судная грамота изобиловала постановленіями, относящимися до гражданскихъ отношеній, вытекавшихъ изъ договора купли и продажи; наказанія назначались по преимуществу денежныя; смертная же казнь была наказаніемъ исключительнымъ и назначалась „кромскому татю“, т. е. тому, кто рѣшался обворовывать святыню или общественное достояніе, хранившееся въ Крому.

Сильнѣе этого преступленія не было, потому что въ Крому хранились акты и документы, Кромъ былъ святымъ мѣстомъ, мѣстомъ, гдѣ собиралось верховное правленіе подъ сѣнью патрональнаго собора. „А кромскому татю,—говорится въ судной грамотѣ — и коневому и перевѣтчику и зажигательнику, тѣмъ животъ не дати. Что бы и на посадѣ покрадется, ино дважды е пожаловати, а изличивъ казнити по его винѣ; и въ третій рядь изличивъ, живота ему не дати, какъ кромскому татю“.

Наслѣдственное право также опредѣлялось грамотой весьма точно, и замѣчательно, что за женщиной признавалось такое же полное право на наслѣдство, какъ и за мужчиной.—Постановленія о займѣ не только достаточно развиты судной грамотой, но даже проценты указаны и ограничены.

Псковская судная грамота стоитъ значительно выше предшествовавшихъ ей юридическихъ памятниковъ, что зависѣло частью отъ того, что и сама общественная жизнь Пскова была болѣе развитою, и Псковская грамота свидѣтельствуетъ о значительномъ развитіи гражданственности.

Духовенство псковское играло большую роль въ политической исторіи Пскова и его голосъ на вѣчѣ былъ очень важенъ: вѣче открывалось съ духовнаго благословенія; законы издавались также по благословенію духовному; такъ напримѣръ: псковская судная грамота „писана по благословенію отецъ своихъ поповъ всѣхъ пяти соборовъ, и священства и діаконовъ и всего Божіяго священства, всѣмъ Псковомъ на вѣчѣ; самостоятельность псковскаго духовенства была пріобрѣтена одновременно съ самостоятельностью Пскова. Когда Псковъ былъ признанъ младшимъ братомъ (1347 г.), тогда псковичамъ было даровано право выбирать намѣстника, который прежде назначался новгородскимъ владыкой. До того времени церковь находилась въ полномъ подчиненіи новгородскому владыкѣ; каждый пріѣздъ владыки сопровождался поборами, которые имѣли характеръ добровольныхъ приношеній, но впослѣдствіи былъ установленъ срокъ для пріѣзда, одинъ

разъ въ четыре годы и опредѣлены обязательные подъѣздные сборы.

Судя по лѣтописямъ и посланіямъ новгородскихъ владыкъ, духовенство было самымъ неспокойнымъ элементомъ во Псковѣ; Псковъ постоянно хлопоталъ о полной самостоятельности своей церкви, постоянно боролся съ новгородскими владыками, можетъ быть потому, что псковское духовенство мало сдерживалось высшею духовною властью и, поддерживаемое вѣчемъ, само становилось въ ряды недовольныхъ. Псковское духовенство имѣло такъ сказать свѣтскій характеръ; учавствуя въ политическихъ дѣлахъ, играя большую роль на вѣчѣ оно естественно пришло къ такому положенію, что самому вѣчу приходилось смирять своихъ священниковъ и дьяконовъ.—Послѣ того какъ Псковъ сдѣлался самостоятельнымъ и пріобрѣлъ сравнительную самостоятельность въ духовныхъ дѣлахъ, между духовенствомъ развилось искательство мѣстъ, интриги, происки: все это было на столько сильно, что многіе были возбуждены противъ духовенства, и это недовольство послужило причиной возникновеніе ереси стригольниковъ. Ересь эта такъ называлась потому, что ея главный основатель Карпъ занимался стрижкой овецъ. Стригольники возстали противъ той жизни, которая въ то время велась псковскимъ духовенствомъ, но исходя изъ этого они развили свое ученіе далѣе; называя еретиками—священниковъ, бравшихъ мзду, они дошли до отрицанія церковной іерархіи, церковныхъ уставовъ и даже таинствъ; ересь эта была такъ сильна, что слухъ о ней достигъ даже до Константинополя. Протестъ стригольниковъ противъ поведенія духовенства былъ, однакоже, во многомъ справедливъ; положеніе псковскаго духовенства въ самомъ дѣлѣ требовало перемѣнъ.

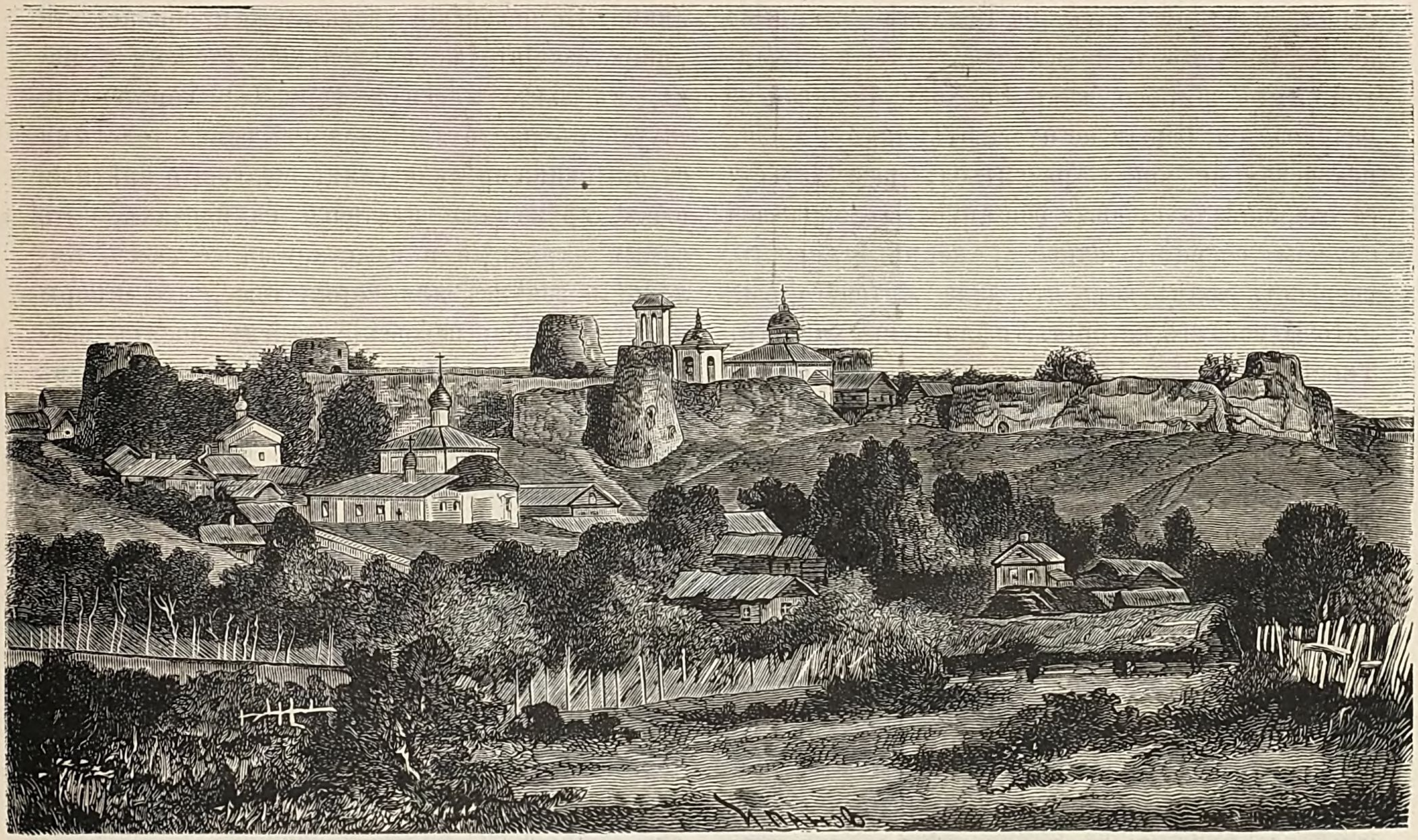
Изъ посланій митрополита и архіепископовъ видно, что псковское духовенство брало и слишкомъ много мзды, и жило не по священическому чину, и придерживалось не похвальныхъ свѣтскихъ обычаевъ; въ XV столѣтіи само духовенство рѣшилось сдѣлать союзъ—пресвитеріальное общество, которое бы выбирало изъ себя представителя для наблюденія за духовенствомъ; вѣче утвердило это общество и временно оно приносило пользу; но новгородскій владыка не могъ конечно оставаться равнодушнымъ къ такому умаленью его права и достоинства: начиналась опять борьба; это общество не просуществовало и года, новгородскій владыка вновь сдѣлался главою псковскаго духовенства, но безпорядки не кончались и доходили до того, что напр. въ 1470 году, при постройкѣ одной церкви на мѣстѣ сгорѣвшей, возникъ споръ о землѣ. Строители подняли чернь и явились на вѣчѣ, куда явился также игуменъ одного монастыря съ черныо-же. Другой случай: въ 1495 году вѣче постановило собрать войско въ помощь московскому государю, священники и діаконы должны были нести эту повинность наравнѣ съ другими; разсерженные и оскорбленные они явились на вѣче, завязался споръ и вѣче уже постановило наказать двухъ священниковъ, когда кто-то вразумилъ псковскихъ гражданъ, указавъ на правило Номоканона, по которому нельзя было сбирать военныхъ людей съ церковной земли.

III.

Вліяніе исторіи на характеръ населенія. — Сравненіе псковича съ новгородцемъ. — Общая характеристика псковича. — Народная жизнь. — Полувѣрцы. — Мѣстные промыслы. — Рыболовы-талабчане.

Историческая жизнь оставляетъ на характерѣ населенія свои слѣды, которые трудно смыть; характеръ передается изъ поколѣнія въ поколѣніе, новыя вліянія ложатся на старыя, ихъ, и ихъ историческое прошлое, и географическія условія должны были положить тѣже черты, оставить тѣже слѣды на характерѣ населенія, но нѣтъ нужды въ большомъ вниманіи,

ПРИГОРОДЫ ПСКОВА.

Изборскъ.

но не уничтожаютъ ихъ окончательно. На характерѣ псковскаго населенія должна была отразиться его старая политическая исторія; типъ псковича долженъ былъ бы рѣзко отличаться отъ москвича, ярославца, тверитина и другихъ представителей областей и губерній, но анализъ народнаго характера труденъ и для обыкновеннаго наблюдателя замѣтны только общія рѣзкія различія, которыя порой трудно объяснимы, а иногда и совершенно непонятны. Псковичъ и новгородецъ должны были бы, казалось, представлять одинъ типъ; и сосѣдство не нужно тщательнаго анализа, чтобы замѣтить рѣзкое различіе между новгородцемъ и псковичомъ. Были-ли у псковича свои пѣсни, были-ли свои былины, свои герои, воспѣтые народомъ въ пѣсняхъ и былинахъ—не извѣстно. У новгородца все это было. Васька Буслаевъ—это видный представитель новгородской вольницы; Садко—видный представитель новгородскаго купечества; удальцы, ушкуйники, вмѣстѣ съ Васькой Буслаевымъ—любимые герои стараго Новгорода. Такихъ героевъ очевидно не имѣлъ Псковъ, иначе народная память сохранила

бы объ этомъ какія либо свидѣтельства; псковичъ древняго Пскова не былъ похожъ на новгородца; новгородецъ жилъ не на самомъ рубежѣ: ему было больше времени гулять и отдаваться частной и общественной жизни. Псковичу некогда было складывать сказки и былины, некогда было молодечество показывать; постоянная необходимость быть готовымъ къ борьбѣ вынуждали псковича быть вѣчно на сторожѣ, вѣчно думать о защитѣ окраинъ русской земли.—„Сердце на Волховѣ, душа на Великой" сложилась поговорка въ тѣ времена, когда Волховъ и Великая держали на своихъ берегахъ самостоятельные вѣчевые города; на Великой стоялъ младшій братъ, на Волховѣ—старшій; но на Волховѣ легче жилось, чѣмъ на Великой. Такъ широко, какъ Волховъ, Великая не разливается, берега не пускаютъ; такъ и жизнь псковская не могла разлиться, разгуляться: ее сдерживала суровая обязанность сторожевой службы; сосредоточенность, непривѣтливость, твердость воли—вотъ что дала жителю древняго Пскова его исторія. Лифляндскій магистръ Тисетейманъ въ 1417 году писалъ о Псковичахъ, какъ о народѣ такой твердой воли, что если онъ что-либо задумаетъ, то отъ этого его отвратить уже невозможно. Упорство псковича вошло въ поговорку: „на мякинѣ выросъ, но за чужимъ хлѣбомъ не ходилъ и въ займы не просилъ",—довольствовался тѣмъ, что самъ заработаетъ, да Богъ пошлетъ.

Но какъ прежде псковичъ не походилъ на новгородца, такъ и теперь они не похожи другъ на друга; достаточно въѣхать въ старорусскій уѣздъ изъ псковской губерніи что-бы замѣтить разницу въ характерѣ и въ мелочахъ быта.

Новгородецъ бойчѣе, опрятнѣе, веселѣе, разговорчивѣе, чѣмъ псковичъ; удальство новгородца до сихъ поръ его не оставляетъ. Псковичъ кажется и ростомъ меньше, и угрюмѣе, и сосредоточеннѣе новгородца; но съ новгородцемъ труднѣе имѣть дѣло, чѣмъ съ псковичомъ; за то съ первымъ живется легче. Порховской уѣздъ псковской губерній по характеру населенія скорѣе относится къ новгородской губерніи, да и въ старое время земли, расположенныя по Шелони, тянули къ Новгороду; порховичъ и въ разговорѣ смѣлѣе псковича, съ нимъ и ухо надо держать востро; въ порховскомъ уѣздѣ и разгула больше, больше дракъ по праздникамъ, и преступленій больше; нѣкоторыя волости отличаются особенно буйнымъ характеромъ, напр. Сорокинская; тамъ до сего времени сохранился окрикъ во время дракъ: „Государя не отдай". И въ костюмѣ порховича замѣтна разница отъ костюма псковича; первый лучше одѣвается; гармоника у него встрѣчается чаще; нѣмецкое платье на бабахъ надѣвается чаще и порой парни съ дѣвками „кандрель" танцуютъ и поютъ московскіе „романсы", занесенные отставными солдатами, отбывшими воинскую повинность мужиками и пришедшими съ отхожихъ промысловъ крестьянами. Въ псковскій уѣздъ также пробилась эта „цивилизація", но въ меньшей степени и, пока, въ болѣе мягкихъ формахъ; коротенькій шугай съ расходящимися отъ пояса толстыми оттопыренными складками, шелковыя цвѣтныя юбки, кружевные платочки на плечахъ,—это самый нарядный и изысканный костюмъ. Калоши и зонтикъ для парня тоже, что шпоры для гвардейца; псковскій парень носитъ зонтикъ не противъ дождя, а для украшенія; въ самую сухую погоду онъ беретъ свой зонтикъ „для форсу". Конечно, это принадлежность рѣдкихъ парней, но составляетъ идеалъ многихъ. Любовь наряжаться такъ велика между дѣвками, что лишній сарафанъ служитъ предметомъ великаго соблазна; вообще подгородняя псковская и порховская крестьянка—падки на костюмы и на разные подарки, и не отличаются особенною строгостью нравовъ. Зимой по деревнямъ порховского уѣзда супрятки обильнѣе, веселѣе и многолюднѣе, чѣмъ въ псковскомъ уѣздѣ. Супрятки въ крестьянской средѣ имѣютъ тоже значеніе, что у насъ вечера и балы; парни на супряткахъ приглядываются къ дѣвицамъ, выбираютъ себѣ суженыхъ; на супряткахъ начинаются любовные романы, которые кончаются или свадьбой, или горемъ и стыдомъ для дѣвицъ; въ вопросѣ брака приданое имѣетъ большое значеніе и входитъ въ соображеніе не только родителей, но и слюбившейся на супряткахъ пары. Обряды и обычаи, которые сопровождаютъ сватовство и свадьбу, въ общихъ чертахъ тѣ-же, что и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи; тѣже формы „увода", тоже „вѣно" или выкупъ. Пѣсни, которыя при этомъ поются, не носятъ мѣстнаго характера;

большинство пѣсенъ подлаживается къ новому времени.

Вѣра въ колдуновъ сильно распространена въ деревняхъ; съ этой вѣрой связаны и нѣкоторые обряды на свадьбахъ. Напр., когда дружка обуваетъ жениха, то ставитъ правую ногу на сковороду и что-то шепчетъ; затѣмъ, вводя его въ комнату, гдѣ жениха ожидаютъ гости, дружка ударяетъ кнутовищемъ въ полку, по серединѣ избы, и говоритъ: „Боже, кладу твой крестъ животворящій на прогнаніе всѣхъ враговъ и супостатовъ, нечестивыхъ, неправедныхъ, колдуновъ и волшебниковъ, отъ колдуніи и вѣдуніи, отъ всѣхъ злыхъ и лихихъ людей“.

Когда женихъ выходитъ изъ избы, то дружка идетъ впереди и говоритъ: „идетъ впереди Михаилъ Архангелъ, грозный воевода; отступите всѣ нечистые духи, колдуны, вѣдуны и волшебники; очисти намъ путь отъ всѣхъ злыхъ и нечистыхъ“.

Знахарство и колдовство еще очень сильны въ народѣ и корни ихъ глубоко засѣли; напр., такъ называемый „залòмъ“ практикуется почти повсемѣстно. Еще въ прошломъ году онъ былъ предметомъ обсужденія въ псковскомъ окружномъ судѣ, такъ какъ повлекъ за собою преступныя дѣянія. Суевѣрія въ южныхъ уѣздахъ губерніи распространены еще гораздо сильнѣе; но тѣ уѣзды имѣютъ иной характеръ, иную исторію—и о нихъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Домашняя жизнь псковскаго крестьянина однообразна, какъ и вообще жизнь русскаго мужика; псковскій мужикъ еще не подвергся пока вѣяніямъ фабричной жизни, такъ какъ послѣдняя весьма мало развита. Льняная промышленность, которая распространена повсемѣстно и составляетъ главный источникъ доходовъ, удерживаетъ населеніе при землѣ, даетъ ему зимнюю работу. Экономическія условія сложились довольно благопріятно для псковскаго населенія: на недостатокъ земли жаловаться нельзя; льняной-же промыслъ составляетъ большое подспорье и даетъ возможность не искать заработка на сторонѣ. Но при всѣхъ повидимому благопріятныхъ условіяхъ для обезпеченной жизни, псковскія деревни бѣдны; зажиточность составляетъ рѣдкое явленіе. На причину этому явленію указать трудно; во всякомъ случаѣ, не—пьянство, не разгулъ, не лѣность, что иногда приписываютъ мужику совершенно неосновательно; расходы на эти потребности, въ общемъ, не такъ значительны, чтобы ихъ можно было ставить мужику въ упрекъ.

Ближе къ Печерамъ, встрѣчаются деревни, жители которыхъ рѣзко различаются отъ другого населенія,—это такъ называемые полувѣрцы. Сохранилось преданіе, что полувѣрцы поселились здѣсь, спасаясь отъ нѣмцевъ-завоевателей; они весьма стойко держатся своего образа жизни, своихъ обычаевъ и обрядовъ. По типу, по костюму они отличаются отъ прочаго населенія; замужнія женщины повязываютъ голову такъ называемымъ „липникомъ“—чѣмъ-то въ родѣ полотенца, которое стягивается у затылка шнуркомъ; края полотенца вышиты узорами и низко опускаются; рубашка на груди стягивается особаго рода застежкою, или „бляхою“ металлическою, переходящею, по наслѣдству, отъ матери къ дочери и имѣющею видъ небольшого серебрянаго грудного панцыря, конусообразно приподнятаго по срединѣ, а краями прикрѣпленнаго къ рубашкѣ. На шеѣ женщины носятъ обыкновенно ожерелья, привѣшивая къ нему серебряныя монеты, кресты и медали. На видъ полувѣрцы смуглѣе русскаго населенія, большею частью угрюмы и весьма не словоохотливы. Есть основанія думать, что полувѣрцы не что иное, кккъ православные Эсты, давно уже поселившіеся въ псковской губерніи. Они, въ количествѣ 15,000 человѣкъ живутъ въ 104 деревняхъ псковской губерніи, около малаго Пейпуса. Ихъ жены и дѣти не знаютъ русскаго языка. Православіе до сихъ поръ не укоренилось между ними надлежащимъ образомъ и они удерживаютъ много языческихъ обычаевъ, много воспоминаній о своихъ языческихъ богахъ.

Любимою и наиболѣе чтимою святынею эстовъ оказывается деревянное изваяніе чудотворца Николая, въ Печерскомъ монастырѣ. Въ прежнее время они намазывали ему медомъ уста и бороду, и до сихъ поръ наиболѣе ревностно жертвуютъ въ обитель всякія произведенія домашняго хозяйства.

При упоминаніи эстовъ-полувѣрцевъ ихъ смѣшиваютъ, кажется, съ эстами, переселившимися въ недавнее время изъ эстляндской губерніи; переселеніе лифляндцевъ и эстляндцевъ, кото-

рые носятъ общее имя латышей, началось главнымъ образомъ послѣ 1861 года. Сюда ихъ влекла сравнительная дешевизна земли, а изъ родины гнали тяжелыя условія существованія; псковскіе латыши-переселенцы народъ весьма трудолюбивый; живутъ опрятнѣе, чѣмъ русскіе крестьяне и считаются лучшими работниками; всѣ они, благодаря трудолюбію, болѣе зажиточны, и по вѣроисповѣданію принадлежатъ къ евангелическо-лютеранской церкви. Поселенія ихъ расположены въ волостяхъ, прилегающихъ къ границѣ лифляндской губерніи; здѣсь они составили даже отдѣльное общество; всѣхъ ихъ въ псковскомъ уѣздѣ болѣе 2 тысячъ обоего пола. — Переселенцами были занесены въ псковскую губернію льномяльныя машины, которыя получили большое распространеніе и производятся самимъ населеніемъ.

Рѣзко отличаются по типу отъ псковскаго населенія жители острововъ псковскаго озера, рыболовы-талабчане.

А. Пушкинъ (въ молодости).

Псковское озеро называется также Талабскимъ озеромъ; это названіе передалъ озеру одинъ изъ острововъ, который называется Талабскимъ.—Оно не такъ бурно и опасно, какъ Ильмень; берега его отлоги, р. Великая вливаясь въ озеро образуетъ мели, которыя лѣтомъ выступаютъ изъ воды; нѣсколько острововъ, брошенныхъ на озерѣ, такъ низменны, что тоже скорѣе походятъ на мели.

Псковское Талабское озеро воспитало своеобразный типъ пріозернаго жителя — Талабчапина. Голый островъ, отсутствіе растительности, однообразная даль озера положили на характеръ талабчанина оттѣнокъ отваги, покорности судьбѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какое-то дѣтски-наивное отношеніе къ жизни, дѣтскую безпечность и веселость.

Дѣти здѣсь ростутъ подъ пѣсни вѣтра, подъ шумъ озера, и скоро крѣпнутъ; 10-ти лѣтній мальчикъ раздѣляетъ опасности отца, выѣзжаетъ помогать ему на ловъ; онъ съ раннихъ лѣтъ на лодкѣ, справляется съ весломъ; физическія его силы быстро крѣпнутъ; онъ и ростомъ высокъ, и въ плечахъ шире другихъ крестьянскихъ дѣтей, и храбрость въ немъ недѣтская, и глядитъ, и говоритъ онъ не по-дѣтски. Въ озерѣ онъ плескался съ самаго ранняго дѣтства лодка была ему игрушкой, бури его убаюкивали —онъ не могъ выйти боязливымъ и слабымъ.

Также, какъ мальчики, дѣвочки участвуя въ рыбномъ промыслѣ, быстро развиваются и передъ ними ихъ сверстницы, незнакомыя съ озеромъ, кажутся маленькими и слабыми. Любо смотрѣть, какъ талабскіе подростки владѣютъ весломъ, справляются съ волной и выносятъ бури... Талабчанинъ высокъ ростомъ, крѣпко сложенъ, красивъ, словоохотливъ и неутомимъ въ работѣ. Тяжелая работа во всякую погоду служитъ поводомъ лишній разъ выпить, да и жизнь такъ складывается, что когда лова нѣтъ, то и дома дѣла не много; однако талабчане приняли мѣры, чтобы пьянство не распространялось между ними и постановили за-

крыть кабаки, которыхъ теперь на островѣ нѣтъ. Талабскій островъ мало привлекателенъ; это какая-то песчаная отмель, на которой скучены постройки. Въ хорошій лѣтній день, весь народъ на воздухѣ; по берегу толпы купающихся: шумъ, смѣхъ, гомонъ, здоровье, сила, веселье и приволье. И кругомъ раздольно: застывшая масса воды подъ горячимъ солнцемъ, камышъ, стаи чаекъ и свѣтлая даль, непрерываемая горами, простой, незатѣйливый, открытый, пейзажъ, такой же простой, какъ толпы жителей, разселившихся по островамъ и прибрежьямъ. Тутъ есть и очень небольшіе острова; на одномъ изъ нихъ расположена напр. деревня Горки, при самомъ устьи р. Великой, имѣющая весьма странный видъ: дома надъ самой водой, улицъ нѣтъ, узкіе проулочки между дворами, и все это безъ всякой симметріи, безъ всякаго порядка, просто составленное въ кучу; наступаетъ весна, проулки заливаются, прекращается общеніе избы съ избой, — развѣ по доскамъ и жердямъ сосѣди проходятъ другъ къ другу; бываетъ время, когда льдины держатъ въ осадѣ деревню, или вьюги и мятели заносятъ безропотныхъ обитателей, или сильная буря перекатываетъ волны черезъ островъ: волны мечутся между дворами; но не бывало случая, чтобы буря сносила крѣпкіе, прочно построенные дома.

А. Пушкинъ (въ зрѣломъ возрастѣ).

Ловцы имѣютъ особенный костюмъ, состоящій изъ кожаннаго передника, кожанныхъ штановъ, кожанныхъ-же рукавицъ; и мужчины, и женщины, выѣзжая на ловъ одѣваются въ кожу.

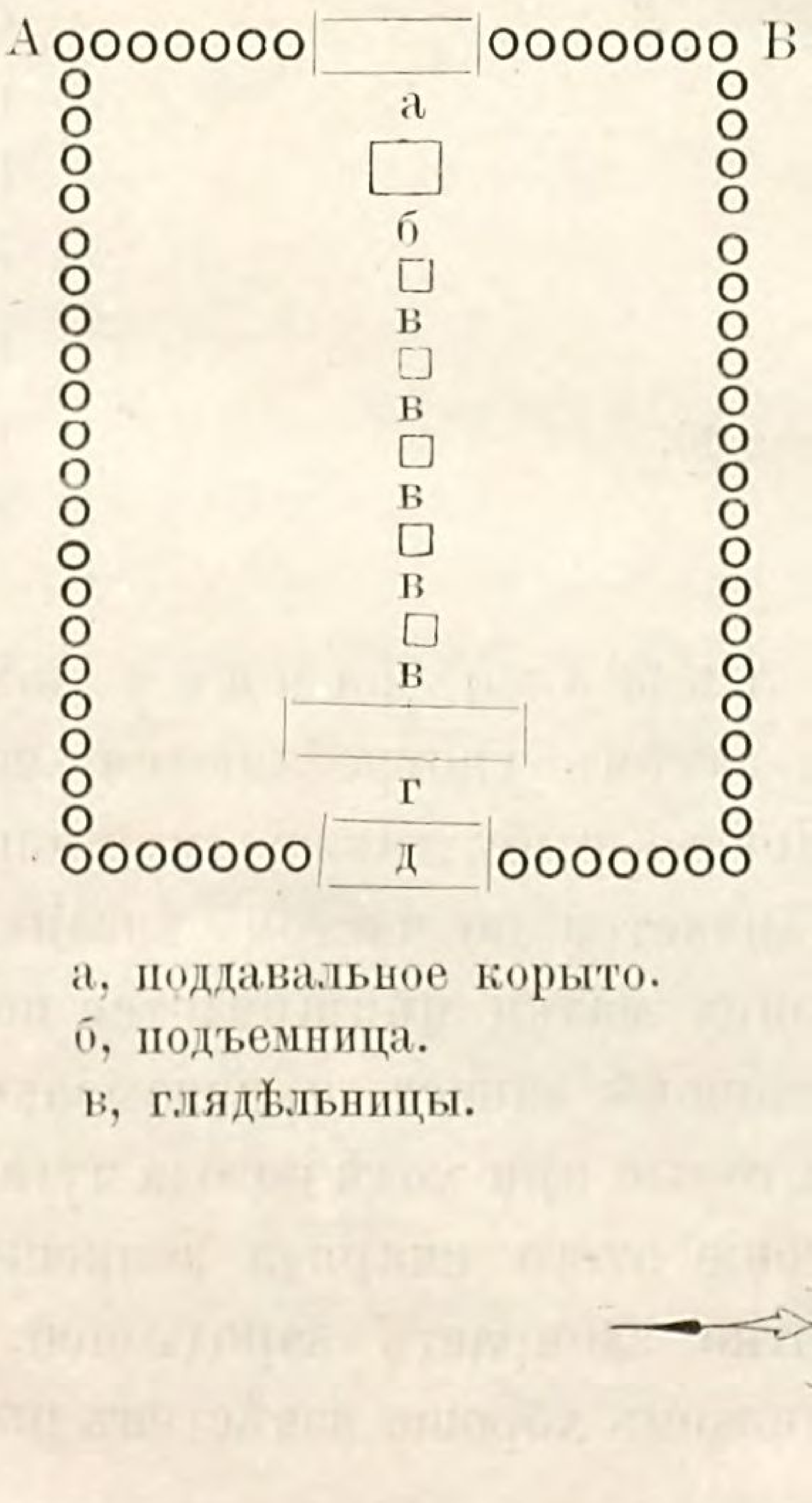
Ловъ рыбы производится почти круглый годъ; только съ 26 іюня по 6 августа запрещенъ ловъ снятка.—Орудіями ловли служатъ „большой запасъ“ или неводъ; онъ состоитъ изъ матки и двухъ крыльевъ; каждое крыло длиною 150 саж., шириною отъ 8 до 16-ти саж.; матка длиною до 10 саж., шириною при устьѣ до 7 саж. Неводъ состоитъ изъ нѣсколькихъ частей и каждая изъ нихъ носитъ свое названіе. Общій его видъ таковъ (см. рис. на стр. 282). Стоимость большаго запаса доходитъ до 800 руб.; затѣмъ употребляются еще малые невода. Ловятъ рыбу также „мушникомъ“, который отличается по частому вязанью и тѣмъ, что къ концу матки пришивается полотно, къ нижней сторонѣ запаса привязываютъ пучки соломы, которые при ходѣ невода пугаютъ рыбу. Употребленіе этого снаряда запрещено, такъ какъ полотно забираетъ зародышей, да вредъ лова мушникомъ хорошо извѣстенъ рыболовамъ;

но онъ все же не выводится изъ употребленія.

Ловцы составляютъ артель съ хозяиномъ запаса во главѣ; онъ управляетъ ловлей и называется жердникомъ; лошадь и два рабочихъ называются гнѣздомъ.

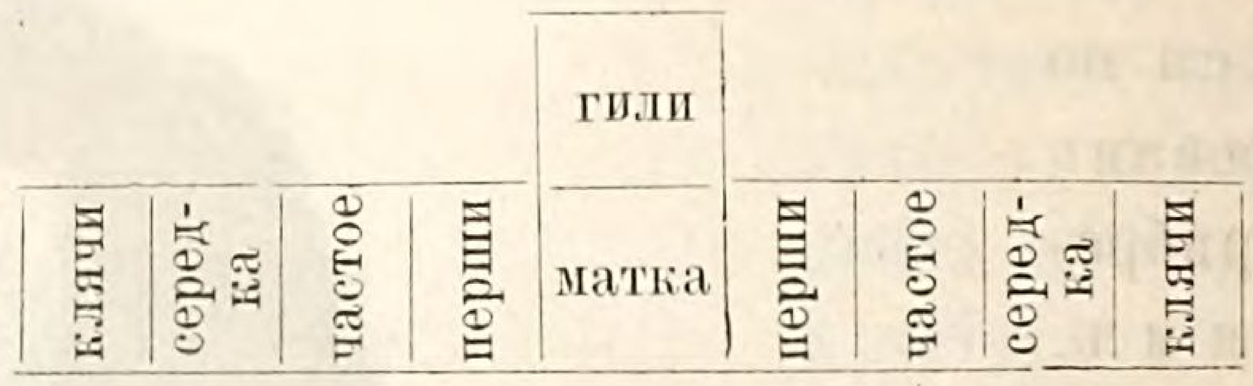
Зимній ловъ производится большимъ запасомъ; въ немъ учавствуютъ 16 рабочихъ и 8 лошадей. Какъ только ледъ настолько окрѣпнетъ, что можетъ выдержать значительную тяжесть, рыболовы выѣзжаютъ на промыселъ. Бываетъ, что ледъ только что встанетъ; ловцы выѣдутъ, поднимается буря и носитъ ихъ на льдинахъ; иногда гибнутъ, иногда волною прибиваетъ ихъ къ берегу.

Процессъ зимняго лова заключается въ томъ, что дѣлается прорубь (поддавальное корыто) длиною до 3 аршинъ, шириною до 1 аршина; примѣрно въ 200 саженяхъ отъ поддавальнаго корыта пробивается другое корыто (такъ называется продолговатая прорубь), длиною до 3 сажень, шириною до 2 аршинъ; недалеко отъ первой проруби по той же линіи дѣлается такъ называемая „подъемница"—небольшая прорубь; между прорубями пробивается нѣсколько небольшихъ отверстій во льду, которыя называются глядѣльницами; а рядомъ съ поддавальнымъ корытомъ—заставная прорубь. По сторонамъ этой линіи прорубей расположены правильнымъ четвереугольникомъ круглыя проруби, такъ что всѣ проруби представляютъ такой рисунокъ:

а, поддавальное корыто.
б, подъемница.
в, глядѣльницы.
г, заставная прорубь.
д, подъемное корыто.
О проруби.

Запасъ опускается въ поддавальное корыто, растягивается подъ водой по линіу А—В желѣзными вилками, такъ называемыми сошилами, проводится дальше по сторонамъ подо льдомъ, изъ проруби въ прорубь, и вылакивается изъ подъемнаго корыта; во время хода запаса надъ глядѣльницами лежатъ ловцы, наблюдаютъ за количествомъ снѣтка и подаютъ знакъ ногой—торопиться или медлить вытягиваніемъ запаса.

Большая снасть и ея части.

Въ заставной проруби, при вытягиваніи запаса, плещется снѣтокъ; бабы, ребята и старики имѣютъ право черпать изъ этой проруби снѣтка безвозмездно: это такъ называемые ковшовники, такъ какъ для добычи снѣтка изъ заставной проруби они вооружаются ковшами.

Снѣтокъ въ псковскомъ озерѣ крупный и ходитъ большими стадами; пока онъ мелокъ, стада его окружаютъ хищные окуни, которыя не въ силахъ пробраться въ середину стада и такъ сказать, только обгрызаютъ его края; надъ стадами носятся чайки; но страшнѣе чаекъ и окуней—сѣти, куда снятокъ попадается въ изобиліи.

Словленный снѣтокъ сейчасъ же поступаетъ на снѣтосушильные заводы, откуда расходится въ С.-Петербургъ, Варшаву, Москву и Ригу.

Опредѣлить точно размѣры улова трудно; по варшавской желѣзной дорогѣ изъ Пскова снѣтка отправляютъ до 230 тысячъ пудовъ.

Кромѣ снѣтковъ въ озерѣ ловятся: судакъ, лещъ, окунь, налимъ и въ большомъ количествѣ ершъ, который потребляется псковичами въ большомъ размѣрѣ, почему псковичи получили кличку „ершеѣдовъ".

IV.

Современный Псковъ.—Различные элементы городскаго населенія.—Жизнь мѣстнаго городскаго населенія.—Праздники и крестные ходы.—Псковская интеллигенція и общественная жизнь.—Псковское земство.

Населеніе Пскова не имѣетъ ничего характернаго,—интеллигентный классъ составляется изъ чиновничества и педагогическаго персонала, купечество и мѣщане составляютъ остальное населеніе. Жизнь провинціальнаго города вообще безцвѣтна. Изображая изъ себя административный и промышленный центръ, провинціальный городъ собираетъ разнохарактерную кучу народа, которая соединяется только ради временныхъ интересовъ; общихъ и постоянныхъ интересовъ нѣтъ. Города отдаленные отъ Петербурга еще сохраняютъ самобытный характеръ, имѣютъ характерныя черты и живутъ болѣе или менѣе собственной жизнью; Псковъ живетъ не своею жизнью, находясь подъ бокомъ у Петербурга всего въ 270 верстахъ, или въ 7—8 часахъ переѣзда по желѣзной дорогѣ. Когда говорится о городской общественной жизни, то всегда разумѣютъ только образованный классъ общества; зависитъ это отъ того, что преобладающая часть населенія—крестьяне, находящіеся на различныхъ заработкахъ и мѣщане—живутъ тихо, и только большіе праздники, крестные ходы, ярмарки вызываютъ ихъ на улицу.

Населеніе Пскова состоитъ изъ русскихъ, нѣмцевъ, поляковъ и евреевъ; въ общемъ значительное преобладаніе русскихъ поглощаетъ и тѣхъ, и другихъ; но въ образованномъ классѣ присутствіе польскаго и нѣмецкаго элементовъ весьма замѣтно; поляки и нѣмцы имѣютъ и свои церкви, и свои порядки и обычаи; каждая группа имѣетъ свой кружокъ, и, не смотря на миролюбивыя отношенія, рознь между кружками очень замѣтна.

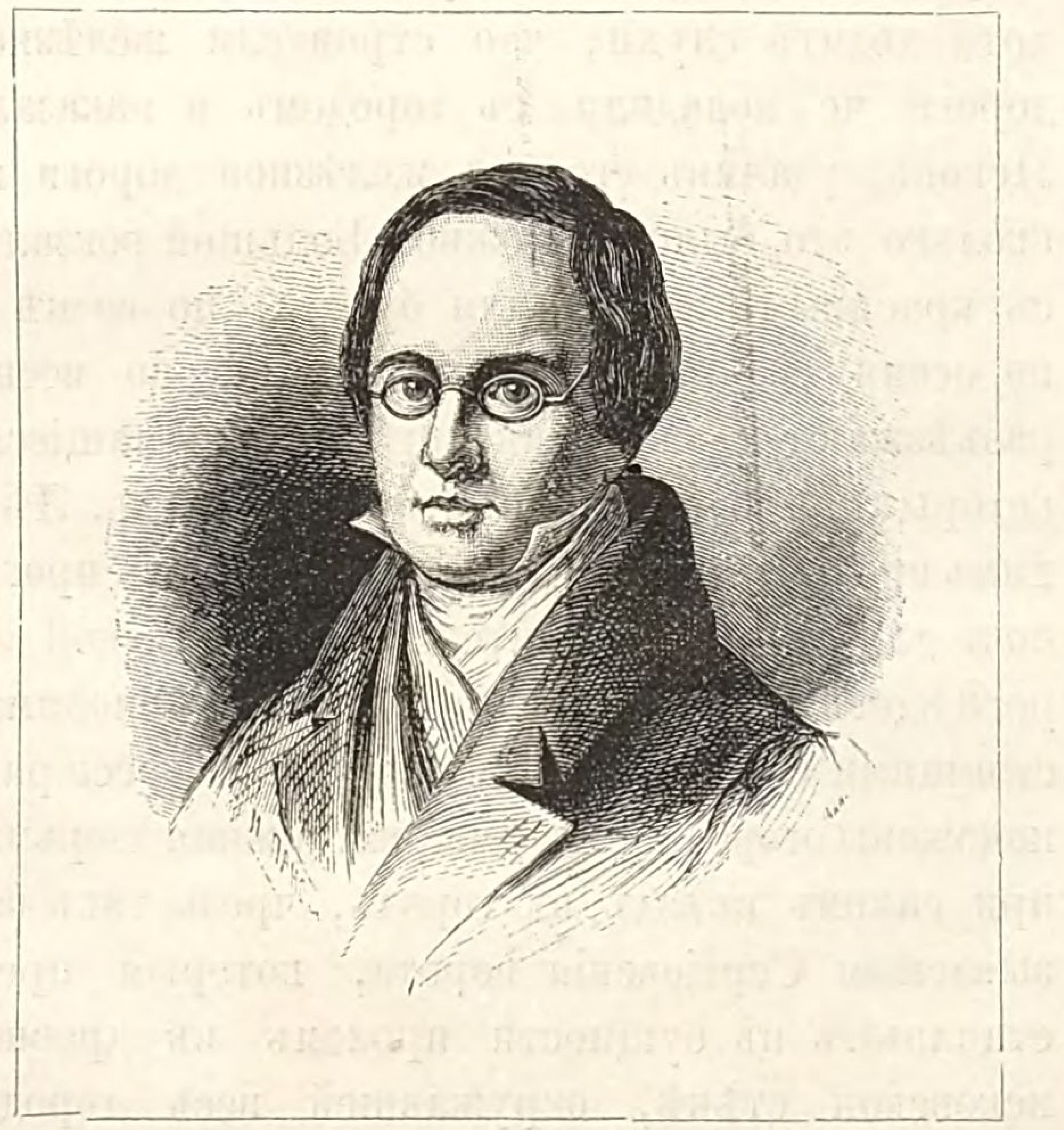
При общемъ 20-ти тысячномъ населеніи города, при близости Петербурга и при такомъ составѣ общества, не мудрено, что на свѣжаго человѣка Псковъ производитъ весьма грустное впечатлѣніе.

Меккензи-Уолессъ, въ своемъ описаніи Россіи, удивляется тому, что желѣзныя дороги обошли многіе города по какимъ-то неизвѣстнымъ причинамъ; тоже самое случилось со Псковомъ; станція Псковъ и городъ Псковъ отстоятъ другъ отъ друга на 2 версты! Линія желѣзной дороги отъ Луги направлена прямо на Псковъ, но подъ самымъ Псковомъ, она дѣлаетъ отклоненіе и оставляетъ Псковъ въ сторонѣ. Почему такъ случилось—неизвѣстно, хотя ходятъ слухи, что строители желѣзной дороги не поладили съ городомъ и наказали Псковъ, удаливъ его отъ желѣзной дороги на сколько это было возможно. Большой вокзалъ, съ красивымъ заломъ для буфета, по веснѣ и по осени собираетъ много народа: по веснѣ разъѣзжаются, по осени пріѣзжаютъ учащіеся, которыхъ во Псковѣ до 2,600 человѣкъ. Лѣтнимъ временемъ вокзалъ составляетъ цѣль прогулокъ для псковскихъ жителей. Отъ желѣзной дороги идетъ шоссе, усаженное по бокамъ тополями, стоящими всегда въ пыли; по бокамъ шоссе расположены огороды, казармы, каторжная тюрьма; при самомъ въѣздѣ въ городъ, чрезъ такъ называемыя Сергіевскія ворота, которыя представляютъ въ сущности проломъ въ древней псковской стѣнѣ, окружавшей весь городъ; на правой сторонѣ недавно разведенъ городской садъ; съ лѣвой стороны — ботаническій садъ реальнаго училища; послѣдній примыкаетъ къ стѣнѣ и очень красиво разбросанъ на неровной мѣстности; садъ этотъ возникъ по мысли бывшаго директора реальнаго училища Н. Н. Раевскаго и заведенъ подъ его руководствомъ на мѣстѣ, подаренномъ городомъ.

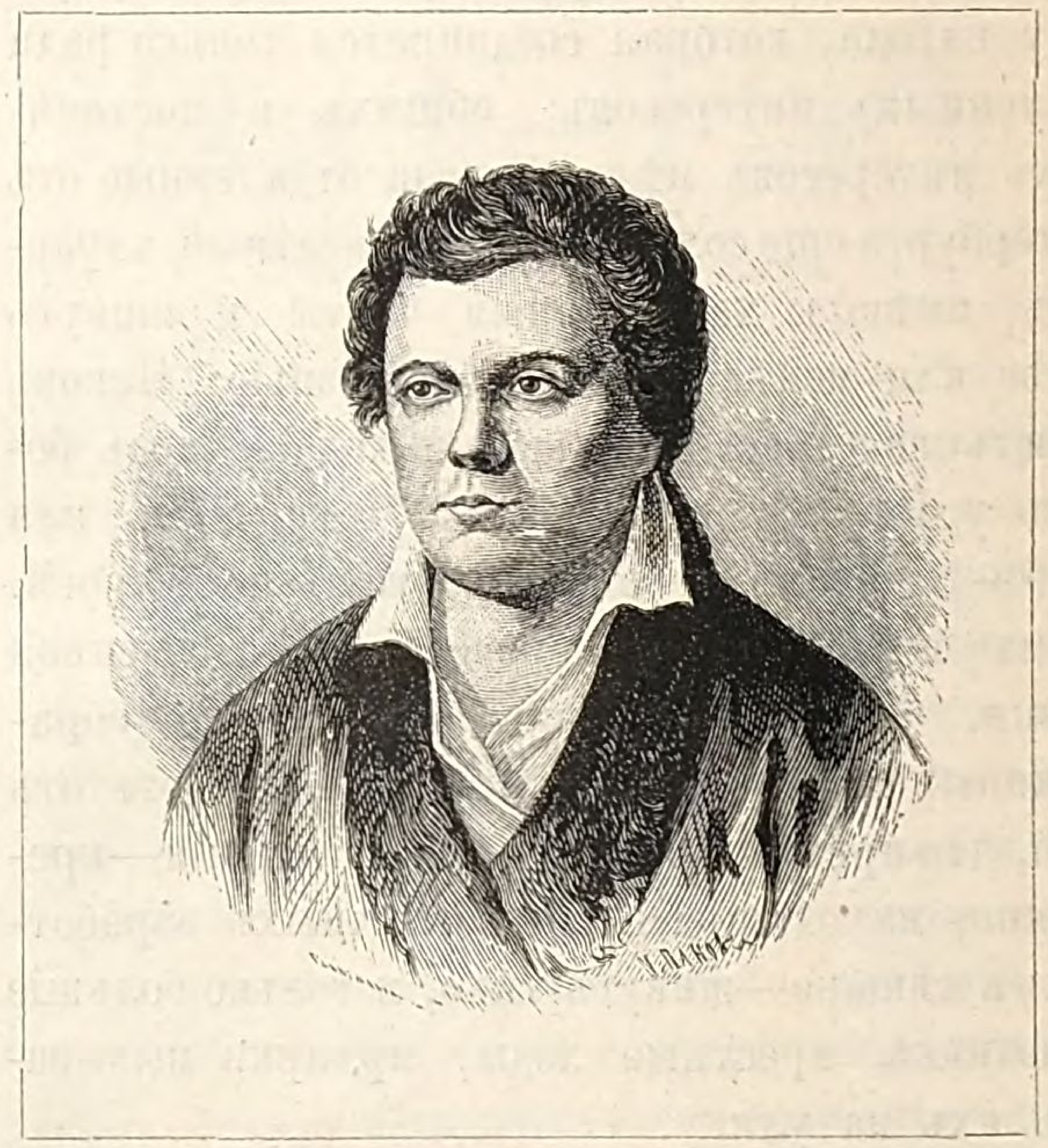
Гостинницами и трактирами городъ изобилуетъ; но онѣ не могутъ похвалиться чистотой и аккуратностью, хотя лучшія гостинницы въ рукахъ нѣмцевъ.

Положеніе Пскова на высокомъ мѣстѣ, плитнякъ, который составляетъ его основаніе, много каменныхъ домовъ даютъ ему видъ чистенькаго города; но такова только центральная часть. Слободы и посады похожи скорѣе

на деревни, чѣмъ на части города, а Завеличье (за рѣкой Великой) и Запсковье (за Псковой), составляющіе по отношенію къ центру города тоже, что въ Петербургѣ Васильевскій островъ, мало опрятны и какъ-то запущены; весною и осенью, не смотря на твердый грунтъ земли, улицы обилуютъ грязью, а въ темныя ночи недоступны для человѣка, мало знакомаго съ топографіей города; Запсковье еще соединено съ городомъ постояннымъ мостомъ, а черезъ Великую перекинутъ пловучій мостъ, который нерѣдко по осени и по веснѣ срывается, и тогда сообщеніе съ тою частью города совершенно прекращается. Это бывало такъ часто, что въ послѣдній годъ, когда мостъ не срывало ни разу, событіе это считали чѣмъ-то изъ ряда вонъ выходящимъ. Жизнь на Завеличьѣ имѣетъ однакоже то преимущество, что самыя строенія тамъ чище и жизнь тише чѣмъ на Запсковьѣ. Въ осеннія, темныя ночи, если обывателю приходится пробираться по этой, довольно густо заселенной части города, то положеніе становится иногда комичнымъ и весьма затруднительнымъ; грязь подъ ногами, мракъ, ни души человѣческой, ни огонька, ни звука, ничего похожаго на цивилизованную городскую жизнь. Самые грязные участки тѣ, гдѣ селятся евреи; это явленіе общее для всѣхъ городовъ, гдѣ живутъ евреи, но для Пскова это еще довольно ново, такъ какъ недавно еще евреи были такъ малочисленны, что терялись въ массѣ населенія и не были замѣтны; но послѣдніе годы еврейское населеніе увеличилось и увеличивается весьма значительно, какъ естественнымъ путемъ, такъ и вслѣдствіе наплыва извнѣ. Классъ ремесленниковъ состоитъ по преимуществу изъ евреевъ; портные, сапожники, лудильщики—все это евреи, которые во Псковѣ довольно скромны. У нихъ своя синагога и по субботнимъ днямъ еврейское населеніе наряжается въ шелка и бархаты и гуляетъ по улицамъ, справляя по своему закону субботу.

Дельвигъ.

Языковъ.

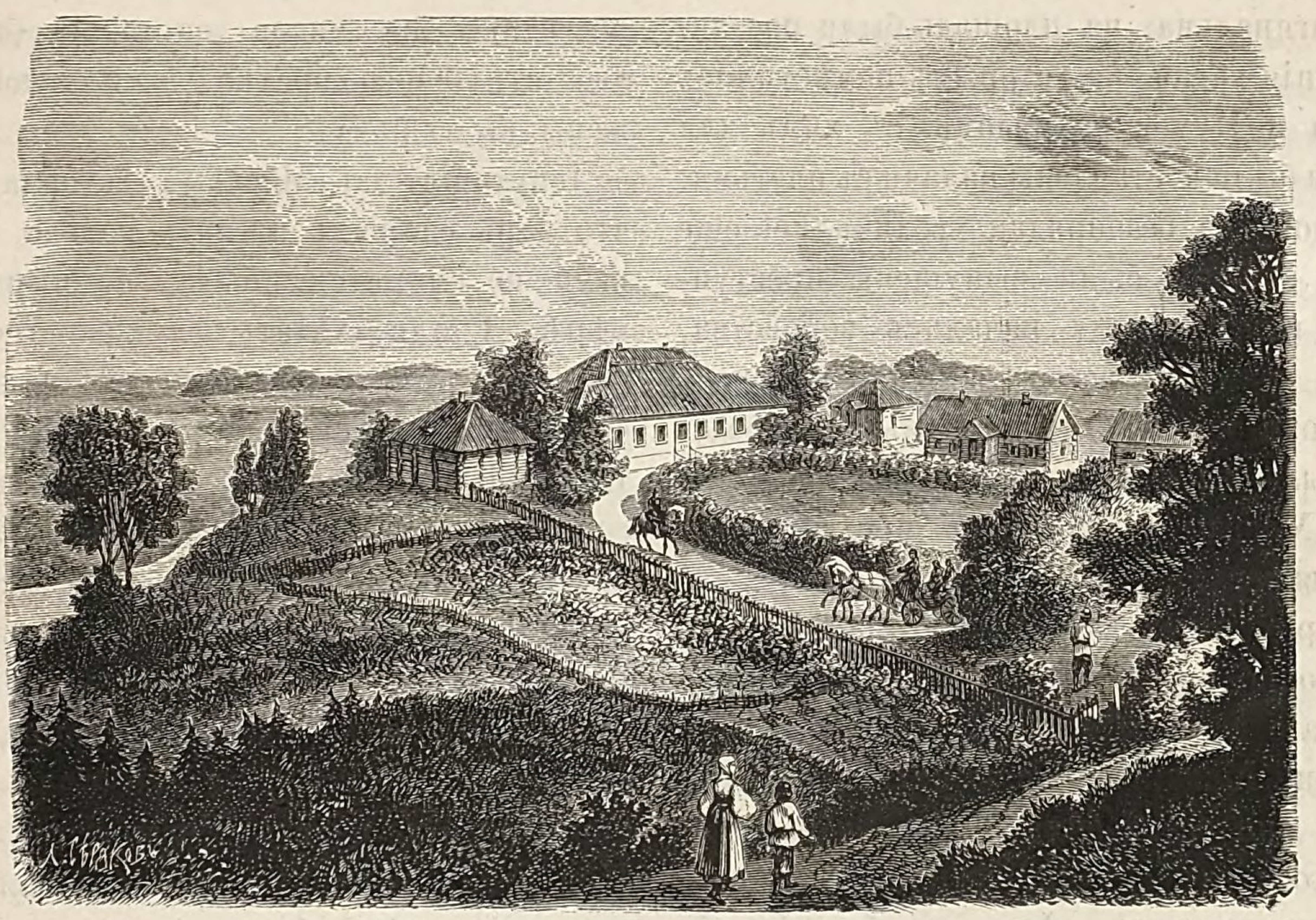
Тоже дѣлаютъ русскіе въ воскресенье — это одна изъ особенностей Пскова; въ воскресный день всѣ лавки заперты, ничего достать нельзя; и этотъ обычай ведется издавна и для торговаго класса сдѣлался закономъ. Въ другихъ провинціальныхъ городахъ въ воскресенье идетъ торговля бойче, чѣмъ въ другіе дни; въ этотъ день бываютъ базары, наплывъ сельскаго населенія, да и городское населеніе болѣе свободно; но во Псковѣ базары бываютъ въ понедѣльникъ, среду и пятницу. Псковъ имѣетъ свои мѣстные праздники, не только народные, но и чиновничьи, т. е. дни, которые считаются не присутственными; напримѣръ, два дня под-

рядъ 6-го и 7-го октября, когда во Псковѣ совершается крестный ходъ изъ Елезаровскаго и Печерскаго монастырей въ память избавленія Пскова отъ французовъ.

Лучшая улица во Псковѣ носитъ названіе Великолуцкой, здѣсь сосредоточены магазины, и это мѣсто гулянья въ зимнее время; улица выходитъ на большую площадь; съ одной стороны каменныя лавки, съ другой присутственныя мѣста, расположенные большимъ покоемъ, съ садикомъ и неуклюжей оградой; совня и почему она здѣсь поставлена. Надпись на часовнѣ объясняетъ ея значеніе; тамъ написано:

„Лѣта 7158, отъ Рождества Христова 1650, іюля въ 12 день, при державѣ Государя великаго князя Алексѣя Михайловича всея Россіи, во Псковѣ былъ ужасный бунтъ по причинѣ сдѣланнаго новгородскимъ купцомъ Волковымъ обмана противъ боярина Морозова, будто за согласіе съ нимъ намѣрены всѣхъ нѣмецкихъ купцовъ истребить. Во время сего бунта псковскими мятежниками убито девять

ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТИ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Село Михайловское (имѣніе А. С. Пушкина).

строенія присутственныхъ мѣстъ загораживаютъ берегъ р. Великой. Старожилы разсказываютъ, что площадь передъ присутственными мѣстами представляла собо сплошную, грязную лужу; здѣсь плавали утки и гуси, ходили поросята, а тамъ гдѣ пробивалась травка паслись коровы. Теперь площадь покрыта мостовой; съ этой площади входъ въ Кремль, къ собору. Передъ присутственными мѣстами стоитъ часовня заурядной архитектуры; во время базара она окружена телѣгами, къ рѣшеткѣ привязываются лошади, и рѣдко кто изъ псковичей съумѣетъ отвѣтить, что это за ча- человѣкъ псковскихъ помѣщиковъ, а именно...“ (слѣдуютъ имена).

Бунтъ былъ въ самомъ дѣлѣ ужасный. Дѣло началось съ того, что псковичи узнавши о государевой грамотѣ воеводѣ объ отпускѣ изъ псковскихъ запасовъ хлѣба шведскому агенту Нуменсу въ счетъ денегъ по выкупу перебѣжчиковъ изъ уступленныхъ по Столбовскому миру русскихъ областей, которыхъ русское правительство должно было возвратить. Народъ не повѣрилъ тому, чтобы ихъ хлѣбные запасы царь приказалъ отдавать ни съ того, ни съ сего нѣмцу: и хлѣба было жалко, и смуты въ Москвѣ, о которыхъ дохо-

дили во Псковъ слухи, были причиною недовѣрія. Народъ, по поводу слуховъ, началъ собираться на площади и рѣшилъ хлѣба не выдавать; когда Нуменсъ пріѣхалъ во Псковъ, его едва не убили и отобравъ всѣ бумаги, заключили на Снѣтогорскомъ подворьѣ, которое было недалеко отъ площади. Массы народа все гуще и гуще наполняли площадь, созываемыя набатомъ; псковичи шумѣли и безчинствовали; выбрали себѣ временное правительство, которое состояло изъ площаднаго подъячаго Томилки Васильева Слѣпого, стрѣльцовъ—Прошки Козы и Сорокоума-Копыты. Новое правительство рѣшило прежде всего допросить Нуменса; обстановка допроса была весьма оригинальна; на площадь были поставлены большія кадки, на которыхъ помѣстились допросчики и Нуменсъ; рядомъ съ нимъ для устрашенія были поставлены палачи съ плетьми.

Послѣ допроса безпорядки увеличились еще болѣе; изъ тюрьмы были выпущены преступники; по всему городу начались воровства, убійства и насилія; воевода ничего не могъ подѣлать: онъ просилъ помощи изъ Новгорода, но тамъ было не лучше—туда уже было выслано изъ Москвы войско подъ предводительствомъ Хованскаго.

Посла Арцибышева, пріѣхавшаго изъ Москвы, псковичи допросили, обыскали и нашли письмо новгородскаго воеводы Хилкова къ псковскому архіепископу Макарію. Это привело въ ярость псковичей; они остановили архіепископа, возвращавшагося отъ обѣдни, водили его по площади и посадили на цѣпь въ богадѣльнѣ. Арцыбашевъ сидѣлъ также въ тюрьмѣ на цѣпи; Нуменса раздѣвали на площади и подвергли пыткамъ.

Изъ Москвы былъ присланъ новый воевода; стараго воеводу псковичи не отпустили; а у новаго воеводы стали требовать пороху, услышавъ, что изъ Москвы послано войско. Воевода не давалъ; толпа взяла силой. Прибывшаго для разслѣдованія дѣла князя Волконскаго избили и арестовали; въ Москву же послали депутацію, насильно заставивъ принять въ ней участіе племянника Волконскаго и многихъ бояръ; въ челобитной грамотѣ были выдуманы разнаго рода нелѣпости, которыя будто побудили псковичей къ произведеннымъ безпорядкамъ. Но при пріемѣ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ депутаціи, одинъ изъ бояръ высказалъ, что они—бояре—приняли насильно участіе въ депутаціи и указалъ на зачинщиковъ безпорядковъ. Въ числѣ зачинщиковъ были, кромѣ выбранныхъ во временное правительство 5 стрѣльцовъ, 2 казака, 3 попа и 1 протопопъ, и посадскіе люди: банщикъ, мясникъ, шапочникъ и другіе.

Безпорядки продолжались большую часть марта, весь апрѣль, и почти весь май; въ концѣ мая Хованскій съ войскомъ въ 2,700 человѣкъ подступилъ къ Пскову. Псковъ рѣшилъ воевать; Хованскому приходилось плохо; депутацію, которую онъ послалъ для увѣщеванія псковичей, приняли очень недружелюбно; одинъ изъ числа депутатовъ былъ убитъ, двое отпущены обратно, а 9 человѣкъ посажены въ тюрьму.

Депутація изъ Москвы, которая передала, что царь обѣщалъ послать войско, если псковичи не смирятся, была заподозрѣна въ измѣнѣ. Стали ходить слухи о союзѣ нѣмцевъ съ Хованскимъ; псковичи освирѣпѣли еще болѣе; они твердо рѣшили не отступать. Наконецъ изъ Москвы была послана депутація, состоявшая изъ епископа коломенскаго Рафаила, епископа коломенскаго Сильвестра, архимандрита Андроніевскаго Михаила, протопопа Черниговскаго и выборныхъ людей изъ стольниковъ, дворянъ, гостей и торговыхъ людей; депутація именемъ царя требовала выдачи зачинщиковъ и впуска Хованскаго въ городъ. При этихъ условіяхъ царь обѣщалъ даровать прощеніе; дѣло было улажено миролюбиво: Рафаилъ съумѣлъ поладить съ псковичами. Царь Алексѣй Михайловичъ, созвавъ всѣхъ бывшихъ на соборѣ, собранномъ ранѣе того, для обсужденія псковскихъ дѣлъ, объявилъ, что „псковичи вины свои принесли, присягу дали, а мы имъ прощаемъ“ и тогда же по распоряженію царя Алексѣя Михайловича тѣла помѣщиковъ и другихъ гражданъ, убитыхъ во время мятежа, были собраны и погребены на площади, а подъ ними воздвигнута часовня.

Въ базарный день съ ранняго утра торговая площадь заставляется возами, прибывающими изъ уѣзда; бываютъ рынки, крайне оживленные; пестрая толпа сплошь покрываетъ всю площадь на столько густо, что трудно про-

ѣхать, къ полудню только уже расходится, а потомъ снова площадь принимаетъ прежній видъ; это —мѣсто хлѣбнаго и льняного рынка. Ниже, по берегу Псковы тянутся рыбные ряды; здѣсь стоятъ лодки съ рыбой; къ берегу рѣки Великой на высокомъ мѣстѣ расположены предметы гончарнаго производства; въ базарный день здѣсь можно познакомиться съ сельской промышленностью и съ типами псковскаго края и съ языкомъ псковичей.

Возы со всякимъ товаромъ, не доѣзжая до рынка, перехватываются перекупщиками, съ которыми воюетъ и городское управленіе, и полиція, но ровно ничего не могутъ подѣлать. Перекупщикъ, который только тѣмъ и живетъ, что получаетъ разницу по покупкѣ и продажѣ товара — это особый типъ, также какъ городскія торговки, которыя раскидываютъ свой торгъ на площади. Товаръ у торговокъ все копеечный и въ сложности у иной на рубль не наберется; сидитъ она цѣлый день на площади, у бань, на мѣстахъ, гдѣ народу больше, съ какой-нибудь работишкой, и выжидаетъ покупателя. Многія изъ торговокъ извѣстны всему Пскову, потому что имъ извѣстенъ весь Псковъ; каждому она съумѣетъ разсказать что слѣдуетъ, и такая торговка пользуется большою популярностью въ средѣ своихъ товарокъ. Торговка—также данница города; она платитъ городу за право торговли, какъ каждый возъ, пріѣзжающій на рыночную площадь. Торговка и перекупщикъ—это первая ступень торговаго городского сословія. Перекупщикъ становится иногда самостоятельнымъ мелкимъ торговцемъ; мелкій торговецъ, торгующій уже на опредѣленномъ мѣстѣ, пользующійся нѣкоторымъ кредитомъ, держитъ себя по преимуществу гордо, и стремится отпустить подлиннѣе полы своего сертука. Если онъ попадаетъ какимъ нибудь образомъ въ городскую думу, онъ любитъ говорить витіевато и много; во всякомъ случаѣ онъ бойче, смышленнѣе и пронырливѣе, чѣмъ коренное купечество; послѣднее на подъемъ тяжело, хорошо откормлено и страдаетъ хроническимъ неумѣньемъ излагать свои мысли; настоящій купецъ держитъ себя величаво, двигается тихо, говоритъ съ внушительными жестами и больше склоненъ къ молчанію. Настоящій, типичный купецъ тотъ, который отъ маленькаго къ большому пришелъ; ничего не имѣлъ и много имѣетъ; это типъ, приближающійся къ московскому купечеству, но не доросшій до типовъ, изображенныхъ Островскимъ. Въ новое время народился новый, хотя еще рѣдкій типъ купца образованнаго, похожаго на всѣхъ людей, не прошедшаго купецкое воспитаніе съ своеобразными его принципами. Наконецъ въ Псковѣ еще есть нѣмецкій купецъ: — это типъ, всѣмъ извѣстный на Руси, такъ какъ онъ всюду пробрался, и всюду держитъ себя съ національною гордостью, съ русскимъ купцомъ не сходится и дѣлъ съ нимъ имѣть не любитъ, такъ какъ относится къ нему съ нѣкоторымъ презрѣніемъ; онъ считаетъ себя лучше, умнѣе, честнѣе, образованнѣе его, и эти мысли написаны у него на лицѣ; онъ носитъ европейское платье, не можетъ обрусѣть даже при собственномъ желаніи и рѣдко можетъ выучиться говорить правильно по русски.

Купечество въ Россіи представляетъ до сего времени нѣчто корпоративное; между торговцами установилось правило, переданное имъ по наслѣдству и вошедшее въ плоть и въ кровь, не выносить изъ своей избы сора, и они оберегаютъ свой миръ отъ всякаго вторженія; но время беретъ свое и въ этомъ мірѣ пошатнулись старые устои и туда проникло нѣкоторое оживленіе мысли, чему много содѣйствовало городовое положеніе 1870 года.

Наиболѣе богатые псковскіе купцы — тѣ, которые ведутъ льняную торговлю. Это большею частью нѣмцы, и сношенія ведутся ими почти исключительно заграничныя. Льняныя конторы, которыя ведутъ дѣло по торговлѣ льномъ, представляютъ изъ себя собственно коммиссіонерства; они скупаютъ ленъ у крестьянъ, группируютъ его по сортамъ, нѣкоторые подтрепываютъ и отправляютъ за границу. Заграничные торговцы не такъ давно громко заявляли неудовольствіе на фальсификацію льна; фальсификація заключалась въ томъ, что для вѣса въ середину подкладывалась не только пакля, но иногда даже камни. Это дѣлалось конечно не льняными конторщиками, а продавцами льна—крестьянами; обманъ со стороны крестьянъ вызвался обманомъ со стороны покупщиковъ и преимущественно перекупщиковъ. Послѣдніе носятъ названье „булынь“; еще не такъ давно булыни держали въ своихъ рукахъ

мужика, который только черезъ него могъ вести сношеніе съ конторой; послѣднее время булыни стали гораздо рѣже и мужикъ везетъ непосредственно свой ленъ въ контору, съ которой онъ имѣетъ сношеніе.—Но и при лучшихъ условіяхъ торговли обвѣсъ не составляетъ исключенія, цѣны устанавливаются неправильно, и въ результатѣ получается большой ущербъ не только для крестьянина, но и для купца, и для иностраннаго фабриканта. Льняныя конторы преобладаютъ въ настоящее время въ Островѣ; Островъ сталъ отпускать больше льна, чѣмъ Псковъ; послѣдній годъ Псковъ отпустилъ до 700 т. пудовъ льна, а Островъ 1253 тыс., что на деньги составитъ болѣе 7 м. руб. Вывозъ льна увеличивается; но цѣны его давно уже стоятъ весьма неблагопріятныя. Самый большой вывозъ бываетъ въ Декабрѣ, а въ началѣ зимы, особенно когда устанавливается зимній путь, происходитъ покупка льна на рынкѣ.

Нѣсколько разъ поднимался вопросъ и городомъ, и земствомъ, и мѣстнымъ обществомъ сельскаго хозяйства объ организаціи льнянаго дѣла, объ учрежденіи льняныхъ школъ, опытныхъ станцій, но до сего времени вопросъ этотъ остается открытымъ.

Вся вывозная торговля Пскова можетъ быть оцѣнена приблизительно въ 4 мил. руб., изъ которыхъ безъ малаго 3 мил. приходится на ленъ; мануфактурные товары, фабричныя издѣлія, предметы роскоши Псковъ выписываетъ изъ Петербурга, Варшавы и Риги, но кромѣ этихъ предметовъ Пскову приходится закупать дрова и хлѣбъ, котораго напр. въ 1882 году было привезено около 850 т. пудовъ. Дрова прибываютъ во Псковъ по р. Псковѣ и по р. Великой; до поздняго лѣта Великая не можетъ очиститься отъ дровъ, которые затѣмъ складываются почти сплошь по всему берегу; несомнѣнно что дрова портятъ не только видъ рѣки, но и воду.

Кромѣ еженедѣльныхъ базарныхъ дней въ Псковѣ бываютъ двѣ ярмарки; одна — въ Февралѣ, съ 10 по 20 число, имѣла значеніе въ то время, когда еще не было желѣзной дороги. Обороты ея тогда бывали значительны, изъ селъ и деревень пріѣзжало много народа для закупокъ всякаго рода товара и ярмарочное время бывало веселымъ временемъ по преимуществу; теперь ея обороты незначительны, торговля ведется мало оживленно, хотя площадь занимается балаганами и народъ толкается съ утра до вечера, но ярмарка не имѣетъ и тѣни своего прежняго вида значенія.

Главный торговый путь составляетъ желѣзная дорога, рѣка Великая послѣ открытія желѣзной дороги въ торговомъ отношеніи имѣетъ весьма небольшое значеніе: она важна для Талабскихъ жителей, которые на своихъ ладьяхъ подвозятъ къ псковскому рынку снѣтокъ; между Дерптомъ и Псковомъ происходитъ небольшое товарное движеніе и постоянное пароходное сообщеніе.

Въ верхъ по теченію р. Великая судоходна верстъ на 10 отъ Пскова, далѣе начинаются мели и пороги, при входѣ въ озеро она образуетъ также наносныя мели, которыя ежегодно увеличиваются и грозятъ тому небольшому движенію судовъ, которое здѣсь существуетъ. — Года два, какъ въ Псковѣ завелось легкое пароходство, вверхъ по рѣкѣ; на лѣтнее время жители Пскова также какъ Петержбурцы стремятся выѣхать изъ города; ближайшее дачное мѣсто Псковичей въ 10 верстахъ по шоссе, проходящему по болотистой, голой мѣстности и въ 6 верстахъ по рѣкѣ; при сліяніи р. Великой съ р. Черехой стоитъ деревня Череха, гдѣ крестьянскія дома приспособлены для дачнаго жилья, кое гдѣ построены домики предназначенные спеціально для этой цѣли; мѣстность окружена лѣсомъ, рѣка быстро течетъ въ красивыхъ берегахъ,—это любимое лѣтнее мѣсто Псковичей, гдѣ они завели дачную жизнь на Петербургскій манеръ, такъ какъ Петербургъ для Псковича даетъ законы не только для костюмовъ, но и для времяпрепровожденія; наиболѣе красивое мѣсто въ окрестностяхъ Пскова—село Корытово, въ четырехъ верстахъ отъ Пскова, расположенное на высокомъ берегу р. Великой; въ этомъ мѣстѣ берегъ представляетъ почти отвѣсную стѣну, сложенную изъ плитняка; корытовская сосновая роща по праздникамъ въ лѣтнее время наполняется гуляющими съ самоварами, съѣстными припасами и т. п., здѣсь и поютъ, и танцуютъ, здѣсь душу отводитъ псковское рабочее городское населеніе, пріѣзжая на пароходѣ и на лодкахъ. Въ самомъ городѣ расположенъ общественный городской садъ подъ названіемъ „Кутузовскій"; названіе это онъ получилъ отъ

владѣльца того мѣста, на которомъ этотъ садъ расположенъ.

На эти гулянья пріѣзжаютъ фокусники, клоуны и другіе подобные увеселители толпы. Лѣтнія развлеченія псковичей этимъ и ограничиваются. Для зимняго времяпрепровожденія псковичи устроили множество различнаго рода обществъ ученыхъ и увеселительныхъ; при маленькомъ населеніи въ 20 т. человѣкъ во Псковѣ существуетъ два клуба, Музыкальное общество, Хоровое общество, Музыкально-драматическое общество, Археологическое общество, общество Практическихъ врачей, Сельско-хозяйственное общество. Кромѣ этого, псковичи группируются въ общества для преслѣдованія различныхъ практическихъ общественныхъ цѣлей, какъ напримѣръ „пожарное общество, похоронныя кассы, Александроневское братство, благотворительное общество и т. д. Жизнь ихъ такъ вяло и безотрадно движется, что нѣкоторыя изъ обществъ сохранили только названіе; другія-же заявляютъ о себѣ весьма рѣдко, иногда только для того, чтобы напомнить о своемъ существованіи.

РИСУНКИ ПУШКИНА ВЪ ЕГО ЧЕРНОВЫХЪ ТЕТРАДЯХЪ.

Рисунокъ къ поэмѣ „Домикъ въ Коломнѣ".

Археологическое общество на первыхъ порахъ какъ будто стремилось къ чему-то; потомъ его собранія стали рѣже, и теперь оно очень мало замѣтно. Общество приняло отъ археологической коммиссіи, которая была при губернскомъ статистическомъ комитетѣ, небольшой археологическій музей. Хорошо и то, что музей этотъ, хотя мало-устроенный, сохраняетъ нѣкоторыя вещи, интересныя въ археологическомъ отношеніи. Здѣсь есть части мамонта, найденныя въ Холмскомъ уѣздѣ, монеты, отрытыя въ различныхъ мѣстахъ при раскопкахъ, и случайно найденныя въ глиняныхъ кубышкахъ, экземпляры которыхъ сохраняются въ музеѣ; интересная коллекція деревянныхъ причастныхъ чашъ составляетъ нѣкоторую археологическую рѣдкость, древніе образа и церковныя украшенія въ небольшомъ количествѣ сохраняются тутъ-же; архивъ старыхъ дѣлъ, свитки, разные мелкіе предметы, найденные въ кострищахъ... Но все это не приведено въ извѣстность и не изслѣдовано; большинство предметовъ, находящихся въ музеѣ, собрано бывшимъ секретаремъ археологической коммиссіи К. Г. Евлентьевымъ, диллетантомъ-любителемъ древностей, который, руководствуясь только своею любовью къ дѣлу, отыскивалъ всякія древнія вещи и сносилъ ихъ въ музей. Наиболѣе интересны въ музеѣ бронзовыя вещи, недавно и случайно найденныя крестьянами въ полѣ: спиральныя

проволоки, малаго и большаго діаметра бляхи, головныя украшенія, ручныя кольца и запястья. Подобные экземпляры были находимы въ курляндской и минской губерніяхъ; къ сожалѣнію, не извѣстно ни порядка, въ какомъ были найдены украшенія, ни другихъ условій, которыя весьма важны при археологическихъ находкахъ.

Несмотря однако на свое довольно вялое существованіе, археологическое общество устроило два историческихъ празднества; одно, въ воспоминаніе осады Пскова Стефаномъ Баторіемъ, когда исполнилось 300 лѣтъ со дня самой сильной и рѣшительной битвы подъ стѣнами Пскова. Празднество это, бывшее 8-го сентября 1881 года, носило на себѣ преимущественно церковный характеръ. Съ крестнымъ ходомъ вышелъ преосвященный изъ собора къ пролому, гдѣ была совершена литія по павшимъ защитникамъ Пскова; въ крестномъ ходѣ участвовали и войска, и учебныя заведенія, и различныя общества—словомъ, цѣлый Псковъ въ лицѣ разныхъ своихъ представителей. Рѣчь, сказанная преосвященнымъ Павломъ по этому поводу, была прекраснымъ историческимъ изслѣдованіемъ о воспоминаемомъ событіи. Вечеромъ въ этотъ день происходило торжественное засѣданіе археологическаго общества, гдѣ были сказаны рѣчи, имѣвшія тэмою тоже самое событіе; въ воспоминаніе этого дня псковское археологическое общество издало, кромѣ нѣсколькихъ популярныхъ брошюръ, капитальный трудъ: „Дневникъ послѣдняго похода Стефана Баторія на Россію“, переводъ съ польскаго О. Н. Милевскаго.

Другимъ историческимъ воспоминаніемъ, которое праздновалось археологическимъ обществомъ, — былъ день успенія св. благовѣрной княгини Ольги (11 іюля), 1882 г., въ память тысячелѣтія ея рожденія. Воспоминаніе имѣло исключительно церковный характеръ и заключалось также въ торжественномъ крестномъ ходѣ изъ Пскова (куда были снесены всѣ историческія иконы) на мѣсто родины св. Ольги. Въ память этого событія археологическимъ обществомъ были изданы популярные разсказы о житіи св. Ольги, которые въ большомъ количествѣ экземпляровъ были розданы народу; псковская городская дума почтила этотъ день учрежденіемъ женскаго училища имени св. Ольги.

Для археологическаго общества Псковъ представляетъ крайне-любопытную мѣстность, но силъ въ обществѣ слишкомъ мало для достиженія предлежащихъ ему цѣлей.

Пожарное общество въ Псковѣ, это—гордость и особенность города. Пожарныя общества распространялись изъ остзейскихъ губерній и въ настоящее время существуютъ чуть ли не во всѣхъ городахъ губерніи; это очень хорошая и полезная затѣя, незнакомая другимъ русскимъ городамъ. Общество приходитъ на защиту города, имѣетъ трубы и инструменты и за 13 лѣтъ своего существованія постоянно и блистательно доказывало пользу, которую оно приноситъ; рѣдкій пожаръ во Псковѣ не прекращается, благодаря обществу; поджоги стали невыгодными, и пожарная статистика явно доказываетъ уменьшеніе пожаровъ и пожарныхъ убытковъ. Пожаръ во Псковѣ, вслѣдствіе существованія пожарнаго общества, поднимаетъ весь городъ на ноги; набатъ въ церквахъ оповѣщаетъ о пожарѣ; по всѣмъ улицамъ сторожа-свистуны свистятъ и будятъ населеніе, если пожаръ происходитъ ночью; состоящіе членами общества сбираются на пожаръ въ особой формѣ и подчиняются командѣ выбранныхъ ими начальниковъ; общество состоитъ изъ совѣта, который завѣдуетъ вообще дѣлами общества, начальника охотниковъ, старшаго и младшаго брандмейстера, цейхмейстера, охранителей имущества, лазильщиковъ и качальщиковъ. Средства общества составляются изъ пожертвованій и взносовъ членовъ-жертвователей.

Не упоминая о другихъ обществахъ, изъ которыхъ наибольшей симпатіей публики пользуется музыкально-драматическое, развлекающее раза 3 въ мѣсяцъ псковскую публику спектаклями, слѣдуетъ упомянуть объ александро-невскомъ братствѣ, цѣль котораго вспомоществованіе нуждающимся ученикамъ. Дѣятельность этого общества весьма плодотворна, такъ какъ во Псковѣ 7 среднихъ учебныхъ заведеній *) съ значительнымъ числомъ учащихся, болѣе 1600, что весьма много для города съ 20 т. населеніемъ.

Старѣйшее изъ псковскихъ учебныхъ заведеній духовная семинарія; первоначально она

*) По свѣдѣніямъ за 1883 г. мужская гимназія—338 уч., женская гимназія—325; реальное училище—174; учительская семинарія — 75; духовная семинарія — 210; кадетскій корпусъ—436; землемѣрное училище—69.

носила названіе славяно-русской школы и образовалась изъ цифирной петровской школы; въ половинѣ прошлаго столѣтія она стала называться семинаріей; исторія сохранила весьма курьезную, но очень характеристичную жалобу одного дьячка того времени, когда въ школу набирались мальчики:

Всѣ мои знакомцы и вся моя родня, соберитеся сюда,
Посмотрите, какая на меня пришла бѣда,
Дѣтей моихъ отъ меня отнимаютъ,
И въ проклятую семинарію на муку отбираютъ.
О, мои дѣтушки сердечныя,
Не на ученье васъ берутъ, а на мученье безконечное
Лучше бы вамъ не родиться на свѣтъ, а хотя родиться,
То въ водѣ бы утопиться.
О мои милыя дѣтушки!
И бѣлыя лебедушки!
Лучше бы васъ своими руками въ землю закопалъ,
Нежели въ семинарію на муку отдалъ!
Прощайте, мои дѣтушки, ужь мнѣ васъ не видать
И съ вами никогда не живать.

Какъ это ни смѣшно читать теперь, но дѣйствительно семинарія была пугаломъ. Въ 1744 году, напримѣръ, изъ 250 учениковъ въ бѣгахъ числилось 60! Теперь семинарія, съ оттѣнкомъ, присущимъ кажется всѣмъ семинаріямъ, смотритъ болѣе или менѣе чисто, опрятно, имѣетъ болѣе 200 учениковъ и имѣла бы еще больше, если бы позволяли средства.

Первые шаги мужской гимназіи во Псковѣ были также весьма трудны, учащихся было мало, учебныхъ пособій и учителей также; гимназія была открыта въ 1808 году, вмѣсто главнаго народнаго училища, но въ 1827 году, Императоръ Николай, посѣтивъ псковскую гимназію, повелѣлъ закрыть ее, вслѣдствіе малаго числа учащихся; она была открыта вновь въ 1833 году и справляла свой юбилей въ 1883 году при 338 учащихся.

Къ старымъ учебнымъ заведеніямъ можетъ быть отнесена также женская гимназія, основанная на пожертвованія разныхъ лицъ въ 1859 году; въ настоящее время она существуетъ при пособіи земства, имѣетъ одинъ педагогическій классъ и даетъ земству учительницъ для народныхъ школъ; для приготовленія учителей во Псковѣ въ 1875 году, при пособіи земства, учреждена учительская семинарія; прекрасныя удобныя постройки, красивый садъ, гдѣ воспитанники занимаются садоводствомъ, производятъ впечатлѣніе скорѣе виллы въ рукахъ хозяина со вкусомъ, чѣмъ учебнаго заведенія. Псковское земство обезпечило себя, благодаря этимъ учебнымъ заведеніямъ, хорошими учителями и учительницами. Самое большое зданіе въ городѣ принадлежитъ кадетскому корпусу; построенное въ три этажа большимъ покоемъ, оно похоже скорѣе на фабрику или на присутственныя мѣста. Сходство это не случайно: въ прошедшемъ столѣтіи зданіе кадетскаго корпуса предназначалось для прядильной фабрики, а въ началѣ настоящаго столѣтія здѣсь помѣщались присутственныя мѣста, потомъ здѣсь было военно-сиротское отдѣленіе, затѣмъ начальная военная школа, потомъ военная прогимназія и, наконецъ, съ 1876 г. гимназія, переименованная недавно въ кадетскій корпусъ.

Кромѣ этихъ среднихъ учебныхъ заведеній во Псковѣ находится Сергіевское реальное училище и землемѣрное училище.

Благодаря этому обилію учебныхъ заведеній, утро Пскова — самое оживленное время: движеніе учащихся по всѣмъ улицамъ, дѣтскія лица, быстрая походка, говоръ и шумъ. Веселая и несравненная картина! Немного позднѣе въ базарный день двигаются кухарки, хозяйки, средняго достатка люди на рынокъ; корзины для провизіи черезъ руку, особенная озабоченность въ лицахъ, толки и разговоры съ торговцами,—картина также оживленная, довольно пестрая и не скучная; за ними еще позже тянутся въ присутственныя мѣста чиновники. Къ полдню улицы Пскова пустѣютъ; учащіеся расходятся въ разное время; послѣ обѣда настаетъ гулянье на излюбленной Великолуцкой улицѣ, и непремѣнно по одной сторонѣ; разновидная толпа, въ общемъ сѣренькаго колорита, группами толчется взадъ и впередъ, причемъ всѣ передаютъ другъ другу впечатлѣнія и новости однообразнаго провинціальнаго дня. Вечеръ оканчивается скоро: псковичи рано ложатся спать, встаютъ рано, и любятъ пообѣдать пораньше.

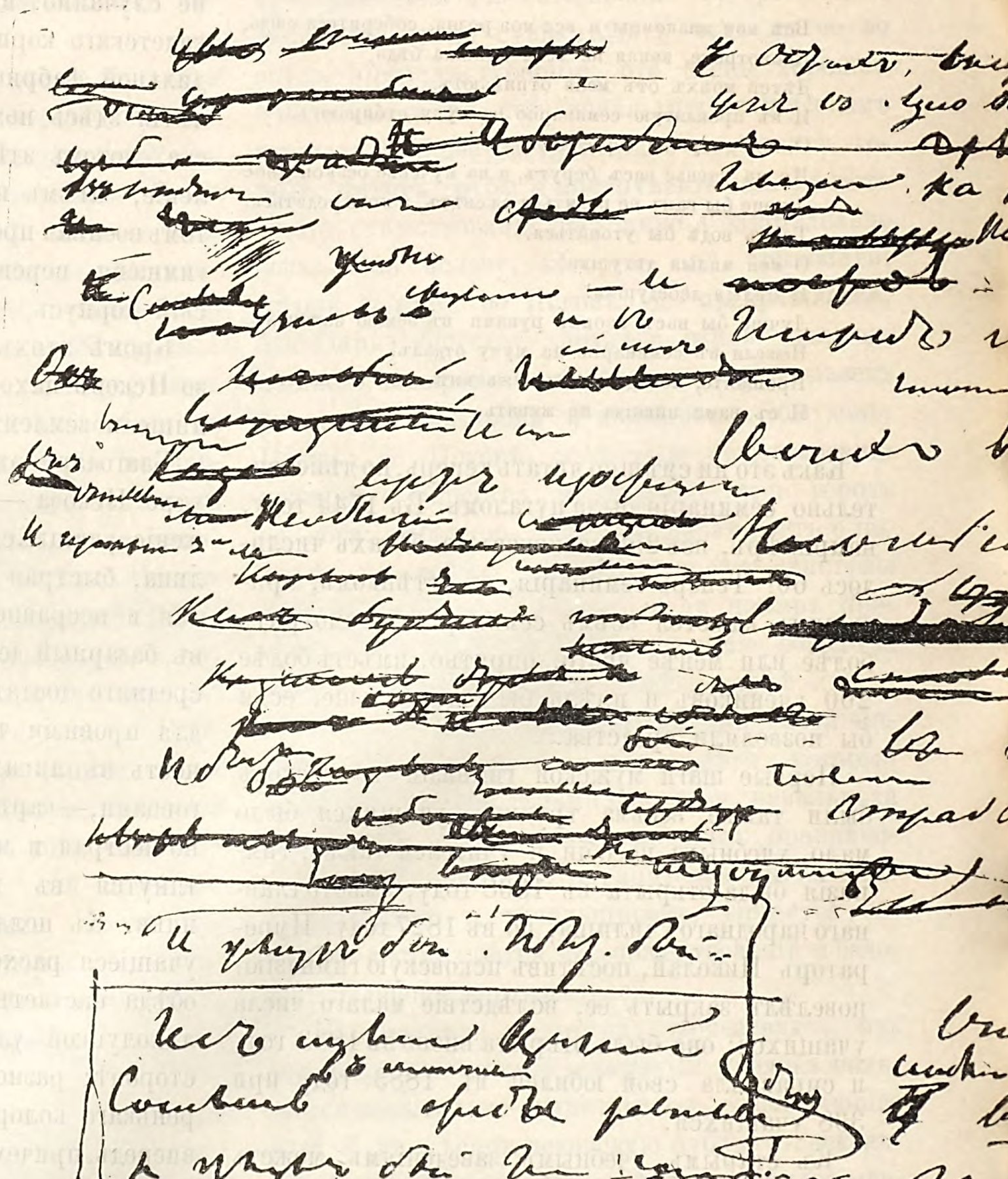
Важнымъ оживленіемъ однообразнаго теченія жизни служатъ въ Псковѣ крестные ходы. Вмѣстѣ съ ходомъ всегда движется множество народа, который наполняетъ псковскія улицы; крестный ходъ не имѣетъ ничего стройнаго и параднаго, какъ это бываетъ въ Петербургѣ; самъ народъ несетъ иконы, которыя колышатся на носилкахъ надъ толпой. Груп-

пы народа подходятъ подъ носилки, нагибая голову; иногда толпа растягивается на далекое разстояніе и издалека представляетъ пеструю красивую картину. Цѣльность впечатлѣнія, получаемаго отъ картины крестнаго хода, зависитъ отъ того, что въ этой церемоніи всѣ участвуютъ, всѣ исполняютъ свое желаніе безъ принужденія; толпа **держитъ** себя во время хода всегда серьезно и торжественно, деревни встрѣчаютъ иконы также серьезно и благочестиво, хотя потомъ тѣ деревни, черезъ которыя прошли иконы, **считаютъ** себя „праздничными“ и проводятъ въ большинствѣ случаевъ время „празднично“. По приходѣ въ Псковъ, а также въ мѣстахъ остановокъ, иконы приглашаются разными лицами для совершенія богослуженій; это дѣлается обыкновенно въ торопяхъ, такъ какъ приглашеній бываетъ много, и надо вездѣ поспѣть; икону несутъ быстро, сзади спѣшитъ усталый священникъ-монахъ, въ клобукѣ, въ тепломъ платьѣ, поверхъ котораго надѣто облаченіе, всегда короткое и почти всегда потрепанное. Городъ обыкновенно отпускаетъ извѣстную сумму на богоносцевъ и наемъ квартиръ.

Рѣдкій уѣздъ имѣетъ такъ много крестныхъ ходовъ, какъ псковскій; всѣхъ ходовъ, приходящихъ въ городъ и совершаемыхъ въ уѣздѣ, 32 въ годъ; всѣ ходы, вмѣстѣ взятые, проходятъ около 2,400 верстъ, употребляя на это 250 дней и обходя до 960 селеній; молебны, свѣчи, различныя приношенія стоютъ населенію, по самому скромному расчету, до 33 т. рублей, не считая потери рабочаго времени.

Не перечисляя всѣхъ ходовъ, слѣдуетъ упомянуть объ осеннемъ крестномъ ходѣ, который проходитъ Псковъ и Островъ, совершая 544 версты; онъ идетъ изъ печерскаго и елеазаровскаго монастырей. Наиболѣе чтимый народомъ весенній крестный ходъ, установленный въ 1601 году въ память освобожденія Пскова отъ

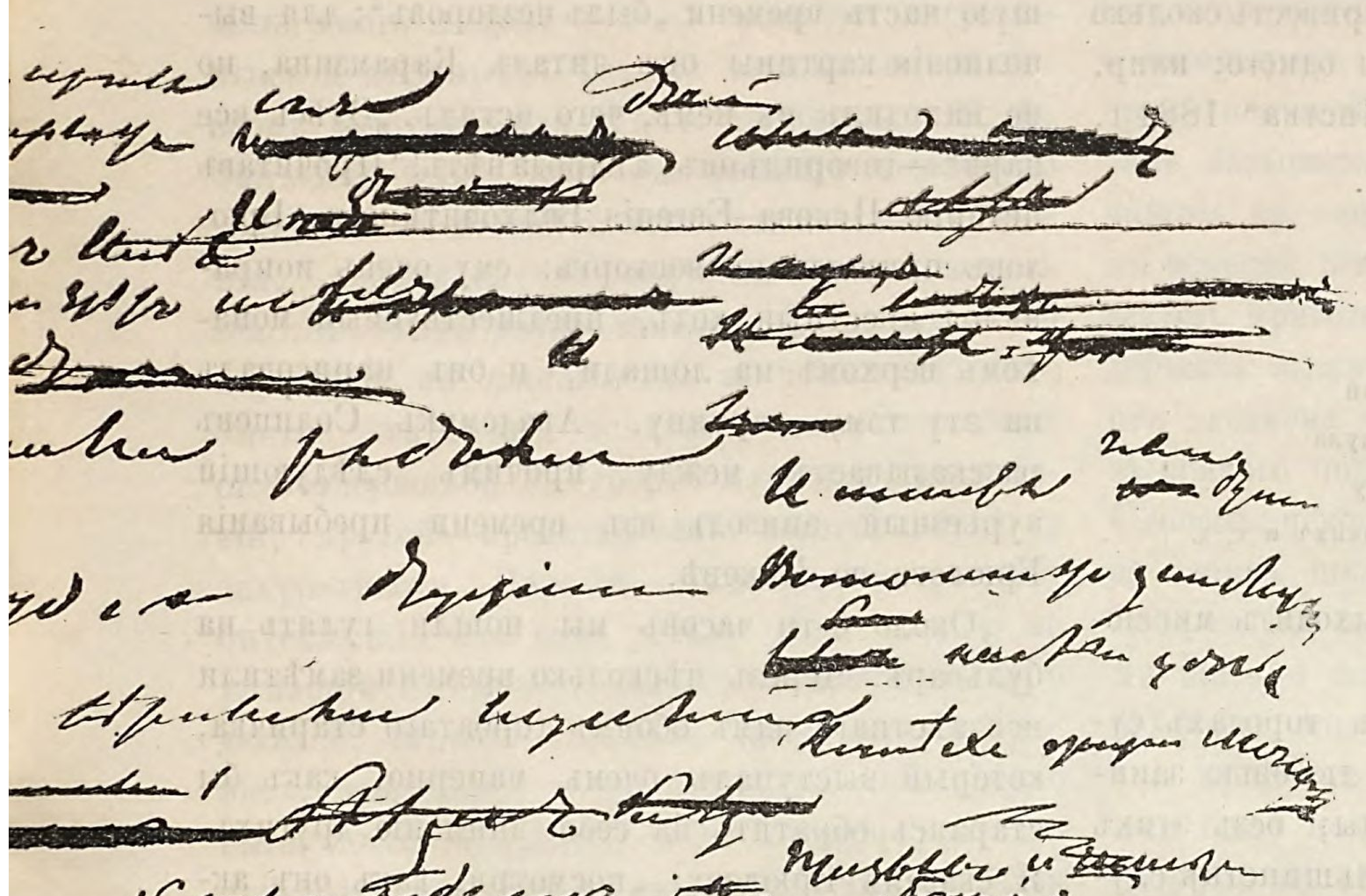
ЧЕРНОВЫЯ ТЕ

Страница изъ

осады Стефана Баторія; онъ выходитъ изъ печерскаго монастыря въ пятницу утромъ на 7 недѣлѣ по пасхѣ и идетъ во Псковъ; шествіе его продолжается 8 дней, во время которыхъ

АДИ ПУШКИНА.

эмы „Полтава“.

онъ проходитъ 150 верстъ. Къ крестному ходу въ печерскій монастырь стекается масса народа не только изъ псковской губерніи, но и новгородской, тверской, смоленской, с.-петербургской и даже олонецкой. До 3000 человѣкъ сопровождаютъ крестный ходъ до Пскова съ 500 подводами.

Наиболѣе красивую картину представляетъ крестный ходъ на лодкахъ, совершаемый въ Талабскѣ изъ Елеазаровскаго монастыря 20 іюня; множество лодей, перевозящихъ до 1000 чел. народа, движется въ одномъ направленіи къ острову, гдѣ тысячи народа встрѣчаютъ икону; эта масса умѣетъ соблюдать порядокъ и обходится почти безъ участія полиціи; такъ какъ нельзя считать нѣсколькихъ урядниковъ за полицейскій надзоръ, который бы могъ имѣть значеніе при такой массѣ народа. Но за то послѣ крестнаго хода, когда толпа расходится, начинается праздество, сопряженное съ пьянствомъ въ значительныхъ размѣрахъ.

Какъ всякій губернскій городъ, такъ и Псковъ, имѣетъ губернскую типографію, издающую обязательно губернскія вѣдомости.

Кромѣ оффиціальнаго изданія, въ Псковѣ издаются два періодическихъ органа печати: „Вѣстникъ Псковскаго Губернскаго Земства“, еженедѣльно, и „Псковскій Городской Листокъ“, два раза въ недѣлю. Первое изданіе посвящено спеціально земскимъ вопросамъ, содержится земствомъ, которое расходуетъ на свой органъ 4000 рублей ежегодно; оно имѣетъ и передовую статью, иногда совсѣмъ хорошую, иногда просто безграмотную, и, для полноты, политическое обозрѣніе, всегда коротенькій разсказъ о томъ, что написано въ петербургскихъ газе-

тахъ; хронику—посвященную мѣстной жизни, и не рѣдко мѣстнымъ сплетнямъ; фельетонъ иногда бойкій, иногда просто перепечатку откуда нибудь; смѣсь и стихи; но смѣсь и стихи бываютъ просто ужасны; образцы ихъ можно найти въ „почтовыхъ ящикахъ"; Тредьяковскій—геній сравнительно съ псковскими поэтами; примѣровъ можно бы было привесть сколько угодно, но достаточно будетъ и одного; напр. см. № 48 „Псков. Городскаго Листка" 1884 г.

На святогорской ярмаркѣ
Гдѣ ты, Васильевна, была,
Али на ярманкѣ чай?
«Да, мать моя, накупила
Разныхъ обновъ—невзначай
Въ лавку къ купцу завернула
И вотъ, какъ видишь, несу
Цѣлый тюкъ разностей всякихъ и т. д.

Кромѣ газетъ, во Псковѣ выходитъ миссіонерскій журналъ „Истина".

Во многихъ провинціальныхъ городахъ существуютъ люди, которые съ любовью занимаются изученіемъ своей родины; безъ этихъ людей, имена которыхъ въ большинствѣ случаевъ остаются неизвѣстными, исторія, статистика, географія и этнографія нашихъ провинцій остались бы мало извѣстны; такимъ дѣятелемъ для Пскова былъ И. И. Васильевъ. Почти все, что сдѣлано для мѣстнаго изученія Пскова и его губерніи—сдѣлано имъ; онъ работалъ, какъ бывшій секретарь статистическаго комитета, впослѣдствіи какъ частный человѣкъ, и оставилъ Пскову много историческихъ и статистическихъ изслѣдованій. Изученіе края вообще возложено на обязанность статистическихъ комитетовъ; по преимуществу, если не исключительно, на его секретаря; отъ личности послѣдняго зависитъ успѣхъ и достоинство работъ по изученію края.

Мѣстной литературы въ Псковѣ нѣтъ, кромѣ указанныхъ періодическихъ изданій; были нѣкоторыя попытки неизвѣстныхъ авторовъ на литературномъ поприщѣ, но оставались малозамѣченными, и кромѣ безталанности и малограмотности ничего изъ себя не представляли.

Псковская вѣчевая исторія дала тэму для извѣстной поэмы Мея „Псковитянка", впослѣдствіи передѣланной въ оперу. Осада Пскова Стефаномъ Баторіемъ дала тэму для картины извѣстнаго художника Брюлова; картина эта осталась однако неоконченной. Брюловъ для этой цѣли посѣтилъ Псковъ лѣтомъ въ 1836 году. Объ этомъ посѣщеніи разсказываетъ академикъ Ѳ. Г. Солнцевъ въ „Русской Старинѣ". Брюловъ почти ничего не дѣлалъ въ Псковѣ, и большую часть времени „былъ нездоровъ"; для выполненія картины онъ читалъ Карамзина, но не находилъ въ немъ, чего искалъ. „Здѣсь все цари"—говорилъ онъ „а народа нѣтъ!" Прочитавъ исторію Пскова Евгенія Болховитинова, Брюловъ пришелъ въ восторгъ: ему очень понравился крестный ходъ, предшествуемый монахомъ верхомъ на лошади, и онъ нарисовалъ на эту тэму картину. Академикъ Солнцевъ разсказываетъ между прочимъ слѣдующій курьезный эпизодъ изъ времени пребыванія Брюлова во Псковѣ.

„Около 6-ти часовъ мы пошли гулять на бульваръ. Черезъ нѣсколько времени замѣтили неизвѣстнаго намъ обоимъ горбатаго старичка, который выступалъ очень манерно, какъ бы стараясь обратить на себя вниманіе другихъ. Я сказалъ Брюлову: „посмотри, какъ онъ актеритъ".

Брюловъ, не задумываясь, отвѣчалъ:

— Это должно быть здѣшній губернаторъ.

— Не можетъ быть—усумнился я.

— Хочешь пари на бутылку пива? предложилъ Брюловъ.

— Согласенъ.

Замѣтивъ насъ, старичекъ подошелъ къ намъ и вѣжливо спросилъ, кто мы такіе? Я отвѣтилъ, что такой-то, а товарищъ мой—К. П. Брюловъ, знаменитый живописецъ.

— Васъ то мнѣ и надо, сказалъ старичекъ: я здѣшній губернаторъ Пещуровъ.

Затѣмъ Брюловъ и Солнцевъ были приглашены на завтракъ.

Въ то время, когда Пушкинъ находился въ своемъ имѣніи Тригорскомъ, онъ иногда пріѣзжалъ во Псковъ, и останавливался на углу Великолуцкой улицы, гдѣ нынѣ магазинъ братьевъ Лоховыхъ; здѣсь было въ то время что-то въ родѣ гостинницы, но не въ каменномъ (какъ теперь), а въ деревянномъ домѣ, и нѣкоторые псковскіе старожилы нерѣдко встрѣчались здѣсь съ Пушкинымъ.

Псковское земство считается однимъ изъ передовыхъ земствъ, и репутацію эту оно составило себѣ не случайно. Земская дѣятельность вообще сложилась подъ вліяніемъ не сложныхъ условій: попались люди, способные работать въ земствѣ и земская дѣятельность получала благотворное направленіе; для этого не нужно было много людей, а 2—3 человѣка энергичныхъ и дѣльныхъ. Такими людьми въ псковскомъ земствѣ были Н. А. Вагановъ и Н. Ф. Фонъ-деръ-Флитъ. Обѣ эти фамиліи достаточно извѣстны не въ одной только псковской губерніи. Удачный случай совмѣстилъ въ псковскомъ земствѣ этихъ двухъ земцевъ, различныхъ по характеру, но одинаковыхъ по цѣлямъ. Одинъ, быстро хватающій всякую мысль, строющій съ неудержимой быстротой планы и предпріятія; другой—представитель постепенности и аккуратности. Первый—человѣкъ инициативы, опускающій изъ вида детали дѣла и даже не умѣющій съ ними справиться; второй—мастеръ деталей, мастеръ отдѣлать набросанный проэктъ, примѣнить и провести его. Оба однако были люди не земли, и зная хорошо крестьянскій бытъ, все таки въ народныхъ дѣлахъ были больше теоретиками. Но и въ этомъ отношеніи псковскому земству посчастливилось; къ нимъ присоединился крестьянинъ Д. И. Ивановъ, который въ сущности и сталъ активнымъ исполнителемъ, свѣдущимъ совѣтникомъ, а въ настоящее время руководителемъ псковскаго земства—предсѣдателемъ управы. Популярность этихъ людей въ уѣздѣ очень значительна, имя Фонъ-деръ-Флита пользуется большою извѣстностью въ уѣздѣ, еще больше извѣстно имя Ваганова, тѣмъ болѣе, что онъ былъ посредникомъ; наконецъ рѣдкій мужикъ въ уѣздѣ не знаетъ Дмитрія Ивановича, предсѣдателя управы.

Съ самаго начала своей дѣятельности псковское земство обращало весьма серьезное вниманіе на народную школу, и теперь ежегодно на земскихъ собраніяхъ школьный вопросъ составляетъ одинъ изъ животрепещущихъ вопросовъ. Школы псковскаго уѣзда въ самомъ дѣлѣ представляютъ весьма отрадный видъ: всѣ онѣ снабжены хорошими учебными пособіями, почти всѣ имѣютъ прекрасныхъ учителей и учительницъ, въ большинствѣ случаевъ хорошія помѣщенія: школа въ псковскомъ уѣздѣ сдѣлалась уже необходимостью для населенія, она сжилась съ населеніемъ—и слѣдовательно первый самый трудный шагъ въ школьномъ дѣлѣ сдѣланъ. Ежегодно при управѣ собираются учителя всѣхъ школъ для обсужденія школьныхъ нуждъ, ежегодно экзамены во всѣхъ школахъ производятся особо-назначенными экзаменаторами; понемногу въ школахъ вводится пѣніе, огородничество; на очереди стоитъ вопросъ о школьныхъ библіотечкахъ. Распространеніе грамотности производится кромѣ того путемъ такъ называемыхъ школокъ, которыя заключаются въ томъ, что каждый окончившій курсъ въ земской школѣ можетъ учить дѣтей у себя; затѣмъ приготовленныя такимъ образомъ дѣти держатъ экзаменъ въ школахъ; при успѣшности экзамена учитель такой школки получаетъ за всякаго подготовленнаго не менѣе 5 рублей. Словомъ, псковское земство постоянно слѣдитъ за своимъ школьнымъ дѣломъ, постоянно вноситъ жизнь и развитіе въ это дѣло и большими шагами подвигается впередъ. Школки, заведенныя еще недавно въ псковскомъ уѣздѣ, уже принесли результаты; въ прошломъ году ими было подготовлено болѣе 200 человѣкъ, которые на испытаніи въ школахъ показали хорошіе успѣхи. Труднѣе всего было поставить школу въ мѣстахъ поселенія латышей; но и здѣсь наконецъ установилась русская земская школа съ неожиданными результатами, такъ напр. Паниковская школа, гдѣ учащіеся большею частью чухны и латыши, дала учащимся не только знаніе и пониманіе русскаго языка, но и болѣе чѣмъ удовлетворительную подготовку въ предѣлахъ школьной программы.

Въ псковскомъ уѣздѣ до 60 школъ, съ учащимися до 3000 человѣкъ; это пожалуй немного, при населеніи псковскаго уѣзда до 200 т.,—но рѣдкій уѣздъ въ Россіи имѣетъ столько школъ и такъ хорошо сравнительно обставленныхъ. Расходы псковскаго уѣзднаго земства на школу, по смѣтѣ на 1885 годъ, составляютъ около 41 т. рублей, или около 25% всей смѣты.

Значительный расходъ псковское земство несетъ также на медицину; онъ составляетъ до 20% ко всей смѣтѣ, или $31^1/_2$ т. рублей. Народное здравіе, какъ и вездѣ, далеко еще недостаточно обезпечено; организація медицинской помощи еще требуетъ очень многаго. Смертность въ псковскомъ уѣздѣ достигаетъ до

3,6%: процентъ самъ по себѣ громадный, но не изъ самыхъ большихъ, такъ какъ въ Россіи по нѣкоторымъ уѣздамъ смертность поднимается еще выше; около $^1/_3$ умирающихъ приходится на возрастъ до 1 года, и это явленіе также не составляетъ чего-либо особеннаго, такъ какъ дѣтская смертность въ Россіи вообще достигаетъ колоссальныхъ размѣровъ.

Недостатокъ воды въ деревняхъ и ея недоброкачественность одно изъ важныхъ условій развитія разныхъ болѣзней; напр. въ 1876 году чесотка приняла эпидемическій характеръ, вслѣдствіе засухи, во время которой въ многихъ деревняхъ не было воды; есть волости (напр. Мелеховская и Прудская) гдѣ постоянно свирѣпствуетъ тифъ, вслѣдствіе того, что онѣ „утопаютъ" въ болотахъ, какъ выразился одинъ изъ земскихъ врачей; вода, изслѣдованная въ колодцахъ этихъ волостей, оказалась похожей на кофейную бурду, съ гнилымъ аммiачно-сѣрнымъ запахомъ, отвратительною на вкусъ и съ массою инфузорій, видимыхъ невооруженнымъ глазомъ.

Мочка льна, производимая вопреки закона, въ рѣчкахъ и ручьяхъ, дѣлаетъ воду совершенно непригодною для питья, такъ называемыя мочила часто вырываются близко отъ колодцевъ и оттуда вода проникаетъ въ колодцы.

Вообще, среди антисанитарныхъ условій псковской деревни самое видное—это отвратительное устройство колодцевъ; при санитарномъ обозрѣніи одного изъ медицинскихъ участковъ въ 1877 году, когда появился сыпной тифъ, земскій врачъ нашелъ въ одной изъ деревень колодецъ, расположенный среди болотисто-грязнаго ручья, съ прилегающими къ нему съ двухъ сторонъ льняными мочилами; ручей этотъ воспринималъ всѣ дворовыя нечистоты и протекалъ у сруба колодца; въ той лужѣ, гдѣ находился колодезь, жители мыли грязное бѣлье.

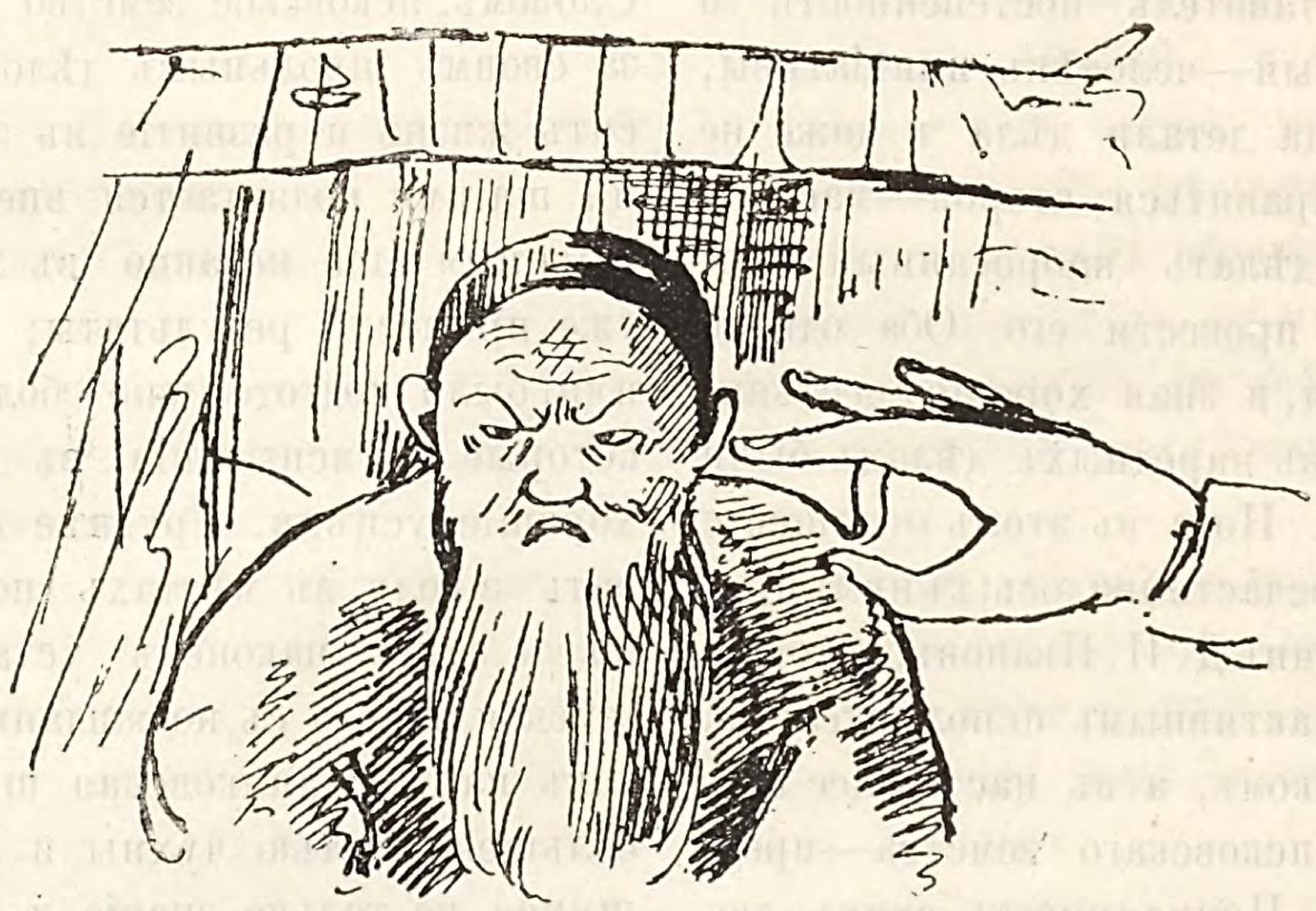
Изъ эпидемическихъ болѣзней чаще всего въ уѣздѣ повторялась оспа и уносила много жертвъ, но наконецъ оспа стала стихать, поддаваясь энергическому развитію оспопрививанія.

Почти постоянная, эпидемически повторяющаяся болѣзнь по осени, — кровавый поносъ; частью, эта болѣзнь зависитъ отъ порчи воды мочкой льна, частью стоитъ въ зависимость отъ условій продовольствія сельскаго населенія.

Число больныхъ, пользовавшихся у врачей амбулаторно и обращавшихся въ фельдшерскіе участки, достигало до 75 тысячъ человѣкъ.

Конечно 3 медицинскихъ участка на уѣздъ—помощь весьма слабая, и только при энергіи медицинскаго персонала можетъ быть приносима та сравнительная польза, которую получаетъ населеніе. — Земская жизнь выработала особый типъ земскаго медика; это человѣкъ особенный, непонятный для практика-англичанина или разсчетливаго нѣмца; онъ непремѣнно долженъ быть русскимъ человѣкомъ и если можно сказать „по преимуществу" русскимъ; личные интересы должны быть забыты при исполненіи докторскихъ обязанностей. Хорошій земскій докторъ не имѣетъ ни дня, ни ночи покоя, и въ результатѣ всѣхъ его подвиговъ кое-какое матеріальное обезпеченіе, добрая память въ населеніи—и только.

РИСУНКИ ПУШКИНА ВЪ ЕГО ЧЕРНОВЫХЪ ТЕТРАДЯХЪ.

Къ сказкѣ о купцѣ Остолопѣ и работникѣ Балдѣ.

Кому приходилось бывать въ пріемныхъ покояхъ врача и въ сельской школѣ, только тотъ могъ понять, какъ много надо труда и даже самоотверженія, чтобы удовлетворить требованіямъ, предъявляемымъ съ одной стороны народомъ, съ другой обществомъ. Народная школа и народная медицина все это еще такъ новы, требуютъ такъ много энергіи и труда, что люди, посвятившіе себя этому дѣлу, вложившіе въ негосвою любовь и пожертвовавшіе своимъ личнымъ благомъ общественному, удивляютъ своей стойкостью и настойчивостью. Псковъ недалеко отъ Петербурга; и тѣмъ людямъ, которые не вѣрятъ народной школѣ, не вѣрятъ новой струѣ, пробивающейся съ такимъ трудомъ въ жизни народа, можно посовѣтовать—пріѣхать въ школу, посѣтить больницы; пульсъ жизни здѣсь уже бьется иначе, незамѣтно созидаются прочные устои жизни, незамѣтно исчезаютъ суевѣрія и воспринимаются знанія, хотя въ маленькихъ дозахъ, но дѣйствующихъ благотворно на народный организмъ. Сельская школа—это не только учебная мастерская,—это центръ просвѣщенія; она учитъ не только ребятъ, но и все населеніе.

На экзамены сбираются родители учениковъ, односельцы; толпа окружаетъ столъ экзаменаторовъ, ее интересуетъ содержаніе отвѣта, потому что оно ново для толпы; читается ли молитва и объясняется ея смыслъ, читается ли какой-либо разсказъ, говорятся ли стихи—все это новый, малоизвѣстный міръ для толпы, и новыя мысли пробуждаетъ въ головѣ крестьянина.

Миссія земства—великая миссія; какъ бы ни было много недостатковъ въ его дѣятельности, но много и хорошаго оно посѣяло уже на народной почвѣ.

Труднѣе всего земству согласовать цѣли, которыя оно преслѣдуетъ, со средствами; на все требуются большія затраты, смѣту приходится увеличивать ежегодно; между тѣмъ платежныя средства народа увеличиваются медленно; сельское хозяйство идетъ рутинно, промышленная дѣятельность развивается съ трудомъ, а жизнь требуетъ большаго и большаго.

Псковское земство имѣетъ смѣту въ 165 тыс. рублей, но кромѣ земскихъ сборовъ на населеніи лежатъ казенные платежи, выкупные платежи, еще не заплаченные частью населеніемъ, долги разнаго рода и недоимки, переходящія изъ года въ годъ. Одна продовольственная недоимка на населеніи псковскаго уѣзда составляетъ около 240 тыс. рублей. Откуда такая громадная недоимка? Дѣло объясняется просто: неурожайный годъ при натянутомъ положеніи сельскаго хозяйства, повергаетъ населеніе въ такое положеніе, что является необходимость въ ссудѣ; неурожайный же годъ не рѣдкость для псковскаго населенія. Прибавьте къ этой недоимкѣ недоимку около 200 тыс. рублей по окладнымъ земскимъ сборамъ, и земское хозяйство Псковскаго уѣзда получаетъ такой безотрадный видъ, что, казалось бы, при такой задолжонности очень трудно выполнять тѣ расходы, которые несетъ земство. Но вопросъ разрѣшается просто: псковское земство живетъ въ кредитъ; въ теченіи года оно кредитуется почти на 70 тыс. рублей, и покрываетъ этотъ кредитъ сборами, но изъ долга выйти не можетъ. Кромѣ кредита, которымъ пользуется земство для выполненія своихъ смѣтныхъ расходовъ, населеніе кредитуется въ ссудосберегательныхъ товариществахъ. Ссудо-сберегательныя товарищества въ псковскомъ уѣздѣ получили весьма быстрое развитіе; въ настоящее время ихъ 9 въ уѣздѣ и балансъ ихъ къ 1-му сентября текущаго года равнялся 354,479 руб.; населеніе должно этимъ товариществамъ около 300 тыс. руб., но еслибы ликвидировать дѣла, то чистый долгъ составилъ бы 66,435 руб. Не будь этихъ кредитныхъ операцій, псковскій уѣздъ долженъ бы былъ отказаться отъ своей дѣятельности. Кромѣ этихъ формъ кредита, псковскимъ земствомъ устроено Общество Взаимнаго Кредита, въ которомъ большинство членовъ крестьяне. Главное стремленіе общества удешевить % кредита; онъ дошелъ теперь до $7\frac{1}{2}$ и едва-ли достигнетъ, при общемъ нашемъ финансовомъ положеніи, меньшаго размѣра. Псковъ и уѣздъ вообще богатъ кредитными учрежденіями; кромѣ общества Взаимнаго Кредита, во Псковѣ находится и коммерческій банкъ, и городской общественный банкъ, и наконецъ отдѣленіе Государственнаго Банка.

Кредитъ является весьма важнымъ двигателемъ промышленности въ псковскомъ уѣздѣ.

Главная промышленность уѣзда — льноводство; льноводствомъ занимается весь уѣздъ; имъ поддерживается жизнь уѣзда. Урожай хлѣба не такъ важенъ, какъ урожай льна; хорошо уродился ленъ, и платежи поступаютъ лучше и обильнѣе. Земли засѣваются все болѣе и бо-

лѣе и земледѣліе уѣзда даетъ въ псковскомъ уѣздѣ поразительные примѣры въ экономической жизни. Арендная цѣна на землю иногда выростаетъ до 100 слишкомъ рублей за десятину; отъ 50 до 70 руб. за десятину подъ ленъ —это далеко не рѣдкость. Земля эксплоатируется чрезмѣрно, и силы земли при маломъ количествѣ скота и, слѣдовательно, при маломъ удобреніи замѣтно истощаются. Искуственное удобреніе явилось въ псковскомъ уѣздѣ прямымъ послѣдствіемъ чрезмѣрнаго распространенія льняной промышленности въ ущербъ другимъ отраслямъ сельскаго хозяйства. Сперва Лифляндія начала снабжать уѣздъ искуственнымъ удобреніемъ, хотя и въ незначительныхъ размѣрахъ; въ настоящее-же время возникъ заводъ, приготовляющій такъ называемое костяное удобреніе.

Можетъ быть это простая случайность, что въ центрѣ льняной промышленности возникъ удобрительный заводъ, но въ этомъ совпаденіи есть какъ будто послѣдовательность; обиліе производимаго льна при самой элементарной системѣ сельскаго хозяйства, должно было вызвать искуственное пособіе землѣ, невозвратно затрачивающей впродолженіи долгаго времени свои силы. Начало здѣшняго льноводства теряется въ глубинѣ исторіи: во время торговли Пскова съ Ганзою ленъ былъ уже виднымъ предметомъ отпуска и въ продолженіи всего извѣстнаго періода торговли Пскова ленъ составлялъ основу всѣхъ оборотовъ. И въ самомъ дѣлѣ, псковскій уѣздъ, бѣдный урожаями зерновыхъ хлѣбовъ, существуетъ главнымъ образомъ льномъ.

Немаловажнымъ промысломъ является промыселъ снѣтковый; имъ исключительно живетъ небольшая часть населенія; другихъ промысловъ нѣтъ, если не считать небольшой доходъ, доставляемый производствомъ алебастра; алебастровыя ломки расположены подъ Изборскомъ и организація этого промысла находится еще въ первобытномъ состояніи. По отношенію къ промышленности псковскимъ земствомъ еще ничего не сдѣлано; но вопросы о подъемѣ хозяйства и промышленности возникаютъ уже на земскихъ собраніяхъ и оставлять эти вопросы открытыми скоро окажется невозможнымъ.

Почему же псковское земство, дѣятельность котораго положительно и успѣшно проявилась только по школьному устройству, считается передовымъ и однимъ изъ лучшихъ земствъ? Это зависѣло отъ того, во первыхъ, что псковское земство имѣло всегда въ своей средѣ талантливыхъ дѣятелей, и постоянно работало; во-вторыхъ, оно—всегда отзывалось на всѣ живые вопросы дня. Поднялся вопросъ о переводѣ натуральной хлѣбной повинности въ денежную—оно одно изъ первыхъ ввело у себя продовольственные капиталы, хотя быть можетъ это и было ошибочно; деревенскіе пожары навели на мысль объ обязательномъ страхованіи—оно завело обязательное страхованіе; крестьянскій кредитъ признавался полезнымъ, необходимымъ—оно пропагандировало открытіе ссудо-сберегательныхъ товариществъ; когда взаимный кредитъ дѣлался популярнымъ, оно основало общество взаимнаго кредита; когда для разсмотрѣнія различныхъ вопросовъ были признаны съѣзды необходимыми, оно сзывало съѣзды учителей и врачей. Теперь, когда школьныя библіотечки признаны нужными для практики въ грамотности, оно ихъ заводитъ; когда за сельско-хозяйственными выставками признавалось существенное значеніе—оно устраивало выставки; теперь оно думаетъ объ обязательномъ страхованіи скота, пропагандируетъ искусственное удобреніе... Словомъ, отличительной чертой псковскаго земства является готовность выразить дѣятельность во всѣхъ тѣхъ формахъ, которыя вырабатываетъ современная мысль. Конечно, при такой отзывчивости приходится впадать въ большія ошибки; но это свойство молодого, увлекающагося и дѣятельнаго организма, а русскому земству еще далеко до старости и путь ошибокъ его еще длиненъ.

V.

Пушкинъ и Языковъ въ Псковской губерніи.—Михайловское и Тригорское въ письмахъ и воспоминаніяхъ Пушкина.—Значеніе Псковскаго уединенія въ поэтической дѣятельности Пушкина.

Псковская губернія можетъ гордиться тѣмъ, что, въ одномъ изъ скромныхъ уголковъ ея, величайшій изъ нашихъ поэтовъ, А. Пушкинъ, провелъ лучшіе годы своей молодости и создалъ лучшія изъ своихъ произведеній.

Здѣсь, въ небольшомъ сельцѣ Михайловскомъ (Опочецкаго уѣзда), онъ впервые успѣлъ очнуться отъ чада юношескихъ грезъ и увлеченій и могъ сказать съ полнымъ сознаніемъ:

> Въ уединеніи мой своенравный геній
> Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышленій...

Здѣсь-же, разбитый жизнью, разочарованный въ лучшихъ своихъ упованіяхъ, онъ еще при жизни назначилъ себѣ и мѣсто вѣчнаго успокоенія: — какъ бы осуществляя въ жизни ту мысль, которую такъ прекрасно выразилъ въ своей поэзіи:

> И хоть безчувственному тѣлу
> Равно повсюду истлѣвать,
> Но ближе къ милому предѣлу
> Мнѣ все-бъ хотѣлось почивать...

И онъ почилъ близёхонько отъ того „милаго предѣла“, къ которому до самой смерти его привязывали воспоминанія о лучшей порѣ его жизни, проведенной въ Михайловскомъ.

Михайловское было родовымъ имѣніемъ матери поэта, Надежды Осиповны, урожденной Ганнибалъ, внучки знаменитаго Арапа Петра Великаго. Здѣсь жилъ и умеръ дѣдъ Пушкина, Осипъ Абрамовичъ Ганнибалъ—извѣстный по своему крутому нраву и дикимъ, романическимъ приключеніямъ. Отъ живой жены, поддѣлавъ фальшивое свидѣтельство о смерти ея, Осипъ Абрамовичъ женился на другой женѣ. По счастью, законная жена его, Марья Алексѣевна (урожденная Пушкина) нашла себѣ защитника въ своемъ деверѣ, Иванѣ Абрамовичѣ Ганнибалѣ. Его вліяніемъ и хлопотами расторгнутъ былъ незаконный бракъ, отдана ей малолѣтняя дочь, Надежда Осиповна (мать поэта) и предоставлено во владѣніе одно изъ родовыхъ селъ мужа. Несчастная женщина пережила своего мужа на одиннадцать лѣтъ и умерла въ томъ же Михайловскомъ. Смерть соединила враждовавшихъ при жизни супруговъ на родовомъ кладбищѣ Святогорскаго Успенскаго монастыря (въ двухъ верстахъ отъ с. Михайловскаго), гдѣ впослѣдствіи похороненъ былъ и знаменитый внукъ ихъ, А. С. Пушкинъ.

Пушкинъ неоднократно посѣщалъ Михайловское въ ранней юности и любилъ бывать въ этой усадьбѣ, гдѣ родители его (послѣ продажи подмосковной) проводили обыкновенно лѣто; но ему, конечно, во время этихъ пріѣздовъ и въ голову не приходило, что въ будущемъ его любимое сельцо обратится для него, по волѣ неисповѣдимыхъ судебъ, въ мѣсто ссылки, а эта ссылка будетъ одною изъ плодотворнѣйшихъ эпохъ его поэтической дѣятельности... Вотъ какъ это случилось.

Пушкинъ, высланный изъ Петербурга на югъ Россіи, въ 1824 году находился въ Одессѣ, и числился на службѣ въ канцеляріи генералъ-губернатора графа Воронцова. Недовольный окружавшей его канцелярщиной, недовольный и тою холодностью, съ которой относился къ нему графъ Воронцовъ, Пушкинъ отплатилъ ему за это нѣсколькими очень рѣзкими эпиграммами, которыя обязательно были доставлены графу. Графъ не остался въ долгу у поэта и въ мартѣ 1824 года обратился къ графу Нессельроде, прося его доложить государю о необходимости перевести изъ Одессы Пушкина, которому восторженные поклонники внушаютъ высокое мнѣніе о его талантѣ, тогда какъ „онъ, въ сущности, только слабый подражатель не совсѣмъ почтеннаго образца —лорда Байрона“. Поэтому, графъ и находилъ, что Пушкинъ въ другой какой нибудь губерніи могъ бы скорѣе найти для себя „менѣе опасное общество и болѣе времени для усовершенствованія своего возникающаго таланта“.

Какъ на бѣду, этотъ несовсѣмъ лестный для Пушкина отзывъ графа Воронцова пришелъ

въ Петербургъ какъ разъ въ то время, когда одно изъ его писемъ, полное рѣзкихъ отзывовъ и сужденій, обратило на себя вниманіе московской полиціи и возбудило въ московскомъ обществѣ много противорѣчивыхъ толковъ. Въ высшихъ сферахъ, о Пушкинѣ вдругъ созрѣло мнѣніе, какъ о человѣкѣ неисправимомъ: его разомъ рѣшили уволить въ отставку, выслать немедленно изъ Одессы въ имѣніе его родныхъ въ псковскую губернію, и тамъ „подчинить надзору мѣстныхъ властей".

И вотъ, 30 іюля 1824 г. Пушкинъ уже выѣхалъ изъ Одессы на сѣверъ, обязавшись начальству подпискою—слѣдовать до мѣста назначенія черезъ Николаевъ, Елисаветградъ, Кременчугъ, Черниговъ и Витебскъ, нигдѣ не останавливаясь на пути. Самъ Воронцовъ оказалъ въ избраніи маршрута для Пушкина такую излишнюю заботливость, что даже собственноручно исключилъ изъ него Кіевъ.

Прощаясь съ югомъ Россіи, Пушкинъ написалъ свое превосходное лирическое стихотвореніе—„къ Морю", въ которомъ вспомнилъ и о другомъ пѣвцѣ, также воспѣвшемъ море—о Байронѣ. Біографъ Пушкина справедливо замѣчаетъ, что въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ прощается съ Байрономъ — переходитъ отъ подражанія великому англійскому поэту на почву чисто-народной, русской поэзіи.

Пріѣздъ Пушкина въ Михайловское (9 авг. 1824 г.) былъ совершенною неожиданностью для его родителей; и Пушкинъ не даромъ замѣчаетъ въ VIII гл. „Евгенія Онѣгина":

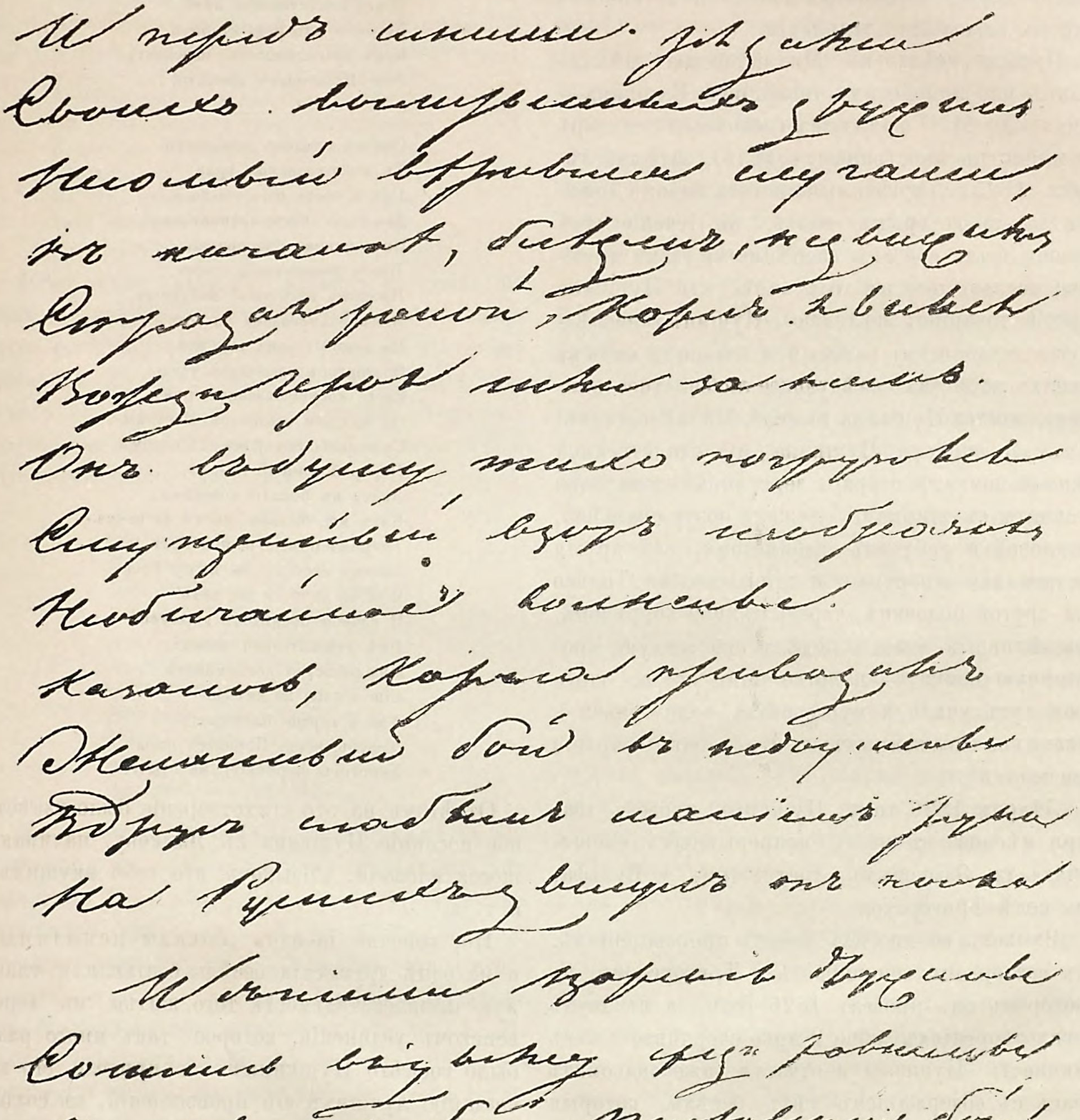
...И былъ печаленъ мой пріѣздъ
Въ далекій сѣверный уѣздъ...

Пріѣздъ былъ дѣйствительно печаленъ. Послѣ первыхъ изліяній радостной встрѣчи, родители узнали о той опалѣ, которой подвергся ихъ сынъ — о внезапной отставкѣ его, о мѣрахъ, принятыхъ для надзора за нимъ на мѣстѣ, о воспрещеніи ему куда-бы-то-ни было выѣзжать изъ назначеннаго ему мѣста жительства.

Не слѣдуетъ забывать, что, шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, положеніе, въ которомъ очутился Пушкинъ, было явленіемъ рѣдкимъ, единичнымъ, необычайнымъ; потому и не удивительно, что трусливому и недалекому отцу Пушкина и его легко-воспламенявшейся супругѣ сдѣлалось страшно за самихъ себя и за остальныхъ членовъ семьи своей, при мысли, что въ средѣ ихъ находится опальный человѣкъ, преслѣдуемый властями. Дурное мнѣніе начальства принято было родителями Пушкина за указаніе, какъ слѣдуетъ имъ самимъ думать о сынѣ: явленіе не рѣдкое въ семьяхъ того времени...

Къ этому общему настроенію семейства прибавились вскорѣ еще и слѣдующія весьма неблагопріятныя условія. Начальникъ края, маркизъ Паулуччи, поручилъ надзоръ за Пушкинымъ уѣздному опочецкому предводителю дворянства, г. Пещурову. Пещуровъ—изъ весьма понятной деликатности—пригласилъ Пушкина отца къ себѣ и предложилъ ему самому принять на себя надзоръ за поступками сына, обѣщая, въ случаѣ его согласія, воздержаться отъ назначенія всякихъ другихъ наблюдателей за опальнымъ поэтомъ. Легкомысленный и крайне боязливый Сергѣй Львовичъ не только не отклонилъ отъ себя это щекотливое порученіе, но даже понялъ его черезъ-чуръ ужь буквально, и приступилъ къ исполненію его слишкомъ добросовѣстно и неуклюже. Онъ вздумалъ дѣйствительно слѣдить за сыномъ, какъ за 15-ти лѣтнимъ мальчикомъ, сталъ распечатывать и прочитывать приходившія на имя его письма, воспрещалъ сестрѣ и брату всякія сношенія съ Александромъ Сергѣевичемъ—„avec ce monstre, ce fils dénaturé" — и сдѣлалъ все, что могъ, чтобы надоѣсть сыну и вывести его изъ всякихъ возможныхъ предѣловъ терпѣнія. Началась упорная, безпрерывная борьба отца съ сыномъ, перекоры, ссоры, упреки — и жизнь поэта въ Михайловскомъ стала совершенно невыносимою. Мало того: взбѣшенный энергическимъ противодѣйствіемъ сына, отецъ вздумалъ самъ на него жаловаться по начальству и взводить на него обвиненіе въ такихъ поступкахъ, которые никогда и въ голову не приходили поэту. Дѣла, вѣроятно, кончились бы очень плохо, если бы Пушкинъ, желая во чтобы то ни стало избавиться отъ отцовской опеки, не обратился къ Жуковскому за помощью и совѣтомъ: онъ умолялъ объ избавленіи его отъ страшнаго домашняго гнета. Въ концѣ своего письма къ Жуковскому, (отъ 31 окт. 1824 г.) Пушкинъ, въ совершенномъ отчаяніи, пишетъ Жуковскому: „спаси меня хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ!" И только благодаря заступничеству Жуковскаго, который выступилъ

ходатаемъ за Александра Сергѣевича передъ Сергѣемъ Львовичемъ—положенiе поэта въ Михайловскомъ измѣнилось къ лучшему. Слабо-

И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился,
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье.
Вдругъ слабымъ манiемъ руки
На Русскихъ двинулъ онъ полки.
И съ ними царскiя дружины
Сошлись въ дыму среди равнины:
И грянулъ бой, Полтавскiй бой!

Отрывокъ поэмы «Полтава», на-бѣло переписанный Пушкинымъ.

душный Сергѣй Львовичъ махнулъ на „чудовище“ рукою, отказался отъ всякихъ сношенiй съ нимъ и въ ноябрѣ 1824 года уѣхалъ изъ Михайловскаго. Послѣ его отъѣзда, надзоръ за поэтомъ снова перепелъ къ опочецкому предводителю, да сверхъ того, для религiознаго руководствованiя его назначенъ былъ настоятель сосѣдняго Святогорскаго монастыря — простой, добродушный монахъ, который отъ времени до времени навѣщалъ поэта въ его уединенiи, заходилъ къ нему побесѣдовать за чаемъ.

Мало-по-малу поэтъ успокоился и даже повеселѣлъ. Много способствовало этому знакомство съ милымъ семействомъ П. А. Осиповой, которое жило въ селѣ Тригорскомъ, въ двухъ верстахъ отъ Михайловскаго, а также и посѣщеніе друзей изгнанника-поэта, навѣстившихъ его въ псковскомъ уединеніи.

Прежде всѣхъ въ Михайловское заѣхалъ одинъ изъ лицейскихъ товарищей Пушкина—князь А. М. Горчаковъ (покойный канцлеръ и министръ иностранныхъ дѣлъ); затѣмъ, лѣтомъ 1825 г., пріѣхалъ погостить баронъ Дельвигъ, съ которымъ поэтъ, въ теченіе всей жизни, былъ связанъ тѣснѣйшими узами дружбы; осенью того же года навѣстилъ Пушкина третій товарищъ по лицею—Пущинъ (впослѣдствіи декабристъ), который и оставилъ намъ въ своихъ запискахъ слѣдующее любопытное описаніе домика Пушкина въ селѣ Михайловскомъ:

..."Я нашелъ Пушкина въ единственной жилой комнатѣ стараго деревяннаго дома; одна комната съ ширмами служила поэту спальней, столовой и рабочимъ кабинетомъ; всѣ другія оставались запертыми и нетопленными. Только на другой половинѣ, черезъ сѣнной корридоръ, раздѣлявшій домъ, я видѣлъ еще жилую, просторную комнату—царство няни поэта, которая тутъ учила и муштровала толпу швей и ткачихъ, засаженныхъ за эти работы старыми господами".

Лѣтомъ 1826 года, Пушкинъ провелъ два-три мѣсяца въ почти непрерывныхъ сношеніяхъ съ Языковымъ, гостившимъ у Вульфа, въ селѣ Тригорскомъ.

Языковъ, во многихъ своихъ произведеніяхъ, съ восторгомъ вспоминаетъ о Тригорскомъ, въ которомъ онъ провелъ 1826 годъ, а въ двухъ стихотвореніяхъ живо и ярко очерчиваетъ намъ личность Пушкина и отчасти даже знакомитъ насъ съ содержаніемъ тѣхъ бесѣдъ, которыя такъ тѣсно сблизили поэтовъ:

И часто вижу я во снѣ:
И три горы, и домъ красивый,
И свѣтлой Сороти извивы
Златаго мѣсяца въ огнѣ,
И тамъ, у берега, тѣнь ивы,
Пріютъ прохлады въ лѣтній зной,
Наяды пологъ продувной;
И тѣ отлогости, тѣ нивы,
Изъ-за которыхъ въ далекѣ,
На вороноиъ аргамакѣ,
Заморской шляпою покрытый,
Спѣша въ Тригорское, одинъ—
Вольтеръ и Гете и Расинъ —
Являлся Пушкинъ знаменитый,
И ту площадку, гдѣ, въ тѣни,
Насъ нѣжила, насъ веселила
Вина чарующая сила,
Осёлокъ сердца и души...
И все божественное лѣто,
Которое изъ рода-въ-родъ,
Какъ драгоцѣнность, перейдетъ:
Занс Языковымъ воспѣто!.

Огнемъ стиховъ ознаменую
Тѣ достохвальные края,
Гдѣ и когда мы—ты да я—
Два сына Руси православной
Постановили своенравно
Нашъ поэтическій союзъ.
Пророкъ изящнаго! Забуду-ль,
Какъ волновалася во мнѣ
На самой сердца глубинѣ,
Восторговъ пламенная удаль,
Когда могущественный ромъ
Съ плодами сладостей Мессины,
Съ немного сахаромъ, съ виномъ,
Переработанный огнемъ,
Лился въ бокалы-исполины;
Какъ мы, бывало, пьемъ да пьемъ—
Творимъ обѣты нашей Гебѣ,
Зовемъ свободу въ нашу Русь—
И я на вѣчѣ, я на небѣ!
И славой прадѣдовъ горжусь!
Мнѣ утѣшительно доселѣ,
Мнѣ радостно воспоминать
Сію поэзію во хмѣлѣ,
Ума и сердца благодать—
Теперь, когда Парнасса воды
Хвостовы черпаютъ на оды...

Отвѣтомъ на это стихотвореніе было извѣстное посланіе Пушкина къ Языкову, начинающееся словами: "Языковъ! кто тебѣ внушилъ" и т. д.

Но, конечно, не одни "бокалы-исполины" и не однѣ дружескія бесѣды составляли главную привлекательность того житья въ деревенскомъ уединеніи, которое такъ много разъ было воспѣто Пушкинымъ и привело его къ созданію лучшихъ его произведеній, къ созданію типа прелестной Татьяны... Къ обычнымъ радостямъ молодости примѣшивалась и главная краса всякой молодости—любовь! Сосѣдки Пушкина по Тригорскому были прелестны, умны и милы, и имъ обязанъ Пушкинъ многими прекрасными минутами, о которыхъ неоднократно вспоминаетъ и въ письмахъ, и въ своихъ лирическихъ стихотвореніяхъ. Недаромъ говоритъ онъ, описывая зимній день въ деревнѣ, что

...если подъ вечеръ, въ печальное селенье,
Когда за шашками сижу я въ уголкѣ,
Пріѣдетъ издали, въ кибиткѣ иль возкѣ
Нежданная семья: старушка, двѣ дѣвицы;
(Двѣ бѣлокурыя, двѣ стройныя сестрицы),
Какъ оживляется глухая сторона!
Какъ жизнь, о Боже мой, становится полна!
Сначала косвенно-внимательные взоры,
Потомъ словъ нѣсколько, потомъ и разговоры,
А тамъ и дружный смѣхъ, и пѣсни вечеркомъ,
И вальсы рѣзвые, и шопотъ за столомъ,
И взоры томные, и вѣтряныя рѣчи,
На узкой лѣстницѣ замедленныя встрѣчи;
И дѣва въ сумерки выходитъ на крыльцо:
Открыта шея, грудь, и вьюга ей въ лицо?
Но бури сѣвера не вредны русской розѣ.
Какъ жарко поцѣлуй играетъ на морозѣ!
Какъ дѣва русская свѣжа въ пыли снѣговъ!

Еще яснѣе говоритъ Пушкинъ о своихъ милыхъ отношеніяхъ къ тригорскимъ красавицамъ-сосѣдкамъ въ своемъ посланіи къ своему пріятелю Вульфу, котораго приглашаетъ пріѣхать въ Тригорское изъ Дерпта. Призывая друга, онъ перечисляетъ ему всѣ приманки своего деревенскаго уединенія:

Лайонъ *), мой курчавый братъ,
(Не михайловскій прикащикъ)
Привезетъ намъ, право, кладъ...
Что?.. Бутылокъ полный ящикъ!
Запируемъ ужь, молчи!
Чудо—жизнь анахорета!
Въ Троегорскомъ до ночи,
А въ Михайловскѣ до свѣта,
Дни любви посвящены,
Ночью—царствуютъ стаканы;
Мы же—то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.

Къ тригорскимъ сосѣдкамъ пріѣхала въ послѣдствіи на лѣто извѣстная красавица того времени, А. П. Кернъ, въ которую Пушкинъ влюбился безъ памяти. Ей посвятилъ онъ знаменитое стихотвореніе: „Я помню чудное мгновенье“—и хотя во время пребыванія Пушкина въ Михайловскомъ отношенія его къ А. П. Кернъ ограничивались только оживленной перепиской съ нею, но впослѣдствіи, когда Пушкину разрѣшенъ былъ въѣздъ въ столицы, поэтъ еще разъ встрѣтился съ этой прелестной женщиной, и романъ его съ нею продолжался довольно долго.

Въ Михайловскомъ были написаны Пушкинымъ IV, V и VI—лучшія главы Евгенія Онѣгина, и окончательно отдѣлана для печати ранѣе написанная поэма „Цыгане“; здѣсь же былъ начатъ и конченъ „Борисъ Годуновъ“, составляющій эпоху въ исторіи развитія поэтической дѣятельности поэта и въ самой исторіи русской драмы. Особенно сильное вліяніе на поэта оказывала въ это время та простая народная почва, къ которой онъ впервые успѣлъ приблизиться. Вглядѣвшись ближе въ народъ, Пушкинъ съ жаромъ принялся за изученіе народнаго языка и быта. Это изученіе было для него въ значительной степени облегчаемо его нянею, Ариной Родіоновной, которая жила съ нимъ въ Михайловскомъ; не даромъ, въ своихъ поэтическихъ воспоминаніяхъ объ этой порѣ своей жизни, Пушкинъ посвятилъ своей нянѣ столько теплыхъ, задушевныхъ строкъ. Уже осенью 1825 года Пушкинъ писалъ къ брату своему изъ деревни:

...„Знаешь-ли мои занятія? До обѣда пишу записки, обѣдаю поздно, послѣ обѣда ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!..“

Сказки эти разсказывала ему его няня, Арина Родіоновна, а Пушкинъ записывалъ ихъ въ свои черновыя тетради.

Мало-по-малу, собираніе памятниковъ народной словесности, наблюденіе и точное изученіе народной рѣчи сдѣлалось для Пушкина одною изъ живѣйшихъ потребностей, однимъ изъ любимыхъ занятій. Онъ охотно толкался на базарѣ между народомъ, прислушивался къ его говору, ловилъ его крылатое слово.

Другою существенною стороною занятій Пушкина въ это время было изученіе памятниковъ историческихъ, касавшихся эпохи смутнаго времени, которою Пушкинъ сильно увлекался. Плодомъ увлеченія и изученія памятниковъ явилось то произведеніе, которое онъ самъ любилъ болѣе всѣхъ остальныхъ:—его драматическая хроника „Борисъ Годуновъ“.

Пушкинъ писалъ „Бориса Годунова“, по его собственному выраженію, „оставшись въ деревнѣ одинъ съ няней своей и трагедіей“. Писалъ онъ ее, создавъ такъ быстро, такъ цѣльно, какъ еще не приходилось ему ничего создавать до этого времени.

Въ какой степени быстро Пушкинъ могъ творить въ это время, видно изъ другого его письма, которое выясняетъ, какъ былъ написанъ „Графъ Нулинъ“:

*) Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ—родной братъ поэта.

…„Въ концѣ 1825 года находился я въ деревнѣ“ — пишетъ онъ — „и перечитывалъ Лукрецію, довольно слабую поэму Шекспира, подумалъ: что, еслибы Лукреціи пришло въ голову мысль дать пощечину Тарквинію?.. Мысль пародировать исторію и Шекспира мнѣ представилась; я не могъ воспротивиться двойному искушенію и въ два утра написалъ эту повѣсть (т. е. графа Нулина)“.

Въ то время, неожиданно для поэта наступилъ конецъ его долгаго изгнанія. Вотъ какъ разсказываетъ намъ объ этомъ событіи одна изъ обитательницъ Тригорскаго, въ своихъ „Запискахъ“.

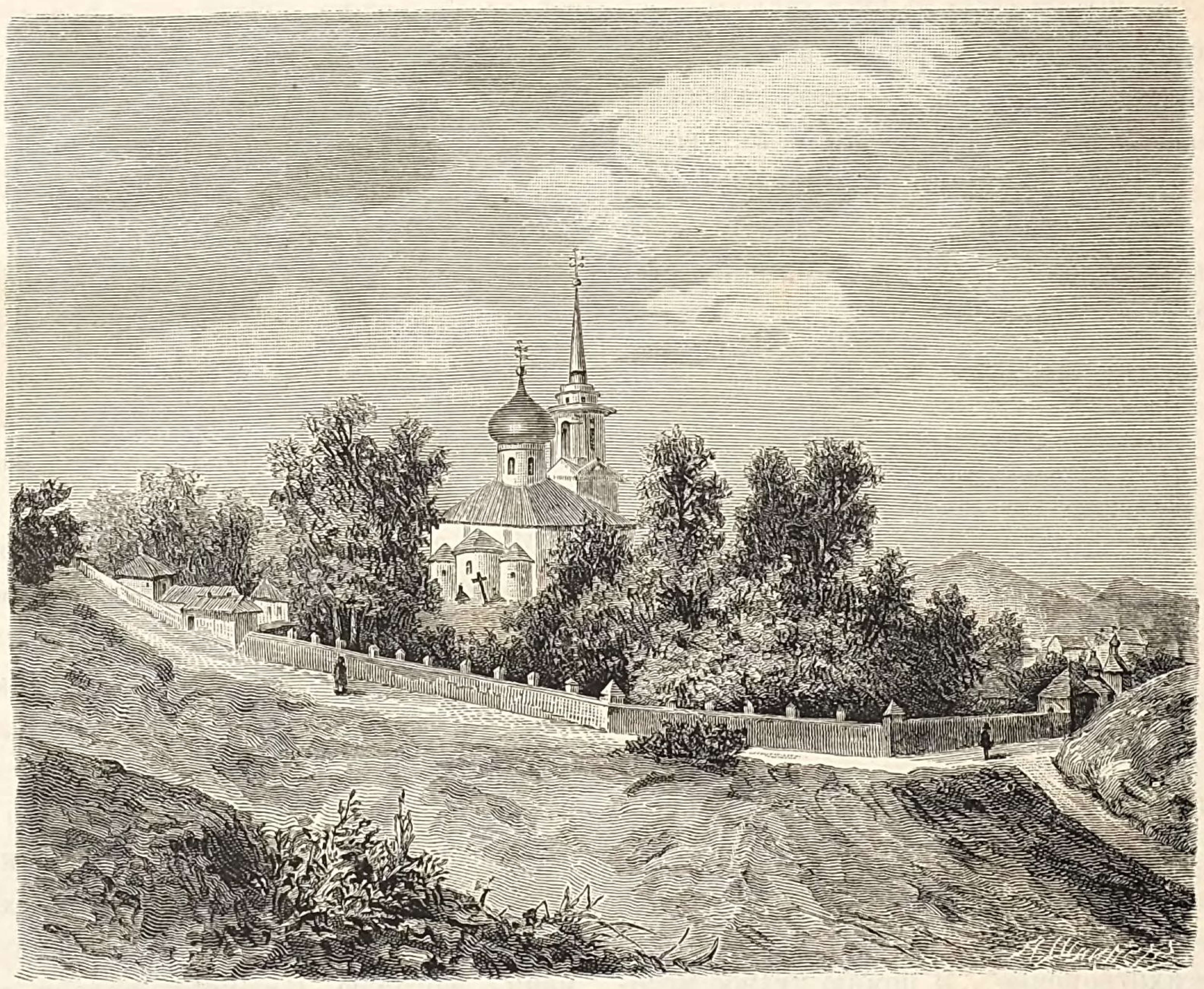
…„1 и 2 сентября 1826 г. Пушкинъ былъ у насъ (въ Тригорскомъ); погода стояла прекрасная, и мы долго гуляли; Пушкинъ былъ особенно веселъ. Часу въ 11 вечера, сестры и я проводили Александра Сергѣевича по дорогѣ въ Михайловское.

…Вдругъ, рано, на разсвѣтѣ является къ намъ Арина Родіоновна—няня Пушкина. Это была старушка чрезвычайно почтенная, — лицомъ полная, вся сѣдая, страстно-любившая своего питомца. Бывала она у насъ въ Тригорскомъ часто… На этотъ разъ она прибѣжала вся запыхавшись; сѣдые волосы ея безпорядочными космами спадали на лицо и плечи; бѣдная няня плакала на-взрыдъ… Изъ распросовъ оказалось, что вчера вечеромъ, не задолго до прихода Александра Сергѣевича, въ Михайловское прискакалъ какой-то не то офицеръ, не то солдатъ (впослѣдствіи оказалось—фельдъегерь).

…Онъ объявилъ Пушкину повелѣніе — немедленно ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Москву. Пушкинъ успѣлъ только взять деньги, накинуть шинель, и черезъ полчаса его уже не было“…

„Я полагаю, милостивая государыня—писалъ тотчасъ послѣ того Пушкинъ къ П. А. Осиповой съ дороги—„что мой быстрый отъѣздъ съ фельдъегеремъ удивилъ всѣхъ васъ столько же,

ПСКОВСКІЯ ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТИ.

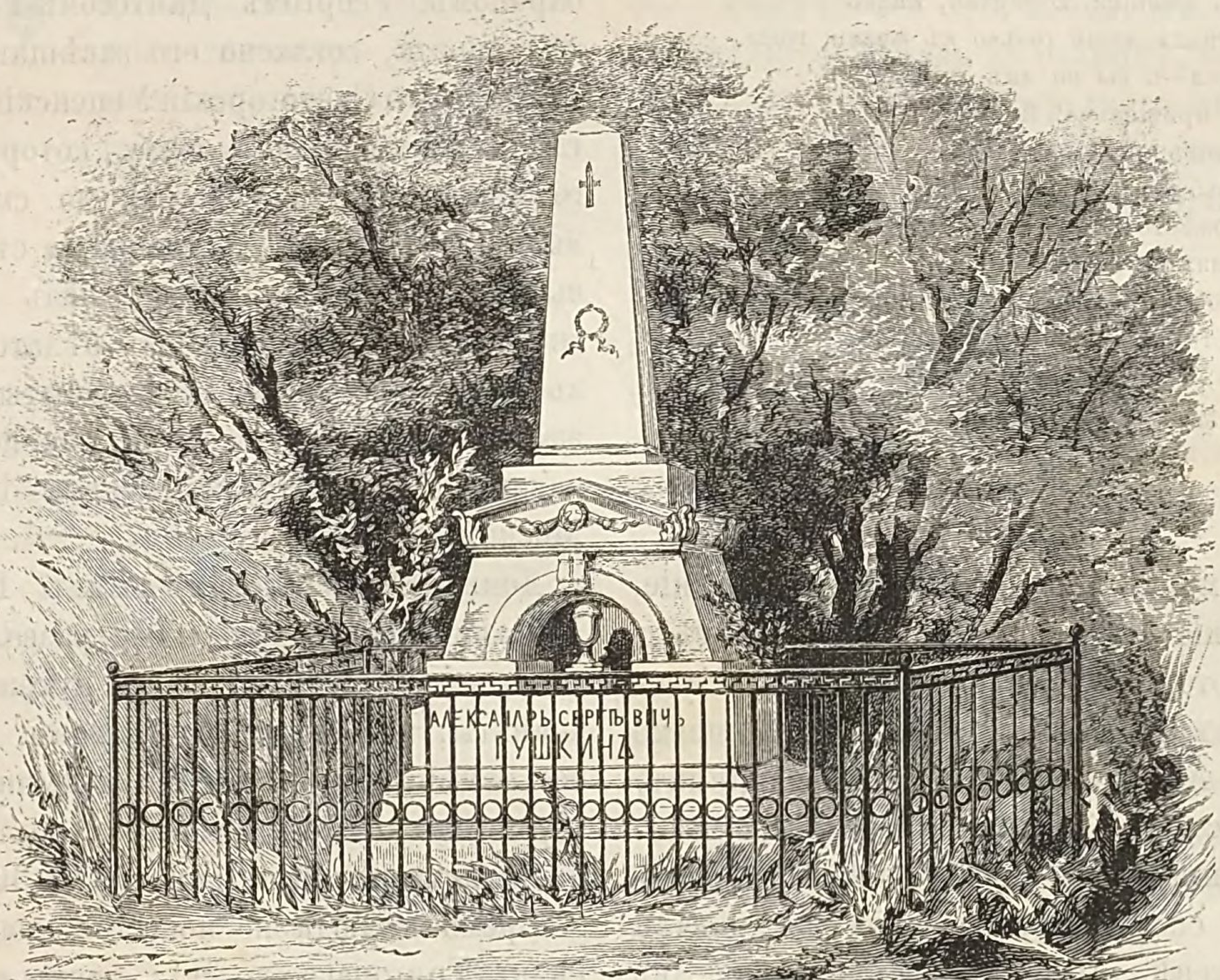

Святогорскій Успенскій монастырь.

сколько и меня. Дѣло въ томъ, что безъ фельдъегеря ничего не дѣлается, мнѣ дали его для безопасности. Впрочемъ, послѣ весьма любезнаго письма ко мнѣ отъ барона Дибича, мнѣ остается только гордиться. Ѣду прямо въ Москву, гдѣ надѣюсь быть 8 числа сего мѣсяца, и лишь только буду свободенъ, возвращусь, какъ можно скорѣе, въ Тригорское, къ которому отнынѣ и всегда привязано мое сердце".

Привезенный съ фельдъегеремъ въ Москву, Пушкинъ былъ немедленно представленъ императору Николаю I, объяснился съ нимъ совершенно искренно, съ замѣчательною откровенностью отвѣчалъ на всѣ его вопросы и получилъ разрѣшеніе на пребываніе въ Москвѣ, а подъ конецъ зимы—и въ Петербургѣ. Императоръ милостиво замѣтилъ ему, что онъ „самъ берется быть цензоромъ его сочиненій".

ПСКОВСКІЕ ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТИ.

Могила Пушкина въ Святогорскомъ Успенскомъ монастырѣ.

Сохранилось преданіе, что въ тотъ же вечеръ, увидавъ на балу графа Д. Н. Блудова, императоръ подозвалъ его къ себѣ и сказалъ ему: „сегодня я говорилъ съ умнѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи"...

Затѣмъ, увлекаемый вихремъ столичной и свѣтской жизни, Пушкинъ все рѣже и рѣже возвращался въ Михайловское и если пріѣзжалъ, то на очень короткое время. Позднѣе, женитьба окончательно приковала его къ Петербургу и вынудила забыть о миломъ уголкѣ.

Посѣтивъ, много лѣтъ спустя, свое Михайловское, Пушкинъ въ 1835 г. посвятилъ ему еще одно, уже чисто-элегическое стихотвореніе, въ которомъ еще разъ вспоминаетъ о своемъ двухъ-лѣтнемъ пребываніи въ деревнѣ и описываетъ Михайловское во всѣхъ подробностяхъ. Приводимъ здѣсь это замѣчательное стихотвореніе цѣликомъ:

... Вновь я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
Ужъ десять лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ, и много
Перемѣнилось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону,

Перемѣнился я; но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо—
И кажется вчера еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ.
Вотъ смиренный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моей.
Уже старушки нѣтъ, ужь за стѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ. Вотъ
И холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
Я сиживалъ недвижимъ, и глядѣлъ
На озеро, воспоминая съ грустью
Иные берега, иныя волны...
Въ разны годы
Подъ вашу сѣнь, Михайловскія рощи,
Являлся я! Когда вы въ первый разъ
Увидѣли меня, тогда я былъ
Веселымъ юношей. Безпечно, жадно
Я приступалъ лишь только къ жизни; годы
Промчалися—и вы во мнѣ пріяли
Усталаго пришельца! Я еще
Былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неровной истомила:
Я былъ ожесточенъ! Въ уныньи часто
Я помышлялъ о юности моей,
Утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ,
О строгости заслуженныхъ упрековъ,
О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой
За жаръ души довѣрчивой и нѣжной—
И горькія кипѣли въ сердцѣ чувства!

26 сент. 1835 г.

Особенно мрачное и тяжелое разочарованіе, даже утомленіе жизнью слышатся въ тѣхъ строкахъ, которыя, осенью 1836 года, Пушкинъ пишетъ въ Тригорское... Это письмо его къ П. А. Осиповой было послѣднимъ. Послѣ извѣстій о болѣзни матери, о жалкомъ положеніи отца, о тѣхъ грязныхъ великосвѣтскихъ сплетняхъ, которыя не давали покоя его женѣ, Пушкинъ прибавляетъ въ концѣ:

..."Я ошеломленъ и нахожусь въ сильнѣйшемъ раздраженіи. Повѣрьте мнѣ: жизнь, какая она ни на есть „пріятная привычка", а все же заключаетъ въ себѣ горечь, которая дѣлаетъ ее подъ конецъ отвратительною. Свѣтъ—это гадкая лужа грязи. Мнѣ мило только Тригорское".

А между тѣмъ, сила привычки къ свѣту, съ которымъ связывала Пушкина прирожденное пристрастіе къ аристократизму, къ родовитости, къ громкимъ именамъ и пустому блеску великосвѣтской жизни—была на столько сильна, что онъ даже не пытался вырваться изъ „гадкой лужи" и шелъ быстрыми шагами къ роковому концу.

29-го января 1837 года Пушкинъ скончался отъ раны, полученной имъ на поединкѣ съ барономъ Георгомъ Дантесомъ-Гекереномъ, и тѣло поэта, согласно его завѣщанію, было перевезено въ Святогорскій Успенскій монастырь, гдѣ и положено въ могилу, которую онъ приготовилъ себѣ еще за годъ до смерти. Надъ могилой Пушкина долгое время стоялъ черный высокій крестъ, а потомъ надъ нею воздвигнутъ былъ памятникъ изъ бѣлаго мрамора... въ настоящее время давно-забытый и приближавшійся къ разрушенію, но подновленный наканунѣ открытія памятника Пушкину въ Москвѣ, въ 1880 г.

Домикъ, въ которомъ жилъ Пушкинъ въ Михайловскомъ, давно уже развалился и снесенъ; изъ мебели, нѣкогда украшавшей его комнаты, не сохранилось ничего. Въ усадьбѣ все измѣнилось и уже не напоминаетъ уголокъ Пушкина въ томъ видѣ, какъ онъ изображенъ на нашемъ рисункѣ (снятомъ въ 30-хъ годахъ).

Время и люди не пощадили даже по дорогѣ въ Тригорское и тѣхъ трехъ сосенъ, которыя были воспѣты Пушкинымъ; изъ нихъ, говорятъ, уцѣлѣла только одна—двѣ другіе были срублены по прихоти какого то старосты, чуждаго всякой поэзіи и всякихъ историческихъ воспоминаній.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПРОИЗВОДСТВО КРУЖЕВЪ ВЪ РОССІИ.

Исторія промысла. — Мѣстности, въ которыхъ развито производство. — Современное состояніе производства въ Тверской, Новгородской, Вологодской, Ярославской, Московской, Тульской и Рязанской губерніяхъ.

ТОНКОЕ кружево, какъ отдѣлка платья и необходимая принадлежность не только женскаго, но и мужского богатаго убора первоначально принесено къ намъ съ востока, гдѣ развилась всякая роскошь. На Руси плетеніе кружевъ было извѣстно въ XII и XIII вѣкахъ и называлось „круживомъ". Подъ этимъ названіемъ въ старину были извѣстны плетеныя, нашивки на богатыхъ одеждахъ царей и вельможъ — кованыя, тканыя или низаныя, иногда съ драгоцѣнными камнями, бисеромъ и жемчугомъ. Круживомъ украшались платна, кафтаны, опашни, чюги, ферези, однорядки, роспашницы, тѣлогрѣи, шапки, рукава, башмаки. Круживо дѣлалось съ прямыми краями и зубчатое; веревчатое, колесчатое, колѣнчатое, кружковое, въ проемъ, въ цѣпки или чемпи; притомъ широкое и узкое; послѣднее называлось „круживцомъ". Нынѣ образцы старинныхъ кружевъ только и можно встрѣтить въ музеяхъ и у любителей старины.

Искусство въ плетеніи кружевъ у насъ хотя и распространено въ значительныхъ размѣрахъ, какъ увидимъ далѣе, но это искусство никогда не равнялось съ пользующимся всемірною извѣстностью: брюссельскимъ, валянсьенскимъ, алансонскимъ, англійскимъ и венеціанскимъ издѣліями этого рода. У насъ никогда не бывало издѣлій, подобныхъ перечисленнымъ иноземнымъ кружевамъ, какъ не бывало и тѣхъ воздушныхъ маркизъ, которыя драпировались, въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, въ изысканныя тончайшія ткани. Русскія боярышни отличались дебелостью и были всегда полновѣсны, и на всѣхъ костюмахъ и домашней обстановкѣ нашихъ предковъ лежитъ отпечатокъ солидности, массивности тяжелой роскоши востока.

Плетеніе кружевъ въ старину, какъ и всякое рукодѣлье, составляло предметъ любимыхъ домашнихъ работъ въ богатыхъ домахъ. Но это рукодѣлье не имѣло конечно промышленнаго значенія.

Не то нынѣ, когда плетеніе кружевъ составляетъ значительную отрасль промышленнаго женскаго труда! Плетеніе — для препровожденія времени, смѣнилось профессіею, ради полученія заработка для прокармливанія себя и семьи.

Исторія развитія и теперешняго состоянія кружевного производства въ Россіи показываетъ намъ такія любопытныя и характерныя стороны женскаго труда и его обстановки, что ими не могутъ не интересоваться не только прекрасныя потребительницы кружевъ, но и тѣ, которымъ дороги вообще нужды и интересы женскаго труда.

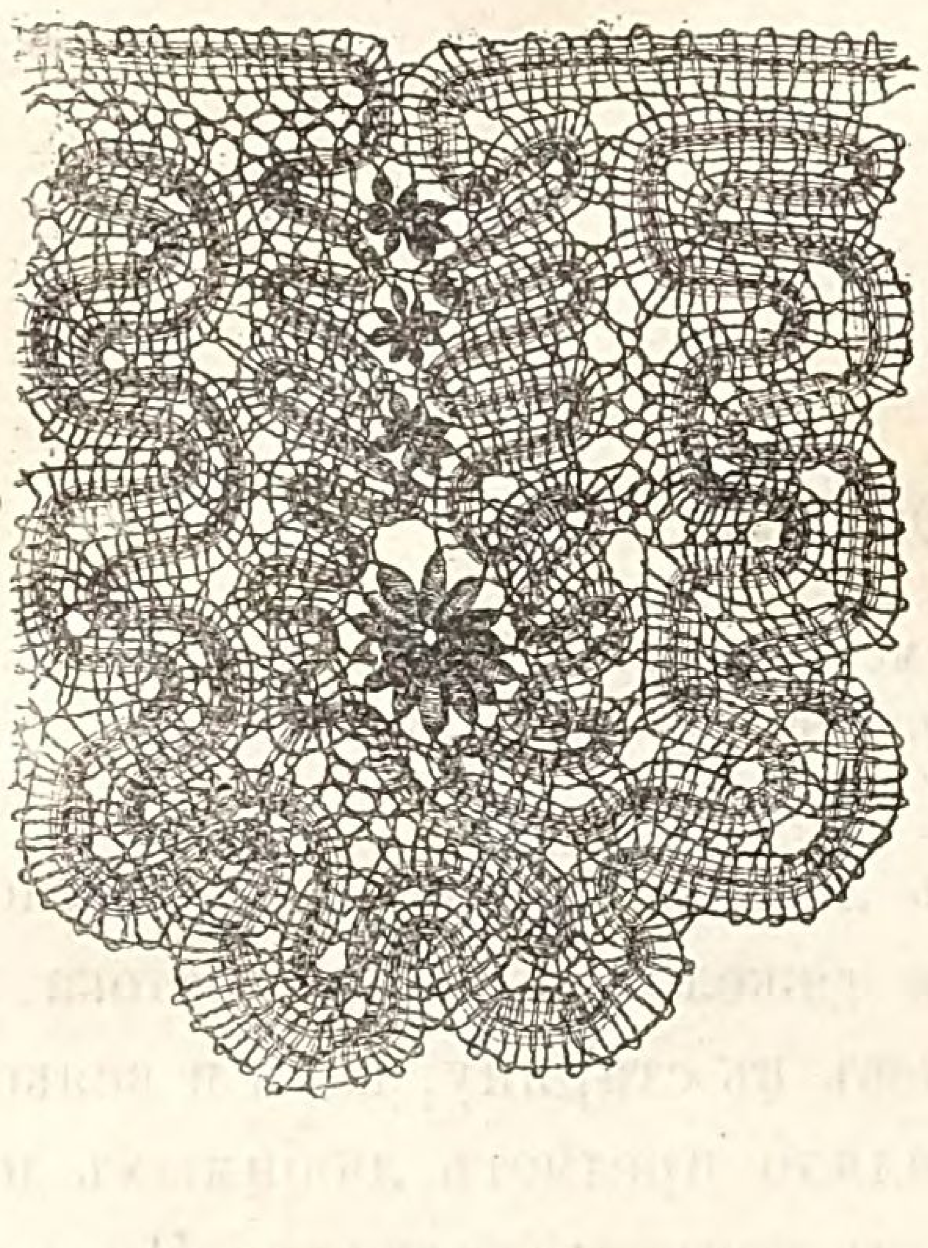
Въ настоящее время плетеніе кружевъ развито въ слѣдующихъ губерніяхъ: Тверской, Московской, Ярославской, Новгородской, Рязанской, Нижегородской, Вологодской, Вятской, Орловской, Тульской, Пензенской, Пермской, а также и въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ. Уже изъ этого одного перечня видно, на сколько значительно распространеніе кружевного промысла.

Такъ какъ въ большинствѣ мѣстностей характеръ плетенія въ значительной степени своеобразенъ, то мы и разсмотримъ производство по каждой мѣстности отдѣльно.

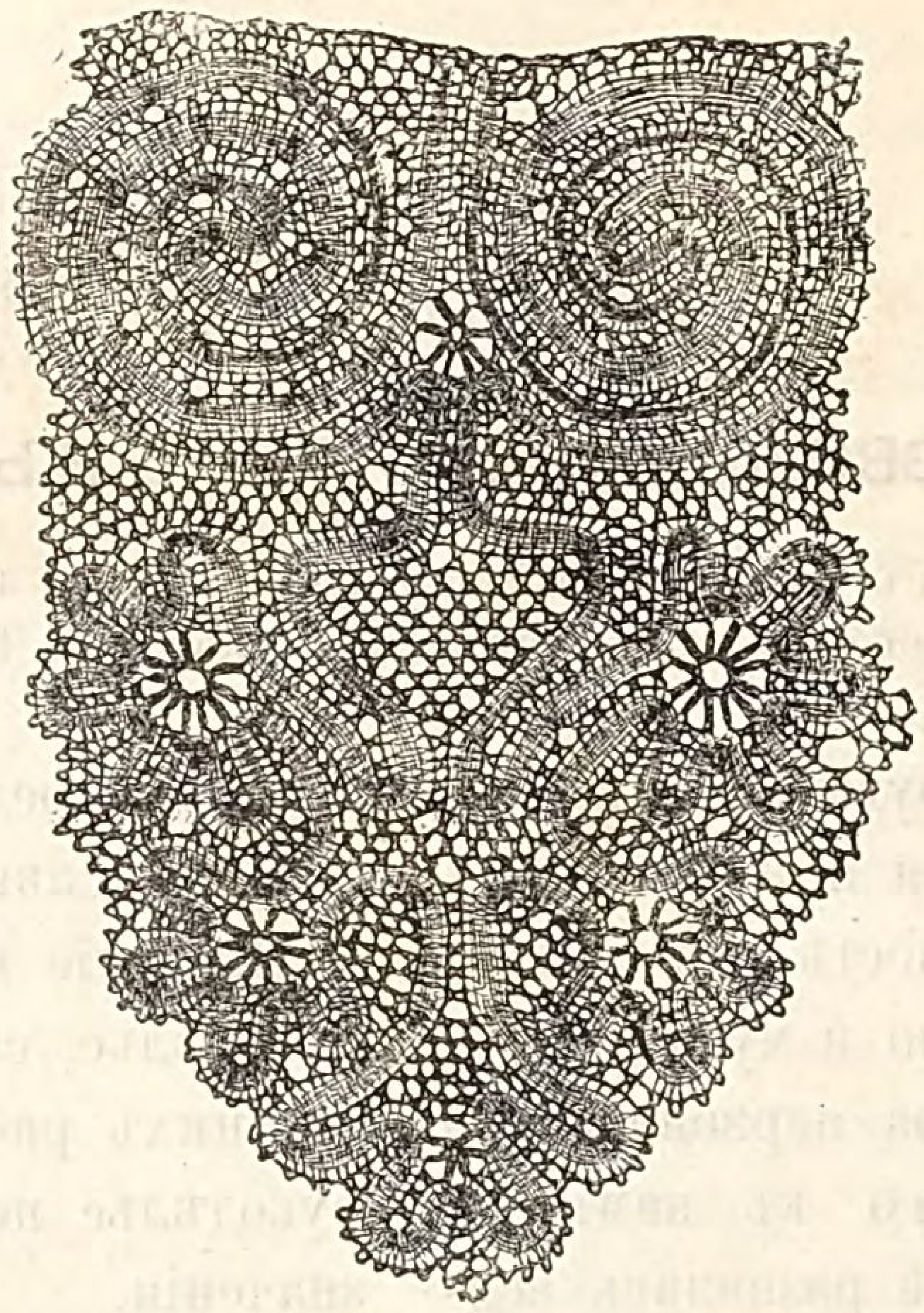
Начнемъ съ Тверской губерніи, гдѣ кружевной промыселъ существуетъ „искони" въ городахъ—Калязинѣ и Торжкѣ. Въ обоихъ этихъ городахъ промыселъ составляетъ нынѣ главное

№ 1. КРУЖЕВА ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНІИ.

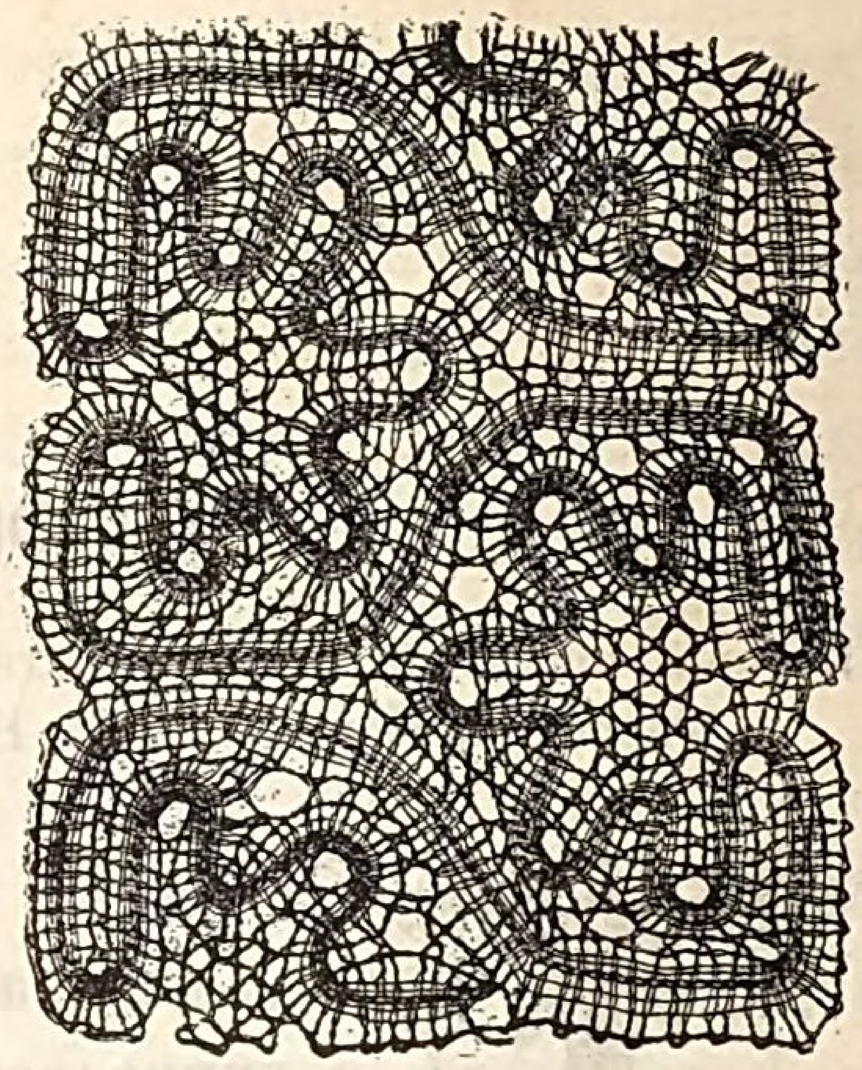
Г. Торжка.

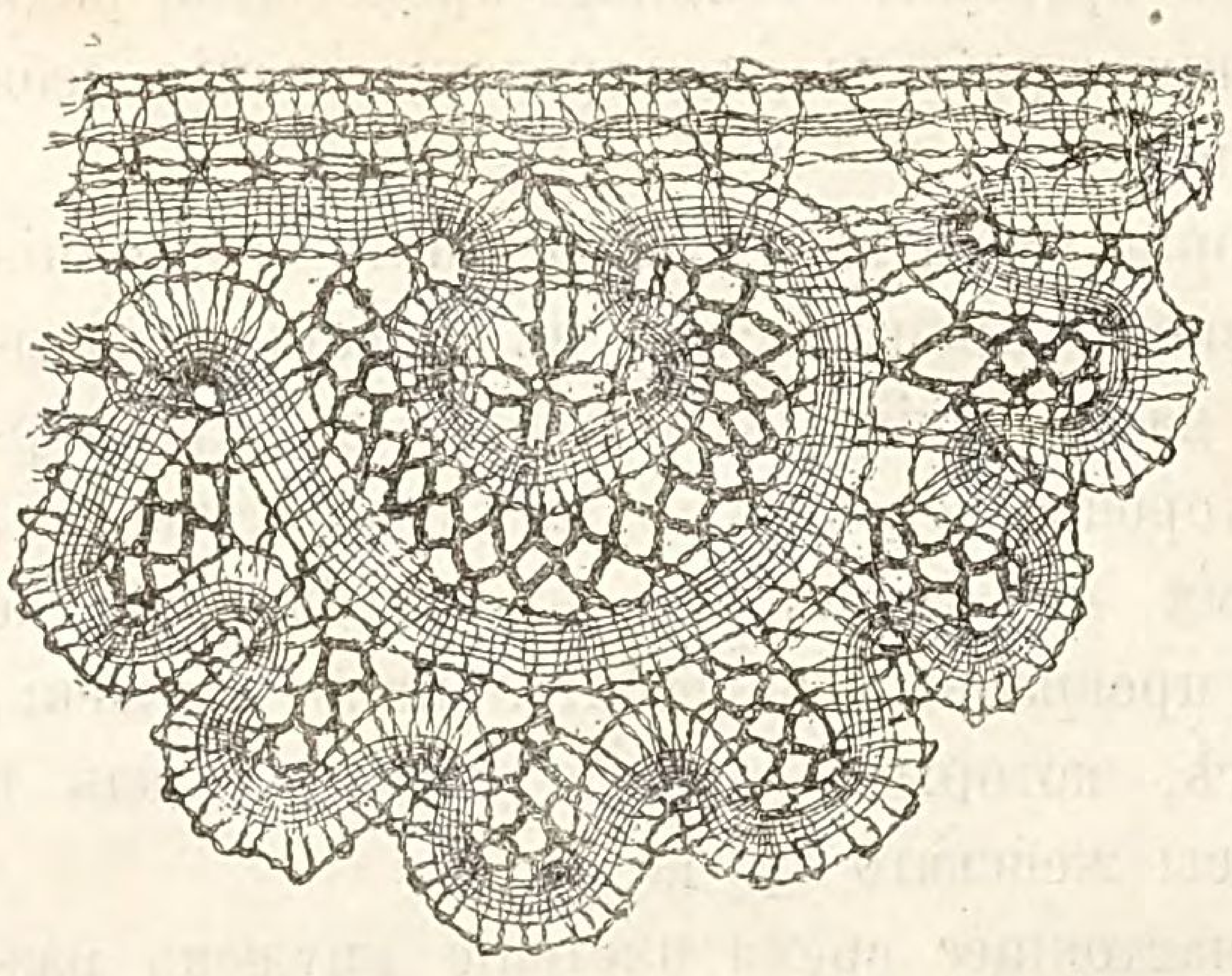
Сѣткой прошивка.

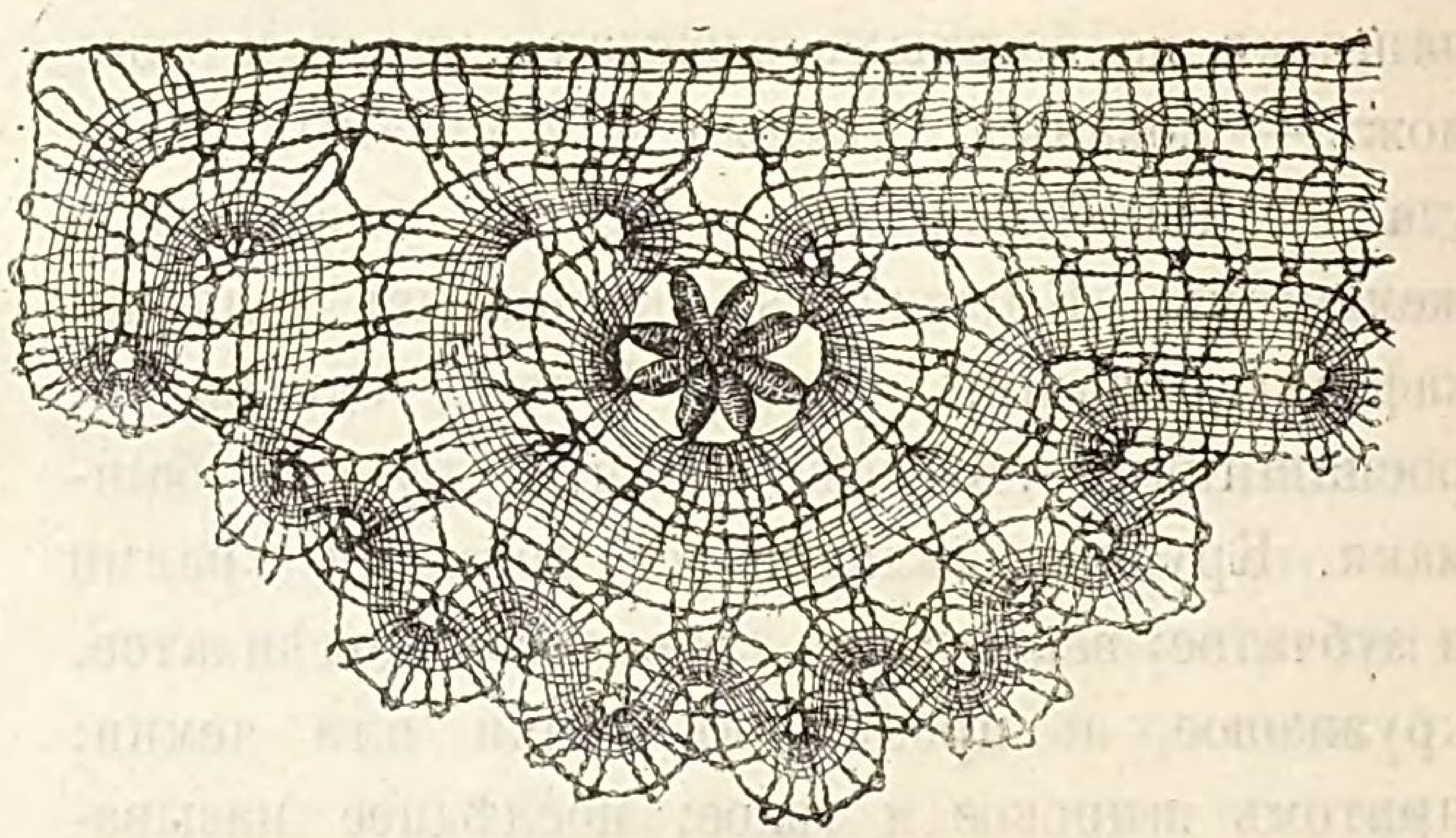
Простынное.

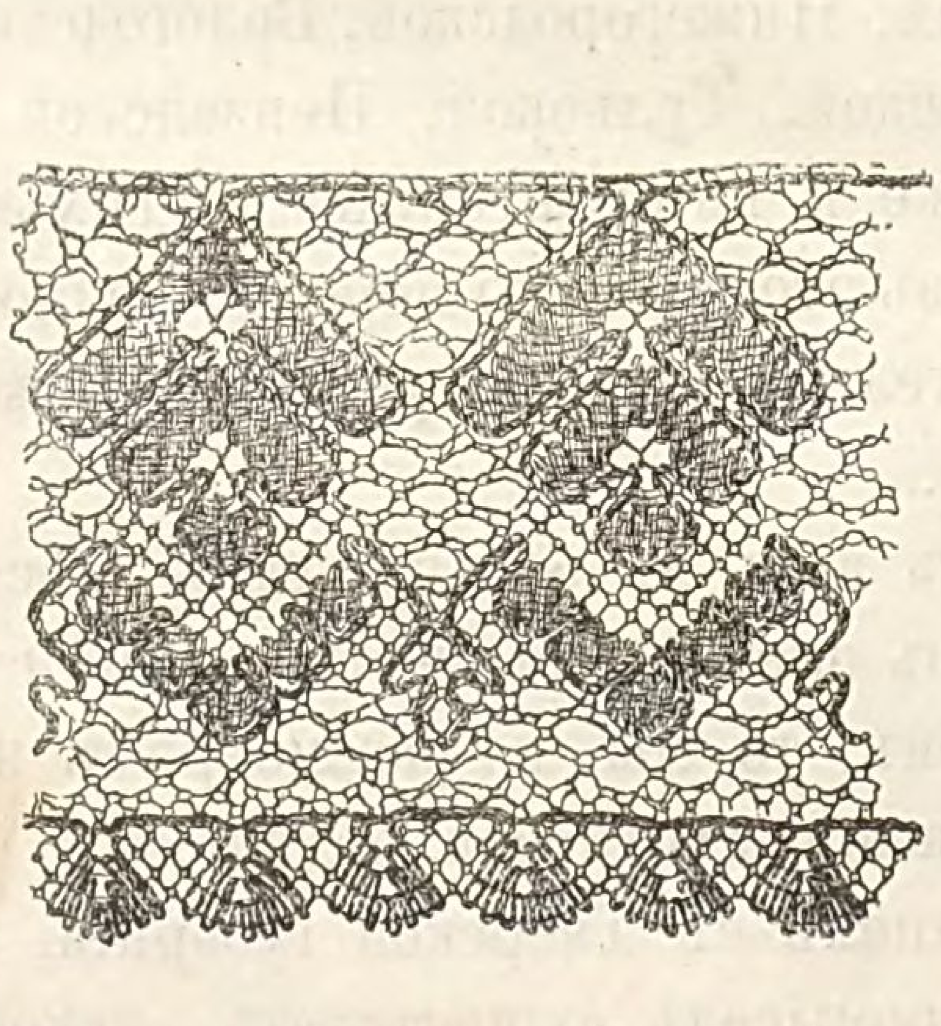
Шторное—подвѣсъ.

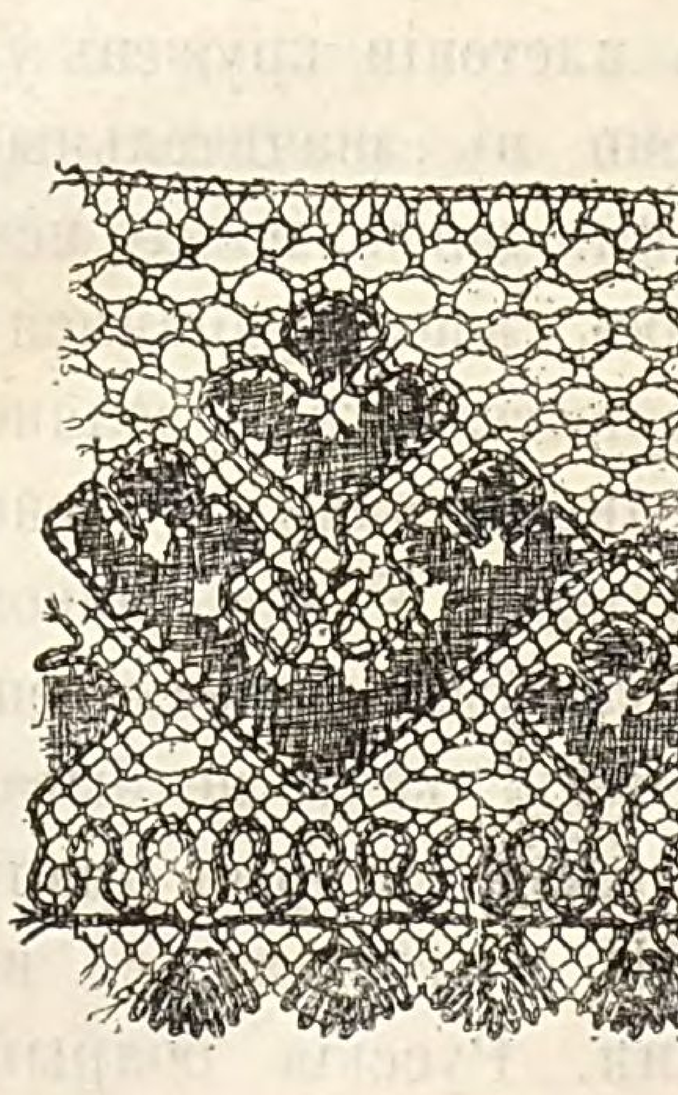

Кудрявчики.

Бѣлевскій вирокъ.

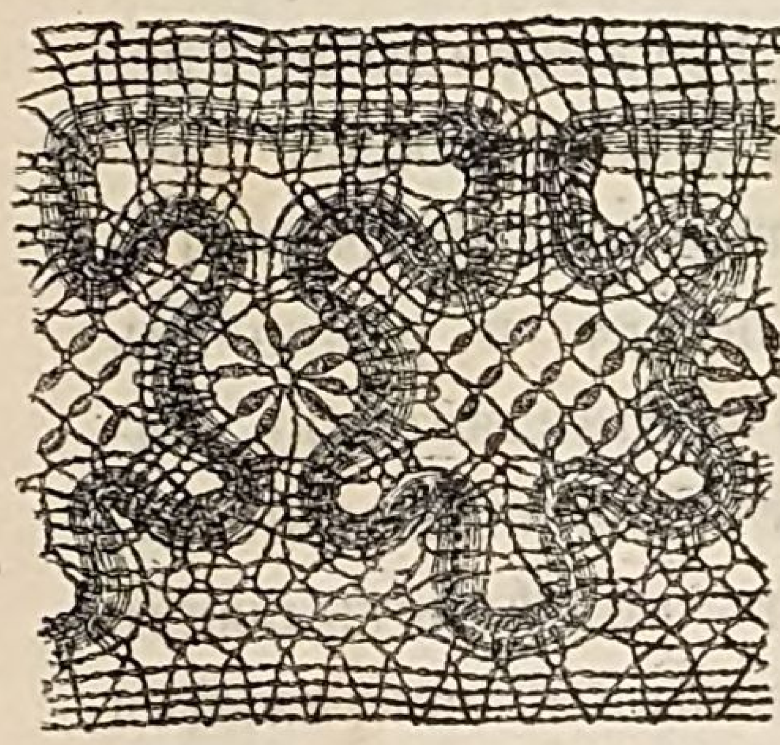

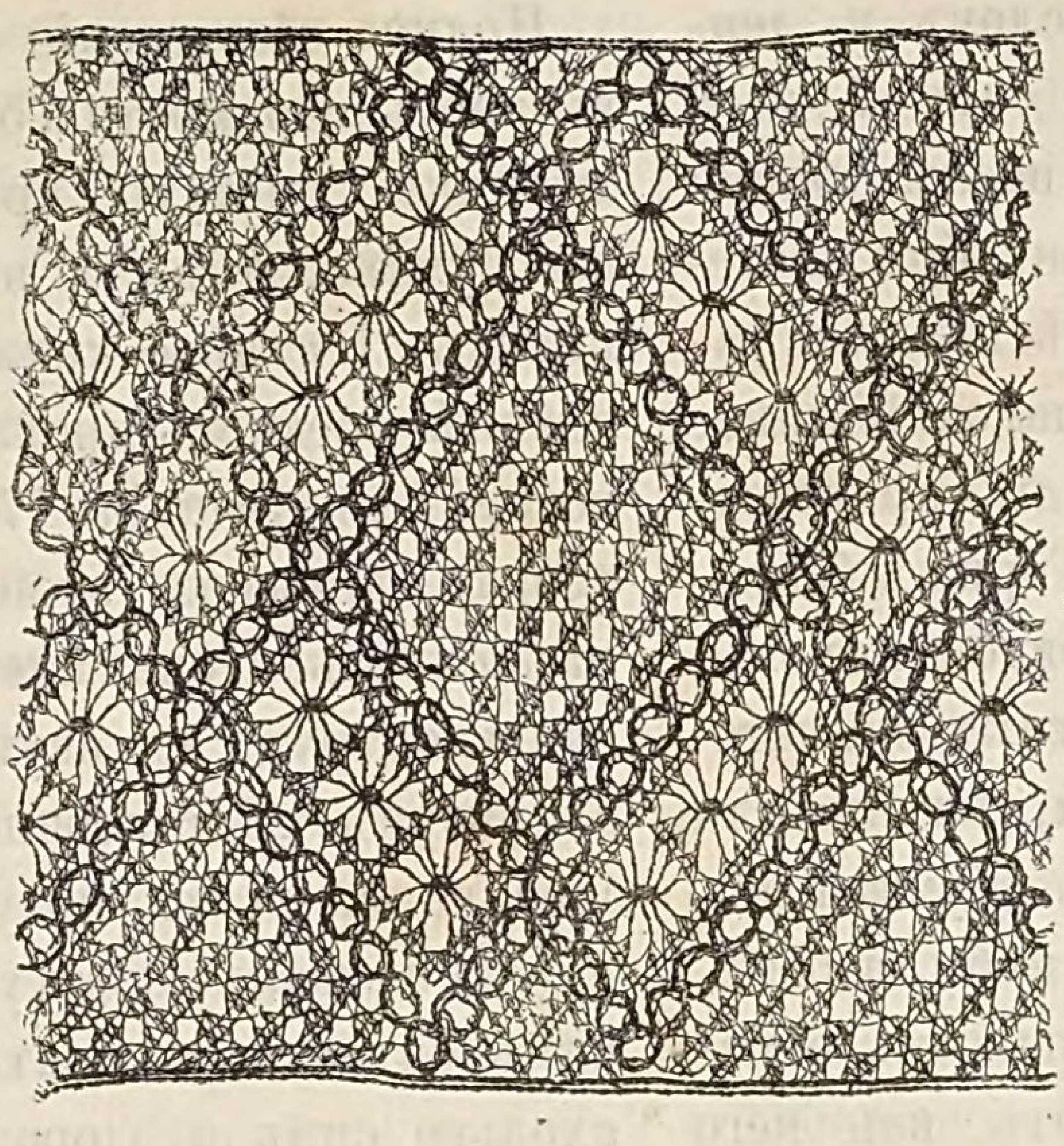
Работа Воскресенскаго женскаго монастыря въ г. Торжкѣ.

№ 2. КРУЖЕВА ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНІИ.

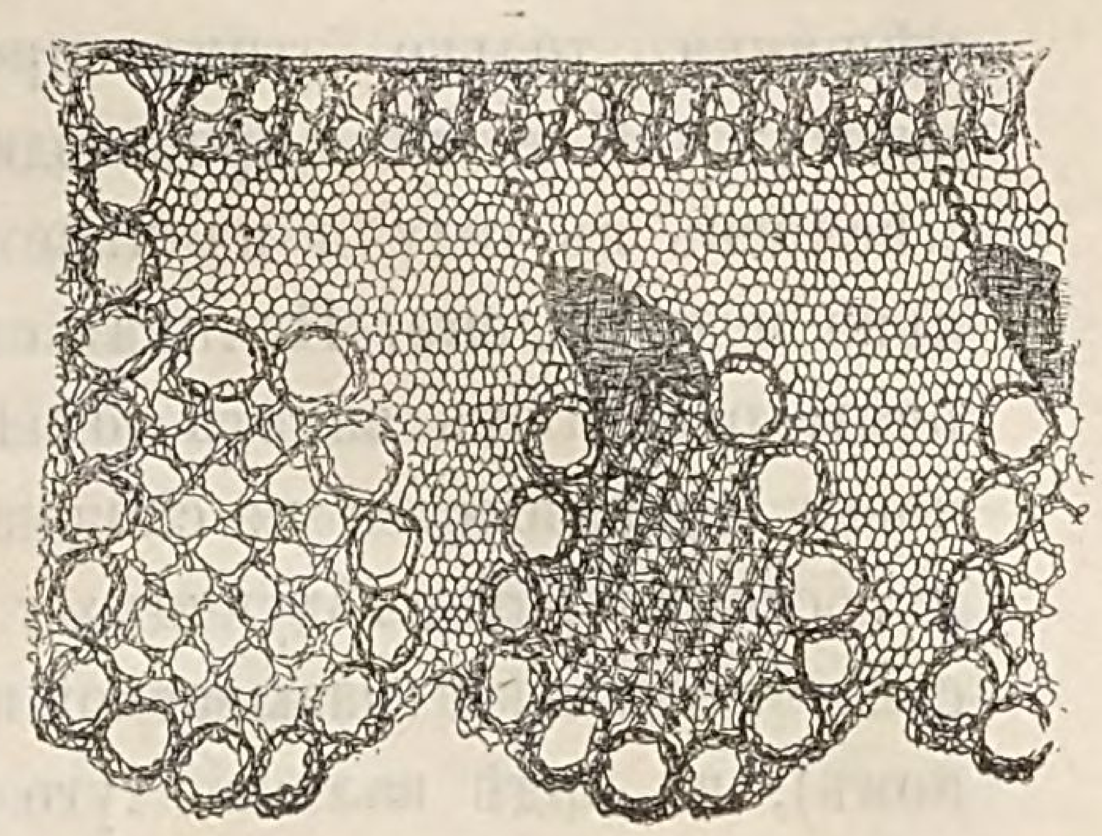
Г. Калязина.

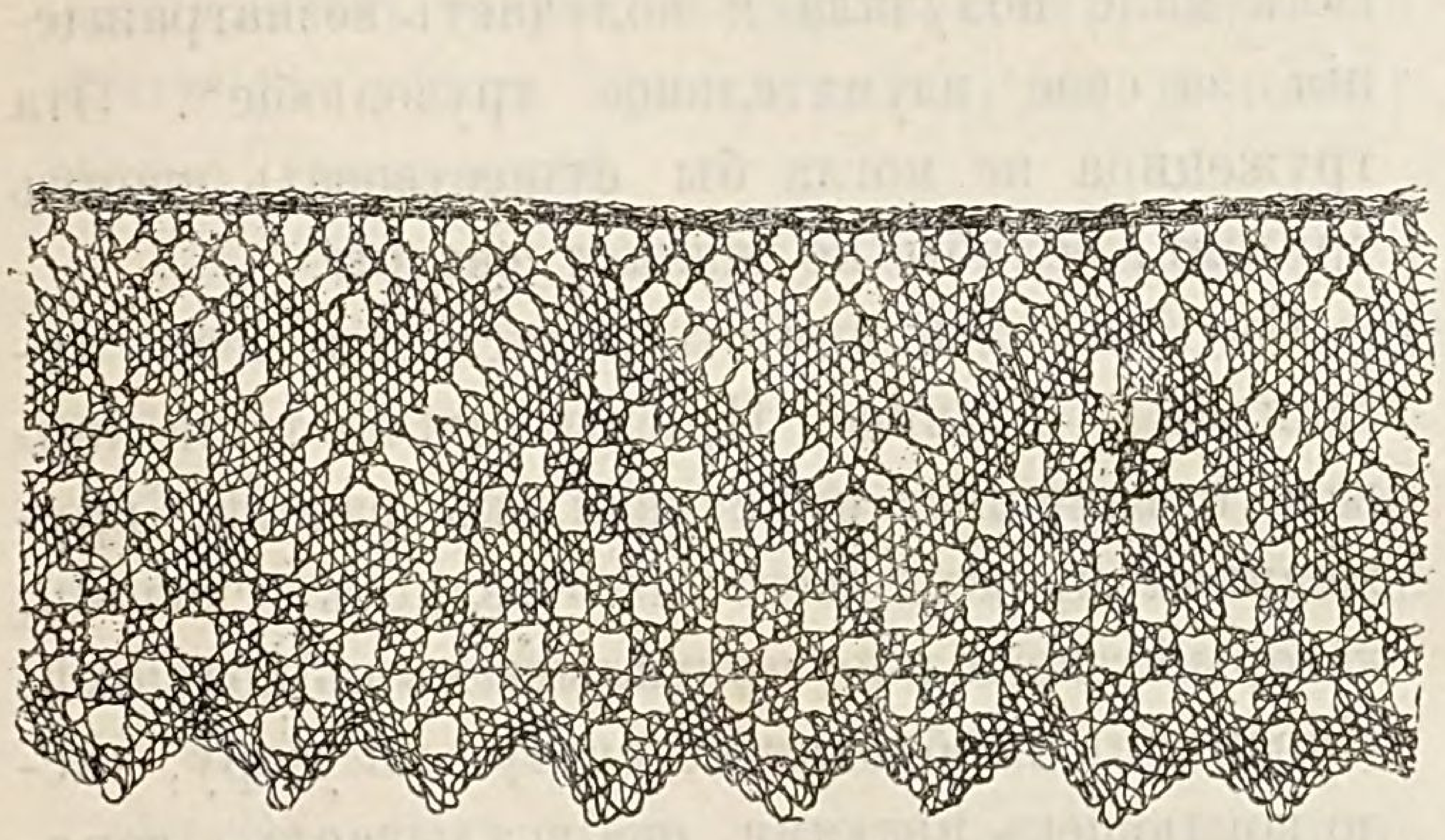
Сцѣпное—нѣмецкое.

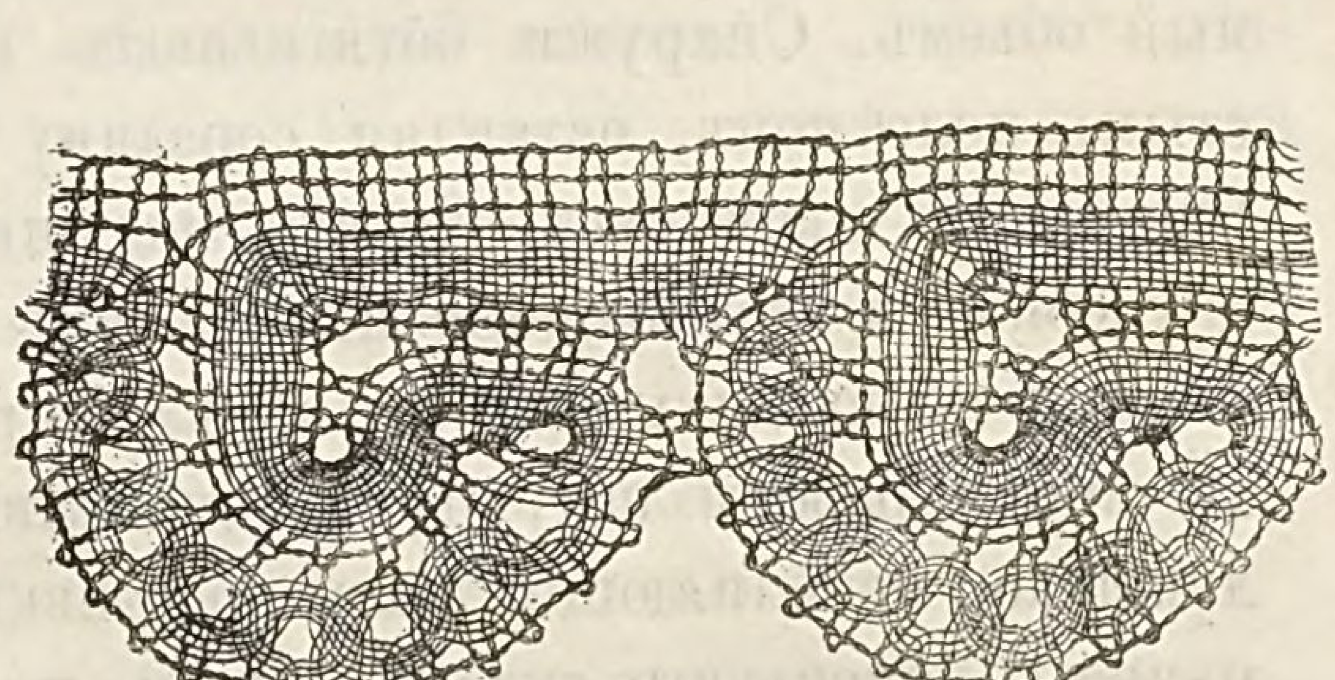
Сыпчатое.

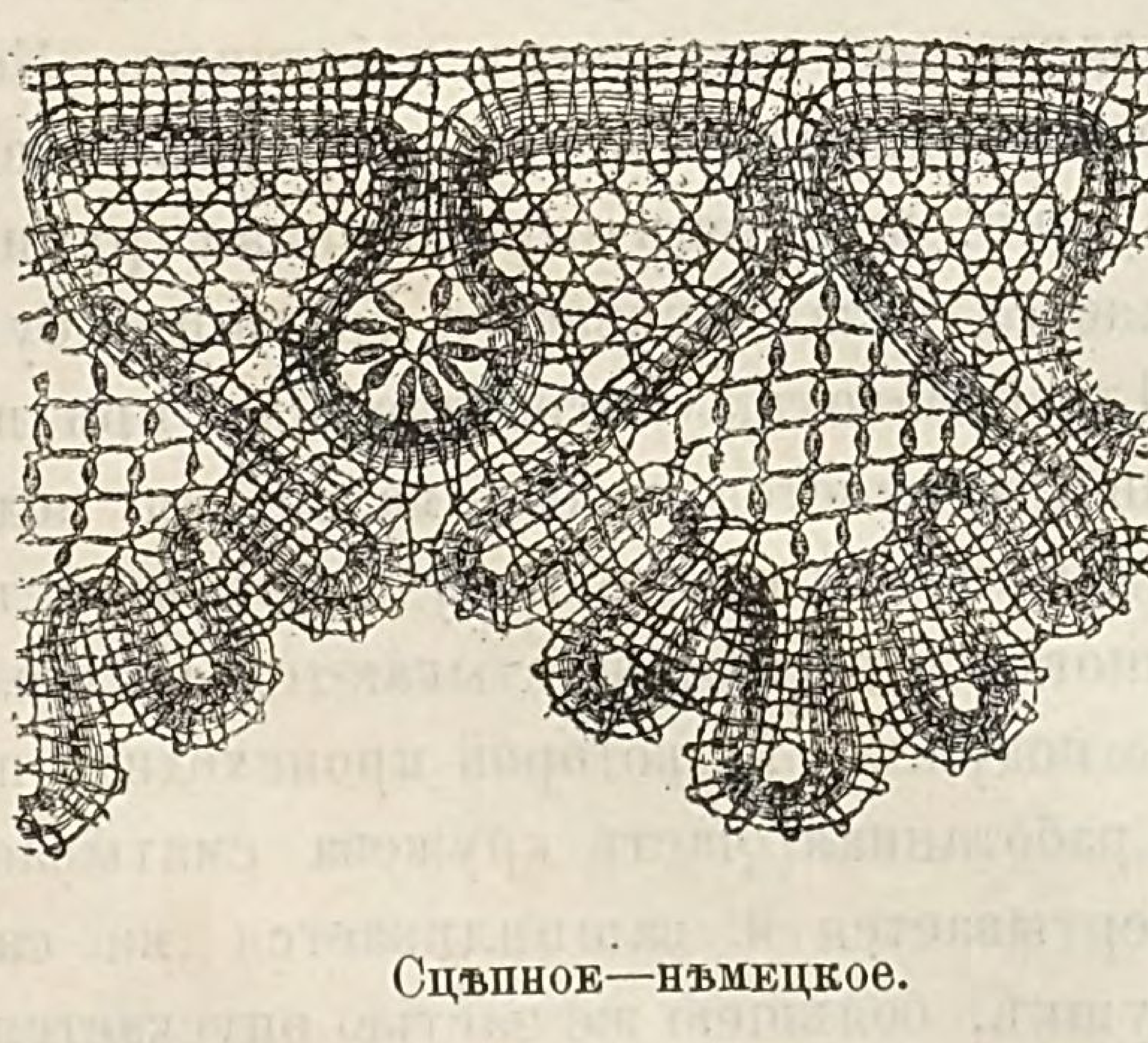
Цвѣтами.

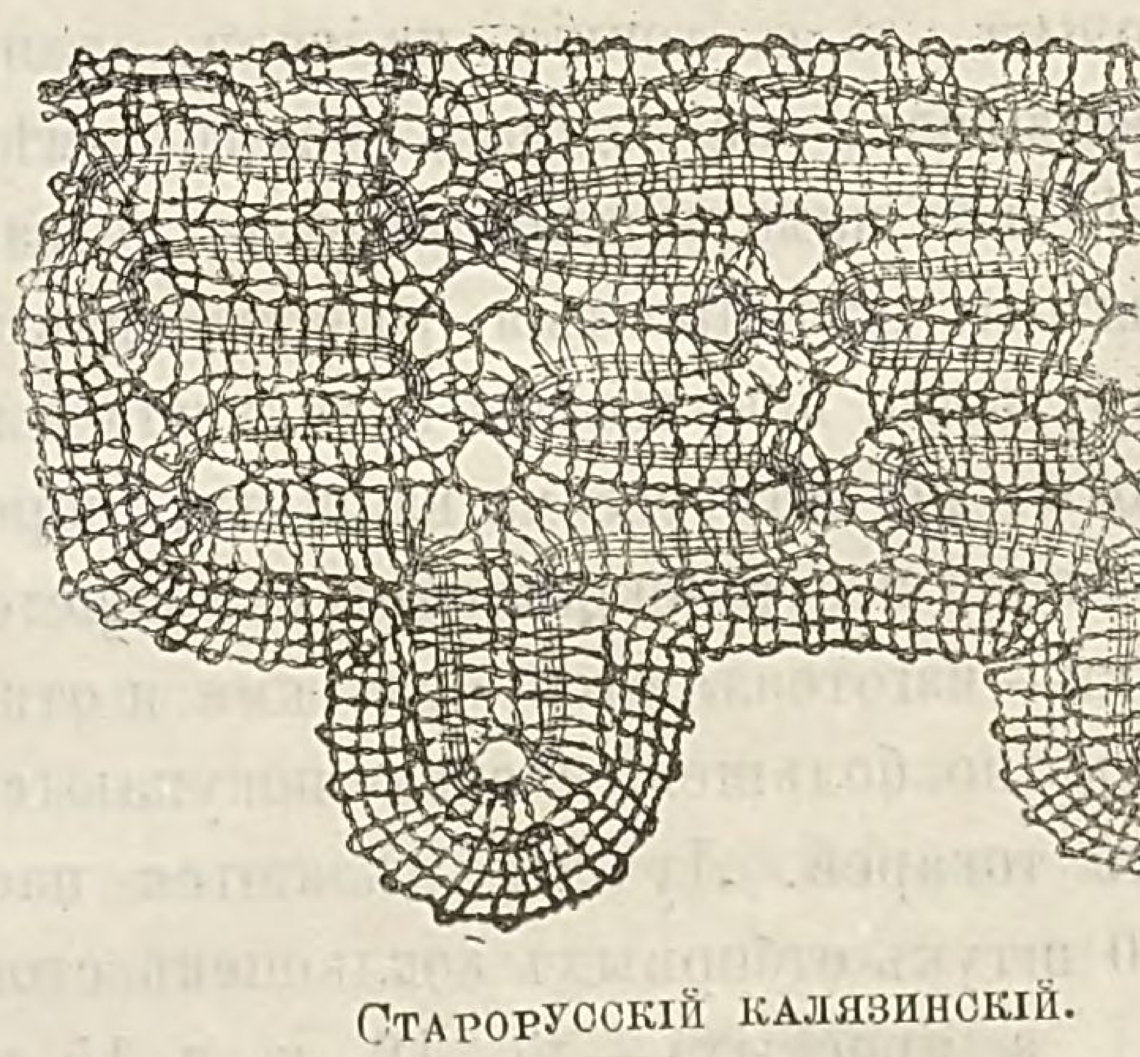
Русское кружево.

Рябушка.

Сцѣпное—нѣмецкое.

Старорусскій калязинскій.

Городами.

и вполнѣ самостоятельное занятіе извѣстной части мѣщанскаго населенія. Кружевницы-мѣщанки „только этимъ промысломъ и держатся“. Плетеніе производится отъ 7 до 8 мѣсяцевъ въ году и начинается послѣ уборки льна и огородовъ. Начиная съ сентября мастерицы работаютъ вплоть до мая мѣсяца. Обстановка производства не сложна и не затѣйлива, и состоитъ изъ слѣдующихъ орудій производства: подушки (называемой въ Торжкѣ болваномъ), въ видѣ валька, туго набитой мохомъ, мочалой, соломой и т. п., коклюшекъ, на которыя наматывается нитка (бумажная, льняная или шелковая), лукошка, сколковъ (бумажныхъ лентъ съ наколотыми узорами), и булавокъ. Приготовляются подушки слѣдующимъ образомъ: берутъ лукошко, выбиваютъ изъ него дно и затѣмъ наворачиваютъ на него солому или мочалу настолько, чтобы получить желаемый объемъ. Снаружи обтягиваютъ ихъ толстымъ полотномъ, оставляя середину пустою. Благодаря такому устройству, подушки легки и удобны, и изготовленіе ихъ самими кружевницами не вводитъ ихъ ни въ какіе расходы. Во время работы подушка устанавливается на лукошко, исполняющее роль подставки и подручнаго маленькаго склада орудій и матеріаловъ,—это такъ сказать донельзя упрощенный дамскій рабочій столикъ, о существованіи котораго кружевницы не знаютъ. Величина подушки зависитъ отъ ширины выплетаемаго кружева.

Коклюшки, т. е. тонкія палочки, длиною до 2 вершковъ, на одномъ концѣ имѣютъ углубленіе для наматыванія нитокъ, бываютъ разнообразны: есть простыя, рѣзаныя изъ толстыхъ прутьевъ, некрасивыя неуклюжія и грубой работы; но есть весьма изящныя, передѣланныя изъ пестро-окрашенныхъ веретенъ. Коклюшки—изготовляются братьями и отцами работницъ, но большею частью покупаются у мѣстныхъ токарей. Лучшія дѣлаются пастухами: 50 штукъ отборныхъ коклюшекъ стоютъ 25 коп., а простыхъ—до 10 к. и 15 коп. „Сколки“ калязинскія кружевницы приготовляютъ сами, причемъ матеріаломъ для нихъ служитъ бѣлая толстая бумага, въ какую обертываются сахарныя головы, а также всякаго рода писчая бумага; иногда покупается особая бумага, вродѣ тонкаго картона.—Булавки употребляютъ обыкновенныя, мѣдныя, стоющія 5 к. за сотню.

Полное обзаведеніе для кружевницы не превышаетъ стоимости 75 коп.—Калязинскія кружевницы плетутъ кружево преимущественно изъ бумаги, отчасти изъ шелку и рѣдко изъ нитокъ. Нитяное кружево составляетъ въ Калязинѣ предметъ производства одной женщины, которая въ теченіи 17 лѣтъ не мѣняетъ своего узора: кружева этой женщины покупаются нарасхватъ и она плететъ до обмороковъ. На сколько трудъ ея окупается, можно судить по ея фигурѣ. „Достаточно посмотрѣть на ея опухшее лицо, на ея потухающіе грустные глаза и всю ея жалкую фигуру, прикрытую плохенькимъ ситцевымъ платьемъ, чтобы убѣдиться, сколько силъ и здоровья вплела она въ свое простое, но чрезвычайно красивое кружево и какъ мало получала и получаетъ вознагражденія за свое изумительное трудолюбіе“. Эта труженица не могла бы существовать своимъ трудомъ, еслибы не жила у сестры.

Въ Калязинѣ приготовляется кружево аршинное и штучное. Пріемы при плетеніи перваго слѣдующіе: приступая къ работѣ, кружевница прежде всего изготовляетъ сколокъ, который тщательно прикалываетъ къ подушкѣ. Навернувъ необходимое, смотря по узору, число коклюшекъ нитками, она вкалываетъ у верхней части карты первыя булавки, за которыя завязываетъ концы нитокъ и затѣмъ начинаетъ быстро плести, прибавляя, согласно рисунку, количество коклюшекъ и булавокъ. Коклюшки разгруппировываются по краямъ и внизу подушки, при чемъ отработанная группа, отдѣляется и задерживается большими булавками. Для булавокъ, употребляемыхъ при плетеніи, иногда имѣется особая маленькая подушечка, сшитая изъ какого нибудь цвѣтного лоскутка, иногда же булавки втыкаются въ уголкѣ той-же подушки, на которой происходитъ плетенье. Сработанная часть кружева сматывается, завертывается и зашпиливается на самой подушкѣ, большею же частью опускается въ лукошко или ящичекъ при подушкѣ, которая напр. въ московской губерніи имѣетъ форму не валька, а устроена на особой доскѣ, въ которой вдѣлано особое помѣщеніе (ящичекъ) для готоваго кружева. Аршинное кружево выплетается кусками и срѣзкою; такая

срѣзка бываетъ длиною 12 аршинъ. Принятая длина объясняется тѣмъ, что кружевница, закончивъ срѣзку, немедленно спѣшитъ сбыть ее, чтобы поскорѣе выручить деньги *).

Иные пріемы при работѣ штучнаго кружева. Употребляемый для этой цѣли нѣмецкій или сцѣпной манеръ интересенъ въ томъ отношеніи, что съ помощью 6 или 7 паръ коклюшекъ мастерицы выплетаютъ самые разнообразные предметы, какъ то: косынки, воротнички, шарфики, кокетки съ рукавами для женскихъ рубашекъ, чепчики, вшивки и прошивки для полотенецъ, простынь, пелеринки, мантильи, долманы, цѣлыя платья—словомъ все, чего можетъ пожелать прихотливая фантазія моды.

Работа вещи значительныхъ размѣровъ требуетъ и большой подушки. Величина подушки заставляетъ мастерицу ставить ее на столъ и выкладывать узоры, обходя кругомъ, такъ что почти вся работа происходитъ стоя и потому весьма утомительна.

Плетенію кружевъ обучаютъ женщинъ съ ранняго возраста, такъ что на 8-мъ году отъ рожденія дѣвочки уже въ состояніи заработать себѣ на башмаки. Взрослыя кружевницы начинаютъ работу съ 4—5 часовъ утра и кончаютъ въ 9—10 часовъ вечера, дѣлая весьма короткій перерывъ въ работѣ для обѣда.

Въ Калязинѣ занято плетеніемъ аршиннаго кружева до 1000 и штучнаго до 580 женщинъ, взрослыхъ и дѣвочекъ. Въ Торжкѣ считается 600 кружевницъ, занимающихся исключительно плетеніемъ аршиннаго кружева. На сколько велика производительность Калязинскихъ и Торжковскихъ кружевницъ, и какъ велики ихъ заработки, видно изъ слѣдующихъ данныхъ. Въ Калязинѣ всѣми 1000 кружевницами изготовляется въ теченіи 7-ми мѣсячнаго рабочаго сезона около 500 тысячъ аршинъ кружевъ на сумму 67 т. рублей, и 580 производительницами штучнаго кружева изготовляется болѣе 54 тыс. вещей, на 29 тыс. рублей. Такимъ образомъ 7-ми мѣсячный заработокъ кружевницъ составляетъ не болѣе 70 рублей, а въ день отъ 28 до 36 коп. Въ Торжкѣ 600 кружевницами всего изготовляется 226 тыс. аршинъ кружевъ на сумму болѣе 35 тыс. рублей, причемъ средній денной заработокъ кружевницъ также не превышаетъ 28 коп.

Количество названій и сортовъ кружевъ, изготовляемыхъ въ Калязинѣ весьма разнообразно и простирается до 93 названій узоровъ и предметовъ. Изъ этого числа приходится 77 названій узоровъ на аршинное и 15 названій на штучное кружево. Ширина первыхъ также разнообразна, начиная отъ $^7/_8$ вершка, каковы — „рыжечки“ и кончая 3-мя вершками, каково кружево, по узору называемое „сыпчатое“. Къ числу узкихъ, между прочимъ, принадлежитъ: „русскій калязинскій“, „гребешки“, „обшивочки“, „гранатки“, „маковки“ и т. д., и къ числу широкихъ отъ одного вершка—„паутина“, „старорусскія калязинскія“, „павлинки“, „балахонскій манеръ“, „города“, „рябушка“ и т. д. Въ числѣ штучнаго кружева извѣстны, „свѣсь“ для полотенецъ и простынь, „прошивка“. Въ этомъ родѣ кружевного производства названія узоровъ уступаютъ мѣсто названіямъ предметовъ употребленія, каковы: шарфы, косынки, кокетки и проч.

Калязинскія кружева, какъ мы уже замѣтили, плетутся исключительно изъ бумажныхъ нитокъ; напротивъ—Торжковскія всѣ изъ нитокъ льняныхъ. Торжковскихъ узоровъ насчитывается 35, причемъ узкихъ, менѣе 1 вершка, вовсе не изготовляется. Ширина здѣшнихъ кружевъ колеблется отъ 1 до $4^1/_2$ вершка. Болѣе характерныя названія узоровъ слѣдующіе: „яблочками“, „сердцами“, „вагончики“, „козелочки“, „копытца“, „огурцы“, „кудрявчики“, „блины“, „тарелочки“ и т. д.

На прилагаемомъ рисункѣ (№ 1, 2) помѣщены образцы наиболѣе типичныхъ калязинскихъ и торжковскихъ кружевъ.

Сбытъ калязинскихъ и торжковскихъ кружевъ значительный и, кромѣ ближайшихъ рынковъ обѣихъ столицъ, кружева эти идутъ далеко на югъ Россіи и въ Польшу. Развозятся

*) Калязинскія мастерицы, не смотря на давность промысла, не ввели въ производство никакихъ облегченій въ трудѣ. Такъ, изготовивъ подушку, онѣ устанавливаютъ ее на лукошко; затѣмъ сѣвъ на лавку, ставятъ ее рядомъ и начинаютъ работать. Такое положеніе кружевницы неудобно и утомительно. Хотя одинъ изъ мѣстныхъ кузнецовъ и додумался до подставки и соорудилъ изъ деревянныхъ брусковъ „разножку,“ въ родѣ употребляемой разнощиками, торгующими на лоткахъ, но „разножку“ можно встрѣтить лишь въ единичныхъ случаяхъ. Большинство же кружевницъ продолжаетъ сидѣть за лукошкомъ.

и разносятся кружева особыми торговками, у которыхъ денегъ остается гораздо болѣе того, что получаютъ за свою работу кружевницы. Торговки на столько близко стоятъ къ промыслу, что, напр. въ Торжкѣ, помимо торговокъ, нельзя даже достать образчиковъ. Умѣстно отмѣтить здѣсь тотъ фактъ, что въ періодъ недавней моды на національные костюмы, обшитые кружевами, торжковкія кружевницы были одними изъ главныхъ поставщицъ моднаго „русскаго кружева".

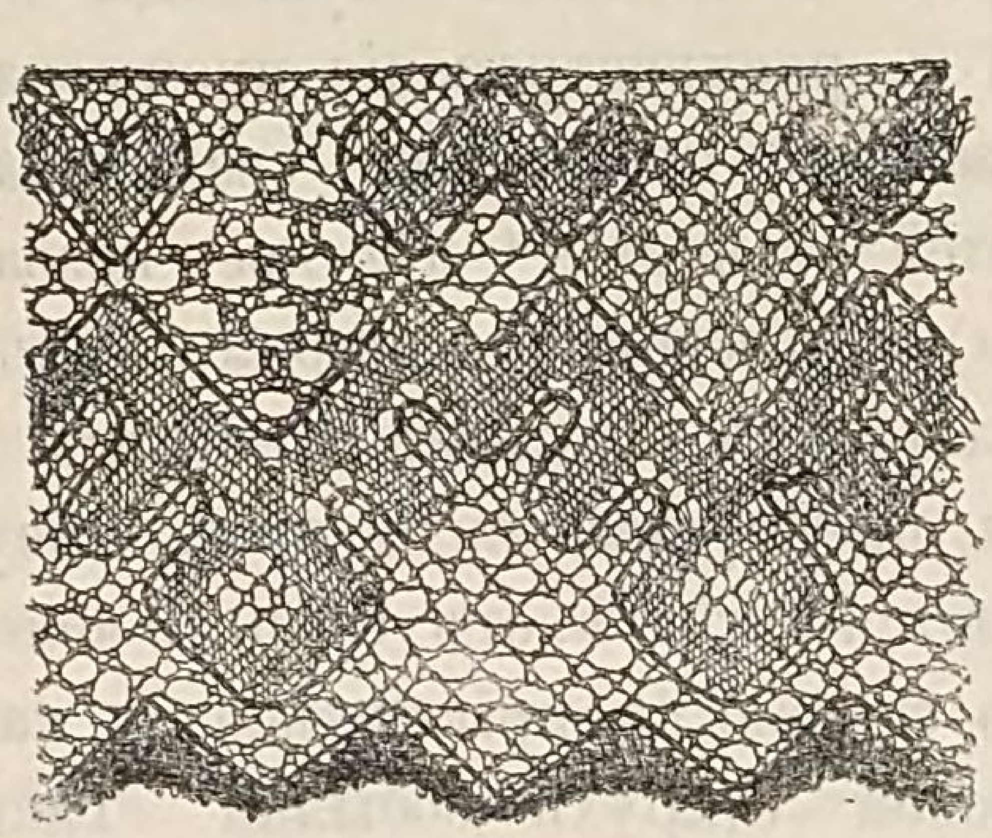
Въ г. Торжкѣ, въ Воскресенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, нѣкоторыя монахини также занимаются плетеніемъ кружевъ, причемъ кромѣ обыкновенныхъ сортовъ, вырабатываемыхъ въ городѣ, одною изъ монахинь производятся выдающіяся вещи. Кружево свое старушка изготовляетъ только по заказу; обладая необыкновеннымъ умѣньемъ подражать старинному типу плетенія, она въ тоже время способна до безконечности разнообразить свои издѣлія, изготовляя ихъ исключительно изъ шелка. Эта труженица сама и узоры составляетъ. Въ монастырѣ нѣсколько дѣвицъ настолько усвоили себѣ пріемы матушки Н., что ея искусство можетъ продолжаться и будетъ передано послѣдующимъ обитательницамъ обители.

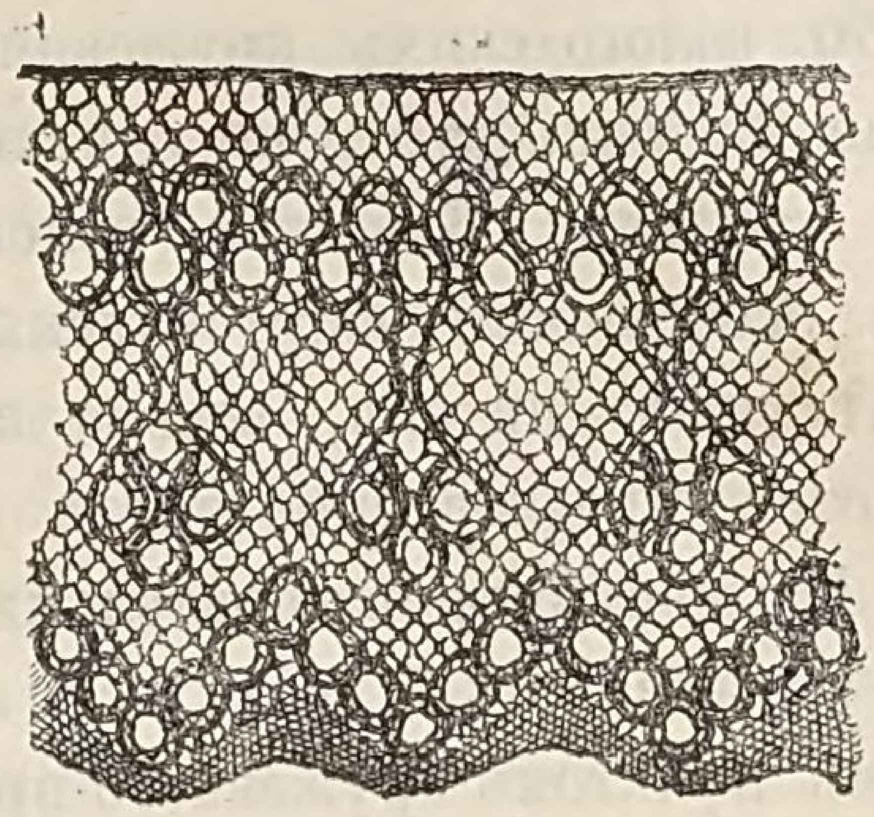
Отъ тверскихъ кружевницъ перейдемъ къ бѣлозерскимъ. Уѣздный городъ Новгородской губерніи Бѣлозерскъ съ древняго времени славился плетеніемъ кружевъ, о качествѣ которыхъ въ старину можно составить себѣ понятіе по сохранившимся въ окрестныхъ монастыряхъ предметамъ. Въ болѣе позднѣе время, при крѣпостномъ правѣ, помѣщики поддерживали плетеніе кружевъ; крѣпостныя дѣвушки наполняли рабочія комнаты помѣщичьихъ домовъ и усидчиво занимались изготовленіемъ кружевъ самыхъ причудливыхъ формъ. Съ уничтоженіемъ крѣпостного права кружевной промыселъ распространился въ количественномъ отношеніи, но издѣліи стали хуже. Въ самомъ городѣ Бѣлозерскѣ нынѣ считается около 300 кружевницъ; кромѣ того плетутъ кружево и въ окрестныхъ деревняхъ: Куности, Маексѣ, Солмасѣ и посадѣ Крохино, хотя и въ ограниченномъ количествѣ. Орудіями производства служатъ тѣ же предметы, о которыхъ сказано выше. Здѣшнія кружева изготовляются изъ разнообразнаго матеріала: начиная отъ толстыхъ пачесныхъ нитокъ и кончая паутинными заграничными нитками и шелкомъ. Обстановка бѣдныхъ кружевницъ г. Бѣлозерска печальна. Въ сильные морозы, когда на полу невозможно долго оставаться, кружевницы забираются на печки и тамъ производятъ свою весьма тонкую и изящную работу; они плетутъ при свѣтѣ сальной свѣчи, крошечной лампочки, чаще просто тонкаго фитиля изъ ваты, продернутаго въ пробку и опущеннаго въ какую нибудь склянку съ керосиномъ; слабый свѣтъ такой лампочки едва освѣщаетъ работницу. И это уже улучшеніе въ освѣщеніи; а не такъ давно работа производилась съ лучиною. Средній заработокъ здѣшней кружевницы 25 к. въ день, и какъ особая рѣдкость 40 к., за 14—15 часовое сидѣнья. Цѣны бѣлозерскимъ кружевамъ на мѣстѣ отъ 50 к. до 1 р. 50 к. за срѣзку, мѣрою въ 10 аршинъ.

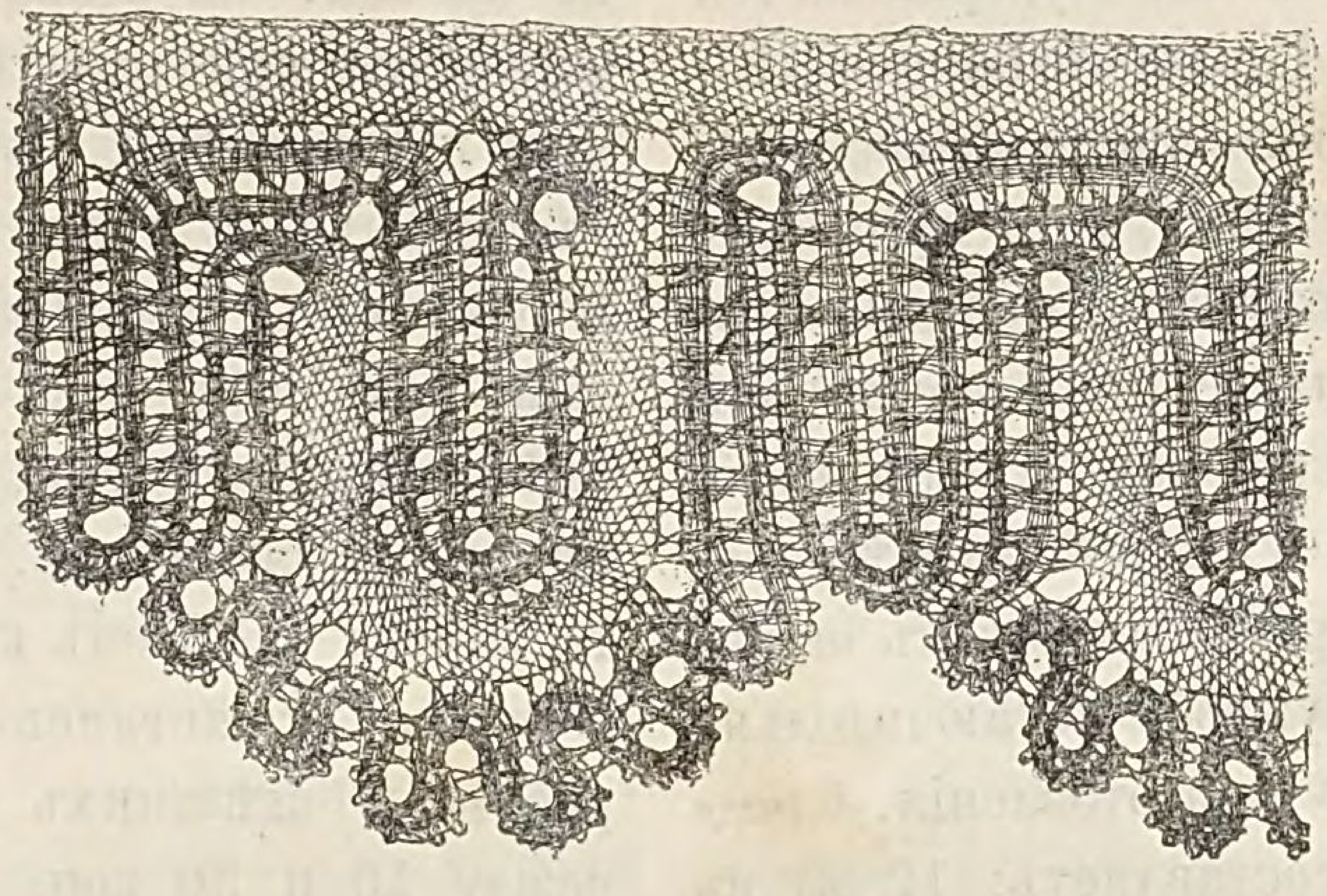
Ближайшимъ къ Бѣлозерску пунктомъ кружевного производства является г. Вологда, гдѣ въ началѣ 70-хъ годовъ насчитывалось до 360 кружевницъ. Кромѣ Вологды плетеніе кружевъ существуетъ въ Вологодскомъ уѣздѣ, отчасти въ Грязовецкомъ и Кадниковскомъ. Въ Вологдѣ кружевное производство весьма значительно и есть семьи, въ которыхъ оно происходитъ круглый годъ и составляетъ спеціальность. Заняты плетеніемъ преимущественно вдовы или семейства отставныхъ чиновниковъ, а также семьи духовныхъ и мѣщанъ. И здѣсь работа продолжается до 16 часовъ въ сутки, давая средній денной заработокъ въ 20 к.; заработокъ въ 25 и 30 к. считается уже большимъ. Лучшая вологодская кружевница можетъ заработать съ своею матерью только 10 р. въ мѣсяцъ, 120 р. въ годъ. На эту сумму приходится существовать въ губернскомъ городѣ, гдѣ жизнь обходится дороже, чѣмъ въ уѣздномъ и деревнѣ. Петербургскимъ покупателямъ Вологодскіе кружева достаются не иначе какъ изъ пятыхъ рукъ. Въ Вологдѣ существуютъ главныя скупщицы, и второстепенныя; у этихъ есть свои коммиссіонерки, такъ называемыя кубенки (крестьянки живущія при Кубенскомъ озерѣ); у тѣхъ опять свои коммиссіонерки въ Петербургѣ, которыя или разносятъ кружева по домамъ, или продаютъ ихъ въ магазины. Приэтомъ цѣна на кружево постепенно ростетъ и доходитъ, напр. съ 15 к. за 10 аршинъ уз-

№ 3. КРУЖЕВА ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

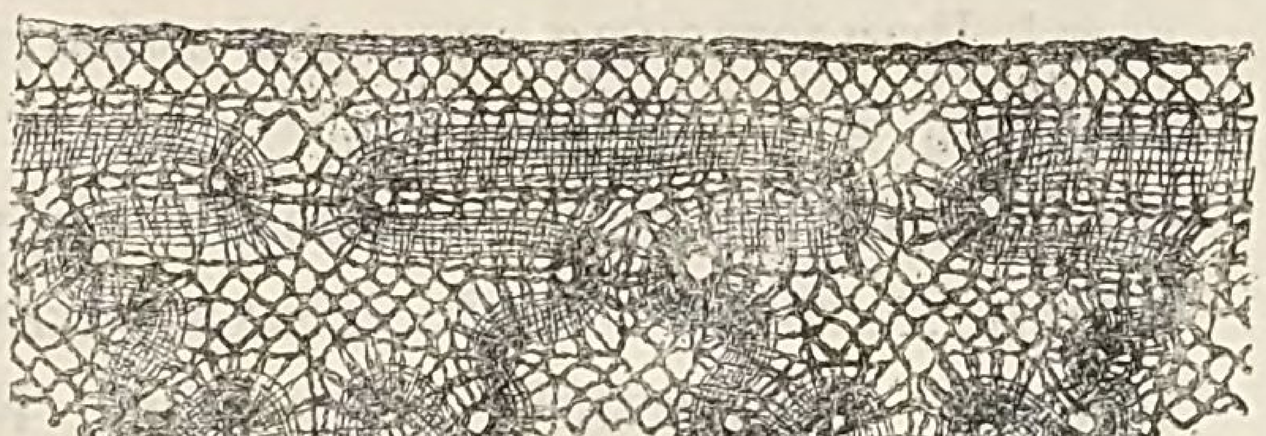
Г. Ростова.

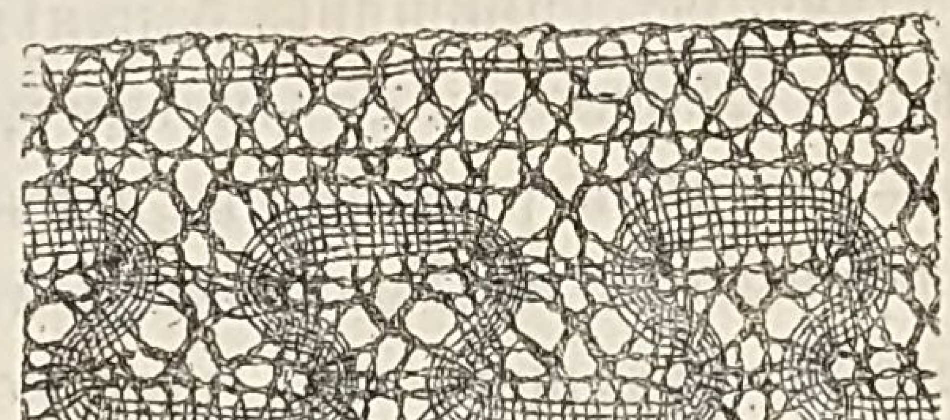

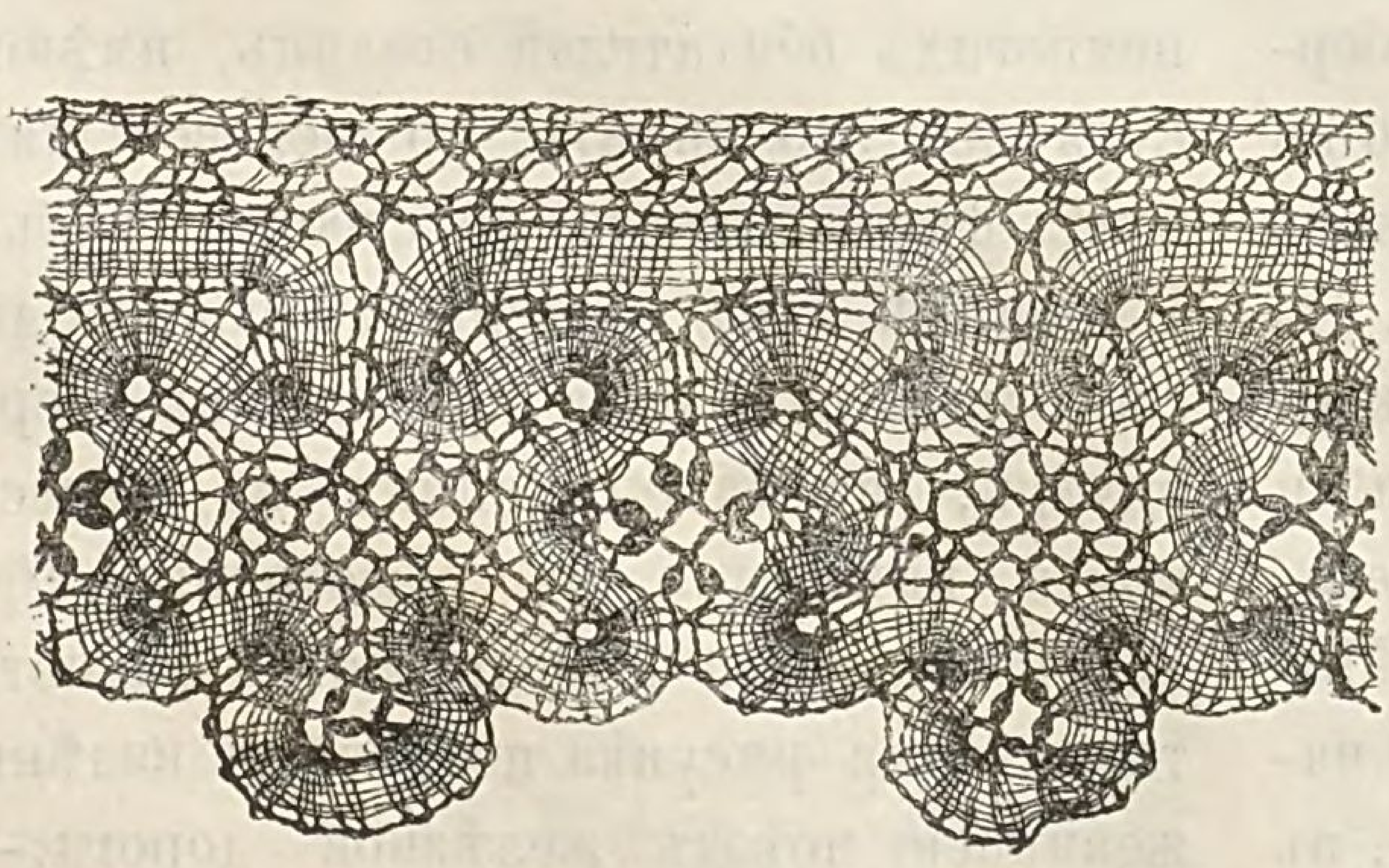
Г. Романова-Борисоглѣбска.

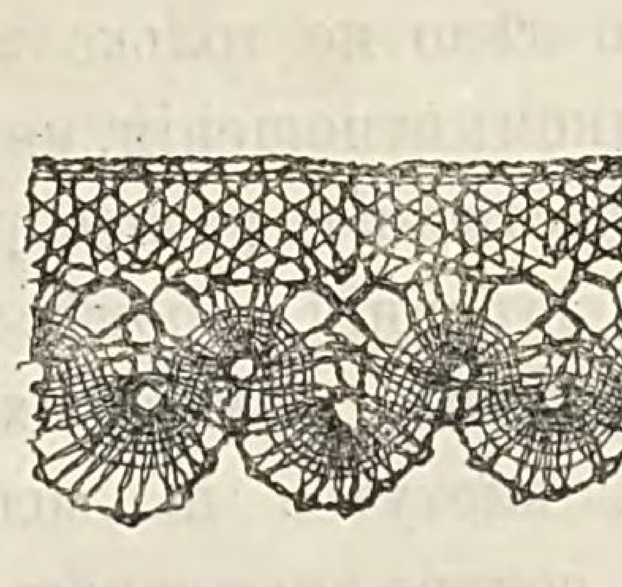
Подвѣсъ—БАРАНЬИ РОЖКИ.

Прошивка—БАРАНЬИ РОЖКИ.

Подвѣсъ—БАБИНО.

Куличики.

каго кружева отъ кружевницы, до 40 к., когда оно продается изъ магазина. Весь годовой заработокъ 360 вологодскихъ кружевницъ простирается до 25 тыс. руб., не считая производства въ уѣздахъ. Качества вологодскихъ кружевъ, въ особенности изготовляемыхъ изъ льняныхъ мѣстныхъ нитокъ, весьма извѣстны и имъ отдается предпочтеніе предъ прочими кружевами. На мѣстѣ производительницы продаютъ такія кружева отъ 5 до 12 к. за аршинъ.

Четвертымъ пунктомъ кружевного промысла, по принятому въ нашемъ очеркѣ порядку, является Ярославская губернія. Здѣсь плетеніе кружевъ замѣтно падаетъ и нынѣ удерживается лишь въ г.г. Ростовѣ и Романовѣ-Борисоглѣбскомъ; въ первомъ изъ нихъ числится всего 14; а во второмъ—48 кружевницъ, и то принадлежащихъ къ среднему возрасту; молодыя дѣвушки не занимаются плетеніемъ кружевъ и предпочитаютъ вязанье крючкомъ и вышиваніе шелками и шерстью по бумажной канвѣ. Романовскія кружевницы производятъ какъ штучное, такъ и аршинное кружево, исключительно изъ нитокъ, собственнаго приготовленія. Средній дневной заработокъ составляетъ: 12 к. въ день за штучное и $17^1/_2$ к. за аршинное кружево. Годовой заработокъ всѣхъ 48 мастерицъ составляетъ скромную цифру 1,118 руб. Изъ штучныхъ кружевъ извѣстны, по названіямъ узоровъ, слѣдующія: „прошивка бараньи рожки“, „подвѣсъ“, „бачино“ и „куличики“, а изъ аршинныхъ—„подвѣсъ русскій“ и „шленское“. Кружевной промыселъ въ Романовѣ вымираетъ и въ недалекомъ будущемъ отъ него не останется и слѣда.

Образцы кружевъ, изготовляемыхъ въ Ярославской губерніи, помѣщены на рисункѣ № 3.

Въ совершенно иномъ состояніи находится кружевное производство въ Московской губерніи, гдѣ это дѣло не только весьма развито въ количественномъ отношеніи, но и представляетъ большое качественное разнообразіе издѣлій. Въ Московской губерніи, кромѣ плетенія обыкновенныхъ кружевъ, бумажныхъ, нитяныхъ и шелковыхъ, плетутся и „золотыя“ кружева.

Главный центръ кружевного промысла въ Московской губерніи—Подольскій уѣздъ, гдѣ насчитываются до 3 волостей съ 43 селеніями, въ которыхъ женское населеніе занимается преимущественно плетеніемъ кружевъ. Главное производство, однако, въ селѣ Васюнинѣ, гдѣ живутъ и главныя скупщицы кружевъ. До 1861 г. распространеніе промысла шло вяло, но затѣмъ постепенно увеличивалось число „плетей“ („плетѣя“ мѣстное названіе кружевницы) и особенно расширилось съ 1876 года.

Плетеніемъ кружевъ женщины занимаются здѣсь преимущественно дома, дѣвушки-же собираются вмѣстѣ, отъ 5 до 10 человѣкъ, и для этого стараются пріютиться у какой нибудь одинокой старухи-бобылки. Такія собранія называются „фабриками“. Дѣвушки поочередно освѣщаютъ избушку и кромѣ того платятъ по 30 коп. на отопленіе.—Кружевницы усаживаются при работѣ на подмостки, настилаемыя вдоль стѣнъ; ночью подмостки служатъ для спанья, а днемъ для производства работъ. Кружевницы умащиваются по турецки, поджавъ подъ себя ноги, а подушку, которая здѣсь имѣетъ форму доски, ставятъ передъ собой на низенькой скамеечкѣ. Такъ происходитъ работа зимой, а лѣтомъ кружевницы работаютъ на воздухѣ, усаживаясь прямо на травѣ.—Заработокъ здѣшнихъ кружевницъ колеблется между 10 и 30 коп. въ день, а въ среднемъ выходитъ 19 коп. на бумажномъ и нитяномъ кружевѣ, и $19^1/_4$ коп. на шелковомъ, что при работѣ отъ 5 часовъ утра до 12 часовъ ночи составитъ по 1 коп. за каждый отработанный часъ! Выплетаемыя кружева имѣютъ болѣе 20 названій и шириною отъ $^1/_2$ до 3 вершковъ. Оригинальныя по узору названія кружева слѣдующія: „копѣечками“, „бахилочками“, „колесами“, „зобастый“, „глазочки“. Въ отношеніи узоровъ кружевницы проявляютъ постоянную изобрѣтательность. Но такъ какъ для нихъ не существуетъ ни альбомовъ, ни музеевъ и ничего подобнаго, что составляетъ достояніе немногихъ обитателей столицъ, имѣющихъ досугъ все это видѣть, то деревенскія кружевницы фантазируютъ по своему. Такъ въ селѣ Васюнинѣ одна мастерица изобрѣла рисунокъ, состоящій изъ ряда круговъ съ переплетомъ внутри, на манеръ спицъ въ колесахъ; эти круги находятся въ разстояніи $^1/_4$ вершка другъ отъ друга и соединяются рѣшеткой. Мотивомъ для рисунка послужилъ видѣнный кружевницею поѣздъ желѣзной дороги;—она задумала воспроизвести множество вертящихся колесъ и достигла того, что получился ориги-

нальный, своеобразный и красивый рисунокъ. Такъ наши крестьянки вдохновляются и изобрѣтаютъ новые „манеры“, которымъ и счету нѣтъ. Въ выработкѣ здѣшнихъ кружевъ употребляется отъ 14 и до 100 паръ коклюшекъ, что говоритъ въ пользу разнообразія и сложности выплетаемыхъ узоровъ.

Плетеніе золотыхъ кружевъ распространено въ 24 селеніяхъ Перхушковской волости Звенигородскаго уѣзда и въ селѣ Староселье Подольскаго уѣзда. Почти всѣ эти селенія смежны между собою и составляютъ одинъ сплошной районъ. Этотъ родъ плетенья возникъ здѣсь послѣ 1812 г., когда сюда случайно отъ французовъ укрылась одна изъ московскихъ мѣщанокъ, которая и принесла съ собою умѣнье плести золотыя кружева. Золотыя кружева различаются по матеріалу, изъ котораго сдѣланы, и называются: мишурными, серебряными и золотыми, и по узору; какъ-то: вьюнчики, рѣшетка, бровочки, глазочки и проч. Орудія производства тѣ же, что описаны нами выше. Нѣкоторые сорта золотыхъ кружевъ распродаются въ Орловской и Курской губерніяхъ для деревенскихъ нарядовъ, другіе употребляются для театральныхъ костюмовъ; наконецъ всѣ сорта съ фольгой отправляются въ Азію и Персію. Эти послѣдніе сорта продаются кусками въ 25 арш. Цѣны выдѣлываемыхъ кружевъ разнообразны: отъ 8 до 30 к. аршинъ, отъ 1 р. 75 к. до 7 р. за кусокъ. Дневной заработокъ на золотомъ кружевѣ отъ 8 до 17 коп. въ день. Всего кружева этого рода выдѣлывается 330 кружевницами болѣе 560 тыс. аршинъ въ годъ, на сумму болѣе 82 тыс. рублей.

Плетеніе всѣхъ сортовъ золотыхъ кружевъ не требуетъ большого искусства; дырочки на сколкѣ стоятъ на далекомъ разстояніи другъ отъ друга, поэтому особенной внимательности не требуется. Число коклюшекъ ограничено. Обученіе дѣвочки плетенью обходится отъ 50 к. и до 2 руб. и эта сумма уплачивается не деньгами, а работою.

Такъ какъ заказчиками этого рода кружева являются купцы, торгующіе этимъ товаромъ, то кружевницъ пріучаютъ къ тому, чтобы верхній аршинъ въ кускѣ „казовый конецъ“ былъ сплетенъ плотнѣе. Кромѣ такого совѣта, заказчики-купцы не вносятъ въ дѣло никакихъ другихъ вліяній и улучшеній; купцы довольствуются тѣмъ, что пріучаютъ кружевницъ плутовать за одно съ собою.

Послѣ московской губерніи, кружевное производство получило значительное развитіе въ тульской и рязанской губерніяхъ.

Въ тульской губерніи плетеніе кружевъ сосредоточено въ гг. Бѣлевѣ, Одоевѣ, слободѣ Челюскиной и деревнѣ Кокурино. Бѣлевское кружево изстари извѣстно было подъ именемъ „верховаго“, употреблявшагося для убранства постелей и вообще верхнихъ отдѣлокъ. Впослѣдствіи мастерицы стали выплетать воротнички и „модести“; послѣднія особенно цѣнились, считаясь верхомъ щегольства въ дамскомъ туалетѣ. Нынѣ все кружево, изготовляемое въ г. Бѣлевѣ, плетется на манеръ такъ-называемаго нѣмецкаго образца, для чего не требуется болѣе 7—8 паръ коклюшекъ. Узоры бѣлевскихъ кружевъ не богаты основными элементами: дорожка холстинкой, рѣшетка, рѣпья, груздики, ковелюжки, паутинка, аграмантикъ, глазками и вахли — вотъ и всѣ манеры бѣлевскаго плетенья. Здѣшнія кружевницы получаютъ болѣе 30 к. въ день. Всѣхъ кружевницъ въ Бѣлевѣ считается 2,000, съ заработкомъ болѣе 153,000 р. въ годъ. Всѣми кружевницами вырабатывается въ годъ: аршиннаго кружева болѣе 30,000 арш., 10,000 косынокъ, 42,000 коймъ для носовыхъ платковъ, 83,000 сухарницъ, 13,000 шарфовъ, 10,000 вуалетокъ, 14,000 кокетокъ; кромѣ того немало другихъ предметовъ. Въ Бѣлевѣ, кромѣ кружевницъ въ городѣ—мѣщанокъ, плетеніемъ кружевъ занимаются и въ находящемся здѣсь Крестовоздвиженскомъ женскомъ монастырѣ.

Въ г. Одоевѣ кружевнымъ плетеньемъ занимается исключительно бѣдное населеніе изъ мѣщанъ, семей старыхъ служивыхъ и обѣднѣвшихъ дворянъ; всего занято плетеньемъ 500 дѣвушекъ и дѣвочекъ. Промыселъ возникъ благодаря одной женщинѣ, начавшей производство въ своей семьѣ. Въ Одоевѣ изготовляется 500 кружевницами около 56,000 штукъ кружевныхъ предметовъ, какъ-то: полекъ, сухарницъ, коймъ къ платкамъ, косынокъ и салфетокъ, всего на сумму 40,000 р. Условія работы, обстановка и сбытъ предметовъ здѣшнихъ кружевницъ ничѣмъ не отличаются отъ представительницъ подобнаго труда въ другихъ мѣстностяхъ.

Въ слободѣ Челюскиной типы кружевъ ори-

гинальны, какъ это видно на прилагаемомъ рисункѣ. Всѣхъ мастерицъ здѣсь не болѣе 16 и ими вырабатывается всего на сумму около 1,000 руб. въ годъ. Основаніе промыслу положено здѣсь помѣщикомъ Соковнинымъ въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія. Этотъ помѣщикъ организовалъ особую крѣпостную мастерскую для плетенья кружевъ, и поддерживалъ въ дѣвочкахъ охоту къ работѣ тѣмъ, что прилежнымъ изъ нихъ давалъ по грошу. Такъ возникъ промыселъ, существующій по нынѣ. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить особую черту здѣшнихъ кружевницъ—это замѣчательную добросовѣстность въ выполненіи работъ и аккуратность, которыхъ не успѣло еще развратить требованіе рынка.

Въ деревнѣ Кокурино числится 15 кружевницъ съ годовою выработкою кружевъ на сумму до 1,000 руб.

Въ Рязанской губерніи кружевной промыселъ существуетъ въ г. Рязани и мѣстномъ монастырѣ, въ городахъ Скопинѣ и Михайловѣ, а также въ михайловскомъ уѣздѣ.

О степени развитія кружевного производства въ Рязанской губерніи можно судить по слѣдующимъ даннымъ: въ трехъ центрахъ этого производства—рязанскомъ, скопинскомъ и михайловскомъ, — работаетъ 7,726 кружевницъ, изготовляющихъ въ годъ свыше 4.000,000 аршинъ кружевъ, на сумму болѣе 350,000 р. въ годъ. Наиболѣе сильное развитіе промыселъ получилъ въ михайловскомъ уѣздѣ. Рязанскія кружева плетутся исключительно изъ бумаги, въ незначительномъ количествѣ изъ нитокъ, а изъ шелка вовсе не плетутся. Сорта по узору разнообразны и ихъ насчитывается болѣе 50; въ числѣ оригинальныхъ узоровъ слѣдуетъ отмѣтить слѣдующія названія: кружокъ въ кружкѣ, полудубовикъ, мушка, вертячій край, круги, расколочныя, имянныя, города и пологія. Ширина кружевъ разнообразна. Заработокъ кружевницы, начиная отъ 10 к., не превышаетъ 22 коп. въ день. Благодаря дешевизнѣ платы, качество работы постепенно и замѣтно ухудшается. Низкая-же плата въ значительной степени зависитъ отъ того, что бумажное кружево становится предметомъ машиннаго производства, съ которымъ приходится конкурировать ручному труду.

Обстановка рязанскихъ кружевницъ такая-же, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ, а потому и говорить объ ней — значило-бы повторять вышесказанное о кружевницахъ въ другихъ мѣстностяхъ.

Образцы кружевъ, изготовляемыхъ въ Тульской и Рязанской губерніяхъ, помѣщены на рисункѣ № 4.

Часто у насъ какое-либо полезное дѣло не спорится за отсутствіемъ энергичныхъ людей, способныхъ дать дѣлу починъ. По отношенію къ кружевному дѣлу, починъ есть и его пріятно и полезно отмѣтить здѣсь. Дѣло въ томъ, что въ Петербургѣ существуетъ уже первая практическая школа кружевницъ. Школа эта возникла и дѣйствуетъ на слѣдующихъ основаніяхъ, съ которыми, конечно, пріятно будетъ ознакомится всѣмъ.

15-го августа 1883 г., по желанію Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы, послѣдовало въ С.-Петербургѣ открытіе „Маріинской практической школы кружевницъ“.

Цѣль основанія названной школы состоитъ въ усовершенствованіи мастерицъ въ техническихъ пріемахъ плетенія кружевъ, въ хорошей подготовкѣ ихъ, въ составленіи узоровъ и сколковъ кружевъ, а также — развитіи въ мастерицахъ понятія объ изящномъ.

Школа помѣщается въ частномъ домѣ (Гагаринская улица, д. № 15). На содержаніе ея отпускается изъ министерства Финансовъ ежегодно по 2,500 руб.

Школа находится подъ общимъ наблюденіемъ и руководствомъ Попечительнаго Комитета изъ трехъ лицъ, приглашенныхъ г. министромъ Финансовъ, и подъ непосредственнымъ управленіемъ надзирательницы, избранной Попечительнымъ Комитетомъ. Лице это, весьма знающее и опытное въ кружевномъ дѣлѣ, имѣетъ главной цѣлью разрабатывать новые пріемы плетенія кружевъ по составляемымъ и выбираемымъ въ школѣ узорамъ.

Матеріаломъ для такихъ узоровъ служитъ богатая коллекція образцовъ кружевной работы разныхъ временъ и центровъ производства, имѣющаяся въ школѣ и пополняемая постоянно. Находясь всегда въ пользованіи мастерицъ, обучающихся въ школѣ, коллекція эта служитъ однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ къ достиженію цѣли школы.

Въ школу принимаются мастерицы, уже

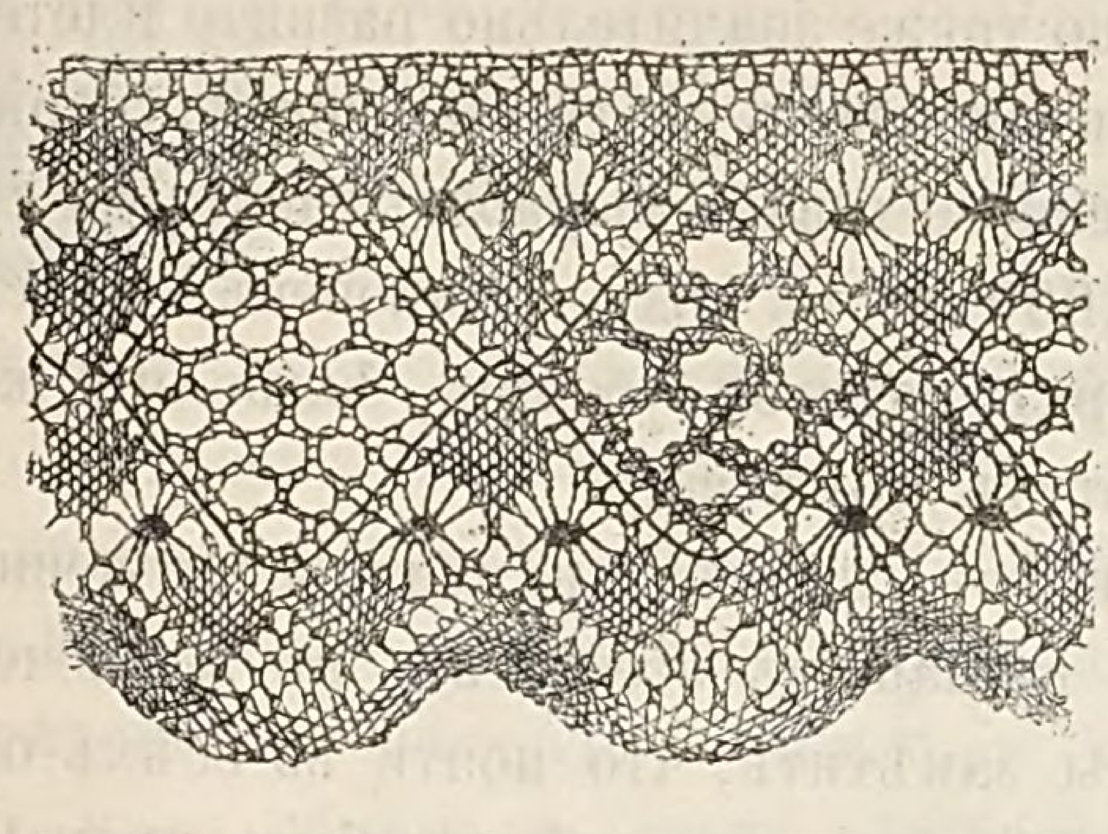
опытныя въ плетеніи кружевъ, изготовляемыхъ на мѣстѣ ихъ постояннаго жительства и въ возрастѣ отъ 20 до 35 лѣтъ *).

Мастерицы, принятыя въ школу, пользуются помѣщеніемъ и пищевымъ довольствіемъ отъ школы и, сверхъ того, получаютъ помѣсячно плату въ размѣрѣ 50 рублей въ годъ, на удовлетвореніе потребностей въ бѣльѣ, обуви и одеждѣ.

Отъ мастерицъ, находящихся въ школѣ, требуется въ общей сложности $8^1/_2$ часовъ работы въ день. Часы занятій распредѣляются согласно времени года и съ такимъ разсчетомъ, чтобы мастерицы ежедневно могли совершать небольшую прогулку подъ наблюденіемъ помощницы надзирательницы, такъ какъ при постоянномъ усидчивомъ трудѣ, движеніе для ма-

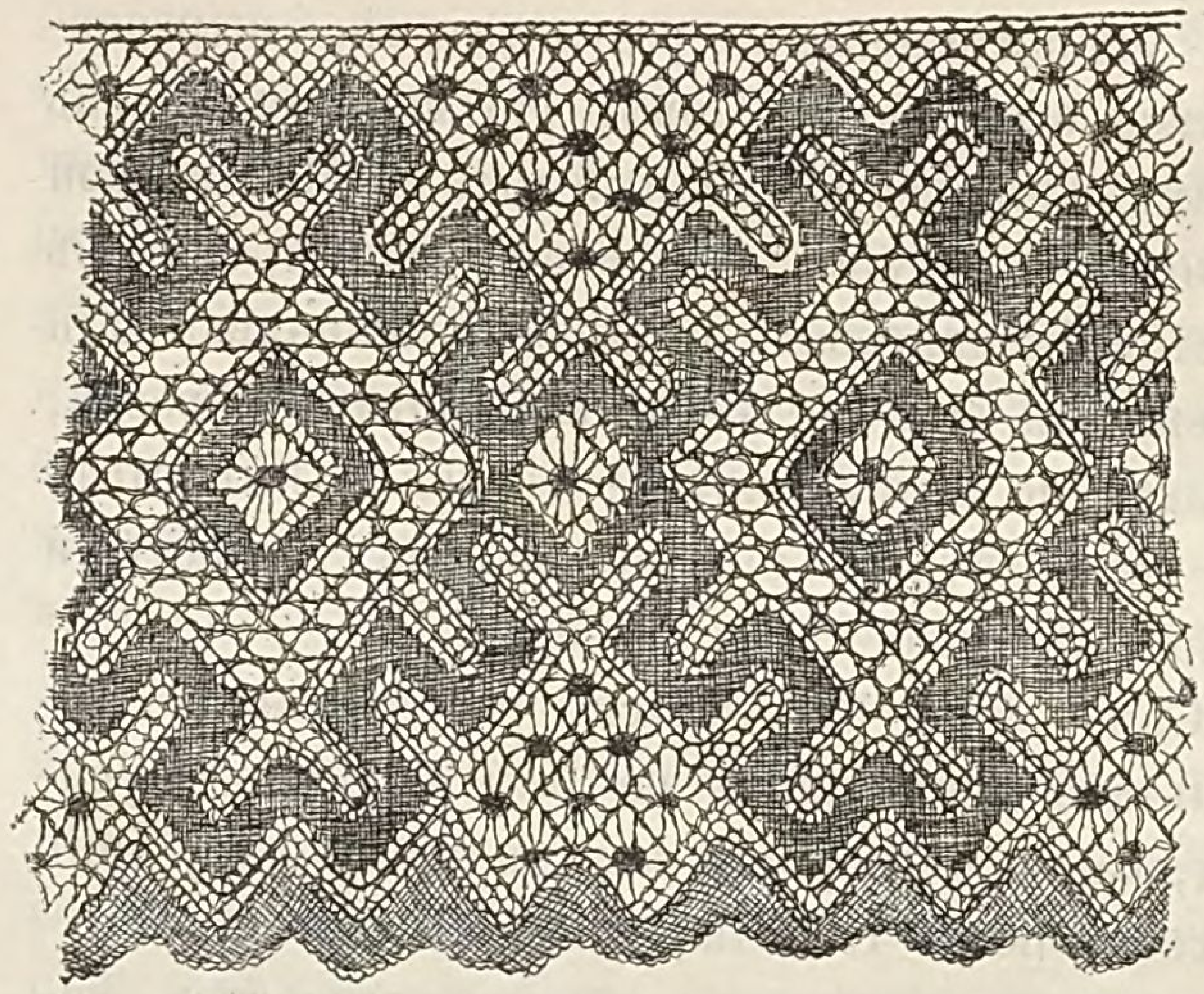
№ 4. КРУЖЕВА ТУЛЬСКОЙ и РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНІЙ.

Слободы Челюскиной
Одоевскаго уѣзда Тульской губерніи.

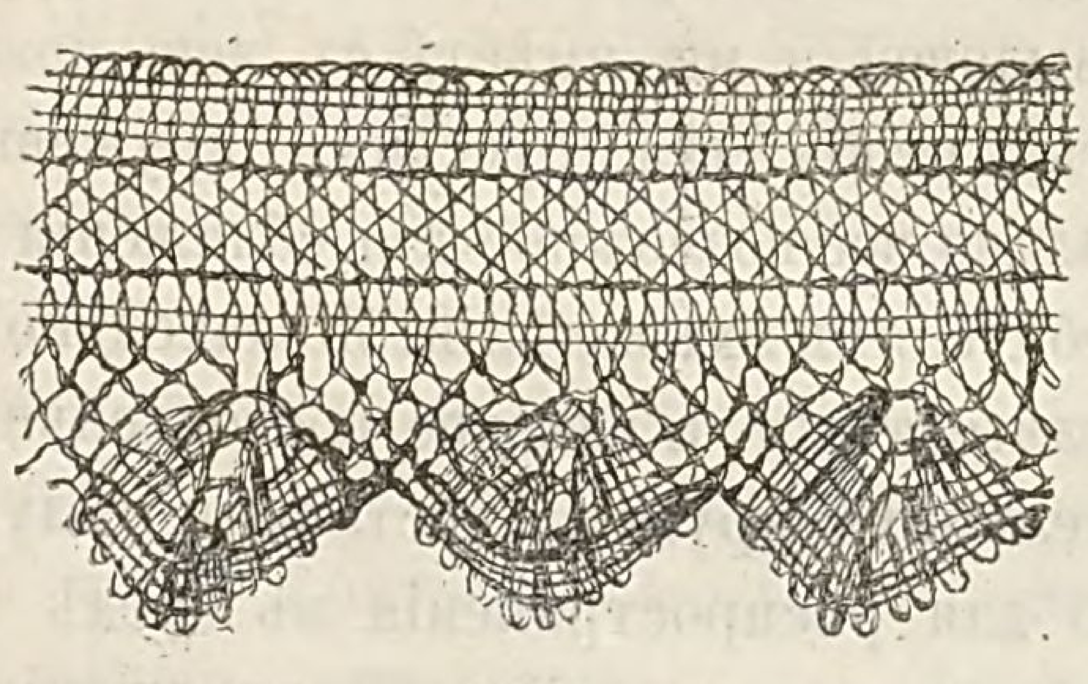
Сколочное—край.

Рязанской губерніи.

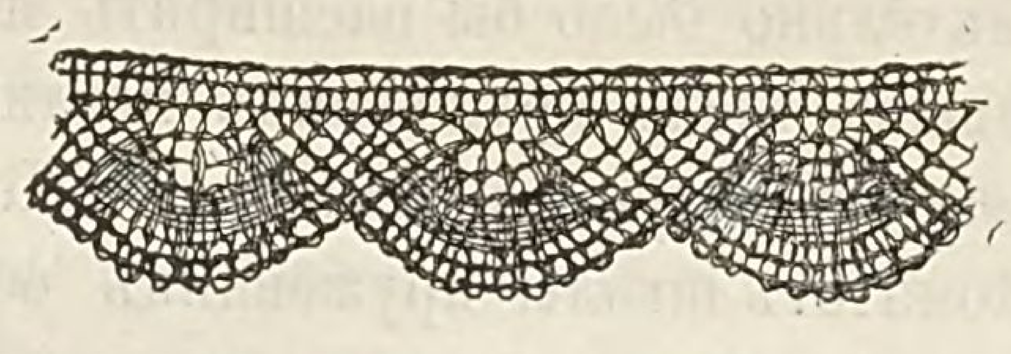

Круги.

Рязанской губерніи.

Города.

Расколочное.

Пребываніе мастерицъ въ школѣ ограничивается однимъ годомъ въ виду того, чтобы онѣ не отвыкали отъ своей семьи и жизни, которую вели до поступленія въ школу **).

стерицъ необходимо. Занятія мастерицъ въ школѣ заключаются въ слѣдующемъ: 1) въ усовершенствованіи въ плетеніи кружевъ; 2) въ занятіяхъ рисованіемъ въ Центральномъ училищѣ техническаго рисованія барона Штиглица, находящемся вблизи Маріинской практической школы кружевницъ; 3) въ урокахъ спеціальнаго рисованія кружевъ, преподаваемыхъ въ Маріинской школѣ; 4) въ составленіи узо-

*) Въ особо уважительныхъ случаяхъ принимаются въ школу мастерицы и не достигшія 20-ти-лѣтняго возраста.

**) Для тѣхъ изъ мастерицъ, которыя окажутъ особенныя способности въ занятіяхъ по рисованію, время пребыванія въ школѣ можетъ быть увеличено до полутора года.

ровъ кружевъ, изготовленіи по нимъ сколковъ и кружевъ; 5) въ починкѣ и чисткѣ кружевъ и, наконецъ, 6) въ преподаваніи плетенія кружевъ, подъ руководствомъ надзирательницы, приходящимъ въ школу ученицамъ, желающимъ изучить кружевное дѣло *).

Такъ какъ въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ въ училищѣ рисованія барона Штиглица не бываетъ занятій, то въ это время въ школѣ кружевницъ усиливается преподаваніе спеціальнаго рисованія.

Преслѣдованіе школою кружевницъ вышеприведеннаго плана обученія привело къ весьма утѣшительнымъ результатамъ, выразившимся особенно въ томъ, что мастерицы, изъ коихъ одна пробыла полный годъ въ Маріинской школѣ, а другая доживаетъ свой срокъ—въ состояніи срисовать кружево, увеличивая или уменьшая его, по желанію, противъ образца, дѣлать по этому рисунку сколки и выплетать по немъ кружева съ надлежащею точность и осторожностью въ исполненіи.

Само собою разумѣется, что указанные результаты достигались не безъ большихъ усилій, какъ со стороны самихъ мастерицъ, такъ и со стороны Попечительнаго Комитета.

Сумма, отпускаемая отъ министерства финансовъ, даетъ возможность Попечительному Комитету содержать въ школѣ всего семь мастерицъ; между тѣмъ для скорѣйшаго распространенія полезныхъ знаній среди невѣжественной массы сельскихъ и городскихъ мастерицъ, желательно было бы расширить школу, дабы бо́льшее число кружевницъ могли въ ней получать хорошую подготовку. Попечительный Комитетъ школы кружевницъ обратился къ земствамъ тѣхъ губерній, въ которыхъ кружевной промыселъ развитъ болѣе или менѣе, съ предложеніемъ: не найдутъ-ли возможнымъ земства способствовать расширенію школы кружевницъ назначеніемъ земскихъ стипендій для мастерицъ-кружевницъ, отправляющихся въ Петербургъ для поступленія въ школу.

Размѣръ этой стипендіи долженъ быть не менѣе 150 руб. въ годъ, изъ которыхъ 50 руб. будутъ выдаваемы школою мастерицѣ стипендіаткѣ на ея одежду, обувь и проч. мелкія нужды.

*) Для неграмотныхъ мастерицъ назначаются въ школѣ уроки чтенія и письма.

Выборъ и назначеніе мастерицы стипендіаткою школы кружевницъ предоставляется земской управѣ, высылающей въ школу деньги на содержаніе стипендіатки. Деньги на содержаніе стипендіатки высылаются сполна впередъ за весь учебный годъ.

Таковы безспорно, разумныя начала полезнаго дѣла, къ которому и должны придти на помощь земства и всѣ тѣ, кому дороги и близки интересы раціональнаго профессіональнаго образованія тысячь русскихъ женщинъ-тружєницъ.

Кромѣ разсмотренныхъ мѣстностей кружевного производства, кружевничество развито въ балахнинскомъ уѣздѣ, нижегородской губерніи, гдѣ плетутся даже блонды—болѣе тонкое кружево. Точно также значительно развито плетеніе кружевъ въ мценскомъ уѣздѣ, орловской губерніи, гдѣ кружевного товара вырабатывается на сумму до 20,000 р. въ годъ. Наконецъ, въ слободѣ Кукаркѣ, вятской губерніи, болѣе 500 женщинъ плетутъ кружева.

Разсмотрѣвъ главнѣйшіе центры кружевного промысла въ нашемъ отечествѣ, въ заключеніе мы должны замѣтить, что почти во всѣхъ описанныхъ мѣстностяхъ изслѣдованіемъ промысла много лѣтъ сряду занималась энергическая и неутомимая наблюдательница — Софья Александровна Давыдова, которая изучила кружевное дѣло лично, и такимъ образомъ освѣтила положеніе значительной отрасли женскаго труда. Нашъ очеркъ составленъ по трудамъ г-жи Давыдовой и мы вмѣстѣ съ нею можетъ пожелать, чтобъ для русскихъ кружевницъ было сдѣлано все возможное для сближенія ихъ съ потребителями ихъ издѣлій. Желательно, чтобъ интеллигентныя, а главное состоятельныя потребительницы кружевъ составили цѣлую ассоціацію для распространенія въ средѣ труженицъ необходимыхъ знаній, для улучшенія промысла и поднятія его, какъ мы видѣли, незавиднаго экономическаго положенія. Говорятъ, что нашимъ дамамъ дѣлать нечего... Если это такъ, то мы совѣтуемъ имъ подумать надъ положеніемъ кружевницъ и въ результатѣ получится даже значительная для моды экономія, такъ какъ выписываемыя изъ-за границы кружева нынѣ оплачиваются пошлиною по 2 р. 20 к. съ фунта; а между тѣмъ „заграничные манеры“ кружевъ могли-бы плести въ Рязани, Твери или Тулѣ...

ГЛАВА ПЯТАЯ.

АСТРАХАНЬ И КАСПІЙСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ.

I.

Физико-географическій очеркъ астраханскаго края. — Характеръ мѣстности. — Почва. — Орошеніе. — Климатъ и господствующіе болѣзни—«ветлянская чума».—Флора и фауна.

И въ отношеніи природы, и въ отношеніи населенія, астраханскій край отличается большимъ своеобразіемъ. Причисляемый въ географическихъ учебникахъ къ Европѣ, онъ, по своему физическому характеру и составу населенія, скорѣе можетъ быть отнесенъ къ азіатскому міру. Находясь на крайнемъ рубежѣ сѣверо - западной части Средней Азіи, онъ служитъ переходомъ отъ послѣдней къ Европѣ. Территорія астраханскаго края обнимаетъ часть обширной арало-каспійской низменности, составлявшей нѣкогда морское дно. Находимыя въ прикаспійскихъ степяхъ морскія раковины служатъ лучшимъ доказательствомъ этого. Все пространство астраханскаго края представляетъ, въ общемъ—равнину и обнимаетъ 4,076 кв. миль или 197,247 кв. верстъ. Равнина эта имѣетъ склонъ къ Каспійскому морю и рѣкою Волгою раздѣляется на двѣ отличныя одна отъ другой части — правую, юго-западную и лѣвую, сѣверо-восточную. Правая часть образуетъ нагорную сторону Волги, оканчивающуюся у самой рѣки крутыми обрывами; лѣвая же представляетъ низменность, на которой если и есть поднятія, то въ видѣ отдѣльныхъ возвышенностей или правильнѣе холмовъ. Но какъ та, такъ и другая стороны не имѣютъ горныхъ хребтовъ. Только по западной окраинѣ нагорной стороны, начиная отъ колоніи Сарепты (саратовской губерніи) тянутся къ югу „хамуры“ или „эргени“—довольно крутые уступы или террасы, служащія переходомъ отъ возвышенностей донецкаго кряжа къ арало-каспійской низменности. Въ „хамурахъ“ берутъ начало множество мелкихъ рѣчекъ и ручьевъ, а мѣстность около нихъ усѣяна безчисленными, почти одинаковой величины холмиками, напоминающими взволнованную поверхность моря. Обитатели крестьянскихъ станицъ по „хамурамъ“ (малороссы) называютъ ихъ могилками или курганами. Къ востоку отъ хамуровъ къ Каспійскому морю тянется низменная калмыцкая степь, служащая главнымъ мѣстомъ обитанія кочеваго калмыцкаго населенія. Степь эта, впрочемъ, не представляетъ совершенно горизонтальной, ровной поверхности, а состоитъ изъ незначительныхъ возвышеній и углубленій, небольшихъ озеръ и песчаныхъ бугровъ; она заканчивается у Каспійскаго моря, такъ-называемыми, мочагами. Опредѣлить положитсльно, что составляетъ преобладающій элементъ мочаговъ—земля или вода — весьма трудно; весь берегъ представляется здѣсь изрѣзаннымъ заливами — ильменями и окаймляющими ихъ буграми.

Лѣвая луговая сторона Волги болѣе соотвѣтствуетъ характеру гладкой, ровной степи. Здѣсь находятся лишь отдѣльныя возвышенности — Большая и Малая Богдо и соляная гора Чаптачи въ 85 верстномъ разстояніи отъ Волги, едва поднимающаяся надъ окружающею мѣстностью. Изъ этой горы добывается безукоризненной бѣлизны каменная соль.

За исключеніетъ только что названныхъ возвышенностей да навѣяныхъ вѣтрами песчаныхъ холмовъ, остальная часть лѣвой стороны является степью на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ. „Дика и однообразна картина этого дѣвственнаго края, почти безводнаго и лишеннаго всякой растительности“, разсказываетъ туристъ. „Бывало ѣдешь цѣлые дни и ничего не видишь кругомъ себя, кромѣ сухихъ солончаковъ да бугровъ

земли, насыпанныхъ у глубокихъ норъ барсуковъ; въ лѣтній жаркій полдень степь обращается въ могилу: ни одного звука не слышно, ни одной капли воды, ни одной свѣжей былинки не видно на ней".

Почва астраханской губерніи состоитъ или изъ глины, смѣшанной съ пескомъ, солью, морскимъ иломъ и раковинами, или изъ одного песку. Песчаныя пространства, какъ уже сказано, преобладаютъ на лѣвой ссторонѣ. Здѣсь находятся извѣстныя „Рынъ-пески", постепенно захватывающіе все бо̀льшее и бо̀льшее пространство. Гонимые вѣтромъ, они въ сухое время года переносятся съ одного мѣста на другое, засыпая все встрѣчающееся на пути. Ханская ставка—главное поселеніе киргизовъ внутренней Буковской орды, основанная около 1825 г. среди равнины, имѣвшей прѣсную воду и растительность, погребена теперь подъ песчаными заносами.

О сокрушительномъ дѣйствіи песковъ свидѣтельствуетъ еще тотъ фактъ, что прибрежная полоса Каспійскаго моря къ востоку отъ Волги съ каждымъ годомъ дѣлается у̀же. Знаменитые Рынъ-пески надвигаются съ сѣвера и прижимаютъ мѣстныхъ жителей киргизовъ къ морю. Оазисы, у которыхъ лѣтъ 15 назадъ кочевали киргизы со своими стадами, засыпаны пескомъ; вода исчезла и появились такіе песчаные бугры, что ихъ видно за нѣсколько верстъ. Пастбищныя мѣста уцѣлѣли лишь по береговой полосѣ.

На правой нагорной сторонѣ дѣйствіе песковъ проявляется не столько въ заносахъ, сколько въ томъ, что здѣсь песчаная полоса у самаго берега Волги постоянно подмывается и осыпается. Такъ жители города Чернаго-Яра принуждены были перенести далѣе отъ берега цѣлую улицу и соборъ, и тамъ, гдѣ прежде находились постройки, теперь Волга катитъ свои волны.

По преобладающему характеру почвы края только весьма немногія его мѣстности являются удобными для земледѣлія. Земли, годныя для воздѣлыванія, находятся въ залежахъ, по балкамъ гдѣ есть черноземъ. Здѣсь соединяются всѣ условія для развитія богатой растительности. Тоже замѣчается въ морской прибрежной полосѣ нагорной стороны или въ мочагахъ. На лѣвой, луговой сторонѣ наиболѣе производительною почвою обладаютъ „займища", затопляемыя во время розливовъ Волги; они имѣютъ наносный, иловатый слой.

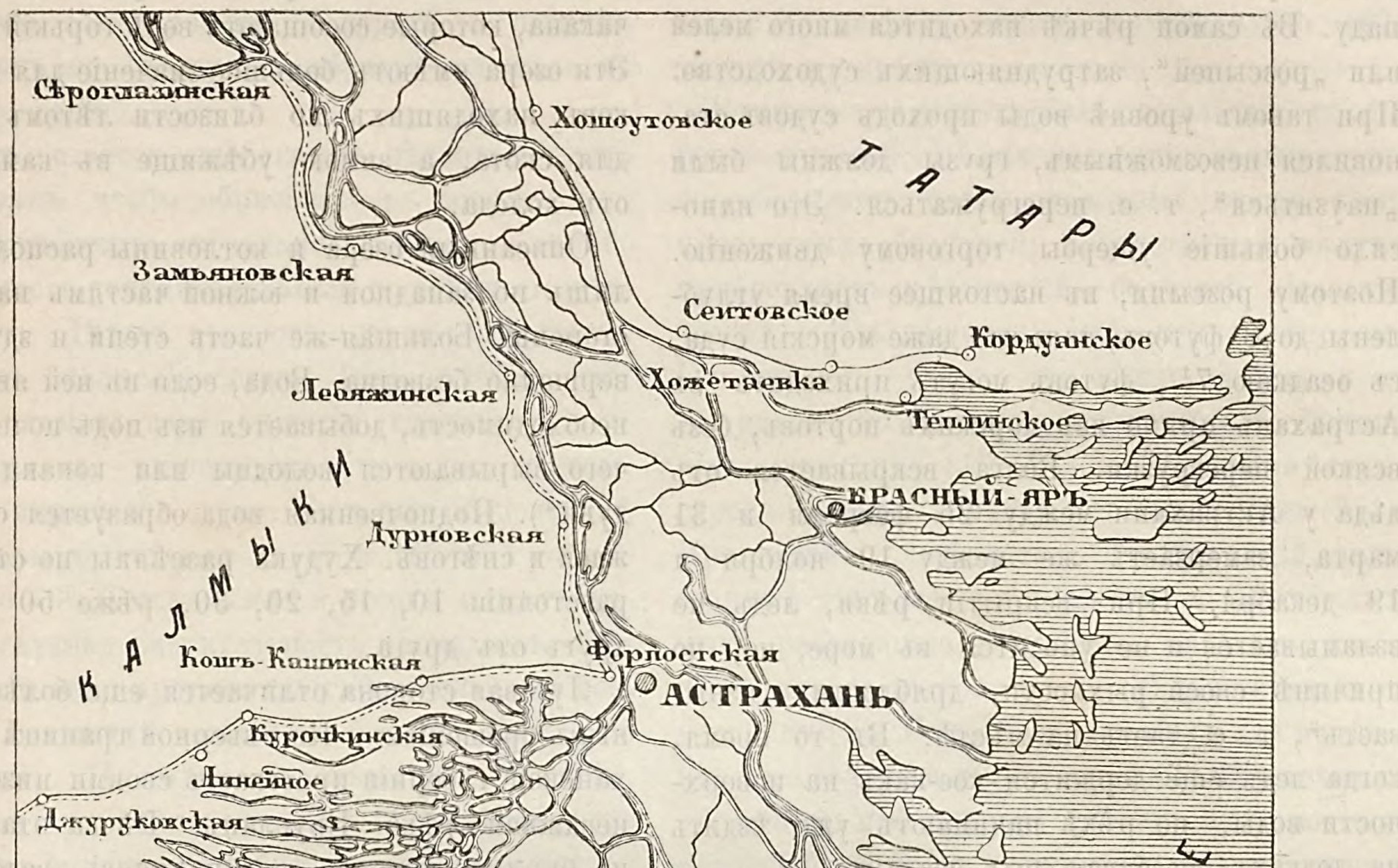
Изобилуя мѣстностями, болѣе пригодными для кочевой жизни, чѣмъ для земледѣльческой культуры край не можетъ пожаловаться на бѣдность минеральныхъ продуктовъ. Соляны его богатства извѣстны издавна. Соль здѣсь находится въ двухъ видахъ — самосадочная или озерная и каменная. Еще въ 1847 г. изъ описанія, сдѣланнаго по распоряженію астраханскаго солянаго управленія, стало извѣстно, что, не включая Царевскаго уѣзда и внутренней киргизской орды, въ краѣ находится до 700 озеръ. Самыя важныя соляноя озера лѣвой луговой стороны: Элтонъ и Баскунчакъ

На луговой же сторонѣ, близь горы Б. Богдо открыто присутствіе сѣры, а около селенія Селитрянаго имѣются большіе запасы селитры. Въ Астрахани при буреніи одного колодца была обнаружена нефть; но колодезь этотъ былъ почему-то засыпанъ. Не далѣе какъ въ 1884 году открыта нефть близь Баскунчакскаго солянаго озера.

Какъ топографическій характеръ и составъ почвы края имѣетъ рѣзкія особенности, такъ и его орошеніе носитъ своеобразный характеръ. Водною артеріею является здѣсь Волга. Но астраханская Волга не та, что вверхъ по теченію, за предѣлами края. Между тѣмъ, какъ въ верхнемъ и среднемъ своемъ теченіи Волга принимаетъ многіе притоки, въ нижнемъ она, кромѣ Сарпы, никакихъ притоковъ неимѣетъ; напротивъ, она сама выдѣляетъ множество рукавовъ („ерики" и „узени" по мѣстному), изъ которыхъ, при впаденіи ея въ море, образуется настоящій лабиринтъ. Самое направленіе теченіе рѣки измѣняется. Миновавъ Саратовскую губернію, она дѣлаетъ крутой поворотъ къ юго-востоку. Нагорный ея берегъ, начиная отъ г. Царицына (Саратовской губерніи), по мѣрѣ приближенія къ устьямъ, понижается болѣе и болѣе: имѣя при Царицынѣ до 40 саж. высоты, онъ у Чернаго-Яра спускается до 6—10 саж., а ниже Енотаевска, онъ превращается уже въ плоскую мѣстность, покрытую лишь песчаными буграми. Теченіе рѣки, какъ уже сказано, сильно подмываетъ нагорный берегъ, особенно во вре-

мя половодья. Оторванныя части берега рѣка осаждаетъ главнымъ образомъ на дно, вслѣдствіе чего ея фарватеръ постоянно подвергается Ахтуба, прежде впадавшій прямо въ Каспійское море, а лѣтъ около 50-ти назадъ слившійся около Астрахани съ главною рѣкою.

КАРТА АСТРАХАНСКАГО КРАЯ.

Низовья Волги и сѣв.-зап. прибрежье Каспійскаго моря.

измѣненіямъ. Лѣвый берегъ, который вездѣ гораздо ниже праваго, образуетъ такъ называемую „пойму“, затопляемую во время разливовъ. Параллельно Волгѣ слѣдуетъ рукавъ ея Устья Волги образуютъ обширную дельту въ формѣ веера, закругленная линія котораго, т. е. обращенная къ морю, тянется на 150 верстъ. Близь центра веера лежитъ Астра-

ханъ. Острова, составляющіе дельту всѣ низменны, болотисты, поросли камышами. Наиболѣе возвышенные изъ нихъ, незаливаемые во время половодья, носятъ названіе „бугровъ". Замѣчено, что бугры эти имѣютъ опредѣленное направленіе, а именно отъ востока къ западу. Въ самой рѣчкѣ находится много мелей или „розсыпей", затрудняющихъ судоходство. При такомъ уровнѣ воды проходъ судовъ становился невозможнымъ, грузы должны были „паузиться", т. е. перегружаться. Это наносило большіе ущербы торговому движенію. Поэтому розсыпи, въ настоящее время углублены до 8 футовъ, такъ что даже морскія суда, съ осадкою $7^1/_2$ футовъ могутъ приходить въ Астрахань прямо изъ морскихъ портовъ, безъ всякой перегрузки. Волга вскрывается отъ льда у Астрахани между 25 февраля и 31 марта, замерзаетъ же между 19 ноября и 19 декабря. При вскрытіи рѣки, ледъ не взламывается и не уносится въ море, но, по причинѣ своей рыхлости, дряблости, „изнываетъ", т. е. таетъ на мѣстѣ. Въ то время, когда ледъ еще держится кое-какъ на поверхности воды, по рѣкѣ начинаютъ уже ѣздить на лодкахъ, разбивая ледъ веслами.

Вскорѣ по вскрытіи, наступаетъ прибыль и разливъ воды. Разливы достигаютъ огромной высоты.

Нашъ извѣстный метеорологъ, г. Воейковъ, сообщаетъ очень интересные по этому поводу факты. Половодье теперь наступаетъ гораздо раньше, чѣмъ прежде, такъ что въ началѣ 40-хъ годовъ между вскрытіемъ рѣки и первымъ возвышеніемъ воды проходило до 42 дней, а теперь всего 24. Продолжительность половодья стала, вмѣстѣ съ тѣмъ, гораздо больше прежняго, такъ что возвышеніе воды, начинаясь ранѣе, кончается позже, чѣмъ 30 лѣтъ назадъ. Наконецъ, высота воды теперь также превышаетъ прежнюю. Такъ, въ 1839—1848 гг. она составляла 99 дюймовъ, а въ 1858—1867—119. Всѣ эти перемѣны объясняются сильнымъ истребленіемъ лѣсовъ по верхнему и среднему Поволжью.

Изъ остальныхъ водъ вниманія заслуживаютъ на нагорной сторонѣ—озёра, или точнѣе, котловины, наполняющіяся весеннею водою съ прилегающихъ возвышенностей. Уровень воды въ нихъ находится въ зависимости отъ количества выпавшихъ зимою снѣговъ и быстроты ихъ таянія. Въ нѣкоторыхъ котловинахъ вода держится постоянно, хотя она большею частію дѣлается негодною къ употребленію, по причинѣ солоноватости окружающей почвы и произростающихъ въ нѣкоторыхъ озерахъ камыша и чакана, которые сообщаютъ водѣ горькій вкусъ. Эти озера имѣютъ большое значеніе для калмыковъ, находящихся по близости лѣтомъ кормъ для скота, а зимою убѣжище въ камышахъ отъ холода.

Описанныя озера и котловины расположены лишь по западной и южной частямъ нагорной стороны. Большая-же часть степи и здѣсь совершенно безводна. Вода, если въ ней является необходимость, добывается изъ подъ почвы, для чего вырываются колодцы или копани („худуки"). Подпочвенная вода образуется отъ дождей и снѣговъ. Худуки разсѣяны по степи въ разстояніи 10, 15, 20, 30, рѣже 50 верстъ другъ отъ друга.

Луговая сторона отличается еще болѣе скуднымъ орошеніемъ. По сѣверной границѣ астраханской губерніи протекаетъ своими низовьями неважная рѣка Еруслань. Рѣчка эта сильно бурлитъ весною, переполняясь водою отъ тающихъ снѣговъ, но лѣтомъ принимаетъ очень плачевный видъ. Лѣтъ 40 тому назадъ, одному киргизскому хану, кочевавшему по близости, пришла мысль запрудить весною р. Еруслань плотиною и образовать искусственное озеро. Результатъ получился поразительный: около 2,000 десятинъ безплодной почвы превратилось въ богатѣйшіе луга, уцѣлѣвшіе до сихъ поръ. Къ востоку отъ р. Еруслана струятся солоноватыя и мутныя воды Большой и Малой Узеней, впадающихъ въ горько-соленыя Камышъ - Самарскія озера. Въ прежнюю пору случалось, что съ этими озерами, при помощи разныхъ протоковъ, во время сильныхъ весеннихъ разливовъ (напр., въ 1845 г.), вступала въ соединеніе р. Уралъ.

Эти рѣки протекаютъ по сѣверной части луговой стороны; въ средней и южной подобныхъ рѣкъ нѣтъ и прѣсная вода добывается изъ колодцевъ. За то здѣсь лежатъ громадныя соляныя озера: Элтонъ (въ царевскомъ уѣздѣ) и Баскунчакъ (въ енотаевскомъ уѣздѣ); кромѣ того, большія пространства заняты здѣсь „хаками" или „морами", т. е. соляными топями

Баскунчакское озеро—самое главное по качеству и количеству добываемой соли. Общая площадь его составляетъ 112 кв. верстъ. Количество соли въ этомъ озерѣ опредѣляютъ колоссальною цифрою въ 11.200.000,000 пуд. Озеро Элтонъ (Алтанъ-норъ, золотое), имѣетъ наибольшую длину свыше 18 верстъ, а ширину слишкомъ въ 14 верстъ, образуя площадь въ 2?0 кв. верстъ.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о климатѣ, чтобы обрисовать въ общихъ чертахъ физіономію астраханскаго края. Климатъ здѣсь чисто-континентальный со всѣми его рѣзкостями. Лѣтомъ бываютъ удушающіе жары, а зимою сибирскія стужи. Такія рѣзкія крайности климата всего сильнѣе сказываются въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ моря, каковы, напр., киргизскія степи. Тутъ уже въ половинѣ мая жары достигаютъ до 35 и 38° по Р, а лѣтомъ до 46°. Тощая земля и песокъ дышатъ жаромъ, скудная растительность пропадаетъ; ночи душны и мало прохлаждаютъ раскаленный воздухъ. Большихъ дождей не бываетъ иногда по мѣсяцамъ. Не только въ открытыхъ степяхъ, но и въ Астрахани удушающій жаръ нерѣдко не даетъ возможности обитателямъ показываться днемъ на улицу. Оттого здѣсь бываютъ вечерніе базары. Выпадаютъ годы, когда жары дѣйствуютъ губительнымъ образомъ на растительность. Такъ, напр., въ 1847 г., вслѣдствіе страшныхъ жаровъ въ іюлѣ, молодыя березки лишились листьевъ и стояли голыя, какъ осенью.

Зимою, наоборотъ, край часто посѣщаютъ сильные холода, такъ какъ сѣвернымъ и сѣверо-восточнымъ вѣтрамъ открытъ свободный доступъ внутрь страны.

Каспійское море обнаруживаетъ на мѣстный климатъ нѣкоторое умѣряющее вліяніе. Это видно изъ того, что въ черноярскомъ уѣздѣ, болѣе удаленномъ отъ моря, весна начинается большею частію позже, а зима наступаетъ ранѣе, чѣмъ въ лежащихъ ближе къ Каспію уѣздахъ: энотаевскомъ, астраханскомъ и красноярскомъ.

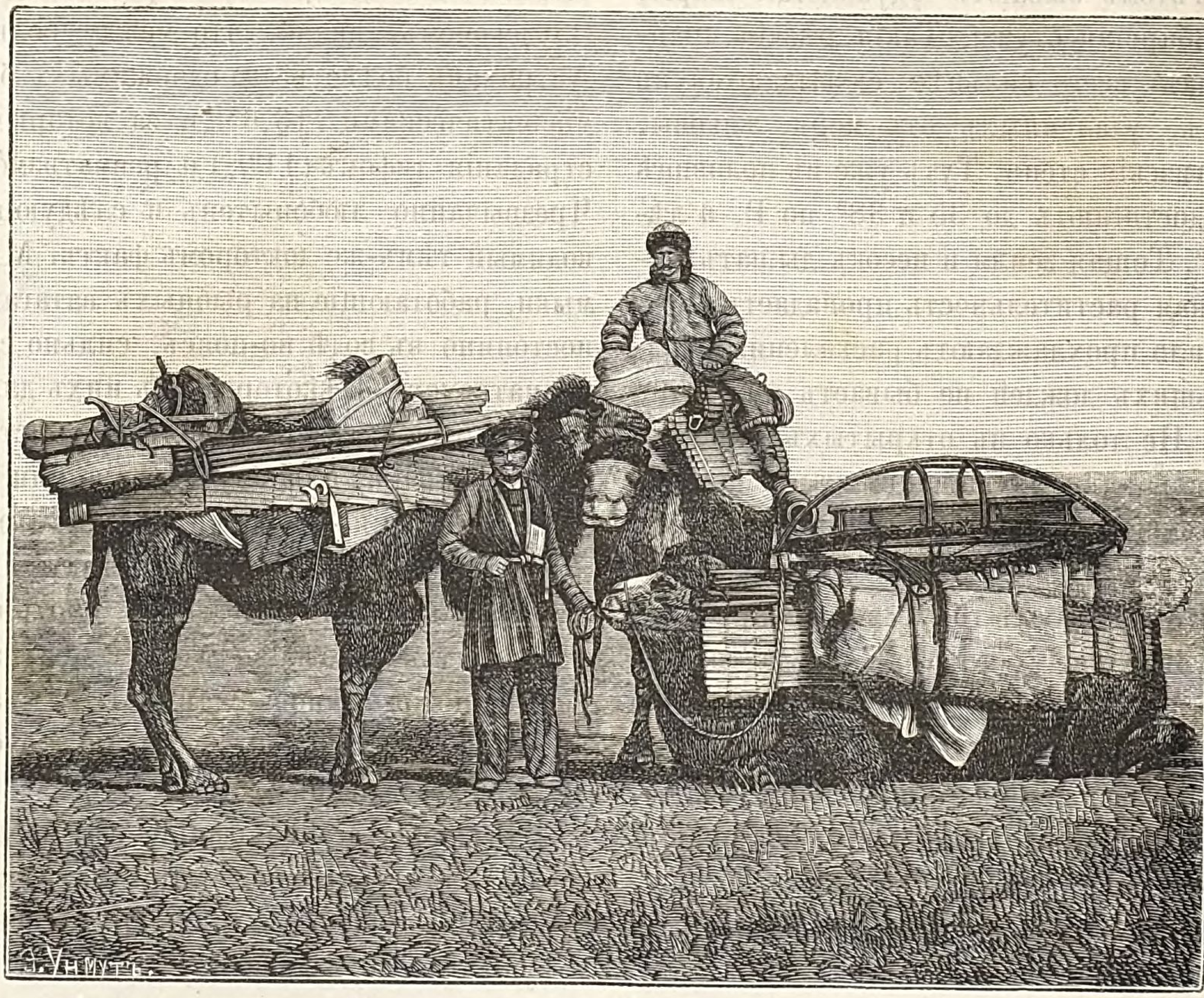
Вѣтры въ астраханскомъ краѣ часто дѣйствуютъ со страшною силою, такъ какъ ни горы, ни лѣса не преграждаютъ имъ путь. Сила степныхъ вихрей и мятелей такъ велика, что противъ нихъ не можетъ устоять не только мелкій скотъ, но и крупный. Лошади и рогатый скотъ, гонимые вихремъ, обращаются въ бѣгство, несутся до истощенія и, въ концѣ-концовъ, погибаютъ цѣлыми тысячами. Такъ однажды вьюга загнала калмыцкіе табуны въ саратовскую губернію. Лѣтомъ также губительно дѣйствуютъ песчаные вихри: мелкая песчаная пыль проникаетъ всюду, и губительно дѣйствуетъ на зрѣніе.

Климатъ оказываетъ большое вліяніе на здоровье жителей. Рѣзкія колебанія температуры способствуютъ распространенію между ними простудныхъ болѣзней; а болотистый воздухъ прибрежныхъ мѣстностей—болѣзней міазматическихъ. Изъ данныхъ, собранныхъ докторомъ Ольдекопомъ, видно, что между больными въ Астрахани болѣе всего одержимыхъ болѣзнями міазматическими (13,6%), за которыми идутъ страданія тифомъ (11%) и ревматизмомъ (9,4). Чрезвычайно любопытенъ и слѣдующій, приводимый тѣмъ-же докторомъ фактъ. Многіе калмыки, работающіе на рыбныхъ ватагахъ, почти постоянно въ водѣ по-поясъ, сильно страдаютъ ревматизмомъ. Нѣкоторые изъ нихъ для исцѣленія отъ этой болѣзни, по неимѣнію достаточныхъ средствъ къ правильному лѣченію или просто по нерасположенію къ больницамъ, отправляются добывать соль на астраханскія соляныя озера, гдѣ, проработавъ годъ или два, смотря по упорству болѣзни, совершенно отъ нея избавляются, и потомъ вновь нанимаются на рыбные промыслы, дающіе имъ большіе заработки, нежели соледобываніе.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что неблагопріятнымъ климатическимъ вліяніямъ на здоровье мѣстнаго населенія въ сильной степени способствуютъ и тѣ бытовыя условія, въ которыхъ оно живетъ. Такъ напр., рыбные промыслы, доставляющіе средства къ жизни массѣ населенія и обогащеніе многимъ, обставлены такъ, что работы на нихъ способны подорвать самое крѣпкое здоровье. Крайне дурныя гигіеническія условія, въ которыхъ живетъ населеніе низовьевъ Волги, подвергаютъ его разнообразнымъ и серьезнымъ формамъ заболѣванія. Нѣкоторыя болѣзни, встрѣчающіяся среди него, бывали такого рода, что сама медицина затруднилась-бы опредѣлить ихъ. Такъ, напр., мы знаемъ, что въ одномъ изъ селеній астраханскаго уѣзда, существуетъ особая болѣзнь, именуемая синевой. Она состоитъ въ томъ, что на

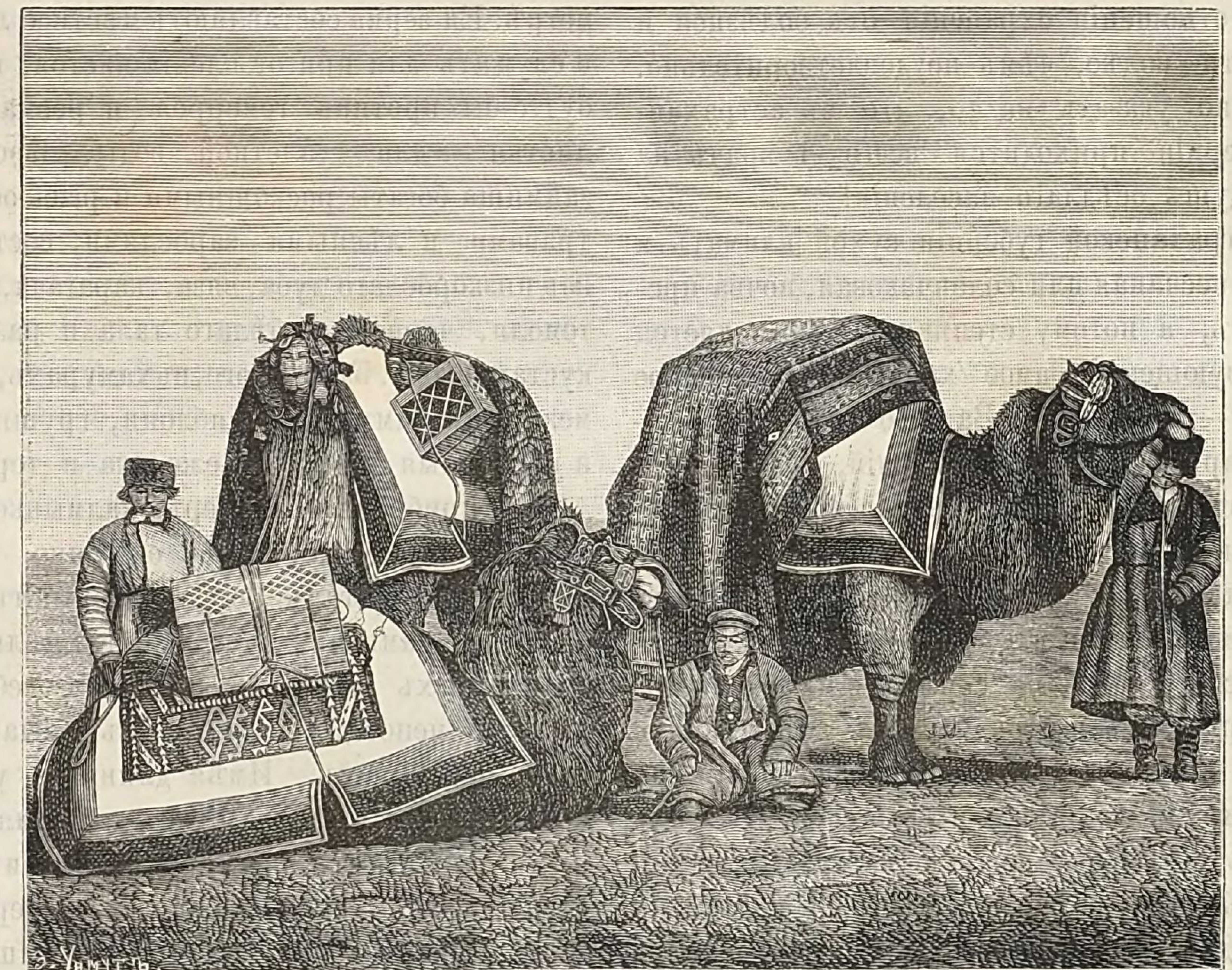
тѣлѣ „являются шишки съ пятнами, затѣмъ онѣ проваливаются, дѣлаются раны, и человѣкъ заживо гніётъ“. Что это за диковинная болѣзнь, и существуетъ-ли она теперь — неизвѣстно.

Не должно, по этому, казаться страннымъ, что когда явилась знаменитая ветлянская чума, можно было высказать смѣло то предположеніе, что эта страшная болѣзнь обязана своимъ происхожденіемъ дурнымъ мѣстнымъ условіямъ. Ходили, правда, слухи, что болѣзнь была занесена какимъ-то казакомъ изъ Турціи, откуда онъ возвратился послѣ войны. Но докторъ Рейтлингеръ справедливо замѣчаетъ на это, что астраханскіе казаки менѣе другихъ частей войскъ приходили въ соприкосновеніе съ турками, отъ которыхъ они только и могли пріобрѣсти зачумленныя вещи. Да еслибъ это и случилось, то они заразились бы тамъ, на мѣстѣ, и, при господствовавшихъ тогда весьма выгодныхъ для развитія чумы условіяхъ, болѣзнь обнаружилась бы немедленно и распространилась бы не только на весь полкъ астраханскихъ казаковъ, но и на другія части войскъ. Съ другой стороны, старшій врачъ астраханскаго казачьяго войска, д-ръ Деппнеръ, наблюдавшій развитіе ветлянской эпидеміи, описывая ея возникновеніе и характерные признаки, указывалъ, что подобныя замѣченнымъ имъ болѣзненнымъ явленіямъ, онъ видѣлъ еще въ маѣ 1877 г., т. е. болѣе, чѣмъ годомъ ранѣе, у нѣсколькихъ лицъ, между прочимъ, въ Астрахани и ея уѣздѣ. У заболѣвавшихъ появлялось сильное лихорадочное состояніе, съ упадкомъ силъ и бредомъ, температура тѣла сильно повышалась, лимфатическія желѣзы нижнихъ конечностей опухали, достигая иногда величины голубинаго яйца. Мѣстные астраханскіе врачи были поставлены въ тупикъ появленіемъ этой эпидеміи, потому что ранѣе ничего подобнаго не видывали. А такъ какъ передъ тѣмъ появилась чума въ г. Рештѣ, въ Персіи, съ которымъ Астрахань находится въ сношеніяхъ, то астраханцы сильно перепугались,

Способъ укладки кибитокъ на верблюдовъ при перекочевкахъ.

подозрѣвая въ новой болѣзни чуму. Но эта эпидемія оказалась не особенно опасною. Такой же характеръ носила въ началѣ своего появленія и эпидемія въ Ветлянкѣ. Она появилась здѣсь въ октябрѣ 1878 г. Когда 18 ноября прибылъ въ Ветлянку д-ръ Депнеръ и увидѣлъ ту же самую болѣзнь, какая была наблюдаема имъ въ Астрахани и астраханскомъ уѣздѣ въ предыдущемъ году, онъ не придалъ этой болѣзни особаго значенія и скоро уѣхалъ. Но уже въ исходѣ ноября эпидемія приняла рѣзкую форму. Она стала распространяться, и всѣ заболѣванія оканчивались обыкновенно смертію. Поднялась страшная тревога. Всѣ ждали, что страшная гостья—чума—изъ астраханскаго края перенесется въ другія мѣстности Россіи и перейдетъ въ западную Европу. По этому на мѣсто появленія эпидеміи были командированы разныя медицинскія знаменитости, въ томъ числѣ извѣстный германскій эпидеміологъ д-ръ Гиршъ. На общемъ совѣщаніи иноземныхъ врачей и профессора Эйхвальда, 22 февраля 1879 г., эпидемія, явившаяся въ Ветлянкѣ, была признана за левантійскую чуму. Такъ какъ болѣзнь никакому лѣченію не поддавалась и смертность дошла до 95%, то оставалось только заботиться о локализаціи чумы при помощи устройства карантиновъ и дезинфекціи. Для болѣе успѣшной борьбы съ заразой, еще въ январѣ 1879 г. учреждено было временное генералъ - губернаторство, въ составъ котораго вошли губерніи: астраханская, саратовская и самарская, а генералъ-губернаторомъ назначенъ графъ Лорисъ Меликовъ. Первымъ дѣломъ графа по пріѣздѣ на мѣсто, было образованіе совѣщательной санитарной коммисіи; затѣмъ назначено 6 санитарныхъ инспекторовъ и учреждены 4 санитарныхъ отряда; устроены были карантины, началась успѣшная дезинфекція. Тогда же обращено было серьезное вниманіе и на устройство рыбныхъ промысловъ. Благодаря всѣмъ принятымъ мѣрамъ, эпидемія была прекращена. Въ теченіе ея умерло 522 чел. Общее количество

Имущество богатаго калмыка во время перекочевки.

умершихъ, какъ видно, было невелико, но эпидемія грозила страшными бѣдствіями.

Ветлянская чума принесла тотъ благопріятный результатъ, что заставила обратить серьезное вниманіе на санитарныя условія, въ которыя поставлено городское и сельское населеніе края. Мало того: были приняты предохранительныя гигіеническія мѣры во многихъ мѣстностяхъ Россіи, между прочимъ и въ Петербургѣ. Къ сожалѣнію, тяжелый урокъ съ теченіемъ времени были забытъ. Теперь, если здоровью населенія и не грозитъ такой опасности, какъ прежде, тѣмъ не менѣе оно обставлено въ отношеніи охраненія отъ болѣзней и смертности болѣе, чѣмъ неудовлетворительно. Достаточно указать на то, что въ астраханской губерніи приходится всего 1 врачъ на 16,400 душъ осѣдлаго населенія!

Въ астраханской губерніи сухой климатъ и степная, песчаная или солончаковая, почва преобладаютъ, а потому степная флора является господствующею. Самое характерное степное растеніе — полынь. За нею слѣдуютъ нѣсколько другихъ видовъ растеній, между которыми есть много полезныхъ. На сыпучихъ пескахъ всюду встрѣчаемъ кумаръ-чекъ (татаръ) или суркула (калмыковъ). Это растеніе своими корнями глубоко проникаетъ въ сыпучіе пески и могло-бы скрѣпить ихъ, но киргизы вырываютъ его съ корнемъ или травятъ скотомъ. Когда созрѣваютъ сѣмена кумаръ-чека, киргизскія женщины и дѣти собираютъ ихъ и варятъ вкусную молочную кашу. На солонцоватыхъ мѣстахъ растетъ солонка, дающая превосходный солодковый корень, и разные виды солянокъ. Солянки идутъ на топливо. Одинъ видъ ихъ (куппекъ) даетъ столько жару, что киргизы пользуются имъ въ кузнечномъ мастерствѣ. Зола солянокъ служитъ для приготовленія мыла. Есть между дикими степными растеніями и красильныя. Напримѣръ, около Камышъ-Самарскихъ озеръ растетъ марена, неуступающая своими качествами дербентской. Хотя марена произрастаетъ и въ другихъ мѣстахъ; но она здѣсь значительно лучше. Краску даетъ и порѣзъ-трава (кна), служащая вмѣстѣ съ тѣмъ для заживленія ранъ, порѣзовъ, ожоговъ. Изъ корня, такъ называемой армянской травы (кермека) извлекается желтая краска, и, кромѣ того, онъ-же идетъ на дубленіе кожъ. Степная мята и клещевина служатъ для приготовленія маслъ. Вообще, степи, при сравнительной бѣдности растительныхъ видовъ, представляютъ между прочимъ не мало весьма полезныхъ въ томъ или другомъ отношеніи.

Флора мѣстностей, обильныхъ водою, напр., на займищахъ, гораздо богаче степной, и отличается уже тѣмъ, что растетъ сплошь, а не кустами. Роскошною представительницею этой флоры является волжская водяная роза. Многіе уподобляютъ ее знаменитой американской кувшинкѣ (Victoria regia), такъ какъ цвѣтокъ ея имѣетъ болѣе $^1/_4$ аршина въ діаметрѣ. Ея зерна составляютъ мѣстное лакомство и служатъ для приготовленія настоя, полезнаго будто-бы противъ геморроя и ревматизма, а листья — для туалетной воды. Кромѣ того, займища богаты роскошными и разнообразными травами и лѣсными зарослями, состоящими изъ низкорослаго дуба, вяза, карагача, осокоря, тополя, чернаго и бѣлаго тала и различныхъ кустарниковъ. Кромѣ того, въ хамурахъ, растутъ, между прочимъ, дикія яблони, груши, вишни и кустарныя растенія—ежевика и тернъ.

По прибрежьямъ озеръ калмыцкой степи (напр., сарпинскимъ), а особенно въ мочагахъ и по берегамъ Волги поражаютъ своимъ обиліемъ камыши, образующіе цѣлые лѣса, въ которыхъ калмыки находятъ себѣ защиту отъ непогоды зимою. Въ мочагахъ растетъ еще чаганъ. Имѣя длинные, узкіе, похожіе на осоку, листья, онъ доставляетъ бѣднымъ калмыкамъ, неимѣющимъ своихъ овецъ и шерсти для выдѣлки кошмъ, матеріалъ для особыхъ рогожъ, служащихъ покрышкою ихъ кибиткамъ.

Кромѣ дикорастущихъ растеній, въ астраханскомъ краю есть не мало и культурныхъ. Такъ, осѣдлое населеніе (русскіе крестьяне и казаки) сѣетъ хлѣба; нѣкоторые разводятъ овощи и фрукты, а также горчицу (около Сарепты). Въ Астрахани удавалось выводить на открытомъ воздухѣ американскую и бѣлую акаціи, гранатовое дерево, американскій кленъ, китайскій ясень, айву, виноградъ и пр. Свекловица удавалась превосходно и давала прекрасные, сахаристые бураки.

Животный міръ астраханскаго края тоже довольно разнообразенъ. Между насѣкомыми значительное число вредныхъ. Кузнечики и

почти ежегодно налетающая саранча являются грозными врагами хлѣбныхъ посѣвовъ; табуны и стада очень страдаютъ отъ слѣпней, пестрецовъ, комаровъ и крючковъ, водящихся по камышамъ. Крючки особенно страшны лошадямъ, которымъ причиняютъ большія мученія. Поэтому калмыки и киргизы, владѣющіе стадами, съ наступленіемъ весны откочевываютъ отъ влажныхъ мѣстъ, обилующихъ этими насѣкомыми, и удаляются въ сухія степи. Но тутъ встрѣчаются другіе враги, а именно водящіеся въ изобиліи пауки, тарантулы, скорпіоны, фаланги, тысяченожки. Черные пауки, величиною въ грѣцкій орѣхъ, особенно ядовитые, а также тарантулы, живутъ въ земляныхъ норахъ. Тарантулы жалятъ морды верблюдамъ, отчего послѣдніе околѣваютъ; коровъ и лошадей кусаютъ рѣдко, а овецъ, особенно черныхъ, какъ говорятъ, даже боятся *).

Пресмыкающихся въ краѣ также не малое количество. На горѣ Богдо много змѣй. Между ними, говорятъ, попадаются экземпляры около сажени длиною. Ящерицъ еще больше. Изъ нихъ заслуживаетъ вниманія водящаяся въ Рынъ-пескахъ замѣчательно красивая ящерица песочнаго цвѣта съ голубоватымъ отливомъ. Когда она играетъ на солнцѣ, то кажется, будто на ней переливаются разнообразные цвѣта.

Рыбы разныхъ породъ составляетъ главное богатство края. Причина обилія рыбы заключается въ мелководности и слабосолености водъ въ сѣверныхъ частяхъ Каспійскаго моря и въ выгодныхъ для ея размноженія условіяхъ, при устьяхъ рѣкъ, особенно въ обширной Волжской дельтѣ. Въ сѣверныхъ частяхъ Каспія глубина очень незначительна. Въ этомъ мелководномъ и слабосоленомъ бассейнѣ накопляется множество питательныхъ веществъ, приносимыхъ Волгою, а также Ураломъ, благодаря чему рыба водится здѣсь въ громадномъ количествѣ. Волжская дельта представляетъ также весьма много благопріятныхъ условій для существованія рыбы. Волжскіе ильмени поросли водяными растеніями, которыя служатъ пищею большей части мелкихъ породъ рыбы. Ильмени, кромѣ того, удобны для метанія икры.

*) У киргизовъ, если тарантулъ ужалитъ человѣка, то ужаленное мѣсто даютъ лизать овцѣ, отчего будто бы пострадавшій поправляется.

Рыбы, водящіяся въ описанныхъ мѣстахъ и служащія предметомъ промысловъ, раздѣляются на два рода: чешуйныя или частиковыя и безчешуйныя или красныя. Къ первому роду принадлежатъ: тарань, бершъ, вобла, каспійская сельдь (бѣшенка), сопа, чехонь, сазанъ, лещъ, щука, судакъ, окунь и линь; ко второму роду: бѣлуга, осетръ, севрюга и стерлядь. Красная рыба цѣннѣе. Бѣлорыбица, хотя и чешуйная, но по цѣнности своей относится также къ красной рыбѣ; сомъ-же, хотя и безчешуйный, но, по низкой цѣнѣ, причисляется къ частиковой.

Весною, обыкновенно въ концѣ марта или началѣ апрѣля, рыба изъ моря идетъ въ рѣку для метанія икры. Одна порода слѣдуетъ за другою. Сперва показывается въ Волгѣ вобла, преслѣдуемая бѣлугой, затѣмъ щука, лещъ и судакъ. Въ срединѣ апрѣля появляются огромныя стада волжской сельди или бѣшенки; за нею идутъ севрюга, сомъ, стерлядь и осетръ.

Птицъ въ краѣ очень много. Водятся драфы или дудаки, журавли („крикуны" и „грыцьки"), орлы, балабаны, беркуты, ястреба, коршуны, луни, сычи, совы, филины, фазаны, дрозды и грачи. Послѣдніе, въ особенности красные, приносятъ большую пользу, истребляя вредныхъ насѣкомыхъ. Хищныя птицы часто исполняютъ роль санитаровъ, подбирая разную падаль и отбросы отъ рыбныхъ промысловъ. Рыболовы, цапли, чайки, колпики, бакланы, бабы, гуси, утки и другія рѣчныя и болотныя птицы встрѣчаются во множествѣ. Берега степныхъ озеръ, рѣкъ и мочаговъ иногда кажутся просто усѣяны ими. По берегамъ Сарпинскихъ озеръ водяныхъ птицъ собирается такое множество, что яйцами ихъ мѣстные жители пользуются для продовольствія. Гуси и утки служатъ предметомъ особаго рода охоты для жителей. Когда они линяютъ, крестьяне загоняютъ ихъ въ ильмени, разставляя по берегамъ послѣднихъ сѣти, ловятъ во множествѣ и сбываютъ городскимъ жителямъ.

Млекопитающими астраханскій край также не бѣденъ. Изъ дикихъ животныхъ слѣдуетъ упомянуть антилопъ—сайгаковъ. Степныя бури нерѣдко загоняютъ ихъ въ селенія или къ кибиткамъ калмыковъ, гдѣ ихъ и ловятъ; много ихъ попадаетъ въ соляныя топи и гибнетъ. Въ прежнюю пору они жили на луговой сто-

ронѣ, но увеличеніе поселеній на этой сторонѣ и безпощадное истребленіе со стороны киргизовъ заставило этихъ боязливыхъ животныхъ переселиться на нагорную сторону, гдѣ калмыцкое населеніе вовсе ихъ не тревожитъ.

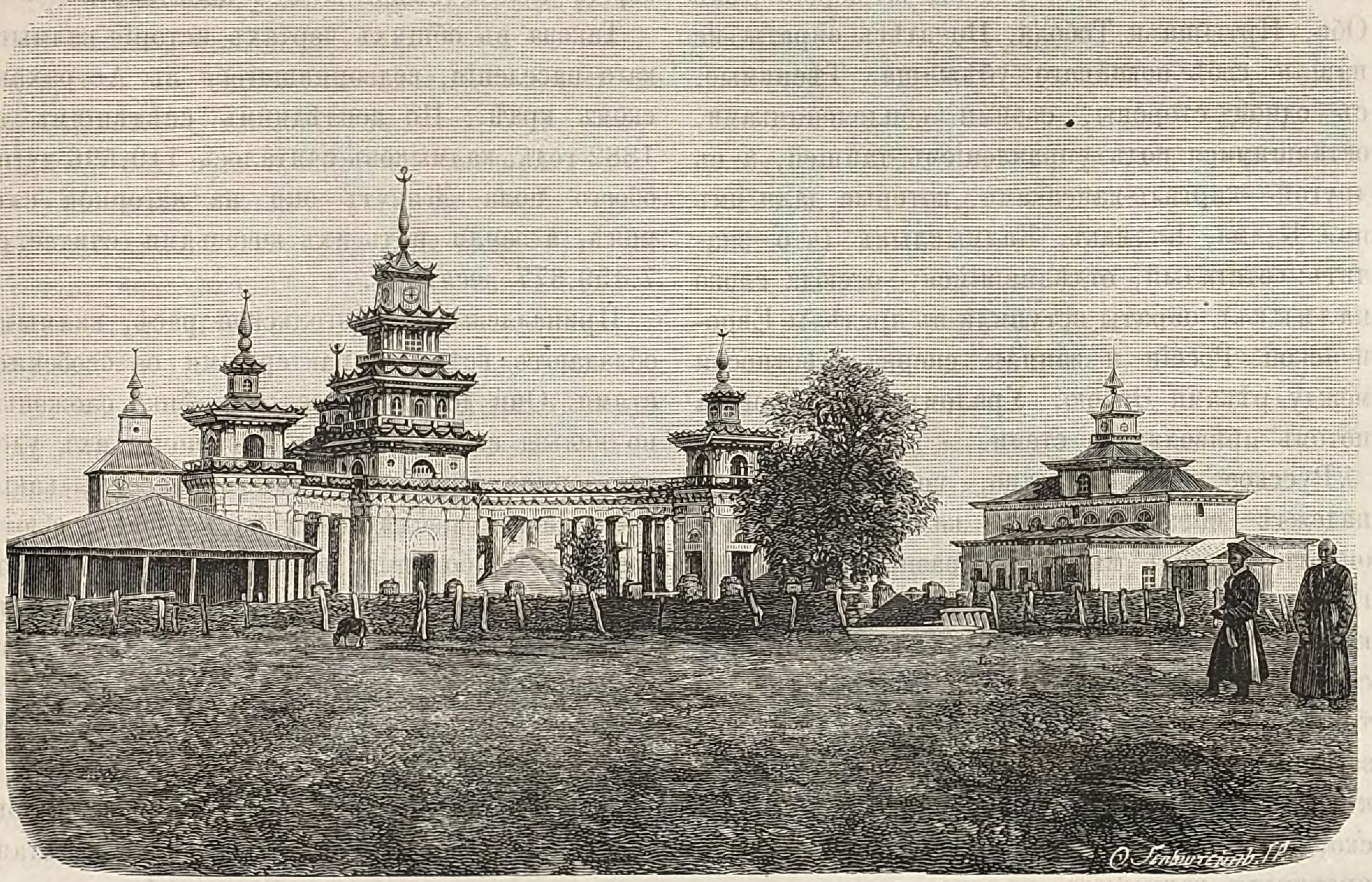
Изъ крупныхъ хищниковъ водится много волковъ (особенно по хамурамъ). Отъ нихъ сильно страдаютъ беззащитные верблюды. Къ одной съ ними породѣ принадлежитъ корсакъ и степная лисица. Изъ грызуновъ видимъ здѣсь: барсука, ласку, хорька, зайцевъ, тушканчиковъ, полевыхъ мышей, хомяковъ, сурковъ и особенно сусликовъ, наносящихъ большой вредъ земледѣлію.

Говоря о млекопитающихъ астраханскаго края, нельзя не упомянуть о тюленяхъ, попадающихся въ Каспійскомъ морѣ во всякое время года. Лѣто тюлень проводитъ въ глубокихъ мѣстахъ, осенью-же подплываетъ большими косяками къ сѣверо-восточнымъ берегамъ Каспія, гдѣ море замерзаетъ ранѣе. Держится онъ болѣе на плавающихъ льдинахъ; если-же заходитъ подъ сплошной ледъ, то продѣлываетъ въ немъ воронки („продухи"), чрезъ которыя вдыхаетъ воздухъ. Первые косяки тюленей, являющіеся осенью, всегда состоятъ преимущественно изъ самокъ, которыя въ концѣ года производятъ дѣтенышей (по одному каждая). Питаются тюлени частиковою рыбою, объѣдая одну тешку, а все прочее предоставляя морскимъ чайкамъ, постоянно сопровождающимъ косяки тюленей. Бой тюленей составляетъ важный предметъ промысла, который, однако, не легокъ: тюлени обладаютъ очень тонкимъ чутьемъ и весьма трусливы, такъ что достаточно малѣйшаго шума, чтобы испугать цѣлый косякъ и заставить его уйти въ море. Смѣлѣе бываютъ только молодыя, неопытныя особи.

II.

Населеніе Астраханскаго края. — Кочевники: калмыки и киргизы. — Осѣдлое населеніе: русскіе, армяне, персіяне, татары и евреи.

Изъ представленнаго нами физико-географическаго очерка Астраханскаго края читатель можетъ видѣть, что въ этомъ краѣ мало привольныхъ мѣстъ для осѣдлыхъ поселеній и лодцы. Земледѣліе въ такихъ мѣстахъ немыслимо; оно возможно только по хамурамъ, отчасти по берегу Волги и въ мочагахъ. Въ этихъ мѣстахъ и сосредоточилось русское осѣд-

Хурулъ (калмыцкій храмъ) въ Хошоутовскомъ улусѣ.

земледѣлія; что обширныя степи края—то песчаныя, то солончаковыя — по которымъ зимою гуляютъ мятели, а лѣтомъ носятся песчаные вихри, могутъ служитъ главнымъ образомъ только для обитанія кочевниковъ. Прѣсныхъ текучихъ водъ въ степяхъ немного; стоячія озера и медленно струящіяся рѣки имѣютъ воду солоноватую или горько-солоноватую, такъ что степные обитатели для добыванія воды принуждены бываютъ рыть въ пескахъ колое населеніе—крестьяне и казаки. По Волгѣ расположились казачьи станицы и крестьянскія селенія; послѣднія идутъ также по ставропольско-царицынскому (около хамуровъ) и кизлярскому (вдоль мочаговъ) трактамъ.

Главную массу кочеваго населенія края составляютъ калмыки—племя монгольской расы. До прибытія своего въ этотъ край калмыки кочевали въ сѣверныхъ предѣлахъ Китая, около Алтая, въ Чжунгаріи. Послѣ Чингизъ-хана въ

Чжунгаріи явились три сильныхъ монгольскихъ поколѣнія: Чоросъ, Хойтъ и Хошотъ, образовавшіе въ концѣ XIV-го вѣка союзъ подъ именемъ Ойратовъ. Позднѣе къ нимъ присоединилось поколѣніе Торгоутовъ, и союзъ этотъ сталъ извѣстенъ подъ именемъ Дербенъ-ойратовъ (четырехсоюзіе; по-монгольски дербенъ значитъ четыре). Дербенъ-ойраты управлялись тайшами и находившимися въ зависимости отъ нихъ нойонами. Вслѣдствіе преобразованій въ союзѣ, въ началѣ XVII столѣтія, нѣсколько нойоновъ вышли изъ союза и одинъ изъ нихъ, Хо-Урлюкъ, въ 1621 г. откочевалъ съ торгоутами въ предѣлы Азіатской Россіи, на берега рѣкъ Оби, Иртыша и Тобола. Но здѣсь ойраты не нашли себѣ покойнаго убѣжища. Тѣснимые, съ одной стороны, своими соплеменниками, оставшимися подъ управленіемъ тайшей, а съ другой—киргизъ-кайсаками, которые дали имъ имя Калма, Калмакъ, Калмыклыкъ (что значитъ: отсталый, отдѣлившійся; отсюда слово калмыкъ), ойраты вступили въ предѣлы Европейской Россіи и заняли сперва мѣстности между рѣками Эмбою, Ураломъ и Самарой, а потомъ приволжскія степи.

Русское правительство, можетъ быть, въ надеждѣ образовать изъ калмыковъ живой оплотъ противъ вторженія разныхъ ордъ изъ глубины Азіи, не оказало пришельцамъ никакого противодѣйствія. Но страшныя опустошенія пограничныхъ селъ и городовъ, которыя стали затѣмъ производить калмыки, заставили русское правительство прибѣгнуть къ силѣ и отправить противъ нихъ войско, которое усмирило дикую орду. Хотя правители калмыковъ клялись русскому правительству въ вѣрности, послушаніи и обязывались не производить грабежей, но они плохо исполняли свои клятвы и обѣщанія и не переставали тревожить русскіе предѣлы своими нападеніями. При Петрѣ Великомъ (въ 1700 г.) калмыкамъ, кочевавшимъ дотолѣ по луговой сторонѣ, отведены были кочевья и въ нагорной.

По смерти Аюки (въ 1721 г.), получившаго въ 1690 г. отъ Далай-Ламы титулъ хана, начались раздоры между его потомками изъ-за права на ханство. Между тѣмъ наплывъ соплеменниковъ-калмыковъ изъ Средней Азіи не прекращался. Въ половинѣ XVIII столѣтія въ калмыцкихъ степяхъ насчитывалось уже больше 80,000 кибитокъ. Ограниченіе нѣкоторыхъ правъ калмыковъ, послѣдовавшее въ 1765 г., основаніе казачьихъ поселеній по Волгѣ и вообще усиленіе русскаго элемента въ краѣ, вмѣстѣ съ учрежденіемъ военныхъ линій по Волгѣ, Уралу и Самарѣ, а главнымъ образомъ распространившійся между калмыками слухъ о томъ, что у нихъ хотятъ отобрать большую часть ихъ кочевій,—все это повело къ тому, что въ 1771 г. большая часть калмыковъ луговой стороны откочевала въ Китай. Въ предѣлахъ Астраханскаго края осталась лишь та часть, которая обитала на правомъ, нагорномъ берегу Волги (около 13,000 кибитокъ).

Такова въ общихъ чертахъ исторія калмыцкаго населенія, водворившагося въ Астраханскомъ краѣ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ за 1882 годъ, калмыковъ считалось 119,596 душъ обоего пола. Живутъ они на нагорной сторонѣ, а земли подъ ихъ кочевьями считается 7.459,377 десятинъ.

Принадлежа къ монгольской расѣ, калмыки обладаютъ всѣми характерными ея особенностями. Они довольно рослы, крѣпко сложены, но нельзя сказать, чтобъ физіономія ихъ удовлетворяла тѣмъ понятіямъ о красотѣ, какія сложились о послѣдней у насъ. Они имѣютъ узкіе глаза, большія, выдающіяся скулы, плоскій носъ, жесткіе черные волосы. Впрочемъ, по увѣренію близко изучившаго бытъ калмыковъ г. Костенкова, черты ихъ лица отличаются добродушіемъ, а между женщинами есть много весьма недурныхъ собою.

Калмыки отличаются большою физическою крѣпостью и выносливостью. Они составляютъ едва-ли не главную рабочую силу на астранскихъ рыбныхъ промыслахъ, гдѣ несутъ самый тяжелый трудъ. Объ ихъ силѣ и выносливости свидѣтельствуютъ многіе факты. „Одинъ человѣкъ въ лодкѣ, вмѣщающей пять, а иногда и семь пассажировъ, съ довольно значительною поклажею, подъ управленіемъ кормщика, выгребаетъ въ сутки до 80-ти, а иногда до 90 верстъ“. Развитію физической крѣпости у калмыковъ способствуетъ спартанское воспитаніе дѣтей. Дѣти у калмыковъ до 6—8-милѣтняго возраста ходятъ нагіе. Въ зимнюю пору они прячутся, какъ сурки, въ родительскія шубы, въ кошмы

и во что попало, а въ остальное время бѣгаютъ безъ всякой одежды. „Вольныя, какъ широкая степь, рѣзвыя, какъ лѣтній вѣтерокъ, кроткія, какъ домашніе звѣрки, калмыцкія дѣти ростутъ изъ года въ годъ и, привыкнувъ съ самаго рожденія ко всѣмъ перемѣнамъ погоды, переносятъ впослѣдствіи самыя рѣзкія и сильныя атмосферическія явленія съ удивительнымъ терпѣніемъ и выдержкою. Правда, не всѣ достигаютъ зрѣлыхъ лѣтъ и большинство умираетъ отъ болѣзней, свойственныхъ юному возрасту; тѣмъ не менѣе, воспитаніе калмыцкихъ дѣтей въ теченіе вѣковъ не измѣнялось, думаемъ, ни на одну іоту“.

Въ отношеніи умственныхъ качествъ и вообще способностей калмыковъ слѣдуетъ замѣтить, что они народъ смѣтливый и переимчивый. Какъ на образецъ, указываемъ на получившаго большую извѣстность Ѳедора Ивановича Калмыка. Захваченный казаками во время уже описаннаго выше бѣгства калмыковъ изъ Россіи, мальчикомъ лѣтъ 5 — 6, онъ былъ привезенъ въ Петербургъ ко двору императрицы Екатерины II, крещенъ подъ именемъ Ѳедора и подаренъ баденской принцессѣ Амаліи (впослѣдствіи матери императрицы Елизаветы Алексѣевны). Сперва мальчика хотѣли-было обучать медецинѣ; но онъ проявилъ способности къ искусствамъ, почему и былъ отправленъ въ Римъ. Лордъ Эльгинъ, во время своего извѣстнаго путешествія, взялъ съ собою Ѳедора Ивановича, какъ лучшаго въ Римѣ рисовальщика (рисунки его съ статуи Фидіаса хранятся и донынѣ въ британскомъ музеѣ); Ѳедоръ Ивановичъ носилъ званіе баденскаго придворнаго живописца и умеръ въ Баденѣ въ 1824 году.

Въ пользу способностей калмыковъ говоритъ и то, что изъ нихъ выходятъ весьма изрядные самоучки-ремесленники. Но за то къ земледѣлію калмыки, видимо, питаютъ отвращеніе.

Калмыки на видъ хотя довольно угрюмы и несообщительны; но очень добродушны. Впрочемъ, несообщительность ихъ происходитъ отъ осторожности и недовѣрчивости, и для того, чтобы расположить ихъ къ себѣ, требуется нѣкоторое умѣнье. Особенно опасно оскорбить ихъ чрезвычайно воспріимчивое самолюбіе: они способны жестоко мстить...

Калмыки живутъ въ кибиткахъ, которыя состоятъ изъ деревянныхъ рѣшетокъ, прикрѣпляемыхъ кольями къ землѣ:—это остовъ кибитки. Поверхъ его, изъ гибкихъ прутьевъ образуютъ округлую крышку, оставляя въ ней отверстіе для свѣта, воздуха и прохода дыма. Среди кибитки устраивается очагъ и устанавливается котелъ. Подъ нимъ разводится огонь, причемъ топливомъ служатъ камышъ или кизякъ. Внутри кибитки разставляются сундуки съ хозяйственнымъ добромъ и деревянная посуда; все это содержится въ крайнемъ безпорядкѣ и нечистотѣ. Въ рѣдкой кибиткѣ разстилаются кошмы (подстилки изъ войлока). Большая часть калмыковъ спитъ на голой землѣ. Сожительство нѣсколькихъ человѣкъ въ тѣсномъ, грязномъ и дымномъ помѣщеніи постоянно поддерживаетъ въ немъ дурной воздухъ.

Одежда, общая всѣмъ калмыкамъ, немногосложна: она состоитъ изъ рубашки, штановъ и сапогъ. Калмыцкая рубашка, кіяликъ, какъ мужская такъ и женская — одного покроя, и своимъ видомъ скорѣе напоминаетъ кофту. Опускаясь немного ниже пояса, она шьется изъ бѣлаго миткаля, цвѣтного ситца, сарпинки или бязи, бываетъ съ длинными рукавами и безъ завязокъ или застежекъ у ворота, всегда широкаго. Штаны шьются изъ нанки, сукна или канауса (у богатыхъ). Они довольно широки и закладываются какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ въ сапоги. Впрочемъ, первые носятъ еще штаны изъ дубленой козловой кожи, болѣе длиннаго покроя. Молодежь въ торжественныхъ случаяхъ любитъ щеголять въ синихъ суконныхъ брюкахъ, на манеръ казачьихъ, съ широкимъ краснымъ лампасомъ. Сапоги, гусунъ,—изъ красной или черной козловой кожи или глянцовитаго чернаго опойка, на двойныхъ каблукахъ, отчего походка калмыка шатка, невѣрна.

Эти части костюма—общая принадлежность всѣхъ. Далѣе начинается уже большое разнообразіе, соотвѣтственно возрасту и полу. Самую распространенную верхнюю одежду у молодыхъ калмыковъ составляетъ бешметъ—родъ казакина. Калмыкъ-юноша въ такомъ бешметѣ на распашку, да еще въ жилетѣ, подтянутомъ ременнымъ поясомъ съ металлическимъ наборомъ, въ синихъ штанахъ съ красными лампасами, въ щеголеватой шапкѣ набекрень—навѣрно произведетъ среди молодежи своего поселка фуроръ. Калмыкъ въ зрѣломъ

возрастѣ, лѣтъ 40, оставляетъ щегольство и облекается въ бешметъ болѣе длиннаго покроя — лаптйкъ. Да и поясъ откладывается имъ въ сторону. Съ приближеніемъ же старости калмыкъ, помышляя о будущей жизни, надѣваетъ древне-монгольскій халатъ, юрмэé, брѣетъ голову, чаще берется за чотки. Такъ мѣняется костюмъ калмыковъ, вмѣстѣ съ привычками, въ теченіе жизни. Неизмѣннымъ остается только развѣ верхнее зимнее одѣяніе — шуба, большею частію нагольная. Кромѣ шубъ, въ большомъ ходу у калмыковъ дешевыя черныя косматыя бурки.

Женскій костюмъ также разнообразится. Какъ только дѣвушка подростетъ, она надѣваетъ корсетъ на манеръ жилета, а сверхъ него платье съ длинными рукавами (берзé). Берзе, чаще всего изъ свѣтлыхъ ситцевъ, подпоясывается кушакомъ, обшитымъ серебрянымъ галуномъ, а за кушакъ затыкается носовой платокъ. Кольца, бильцйкъ, на мизинцахъ, дополняютъ дѣвичій нарядъ. Съ выходомъ замужъ одѣяніе измѣняется. Жилета женщины не носятъ. Кольца съ мизинцевъ переходятъ на безъимянные пальцы. Вмѣсто берзе надѣвается платье другого покроя, называемое „терлйкъ". Женскія шубы дѣлаются изъ разныхъ мѣховъ, отъ самыхъ дорогихъ до самыхъ дешевыхъ (овчинныя). Шубы или покрываются разными матеріями, или же остаются некрытыя — нагольныя.

Богатая калмычка, въ праздничномъ нарядѣ.

Шапки калмыцкія, носящія общее названіе махла, имѣютъ очень разнообразную форму. „Замужнія женщины, и въ особенности пожилыя старухи, не надѣнутъ такой шапки, какую носятъ молодицы, а тѣ, въ свою очередь, — такой, какая прилична дѣвицѣ-невѣстѣ, которая опять не надѣнетъ шапочки, какую можетъ носить только дѣвочка. Впрочемъ, и тутъ бѣдность часто входитъ въ свои права, предоставляя соблюденіе женскаго этикета на долю болѣе богатыхъ, и то въ торжественныхъ случаяхъ. Далѣе, — иную шапку вы увидите на головѣ старика и взрослаго мужчины, а иную на юношѣ. Духовенство также носитъ шапки особыя и лѣтомъ не такія, какъ зимою".

Соотвѣтственно головному убору и прическа испытываетъ у калмыковъ много измѣненій. У дѣтей волосы стригутъ на-голо, оставляя

только пряди съ боковъ, у юношей подстригаютъ, а въ зрѣломъ возрастѣ подбриваютъ на верпокъ кругомъ; наконецъ, въ старости совсѣмъ сбриваютъ. У дѣвочекъ волоса, съ проборомъ посерединѣ, свободно спускаются по обѣимъ сторонамъ головы до самыхъ плечъ; у дѣвицъ заплетаются въ одну, а у замужнихъ въ двѣ косы.

Любимые цвѣта въ одеждѣ калмыковъ: — красный, желтый, бѣлый, черный и голубой. Первые два цвѣта къ тому же имѣютъ религіозное значеніе.

Пища калмыковъ состоитъ изъ молока, мяса и будака — мучной похлебки на маслѣ. Напиткомъ служитъ кирпичный чай, очень питательный. Изъ кумыса приготовляютъ одуряющій спиртный напитокъ. Особое наслажденіе доставляетъ калмыку куреніе табака, распространенное не только между мужчинами, но и между женщинами, и даже между дѣтьми.

Богатая калмычка въ праздничномъ нарядѣ (тотъ-же нарядъ, сзади).

Калмыки разныхъ сословій мало различаются между собою образомъ жизни. Большая часть нойоновъ и зайсанговъ, по образу жизни, походятъ на простолюдиновъ. Они только отличаются отъ послѣднихъ болѣе тонкимъ платьемъ, горскими чекменями, обшитыми позументомъ и шелковыми халатами, да имѣютъ столовую посуду и серебряные приборы. Но и нойоны, и зайсанги съ дѣтства пріучаются къ кочевой жизни, любятъ суровую степную природу, простую пищу и курятъ крѣпчайшую махорку.

Мужчины у калмыковъ малоподвижны. Они, живя въ степяхъ, любятъ заниматься не работами, а физическими упражненіями, между которыми первое мѣсто занимаютъ скачки. Скакать по необъятной степной шири, обгонять другъ друга, при поощрительныхъ крикахъ зрителей — вотъ удовольствіе молодыхъ калмыковъ. Единоборство также любимое ихъ развлеченіе. „Бѣлая кость — калмыцкая аристократія — развлекается охотой. Но калмыки могутъ быть и хорошими работниками. Это можно видѣть уже изъ того, что они очень цѣнятся на астраханскихъ рыбныхъ промыслахъ. Но калмыкъ принимается за работу лишь по нуждѣ, разстроивъ свое кочевое хозяйство и разорившись. Обыкновенно же всѣ домашнія работы калмыкъ возлагаетъ на женскую половину семьи и вообще положеніе женщины у калмыковъ крайне тя-

желое. Она является не болѣе, какъ рабочею силою. На ея обязанности лежитъ: накормить мужа и дѣтей, одѣть и обуть ихъ, заготовить топливо и все необходимое по хозяйству, присмотрѣть за скотомъ. Калмыкъ ни въ чемъ не помогаетъ своей женѣ, валяясь безъ дѣла или шатаясь по сосѣдямъ, или забавляясь, какъ умѣетъ. Поднимаясь со сна ранѣе всѣхъ, калмычка ложится послѣднею. Такое положеніе калмычки подрываетъ ея силы, надламываетъ здоровье. На ней вредно отражается и тяжесть родовъ, при которыхъ практикуются самые варварскіе пріемы, при отсутствіи всякаго ухода за родильницами. Неблагопріятныя условія, въ которыя поставлены калмычки, обусловливаетъ сильную между ними смертность. Поэтому, численность мужскаго пола у калмыковъ далеко превышаетъ численность женскаго. Такъ въ 1868 г. на 68,329 душъ мужского пола приходилось женщинъ всего 51,267, т. е. на 17,000 душъ менѣе.

Религія у калмыковъ буддійская или, точнѣе ламайская. Первоначальное, чистое философское ученіе Будды утратило свой характеръ подъ вліяніемъ грубыхъ понятій кочевника и толкованій ихъ духовныхъ пастырей (гелюнги). Въ общихъ чертахъ, ученіе состоитъ въ томъ, что калмыки поклоняются божествамъ или бурханамъ, добрымъ и злымъ, предполагая, что они облечены особою властію надъ тою или другою стихіею или явленіемъ міра физическаго и нравственнаго. Вѣрятъ они и въ воздаяніе за добрыя и за злыя дѣла, которое состоитъ въ постепенномъ очищеніи душъ, въ восхожденіи ихъ къ высшему началу. Съ этимъ вѣрованіемъ соединяется и вѣра въ переселеніе душъ. Поэтому калмыки считаютъ грѣхомъ убивать животныхъ и предпочитаютъ даже ѣсть падаль; если же убиваютъ, то не добиваютъ совсѣмъ, чтобы они умирали не подъ ножемъ. Впрочемъ, это правило не всѣми строго соблюдается.

Религіозныхъ праздниковъ у калмыковъ не много Главный изъ нихъ называется „цаганъ-сара", установленъ въ память чудесъ Шакджи-Мини и приходится въ исходѣ февраля или концѣ марта. Онъ справляется двѣ недѣли подъ-рядъ, въ теченіи которыхъ калмыцкое духовенство совершаетъ непрерывныя молебствія. Простой народъ сходится на молитву въ первый день празднества. Въ этотъ день каждый калмыкъ какъ-бы считаетъ своею обязанностью напиться до безчувствія; другіе, смотря по достаткамъ, пьянствуютъ дня три и больше. Чествованіе праздника выражается еще и въ лучшихъ кушаньяхъ: въ это время варятъ и жарятъ баранину, пекутъ лепешки съ сахаромъ и т. д.

Богослуженіе у калмыковъ отправляется въ такъ-называемыхъ „хурулахъ", по внѣшнему виду напоминающихъ наши пятиглавыя церкви, а по внутреннему устройству—католическіе костелы: на возвышеніи противъ дверей помѣщается подъ балдахиномъ открытый алтарь; на немъ виднѣется рядъ мѣдныхъ позолоченыхъ или даже золотыхъ идоловъ въ сидячемъ положеніи; на головахъ идоловъ—вѣнцы; они закутаны въ атласныя матеріи, а передъ ними стоятъ чашечки съ зажженными фитилями. Есть у калмыковъ въ хурулахъ и иконы, писанныя на полотнѣ, обшитыя кругомъ каймами изъ матеріи и прикрѣпленныя вверху и внизу къ деревяннымъ перекладинамъ. Между этими иконами заслуживаетъ особаго вниманія „Санкскринъ-Курэдэ", представляющая собою кругъ, наполненный различными картинными представленіями изъ жизни людей и животныхъ, а позади этого круга помѣщается изображеніе божества (Мангусъ), распростертаго надъ кругомъ. Фигура этого божества, съ тремя глазами и злымъ выраженіемъ лица, приводитъ въ трепетъ каждаго калмыка. Съ лѣвой стороны на иконѣ находится Шакджи-Мини, а внизу ея гелюнгъ, занимающійся разъясненіемъ народу путей къ блаженству. Таковъ внутренній видъ и обстановка хуруловъ. При богослуженіи гелюнги усаживаются въ хурулѣ на корточкахъ въ два ряда, начиная отъ входа до самаго алтаря, и гнусливо начинаютъ пѣть молитвы, которыя чередуются съ дикою музыкою, способною разстроить нервы самаго крѣпкаго человѣка.

Калмыки не имѣютъ права переступать даже порогъ хурула, и во время праздниковъ они ограничиваются тѣмъ, что обходятъ хурулъ три раза въ извѣстномъ отъ него разстояніи и при каждомъ такомъ обходѣ дѣлаютъ три земныхъ поклона у порога. Постоянная молитва калмыка состоитъ въ повтореніи словъ „Ом-мани-бадъ-мехумъ". Чѣмъ больше повторяются эти слова, тѣмъ лучше. Но такъ какъ частое по-

втореніе можетъ надоѣсть, да и языкъ устанетъ твердить одно и тоже, то народная мудрость изобрѣла очень простой способъ повторенія молитвы: это цилиндръ съ навернутымъ на него лепесткомъ бумаги, на которомъ написана молитва, а къ самому цилиндру придѣлана ручка. И вотъ, когда нужно, калмыкъ беретъ цилиндръ и начинаетъ его вращать—и это замѣняетъ ему повтореніе молитвы. Тѣ, которые лѣнятся даже вращать цилиндръ, придѣлываютъ къ цилиндру крылья какъ у мельницы, и уже вѣтру предоставляютъ работу вращенія.

Съ религіею калмыковъ связывается и ихъ лѣтосчисленіе. Оно ведетъ свое начало съ переселенія Будды въ Нирвану, событія совершившагося за 2133 года до Р. Хр. Слѣдовательно, текущему году у калмыковъ соотвѣтствуетъ 4017 годъ.

Калмыки имѣютъ довольно своеобразную общественную организацію. Основаніемъ ея служитъ группа близко - родственныхъ семействъ, нераздѣльно кочующихъ въ извѣстной мѣстности (хотонъ). Хотоны образуютъ аймаки, нѣсколько аймаковъ—анчи (роды), а эти послѣдніе — улусы. Всѣхъ улусовъ считается семь. Они подчинены такъ-называемому попечителю калмыцкаго народа и находятся въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ. Каждый улусъ въ частности управляется особымъ попечителемъ, имѣющимъ одного или двухъ помощниковъ.

Въ сословномъ отношеніи калмыки раздѣляются на нойоновъ—владѣльцевъ, пользующихся дворянскими правами; зайсанговъ аймачныхъ, управляющихъ наслѣдственными аймаками; зайсанговъ безъаймачныхъ; духовенство и народъ. Нойоны носятъ у калмыковъ названіе „бѣлой кости“ (цаганъ-ясынъ). Духовное сословіе составляютъ вступившіе съ малолѣтства изъ простолюдиновъ въ манжи (ученики вѣры). Простой народъ образуетъ низшее сословіе и называется „черною костью“ (хара-ясынъ). Духовенство хотя и не принадлежитъ къ первому сословію, но по своему вліянію имѣетъ первенствующее значеніе. Жрецы-гелюнги пользуются безграничнымъ вліяніемъ на простонародье, невѣжество котораго эксплоатируютъ для своихъ личныхъ выгодъ. Они входятъ во всѣ домашнія дѣла, которыхъ собственно не должны-бы касаться, и будучи обречены на безбрачіе, подаютъ всѣмъ примѣръ разврата. Вредная сторона вліянія гелюнговъ на народную массу усиливается тѣмъ, что гелюнговъ между калмыками очень много. Нѣтъ такого аймака, гдѣ не находилось-бы ихъ нѣсколько кибитокъ.

Остановимся на обычаяхъ, которыми сопровождаются главные моменты въ жизни калмыка — его рожденіе, вступленіе въ бракъ и кончина.

Какъ только ребенокъ появится на свѣтъ, ему даютъ имя, обыкновенно—имя животнаго, встрѣченнаго отцомъ, бабкою или самою матерью послѣ родовъ; дается также названіе перваго попавшагося предмета. Поэтому калмыки носятъ такія имена, какъ могo (змѣя), нохо (собака) и т. д. Но попадаются и названія, прилагаемыя къ людямъ, напр., батырь (богатырь). Въ сословіяхъ нойоновъ и зайсанговъ, лучше сохранившихъ древніе обычаи, имена заимствуются изъ монгольскихъ священныхъ книгъ.

Брачные обряды у калмыковъ оригинальные. Сватовство дѣлается чрезъ посредство отцовъ и родственниковъ, безъ вѣдома жениха и невѣсты. За сватовствомъ слѣдуетъ рукобитіе, справляемое въ кибиткѣ невѣстиныхъ родителей; женихъ привозитъ невѣстѣ подарокъ—выкупъ (калымъ), который невѣстинъ отецъ принимаетъ и раздаетъ кому заблагоразсудитъ, или употребляетъ на угощеніе гостей. Празднованіе свадьбы продолжаются очень долго: 5—6 мѣсяцевъ или даже одинъ годъ. Въ назначенный срокъ калмыкъ является къ невѣстѣ, и въ кибиткѣ ея отца начинается свадебное торжество. Молодыхъ сажаютъ на бѣлую кошму, жрецъ даетъ имъ въ руки баранью кость, и читаетъ на совершенно-непонятномъ народу тангутскомъ языкѣ молитву, послѣ чего всѣ угощаются водкою и мясомъ. Торжество кончается тѣмъ, что новобрачный зоветъ къ себѣ жену, но подруги выражаютъ печаль о разлукѣ съ нею. Дѣло доходитъ иногда до открытой борьбы, въ которую вмѣшиваются пріятели молодого. Взявъ жену съ боя, молодой увозитъ ее къ себѣ. Все хозяйственное обзаведеніе—новую кибитку и прчее новобрачные получаютъ отъ невѣстина отца.

Жена бываетъ у калмыковъ одна. Въ старину допускалось и двоеженство, но въ настоя-

щее время оно вывелось. Напротивъ, много калмыковъ не имѣютъ возможности обзавестись и одною женою, такъ какъ мужской полъ преобладаетъ численностью надъ женскимъ.

Погребальныхъ обычаевъ у калмыковъ-простолюдиновъ никакихъ не существуетъ. Съ умершими обращаются крайне безцеремонно—бросаютъ на съѣденіе хищнымъ звѣрямъ и птицамъ или кидаютъ въ воду. Только у нойоновъ и зайсанговъ существуетъ обычай погребать или сожигать трупы. Сожигаются тѣла на особыхъ желѣзныхъ креслахъ съ обручемъ. „Къ креслу привязываютъ тѣло съ поджатыми ногами и обливъ пахучимъ масломъ, ставятъ на костеръ. Пепелъ тщательно собирается; его мѣшаютъ съ тѣстомъ въ видѣ лепешекъ, которыя потомъ раздаются для храненія и памяти друзьямъ и родственникамъ умершаго, или дѣлаютъ изъ него изображенія бурхановъ и ставятъ въ хурулахъ*). На поминовеніе отпускаются деньги или дѣлаются подарки жрецамъ. Прежде надъ прахомъ умершихъ воздвигались въ степяхъ памятники.

Главное занятіе калмыковъ составляетъ скотоводство. Скотъ, можно сказать, единственное условіе существованія кочевыхъ калмыковъ. Калмыки держатъ верблюдовъ, лошадей, крупный рогатый скотъ калмыцкой породы и овецъ.

Верблюды калмыковъ двугорбые. Эти „корабли пустыни“ служатъ имъ для передвиженія по степямъ, перенося на своихъ спинахъ войлочную кибитку хозяина и все его имущество (хурду-мурду). На выставкахъ скота наиболѣе сильные верблюды поднимали клади 87 пуд. 3 ф., но, по свидѣтельству калмыковъ, приводимому г. Костенковымъ, нѣкоторые могутъ поднимать будто-бы 120 пудовъ. Довольствуясь самою скудною пищею, своею любимою колючею травою (Alhagi Camelorum F.) употребляя въ питье всякую воду — соленую, горькую, застоявшуюся и даже испорченную, верблюдъ является неоцѣненнымъ для калмыка животнымъ. Но какъ доходная статья верблюдъ не приноситъ своему хозяину особыхъ выгодъ: онъ недолговѣченъ, плодится медленно, не въ состояніи переносить большой стужи и лишенъ возможности, подобно другимъ домашнимъ животнымъ, добывать, безъ посторонней помощи, подножный кормъ изъ-подъ снѣга. Хотя отъ него получается молоко, но въ очень скудномъ количествѣ. Шерсти даетъ онъ также мало. Ее собираютъ весною, когда верблюдъ линяетъ. Въ продолженіи лѣтнихъ мѣсяцевъ животное, лишенное шерсти, представляетъ самый безобразный видъ. Къ осени оно снова обрастаетъ.

Лошади у калмыковъ своеобразной калмыцкой породы. Онѣ не отличаются красивымъ видомъ, для работы весьма слабы, неспособны и съ большимъ трудомъ пріучаются къ упряжи. Что касается верховой ѣзды, то едва-ли найдется лошадь болѣе выносливая, чѣмъ калмыцкая. На скачкахъ лошади калмыцкой породы пробѣгали по неровной мѣстности 15-ти-верстное разстояніе въ 25—27 минутъ. Уходъ за своею лошадью — любимое занятіе калмыка, который уже со дня рожденія пріучается къ сѣдлу: первые уроки верховой ѣзды преподаются ему въ зыбкѣ, для чего между ногами вставляется особаго рода коробка (цорго), отъ которой ноги получаютъ кавалерійскую кривизну. Рогатый скотъ калмыцкой породы извѣстенъ и внутри Россіи, благодаря прасоламъ, которые большую часть скота пригоняемаго ими на убой, получаютъ изъ калмыцкой степи и продаютъ подъ именемъ черкасскаго. Качество ихъ сильно разнообразится въ зависимости отъ различныхъ степныхъ пастбищъ. Быки калмыцкой породы годны вообще для всякой работы и и отличаются неприхотливостью относительно водопоевъ, почему ихъ охотно покупаютъ крестьяне-возчики астраханской губерніи. Напротивъ, коровы у калмыковъ мелки и даютъ очень мало молока, да и вообще молочное хозяйство у калмыковъ не существуетъ.

Овцеводство играетъ одну изъ важнѣйшихъ ролей въ калмыцкомъ хозяйствѣ, потому что овцы даютъ мясо, молоко, шерсть, сало, овчины, а ухода большого не требуютъ. Овцы у калмыковъ разныхъ породъ; но между ними преобладающее значеніе принадлежитъ курдючной. Мясо мѣстныхъ овецъ вкусно, сочно, нѣжно и не имѣетъ извѣстнаго специфическаго запаха. Отъ одной овцы его получается 60—100 фунтовъ. Но за то шерсть калмыцкихъ овецъ груба, рыжаго цвѣта.

Изъ всего вышеизложеннаго ясно, какое громадное значеніе имѣетъ въ калмыцкомъ хозяй-

*) См. «Письма о путешествіи Наслѣдника Цесаревича по Россіи» К. Побѣдоносцева и И. Бабста, стр. 399.

ствѣ скотоводство. Безъ скота немыслимо существованіе кочевника. Поэтому, во время повальныхъ скотскихъ падежей, нерѣдко посѣщающихъ степь, масса калмыковъ раззоряется и самая численность скота у нихъ подвергается сильнымъ колебаніямъ.

Недостатокъ въ калмыцкой степи удобныхъ мѣстностей для постоянныхъ пастбищъ, а также отсутствіе значительныхъ скопленій годной для употребленія воды, въ связи съ климатическими условіями, побуждаетъ калмыковъ кочевать по степи для прокормленія своихъ стадъ. Всѣ улусы имѣютъ свои постоянныя зимнія кочевья распредѣленіе кочевій между ними зависитъ отъ главнаго попечителя калмыцкаго народа. Калмыки поднимаются съ зимнихъ мѣстъ на лѣтнія кочевки послѣ праздника цаганъ-сара. Покидая свои зимнія стоянки, они складываютъ кибитки и вьючатъ ихъ вмѣстѣ съ прочимъ домашнимъ скарбомъ на верблюдовъ или быковъ. Послѣ перехода въ 5—15 верстъ до ближайшаго пастбища, они останавливаются и остаются на мѣстѣ, пока не вытравятъ скотомъ кормовъ; потомъ переходятъ далѣе. Такимъ образомъ, калмыки кочуютъ все лѣто. Въ августѣ или сентябрѣ они возвращаются на свои зимнія становища, гдѣ ко времени ихъ возвращенія успѣваетъ уже появиться кормъ. Впрочемъ, болѣе заботливые хозяева заблаговременно заготовляютъ сѣно на мѣстахъ зимовокъ, устраиваемыхъ обыкновенно въ мочагахъ волжскихъ займищахъ и по берегамъ сарпинскихъ озеръ, гдѣ скотъ можетъ укрываться отъ непогоды. Въ самой степи остаются на зиму лишь немногіе владѣльцы обширныхъ стадъ, кормящихся подножнымъ кормомъ.

ТИПЫ АСТРАХАНСКАГО КРАЯ.

Калмыцкое духовенство.

Пробовали было обратить калмыковъ къ осѣдлой, земледѣльческой жизни; но всѣ попытки въ этомъ родѣ оказывались безуспѣшными, и мѣстныя административныя власти, кажет-

ся, окончательно покинули всякую надежду на превращеніе калмыковъ въ осѣдлыхъ земледѣльцевъ. Осѣдлая жизнь противна природѣ калмыковъ, и извѣстный нашъ ученый И. Мечниковъ, указывая на вырожденіе калмыковъ, видитъ причину ея въ уклоненіи калмыковъ отъ свойственнаго монголамъ кочеваго образа жизни. Калмыцкое населеніе, по его словамъ, сохраняется лишь тамъ, гдѣ скотоводство продолжаетъ составлять его главное занятіе.

Киргизы представляютъ собою другое кочевое племя края. Они, по численности своей, превосходятъ калмыковъ; а именно киргизовъ считается 223,630 душъ обоего пола. Они принадлежатъ къ такъ-называемой внутренней, Букеевской ордѣ и занимаютъ своими кочевьями довольно обширную площадь—почти въ 7 милл. дес.—на лѣвой сторонѣ Волги. Эта площадь на картахъ обыкновенно обозначается особою границею. Киргизы появились въ Астраханской губерніи позже калмыковъ. Еще въ прошломъ столѣтіи мѣста ихъ нынѣшняго обитанія заняты были калмыками. Когда часть калмыковъ удалилась въ предѣлы Китая, о чемъ было сказано выше, лѣвая, луговая сторона края почти обезлюдѣла: все ея населеніе состояло почти изъ одной кордонной линіи казаковъ астраханскаго казачьяго войска. Командовавшій въ то время этимъ войскомъ, полковникъ Поповъ, находясь въ сношеніяхъ съ киргизскимъ султаномъ Букеемъ, кочевавшимъ со своими киргизами за Ураломъ, сталъ склонять его, чтобы онъ просилъ у русскаго правительства дозволенія перейти на постоянное жительство въ мѣста, лежащія къ западу отъ Урала, въ Рынъ-пески. Такъ Букей и поступилъ.

На водвореніе киргизовъ между Ураломъ и Волгою, 11-го марта 1801 года, послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Участокъ, остававшійся свободнымъ по уходѣ калмыковъ, отданъ былъ во владѣніе новой орды, а Букею ввѣрено управленіе ею сперва на правахъ султана, а потомъ хана. Численность киргизовъ внутренней орды сперва была не велика. Съ Букеемъ прикочевало всего тысячи полторы кибитокъ; потомъ, лѣтъ черезъ пять, кибитокъ было уже до 5,000; число ихъ — не столько, впрочемъ, вслѣдствіе естественнаго прироста населенія, сколько отъ притока новыхъ кочевниковъ изъ-за Урала — постоянно возрастало, такъ что въ 1845 г. въ ордѣ считалось болѣе 30,000 кибитокъ. По смерти Букея, умершаго въ 1815 году, внутреннею ордою управлялъ нѣкоторое время его братъ Нурали-ханъ, а потомъ старшій сынъ его, Джингаръ. Этотъ киргизъ вкусилъ плодовъ образованія, потому что отецъ посылалъ его для ученья въ Астрахань. Онъ сдѣлался въ нѣкоторомъ родѣ преобразователемъ орды; но его преобразованія принесли народу болѣе вреда, чѣмъ пользы. Такъ, до него, земли, отведенныя киргизамъ, находились въ общемъ ихъ пользованіи, а Джангиръ вздумалъ приступить къ надѣлу ихъ землею въ собственность, и вслѣдствіе того, что онъ при надѣленіи руководился родствомъ, связями и личнымъ расположеніемъ къ нѣкоторымъ близкимъ людямъ, однимъ достались крупные участки и притомъ хорошаго качества, а другимъ—земли малыя и плохія. Это породило неудовольствіе въ населеніи и даже вызвало волненія, которыя пришлось усмирять силою. Далѣе Джангиру-же принадлежитъ основаніе осѣдлаго поселенія въ ордѣ—Ханской ставки. Основаніе ея обязано слѣдующему обстоятельству. Джангиръ взялъ себѣ въ жены дочь оренбургскаго муфтія, Фатиму, а эта особа до брака жила въ городѣ, въ удобномъ и тепломъ домѣ, и къ житью зимою въ холодной киргизской кибиткѣ не была способна *). Ханъ рѣшился построить для своей супруги домъ въ степяхъ. Ему дали пособіе и инженера, и вотъ на мѣстности, считавшейся лучшею въ ордѣ, въ Рынъ-пескахъ, въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія явился обширный одноэтажный домъ съ мезониномъ, крытый желѣзною крышею, съ многочисленными хозяйственными пристройками, кладовыми, амбарами, сараями и проч., а вблизи выстроилась довольно красивая мечеть. По примѣру хана стали строить себѣ дома его родственники, приближенные, купцы. Такъ возникло цѣлое селеніе, получившее названіе „Ханской ставки". Мало-по-малу и прочіе киргизы начали устраи-

*) Г. И. Казанцевъ въ своемъ «Описаніи Киргизъ-Кайсакъ» (Спб., 1867 г.) говоритъ про нее, что она была „женщина образованная, хорошаго обращенія, знала всѣ приличія общежитія, говорила и писала, кромѣ татарскаго, на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ".

вать на своихъ зимовкахъ жилища изъ землебитнаго кирпича.

Нравы и обычаи киргизовъ внутренней орды представляютъ много общаго съ бытомъ ихъ одноплеменниковъ за Ураломъ—киргизовъ Тургайской и Акмолинской областей и другихъ мѣстностей нашихъ средне-азіатскихъ владѣній. Поэтому подробнѣе мы коснемся ихъ когда-нибудь, описывая киргизское населеніе нашихъ азіатскихъ областей. Здѣсь-же мы остановимся на семейныхъ отношеніяхъ киргизовъ Букеевской орды, потому что въ нихъ лучше всего рисуется степень развитія народа. Хотя киргизы исповѣдаютъ магометанскую религію, но женщина у нихъ не играетъ роли затворницы, какъ это водится у турокъ, персіянъ и другихъ магометанскихъ народовъ. Зависитъ это отъ условій кочеваго быта, при которомъ невозможно укрыть женскій полъ отъ постороннихъ взоровъ. Хотя женщины, повидимому, пользуются относительною свободою, но это не препятствуетъ имъ играть роль очень жалкую. О положеніи женщины въ киргизской семьѣ можно судить по тому, что и матерямъ у нихъ не оказывается ни малѣйшаго почтенія, да и къ женѣ киргизъ относится хуже, чѣмъ къ лошади.—При томъ гнетѣ, какой приходится переносить киргизской женщинѣ, о супружескомъ согласіи не можетъ быть и рѣчи, и киргизскимъ судамъ очень часто приходится разбирать дѣла о супружескихъ несогласіяхъ. Такія дѣла между супругами станутъ болѣе понятными, если принять во вниманіе, что браки у киргизовъ, какъ и у нашего простонародья, обыкновенно заключались безъ всякаго участія со стороны самихъ вступающихъ въ бракъ. Отцы семействъ, по обоюдному согласію, заключали брачные договоры за своихъ дѣтей, хотя бы они были еще малолѣтніе; они заранѣе условливались о калымѣ, т. е. о количествѣ подарковъ, которые жениховъ отецъ долженъ заплатить за своего сына отцу невѣсты. Когда было установлено правиломъ, чтобы при заключеніи брака спрашивалось согласіе самихъ брачущихся, старое поколѣніе отнеслось къ этому нововведенію очень неблагосклонно; но молодымъ поколѣніемъ оно, конечно, было встрѣчено сочувственно. Дѣвицы - киргизки очень часто пользовались этимъ правомъ и обращались къ временному совѣту по управленію киргизами съ просьбою дать имъ предписаніе, что ихъ никто не имѣетъ права принудить выйдти за-мужъ противъ воли, и совѣтъ всегда снабжалъ дѣвицъ такими предписаніями.

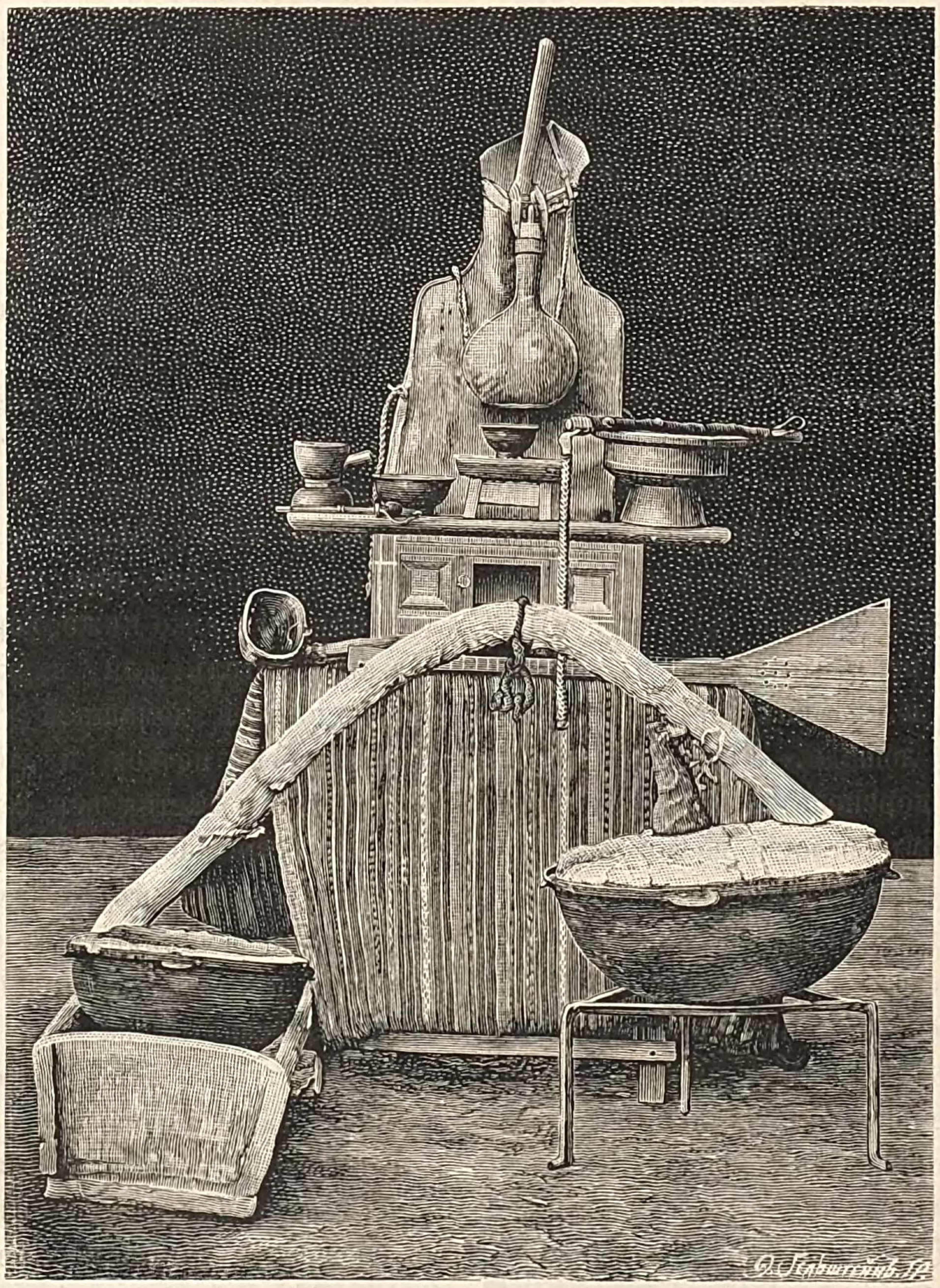
Киргизы ведутъ полукочевой образъ жизни. Зимою они живутъ осѣдло, въ землянкахъ, вообще представляющихъ болѣе удобствъ для житья въ это время, чѣмъ обыкновенныя кибитки. Киргизская землянка или устраивается изъ глинобитнаго кирпича и представляетъ невысокій домикъ, съ плоскою камышевою или тальниковою крышею, или дѣлается изъ досокъ и обсыпается землею. Балки и перекладины бываютъ изъ осокоря и ветлы. Стѣны внутри вымазаны глиной, а полъ гладко утоптанъ. Кругомъ такая землянка обносится насыпью, образующею нѣчто вродѣ двора, гдѣ киргизы устраиваютъ изъ камыша, тальника или изъ сырого кирпича что-то вродѣ хлѣвовъ и загоновъ для скота на время стужи и вѣтровъ. Во внутренности зимняго киргизскаго житья не послѣднее мѣсто занимаетъ печь изъ того - же кирпича. Видомъ она напоминаетъ русскую лежанку, но только ниже, короче и уже. Въ печи вмазанъ котелъ для варки пищи и мытья бѣлья и всей домашней утвари. Въ зимнее время передъ печкою и вокругъ нея обыкновенно располагается вся семья киргиза и притомъ по возможности тѣснѣе, такъ какъ температура жилья рѣдко доходитъ до 9° по Р. Киргизскія землянки большею частію сыры, зловонны и крайне неопрятны; европеецъ, случайно занесенный на отдыхъ или ночлегъ въ такую землянку, легко подвергается головокруженію и даже обмороку.

Киргизскія землянки разбросаны по степи или по-одиночкѣ, или по нѣсколько вмѣстѣ;—въ обоихъ случаяхъ поселеніе носитъ названіе аула. Въ аулѣ бываетъ обыкновенно 2—4 и рѣдко 8 землянокъ. Скудная растительность степей не дозволяетъ киргизамъ скучиваться. Чтобы удобнѣе прокормить зимою свои стада, каждый сколько-нибудь зажиточный киргизъ старается селиться особнякомъ, выбирая мѣстность, хорошо-защищенную отъ вѣтровъ, покрытую не слишкомъ толстымъ слоемъ снѣга, изъ подъ котораго легко добывать подножный кормъ *).

*) Хотя иными киргизами дѣлаются запасы сѣна, но они къ срединѣ зимы уже израсходываются.

Во время сильныхъ снѣжныхъ мятелей, очень опасныхъ для скота, киргизы загоняютъ въ его загоны и загороди. Значительные гурты овецъ охраняютъ отъ мятелей при помощи войлоковъ, ставя ихъ съ подвѣтренной стороны; если-же войлоковъ много, то ими огораживаютъ гурты со всѣхъ сторонъ. Верблюдовъ, плотно закутавъ въ войлочныя попоны, оставляютъ въ степи. Табуны лошадей не требуютъ никакихъ особыхъ мѣръ.

На зимовкахъ киргизы остаются до появленія первыхъ признаковъ весны. Какъ только степь выглянетъ изъ подъ снѣга своею прошлогоднею поблекшею растительностью, киргизъ уже готовится выступить на лѣтнюю кочевку. Въ исходѣ марта и началѣ апрѣля трудно встрѣтить на зимовкѣ хоть одного киргиза. Отправляясь кочевать, киргизъ бросаетъ свое зимнее жилье на произволъ судьбы, выбираетъ изъ него все—даже деревянныя части: двери, косяки, рамы, не говоря уже о металлическихъ вещахъ (крючкахъ, петляхъ, скобкахъ и т. п.). Поэтому, землянка, оставленная киргизомъ, кажется полуразрушенною. Изъ зимовки, со всею своею семьею и скарбомъ, киргизъ переселяется въ подвижную, переносную кибитку, которая напоминаетъ калмыцкую, съ тою лишь разницею, что у калмыковъ верхъ кибитки коническій, съ малою высотою при широкомъ основаніи, а у киргизовъ онъ куполообразный.

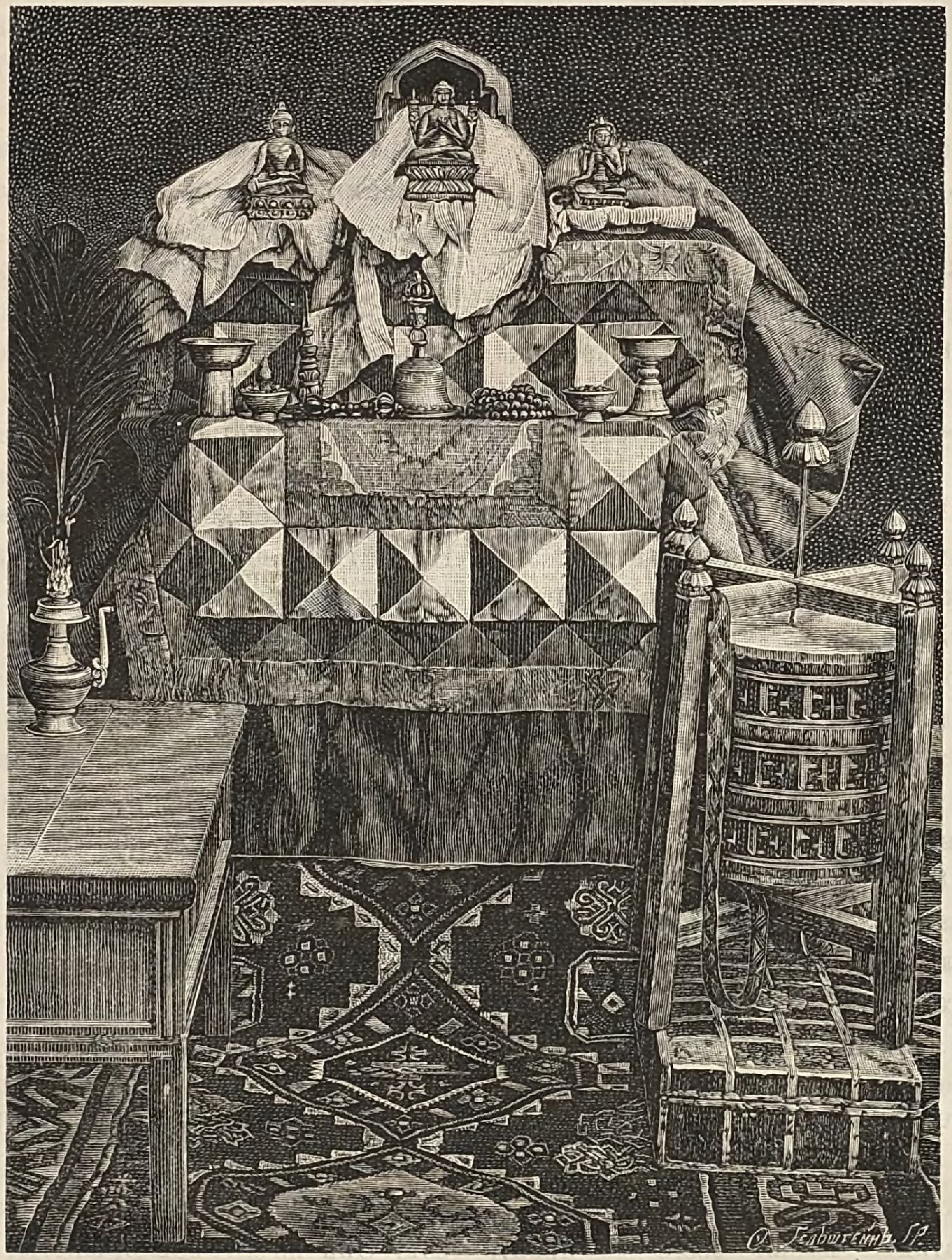

Бытовые и хозяйственные предметы внутри калмыцкой кибитки.

Главное занятіе у киргизовъ тоже, что и у калмыковъ, т. е. скотоводство. Они держатъ верблюдовъ, лошадей, крупный скотъ и овецъ. Но количество скота у киргизовъ постепенно сокращается, такъ что теперь у нихъ его гораздо меньше, чѣмъ сколько было въ началѣ текущаго столѣтія. Кромѣ неблагопріятныхъ стихійныхъ вліяній, на уменьшеніе скота у киргизовъ имѣли вліяніе и причины экономическаго характера, а именно неправильное распредѣленіе земельной собственности. Одни изъ киргизовъ отъ избытка земель сдаютъ ихъ въ пользованіе сосѣдямъ и черезъ то, наживаясь, востановляютъ прежнее свое хозяйство и скотоводство; другіе же вовсе не имѣютъ клочка земли, или имѣютъ въ незначительномъ размѣрѣ и настолько неудобныя угодья, что скотоводствомъ заниматься не въ состояніи. Такіе захудалые кочевники волей-не-волей должны

перемѣнять кочевой образъ жизни на осѣдлый. Они поступаютъ, подобно калмыкамъ, рабочими на рыбные промыслы, или занимаются добываніемъ соли на мѣстныхъ солянымъ озерахъ.

Хлѣбопашество среди киргизовъ оказало такъ же мало успѣховъ, какъ и у калмыковъ. По свѣдѣніямъ за 1882 годъ подъ посѣвами у нихъ было изъ всего обширнаго пространства принадлежащихъ имъ земель 6.884,948 десят.) всего 12,172 десятинъ, причемъ болѣе половины сдано было подъ посѣвъ смежному съ ордою русскому населенію за плату отъ 3 до 12 р. за десятину. Собственно киргизами, да и то при посредствѣ русскихъ рабочихъ, обработывалось лишь 3,468$^1/_2$ дес.

Предметы убранства и богослужебные внутри калмыцкой кибитки.

Осѣдлое населеніе значительнѣе кочевого по своей численности *). Но не оно, главнымъ образомъ, придаетъ краю его характерную физіономію. Можно посѣтить селенія низовьевъ Волги и все-таки не вынести понятія о краѣ, такъ какъ обитателемъ этихъ селеній служитъ все тотъ же великорусскій крестьянинъ, который сохраняетъ свои типическія черты и на сѣверѣ, и на югѣ, и на востокѣ, да малороссы, также удерживающіе очень чисто свой типъ. Своеобразно только немногочисленное городское населеніе. Даже русскіе обитатели городовъ подверглись здѣсь нѣкоторому перерожденію. Здѣсь они столкнулись съ разнообразными представителями востока—армянами, персіянами, калмыками, татарами, даже индусами. Частыя, можно сказать, постоянныя сношенія съ этими народностями, прежде всего, способствовали усвоенію русскими нѣкоторыхъ особенностей мѣстныхъ языковъ. Русскій въ Астрахани понимаетъ по-персидски и по-калмыцки. Есте-

*) Къ 1-му января 1882 г. жителей въ губерніи всего 780,911 душъ обоего пола, въ томъ числѣ осѣдлыхъ 436,685, и кочевниковъ 343,226.

ственно, что и въ самый русскій языкъ проникло не мало иноязычныхъ словъ и выраженій. Другая сторона азіятскаго вліянія сказалась на нравственной физіономіи русскаго населенія. Силою этого вліянія одинъ мѣстный изслѣдователь, г. Сахаровъ, объясняетъ ту нравственную распущенность, какая замѣчается въ жителяхъ Астрахани. Разнузданности нравовъ, кромѣ того, способствуетъ значительный наплывъ всякаго сброда, приходящаго сюда на заработки.

Внѣгородское осѣдлое населеніе состоитъ изъ русскихъ крестьянъ (преимущественно государственныхъ) и казаковъ астраханскаго войска. Во владѣніи крестьянъ находится 3.267,370 дес. земли, что̀ составитъ, среднимъ числомъ, по всей губерніи $33^1/_2$ на душу. Земельные участки у астраханскихъ крестьянъ, какъ видно, очень значительны. Они, впрочемъ, не одинаковы въ различныхъ уѣздахъ. Болѣе крупны они въ Красноярскомъ уѣздѣ (61 дес.), менѣе крупны—въ Астраханскомъ (17 дес. съ небольшимъ). У казаковъ земли 528,300 дес. Владѣя значительными земельными угодьями, астраханскіе поселяне и казаки занимаются болѣе скотоводствомъ, чѣмъ земледѣліемъ, потому что естественныя условія края не такъ благопріятствуютъ послѣднему, какъ первому. Въ предѣлахъ осѣдлаго населенія большая часть земель приходится на сѣнокосы, пастбища и выгоны, а именно 2.276,400 дес. У сельскаго населенія въ 1882 г. считалось 1.364,580 гол. скота, а у казаковъ 41,120 головъ. Что касается земледѣлія, то въ двухъ южныхъ уѣздахъ края — Астраханскомъ и Красноярскомъ имъ почти вовсе не занимаются: тутъ главный промыселъ рыболовство. Земледѣліе ведется въ Царевскомъ, Черноярскомъ и Енотаевскомъ уѣздахъ, но и здѣсь оно не играетъ первостепенной роли. Подъ пахотями находится въ первомъ изъ этихъ уѣздовъ всего 16 проц., во второмъ и третьемъ 11 проц.

За русскими, среди осѣдлыхъ жителей, слѣдуютъ армяне, обитающіе почти исключительно въ Астрахани. Астраханскіе армяне—потомки кавказскихъ, переселившихся въ разное время въ Астрахань. Первая колонія ихъ основалась здѣсь, какъ полагаютъ, при Михаилѣ Θеодоровичѣ.

Причина и цѣль поселенія, какъ со стороны самихъ армянъ, такъ и со стороны нашего правительства, была чисто-торговая: имъ разрѣшено было производить съ Россіею торговлю сырцовымъ шелкомъ, привозимымъ изъ Персіи, и верблюжьею шерстью. Армяне не удовольствовались этимъ и захватили въ свои руки чуть не всю торговлю Астрахани; это вызвало жалобы со стороны русскихъ купцовъ, которые совершенно справедливо указывали, что армяне, имѣя свои дома, сады и заводы и ведя торговлю, не несутъ никакихъ повинностей. По этой причинѣ, въ 1723 г., сенатъ запретилъ армянамъ заниматься перекупкою товаровъ, а заводы и лавки приказалъ продать русскимъ купцамъ, но распоряженіе это впослѣдствіи было отмѣнено, и въ 1774 г. изданы были для астраханскихъ армянъ особыя правила, которыми имъ дозволялся свободный проѣздъ для торговли въ Россію, съ правомъ возвращаться и оставаться въ Астрахани на временное жительство, но не на постоянное (впрочемъ, секретнымъ предписаніемъ разрѣшалось принимать армянъ и въ вѣчное подданство). Не велѣно подвергать армянъ гильдейскому сбору, а вмѣнено лишь магистрату въ обязанность—взимать съ нихъ за товаръ пошлину; дозволено было селиться слободами, причемъ дома ихъ освобождались отъ постоя, а также разрѣшено имъ заводить фабрики и заводы. Вообще астраханскіе армяне не могли жаловаться на свою судьбу, и потому ихъ контингентъ постоянно подновлялся притокомъ новыхъ выходцевъ изъ Закавказья, хотя выпадали времена, когда астраханскимъ армянамъ приходилось очень круто. Такъ, при Стенькѣ Разинѣ, армянская колонія подверглась поголовному истребленію, а во второй половинѣ прошлаго столѣтія она вымерла отъ чумы. При всемъ томъ теперь въ Астрахани считается армянъ 5,160 д.

По своему типу армяне походятъ на евреевъ. Они почти всѣ брюнеты, и если между ними попадаются рыжеволосые, то въ видѣ исключенія, и таковые считаются обыкновенно особенно красивыми. Бороды они сбриваютъ, оставляя лишь усы. Женщины красивы, но и развиваются, и старѣются очень скоро. Отъ своего національнаго костюма астраханскіе армяне давно уже отказались: молодежь носитъ европейское платье и старательно слѣдитъ за новѣйшими модами.

Нравственная и умственная стороны армянъ

представляютъ пеструю смѣсь хорошихъ и дурныхъ качествъ. Рядомъ съ почтенными людьми попадается много первостатейныхъ плутовъ. Образованіе развито въ средѣ армянъ весьма слабо. Очень недавно армяне дошли до сознанія необходимости посылать дѣтей въ школы. Интересно, что о воспитаніи дѣвочекъ они заботятся болѣе, чѣмъ о воспитаніи мальчиковъ, которые ограничиваются прохожденіемъ уѣзднаго училища или низшихъ классахъ гимназіи, откуда родители ихъ берутъ и пристраиваютъ къ торговымъ дѣламъ. Вообще, торговля составляетъ любимое занятіе астраханскихъ армянъ:—ремесленниковъ между ними очень мало. Зато много музыкантовъ. Круглый бѣднякъ изъ армянъ не возьмется за черную и трудную работу, а всегда съумѣетъ заработать себѣ хлѣбъ и повыгоднѣе, и полегче: пойдетъ въ услуженіе, сдѣлается музыкантомъ, кабатчикомъ, заведетъ цырюльню, лавчонку, въ которой, кажется, и товару не болѣе, какъ на 20 руб. сер., а между тѣмъ хозяинъ живетъ прилично, а жена его носитъ шелковыя платья. Армяне трусливы, хитры, лукавы, грубо-чувственны... Но между ними нѣтъ пьянства, они общительны, веселы, до страсти преданы сельскимъ развлеченіямъ среди природы: лишь только появится первая весенняя трава, армяне отправляются за городъ и устраиваютъ тамъ танцы съ музыкою и пѣніемъ. Поютъ пѣсни разнаго рода, даже персидскія и русскія, передѣлывая ихъ на свой ладъ. Писемскій приводитъ одну такую пѣсню:

«На угламъ дѣвку стоить
Самъ онъ плачетъ, говоритъ:
Какая я безчастнія!
Какая безталанія!
Сговорилса мою мать
Мнѣ за барину отдать.
Ниду, ниду я, мамину,
Ниду я за барину.
Уйду, уйду, маминку,
Уйду за торбанчину,
А онъ будитъ мнѣ играть,
А я буду перпѣвать».

Цивилизацію армяне усвоиваютъ преимущественно съ внѣшней стороны.

Домашняя обстановка у армянъ смѣсь европейщины и азіятчины. „Загляните въ большую часть ихъ домовъ, большихъ и малыхъ, и вы вездѣ увидите въ переднихъ комнатахъ — зеркала, диваны, кресла, хотя въ то же время и даже непремѣнно найдется **нарная**, гдѣ хозяева сидятъ, спятъ и ѣдятъ, и сидятъ уже совершенно по-своему“.

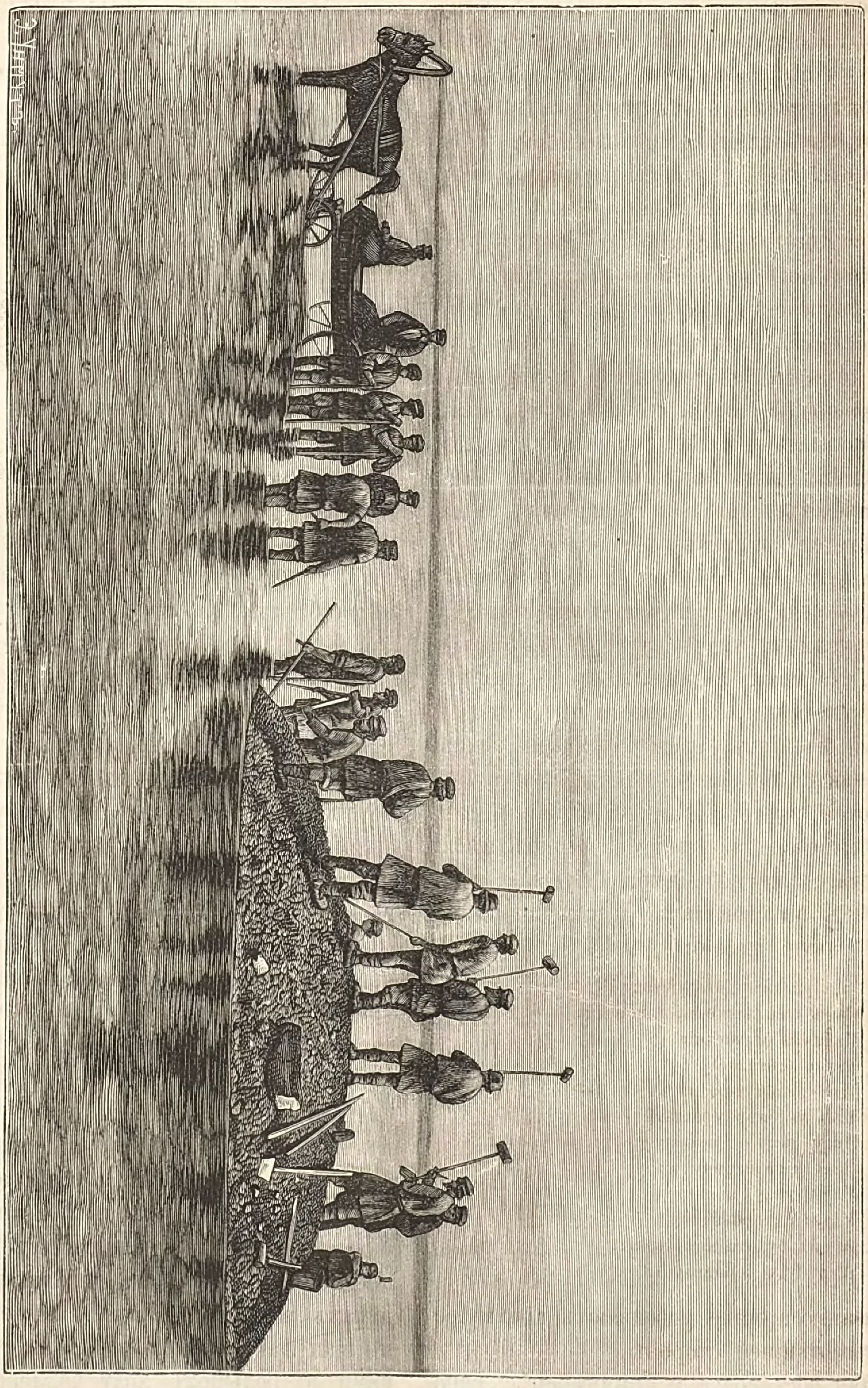
Столъ у армянъ сохранилъ національный характеръ. Національныя ихъ кушанья: **кибовъ** и **далма**, рубленое мясо, жареное въ виноградныхъ листьяхъ или въ тыквахъ, яблокахъ, айвѣ и пр., разнаго рода **пловы** изъ риса съ плодами и мясомъ, **лобья** — турецкіе бобы, **баджманнъ** — кушанье изъ демьянки, **каймеръ** — родъ компота, маленькія бараньи колбасы. Любимыя кушанья—**панирь**—сыръ изъ овечьяго молока и рыба **шамая**. Мужчины любятъ красное вино (кини), женщины—кофе. Армянки умѣютъ хорошо готовить различныя варенья, между которыми наиболѣе славится **будрянка**. Посты соблюдаются у армянъ довольно строго.

Сватовство у нихъ какъ и у русскихъ происходитъ черезъ сваху; но смотринъ не бываетъ. Обрученіе совершается безъ пира, въ домѣ невѣсты; посаженой матери не полагается. Послѣ вѣнчанія на молодыхъ надѣвается шелковая лента или шнурокъ, концы которагопри печатываются священникомъ церковною печатью. Съ этими перевязями молодые уѣзжаютъ домой и въ теченіи трехъ дней подвергаются строгому надзору—женихъ со стороны его ближайшихъ знакомыхъ, а невѣста со стороны своихъ подругъ. По прошествіи трехъ дней священникъ снимаетъ съ новобрачныхъ перевязи, и тогда они вступаютъ уже въ супружескія отношенія.

Похоронные обряды армянъ не имѣютъ ничего особеннаго, заслуживающаго вниманія, кромѣ развѣ того, что при погребеніи богатаго есть обычай весть сзади за гробомъ богато убраннаго коня.

Армяне, обитающіе въ краю, принадлежатъ почти исключительно къ привиллегированному еословію и занимаются торговлею, преимущественно мануфактурными и бакалейными товарами. Они ведутъ транзитную торговлю этими предметами съ Персіею и Кавказомъ; въ ихъ рукахъ находится также снабженіе Астрахани мануфактурными издѣліями. Между армянами въ большомъ ходу маклерство, которое повело къ основанію многихъ изъ нынѣ существующихъ армянскихъ торговыхъ фирмъ, и которое ведется армянами такъ-же ловко, какъ и евреями, доставляя имъ весьма крупные барыши.

Къ азіатскимъ выходцамъ кавказской расы относятся и персіяне. Внѣшнимъ типомъ персіяне походятъ на армянъ. За немногими исключеніями всѣ они носятъ свой національный костюмъ, брѣютъ голову, покрывая ее шапкою, которую снимаютъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они хотятъ выразить презрѣніе или насмѣшку. Побывавшіе въ Меккѣ носятъ чалмы. Домашняя обстановка у персіянъ—совершенно на восточный манеръ: комнаты устланы коврами, вдоль стѣнъ стоятъ диваны, для посѣтителей же европейцевъ нѣсколько стульевъ и столъ.

Разработка соли на Баскунчакскомъ озерѣ.

Богатство Астраханскаго края.

Обѣдаютъ прямо на полу, сидя съ поджатыми ногами. Обѣдъ подается на большомъ подносѣ, ѣстъ только въ обществѣ старшей жены и младшаго сына младшей жены. Другія особо.

Киргизская невѣста, съ поѣздомъ своего приданаго.

а кушанье ѣдятъ прямо пальцами. Любимые блюда у персіянъ кибовы и пловы. Хозяинъ

Персіяне ведутъ жизнь уединенную. Они, если иногда и посѣщаютъ другъ друга, то про-

водятъ при этомъ время крайне апатично, куря кальянъ, попивая кофе и изрѣдка перекидываясь словами. Иной изъ присутствующихъ тутъ же погружается въ сладкую дремоту, но на это не обращается никакого вниманія и никто этимъ не думаетъ обижаться. Еще однообразнѣе жизнь персіянокъ: онѣ только изрѣдка, лѣтомъ, выходятъ въ закрытые сады, охраняемые снаружи самымъ строгимъ образомъ. На улицахъ онѣ могутъ показываться не иначе, какъ закутанныя до самыхъ глазъ въ бѣлыя длинныя одежды, причемъ даже глаза бываютъ закрыты сѣткой.

Персіяне исповѣдаютъ магометанство. Между ихъ религіозными обычаями замѣчательны тѣ, которыми сопровождается праздникъ въ память убіенія Магометова зятя, Али. Къ послѣднему празднику готовятся четырехнедѣльнымъ постомъ и молитвою въ мечетяхъ, совершаемаго по ночамъ. Въ день самаго праздника изъ мечети выходитъ процессія и шествуетъ подъ звуки дикой музыки и крики правовѣрныхъ. Участники церемоніи ударяютъ себя въ грудь кинжалами, нанося даже раны. Въ процессіи ведутъ лошадь, на которой сидитъ и передъ которой идетъ дѣвочка съ личикомъ, выпачканнымъ кровью. Пройдя нѣсколько улицъ, процессія возвращается въ мечеть. Послѣ этого правовѣрные расходятся по домамъ и устраиваютъ пиршества.

Персіяне занимаются преимущественно торговыми операціями; но есть между ними и простые рабочіе. Такъ, нѣкоторые служатъ въ Астрахани крючниками на пристаняхъ. Но они не вполнѣ способны къ тяжелой работѣ носильщиковъ, не отличаясь физическимъ развитіемъ.

Намъ слѣдуетъ сказать еще о татарахъ астраханскаго края. Они раздѣляются на, такъ называемыхъ, юртовскихъ и кундровскихъ. Первые образуютъ, хотя и не главное по численности, но коренное населеніе края. Они представляютъ остатки прежнихъ владѣльцевъ Астрахани, до покоренія ея русскими. Нѣсколько тысячъ ихъ живетъ въ слободѣ, около Астрахани—Царевѣ, и по нѣкоторымъ близкимъ къ городу селеніямъ. Къ позднѣйшимъ переселенцамъ принадлежатъ татары бухарскаго, гилянскаго и агрыжанскаго родовъ или дворовъ. Татары этихъ родовъ стали селиться въ серединѣ прошлаго столѣтія. приписываясь къ тремъ подворьямъ средне-азіатскихъ или индійскихъ торговыхъ гостей Астрахани. Они составляли нѣчто въ родѣ стражи или служили рабочими при этихъ торговыхъ дворахъ. Послѣ закрытія послѣднихъ, приписанные къ нимъ татары переименованы были въ особое городское сословіе.

Татары принадлежатъ, подобно калмыкамъ и киргизамъ, къ монгольской расѣ, къ другому поколѣнію. Они обладаютъ высокимъ ростомъ, крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и замѣчательнымъ здоровьемъ. Въ физіономіяхъ ихъ трудно уловить типическія черты, такъ какъ съ одной стороны, между ними попадаются лица кавказскаго типа, а съ другой—чисто монгольскаго. Такое разнообразіе объясняется примѣсью въ татарскомъ населеніи постороннихъ народныхъ элементовъ. Исповѣдаютъ они магометанскую религію, и самый ихъ образъ жизни, нравы и обычаи, во многихъ отношеніяхъ находятся въ зависимости отъ послѣдней. На этихъ обычаяхъ и нравахъ мы остановимся, когда будемъ говорить о татарахъ другихъ мѣстностей Россіи, гдѣ татарское населеніе многочисленнѣе.

Въ извѣстныхъ намъ описаніяхъ не приходилось ничего встрѣчать о евреяхъ, между тѣмъ они составляютъ, если не по численности, то по своему вліянію, весьма важный элементъ въ населеніи края, ведутъ здѣсь значительную торговлю и одной рыбы закупаютъ болѣе, чѣмъ на 5.000,000 р.

III.

Незначительность уѣздныхъ городовъ края, въ сравненіи съ его слободами и селами.—Астрахань, какъ торговый центръ.—Внѣшній видъ города.—Строенія.—Городская нечистота.—Торговля Астрахани —Ходъ рыбной торговли.—Участіе въ торговлѣ разныхъ національностей.

Въ Астраханской губерніи, за исключеніемъ главнаго города Астрахани, не имѣется значительныхъ городскихъ поселеній. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, она рѣзко отличается отъ внутреннихъ губерній, гдѣ, какъ извѣстно, между уѣздными городами не мало встрѣчается очень значительныхъ по развитію торговли и промышленности, попадаются даже такіе, которые замѣчательнѣе самыхъ губернскихъ центровъ. Населеніе астраханскихъ городовъ ничтожно, далеко уступая своими размѣрами нѣкоторымъ мѣстнымъ слободамъ и селамъ. Достаточно указать, что, по свѣдѣніямъ астраханскаго статистическаго комитета, въ 70-хъ годахъ числилось во всѣхъ уѣздныхъ городахъ всего 14,280 душъ обоего пола*). И въ то-же время, въ слободѣ Николаевской, Царевскаго уѣзда (противъ г. Камышина), насчитывалось жителей 17,823! Кромѣ Николаевской слободы, есть въ губерніи еще нѣсколько селеній, гдѣ населеніе, хотя и менѣе значительно, но всетаки превышаетъ численность обывателей уѣздныхъ городовъ. Изъ этихъ селеній самые замѣчательные въ Царевскомъ уѣздѣ; а именно: Капустинъ-Яръ (около 11,000 ж.), с. Средне-Ахтубинское (8,419), Пришибъ (8,254), Владиміровка (ок. 7,000). Въ прочихъ уѣздахъ наиболѣе населеннымъ оказывается татарское село Хожетаевка (болѣе 12,000 ж.). Причина столь рѣзкой разницы въ численности жителей между уѣздными городами и многими селеніями заключается въ томъ, что города являются почти исключительно административными центрами, тогда какъ селенія служатъ естественно промышленными центрами. Въ слободѣ Николаевской, напримѣръ, находится до сотни разныхъ лавокъ, 12 оптовыхъ винныхъ складовъ, 4 водочныхъ завода, нѣсколько заводовъ кирпичныхъ, кожевенныхъ, маслобойныхъ и салотопенныхъ, 73 мельницы и 25 кузницъ. Слобода эта служила и служитъ пристанью для нагрузки соли съ Элтона, подобно тому, какъ при Владиміровкѣ находится пристань для соли Баскунчакской.

*) Въ томъ числѣ въ Красномъ-Ярѣ 4,761, въ Черномъ-Ярѣ 4,248, въ Царевѣ 3,322 и въ Енотаевскѣ 1,877.

И по историческимъ воспоминаніямъ нѣкоторыя селенія, пожалуй, заслуживаютъ упоминанія. Въ числѣ ихъ не послѣднее мѣсто занимаетъ с. Селитряное, Енотаевскаго уѣзда, при Ахтубѣ. Селеніе это, какъ говорятъ, находится на мѣстѣ древняго Сарая, столицы Золотой Орды*). Отъ этого города еще въ началѣ текущаго столѣтія виднѣлись развалины, именно 6-ть каменныхъ башенъ. Здѣсь, при императрицѣ Екатеринѣ II и въ началѣ нынѣшняго вѣка, производились раскопки, причемъ были находимы золотые браслеты, перстни, кольца, четки и монеты. Кирпичемъ отъ разрушенныхъ зданій пользовались мѣстные жители для своихъ потребностей. Верстахъ въ трехъ отъ Селитрянаго, можно видѣть старинное татарское кладбище, занимающее громадное пространство (36 кв. верстъ).

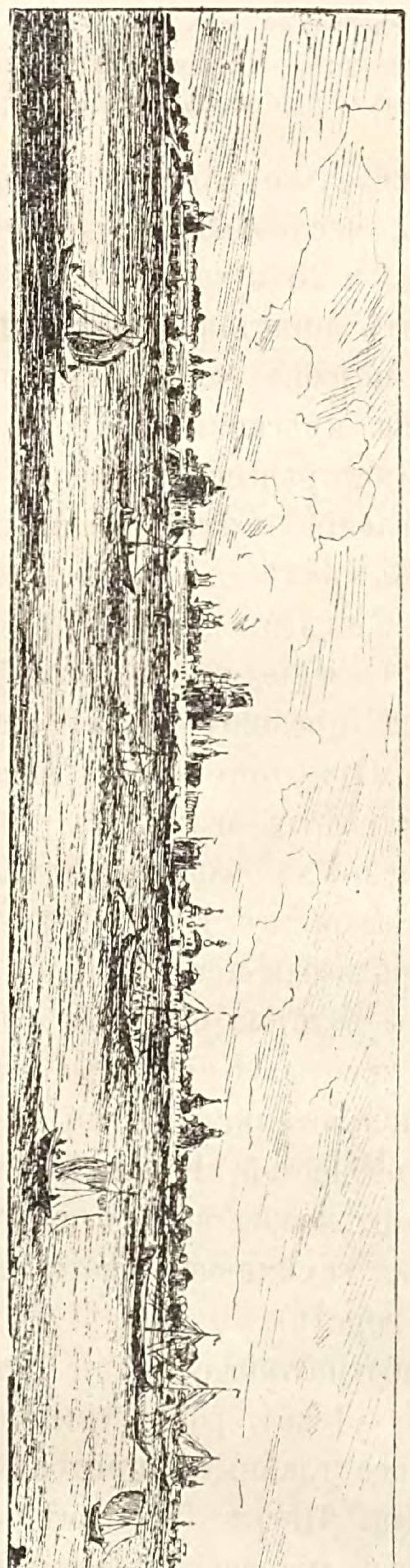
Любопытно также селеніе Житное (Астраханскаго уѣзда), расположенное на острову и служившее главнымъ притономъ Стенькѣ Разину. При Петрѣ Великомъ, во время войны съ Персіей, на островѣ устроенъ былъ складъ провіанта („жита"—откуда названіе острова).

Ничтожность названныхъ городовъ губерніи еще рѣзче оттѣняетъ значеніе главнаго губернскаго города, который является самымъ крупнымъ торговымъ центромъ на юго-востокѣ Европейской Россіи. Близость важнаго торговаго центра чувствуется еще за предѣлами. Вотъ какъ описываетъ одинъ путешественникъ впечатлѣніе Астрахани.

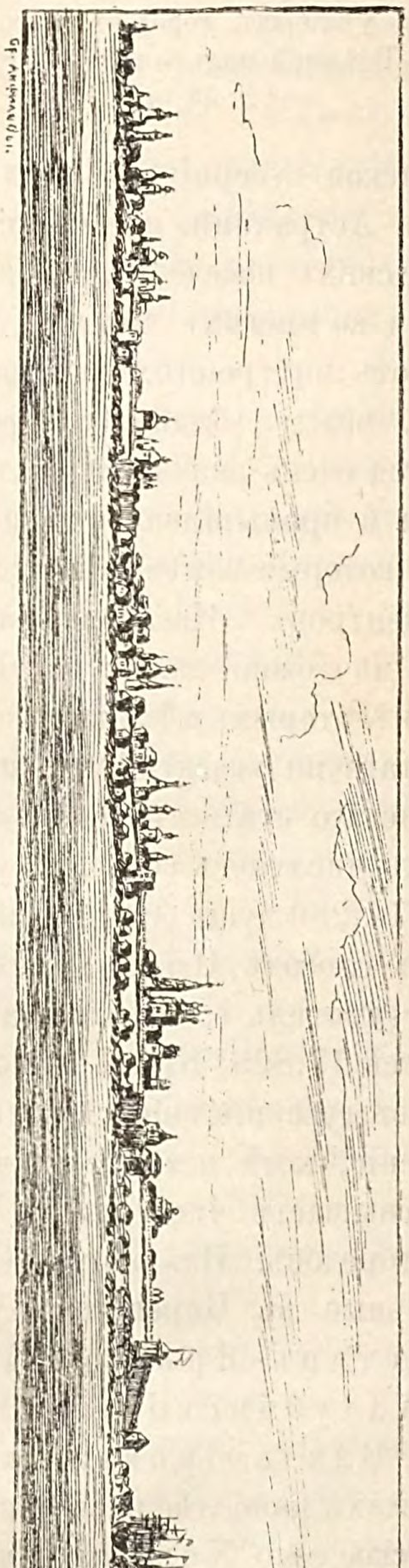
*) По другимъ указаніямъ, мѣстомъ древняго Сарая считается г. Царевъ.

„Волга становилась все оживленнѣе. Вдали стали выясняться ряды бѣлянъ... Замелькали сотни парусовъ... Мачты рисовались въ воздухѣ, какъ густой частоколъ — и по обоимъ берегамъ, и во всю ширину Волги. И раго на нѣсколько верстъ занятъ лѣсной пристанью съ сотнями плотовъ, бѣлянъ. Отдѣливъ этотъ рукавъ, вначалѣ не менѣе двухъ верстъ, Волга нисколько не потеряла въ своей величинѣ, имѣя до трехъ верстъ ширины. И во всю

ВИДЫ ГОРОДА АСТРАХАНИ.

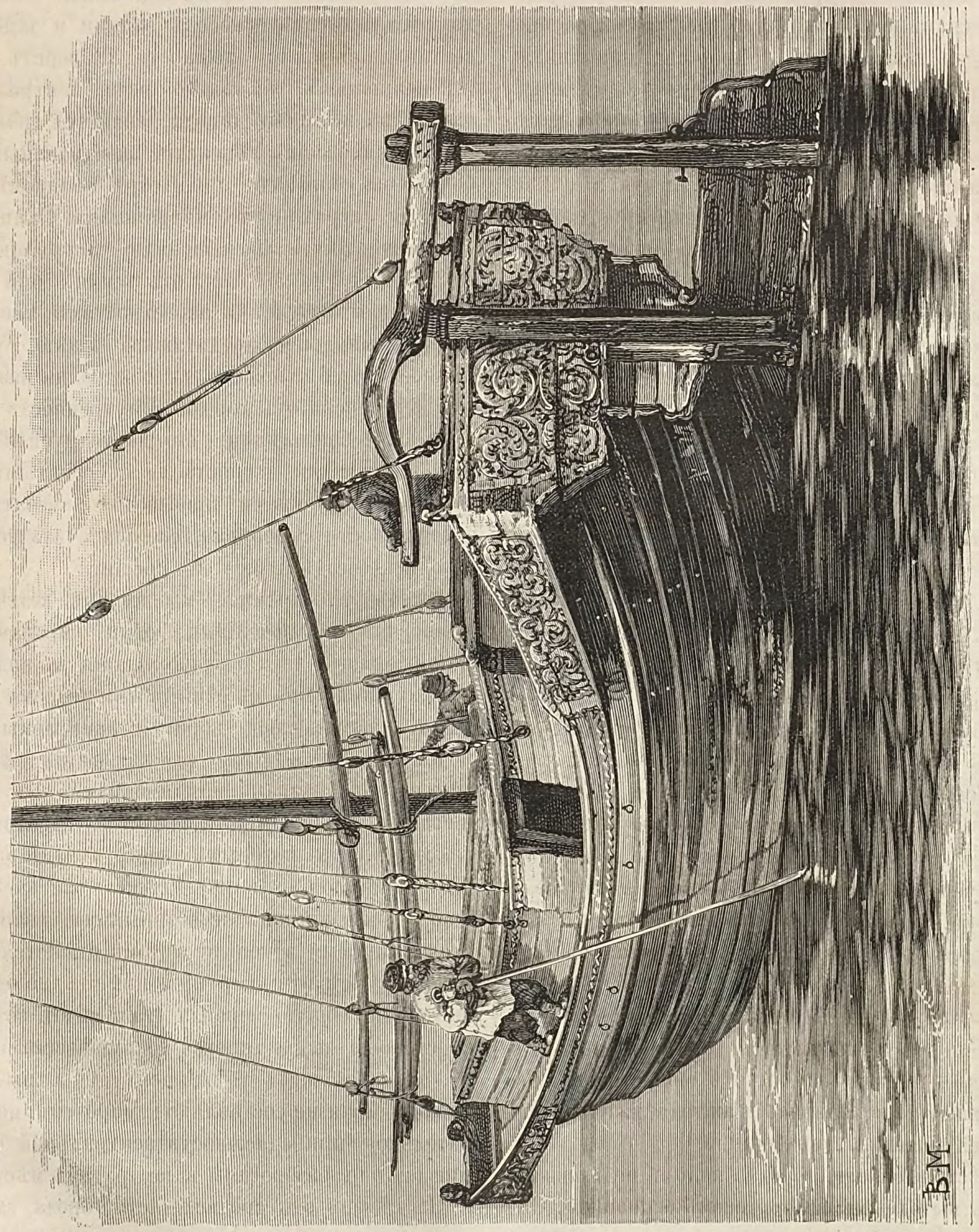
Астрахань въ концѣ XVIII вѣка (по старинной гравюрѣ).

Астрахань въ концѣ XVII вѣка (по старинной гравюрѣ).

Астрахань стала яснѣе. Заблестѣли маковки церквей, выдвинулись большіе бѣлые дома, а соборъ принялъ еще болѣе грандіозный видъ, какъ многоэтажная башня... Вдругъ Волга раздвинулась широко-широко. Это отошелъ влѣво широкій рукавъ Болда, правый берегъ которкой эту ширь—всевозможныя суда, какъ рѣчныя, такъ и морскія, паровыя и парусныя, большія и малыя. Однихъ пароходовъ можно было насчитать до сотни. Я видалъ нѣсколько разъ нижегородскую пристань въ разныя времена, но такой грандіозности она никогда не имѣла“.

Самый городъ производитъ еще болѣе сильное впечатлѣніе важнаго торговаго центра. Масса караванъ-сараевъ, живое, неустанное движеніе по улицамъ, въ особенности въ разгаръ навигаціи, постоянный приливъ и отливъ цѣлой массы людей всѣхъ національностей и классовъ—даютъ чувствовать, что вы попали въ городъ, торговыя сношенія котораго простираются далеко за предѣлы края. Съ другой стороны, характеръ разношерстнаго люда, снующаго по улицамъ, и даже самый видъ многихъ построекъ служитъ живымъ указаніемъ, что городъ лежитъ на рубежѣ между Азіей и Европой и представляетъ замѣчательное смѣшеніе элементовъ европейской цивилизаціи и азіатскаго востока. По мѣткому выраженію од-

Суда на Волгѣ близъ Астрахани.

ного мѣстнаго изслѣдователя, г. Сахарова, здѣсь „Азія корчитъ изъ себя Европу, а Европа часто очень походитъ на Азію“.

На первый бѣглый взглядъ, правда, городъ можетъ показаться, по внѣшности, вполнѣ цивилизованнымъ, европейскимъ; если-же всмотрѣться въ него попристальнѣе, то скоро бросятся въ глаза многія особенности, напоминающія о томъ, что онъ находится на рубежѣ между Азіей и Европой, и общая картина города измѣняется: въ ней появляются смѣшанные чисто-европейскіе и чисто-азіатскіе элементы и многое, свойственное исключительно этой мѣстности, дѣлаетъ ее еще болѣе живописною. Вниманіе пріѣзжаго возбуждается въ такой степени, что ему не скоро удается составить себѣ отчетливое понятіе о цѣломъ. На пристани—давка и живая дѣятельность, какую можно встрѣтить лишь въ большихъ торговыхъ городахъ; безчисленное множество судовъ всевозможныхъ формъ и различной оснастки. Большой латинскій парусъ рядомъ съ моднымъ англійскимъ; экипажъ судовъ столь-же разнообразенъ: посреди англичанъ и нѣмцевъ, видимъ русскихъ, татаръ, калмыковъ и персіянъ. На островахъ, близъ города, группами раскинуты киргизскія кибитки, обитатели которыхъ заняты работами на пристани; въ самомъ городѣ, рядомъ со зданіями, похожими на дворцы, въ итальянскомъ вкусѣ—восточные караванъ-сараи, христіанскія церкви въ сосѣдствѣ съ магометанскими мечетями; татарскія хижины возлѣ зданій во вкусѣ чистѣйшаго рококо. Плоскія, бѣлыя черепичныя крыши домовъ напоминаютъ востокъ. Бросаются въ глаза рѣшетчатыя окна въ первыхъ этажахъ домовъ, похожія на окна въ острогахъ. Изъ этого составляютъ исключенія только одни дома самой новѣйшей постройки: въ нихъ часто не бываетъ этихъ рѣшетокъ—признакъ того, что общественная безопасность увеличилась и жители уже не опасаются ночныхъ нападеній.

Мѣстоположеніе города нельзя не признать очень выгоднымъ въ торговомъ отношеніи. Онъ расположенъ на вершинѣ дельты, въ 120-ти верстахъ отъ моря, на лѣвомъ берегу Волги, нѣсколько ниже того мѣста, гдѣ отъ послѣдней отдѣляется протокъ Балда. Строенія разбросаны то по возвышенностямъ (бугралъ), то по низменностямъ. Самую высокую часть города образуетъ Заячій бугоръ, занятый кремлемъ и центральными кварталами. Этотъ бугоръ ограничивается съ одной, сѣверной, стороны протокомъ Кутумомъ, а съ другой, южной—Варваціевскимъ каналомъ, устроеннымъ для отвода воды во время половодья. Съ этою-же цѣлью городъ обнесенъ валами и дамбами, составляющими въ сложности 28 верстъ.

Украшеніемъ не только всей центральной части, но и цѣлаго города, является грандіозный кремлевскій Успенскій каѳедральный соборъ. Онъ сооруженъ при Петрѣ Великомъ стараніями астраханскаго митрополита Сампсона. Занимая самую возвышенную часть города и поднимаясь на 30 саж. отъ земли, онъ господствуетъ надъ всѣми окрестностями, такъ что его оригинальное двухэтажное зданіе, увѣнчанное пятью куполами, виднѣется на разстояніи 30 верстъ отъ города. Внутренность собора также благолѣпна; его многоярусный, богато-золоченный иконостасъ, съ обвитыми виноградомъ колоннами, производитъ впечатлѣніе грандіозности. Соборная ризница считается одною изъ богатѣйшихъ въ Россіи.

Выйдя изъ кремля, мы видимъ вездѣ, за немногими исключеніями, одни караванъ-сараи—большія двухэтажныя зданія въ видѣ четырехугольниковъ съ обширными дворами, куда ведутъ часто двои ворота, запираемыя на ночь. Нижній этажъ этихъ зданій занятъ обыкновенно лавками или амбарами, въ верхнихъ-же помѣщается множество небольшихъ квартиръ, въ которыхъ живутъ частью лица, нанимающія внизу лавки, частью разные ремесленники; нѣкоторыя-же квартиры стоятъ пустыя и только лѣтомъ отдаются пріѣзжимъ. Всѣ эти квартиры имѣютъ по одному выходу на общую веранду (галлерею), которая со стороны двора тянется вокругъ всего зданія и лѣтомъ служитъ убѣжищемъ отъ жары. Караванъ-сараи не составляютъ, впрочемъ, исключительной принадлежности центральной части города; они разбросаны и по другимъ мѣстамъ.

На сѣверъ отъ средней части города, за Кутумомъ—такъ называемое селеніе, а къ югу, за Варваціевскимъ каналомъ — слободы (Безродная, Теребиловка). При впаденіи канала въ Волгу находится мѣстность, извѣстная подъ именемъ порты и составляющая едва-ли не единственное въ городѣ мѣсто, гдѣ можно спа-

саться отъ астраханскихъ жаровъ и пыли. Тутъ, среди зелени, можно видѣть домикъ Петра Великаго, гдѣ хранится плезиръ-яхта и верейка, на которой государь вмѣстѣ съ Екатериною I обозрѣвалъ окрестности города.

Такова въ общихъ чертахъ топографія Астрахани.

Зданія въ Астрахани очень разнохарактерны. Каменныя постройки сосредоточиваются преимущественно въ центральной части или старомъ городѣ, гдѣ, впрочемъ, попадаются и довольно видные деревянные дома. Въ прочихъ частяхъ постройки все изъ деревянныхъ домишекъ. Здѣсь нѣтъ деревяннаго зданія, которое было-бы построено изъ цѣльныхъ бревенъ; лишь зажиточные люди возводятъ свои дома изъ бревенъ, распиленныхъ пополамъ толщиною дюйма въ четыре, ставя ихъ на каменномъ фундаментѣ. Но жилища бѣднаго рабочаго люда дѣлаются изъ тонкихъ двухдюймовыхъ досокъ, безъ фундамента. При своей легкости, эти карточные домики скоро начинаютъ осѣдать и кривиться, и отъ окончательнаго распаденія ихъ спасаютъ только разныя подпорки и скрѣпы. Нечего говорить о томъ, что такія жилища очень плохо защищаютъ своихъ обитателей отъ холодовъ, которые въ Астрахани бываютъ очень значительны. Въ этомъ отношеніи лучше оказываются глиняныя мазанки; но онѣ обыкновенно такъ малы, что въ нихъ и повернуться негдѣ. Необходимою принадлежностью большей части домовъ служатъ галлереи, обращенныя обыкновенно къ сѣверу; въ нихъ обитатели ищутъ прохлады отъ жаровъ.

Внутренняя обстановка жилищъ зависитъ сколько отъ достатка обитателей, столько-же и отъ ихъ національности. Каждый представитель той или иной народности не желаетъ разставаться съ своими привычками и вкусами и потому жилище армянина или персіянина рѣзко отличается отъ жилья русскаго человѣка.

Астраханскія улицы и площади представляютъ большею частію полную гармонію съ преобладающимъ характеромъ построекъ. Мостовыхъ обыкновенно на нихъ не полагается. Изъ обширной площади въ 303,000 слишкомъ кв. саж. подъ мостовыми находится всего 32,000, т. е. не много болѣе одной десятой части. Отъ этого въ сухое время года на астраханскихъ улицахъ страшная пыль, а въ сырое— непролазная грязь. Какова бываетъ эта грязь, можно судить уже по тому, что не далѣе какъ въ 1882 г., на одной изъ астраханскихъ улицъ, лошадь, завязнувши, захлебнулась въ грязи. Такъ, по крайней мѣрѣ, сообщалъ мѣстный „Листокъ".

Отличаясь уличною грязью, Астрахань не можетъ похвалиться и чистотою воды, которую потребляютъ ея обыватели. По свидѣтельству д-ра Ольдекопа, волжская вода въ Астрахани очень вредна. Каждый, отвѣдавъ ее, прежде всего поражается прѣснымъ, противнымъ ея вкусомъ, обнаруживающимся преимущественно въ лѣтніе жаркіе мѣсяцы и зависящимъ отъ недостатка углекислоты, преобладанія щелочей и глины. Но самыя гибельныя свойства воды обусловливаются содержаніемъ въ ней гніющихъ органическихъ веществъ. По этому волжская вода является одною изъ причинъ господствующихъ въ Астрахани лихорадокъ, хроническихъ поносовъ и т. п., особенно въ низшемъ классѣ. О водѣ Кутума и Варваціева канала и говорить нечего. При половодьѣ вода бываетъ въ нихъ еще сносна, но въ остальное время они мелѣютъ и загрязненное дно ихъ распространяетъ страшные міазмы.

А между тѣмъ городъ ведетъ милліонную торговлю. Все его значеніе основывается именно на торговлѣ. Мануфактурная промышленность въ Астрахани неразвита. Упоминанія заслуживаютъ только бондарныя издѣлія, которыхъ вырабатывается ежегодно на сумму 1.200,000 р. Но зато торговыя сношенія Астрахани достигли громадныхъ размѣровъ,—и это вполнѣ естественно при чрезвычайно - выгодномъ географическомъ положеніи города. Онъ является, такъ сказать, передовымъ постомъ Европейской Россіи въ сношеніяхъ ея съ Персіею, Закавказьемъ, Закаспійскимъ краемъ. По внѣшней торговлѣ привозъ товаровъ изъ-за границы (почти исключительно изъ Персіи) далеко превышаетъ отпускъ. Такъ въ 1882 г. привезено было въ Астрахань товаровъ свыше двухъ милл. пуд., на сумму болѣе 5.800,000 р., отпущено же 173,840 пуд. на 2.255,500 р. Главные предметы ввоза — хлопокъ, сырецъ, хлѣбъ и фрукты; а вывоза — бумажныя издѣлія и сукна. Еще болѣе приходитъ въ Астрахань товаровъ каботажемъ: ихъ въ 1882 г. пришло слишкомъ 31 м. пуд. на 18.632,000 р., а вывезено было 7 м. пуд. на 23.613,000 р.

Товары, привезенные каботажемъ въ Астрахань, какъ видно, по количеству, далеко превосходили вывезенные, но значительно уступаютъ имъ въ цѣнности. Это объясняется тѣмъ, что вывозимые каботажемъ товары принадлежатъ къ болѣе дорогимъ. Между ними главное мѣсто занимаютъ мануфактурныя произведенія, которыхъ въ 1882 г. вывезено было почти на 11 м. р., хотя количество ихъ составляло съ небольшимъ 244,000 пуд. Напротивъ того, среди привезенныхъ, первое мѣсто по количеству принадлежало неочищенной нефти (свыше 15 м. п.), всего на сумму 873,000 р. За нефтью слѣдовалъ керосинъ (болѣе 12 м. п. на 9.252,000 р.); далѣе вина, фрукты и рыба.

Приведенныя выше цифры ясно говорятъ о торговомъ значеніи Астрахани.

Главная роль Астрахани въ отношеніи собственно-внутренней мѣстной торговли сводится къ сбыту рыбнаго товара. Оптовый сбытъ этого товара производится Астраханью въ Царицынъ, Саратовъ, Казань и Нижній-Новгородъ. Весь ежегодный уловъ соленой рыбы отправляется въ эти пункты водянымъ путемъ, по Волгѣ, свѣжая же рыба идетъ уже зимою, гужомъ, исключительно въ Царицынъ и Саратовъ, откуда слѣдуетъ далѣе по желѣзнымъ дорогамъ. Значительная часть рыбнаго товара направляется и въ Ростовъ-на-Дону. Сюда идетъ около 1 мил. пудовъ исключительно частиковой рыбы. Отъ хода рыбной торговли зависитъ существованіе массы народа и благополучіе мелкихъ и крупныхъ рыбопромышленниковъ. На нее вліяютъ, главнымъ образомъ, два условія—размѣра улова рыбы и спросъ на рыбный товаръ внутри Имперіи и за границею. Когда при обильномъ уловѣ оказываются на рыбу большія требованія,—тогда и дѣла мѣстнаго населенія, живущаго отъ рыбнаго промысла, идутъ хорошо. Но часто такого совпаденія не происходитъ:—то, при значительномъ спросѣ, уловъ оказывается недостаточно-обильнымъ; то, наоборотъ, при обильномъ уловѣ, спросъ бываетъ слабый. Поэтому въ астраханской рыбной торговлѣ бываютъ свои кризисы. Не далѣе, какъ въ прошломъ году надъ Астраханью разразился судаковый кризисъ! Ловъ судака въ зиму 1882—83 гг. просто подавилъ торговлю своимъ обиліемъ. Судака было выловлено столько, что при общемъ застоѣ, постигшемъ въ то время отечественную торговлю, предложеніе во много разъ превысило спросъ, и цѣны должны были сильно понизиться противъ обыкновеннаго. Въ добавокъ, покупщики, въ ожиданіи еще большаго паденія цѣнъ, удерживались отъ сдѣлокъ, что вызвало безденежье. Стали ждать весны въ надеждѣ, что вобла и селедка выведутъ изъ затрудненія. Но тутъ случилась новая бѣда. На воблу спросъ оказался очень плохимъ:—ею были завалены всѣ склады. Многіе изъ пріѣзжихъ покупателей, давшіе задатки, потомъ отказались отъ нихъ другіе понесли громадные убытки и рады были, если имъ удавалось сбыть купленный товаръ въ Царицынѣ за стоимость фрахта. Съ селедкою дѣла шли нѣсколько лучше; но далеко не такъ, какъ прежде. Этотъ кризисъ тяжелѣе всего отозвался на мелкихъ промышленникахъ.

Хотя Астраханскій край производитъ и отпускаетъ громадное количество рыбнаго товара, но цѣны на него устанавливаются не въ Астрахани. Рѣшающій голосъ въ этомъ случаѣ принадлежитъ преимущественно Нижнему-Новгороду. Весь рыбный товаръ сосредоточивается здѣсь, на такъ называемой, Гребневской пристани, гдѣ никогда не выгружается съ баржъ, а прямо продается съ нихъ крупнымъ торговцамъ, такъ называемымъ, „первымъ рукамъ".

Интересенъ вопросъ о томъ, какая роль въ торговомъ движеніи Астрахани принадлежитъ той или другой народности. Калмыки, киргизы, да и татары среди 60-ти-тысячнаго городского населенія въ этомъ движеніи принимаютъ участіе очень слабое, чтобъ не сказать никакого. Коммерческое значеніе дѣлятъ между собою русскіе, евреи, армяне и персіяне. Армяне ведутъ торговлю бакалейными товарами; персіяне служатъ посредниками въ торговлѣ съ Персіею. Евреи покупаютъ въ Астрахани болѣе дешевые сорта рыбъ, какъ-то воблу и сельдь, и заготовляютъ ихъ въ прокъ сотнями милліоновъ пудовъ, тогда какъ прежде сельдь вытапливалась на жиръ. Не мѣшаетъ, однако-же, замѣтить, что впервые волжскую сельдь стали заготовлять въ прокъ по указаніямъ покойнаго академика Бэра, долгое время занимавшагося изслѣдованіемъ волжскаго каспійскаго рыболовства и написавшаго о немъ обширное и замѣчательное сочиненіе.

Исторія г. Астрахани представляетъ собою живую лѣтопись той пестрой и разнообразной жизни, которая уже съ первыхъ вѣковъ нашей новой эры, кипѣла въ устьяхъ Волги и широкою волною разливались по сѣверо-западному, западному и южному побережью Каспійскаго моря. Полагаютъ, что на мѣстѣ нынѣшней Астрахани уже съ III вѣка по Р. Х. находился городъ Атель или Итиль, — древняя столица Хазарскаго царства. Арабскій путешественникъ Ибнъ-Хаукаль, много-странствовавшій и любознательный купецъ изъ Мосуля, посѣтилъ Итиль въ началѣ X вѣка и оставилъ намъ весьма любопытное его описаніе. „Городъ расположенъ былъ по обѣимъ берегамъ Волги. На восточномъ берегу рѣки жили только купцы,—мусульмане, евреи, христіане, Славяне и Руссы. Здѣсь же находились и обширные амбары съ товарами; эта торговая сторона называлась Харранъ. Западная часть города, около двухъ верстъ въ длину, была обнесена стѣною, заключала въ себѣ жилище самаго Хакана (царя) хазарскаго, его войска и народа; въ той же части помѣщалось

ГОРОДА АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Городъ Астрахань и ближайшія къ нему окрестности.

нѣсколько храмовъ, базаровъ и бань". Число жителей въ Итилѣ было, вѣроятно, весьма велико, судя по тому, что арабскіе путешественники насчитываютъ въ немъ однихъ мусульманъ 10,000, да знатныхъ еврейскихъ фамилій до 4,000. Жители Итиля занимались исключительно разнымъ промысломъ, но главнымъ источникомъ ихъ обогащенія была та обширная транзитная торговля, которая шла въ Азію черезъ Итиль изъ Волжской Болгаріи и съ сѣверо-востока Руси. Любопытно и то, что городъ Итиль, въ былое время, былъ вмѣстѣ и городомъ, и кочевьемъ; въ то время, какъ осѣдлая часть Итиля жила въ домахъ и за каменными стѣнами, большая часть населенія, состоявшая изъ кочевниковъ, жили въ кибиткахъ или юртахъ изъ войлока.

Въ исходѣ VI вѣка на устьѣ Волги славился городъ Балангіаръ, такой-же населенный и богатый центръ, какъ и древній Итиль. Въ IX вѣкѣ слухи о немъ исчезаютъ совершенно; темнымъ и неяснымъ остается для насъ и самый фактъ дальнѣйшаго существованія какого-бы-то ни было города на мѣстѣ Итиля и Балангіара, въ періодъ времени между IX и XIII вѣками. Достовѣрно извѣстно только то, что въ концѣ XIII вѣка монголы построили здѣсь городъ Цытрахань, сдѣлавшійся въ XIV в. столицею Астраханскаго царства. Впрочемъ эта столица находилась не на мѣстѣ нынѣшней Астрахани, а въ восьми верстахъ выше нынѣшняго города, близь такъ называемаго Шаренаго (или Жаренаго?) бугра, на правой сторонѣ Волги. Татары называли этотъ городъ Хаджи-тархань или Адяшъ-тархань, а еще чаще—Аштархань, т. е. вольный городъ. Когда именно городъ былъ перенесенъ со своего стараго мѣста на нынѣшнее—неизвѣстно; но вѣроятно итальянецъ Контарини, посолъ венеціанскаго дожа, отправленный въ Москву къ Іоанну III, въ 1473 году, видѣлъ городъ еще на старомъ, а не на новомъ мѣстѣ. Контарини оставилъ намъ въ своемъ путешествіи краткое описаніе Астрахани, которая показалось ему городомъ ничтожнымъ и бѣднымъ, вѣроятно, только по сравненію съ городами европейскими.

Контарини сообщаетъ, что между Волгою и Дономъ кочуетъ татарская орда, которая болѣе страшна своею численностью, нежели своими военными силами, такъ какъ въ ней нельзя было насчитать болѣе 2,000 человѣкъ, вооруженныхъ луками и мечами. Главнымъ торговымъ центромъ этой орды была Астрахань, которую Конторини называетъ по-своему—Цитрахань. Городъ былъ не обширенъ и окруженъ низкими стѣнами; небольшіе дома, наполнявшіе пространство между стѣнами, были сбиты изъ земли; а между ними, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, еще были видны „хорошо сохранившіеся остатки большихъ зданій, разрушенныхъ вѣроятно въ недавне время. Особое татарское племя, кочевавшее въ степяхъ, къ сѣверо-востоку отъ Астрахани, зимою, по словамъ Контарини, прикочевывало къ самымъ стѣнамъ города. Слѣдовательно, и въ концѣ XV вѣка, Астрахань все еще была такимъ-же оживленнымъ торгомъ для степныхъ кочевниковъ, какъ и хазарскій Итиль въ былое время.

Послѣ покоренія Казани, царство Астраханское, давно уже ослабленное внутренними смутами, не рѣшалось вступить въ борьбу съ государствомъ Московскимъ, и Астраханскій ханъ Ямгурчей добровольно изъявилъ желанія вступить въ подданство къ Іоанну Грозному. Но, года два спустя, онъ опять отложился отъ Москвы, и Іоаннъ отправилъ противъ него сильное войско, подъ начальствомъ Шемякина, Вяземскаго и двухъ другихъ воеводъ. Астрахань въ 1554 году была взята, но окончательно присоединена къ Москвѣ въ 1557 году. Тогда-же и укрѣпленія города были усилены: городъ былъ обнесенъ высокою земляною насыпью и частоколомъ, а въ самомъ городѣ посаженъ воевода и оставленъ постоянный горнизонъ изъ стрѣльцовъ и служилыхъ людей.

Нѣсколько позднѣе, при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, укрѣпленія города были еще болѣе усилены, въ 1584 г. заложенъ былъ обширный кремль, съ высокою стѣною и восемью башнями. Кремль строился очень долго и очень прочно, изъ готоваго матерьяла, который доставляли обширныя развалины ханскихъ дворцовъ и татарскихъ мечетей, находившіяся на мѣстѣ нынѣшняго Селитряного городка. Поводомъ къ поскройкѣ кремля послужила, конечно, неудавшаяся попытка турецкаго султана Селима овладѣть Астраханью при помощи крымскаго хана.

Попытка, при тогдашнихъ условіяхъ веденія войны и при необходимости перейти безводныя песчаныя пространства для того, чтобы осадить городъ, лежащій за тридевять земель—такая попытка была совершеннымъ безуміемъ и могла прійти въ голову только такому неспособному и малоумному султану, какъ Селимъ, сынъ знаменитаго Солимана Великаго. Селимъ задумалъ возстановить мусульманское царство, нѣкогда владѣвшее берегами Ахтубы и Волги, и съ этою цѣлью прислалъ въ Кафу, въ 1569 г., 17,000 отборнаго турецкаго войска, требуя, чтобы и ханъ крымскій присоединилъ къ этому войску всѣ свои силы. Напрасно возражалъ хитрый татаринъ, вовсе не желавшій ссориться съ московскимъ царемъ, напрасно указывалъ онъ на всѣ неудобства и тягости похода съ большимъ войскомъ по безводнымъ, песчанымъ и солончаковымъ степямъ. Султанъ настаивалъ на своемъ, требовалъ, чтобы Донъ былъ соединенъ съ Волгою посредствомъ канала, чтобы Астрахань была непремѣнно взята, или подъ стѣнами ея воздвигнута грозная крѣпость—оплотъ турецкаго могущества. Суда, съ тяжелыми осадными орудіями турокъ и съ богатою казною, медленно потянулись вверхъ по Дону, къ тому мѣсту гдѣ нынѣ стоитъ Качалинская станица. Здѣсь турки вздумали было рыть каналъ по направленію къ Волгѣ, но увидали невозможность выполненія этого предпріятія; потомъ попытались перетащить свои суда волокомъ въ Волгу; но и это не удалось, и привело только къ тому, что все турецкое войско взбунтовалось противъ начальствовавшаго имъ паши. Наконецъ, при помощи перебѣжчиковъ изъ Астрахани, сулившихъ большія выгоды отъ взятія Астрахани, турки двинулись впередъ, дошли до Волги, стали на Городищѣ, ниже Астрахи, и прежде всего начали строить здѣсь укрѣпленіе. Подъ стѣны города турки и не думали подступать, хотя тамъ засѣла небольшая горсть русскихъ храбрецовъ, рѣшившихся отстоять городъ во чтобы-то ни стало до прихода вспомогательной рати изъ Нижняго Новгорода. Вскорѣ дѣйствительно такая рать и приплыла къ Астрахани, подъ начальствомъ мужественнаго воеводы Петра Серебрянаго, который и вступилъ въ городъ, приготовляясь къ военнымъ дѣйствіямъ противъ турокъ и крымцевъ. Но до военныхъ дѣйствіи дѣло не дошло. Турки давно уже голодали въ своемъ укрѣпленіи, и болѣе думали о возможности поскорѣе уйти изъ-подъ Астрахани, нежели объ ея завоованіи. Вскорѣ паша Касимъ услышалъ отъ своихъ воиновъ, что они не желаютъ зимовать на Волгѣ, и вотъ, 26 сентября, онъ приказалъ сжечь воздвигнутое имъ укрѣпленіе и двинулся въ обратный путь такъ поспѣшно, что потерялъ при этомъ движеніи и обозъ, и пушки. Къ тому-же, крымскій ханъ, желая угодить Іоанну Грозному, заставилъ турокъ напрасно блуждать постепи, заводилъ ихъ въ непроходимыя трущобы, насылалъ на засады, устроенныя черкесами. Едва-едва жалкія остатки турецкаго войска, изнуренные и голодные, добрались до Кафы... Урокъ былъ жестокъ и отвадилъ ихъ надолго отъ всякихъ попытокъ водвореніи на прибрежьяхъ Каспія и Волги.

Любопытно, что подробности этого несчастнаго похода были сохранены и переданы въ Москвѣ однимъ изъ замѣчательныхъ русскихъ людей того времени—Семеномъ Мальцевымъ, посланнымъ отъ царя въ Ногайскіе улусы съ какимъ-то тайнымъ дипломатическимъ порученіемъ. Нечаянно наткнувшимъ на непріятеля въ степи, окруженный турками, онъ успѣлъ скрыть царскій наказъ въ дуплѣ дерева, и, вмѣстѣ со своею свитою, защищался отъ враговъ съ отчаянною храбростью. Всѣ его спутники были перебиты—онъ одинъ, уже полумертвый, взятъ былъ въ плѣнъ. Прикованный къ пушкѣ, изнывая отъ голода и жажды, мучимый ранами, Семенъ Мальцевъ не падалъ духомъ, и не терялъ надежды на избавленіе: то пугалъ турокъ расказами о русскихъ силахъ, наступающихъ и по Волгѣ, и со стороны степи, то подговаривалъ сыновей крымскаго хана бѣжать въ Москву, на службу къ царю, и, постоянно живя подъ страхомъ смерти, неусыпно заботился о благѣ своей родной земли. Когда турки вернулись изъ похода, Семенъ Мальцевъ былъ оставленъ ими въ Азовѣ невольникомъ, но вскорѣ выкупленъ нашимъ крымскимъ посломъ, Аѳанасіемъ Нагимъ — и съ добрыми вѣстями о турецкой неудачѣ отправленъ къ царю въ Москву.

Въ началѣ XVII в., въ тяжкую эпоху смутнаго времени, Астрахани, хотя и весьма удаленной отъ центра движенія, пришлось все-же сильно пострадать отъ шаекъ Заруцкаго и Ма-

рины, закинутыхъ судьбою на далекую юго-восточную окраину. Астрахань явилась для Заруцкаго и Марины, какъ и для окружавшей ихъ вольницы, послѣднимъ убѣжищемъ, послѣднимъ поприщемъ ихъ безобразныхъ подвиговъ. Юный государь давно уже былъ избранъ на Москвѣ и вся Россія уже признала его своимъ верховнымъ владыкой: только въ углу между Дономъ и Волгою еще таилась смута, да въ Астрахани хозяйничалъ „отъ всего московскаго государства отлучася, вѣданный воръ и желатель крови христіанской, Черкашенинъ Ивашка Заруцкій съ Маринкою“. Но вскорѣ и сюда явились увѣщательныя грамоты воеводъ изъ верховыхъ городовъ къ казакамъ донскимъ и терскимъ, и даже къ князьку Ногайской орды, Итереку. Увѣщательныя грамоты къ казакамъ подкрѣплялись щедрыми подарками, и въ тоже время воеводы писали къ жителямъ Астрахани, совѣтуя имъ оставить Заруцкаго и добровольно отъ него отложиться въ виду великихъ его преступленій и злодѣйствъ:

Типы Астраханской губерніи.

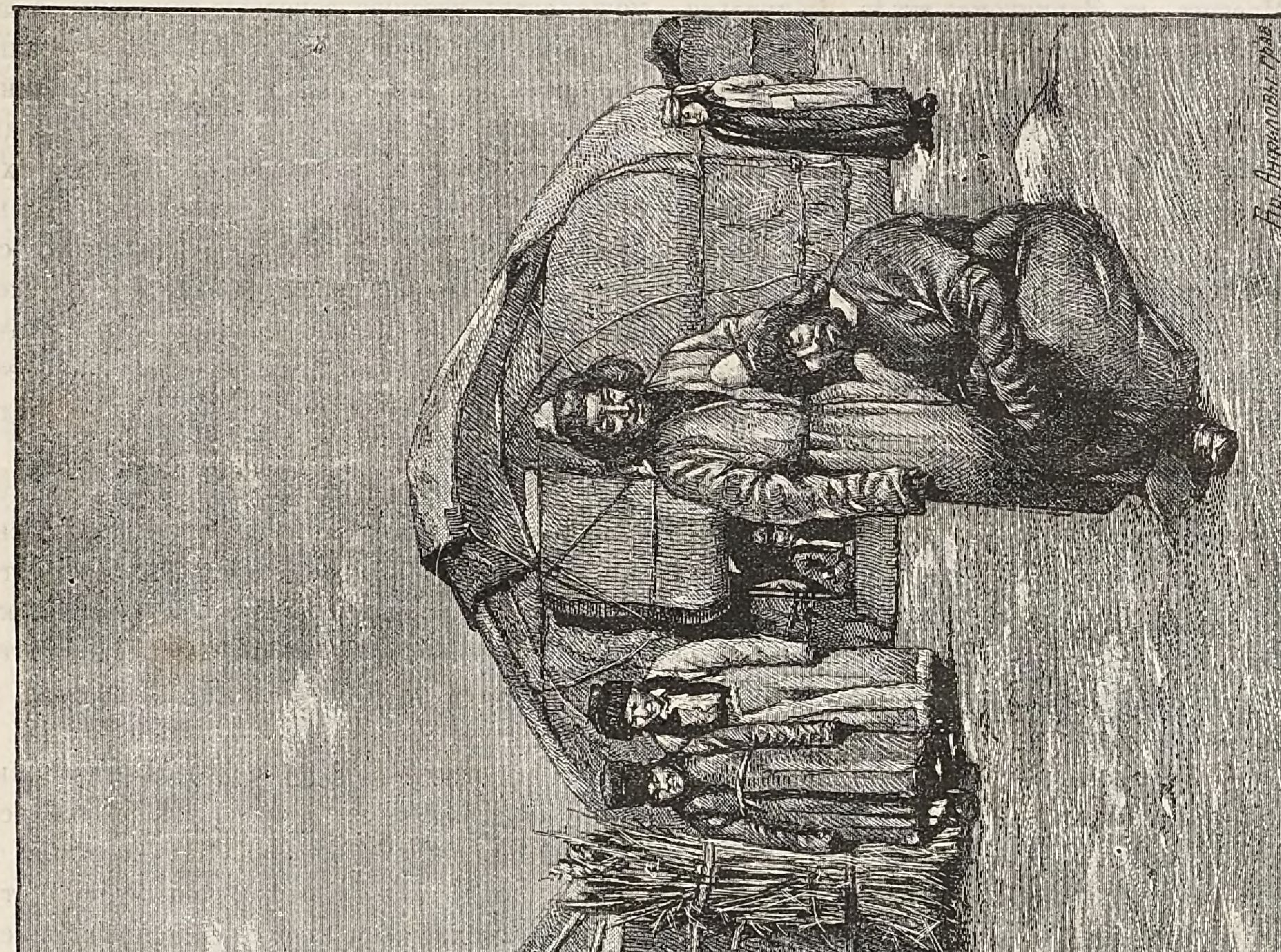

Простыя калмычки.

„Сами вѣдаете“—писали воеводы къ Астраханцамъ—„какое онъ нынѣ у васъ въ Астрахани зло учинилъ: кровь многую православныхъ христіанъ пролилъ, окольничаго и воеводу, князя Ивана Дмитріевича Хворостинина и иныхъ многихъ безъ милости побилъ, на которыхъ прежде и смотрѣть не смѣлъ онъ, злодѣй Ивашка Черкашенинъ безвѣрникъ; а Маринка Люторка еретица о разлитіи крови христіанской не жалѣетъ, то себѣ въ похвалу ставятъ, отъ истины на ложь соблазняютъ и съ персидскимъ шахомъ ссылаются, великаго государя нашего искони вѣчную отчину, Астраханское царство, и въ ней всѣхъ васъ, православныхъ христіанъ, шаху отдать хотятъ, желая великаго государя нашего и его великія Россійскія Государства съ Аббасомъ шахомъ ссорить“.

Но Заруцкій нимало не унывалъ, и неис-

товствовалъ въ Астрахани. Онъ разъѣзжалъ по городу, окруженный 5 или 6 сотнями ногай-

Кочевье калмыковъ и киргизовъ.

цевъ, билъ и грабилъ кого попало, а подозрительныхъ и непріятныхъ ему людей приказывалъ хватать, сажалъ въ темницы и подвергалъ различнымъ пыткамъ. „Знаю я московскіе наряды“, говорилъ онъ окружающимъ — „покамѣстъ люди съ Москвы пойдутъ, я до той поры

Самару возьму, да и надъ Казанью промыселъ учиню". Не смотря на колебанія донскихъ казаковъ, которыхъ всячески старались задобрить изъ Москвы, къ Заруцкому стала собираться по веснѣ казацкая молодежь, заявлявшая гласно, что „имъ все равно, гдѣ-бы ни добыть себѣ зипуновъ — такъ почему-же и подъ Самарскій нейти съ Заруцкимъ?" Говорятъ, что Заруцкій, ободренный приходомъ казаковъ, затѣвалъ даже страшное, кровавое дѣло: — хотѣлъ въ самое Свѣтлое Христово Воскресеніе перерѣзать всѣхъ подозрительныхъ ему людей. Астраханцы, напуганные приходомъ непрошенныхъ гостей, рѣшились отъ нихъ избавиться во что-бы то ни стало. Весь городъ поднялся на Заруцкаго и казаковъ, которые должны были запереться и отсиживаться въ кремлѣ, а граждане сѣли на посадѣ и въ самую среду на Страстной недѣлѣ завязался между ними и Заруцкимъ смертный бой.

Тѣмъ временемъ и въ верховыхъ волжскихъ городахъ прознали, наконецъ, что въ Астрахани не всѣ люди стоятъ за „вора съ ворухою и ворёнкомъ" (такъ звали сына Марины) и оттуда двинули рать подъ начальствомъ воеводы Одоевскаго на выручку вѣрныхъ астраханцевъ. Едва успѣлъ подойти къ Астрахани передовой отрядъ этой рати, подъ начальствомъ стрѣлецкаго головы Хохлова, какъ изъ города выбѣжали имъ на встрѣчу 2,000 мужчинъ и 6,000 женщинъ,—ужъ очень жутко приходилось въ городѣ гражданамъ! Борьба съ Заруцкимъ была для нихъ тяжела:—съ Кремля, укрывшись за каменными стѣнами, злодѣй громилъ городъ изъ кремлевскихъ пушекъ. Но приближенія рати Заруцкій испугался и немедленно бѣжалъ изъ города, вмѣстѣ со своими ногайцами и воровскими казаками. Здѣсь, немного повыше Астрахани, Хохловъ его нагналъ, и жестоко разбилъ. Заруцкій съ Мариною и „воренкомъ" бѣжалъ на Яикъ, но вскорѣ тамъ всѣ они были схвачены и отправлены въ Москву, гдѣ ихъ ожидала позорная казнь... Астрахань, наконецъ, вздохнула свободно.

Лѣтъ сорокъ спустя, городъ дважды терпѣлъ великое опустошеніе отъ двухъ послѣдовательныхъ землетрясеній; подвергался и нападеніямъ татаръ; но всѣ эти бѣдствія были совершенно ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, что ожидало городъ впереди.

Съ осени 1859 года на Волгѣ, точь въ точь, какъ въ пѣсняхъ поется „промежъ города Саратова и города Царицына", появились и стали пошаливать казацкіе воровскіе караваны, а затѣмъ, между Дономъ и Волгою зачалось сильное броженіе. Изъ Саратова и изъ Астрахани высылались противъ воровъ стрѣлецкіе отряды и бились съ ними, и воровскіе городки ихъ раззоряли. Но вольницы накоплялось все больше и больше, изъ малыхъ шаекъ образовались громадныя скопища, а подъ конецъ у этихъ скопищъ явился и атаманъ, — достойный вождь этой безшабашной вольницы, Степанъ Тимофеевичъ Разинъ, болѣе извѣстный просто подъ именемъ Стеньки.

Въ 1657 году астраханскіе воеводы получили царскую грамоту, въ которой значилось, что въ Астрахани и въ Черномъ Яру слѣдуетъ имъ жить съ великимъ береженьемъ, такъ какъ „на Дону собираются многіе казаки и хотятъ идти воровать на Волгу, взять Царицынъ и засѣсть тамъ".

Предостереженіе вскорѣ подтвердилось сильнымъ движеніемъ на Волгѣ, гдѣ появились большіе казацкія скопища Стеньки, били и грабили всѣхъ такъ жестоко, что не стало отъ нихъ ни проходу, ни проѣзду. Расправившись съ воеводами въ Царицынѣ и Черномъ Яру, Стенька съ 1,800 казаками, на 35 стругахъ, выплылъ въ море, вошелъ въ Яикъ и захватилъ Яицкій городокъ. Здѣсь зажился онъ долго, собирая вкругъ себя казацкую голытьбу и вольницу всякаго рода. Старый астраханскій воевода, князь Хилковъ вздумалъ было поучить воровъ и послалъ противъ нихъ небольшую рать; но казаки отъ этихъ посланцевъ отбились, побили стрѣльцовъ и солдатъ, а часть ихъ переманили на свою сторону—и вотъ, весною 1668 года, Стенька уже гулялъ по морю Хвалынскому, направляясь грабить персидскія прибрежья.

Цѣлые полтора года въ Астрахани не слыхать было о Стенькѣ, и только народная молва доносила изъ-за моря смутныя, чудовищныя сказанія о его подвигахъ и неслыханной дерзости. Но вотъ, въ августѣ 1669 г., Стенька, пресытившись грабежемъ и странствованіями по Каспійскому морю, захотѣлъ вернуться въ Россію и здѣсь избрать себѣ болѣе широкій кругъ дѣятельности. Зная, что незванаго гостя

ждетъ въ устьѣ Волги воевода Семенъ Львовъ съ 4,000 царской рати, Стенька вступилъ съ нимъ въ переговоры и билъ челомъ „чтобъ великій государь пожаловалъ, велѣлъ вины ихъ отдать и отпустить ихъ на Донъ съ пожитками“, такъ какъ онъ и все его войско „рады великому государю служить и головами своими платить“. Стенька предлагалъ пушки сдать тотчасъ-же, въ Астрахани, а струги и всю струговую снасть—въ Царицынѣ, если ихъ пропустятъ въ Волгу миромъ. Воевода Львовъ имѣлъ слабость согласиться, и поддался на обманъ.

25-го августа 1669 года въ Астрахани было большое торжество. Воевода, въ приказной избѣ, принималъ повинную отъ Разина и его важнѣйшихъ товарищей. Казаки положили у избы бунчукъ, знамена, сдали плѣнныхъ персіянъ... Немного позже, Стенька выдалъ воеводамъ 21 пушку и морскіе струга, но 20 пушекъ удержалъ у себя, обѣщая прислать ихъ въ послѣдствіи. Воеводы, видя, какое магическое дѣйствіе оказываютъ казаки на государевыхъ служилыхъ людей, не рѣшались слишкомъ упорно настаивать на выполненіи условій, предложенныхъ Стенькой, и только объ одномъ молили Бога, чтобы казацкая громада поскорѣе схлынула съ глазъ ихъ долой, на волжское раздолье...

„Легко понять“, говоритъ нашъ историкъ Соловьевъ — „какое впечатлѣніе въ низшихъ слояхъ тогдашняго общества должно было производить появленіе казака—вольнаго молодца, о которомъ такъ много расказывалось и пѣлось, и который могъ самъ о себѣ такъ много расказать. Среди это однообразной и бѣдной во всѣхъ отношеніяхъ жизни являлся казакъ, богато, роскошно одѣтый; онъ звенитъ оружіемъ, звенитъ деньгами, — деньги ему нипочемъ; онъ гуляетъ и вся жизнь его представляется непрерывною гульбою... А прелесть добычи, прелесть подвига, дававшаго выходъ силамъ, безпокойно, тяжело и праздно волновавшимъ человѣка“?..

Недаромъ, одинъ изъ современныхъ астраханскихъ бытописателей, съ изумленіемъ наблюдая Стеньку и его ватаги, заносилъ въ свои записки:

...„По истинѣ Стенька Разинъ богатъ пріѣхалъ, что и невѣроятно быти мнится: на судахъ его веревки и канаты все шелковыя и паруса также всѣ изъ матеріи персидской шелковые-же учинены“...

Въ сентябрѣ 1679 года Разинъ со своею вольницею покинулъ Астрахань, а, съ полгода спустя, то страшное народное движенія, которое извѣстно въ исторіи подъ названіемъ „бунта Стеньку Разина“,было уже въ полномъ разгарѣ... Разинъ бушевалъ на Волгѣ, захватилъ Царицынъ и сбирался идти въ верховые волжскіе города, но вдругъ отдумалъ и ударилъ на Астрахань, которая сдѣлалась мѣстомъ дѣйствія его страшныхъ, кровавыхъ неистовствъ. Измѣна стрѣлецкой дружины, высланной противъ него къ Черному Яру, открыло ему путь къ Астрахани; измѣна-же отворила ему и ворота несчастнаго города.

Въ Астрахани давно чуяли бѣду и ждали ея съ великимъ страхомъ: все населеніе было напугано предшествовавшими землетрясеніями; всѣмъ чудался необычный шумъ въ церквахъ и ночью раздававшійся колокольный звонъ. Всѣ ждали знаменья—и вотъ 13 іюля, ночью, караульные стрѣльцы увидали, какъ надъ всею Астраханью разверзлось небо и просыпались изъ него на городъ какъ-бы печныя искры. Стрѣльцы побѣжали въ соборъ и расказали объ этомъ митрополиту Іосифу. Тотъ долго плакалъ, и, возвратившись въ свою келью отъ заутрени, говорилъ: „изліяся съ небеси фіалъ гнѣва Божія?“ Какъ разъ около этого времени дошли до города слухи объ измѣнѣ стрѣльцовъ, посланныхъ противъ Разина, и смятеніе въ городѣ усилилось:—народъ глухо заволновался. Однако-же воевода Прозоровскій не унывалъ духомъ, хоть и не ждалъ ничего добраго. Онъ приказалъ чинить валы и раскаты, осмотрѣлъ каменный городъ и пушки, всюду держалъ на стѣнахъ крѣпкій караулъ. Но ничто не помогло. 22-го іюня воровскіе казаки появились въ виду города, а 24-го, на разсвѣтѣ, они полѣзли на приступъ. Загремѣли съ города пушки, но казаки, не обращая вниманія на выстрѣлы, приставили лѣстницы къ стѣнамъ, зная, что не встрѣтятъ сопротивленія: Астраханскіе измѣнники встрѣчали ихъ какъ друзей, и сами тотчасъ перешли на сторону Стеньки, избивая дворянъ, сотниковъ, боярскихъ людей, пушкарей. Прозоровскій, раненный въ схваткѣ копьемъ въ животъ, былъ принесенъ слугами на коврѣ къ

собору: митрополитъ Іосифъ, жившій съ нимъ въ большой дружбѣ, поспѣшилъ туда-же и пріобщилъ его св. Тайнъ. А между тѣмъ „церковь все больше и больше наполнялась народомъ: вбѣгали дьяки, головы стрѣлецкіе, подъячіе, всѣ тѣ, которымъ нельзя было ждать добра отъ воровъ. Думали еще защищаться; заперли церковныя двери, и у нихъ, съ большимъ ножемъ, сталъ стрѣлецкій пятидесятникъ Фролъ Дура, рѣшившійся дорого отдать ворамъ святое мѣсто… Казаки прибѣжали и начали ломиться; рѣзныя желѣзныя двери не подавались… Они выстрѣлили сквозь нихъ изъ самопала. Раздался вопль: на рукахъ у матери трепеталъ въ крови полуторагодовой ребенокъ. Наконецъ дверь подалась; Фролъ Дура началъ работать ножемъ: разъяренные казаки выхватили его изъ церкви и у паперти изсѣкли на части. Прозоровскаго, дьяковъ, головъ, стрѣлецкихъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, сотниковъ и подъячихъ—всѣхъ перевязали и посадили подъ раскатъ дожидаться казацкаго суда и расправы. Судъ и расправа были коротки: явился атаманъ и велѣлъ взвести воеводу на раскатъ и оттуда ринуть на землю. Другихъ несчастныхъ не удостоили и такого почета: ихъ просто посѣкли мечами и бердышами передъ соборною церковью—кровь ручьемъ текла мимо церкви, вплоть до приказной избы. Трупы бросали безъ разбору въ Троицкомъ монастырѣ, въ общую братскую могилу; подлѣ могилы стоялъ монахъ и считалъ: начелъ 441“.

„Послѣ убійствъ начался грабежъ:—пограбили весь городъ и все свезли въ кучу для ровнаго дувана (дѣлежа). Но въ то время, когда цѣлый уже городъ со всѣми своими богатствами былъ въ рукахъ Стеньки и его товарищей, въ одномъ мѣстѣ слышалась еще стрѣльба: въ пыточной башнѣ засѣли на смерть люди Черкасскаго князя Каспулата Муцаловича, да двое русскихъ, да пушкари—всего девять человѣкъ, и бились съ ворами до полудня; не стало свинцу, стрѣляли деньгами; не стало пороху—покидались внизъ головою со стѣны… Нѣкоторые пришиблись до смерти; другихъ посѣкли казаки;—никто живой не дался имъ въ руки.

На другой-же день Стенька ввелъ въ городѣ новые порядки:—онъ обратилъ Астрахань въ обширную казацкую станицу, раздѣлилъ жителей на тысячи, сотни, десятки, съ выборными сотниками, десятниками, атаманами, есаулами.

Всѣ бумаги во всѣхъ приказахъ велѣно было сжечь. Пошла въ городѣ гульба неслыханная… И страшно вспомнить:—кровавыя потѣхи старшихъ и взрослыхъ понравились младшимъ, увлекли ребятъ! Дѣти завели свои круги, и свою расправу: кто провинится, того бьютъ палками, вѣшаютъ за ноги; одного повѣсили за шею—и сняли уже мертваго.

Видя все это, митрополитъ молчалъ по неволѣ: онъ одинъ оставался трезвымъ и здравымъ свидѣтелемъ этого кроваваго похмѣлья. Въ одинъ изъ царскихъ дней Стенька съ товарищами напросился къ нему обѣдать, и привалило къ митрополиту больше ста человѣкъ незванныхъ гостей. Соловьевъ такъ описываетъ эту страшную трапезу:

„У митрополита въ кельяхъ скрывалась вдова воеводы, княгиня Прозоровская, съ двумя сыновьями: одному было 16, другому 8 лѣтъ. Стенька вспомнилъ о княжатахъ и велѣлъ привести къ себѣ старшаго:

— Гдѣ казна, что сбиралась въ Астрахани съ торговыхъ людей?

— Вся пошла на жалованье служилымъ людямъ, отвѣчалъ мальчикъ и сослался на подъячаго Алексѣева, который подтвердилъ его слова.

— А гдѣ ваши животы?

— Разграблены, отвѣчалъ князь: нашъ казначей отдавалъ ихъ по твоему приказу, возилъ ихъ твой есаулъ.

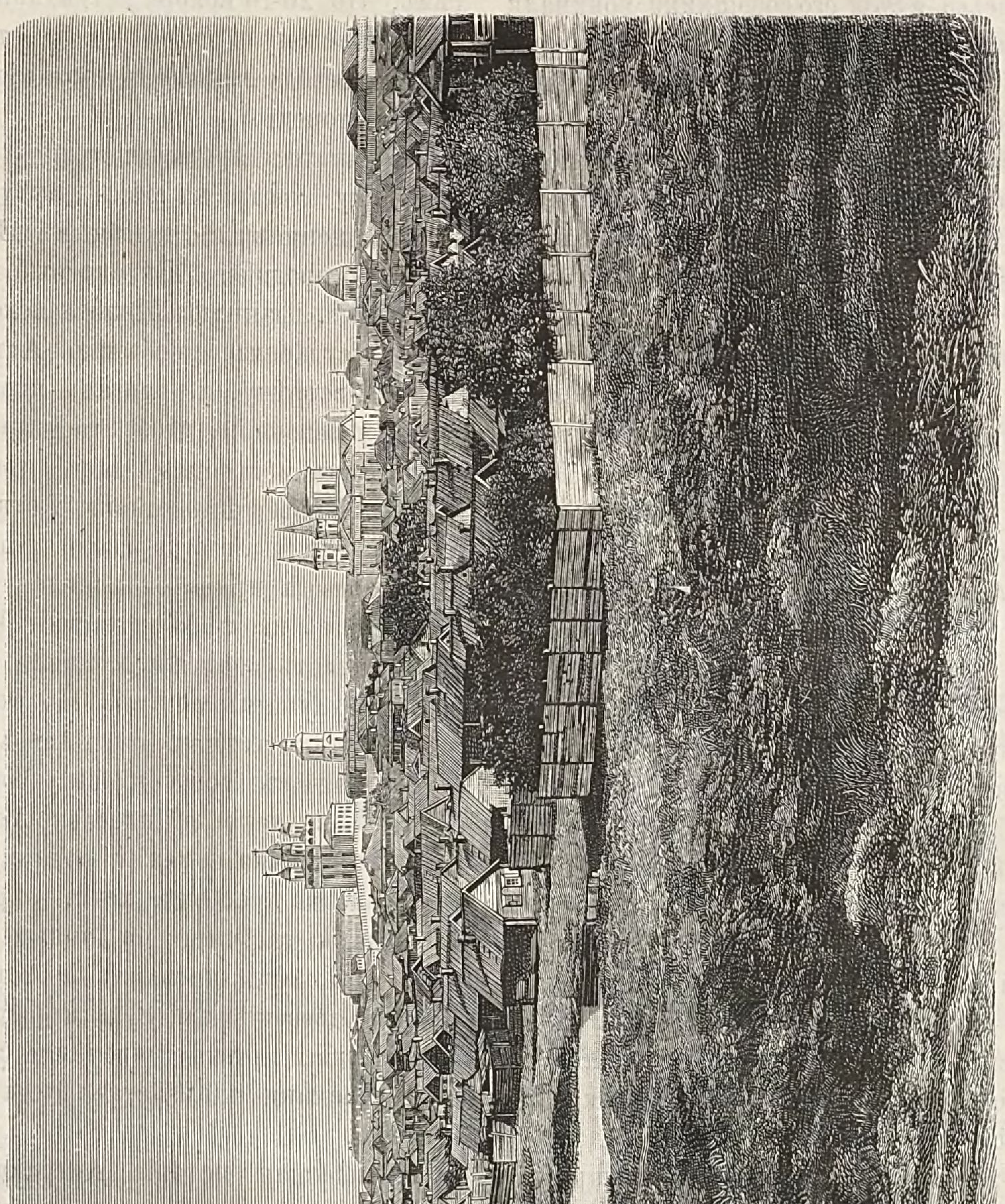
Послѣ этого допроса Прозоровскій висѣлъ вверхъ ногами на городской стѣнѣ, подъячій—на крюкѣ за ребро.

Аппетитъ былъ возбужденъ: Стенька велѣлъ вырвать у княгини Прозоровской и другого сына, и повѣсить за ноги подлѣ брата.

На другой день старшаго Прозоровскаго сбросили со стѣны; младшаго сняли живымъ, высѣкли и отослали къ матери. Подъячій уже недышалъ.

Въ концѣ іюля, вдосталь нагулявшись въ Астрахани, Стенька сталъ собираться въ походъ. Астраханцы просили у него разрѣшенія въ его отсутствіе перебить всѣхъ укрывшихся отъ него дворянъ и приказныхъ. „Когда я изъ Астрахани пойду“, отвѣчалъ Стенька, „то вы дѣлайте, какъ хотите, а для расправы оставляю вамъ казака Ваську Уса“. Затѣмъ, съ

шумомъ и громомъ, на 200 судахъ отплылъ Стенька изъ Астрахани вверхъ по Волгѣ. Берегомъ шло за судами 2,000 конныхъ ратниковъ.

ГОРОДА АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Общій видъ Астрахани (съ восточной стороны).

Не вдаваясь въ дальнѣйшее описаніе „воровскихъ дѣлъ“ знаменитаго волжскаго атамана, мы припомнимъ только, что 14 апрѣля 1671 года подвигамъ Стенки былъ положенъ конецъ. Его схватили въ Кагальницкомъ городкѣ и повезли въ Москву, на казнь. Вскорѣ послѣ того, вспомнили и объ Астрахани, гдѣ продолжалъ распоряжаться Васька Усъ и его Астраханскіе пособники. Единственною поддержкою

и опорою добрыхъ и вѣрныхъ гражданъ являлся митрополитъ Іосифъ, который смѣло обличалъ измѣнниковъ и, съ опасностью жизни, поддерживалъ сношенія города съ московскими воеводами. Васька Усъ и его сообщники понимали это, но никакъ не могли этому воспрепятствовать. Они вымещали свою злобу на близкихъ митрополиту людяхъ, но не смѣли еще поднять руки на самого святителя. Наконецъ, воры рѣшились во чтобы-то ни стало избавиться отъ такого опаснаго врага, какъ митрополитъ, и на своемъ кругу произнесли ему смертный приговоръ.

11-го мая казаки за митрополитомъ послали въ соборъ, гдѣ онъ присутствовалъ при литургіи. Приказано было привести святителя въ кругъ. Митрополитъ отвѣчалъ согласіемъ, облачился во всю святительскую одежду и велѣлъ благовѣстить въ большой колоколъ, чтобы всѣ священники собирались идти съ нимъ вмѣстѣ въ казацкій кругъ. Митрополита подвергли въ кругу допросу, стали взводить на него обвиненія въ небывалыхъ преступленіяхъ. Іосифъ отвѣчалъ горделиво и съ достоинствомъ. Казаки зашумѣли и стали грозить ему; тогда одинъ изъ нихъ рѣшился вступиться за святителя и образумить товарищей... На него бросились самые отчаянные воры, вытащили его изъ круга и изрубили. Затѣмъ, толпа заревѣла на священниковъ: „снимайте съ митрополита санъ! онъ снималъ-же санъ съ Никона патріарха!“ Іосифъ, въ отвѣтъ на эти крики, самъ снялъ съ себя митру, панагію, и, обратившись къ протодіакону, сказалъ.

— Что-же ты сталъ,—не разоблачаешь? уже пришелъ часъ мой!

Протодіаконъ, въ ужасѣ, снялъ съ него омофоръ, снялъ саккосъ...

Затѣмъ злодѣи схватили Іосифа, повлекли на пытку, мучили, терзали и, наконецъ, — сбросили съ раската.

Но близился уже и послѣдній актъ слишкомъ длинной, кровавой драмы. Въ августѣ 1671 года, воевода Иванъ Милославскій подошелъ съ войскомъ и сталъ подъ городомъ, укрѣпившись въ земляныхъ городкахъ. Воры, подъ начальствомъ атамана Шелудяка, попробовали было помѣряться съ нимъ силами, но были отбиты и разбиты на голову. Пришлось имъ отсиживаться въ городѣ, а Милославскій, зная очень хорошо все, что происходило въ городѣ, благоразумно избѣгалъ всякой напрасной траты силъ и людей. Три мѣсяца простоялъ такъ воевода подъ городомъ; кончилось тѣмъ, что 26-го ноября астраханцы дали знать Милославскому о своей покорности, а на 27-е ноября воевода назначилъ торжественное вступленіе въ городъ.

„Полки государевы двинулись по вновь наведенному мосту на рѣкѣ Кутумѣ: впереди шли священники съ молебнымъ пѣніемъ, несли икону Богородицы „Живоносный источникъ въ чудесѣхъ“, данную Милославскому при отпускѣ государемъ, по обычаю. Астраханцы вышли на встрѣчу, и, увидавъ икону, пали на землю и завопили, чтобы государь отдалъ имъ вины, какъ милосердый Богъ грѣшниковъ прощаетъ. „Вины всѣмъ отданы“, отвѣчалъ Милославскій „и вы государскою милостію уволены“. Воевода прямо отправился въ соборъ къ молебну; съ иконы Живоноснаго Источника велѣлъ списать копію и оставилъ въ соборѣ на память будущимъ родамъ. По стѣнамъ и воротамъ стали сотники и стрѣльцы Московскіе.

Все тотчасъ успокоилось. Чтобы не возбуждать волненія, Милославскій даже главныхъ зачинщиковъ между ворами оставилъ въ покоѣ и на свободѣ, хотя, вѣроятно, зорко наблюдалъ за ними; и только уже лѣтомъ 1672 года, когда пріѣхалъ въ Астрахань князь Яковъ Одоевскій для суда и расправы — эти зачинщики и главные виновники совершенныхъ въ Астрахани злодѣйствъ были схвачены и казнены.

Дальнѣйшая исторія Астрахани не представляетъ ничего особеннаго, выдающагося, выходящаго изъ обычной колеи провинціальной жизни промышленнаго города, лежащаго на далекой окраинѣ Россіи. Намъ придется, говоря объ Астрахани XVIII и XIX вѣка, отмѣтить лишь немногія факты, имѣющіе историческое значеніе.

Между 1692 и 1694 гг. городъ потерпѣлъ страшное опустошеніе отъ моровой язвы, продолжавшейся здѣсь около двухъ лѣтъ подъ-рядъ, вѣроятно, вслѣдствіе тѣхъ-же дурныхъ условій гигіеническихъ, которыя, еще весьма недавно, чуть не привели къ ветлянской чумѣ. Въ теченіи этихъ двухъ лѣтъ въ городѣ вымерло 15,000 человѣкъ.

Затѣмъ, въ 1705 г., стрѣлецкіе бунты нашли здѣсь свой отдаленный отголосокъ: астраханскіе стрѣльцы, подстрекаемые Рувимомъ, архимандритомъ Вознесенскаго монастыря, взбунтовались въ городѣ и произвели безпорядки настолько значительные, что бунтъ пришлось усмирять фельдмаршалу Шереметеву.

Въ 1708 г., при первоначальномъ раздѣленіи Россіи на восемь губерній, Астрахань была сначала причислена къ Казанской губерніи, и только уже въ 1718 г. была назначена губернскимъ городомъ особой Астраханской губерніи.

Петръ Великій посѣтилъ Астрахань только уже въ концѣ своего царствованія (1722 г.), по поводу нашихъ непріязненныхъ отношеній съ Персіей и начавшейся тогда войны въ Закавказьѣ. Тотчасъ по прибытіи въ Астрахань, внимательно осмотрѣвъ мѣстность города, Петръ озаботился объ устройствѣ въ Астрахани морскаго порта и указалъ мѣсто для адмиралтейства, которое, вслѣдствія измѣненія береговъ Волги, въ теченіе ста лѣтъ три раза переносилось съ одного мѣста на другое на лѣвомъ берегу Волги: — тогда, въ началѣ XVIII вѣка еще не было обращено вниманія на то, что главное теченіе Волги все болѣе и болѣе переходитъ къ западу или къ правой сторонѣ рѣки. Около временъ Петръ Великаго главный волжскій фарватеръ шелъ значительно восточнѣе нынѣшняго, такъ называемымъ Ярковскимъ устьемъ, по которому тогда проходили большія, глубоко-сидящія морскія суда, а теперь не всегда могутъ пройти и плоскодонныя лодки. Въ настоящее же время волжскій фарватеръ идетъ Бахтемиромъ, самымъ западнымъ изъ Волжскихъ рукавовъ.

Заложивъ въ Астрахани адмиралтейство, Петръ озаботился и о постройкѣ морскихъ судовъ въ Астраханскомъ портѣ, помня, что здѣсь начало короблестроеніи было положено уже при отцѣ его:—въ 1667 г. царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ здѣсь построить первый русскій корабль „Орелъ“ (сожженный впослѣдствіи Разинымъ), предназначавшійся для защиты русской морской торговли отъ грабежей. Не упущены были Петромъ изъ виду и благоустройство города, важное значеніе котораго онъ вполнѣ съумѣлъ оцѣнить, и мѣстные торговыя интересы, такъ какъ о развитіи торговли Петръ всегда и вездѣ усердно заботился, признавая въ ней одну изъ главныхъ опоръ народнаго благосостоянія.

Ради благоустройства города, Петръ озаботился о прорытіи въ Астрахани канала, который долженъ былъ соединять главное русло Волги съ ея рукавомъ Кутумомъ и тѣмъ способствовать осушенію болотистой почвы города. Ради усиленія и развитія торговли съ Закавказьемъ и Персіей, Петръ поощрялъ иностранцевъ селиться въ Астрахани, при чемъ онъ много способствовалъ образованію такъ называемыхъ кумпанствъ для веденія морской торговли. Такихъ кумпанствъ или компаній, въ Петрово время, существовало въ Астрахани четыре, и въ числѣ ихъ одно состояло исключительно изъ англичанъ. Въ царствованіе Екатерины привиллегіи всѣхъ этихъ компаній были уничтожены и торговля объявлена свободною, но, собственно говоря стала расширяться только съ конца XVIII вѣка, когда устранены были нѣкоторыя стѣснительныя для торговли таможенныя правила и ей даны нѣкоторыя льготы. Наиболѣе цвѣтущимъ временемъ для астраханской торговли было начало и первая четверть нынѣшняго столятія, когда значительно расширились обороты астраханской заграничной торговли съ Персіей, Бухарой, Хивой и другими мѣстностями Средней Азіи. Въ настоящее время, вслѣдствіе различныхъ измѣненій въ направленіе торговыхъ путей, заграничная торговля Астрахани оказывается совершенно ничтожною и главнымъ интересомъ мѣстнаго торга являются обширнѣйшіе и при томъ постоянно развивающіеся обороты каспійскаго и волжскаго рыболовства, которое мало-по-малу находитъ себѣ сбытъ уже не только въ Россіи, но и на заграничныхъ рынкахъ.

Чрезвычайно любопытно, что предначертанія Петра по отношенію къ Астрахани въ значительной степени удалось осуществить чужанину, случайно занесенному судьбою въ этотъ дальній уголъ Россіи. Нѣкто Варвакисъ— грекъ родомъ, вступившій въ русскую службу при Екатеринѣ II, посланъ былъ правительствомъ въ Астрахань, и здѣсь, благодаря своей предпріимчивости, быстро нажилъ милліонное состояніе. Значительную долю своего состоянія, около $3^1/_2$ милліоновъ, онъ въ благодарность новому своему отечеству, употребилъ на укра-

шеніе Астрахани на возобновленіе Никольскаго собора и постройку обширной каменной больницы. Но интереснѣе всего то, что онъ на свой счетъ исправилъ и докончилъ начатый при Петрѣ Великомъ каналъ, который и до сихъ поръ носитъ названіе Варваціева канала. По берегу канала устроена была красивая набережная и обсажена деревьями.

Нимало незамѣчательный по красотѣ мѣстоположенія, не заслуживающій никакого особеннаго вниманія по величавости своихъ зданій или по достоинству своихъ сооруженій, городъ Астрахань бросается невольно въ глаза такою особенностью, которая, съ одной стороны, напоминая его отдаленное историческое прошлое, съ другой стороны служилъ прямымъ доказательствомъ вѣротерпимости русскихъ людей:— сверхъ 19 православныхъ церквей и монастырей въ Астрахани видимъ католическій костелъ, протестантскую кирху, пять грегоріанскихъ церквей и семь мечетей (въ томъ числѣ одну персидскую, суннитскаго толка)!

Древностями городъ не богатъ, да и едва-ли какія-бы то ни было остатки глубокой древности могли-бы уцѣлѣть на такой зыбкой (во всѣхъ смыслахъ) исторической почвѣ какъ почва Астрахани. Древнѣйшимъ изъ мѣстныхъ сооруженій является Кремль, оконченный постройкою къ концу XVII вѣка, и соборъ во имя Успенія Божіей Матери, въ придѣлѣ котораго погребено тѣло замученнаго „ворами“ митрополита Іосифа. Соборъ невосходитъ далѣе конца XVI вѣка, но представляетъ собою прекрасное, пятиглавое зданіе, построенное на лучшемъ и возвышенномъ мѣстѣ города, а потому и господствующее подъ всѣми его постройками.

IV.

Рыбныя богатства Прикаспійскаго края.—Рыболовство рѣчное и морское; особенности того и другаго.—Употребляемые въ рыболовствѣ снаряды. — Періоды рыболовства.—Опасности зимняго надледнаго лова.—Рабочіе на рыбныхъ промыслахъ.—Ватаги и заготовленіе рыбы.—Соляная промышленность.—Другія отрасли промысловъ.

Главное богатство края, дающее средства къ жизни не только массѣ мѣстнаго населенія, но и пришлому люду, составляютъ его рыбные

АСТРАХАНСКОЕ РЫБОЛОВСТВО.

Рыбачки-рѣзальщицы на волжской ватагѣ.

промыслы. Цѣнность рыбныхъ уловов этого края, по словамъ г. Бобылева, превышаетъ стоимость ежегодныхъ уловов Ньюфоудлэнда, береговъ Норвегіи и Франціи, т. е. оборотъ самыхъ значительныхъ рыболовствъ міра, взятыхъ вмѣстѣ.

О размѣрахъ мѣстнаго рыболовства говоритъ также и то, что употребляемыя въ немъ снасти и сѣти, если положить ихъ по всѣмъ извилинамъ почтоваго тракта и водяныхъ сообщеній Россіи, отъ Москвы до Николаевска на Амурѣ, займутъ пространство въ два ряда. Соли для посола рыбы потребляется ежегодно около $3^1/_2$ милліоновъ пудовъ. Но, конечно, о громадности развитія рыбныхъ промысловъ въ астраханскомъ краѣ всего яснѣе свидѣтельствуютъ намъ цифры ловимой рыбы.

Статистика астраханскаго рыболовства не можетъ не поразить колоссальностью своихъ цифръ. Академикъ Бэръ еще 30 лѣтъ тому назадъ опредѣлялъ уловъ рыбы на Каспійскомъ морѣ въ 11 мил. пуд. на сумму $10^1/_2$ милліоновъ рублей. Съ того времени, какъ свидѣтельствуетъ г. Гриммъ, уловы возрасли почти втрое противъ прежняго. По показанію рыбопромышленниковъ, приводимому г. Гриммомъ, изъ Астрахани въ настоящее время вывозится слѣдующее количество рыбныхъ продуктовъ:

Бѣшенки до 250 мил. шт. (700,000 боч.).	7.000,000	пуд.
Воблы › 350 › ›	3.000,000	›
Тарани, сопы, чехони и бѣлоглазки 200,000 шт.	3.500,000	›
Судака	2.000,000	›
Леща	400,000	›
Сазана	200,000	›
Сома	100,000	»
Бѣлорыбицы	30,000	»
Бѣлуги	300,000	›
Осетра, севрюги, шипа	1.000,000	›
Черной икры	90,000	›
Судачей икры	50,000	›
Лещевой и вобловой икры	150,000	›
Клея бѣлужьяго и осетроваго	4,000	›
Вязиги	4,000	›
Итого . . .	17.828,000	пуд.

Если эти цифры далеко не втрое превышаютъ приводимыя Бэромъ, то это объясняется тѣмъ, что въ нихъ не включенъ уловъ рыбы, идущей съ Куры на Кавказъ, съ Урала на Оренбургъ, съ Волги выше Астрахани и, наконецъ, рыбы, употребляемой въ пищу мѣстнымъ населеніемъ *). Но данныя, приводимыя г. Гриммомъ, имѣютъ оборотную сторону, которая рисуетъ современное положеніе рыболовства сравнительно съ прежнимъ временемъ далеко не въ такомъ выгодномъ свѣтѣ, какъ кажется при первомъ взглядѣ на рядъ цифръ г. Гримма. Дѣло въ томъ, что прежде ловилось болѣе цѣнныхъ породъ рыбъ. Уловъ бѣлуги, осетра, севрюги, даже по цифрамъ г. Гримма, оказывается ниже прежняго. Первостепенное значеніе получила теперь бѣшенка или волжская сельдь. Прежде она шла исключительно на вытапливаніе жира. Солить ее начали послѣ того, какъ Бэръ указалъ на пользу заготовленія ея въ прокъ. Съ того времени это заготовленіе стало быстро увеличиваться. Въ 1855 г. посолено было 10 мил. бѣшенки, въ 1856 г. 20 мил., въ 1857 г. больше 50 мил., въ 1871 г. 140 мил., въ 1872 г. до 160 мил., въ 1873 180 мил., а въ послѣдніе годы солилось до 250 мил. штукъ.

Область рыболовныхъ промысловъ края составляютъ сѣверозападныя части Каспійскаго моря и Волга съ ея притоками, отъ взморья дельты до сѣверныхъ предѣловъ губерніи. Эти двѣ области имѣютъ существенныя особенности не только въ естественномъ, но и въ экономическомъ отношеніи. Рѣчное рыболовство—арендаторское, въ которомъ воды, принадлежащія владѣльцамъ береговъ, берутся съ торговъ. Морское рыболовство—вольное. Въ немъ ловъ рыбы бываетъ двоякій: бакенный и непосредственно вольный. Ловъ перваго рода производился противъ самыхъ устьевъ Волги, въ такъ называемыхъ бакенныхъ полосахъ, раздѣляющихся на черневыя и морскія: черневыя идутъ отъ берега до 1 сажени глубины, а морскія отъ черневыхъ до 4 саженей глубины, т. е. верстъ на 50 отъ берега. Въ районѣ бакенныхъ полосъ ловъ рыбы обставленъ особыми правилами, при чемъ его дозволяется производить только крючковою самоловною снастью, о которой рѣчь впереди.

Далѣе: рѣчное и морское рыболовства различаются и по употребляемымъ въ томъ и другомъ рыболовствѣ снарядамъ и способамъ лова. Главное орудіе въ рѣчномъ рыболовствѣ—неводъ, который бываетъ, смотря по ширинѣ и глубинѣ рѣки или протока, въ 200—800 саж. длины, при ширинѣ въ 4—8 аршинъ. Неводъ меньшихъ размѣровъ называется волокушею. Въ зимнее время послѣ замерзанія рѣкъ и протоковъ, какъ вспомогательныя неводамъ средства, употребляются еще вентяри и особаго рода приспособленные для лова бѣлой рыбы снаряды—сидебки. Кромѣ этого, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, ближе къ устямъ рѣки, для прегражденія хода рыбы вверхъ и для удобнѣйшаго лова, прежде существовали такъ называемые учуги или забойки, состоявшія изъ ряда свай, которыми перегораживалась рѣка; промежутки между сваями закладывались до самаго дна особыми рѣшетками, кошанами, и рыба, остановленная на ходу вверхъ такого рода забойкою, вылавливалась

*) См. «Рыбные промыслы въ водахъ Европейской Россіи» въ «Сельскомъ хозяйствѣ и лѣсоводствѣ» 1883 г., № 12.

крючковою снастью, т. е. рядомъ множества крючковъ, прикрѣпленныхъ къ длиннымъ веревкамъ, разбросаннымъ въ разныхъ направленіяхъ по всему пространству рѣки передъ забойкою. Учуги были въ употребленіи съ давнихъ временъ, но такъ какъ они препятствовали размноженію рыбы, то въ 1864 г. учуги были окончательно уничтожены.

Въ морскомъ рыболовствѣ самыя употребительныя снасти — крючковая самоловная снасть и ставная сѣть, которыя выкладываются порядками вдоль, по направленію замѣченнаго ловцами хода рыбы. Въ прибрежнихъ водахъ, кромѣ того, нерѣдко употребляются для лова частиковой рыбы, какъ и въ рѣчномъ промыслѣ, невода и разнаго рода сѣти. На глубокихъ мѣстахъ въ открытомъ морѣ производится еще животный ловъ, т. е. ловъ бѣлуги на живую рыбу, насаженную на крючки. Ловъ этотъ, по необходимости имѣть всегда на судахъ живую рыбу и при томъ какъ производящійся на глубокихъ мѣстахъ моря, довольно затруднителенъ, почему имъ занимаются лишь немногіе смѣльчаки, свыкшіеся съ морскими опасностями. Иногда вмѣсто живой рыбы наживкой служатъ куски тюленя или другаго животнаго. Этотъ ловъ называется на кусъ, а употребляемыя ловцами для плаванія въ открытомъ морѣ и на глубокихъ мѣстахъ (20—120 саж.) суда крѣпкой конструкціи носятъ названіе кусовыхъ лодокъ.

По времени, ловъ рыбы дѣлится на весенній (икряной и перекатный), осенній и зимній или подледный. Это дѣленіе обусловливается естественными причинами. Давно уже замѣчено, что рыба появляется періодически и въ извѣстныхъ мѣстахъ. Такъ, весною она идетъ косяками для метанія икры въ прѣсныя воды р. Волги. Часть красной рыбы, вошедшая въ рѣку, задержанная тамъ какими-нибудь способами или зашедшая очень далеко вверхъ, остается въ рѣкѣ; другая же, послѣ метанія икры, возвращается въ море. Частиковая рыба (сомъ, судакъ, лещъ и т. под., кромѣ сазана и бѣшенки), остается въ рѣкахъ. Кромѣ этого, рыба загоняется случайно въ устья рѣкъ вѣтрами, дующими съ моря („моряна"). Съ такимъ временемъ появленія рыбы сообразуются и рыболовы. Хотя ловъ въ рѣкахъ и прибрежныхъ морскихъ участкахъ не прекращается круглый годъ, но главнымъ образомъ производится въ извѣстные періоды, которыхъ считается четыре. Первый, самый лучшій и богатый ловъ, начинается съ марта и продолжается до конца мая, т. е. до разлитія весеннихъ водъ. Въ этотъ ловъ, называемый терянымъ, ловятся бѣлуга, затѣмъ севрюга, стерлядь и наконецъ осетръ, сазанъ, лещъ и сельдь (бѣшенка). Второй ловъ, перекатный, начинается по спадѣ водъ, когда рыба возвращается въ море. Ловимая въ это время рыба, называемая перекатною, большею частью—яловая, т. е. безъ икры. Ловъ этой рыбы не бываетъ изобильнымъ. Третій ловъ, осенній, начинается съ сентября, когда бѣлуга, осетръ, севрюга и стерлядь, какъ выражаются рыбаки, нагулявшись въ морѣ, заходятъ въ рѣки и протоки для отдыха въ ямахъ. Въ это же время ловятъ огромное количество и частиковой рыбы.

Наконецъ, четвертый ловъ — зимній или подледный, когда рыба находится на отдыхѣ.

Зимній подледный ловъ на морѣ сопряженъ съ большими опасностями. Объ этомъ можно судить по тому, что не особенно рѣдки случаи, когда льдины отрываются и уносятся вмѣстѣ съ людьми въ открытое море. Подобный случай произошелъ, между прочимъ, 23 января 1884 года, когда на одной льдинѣ было унесено въ открытое море около 150 человѣкъ, съ лошадями и рыболовными орудіями. Эти невольные пловцы, однако, отдѣлались очень счастливо отъ бѣды. 26 января, т. е. спустя три дня послѣ того, какъ они были унесены въ море, ихъ принесло со льдиною юго-восточнымъ вѣтромъ къ сѣверо-западной части прибрежнаго морскаго льда, въ разстояніи 150 верстъ отъ поселка Тишкова, котораго они успѣли благополучно достигнуть. Но рыболовныя орудія, три лошади и одни сани погибли. Такіе случаи вовсе не исключительны. Можно было бы привести еще нѣсколько подобныхъ же примѣровъ.

Рыбные промыслы въ устьяхъ Волги, кромѣ многочисленнаго населенія волжской дельты, привлекаютъ еще и массу ищущаго заработка пришлаго люда, главнымъ образомъ изъ сѣверныхъ частей губерніи и частію даже изъ средней и сѣверной полосъ Россіи. Но рабочіе сѣверныхъ частей губерніи, преимущественно женщины, занимающіяся приготовленіемъ рыбы, появляются на промысловыхъ работахъ

періодически, каждогодно, лишь на время разгара рыболовства, весною, на полтора — два мѣсяца и потомъ расходятся по мѣстамъ жительства. Рабочіе же, заходящіе изъ болѣе далекихъ мѣстъ, остаются при промысловомъ дѣлѣ на нѣсколько лѣтъ, а многіе и совсѣмъ осѣдаютъ на дельтѣ или по берегамъ Каспія. Большинство мѣстныхъ рабочихъ состоитъ едва-ли не исключительно изъ калмыковъ и киргизовъ.

ствіи, какъ калмыки, на общемъ промысловомъ основаніи, и послѣдніе въ этомъ едва-ли не сравнялись со своими учителями—русскими. Это выносливое даровитое племя успѣло также тѣсно сродниться съ моремъ, какъ и со степью. Калмыкъ, это—кентавръ въ степи и амфибія на морѣ“.

Средоточіемъ промысловъ служатъ, такъ-называемыя, ватаги или рыбопромышленныя заведенія, разбросанныя преимущественно въ раз-

АСТРАХАНСКОЕ РЫБОЛОВСТВО.

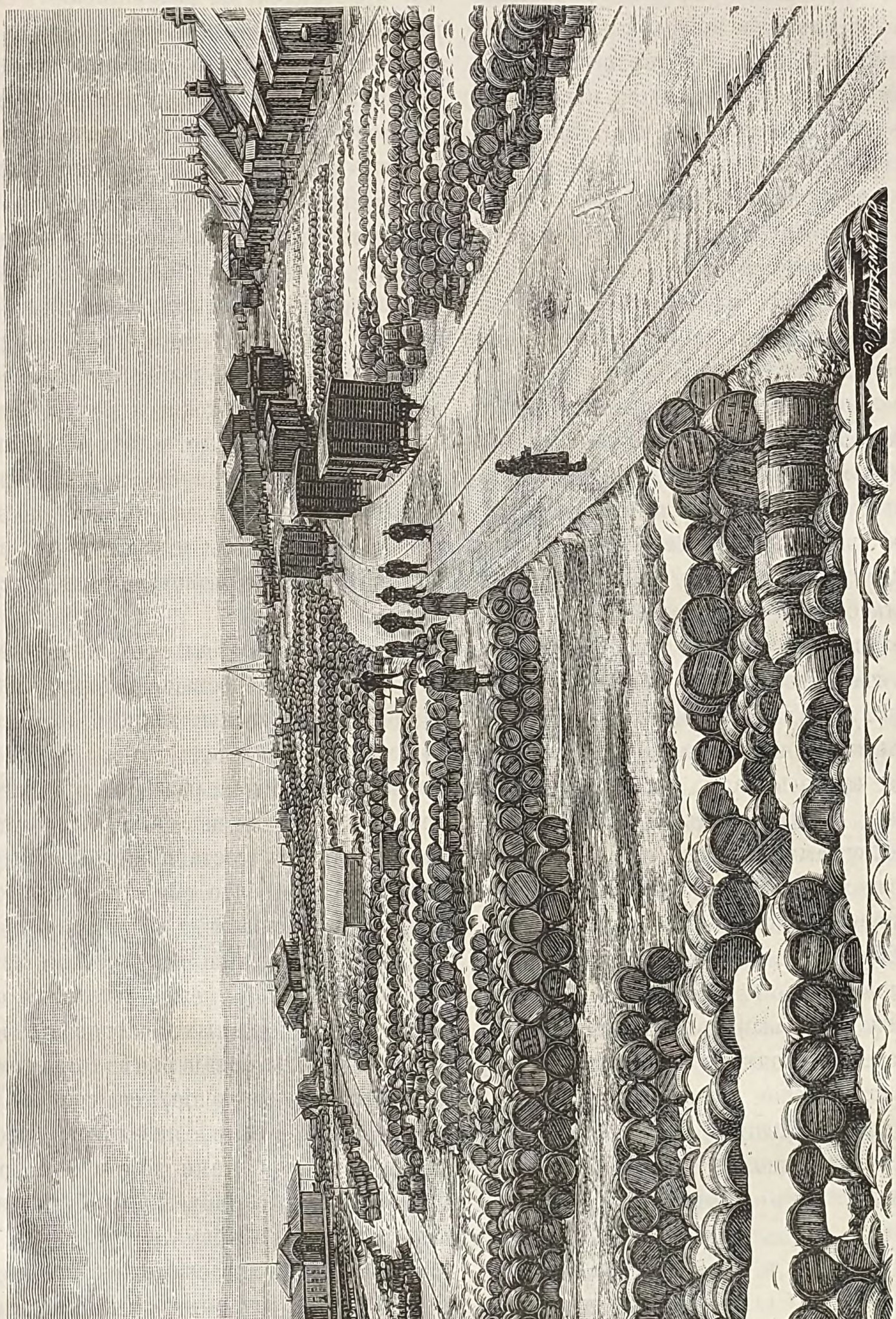
Рыбакъ на собакахъ доставляющій къ ватагамъ рыбу съ моря.

„Многое множество этихъ скотоводовъ, по преимуществу бѣднѣйшая часть ихъ, почти не имѣющая скота а потому не нуждающаяся въ кочевкахъ, существуетъ исключительно промысловыми работами, превращаясь мало-по-малу изъ кочевника-скотовода въ осѣдлаго рыболова. Всѣ живущіе близъ моря не только работаютъ на промыслахъ, но и сами начинаютъ заниматься рыболовствомъ сначала, какъ киргизы, для собственнаго продовольствія, а впослѣд-

ныхъ мѣстахъ волжскихъ устьевъ и по берегамъ Каспійскаго моря.

Весь уловъ доставляется на ватаги. Здѣсь крупная порода прежде всего „раздѣлывается“, т. е. до соленія или сушки очищается отъ внутренностей и распластывается на такъ-называемомъ, плоту. Плотъ—ничто иное какъ помостъ надъ водою, съ крышею и боковыми стѣнами. Небольшой открытый помостъ или приплотъ, служитъ для пріема рыбы.

Самый большой интересъ представляетъ заготовленіе въ прокъ балыковъ. Для этого идутъ въ дѣло исключительно спинки осетра,

ВИДЫ ГОРОДА ЦАРИЦЫНА.

Рыбная пристань въ Царицынѣ.

бѣлуги и частію бѣлорыбицы. Вырѣзанныя спинки укладываются въ чаны и пересыпаются солью такимъ образомъ, чтобы онѣ не соприкасались другъ съ другомъ. Въ соли держатъ балыки 9—15 дней, прибавляя къ ней селитры для приданія рыбѣ краснаго цвѣта. Когда балыки просолятся достаточно, ихъ дня два вымачиваютъ въ водѣ, а потомъ вывѣшиваютъ недѣли на 4—6, глядя по погодѣ, прежде на

солнце, а потомъ въ тѣнь, гдѣ-нибудь подъ открытымъ навѣсомъ, чтобы они могли провѣтриться. Когда балыкъ поспѣетъ, онъ покрывается плесенью. Отсутствіе плесени считается признакомъ того, что балыкъ пересоленъ. Балыки приготовляются лишь весною, до наступленія жаровъ. Лучшими считаются мартовскіе.

Неподалеку отъ плота находится выходъ— длинный (въ 100 и болѣе саж.) ледникъ или погребъ, устроенный въ бугрѣ. Со стороны берега въ выходъ сдѣлана дверь, отъ которой во всю длину выхода между столбами тянется нѣчто въ родѣ корридора; по обѣимъ сторонамъ его сдѣланы широкіе и глубокіе открытые ящики — лари съ двойными стѣнками, между которыми накладывается ледъ. Въ этихъ ларяхъ солится доставляемая въ нихъ съ плота красная рыба. Давъ остыть рыбѣ, ее кладутъ въ тузлукъ (соляной растворъ), гдѣ она остается нѣсколько дней. Качество тузлука имѣетъ большое вліяніе на самое достоинство рыбы. Прежде, когда существовалъ соляной акцизъ и соль была дорога, рыбопромышленники употребляли въ дѣло одинъ и тотъ-же тузлукъ по нѣскольку разъ. При этомъ случалось, что тузлукъ приходилъ даже въ состояніе разложенія и изъ него развивались разнаго рода вредные газы. Въ 1879 г. въ „Саратовскомъ Справочномъ Листкѣ“ была помѣщена теллеграмма о томъ, что на ватагѣ Гриценкова задохлись въ тузлукѣ пятеро рабочихъ. Впрочемъ, теперь, когда соль подешевѣла и самый надзоръ за ватагами сталъ лучше, подобные случаи едва-ли возможны.

Изъ тузлука рыба вынимается, сортируется и перекладывается слоями въ порожніе лари, при чемъ каждый слой пересыпается солью. Въ ларяхъ держать рыбу до тѣхъ поръ, пока она не просолится вполнѣ и не затвердѣетъ, т. е. не сдѣлается коренною, на что потребно 3—4 мѣсяца.

Но, кромѣ плотовъ и выходовъ, на ватагахъ существуютъ еще лабазы—большіе, построенные изъ лѣса или камыша амбары съ земляным поломъ. Тутъ заготовляется въ прокъ мелкая частиковая рыба — селедка, тарань, вобла и др. Рыба эта поступаетъ въ просолку безъ чистки. Солится она или на „выходѣ“, въ ларяхъ, или въ большихъ чанахъ, на половину зарытыхъ въ землю. Такъ какъ эта рыба дешевая, то и на просолку ея обращается вниманія менѣе, и тузлукъ при этомъ бываетъ похуже. Мелкая рыба остается въ засолѣ недолго — всего отъ 5 дней до 2 недѣль. Когда она просолится, ее развѣшиваютъ для сушки на вѣшала, состоящія изъ длиннаго ряда или даже изъ нѣсколькихъ рядовъ жердей. Здѣсь она становится соблазнительною приманкою для воронъ. Для защиты ея отъ нападенія этихъ пернатыхъ хищниковъ устраиваются высокія караулки, въ которыя сажаютъ мальчугановъ-пращниковъ, отражающихъ нападенія воронъ ловкимъ метаніемъ камешковъ изъ пращей. Неустанная борьба съ назойливымъ врагомъ ведется все время, пока рыба непровялится.

Вся эта соленая рыба въ количествѣ милліоновъ пудовъ расходится по разнымъ мѣстамъ Россіи, проникая до западной ея границы, и частію даже идетъ чрезъ порты Чернаго моря за границу. Кромѣ ея, въ зимнюю пору, вывозится много рыбы и въ свѣжемъ, замороженномъ видѣ. Но на рыбной торговлѣ остановимся послѣ.

Желая ближе ознакомить читателей нашихъ съ тою дѣятельностью, которая, начиная съ самой ранней весны, кипитъ на рыбныхъ ватагахъ, мы приведемъ здѣсь, почти до-словно, весьма интересный разсказъ русскаго ученаго, посѣтившаго одну изъ наиболѣе богатыхъ волжскихъ ватагъ и составившаго очень подробное описаніе того, что ему пришлось на ватагѣ видѣть и наблюдать.

„Мы долго плыли извилистыми рукавами и притоками Волги, между высокихъ камышей и низменныхъ песчаныхъ острововъ, и почуяли близость ватаги гораздо ранѣе того времени, когда все ватажное поселеніе, со своими домиками, сараями, амбарами, низенькой часовенкой и обширными помостами для пріема рыбы—выглянуло изъ-за прибрежнаго бугра и представилось нашимъ взорамъ.

Близость ватаги сказалась прежде всего въ томъ особомъ, остромъ и сильномъ запахѣ рыбы, который мы почуяли еще версты за двѣ до самаго селенія и отъ котораго потомъ не могли отдѣлаться дня два:—такъ сильно было впечатлѣніе этого рѣзкаго запаха...

Другимъ признакомъ близости ватажнаго селенія были тѣ стаи воронъ, чаекъ и морскихъ орловъ, которыя тучею вились надъ ватагой,

внося свою очень рѣзкую ноту въ тотъ хаосъ криковъ, стука, грохота и плеска, который несмолкаетъ надъ ватагою ни на минуту въ теченіе всего дня, отъ восхода солнца и до поздняго вечера.

Но вотъ, наконецъ, мы подплыли къ плоту. Собственно говоря, это вовсе не плотъ, а помостъ, настланный на сваяхъ, которыя до половины торчатъ изъ воды. Помостъ сдѣланъ изъ толстыхъ досокъ, сколоченныхъ не очень плотно, чтобы дать возможность свободно стекать въ воду разнымъ рыбнымъ нечистотамъ—слизи и крови, которыми почти весь день помостъ бываетъ безпрестанно покрытъ. На плоту принимается весь ежедневный уловъ отъ ловцовъ, и здѣсь-же принятая отъ нихъ рыба разсѣкается на части, изъ которыхъ въ разныхъ отдѣленіяхъ плота приготовляется икра, вязига, клей, а иногда производится и самое соленье. Плотъ обстроенъ досчатыми стѣнами и покрытъ такою-же крышей. Отъ воды на плотъ ведутъ двое широчайшихъ дверей, а къ дверямъ поднимаются широкія прочныя крыльцы, съ массивными перилами и широкими вòлоками. По этимъ вòлокамъ взносятъ на плотъ всю ту рыбу, которую ловцы подвозятъ на лодкахъ къ ватажному плоту. Въ каждой такой лодкѣ бываетъ обыкновенно двое ловцовъ; подъѣхавъ къ крыльцу плота, они баграми выбрасываютъ на волокъ рыбу, исключительно красную; двое работниковъ, у края плота, подхватываютъ рыбу длинными баграми или крючьями, прикрѣпленными къ веревкамъ въ сажень длиною, которыя называютъ темлякомъ или темляковищемъ. Встащивъ рыбу на плотъ, ее складываютъ въ ряды. Плотовой приказчикъ принимаетъ рыбу не числомъ, а мѣрою, измѣряя ее отъ полуглаза до краснаго пера (около плеса). По этой мѣрѣ рыбу раздѣляютъ на матерую, мѣрную и полумѣрную, и ловецъ получаетъ за нее плату, сообразно съ этимъ распредѣленіемъ. При разсчетѣ, двѣ полумѣрныя рыбы засчитываются за одну мѣрную, а матерая принимается за двѣ, за три и болѣе мѣрныхъ рыбы. Привезенная ловцами рыба записывается въ плотовую, ловецкую книгу, а ловцу въ полученномъ отъ него уловѣ выдается росписка; между тѣмъ, измѣренную рыбу два работника переволакиваютъ въ другое отдѣленіе плота баграми, наблюдая, чтобы она была положена брюхомъ къ верху. Эту рыбу отъ работниковъ принимаетъ рѣзальщикъ, который ловкимъ и сильнымъ взмахомъ топора сразу отхватываетъ голову громадной бѣлуги или осетра, у самыхъ жабръ. Судорожныя движенія хвоста еще обнаруживаютъ признаки жизни въ тѣлѣ рыбы, которой, между тѣмъ, другой рѣзальщикъ уже пореть брюхо, вынимаетъ изъ него ястыкъ съ икрою *), складываемый тутъ-же въ особые ушаты, вырываетъ внутренности и бросаетъ ихъ на полъ, и, отдѣливъ осторожно кутырь **) отъ подхребтовья, съ замѣчательною ловкостью выдираетъ спинной хрящъ. Особые рабочіе, называемые икряниками относятъ ушаты, наполненные ястыками, въ икряное отдѣленіе и подставляютъ на мѣсто ихъ пустые ушаты; въ то-же время, пузыри и хрящи подбираются клеевщиками, какъ матеріалъ для приготовленія клея и вязиги, и складываются тутъ-же на плоту въ особые чаны со свѣжею водою. Тѣмъ временемъ, рѣзальщикъ продолжаетъ пластать рыбу, сообразно тому, куда она назначается: отдѣляетъ тёшку отъ спины, если она предназначается для соленія въ корень, или раздѣляютъ и самую тёшку, и спинную часть на меньшія, длинныя полосы, если рыбу назначаютъ для балыка. Балычныя части идутъ къ солельщикамъ, солящимъ рыбу въ смежномъ отдѣленіи плота, а предназначенныя въ корень, отвозятся работниками въ выходъ.

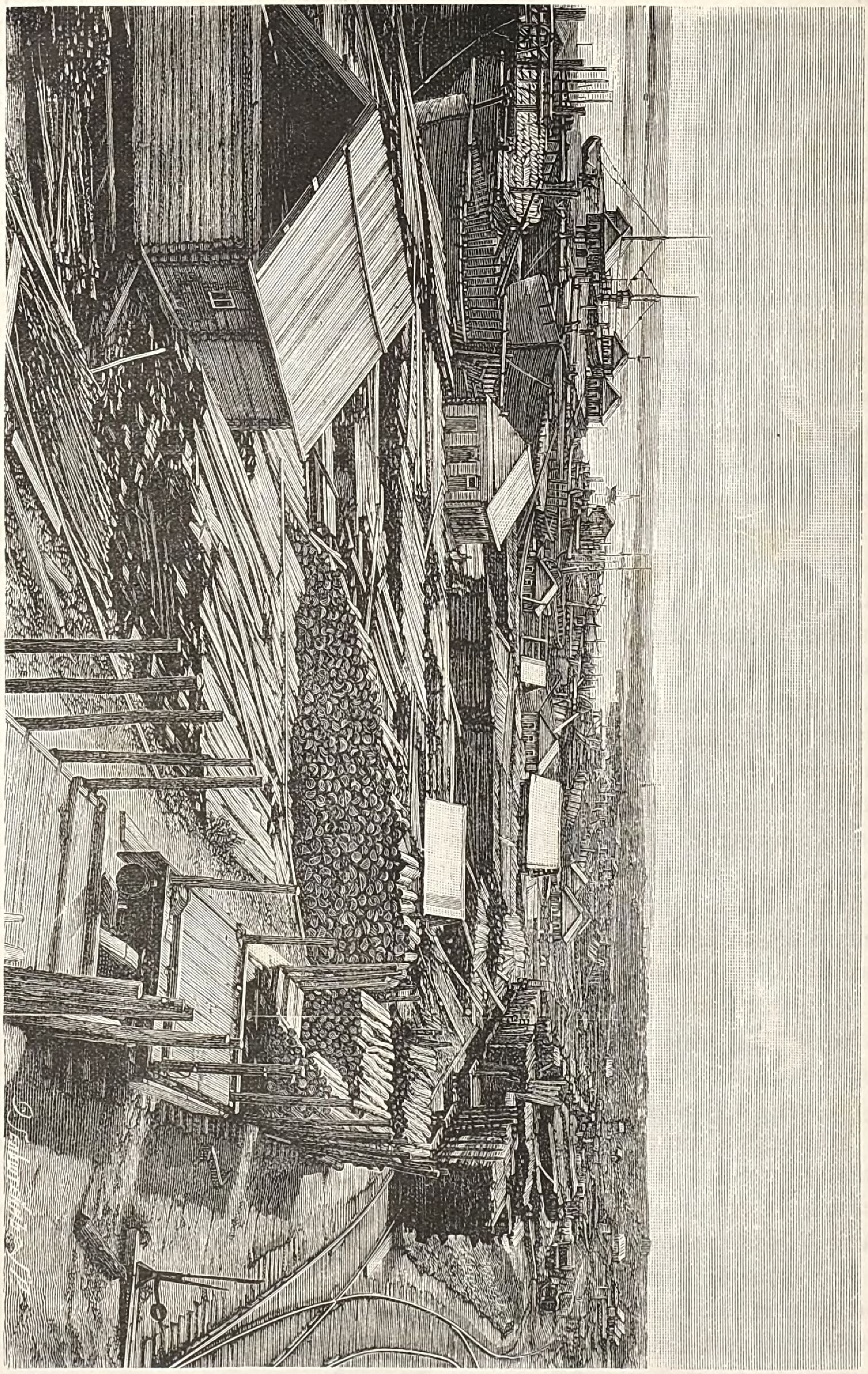
И всѣ эти операціи производятся быстро, ловко, толково, съ отчетливостью заведенной машины. Не смотря на огромное движеніе, на быстроту дѣйствій, на поспѣшную разборку и разноску товара по различнымъ отдѣленіямъ плота—нѣтъ ни давки, ни толкотни, ни безтолковой суеты. А между тѣмъ передъ вами кипитъ такая работа, что нѣсколько человѣкъ, вооруженныхъ баграми, едва успѣваютъ передвигать рыбу съ волоковъ на плотъ, и нагруженныя рыбой лодки, то и дѣло, ждутъ своей очереди, пока разгружаются подъѣхавшія ранѣе. Мы изъ любопытства заглядываемъ въ плотовую книгу приказчика, и видимъ, что съ

*) Ястыкъ—мѣшко-образная часть внутренностей рыбы, въ которой хранятся зерна.

**) Кутырь—пузырь, приросшій къ бокамъ красной рыбы.

утра до полудня уже принято на плотъ около 3,000 севрюгъ и до 1,000 осетровъ.

Съ плота мы перешли въ икряное отдѣленіе.

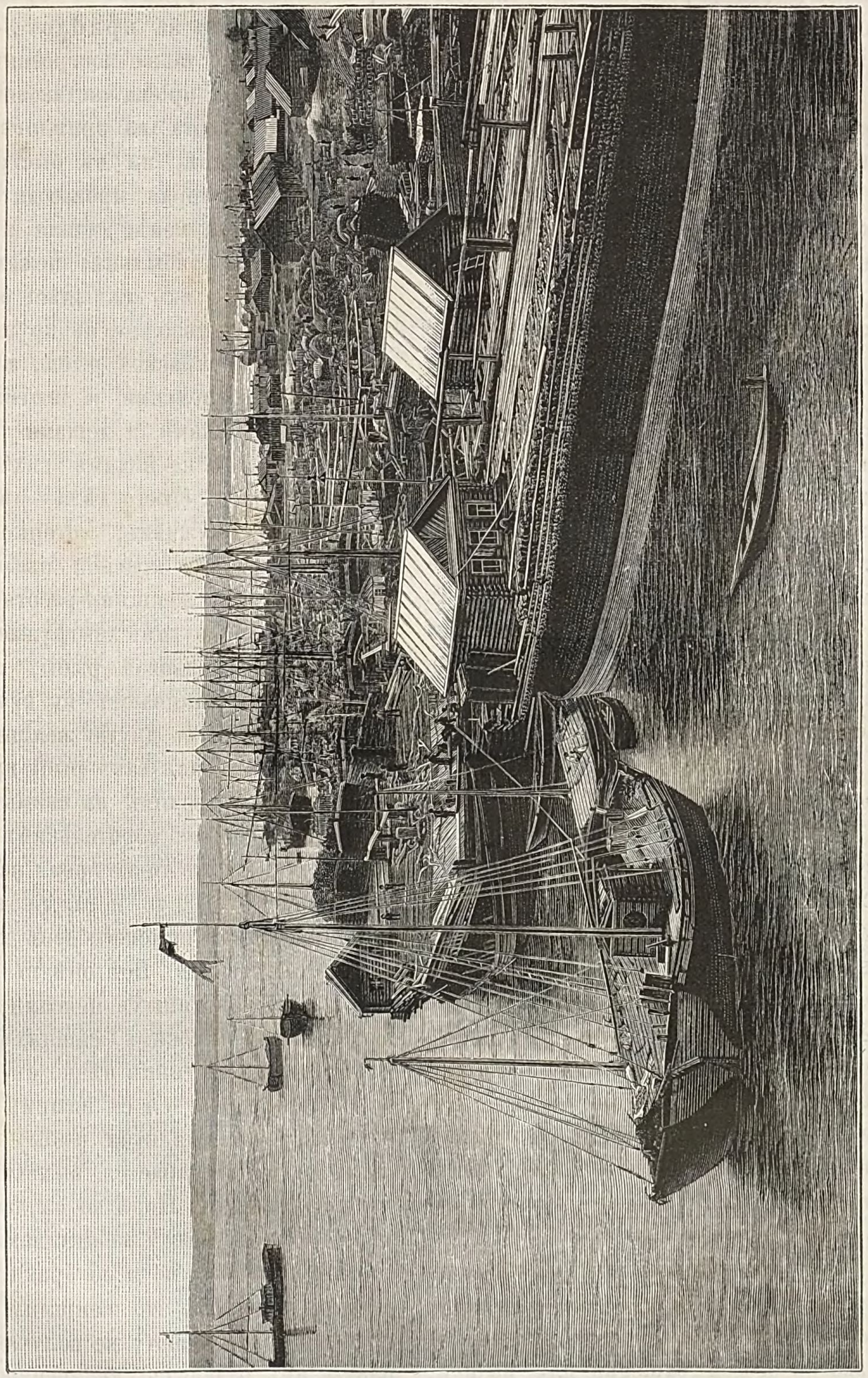
ВИДЫ ГОРОДА ЦАРИЦЫНА.

Лѣсная биржа въ Царицынѣ.

Здѣсь кипѣла дѣятельность другаго рода. Безпрестанно приносимые съ плота ушаты, наполненные ястыкомъ, вываливались на большіе и меньшіе грохоты, которыми прикрыты чаны съ свѣжимъ разсоломъ (тузлукомъ). Перетирая ястыки черезъ эти рѣшета, отъ икры отдѣляютъ жировыя перепонки ястыка, остающіяся на грохотахъ, а зерна икры при этомъ падаютъ черезъ ячеи въ разсолъ; ихъ взбиваютъ ло-

патами въ громадныхъ чанахъ; а изъ чановъ черпаютъ ситами, даютъ стечь разсолу и потомъ набиваютъ икру въ кульки. Кульки,

ВИДЫ ГОРОДА ЦАРИЦЫНА.

Караванъ барокъ на Волгѣ у Царицына.

въ свою очередь, кладутъ подъ прессъ, и затѣмъ уже изъ кульковъ складываютъ эту паюсную или мѣшечную икру въ бочки и боченки или въ жестяныя банки, выложенныя полотномъ.

Рядомъ съ икрянымъ отдѣленіемъ помѣщается клеевое. Здѣсь работаютъ нѣсколько клеевщиковъ-мастеровъ и десятки мальчиковъ, которые гораздо болѣе пригодны для этой деликатной

работы, нежели взрослые рабочіе. Они разрѣзаютъ на тонкія части тѣ пузыри, которые переносятся сюда изъ икрянаго отдѣленія, отдѣляютъ ихъ отъ жировыхъ частей и перепонокъ, полощатъ эти перепонки въ водѣ. Но главное ихъ занятіе—раздѣленіе и разстиланіе очищеннаго такимъ образомъ клея на лубки—производится подъ открытымъ небомъ, на жгучихъ лучахъ солнца. Цѣлая обширная площадка, почти сплошь загороженная подставками для сушки пузырей, вся уже покрыта лубками клея и свѣжими, только-что растянутыми на подставкахъ пузырями, которые здѣсь сохнутъ на солнцѣ, бѣлѣютъ и такимъ образомъ обращаются въ клей. Тутъ-же рядомъ съ площадкой, помѣщается и клеевой амбаръ; огромныя массы клея увязываются здѣсь въ пачки и въ видѣ пудовыхъ тюковъ громоздятся около стѣнъ амбара до самаго потолка. Здѣсь же тяжелыми, увѣсистыми бунтами размѣщена вязига, приготовленная для продажи.

На обратномъ пути изъ клееваго отдѣленія мы проходимъ черезъ тотъ уголъ ватаги, въ которомъ солятъ балыки. Хотя соленье ихъ происходитъ подъ навѣсомъ, открытымъ къ рѣкѣ, и слѣдовательно здѣсь не можетъ быть недостатка въ притокѣ свѣжаго воздуха, но тѣмъ не менѣе въ этомъ углу ватаги постоянно господствуетъ ужаснѣйшее зловоніе. Почти все балычное отдѣленіе занято длинными кула̀зами (колодами или чанами), которые поставлены здѣсь рядомъ; кулазы наполнены грязнымъ тузлукомъ (растворомъ соли), изъ котораго здѣсь и тамъ выставляются на видъ едва узнаваемыя рыбныя части, утратившія и натуральный видъ свой, и цвѣтъ подъ вліяніемъ этого грязнаго раствора. Достаточно просолившіяся балычныя части вынимаются изъ кулазовъ, прополаскиваются въ огромныхъ чанахъ воды, и перевозятся на балычный дворъ, гдѣ и развѣшиваются на длинныхъ жердяхъ или вѣшалахъ, для вяленья на солнцѣ. Количество балыковъ, развѣшанныхъ такимъ образомъ на большомъ дворѣ, до такой степени велико, что всю массу этого дорогаго товара можно обозрѣть только съ особой башенки или вышки, на которой постоянный сторожъ наблюдаетъ за цѣлостью балыковъ и охраняетъ ихъ отъ нападенія голодной стаи воронъ и галокъ.

Отъ балычнаго двора, по переулку между ватажными зданіями, мимо телѣгъ, нагруженныхъ рыбнымъ товаромъ, мимо амбаровъ, заваленныхъ сѣтями, веревками, грудами крючковъ, якорями, топорами, баграми и другими промысловыми орудіями и принадлежностями лова, мы вышли на приплотъ—плотъ меньшей величины, также построенный на сваяхъ и служащій для пріема частиковой (или чешуйной) рыбы. Работа на приплотѣ не уступитъ ни въ количествѣ, ни въ быстротѣ дѣйствій той работѣ, которая производится на плоту, хотя эта работа менѣе видная, и, по оцѣнкѣ на деньги, менѣе прибыльная, нежели производившаяся на плоту, такъ какъ здѣсь работнику приходится имѣть дѣло не съ крупными и дорогими породами красной рыбы, а съ породами, сравнительно, мелкими и дешевыми: преимущественно судаками и лещами. Но за то на приплотѣ мы и не видимъ тѣхъ дорого-стоющихъ мастеровъ своего дѣла—рѣзальщиковъ и пріемщиковъ-мужчинъ, которые производятъ всю работу надъ красной рыбой Здѣсь все дѣло въ рукахъ женщинъ-работницъ, которыя разбираютъ по рукамъ выгружаемыя на приплотѣ кучи частиковой рыбы, взрѣзаютъ ее, потрошатъ и сваливаютъ въ кучи, около чановъ, въ которыхъ другіе женщины эту рыбу перемываютъ. Такъ какъ рыбу приходится потрошить сидя верхомъ на скамьѣ, придерживая и поворачивая коротенькимъ багромъ (въ лѣвой рукѣ) и въ то-же время работая ножемъ (въ правой рукѣ), то и самый костюмъ женщинъ-работницъ приспособленъ къ этой работѣ и къ этой посадкѣ. Всѣ онѣ въ мужскихъ рубахахъ, подпоясанныхъ поясами, въ широкихъ штанахъ и высокихъ сапогахъ. Крикливая толпа этихъ работницъ вѣчно стучитъ ножами, болтаетъ, хохочетъ и съ визгомъ бросается на вновь привезенныя кучи рыбы, причемъ каждая работница старается выхватить изъ кучи рыбу покрупнѣе. Нерѣдко случается, что изъ-за этого дѣлежа между работницами доходитъ не только до ссоры, но и до драки, по той очень простой причинѣ, что женщины эти никакой платы за свою работу не получаютъ, а вмѣсто платы имъ отдаются внутренности выпотрошенной ими рыбы. Эти внутренности каждая работница собираетъ въ свои ведра и потомъ несетъ въ салотопню, для вытапливанія изъ нихъ жира; а такъ какъ внутренности крупной

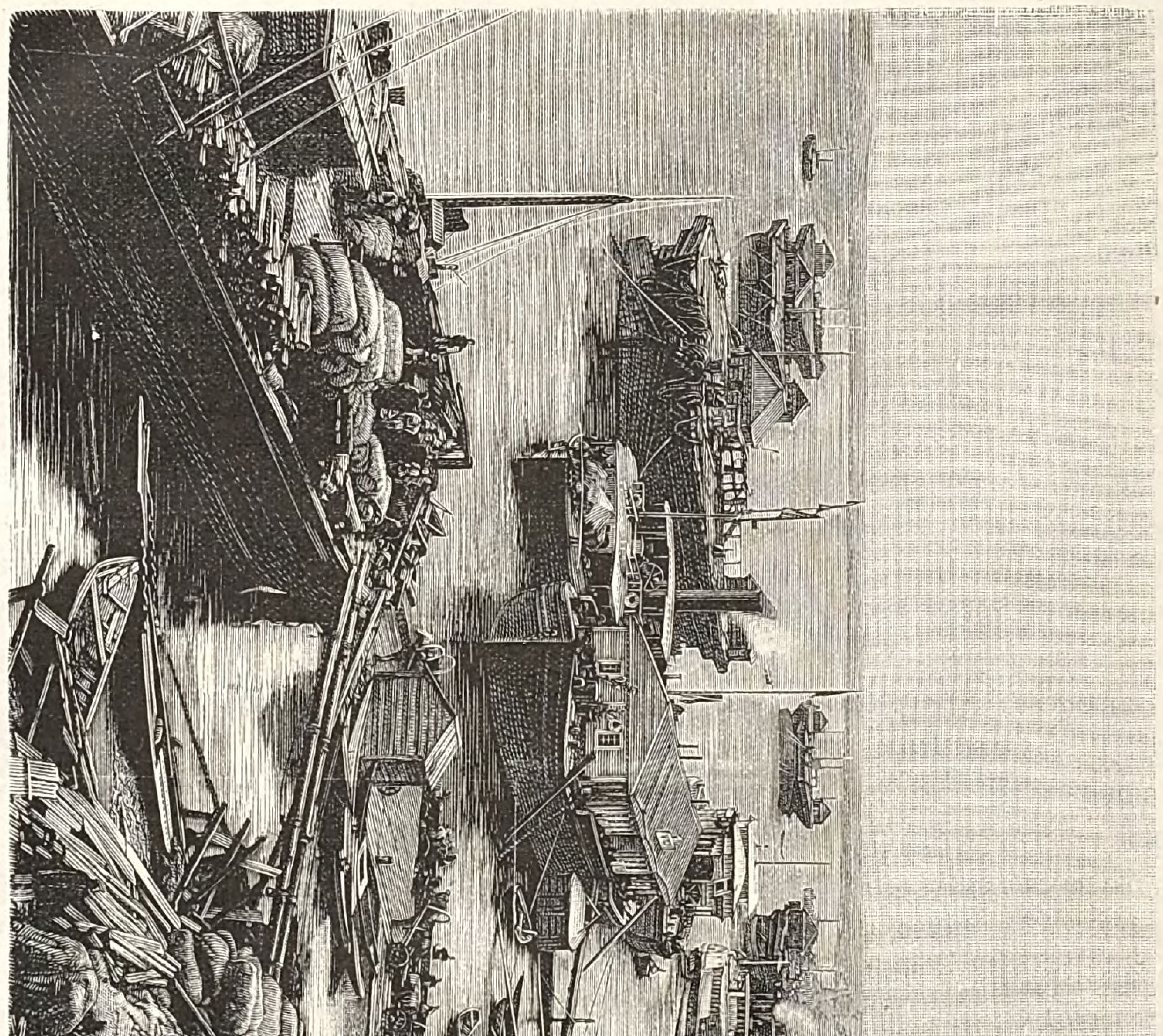
рыбы болѣе заключаютъ въ себѣ жира, то и не мудрено, что каждая работница старается забрать въ свою кучу рыбу покрупнѣе. Ловкость и быстрота, съ какою эти женщины выполняютъ свою работу, на столько велики, что нѣкоторыя изъ нихъ успѣваютъ въ теченіе дня очистить до 2,000 судаковъ, и, продавая вытопленный жиръ, получаютъ за свою работу до 6-ти и болѣе рублей въ мѣсяцъ.

Очищенную и промытую на приплотѣ рыбу дюжіе парни собираютъ и нагружаютъ въ казалатки (двухколесныя телѣжки, въ родѣ таратаекъ), впрягаются въ нихъ и бѣгомъ отвозятъ въ лабазъ. Здѣсь казалатки опрокидываются; груды свѣжей рыбы сваливаются прямо на землю, а казалатки нагружаются изъ ларей уже просолившеюся рыбою, которую везутъ на берегъ для промывки. Мальчишки-подростки сбрасываютъ рыбу въ лари, а солельщикъ мѣрно сыплетъ туда-же огромнымъ совкомъ соль. Заглянувъ въ одинъ изъ этихъ ларей, мы видимъ, что въ этихъ громадныхъ помѣщеніяхъ копошатся мальчики: согнувшись крюкомъ, они укладываютъ на днѣ ларей коротенькими баграми рыбу въ симметрическій порядокъ, правильными рядами. Чтобы дать понятіе объ этихъ ларяхъ, не мѣшаетъ упомянуть, что въ каждомъ изъ нихъ укладывается до 45,000 судаковъ или до 81,000 лещей, и еще 1,350 пудовъ соли въ первомъ, или 810 пудовъ соли въ послѣднемъ случаѣ.

На пути отъ лабазовъ къ дому хозяина ватаги, любезно показывавшаго намъ всѣ части своего обширнаго промышленнаго заведенія, мы еще разъ заглянули на плотъ, чтобы полюбоваться единственнымъ въ своемъ родѣ зрѣлищемъ, которое хозяинъ приберегъ къ концу нашего обхода. Красная рыба, привезенная въ тотъ день на плотъ, была уже давно убрана, и на полу обширнаго помѣщенія грудами валялись только головы и внутренности осетровъ, бѣлугъ, севрюгъ и шиповъ. Всѣ эти остатки, изъ которыхъ на многихъ ватагахъ уже вытапливаютъ жиръ, на здѣшней ватагѣ обыкновенно бросаются въ воду. Такая масса лакомой прикормки, ежедневно бросаемой въ воду, развела около ватаги цѣлыя стада хищныхъ и громадныхъ сомовъ, которые обыкновенно появляются около ватаги къ самому тому времени, когда на плоту оканчиваются работы. Около этого времени, вся вода кругомъ плота и подъ поломъ его кишмя кишитъ этими чудовищами, которыя до того смѣлы, что подплываютъ къ самымъ крыльцамъ плота, выплескиваются изъ воды почти до половина тѣла и безпрестанно поднимаютъ изъ воды свои плоскія, черныя, безобразныя головы. И вотъ, большими лопатами сгребенныя въ одну кучу головы и внутренности рыбъ придвигаютъ къ краю плота въ видѣ сплошной, грязной, ослизлой и кровавой массы, которая, скользнувъ по волоку, покрываетъ собою воду на большомъ пространствѣ. Тутъ-то и начинается такое представленіе, которое, не видавши, трудно себѣ и вообразить! Сомы—разомъ, со всѣхъ сторонъ—набрасываются на выброшенный имъ кормъ, наначинаютъ рвать его на части, вырывать другъ у друга лакомые куски,—и поднимается такая возня, давка, кутерьма, что вода около ватаги кипитъ, какъ въ котлѣ. Черезъ нѣсколько минутъ вся пища расхватана, сомы скрываются и уходятъ въ свои омуты, волненіе постепенно стихаетъ, и рѣка вновь спокойно катитъ мимо ватаги свои величавыя волны“.

Рыбныя богатства Астраханскаго края неоднократно бывали удостоиваемы вниманіемъ Августѣйшихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ низовья Волги. Императоръ Александръ II, Цесаревичъ Николай Александровичъ и другіе Великіе Князья удостоивали вниманія астраханскіе рыбные промыслы, лично посѣщали нѣкоторыя изъ наиболѣе значительныхъ ватагъ и при этихъ посѣщеніяхъ входили во всѣ подробности лова и различныхъ способовъ приготовленія рыбнаго товара. Такъ, въ „письмахъ о путешествіи Государя Наслѣдника Цесаревича по Россіи“, изданныхъ въ 1864 году, описывается посѣщеніе Цесаревичемъ Чаганскаго учуга, при которомъ Высокому Гостю угодно было прослѣдить всѣ постепенные переходы и различные фазисы заготовленія рыбы въ прокъ“. Послѣ лова и осмотра приготовленія продуктовъ, Великій Князь пошелъ смотрѣть выставку рыболовныхъ снастей и орудій, употребляемыхъ на здѣшнихъ промыслахъ и разставленныхъ на обширномъ мѣстѣ, нарочно для него избранномъ на берегу, гдѣ хозяинъ учуга объяснялъ Его Высочеству значеніе и употребленіе каждой снасти. Само собою разумѣется, что Великому Князю промыселъ былъ показанъ не въ буднич-

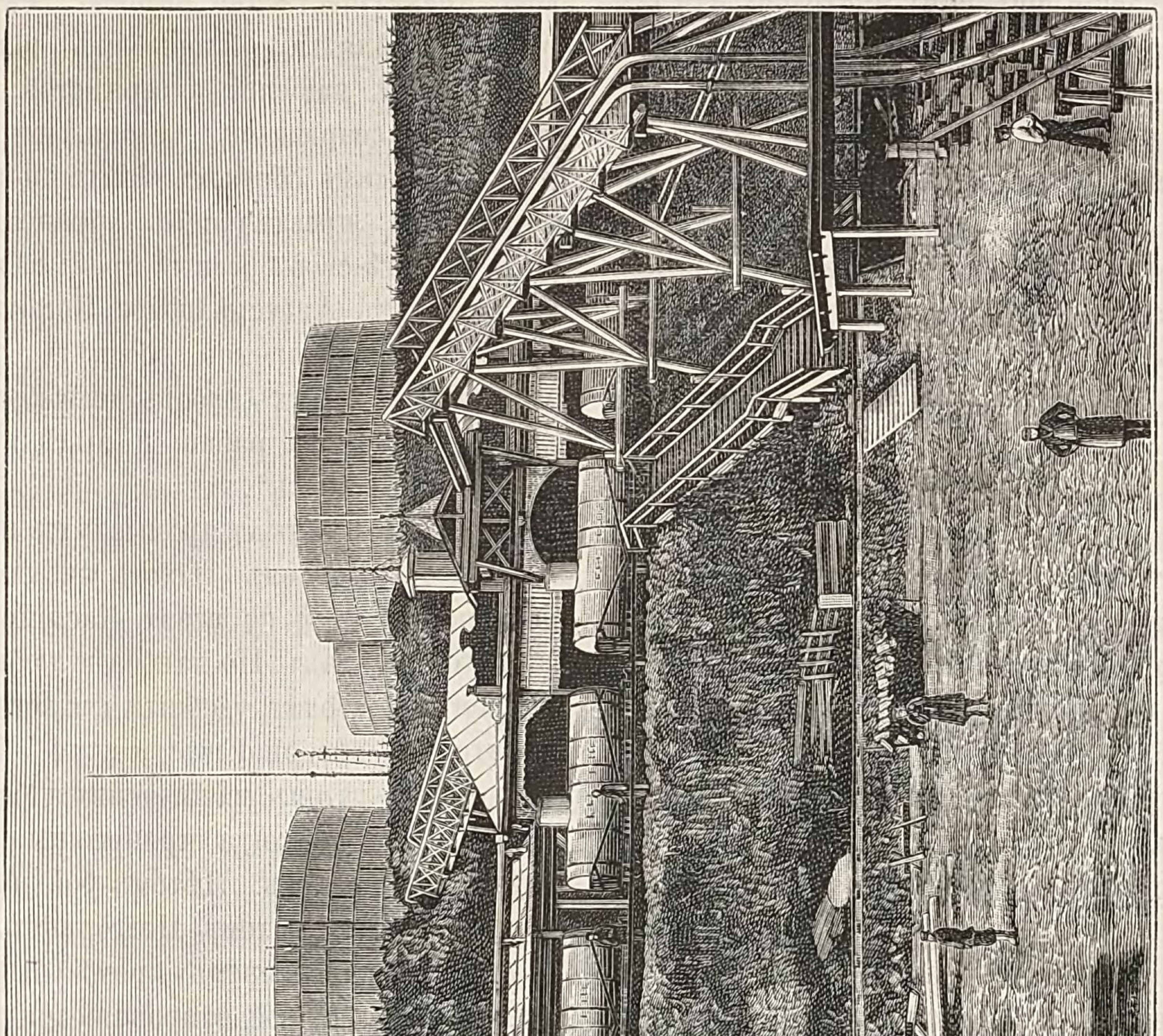
ной, а въ праздничной своей обстановкѣ, которая даже и автору „Писемъ о путешествіи“ бросилась въ глаза, какъ явленіе не вполнѣ естественное; описывая „кади, безукоризненной чистоты“, въ которыя складывалась икра, онъ добавляетъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ: „не знаемъ, всегда-ли работы на промыслахъ производятся съ такою опрятностью, какъ было теперь, но тутъ насъ невольно поразила чистота, съ какою шло все производство — эта безукоризненная бѣлизна рубахъ и всего платья рабочихъ, эта чистота посуды и лоскъ ножей“.

ВИДЫ ГОРОДА ЦАРИЦЫНА.

Царицынская пароходная пристань.

Вообще говоря, посѣщенія рыбачьихъ ватагъ Высочайшими Особами давали поводъ къ чрезвычайно любопытнымъ и даже не безполезнымъ

ВИДЫ ГОРОДА ЦАРИЦЫНА.

Нобелевскіе склады керосина въ Царицынѣ.

выставкамъ всего производства, которое приходилось показывать не только съ казовой стороны, но еще и въ теченіе того именно небольшаго періода времени, которое на это опредѣлялось заранѣе. Такъ, напрнм., когда государю императору Александру Николаевичу угодно было посѣтить Житный промыселъ гг. Сапожниковыхъ, хозяева промысла, увѣдомленные заблаговременно, сдѣлали слѣдующія приготовленія:

„Къ промысловому плоту пристроили, для болѣе удобнаго причала царскаго парохода, небольшую, но красиво-убранную флагами пристань на сваяхъ. Самый плотъ былъ раздѣленъ на два отдѣленія широкимъ проходомъ или корридоромъ, который былъ обитъ тикомъ и устланъ краснымъ сукномъ. Въ первомъ отдѣленіи, направо отъ входа съ пристани, помѣщались всѣ принадлежности для изготовленія икры въ зернистомъ и паюсномъ видахъ; а во-второмъ, налѣво, находились: бассейнъ со всѣми породами рыбъ, водящимися въ здѣшнихъ водахъ, ванна съ живымъ тюленемъ, столъ съ разнородными сортами клея и вязиги, выдѣлываемыми на промыслѣ, и столъ съ моделями ловецкихъ и промысловыхъ лодокъ и другихъ рыболовныхъ принадлежностей. Часть стѣны этого отдѣленія была вынута и забрана балясинами такъ, что отсюда открывался видъ на Волгу и на закинутый у плота большой трехъ-сотъ-саженный неводъ, при которомъ находилось 38 человѣкъ рабочихъ-Калмыковъ, въ костюмахъ, обыкновенно употребляемыхъ ими во время лова. Въ неводѣ было нарочно напущено около 6,000 штукъ разной рыбы, потому что безъ этого не представлялось возможности показать Государю Императору полный образецъ неводнаго лова, во всѣхъ его подробностяхъ, такъ какъ рыба никогда не ловится близъ плота, да притомъ-же и сильный вѣтеръ отнималъ всякую надежду хоть на какой-нибудь уловъ. Вдоль берега и по взморью были расположены частью на якоряхъ, частью подъ парусами, лодки различныхъ конструкцій — морскія, рѣчныя, черневыя и т. п. — числомъ до 350. Всѣ эти лодки были управляемы своими владѣльцами-ловцами съ разныхъ промысловъ, принадлежащихъ гг: Сапожниковымъ. Недалеко отъ плота стояли баржи, только-что прибывшія къ промыслу для принятія груза рыбныхъ товаровъ, назначенныхъ для отправки въ Нижній, на буксирѣ парохода Сапожниковыхъ, а оттуда по желѣзной дорогѣ въ Москву и Петербургъ. Около выхода (т. е. ледника), были выставлены образцы сѣтей, неводовъ, волокушъ, вентерей, сидѣбокъ и другихъ рыболовныхъ снарядовъ, употребляемыхъ въ Каспійскомъ мерѣ, въ Волгѣ и ея притокахъ. Рядомъ съ сѣтями помѣщались бочки, съ такъ называемыми, столичными товарами: бѣлугою, осетромъ, севрюгою, тёшкою и икрою,..“. „Къ сторонѣ дома, обращенной на море, былъ пристроенъ роскошно-убранный павильонъ, и въ немъ стоялъ большой столъ, сервированный разною холодною закускою, преимущественно рыбною: осетромъ, севрюгой, стерлядью, бѣлорыбицей раками, сельдями, икрой паюсной и зернистой: бѣлужьей, осстровой, севрюжьей, стерляжьей, балыками и т. д. Такимъ образомъ Житный промыселъ, при своемъ праздничпомъ убранствѣ, сохранялъ вполнѣ-своеобразный промысловый видъ и представлялъ Августѣйшему Посѣтителю возможность одновременно обозрѣть почти весь ходъ промысловыхъ работъ, способы морскаго и рѣчнаго лова, а равно и выдѣлку разныхъ рыбныхъ товаровъ“.

Говоря о рыбныхъ промыслахъ, нельзя умолчать и о тюленьемъ. Охота на тюленя и бой его производится по всему Каспійскому морю и на его островахъ. Но наиболѣе любимыя этимъ звѣремъ и наиболѣе удобныя для лова мѣста находятся въ сѣверной части моря. Тутъ тюлени выходятъ—лѣтомъ на низменныя берега острововъ, а зимою, когда прибрежныя мѣста замерзаютъ—на ледъ. Лѣтомъ бой производится на островахъ: Святомъ, Подгорномъ, Кулалахъ и др. Вь зимнее время, кромѣ обыкновенныхъ охотниковъ, на бой отправляются многіе изъ приморскихъ жителей Астраханской губерніи. Ѣдутъ они на лошадяхъ нерѣдко на довольно значительное разстояніе отъ берега. Высмотрѣвъ по извѣстнымъ признакамъ мѣсто, гдѣ залегла партія тюленей (обыкновенно 1000—500 шт.), они окружаютъ ее со всѣхъ сторонъ и убиваютъ; для этого употребляютъ орудіе, называемое чекушкой (короткая дубовая палка, съ набитыми на концѣ ея шпильками). Ударъ наносится по головѣ между глазъ. Зимняя охота выгоднѣе лѣтней, потому что зимою тюлень бываетъ гораздо крупнѣе, чѣмъ лѣтомъ. Но она сопряжена съ тѣмъ-же рискомъ, какъ и зимній ловъ рыбы: нерѣдко, при сильныхъ, вѣтрахъ, ледъ отрывается отъ береговъ и уносится въ открытое море. Лѣтомъ ловится незначительное количество тюленей на снасти, въ которыя тюлень нерѣдко попадаетъ вмѣстѣ съ бѣлугою.

Главную цѣль охоты на тюленя составляетъ добыча изъ него жира (изъ ястыка), употребляемаго на кожевенныхъ и мыловаренныхъ

заводахъ, какъ внутри Россіи, такъ и заграницей. Затѣмъ употребляется въ дѣло и шкура, которая идетъ на обивку сундуковъ и обшивку носимой народомъ теплой одежды.

Другую важную отрасль промышленность края, послѣ рыбной, составляетъ соляная. Близкое сосѣдство съ рыболовною областью богатѣйшихъ соляныхъ источниковъ какъ нельзя болѣе благопріятствуетъ развитію обѣихъ отраслей промышленности. Добываемая въ краѣ соль имѣетъ далеко не исключительно-мѣстное значеніе. Это видно изъ того, что еще при Иванѣ Грозномъ астраханскою солью снабжались внутреннія мѣстности Россіи. Но естественному росту соляной промышленности долгое время препятствовало обложеніе добываемой соли налогомъ. Только съ отмѣною этого налога въ 1880 году соляная промышленность могла развернуться шире, а наша соль—вступить въ конкурренцію съ заграничною въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда она прежде не проникала. Мѣстности добыванія соли въ Европейской Россіи раздѣляются въ настоящее время на четыре главные района: астраханскій, пермскій, крымскій и донецкій. Чтобы опредѣлить роль каждаго изъ этихъ районовъ въ общемъ ходѣ нашей отечественной соляной промышленности, слѣдуетъ обратить вниманіе на общее количество добываемой у насъ соли и участіе въ этой добычѣ главныхъ районовъ. Въ 1882 г. добыто было соли въ предѣлахъ Европейской Россіи 101.770,000 пуд.; изъ этого количества на крымскій районъ приходилось около 44.300,000 пуд., на астраханскій около 27 м., и на пермскій 13.000,000 п. *). На основаніи этихъ цифръ можно было бы заключить, что астраханская губернія въ отношеніи соляной добычи занимаетъ второстепенное мѣсто. Но такое заключеніе было бы слишкомъ поспѣшно и ошибочно. Въ Крыму добываніе соли подвергается сильнымъ колебаніямъ. Такъ въ 1881 году ее получено было всего 4.138,000 пуд., а въ 1882 г.—44.000,000 п. Въ астраханской губерніи добыча ея идетъ равномѣрнѣе, такъ что и въ 1881 г. добыто было немногимъ менѣе 1882 г. (22.600,000 п.). Поэтому, если вывесть среднее количество добычи за цѣлый рядъ лѣтъ, напр., пяти-лѣтній періодъ, то окажется, что астраханскіе соляные источники занимаютъ первое мѣсто.

Между соляными озерами, по размѣрамъ разработки, въ настоящее время первое мѣсто принадлежитъ Баскунчаку. Но на немъ соль стала разрабатываться относительно съ недавняго времени. Въ прежнюю пору соль добывалась на Элтонѣ. Но близость Баскунчака къ Волгѣ и лучшія качества продукта заставили обратить особое вниманіе на Баскунчакъ. Теперь на Баскунчакѣ соли добывается около 13 мил. пудовъ. Разработка ея ведется, по возможности, у самаго берега. Весь берегъ озера, кромѣ восточнаго, разбитъ на 350 участковъ, изъ которыхъ 223 разобраны между 20 солепромышленниками. Соль ломается либо пешнями, либо взрывается динамитомъ. Послѣ того она промывается и складывается въ высокія пирамиды.

Добычею соли на Баскунчакѣ занимается до 7,000 рабочихъ. Между ними большая часть (около 5,000) киргизы, а остальные русскіе—пензяки.

Баскунчакская соль идетъ на пристань Владиміровку при Ахтубѣ. Доставкою ея занимались прежде исключительно жители этой слободы. Перевозили соль на волахъ, получая за каждую тысячу мѣшковъ или 3,500 пуд. отъ 80 до 200 р. и заработывая 300 — 700 руб. въ лѣто, смотря по числу воловъ у извощика и цѣнамъ на перевозку, измѣнявшимся отъ размѣра нужды въ перевозочныхъ средствахъ. Но недавно отъ Баскунчака къ Владимірской пристани устроена желѣзная дорога. Устройство ея, конечно, отразилось неблагопріятно на извозномъ промыслѣ, но не могло подорвать его вполнѣ. Дѣло въ томъ, что желѣзная дорога, проходя вдоль озера, не исключаетъ необходимости подвоза къ полотну, а это обходится отъ 30 до 40 руб. за 1000 мѣшковъ. Кромѣ того, какъ только желѣзная дорога открыла движеніе, фурщики понизили провозную цѣну, такъ что осенью 1882 г. брали 120—140 р. за доставку того количества груза, за какое прежде требовали 230—240 р. Дѣла Баскунчакской дороги, должно быть, идутъ не важно, если судить по тому, что въ началѣ года распространился слухъ о предполагаемой замѣнѣ на ней локомотивовъ—конной или воловьей тягой! Предположеніе это вызвано было

*) Въ донецкомъ добывается пока не такъ много, какъ въ уральскомъ.

тѣмъ обстоятельствомъ, что перевозка соли на фурахъ, производящаяся до настоящаго времени параллельно съ желѣзною дорогою, успѣшно конкуррируетъ съ паровою.

Элтонское соляное озеро, какъ уже сказано, въ прежнее время играло главную роль. Добыча соли на немъ долгое время, въ теченіе 116 лѣтъ (съ 1747 по 1882 г.) производилась самою казною. Въ продолженіи этого періода добыто было 512 милл. пуд. Наибольшаго развитія своего разработка элтонской соли достигла въ 1806—1813 годахъ, когда ея добывалось 10—11 м. п. ежегодно. Для обезпеченія ея сбыта казною былъ устроенъ особый солевозный трактъ и основаны на Волгѣ слободы Покровская (противъ г. Саратова) и Николаевская (противъ г. Камышина), заселенныя малороссами. Но какъ только стали разрабатывать соль въ Крыму и Бессарабіи, элтонскій промыселъ сталъ падать и оживился лишь во время крымской войны, когда добыча возросла до 13.500,000 пуд., съ тѣмъ, чтобы въ послѣдующіе года упасть до 3.000,000. Въ 1862 г. казна прекратила разработку соли на Элтонѣ, распродала оставшіеся запасы, а съ 1865 г. передала весь промыселъ въ частныя руки. Но въ это время началась разработка на Баскунчакѣ, и элтонскій промыселъ окончательно упалъ. Въ 1879 г. онъ доставилъ соли всего 109,680 пуд., тогда какъ на Баскунчакѣ въ то же время получено было 11.811,980 пуд. Лишь въ послѣдніе три года, благодаря отмѣнѣ акциза и усилившемуся спросу на соль, разработка ея на Элтонѣ стала увеличиваться и дошла въ 1882 г. до 3.424,000 пуд. Однако, трудно допустить, чтобы при теперешнихъ условіяхъ, Элтонъ могъ конкуррировать съ Баскунчакомъ. Онъ лежитъ отъ рѣки гораздо дальше, соль въ немъ ниже по качеству и самая разработка на немъ не такъ удобна, потому что должна производиться не у берега, а на серединѣ озера, откуда доставляется на особыхъ лодкахъ, досчаникахъ.

Рабочіе на Элтонѣ тѣ же, что и на Баскунчакѣ: наши старые знакомые—киргизы и пензяки.

Изъ соляной горы Чипчяги получается всего около 500,000 пуд.

Въ значительныхъ размѣрахъ разработка соли ведется въ нагорной сторонѣ края, у морскаго берега, въ такъ-называемыхъ астраханскихъ озерахъ, расположенныхъ на юго-западъ отъ Астрахани. Здѣсь въ 1882 г. получено соли 10.842,000 пуд.

Что касается прочихъ отраслей промышленности въ астраханскомъ краѣ, то изъ нихъ, конечно, первое мѣсто занимаетъ скотоводство, о которомъ мы упоминали уже выше. Хлѣбопашество развито такъ слабо, что не можетъ удовлетворить даже мѣстнымъ потребностямъ, почему большая часть хлѣба приходитъ Волгою сверху. Случалось, что въ Астрахани рисъ, привозимый изъ Персіи, обходился дешевле русскаго хлѣба. Но огородничество, садоводство и бахчеводство имѣютъ не одно только мѣстное значеніе. Овощи вывозятся за предѣлы губерніи. Лучшіе сорта арбузовъ, извѣстныхъ подъ именемъ астраханскихъ, разводятся жителями Быковской и сосѣднихъ волостей царевскаго уѣзда, почему для отправки арбузовъ въ верховые города въ с. Быковомъ, на Волгѣ, устроена пристань. Разведеніемъ винограда и плодовымъ садоводствомъ занимается населеніе Астрахани и прилежащихъ селъ, а также красноярскаго и отчасти царевскаго уѣздовъ. Огородничествомъ, по крайней мѣрѣ около Астрахани, промышляютъ татары. Такъ какъ сады и огороды страдаютъ отъ недостатка дождей, то они орошаются искусственнымъ образомъ — при помощи водоподъемныхъ машинъ, мчичарей, приводимыхъ въ дѣйствіе лошадьми. Вода, поднимаемая этими машинами, бѣжитъ по желобамъ на участки, кототорые нуждаются въ поливкѣ. Работаютъ въ садахъ преимущественно женщины, получая за это очень хорошую плату (по 1 р. въ сутки). Поэтому, найти себѣ прислугу лѣтомъ до поздней осени бываетъ очень трудно.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

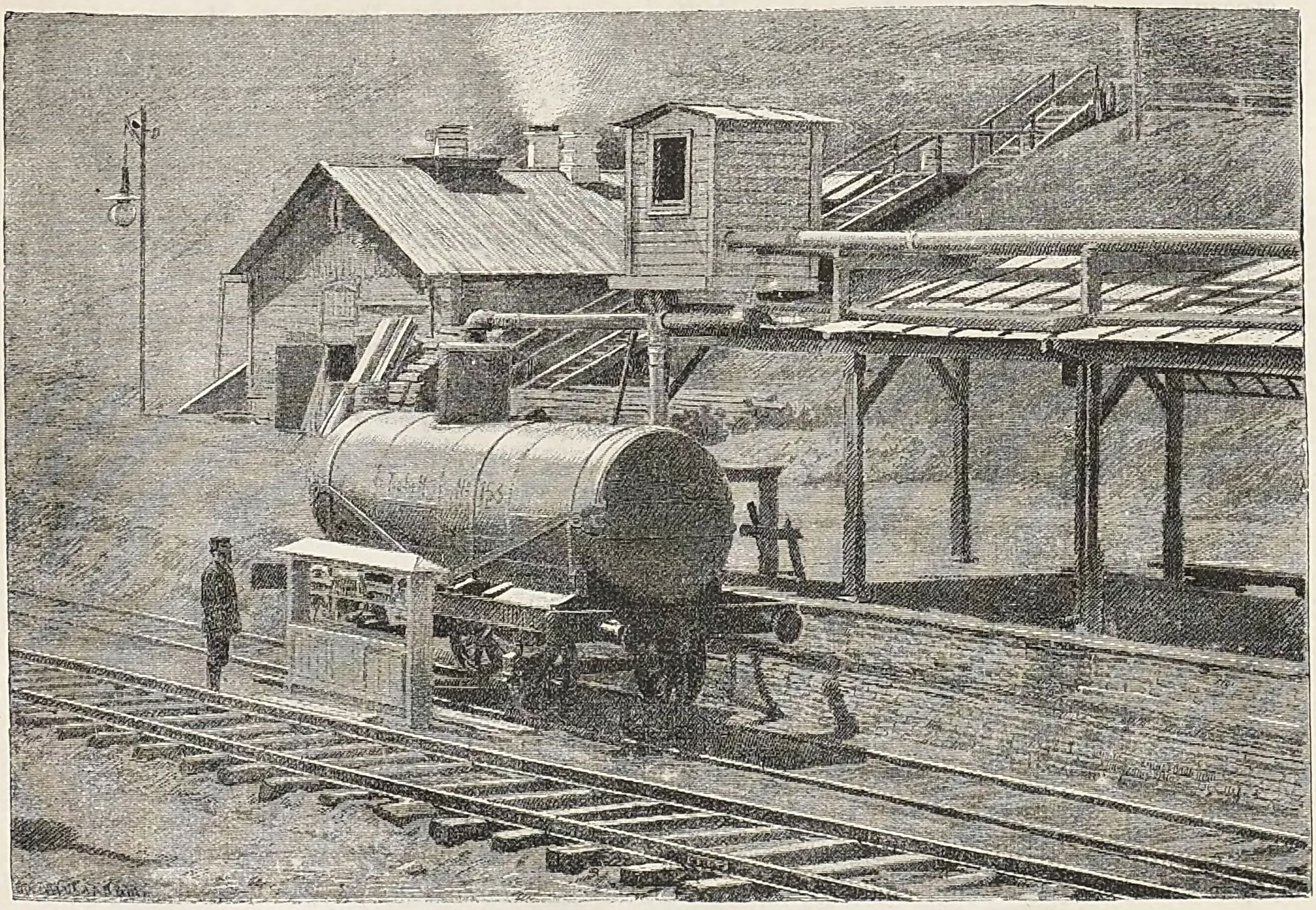
ЦАРИЦЫНЪ, САРЕПТА И ДУБОВКА.

I.

История Царицына и памятники старины въ Царицынѣ. — Характеръ населенія. — Возрастающее значеніе города, какъ центра торговаго.

Въ томъ мѣстѣ обширной южно-русской степи, гдѣ Волга, дѣлая крутой поворотъ на юго-

ВИДЫ ГОРОДА ЦАРИЦЫНА.

Механическое наполненіе вагоновъ-цистернъ керосиномъ Нобеля.

востокъ къ Каспійскому морю, болѣе всего сближается съ Дономъ,—на Волгѣ пріютился городъ Царицынъ. Мѣсто бойкое и раздолье кругомъ широкое; и всегда оно было бойкимъ, и съ самыхъ древнихъ временъ служило сборнымъ пунктомъ для всякой понизовой вольницы, потому что здѣсь лежалъ по волоку кратчайшій путь съ Волги на Донъ—къ богатымъ приморскимъ гаванямъ Азовскаго моря. И потому именно, что это бойкое и раздоль-

ное мѣсто трудно себѣ представить не заселеннымъ,—мы рѣшительно не знаемъ той эпохи, въ которую-бы на мѣстѣ нынѣшняго Царицына не было никакого поселенія. Курганы и городища, разбросанныя кругомъ города, ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что мѣсто было заселено уже съ древнѣйшихъ временъ, хотя первыя достовѣрныя извѣстія о городѣ Царицынѣ не восходятъ далѣе половины XVI вѣка.

Въ концѣ XVI вѣка, городъ Царицынъ былъ уже укрѣпленъ и сидѣли въ немъ воеводы князь Григорій Засѣкинъ и Иванъ Нащокинъ, съ весьма немалымъ числомъ служилыхъ людей—стрѣльцовъ и козаковъ—и зорко наблюдали за ногайцами, крымцами и той безъимянной вольницей, которая широкою волною разливалась по безбрежному простору южно-русской степи и, смотря по обстоятельствамъ, переливалась то съ Волги на Донъ, то съ Дона обратно на Волгу. Поставленный на опасной окраинѣ, окруженный отовсюду бродячимъ, безпокойнымъ населеніемъ степи, удаленный отъ другихъ русскихъ городовъ, Царицынъ долгое время—до самаго начала прошлаго вѣка—сохранялъ характеръ крѣпкаго сторожеваго пункта, болѣе важнаго, нежели самый Саратовъ. Собственно крѣпостъ, состоявшая изъ деревянной стѣны и башенъ съ бойницами, стояла нѣкогда на мѣстѣ нынѣшняго царицынскаго Кремля, и даже въ началѣ 1732 года, послѣ учрежденія волжскаго казачьяго войска и проведенія укрѣпленной линіи отъ Волги на Донъ, правительство еще прилагало заботы къ поддержкѣ царицынскихъ укрѣпленій, повелѣвая мѣстному начальству „около всего жилья окопать валомъ и рвами, и полисадъ поставить, а крѣпость починить и, гдѣ надлежитъ, вновь исправить“. Въ такомъ именно видѣ представился Царицынъ академику Лепехину, посѣтившему городъ въ 1769 г. „Царицынъ“—такъ говоритъ Лепехинъ въ своемъ описаніи путешествія—„стоитъ при концѣ линіи (т. е. линіи укрѣпленій между Дономъ и Волгой), на самомъ волжскомъ берегу, обведенъ землянымъ валомъ съ раскатами съ трехъ сторонъ, а съ четвертой стороны защищаетъ его рѣка Волга. Строеніе въ немъ все деревянное, выключая три каменныя церкви. Купечество въ немъ зажиточно, и большій ихъ доходъ состоитъ въ рыбныхъ промыслахъ. Бѣдные жители питаются отъ посѣва дынь и арбузовъ, которые вкусомъ и астраханскія превосходятъ. Они занимаютъ всѣ поля: ибо ни въ какомъ другомъ посѣвѣ жители не упражняются“. Лепехинъ хвалитъ также и царицынскіе виноградники, хотя и замѣчаетъ, что вино, по неумѣнію, изъ здѣшняго винограда изготовляется плохое, и скоро закисаетъ. Въ раздѣленія нынѣшняго Царицана на кремль и три форштадта до сихъ поръ еще сохраняется память о томъ, что городъ нѣкогда имѣлъ значеніе крѣпости, хотя отъ прежнихъ укрѣпленій остались только незначительные, осыпавшіеся валы да размытый ровъ, разсѣвшійся теперь глубокимъ оврагомъ.

Царицынъ выступаетъ на историческую сцену въ началѣ XVII вѣка, въ эпоху Смутнаго времени. Здѣсь, въ 1606 г., при первомъ самозванцѣ, были убиты воевода Акинфіевъ и возвращавшійся изъ Персіи въ Москву посолъ князь Ромодановскій. Не маловажную роль игралъ Царицынъ и во время бунта Стеньки Разина, когда, изъ опорнаго и наблюдательнаго сторожеваго пункта московскаго государства, этотъ городокъ обратился въ гнѣздо Стенькиныхъ буйныхъ скопищъ. Въ 1667 году, когда эти скопища составляли уже весьма изрядную силу, Разинъ, собираясь пробраться въ Каспійское море, устроилъ свое воровское становище неподалеку отъ Царицына, между рѣкъ Тишини и Иловли. „Сталъ Разинъ на высокихъ буграхъ, а кругомъ его полая вода: ни пройти, ни провѣдать, сколько ихъ тамъ, ни языка поймать. Подъѣхали было посланцы Царицынскаго воеводы, протопопъ да монахъ, и воротились назадъ: за водою проѣхать нельзя, и перевезти ихъ никто не смѣлъ“. Разинъ въ своемъ городкѣ караулилъ добычу, о которой давно уже доходили до него слухи. Онъ ждалъ, когда поплыветъ внизъ по Волгѣ большой караванъ изъ Москвы, въ которомъ были струги и съ казною, и съ государевымъ хлѣбомъ, и съ ссыльнымъ народомъ, подъ конвоемъ стрѣльцовъ. Стенька подстерегъ караванъ, напалъ на него врасплохъ, перебилъ стрѣльцовъ, перевѣшалъ начальныхъ людей и выпустилъ ссыльныхъ на свободу, разграбивъ и уничтоживъ струги.

Прослышалъ объ этомъ грабежѣ царицынскій воевода, и вздумалъ было задержать воровскіе суда, въ то время, когда они поплывутъ мимо

Царицына. Но видно порядки въ царицынской крѣпости были не важные:—когда отданъ былъ приказъ пушкарямъ, чтобы они стрѣляли по Стенькинымъ судамъ, ни одна пушка не выстрѣлила. Только запалъ вспыхивалъ! Воевода такъ перепугался, что повѣрилъ въ силу чаръ Стеньки, о которомъ давно шла молва въ народѣ, будто его ни ядро, ни пуля не беретъ. И не только воевода пропустилъ Стеньку къ морю, но даже исполнилъ всѣ его требованія, когда тотъ прислалъ къ нему своего есаула.

Прошло два года послѣ этой тщетной попытки дѣйствовать противъ Стеньки, и вдругъ въ октябрѣ 1679 года, подъ стѣны Царицына явился тотъ же страшный человѣкъ, но ужь не Стенькой, а знаменитымъ волжскимъ атаманомъ „батюшкой Степаномъ Тимоѳеевичемъ". Явился онъ окруженный полчищемъ отчаянныхъ головорѣзовъ; сытый грабежомъ, выросшій въ народномъ мнѣніи, богатый, разгульный, жаждущій такой дѣятельности, которая была бы ему по плечу! Онъ только что успѣлъ оплутовать астраханскихъ воеводъ и пробирался къ себѣ на домъ, съ громадною добычею. И если астраханскіе воеводы были рады-радёшеньки, что онъ отъ нихъ убрался по-добру-по-здорову, то какое же сопротивленіе могъ ему оказать несчастный царицынскій воевода со всѣмъ своимъ жалкимъ городкомъ и жалкимъ воинскимъ снарядомъ?

Незваные гости безъ всякаго препятствія вошли въ городокъ и стали въ немъ распоряжаться по своему усмотрѣнію. И чуть только воевода осмѣлился заявить противъ ихъ буйства претензію,—онъ чуть головою не поплатился... Стенька грозилъ его повѣсить, и всюду приказалъ его искать, когда несчастный воевода отъ него спрятался. На этотъ разъ дѣло однакожь обошлось безъ крови: козаки взяли съ воеводы окупъ и Стенька только постращалъ его, сказавъ: „если ты впередъ станешь нашимъ козакамъ налоги чинить, то тебѣ отъ меня живу не быть".

Вскорѣ послѣ того, по мѣрѣ распространенія движенія на Донъ и вверхъ по Волгѣ, Стенька успѣлъ собрать около себя порядочныя силы—около 7,000 человѣкъ—и съ этими силами подступилъ съ сухого пути и съ Волги къ Царицыну. „Здѣсь начали бить въ набатъ, выстрѣлили разъ изъ пушки; но ужь пять человѣкъ царицынцевъ перекинулись къ козакамъ и объявили Стенькѣ, сколько въ городѣ казны, запасовъ, какія крѣпости. Оставивъ Ваську Уса (уже извѣстнаго нашимъ читателямъ) осаждать городъ, Стенька отправился громить Едисанскихъ татаръ и привелъ подъ Царицынъ плѣнныхъ, пригналъ лошадей, животину. Между тѣмъ, 13 апрѣля, въ таборъ къ Васькѣ Усу явилось еще пять человѣкъ царицынцевъ съ просьбою позволить имъ выходить изъ города, брать воду, выгонять скотъ на пастбище. „Уговаривайте воеводу", отвѣчалъ Усъ—„чтобы онъ городъ отдалъ; а если заупрямится, то сами отбейте городовой замо̀къ". Въ тотъ же день приказаніе было исполнено: ворота отворились, и воевода Тургеневъ съ племянникомъ своимъ, прислугою, десяткомъ московскихъ стрѣльцовъ и тремя человѣками царицынцевъ заперся въ башнѣ. Въ городѣ начались пиры, попойки съ козаками, самъ Разинъ пріѣхалъ въ городъ и угостился до-пьяна. Въ этомъ видѣ онъ и повелъ козаковъ на приступъ къ башнѣ и взялъ ее послѣ долгаго боя. Несчастный Тургеневъ достался козакамъ живой, а на другой день они угостили себя пріятнымъ зрѣлищемъ: привели Тургенева на веревкѣ къ рѣкѣ, прикололи копьемъ и утопили".

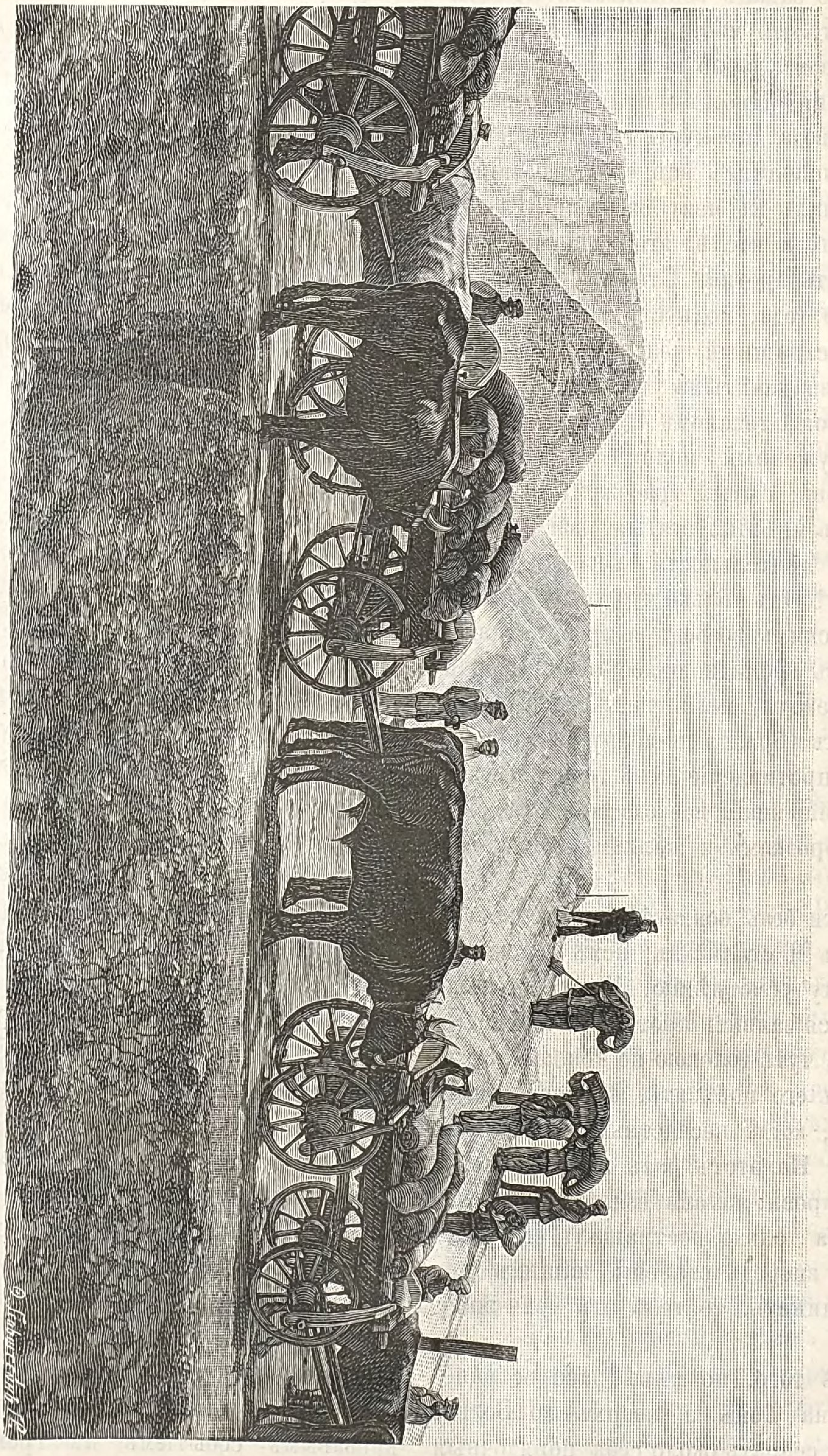
Вскорѣ послѣ этого, Стенька укрѣпилъ Царицынъ и держалъ его въ своихъ рукахъ до самаго того времени, когда московскіе воеводы положили конецъ этому опасному движенію.

Въ концѣ XVII вѣка царицынцамъ еще не разъ приходилось отсиживаться за своими стѣнами отъ подступавшихъ къ городу калмыковъ и крымцевъ, а въ началѣ XVIII вѣка, донскіе козацкіе атаманы, Васька Булавинъ да Игнашка Некрасовъ, два раза нападали на Царицынъ, наконецъ даже взяли его, и нѣкоторое время въ немъ продержались. Дѣло и тутъ не обошлось безъ кровавыхъ потѣхъ: воевода Турчаниновъ и его правитель дѣлъ упорно оставались вѣрными государю и не хотѣли перейти на сторону мятежниковъ, за что и были казнены, а весь архивъ ихъ дѣлъ преданъ сожженію.

Но это печальное событіе было послѣднимъ кровавымъ событіемъ въ тревожной исторіи при-волжскаго городка, которому его выгодное положеніе сулило блестящую торговую будущность. Уже въ 1691 году въ Царицынѣ учреждена была государева таможня, такъ какъ че-

резъ этотъ городъ шло очень много рыбы и соли; а въ 1722 году, Петръ I, проѣзжая через Царицынъ, такъ облюбовалъ это привольное мѣсто, что подарилъ городъ супругѣ своей, императрицѣ Екатеринѣ. На слѣдующій годъ, возвращаясь изъ похода, Петръ остановился еще разъ въ Царицынѣ, объѣхалъ царицынскія укрѣпленія, слушалъ обѣдню въ Троицкой

Соляные промыслы Астраханской губерніи.

Соляныя пирамиды и перевозка соли на Баскунчакскомъ озерѣ.

церкви, и самъ читалъ на клиросѣ Апостола, Петръ, окруженный народомъ, просившимъ у него утвержденія правъ города на подгородныя земли, былъ ко всѣмъ ласковъ и милостивъ, и въ знакъ своего расположенія къ царицынцамъ, отдавая имъ свою трость, сказалъ:

„Вотъ вамъ моя трость! Какъ я управлялся ею съ друзьями, такъ вы обороняйтесь ею противъ враговъ“.

Потомъ снялъ съ головы шапку, и отдавая ее народу, сказалъ: „Какъ никто несмѣетъ этотъ картузъ съ головы Царскаго Величества снять, такъ никто не смѣетъ васъ изъ Царицына выводить“.

Картузъ и трость Петра Великаго, въ подтвержденія этого преданія, до сихъ поръ хранятся въ царицынской городской думѣ. Картузъ Петра имѣетъ видъ круглой шапки съ откиднымъ козырькомъ, изъ валенаго сукна, и на половину уже изъѣденъ молью. Трость Петра—палка огромныхъ размѣровъ, достойная великана—вырѣзана изъ турецкой или персидской черешни. Можно себѣ представить, каково приходилось тѣмъ, съ которыми Петръ прибѣгалъ къ собственноручной расправѣ этимъ страшнымъ орудіемъ!

Астраханская татарка въ праздничномъ костюмѣ.

Бойкое и раздольное мѣсто, занимаемое городомъ Царицынымъ, съ давнихъ временъ было населено и всегда представляло собою удобный пунктъ для развитія торгово-промышленной дѣятельности. Современный Царицынъ важенъ, какъ пунктъ перевала грузовъ на р. Донъ, отъ коей онъ отстоитъ по волго-донской вѣтви желѣзной дороги въ 73 верстахъ, и какъ пунктъ, изъ коего направляются рыбные и нефтяные продукты во внутреннія губерніи. Въ Царицынъ также поступаютъ и персидскіе товары, для отправки на Донъ и внутрь Россіи. Съ верховьевъ Волги, съ Камы, сюда прибываетъ желѣзо, лѣсъ въ плотахъ и бѣлянахъ, щепной товаръ (горянскій) и разнообразные предметы торговли съ нижегородской ярмарки; все это останавливается въ Царицынѣ и направляется далѣе, на удовлетвореніе потребностей жителей Донской области и Кавказа, а также прилегающихъ къ Волгѣ населенныхъ мѣстъ. По дѣятельности и внѣшнему виду своему, въ особенности съ Волги, Царицынъ представляетъ собою ничто иное, какъ большихъ размѣровъ транспортную контору, гдѣ происходитъ по-

стоянная пріемка и отправка грузовъ. Царицынъ однако кипитъ жизнью только въ продолженіи навигаціоннаго времени, когда пристани его переполняются грузами, но затѣмъ, когда грузы эти отправлены далѣе, городъ принимаетъ обычный всѣмъ нашимъ городамъ скучный видъ. Открытіе навигаціи привлекаетъ сюда массы рабочаго люда для выгрузки и нагрузки грузовъ и этой-то рабочей массѣ и цѣлымъ отрядамъ разнаго рода приказчиковъ, повѣренныхъ, довѣренныхъ и коммиссіонеровъ городъ обязанъ лѣтомъ особымъ своимъ оживленіемъ и бойкою торговлею въ безчисленныхъ трактирахъ и кабакахъ, играющихъ роль биржъ, гдѣ за чаемъ и водочкой совершаются торговыя сдѣлки. Царицынъ отправляетъ товаровъ столько-же, сколько получаетъ ихъ, и въ немъ промышленности почти не существуетъ, хотя чрезъ городъ проходитъ масса сырья, обработка котораго на мѣстѣ могла-бы создать изъ Царицына не тотъ жалкій городъ, какимъ онъ представляется нынѣ. Въ городѣ даже ремесленность развита слабо и населеніе его занято только торговлею и черною работою по транспортировкѣ грузовъ.

Внѣшній видъ города съ Волги мало привлекателенъ, такъ какъ въ городѣ нѣтъ ни большихъ церквей, ни значительныхъ по высотѣ и красотѣ архитерктуры зданій, кромѣ одного дома (Г. Божескаго). Вдоль берега расположены пароходныя пристани волжскихъ пассажирскихъ пароходовъ, затѣмъ пристани для рыбныхъ и лѣсныхъ судовъ и плотовъ. Выше города, по берегу расположены соляная пристань и склады для нефти. Пристани противъ города не имѣютъ никакихъ искусственныхъ сооруженій, представляющихъ удобство для выгрузки товаровъ; все совершается здѣсь самымъ первобытнымъ способомъ, при чемъ главную роль играютъ спина и плечи чернорабочаго. Городъ состоитъ изъ двухъ частей, раздѣлэнныхъ глубокимъ оврагомъ, на днѣ котораго протекаетъ рѣчка Царица, лѣтомъ почти вся высыхающая. Часть города, къ которой примкнулъ вокзалъ грязе-царицынской дороги, удаленный отъ рѣки почти на двѣ версты, составляетъ старый городъ и здѣсь расположены въ нѣсколькихъ улицахъ лучшіе дома, лавки и базарныя площади, а на скатѣ оврага къ р. Царицѣ расположенъ небольшой и единственный въ городѣ садъ, гдѣ находится деревянное зданіе театра. Мѣсто это называется „Конкордія“ — и служитъ лѣтомъ единственнымъ мѣстомъ для прогулки и увеселенія жителей. На подмосткахъ театра въ „Конкордіи“ выступаютъ заѣзжіе артисты, въ особенности получившіе въ послѣднее время распространеніе хоры пѣвцовъ и пѣвицъ, подъ громкимъ названіемъ „капеллы“, а по мѣстной огульной терминологіи—„арфистки“. Хоры эти большею частью состоятъ изъ безголосыхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, распѣвающихъ „двухъ гренадеровъ“, „поймешь-ли ты“ и проч. избитыя вещи. Во время наѣзда „артистовъ“, всегда спускающихся сюда по Волгѣ изъ Нижняго по закрытіи тамъ ярмарки, Конкордія бываетъ полна народа, и въ саду, въ театрѣ, въ буфетѣ проявляется такое-же оживленіе, какъ и въ большихъ нашихъ загородныхъ садахъ съ опереткою. Постоянной труппы въ Царицынѣ нѣтъ, да она и не могла-бы существовать здѣсь круглый годъ, такъ какъ изъ числящихся постоянныхъ 30 тысячъ жителей, въ зимнее время весьма немного нашлось-бы постоянныхъ посѣтителей театра. Царицынцы не могутъ содержать его, какъ не поддерживаютъ они и книжной торговли, которую затѣялъ было вести одинъ мѣстный житель: — книги были выписаны, и остались на полкахъ магазина...

На другой сторонѣ р. Царицы расположена новая часть города, состоящая исключительно изъ небольшихъ деревянныхъ домиковъ, которые привозятся сюда на плотахъ уже совсѣмъ готовыми, такъ что ихъ остается только собрать и сложить въ нихъ печь. Въ этой части города, по берегу Волги расположены лабазы для склада рыбы и здѣсь же находится вокзалъ Волго-Донской вѣтви. Удобство расположенія двухъ желѣзнодорожныхъ вокзаловъ въ городѣ—одного на берегу, а другого на горѣ,—въ разстояніи по городу одного отъ другого около 3 верстъ, можно оцѣнить лишь тогда, когда примешь въ соображеніе, что съ одного вокзала на другой грузы по рельсовому пути могутъ быть передаваемы не иначе, какъ кружнымъ путемъ, по особой нагорной вѣтви, длиною въ 46 верстъ! Такая инженерная комбинація съ вокзалами въ Царицинѣ всего болѣе кстати заставляетъ припоминать слѣдующее изреченіе нашего сатирика: „вездѣ прошла у насъ же-

лѣзная дорога и нигдѣ до нашего мѣста не доѣхала...“

Чтобы познакомиться съ объемомъ и характеромъ грузового движенія въ Царицинѣ, прослѣдуемъ въ порядкѣ по всѣмъ пристанямъ, начиная съ лѣсной, у вокзала Волго-Донской желѣзной дороги. Здѣсь прежде всего поражаетъ глазъ масса лѣсныхъ плотовъ и бѣлянъ съ лѣсомъ, загромождающихъ собою длинную полосу по берегу Волги и уставленныхъ бортъ къ борту въ ширину рѣки, болѣе чѣмъ до половины ея, хотя она и весьма широка въ этомъ мѣстѣ. Лѣсъ этотъ прибываетъ съ Камы и идетъ на потребности безлѣснаго края Донской области, на сѣверъ Кавказа и въ при-азовскіе города. Здѣсь можно встрѣтить самые разнообразные сорта лѣсного товара, начиная отъ толстыхъ сосновыхъ бревенъ, до березоваго дрючка и оглобли включительно.

Большая часть лѣсныхъ матеріаловъ идетъ на Донъ, по Волго-Донской дорогѣ, которая перевозитъ его нынѣ до 12 милліоновъ пудовъ. Раздѣлки лѣса почти не производится въ Царицынѣ, если не считать простой распиловки бревенъ. Ежегодное скопленіе и выгрузка лѣса на пристаняхъ оставляетъ въ рѣкѣ столь большое количество сорныхъ остатковъ, что теченіе Волги не можетъ успѣшно бороться съ накопляющимся мусоромъ, который съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе осаждается на днѣ рѣки, производя извѣстныя послѣдствія. Лѣсная пристань занимаетъ массу чернорабочихъ, среди которыхъ можно встрѣтить самыхъ разнообразныхъ представителей русскаго населенія.

Выше лѣсной пристани идетъ рыбная, гдѣ останавливаются суда, привозящія рыбу съ низовьевъ Волги. Здѣсь вдоль берега на большомъ пространствѣ можно встрѣтить тысячи бочекъ и кулей съ соленою и сушеною рыбою и просто груды вяленой рыбы. Главное мѣсто принадлежитъ селедкѣ (бѣшенкѣ), которая изъ Царицына идетъ на Донъ, въ центральныя западныя и юго-западныя губерніи, гдѣ и составляетъ излюбленную пищу евреевъ.

Изъ другихъ дешевыхъ и народныхъ видовъ рыбы поражаютъ количествомъ — тарань и вобла, цѣна которой бываетъ до 2 руб. за 1,000 штукъ. Въ числѣ рыбныхъ продуктовъ, поступающихъ сюда, видное мѣсто занимаетъ красная икра, отправляемая въ Турцію бочками. Турки ѣдятъ эту икру съ оливковымъ масломъ и считаютъ ее гастрономическимъ блюдомъ. Изъ Царицына отправляютъ рыбы по Волго-Донской дорогѣ до 7 милліоновъ пудовъ и по Грязе-Царицынской до 10 милл. пудовъ. Перегрузка и упаковка рыбы также занимаетъ немало рабочихъ рукъ, но свойство товара создаетъ такую атмосферу, которою дышать можно только при особомъ навыкѣ. Часть рыбныхъ товаровъ складывается въ лабазы у пристани; большая часть немедленно увозится желѣзною дорогою. При обильномъ уловѣ рыбы и пониженіи цѣнъ на товаръ въ Царицынѣ происходитъ громадное скопленіе рыбы. Всюду проникающій еврейчикъ и здѣсь успѣлъ проявить свою комммерческую находчивость въ продѣлкахъ напр. такого рода. Покупаетъ онъ вагонъ рыбы и требуетъ отправки въ Грязи, съ наложеніемъ платежа. Товаръ отправляютъ и затѣмъ начинаются визиты на вокзалъ за полученіемъ денегъ по переводу. Но денегъ нѣтъ, и ихъ долго не приходится получить, такъ какъ жидокъ въ Грязяхъ по мелочи продаетъ чужой товаръ и вагонъ превращаетъ въ даровой магазинъ. Подобные торговцы причиняютъ немало хлопотъ царицынскимъ складчикамъ и желѣзной дорогѣ.

Между лѣсною, рыбною и соляною пристанями, среднее мѣсто занимаютъ пристани пассажирскихъ пароходовъ всѣхъ главнѣйшихъ волжскихъ пароходныхъ компаній. Пристани эти не представляютъ ничего особеннаго и любопытнаго въ мѣстномъ отношеніи. Такія пристани по Волгѣ находятся въ любомъ прибрежномъ городѣ и описаніе ихъ считаемъ излишнимъ.

Соляная пристань въ Царицынѣ, въ прежнее время была значительна и сюда привозилось много соли для внутреннихъ губерній и Юга-Россіи. Но съ открытіемъ на югѣ, въ Екатеринославской губерніи, залежей каменной соли (въ Деконовскихъ копяхъ) баскунчакская соль нейдетъ болѣе на югъ, и въ Царицынъ ее стало мало привозиться. Нынѣ соляные амбары въ Царицынѣ наполняются рѣдко. Соль привозится сюда неразмолотою и ссыпается на берегу въ пирамиды, которыя сверху до того крѣпко кристаллизуются, что представляются какъ-бы курганами, облитыми бѣловатымъ цементомъ. Размолка соли производится жерновами, при

водимыми въ движеніе небольшимъ паровикомъ. Размолотую соль насыпаютъ въ мѣшки и нагружаютъ въ вагоны, подаваемые по рельсовому пути, проложенному вдоль пристани. Набивка мѣшковъ и погрузка ихъ въ вагоны составляетъ не легкую работу, за которую берутся только самые дюжіе рабочіе. Рабочіе, при бивaютъ мѣшки, и цѣлый день снуютъ отъ амбара къ вагону и обратно, получая за свою тяжкую работу скудный дневной гонораръ. Никакихъ приспособленій для автоматической набивки мѣшковъ и погрузки ихъ въ вагонъ, конечно, не имѣется, такъ какъ никакая машина не выдержитъ конкурренціи съ дешевымъ

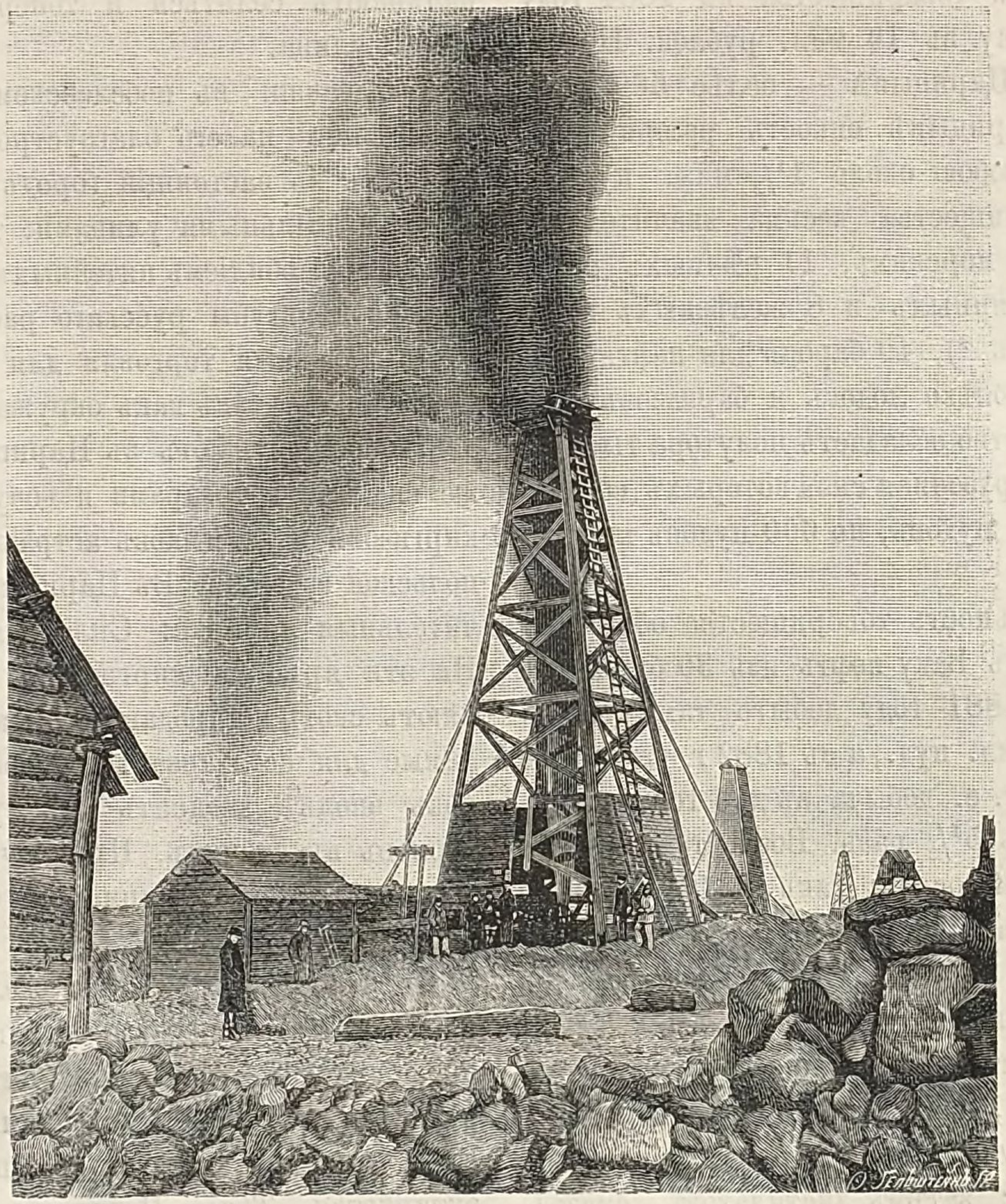

Царицынскія бабы-нагрузчицы.

этой нагрузкѣ, обнажены до пояса; рубашка снимается въ видахъ сохраненія ея, такъ какъ отъ пота, растворяющаго соль, не можетъ выдержать не только ситецъ, но и самотканая пестрядь. Обливающіеся потомъ, полуобнаженные и босые рабочіе, похожіе на ошпаренныхъ кипяткомъ раковъ, ходятъ по соли, которою на мускульнымъ трудомъ здѣшняго чернорабочаго.

Соляною пристанью заканчиваются пристани города Царицына. Далѣе по берегу, вверхъ по рѣкѣ, картина измѣняется и глазъ пріятно поражается отдѣланнымъ и обчищеннымъ берегомъ, на верху котораго расположенъ

цѣлый городокъ, съ оригинальными постройками.—Это „Нобелевскій городъ“ или керосиновые склады товарищества Нобель и К°. Извѣстный теперь всей Россіи Г. Нобель купилъ у города участокъ земли на берегу Волги, и превратилъ пустынное мѣсто въ красивый городокъ, гдѣ на всемъ лежитъ отпечатокъ порядка, практичности, изящества и удобства. Ниже городка проложены рельсы, по которымъ катятся собственные наливные вагоны (цистерны), на рѣкѣ своя пристань въ видѣ круглаго судна (поповка), тутъ-же проведены трубы для перекачиванія нефти и продуктовъ изъ нея, изъ наливныхъ судовъ въ огромные желѣзные резервуары, стоящіе на высокомъ берегу (видъ ихъ смотри на рисункѣ стр. 381). Изъ этихъ резервуаровъ керосинъ наливается въ вагоны и цѣлые поѣзда уходятъ отсюда, чтобъ освѣщать отдаленные уголки нашего обширнаго отечества. На горѣ расположены слѣдующія зданія: контора, водокачка, домики для рабочихъ и бондарная мастерская, гдѣ производится механическая обработка дерева для бочекъ. Мѣстами посажены деревья, которыя скоро образуютъ тѣнистый садъ. Вездѣ электрическіе фонари, мощеные дворы и дороги. Контора обставлена на европейскую ногу: есть телеграфъ,

Одинъ изъ Нобелевскихъ нефтяныхъ фонтановъ въ Баку.

есть газеты и журналы; будучи здѣсь, можно забыть, что находишься вблизи города, гдѣ жалкіе признаки культуры можно найдти только въ „Конкордіи“, да въ обстановкѣ какой-нибудь „Столичной гостиницы“...

Развитіе нефтяного дѣла началось недавно, и однимъ изъ главныхъ виновниковъ въ этомъ безспорно слѣдуетъ признать г. Нобеля, съумѣвшаго привлечь къ бакинскимъ нефтянымъ бо-

гатствамъ иностранные милліоны. — Еще недавно въ Царицынъ мало поступало нефтяныхъ продуктовъ; такъ въ 1881 г. по грязе-царицынской дорогѣ вывезено до 6 мил. пуд., а въ 1883 г. уже болѣе 10 мил. пуд. Нефть примѣняется около Царицына, вверхъ и внизъ по Волгѣ, какъ топливо на пароходахъ и на грязе-царицынской дорогѣ. Хотя примѣру г. Нобеля послѣдовали и другіе, но составленное имъ товарищество все-таки остается первенствующимъ. Капиталъ товарищества къ 1884 году составлялъ сумму въ 10 мил. рублей. Недвижимость въ г. Царицынѣ — болѣе 660 тыс. рублей. Въ Царицынѣ емкость резервуаровъ представляетъ собою около $1^1/_2$ мил. пудовъ. Флотилія товарищества весьма значительна; оно имѣетъ: 11 морскихъ, 11 рѣчныхъ пароходовъ, 7 деревянныхъ и 8 желѣзныхъ керосиновыхъ барокъ *), 40 барокъ для нефтяныхъ остатковъ, нѣсколько лодокъ и барказовъ. Затѣмъ товарищество обладаетъ полутора тысячами вагоновъ, нагрузочная сила которыхъ составляетъ 855 тыс. пудовъ, по 600 пудовъ на каждый вагонъ.

Производительность товарищества обширна; оно добываетъ въ Баку нефть изъ 30 буровыхъ скважинъ. Въ 1881 году добыто тамъ сырой нефти около 3 мил. пуд., а въ 1882 г. уже болѣе 15 мил. пуд., т. е. добыча въ два года увеличилась почти въ $5^1/_2$ разъ. Возростаетъ также и производство керосина; такъ въ 1881 г. было произведено товариществомъ 12 тыс. пуд., а въ 1883 г. уже 30 тыс. пуд. Перегонка въ этомъ году совершалась въ 33 кубахъ и каждый, среднимъ числомъ, далъ около 800 пудовъ керосина. Отъ нефти, послѣ перегонки на керосинъ, въ 1883 г. получено остатковъ (мазути) около 14 мил. пудовъ; затѣмъ дистилатовъ, смазочныхъ маслъ болѣе 569 тыс. пудовъ, соляроваго масла около 40 тыс. пудовъ; бензина до 18 тыс. пудовъ. Такова производительность товарищества „Нобеля и К°!“ Товарищество въ 1882 году получило чистой прибыли болѣе 2 мил. рублей. Замѣчателенъ тотъ фактъ, что когда г. Нобель пожелалъ пріобрѣсти отъ г. Царицына участокъ земли, то царицынцы назначили за клочекъ городскаго пустыря такую невѣроятную сумму, что сдѣлка едва могла состояться. Разбогатѣли-ли царицынцы отъ нобелевскихъ денегъ—неизвѣстно; по крайней мѣрѣ, не слышно, чтобы на эти деньги въ городѣ были сдѣланы какія-либо улучшенія; но г. Нобель можетъ гордиться тѣмъ, что вблизи его городка начинаютъ селиться и теперь уже возникла цѣлая улица.

Побывавши въ нобелевскомъ городкѣ, посмотрѣвши на его благоустройство и возвратившись въ настоящій городъ съ его немощеными и пыльными улицами, только и можешь поразиться обиліемъ питейныхъ заведеній—этой страшной пагубы русскаго рабочаго люда.

Царицынская торговля для уѣзднаго города значительна, такъ какъ окружающія городъ селенія все покупаютъ въ Царицынѣ; Царицынъ же снабжаетъ товарами и кочующее населеніе: киргизовъ и калмыковъ астраханской и ставропольской губерній. Въ Царицынѣ бываютъ значительныя ярмарки: Сплавная и Покровская. На эти ярмарки киргизы и калмыки пригоняютъ скотъ и, продавъ его, закупаютъ необходимые для себя товары. Оборотъ этихъ ярмарокъ вполнѣ зависитъ отъ урожая и обилія кормовъ въ степяхъ. При неурожаяхъ и падежахъ скота торговля ярмарокъ бываетъ совсѣмъ плоха.

По отношенію къ сѣти желѣзныхъ дорогъ, въ особенности южныхъ, Царицынъ поставленъ въ невыгодное положеніе: онъ не соединенъ рельсовымъ путемъ съ донецкими каменно-угольными дорогами, хотя это соединеніе нынѣ проэктируется. Тогда Царицынъ отъ Маріуполя будетъ всего въ 743 верстахъ, отъ Севастополя въ 1,305 верстахъ и отъ Николаева въ 1,243 верстахъ; между тѣмъ какъ теперь онъ отстоитъ отъ ближайшаго порта Балтійскаго моря, именно отъ Риги, въ 1,718 верстахъ. Выиграетъ-ли городъ отъ того, что въ немъ будетъ третій вокзалъ желѣзной дороги—покажетъ будущее; но несомнѣнно то, что царицынцамъ пора обратить вниманіе не на одну только торговлю сырьемъ, а и на фабрикацію хотя бы тѣхъ произведеній, которыя они получаютъ какъ изъ далекой Москвы, такъ и изъ еще болѣе далекаго Цар-

*) Устройство желѣзныхъ барокъ вполнѣ оригинально и соотвѣтствуютъ назначенію: въ желѣзный корпусъ судна вставлено 12 желѣзныхъ ящиковъ, которые и называются керосиновыми. Ящики расположены такъ, что по бортамъ судна и на днѣ его остаются свободныя пространства; во время плаванія, въ случаѣ поврежденія, дна или бортовъ судна, рабочіе тотчасъ же задѣлываютъ пробоину и выкачиваютъ воду, а керосинъ въ ящикахъ остается невредимымъ.

ства Польскаго. Всѣ условія для развитія фабричной и заводской промышленности и рынки для сбыта имѣются въ наличности. Не хватаетъ только знаній и энергіи. Это, вѣроятно, сознаютъ и сами царицынцы, недружелюбно отнесшіеся къ начинаніямъ Нобеля.

Въ заключеніе нашего очерка о Царицынѣ скажемъ нѣсколько словъ о жившемъ здѣсь художникѣ Шевяковѣ-Красовскомъ. Гравюры Царицына, помѣщенныя выше, исполнены по фотографіямъ этого талантливаго человѣка. Это былъ человѣкъ замѣчательный, любившій родину и стремившійся принести ей пользу своими знаніями. Шевяковъ-Красовскій снялъ множество видовъ поволжскихъ городовъ, и не мало типовъ Поволжья и калмыцкихъ степей. Во время ветлянской чумы онъ корреспондировалъ въ „Московскія Вѣдомости". Шевякову-Красовскому предстояла большая будущность, но злая судьба преждевременно сократила жизнь его: онъ былъ убитъ злодѣями въ посадѣ Дубовкѣ, куда временно пріѣзжалъ для исполненія работъ.

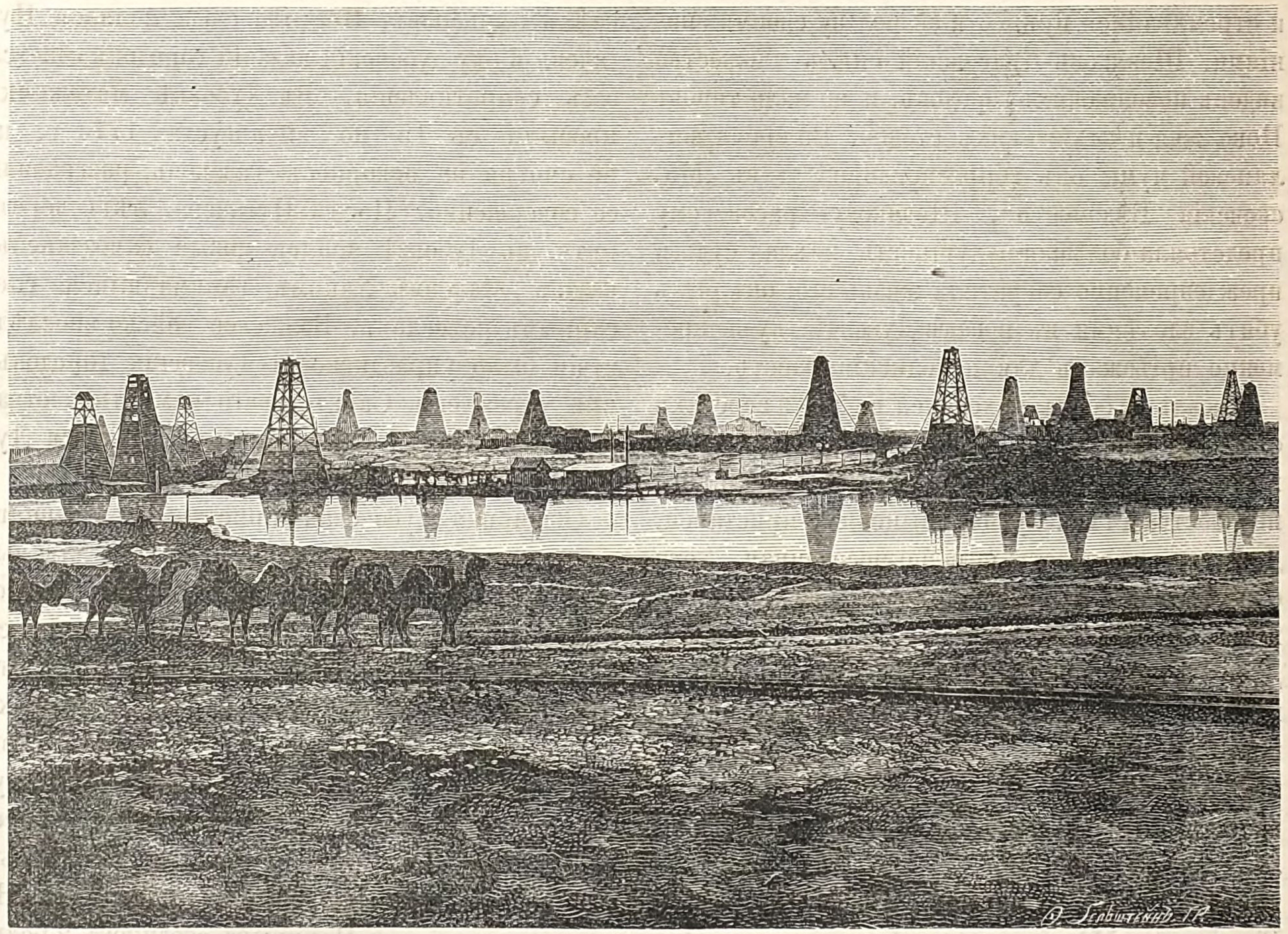
Посадъ Дубовка, находится въ 50-ти верстахъ отъ Царицына, вверхъ по Волгѣ; онъ служитъ хорошею и удобною пристанью и дополняетъ неудобства и тѣсноту царицынскихъ пристаней. Дубовка—мѣстность недавно-поселенная, хотя окрестъ нея и сохранились остатки очень древнихъ обиталищъ. Почти рядомъ съ нынѣшнею Дубовкою, близъ р. Волги существуетъ городище, нѣкогда укрѣпленное землянымъ валомъ; въ немъ по временамъ находятъ ордынскія монеты, черепки посуды и другія мелочи. Основаніе посада послѣдовало въ половинѣ прошлаго столѣтія, но еще въ XVI вѣкѣ на этомъ мѣстѣ было урочище подъ именемъ „Дубовой Воложки". Мѣстность эта была очень удобна для становища, а потому правительство, стараясь обезопасить здѣшній край отъ набѣговъ кочевниковъ и очистить его отъ воровскихъ шаекъ, еще во время Петра Великаго предположило устроить здѣсь укрѣпленную линію, поселивъ на ней преимущественно малороссіянъ.

Такимъ образомъ, въ 1717 г., устроилась „Царицынская черта", состоящая изъ рва и вала, укрѣпленнаго палисадомъ, протягивавшаяся отъ Царицына на сѣверо-западѣ къ Дону, близъ нынѣшней Качалинской станицы. Эта черта послужила и впослѣдствіи пограничною линіею между Донскою областью и Царицынскимъ уѣздамъ Саратовской губерніи. Новыя поселенія были образованы ближе къ Волгѣ и поселенцы получили названіе „волжскаго казачьяго войска", которому были дарованы большія привилегіи. Не смотря на льготы, „войско" это занималось контрабандою соли и вина, давало пріютъ бродягамъ и наконецъ стало производить возмущенія. Весною 1772 года въ одномъ изъ хуторовъ бѣглый крестьянинъ Ѳедотъ Богомоловъ, зачислившійся въ казаки, объявилъ себя императомъ Петромъ III и съ шайкою казаковъ явился въ Дубовку, гдѣ арестовалъ всѣхъ офицеровъ. Позднѣе сюда являлся Пугачевъ и ему дубовскій казачій городокъ сдается безъ сопротивленія. Въ Дубовкѣ мятежники пробыли съ 15 по 19 августа 1774 г. и, не смотря на покорность казаковъ, разграбили ее совершенно. Послѣ Пугачева, лѣтъ черезъ пять, въ Дубовкѣ явился новый самозванецъ, казакъ Максимъ Ханинъ, занимавшійся слесарнымъ ремесломъ. Волжское войско впослѣдствіи было упразднено и Дубовскій городокъ, при учрежденіи Саратовскаго намѣстничества, назначенъ посадомъ и сталъ называться Дубовкою.

Обширная дубовская пристань съ давняго времени славилась своими удобствами для выгрузки и склада лѣсныхъ матеріаловъ, и вообще для товаровъ, идущихъ транзитомъ съ Волги на Донъ. Дубовка близко отстоитъ отъ лучшихъ пристаней Дона. Безлѣсье донскихъ степей Малороссіи и Новороссіи и отсутствіе не только фабричнаго и заводскаго, но и кустарныхъ производствъ среди казачьяго населенія, постоянно вызывали спросъ на лѣсные матеріалы и разныя деревянныя издѣлія. Не смотря на то, что Царицынъ соединенъ 2 рельсовыми путями съ Дономъ и центральною Россіею, Дубовка продолжаетъ служить пунктомъ перевала грузовъ на Донъ—перевала, совершаемаго гужемъ. На дубовскую пристань поступаетъ болѣе 10 мил. пудовъ всякихъ грузовъ, исключительно лѣсныхъ, щепяныхъ и другихъ. Но дубовчане замѣтно развиваютъ у себя заводскія производства и промыслы; здѣсь существуютъ паровой лѣсопильный заводъ, паровая мукомольная мельница, горчичные заводы (лучшій г. Ваага съ сыновьями). Изъ кустарныхъ промысловъ развиты: телѣжный, бондарный, производство посуды изъ листового

желѣза, производство рогожъ и проч. При 13 тыс. жителей, посадъ имѣетъ 46 фабрикъ и заводовъ съ годовымъ производствомъ на сумму около 600 тысячъ рублей. Въ Дубовкѣ ткутся оригинальные ковры изъ мѣстной простой шерсти. Окраска шерсти и узоры ковровъ представляютъ много оригинальнаго, такъ какъ производительницы ихъ не знакомы съ техническимъ рисованіемъ... На коврахъ нерѣдко можно встрѣтить вытканные не только цвѣты, но и фигуры, въ родѣ дѣвушки, несущей коромысло съ ведромъ. Но еще весьма недалеко такое время, когда производительницамъ, бывало, заказывали выткать коверъ съ „дѣвушкой“, а когда онѣ узнавали, что по такому ковру будутъ ходить, то отказывались ткать коверъ съ „дѣвушкой“ и высказывали такое мнѣніе:—„какъ де можно по дѣвушкѣ ходить...“ Коверщицъ считается до 20, съ годовымъ производствомъ на сумму до 30 тысячъ рублей. Всѣхъ кустарей считается 447 семействъ съ 1344 рабочими и годовымъ общимъ производствомъ на одинъ милліонъ рублей.

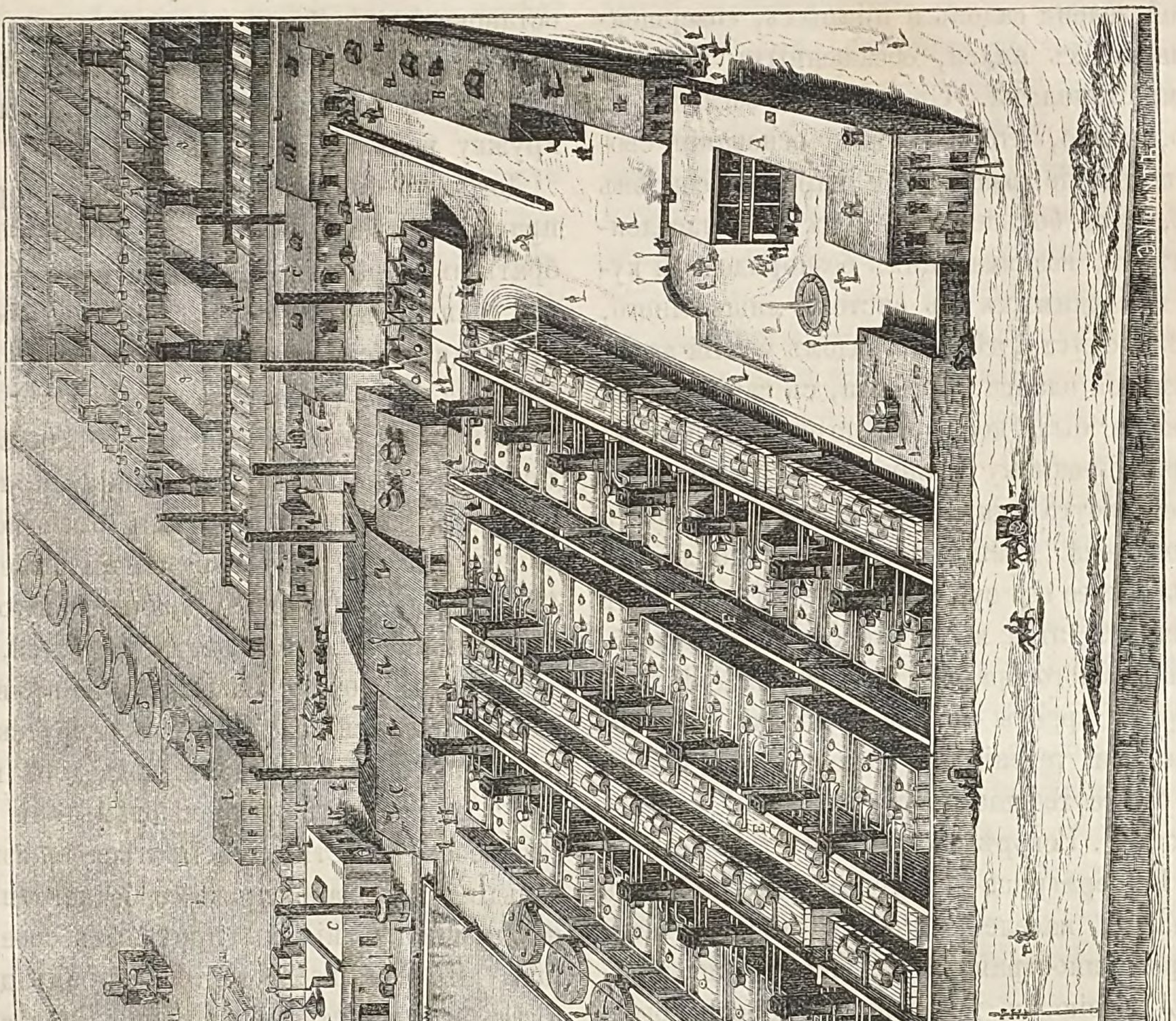
Посадъ Дубовка расположенъ на высокомъ каменистомъ берегу Волги; общій видъ посада довольно привлекателенъ. Превращеніе посада въ значительный промышленный пунктъ въ ближайшемъ будущемъ несомнѣнно, въ особенности, если онъ будетъ соединенъ рельсовымъ путемъ съ Дономъ и будущею Восточно-Донецкою дорогою.

Общій видъ нефтяныхъ фонтановъ, принадлежащихъ фирмѣ Нобель и К° близь Баку.

Дубовка и нынѣ является значительнымъ торговымъ пунктомъ. Въ ней бываетъ самая большая въ губерніи ярмарка — Троицкая которая начинается обыкновенно около 10 мая и кончается въ началѣ іюня. Покупателями на ярмаркѣ, кромѣ жителей и торговцевъ самаго посада и окрестныхъ селъ, являются также киргизы и жители Донской области, такъ что ярмарка имѣетъ не одно только мѣстное значеніе; товары привозятся преимуще-

ственно изъ Ярославской, Нижегородской и Казанской губерній.

Общій видъ нефтяныхъ заводовъ и складовъ Нобеля и К° въ Баку.

Въ 28-ми верстахъ отъ Царицына, на большомъ астраханскомъ почтовомъ трактѣ, среди голой, пыльной и выжженной солнцемъ степи, въ видѣ зеленаго оазиса среди пустыни, лежитъ цвѣтущій, благоустроенный, въ струнку вытянутый нѣмецкій городокъ Сарепта. Красныя

крыши кирпичныхъ домовъ и высокія трубы огромныхъ фабрикъ колоніи привѣтливо смотрятъ издали на путешественника, мелькая изъза густой зелени садовъ и прямыхъ, совершенно-правильныхъ аллей, обсаженныхъ пирамидальными тополями. Съ перваго взгляда на колонію, видно, что съ самаго основанія своего это поселеніе возникало и ширилось совсѣмъ не такъ, какъ большинство русскихъ населеннымъ мѣстъ, возникающихъ безпорядочной кучей и приводимыхъ въ систему лишь много, много лѣтъ спустя, цѣлымъ рядомъ усилій административной власти. Сарепта, съ самаго основанія своего, была построена по опредѣленному, строго-размѣренному плану, въ видѣ правильнаго четвероугольника; въ основу поселенія была положена, прежде всего, идея порядка и все дальнѣйшее его существованіе было живымъ воплощеніемъ этой идеи, въ самыхъ разнообразныхъ и многообразныхъ ея проявленіяхъ.

Исторія Сарепты не многосложна и не богата фактами; теченіе ея также гладко и ровно, какъ и общее теченіе жизни въ этой „колоніи изъ колоній". Вскорѣ послѣ восшествія на престолъ, Императрица Екатерина II, заботясь объ усиленіи населенія Россіи, издала указъ, по которому иностранные колонисты приглашались въ Россію, а поселеніе въ Россіи было обставлено весьма крупными льготами. Тогда, депутація отъ братьевъ гернгутеровъ, давно уже помышлявшихъ объ основаніи колоніи въ Россіи, явилась въ Петербургъ и просила правительство объ отводѣ земель для будущей колоніи. Въ 1764 году послѣдовало распоряженіе объ отводѣ новымъ поселенцамъ земель на Волгѣ, между Астраханью и Царицынымъ, въ количествѣ отъ 4,000 до 5,000 десятинъ. Въ слѣдующемъ 1765 году колонія была основана пятью членами евангелическаго братскаго общества, на рѣчкѣ Сарпѣ, впадающей въ Волгу, и „какъ ни мала эта рѣчка, сарептяне и до сихъ поръ дорожатъ и гордятся ею, соединяя съ нею память о началѣ своей колоніи. Когда первые учредители колоніи прибыли на мѣсто своего нынѣшняго поселья, дикая степь, служившая кочевьемъ для бродячихъ племенъ и самая рѣчка Сарпа — напомнили набожнымъ гернгутерамъ странствованіе пророка Иліи по волѣ Божіей черезъ пустыню въ мѣстечко Сарепту и слова, сказанныя имъ библейской сарептской вдовицѣ: „мука въ водоносѣ твоемъ не оскудѣетъ и чванецъ елея не умалится". Принявъ эту мысль за указаніе Божіе, они остановились здѣсь, назвали новую колонію Сарептой, и избрали эмблемой для общественной печати сосудъ съ колосьями и масляную кружку подъ масличнымъ деревомъ".

Договоръ братьевъ гернгутеровъ съ русскимъ правительствомъ былъ заключенъ агентомъ братьевъ, Фризомъ, и затѣмъ первые поселенцы двинулись въ Россію черезъ Любекъ подъ предводительствомъ начальника своего Даніила-Генриха Фика (умершаго въ 1801 г.). При самомъ началѣ, колоніи въ вѣчное владѣніе было дано 5,870 дес. и зданія колоніи, при помощи русскихъ солдатъ и рабочихъ, были построены на счетъ казны, заимообразно выдавшей на это 48,748 р.—сумму очень значительную по тому времени *). И кромѣ этихъ милостей, колоніи даны были громадныя льготы и привиллегіи. Колонисты освобождены отъ рекрутской, отъ постойной, квартирной и подводной повинностей; по торговлѣ и промысламъ они уволены отъ необходимости записываться въ извѣстную гильдію; имъ дано право свободнаго пивоваренія и винокуренія въ предѣлахъ своего округа... Но важнѣе всего то, что имъ дозволено имѣть свое собственное, вполнѣ самостоятельное, выборное управленіе, и маленькая Сарепта поставлена внѣ всякаго вмѣшательства мѣстныхъ, губернскихъ и уѣздныхъ властей, и до сихъ поръ состоитъ въ зависимости только отъ министерства государственныхъ имуществъ. Даже и тѣ небольшія подати (по $7^1/_4$ коп. съ десятины), которыя со временемъ пришлось платить колонистамъ съ десятины занимаемой ими земли,—вносились и до сихъ поръ вносятся колонистами не иначе, какъ черезъ ихъ собственное управленіе. Но этого мало: у Сарепты и свое церковное управленіе, и свой судъ, и свое министерство просвѣщенія и финансовъ, и своя особая административная іерархія. „Управленіе внутренними, церковными и гражданскими дѣлами въ Сарептѣ состоитъ изъ одного епископа или пресвитера братской евангелической церкви, одного младшаго пастора, инспектора училищъ и директора финансоваго управленія.

*) Болѣе 150,000 р. на наши нынѣшнія деньги; сумма эта была, однакоже, возвращена казнѣ колонистами постепенными ежегодными уплатами до 1803 года.

Для внутренняго судебнаго производства и для расправы по гражданскимъ дѣламъ у нихъ учреждено правленіе евангелическаго братскаго общества—изъ двухъ начальниковъ, одного юстиціаріуса и двухъ выборныхъ засѣдателей. Правленіе это, приравненное по значенію къ магистратамъ, не подчинено никакому присутственному мѣсту и состоитъ въ зависимости только отъ министерства государственныхъ имуществъ, которому даетъ отчетъ въ дѣлахъ своихъ". Рядомъ съ этими выборными учрежденіями стоитъ и выборная полиція, изъ мѣстныхъ гражданъ, нетолько наблюдающая за порядкомъ и благоустройствомъ внѣшнимъ, но и за нравами, и за всякими нарушеніями установившихся обычаевъ колоніи. Само собою разумѣется, что поставленная такъ прочно и самостоятельно съ самаго начала, щедро вспомоществуемая правительствомъ, Сарепта очень скоро достигла замѣчательнаго процвѣтанія, которое, конечно, отчасти явилось слѣдствіемъ упорнаго трудолюбія и любви къ порядку, составляющихъ отличительныя свойства нѣмца вообще; но, въ значительно-бо̀льшей степени, этимъ благосостояніемъ сарептяне обязаны и тому неисчерпаемому добродушію русскаго человѣка, который, по отношенію ко всѣмъ „пришельцамъ, иноземцамъ, перешедшимъ нашъ порогъ, а въ особенности нѣмцамъ"—выказываетъ себя не только радушнымъ хозяиномъ, но отцомъ и благодѣтелемъ, ради блага гостей забывающимъ иногда и о собственныхъ дѣтяхъ. И, надо сказать правду, что сарептяне съумѣли широко воспользоваться для своего блага и процвѣтанія и русскимъ добродушіемъ, и русскимъ гостепріимствомъ.

Въ настоящее время въ Сарептѣ жителей обоего пола около 500 человѣкъ, да около 700 человѣкъ постороннихъ, пришлыхъ людей, работающихъ на фабрикахъ и заводахъ, преимущественно нѣмцевъ (изъ другихъ нѣмецкихъ колоній въ Россіи) и калмыковъ. Всей земли подъ колоніей числится слишкомъ 17,000 десятинъ, изъ которыхъ около 15,000 относятся къ неудобнымъ землямъ (на этомъ пространствѣ насчитываютъ до 10,000 солончаковъ), подъ сѣнокосами и пашнями занято около 1,000 десятинъ и около 1,000 десятинъ числится подъ лѣсомъ, который содержится въ величайшемъ порядкѣ и оберегается чрезвычайно строго.

Рѣка Сарпа запружена большою плотиною; такія-же точно плотины устроены въ низменныхъ мѣстахъ для задержанія вешней воды послѣ таянія снѣговъ, и вся эта вода направляется особымъ каналомъ въ колонію для поливки садовъ и луговъ. Большія заботы приложены были къ тому, чтобы снабдить колонію чистою и здоровою ключевою водою для питья; для этой цѣли вода проведена въ колонію изъ двухъ ключей, лежащихъ почти въ верстѣ отъ города. Центральное водохранилище, тщательно оберегаемое, устроено въ садикѣ, посреди площади; изъ этого водохранилища вода проведена въ фонтаны, устроенные на каждой улицѣ, а также на фабрики и заводы. Путемъ этого водопровода сарептяне получаютъ около 1,000 ведеръ хорошей ключевой воды въ часъ.

Около этой площади съ главнымъ водопроводомъ сосредоточены въ Сарептѣ всѣ важнѣйшія общественныя зданія: церковь, пасторатъ, въ которомъ живутъ оба пастора колоніи (старшій и младшій); домъ правленія сарептскаго общества, магазинъ, вдовій домъ, домы „сестеръ" и „братьевъ", въ которыхъ на общественный счетъ или за ничтожную плату содержатся безпріютныя вдовы и старыя дѣвушки сарептскаго общества. Всѣ дома этой колоніи выстроены, приблизительно, по одному и томуже плану, вытянуты правильными линіями, съ строго - опредѣленными промежутками для обязательныхъ палисадниковъ, съ тщательно насаженными вдоль улицъ рядами пирамидальныхъ тополей. Чистота домовъ и улицъ поразительная, непривычная для русскаго глаза—настолько же непривычная, насколько и весь строй жизни въ этомъ нѣмецкомъ уголкѣ, заброшенномъ по волѣ судебъ въ безпорядочное раздолье приволжской степи.

Этотъ строй жизни стоитъ въ тѣсной связи съ религіозною основой секты, которая приравниваетъ всѣхъ людей, но приравниваетъ не разнуздывая страсти, не поощряя развитіе своеволія и личной свободы, а напротивъ—всѣхъ одинаково подчиняя суровой религіозной и нравственной дисциплинѣ. Ни одинъ изъ братьевъ этой общины не можетъ уклониться отъ общаго пути, разъ на всегда предначертаннаго для всѣхъ; не можетъ имѣть своей воли, не можетъ жить своею жизнью, не

можетъ даже и въ своемъ собственномъ домѣ, даже въ своей собственной семьѣ быть полнымъ господиномъ своихъ дѣйствій. Вотъ почему все въ жизни сарептянъ, отъ рожденія и до смерти, совершается постоянно по одному и тому-же, заведенному порядку.

„Всѣ члены общины раздѣляются по полу и возрасту на такъ-называемые хоры; на этомъ основаніи есть хоры дѣвочекъ, хоры мальчиковъ, холостыхъ братьевъ, незамужнихъ сестеръ, вдовицъ, вдовцовъ и т. д. Каждый хоръ имѣетъ своего блюстителя или блюстительницу, которые обязаны наблюдать за нравами, порядкомъ и дисциплиною въ хорѣ. Входя по обязанности во всѣ мелочи жизни каждаго изъ членовъ своего хора, блюстители, въ то же время, обязаны приготовлять членовъ своего хора къ причастію, къ которому, по правиламъ общины, слѣдуетъ приступать черезъ три воскресенья въ четвертое. Приготовленія къ причастію заключаются въ томъ, что блюститель съ каждымъ изъ членовъ вступаетъ въ собесѣдованія, вмѣсто исповѣди. Причащенію обыкновенно предшествуетъ такъ-называемая вечеря любви, на которую собираются всѣ члены того или другаго хора, причемъ всѣмъ собравшимся, при пѣніи псалмовъ и молитвъ, разносится чай, молоко и хлѣбное печенье“.

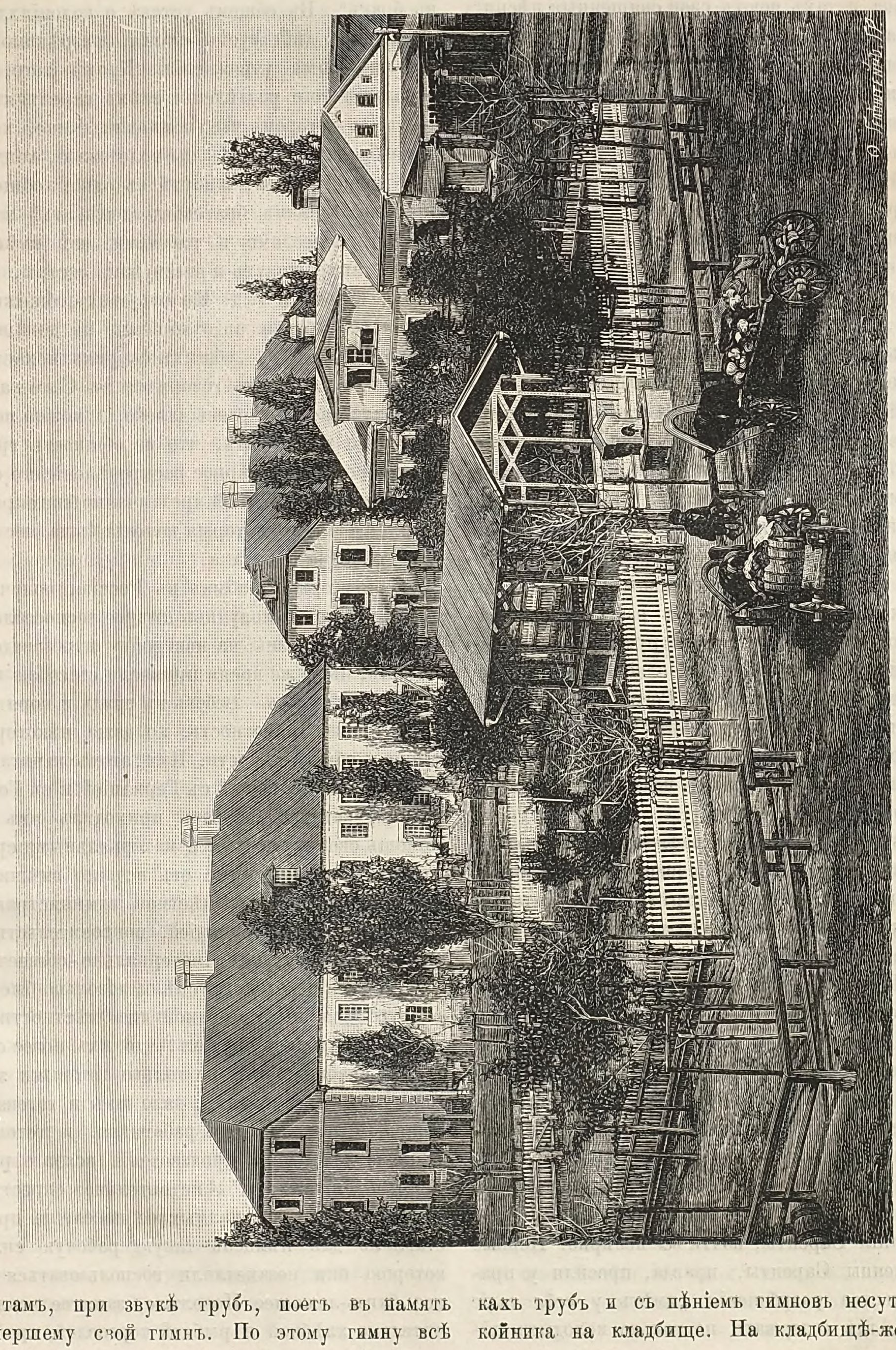

Сарептскія колонистянки.

„Для богослуженія у сарептскихъ гернгутеровъ назначено каждый день особое время; всѣ собираются въ церковь обыкновенно по три раза въ день и каждый разъ не долѣе, какъ на $^3/_4$ часа. Послѣднее (вечернее) богослуженіе всегда соединяется съ пѣніемъ тѣхъ стиховъ, которые относятся къ такъ-называемому дневному лозунгу, заимствованному изъ библейскаго текста. Лозунгамъ этимъ придаютъ такое важное значеніе, что выборка и назначеніе текстовъ для лозунга дѣлается обыкновенно на каждый годъ для всей общины центральнымъ церковнымъ или синодальнымъ собраніемъ“.

„Пѣніе и музыка вообще имѣютъ очень важное значеніе въ богослуженіи сарептянъ и въ домашней ихъ жизни. Всѣ важнѣйшія событія этой жизни—крестины, свадьбы, похороны—сопровождаются и освящаются музыкою. Каждый хоръ (или кружокъ общины) имѣетъ свои гимны на разные случаи. Существуетъ даже и такой обычай: какъ только умираетъ одинъ изъ

членовъ общины, тотъ хоръ, къ которому онъ принадлежалъ, всходитъ на городскую башню сарептяне и узнаютъ, къ какому хору принадлежалъ покойный. Хоронятъ также, при зву-

Общій видъ городской площади и домовъ въ Сарептѣ.

и тамъ, при звукѣ трубъ, поетъ въ память умершему свой гимнъ. По этому гимну всѣ кахъ трубъ и съ пѣніемъ гимновъ несутъ покойника на кладбище. На кладбищѣ-же, со-

вершается и главное торжество—празднованіе Пасхи, для чего всѣ хоры колоніи съ музыкой собираются въ ограду кладбища на восходѣ солнца и тамъ поютъ свои священныя пѣсни".

На первыхъ порахъ сарептскіе гернгутеры вздумали было заниматься миссіонерскою дѣятельностью въ нашемъ Поволжьѣ и занимались ею, кажется, даже не безъ успѣха между окрестнымъ калмыцкимъ населеніемъ степи; но въ 1823 году эти опыты были прекращены, „гернгутерамъ запрещено причислять калмыковъ къ своему обществу и первыя калмыцкія семьи, обращенныя въ христіанство сарептскими миссіонерами, причислены къ православной церкви".

Съ тѣхъ поръ Сарепта исключительно сосредоточилась на своей промышленной и торговой дѣятельности и достигла значительной степени благосостоянія. Степень этого благосостоянія, его значеніе и самое его происхожденіе много разъ служили для разныхъ сторонниковъ нѣмецкихъ колоній въ Россіи благодарнѣйшею тэмою для панегириковъ всякаго рода и для весьма сомнительныхъ ссылокъ на необходимость размноженія разсадниковъ нѣмецкой культуры въ средѣ русскаго кореннаго населенія. Безпристрастно относясь къ вопросу о нѣмецкихъ колоніяхъ въ Россіи, мы не могли, конечно, не разсмотрѣть этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, по отношенію къ Сарептѣ, и пришли къ заключенію, которымъ подѣлимся съ нашими читателями.

Въ извѣстномъ „Географическомъ словарѣ", составленномъ П. П. Семеновымъ, намъ чрезвычано странно было встрѣтить относительно внутренняго быта Сарепты такого рода заявленіе:

„Первоначальное общество (гернгутеровъ-колонистовъ Сарепты) жило нераздѣльно, имѣло о б щ і я м а с т е р с к і я и ф а б р и к и; каждый членъ долженъ былъ работать за извѣстную плату д л я в с ѣ х ъ. В с л ѣ д с т в і е т а к и х ъ у с л о в і й, Сарепта сдѣлалась одною изъ богатѣйшихъ и лучшихъ колоній"—и т. д.

Смѣемъ увѣрить почтеннаго составителя, что въ этомъ объясненіи условій нынѣшняго процвѣтанія Сарепты, почти все невѣрно. Первые поселенцы Сарепты, правда, просили у правительства разрѣшенія „имѣть у себя такіе домы, гдѣ содержать не только молодыхъ дѣтей, но и взрослыхъ, мужескаго и женскаго пола мѣщанъ, каждый полъ особо, въ общемъ домостроительствѣ, до времени вступленія ихъ въ бракъ". Въ общемъ уставѣ о колоніяхъ до сихъ поръ дѣйствуетъ статья, разрѣшающая имъ подобныя учрежденія. Кромѣ того, на основаніи того раздѣленія всѣхъ сарептянъ на хоры, о которомъ мы упоминали выше, холостые братья, вмѣстѣ съ молодежью, кончившею курсъ ученья, живутъ въ одномъ общемъ, такъ-называемомъ братскомъ домѣ, гдѣ занимаются ремеслами и работами всѣ вмѣстѣ; точно также живутъ и незамужнія сестры, вдовицы, вдовцы и т. д. Но отъ этихъ общежитій (важныхъ только въ отношеніи къ домашней экономіи) до тѣхъ „общихъ фабрикъ и мастерскихъ", о которыхъ говорится въ С л о в а р ѣ г. Семенова—еще очень далеко, и можно положительно утверждать, что не общность труда и не строго-равномѣрное распредѣленіе его обогатило сарептянъ, а тѣ чрезвычайно благопріятныя условія, въ которыя колонія была поставлена съ самаго начала.

Гернгутеры, прибывъ въ Россію, получивъ земли и льготы, получивъ щедрое воспособленіе отъ русской казны на постройку и обзаведеніе колоніи, въ то же время принесли съ собою громадный капиталъ—любовь къ труду и порядку, и не только грамотность, но даже нѣкоторую степень образованности. При этомъ капиталѣ, они не порвали связей съ Германіей и съ Гернгутомъ, который не разъ приходилъ имъ на помощь своими людьми и матерьяльными средствами. Освобожденные отъ всякаго внѣшняго давленія со стороны мѣстной администраціи, поддерживаемые Германіей, покровительствуемые правительствомъ, матерьяльно-обезпеченные, новые поселенцы успѣли довольно быстро осмотрѣться въ отведенной имъ мѣстности, и вскорѣ убѣдились въ томъ, что ихъ новое отечество снабдило ихъ не только готовыми землями, но, при земляхъ, дало имъ и готоваго, дешеваго, безропотнаго работника, и готовый рынокъ для сбыта произведеній всякаго рода промышленности. И дѣйствительно: окрестное степное, полудикое калмыцкое населеніе представляло для нѣмцевъ такую рабочую силу, которою они незамедлили воспользоваться а все близь-лежащее Поволжье, занятое исключительно хлѣбной и рыбной торговлей, крайне

нуждалось въ предметахъ существенно важныхъ для домашняго обихода и пренебрегало многими отраслями промышленности, которую очень нетрудно было поднять и развить въ Сарептѣ.

И вотъ, покинувъ всякія мечты о занятіяхъ земледѣліемъ, сарептяне исключительно обратились къ промышленности, и, пользуясь своимъ положеніемъ, не разъ мѣняли отрасли промышленности, оставляя менѣе выгодныя и переходя къ болѣе выгоднымъ.

„Въ началѣ завелись въ Сарептѣ мельницы мукомольныя и лѣсопильныя: тогда въ Сарпѣ было много воды; но потомъ, съ оскудѣніемъ ея, мельничное дѣло затихло. Сарепта славилась позднѣе (до 1823 г.) ткацкими фабриками, и въ связи съ ними распространилось въ саратовскихъ нѣмецкихъ колоніяхъ прядильное дѣло; сарептская бумага получила въ Россіи извѣстность и вывозъ ея усилился. Въ эту пору ткацкія фабрики въ Сарептѣ ввели въ производство новую матерію, извѣстную подъ названіемъ сарпянки или сарпинки; но когда ткацкія фабрики въ Россіи расширили свое производство и англійская бумага стала вытѣснять сарептскую, это дѣло ослабѣло въ Сарептѣ, а въ замѣнъ его распространилось красильное производство. Въ Сарептѣ, еще позже, заводились и суконныя фабрики; этотъ промыселъ прекратился въ свою очередь, какъ скоро условія производства оказались неблагопріятными для сарептянъ". Такимъ-же точно образомъ на время выдвинулось въ Сарептѣ на первый планъ табаководство. Табачная фабрика въ Сарептѣ была первою въ Саратовской губерніи и даже теперь еще имѣетъ нѣкоторое значеніе, точно также, какъ заводы свѣчной и мыльный. Но табаководство давно уже оставлено, какъ преобладающій промыселъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи трудно Сарептѣ выдерживать конкуренцію съ остальными мѣстностями Саратовской губерніи и сосѣднихъ губерній. Точно также оставлены по невыгодности и разведеніе виноградниковъ, и тутовыя плантаціи, и выдѣлка сахара изъ сорго, за которыя, въ разное время, принималась сарептская промышленность".

Изъ всѣхъ промысловъ, къ которымъ сарептяне когда-либо обращались и прилагали свой трудъ, одно горчичное производство удержалось до настоящаго времени во всемъ своемъ значеніи, обогатило многихъ членовъ колоніи и доставило милліонныя состоянія немногимъ счастливцамъ, успѣвшимъ во-время перейти въ этой отрасли отъ ручнаго труда къ фабричному и механическому. Основателемъ горчичной фабрикаціи въ Сарептѣ былъ нѣкто Конрадъ Нейцъ, съ 1801 года. Обработка горчичнаго зерна производилась у него сначала на ручной мельницѣ, а потомъ на мельницѣ, приводимой въ движеніе конною силою. Но до 1815 года производство было незначительно (около 1000 пудовъ въ годъ). За фабричную обработку горчицы принялись потомъ мѣстные богачи — Гличъ и Кноблохъ—примѣнили къ производству паровую силу и современныя механическія усовершенствованія, и съ 1852 года ежегодное производство горчицы въ Сарептѣ возрасло до 40 и 45,000 пудовъ. По мѣрѣ развитія этой отрасли фабричнаго производства въ Сарептѣ, колонисты стали постепенно оставлять посѣвы горчицы на произволъ окрестнаго крестьянскаго населенія, которое охотно принялось за эту отрасль сельскаго хозяйства, и, взявъ на себя самую тягостную сторону труда, въ тоже время поставило себя въ полнѣйшую зависимость отъ сарептскихъ капиталистовъ. Какую цѣну назначаютъ сарептяне за горчичное сѣмя, такую и вынужденъ брать мѣстный крестьянинъ, кругомъ опутанный сарептскими нѣмцами, которымъ отлично извѣстны и нужды мужика, и недостатки его, и неряшливое отношеніе къ своему экономическому быту. И вотъ, вслѣдствіе этого, цѣны на горчичное сѣмя подвергаются страшнымъ колебаніямъ, и въ урожайные годы такъ падаютъ, а въ неурожайные такъ поднимаются, что мѣстные крестьяне бываютъ не на шутку болѣе рады неурожаямъ, нежели Божьей благодати на свой горчичный посѣвъ.

Вообще говоря, въ настоящее время, Сарепта представляетъ собою, по отношенію къ весьма значительному району мѣстностей, колонію богатыхъ промышленниковъ-господъ, силою капитала и тѣсной заединщиной прибравшихъ къ рукамъ массу тружениковъ изъ сѣраго простого люда, который отъ этихъ господъ стоитъ въ полной зависимости и подчиненіи. Вслѣдствіе такого ненормально-благопріятнаго, исключительнаго положенія, въ самомъ строѣ сарептскаго общества произошли

весьма значительныя перемѣны и видоизмѣненія. О братскомъ равенствѣ, о трудѣ каждаго и для всѣхъ — давно уже нѣтъ и помина. Отношенія, внѣшнимъ образомъ, еще держатся на гернгутерской основѣ, но въ массѣ колонистовъ давно уже сказалась рознь и выступили на первый планъ богатыя и состоятельныя семьи, а на задній удалились небогатыя и обездоленныя, поддерживаемыя на счетъ общаго гернгутерскаго фонда. Мало того, молодежь сарептская, обучающаяся въ Германіи или въ разныхъ мѣстахъ Россіи, занятая дѣлами торговыми, возвращаясь въ Сарепту, уже скучаетъ однообразіемъ строго-опредѣленной жизни сарептянъ, и потому пріѣзжаетъ въ колонію лишь не надолго, и опять спѣшитъ окунуться въ болѣе привлекательный для нея круговоротъ русской городской жизни. Вообще говоря, мы думаемъ, что какъ ни устойчивы преданія сарептской колоніальной среды, какъ ни велико нынѣшнее благосостояніе этого нѣмецкаго уголка на нашемъ Поволжьѣ, — недалеко то время, когда окружающая Сарепту степь зальется волною отовсюду приливающаго къ ней русскаго промышленнаго люда, и не пройдетъ ста лѣтъ, какъ Сарепта обратится въ одинъ изъ весьма обыкновенныхъ штатныхъ или безъуѣздныхъ городковъ Саратовской губерніи. О нѣмецкомъ происхожденіи городка будутъ напоминать только его уютныя, правильно-выстроенныя и въ линію вытянутые домики, да кое-какіе обычаи и внѣшнія черты быта мѣстнаго населенія, которое, при всемъ своемъ нежеланіи и даже противодѣйствіи, въ концѣ концовъ, все же должно будетъ прійти къ необходимости обрусѣнія.

УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ПЕРВОМЪ ТОМѢ.

стр.

Абрамовъ Е. М.—дом. секретарь Державина . . . 19
Александръ Благословенный въ Грузинѣ 31
Аммосъ—протопопъ Софійск.-Новгородск. собора .
Антоній Римлянинъ въ Новгородѣ 153
Арабская серебряная монета 13
Аракчевъ Андрей Андреевичъ 25
Аракчеевъ Алексѣй Андреевичъ графъ 24 и сл.
Армяне астраханскіе. 347
Археологическое общество во Псковѣ 289
Астрахань (современная) 347 и слѣд.
Балангіаръ—городъ на мѣстѣ Астрахани. 354
Балычный промыселъ. 369
Баскунчакское озеро 379
Бауерова шахта—одинъ изъ соляныхъ источниковъ въ ст. Русѣ 94
Благовѣщеніе на Городищѣ—церковь XIV в. близь Новгорода 106
Болгары (Волжскіе) стр. 7
Большой запасъ (псковскій неводъ). 281
Брюловъ К.—художникъ въ Псковѣ 294
Бунтъ военныхъ поселянъ въ Ст. Русѣ . . . 92 и сл.
Бунтъ Псковскій 1650 года 285 и сл.
Букей—киргизскій султанъ 338
Бутурлинъ Василій—воевода 39
Бѣжецкъ . 187
Вавилонская пещь—см. Халдейская
Валаамскіе о—ва. стр. 10
Варвакисъ, грекъ—благотворитель Астрахани . . 363
Варваціевъ каналъ 363 и слѣд.
Варецкая или Варяжкая ул. въ Новгородѣ 103
Варяжское море стр. 10
Васильчиковъ, кн. Алекс. Илларіоновичъ . . 66 и сл.
Васька Буслаевъ—былина о немъ 148
Ватаги (рыболовн. артели на Ильменѣ) 70
Ватаги—рыбопромышленныя заведенія въ Астрах. губ. 368
Ватажники — члены рыболовной артели на Ильменѣ. 70
Ватаманъ — начальникъ рыболовной артели на Ильменѣ. 70
Великополье—имѣніе Сперанскаго. 52
Верхиты—Большія и Малыя—озера 162
Верховья Волги 162
Весьегонскъ 167
Ветлянская чума 324 и сл.
Видѣніе пономаря Прохора. 159
Владыка и его значеніе въ Новгородѣ . . . 111 и сл.
Военныя поселенія и ихъ исторіи 86 и сл.
Водяныя ворота—въ Новгородѣ. 99
Волга и Вазуза—народное сказаніе 166
Вѳлокъ. ст. 10, прим.

стр.

Волховскія пристани 14 и 15 стр.
Вышневолоцкія пристани 167
Вѣче—въ Новгородѣ 110
Газъ—докторъ, опредѣлявшій значеніе старорусскихъ водъ. 93
Ганнибалъ—арабъ Петра Великаго 297
Географическое положеніе Новгорода 97 и сл.
Глубина Ладожскаго озера стр. 10
Гребневская пристань 352
Голенищевъ Афиногенъ—дьякъ 40
Голюгинъ Василій стрѣлецкій голова 40
Городище (близъ Новгорода) 70
Городищане—жители Городища 106
Гостинопольская пристань стр. 11 и 16 л.
Готьскій дворъ въ новгородѣ 103
Грановитая палата въ Новгородѣ 137
Гридница на вѣчѣ въ Новгородѣ 103
Гридница владыки 99
Грузино—село и мыза 23—36
Грузинскіе памятники 32 и сл.
Давыдова, Софья Алексѣевна 318
Дворъ княжой на Городищѣ 106
Де-Лагарди 39 и сл.
Державина—Дарья Александровна 18 и сл.
Державинъ о 1812 году и ополченіи 51
Директорскій артезіанскій колодезъ въ Ст. Русѣ . 94
Доброхотной копейки Общество въ Твери 207
Долгорукая (княгиня) Наталья Борисовна 50
Долгорукіе (князья)—казненные въ Новгородѣ . . 49
Древность Старой Русы 84
Древняя деревянная церковь въ Торжкѣ 242
Дѣдовникъ стр. 96
Дѣтинецъ въ Новгородѣ 99
Евреи астраханскіе 346
Евреиновъ В. Д.—инженеръ ген. маіоръ 63
Екатерина II въ Новгородѣ 50 и сл.
Екатерина II въ Твери 192 и сл.
Еленевъ—учитель Новгородской Гимназіи 56
Женщина у киргизовъ 339
Жизнь Званская — стихотв. Державина 20, 21
Жильберъ-де-Ланноа—о Новгородѣ 107
Житный промыселъ гг. Сапожниковыхъ 377
Забойка . 366
Завеличье—часть Пскова 253
Завѣщаніе Д. А. Державиной 22
Замѣтки Аракчеева (автобіографическія) 35
Заруцкій въ Астрахани 356
Званка—усадьба Державина 18—23
Знаменскій женскій монастырь на мѣстѣ Званки Державина 23

стр.
Золотое Кружево 315
Ибнъ Хаукаль—арабскій писатель 353
Иванскіе купцы въ Новгородѣ 103
Изборскъ 259
Икряникъ 371
Икряной промыселъ 372
Ильмень—озеро стр. 10
Іоаннъ Грозный въ Новгородѣ 127 и сл.
Іоаннъ Предтеча на Опокахъ—церковь въ Новгородѣ 103
Іовъ, митрополитъ новгородскій 42
Іовъ—патріархъ всероссійскій 230
Іордань—истокъ Волги 163
Іосифъ, митрополитъ Астраханскій 360-362
Исторія Астрахани 353
Исторія кружевнаго промысла 307
Исторія города Твери (новѣйшая) 297 и сл.
Итиль—столица Хозарскаго царства 353
Казалатки 357
Калмыки 329 и сл.
Калмыкъ Ѳедоръ Ивановичъ (художникъ) 331
Каменный вѣкъ стр. 12, прим.
Карамзинъ въ Твери 194
Кантонисты 87
Кашинъ (городъ) 186
Кимры (село) 183
Киргизы 338 и сл.
Кихель—путешественниникъ—его отзывъ о Псковѣ 274
Клеевщики 373
Климатъ Астраханскаго края 323 и сл.
Контарини—венеціанскій посолъ въ Астрахани . . 354
Константиновъ Исакъ—125 лѣтній старецъ—Грузинскій житель 23
Корниловъ Владиміръ Алексѣевичъ—адмиралъ . . 201
Корсунскія врата въ Новгородѣ 131
Кончанскіе старосты въ Новгородѣ 107
Краткія правила для матерей-крестьянокъ Грузинской волости 29
Крестные ходы въ Псковѣ 291
Кружево и кружевницы 310 и сл.
Крыловъ (баснописецъ) въ Твери 194
Кулазы 373
Кумпанства торговыя 368
Купріяновъ И. К.—учитель Новгородской гимназіи 59
Курганы (на ю. отъ Онежскаго озера) стр. 12
Кутырь 371
Ладожскій каналъ и движеніе по немъ 18
Ледовое побоище 119
Лепехинъ академикъ о Царицынѣ 382
Липицкая битва 115–118
Лихуды братья 43
Ловать рѣка стр. 10
Любимовъ—учитель Новгородской гимназіи 56
Маленники—село тверской губ. 243
Мальцевъ Семенъ 355
Манкошевъ—директоръ Новгородской гимназіи . . 57
Маріинская система 177
Межтоки 162
Меньшиковъ А. Д.—какъ грузинскій баринъ . . . 23
Микѣшинъ М. О. художникъ 62
Митрополичь - островъ—часть Софійской стороны въ Новгородѣ 100
Михайловское сельцо Пушкина 292
Мочаги 318

стр.
Мстинскіе пороги 171
Муравьевскій артезіанскій колодезь въ Ст. Руссѣ 94
Мыза графини Орловой-Чесменской близь Юрьева монастырь 83
Надгробный памятникъ Державину 22
Населеніе 106
Неблагоустройство Астрахани 351
Нево—озеро стр. 10
Несторъ лѣтописецъ стр. 10
Низовье Волги 320 и сл.
Никитинъ, Аѳанасій—тверской купецъ . . . 230 и сл.
Никольско-Медвѣдск. мон. бл. устья Волхова . . 17
Новая Ладога и Петръ Великій 17, 18
Ново-Ладожск. пристань стр. 16
Новгородская гимназія—ея основаніе и исторія . 55
Новгородскій графа Аракчеева кадетскій корпусъ 59
Новгородскія древности 126 и сл.
Новгородское земство стр. 64–65.
Новгородское сказаніе о раѣ 144
Новгородская церковь 139 и сл.
Новгородъ и его волости 98
Новгородъ—топографія его 98
Новгородъ—раздѣленія на концы и стороны . . . 98
Нѣмецкій дворъ въ Новгородѣ 103
Обычаи калмыковъ 335
Овселугъ—озеро 162
Одоевскій Ив. Никит. (князь и бояринъ) 39
Озеровъ, Владиславъ Александровичъ 197
Околотокъ — часть Новгорода 99
Ольга—родина ея Псковъ 250
Ольденбургскій, принцъ—ген. губернаторъ Твери . 194
Онежское озеро 10
Ониполовцы въ Новгородѣ 102
Орлова-Чесменская—гр. Анна Алексѣевна . . 74 и сл.
Осада Пскова Баторіемъ 267 и сл.
Осташковъ (городъ) 182
Островокъ—часть Новгорода 99
Отто Н. К.—учитель новгородской гимназіи . . . 59
Павелъ—посадникъ новгородскій 16
Памятникъ 1812 года въ Новгородѣ 51
Памятникъ тысячелѣтія Россіи въ Новгородѣ . 62 и сл.
Паробки владычни въ Новгородѣ 110
Пароходство по Ильменю 69
Пено—озеро 162
Перекатный ловъ рыбы 367
Перерытица—рѣка 83
Персіяне астраханскіе 344
Петръ II,—встрѣча, устроенная ему въ Новгородѣ Ѳеофаномъ 48
Петръ Великій въ Астрахани 363
Петръ Великій въ Новгородѣ 41–42
Петръ Великій въ Царицынѣ 384
Пещное дѣйство—въ Новгородѣ 134
Печерскій монастырь въ Псковской губ. 253
Піотровскій, Станиславъ (его мнѣніе о Псковѣ) . 249
Повѣсть о бѣломъ клобукѣ 155
Повѣсть объ Іоаннѣ Новгородскомъ 151
Поганкины палаты 255
Погребеніе Державина 22
Подледный ловъ рыбы 367
Пожарное вольное общество въ Псковѣ 290
Полисть—притокъ Ильмени 83
Полувѣрцы 279
Понтъ Евксинскій 7

стр.
Порусье—рѣка 83
Посошковъ, И. Т.—новгородскій крестьянинъ . 43 и сл.
Правила о свадьбахъ, изданныя Аракчеевымъ для Грузина 27
Праздницкія гулянья въ Старой Русѣ 96
Прокоповичъ Ѳеофанъ 47 и сл.
Промышленность въ Тверской губ. 208 и сл.
Прусская улица въ Новгородѣ 100 и сл.
Псковская судная грамота. 273 и сл.
Псковскій пригородъ 258 и сл.
Псковское земство 296
Псковъ—планъ древняго города 250 и сл.
Псковъ—исторія его 263
Путь изъ Варягъ въ Греки 7
Пушкинъ А. С.—въ Михайловскомъ 300 и сл.
Пушкинъ въ Маленникахъ 243 и сл.
Пушкины—предки поэта 299
Пущинъ (декабристъ) въ Михайловскомъ у Пушкина. 302
Рачинскій—Сергѣй Алекс. и его школа. 247
Религія и богослуженіе калмыковъ 334
Ржевъ (городъ) 183
Ризница Софійскаго собора въ Новгородѣ 135
Ризница Юрьева монастыря близь Новгорода . 82 и сл.
Рочесальмъ—императорская яхта въ Грузинѣ . 31, прим.
Рыбій зубъ 13
Рыбники въ Новгородѣ. 102
Рыболовство бакенное и вольное. 366
Рѣзальщикъ 371
Садко—богатый гость; былина о немъ 146
Сайгакъ . 327
Святославъ Ростиславичъ—новгородскій князь . . 16
Селигеръ—озеро 16
Селижаровка—рѣка 163
Сигтунскія ворота въ св. Софіи 132
Синевà—болѣзнь. 323 и сл.
Сказаніе о явленіи Тихвинской иконы 154
Скиѳы . 7
Современный Новгородъ 38 и сл.
Современный Псковъ. 283
Снаряды и способы астраханскаго рыболовства. 366—67
Солевареніе въ Старой Руссѣ. 93
Соляные источники Старой Руссы 93
Соляные промыслы Астраханской губ. 379
Сомы на ватагахъ 375
Сословія древняго Новгорода. 107
Соснинская пристань на Волховѣ. 15
Софійская казна въ Новгородѣ. 112
Спасъ въ Нередицахъ 70
Сперанскій, Михаилъ Михайловичъ 51 и сл.
Сперанскій и Аракчеевъ 54 и сл.
Старая Ладога 11 и 16
Старая Русса—древнѣйшій пригородъ Новгорода . 83
Старинные обычаи и костюмы въ Старой Руссѣ . 95
Старица (городъ) 183
Старый источникъ—одинъ изъ соляныхъ источниковъ въ Старой Руссѣ 94
Страна Великихъ озеръ 10
Стенька Разинъ—въ Астрахани 359 и сл.

стр.
Степень вѣчевая 103
Софьяне—причтъ св. Софіи въ Новгородѣ 99
Стенька Разинъ въ Царицынѣ 382
Стерженскій крестъ 236
Стержъ—озеро 162
Столпы Геркулесовы. 7
Стягъ владычній—въ Новгородѣ 100
Суворовъ въ Новой Ладогѣ. 18
Судаковый кризисъ 352
Сыртъ—рыба. 15
Сѣни владычни—въ Новгородѣ 99
Талабское озеро 280
Талабчане 280 и сл.
Татары астраханскіе. 346
Тверь современная. 206
Тверское земство 213 и сл.
Тверской музей 234 и сл.
Торговля Астрахани 351
Торгъ—площадь въ Новгородѣ 102
Торжокъ (городъ) 186
Торжокъ—новгородскій пригородъ 238 и сл.
Тузлукъ . 370
Тургеневъ—царицынскій воевода. 383
Тихвинская система 174 и сл
Троицкій—учитель Новгор. семин. 56
«Тысячелѣтіе»—статья Н. И. Костомарова 64
Тюфяки (крѣпостныя ружья). 228
Уличанскіе старосты въ Новгородѣ. 107
Уткинъ, Ник. Ив.—граверъ 199
Учугъ—см. забойка
Фауна—Астраханск. края 327
Флора—Астраханск. края 326
Фотій—архимандритъ Юрьева монастыря. . 72 и сл.
Фотинія—одержимая бѣсомъ дѣвица 80 и сл.
Хазары . 7
Халдейская (см. Вавилонская) пещь 133
Ханская ставка 338
Худуки . 322
Царицынская труба—одинъ изъ соляныхъ источниковъ въ Старой Руссѣ 49
Царицынъ (городъ Астрах. губ.)
Церковь Николая Чудотворца (въ Новгородѣ) — надъ могилами Долгорукихъ 50
Чаганскій учугъ 375
Чудный крестъ въ Новгородѣ 138
Чудный крестъ въ Старой Руссѣ. 85
Чудо Знаменской иконы въ Новгородѣ 114—115
Чудесное озеро. 10
Шаровъ, Тимоѳей - казачій атаманъ 40
Шведское взятіе Новгорода 39 и сл.
Школа кружевницъ въ С.-Петербургѣ 316
Щелканъ Дудентьевичъ—былина о немъ . . . 221 и сл.
Элтонское озеро 380
Юліанія Вяземская 241
Юрьевскій монастырь близь Новгорода 70 и сл.
Якушкинъ, П. И.—о Старой Руссѣ 96
Ярославовы грамоты въ Новгородѣ 114
Ярославово Дворище въ Новгородѣ 102
Ястыкъ . 371

Съ I-го Іюля сего 1885 года

БЕЗСРОЧНЫМИ ВЫПУСКАМИ ПО ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА КАЖДЫЙ,
ВЪ ТОМЪ-ЖЕ ФОРМАТѢ И НА ТОЙ-ЖЕ БУМАГѢ,

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ

ВТОРОЙ ТОМЪ

ХУДОЖЕСТВЕННОЙ

РОССІИ

Какъ число листовъ этого тома, такъ и количество иллюстрацій, приготовленныхъ для помѣщенія въ немъ, будетъ точно такое-же, какъ и въ законченномъ нынѣ, первомъ томѣ.

Всѣмъ подписчикамъ «ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РОССІИ» своевременно будутъ разосланы подробныя программы втораго тома.

ЦѢНА ВТОРАГО ТОМА, для гг. подписчиковъ, останется та-же.

Будетъ допущена и подписка по разсрочкѣ.

СПИСОКЪ РИСУНКОВЪ.

стр.

1. Чертежъ озерной страны, иначе называемой страною Великихъ озеръ 8
2. Остатки каменнаго вѣка, находимые въ Озерной странѣ 9
3. Званка, усадьбы Державина 12
4. Дома прибрежныхъ селеній на Волховѣ во время розлива 13
5. Гавріилъ Романовичъ Державинъ 16
6. Могила Державина въ Хутынскомъ монастырѣ . 17
7. Общій видъ села Грузина, на Волховѣ . . . 21
8. Дворецъ гр. Аракчеева, въ с. Грузинѣ . . . 24
9. Графъ А. А. Аракчеевъ 25
10. Соборная церковь въ с. Грузинѣ 28
11. Памятникъ Императору Александру I, въ с. Грузинѣ, передъ соборомъ 29
12. Кабинетъ Аракчеева, въ с. Грузинѣ 33
13. Любимое мѣсто Императора Александра I, въ с. Грузинѣ 36
14. Грузинскіе часы, въ память кончины Императора Александра I. 40
15. Памятникъ Императору Александру I, въ Грузинѣ, отлитый изъ серебра 41
16. Общій видъ Новгорода (Торговая сторона) . 44
17. Общій видъ Новгорода (Софійская сторона) . 45
18. Ѳеофанъ Прокоповичъ, архіепископъ новгородскій 49
19. Общій планъ окрестностей Новгорода . . . 52
20. Общій планъ города Новгорода 53
21. Барка, на которой Екатерина II спускалась отъ Боровичъ до Новгорода 56
22. Графъ Михаилъ Михаиловичъ Сперанскій . 57
23. Соснинская пристань на Волховѣ 60
24. Автографы историческихъ дѣятелей 61
25. Князь А. И. Васильчиковъ 65
26. Вклады князей Долгорукихъ, въ ц. Николая Чудотворца въ Новгородѣ 68
27. Гробницы князей Долгорукихъ, казненныхъ въ Новгородѣ 69
28. Памятникъ 1812 года въ Новгородѣ 72
29. Памятникъ тысячелѣтія Россіи въ Новгородѣ. 73
30. Фотій, архимандритъ Юрьева монастыря . . 77
31. Графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская 81
32. Село Городище, близъ Новгорода 84
33. Юрьевъ монастырь, близъ Новгорода 85
34. Дача графини Орловой, около Юрьева монастыря 88
35. Общій видъ Старой Руссы 89
36. Другой общій видъ Старой Руссы 92
37. Соленое озеро и зданіе солено-минеральныхъ водъ 93
38. Старо-русскія минер. воды. Вокзалъ и садъ . 97
39. Старо-русскія минеральныя воды. Артезіанскій фонтанъ 100
40. Старо-русскія минеральныя воды. Солеваренный заводъ 101
41. Старо-русскія минеральныя воды. Градирни . 104
42. Старо-русскія минеральныя воды. Добыча соленой грязи 105
43. Крестный ходъ на Волховѣ, 1-го августа . . 108
44. Соборъ св. Софіи въ Новгородѣ (съ западной стороны) 109
45. Соборъ св. Софіи въ Новгородѣ. Общій видъ, съ площади 112
46. Корсунскія врата, въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ 113
47. Автографы Новгородскихъ владыкъ 116
48. Обнесеніе мощей св. Антонія около Антоніева монастыря, въ Новгородѣ 117
49. Вавилонская пещь 120
50. Грамота 1301 года 121
51. Корсунскіе кресты 124
52. Старинныя братины 125
53. Древнія финифтяныя блюдца 125
54. Грановитая палата Новгородскаго владычняго дома 129
55. Блюдце и лжица изъ агата 132
56. Древнія рипиды, крестъ св. Антонія и желѣзная лампада 133
57. Покровская церковь въ Новгородскомъ Дѣтинцѣ 136
58. Церковь св. Ѳеодора Стратилата 137
59. Видъ Новгорода, по Олеарію 140
60. Икона Новгородскаго семейства 141
61. Планъ Новгорода на Знаменской иконѣ . . 145
62. Побѣда Новгородцевъ надъ Суздальцами . . 149
63. Древняя крѣпость въ Старой Ладогѣ . . . 152
64. Крестъ Иванка Павловича 153
65. Древній окладъ Мстиславова Евангелія . . 156
65. Празднованіе тысячелѣтія Россіи 157
66. Общій видъ Вышняго Волочка 165
67. Общій видъ Твери. Затверечье 167
68. Общій видъ Твери. Милліонная улица . . 168
69. Старинный нарядъ тверитянокъ 173
70. Общій видъ Твери. Затмачье 176
71. М. Е. Салтыковъ 177
72. Дворецъ Е. И. Величества въ Твери . . . 181
73, 74. Два внутрен. вида Тверск. музея. . 183, 184
75. Каменный заводскій бейшлотъ въ Вышнемъ Волочкѣ 188
76. Каменный бейшлотъ на р. Цнѣ 189
77. Карта верховья Волги 193
78. Планъ Вышняго Волочка и его водяныхъ сооруженій 196
79. Тверецкій шлюзъ 197

стр.
80. Планъ тайниковъ въ Троицѣ Бѣлой, въ Твери . 200
81. Троица Бѣлая, въ Твери 201
82,83. Старинные рѣзные гребни 202
84. Коробочка XVII в. 204
85. Городъ Тверь. Затверечье (другая часть). . 205
86. Старинный портретъ ржевской красавицы . 209
87. В. А. Озеровъ 212
88. И. А. Крыловъ 213
89. Древній крестъ изъ Троицкой ц. въ Твери . 216
90. Старинный деревянный потиръ 217
91. Городъ Торжокъ (съ южн. стороны) 220
92. Городъ Торжокъ (съ сѣвер. стороны) . . . 221
93. Деревянная древняя церковь Вознесенія въ Торжкѣ 224
94. Старинная икона преподобнаго Нила Столбенскаго 225
95. Планъ города Твери 228
96. Городъ Тверь въ половинѣ XVIII вѣка . . 229
97. Автографы Тверскихъ дѣятелей 232
98. И. Е. Забѣлинъ 233
99. Адмиралъ В. А. Корниловъ 236
100. Женщины г. Осташкова, въ праздничномъ платьѣ 237
101. Крестьяне Новгородской и Тверской губ. . . 241
102. Городъ Кашинъ 244
103. Городъ Ржевъ 245
104. Городъ Псковъ. Дѣтинецъ и соборъ 252
105. Погостъ Выбута 253
106. Планъ города Пскова 256
107. Городъ Псковъ. Видъ на Запсковье 257
108. Мечи Довмонта и Всеволода 260
109. Икона св. кн. Всеволода Гавріила 261
110. Городъ Псковъ. Видъ на Запсковье 264
111. Городъ Псковъ. Спасо-Мирожскій монастырь. 265
стр.
112. Поганкины палаты 268
113. Икона Псково-Печерской Божьей Матери . 269
114. Полувѣрки (изъ окрестностей Пскова) . . . 273
115. Изборскъ 277
116. Пушкинъ (въ молодости) 280
117. Пушкинъ (въ зрѣломъ возрастѣ) 281
118. Дельвигъ 284
119. Языковъ 284
120. Сельцо Михайловское 285
121. Рисунокъ Пушкина (къ поэмѣ: «Домикъ въ Коломнѣ») 289
122. Страница изъ черновой тетради Пушкина . 293
123. Другой рисунокъ Пушкина 296
124. Почеркъ руки Пушкина 301
125. Святогорскій Успенскій монастырь 304
126. Могила Пушкина 305
127—133. Кружева Тверской губ. 308
134—141. Кружева Тверской губ. 309
142—148. Кружева Ярославской губерніи 313
149—152. Кружева Тульской и Рязанской губ. . 317
153. Карта Астраханскаго края 321
154. Способъ укладки кибитокъ на верблюдахъ . 324
155. Имущество богатаго калмыка, во время перекочевки 325
156. Хурулъ въ Хошоутовскомъ улусѣ 329
157 и 158. Калмычка въ праздничн. нарядѣ. . 332, 333
159. Калмыцкое духовенство 337
160. Бытовыя и хозяйственныя предметы внутри кибитки 340
161. Предметы убранства и богослужебные внутри кибитки 341
162. Разработка соли на Баскунчакскомъ озерѣ . 344
163. Киргизская невѣста, съ поѣздомъ приданаго 345
164 и 165. Два старинныхъ вида гор. Астрахани. 348
166. Суда на Волгѣ близь Астрахани 349

Оглавленіе

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Новгородъ и его пригороды.

I. Ильмень и Волховъ, въ связи съ Невою и Ладожскимъ озеромъ, какъ древнѣйшіе торговые пути внутри русской земли. — Важнѣйшія пристани на Волховѣ. — Старая и Новая Ладога. Современное значеніе ихъ, по отношенію къ воднымъ путямъ. — Судоходство по Волхову и занятія прибрежныхъ жителей. — Державинская «Званка» и Аракчеевское «Грузино».

II. Современный намъ Новгородъ. — Нынѣшній видъ и значеніе города. — Краткій очеркъ исторіи города за послѣднія двѣсти лѣтъ. — Важнѣйшія событія и лица. — Памятникъ тысячелѣтія. — Новгородское земство и князь Васильчиковъ.

III. Пароходство по Ильменю. — Озеро Ильмень и зимніе рыбные промыслы. — Ближайшіе къ Новгороду монастыри. — Юрьевъ монастырь. — Фотій и графиня Орлова. — Старая Русса и ея соляныя варницы. — Воспоминаніе о военныхъ поселеніяхъ. — Значеніе города, какъ центра лѣчебнаго.

IV. Древній Новгородъ и его внутреннее устройство. — Очеркъ исторіи Новгорода отъ древнихъ временъ и до XVII вѣка. — «Господинъ Великій Новгородъ»; его значеніе въ древне-русской жизни, его могущество и богатства. — Новгородскія древности. — Новгородскій музей.

V. Древнія новгородскія преданія и сказанія. — Садко-купецъ богатый гость. — Васька Буслаевъ. — Сказаніе архіепископа Василія о раѣ. — Повѣсть о путешествіи Іоанна Новгородскаго въ Іерусалимъ. — Повѣсть о пришествіи въ Новгородъ Антонія Римлянина. — Повѣсть о новгородскомъ бѣломъ клобукѣ. — Повѣсть о пришествіи въ Новгородскую область Тихвинской иконы. — Видѣніе пономаря Прохора.

ГЛАВА ВТОРАЯ. Тверь и верховья Волги.

I. Новгородскій и Тверской край, какъ средоточіе важнѣйшихъ видныхъ системъ. — Общій видъ поверхности въ краѣ. — Истоки Волги—Вазуза и Тверца. — Три системы каналовъ: Вышневолоцкая, Тихвинская и Маріинская.

II. Города Тверской губерніи. Городъ Тверь и новѣйшій періодъ его исторіи. — Выдающіяся историческія личности изъ тверскихъ уроженцевъ. — Мѣстная торговая, промышленная и заводская дѣятельность. — Заслуги тверскаго земства.

III. Краткій очеркъ древней исторіи Твери и Тверскаго княжества. — Тверь и Новгородъ. — Тверь и Москва. — Тверской музей и его древности.

IV. Городъ Торжокъ. — Его былое историческое значеніе. — Мѣстныя сказанія. — Остатки старины. — Сельцо Маленники и воспоминаніе о Пушкинѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Псковъ и древній рубежъ русской земли.

I. Старый и новый Псковъ. — Общее впечатлѣніе, производимое городомъ и его окрестностями. — Мѣстныя святыни. — Остатки старины. — Старые монастыри. — Запсковье и Завеличье.

II. Очеркъ исторіи Пскова. — Псковъ и Москва. — Паденіе Псковской независимости. — Осада Пскова и подвиги псковичей. — Очерки внутренней жизни Пскова.

III. Вліяніе исторіи на характеръ населенія. — Сравненіе псковича съ новгородцемъ. — Общая характеристика псковича. — Народная жизнь. — Полувѣрцы. — Мѣстные промыслы. — Рыболовы-талабчане.

IV. Современный Псковъ. — Различные элементы городскаго населенія. — Жизнь мѣстнаго городскаго населенія. — Праздники и крестные ходы. — Псковская интеллигенція и общественная жизнь. — Псковское земство.

V. Пушкинъ и Языковъ въ Псковской губерніи. — Михайловское и Тригорское въ письмахъ и воспоминаніяхъ Пушкина. — Значеніе Псковскаго уединенія въ поэтической дѣятельности Пушкина.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Производство кружевъ въ Россіи.

I. Исторія промысла.—Мѣстности, въ которыхъ развито производство.—Современное состояніе производства въ Тверской, Новгородской, Вологодской, Ярославской, Московской, Тульской и Рязанской губерніяхъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ. Астрахань, и Каспійское побережье.

I. Физико-географическій очеркъ Астраханскаго края. — Характеръ мѣстности. — Почва. — Орошеніе. — Климатъ и господствующія болѣзни. — Ветлянская чума. — Флора и фауна.

II. Населеніе Астраханскаго края.—Кочевники: калмыки и киргизы.—Осѣдлое населеніе: русскіе, армяне, персіяне, татары и евреи.

III. Незначительность уѣздныхъ городовъ края, въ сравненіи съ его слободами и селами. — Астрахань, какъ торговый центръ. — Внѣшній видъ города. — Строенія. — Городская нечистота. — Торговля Астрахани. — Ходъ рыбной торговли. — Участіе въ торговлѣ разныхъ національностей.

IV. Исторія города Астрахани—отъ древнѣйшихъ временъ и до новѣйшихъ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ и ОБМОЛВКИ.

На стр. 196, строка 1 сверху:

Напечатано: коммерческій уѣздный судъ.

Читай: колязинскій уѣздный судъ.

На стр. 199, говорится о «забытой могилѣ» В. А. Озерова; одинъ изъ тверскихъ старожиловъ пишетъ намъ по этому поводу:

«Въ с. Казанскомъ ненужно отыскивать могилу. В. А. Озерова; на его могилѣ имѣется памятникъ, въ видѣ саркофага. Село Борки-Казанское принадлежитъ внуку писателя, А. М. Безобразову».

На стр. 200 и 201 говорится объ одной изъ старинныхъ церквей Твери, извѣстной подъ названіемъ «Троицы Бѣлой» и вездѣ этой церкви, по ошибкѣ, придано названіе: Бѣлаго Спаса.

На стр. 206, строка 1 снизу:

Напечатано: «сажень на 25 надъ уровнемъ воды».

Читай: «аршинъ на 25 надъ уровнемъ воды».

Тамъ-же, строка 17 сверху:

Напечатано: «Милліонная улица пересѣкается московскимъ шоссе».

Намъ пишутъ:

«Милліонная улица не пересѣкается московскимъ шоссе, а шоссе идетъ по Милліонной улицѣ до поворота на мостъ».

На стр. 207, строка 27 снизу:

Напечатано: «Главный домъ и мастерскія...

Читай: главный докъ и мастерскія...

На стр. 209, строка 1 снизу:

Напечатано: «Въ г. Осташковѣ и Корчевскомъ уѣздѣ вырабатывается юфть и т. д.

Намъ пишутъ: «Юфть Осташковскаго завода Ѳедора Кондратьевича Савина, незнающая себѣ соперниковъ на всемірныхъ рынкахъ, заслуживала-бы болѣе подробнаго о ней отзыва; въ Корчевскомъ-же уѣздѣ, лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ, устроенъ заводъ Потапенко, на которомъ выдѣлывается гамбургскій товаръ; о выдѣлкѣ тамъ юфти мы не слыхали».

На стр. 210, строка 4 сверху:

Напечатано: «Кожевенное производство, какъ кустарное, развито въ губерніи, главнымъ образомъ въ весьегонскомъ уѣздѣ».

Читай: «Въ весьегонскомъ уѣздѣ, около Краснаго Холма».

На стр. 211, строка 12 сверху:

Напечатано: «въ вокзалахъ станцій Тверь и Осташково особые шкафы, гдѣ выставлены для продажи торжковскія издѣлія»...

Намъ пишутъ: «Особые шкафы, съ новоторжскими сафьянными, шитыми золотомъ, издѣліями, находятся на станціяхъ: Тверь и Спирово, но не Осташково».

На той-же страницѣ говорится о бумагопрядильномъ производствѣ. Одинъ тверичъ пишетъ намъ по этому поводу:

«Говоря о бумаго-прядильномъ производствѣ, слѣдовало-бы упомянуть о тверской мануфактурѣ Морозовыхъ, выдѣлывающей превосходные ситцы, кретоны и прочее».

На стр. 247, строка 10 снизу:

Напечатано: «Въ 80 верстахъ отъ Ржева, въ лѣсной глуши Бѣжецкаго уѣзда, лежитъ село Татево.

Намъ пишутъ: «Село Татево, въ которомъ находится извѣстная школа профессора С. А. Рачинскаго лежитъ дѣйствительно въ 80 верстахъ отъ г. Ржева, но уже не въ Тверской, а въ Смоленской губерніи».

На стр. 253, подъ картиною, и въ другихъ мѣстахъ, напечатано: Посадъ Выбута.

Читай вездѣ: Погостъ Выбута.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Просимъ гг. подписчиковъ вырѣзать изъ книги страницы 161—162 и 383—384, и вклеить на мѣсто ихъ приложенныя къ этому листу перепечатки тѣхъ-же страницъ.

Bayerische Staatsbibliothek München

15p

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Polevoj, Petr Nikolaevič

Chudožestvennaja Rossija Obščedostupnoe opisanie našego otečestva. P. N. Polevogo

Bd.: 1

S.-Peterburg 1884

4 Art. 937 b-1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11471559-7